„Русскій Архивъ“ будетъ издаваться въ 1896 году.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1895

9.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

1895.

Историческія статьи въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

Варшавскія. Куявы (продолженіе) № 29, 30, 31, 32, 33, 34.

Витебскія. Историческая справка. По поводу статьи Шугурова „Исторія Евреевъ", № 24, 25, 26, 27.

Самосожженіе въ XVII вѣкѣ. № 36.

Крестъ преподобной Евфросиньи, княжны Полоцкой. № 37.

Любопытный документъ для исторіи Русскаго книгопечатанія. № 50.

Родоначальники Романовыхъ. № 65.

Владимирскія. Пасха на Руси. № 15.

Изъ прошлаго города **Мурома** съ округой **Н. Добрынкина.** № 18, 25.

День св. Пятидисятницы на древней Москвѣ. № 23.

Муромскіе округа въ XVIII в. Н. Добрынкина. № 26, 32, 33.

400-лѣтіе коронаціи. № 27.

Древнерусскій церковный приходъ и его внутренняя жизнь. № 28.

Матеріалы къ исторіи гор. Меленокъ. № 31.

Гродненскія. Пережитки древняго міросозерцанія у Бѣлоруссовъ. А. Богдановича. № 31, 32, 34, 37, 39, 42, 43, 45.

Пятидесятилѣтіе православной епископской каѳедры въ г. Вильнѣ. № 35.

Лжемученикъ Іосафатъ Кунцевичъ. № 65.

Екатеринославскія. Воспоминанія Француженки о Николаѣ Первомъ. № 182.

Иркутскія. Лѣтопись г. Иркутска, 1837—1844. № 23, 24, 25, 26, 27.

Курляндскія. Къ столѣтію Курляндской губерніи. Переписка о Евреяхъ. № 30.

Письмо и. Павла къ Ламсдорфу. № 33.

Личный составъ Курляндскаго губ. управленія за 1795—1895 г. № 34.

Русскій историкъ С. М. Соловьевъ. № 43.

Договоръ Шведскаго короля короля Эрика XVI съ Иваномъ Васильевичемъ. № 58.

Письмо Екатерины II-й къ графу Броуну. № 61.

Разсказы о Скобелевѣ № 66.

Нижегородскія. Пасхальный Благовѣстъ. № 16, 17.

Юрьевъ день. № 18, 19, 22, 23.

Петръ Великій въ Нижнемъ. № 20, 21.

Архимандритъ **Петръ Каменскій** (пастырь Пекинской церкви). Анатолія Можаровскаго. № 20, 21.

Приходъ села Ивановскаго, Васильевскаго уѣзда. Анатолія Можаровскаго. № 23, 25.

О преосвященномъ Моисеѣ, епископѣ Нижегородскомъ (1811—1825). Г. Полисадова. № 27, 38, 29, 30.

Русское купеческое судостроеніе. № 27, 28, 29, 33.

Староберезовскій Мордовокрещенскій приходъ Сергіевскаго уѣзда. Ан. Можаровскаго. № 29, 31.

Лѣтопись села Пустыни, Арзамазскаго у. І. Ильинскаго. № 30, 32, 34.

Олонецкія. Еще объ Ему или Ями. Александра Олонецкаго. № 27.

Самарскія Древности въ Самарскомъ Публичномъ Музеѣ. № 28.

Любопытный документъ для исторіи Русскаго книгопечатанія. № 51.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1895.

3.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ въ концѣ третьей книгѣ, общій для всего годоваго изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Да здравствуютъ Музы,
Да здравствуетъ разумъ.
Пушкинъ.

1895.

КНИГА ТРЕТІЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1895.

ПОѢЗДКА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ ВЪ ЭСТЛЯНДСКУЮ ГУБЕРНІЮ.

1746.

Царь жила была дѣвица,
Шепчетъ Русска старина...

Въ старинной книжкѣ нѣкоего Эце (Jetze): Statistische, politische und galante Anekdoten von Schweden, Lief-und Russland, вышедшей въ Лигницѣ въ 1788 (малая 8-ка, 104 стр.), находится разсказъ о поѣздкѣ императрицы Елисаветы Петровны въ Ревель и въ Эстляндскую губернію, написанный очевидцемъ и потому довольно цѣнный. Францъ Христофъ Эце, человѣкъ положительный, былъ профессоромъ математики и физики въ Лигницкой дворянской академіи. Онъ состоялъ въ близкихъ сношеніяхъ съ кофишенкомъ императрицы Елисаветы Петровны Сиверсомъ и могъ знать про многое; онъ чуждъ зложелательства, которымъ заразились Нѣмцы по низверженіи Бирона и Анны Леопольдовны. Скудость нашихъ свѣдѣній о третьей самодержицѣ XVIII вѣка нѣсколько пополняется разсказомъ профессора Эце.

Поѣздка въ Ревель предпринята была въ исходѣ пятаго года по воцареніи Елисаветы Петровны, когда она пользовалась еще отличнымъ здоровьемъ и въ дѣлахъ правленія проявляла тѣ свойства, за которыя такъ ее любили и впослѣдствіи звали даже *мудрою*. Относительно Швеціи, у которой Петръ Великій въ 1711 году отвоевалъ этотъ чудесный берегъ Финскаго залива и Балтійскаго моря, Россія могла быть въ то время покойна: на тамошнемъ престолѣ сидѣлъ ставленникъ нашъ, бывшій опекунъ великаго князя Петра Ѳеодоровича, родной дядя его супруги Екатерины Алексѣевны, Адольфъ Фридрихъ, и хотя его женили на сестрѣ Фридриха II-го, но онъ находился въ зависимости отъ Россіи. Не то было относительно Пруссіи. Ея захватчивый король уже

проявлялъ жажду земельныхъ пріобрѣтеній, и въ Прибалтійскомъ краю много набралось не только поклонниковъ его ума и правительственной мудрости, но и опасныхъ для насъ его приверженцевъ. Про эту опасность хорошо зналъ тогдашній главный дѣятель нашего правительства, зоркій и дѣятельный государственный канцлеръ графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, самъ женатый на Нѣмкѣ и черезъ то запасшійся соглядатаями въ сѣверной Германіи, близко ему знакомой. Именно къ 1746 году относится состоявшійся по мысли графа Бестужева союзъ нашъ съ Австріей, и заключенный въ Ревелѣ трактатъ съ пріѣхавшимъ туда изъ Вѣны посломъ Маріи Терезіи, барономъ Претлахомъ, легъ въ основу нашей политики на цѣлыхъ 16 лѣтъ сряду. Лично Елисаветѣ Петровнѣ захотѣлось еще разъ взглянуть на пріобрѣтенія отца своего, ближе узнать новыхъ подданныхъ Россіи, посмотрѣть на обычаи и порядки, столь отличные отъ остальныхъ Русскихъ губерній. Женщина была она умная и живая, свято хранившая завѣты отца своего, который такъ любилъ этотъ край, что подъ Ревелемъ построилъ себѣ сначала малый, потомъ (1718) другой богатый по тому времени дворецъ и насадилъ вокругъ нихъ, на самомъ берегу моря, въ живописной мѣстности, прекрасную рощу почти на ста десятинахъ, которая и до сихъ поръ служитъ отрадою Ревелю и его лѣтнимъ посѣтителямъ. Еще въ дѣтствѣ Елисавета наслышалась о Ревелѣ и Екатериненталѣ, а потомъ и живала тамъ со своими родителями.

Мѣстные Нѣмцы понимали, какъ важно было для нихъ заручиться благорасположеніемъ новой Государыни, которой воцареніе было торжествомъ Русскихъ людей надъ иноземцами. Такъ какъ графа Бестужева провести было нелегко, то дворянство тамошнее, для сохраненія своихъ привилегій, весьма растяжимыхъ и столь же удобно сжимаемыхъ *твердою* Русскою властію, постарались какъ можно лучше подѣйствовать на самоё Государыню, зная, что она подъ часъ тяготилась опекою своего великаго канцлера. Пріемъ Елисаветѣ Петровнѣ устроенъ былъ блестящій. Приготовленія не были особенно затруднительны, такъ какъ Государыня любила ѣздить по-русски, съ прохвалою, и на каждой станціи либо кушала, либо по долгу почивала.

Молодой въ то время Эце увидалъ Елисавету Петровну верстъ за сто отъ Ревеля по Нарвской дорогѣ, въ Пöдрусѣ, гдѣ приготовленъ былъ для нея обѣденный столъ. Пöдрусъ уподобился лагерю: такое множество было тамъ экипажей, царскихъ поваровъ, пекарей и народу всякаго званія. Дворянство поставило 80 лошадей, 10 бочекъ пива, двѣ бочки водки, и по особой запискѣ муки, яицъ, куръ, масла, быковъ,

барановъ и пр. Государыня съ великимъ княземъ и его супругою прибыла въ Пöдрусъ въ полдень. Никакой стражи не замѣчалось, и всѣмъ вольно было подходить ближе: она сама такъ приказала. Эце восхищенъ ея красотою и благоволительностью. Ее высадилъ изъ экипажа оберъ-гофмаршалъ Шепелевъ; она было оступилась, но тотчасъ оправилась и бодро пошла къ почтовому дому, у дверей котораго ее встрѣтилъ православный священникъ. Она поцѣловала ему руку и приняла отъ него благословеніе, а за тѣмъ и великокняжеская чета Пробывъ нѣсколько минутъ въ почтовой комнатѣ, Елисавета Петровна вышла погулять на разстилавшемся передъ домомъ зеленомъ лугу, веселая и безъ всякой принужденности. Погода стояла прекрасная, какая бываетъ въ этомъ краю въ Іюлѣ мѣсяцѣ, когда близостью моря умѣряемая жара гонитъ изъ земли чудную изумрудную зелень. Государыня, въ легкомъ платьѣ, поговорила что-то съ графомъ Разумовскимъ (тогда уже ея тайнымъ супругомъ), и онъ повелъ ее подъ руку на близъ лежавшее возвышеніе. Эце очутился въ десяти шагахъ отъ державной красавицы. Вѣтеръ взвѣвалъ ея шелковую черную юбку, такъ что виднѣлась сорочка тончайшаго полотна. Не уставай, сказала она порусски графу Разумовскому, и тотчасъ очутилась вмѣстѣ съ нимъ на холму, окруженная толпою зрителей обоего пола. Остальной нарядъ ея состоялъ изъ какого-то бѣлаго салопа съ рукавами и прекраснаго головнаго убора, все по тогдашней модѣ. Великая княгиня долго не показывалась. Въ своихъ Запискахъ, писанныхъ слишкомъ сорокъ лѣтъ позднѣе, она съ неудовольствіемъ разсказываетъ объ этомъ Ревельскомъ путешествіи, въ теченіи котораго ей приходилось оставаться въ четырехмѣстной коляскѣ (въ ней ѣхали она съ мужемъ, ея дядя, несносный принцъ Августъ, и гофмейстерина Чоглокова) и спать отъ нечего дѣлать; на почтовыхъ дворахъ ей негдѣ было расположиться, и однажды она должна была одѣваться въ кухнѣ подлѣ печки, гдѣ пеклись хлѣбы; почтовые дома были слишкомъ малы, и великій князь съ супругою располагались въ приспѣшныхъ, либо въ палаткахъ на болотистой почвѣ. Безпорядокъ былъ страшный, такъ какъ не знали впередъ, гдѣ Государыня будетъ отдыхать и кушать. Екатерина страдала тогда грудью и въ Ревелѣ стала харкать кровью, отъ чего ей пускали кровь изъ руки, и немудрено, что это путешествіе оставило ей непріятныя воспоминанія. Не таково было ея пребываніе въ Ревелѣ въ 1764 году, когда она была уже царицею. Про Петра Ѳедоровича Эце разсказываетъ, что онъ обращалъ на себя общее вниманіе въ Пöдрусѣ. Средняго роста, съ продолговатымъ, рябоватымъ, но свѣжимъ лицомъ, онъ затѣялъ тутъ же, у почтоваго двора, съ камеръ-юнкеромъ императрицы, барономъ Сиверсомъ, Русскую игру рублемъ. Воткнули палку въ землю, и

рубль доставался тому, кто ближе къ палкѣ добросить его. Въ игрѣ участвовалъ еще кто-то, и про него говорили, что онъ тайный соперникъ (heimlicher Antagonist) великаго князя [1]). Сиверсъ попадалъ все дальше палки, великій князь тоже перебрасывалъ, и три раза сряду рубли доставались третьему игроку. Онъ хотѣлъ продолжать игру, такъ какъ по правиламъ игры первымъ бросаетъ тотъ, кто выигралъ; но великій князь, сказавъ: «Довольно, ты уже взялъ съ меня на водку три рубля», задумался и отошелъ одинъ въ сторону. За тѣмъ, Ея Величество, по Русскому обычаю, приказала поднести каждому изъ приглашенныхъ къ ея столу по чарочкѣ водки, и начался обѣдъ. Тѣмъ времени Эце осматривалъ царскую поклажу и другія диковинки. Въ каретѣ царицы лежала какая-то книга. Онъ полюбопытствовалъ, и кучеръ вѣжливо позволилъ ему взять книгу въ руки. Это было напечатанное въ Утрехтѣ въ осьмушку, съ хорошими гравюрами, сочиненіе: «Знаменитые Французы» (Les illustres Français).

Послѣ обѣда и кратковременнаго отдыха, царскій поѣздъ двинулся далѣе къ слѣдующей почтовой станціи Лоопу (Loop), помѣстью барона Тизенгаузена, который самолично встрѣчалъ Государыню, удостоился поцѣловать ей руку и кушалъ за кавалерскимъ столомъ. Въ Лоопѣ Императрица обласкала овдовѣвшую графиню Стенбокъ, поцѣловала ее, пригласила къ столу и обѣщалась заѣхать къ ней въ близъ лежащее помѣстье ея. Она исполнила обѣщаніе, и оттуда направилась къ Ревелю.

Погода продолжала стоять прекрасная, и въ Четвергъ, во второмъ часу утра, Елисавета Петровна прибыла наконецъ въ Екатериненталь, подъ самый Ревель. Все путешествіе продолжалось слишкомъ десять дней (нынѣ доѣзжаютъ туда изъ Петербурга съ небольшимъ въ десячь часовъ). На встрѣчу ей выѣхали верхами Черноголовые, т. е. дружина молодыхъ купцовъ и прикащиковъ, въ голубыхъ кафтанахъ, палевыхъ курткахъ и черныхъ съ перьями шляпахъ; они привѣтствовали ее и сопровождали до Екатериненталя [2]), гдѣ стали въ шеренгу и послѣ троекратныхъ выстрѣловъ направились назадъ въ городъ, откуда явились также къ пріему высокихъ гостей члены магистрата и большой гильдіи. На другой день представлялось съѣхавшееся въ Ревель Эстлянд-

---

[1]) Слѣдовательно, слухи о неладахъ между молодыми супругами распространились уже на второй годъ ихъ брака.

[2]) Ѣдучи изъ Петербурга по Нарвской дорогѣ сначала пріѣзжали въ Екатериненталь, который составляетъ нынѣ какъ бы предмѣстье возвышающагося за нимъ Ревеля.

ское рыцарство, и ландратъ Стакельбергъ-фонъ-Мейнгофъ произнесъ краткія, хорошо сочиненныя рѣчи, которыми особо привѣтствовалъ Императрицу, великаго князя и великую княгиню. Этотъ ученый и благоразумный свѣтскій человѣкъ пользовался отличнымъ почетомъ, а равно и его супруга, которую Императрица обняла и поцѣловала. При этомъ случаѣ бывшій совѣтникъ правленія Бреверинъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а проживавшій у себя въ имѣніи камергеръ Цёге вызванъ ко двору.

13-го Іюля ст. стиля Елисавета Петровна, въ нарядѣ Амазонки, поѣхала верхомъ въ городъ, въ сопровожденіи великаго князя и великой княгини. Съ валовъ крѣпости раздавались пушечные выстрѣлы. Чтобы заманить любопытство зрителей, она показывалась то впереди, то въ серединѣ, то позади окружавшей ея толпы всадниковъ. Придворные отличались необыкновеннымъ великолѣпіемъ, и между ними особенно выдавалось богатыми уборами Эстляндское дворянство, большая часть котораго была тутъ на лицо. Не показывались или уѣхали домой только тѣ, кому приходилось задолжать для покрытія расхода на свой нарядъ и обстановку. Жены и дочери дворянства, считавшія себя въ правѣ явиться ко двору и передъ лицемъ Монархини, конечно накошеляли долговъ; простые горожанки, пожалуй, брали надъ ними верхъ, потому что Императрица (дочь простолюдинки) нарочно приказывала ихъ почаще приглашать и осыпала ихъ ласками. Иному дворянину пришлось издержать свыше того, что онъ думалъ; но благоразуміе требовало прилаживаться къ случаю (sich in die Zeit zu schicken).

Красота Ревеля весьма полюбилась Елисаветѣ Петровнѣ. Она говорила, что у отца ея не дуренъ былъ вкусъ, и что онъ часто расхваливалъ Ревель и Екатериненталь. Вспомнимъ, что и Николай Павловичъ отзывался про Ревель: мой сѣверный Неаполь.

Рижскій совѣтъ и Ливонское рыцарство также готовились къ пріему милостивой своей обладательницы. Ландраты Рижскіе просили вѣстей у капитана Эстляндскихъ рыцарей, Нирода; тотъ обращался къ великому канцлеру Бестужеву и получилъ въ отвѣтъ: «Намѣренія Ея Величества вѣдомы лишь ей самой». Все было приготовлено для поѣздки въ Ригу, но Елисавета не поѣхала дальше Ревеля. По словамъ Екатерины путешествіе въ Ригу не состоялось вслѣдствіе письма, полученнаго отъ какого-то полоумнаго Лифляндскаго пастора, который предупреждалъ объ опасности, будто бы грозившей на этомъ пути.

17-го Іюля ст. стиля 1746 г., флотъ изъ 32-хъ военныхъ судовъ, проплылъ мимо Ревеля, привѣтствуемый надлежащими выстрѣлами, и направился въ Рогервикъ [1]), куда 18-го числа прослѣдовала Ея Величество со дворомъ и знатнѣйшими лицами изъ дворянства. Но представить морское сраженіе оказалось тамъ невозможно, за недостаткомъ способнаго вѣтра. Поэтому вицеадмиралъ Кеннеди, командовавшій замѣчательнымъ военнымъ судномъ въ 120 пушекъ, построеннымъ при императрицѣ Аннѣ и носившемъ названіе «Великая Анна», получилъ приказаніе плыть назадъ въ Ревельскую пристань. Государыня возвратилась 20-го числа въ сумерки въ Екатериненталь и 22-го дала тамъ балъ, на которомъ дозволено быть рыцарскому сословію обоего пола. По словамъ Екатерины комнаты Екатеринентальскаго дворца, гдѣ помѣстилась Елисавета Петровна, были малы, и въ немъ было тѣсно. Въ большой пріемной залѣ съ утра до ночи, а иногда и за полночь, происходила карточная игра. Тѣснота возмѣщалась палатками, а ужинъ былъ данъ на террасѣ, вокругъ фонтана; но только что появилась Императрица, какъ полилъ дождь. Можно думать, что нынѣшній великолѣпный Екатеринентальскій дворецъ еще не былъ отдѣланъ [2]) тогда вполнѣ и отличался отъ находящагося неподалеку въ той же рощѣ стараго царскаго дома лишь бо́льшими размѣрами. Екатерина, слишкомъ черезъ сорокъ лѣтъ вспоминая тогдашнее свое пребываніе въ томъ краю, недовольна также тѣмъ, что трудно было ходить отъ крупнаго хряща, который не только кололъ ноги, но портилъ даже

---

[1]) Нынѣшній Балтійскій Портъ.

[2]) Екатеринентальскій дворецъ построенъ на склонѣ приморскаго возвышенія, такъ что со стороны обращенной къ городу онъ въ три яруса, а съ противоположной только въ два. На высотѣ двухъ ярусовъ виднѣются, въ стѣнѣ къ морю, тѣ кирпичи, которые положены самимъ Петромъ Великимъ; а при дворцѣ сохраняется четыреугольный камень съ изящно-сдѣланными вверху государственнымъ гербомъ, а внизу изображеніемъ якоря, обвитаго двумя дельфинами. Въ серединѣ надпись: Petrus Primus Dei gratia Rossiae imperator ædificare sibi domum jussit hoc loco, quod est Revaliæ. Anno 1718 Julii. Arch. N. M. MS, т. е. Петръ Первый, Божіею милостью императоръ Россіи, приказалъ построить себѣ домъ въ этомъ мѣстѣ, т. е. въ Ревелѣ 1718 года Іюля. Архит. Н. М. MS. Въ томъ же 1718 году, князь Менжиковъ поставилъ превосходный иконостасъ въ соборной Ревельской церкви, въ память рожденія отъ Екатерины царевича Петра Петровича, о чемъ доселѣ гласитъ надпись на иконостасѣ. Тогда же возникла мысль и о коронаціи бывшей подруги кн. Меншикова: на одной иконѣ собора изображена великомученица Екатерина, черты лица которой напоминаютъ будущую императрицу; надъ нею ангелы, и у того изъ нихъ, который держитъ вѣнокъ, лицо самаго Петра Великаго. Припомнимъ, что 26 Іюня этого 1718 года замученъ царевичъ Алексѣй Петровичъ. П. Б.

деревянную обувь простолюдиновъ. Слишкомъ четыре мѣсяца потомъ у Екатерины болѣли ноги.

Въ тотъ же день, 22 Іюля, пополудни, съ великимъ княземъ и великою княгинею, Елисавета Петровна поднялась на приморскую гору Лаксбергъ и оттуда смотрѣла на упражненія флота, представившаго ея высокому вниманію морское сраженіе. Я, говоритъ Эце, все время, отъ начала до конца, находился тоже на горѣ. Пушечные выстрѣлы раздавались словно бой барабана, и вскорѣ дымомъ и паромъ закутались корабли, такъ что ихъ не было видно, и они означались только вылетавшимъ изъ нихъ огнемъ. Эхо страшно вторило пушечному грому, а вѣтромъ мало по малу разгоняло тучи дыма.

23-го явились къ Императрицѣ конная дружина Черноголовыхъ, все наличное дворянство и выборные отъ города. Всѣ были допущены къ цалованію руки, и начался выѣздъ, по прежней дорогѣ въ Петербургъ, при двукратномъ пушечномъ выстрѣлѣ съ валовъ и со флота и при колокольномъ звонѣ со всѣхъ городскихъ церквей. Государынѣ хотѣлось подольше воспользоваться хорошею погодою во дворцѣ и его прекрасномъ саду; но отъѣздъ ея былъ ускоренъ прибытіемъ курьеровъ изъ Петербурга по важнымъ дѣламъ и посольствомъ пріѣхавшаго изъ Вѣны барона Претлаха, первая аудіенція котораго происходила въ Рогервикѣ. «Милость и благоволеніе этой доброй повелительницы привлекли къ ней сердца: никого не оставляла она безъ ласковаго поклона. Но дворъ ея на всѣхъ станціяхъ требовалъ множества лошадей, между тѣмъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ передъ жатвою наступило время зимняго посѣва. Это было единственнымъ обремененіемъ для сельскихъ жителей; за поставку же съѣстныхъ припасовъ на всѣхъ остановкахъ платились деньги».

Однажды Государыня отдыхала въ полдень въ палаткѣ, которую для нея разбили въ Екатеринентальскомъ саду. Прибывшіе Голландскіе корабельщики, въ своеобразномъ нарядѣ своемъ, стали требовать, чтобы ихъ допустили къ прекрасной дочери друга ихъ Питера и хотѣли войти въ палатку. Имъ сказали, что туда никто не смѣетъ входить, даже лица, украшенныя орденскими лентами. Такую ленту можно купить въ Голландіи за гульденъ, возразили они. Черезъ нѣсколько времени Императрица показалась изъ палатки, и Голландцы были къ ней допущены. Они выразили радость свою, и Государыня протянула имъ руку для поцѣлуя, взяла бокалъ и выпила за здоровье ихъ и Голландскихъ штатовъ. Они громко благодарили и сказали, что дадутъ о томъ знать

въ Голландію. Тогда каждому изъ нихъ поднесено по бокалу; каждый выпилъ за здоровье Государыни, которая ушла къ себѣ въ палатку, а Голландцы съ восторженными возгласами направились въ городъ и на свои корабли.

Въ то время—заканчиваетъ Эце свой разсказъ—коренные Русскіе ненавидѣли Нѣмцевъ. Похвальные отзывы добродушной Императрицы становились поперекъ горла высокомѣрнымъ Русскимъ ея спутникамъ, что̀ обнаружилось образомъ дѣйствій новаго совѣтника мѣстнаго управленія Мелессино (вѣроятно это былъ Иванъ Ивановичъ, впослѣдствіи кураторъ основаннаго Елисаветою Петровной Московскаго университета). Эце увѣряетъ, что Елисавета Петровна проѣзжала по этой странѣ безъ стражи, которая на каждомъ шагу сопровождала ее въ Русскихъ губерніяхъ. Какъ это ты, матушка, ѣздишь здѣсь безъ прикрытія? спросилъ ее нѣкто. «Отецъ мой, отвѣчала она, могъ здѣсь положить каждому на колѣна свою голову. Я также».

Немудрено, что внѣшній порядокъ былъ образцовый: каждый помѣщикъ былъ полицмейстеромъ, да еще какимъ! Съ постоянными висилицами, которыхъ слѣды исчезли лишь въ наши дни. Назначеніе въ Ревель инородца Мелиссино (какъ потомъ назначеніе Ирландца-католика графа Броуна генералъ-губернаторомъ въ Ригѣ) уже было шагомъ къ сокращенію власти Ревельскаго дворянства и къ измѣненію того быта, при которомъ большинство тамошняго населенія, «лежавшее въ пыли, лобзало рыцарскую шпору». П. Б.

ЗАПИСКА В. А. ЖУКОВСКАГО О Н. И. ТУРГЕНЕВѢ.

Первая половина этой достопамятной записки сохранялась въ своеручномъ подлинникѣ, вторая въ современномъ спискѣ. Она — подвигъ дружбы и гражданскаго мужества. П. Б.

Тургеневъ осужденъ за то, что «*былъ* членомъ тайнаго общества что *участвовалъ* въ учрежденіи, возстановленіи, въ распространеніи онаго принятіемъ членовъ, въ умыслѣ ввести въ Россію республиканское правленіе и, наконецъ, за то, «что, удаляясь за границу, по призыву правительства къ оправданію, *не явился*, чѣмъ и подтвердилъ сдѣланныя на него показанія».

Для осужденія нужны несомнѣнныя доказательства вины. Для несомнѣннаго доказательства нужны факты (faits), подтвержденные ясными, согласными показаніями свидѣтелей и собственнымъ признаніемъ виновнаго. И показанія свидѣтелей, и собственное признаніе только подтверждаютъ факты, но замѣнить ихъ они не могутъ. Безъ фактовъ ни показанія свидѣтелей, ни собственное признаніе не удовлетворительны, и осужденіе на нихъ однихъ утверждено быть не можетъ.

Тургеневъ осужденъ по однимъ только показаніямъ свидѣтелей, вообще несогласныхъ между собою. Фактовъ, его обвиняющихъ, нѣтъ. Собственнаго же признанія его быть не могло, ибо онъ осужденъ въ отсутствіи. Напротивъ, въ своемъ объясненіи, присланномъ еще до суда, онъ опровергалъ всѣ показанія, въ то время ему извѣстныя. Но его объясненіе не было принято. И такъ главнаго, на чемъ бы по закону могло быть основано и утверждено обвиненіе Тургенева, то есть, фактовъ, нѣтъ. Слѣдственно его обвиненіе никакого твердаго основанія имѣть не можетъ; почему равномѣрно и осужденіе его не можетъ быть законнымъ.

Что́ видно изъ показаній имъ самимъ подтвержденныхъ и что́ остается доказаннымъ?

То, что Тургеневъ *принадлежалъ* къ тайному обществу. Если онъ принадлежалъ къ тайному обществу, то изъ сего слѣдуетъ, что онъ былъ и на *совѣщаніяхъ*, что могъ быть *президентомъ* общества и могъ

принимать членовъ. Все это не дѣлаетъ его виновнымъ, если то общество, къ коему онъ принадлежалъ, не имѣло въ себѣ ничего преступнаго, если въ уставѣ сего общества была означена одна общеполезная цѣль, согласная съ общимъ порядкомъ.

Къ какому обществу принадлежалъ Тургеневъ?

Къ обществу, которое называло себя *Союзомъ Благоденствія* и коего цѣль, всѣмъ членамъ вообще извѣстная, была изложена въ уставѣ его, называвшемся *Зеленою Книгою.* Уставъ сей, служащій фактомъ достаточнымъ для обвиненія, извѣстенъ. Въ немъ нѣтъ ничего преступнаго. Тургеневъ не былъ учредителемъ сего общества; онъ вступилъ въ общество уже учрежденное. Но если бы онъ и былъ учредителемъ сего, а не другаго общества, съ его *извѣстной цѣлію,* то и въ этомъ еще не было бы никакого преступленія. Въ это же общество Тургеневъ принялъ одного члена Митькова. Это столь же мало преступно, какъ и самое участіе въ обществѣ. Принятіе другаго члена Миклашевскаго ничѣмъ не доказано; а третій Толстой далъ свидѣтельство, что никогда не былъ принятъ Тургеневымъ.

И такъ изъ всѣхъ показаній на Тургенева и изъ собственнаго его признанія *несомнѣнно явствуетъ* только то, что онъ былъ членомъ тайнаго общества, не имѣвшаго, по своему уставу, никакой преступной цѣли; что онъ былъ членомъ въ такое время, когда въ Россіи тайныя общества еще не были запрещены правительствомъ; наконецъ, что онъ былъ членомъ тогда, когда сіе общество, и по самому донесенію Слѣдственной Коммисіи, не имѣло никакой преступной дѣятельности, оказавшейся въ немъ со вступленія въ него Рылѣева, а Рылѣевъ вступилъ не въ первое, а уже въ возобновленное общество. Первое же было уничтожено самимъ Тургеневымъ, и ничѣмъ не доказано, былъ ли онъ установителемъ втораго.

И такъ Тургеневъ еще не преступникъ потому, что онъ былъ членомъ тайнаго общеста. Онъ будетъ преступникомъ только тогда, когда будетъ доказано *фактами,* что онъ зналъ тайную, особенную цѣль общества и, зная оную, участвовалъ въ замыслахъ тѣхъ, коимъ съ самаго начала сего общества сія тайная, преступная цѣль была извѣстна. Фактовъ, доказывающихъ, что Тургеневъ зналъ сію цѣль, не находится. Тургеневъ утверждаетъ, что онъ не зналъ и не могъ знать сей цѣли. Остаются одни показанія свидѣтелей.

Показанія свидѣтелей, утверждающихъ, что Тургеневъ зналъ преступную цѣль общества, достаточны ли для его обвиненія?

Судъ призналъ *важными, хотя для обвиненія недостаточными*, только два показанія: Пестеля и Рылѣева. Но показаніе Пестеля, приводящаго одну только фразу, сказанную Тургеневымъ безъ яснаго означенія, по какому случаю сказана была сія фраза, подтверждается *двумя*, не подтверждается *тремя* и отвергается *четвертымъ*. Если противъ невинности говорятъ *три*, а въ пользу невинности *четыре*, на чью сторону должно перейти безпристрастное правосудіе? Показаніе же Рылѣева опровергается обстоятельствами или фактомъ. Рылѣевъ говоритъ, показывая на Тургенева, о такомъ засѣданіи общества, въ коемъ находился Торсонъ. Торсонъ принятъ въ общество въ 1825-мъ году (смотри донесеніе Слѣдственной Коммиссіи), а Тургеневъ оставилъ Россію въ началѣ 1824-го. Если бы взяли сію справку, то она уничтожила бы неосновательное показаніе Рылѣева. Между тѣмъ на сихъ двухъ показаніяхъ, изъ коихъ первое слишкомъ сомнительно, а послѣднее явно ложно, основано обвиненіе и утвержденъ приговоръ Тургенева, тогда какъ судьи, видя ихъ ничтожность, должны бы были только убѣдиться, что, для обвиненія въ преступленіи уголовномъ, нельзя основываться на словахъ людей, кои не могутъ помнить, что̀ и съ кѣмъ говорили они за нѣсколько лѣтъ, что для этого нужны факты и что, если нѣтъ фактовъ, надлежитъ, по крайней мѣрѣ, остаться въ сомнѣніи на счетъ обвиняемаго, когда дѣло идетъ о чести и жизни.

Но Тургеневъ удалился за границу и требуемый къ суду не явился. Подтверждаетъ ли это обвиненіе и достаточно ли для произнесенія приговора?

Во первыхъ, Тургеневъ не удалился за границу, какъ будто укрываясь отъ правосудія. За два года до кончины покойнаго Императора былъ онъ по болѣзни принужденъ покинуть Россію. Нѣсколько разъ прежде того просилъ онъ отпуска и все былъ удерживаемъ Государемъ Императоромъ, который, наконецъ, увидя необходимость отпустить его, благоволилъ дать ему при отпускѣ чинъ и деньги на дорогу. И неоднократно потомъ Его Величество изъявлялъ желаніе, чтобы Тургеневъ скорѣе возвратился. Значитъ ли это бѣжать за границу отъ наказанія? Напротивъ, если бы Тургеневъ имѣлъ приписываемые ему замыслы, онъ не помыслилъ бы удалиться, а счелъ бы необходимымъ остаться, дабы содѣйствовать успѣху сихъ замысловъ.—*Во вторыхъ*, Тургеневъ не явился. Это есть дѣйствительная вина; но вина совершенно отдѣльная отъ того, въ чемъ онъ былъ обвиненъ и за что̀ произнесли надъ нимъ приговоръ. Неявка къ суду не есть еще замышленіе противъ жизни Государя и противъ установленнаго порядка.

Излагаю историческія обстоятельства. Тургеневъ находился въ Парижѣ, когда случилось происшествіе 14 Декабря. Но онъ былъ тогда уже на отъѣздѣ въ Англію, и отъѣздъ сей не былъ слѣдствіемъ извѣстія, полученнаго изъ Россіи, а давно принятое намѣреніе, чему служитъ доказательствомъ и то, что онъ за долго передъ тѣмъ въ Карлсбадѣ распрашивалъ Блудова [1]) о жизни въ Англіи и сообщилъ ему намѣреніе туда ѣхать; и я самъ не за долго передъ тѣмъ послалъ ему отъ генерала Вильсона [2]) рекомендательныя письма въ Шотландію. О чемъ говорили письма, полученныя изъ Россіи? О возмущеніи нѣсколькихъ солдатъ, по случаю присяги Государю Императору. Въ этомъ извѣстіи не было еще ничего относительнаго къ тому тайному обществу, въ коемъ находился Тургеневъ. Онъ уѣхалъ въ Англію, не зная еще подробностей происшествія. Въ Англіи по слухамъ дошло до него извѣстіе объ открывшемся заговорѣ, объ участіи въ семъ заговорѣ членовъ его общества и, наконецъ, о томъ, что и его имя стоитъ въ спискѣ заговорщиковъ. Старшій братъ его [3]), съ нимъ находившійся въ Лондонѣ, немедленно отправился въ Парижъ, а оттуда въ Петербургъ, дабы узнать обстоятельства сего дѣла. Пріѣхавъ въ Петербургъ, услышалъ онъ, что всѣ обвиняютъ брата его въ соучастіи въ заговорѣ противъ правительства. Тогда только въ первый разъ узналъ онъ о существованіи тайнаго общества и о томъ, что братъ его былъ онаго членомъ. Зная болѣзнь брата и въ совершенномъ невѣдѣніи на счетъ того, какъ и до какой степени принадлежалъ онъ къ обществу, онъ умолялъ брата своего въ письмахъ не ѣздить въ Петербургъ, ибо страшился за его жизнь, будучи увѣренъ, что поѣздка совершенно уничтожитъ его разстроенное здоровье; но въ тоже время онъ требовалъ, чтобы онъ прислалъ отъ себя объясненіе на счетъ участія своего въ тайномъ обществѣ [4]). Тургеневъ, въ то время еще неприглашенный отъ правительства явиться, написалъ на память, что́ зналъ и не могъ ничего написать полнаго, ибо еще не могъ знать подробностей,

---

[1]) Д. Н. Блудовъ въ 1818 г. служилъ совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ. П. Б.

[2]) Съ генераломъ Вильсономъ Жуковскій познакомился въ 1812 году, при главной квартирѣ нашихъ войскъ, въ походной типографіи которой печатался „Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ“. П. Б.

[3]) Александръ Ивановичъ, служившій прежде правителемъ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода князя А. Н. Голицына и по его паденіи въ 1824 году вышедшій въ отставку. П. Б.

[4]) Кажется, что слѣдующее мѣсто въ книгѣ Тургенева: „La Russie et les Russes“ (Paris, 1847, I, 101) относится къ Жуковскому. Князь С. П. Трубецкой, по словамъ Н. И. Тургенева, предлагалъ, въ исходѣ 1819 года, вступить членомъ въ Союзъ Благоденствія одному поэту; но тотъ отказался. „Я же, прибавляетъ Тургеневъ, не счелъ себя обязаннымъ послѣдовать примѣру поэта, моего друга“. Имени Жуковскаго Тургеневъ не назвалъ, печатая свою книгу въ 1847 году, т. е. еще при жизни поэта. П. Б.

не имѣя въ рукахъ Донесенія Слѣдственной Коммиссіи, которое тогда еще не было обнародовано, и не воображая никакъ того, что́ было для него до тѣхъ поръ тайною. Если онъ говорилъ въ своемъ объясненіи о тайномъ обществѣ, въ коемъ участвовалъ, *слегка*: то говорилъ объ немъ то, что̀ *тогда* думалъ и чего не могъ бы говорить, когда бы зналъ всѣ подробности и имѣлъ въ рукахъ Донесеніе Слѣдственной Коммиссіи. Но сія же самая *легкость* объясненія служитъ доказательствомъ въ его пользу: могъ ли бы онъ говорить такимъ языкомъ, когда бы внутренно убѣжденъ былъ въ важности того, о чемъ говорилъ и что́ тогда уже должно было быть извѣстнымъ правительству? Безъ всякаго сомнѣнія, онъ употребилъ бы другой языкъ, если бы зналъ себя виновнымъ и зналъ всю обширность преступленія, въ коемъ полагали его участникомъ. Это объясненіе, на кое судъ не обратилъ вниманія, было уже послано, когда пришелъ къ Тургеневу князь Горчаковъ *) съ требованіемъ, чтобы онъ явился къ суду и съ изъявленіемъ, что его немедленно огласятъ государственнымъ преступникомъ, если онъ откажется явиться. Повторяю, Тургеневъ виноватъ, что не явился; но смѣю прибавить: онъ въ этомъ случаѣ виноватъ болѣе противъ себя, нежели противъ правительства. Вина его противъ правительства состоитъ въ ослушаніи. Сіе ослушаніе можетъ быть изъяснено недовѣрчивостію къ судьямъ и мыслію, что предубѣжденіе, на счетъ его существующее, могло быть ему гибельно, не смотря на его невинность.

Не оправдывая сего ослушанія, замѣчу, что убѣжденія брата не ѣздить могли и должны были произвести въ немъ нерѣшимость, а изъявленіе именемъ правительства, что онъ, если откажется явиться, будетъ немедленно (слѣдственно безъ суда) оглашенъ государственнымъ преступникомъ, должно было необходимо усилить его недовѣрчивость. Однимъ словомъ, изъ неявки Тургенева явствуетъ одно только то, что онъ ослушался правительства. На счетъ же преступленія, въ коемъ онъ былъ обвиненъ, изъ сей неявки равно можно заключить, что онъ побоялся суда, или потому, что виноватъ, или потому что, будучи невиненъ, не вѣрилъ безпристрастію судей. И то и другое равно вѣроятно, слѣдственно равно сомнительно; слѣдственно изъ сей неявки нельзя извлечь никакого рѣшительнаго убѣжденія для произнесенія приговора.

---

*) Этою поѣздкою князь А. М. Горчаковъ (впослѣдствіи государственный канцлеръ), ѣздившій для того изъ Лондона въ Эдинбургъ, гдѣ тогда находился Н. И. Тургеневъ, впервые обратилъ на себя вниманіе высшаго начальства. П. Б.

Но въ приговорѣ стоитъ: *Тургеневъ къ оправданію не явился, чѣмъ и подтвердилъ сдѣланныя на него показанія.* Это значитъ другими словами, *Тургеневъ не явился, слѣдственно онъ виновенъ въ замыслахъ противъ правительства и жизни Государя.* И такъ то, чтó онъ сказалъ въ свою пользу, было не только отвергнуто, но даже не принято, а его отсутствіе принято было за подтвержденіе. Но когда же неявка можетъ быть доказательствомъ? Присутствіе обвиненнаго можетъ быть даже ненужно для произнесенія надъ нимъ приговора, если противъ него убѣдительно свидѣтельствуютъ факты. Если же фактовъ нѣтъ, если существуютъ одни только показанія, и если въ сихъ показаніяхъ есть еще противорѣчіе или несогласіе: то неявка можетъ только возбудить одно сомнѣніе, то есть воспрепятствовать произнести и pro и contra; но положительнаго она ничего не представляетъ. Напротивъ, неявка Тургенева вся ко вреду его, и ею, повторяю, виноватъ онъ противъ себя еще болѣе, нежели противъ правительства. Во всемъ, чтó противъ него показано на допросахъ, гораздо болѣе матеріаловъ для его оправданія, нежели для его осужденія. На очной ставкѣ съ обвинителями онъ уничтожилъ бы ихъ неосновательныя показанія.

И такъ своею неявкою онъ положилъ только препятствіе суду оправдать его, но не далъ никакого новаго повода къ обвиненію; ибо неявка не можетъ дать его, будучи одинакимъ препятствіемъ, какъ для обвиненія, такъ и для оправданія. Теперь вопросъ: неявка сама по себѣ есть ли вина? Чтó такое вина? То чтó законъ предварительно призналъ виною и чему онъ предварительно опредѣлилъ наказаніе. Но неявка въ дѣлахъ уголовныхъ подлежитъ ли у насъ наказанію? Нѣтъ! Слѣдовательно, законъ, не опредѣливъ наказанія за неявку, не призналъ ея предварительно виною. Слѣдовательно неявка не есть сама по себѣ вина. Какъ же можетъ она подтверждать обвиненіе въ преступленіи уголовномъ? Когда судятъ человѣка, обвиняемаго въ преступленіи уголовномъ, когда нѣтъ фактовъ, убѣждающихъ въ его виновности, когда нѣтъ согласія въ дѣлаемыхъ на него показаніяхъ, когда нѣтъ его присутствія для собственнаго признанія въ винѣ или для опроверженія обвиненія: тогда надлежитъ обратить вниманіе на все чтó можетъ служить, какъ для его оправданія, такъ и для его осужденія. Цѣль безпристрастнаго суда есть не обвиненіе и не оправданіе, а одна *правда*, правда или карающая, или освобождающая обвиненнаго, чистая, ясная, никакому сомнѣнію не подлежащая правда. Отысканіе вины и отысканіе невинности равно должны быть для суда святы, ибо и въ томъ

и въ другомъ равно можетъ заключаться правда. Почему же не принято было судомъ объясненіе Тургенева? Оно не написано ни на чье лице и не по формѣ, но оно писано самимъ обвиненнымъ и могло бы служить документомъ pro или contra. Если бы это объясненіе было опровергнуто и найдено неосновательнымъ, оно послужило бы для обвиненія; если бы, напротивъ, найдено было основательнымъ, то послужило бы къ оправданію; и въ томъ и въ другомъ случаѣ послужило бы къ отысканію главнаго, то есть *правды*. Отвергнувъ его, судъ лишилъ себя возможности произнести рѣшительно; ибо онъ не обратилъ вниманія на то, что́ сказалъ обвиненный въ свою пользу. Если онъ призналъ сіе объясненіе маловажнымъ и не стоющимъ вниманія потому только, что обвиненный ослушался явиться, то поступилъ несправедливо и не имѣлъ права на такой поступокъ, ибо неявка не имѣла ничего общаго съ судимою виною: она давала право суду признать неявившагося только отсутственнымъ и ослушнымъ, но не заговорщикомъ и цареубійцею. Напротивъ, обязанность суда—принимать въ пользу обвиненнаго все что́ ни встрѣтится, гдѣ, какъ и подъ какою формою оно ни встрѣтится. Если судъ могъ уважить несогласныя и одно другому противорѣчащія показанія свидѣтелей (признанныя *недостаточными къ обвиненію* самими судьями), то по тому же правилу былъ онъ обязанъ уважить и объясненіе самого обвиненнаго, не смотря на его отсутствіе; скажу болѣе, потому именно, что онъ былъ въ отсутствіи: ибо, если неявка съ одной стороны обременяла обвиненнаго новою виною (виною, не имѣющею ничего общаго съ тѣмъ, за что́ его судили), то съ другой стороны она же сдѣлала его и болѣе беззащитнымъ и слѣдственно налагала на судъ, нѣкоторымъ образомъ, обязанность заступить его мѣсто, удвоить осторожность и дѣйствовать столько же въ пользу отсутствующаго, сколько и противъ него, ибо онъ самъ не могъ за себя дѣйствовать *). Такимъ, такимъ только образомъ дѣйствія возможно было суду достигнуть главной, единственной цѣли своей: *отысканія правды.*

Общее слѣдствіе.

Доказано, что Тургеневъ былъ членомъ Общества Благоденствія, въ уставѣ коего нѣтъ никакой явной преступной цѣли.

---

*) Живучи въ Парижѣ въ 1827 году, Жуковскій ходилъ слушать судебныя пренія и разбирательства, имѣя при этомъ, вѣроятно, въ виду судьбу Н. И. Тургенева и готовясь составить печатаемую здѣсь записку о невинности его въ политическихъ преступленіяхъ. П. Б.

Не доказано, чтобы тайная и преступная цѣль Общества Благоденствія, извѣстная многимъ изъ членовъ, была извѣстна и Тургеневу, ибо:

1-е. *Фактовъ*, обвиняющихъ Тургенева въ знаніи сей преступной цѣли, не находится.

2-е. Изъ двухъ *показаній* на Тургенева, единственно признанныхъ отъ судей важными, хотя къ уваженію недостаточными, одно отвергается самими показателями, а другое, по самимъ обстоятельствамъ, явно ложное.

3-е. Тургеневъ не только ни въ чемъ *не признался*, но *отвергнулъ* всякое участіе съ своей стороны въ замыслахъ преступныхъ; онъ судимъ былъ въ отсутствіи, и его объясненіе не было принято.

4-е. *Неявка* Тургенева, принятая за подтвержденіе показаній и за доказательство преступленія, не можетъ быть ни подтвержденіемъ показаній, кои сами по себѣ ничтожны, ни доказательствомъ преступленія, существованіе коего ни на какихъ фактахъ не основано.

Слѣдственно Тургеневъ не можетъ быть осужденъ какъ преступникъ, замышлявшій цареубійство и ниспроверженіе установленнаго въ Россіи порядка.

*

Все сказанное выше основано единственно *на разсмотрѣніи приговора*, произнесеннаго надъ Тургеневымъ и причинъ, побудившихъ судей произнести оный. Изъ сего разсмотрѣнія остается яснымъ только то, что Тургеневъ ни въ какую изъ означенныхъ судомъ категорій не входитъ и что нельзя рѣшить, былъ ли онъ участникомъ въ преступныхъ замыслахъ людей, съ коими въ одномъ обществѣ находился. Слѣдуетъ вопросъ:

Могъ ли Тургеневъ быть когда нибудь участникомъ въ подобныхъ замыслахъ?

Всякой, кто знаетъ его, рѣшительно скажетъ: не могъ! Тургеневъ, это правда, всегда имѣлъ образъ мыслей свободный, но никогда не любилъ необузданности, ибо всегда выше всего уважалъ законъ. Можетъ быть, въ первой молодости, возвратясь изъ чужихъ краевъ въ Россію, по окончаніи наукъ въ Геттингенѣ, и еще мало знакомый съ тѣмъ, что̀ можетъ быть полезно и нужно его отечеству, онъ былъ, какъ молодой, неопытный человѣкъ, привязанъ къ общимъ идеямъ свободы; могъ быть привязанъ къ нимъ съ энтузіазмомъ, и этотъ эн-

тузіазмъ могъ ослѣпить его разсудокъ; но никакой энтузіазмъ не могъ ослѣпить его сердца и изъ нравственнаго человѣка, который до тѣхъ поръ слѣдовалъ строгимъ правиламъ, сдѣлать низкаго предателя, способнаго одною рукою принимать благодѣянія, а другою заносить ножъ на своего благотворителя. Это подтвердятъ со мною всѣ, которые знаютъ Тургенева лично и которымъ извѣстна прошедшая жизнь его, вся посвященная строгому исполненію долга. Повторяю, *по характеру* своему Тургеневъ не могъ участвовать ни въ какихъ замыслахъ преступныхъ, не могъ дать согласія своего ни на какое убійство. Но и самый *образъ мыслей* его былъ въ совершенной противуположности съ сими замыслами. По своему *образу мыслей* онъ не могъ желать введенія республики или конституціоннаго правленія въ Россіи; ибо это было бы въ противорѣчіи съ главнымъ его желаніемъ, которое направляло всѣ его дѣйствія, съ желаніемъ, чтобы въ Россіи уничтожено было рабство помѣщичьихъ крестьянъ. Онъ утверждалъ, что свободу крестьянамъ въ Россіи можетъ приготовить и даровать одна только *самодержавная власть*; онъ страстно желалъ этой свободы, слѣдовательно не могъ желать того, что̀ се, по его убѣжденію, сдѣлало бы невозможною, то есть уничтоженія самодержавной власти; слѣдовательно не могъ и принимать участія въ замыслахъ, коихъ преступною цѣлію было уничтоженіе самодержавія и съ нимъ измѣненіе существующаго порядка въ Россіи.

По характеру своему онъ ни на что̀ преступное не способенъ: ни мыслію, ни дѣломъ. Этому, повторяю, служитъ свидѣтельствомъ цѣлая жизнь его. Пускай укажутъ хотя на одинъ поступокъ, въ которомъ было бы что нибудь уклоняющееся отъ правилъ строжайшей нравственности Пускай взглянутъ на его службу. Кто съ большею совѣстностію работалъ? Кто болѣе собою жертвовалъ долгу? И не призналъ ли этого, наконецъ, самъ покойный Государь, который при отъѣздѣ Тургенева по болѣзни за границу осыпалъ его благодѣяніями и нѣсколько разъ говорилъ Карамзину, что желаетъ его возвращенія, дабы сверхъ другихъ дѣлъ возложить на него и нѣкоторыя части по законодательству, а покойному Государю былъ извѣстенъ вообще образъ мыслей Тургенева. Онъ принялъ съ благосклонностію его прожектъ объ освобожденіи крестьянъ, преставленный ему графомъ Милорадовичемъ. Другія же мысли Тургенева почиталъ онъ свободными и совѣтовалъ ему милостиво отъ нихъ отказаться. Но въ чемъ же состояли сіи свободныя мысли? Всѣ болѣе или менѣе относились къ главной, то есть къ освобожденію крестьянъ. Но о республикѣ въ Россіи и объ измѣненіи въ ней существующаго порядка онъ не думалъ и не могъ думать.

О многомъ, что̀ дѣлалось въ Россіи и въ Европѣ, изъявлялъ онъ свое мнѣніе, но не такъ какъ замыслитель республики, а какъ и всѣ другіе *).

Что же произвело на счетъ Тургенева особенное предубѣжденіе? Почему ему особенно приписывалась необузданность мнѣній? Почему онъ могъ прослыть Якобинцемъ? Именно таже мысль о необходимости освобожденія крестьянъ, которую онъ выражалъ всегда съ совершенной независимостію. Мысль сія имѣетъ слишкомъ много противниковъ въ Россіи, ибо она оскорбляетъ общій интересъ и потому именно должна казаться враждебною и возмутительною. Не разсматривая сей мысли въ ней самой, замѣчу только одно, что она сама по себѣ далека отъ мысли о измѣненіи порядка и заговора противъ жизни Государя; но что весьма легко смѣшать съ понятіемъ о свободѣ крестьянъ понятіе о любви къ необузданности, о республикѣ и назвать Якобинцемъ того, кто говоритъ, что людей продавать не должно. Тургеневъ же велъ жизнь одинокую, занимался только должностію; въ обществѣ знали его немногіе, слѣдственно знали только по слухамъ, по пересказамъ другихъ, изъ коихъ одни увеличивали или искажали то, что́ онъ могъ говорить; а другіе, будучи вообще оскорбляемы тѣмъ, что́ онъ говорилъ, изъясняли слова его по своему. Все это утвердило въ обществѣ ложное объ немъ понятіе. Онъ слылъ Якобинцемъ, тогда какъ всѣ его правила и дѣйствія были совершенно противуположны якобинству. Сіи же слухи могли дать о немъ и ложное понятіе Государю; но Государь зналъ его и по службѣ, которой уже ничто не могло исказить предъ нимъ, ибо на сіе онъ имѣлъ ясные факты, и онъ отличилъ человѣка, извѣстнаго ему по однимъ слухамъ, отъ того, коего зналъ на дѣлѣ: онъ отдалъ Тургеневу справедливость, осыпалъ его благодѣяніями, имѣлъ довѣренность къ его характеру и изъявилъ желаніе дать ему болѣе обширную дѣятельность по службѣ.

Сія исключительная, страстная привязанность Тургенева къ одной идеѣ весьма естественно объясняетъ, почему онъ, не смотря на здравый умъ свой, на характеръ твердый и на дѣльныя свои занятія и никогда не бывъ вѣтренымъ энтузіастомъ, могъ вступить въ общество молодыхъ людей, которое самъ почиталъ малозначущимъ, отъ коего не могъ ожидать никакой существенной пользы и никакого успѣха

---

*) Извѣстно, какъ свободно всѣ тогда говорили въ обществѣ на счетъ правительства. *Примѣчаніе В. А. Жуковскаго.*

по той цѣли, которую, какъ онъ думалъ, *оно себѣ предположило.* Онъ хотѣлъ просто имѣть вліяніе на мнѣнія, хотѣлъ распространить нѣсколько здравыхъ идей и особенно произвести въ сочленахъ своихъ убѣжденіе въ пользу свободы крестьянъ. Это ему сначала удалось на словахъ; но когда онъ увидѣлъ неудачу на дѣлѣ, то совершенно охолодѣлъ къ обществу. Можно сказать, что онъ къ сему обществу и принадлежалъ и не принадлежалъ. *Принадлежалъ* потому, что разъ былъ въ него принятъ, находился на пяти или шести засѣданіяхъ и разсуждалъ въ сихъ засѣданіяхъ съ другими о томъ, *какую бы дѣятельность* придумать для общества, для достиженія предполагаемой цѣли, означенной въ Зеленой Книгѣ. *Не принадлежалъ*, потому что былъ убѣжденъ въ пустотѣ и безполезности общества, не занимался имъ внѣ засѣданій, ибо занятъ былъ по службѣ и, наконецъ, совершенно къ нему охолодѣлъ, увидѣвъ, сколь его убѣжденія на счетъ освобожденія крестьянъ остались безплодны.

Теперь вопросъ: *могъ ли онъ, будучи членомъ общества, не знать о томъ, что́ было главною, тайною цѣлію первыхъ его учредителей?* Это утверждается всѣмъ сказаннымъ выше. Во первыхъ, и при вступленіи своемъ въ общество онъ не уважалъ его; это неуваженіе усилилось впослѣдствіи и обратилось въ совершенное равнодушіе. Но это же равнодушіе естественно произвело и совершенное невниманіе къ тому, что́ таилось въ головахъ нѣкоторыхъ членовъ. И какъ можно было угадать эту тайну? Изъ вольныхъ разговоровъ членовъ между собою? Но такіе разговоры Тургеневъ слышалъ и внѣ общества: они были просто болтовня, а не заговоръ. Изъ сообщенія умысловъ? Но сего сообщенія явно не было, ибо главные злоумышленники не измѣняли себѣ; а Тургеневу, коего особенный образъ мыслей, противорѣчащій ихъ тайному и возмутительному, былъ имъ извѣстенъ, они могли открыть менѣе, нежели кому нибудь другому. Имѣть же его въ обществѣ считали они выгоднымъ, ибо имъ было извѣстно всеобщее къ нему уваженіе членовъ. Но также извѣстно изъ собственнаго ихъ признанія, что они другъ друга обманывали, называя сообщниками своими многихъ, кои никогда не думали участвовать въ ихъ умыслахъ. Во вторыхъ, Тургеневъ вступилъ въ общество тогда, когда и по самому Донесенію Слѣдственной Комиссіи оно еще не было преступнымъ (преступленіе нѣкоторыхъ не есть еще преступленіе всего общества). Онъ и вышелъ изъ него, когда еще оно таковымъ не было. Весьма возможно, что и въ бытность его въ обществѣ замыслы вредные могли уже сдѣлаться извѣстными большему числу членовъ, нежели

какъ то было въ началѣ; но это еще не доказываетъ, что онъ зналъ о сихъ замыслахъ.

Это можно изъяснить примѣромъ. Въ 1816 году завелось общество Арзамазское, которое было не иное чтó, какъ литературная шутка; оно состояло сначала изъ 12 или 15 членовъ; число ихъ впослѣдствіи увеличилось до 25. Разъ въ недѣлю оно собиралось. Кто прочтетъ протоколы засѣданій и рѣчи членовъ, тотъ найдетъ въ нихъ совершенную галиматію; и дѣйствительно, они были галиматьею. Но въ 1817 году въ это общество были приняты Орловъ, Тургеневъ и, наконецъ, Никита Муравьевъ. Въ послѣднихъ своихъ засѣданіяхъ общество, составленное изъ литераторовъ, начало разсуждать о томъ, какъ бы изъ шутки сдѣлать дѣло, и положено было выдавать литературный и политическій журналъ; но члены разъѣхались, и планъ журнала не составился. Теперь вопросъ: въ 1817 году вступилъ въ Арзамазское общество Муравьевъ. Онъ имѣлъ уже тогда всѣ тѣ мысли, кои занимали его, какъ члена Общества Благоденствія. Чтó если бы журналъ Арзамазскаго общества состоялся, и однимъ изъ издателей онаго былъ Никита Муравьевъ. Справедливо ли было бы назвать Арзамазцевъ участниками злоумышленія, послѣ открывшагося, потому только, что Муравьевъ былъ ихъ сочленомъ? Справедливо ли было бы думать, что его особенные замыслы были имъ извѣстны? Скажу болѣе: если бы общество Арзамазское продолжалось и если бы журналъ его состоялся, то вѣроятно Муравьевъ, будучи членомъ его, по правилу принятому его соумышленниками, сталъ бы увѣрять прочихъ, что Арзамазцамъ извѣстны ихъ замыслы и что они готовы имъ содѣйствовать; ибо Арзамазъ былъ составленъ изъ людей, имѣвшихъ въ Россіи извѣстность: самъ Карамзинъ бывалъ на ихъ засѣданіяхъ и отъ души смѣялся, слушая шутовскіе ихъ рѣчи и протоколы. Сія ложь была бы неизбѣжнымъ приговоромъ Арзамазцевъ; они бы признаны были заговорщиками, а общество ихъ вѣтвію преступнаго, Сѣвернаго или Южнаго. И если бы съ такимъ предубѣжденіемъ прочтены были протоколы и всѣ бумаги Арзамазскаго общества, то они только бы подтвердили сіе мнѣніе. Никто бы не повѣрилъ, что оно не имѣло никакого умысла. Галиматья показалась бы маскою чего нибудь важнаго, и въ шуткахъ увидѣли бы намѣреніе преступное. Никто бы не повѣрилъ, что можно собираться разъ въ недѣлю для того только, чтобы читать галиматью. Фразы, не имѣющія для постороннихъ никакого смысла, показались бы тайными, имѣющими свой ключъ, извѣстный однимъ членамъ. Имя *Новый Арзамазъ*, кое давало себѣ общество, получило бы смыслъ рес-

публики. А въ бесѣдѣ Русскаго Слова и Академіи, надъ коими забавлялись члены, увидѣли бы Россію и правительство.

Въ чемъ убѣждаетъ этотъ примѣръ? Въ томъ, что особенныя мнѣнія нѣкоторыхъ частныхъ членовъ общества не могутъ быть приписаны всему обществу, что цѣлое общество не можетъ быть названо преступнымъ потому только, что нѣкоторые члены его преступники и, наконецъ, что можно быть въ обществѣ и не знать о замыслахъ нѣкоторыхъ его членовъ.

И такъ весьма естественно было Тургеневу, и по неуваженію его къ самому обществу, и по множеству занятій своихъ по службѣ, и по малому участію своему въ занятіяхъ общества, не знать о томъ, что̀ думали главные его учредители, что̀ дѣлалось въ нѣкоторыхъ засѣданіяхъ и что̀, наконецъ, сдѣлалось замысломъ многихъ. Особливо, когда вспомнимъ ходъ общества и разныя его эпохи. Дѣятельность Тургенева, которая вся ограничивается пятью засѣданіями, на коихъ онъ присутствовалъ и послѣднимъ (на коемъ онъ былъ президентомъ и въ коемъ уничтожилось общество), вся принадлежитъ къ періоду отъ вступленія его до разрушенія общества въ Генварѣ 1821 года. Что же оказалось преступнаго въ этомъ періодѣ? Какими фактами подтверждается участіе Тургенева въ умыслахъ противъ правительства? Нѣсколько голословныхъ показаній, непринятыхъ и судомъ. Вотъ все! А показаніе Пестеля само собою уничтожается; это доказано выше.

Почему же нѣкоторые члены, убѣжденные преступники, показываютъ такъ рѣшительно, что Тургеневъ зналъ ихъ замыслы?

Это можно объяснить самымъ естественнымъ образомъ, даже не предполагая въ сихъ обвинителяхъ намѣренія клеветать на невиннаго. Всѣ они говорятъ о томъ, что̀ было за-долго до того времени, въ которое должны были дать отвѣтъ предъ судилищемъ. И о чемъ же говорятъ? Не о происшествіяхъ, подтвержденныхъ документами, а просто о разговорахъ. Тургеневъ покинулъ Россію въ началѣ 1824, а допросы происходили въ концѣ 1825 года, и въ показаніяхъ преступниковъ, одно съ другимъ несогласныхъ и часто одно другому противорѣчащихъ, упоминается только о разговорахъ въ разное время бывшихъ, по крайней мѣрѣ, за два года, о разговорахъ, о коихъ одинъ говоритъ, какъ присутствовавшій, то, что̀ другой, какъ присутствовавшій, отвергаетъ. А многіе говорятъ только по слухамъ.

И кто же эти обвинители? Тѣ самые, которые признались, что и другъ друга часто обманывали на счетъ другъ друга! Сверхъ того, развѣ не часто случается, что мы свои предположенія на счетъ другаго, основанныя на частномъ нашемъ убѣжденіи, принимаемъ за нѣчто вѣрное и увѣрены бываемъ, что другіе такъ думаютъ потому только, что мы такъ думаемъ. Подобныя показанія могутъ ли быть достаточны для суда, и можно ли на нихъ основать приговоръ въ отсутствіи обвиненнаго? Сдѣлаю здѣсь особенное замѣчаніе на Пестеля. Онъ могъ быть и, вѣроятно, былъ личнымъ врагомъ Тургенева, ибо Тургеневъ былъ одною изъ главныхъ причинъ осужденія отца его *). Весьма вѣроятно, что чувство мщенія руководствовало имъ въ его показаніяхъ на Тургенева. Это одно предположеніе, но оно правдоподобнымъ образомъ объясняетъ упрямство Пестеля въ клеветѣ на отсутствующаго.

Если Тургеневъ былъ равнодушенъ къ обществу и почиталъ его малозначущимъ, то какъ могъ стараться о его распространеніи, какъ могъ принимать членовъ?

Но это принятіе ограничивается однимъ Митьковымъ, и Митькова Тургеневъ не убѣждалъ вступить въ общество: онъ только по просьбѣ самого Митькова далъ ему такъ-называемую Зеленую Книгу. Толстой самъ объявляетъ, что никогда Тургеневымъ принятъ не былъ, а принятіе Миклашевскаго, ничѣмъ не доказанное, отвергаетъ самъ Тургеневъ. Но если бы сіи члены и всѣ приняты были Тургеневымъ, то это принятіе было бы въ такое время, когда общество было просто Союзомъ Благоденствія, безъ всякой другой явной цѣли, кромѣ означенной въ Зеленой Книгѣ.

Что Тургеневъ не заботился о принятіи членовъ именно потому, что не уважалъ и самаго общества и не считалъ его ни на что́ годнымъ, тому могу быть свидѣтельствомъ я. Въ 1818 году, въ бытность мою вмѣстѣ съ дворомъ въ Москвѣ, познакомился я, не помню у кого въ домѣ, съ Александромъ Муравьевымъ. Былъ за столомъ общій разговоръ о Россіи, о средствахъ распространить въ ней просвѣщеніе; въ семъ разговорѣ участвовалъ и я. Можетъ быть, то, что́ я говорилъ, понравилось Муравьеву. Дни черезъ два онъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что существуетъ общество, коего цѣль есть

*) Знаменитаго перлюстратора при Павлѣ и Сибирскаго генералъ-губернатора при Александрѣ, ни разу не бывшаго въ Сибири. П. Б.

распространеніе возможнаго добра въ отечествѣ, предложилъ мнѣ быть его членомъ и оставилъ у меня Зеленую Книгу, взявъ съ меня обѣщаніе не говорить никому о существованіи общества. Я прочиталъ уставъ. Цѣль общества показалась мнѣ благонамѣренною; но я не вступилъ въ него, не потому, чтобы почиталъ его преступнымъ или вреднымъ, но потому только, что не хотѣлъ на себя налагать никакой зависимости. Я возвратилъ Александру Муравьеву уставъ и болѣе съ нимъ въ Москвѣ не видался. Нѣсколько времени спустя, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, находясь у Николая Тургенева, я спросилъ у него, знаетъ ли онъ о существованіи общества и что́ объ немъ скажетъ. Не помню точнаго его отвѣта, но знаю только то, что онъ не сказалъ ничего въ его пользу и не продолжилъ объ немъ разговора. Такъ ли бы поступилъ онъ, если бы желалъ ревностно распространенія общества и былъ заботливымъ набирателемъ членовъ? Онъ, конечно бы началъ убѣждать меня вступить въ него, увидя изъ словъ моихъ, что я знаю о его существованіи; и если бы онъ имѣлъ намѣреніе, какъ членъ общества, быть издателемъ журнала, то онъ бы обрадовался случаю сдѣлать и меня участникомъ въ семъ изданіи.

Но это изданіе журнала есть нѣчто совершенно отдѣльное отъ самаго общества. И можно ли видѣть въ изданіи журнала что-нибудь преступное? Развѣ у насъ журналъ можетъ быть выдаваемъ безъ цензуры? Развѣ журналъ у насъ можетъ быть средствомъ возмущенія умовъ? Явно только то, что Тургеневъ, бывъ членомъ Союза Благоденствія, хотѣлъ выдавать журналъ литературы и политики; но онъ не могъ симъ журналомъ надѣяться возмутить умы, ибо это ни въ какомъ случаѣ не было возможно.

Въ Донесеніи Слѣдственной Коммиссіи сказано, что составлявшіе коренную Петербургскую управу имѣли намѣреніе дѣйствовать на умы изданіемъ особеннаго дешеваго журнала, пѣсень, каррикатуръ и хотѣли для того имѣть литографію и тайную типографію въ отдаленной отъ столицы деревнѣ. А въ примѣчаніи сказано: «изданіе журнала предпринималъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Тургеневъ. Есть нѣсколько возмутительныхъ пѣсень, кои тогда были сочинены» и прочее. Ужасно подумать, что на семъ могло быть основано обвиненіе Тургенева въ замыслѣ возмущать умы изданіемъ журнала. Изъ замѣчанія можно подумать, что общество Тургеневу поручило изданіе журнала и что онъ, согласясь на это, предпринималъ изданіе. Но въ самомъ показаніи стоитъ, что журналъ хотѣли выдавать безъ позволенія правительства и печатать въ тайной типографіи, въ

отдаленной отъ столицы деревнѣ и раздавать подъ рукою. Какъ же Тургеневъ могъ быть издателемъ такого журнала? Тургеневъ предпринималъ издавать журналъ въ Петербургѣ и явно приглашалъ къ соучастію въ изданіи его членовъ и не-членовъ общества, извѣстныхъ литераторовъ. Какая связь между его намѣреніемъ и тѣмъ, кое имѣли члены по собственному ихъ показанію? Но по связи, находящейся между текстомъ Донесенія Слѣдств. Ком. и означеннымъ мною примѣчаніемъ, можно подумать, что Тургеневъ принялъ отъ общества порученіе издавать тайный журналъ и что могъ участвовать въ сочиненіи пѣсень возмутительныхъ, въ это же время распространенныхъ. При малѣйшемъ вниманіи можно убѣдиться, что этой связи не существуетъ. Но примѣчаніе между тѣмъ написано и могло послужить къ обвиненію, по крайней мѣрѣ, произвести вредное предубѣжденіе противъ обвиняемаго.

Весьма надобно сожалѣть, что при самомъ началѣ дѣйствія Коммиссіи никто не подумалъ взять бумагъ Тургенева, оставленныхъ имъ на той квартирѣ, кою онъ занималъ до отъѣзда своего за границу. Между сими бумагами нашли бы нѣкоторые проекты сочиненій политическихъ, планы піесъ для журнала и, что̀ всего важнѣе, дневныя записки Тургенева, въ коихъ онъ давалъ себѣ отчетъ во всемъ томъ, что̀ съ нимъ было до самаго его отъѣзда. Все это послужило бы, чтобы дать суду ясное понятіе о характерѣ и образѣ мыслей отсутствующаго обвиненнаго. Между прочими бумагами находится планъ сочиненія о тѣхъ перемѣнахъ, кои правительство могло бы сдѣлать для Россіи (въ этой статьѣ говорится и о конституціи), а въ журналѣ замѣчательно между прочимъ слѣдующее: «*1822. 16-е Августа. На сихъ дняхъ вышелъ рескриптъ о закрытіи Масонскихъ ложъ и о запрещеніи всякихъ тайныхъ обществъ. О ложахъ, говорятъ, сожалѣютъ нѣкоторые тайные Масоны. О тайныхъ обществахъ никто не говоритъ; ибо никто ихъ не знаетъ и не думаетъ, чтобъ они были и могли быть въ Россіи. И подлинно: послѣднее запрещеніе кажется лишнее*». Сіи дневныя записки Тургеневъ велъ для себя; ихъ не читали и его братья. Могъ ли бы онъ написать въ 1822 году такое замѣчаніе, если бы думалъ, что общество, къ коему онъ принадлежитъ, хотя и тайное, имѣло какую-нибудь малѣйшую важность?

*

Если все сказанное въ сей запискѣ не убѣдитъ въ совершенной невинности Тургенева, то, по крайней мѣрѣ, можетъ оно произвести сомнѣніе въ совершенной его виновности, можетъ заставить подумать, что онъ оправдался бы во всемъ, или, по крайней мѣрѣ, въ главномъ,

если бы явился на судъ; что его главная вина, коей оправдать нельзя, есть неявка и что за неявку осужденъ онъ какъ за умыселъ на цареубійство и бунтъ.

Итакъ, если по обстоятельствамъ нельзя уже снять съ него приговора (по крайней мѣрѣ теперь нельзя), то самая справедливость требуетъ облегчить его положеніе: онъ боленъ, пребываніе въ Англіи будетъ для него убійственно. Если Государь окажетъ ему милость, повелѣвъ миссіямъ не тревожить его нигдѣ въ Европѣ внѣ Россіи, то сія милость будетъ въ тоже время и справедливостію.

*

Такъ и было сдѣлано, и Н. И. Тургеневъ могъ проживать въ чужихъ краяхъ, гдѣ хотѣлъ, не тревожимый настояніями Русскихъ посольствъ передъ мѣстными властями о задержаніи и выдачѣ его. Это уже было великимъ облегченіемъ его участи, и этимъ обязанъ онъ Жуковскому, который, по возвращеніи своемъ изъ чужихъ краевъ (осенью 1827 года), кромѣ напечатанной здѣсь записки, подавалъ Николаю Павловичу и другія въ защиту и оправданіе Тургенева (см. „Русскій Архивъ“ 1876, I, 255 — 259) и не убоялся дѣятельно оправдывать человѣка, приговореннаго къ ссылкѣ на каторжную работу въ Сибири. Въ книгѣ своей „La Russie et les Russes“ (I, стр. 396—401) Н. И. Тургеневъ говоритъ, что одно время, въ началѣ 1830 года, ему писали изъ Петербурга въ Англію, что Государь желаетъ его возвращенія для оправданія, обѣщаетъ полную безопасность и даже совѣтуетъ лучше ѣхать моремъ, въ виду прежде данныхъ приказаній нашимъ посольствамъ и агентамъ объ его задержаніи. Слова Государя были переданы Жуковскому. Тургеневъ выразилъ согласіе ѣхать; но за тѣмъ получилъ увѣдомленіе, что отзывъ Государя не точно ему переданъ. Польскій мятежъ, вспыхнувшій въ томъ же 1830 году, вѣроятно побудилъ Государя отложить исполненіе великодушнаго его намѣренія. Въ виду наступившихъ смутъ, затруднительно было признать во всеуслышаніе, что Слѣдственная Коммиссія и Верховный Уголовный Судъ поступили несправедливо. П. Б.

ПИСЬМО Н. И. ТУРГЕНЕВА КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ.

(1827).

Всемилостивѣйшій Государь!

Уже скоро годъ, какъ я ношу на себѣ имя измѣнника противъ Отечества и Государя. Я самъ навлекъ на себя это несчастіе. Своею неявкою лишилъ я себя средствъ доказать свою невинность. Не оправдываю себя въ сей настоящей винѣ моей. Но, Государь, за сію единственную мою вину, за которую въ нашихъ законахъ не положено и наказанія, мнѣ назначена казнь выше казни уличенныхъ измѣнниковъ.

Носивъ, въ продолженіе года, въ молчаніи и съ покорностію къ Промыслу, на себѣ бремя сего осужденія, смѣю теперь думать, что я получилъ право просить прощенія въ томъ, въ чемъ не могу совершенно оправдать себя, т. е. въ моей неявкѣ, и снять съ себя ту вину, которой не былъ причастенъ. Сія вина, вовсе мнѣ чуждая, не тяготитъ моей совѣсти, хотя осужденіемъ меня въ оной я и лишенъ навсегда и безвозвратно лучшаго изъ благъ земныхъ: возможности быть на что либо годнымъ землѣ своей, и самого необходимаго благополучія: жить въ землѣ сей. Чувство чистой совѣсти и обязанности мои, какъ человѣка и христіанина, требуютъ, чтобы я съ твердостью переносилъ несчастія не заслуженныя. Съ помощію Бога Всемогущаго, я надѣюсь переносить ихъ терпѣливо; но моя неявка, сія дѣйствительная вина моя, сильно бременитъ меня и, не смотря на безнадежность моего положенія, я не могу не искать облегченія отъ сего бремени въ великодушіи Вашего Императорскаго Величества. Предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ я виновенъ. Къ Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, и обращаюсь. Снятіе съ меня сего бремени, единственною моею виною причиненнаго, сдѣлаетъ меня совершенно невиннымъ и позволитъ мнѣ жить и умереть какъ я жилъ дотолѣ: съ чувствомъ ненарушенныхъ обязанностей ни въ какомъ отношеніи.

Чтó побудило меня не явиться? Скажу откровенно: я былъ въ отдаленіи, не совсѣмъ оправившись отъ продолжительной болѣзни. Характеръ Вашего Императорскаго Величества былъ мнѣ тогда неизвѣстенъ. Я зналъ, что противъ меня было сильное предубѣжденіе, основанное на образѣ мыслей моихъ, которыя я никогда не скрывалъ и обнаруживалъ, можетъ быть, съ излишнею рѣзкостью, не щадя ничьяго сомолюбія, и тѣмъ самымъ подалъ поводъ къ заключеніямъ насчетъ моихъ правилъ, неблагопріятнымъ, даже враждебнымъ, но вообще несправедливымъ: ибо, думая только объ одномъ освобожденіи отъ рабства крестьянъ, занятый исключительно сею мыслію, мыслію любимою и покойнаго Государя, я всегда былъ и мнѣніями и поступками врагомъ безпорядка и буйства. Но предубѣжденіе существовало, и я не могъ думать, что меня будутъ судить безпристрастно, тѣмъ болѣе, что и само правительство, прежде нежели судъ рѣшилъ, злодѣй-ли я или нѣтъ, уже нѣкорымъ образомъ признало меня преступникомъ; ибо мнѣ сказано было, именемъ Вашего Императорскаго Величества, что я буду немедленно объявленъ (signalé) государственнымъ измѣнникомъ, если не явлюсь къ отвѣту. Все сіе могло рѣшить меня на поступокъ неизвинительный, котораго не хочу оправдывать, Но, повторяю, не страхъ за преступленіе, коему я не былъ причастенъ, но опасеніе, что меня обвинять по одному предубѣжденію, рѣшило меня не явиться. Предъ тѣмъ я послалъ письменное объясненіе. Оно не могло быть ни подробно, ни удовлетворительно; ибо я не зналъ всей обширности и важности того ужаснаго дѣла, въ которомъ я казался замѣшаннымъ, и не могъ отразить тѣхъ обвиненій, коихъ не могъ ни угадывать, ни почиталъ возможными. Мое объясненіе не было принято въ уваженіе, и я, въ отсутствіи, безъ собственнаго признанія и безъ всякихъ убѣдительныхъ причинъ, осужденъ какъ участникъ въ заговорѣ противъ Отечества и жизни Государя.

Довѣренность къ Вашей строгой справедливости, обязанность противъ моего Отечества, которому служилъ съ пламенною любовію и безкорыстіемъ, обязанность противъ самого себя и особенно благодарность къ тому, который, зная образъ моихъ мыслей, отдавалъ мнѣ справедливость и противъ жизни котораго признанъ я неистовымъ заговорщикомъ, побудили меня обратить безпристрастный взоръ на прошедшую жизнь мою. Покойному Государю извѣстно было чтò я въ разное время говорилъ; извѣстно было, къ какому обществу я принадлежалъ; но онъ все простилъ мнѣ — и мои рѣзкія слова, и мои рѣзкія мнѣнія, и принадлежность къ Тайному Обществу (впрочемъ не преступному). Онъ не только продолжалъ употреблять меня по дѣламъ

службы, но принялъ съ благоволеніемъ проектъ мой о рабствѣ, велѣлъ благодарить меня за оный, отпустилъ меня за-границу, осыпавъ благодѣяніями; велѣлъ мнѣ сказать только, чтобы я оставилъ мои либеральности. Я принялъ совѣтъ, какъ повелѣніе, исполнилъ оное свято, и почиталъ себя чуждымъ всего, кромѣ благодарности къ тому, кто покрылъ забвеніемъ прошедшее и съ нимъ мои заблужденія. И въ чужихъ краяхъ получилъ я предложеніе, по волѣ покойнаго Государя, принять новое мѣсто; слышалъ, что и не задолго до кончины его, меня поразившей, онъ не перемѣнилъ обо мнѣ своего мнѣнія.

Приношу, Государь, къ Вашему трону мою исповѣдь; въ ней все сказано. Еслибы съ нею въ рукахъ явился я предъ судъ, то она опровергнула бы неосновательныя показанія моихъ обвинителей и спасла меня отъ осужденія. Судьи мои, тѣ, кои могли поставить меня на ряду съ измѣнниками и убійцами, не примутъ ея. Но Вы, Государь, судья моихъ судей, обратите на нее взглядъ внимательный. Именемъ Вашимъ погублена моя честь предъ лицомъ моего Отечества. Вы бы спасли ее, когда бы мой голосъ дошелъ до Васъ прежде приговора! Но и послѣ приговора этотъ голосъ будетъ до Васъ доступенъ. Екатерина сказала: лучше простить десять виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго.

Я невиненъ, а Вы на престолѣ Екатерины.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный Николай Тургеневъ.

Апрѣль 1827.

Это письмо, какъ и напечатанная выше записка, сообщено въ „Русскій Архивъ“ Павломъ Васильевичемъ Жуковскимъ. П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. И. ТУРГЕНЕВА КЪ БРАТУ ЕГО НИКОЛАЮ[1]).

1826—1827.

С.-Петербургъ, 9 Апрѣля 1826 г.

Слышно, что скоро объявится изложеніе дѣла[2]), что сдѣлаютъ между виновными разные разряды, что тотчасъ начнется судъ, изъ особыхъ знатныхъ чиновниковъ составляемый, и что до коронаціи, т. е. въ Іюнѣ, все кончится... Если бы ты поѣхалъ сюда, то самъ бы себя лишилъ средства оправданія; ибо не вынесъ бы дороги, и обвиненія на твой счетъ остались бы не объясненными. Это должно рѣшить тебя сюда не ѣздить. Я страшусь твоего сюда пріѣзда, какъ величайшаго несчастія. Не смѣю и не могу дать никакого совѣта болѣе.

Къ Сергѣю послано позволеніе остаться въ чужихъ краяхъ, до излѣченія, попрежнему. Меня ни о чемъ и не спрашивали. Я представлялся Государю, какъ пріѣзжій, но въ службу еще не являлся.

Я нашелъ здѣсь Карамзина въ опасной болѣзни, но которая можетъ продлиться. Все семейство доказываетъ мнѣ истинную дружбу; но, глядя на него, я часто и о своемъ горѣ забываю. У него fiévre lente, и онъ кашляетъ, и матерія идетъ изъ него. Ему присовѣтовали климатъ Флоренціи, и Государь показалъ себя въ семъ случаѣ достойнымъ Александра, который какъ друга любилъ его. Думаютъ, что онъ дастъ ему средства жить въ чужихъ краяхъ и корабль для путешествія. Семейство не знаетъ всей опасности; я ежедневно и весь день съ ними. Онъ исчезаетъ для здѣшняго міра, но еще думаетъ кончить въ чужихъ краяхъ 12-й томъ. Здѣсь умеръ бы онъ скорѣе. Тамъ жизнь его можетъ продлиться.

---

[1]) Это выдержки изъ книги (у насъ рѣдкой) „Письма Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу. Lettres d'Alexandre Tourguéneff à son frère Nicolas. Лейпцигъ, Ф. А. Брокгаузъ. 1872. 8-ка, XII и 646 стр.

[2]) Т. е. о возмущеніи 14 Декабря 1825 года. П. Б.

С. Петербургъ, 21 Апрѣля 1826 г.

Жалѣю, что твоихъ бумагъ не взяли. Я нашелъ въ нихъ рукописи черновыя, кои могли бы примирить съ твоимъ образомъ мыслей... Здѣсь много къ тебѣ уваженія отъ нѣкоторыхъ; но незнающіе ни характера, ни души твоей, винятъ тебя. То чтò должно служить тебѣ нѣкоторою отрадою, есть мнѣніе покойнаго Государя. Передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ, слѣдовательно, когда уже зналъ то, чтò говорили о тебѣ, сказалъ онъ Карамзину, говоря съ нимъ объ успѣхахъ законодательства въ Польшѣ, откуда возвратился: «Тамъ все идетъ прекрасно, а здѣсь Сперанскій лѣнится, Николая Тургенева нѣтъ; онъ боленъ, лѣчится. Что же мнѣ дѣлать?» Вотъ его мнѣніе о тебѣ. Я часто твержу слышанныя слова сіи, смотрю на небо и ищу его тамъ, съ молитвою о тебѣ и за тебя.

Мемель, 18 (31) Іюля 1826 г. 5 час. попол.

... Отсюда не буду писать къ тебѣ о томъ, чтò рѣшено надъ тобою: ты осужденъ не за замыслы на фамилію, но какъ учредитель, какъ возстановитель и распространитель тайнаго общества, за участіе въ замыслѣ ввести республиканское правительство и за неявку по сдѣланному позыву. Вотъ сущность... Я напишу тебѣ подробно о всемъ и пришлю все, чтò нужно.

Мемель, 18 (31) Іюля 1826 г.

Я везу твои бумаги, журналъ, также проекты законовъ твои и Сергѣевы: «Торговаго уложенія часть I», утвержденную Совѣтомъ; часть II (уставъ вексельный), составленную тобою вмѣстѣ съ братомъ Сергѣемъ, но нигдѣ не разсмотрѣнную (2 экз.), «Мысли объ исправленіи въ Россіи судопроизводства», «Теорію уголовнаго судопроизводства», «Нѣчто о крѣпостномъ состояніи въ Россіи (1819)», «Уголовное уложеніе». Будешь отвѣчать на осужденіе трудами для отечества. Пришлю и замѣчанія на твою книгу. Ѣду сейчасъ водою въ Кенигсбергъ.

Дрезденъ, 6 Августа 1826 г.

Я забылъ сообщить тебѣ, что четверо судей полагали лишить тебя правъ гражданскихъ, доколѣ не возвратишься; а потомъ уже судить лично... Будь осторожнѣе съ посольствомъ. Въ домъ ходить не должно *).

*) До меня доходили извѣстія, что въ Петербургѣ разсуждали, какъ бы схватить меня, обманомъ, въ Лондонѣ. Я плохо этому вѣрилъ, хотя въ томъ увѣрялъ меня одинъ господинъ, говорившій, что ему самому было дѣлано подобное предложеніе. *Примѣчаніе Н. И. Тургенева.*

Дрезденъ, 17 Октября 1826 г.

...У насъ стоитъ прекрасная осень. Сережа ежедневно ѣздитъ верхомъ, а я таскаюсь по городу и въ окрестностяхъ, позлащенныхъ осенью. Вчера былъ въ библiотекѣ въ первый разъ, и если досугъ позволитъ, то буду брать и оттуда книги, хотя едва успѣваю прочитывать и то, чтò беру изъ разныхъ Lesebibliothek. Послѣ обѣда обыкновенно читаемъ мы всѣ трое вмѣстѣ: я чтецъ, а Жуковскiй и братъ слушатели . . . Не придумаешь ли назначить намъ какiя нибудь лучшiя книги Англiйскiя въ разныхъ родахъ и лучшiя изданiя, но не великолѣпныя? Мы дѣлаемъ для Жуковскаго реестръ всего классическаго въ разныхъ родахъ, для составленiя библiотеки Великаго Князя, которая должна имѣть лучшее и новѣйшее и именно: 1) для чтенiя, со временемъ, ему самому, и 2) для учителей, т. е. для приготовленiя ихъ къ урокамъ съ помощiю лучшаго по каждой части, напримѣръ: исторiя во всѣхъ ея видахъ и подраздѣленiяхъ, философiя, литература, воспитанiе общее, военное искусство, законодательство и правовѣдѣнiе. Чтó замѣтишь хорошаго по каждой изъ сихъ и другихъ частей, запиши и пришли названiе книги замѣченной. . . .

Дрезденъ, 27 Генваря 1827 г.

Мы читаемъ теперь вмѣстѣ Прадта о Грецiи. Много правды, но и много болтовни. Гр. Строгановъ*) однакожъ очень хвалитъ эту книжку и находитъ въ ней свои мнѣнiя, свои предсказанiя. То чтò Прадтъ говоритъ о Петрѣ I, большею частiю справедливо и прекрасно; но и тутъ есть обыкновенное невѣжество о состоянiи Россiи въ его время. Мы не такiе варвары были тогда, какъ думаютъ, и не такъ далеко ушли съ тѣхъ поръ. У насъ бывали присяжные—теперь ихъ нѣтъ!... Вчера мы опять были на литературной вечеринкѣ у Гассе. Засѣданiе открылъ министръ Ностицъ своими стихами и очень хорошими. И. И. Дмитрiевъ, во время своего министерства, не согласился бы у Куницына читать свои басни въ кругу литераторовъ, артистовъ и журналистовъ.

Жуковскiй увѣренъ, что ты переносишь свое положенiе твердо и поэтически и участь свою почитаешь ниже души своей. У кого была главная, сильная мысль, порожденная сердцемъ, т. е. любовiю къ человѣчеству, тотъ не можетъ быть несчастливъ и въ неудачѣ; ибо сильная мысль, какъ сильная любовь, наполняетъ всего человѣка, и мы любимъ и невѣрную любовницу или и въ отсутствiи, а твоя тебѣ вѣрна. И по сiю пору Россiи одно нужно прежде всего: уничтоженiе

*) Это былъ Григорiй Александровичъ (1769—1857), не задолго передъ тѣмъ, въ коронацiю Николая Павловича, возведенный изъ баронскаго въ графское достоинство. П. Б.

рабства. Послѣ вся прочая къ сему приложатся. Теперь точно легче въ Россіи, гдѣ много благонамѣренныхъ людей, хотя ложныхъ мнѣній о рабствѣ, невѣжества въ семъ отношеніи еще больше. Это мы видимъ и по здѣшнимъ Русскимъ какъ слугамъ, такъ и господамъ: точно ни снисходительнымъ, ни строгимъ, словомъ справедливымъ, быть нельзя! Прежде бывшія отношенія мѣшаютъ всему, портятъ все, и нельзя ничего взыскать не только на настоящемъ, но и на бывшемъ рабѣ: онъ имѣетъ на все готовое извиненіе въ бывшихъ противоестественныхъ и противо-нравственныхъ его отношеніяхъ, и если онъ самъ и молчитъ, то не менѣе говоритъ помѣщичья совѣсть, у иныхъ не дремлющая. Когда подумаю о той атмосферѣ, въ которой мы теперь живемъ и о той независимости духа, которая меня теперь наполняетъ: то радуюсь и еще болѣе духомъ возвышаюсь.

Дрезденъ, 19 Февраля 1827 г.

Строганову очень понравилось твое мнѣніе въ письмѣ, что покоряться добровольно несправедливости противно нравственности... Когда тебя судили, то и въ Сенатѣ говорили, что желать освобожденія отъ рабства есть желать измѣненія государственнаго порядка; но другіе съ симъ не соглашались; и это не повредитъ тебѣ теперь въ мысляхъ Государя, особливо, когда увидятъ, что ты доказываешь необходимость самодержавія для уничтоженія рабства.

Дрезденъ, 21 Марта 1827 г.

Сію минуту принесъ ко мнѣ для тебя Жуковскій сочиненную имъ басню въ прозѣ, тебѣ посвященную. Вотъ копія. Оригиналъ сохраню и пришлю къ тебѣ при первомъ случаѣ.

«Кусокъ золотой руды лежалъ въ горнилѣ на сильномъ огнѣ. Голикъ смотрѣлъ на него изъ угла и такъ разсуждалъ самъ съ собою: «Бѣдное золото, жаль мнѣ тебя! Какъ тебя жгутъ и мучатъ! Какому жестокому тирану досталось ты въ руки! Между тѣмъ огонь погасъ, и золото вышло чистымъ изъ горнила». (Далѣе приписано рукою Жуковскаго). «Изъ него сдѣлали крестъ, и люди стали въ немъ обожать символъ спасенія. Глупый голикъ, тебѣ ли судить о золотѣ? Положи въ огонь тебя—затрещишь, разлетишься дымомъ, и послѣ тебя останется горсточка пепла. А золото? И въ самомъ пылу огня не роптало оно на судьбу свою. Оно вѣрило Тому, Кто положилъ его въ горнъ; знало, что безъ огня не быть ему чистымъ и даже радовалось жгучему пламени, которое возвышало его достоинство. Огонь палитъ, это правда; но золото должно быть чистымъ. Кто осмѣлится сказать, видя его очищеннымъ: жаль, что его клали въ горнъ? Голикъ можетъ охать,

смотря на огонь, потому что онъ голикъ; но тотъ, кто самъ золото, скажетъ смиренно: огонь на минуту, а чистота навсегда. Золотою рудою можно остаться въ темномъ нѣдрѣ земли, но на бѣломъ свѣтѣ надобно быть чистымъ золотомъ. Это тоже, что сказалъ одинъ практическій мудрецъ: чистой совѣсти довольно, чтобъ умереть; но жить нельзя безъ достоинства. Посвящено Николаю Ивановичу Тургеневу».

Жуковскій самъ хотѣлъ переписать свой апологъ для тебя. Хотя послѣднія слова и не совсѣмъ такъ, какъ они въ письмѣ у тебя; но онъ ихъ хотѣлъ напомнить. Ты сказалъ: «Чувства чистой совѣсти достаточно для смерти; чувство нравственнаго достоинства необходимо для жизни».

Лейпцигъ, 2 Мая 1827 г.

Купцовъ Русскихъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Уже 8 лѣтъ какъ они перестали ѣздить сюда; да и Польскимъ Жидамъ мало вѣрятъ; строгость таможень дѣлаетъ торговлю невѣрною; къ тому же Русскіе все берутъ на кредитъ и платятъ послѣ, и слѣдовательно отъ неуспѣха часто ничего не платятъ. Есть Грузинцы, за товарами пріѣхавшіе; Англійскихъ товаровъ множество и очень дешевы: хотятъ уронить чужіе.

Грустно было разставаться съ Дрезденомъ, гдѣ нажили себѣ пріятелей и пріятельницъ и гдѣ оставили Пушкину [1]). И она, и мы къ ней привыкли. Естьлибъ не дѣти-дѣвицы, она бы поѣхала сюда провожать насъ.

Жуковскій для Великаго Князя сдѣлалъ покупку книгъ на 4 т. тал. по нашему общему выбору и по совѣту ученыхъ.

Изъ Петербурга Козловъ пишетъ къ намъ о смерти одного молодаго человѣка Веневитинова, подававшаго прекрасныя надежды способностями и знаніями. «Il avait une bague trouvée dans un tombeau à Herculanum; il la portait à sa montre et l'appelait son talisman; dans des vers charmans qu'il lui a adressés, il dit qu'il la mettra à sa nôce ou à sa mort. Хомяковъ, qui savait cela, lui mit cette bague au doigt quant il était déjà agonisant; il eut un instant lucide, sentit la bague et demanda: «suis-je marié?» Non, répondit solennellement Хомяковъ; alors il fondit en larmes et mourut quelques heures après» [2]).

---

[1]) Елену Григорьевну, ур. Воейкову. П. Б.

[2]) У него былъ перстень, найденный въ Геркалупумѣ; онъ носилъ его при часахъ и называлъ своимъ талисманомъ. Въ прекрасныхъ стихахъ его къ этому перстню говорится, что онъ надѣнетъ его на своей свадьбѣ или умирая. Знавшій о томъ Хомяковъ надѣлъ ему этотъ перстень на палецъ въ то время, какъ онъ умиралъ. Веневитиновъ на минуту опомнился, почувствовалъ на пальцѣ перстень и спросилъ: Развѣ я женатъ?— Нѣтъ, отвѣчалъ торжественно Хомяковъ. Тогда полились у него слезы, и черезъ нѣсколько часовъ онъ умеръ.

Парижъ, 12 Іюня 1827 г.

.... Стараюсь быть полезенъ Жуковскому и вознаградить ему время, которое дружба его посвятила намъ, и въ Парижѣ; но онъ познакомился уже самъ съ Парижемъ [1]). Съ нетерпѣніемъ жду письма отъ тебя и отъ графини Разумовской. Благодарю ее и вѣчно благодарить буду за спокойствіе, которое она мнѣ доставила. И здѣсь пріятели ея доказываютъ намъ безпрестанно дружбу ея къ намъ. Вчера завтракали, завтра обѣдаемъ у Гизо. Женѣ его нѣсколько лучше, и мы сидѣли съ ней въ саду: это должно успокоить графиню и позволитъ ей пробыть нѣсколько дней лишнихъ при тебѣ. Милый другъ и братъ: вчера, слушая Вильменя о Камоэнсѣ, я имѣлъ случай думать о тебѣ и о душѣ твоей съ какимъ-то сердечнымъ восхищеніемъ и съ возвышенностію духа, которая ставила меня выше всѣхъ бѣдствій, и я просилъ только Бога, чтобы эти минуты похожи были на всю жизнь твою, т. е. чтобы ты во всю жизнь былъ такъ какъ я былъ въ эти минуты. Право, въ несчастіи и въ невинности много прекраснаго и высокаго и много силы, которой нѣтъ въ счастіи. Смотрю на тебя и на твое положеніе иногда и съ такой точки зрѣнія, которой не знавалъ прежде и по теоріи. Но желалъ бы быть съ тобою и при тебѣ.

Парижъ, 19 Іюня 1827 г.

Не знаю, одобришь ли ты мысль, которую бы я желалъ исполнить. Я имѣю здѣсь Сергѣевы записки о Греціи, письмо къ б. М. [2]) объ Англіи и Германіи. Первая піеса полуофиціальная и съ приложеніями. Она была дурно переписана. Я отдалъ ее бар. М. для переписки начисто и желалъ бы, испросивъ позволенія у нашего правительства, напечатать экземпляровъ тридцать, не болѣе, только вмѣсто копій, для друзей и для насъ, всѣхъ трехъ піесъ вмѣстѣ, точно въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ написаны, съ означеніемъ времени, когда онѣ написаны. Здѣсь бы это легко было напечатать, и бар. М. за все возмется. Піеса о Греціи можетъ быть показана графу Строганову, и чрезъ него можно просить позволенія ее напечатать. О другихъ правительству и знать не нужно. Со временемъ въ Россіи можно напечатать проекты законовъ, имъ написанные. Изъ Дрездена я отправилъ ихъ въ Россію съ книгами Жуковскаго. Только для насъ и для немногихъ это останется памятникомъ бытія его въ этомъ мірѣ. Мысль о немъ сладкая и успокоительная. Всегда стремился на пользу другимъ; оставилъ нѣжныхъ друзей, и никто лихомъ его не поминаетъ.

---

[1]) Это единственный разъ, что Жуковскій побывалъ въ Парижѣ, который А. И. Тургеневу былъ уже знакомъ съ 1825 года. П. Б.

[2]) Барону Мальтицу? П. Б.

Парижъ, 21 Іюня 1827 г.

Третьяго дня просидѣли мы четыре часа за президентомъ въ police correctionnelle. Судили учениковъ медицинской школы, шумѣвшихъ и взбунтовавшихся за то, что имъ дали въ профессоры доктора Рекамье; а другіе, съ площади, между коими и одинъ четырекратный мошенникъ, кидали камнями въ полицію и въ жандармовъ и возмущали народъ. Жуковскаго эти судебныя сцены болѣе интересуютъ, нежели все прочее въ Парижѣ.

Парижъ, 23 Іюня, 1827 г.

Русскій, по имени Швецовъ, занимающійся, на счетъ Демидова, металлургіею, будетъ ходить къ тебѣ. Онъ поѣдетъ и путешествовать по Англіи. Я его видѣлъ только два раза; его хвалятъ. . . . Вошелъ glebae adscriptus *) Демидовскихъ заводовъ и помѣшалъ писать. Онъ ѣдетъ послѣ завтра, и я далъ ему книжку и нѣсколько строкъ къ тебѣ. Онъ растрогалъ меня объясненіемъ своего положенія. Не знаю, удастся ли помочь ему со временемъ: эгоизмъ и предразсудки могутъ помѣшать. Вотъ въ чемъ дѣло. Онъ воспитанникъ Демидова, взятый изъ Сибири, съ заводовъ, къ коимъ онъ приписанъ; слѣдовательно и ему и заводамъ закрѣпощенный. Демидовъ воспитывалъ его здѣсь въ школѣ des mines; онъ учился прекрасно и получилъ хорошій аттестатъ отъ здѣшнихъ. Потомъ путешествовалъ въ Италіи, Венгріи, Германіи и во Франціи, чтобы на опытѣ видѣть улучшенія по рудокопной части. Просилъ лично Демидова дать ему отпускную; но Демидовъ отказалъ, сказавъ, что онъ долженъ возвратиться въ заводъ и тамъ ожидать участи своей; далъ ему только актъ съ обѣщаніемъ, что если чрезъ 10 лѣтъ онъ хорошо будетъ вести себя въ Сибири и возвратитъ ему то, чего ему стоило его воспитаніе и ученіе, то тогда онъ дастъ ему свободу; иначе все отказываетъ: обѣщаніе, коего исполненіе отлагается на 10 лѣтъ ежеминутно умирающимъ и безобязательное для наслѣдниковъ, и съ условіемъ, которое одинъ капризъ прикащика судьбу крѣпостнаго навсегда испортить можетъ! И, не смотря на это, не смотря на возможность получить и въ чужихъ краяхъ мѣсто, Швецовъ, со слезами на глазахъ и со страхомъ въ сердцѣ, хочетъ ѣхать въ Сибирь; но собирается просить изъ Англіи, или изъ Берлина, Государя о позволеніи держать въ Петербургѣ, въ Горномъ Корпусѣ, экзаменъ и потомъ объ освобожденіи. Мы подумаемъ, какъ это устроить въ Петербургѣ чрезъ Жуковскаго и Перовскаго. Швецовъ можетъ имѣть нужду и въ твоихъ совѣтахъ, по редакціи письма и пр.; помоги ему. Онъ меня растрогалъ и заставилъ вздохнуть не по немъ одномъ. Но все дѣлается волею Провидѣнія; и въ душѣ моей упованіе и бодрость, которую можно почерпнуть только въ семъ упованіи.

---

*) Крѣпостной.

Парижъ, 24 Іюня 1827 г.

Ввечеру заѣхалъ къ намъ Корефъ, чтобы везти Жуковскаго къ Кювье. Благодаря остроумію и веселости Корефа, вечеръ былъ не такъ труденъ для Жуковскаго, какъ мы опасались. Мы пробыли тамъ за полночь, ибо насъ оставили къ ужину и угощали насъ яичницей изъ одного яйца строфокамила. Оно пріятнѣе обыкновеннаго и равняется массѣ 24-хъ яицъ курицы. По крайней мѣрѣ такъ увѣряли насъ хозяйки. Корефъ забавенъ, но и Жуковскому, и мнѣ напомнилъ онъ Мефистофеля. Кювье по прежнему важенъ, но въ разговорѣ его много наставительнаго и натуральнаго. Они ѣдутъ на встрѣчу къ жирафѣ, и мы, вѣроятно, еще увидимъ его въ королевскомъ саду.

Парижъ, 26 Іюня 1827 г.

. . . . Жуковскій нѣсколько разъ прежде думалъ и сегодня, вспомнивъ объ участи бѣднаго Демидовскаго Швецова, о которомъ вчера со слезами говорилъ мнѣ, хотѣлъ просить тебя записать мысли твои о рабствѣ въ Россіи, если не для близкаго, то для отдаленнаго будущаго. У меня здѣсь твои «мысли о рабствѣ», кажется черновой проектъ; но теперь ты могъ многое обдумать или придумать. На что намъ лишать себя средствъ быть полезными, когда силы ума и души еще насъ не оставили? Перенесись мысленно въ 1850 годъ и далѣе. И что̀ останется отъ нашего бѣдствія? Память добрыхъ и безпристрастныхъ и чистое почтеніе къ твоей жизни, и къ твоему бѣдствію, и къ твоимъ правиламъ. Прибавь къ этому еще дѣятельность для Россіи, для главной мысли твоего сердца, для цѣли всей твоей жизни, дѣятельность внѣ Россіи, при безпрерывныхъ ударахъ рока—и опредѣли самъ цѣну сей дѣятельности въ сію эпоху твоей жизни, и въ виду неблагодарныхъ, или невѣждъ, или эгоистовъ всякаго цвѣта и наименованія.

Эмсъ, . . Іюля 1827 г.

Вяземскій прислалъ мнѣ и двѣ книжки своего и двѣ — Пушкина журнала [1]). Въ своемъ напечаталъ два письма мои, выписками изъ Дрездена и все что́ я написалъ къ нему: совѣты что̀ читать, сужденія о книгахъ и авторахъ. Я пересталъ и не буду писать къ нему, хотя впрочемъ и нѣтъ ничего предосудительнаго въ моихъ напечатанныхъ письмахъ; но мнѣ и некогда, да и не до того. Я не пишу и въ журналѣ [2]) подробно, а только къ тебѣ. Прочее время на чтеніе. Профессоръ Газе, изъ Дрездена, прислалъ мнѣ мой отвѣтъ на рецензію Карамзина исторіи, въ Лейпцигскихъ вѣдомостяхъ; но и Газе поважничалъ и при-

[1]) Т. е. „Московскаго Телеграфа“ и „Московскаго Вѣстника“. П. Б.

[2]) А. И. Тургеневъ велъ ежедневныя записки, доселѣ неизданныя. П. Б.

бавилъ къ моему краткому замѣчанію надпись въ газетѣ: Blätter für litterarische Unterhaltung No, 156. Вотъ надпись, о которой я и не думалъ: Karamsin's Verdienst als Geschichtsforscher und Geschichtschreiber, von einem russischen Staatsmann. Досадно, да нечего дѣлать . . . Здѣсь нашли князя Козловскаго; я завтракалъ съ нимъ; онъ только и твердитъ о тебѣ, о несправедливости суда и судей и о томъ, что̀ онъ говорилъ за столомъ у гр. Гурьева, въ Брюсселѣ. Я просилъ его и взялъ съ него слово ни съ кѣмъ о тебѣ и о твоемъ дѣлѣ, особливо пока я здѣсь, не говорить. Онъ обѣщалъ, но много говорилъ съ нами, и всѣ сужденія его, въ смыслѣ юридическомъ, здравы и справедливы. Безпрестанно возвращается къ тебѣ, и слушать любо; но больно то, что̀ говоритъ о Россіи. . . . И другихъ Русскихъ здѣсь много. . . . Мы обѣдали за table d'hôte въ своемъ трактирѣ. Вечеръ я провелъ у кн. Голицыной съ mad. de Serre, милою вдовою бывшаго при Деказѣ министромъ юстиціи. Она потеряла въ одно время мужа, отца, тестя, дѣтей и мать, и теперь здѣсь, съ сыномъ, лѣчится. Мила и еще хороша собою. Козловскій всѣхъ забавляетъ и смѣшитъ и послѣ обѣда всѣхъ тѣшилъ. Отъ 10 до 12 вечера просидѣли мы трое вмѣстѣ и болѣе слушали его, нежели сами говорили.

17 Іюля.

Кончилъ вечеръ у кн. Голицыной. Она пѣла, и я вспомнилъ нашего Козлова, коего она была, въ первое время слѣпоты его, утѣшительницею. Поутру заболталъ насъ до самаго обѣда опять неистощимый Козловскій; но, право, не только о тебѣ и о дѣлѣ, но и обо всемъ любо слушать его. Теперь онъ сбирается непремѣнно писать къ тебѣ, хотя я и отсовѣтовалъ. Хочетъ прочесть опять весь рапортъ и доставить мнѣ замѣчанія; по оправданія я ему не покажу, да и не нужно. Мы получили письма изъ Петербурга отъ 16 Іюня нов. ст. отъ Козлова и длинное подробное письмо отъ Муральта... Вотъ новости Муральта: флотъ нашъ совершенствуется, и отъѣздъ Сенявина заставилъ предполагать о многомъ. Вся морская часть приняла другой видъ. Крузенштернъ управляетъ корпусомъ и поставилъ его на иную ногу. По гражданской и учебной части перемѣнъ большихъ нѣтъ; но мы лишились дѣятельнаго и довольно просвѣщеннаго гр. Сиверса. Онъ умеръ. Канкринъ трудолюбивъ и самъ пишетъ о предметахъ по финансамъ въ Коммерческой Газетѣ. Сперанскій законодательствуетъ. Розенкампфъ безъ дѣйствія, но бросился въ ученость... Жуковскій ѣдетъ отсюда 25 Августа и прямо въ Петербургъ на Лейпцигъ и Берлинъ, гдѣ пробудетъ два дня или недѣлю. Въ Франценбрунъ заѣзжать ему не нужно... Узналъ, что б. Штейнъ въ Нассау и выдаетъ еще дочь. Поѣду къ нему съ Жуковскимъ, какъ скоро узна̀ю, что онъ свободенъ. Кажется,

онъ входитъ опять въ кредитъ въ Пруссіи. Тамъ и Гумбольдъ, не принимая однакожъ мѣста. Не худо такъ окружать себя.

18 Іюля, 8 час. утра. Нассау, въ саду б. Штейна. Я всталъ сегодня въ 7-мъ часу и вздумалъ идти сюда пѣшкомъ. Я шелъ часъ съ $^1/_4$, любуясь окрестностями и наслаждаясь свѣжимъ утромъ и воспоминаніями о тебѣ. Б. Штейнъ еще не вставалъ; я пошелъ въ садъ его и отсюда пишу къ тебѣ изъ своей походной чернилицы, подаренной Жуковскимъ, а ему послалъ свое имя, написавъ карандашемъ твоимъ; но за мной идутъ. Б. Штейнъ прислалъ мнѣ сказать, что онъ сейчасъ сойдетъ ко мнѣ. Дорога по рѣкѣ Ланѣ живописная. Ты помнишь эти горы покрытыя непроницаемымъ лѣсомъ съ одной стороны, а съ другой виноградомъ и кустарникомъ. На половинѣ дороги мѣстечко Таузенау, изъ нѣсколькихъ домовъ и трактировъ состоящее, въ одну улицу, сжатую съ обоихъ пунктовъ двумя древними башнями, а съ боковъ горою и рѣкою. За $^1/_4$ часа до Нассау увидѣлъ я развалины Штейнова и Нассаускаго замковъ и вспомнилъ ночлегъ нашъ здѣсь и утро у Штейна. Картину вида замка его имени, тебѣ подаренную, храню я свято. На сихъ развалинахъ нашла вчера наше имя кн. Голицына. Мнѣ хотѣлось опять на нихъ взобраться, но я спѣшилъ къ б. Штейну... *Эмсъ, 4-й часъ.* Черезъ минуту явился б. Штейнъ и обнялъ меня дружески. Онъ уже зналъ о нашей потерѣ. Выспросивъ о здоровьѣ и пр., первое слово было о тебѣ; я разсказалъ всю исторію, но прерываемый имъ безпрестанно и распрашиваемый о подробностяхъ твоей службы и пр. Не кончилъ прежде завтрака. Въ 9 час. принесли завтракъ; пришли его дочери, зять, котораго видѣлъ я въ Маріенбадѣ и графъ Вальмоденъ, у него живущій. Мы прервали разговоръ; завтракъ и неистощимые разговоры обо всемъ, о людяхъ и о вещахъ, ему и мнѣ знакомыхъ, продолжались съ часъ. Я хотѣлъ идти, но онъ меня удерживалъ и звалъ, когда я хочу, къ нему обѣдать. Наконецъ я рѣшился уйти, а онъ пошелъ провожать меня садомъ до калитки. На дорогѣ опять остановился и просилъ написать къ тебѣ, что никогда, ни на минуту не вѣрилъ клеветѣ доносителей, что зналъ и образъ мыслей, и правила твои и не могъ ни на минуту вѣрить, чтобы ты хотя въ чемъ либо, что̀ на тебя взводили, участвовалъ; что всегда полагалъ, что хотѣли воспользоваться твоимъ отсутствіемъ и сдѣлать изъ тебя le bouc expiatoire*); что всѣмъ Русскимъ, кого ни встрѣчалъ, повторялъ тоже, описывалъ тебя такимъ, каковъ ты есть; что еще вчера, встрѣтивъ у себя въ саду незнакомца и узнавъ, что это Русскій (это былъ. . . . Капнистъ), спрашивалъ его о тебѣ и сказалъ

*) Козла отпущенія.

ему свое о тебѣ мнѣніе; что желалъ бы прочесть твое оправданіе. На это я отвѣчалъ ему, что, предчувствуя это и зная, какъ ты дорожишь его мнѣніемъ (ибо ты сказалъ недавно гр. Разумовской, что увѣренъ въ его о тебѣ неколебимомъ мнѣніи), я принесъ для него два письма твои къ гр. Разумовской и ея два письма о тебѣ [1]). Онъ почти заплакалъ и дрожащею рукою взялъ отъ меня эти бумаги, благодарилъ и опять просилъ немедленно написать къ тебѣ о всегдашней его привязанности и о вѣрѣ въ твои правила. Началъ ругать Нессельроде за отношеніе, и мнѣ, право, не хочется на этой же бумагѣ, гдѣ говорю о немъ, думая о тебѣ, повторять его слова о Нессельроде о его службѣ, съ Метернихомъ до 1815 года и о ничтожности во время Каподистріи, о безграмотности и корыстолюбіи. Онъ въ одну минуту едва не передразнилъ его, таскающагося съ портфелемъ за Каподистріей. Онъ проводилъ меня до калитки сада и вывелъ, показалъ кратчайшую дорогу, повторивъ разъ пять приглашеніе приходить всегда обѣдать и привести Жуковскаго, котораго знавалъ прошедшаго года здѣсь же. Сказывалъ, что видѣлъ въ Веймарѣ Каподистрію въ проѣздъ его въ Петербургъ. Я вышелъ отъ него въ половинѣ 12 часа и растроганный, и восхищенный. Давно я не былъ въ такомъ расположеніи духа и сердца. Все во мнѣ было оживлено, и я не думалъ злиться и на тѣхъ, о коихъ говорили, а только радовался и благодарилъ Бога за мнѣніе многихъ о тебѣ и за б. Штейна, который перевѣситъ и для тебя, конечно, всѣхъ хулителей и судей. Я шелъ хотя и въ сильный жаръ, но право какъ бы воскрилениый тѣмъ, что́ такъ живо во мнѣ было, и непримѣтно дошелъ до городка на половинѣ дороги, сѣлъ подъ тѣнь густаго дуба на рѣкѣ, спросилъ сливокъ и хлѣба и принялся было читать журналъ Вяземскаго; но мысли о тебѣ, о томъ что́ слышалъ, опять меня заняли, и я, отдохнувъ, пустился снова въ путь съ сердцемъ благодарнымъ, чистымъ и утѣшеннымъ. Проѣзжій предложилъ мнѣ пустую коляску, и я пріѣхалъ въ Эмсъ за ¼ часа до нашего обѣда. Здѣсь нашелъ уже приглашеніе дамъ къ новому походу на ослѣ, въ новую окрестность, и сейчасъ иду къ кн. Голицыной.

Въ 6 час. мы начали спускаться въ Эмсъ, и кого же я встрѣтилъ на гуляньѣ?—Алину Волконскую [2]). Мать ея была уже въ ваннѣ. Я пошелъ гулять съ дочерью и съ ихъ докторомъ и говорили о П. Б. Послѣ явился и князь Никита, съ ними пріѣхавшій. Вечеръ провелъ у кн. С. Г. Волконской. Плоха, но теперь лучше, и дорога ей пособила. Онѣ

---

[1]) См. въ 8-мъ выпускѣ „Русскаго Архива" сего года. П. Б.

[2]) Александру Петровну, впослѣдствіи Дурново, дочь министра двора. П. Б.

мѣсяцъ какъ изъ Петербурга. Привезли намъ только нѣсколько строкъ отъ Козлова, но наговорили много новаго о лицахъ Петербургскихъ. Я такъ отвыкъ отъ сихъ мелкостей жизни тамошней, что и теперь душно отъ всего чтó слышалъ... Отъ другихъ слышалъ, что Каподистрія остается въ П. Б., по крайней мѣрѣ, на лѣто, президентомъ тамошняго комитета для Греческихъ дѣлъ и что онъ принятъ какъ нельзя лучше. Вообще кажется, что за Грецію, наконецъ, вступаются сильно. Кн. Волконская хочетъ со мною водою ѣхать послѣ завтра къ Штейну, но мнѣ хотѣлось бы прежде еще одному побывать. Я не нарадуюсь его бесѣдою, особливо съ глазу на глазъ. Онъ выдаетъ скоро другую дочь за гр. Кильмансегге, который съ Дорнбергомъ бывалъ у насъ въ П. Б. Не вздумаешь ли ты написать къ нему? Право, это его порадуетъ. Прости до завтра. Козловскій уѣхалъ въ Висбаденъ на день.

19 Іюля. Здѣсь случилось странное полу-несчастіе съ полу-соотечественникомъ нашимъ гр. Менгденомъ. Вчера онъ сидѣлъ съ своими дамами и съ женою молодою и гр. Сам.... и самъ лилъ на голову eau de Cologne. Онъ подноситъ ко лбу свѣчу, и волосы, и лобъ, и лицо загораются. Жена и гр. Сам. въ истерикѣ, онъ валяется на полу, чтобъ потушить себя; но долго горѣли волосы и лицо. Его свели, наконецъ, въ его комнату.—Вечеръ. Давалъ обѣдъ княгинѣ Волконской съ дочерью и кн. Никитѣ въ своемъ трактирѣ и пилъ за ихъ здоровье Іоганнисбергомъ, который могъ принадлежать к. Петру Михаиловичу. Послѣ обѣда ѣздилъ на ослѣ съ mad. de S. и к. Гол. по другую сторону рѣки по горамъ на площадку Генріэты и къ пирамидѣ, построенной, кажется, въ честь супруги эрцгерцога Карла.

20 Іюля. Вечеръ. Сегодня обѣдали мы у б. Штейна. Сперва нашли его одного въ библіотекѣ, разбирающаго книги. Отдавая твои письма къ гр. Разумовской, онъ сказалъ: So viel gemüthliches, и потомъ началъ говорить о тебѣ Жуковскому, о твоемъ характерѣ, объ умѣ и правилахъ и былъ увѣренъ, что наконецъ объяснится твоя невинность. Вчера былъ у него одинъ изъ судей твоихъ, гр. Головкинъ, и ему онъ тебя описывалъ и не могъ отъ него добиться толку о винѣ твоей. Слова гр. Головкина еще болѣе утвердили его въ мнѣніи его о судѣ и о твоей невинности. Съ презрѣніемъ называлъ онъ Головкина пустымъ, ничтожнымъ человѣкомъ, чтó онъ и въ самомъ дѣлѣ, прикрывающимъ ничтожность свою фразами... Мы толковали о многомъ, но онъ возвращался къ тебѣ и объяснилъ по своему участь твою въ Россіи.

Ты говоришь о нашей потерѣ съ вѣрою и любовію. Твои письма услаждаютъ и возвышаютъ жизнь мою. Все бы ихъ читалъ или себѣ или Жуковскому. Но ты не такъ видишь горесть мою, какъ она на самомъ дѣлѣ. Я живу жизнію души и сердца; но земное ничто не

чуждо мнѣ, т. е. земное доброе, утѣшительное. Утѣшенія жизни спокойной и нравственной всѣ сильно на меня дѣйствуютъ. Я ничего себѣ не отказываю въ мірской жизни чтó согласно съ спокойствіемъ души, съ честію, съ памятію о Серёжѣ и съ любовію къ нему. Мысль о Серёжѣ неразлучна со мною. Недостаетъ тебя. Съ тобою все возможное благо жизни намъ остающейся у меня будетъ. Иногда мнѣ совѣстно быть такъ довольну бытіемъ моимъ, какъ теперь; но когда вспомню доброту С. и любовь его ко мнѣ и мою къ нему, ему и здѣсь извѣстную, то еще болѣе ищу и нахожу наслажденія въ жизни; когда вспомню, что и ты съ радостнымъ чувствомъ или съ чѣмъ-то похожимъ на радость смотрѣлъ бы на мое спокойствіе и на вѣру въ будущее, близкое и отдаленное, въ будущее здѣшняго міра и въ будущее моей жизни, то я не останавливаю себя ни въ чемъ чтò не можетъ огорчить тебя или нарушить чистоту души слитой въ одну съ С. и съ твоею. Моя жизнь свѣтла и была бы совершенно спокойна, естьли бы я былъ съ тобою. Не понимаю, какъ ты этого самъ не видишь во мнѣ. У меня нѣтъ ни мысли, ни чувства, ни минуты сокрытой отъ тебя. Точно, я давно такъ не живалъ и чтò прибавляетъ къ успокоенію—это есть сладость мысли, что этимъ состояніемъ души обязанъ я заступнику Сережѣ. Пусть будетъ онъ такимъ же ходатаемъ и за твое спокойствіе. Право, положись на него и за себя, и за меня. И будемъ ждать нашего съ ними соединенія не только терпѣливо, но со всѣми чувствами души и сердца и съ мирными о нихъ помышленіями.

22 Іюля. Воскресенье. Утро. Былъ и обѣдалъ у б. Штейна съ кн. Волконской. Онъ принялъ ее такъ мило, какъ только отъ него, въ отношеніи къ страдалицѣ, ожидать можно было. Мы провели съ нимъ до 9 часа и пока другіе отдыхали послѣ обѣда, я опять бесѣдовалъ съ нимъ о многомъ и особливо объ императорѣ Александрѣ, къ которому сохраняетъ любовь и привязанность, благодарность за все чтó онъ сдѣлалъ для Европы и особенно для Германіи, шутя и надъ своимъ бывшимъ приговоромъ Наполеона. «Я бы не бесѣдовалъ съ вами въ этомъ саду и подъ этою кровлею, еслибъ не Александръ», говорилъ онъ. Но вмѣстѣ онъ и о недостаткахъ говорилъ, какъ исторія. Я узналъ отъ него съ достовѣрностію то, о чемъ и прежде слыхалъ, т. е. о размолвкѣ Государя съ бар. Штейномъ за Польшу, которую Государь хотѣлъ непремѣнно отдѣлить до Двины отъ Россіи и составить новое, независимое королевство. Штейнъ и писалъ, и говорилъ ему противъ сего проекта. Государь съ гнѣвомъ упрекалъ ему за это противное мнѣніе, говоря, что онъ полагалъ его въ либеральныхъ мысляхъ, а видитъ противное. Штейнъ объяснялъ несбыточность, безполезность, вредъ и несправедливость возстановленія Польши и напо-

миналъ слова Баторія Трансильванца о Полякахъ. Государь сердился и черезъ недѣлю черезъ кн. Чарторижскаго желалъ снова сблизиться съ бар. Штейномъ. Это было въ Вѣнѣ, на конгрессѣ. Штейнъ не знаетъ чтó помѣшало Государю исполнить сіе предположеніе: вѣроятно, быстро стремившіеся потоки происшествій послѣдовавшихъ. И Поццо ди Борго, и Анштетъ тоже говорили и писали Государю. Бар. Штейнъ подтверждалъ мнѣ то, чѣмъ хвастался мнѣ и самъ Поццо. Это привело меня невольно къ событіямъ, послѣ 14 Декабря открытымъ. Не слѣдовало ли набросить покрывало и на истинныхъ преступниковъ Русскихъ и Поляковъ, и не исчезаетъ ли преступность послѣднихъ и даже первыхъ, когда вспомнишь, чего желалъ, за что гнѣвался Государь, коему не должно было сопротивляться безъ преступленія? По любви къ Государю и къ его памяти, къ душѣ его, понесшей на себѣ грѣхи всей его политики и администраціи, должно было бы бросить покровъ забвенія или милосердія и на другихъ заблудшихъ. Если въ слѣдъ за нимъ блуждали и другіе, то какъ не принять кончину его, какъ средство, которое само Провидѣніе давало милости и правосудію человѣческому?

Вчера кн. Козл. тронулъ меня, говоря о тебѣ. Зимою сбирается онъ въ Англію и хочетъ быть съ тобою; онъ увѣряетъ, что занемогъ сильно и долженъ былъ бросить кровь изъ ноги, когда сказали, что тебя привезли наораблѣ въ П. Б. Такъ это извѣстіе поразило его!

. . . Пожалуйста позволь или прикажи гр. Разумовской доставлять мнѣ копіи съ твоихъ писемъ къ ней; она совѣстится и не хочетъ присылать мнѣ ихъ, а намъ съ Жуковскимъ это не только наслажденіе, но и больше: онъ со слезами на глазахъ вчера пришелъ ко мнѣ съ письмомъ твоимъ и, говоря о словахъ твоихъ въ отношеніи къ его любви къ брату Андрею, ко мнѣ и къ Сергѣю, онъ сказалъ съ чувствомъ, что ты забылъ главное теперь, то есть себя, что въ тебѣ видитъ онъ для себя болѣе; что онъ нашелъ подтвержденіе въ твоемъ характерѣ, въ твоихъ чувствахъ всего о чемъ только могъ мечтать, когда мечталъ о предметахъ высокой нравственности, о душѣ человѣческой, о высокой простотѣ ея и о ея назначеніи; что ты для него все подтвердилъ, объяснилъ, возвысилъ и человѣка, и его самого для него. Сегодня просилъ онъ у меня копіи всѣхъ твоихъ писемъ, кои я получать буду. Прежнія онъ давно моей руки имѣетъ и теперь читаетъ ихъ вмѣстѣ, для составленія résumé для себя самого и для приведенія еще въ бóльшую ясность идей своихъ о твоей невинности, дабы представить ихъ съ такою же ясностію и другимъ... Желалъ быд доставить тебѣ копію съ записки, которую Жуковскій началъ составлять и частію составилъ уже для себя по твоему дѣлу, но ты не лю-

бишь этимъ заниматься; а мнѣ любо видѣть, какъ понимаютъ здѣсь тебя и твое дѣло и предвидѣть, какъ со временемъ и всѣ понимать будутъ, какъ бы предразсудки, предубѣжденія и упрямство ни искажали теперь и еще нѣкоторое время все чтó до тебя касаться можетъ.

Эмсъ, 28 Іюля 1827 г.

За обѣдомъ забавлялъ насъ Козловскій болтовней и аппетитомъ своимъ. Право, страшно видѣть ѣду его и на водахъ! Но поутру онъ тронулъ меня до слезъ, хотя я сначала смѣялся à gorge deployée [1]) его же болтовкѣ, тронулъ, описывая тебя к. Никитѣ Волконскому. Вдругъ родилось у него какое-то краснорѣчіе истины. Я не зналъ или забылъ, что онъ тебя коротко знаетъ. Безъ штановъ и едва въ рубашкѣ, безъ умолку, говорилъ онъ долго и, право, прекрасно, и наконецъ сказалъ, не помню цитуя ли Чатама, или то чтò о немъ сказали: Il est un de ceux, que la dépravation de la génèration actuelle n'a point atteint [2]). Сколько, сказалъ онъ, мнѣ доставалось за мои . . . и пр. отъ Николая Тургенева. Онъ исполненъ любви и мягкосердечія; а эти. . . . (не смѣю повторять), осудивъ на смерть, гуляютъ съ нами и съ б. . . . по Эмсу. Онъ бы не только въ Россіи, но и въ Англіи былъ человѣкомъ государственнымъ.

. . . . Здѣсь вездѣ было почти одно разсѣяніе и пріятности обыкновенной жизни. Только съ бар. Штейномъ я былъ выше обыкновенной сферы. И Жуковскій очень полюбилъ его [3]). Сегодня поутру была здѣсь опять дочь Штейна, и я прочелъ ей то чтò гр. Разумовская пишетъ о тебѣ въ отношеніи къ Штейну въ письмѣ, сегодня же полученномъ. Просилъ ее пересказать это отцу и увѣренъ, что это тронетъ старика. Вчера я видѣлъ новыя доказательства его дружбы къ тебѣ. Она перешла и на меня, и онъ меня, просто, балуетъ, и дѣти это замѣтили. . . . Сейчасъ прочелъ твое письмо съ новымъ наслажденіемъ Жуковскому. Онъ называетъ, сходно съ твоею мыслію о несчастіи, бѣдствія здѣшней жизни опозиціею: она хранитъ, оберегаетъ, возвышаетъ и необходима для правительства, какъ несчастіе для души человѣческой.

2 Августа.

M-me Десеръ и самъ Экштейнъ просили меня познакомить его съ Штейномъ. Сначала, когда я слегка тронулъ этотъ вопросъ, Штейнъ

---

[1]) Во все горло.

[2]) Онъ одинъ изъ тѣхъ, до кого не коснулось развращеніе современнаго поколѣнія.

[3]) Жуковскій, въ быту домашней жизни и по общему уваженію, находилъ барона Штейна сходнымъ съ Карамзинымъ. Старость его точно otium cum dignitate. C'est le soir d'un beau jour, который прошелъ не безъ грозы, но очистилъ атмосферу души. Н. Т.

заартачился, и дѣти и Вальмоденъ не надѣялись выхлопотать позволеніе его представить; ибо онъ зналъ всю прошедшую жизнь его, читаетъ его «Католика» и полагаетъ его главою партіи; но вчера я не могъ отказать милой Десеръ снова начать атаку. Штейнъ самъ заговорилъ о немъ и послѣ обѣда сказалъ мнѣ, чтобы я привезъ его, если это мнѣ пріятно; но съ такимъ добродушіемъ, что я читалъ въ его глазахъ и слышалъ въ его голосѣ его дружбу ко мнѣ. Звалъ меня къ себѣ въ Каленбергъ, и я колеблюсь между Геттингеномъ и Каленбергомъ и Италіей, если еще съ тобою быть нельзя будетъ. Онъ проводилъ меня до большой дороги по любимой своей тропинкѣ, и опять много говорено.—Борстель далъ мнѣ прочесть «Десять дней своей жизни», проведенныхъ съ императоромъ Александромъ въ 1818 году, когда Александръ ѣхалъ на Ахенскій конгресъ, и онъ провожалъ его по всей Пруссіи. Каждое слово и всѣ разговоры его записаны. Любопытно для исторіи потому только, что означаетъ тогдашній монархическій образъ мыслей Императора, который зналъ уже, что въ Пруссіи его не любятъ и желалъ внушить, черезъ Борстеля, Нѣмцамъ то, къ чему онъ тогда стремился, и защищалъ себя отъ поклеповъ властолюбія, оправдывая милліонъ войска мятежнымъ расположеніемъ духа въ Европѣ. Кажется, это былъ моментъ самый рѣшительный его антилиберализма. Онъ очаровалъ Борстеля любезностію и чистосердечіемъ рѣчей своихъ и своею улыбкою. Борстель написалъ еще и другую тетрадь: Alexander und Napoleon. Все это въ рукописи. . .

Веймаръ, 7 Августа 1827 г.

Сейчасъ явился ко мнѣ Бельке, здѣшній гофмаршалъ. Онъ сказалъ великой княгинѣ, что я здѣсь и въ туже минуту она пригласила меня обѣдать и прислала за мной коляску. Приняла ласково и, выспросивъ о здоровьѣ кн. Волконской, много говорила о Карамзинѣ. И мужъ и милая дочь ея 15 лѣтъ, о которой разсказываютъ здѣсь чудеса по уму и характеру, были очень ласковы. Я обѣдалъ во фракѣ, но въ башмакахъ; другіе въ сапогахъ и въ костюмахъ довольно странныхъ. И за обѣдомъ и послѣ много говорили; но передъ прощаніемъ в. к. еще подошла и сказала, чтобъ я еще что нибудь поговорилъ съ нею о Карамзинѣ. Я разсказалъ ей, какъ онъ разсердился за пенсію. Узнавъ, что я желаю видѣть оранжерею и ботаническій садъ, она послала со мною гофмейстера, и садовникъ все показалъ мнѣ...

Гёте былъ у меня съ визитомъ, по крайней мѣрѣ я нашелъ его карту.

Старый герцогъ и герцогиня приглашаютъ меня завтра къ себѣ обѣдать, а сегодня, по болѣзни герцога, принять не могутъ; но я врядъ ли останусь. Мюллеръ водилъ меня въ библіотеку, рѣдкую между прочимъ старинными альбомами разныхъ княжескихъ фамилій. Два шкафа ими уставлены. Я заглядывалъ въ примѣчательнѣйшіе. И прежде какъ и теперь сентенціи, стихи и рисунки составляли сущность альбома, но и гербы играли важную роль; теперь менѣе думаютъ о родѣ и племени. Военная библіотека особенно богата, такъ какъ и ботаническая. Но для меня примѣчательнѣе книгъ были бюсты и портреты славныхъ Веймарскихъ ученыхъ: Гёте, Шиллеръ и Виландъ во всѣхъ видахъ. Изъ Русскихъ только одинъ А—ъ Льв. Нарышкинъ. Я не упоминаю о Петрѣ Великомъ, ибо онъ пойдетъ въ ряду съ полубогами. Мюллеръ выпросилъ у меня записку Карамзина для Гёте, который собираетъ рукописи славныхъ людей и желалъ имѣть его. Я далъ одну изъ трехъ сотъ со мною путешествующихъ и именно ту, гдѣ онъ приглашаетъ тебя и меня на именинный обѣдъ.

Я въѣзжалъ въ Дрезденъ съ священною грустію, вспоминая на каждомъ шагу, но безъ сильнаго движенія, а съ тихимъ, блаженнымъ чувствомъ, которое ты угадаешь. Я не плакалъ, а смотрѣлъ на все, какъ на памятники давно прошедшаго, къ коему мы привыкли питать уваженіе. Я не вѣрилъ, что только три мѣсяца, какъ по тѣмъ же улицамъ, ходилъ, разсуждалъ, думалъ и чувствовалъ въ слухъ съ моимъ С., не скрывая, какъ теперь съ тобою, ни малѣйшаго движенія въ душѣ и часто даже получая строгія замѣчанія за то, чтó ему казалось достойнымъ братскаго осужденія [1]. Но ничто не пропало для меня: это утѣшаетъ меня. Каждая мысль, каждое слово его, каждое чувство къ тебѣ и ко мнѣ въ сердцѣ его—и у меня теперь въ душѣ и сердцѣ. Пошелъ къ дому, гдѣ мы жили 8 мѣсяцевъ вмѣстѣ, три брата, думая о четвертомъ [2]. Отправился къ графу Строганову, съ нимъ бесѣдовалъ долго о тебѣ, отдалъ копію съ письма твоего ко мнѣ въ Парижъ о дѣлѣ, съ письма Толстаго и объяснилъ ему еще многое. Въ концѣ мѣсяца онъ ѣдетъ въ Россію и будетъ тамъ почти въ одно время съ Жуковскимъ. Я пересказалъ ему разговоръ Штейна съ гр. Головкинымъ и признаніе, наконецъ, гр. Головкина, что хотѣлось имъ взвалить многое на кого нибудь и что они предпочли отсутствующаго, и бѣшенство Штейна за сіи слова Головкина, противныя всему христіанскому и европейскому; ибо за малолѣтнихъ и отсутствующихъ болѣе стоять должно, нежели за присутствующихъ: первые безгласны.

[1]) Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ былъ на много лѣтъ моложе своего брата. П. Б.
[2]) Третьимъ братомъ А. И. Тургеневъ разумѣетъ В. А. Жуковскаго. П. Б.

Я пошелъ къ графу Строганову на вечеръ, ужиналъ у него и пробылъ до полночи. Много говорилъ съ новой графиней Строгановой о тебѣ, видѣлъ слезы участія и въ ней и узналъ, какъ принимаетъ живо къ сердцу графъ Строгановъ наше дѣло. Кажется, онъ почувствовалъ, что нужно и совѣсть свою очистить отъ бремени упрековъ, да и въ исторіи спасти свое имя. Онъ ѣдетъ отсюда 25 сего мѣсяца на Берлинъ, а потомъ въ Россію. Около этого времени и я выѣду или въ Лейпцигъ, или въ Веймаръ на встрѣчу Жуковскому и юбилею-празднику Гёте.

Дрезденъ, 12 Августа 1827 г. No. 8.

Жуковскій пишетъ ко мнѣ между прочимъ, чтобъ не забыть что̀ говорилъ Штейнъ въ послѣдній разъ. Вотъ слова Штейна: «Надобно просить Государя только о томъ, чтобы избралъ людей, кои бы разсмотрѣли доставленную бумагу брата и сравнили ее съ показаніями, на коихъ основано осужденіе. Сей бумаги достаточно для опроверженія. Вотъ единственное, на чемъ настоять должно и о чемъ просить. О требованіи новаго суда ни слова. Надобно сказать, что сія бумага замѣняетъ лицо брата, что онъ самъ болѣе того что̀ въ ней сказать не можетъ и что ее можно принять вмѣсто него»..... Другая помѣха читать письмо твое была въ приходѣ весьма для меня неожиданномъ сенатора Кушникова, который здѣсь съ умирающею женою *). Онъ былъ въ числѣ судей твоихъ, и я не знаю, въ чемъ состояло его мнѣніе; не полагаю его въ числѣ 5-хъ полусправедливыхъ. Но онъ племянникъ Карамзину, и я принялъ его учтиво. Впрочемъ Богъ съ ними! У насъ въ душѣ и сердцѣ С. Никакого враждебнаго чувства быть въ сердцѣ не можетъ. Посовѣтуюсь съ гр. Строгановымъ. Можетъ быть и рѣшусь показать Кушникову несправедливость суда, если увижу, что это полезно быть можетъ; но онъ не такой Катонъ, какимъ представлялъ его себѣ Карамзинъ, хотя впрочемъ у насъ онъ изъ лучшихъ.... Точно участь Швецова была бы извиненіемъ нашему стремленію къ цѣли освобожденія крестьянъ, естьлибъ въ этомъ извиняться было нужно.....

Христіанское твое чувство къ Б.... и меня проникнуло. Я часто защищаю его здѣсь, напр. противъ Пушкиной, которая не можетъ спокойно говорить о немъ. Точно жаль, что онъ употребилъ въ первый разъ талантъ свой—и на какое дѣло! Казнь ужасная за небреженіе дара Божія. Я иногда сгоряча говорилъ о немъ съ Жуковскимъ и сказалъ разъ, что имя его два раза является въ исторіи: въ первый разъ, какъ постыдный предатель (именемъ и дѣлами Б...дъ),

---

*) Екатериной Петровной, ур. Бекетовой. П. Б.

а въ другой разъ съ ироніей въ рапортѣ коммиссіи! И Козловскій не можетъ простить ему его примѣчанія. Но Жуковскій все еще извиняетъ невѣжествомъ въ дѣлахъ сего рода, хотя это извиненіе онъ самъ не очень прощаетъ ему. Увидишь изъ бумаги, которую пришлю тебѣ, вѣроятно съ слѣдующей почтой, и въ концѣ коей и письмо будетъ. И о Полетикѣ ты справедливъ, хотя я и долженъ благодарить его за то, что онъ былъ одинъ изъ 5-хъ въ пользу твою, но побоялся дать мнѣ и на дорогу приговоръ, который мнѣ тогда былъ нуженъ. Господи, отпусти имъ! Смерть Сережи примиряетъ со всѣми. Развѣ тѣ, кои истинно любили насъ, менѣе любятъ насъ? У насъ и здѣсь еще Жуковскій, сестра [1]); а тамъ сколько друзей и братьевъ, и отецъ, и мать! Но смиряй нетерпѣніе и пиши всегда такія же милыя письма. Не начитаюсь ихъ....

15 Августа.

Былъ у графа Строганова. Онъ совѣтовалъ мнѣ показать твою записку Кушникову, не сказывая ему о его участіи въ насъ. Я зашелъ къ Кушникову, предложилъ ему прочесть записку и разобрать строго и безпристрастно. Онъ охотно взялся и просилъ прислать и всѣ бумаги; а послѣ и графъ Строгановъ хочетъ совѣтоваться съ нимъ. Я посылаю Кушникову все. Онъ будетъ для насъ репрезентантомъ Русскаго Сената....

Вчера повелъ меня Гассе въ библейское общество, для котораго публика собралась въ здѣшней огромнѣйшей церкви: Die Frauenkirche. Меня провели in die Sacristey, гдѣ собрались предварительно члены комитета. Ожидали президента Эйнзиделя, здѣшняго перваго министра. Въ 4 часа онъ явился; меня представили ему и, переговоривъ съ нами, онъ пригласилъ насъ въ церковь, на мѣста близъ алтаря приготовленныя. Мнѣ дали Gesangbuch [2]), и я подтягивалъ. Я понимаю эти собранія міряно-церковныя и это смѣшеніе духовнаго и церковнаго съ свѣтскимъ, здѣсь, у Саксонцевъ, гдѣ Библія, переводъ ея—въ основаніи всего гражданскаго быта, гдѣ министерство, народъ въ опозиціи съ королемъ за Библію или за религію отцевъ своихъ. И Эйнзидель, который и у этаго короля въ прежнемъ кредитѣ, мнѣ нравится тѣмъ, что принялъ президенство библейскаго общества и сохранилъ портфель. И королю, и ему это дѣлаетъ честь. Но сколько ни напомнило мнѣ это засѣданіе и наши собранія въ Таврическомъ дворцѣ (подъ задернутою скатертью Венерою) и наши отчеты, и фразы о повсе-

---

[1]) Двоюродная сестра Тургеневыхъ Нефедьева, въ домѣ которой въ Москвѣ скончался Александръ Ивановичъ въ 1845 году. Она основала пріютъ для бѣдныхъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Н. Б.

[2]) Книгу съ пѣснопѣніями.

мѣстности слова Божія, я чувствовалъ не то чтó прежде и не здѣсь чувствовалъ. Но и у насъ оно, т. е. дѣло библейское, было не безъ пользы; теперь совсѣмъ закрыто и принадлежитъ къ исторіи Александра и къ нашей. У графини Рекъ нашелъ уже мою и Жуковскаго гравюру на стѣнѣ. Она замѣтила, что мой профиль смотритъ на Бетихера, ибо я полигисторъ, а Жуковскій на Клопштока. Я болѣе радъ за сосѣдство Жуковскаго, нежели за свое. Но suum cuique *).

Я забылъ сказать тебѣ, что вчера въ первый разъ послѣ Петербурга прочелъ я статью твою: «Нѣчто о крѣпостномъ состояніи въ Россіи» и нашелъ въ ней столько примѣчательнаго, полезнаго по нашему дѣлу, что намѣренъ переписать здѣсь или въ Лейпцигѣ копію и дать Жуковскому, означивъ годъ сочиненія 819, въ Декабрѣ. Вѣроятно это та статья, которую ты представлялъ Государю чрезъ гр. Милорадовича. Нѣкоторыя мѣста должны убѣдить другихъ въ чистотѣ твоихъ намѣреній и согласны съ тѣмъ, чтó ты говоришь въ своемъ оправданіи. Досадно, что я прежде не вспомнилъ ихъ; но время не пропало. Безпристрастнымъ должны понравиться и твоя умѣренность, и твое сужденіе о помѣщикахъ и о причинахъ вреда для нихъ рабства. Тутъ ясно видѣнъ и твой политическій образъ мыслей относительно Россіи. А бумага писана въ самый пылъ твоего участія въ тайномъ обществѣ, и этотъ пылъ—холодъ. И здѣсь ты выражаешь туже мысль, чтò въ оправданіи: «Всякое распространеніе политическихъ правъ дворянства было бы неминуемо сопряжено съ пагубою для крестьянъ, въ крѣпостномъ состояніи находящихся. Въ семъ-то смыслѣ власть самодержавная есть якорь спасенія для отечества нашего. Отъ нея, и отъ нея одной, мы можемъ надѣяться освобожденія нашихъ братій отъ рабства, столь же несправедливаго, какъ и безполезнаго. Грѣшно помышлять о политической свободѣ тамъ, гдѣ милліоны не знаютъ даже и свободы естественной». Далѣе похвалы тогдашнему правительству. Еще: «Въ отношеніи собственно къ Россіи, всякое начало (initiative) улучшенія состоянія крестьянъ должно нисходить отъ правительства». О допущеніи разсужденій въ журналахъ, согласныхъ съ правилами цензуры и съ умѣренностію, даже и самому ужасному анти-либералу должно понравиться. Этою статьею я воспользуюсь и завтра прочту ее гр. Строганову, а послѣ дамъ и Кушникову, который увѣрилъ меня, что не хочетъ рабства, что, желая отдѣлаться отъ управленія деревнями, отдалъ ихъ зятьямъ своимъ*), а себѣ оставилъ капиталы (le pauvre homme!). Я еще съ бóльшимъ правомъ буду упрекать Слѣдственную Коммиссію, что не отобрала бумагъ твоихъ, изъ коихъ бы увидѣла

*) Дмитрію Гавриловичу Бибикову и Николаю Мартьяновичу Сипягину. П. Б.

иныя правила, иныя убѣжденія, а не тѣ, которыя она тебѣ приписываетъ. И самымъ ультра-нашимъ не противно было бы твое «Нѣчто о крѣпостномъ состояніи въ Россіи».. Ты объясняешь, не осуждаешь, предлагаешь улучшенія, не ниспроверженія. Для насъ эта бумага—сокровище; она можетъ еще пойти въ дѣло и для Россіи.

17 Августа.

Былъ у Кушникова. Два-три раза повторилъ онъ мнѣ, что, прочитавъ бумаги твои съ большимъ вниманіемъ, онъ самъ для себя пришелъ къ одному результату, т. е. что никогда бы не обвинилъ тебя и что почитаетъ тебя невиннымъ; но вмѣстѣ съ симъ говорилъ много о неявкѣ, о принадлежности къ тайному обществу, вопреки тому, что они запрещены еще со временъ Екатерины. Я объяснилъ ему неявку и также сказалъ, что запрещеніе было только съ 1822 г.; что самъ Балашевъ, beau-frère его, министръ полиціи, ободрялъ, приглашалъ въ Масонскія тайныя общества, при Екатеринѣ II запрещенныя; что Сперанскій, будучи государственнымъ секретаремъ, заводилъ ложу въ Коммиссіи Законовъ; слѣдовательно никакъ нельзя почитать тайныя общества запрещенными. Онъ понялъ все и опять повторилъ мнѣ, что болѣе ничего сказать мнѣ не можетъ, какъ то, что никогда бы, никакъ и ни къ чему бы не приговорилъ тебя, что и въ Судѣ остался онъ при своемъ мнѣніи, въ Коммиссіи данномъ (онъ былъ членомъ не слѣдственной, но предварительной коммиссіи, категоріи составлявшей); что представлялъ суду разсмотрѣть недостаточность показаній на тебя; что особливо военные вопили жестоко противъ всѣхъ, особливо противъ тебя; что о неявкѣ твоей былъ какой-то рескриптъ Государя. Кажется, онъ ошибается. Но спасибо и за это; ибо въ атмосферѣ сенатской и вообще гражданской, въ коей созрѣли и образовались его понятія юридическія, и это не худо. Напримѣръ, онъ радуется, что Государь, по чувству негодованія, сдѣлалъ выговоръ шталмейстеру князю * за мерзкіе и неблагородные его поступки по откупамъ съ пріѣзжими откупщиками, и потомъ, когда кн. * просился въ отставку, то онъ велѣлъ сказать ему, что если бы онъ хотѣлъ отставить его, то и безъ просьбы его отставилъ бы. Чувство негодованія и меня радуетъ въ Государѣ; но не могу согласиться, чтобы онъ имѣлъ право отца семейства журить своего конюшаго за его частныя, приватныя мерзости. Онъ можетъ отставить его, предполагая, что тотъ, кто поступаетъ неблагородно съ дворянами, товарищами его по откупамъ, тотъ можетъ красть на овсѣ и сѣнѣ; но не долженъ удерживать его силою въ службѣ, если существуетъ мнимое или предполагаемое право дворянства идти въ отставку по желанію. Пріѣхавшій изъ Россіи Бахметевъ говоритъ, что опять предвидятъ разоренія откупщиковъ отъ сильныхъ откуповъ:

набили ужасно суммы на города и не выручатъ суммъ, кои наддали. Шесть милліоновъ болѣе, нежели назначилъ министръ финансовъ...

То чтó ты говоришь о Швецовѣ меня очень радуетъ. Я все думаю о томъ, какъ бы спасти его и полагаю надежду на Жуковскаго и гр. Строганова, хотя съ послѣднимъ не удалось еще говорить о немъ. Въ особомъ свиданіи говоримъ о дѣлѣ, а при другихъ я иначе его не вижу, какъ за картами; да при иностранцахъ не хотѣлось бы и говорить объ участи Швецова: больно и стыдно. Найду однакоже время предъ отъѣздомъ графа Строганова или поручу графинѣ....

21 Августа.

Вчера обѣдалъ у Ханыкова, гдѣ всѣ Русскіе жаловались на здѣшнее процессолюбіе. Почти всѣ Русскіе имѣли или имѣютъ процессы, и не всегда они виноваты, а плутовство купцовъ и жителей, большею частію за квартиры и съ наемными слугами. Если хотѣлъ нанять квартиру и пожалъ рукой, то отказаться нельзя безъ заплаты за уреченное время. Пожать руку тоже, чтó сдѣлать контрактъ. Ханыковъ не заступается ни за кого. Не знаю, винить ли его. Юстиція должна идти своимъ чередомъ...

26 Августа.

Поутру ходилъ прощаться съ гр. Строгановой, потомъ зашелъ къ Кушникову и съ жаромъ говорилъ съ нимъ о нашемъ дѣлѣ; онъ сказалъ, что увѣренъ, что Государь обрадуется случаю найти невиннаго. Я хотя и не очень вѣрю этой радости, но вѣрю тому, что онъ можетъ устыдиться Европы и потомства. Кушниковъ былъ употребленъ имъ много по дѣлу о заговорщикахъ Московскихъ, и онъ будетъ гласнымъ свидѣтелемъ въ Москвѣ твоей невинности, и графъ Строгановъ можетъ упереться на него при случаѣ.

Пришли пожалуста всѣ стихи Швецова. Они меня тронули. Я какъ будто предчувствовалъ, прощаясь съ нимъ въ Парижѣ, что онъ будетъ тебѣ хотя на минуту пріятенъ. Наружность его и потомъ слова его мнѣ очень понравились. Не судьба-ли, или лучше не особенность ли судьбы твоей, что единственный Русскій (кромѣ Викулина), который былъ съ тобою въ пріятельскомъ сношеніи въ Англіи—рабъ, и рабъ ищущій свободы; но ищущій ее такъ, какъ ты желалъ, законными средствами, выгодными для обѣихъ сторонъ?..

Штейнъ не видѣлъ кн. Козловскаго; по крайней мѣрѣ при мнѣ. Я заговаривалъ о немъ раза два, да и Штейнъ разъ спросилъ о немъ; но ни Козловскій, ни Штейнъ не пожелали свидѣться. Я все хотѣлъ спросить у Козловскаго, не было ли какой непріятности между ними, но забылъ. И Жуковскій полюбилъ умъ и сердце Козловскаго, и они часто болтали и читали стихи Жуковскаго вмѣстѣ за полночь, къ чему

трудно теперь привести Жуковскаго. Но главное что̀ ихъ связало болѣе и чѣмъ они другъ другу понравились—это ты, т. е. чувствомъ къ тебѣ и мнѣніемъ о твоихъ правилахъ. Я два раза заставалъ ихъ говорящихъ о тебѣ, и то, что̀ Жуковскій понималъ самъ такъ хорошо и часто отгадывалъ въ юридическихъ истинахъ и правилахъ, то подтверждалъ и девелопировалъ еще подробнѣе и живѣе Козловскій. И Жуковскій журилъ его за многое, но отдавалъ справедливость Европейскимъ мнѣніямъ его и чувству справедливости, кажется, врожденному въ Козловскомъ. Онъ нападалъ также на Б... за рапортъ и, любя его прежде, удивлялся многому въ рапортѣ; особенно же негодовалъ за тонъ иронической, который открылъ въ немъ. И въ самомъ дѣлѣ, жаль Б..; но и по дѣломъ. Вся жизнь публичная его безпутная. Не смотря на умъ и знаніе, что̀ онъ сдѣлалъ и чѣмъ началъ гражданскую свою дѣятельность? Твое замѣчаніе справедливо. Но онъ точно наказанъ за эгоизмъ, т. е. за лѣнь свою и потомъ за какой-то родъ искательства... по службѣ у прислужниковъ графа Нессельроде. Захочетъ ли признаться въ ошибкахъ, въ недосмотрительности, въ редакціи ненавистнаго примѣчанія? Онъ заговоритъ Жуковскаго, по не повредитъ его убѣжденію. Онъ теперь тверже его въ мнѣніяхъ и на многое дастъ отпоръ. Впрочемъ Богъ все устроитъ и сердца, и мысли просвѣтитъ...

Дрезденъ, 29 Августа 1827 г.

Полдень. Былъ у Ханыкова. Онъ читалъ мнѣ свое посланіе на Французскомъ къ какой-то дамѣ объ изящныхъ художествахъ, коими теперь услаждается жизнь его. Стихи хороши; но грустно видѣть старика отжившаго вѣкъ на стихахъ. Пришелъ къ нему Баварскій повѣренный въ дѣлахъ и объявилъ о побѣдѣ Русскихъ въ Персіи, о переходѣ Аракса, взятіи крѣпости и пр.

Ханыковъ сказалъ мнѣ, что Саксонское министерство сообщило ему, что въ Варшавѣ открытъ новый заговоръ, независимый отъ прежняго; но онъ не могъ мнѣ сказать, прежде или послѣ сей заговоръ составился. Никто ничего объ этомъ не зналъ въ Дрезденѣ, хотя тамъ и много Поляковъ.

31 Августа.

Лейпцигъ, полдень. За полчаса я пріѣхалъ сюда, остановился въ Hôtel de Russie и пошелъ къ Фрейгангу справиться о Жуковскомъ. Его еще нѣтъ здѣсь, и Фрейгангъ вышлетъ записку на двѣ заставы, чтобы предувѣдомить его, гдѣ я остановился. Уговорилъ у него обѣдать. Отобѣдавъ у Фрейганга, я заснулъ на стулѣ и такъ крѣпко, что не слыхалъ разговоровъ около меня и проспалъ двѣ лекціи, на кои сбирался. Пошелъ къ Брокгаузу отобрать нѣсколько книгъ о Швей-

царіи. Возвращаясь съ сыномъ Фрейганга, я зашелъ въ трактиръ Пилы́, гдѣ живетъ полковникъ Густавсонъ и при входѣ встрѣтилъ его. Въ изношенномъ фракѣ и въ такихъ же панталонахъ и жилетѣ, съ бѣлорусыми усами, онъ болѣе похожъ на стараго камердинера, который уже безъ мѣста и весь износился, нежели на отставнаго короля; но въ поступи есть еще какая-то важность. Онъ остановился на порогѣ и потомъ воротился въ комнату. Мы смотрѣли на него пристально, когда онъ ходилъ въ сѣняхъ. Кажется, что онъ охотно показывается иностранцамъ и неохотно здѣшнимъ. Минуты черезъ четыре мы его оставили. Увѣряютъ, что онъ ведетъ безпутную жизнь и недавно связался съ какимъ-то прошлецомъ (aventurier), который называетъ себя Греческимъ графомъ и теперь сидитъ здѣсь въ полиціи. Онъ, однакоже, произвелъ во мнѣ какое-то участіе къ судьбѣ своей: человѣкъ безъ души, или по крайней мѣрѣ безъ какого-то благородства, не такъ бы упалъ съ тропа и не отказался бы отъ пособій. Мы и королямъ-монахамъ удивлялись иногда въ исторіи, а это король—полунищій, и также по доброй волѣ.

Жаль, что наши дипломаты безъ пользы, а иногда и къ стыду Россіи, разсѣяны по Европѣ, и Россія никакой дани съ нихъ не собираетъ, а имъ платитъ дань ужасную—и безполезную. Что́ дѣлаетъ генеральный консулъ при королевствѣ Саксонскомъ, нося сіе званіе именно съ того времени, когда и малая торговля Русскихъ съ Лейпцигомъ и чрезъ Лейпцигъ совершенно прекратилась; ибо шесть лѣтъ уже какъ ни одной телѣги Русской здѣсь не бывало? А для Фрейганга выдумали генеральное консульство, прибавили къ окладу его, и онъ только на какихъ-то овцахъ выѣзжаетъ, коихъ кто-то сбирался послать въ Южную Россію. И министръ при Саксонскомъ королѣ безъ пользы, а консулъ въ Лейпцигѣ—безъ торговли! Англійская камера потребовала бы отъ своего министра иностранныхъ дѣлъ отчета въ употребленіи суммы ни на что̀ не употребляемой.

9 час. вечера. Гулялъ въ Розенталѣ; но, примѣтивъ въ лѣсу, близъ трактира, полковника Густавсона, пошелъ за нимъ. Онъ обошелъ площадку близъ трактира, гдѣ граждане сидѣли за столиками, и вышелъ въ лѣсъ на большую дорогу гулянья. Я опередилъ его и потомъ воротился, чтобы пристально посмотрѣть на него. Платье его, хотя и весьма, весьма поношенное, показалось мнѣ сегодня болѣе опрятнымъ. Но контрастъ гуляющихъ и по своему веселящихся Нѣмцевъ съ королемъ развѣнчаннымъ и на чужбинѣ, едва не въ рубищахъ, навелъ на меня грусть.

Лейпцигъ, 3 Сентября 1827 г. № 12.

Я нашелъ въ здѣшнихъ Blätter für literarische Unterhaltung, которое издаетъ Брокгаузъ, No 144 сего года, статью объ обѣдѣ у канцлера графа Румянцова, однимъ Нѣмцемъ (мнѣ сказали Буссе) написанную, гдѣ путешествующій Нѣмецъ передалъ весь разговоръ за обѣдомъ у канцлера: Карамзина, Клингера и самого канцлера. Карамзинъ весь живой, и мнѣніе о томъ, какъ должно писать національную исторію, о Юмѣ, я слыхалъ отъ него нѣсколько разъ. Нѣмецъ прекрасно сохранилъ весь смыслъ словъ его и жаръ души. Я пошлю этотъ листокъ въ Москву.

6 Сентября. Бесѣдовалъ съ Дем....мъ, который, бывъ секретаремъ Ольденбургскаго принца въ Эстляндіи, знаетъ многое объ освобожденіи отъ рабства крестьянъ тамошнихъ, по коему былъ употребленъ. И тамъ были двѣ партіи: одна искренно желала освобожденія ихъ, другая скрытно противодѣйствовала. И нашъ Козодавлевъ или окружающіе его, и Розенкампфъ были подкуплены Эстляндскимъ предводителемъ дворянства Бер., который пострадалъ, не будучи въ состояніи дать отчета въ 60 тыс., употребленныхъ имъ на подкупъ нашихъ чиновниковъ. Государь хотѣлъ coûte qui coûte кончить дѣло посредствомъ Ольденбургскаго принца, утверждая, что Русскій государственный чиновникъ не могъ бы употребленъ быть на сіе дѣло, ибо навлекъ бы на себя ненависть другихъ. Храбрѣйшій и добрѣйшій изъ царей всего и всѣхъ боялся и все хитрилъ тамъ, гдѣ могъ дѣйствовать bona fide съ простотою величія и съ убѣжденіемъ, что намѣреніе его согласно съ пользою Россіи, съ любовію къ человѣчеству, съ религіею Христа-Искупителя. На что было умничать? Наказанъ невѣріемъ въ чистоту его намѣреній со стороны и добрыхъ, и злыхъ, и неуспѣхомъ во многомъ, что̀ лежало на душѣ его и прежде и во время его царствованія.....

4 час. пополудни. Жуковскаго все еще нѣтъ... Здѣсь нашелъ я молодаго Русскаго дворянина Ес...ва, который на кораблѣ пріѣхалъ въ Любекъ, а оттуда, чрезъ Дрезденъ, пришелъ сюда пѣшкомъ и учится здѣсь и по-нѣмецки, чему прежде не учился, и наукамъ. У него остались 40 душъ, кои оброкомъ уплачиваютъ долгъ отца. Онъ ничего почти не зналъ и имѣлъ обо всемъ самыя дѣтскія понятія; но Богъ вложилъ ему въ сердце мысль отпустить крестьянъ на волю, ибо опасается, что въ случаѣ, если что́ съ нимъ случится, крестьянъ раздѣлятъ родные. Между тѣмъ онъ самъ ничего не имѣетъ и живетъ помощію нѣкоторыхъ Русскихъ и уроками сыну Фрейганга. Онъ переписываетъ для меня нѣкоторыя бумаги твои и безпрестанно спраши-

ваетъ, какъ ему быть съ крестьянами, чрезъ кого и какъ приступить къ освобожденiю; а на свое содержанiе, для окончанiя наукъ въ Лейпцигѣ, проситъ у Государя ежегодняго вспоможенiя на нѣсколько лѣтъ. Учится прилежно, но еще безъ плана.. Я постараюсь дать ему нѣкоторое направленiе; но онъ по-русски плохо знаетъ, а книгъ здѣсь почти нѣтъ, хотя и есть учитель Русскаго языка Шмидтъ. Онъ напоминаетъ мнѣ Швецова во дворянствѣ. Обоихъ участь долженъ устроить Жуковскiй въ Петербургѣ *)....

Лейпцигъ, 8 Сентября 1827 г.

Въ полночь прiѣхалъ Жуковскiй. Мы свидѣлись въ 6 час. утра, ибо онъ не хотѣлъ будить меня. Онъ зажился три дня въ Веймарѣ въ бесѣдѣ съ Гёте, отъ котораго и я получилъ милое слово чрезъ канцлера Мюллера, который писалъ ко мнѣ. Жуковскiй жалѣетъ, что меня не было съ нимъ у Гёте. Онъ былъ необыкновенно любезенъ и какъ отецъ съ нимъ. Жуковскому хотѣлось, чтобы я раздѣлилъ эти минуты съ нимъ; ибо онъ говоритъ, что Гёте и Шиллеръ образовали его, а съ ними вмѣстѣ онъ росъ и мужался съ нами, Тургеневыми, и душевное и умственное образованiе получалъ съ нами, начиная съ брата Андрея; что только въ чужихъ краяхъ укрѣпилась душа его, между прочимъ и твоими письмами, и что здѣсь началось Европейское его образованiе. И я жалѣю, что не былъ съ нимъ въ Веймарѣ, хотя и многаго бы лишился что́ прiобрѣлъ въ Лейпцигѣ; но Гёте—незамѣнимъ. Я не знаю что́ я чувствую, глядя на Жуковскаго и видя его любовь и къ тебѣ. Мы уже много о тебѣ говорили. Онъ читалъ выписки изъ нѣкоторыхъ писемъ твоихъ Штейну, переведя ихъ прежде. Не говорю тебѣ о мнѣнiи Штейна: ты его знаешь. И графъ Головкинъ говорилъ съ нимъ и просилъ его оправдать его предо мною и увѣрить, что онъ не изъ тѣхъ, кои думали бы о тебѣ какъ о виновномъ; но что̀ мнѣ въ его мнѣнiи? Съ кѣмъ онъ согласился въ приговорѣ? Я этого на знаю, но предвижу; ибо ни Строгановъ, ни онъ самъ ничего мнѣ не сказали въ его оправданiе, какъ о судьѣ твоемъ; но Богъ съ нимъ! Для него лучше, если совѣсть не совсѣмъ умерла въ немъ; для насъ все равно. Я прочелъ Жуковскому нѣсколько строкъ изъ твоего сочиненiя объ освобожденiи крестьянъ въ Россiи. Онъ хочетъ имѣть оригиналъ твой, и я даю ему. У меня останутся двѣ копiи. Вотъ стихи Жуковскаго, оставленные имъ въ Веймарѣ у Гёте.

Творецъ великихъ вдохновенiй!
Я сохраню въ душѣ моей
Очарованiе мгновенiй,
Столь счастливыхъ въ близи твоей!
Твое вечернее сiянье

*) Чью, чью участь не устраивалъ Жуковскiй. П. Б.

Не о закатѣ говоритъ.
Ты юноша среди созданья!
Твой геній, какъ творилъ, творитъ.
Я въ сердцѣ уношу надежду
Еще здѣсь встрѣтиться съ тобой:
Землѣ знакомую одежду
Не скоро скинетъ Геній твой.
Въ далекомъ полуночномъ свѣтѣ
Твоею Музою я жилъ,
И для меня твой геній, Гёте,
Животворитель жизни былъ!
Почто судьба мнѣ запретила
Тебя узрѣть въ моей веснѣ?
Тогда душа бы воспалила
Свой пламень на твоемъ огнѣ.
Тогда бъ вокругъ меня создался
Иной чудесно-пышный свѣтъ;
Тогда бъ и обо мнѣ остался
Въ потомствѣ слухъ: онъ былъ поэтъ!

Жуковскій подтвердилъ мнѣ о слезахъ Штейна при чтеніи письма гр. Каподистріи. Онъ, уѣзжая чрезъ Англію въ Грецію, просилъ благословенія старца на дѣло, коему посвящалъ себя и жизнь свою. Письмо коротко, но въ этомъ испрашиваемомъ у Штейна благословеніи—все сказано. Жуковскій написалъ письмо къ Каподистріи и отдалъ его Штейну для отправленія. Посылаю тебѣ съ него копію. Тутъ узнаешь обоихъ, и Жуковскаго, и Каподистрію. «Hier j'ai lu votre sublime lettre au b. Stein. Elle a rempli mon âme d'un sentiment de respect pour vous et en général pour la grandeur de la destinée humaine. La lecture d'une pareille lettre, en présence de l'homme à qui elle a été adressée, est un des beaux moments de ma vie. Oui, les bénédictions que vous demandez en entrant dans votre noble carrière, vous sont accordées à l'unanimité par tous les coeurs qui aiment la vertu, qui croyent à la Providence divine. Lorsque j'ai appris que Canning n'existait plus, je n'ai été rempli que de respect religieux pour une mort pareille. Dans le premier moment on peut rester stupéfait devant un évènement qui semble renverser toutes nos espérances; dans le second on revient à soi, et on dit avec une nouvelle confiance: l'histoire universelle nous console de l'histoire contemporaine. Si le moment fugitif du présent semble quelquefois prêcher le hasard, l'histoire prêche Dieu. Canning n'a pu effectuer ses beaux projets pour l'humanité; mais il a existé, le monde l'a connu, et il a légué son âme à l'histoire, et la grandeur d'âme survit à la grandeur des empires. Vous allez entrer en Grèce. Vous allez joindre votre destinée à celle de votre généreux peuple. Quelqu'en soit l'issue, votre beau dévouement appartient à l'humanité. Vous avez déjà ajouté au trésor des choses grandes, qui

seules sont le vrai héritage que nous tenons du passé. Et ceux qui vous ont béni vous resteront à jamais reconnaissants pour les beaux sentiments qu'ils ont du éprouver, en prononçant leurs bénédictions. Adieu, m-r. le c-te. Mon espérance de vous retrouver à P-bourg a été donc vaine; mais vous savoir là où vous serez bientôt, c'est encore être près de vous. Votre vie prêche la vertu et le devoir. J'en profiterai pour ma carrière obscure (Et c'est l'instituteur du futur Empereur de toutes les Russies qui parle de l'obscurité de sa carrière! Примѣч. переписчика), et je tâcherai de me rendre digne d'aimer le souvenir de Capodistrias» [1]). Въ черновомъ письмѣ его я нахожу еще нѣсколько строкъ, кои онъ не послалъ къ Капод. Вотъ онѣ: «Qui sont nos vrais bienfaiteurs dans cette vie? Ceux, qui nous inspirent l'amour du bien, qui nous apprennent à révérer notre existence, qui nous enseignent à apprécier son but. Qui sont les vrais bienfaiteurs de l'humanité? Ceux qui ont laissé à la postérité l'exemple d'une grande et pure activité. Les empires passent avec ceux qui ont contribué à les agrandir ou à les détruire; mais la grandeur de l'âme qui a aimé le bien reste intacte [2])». Читая твои письма въ Дрезденѣ и послѣ, Жуков-

[1]) Вчера прочелъ я ваше высокое письмо къ барону Штейну. Оно наполнило мнѣ душу чувствомъ почтенія къ вамъ и вообще къ величію человѣческой судьбы. Чтеніе подобнаго письма въ присутствіи человѣка, къ которому оно писано, принадлежитъ къ прекраснымъ минутамъ въ моей жизни. Да, благословеніе, котораго вы испрашиваете вступая на благородное ваше поприще, дается вамъ единогласно всѣми сердцами, любящими добродѣтель, вѣрующими въ божественный Промыслъ. Когда узналъ я, что Каннингъ умеръ, религіознымъ почтеніемъ къ такой смерти наполнилась душа моя. Въ первую минуту, пожалуй, ошеломляетъ тебя событіе, ниспровергающее, повидимому, всѣ наши надежды; затѣмъ входишь въ себя и говоришь съ обновленнымъ упованіемъ: для исторіи современной утѣшеніе въ исторіи всемірной. Бѣглая минута настоящаго по видимому свидѣтельствуетъ о случайности, исторія же свидѣтельствуетъ о Богѣ. Каннингъ не могъ осуществить прекрасныхъ своихъ замысловъ для человѣчества; но Каннингъ жилъ, міръ его зналъ, и онъ душу свою завѣщалъ исторіи, а величіе души вѣковѣчнѣе величія государствъ. Вы ѣдете въ Грецію. Вы сочетаете судьбу вашу съ судьбою вашего великодушнаго народа. Какой бы ни послѣдовалъ исходъ, ваше прекрасное самопожертвованіе принадлежитъ человѣчеству, и вы уже пріумножили сокровищницу великихъ дѣлъ, которыя одни составляютъ истинное наслѣдство, получаемое нами отъ прошедшаго, и благословляющіе васъ останутся навсегда благодарны за прекрасныя ощущенія, которыя они должны были испытать, преподавая вамъ благословеніе. Прощайте, графъ. Моя надежда еще застать васъ въ Петербургѣ не исполнилась; но знать, что вы скоро будете тамъ, куда ѣдете, это все же быть близку къ вамъ. Ваша жизнь есть проповѣдь добродѣтели и долга; я воспользуюсь ею на моемъ едва замѣтномъ поприщѣ (и это говоритъ воспитатель будущаго Всероссійскаго Императора! *Примѣчаніе переписчика*) и постараюсь быть достойну того, чтобы любить память Каподистріи.

[2]) Кто нашъ настоящій благодѣтель въ этой жизни? Тотъ, кто внушаетъ намъ любовь къ добру, кто преподаетъ намъ уваженіе къ нашему существованію, учитъ насъ цѣнить его назначеніе. Кто настоящій благодѣтель человѣчества? Тотъ, кто оставилъ потомству примѣръ великой и чистой дѣятельности. Государства преходятъ вмѣстѣ съ тѣми людьми, которые содѣйствовали ихъ распространенію или ихъ паденію; но величіе души, любившей добро, пребываетъ неколебимо.

скій часто мнѣ говаривалъ, что онъ обязанъ тебѣ, твоему несчастію самыми высокими минутами въ жизни. Милый Серёжа всякій разъ радовался, восхищался его къ тебѣ любовію, особливо при чтеніи твоихъ писемъ и точно, подобно тебѣ, несчастія нашего не почиталъ несчастіемъ и плакалъ иногда со мною отъ радости, отъ счастія имѣть тебя братомъ и Жуковскаго другомъ. Я помню эти минуты, и онѣ не огорчаютъ, а возвышаютъ меня. Мы все имѣли великое въ жизни: и несчастіе, и друзей, и брата, подобнаго Сергѣю. Осталось жить менѣе чѣмъ жили. Сохранимъ остатокъ жизни въ честь ему и друзьямъ нашимъ, не многимъ, но вѣрнымъ. Да у кого ихъ было больше и кто укажетъ на лучшихъ? Жуковскій, Карамзины и наша милая графиня, которой покажу эти строки и скажу, что дружба ея для насъ па ряду съ дружбою Жуковскаго, 30-лѣтнею, наслѣдственною.

Жуковскому очень бы хотѣлось возвратиться на полгода въ какой нибудь Нѣмецкій университетъ; ибо онъ чувствуетъ, какъ академическая жизнь прилѣпляетъ къ труду учебному и ученому, и для будущаго его занятія эти полгода были бы полезны. Но это только pia desideria...

10 Сентября, 6 час. утра.. Здѣсь есть брошенный однимъ офицеромъ Русскій солдатъ, безъ ногъ и безъ хлѣба; послалъ ему теперь милостыню и пошлю еще твоимъ именемъ и въ память Серёжи. Онъ одинъ. Постараюсь и увидѣть его, если успѣю. Пожалуста, милый братъ, будь душею такъ силенъ, какъ былъ всегда. Право, можно жить, потому что должно жить. Посмотри на этого солдата: онъ доживаетъ, а мы еще будемъ—и можетъ быть скоро—съ тобою вмѣстѣ... Полдень. Сейчасъ возвратился отъ больнаго солдата Русскаго. Онъ женатъ на Нѣмкѣ, живетъ здѣсь болѣе 30 лѣтъ. Еще при Екатеринѣ II отставленъ больной майоромъ. Выучился сапожническому мастерству. Къ тому же и землякъ: изъ Симбирской губерніи. Я поручилъ его Ес...ву. Онъ и впредъ за нимъ ухаживать будетъ. Просилъ его молиться за насъ и принялъ его благословеніе на дорогу. Переѣздъ съ мѣста на мѣсто сдѣлалъ изъ меня порядочнаго человѣка, особливо по бумагамъ: отослалъ все ненужное, въ порядкѣ все остальное. Могу найти все скоро, и дорожная чернильница всюду и всегда со мною. Прости, вѣроятно, до Нюренберга...

Борна, 3 мили отъ Лейпцига, 10 Сентября 1827 г.

У воротъ Фрейганга, въ три часа по полудни, разстались мы съ Жуковскимъ, но почти безъ слезъ и съ какимъ-то негрустнымъ предчувствіемъ, хотя и говорили о грустномъ. Онъ поѣхалъ въ противную сторону; я туда же, куда за 4 мѣсяца ѣхалъ съ нимъ и съ Серёжей,

и пишу теперь въ томъ домѣ, гдѣ ночевалъ съ ними; но я за минуту смотрѣлъ на заходящее солнце, которое освѣщало золотымъ блескомъ отдаленную равнину, хотя въ той, по которой я ѣхалъ, было мрачно... Я съ такимъ спокойствіемъ думалъ и о Жуковскомъ, и о тебѣ, и о Серёжѣ, и о жизни, что принялся благодарить Бога за миръ души моей.

Штутгардъ, 17 Сентября 1827.

Священникъ списалъ для меня реестръ нѣсколькимъ Славянскимъ и Русскимъ книгамъ и манускриптамъ; но всего любопытнѣе для меня былъ Русскій катехизисъ, напечатанный въ Стокгольмѣ по-русски при Густавѣ Адольфѣ, т. е. въ 1628 г. Я списалъ заглавіе, и вотъ что въ концѣ онаго сказано: «А напечаталъ встоколне мастеръ Петеръ Фанселавъ, лѣта отъ воплощенія Спаса нашего Іисуса Христа 1628». Начинается катехизисъ: «Святый Боже, Святый Крѣпкій и пр.» Я не слыхалъ о существованіи онаго. Лебрехтъ полагаетъ, что Густавъ Адольфъ, кончивъ дѣла въ Германіи, имѣлъ виды на Россію; но мнѣ никакихъ подобныхъ замысловъ его неизвѣстно. Въ числѣ 8.400 полныхъ Библій и Евангелій находится здѣсь и напечатанная Петромъ I, въ Голландіи, 1717, in folio. Я видалъ ее и въ Петербургѣ. Штелинъ, подарившій сей экземпляръ библіотекѣ въ Мейнингенѣ, откуда онъ былъ родомъ, увѣряетъ, что только три экземпляра въ Россіи и что, вѣроятно, другіе испорчены недоброжелателями въ Россіи.

Вечеръ провелъ я у Дрезденскаго знакомца Г...., кажется побочнаго сына какого-то короля, и чуть ли не бывшаго здѣшняго. Жена его дружна съ Пушкиной, и я почелъ обязанностію быть у нихъ и не раскаеваюсь: онъ много говорилъ со мною о Швейцаріи, о Саксонскомъ управленіи и о притѣсненіи тамъ крестьянъ дворянами, а чрезъ нихъ и правительствомъ; но тронулъ меня анекдотомъ о своемъ братѣ, бывшемъ Французскомъ генералѣ, смертельно раненномъ при Кульмѣ, вблизи императора Александра и короля Прусскаго. Братъ его плавалъ въ крови; подъѣзжаетъ король Прусскій и, узнавъ его въ лицо, началъ ему упрекать за службу во Французской арміи, говоря, что другіе его братья служатъ не Наполеону, а ему. Братъ его отвѣчалъ ему: je suis soldat et j'ai prêté serment [1]) и, отворотившись отъ короля, завернулся въ кровавый плащъ свой. Александръ это видѣлъ и слышалъ; подъѣхалъ къ королю: «Mon frère, ce n'est pas le moment des reproches [2]). Богъ браней рѣшаетъ участіе людей въ сіи минуты. Успокойтесь, генералъ; мои хирурги васъ возмутъ на свои руки, и они за васъ отвѣчать будутъ». Велѣлъ его снести съ поля сраженія, и въ Теплицѣ онъ лѣчился и умеръ съ благодарнымъ чувствомъ къ Але-

---

[1]) Я солдатъ и приносилъ присягу.—[2]) Братъ, теперь не время попрекать.

ксандру. Мы страдаемъ за него, но я не могу безъ слезъ слышать о немъ доброе. Вѣрно и ты тоже. Между тѣмъ какъ тебя искали по Европѣ, какъ заговорщика противъ жизни Александра, ты покупалъ въ Парижѣ стаканъ съ его портретомъ и плакалъ по немъ. Миръ его праху и прощеніе тѣмъ, кои его именемъ насъ гонятъ! Право, нѣтъ злобы въ сердцѣ, а любовь. Я увезъ этотъ стаканъ въ Россію и просилъ Ж. беречь его [1]).

Цюрихъ, 20 Сентября.

. . . . . . Жалѣю, что долѣе не могу пробыть здѣсь, чтобы покататься по озеру и предаться мечтамъ, для коихъ теперь открыта душа моя. Жаль также, что не могу обходить съ умнымъ разскащикомъ, проводникомъ моимъ, мѣста̀, гдѣ Русскіе солдаты отличились храбростію, а военачальникъ ихъ упрямымъ невѣжествомъ: ибо ему Цюрихцы совѣтовали занять одну гору, а онъ хвастался передъ ними Русскими штыками и ихъ всемогуществомъ. Эбель отдаетъ справедливость Русскимъ солдатамъ, кои, умирая съ голоду и бросаясь къ ногамъ проходящихъ за кусокъ хлѣба, не тронули ни одного дома, оставляя городъ Французамъ-побѣдителямъ. Побѣда надъ голодомъ не славнѣе; но, конечно, свидѣтельствуетъ не одну храбрость.

Бернъ, 23 Сентября.

Къ молодому графу С. При, который живетъ здѣсь и гуляетъ à peu près какъ въ Дрезденѣ. Онъ обрадовался мнѣ какъ родному. Фурманъ сказалъ мнѣ, что пять писемъ сегодня пришли ко мнѣ, что онъ отослалъ ихъ къ Северину на дачу. Сен-При послалъ за ними своего егеря верхомъ, и черезъ полчаса Северинъ присылаетъ мнѣ ихъ, а завтра и самъ будетъ. Фрейгангъ изъ Лейпцига прислалъ мнѣ письмо твое No. 20 отъ 27 Августа, отъ Жуковскаго изъ Берлина, отъ Пушкиной и др. изъ Дрездена и отъ канцлера Мюллера изъ Веймара...

Какъ жаль, что ты прежде не увѣдомилъ меня объ отпускѣ Милорадовичемъ хамовъ при чтеніи твоей бумаги и о вторичномъ чтеніи для Паскевича [2]). Это замѣчательно. Послѣ завтра пишу о семъ Жуковскому.

Бернъ, 1-го Октября.

Гр. Каподистрія бывалъ въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ Феленбергомъ. Я не помню его рапорта, хотя въ свое время читалъ его. Здѣсь,

---

[1]) Этотъ стаканъ, съ силуэтомъ императора Александра I, я видѣлъ нѣсколько разъ проходя мимо лавки, въ которой онъ находился. Но въ одно утро онъ особенно поразилъ меня. Возвратясь домой и принимаясь, по обыкновенію, за чтеніе журнала, я узналъ о смерти императора! Н. Т.

[2]) При слушаніи чтенія моей записки о крѣпостномъ правѣ, когда входилъ въ комнату тотъ или другой изъ слугъ его, графъ Милорадовичъ немедленно объявлялъ ему, что онъ даетъ ему свободу. Когда, во время чтенія, пришелъ къ графу Паскевичъ, то графъ попросилъ читать статью съ начала. Н. Т.

извѣстно, были и Русскіе: Суворовы, Шуваловы, Кривцовы. По нравственности они, кажется, всѣ удались; Кривцовъ сохранилъ и любовь къ трудамъ и къ просвѣщенію. Недавно одинъ изъ Шуваловыхъ, женатый на княгинѣ Зубовой, былъ здѣсь. Сказываютъ, что братъ его и въ Лейбъ-гусарскомъ полку не забылъ садить капусту. Для вечера жизни и нашимъ боярчикамъ эти простыя занятія пригодиться могутъ. Какъ бы я желалъ не быть невѣжей въ сельскомъ, простомъ хозяйствѣ и любить по прежнему ботанику! Но нашъ энциклопедистъ-ботаникъ обучалъ насъ только военной екзерциціи на Воробьевыхъ горахъ, и мы тамъ пили молоко, но не доили его.

2 Октября утро. Осмотрѣвъ вчера Гофвиль, поблагодаривъ сына Феленберга и пріятеля его, я возвратился къ 5 часамъ къ гр. С. П. обѣдать; но нашелъ отъ великой княгини приглашеніе пріѣхать къ ней отъ 7 до 8 вечера, а уже было около 8 часовъ; я не одѣтъ и коляска не готова. Одѣвшись кое-какъ, я побѣжалъ къ Сен-При, взялъ его коляску и въ 9-мъ часу отправился въ Эльфенау, нашелъ тамъ Северина со всѣмъ семействомъ, Шиффм. оберъ-церем. великой княгини, нашего статскаго совѣтника, и жену его, и объяснилъ великой княгинѣ причину поздняго пріѣзда. Мнѣ описали ее очень церемонною и взыскательною, но я нашелъ милую, уже пожилую женщину, съ остатками красоты и пріятности въ лицѣ. Насъ угощали плодами и конфектами, а говорили, хотя и свободно, но чинно, обо всемъ что приходило въ голову. Домикъ ея убранъ шелкомъ и бронзами; но сада и окрестностей Эльфенау, о которомъ поэты такъ много говорятъ, теперь я не могъ видѣть, ибо давно уже смерклось и шелъ дождь. Она сохраняетъ всѣ правила двора и помнитъ Россію, которая недавно прибавила ей 10 тыс. къ ея годовому содержанію и уплатила слишкомъ 200 тыс. какого-то вдовьяго или замужняго оклада. Северинъ что-то толковалъ мнѣ объ этомъ; но я тогда смотрѣлъ на горы и на заходящее солнце и опомнившись замѣтилъ только, что, не имѣя дѣтей и получая и безъ того весь великокняжескій окладъ, можно бы было обойтись и безъ прибавки.

Лозанна.

5 Октября 11 час. утра. Въ 8 часу прислалъ уже ко мнѣ Лагарпъ сказать, что желаетъ меня видѣть немедленно. Первыя слова наши были о братѣ С., котораго онъ знавалъ здѣсь, и о тебѣ. Я повторю смыслъ ихъ. По прочтеніи рапорта, сказалъ онъ, я не вѣрилъ, чтобы Николай Тургеневъ могъ быть участникомъ въ томъ, въ чемъ его и другихъ обвиняли. Я его знавалъ, какъ честнѣйшаго и благоразум-

наго человѣка; я и прежде о немъ всегда говаривалъ, что онъ дѣлаетъ честь своей націи и правилами своими, и рѣдкимъ просвѣщеніемъ; что у Императора немного подобныхъ слугъ, что вѣрно въ обвиненіи его есть какое-нибудь недоразумѣніе. Я это всѣмъ говорилъ, повторилъ онъ мнѣ, и вы ничего не прибавили къ моему убѣжденію въ его невинности. Я благодарилъ его. Пусть Барановы осуждаютъ по догадкамъ: лишь бы Штейны и Лагарпы оправдывали по другому внутреннему чувству. Точно, для меня быть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тебя знавали или видѣли, есть услажденіе душевное: вездѣ одно слышу.

Отъ тебя перешли мы къ его Александру. Я зналъ отъ Северина, что Государь возвратилъ ему (вслѣдствіе общей мѣры, по коей возвращены каждому письма Александромъ полученныя) всѣ письма и бумаги, кои во все время Государь получалъ отъ Лагарпа. Онъ принесъ мнѣ коробку, въ коей уложены были имъ сіи бумаги на случай смерти, или новаго требованія оныхъ. Онъ говоритъ, что онъ завѣщаетъ сіи бумаги здѣшней городской библіотекѣ, съ тѣмъ, чтобы безъ позволенія Русскаго правительства ихъ не распечатывали, или выдали бы правительству Русскому, когда потребуются; что онъ радъ былъ найти нѣкоторыя бумаги и письма, съ коихъ не осталось у него черновыхъ; что нѣкоторыхъ недостаетъ (и я это знаю, ибо у меня есть его бумаги), что онѣ принадлежатъ исторіи; что между прочимъ есть большая записка о Министерствѣ Народн. Просв. (но не та, которая у меня), что она составлена по прочтеніи оффиціальнаго Государю представленнаго рапорта по сей части, въ бытность Лагарпа въ Петербургѣ; что Новосильцовъ не думалъ, чтобы Лагарпъ могъ что-либо почерпнуть изъ сего рапорта, но что Лагарпъ выпросилъ его у Государя и составилъ изъ него записку съ своими предположеніями въ отношеніи къ Россіи; что онъ безпрестанно писалъ къ Государю и обо всемъ откровенно и что уже одинъ фактъ, что Государь въ продолженіи 30 лѣтъ позволялъ къ себѣ писать такъ чистосердечно, безъ неудовольствія къ писавшему, дѣлаетъ честь самодержцу; что онъ рѣдко писалъ чрезъ нашихъ дипломатовъ, хотя имѣлъ на сіе позволеніе; что въ числѣ писемъ къ нему (кои ты читалъ) есть такія, кои заслуживали бы золотыхъ буквъ. Онъ сбирался въ 9 часовъ куда-то въ деревню и спѣшилъ на зовъ жены; но просилъ меня остаться до завтра и придти къ нему въ 8 час. утра пить кофе, обѣщая показать многое объ Александрѣ, о которомъ и я говорилъ ему съ чувствомъ неизмѣнившейся привязанности, примолвивъ, что и ты любилъ его, и не даромъ, ибо видѣлъ въ немъ освободителя отъ рабства трехъ губерній. Въ кабинетѣ его стоитъ бюстъ Александра, покрытый чернымъ флеромъ; на пьедесталѣ написано рукою Лагарпа: Alexandre I, Empereur-

citoyen, protecteur bienveillant (1812—1814) du peuple Suisse *). По сторонамъ бюста на стѣнѣ повѣшены картоны; на одномъ означены эпохи освобожденія отъ рабства въ Курляндіи, Эстляндіи и Лифляндіи и слова Государемъ какимъ-то депутатамъ сказанныя; на другомъ выписка изъ рѣчи его въ Польшѣ (1818 г.) о конституціи и о томъ, что готовитъ тоже и Россіи; и еще какое-то примѣчательное слово Государя въ отмѣнно-либеральномъ смыслѣ о такъ называемыхъ либеральныхъ идеяхъ. Куда привели слова сіи, гласно и оффиціально сказанныя! Прочитавъ выписку изъ постановленій для Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи, я вспомнилъ, что и я былъ употребленъ по всѣмъ тремъ въ окончательномъ изданіи оныхъ, не утерпѣлъ и сказалъ объ этомъ Лагарпу.

6 Октября. Съ 8 час. до сей минуты (2 час. по пол.), просидѣлъ я съ Лагарпомъ. Съ часъ былъ съ нами Шаванъ, потомъ мы вдвоемъ. Не знаю, успѣю ли записать все, что́ упомню. Онъ читалъ мнѣ письмо Александра, которое еще при Павлѣ писалъ онъ ему съ Новосильцовымъ, коего онъ тогда отправилъ къ Лагарпу. Въ этомъ письмѣ Александръ ясно, сильно и съ чувствомъ говоритъ Лагарпу о желаніи его сердца дать конституціонное устройство Россіи; о томъ, какъ онъ страдаетъ, видя правленіе Павла, военныя игрушки, злоупотребленія власти и кредита временщиковъ; о намѣреніи его сдѣлать, со временемъ, невозможнымъ деспотизмъ въ Россіи, для чего дружбою и единствомъ видовъ соединился онъ съ княземъ Чарторижскимъ, его другомъ, коего онъ хвалитъ очень, съ Новосильцовымъ, гр. Строгановымъ и гр. Кочубеемъ. Новосильцовъ долженъ былъ доставить это письмо ему въ Парижъ, и для того Лагарпъ требовалъ отъ члена Директоріи Мерленя паспорта для Новосильцова, сказавъ ему цѣль поѣздки Новосильцова и показавъ часть письма Александра. Но паспортъ опоздалъ, хотя Мерлень и немедленно согласился, воспламененный доброю цѣлію Александра. Лагарпъ получилъ письмо, но Новосильцовъ не могъ пріѣхать въ Парижъ. Тутъ есть золотыя слова и чувства человѣка-ангела. Я нѣсколько разъ прочиталъ его и на нѣкоторыхъ мѣстахъ, отъ слезъ, не могъ продолжать чтеніе. Мы оба плакали. Оно писано въ 1797 г. изъ Гатчины, на двухъ полулистахъ почтовыхъ. Александръ надѣялся, со временемъ, устроивъ судьбу Россіи и давъ ей конституцію, уклониться отъ правленія и кончить жизнь частнымъ человѣкомъ и не въ Россіи. Онъ съ силою говоритъ о деспотизмѣ, о переводѣ книгъ, ими избранныхъ, для распространенія просвѣщенія, о недостаткѣ въ людяхъ

*) Александръ I, императоръ-гражданинъ, благосклонный покровитель (1812—1814) Швейцарскаго народа.

и въ средствахъ, и посылалъ Новосильцова для совѣщанія съ Лагарпомъ. Я читалъ и другія письма, уже по восшествіи на престолъ писанныя, и всѣ дѣлаютъ честь сердцу и правиламъ Александра, на всѣхъ печать прекрасной души его, и Лагарпу дѣлаютъ честь; ибо онъ напоминалъ ему о многомъ, слѣдуя слухамъ, упрекалъ ему во многомъ, напримѣръ въ . . . .; (и какъ просто и прекрасно онъ оправдалъ себя!), въ отнятіи правъ у Сената. Въ сдѣланіи министромъ просвѣщенія гр. Завадовскаго онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что онъ безсиленъ и не можетъ ничего дѣлать безъ Главнаго Правленія Училищъ, т. е. безъ Муравьева, Новосильцова, Чарторижскаго, Клингера. Ихъ называетъ. Прекрасно говоритъ ему, что не хочетъ, безъ нужды, употреблять иностранцевъ, дабы не оскорбить Русскихъ и для того проситъ рекомендовать только такихъ, кои могутъ быть полезны Россіи; писать обо всемъ и откровенно, не по почтѣ, дабы не читали писемъ, присылать всѣ книги и благодаритъ за нѣкоторыя, кои читалъ съ удовольствіемъ. Quantum mutatus ab illo![1]) Но я увѣренъ, что онъ сохранялъ до конца жизни любовь къ добру и желаніе добра. Вѣчная слава ему за то, что онъ ни къ Лагарпу, ни къ Карамзину не перемѣнился до конца жизни, и въ Парижѣ, вопреки Лагарпу, далъ ему Св. Андрея. Кстати о Парижѣ. Лагарпъ сказалъ мнѣ: Je me le rappellerai toujours; sans votre frère j'aurais été sur le pavé. Il m'a donné un logement à Sainte-Cène[2]). Онъ прочелъ мнѣ и письмо Елисаветы къ нему, послѣ кончины Александра, прекрасное, трогательное и умное. Оно писано изъ Таганрога 18 (30) Генваря 1826 г. Лагарпъ позволилъ мнѣ выписать изъ него одну строку объ Александрѣ. Елисавета говоритъ о немъ, объясняя причину его болѣзни климатомъ, его любовью къ той сторонѣ и работою, которая истощила его. «Il ne reconnaissait pas assez le prix de sa vie; c'est le seul reproche qu'il méritait»[3]). Съ какимъ ангельскимъ терпѣніемъ говоритъ о своей горести и утѣшаетъ Лагарпа! Письмо почти на 3-хъ страницахъ, а сама уже готовилась къ свиданію съ Александромъ! Я читалъ и письмо Николая, по восшествіи на престолъ, умное и приличное. Лагарпъ былъ съ нимъ въ Парижѣ и замѣнялъ иногда Ламсдорфа; хвалитъ доброе сердце Михаила, съ коимъ былъ въ Италіи, но объ Александрѣ говоритъ со слезами. Я вижу, что онъ имѣлъ на него благодѣтельное вліяніе. Показывая мнѣ первое письмо (впрочемъ № 5) Александра, гдѣ онъ говоритъ о счастіи, которое хочетъ готовить Россіи, Лагарпъ сказалъ: Voyez-vous

---

[1]) Какъ онъ отсталъ отъ того!—[2]) Я никогда о томъ не забуду; если бы не вашъ братъ, я очутился бы на мостовой. Онъ мнѣ далъ помѣщеніе въ Сентъ-Сенѣ.

[3]) Онъ не довольно зналъ цѣну своей жизни; это единственный упрекъ, имъ заслуженный.

ces taches, monsieur? Eh bien! ce sont les larmes d'Erskine [1]), и объяснилъ это: когда Эрскинъ навѣстилъ въ Парижѣ Лагарпа и цѣлый день провелъ съ нимъ, то онъ далъ ему прочесть это письмо, и Эрскинъ плакалъ надъ нимъ, какъ мы плакали (и ты тоже чувствовалъ, когда Лагарпъ тебѣ его показывалъ; я помню, что ты мнѣ говорилъ объ этомъ и въ Парижѣ, и въ Петербургѣ). Лагарпъ далъ Александру письмо къ Эрскину, когда онъ ѣхалъ въ Лондонъ и просилъ у него рекомендательныхъ писемъ къ его пріятелямъ въ Англіи. Александръ тотчасъ отыскалъ Эрскина и послѣ отъ него привезъ письмо къ Лагарпу. Подробностей всего я тебѣ не упоминаю; ибо спѣшу записать главное. Я читалъ письмо, въ коемъ Александръ изъявляетъ Лагарпу желаніе познакомиться (и за честь себѣ это поставляетъ) съ Эрскиномъ и Джеферсономъ, и сношенія его съ симъ послѣднимъ были слѣдствіемъ посредства Лагарпова. Онъ объяснилъ мнѣ и причину отставки гр. Панина. Онъ далъ циркулярное предписаніе министрамъ нашимъ писать двойныя депеши: однѣ для него и для Государя, и другія о томъ же, съ подробными объясненіями для него, гр. Панина, только. Государь догадался, ибо гр. Панинъ не умѣлъ скрыть сего, и отставилъ его. Да и было за что. Намѣреніе гр. Панина управлять Государемъ явно уже было и изъ циркуляра, коимъ гр. Панинъ запретилъ нашимъ министрамъ давать паспортъ Лагарпу на пріѣздъ въ Россію, полагая, что неприлично, въ тогдашнее время, чтобы Лагарпъ былъ при государѣ, ибо Лагарпъ entaché de jacobinisme [2]). Онъ съ трудомъ могъ пробраться до Либавы, гдѣ былъ его своякъ Станеке, и оттуда выпросилъ у графа Панина паспортъ въ Петербургъ. Государь раза два въ недѣлю хаживалъ къ нему ввечеру, заставалъ часто его въ шлафрокѣ, говорилъ иногда о трудностяхъ правленія и разъ сказалъ: «я бы желалъ броситься въ Неву, такъ тяжело и грустно мнѣ». Отъ чего же? спросилъ Лагарпъ. «Я узналъ, отвѣчалъ Александръ, что въ Сибири умерло съ голоду нѣсколько тысячъ, и не могу добиться ни отъ кого, нѣсколько дней уже, объясненій по сему дѣлу». Лагарпъ воспользовался симъ случаемъ, чтобы представить ему снова о необходимости учредить министерство и отвѣтственность министровъ. Онъ былъ главною сему причиною. Я это и прежде зналъ по его бумагамъ. Онъ хранитъ еще нераспечатанное письмо Александра къ первому консулу Наполеону, которое вручилъ ему Александръ, и вотъ по какому случаю: Когда Лагарпъ отправлялся изъ Парижа въ Петербургъ, то Фуше призвалъ его и началъ ему говорить о томъ, какъ бы онъ могъ быть полезенъ для установленія добраго согласія между Александромъ и На-

[1]) Видите м. г., эти пятна? Такъ это слезы Эрскина.—[2]) Замаранъ якобинствомъ.

полеономъ. Лагарпъ отвѣчалъ, что онъ готовъ содѣйствовать, если Франція будетъ умѣренна въ своихъ сношеніяхъ съ Россіею. Фуше тотчасъ предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ St.-Cloud къ первому консулу; но Лагарпъ отвѣчалъ, что не поѣдетъ, развѣ по приказанію. Почему?— «Потому, что когда я искалъ убѣжища отъ гоненія Швейцаровъ во Франціи, то, хотя и нашелъ его, но Наполеонъ осыпалъ меня упреками, и я послѣ сего къ нему добровольно идти не могу; но готовъ быть полезенъ двумъ державамъ, если онѣ хотятъ дѣйствовать не только для своего блага, но и для блага человѣчества, и отвѣчаю за чувства и характеръ Александра». Ему выдали паспортъ. Онъ все пересказалъ Александру и, когда уѣзжалъ изъ Петербурга, Александръ въ его комнатѣ написалъ письмо къ Наполеону, прочелъ его Лагарпу и отдалъ. Въ семъ письмѣ Александръ предлагаетъ Наполеону идти къ одной цѣли и довѣряетъ, мимо министровъ, сноситься обо всемъ съ Лагарпомъ. Но Лагарпъ сказалъ Александру, что отдастъ письмо только въ такомъ случаѣ, если найдетъ, что Наполеонъ хочетъ добра; ибо тогда уже начиналъ онъ дѣйствовить деспотически (разогналъ трибунатъ и пр.) и, возвратившись въ Парижъ, хотя Наполеонъ и догадывался, что у Лагарпа были къ нему порученія, не отдалъ письма и сохранилъ его до сего дня. Этого не сдѣлалъ бы честолюбецъ или эгоистъ. Это факты, а не слова. У меня часто навертывались слезы, говоря съ Лагарпомъ, и у него также. А надъ письмомъ Александра о благѣ для Россіи мы оба плакали, и я минуты двѣ не могъ продолжать чтенія.... Забылъ важное въ біографіи Лагарпа. Онъ раза два долго говорилъ съ Екатериной, и разъ (когда говорили о посылкѣ ею войска противъ Французовъ) случайно она спросила его о семъ мнѣніи; онъ сказалъ откровенно, что союзниковъ разобьютъ, что ей довольно дѣла съ Турками и съ Поляками, и войска не посланы. Узнали о свиданіи дипломаты, догадались и гнали вездѣ, даже и послѣ въ Парижѣ, Лагарпа за этотъ совѣтъ; но насъ онъ спасъ, по крайней мѣрѣ, отъ убытка 50 тыс. корпуса, а можетъ быть и отъ безславія. Павелъ во все время пребыванія его въ Петербургѣ, при Екатеринѣ, на него дулся; но передъ отъѣздомъ Лагарпъ рѣшился объясниться; два часа говорилъ съ нимъ на балѣ въ Гатчинѣ и высказалъ ему самыя сильныя истины; они разстались друзьями и растроганные взаимно. У Лагарпа не было перчатокъ, великая княгиня Марія Өеодоровна желала танцовать съ нимъ. Павелъ далъ ему свои. Лагарпъ показывалъ мнѣ ихъ и хранитъ въ воспоминаніе послѣдняго разговора, о коемъ Павелъ за двѣ недѣли до своей смерти вспоминалъ и говорилъ Александру, спрашивая, переписывается ли онъ съ нимъ? Александръ отвѣчалъ, что не смѣетъ. ибо запрещенію его повинуется.

Лозанна, 9 Октября 1827 г. 11 час. вечера.

Съ 8-го до сего часа провелъ съ Лагарпомъ, сперва въ его кабинетѣ, потомъ у жены за чаемъ и наконецъ опять съ нимъ однимъ распрощался. Онъ мнѣ читалъ письмо свое къ Государю, въ 1820 г. писанное; сильно и дѣльно убѣждалъ не вмѣшиваться въ чужія дѣла, не останавливать хода народовъ въ ихъ политическому устройству, не ѣздить въ Пестъ, гдѣ, тогда думали, что будетъ конгрессъ; не окружаться иностранными дипломатами и думать о внутреннемъ устройствѣ Россіи, объ улучшеніи судебной части, законодательства, и тѣмъ оправдать первыя надежды Россіи и людей благонамѣренныхъ. Онъ отъ слезъ едва могъ продолжать письмо; отъ слезъ любви къ Государю-человѣку, который 30 лѣтъ не скучалъ такими письмами, сидя на самодержавномъ престолѣ. Онъ объяснилъ мнѣ революцію Швейцарскую, въ коей участвовалъ, и слѣдствія оной. Только Бернскіе аристократы потерпѣли, т. е. лишились несправедливо завладѣнныхъ правъ; народъ ожилъ и теперь благоденствуетъ отъ раздѣленія земель и отъ легкихъ налоговъ. О тебѣ говорилъ подъ конецъ съ глубокимъ чувствомъ и просилъ дать знать, въ случаѣ, если бы въ участи нашей послѣдовала перемѣна. Мы разстались, нѣжно обнимая другъ друга и, кажется, съ его стороны искренно. Завтра уже не увидимся, ибо я ѣду въ Женеву въ 7 часу утра. Онъ объяснилъ мнѣ прекрасную надпись, бывшую на дверяхъ дома Лудлова: «Omne solum forti patria est». Всякая земля, для сильнаго духомъ (или вѣрою) есть отечество, quia Patris, т. е. потому что принадлежитъ общему Отцу». Сильно, утѣшительно и прекрасно.

Женева, 12 Октября 1827.

Въ одномъ письмѣ Бонштетена изъ Лейдена къ отцу его, онъ говоритъ: «C'est un beau spectacle de voir l'émulation de la Czarine à faire fleurir les arts et les sciences dans ses vastes états. Elle tient 100 jeunes gens dispersés dans toutes les universités de l'Europe; ils ont 1200 florins de pension et vont successivement d'une académie à l'autre. De retour chez eux ce seront des professeurs, qu'on envoye comme des colonies faire régner les arts et les sciences dans les pays barbares. Elle vient d'envoyer six de ces jeunes professeurs en Sibérie. Ceux qui ont étudié la médecine ont leur districts, leur jurisdiction. Un malade du district n'ose consulter que le médecin du district. Je connais quelques jeunes Russes; ils envoyent tous leurs cahiers à Pétersbourg chaque semaine; ces jeunes gens sont les plus appliqués dans toute l'Université. Les jours où la bibliothèque est ouverte, ils sont occupés à copier les manuscrits qui peuvent intéresser leur pays. L'Im-

peratrice voit tout cela. Je crains que quelque empereur conquérant n'employe un jour les forces que la sagesse donne à ces vastes pays pour détruire les sciences et les arts...» [1]). Это писано, кажется, въ 1769 г. И теперь, чрезъ 60 лѣтъ, того же боятся отъ насъ (V. le Constitutionel et comp.). Въ слѣдующемъ письмѣ 1769 г. 3 Іюля, изъ Лейдена же, Бонштетенъ говоритъ: «Que sont maintenant des Russes? Si Catherine vit, ce seront des Anglais!» [2])

Вотъ еще изъ письма его къ отцу: «17 Avril 1769. Et à propos: j'ai vu le livre fait au nom de l'Impératrice. C'est Montesquieu; mais il fallait presque son génie pour l'imiter si bien.... Il n'y a qu'une observation: si ce système de lois est suivi dans ce vaste empire, la révolution suivra de près aussi; des climats différents, un éloignement immense du centre de l'empire, tout cela divisera cette grande couronne par le poids même de cette grandeur». Въ другомъ письмѣ описываетъ онъ какого-то Русскаго, его товарища въ университетѣ: «Capitaine Russe, natif du royaume de Casan, qui par ordre de l'impératrice a parcouru toute la Sibérie jusqu'à la Chine et à Kamtschatka» [3]).

. . . . Вотъ что Жуковскій пишетъ изъ Берлина отъ 29 (17) Сентября: «Ты я думаю уже знаешь о рожденіи великаго князя Константина. Это великое, важное, радостное происшествіе. Есть при немъ и для насъ авось. Боже мой! Есть-ли-бъ въ сію минуту нашелся человѣкъ съ душой и съ языкомъ, онъ бы много добра сдѣлалъ. Я увѣренъ, что въ сердцѣ Государя на все доброе есть всегда готовый

---

[1]) Прекрасно видѣть, какъ заботится Царица о процвѣтаніи искусствъ и наукъ въ обширныхъ ея владѣніяхъ. Она содержитъ сто молодыхъ людей по всѣмъ университетамъ Европы; они получаютъ по 1200 флориновъ и послѣдовательно переходятъ изъ одной академіи въ другую. По возвращеніи домой это будутъ профессоры, и отъ нихъ распространятся искусства и знанія въ странахъ варварскихъ. Она послала шесть человѣкъ изъ числа этихъ молодыхъ профессоровъ въ Сибирь. Изучавшіе медицину завѣдуютъ своими округами, имѣютъ свое управленіе. Больной долженъ обращаться къ медику только своего округа. Я знаю нѣкоторыхъ молодыхъ Русскихъ; они всѣ еженедѣльно посылаютъ свои тетради въ Петербургъ; это молодые люди самые прилежные во всемъ университетѣ. Въ дни, когда открыта библіотека, они занимаются списываніемъ рукописей, имѣющихъ отношеніе къ ихъ странѣ. Императрица все это видитъ. Боюсь, что эта обширная земля усилится отъ такихъ мудрыхъ мѣръ, и когда нибудь завоевательный императоръ воспользуется этимъ для подавленія наукъ и искусствъ.

[2]) Что теперь Русскіе? Если Екатерина проживетъ, изъ нихъ выдутъ Англичане.

[3]) 17 Апрѣля 1769. Кстати: я видѣлъ книгу, сочиненную отъ имени Императрицы. Это Монтескье, но надлежало имѣть почти такой же какъ у него геній, чтобы такъ хорошо подражать ему. Замѣчу только: если обширная эта имперія усвоитъ себѣ такіе законы, то послѣдуетъ въ ней скоро и переворотъ. Разность климатовъ, непомѣрная даль отъ средоточія власти, приведутъ къ тому, что обширная держава разложится подъ тяжестью своей огромности.—Русскій капитанъ, уроженецъ Казанскаго царства, объѣхавшій, по приказанію Императрицы, всю Сибирь до Китая и Камчатки.

отголосокъ. Я пробуду здѣсь еще недѣлю. Мою записку почти переписалъ и постараюсь дописать еще здѣсь, чтобы быть по пріѣздѣ на готовѣ. Многое поправилъ. Буду писать тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ. Чтó пишетъ братъ? Гдѣ графиня? Не переставай присылать мнѣ выписокъ изъ братниныхъ писемъ».

Мнѣ хочется выбрать для Жуковскаго родъ эпистолярной хрестоматіи изъ сихъ писемъ, но въ связи съ письмами Мюллера, до и послѣ кончины его напечатанными, и составить нѣчто цѣлое, присоединивъ біографическія краткія статьи къ каждому корреспонденту и исчисленіе твореній ихъ. Ему бы это послужило для воспламененія юной души его питомца къ прекрасному въ различныхъ родахъ и согрѣло бы сердце питомца чувствомъ дружбы, которое оживляло всю жизнь юношей и старцевъ: ибо 80-ти лѣтній Бонштетенъ и въ семъ году писалъ къ Матисону перомъ 20-лѣтняго Мюллера. Душѝ лѣта не уносятъ, если она согрѣвается мыслію и зрѣетъ, совершенствуется бѣдствіями: тогда и прошедшее счастіе въ пользу и тогда, и только тогда, для нея «прошедшее вѣчно».

Парижъ, 17 Октября 1827 г.

Въ $9\frac{1}{2}$ часовъ утра я пріѣхалъ сюда; на заставѣ нашелъ записку графини о квартирѣ и прямо въѣхалъ въ Hôtel des Colonies, въ сосѣдствѣ съ графинею, съ Гизо и Свѣчиной.

Вечеръ провелъ у Гизо. Онъ такъ бодръ и твердъ, что я ни малѣйшей разницы не нашелъ въ немъ съ тѣмъ, какъ онъ былъ прежде. Говорили много о Бонштетенѣ и Лагарпѣ. Онъ судитъ ихъ справедливо и безпристрастно. О Лагарпѣ говоритъ, что, не смотря на его посредственность, два раза онъ спасъ Швейцарію; въ первый разъ революціей, въ другой уговоривъ Александра оставить ее, такъ какъ она теперь; но, прибавляетъ, хорошо, что далѣе не пустили Лагарпа дѣйствовать: ибо онъ зашелъ бы Богъ знаетъ куда по неопредѣлительности желаній своихъ и руководимый другими. Счастливъ, что и съ неблистательными способностями, но честностію характера и правилъ былъ два раза благодѣтелемъ отечества и въ самодержцѣ отдаленнаго Сѣвера посѣялъ сѣмена, кои принесли плодъ, по крайней мѣрѣ Гельвеціи, есть-ли не вполнѣ Россіи. Впрочемъ кто знаетъ? Можетъ быть и для Россіи не совсѣмъ пропали простые уроки нравственности и правоты государственной, кои онъ, какъ умѣлъ, старался вкоренить въ сердце Александра, открытое тогда всѣмъ впечатлѣніямъ добра. О послѣдствіяхъ сего воспитанія и позднихъ сношеній Лагарпа съ Государемъ мы будемъ въ состояніи лучше судить, когда прочтемъ ихъ переписку: правду выводить на свѣтъ время. О бароцѣ

Штейнѣ Гизо говорилъ съ великимъ уваженіемъ: онъ почитаетъ его главою лучшихъ либераловъ въ Германіи и къ его категоріи причисляетъ Нибура, молодаго Эйхгорна, Ганца (см. не ошибись и не подумай на Генца).

Парижъ, 21 Октября 1827 г.

Пишу отъ Каподистріи, куда пришелъ съ почты, гдѣ взялъ два письма твои: одно въ Женеву писанное (No 25), другое сюда. Теперь ожидаю Каподистріи и только имѣю время сказать тебѣ, что, увидѣвъ изъ письма твоего о рекрутствѣ, сейчасъ же пишу съ Хлюстинымъ къ Жихареву чрезъ Жуковскаго и вмѣстѣ сегодня же и по почтѣ, чтобы откупилъ нашу поставку рекрутъ, чтобы внесъ за всѣхъ, но ни одного не ставилъ натурою; что если уже и поставлены (чего никакъ не полагаю), то чтобы, coûte qui coûte, выкупилъ ихъ и обратно возвратилъ въ деревни. Это письмо посылаю сегодня же и прямо къ Жуковскому. Спасибо, что надоумилъ и досадно, что прежде объ этомъ не подумалъ. Впрочемъ и теперь еще не поздно.

Пришелъ Каподистрія. Я просидѣлъ съ полчаса, слушалъ, а не говорилъ и только изрѣдка его спрашивалъ. Онъ ясно и откровенно представилъ мнѣ свое святое дѣло, свои надежды, свои опасенія и отношенія къ разнымъ державамъ, особливо къ Англіи и Россіи, а Франція слѣдуетъ одному впечатлѣнію съ Россіею. Удастся или не удастся, теперь его роль прекрасна. Онъ отказался отъ Россіи для отечества, гдѣ найдетъ трудъ и нищету и интриги. Онъ сегодня или завтра уѣдетъ чрезъ Швейцарію, изъ которой желалъ бы для внутренней полиціи имѣть три тысячи солдатъ. Объ этомъ желаніи я не отъ него слышалъ; но для этого нужны деньги. Онъ похудѣлъ и совершенно сѣдъ. Онъ заваленъ дѣлами, и важными, государственными (ибо уже, какъ президентъ, хлопочетъ у трехъ державъ за Грецію) и мелкими, ибо всѣ обращаются къ нему съ проектами и претензіями.

Полночь. Часть вечера провели мы у Свѣчиной, и она разсказала намъ о своемъ свиданіи съ Каподистріей. Онъ все отдалъ Грекамъ и сумму вырученную за аренду, и жалованье, и теперь голъ какъ соколъ и только думаетъ о спасеніи отечества. Императоръ Николай предлагалъ ему величайшія денежныя пособія; но онъ не принялъ болѣе того, сколько думаютъ дать другія главныя государства: Франція и Англія, дабы не возбудить подозрѣнія противъ Россіи и не быть ей болѣе благодарну, чѣмъ другимъ. Кромѣ денегъ ничего, разумѣется, и кромѣ оружія, не принимаетъ; ибо людей деньгами и именно Швейцаровъ, можетъ нанять. Свѣчина, находя, что прежде въ немъ была какая-то охота къ діалектикѣ, видитъ въ немъ теперь какую-то во-

площенную мудрость; восхищается нравственнымъ, спокойнымъ его характеромъ и цѣлію всей его жизни; увѣряетъ, что никогда онъ не былъ такъ проникнутъ религіею, какъ теперь, и во всѣхъ словахъ онъ сходенъ съ своими поступками. Не сердится и на тѣхъ, кои противъ святой цѣли его; но носитъ въ сердцѣ тѣхъ, кои доброжелательствуютъ Грекамъ: это его собственное выраженіе съ графинею. Сегодня онъ уѣхалъ. Но у меня все на умѣ замѣчаніе твое о его участи, какъ человѣка государственнаго, какъ дипломата и какъ патріота. Брюловъ обѣщалъ мнѣ портретъ его.

Парижъ, 26 Октября 1827 г. No 30.

. . . . Ты напрасно сокрушаешься о сосланныхъ: я увѣренъ, что это опять вздоръ; они не работали и не работаютъ. Я самъ, въ Эмсѣ, читалъ письма жены С. Волконскаго къ Софьѣ Г. Волконской. Она осталась съ нимъ, вопреки желанію и надеждѣ родителей, ибо хотѣла остаться. И въ письмѣ, сегодня полученномъ, княгиня Софья увѣдомляетъ меня о письмахъ ею оттуда полученныхъ: имъ не дурно. О работѣ ни въ Эмсѣ, ни теперь ни слова. Кн-я Софья Григорьевна пишетъ мнѣ о всѣхъ подробностяхъ, между прочимъ о нездоровьѣ ея брата; какъ бы не написала о работѣ? Я и прежде зналъ, что это вздоръ.... Насъ вело и ведетъ Провидѣніе стезей непостижимой; но я вижу благость и въ самомъ бѣдствіи. Мы должны были многое постигнуть, чего, безъ сего опыта и безъ сего удаленія изъ Россіи, конечно бы съ такою силою, съ такимъ убѣжденіемъ не постигнули. Вотъ примѣръ, хотя въ бездѣлицѣ. Вчера сообщили мнѣ «Сына Отечества» нѣсколько книжекъ и за весь годъ «Инвалида». Я давно не читалъ Русскихъ журналовъ; не умѣю выразить чтó я чувствовалъ, пробѣгая листы сихъ репрезентантовъ нашей словесности, нашей администраціи, нашей политической, моральной и литературной жизни! Я и жалѣлъ, и краснѣлъ, но всего менѣе досадовалъ. Мнѣ было все это такъ чуждо: и Булгарина распри съ Вяземскимъ и Воейковымъ..... и всѣ сіи ничтожныя хлопоты о ничтожномъ, и указы о Хитрова генералъ-контролерствѣ и о благодарности конюшему, и ленты, и чины, и отставка съ деньгами кн. Я. Лобанову,—все это произвело на меня неизъяснимо чуждое по сію пору впечатлѣніе, и я уже не страдалъ, какъ прежде, не сокрушался и не досадовалъ, а чувствовалъ почти только одно, что я сему хаосу безстыдства, безпорядка и беззаконія не причастенъ. Чувствовалъ это такъ сильно, что благодарилъ Бога за то, что я былъ далекъ и душевно, и помышленіемъ, и умомъ, и пространствомъ. Къ этой же категоріи долженъ причислить и литературу, самую, такъ сказать, внѣшнюю сторону оной. Чтó это за варварство? А я и самъ еще только во Франціи; но здѣсь по крайней мѣрѣ на-

блюдается наружная пристойность. Булгаринъ герой! Въ нѣсколько дней раскупаютъ изданія его сочиненій. Шишкову еще подличаютъ; стало быть ничто не перемѣнилось, и никого еще не перемѣнили. И тѣ, въ коихъ желалъ бы принимать участіе, возбуждаютъ жалость по категоріи, въ которую ихъ возводятъ. На одного отставленнаго плута десять новыхъ съ новыми средствами къ взяткамъ, и юстиція высшая—въ рукахъ жандармовъ! Это не досада, не тяжелое чувство, а болѣе родъ какого-то удивленія, непривычки къ сему, хотя самъ чувствую, что не имѣю никакого права отвыкнуть отъ того, въ чемъ самъ погруженъ былъ и что̀ было 30 лѣтъ передъ глазами беспрерывно и во всѣхъ ужасахъ существенности.

Парижъ, 2 Ноября 1827.

Возвратившись домой, нашелъ у себя 6 книжекъ Телеграфа, изъ коихъ двѣ читалъ уже. Мнѣ прислалъ ихъ Hierau, издатель Бюллетеня; еще три письма мои къ Вяземскому, давно уже напечатанныя: всякая всячина изъ Дрездена. Я очень радъ, что пересталъ давно уже писать къ Вяземскому. Точно, онъ не умѣетъ выбирать полезное изъ писемъ и совѣты, намеки печатаетъ in extenso, даже съ Французскими словами, кои иногда употребляешь, не думая, что всякое слово напечатается. Провелъ вечеръ сначала у графини Сегюръ съ Свистуновыми, потомъ у графини Бобринской съ разноплеменцами и читалъ вечернюю газету; въ Россіи только производятъ, да отставляютъ, а на границѣ книги и у дамъ отбираютъ. Жуковскому трудно будетъ привыкать къ тамошней литературной діэтѣ; но къ счастію у него богатый запасъ отсюда и изъ Германіи, и дѣятельность его ученая не на новинкахъ будетъ основана. Прочелъ нѣсколько критическихъ статей Вяземскаго въ Телеграфѣ; онъ не совершенствуетъ своего слога, а напротивъ, окруженный безграмотными, позволяетъ себѣ все что̀ почитаетъ оригинальностію и силою выраженій. Странная участь нашей литературы: ея нѣтъ; а журналы все что-то критикуютъ, разсматриваютъ и о чемъ-то хлопочатъ.

Я зашелъ къ М. А. Нарышкиной; она одѣвалась, но приняла меня.... Едва есть слѣды прежней красоты; толста, и нѣтъ выраженія доброты на лицѣ. По сію пору комеражничаетъ, и я жалѣю, что заходилъ къ ней. Нашелъ у нея портретъ мужа въ голубой лентѣ, о которомъ она говоритъ безъ стыда.

Парижъ, 12 Ноября 1827 г. № 36.

За полчаса передъ тѣмъ, какъ я получилъ письмо твое и читалъ то, что̀ ты пишешь о Неграхъ въ Вестъ-Индіи, снова, послѣ свободы Англійской, за рабовъ принимаемыхъ, я прочелъ во Французской га-

зетѣ нѣсколько строкъ объ отмѣнѣ мерзкаго закона въ Россіи, мною, по несчастію, въ Департаментѣ Законовъ составленнаго [1]), но тобою осужденнаго, о правѣ помѣщиковъ посылать въ Сибирь дворовыхъ людей безъ суда, а только объявлять, что они не довольны ими. Сказываютъ, что составлены въ Совѣтѣ какія-то правила и поименованы случаи, по коимъ могутъ помѣщики поступать такъ токмо съ своими вассалами, какъ сказано въ журналѣ. Жаль, что нѣтъ ничего о семъ подробнѣе; но и этому радъ, ибо эта редакція (хотя впрочемъ я и возставалъ противъ смысла или безсмыслицы закона) лежала у меня на совѣсти. Но я не постигаю, какъ въ Англіи могли не признать правила, даже у насъ давно уже признаннаго, что человѣкъ, разъ пользовавшійся свободою, никогда уже рабомъ быть не можетъ. Правда, возвращающіеся рабы изъ чужихъ краевъ опять въ Россіи рабами становятся; но по крайней мѣрѣ въ Россіи свободный никогда уже рабомъ быть не можетъ.

Парижъ, 18 Ноября 1827 г. за полдень.

Все утро прописалъ къ Жуковскому и Жихареву [2]), читалъ похвальное слово Боссюэту, Жирарденя, изъ коего кое-что выписалъ и для Жуковскаго, тамъ, гдѣ авторъ говоритъ о важности назначенія въ наставники дофину: «Bientôt Louis XIV nomma Bossuet précepteur du dauphin. Dans une monarchie l'éducation du prince est une sorte de ministère; c'est un dépôt sacré dont les peuples quelque jour auront droit de demander compte. Bossuet s'en chargea avec une sorte d'effroi religieux. Cette cour brillante, cet appareil de magnificence, cet enfant nourri dans la grandeur et dont le berceau même n'avait pas manqué de courtisans, que de périls et de travaux!» [3]).

Читатель согласится съ нами, что эти выдержки имѣютъ все значеніе историческихъ записокъ. Александръ Ивановичъ Тургеневъ весь тутъ. Это С. М. Сухотинъ поколѣніемъ раньше и въ болѣе разнообразной обстановкѣ: тоже золотое сердце, таже любовь къ родинѣ, свѣту, добру и правдѣ. П. Б.

---

[1]) А. И. Тургеневъ нѣкогда служилъ въ Министерствѣ Юстиціи у Н. Н. Новосильцова. П. Б

[2]) С. П. Жихаревъ завѣдывалъ имѣніями Тургеневыхъ. П. Б.

[3]) Вскорѣ Людовикъ XIV назначилъ Боссюета преподавателемъ къ дофину. Въ монархіи воспитаніе принца есть своего рода министерство; это священный залогъ, въ которомъ нѣкогда народы будутъ имѣть право спросить отчета. Боссюетъ принялся за дѣло съ нѣкотораго рода религіознымъ ужасомъ. Этотъ блестящій дворъ, это наружное великолѣпіе, это дитя, котораго воспитываютъ въ величіи, у самой колыбели котораго бываютъ льстецы: сколько опасностей и трудовъ!

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ А. О. СМИРНОВОЙ *).

Нижеслѣдующія страницы относятся къ тому времени, когда А. О. Смирнова жила въ Калугѣ, гдѣ супругъ ея былъ въ теченіи шести лѣтъ губернаторомъ. Объ этой жизни она писала къ одной своей Петербургской пріятельницѣ (4 Января 1846 года): „Чтó такое Калуга? спрашиваете вы. Калуга есть городъ, въ которомъ трудятся до поту лица. Вотъ все чтó я могу о ней сказать. Изучаютъ Россію и людей съ новой точки зрѣнія; ежедневно узнаютъ что либо новое, поражающее изумленіемъ и непонятное для наилучшихъ умовъ. Въ Калугѣ 35 т. жителей и 175 человѣкъ избраннаго общества, и все таки это пустыня, на которой произростаютъ кое-гдѣ экзотическія растенія, всѣ вянущія за недостачею солнца и воздуха. Климатъ лучше Петербургскаго, зимнее солнце грѣетъ жарче, небо не такъ сѣро, тѣни короче и теплѣе, и почти каждое утро, сквозь Персидскія занавѣски, которыя любезно повѣсили мнѣ на окнахъ, привѣтствуютъ меня радостные солнечные лучи. Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, буквально не нахожу времени управиться съ моими мелочными дѣлами, и скука, лютый врагъ мой, еще не нападала на меня. Хотя мнѣ постоянно грустно, но я не скучаю, потому что некогда. Грусть же сдѣлалась неотъемлемою принадлежностью моего существованія. Когда наболѣетъ сердце, я плàчу и плàчу, находя въ томъ отраду, но плàчу тайкомъ, и никто не подозрѣваетъ о томъ, чтó происходитъ въ моей душѣ. Я слыву болѣзненною особою, и здѣсь говорятъ: „наша губернаторша не любитъ разсѣянностей свѣтскихъ“. Тетушка Циціанова и Левъ Арнольди живутъ съ нами, такъ какъ у насъ настоящій дворецъ въ три этажа. По утрамъ у меня пошлыя занятія и иногда визиты Калужанкамъ, чтó составляетъ настоящую службу, за которую не худо бы давать губернаторшамъ хоть Станислава или какую-нибудь медаль съ подписью библейскою. Потомъ я читаю журналы или что нибудь въ этомъ родѣ. Послѣ обѣда я пишу, а вечеромъ къ чайному столу приходятъ тетушка, Левъ и молодой Аксаковъ, умный юноша и въ добавокъ поэтъ. Мужъ мой приходитъ къ намъ на короткое время, такъ какъ у него много дѣла. Около полуночи мы расходимся, а я читаю еще какой-нибудь романъ, напр. Жака (какъ видите, это очень успокоительно, но мнѣ еще нужны подобныя пряности), и за тѣмъ я отвожу себѣ душу слезами. Такой порядокъ дня не

*) См. вторую книгу „Русскаго Архива“ сего года, стр. 449.

совсѣмъ пригоденъ для того, чтобы возстановить здоровье; но о здоровьи, какъ и о жизни, я не забочусь. Долга ли, коротка ли она будетъ, все же она мнѣ въ тягость. Жизнь есть цѣпь тайнъ печальныхъ, разгадка которыхъ въ одной вѣрѣ. Если мнѣ скажите, что такая печаль означаетъ собою неблагодарность къ Промыслу, то мой отвѣтъ въ томъ, что меланхолія не препятствуетъ исполненію обязанностей, а коль скоро ихъ исполняешь, то наградою бываетъ милосердіе Промысла". О Калужской жизни А. О. Смирновой можно со временемъ написать цѣлую книгу. П. Б.

... Перейдемъ къ нашему аристократическому обществу [1]). Аксаковъ говорилъ: «Посмотрите на Анну Ефимовну, на строгое, добродѣтельное выраженіе ея сѣрыхъ и пронзительныхъ глазъ. Она сидитъ въ своемъ курульскомъ креслѣ съ короннымъ беретомъ и бѣлымъ перомъ. У нея что-то Наполеоновское въ походкѣ». А Клементій Осиповичъ [2]) говорилъ: «Посмотрите на Бюргера [3]), какъ онъ серьезно подходитъ съ серебрянымъ подносомъ». Съ Аксаковымъ тетка Циціанова была въ безпрестанныхъ спорахъ. Одинъ разъ на дачѣ я съ нимъ (поссорилась) въ присутствіи Лёвы [4]), назвала его чурбаномъ и выгнала изъ дому, запрещая ему являться ко мнѣ кромѣ баловъ и оффиціальныхъ пріемовъ. Онъ написалъ прекрасные стихи:

Вы смущаетесь легко.
И вашу мудрость, вашу вѣру
Теперь я понялъ глубоко.

Я тотчасъ послала эти стихи Плетневу въ «Современникъ», въ которомъ была страшная пустота. (Иногда явятся, бывало, стихи Лермонтова, и печатался Портретъ Гоголя. Меня поразилъ этотъ талантъ, и я спросила Плетнева, кто авторъ этой nouvelle. Неужто вы не узнали? Это послѣднее произведеніе нашего Гоголя). Аксаковъ оскорбился тѣмъ, что я не оскорбилась его посланіемъ, и написалъ другое, но не хотѣлъ его списать для Лёвы. Оно кончалось словами: «Я забылъ, что дама вы блистательнаго свѣта» (это было у автора самымъ колкимъ упрекомъ). Лёва его затвердилъ послѣ вторичнаго чтенія и мнѣ сообщилъ; а я Аксакова благодарила и сказала: второе посланіе лучше перваго. «Бродяга» былъ уже оконченъ. Не смотря на нашу комическую ссору, онъ самъ ее читалъ, и мы всѣ были въ восторгѣ. Не знаю, почему Аксаковъ ея не перепечатываетъ. У насъ такой неурожай въ беллетристикѣ, что, пожалуй, хоть приниматься за Третьяков-

[1]) Т. е. къ обществу города Калуги. П. Б.
[2]) Родной братъ А. О. Смирновой. П. Б.
[3]) Нѣмецъ-слуга. П. Б.
[4]) Левъ Ивановичъ Арнольди, сводный братъ А. О. Смирновой.

скаго, Кострова и Измаилова. Можно присоединить Ѳедорова и Сумарокова съ Озеровымъ. Не шутите Озеровымъ: его трагедія Димитрій Донской удостоивается представленія на театрѣ gala [1]). Скука одолѣвала всѣхъ кромѣ райка. Каратыгинъ рычалъ, а Толченовъ какимъто басомъ мычалъ. Раёкъ неистово аплодировалъ и вызывалъ: Толченовъ! Толченовъ! Онъ являлся въ хламидѣ, сандаліяхъ и кланялся на всѣ четыре стороны, прижимая руки къ сердцу. Александръ Карамзинъ очень хорошо передразнивалъ Толченова. Константинъ Аксаковъ напечаталъ тогда трагедію о Прокопіи Ляпуновѣ [2]), которая произвела фуроръ въ Москвѣ, особенно когда начиналось въ концѣ трагедіи славленіе. При колокольномъ звонѣ славили на распѣвъ: Славенъ городъ Москва, славенъ городъ Владимиръ, и такъ всѣ древніе Русскіе города.

Передъ отъѣздомъ Аксаковъ намъ читалъ свой capo d'opera [3]) критики: Утро въ Уголовной Палатѣ. Тутъ представленъ Александръ Ивановичъ Яковлевъ среди его заботъ о пряжкахъ, бѣлилахъ, башмакахъ и нарядѣ актрисъ нашего губернскаго театра. Тщетно представляли его товарищи, что надобно подписать бумагу о преступникѣ, который уже высидѣлъ десять лѣтъ въ острогѣ, что конечно пытка хуже путешествія по пѣшему хожденію въ Сибирь. Онъ повторялъ: «Иванъ Сергѣевичъ, времени нѣтъ».

На прощаніи Аксаковъ меня спросилъ что̀ ему дѣлать: продолжать ли авторскую карьеру или продолжать службу въ Москвѣ, гдѣ ему предлагали мѣсто предсѣдателя Уголовной Палаты? Я ему отвѣчала: «А какъ вы думаете, спросилъ ли бы Пушкинъ, какую карьеру ему выбрать?» И такъ я рѣшила судьбу Аксакова, о чемъ сожалѣю, потому что онъ не можетъ ничего печатать безъ строжайшей цензуры. Въ Петербургѣ Аксаковъ перешелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ чиновникомъ особыхъ порученій и былъ посланъ по раскольничьимъ дѣламъ въ Ярославскую губернію и въ Бессарабію, гдѣ притонъ Некрасовцевъ и завязка подведшихъ интригу съ Австріей и Греческими свергнутыми архіереями. Онъ надѣялся получить много свѣдѣній у преосвященнаго Иринарха, сосланнаго туда изъ Риги; но тотъ ему сказалъ: мнѣ запрещено входить въ дѣла порученной мнѣ епархіи. Русскіе чиновники ничего не вѣдали, но полковникъ Чуди, родомъ

---

[1]) Т. е. на торжественномъ представленіи.

[2]) Драма К. С. Аксакова называется „Освобожденіе Москвы". Въ ней есть стихъ про Петербургъ: „Городъ съ именемъ чужимъ", вызвавшій бурю рукоплесканій въ Московскомъ Большомъ театрѣ. Драма была немедленно снята по распоряженію графа Закревскаго. П. Б.

[3]) Главное произведеніе.

изъ Швейцаріи, сообщилъ ему сокровища свѣдѣній. Въ Петербургѣ Аксаковъ взялъ квартиру на Литейной съ Самаринымъ и Александромъ Николаевичемъ Поповымъ. Я была больна, жила на Вшивой Биржѣ [1]), въ домѣ Вилье. Эти господа часто ко мнѣ ходили. Со мной жили Елисавета Ивановна Леонтьева, дѣвушка Ѳедосья, страшная пьяница, и прекрасный человѣкъ Николай. Письма Самарина объ Остзейскихъ провинціяхъ были уже всѣмъ извѣстны. Они затрогивали . . . Суворова, и эти умники съ Панинымъ, женатымъ на графинѣ Тизенгаузенъ, рѣшились представить Государю. Лѣтомъ въ Павловскѣ мнѣ ихъ далъ Барановскій, и графъ Киселевъ просилъ меня дать ихъ ему на три дня, прочелъ ихъ и былъ совершенно согласенъ со взглядами Самарина. Въ городѣ была холера. Я постоянно страдала желудкомъ и лѣчилась у m-elle Фагонъ, часто оставаясь безъ денегъ: у Николая Михайловича былъ обычный безпорядокъ въ высылкѣ моего мѣсячнаго содержанія. Я просила Самарина дать мнѣ 1000 р. ассигн. взаймы. Онъ отвѣчалъ, что завтра же пойдетъ къ своему банкиру. Прошло три дня, а объ немъ ни слуху, ни духу. Я наконецъ послала своего лакея Ричарду къ нему. Онъ вернулся и говоритъ, что Самаринъ исчезъ, поѣхалъ въ вицъ-мундирѣ на вечеръ, но что пріѣхалъ фельдъегерь и сказалъ, чтобы онъ сперва заѣхалъ въ министерство. Извощики между собою толковали, и его кучеръ сказалъ, что ждалъ барина до двухъ часовъ у подъѣзда и соскучившись вернулся домой. На другой день пріѣхалъ Андрей Карамзинъ. Я лежала на диванѣ. Онъ спросилъ о здоровьи. Я сказала: плохо.—Еще бы, послѣ этого несчастія! Подъ вліяніемъ страха отъ холеры я сказала ему: Неужто Самаринъ умеръ?—Нѣтъ, но онъ пропалъ безъ вѣсти. Димитрій Оболенскій, Веневитиновъ, Карамзины и я, мы рыщемъ по городу цѣлыхъ три дня и ничего не узнали. Самъ Перовскій [2]) ничего не знаетъ, а фельдъегерь молчитъ какъ гробъ. Наконецъ Оболенскій поѣхалъ въ крѣпость къ коменданту, добрѣйшему генералу Скобелеву [3]), и узналъ, что Самаринъ получаетъ

---

[1]) Такъ называется въ Петербургѣ мѣстность близъ Владимірской церкви. А. О. Смирнова жила тутъ въ 1848—1849 годахъ, одна, безъ семьи, пріѣхавъ изъ Калуги, гдѣ она произвела на свѣтъ послѣдняго своего ребенка единственнаго сына Михаила. П. Б.

[2]) Левъ Алексѣевичъ, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ. П. Б.

[3]) Личный секретарь И. Н. Скобелева, Н. И. Масловъ передавалъ намъ, что однажды утромъ приводили къ Скобелеву новыхъ заключенниковъ, въ сѣрыхъ шинеляхъ. Одинъ былъ безъ имени, только подъ номеромъ, и назначенъ въ Алексѣевскій равелинъ. Увидя его, старикъ Скобелевъ закрылъ глаза рукою и воскликнулъ: „Несчастные родители!" Когда арестанта увели, на вопросъ Маслова, кто это, Скобелевъ назвалъ Самарина. Другія лица сообщали намъ, что улучшеніе въ обстановкѣ заключеннаго произошло по ходатайству Василія Алексѣевича Перовскаго, а самое задержаніе по личной жалобѣ прі-

содержаніе изъ дворца, въ свѣтлой комнатѣ, но отняты всякіе ножи, бритвы. Его посѣщаетъ Баженовъ, духовникъ Государя. . . Таковъ ужъ удѣлъ царей. . . . . Ко мнѣ пріѣхалъ рыжій баронъ Мейндорфъ, еще до заключенія Самарина, и сказалъ мнѣ съ злобной улыбкою: «Кто-то будетъ плакать!» Ахъ ты Нѣмецъ, подумала я, но не смутилась и не огорчилась. Двѣ недѣли просидѣлъ Самаринъ въ своей свѣтелкѣ и не имѣлъ позволенія писать роднымъ. Вѣсти сообщалъ Дмитрій Оболенскій то по почтѣ, то по оказіи. Наконецъ его выпустили и повезли прямо во дворецъ и въ кабинетъ Государя, который обошелся съ нимъ весьма милостиво и велѣлъ ему ѣхать въ Москву. «Я самъ назначу вамъ мѣсто, потому что къ Пасхѣ мы выѣдемъ въ Москву». Въ промежутокъ взяли Аксакова, который привезъ смѣлыя бумаги со стихами. Его повезли въ Третье Отдѣленіе, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ горбатымъ шпіономъ Зайцевымъ. Ему дали книги, бумагу и перо, и спросили, почему его братъ не любитъ Петербурга.—Вѣдь вы читали его письма; такъ зачѣмъ спрашиваете? Константинъ Сергѣевичъ ему писалъ: «Пріѣзжай къ намъ въ Бѣлокаменную; ненавистенъ этотъ побочный городъ, прижитый съ Западной Европой». Аксакову приказали письменно изложить свои мысли; онъ написалъ шесть листовъ своимъ ровнымъ, рѣзкимъ словомъ и почеркомъ; тогда уже его называли: «и закаленъ въ борьбѣ суровой». Братъ Клементій говорилъ: «Россія вовсе не проситъ васъ заботиться о ея участи; она живетъ себѣ подъ желѣзнымъ игомъ Ивана Васильевича Грознаго, человѣка «храбраго, но серіознаго». Безъ шутокъ, Өирсъ Голицынъ видѣлъ на почтовыхъ станціяхъ картинку, тщательно прибитую гвоздиками: портретъ Николая Павловича въ бѣлыхъ штанахъ, ботфортахъ, въ Андреевской кавалеріи и съ выше упомянутой надписью.

Къ празднику Пасхи вся царская фамилія поѣхала въ Москву. Славяне собрались къ обѣду, пили здоровье Государя и цѣловали другъ друга съ поздравленіями, что ихъ вождь, Самаринъ—между ними; они не подозрѣвали, что въ прислугѣ у нихъ были шпіоны, клевреты Закревскаго, Чурбана-паши, какъ его называлъ весь Петербургъ. Онъ передалъ Орлову, будто Славяне пили здоровье Государя въ насмѣшку. Вслѣдствіе этого гнуснаго доноса, Самарину велѣно было ѣхать въ Симбирскъ, гдѣ былъ губернаторомъ князь Черкаскій

хавшаго изъ Риги генералъ-губернатора князя А. А. Суворова. Онъ былъ дежурнымъ, и Государь невзначай взялъ его съ собою въ Кронштатъ; они ѣхали въ саняхъ (это было въ Февралѣ 1849 года), и дорогою князь Суворовъ пожаловался между прочимъ на то, что Самаринъ оглашаетъ секретныя бумаги Рижскихъ архивовъ и не щадитъ его самаго насмѣшками. Государь помнилъ услугу, которую отецъ Самарина оказалъ ему 14 Декабря 1825 года. П. Б.

и супруга его, урожденная Алябьева. Самаринъ зажилъ губернской жизнью, танцовалъ на балахъ въ вицъ-мундирѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, даже приволакивался кое за кѣмъ, но никогда не приглашалъ жандармской полковницы, сантиментальной дамы. Мужъ ея донесъ это Орлову; такую манкировку сочли за знакъ неповиновенія и перевели его черезъ два мѣсяца въ Кіевъ подъ желѣзную руку Дмитрія Гавриловича Бибикова*). Съ Черкаскимъ онъ ладилъ: рыбакъ рыбака видитъ издалека, а Москвичъ Москвича. Черкаскій говорилъ и писалъ округленныя фразы въ такомъ родѣ: «надобно, чтобы все населеніе исполнялось не рабской, а дѣтской любовью къ царю, чтобы поняло законность требованій правительства». Однимъ словомъ, это былъ человѣкъ съ новыми тенденціями. Въ Кіевѣ Самаринъ не ѣздилъ къ Полякамъ. Тимашевъ командовалъ кавалеріей, и онъ проводилъ всѣ вечера у Тимашевыхъ; его жена Пашкова была милое и кроткое существо, занималась дѣтьми и хозяйствомъ. Изъ Кіева Самаринъ писалъ часто, то комическія письма, то серіозныя, рисовалъ карикатуры, между прочимъ предсѣдателя Гражданской Палаты . . . , пузатаго и приземистаго господина; онъ говорилъ, что нѣкто Полякъ Култюженскій такъ танцовалъ мазурку и польку, что онъ совѣтовалъ ему ѣхать въ Петербургъ: тамъ васъ сейчасъ сдѣлаютъ камеръ-юнкеромъ, позовутъ во дворецъ на балы, и карьера ваша въ шляпѣ. Но благоразумный Полякъ остался въ Кіевѣ. Всѣмъ извѣстно, что умный Бибиковъ жилъ съ женой П......, правителя его канцеляріи; этотъ бралъ взятки безпощадно. Братъ Клементій тоже былъ въ Кіевѣ; въ это время вводились (и очень справедливо) инвентари въ южныхъ Польскихъ губерніяхъ; брата послали въ Подольскую губернію, помѣщики переполошились, но успокоились, увидавъ пріятнаго и свѣтскаго чиновника. Польскіе помѣщики во сто кратъ хуже Русскихъ. Когда братъ серьезно принялся за дѣла, то Грохольскій, изъ Жидовъ, предложилъ ему большія деньги; какъ это не взяло, то хотѣли подсунуть ему любовницу; но убѣдились, что и это тщетно. Самаринъ часто посѣщалъ Кіевскаго митрополита, который былъ совершенно какъ невинное дитя. На экзаменѣ въ Университетѣ профессора и студенты хотѣли подшутить надъ нимъ и читали очень долго о значеніи конкубинъ въ Греціи; наскучивъ повтореніемъ слова конкубина, онъ вздохнулъ и сказалъ: «ну довольно о конкубинахъ; а вамъ, молодежь, совѣтую обходиться безъ нихъ». Духовенство тогда переписывалось черезъ ходаковъ. Съ Амфитеатровымъ Самаринъ написалъ мнѣ длинное

---

*) Жившій тогда въ Симбирскѣ покойный Н. П. Шиповъ говорилъ намъ, что въ Кіевъ Самаринъ поѣхалъ изъ Симбирска подъ стражею жандарма. П. Б.

письмо или вѣрнѣе диссертацію о нашихъ Кіевскихъ отшельникахъ. Ѳеодосіи Печерскомъ и пещерахъ. Это письмо у меня въ сохранности. Самаринъ ѣхалъ съ Бибиковымъ въ Москву и разсказывалъ, какъ онъ мучилъ бѣднаго смотрителя... точно какъ будто муху жарилъ на свѣчкѣ, что̀ было очень гадко, и слова его, что теперь одинъ панъ ѣздитъ на шести лошадяхъ, а я добьюсь, чтобы шесть пановъ ѣхало на одной лошади. Такія рѣчи раздражали Поляковъ, а въ концѣ результаты были грустные и кровавые; но все держалось при покойномъ Императорѣ. Во время Крымской кампаніи въ Западныхъ губерніяхъ стояло 200.000 войска, которое было заражено страшнымъ тифомъ по причинѣ сырости среди Польскихъ болотъ. Для защиты Петербурга оставались: флотъ, по одному баталіону гвардейскихъ полковъ и милиція Петербургской и Новгородской губерній, да еще Финскіе стрѣлки. Гродненскіе гусары занимали Финляндію, впрочемъ совершенно покойную. Щербатовъ и Самаринъ были по выбору назначены полковниками своихъ милиціонеровъ. Юрій Ѳедоровичъ мнѣ писалъ, что Бурбоны гораздо лучше и приличнѣе дворянъ. Андрей Трубецкой съ Соней [1]) и Шуваловы жили въ Ямбургѣ. Ник. Мих. [2]) ѣздилъ тогда съ Ольгой къ нимъ на недѣльку; жара стояла невозможная, а ночи были прехолодныя, такъ что мужъ мой долженъ былъ закутать Ольгу своей шинелью. Соня такъ страдала отъ жары, что они должны были сдѣлать сторы изъ соломы и обливали ихъ холодною водой.

Тогда бѣдный нашъ Государь такъ огорчился, когда увидѣлъ непріятельскій флотъ подъ Кронштадтомъ, что съ нимъ сдѣлался второй нервный ударъ [3]). Первый случился, когда Орловъ пріѣхалъ изъ Вѣны послѣ вѣроломнаго и двусмысленнаго отвѣта Австрійскаго императора. Всѣмъ извѣстно, что императоръ, будучи въ Вѣнѣ, обѣщалъ престарѣлому Францу II поддерживать его внука; онъ сдержалъ слово въ 1848 году, когда революція грозила совершеннымъ разрушеніемъ Австрійской имперіи. Страшенъ былъ 1848 годъ: искра, упавшая изъ Парижа, разлила пламя въ Италіи и объяла всю Германію. Мнѣ разсказывала графиня Редернъ, жена Прусскаго министра въ Дрезденѣ, что она выѣхала тайкомъ ночью изъ Турина, бывши на сносяхъ, и переѣхала Mont Cenis ночью;

---

[1]) Вторая дочь А. О. Смирновой, Софья Николаевна была за княземъ Андреемъ Васильевичемъ Трубецкимъ. П. Б.

[2]) Супругъ А. О. Смирновой. Ольга Николаевна ихъ старшая дочь. П. Б.

[3]) Государь долго разсматривалъ стоявшій подъ Кронштатомъ непріятельскій флотъ съ Пулковской обсерваторіи, въ самую сильную зрительную трубу. Съ нимъ прибыло нѣсколько колясокъ, и приготовлены были чай и вечернее угощеніе. Но когда Государь отдалъ трубу и садился въ коляску, выраженіе лица его было такъ страшно, что всѣ поспѣшили уѣхать. Такъ разсказывалъ академикъ Струве П. И. Давыдову. П. Б.

вездѣ по дорогѣ встрѣчали ее неистовые клики. Во Франкфуртѣ на барикадѣ бѣсился князь Лихновскій съ возгласами: Freiheit, Bruderschaft. Жуковскій сидѣлъ во Франкфуртскомъ соборѣ, когда Ласаль и подобные господа курили и произносили страшныя рѣчи; въ Вѣнѣ былъ убитъ бѣдный и честный патріотъ Латуръ; разносили листочки, гдѣ сулили большія деньги за голову dieser Halunker. Метернихъ, и тотъ уже катилъ по желѣзной дорогѣ въ своемъ дормезѣ, обшитомъ циновками, съ своей вѣрной подругой. Они съ трудомъ достали стаканъ воды отъ добраго кондуктора, который приложилъ палецъ ко рту и не хотѣлъ принять денегъ. Въ Іоганнисбергѣ они жили спокойно до усмиренія революціи. Въ Дрезденѣ дрались на улицахъ подъ командой Бакунина; онъ подобно Лафаету ѣздилъ на бѣлой лошади. Король убрался въ . . . . . . ; студенты неистовствовали въ Лейпцигѣ. Берлинъ представлялъ картину самую печальную; войска были выведены; когда они шли съ строгимъ запрещеніемъ отвѣчать взбѣшенной черни, подъ Линденами ихъ встрѣтила чернь ругательствами и бросала въ нихъ всякій соръ и камни. Солдаты шли молча и плакали; офицеры шли сдержаннымъ шагомъ [1]). Баронъ Застровъ былъ болѣе другихъ огорченъ. Его портной плюнулъ ему прямо въ лице и не дозволилъ ему утереться. Графъ * рыскалъ по всему королевству, собирая подписку на конституцію въ благоразумныхъ размѣрахъ. Крайняя партія дѣлала всякія мерзости; первой ея заботой было завладѣть казенными капиталами. Эти извѣстія изъ Берлина привезъ секретарь нашего посольства Михаилъ Михайловичъ Віельгорскій; выходя отъ Императрицы, я его встрѣтила грязнаго и запыленнаго въ Салтыковскомъ коридорѣ. Я ему сказала: Vous apportez des biscuits de Vatsdon... Oui, dit il, ils sont jolis ces biscuits, vous en aurez des nouvelles [2]). Тогда Гримъ читалъ Императрицѣ Фауста, который ей очень нравился. Онъ только-что принялся читать, когда послышался шагъ Государя. Скрестивъ руки, онъ передалъ Императрицѣ это грустное извѣстіе. Она расплакалась и повторяла: Mon pauvre frère, mon pauvre Guillaume!—Il s'agit bien de votre poltron de frère quand tout s'écroule en Europe, qu'elle est en feu, et que la Russie pourrait aussi être bouleversée [3]). Съ Императрицей сдѣлалась дурнота; послали за Мандтомъ, который остолбенѣлъ, когда

---

[1]) Точно какъ у насъ въ Варшавѣ въ 1862—1863 годахъ, когда предписывалось Русскимъ солдатамъ сносить безъ сопротивленія ругательства и оскорбленія отъ Поляковъ. П. Б.

[2]) Вы привезли бисквитъ Ватсдона. — Да, отличныя это бисквиты; вы про нихъ узнаете.

[3]) Мой бѣдный братъ, мой бѣдный Вильгельмъ! — Нечего говорить о вашемъ трусоватомъ братѣ, когда все рушится въ Европѣ, когда она въ огнѣ, и въ Россіи можетъ также наступить передряга.

узналъ, что́ творится въ его фатерландтѣ. Государынѣ дали лавровыя капли и aconit (ее уже тогда сильно тревожило біеніе сердца). Гримъ стоялъ все у двери съ Фаустомъ подъ мышкой. Императоръ напустился на него. А, вы смѣете читать эту безбожную книгу передъ моими дѣтьми и развращать ихъ молодое воображеніе! Это ваши Шиллеръ, Гёте и подобные имъ подготовили теперешнюю кутерьму. Къ счастію при дѣтяхъ Философовъ, который черезъ князя Петра Михайловича мнѣ сообщилъ. Вы тоже имъ толкуете объ Орлеанскомъ королевствѣ и le bon roi René; я спрашиваю васъ, какая нужда великимъ князьямъ знать эти пустяки?»—Философовъ былъ не глупый человѣкъ; прежде поступленія на должность наставника царскихъ дѣтей онъ былъ адъютантомъ в. к. Михаила Павловича. Мы пріятно проводили лѣто 1838 года съ нимъ; его жена страдала нервами, я ихъ понимала, и мы сошлись съ нею на этой пріятной почвѣ.

Графиня Киселева и сестра ея Нарышкина, Рибопьеры всегда обѣдали въ кургаузѣ. Я разговорилась объ этихъ сестрахъ. Софья сказала, что онѣ всѣ на чистоту, а Ольга поднесетъ вамъ яду и сама же будетъ бѣгать за противоядіемъ. Софья Станиславовна меня полюбила; послѣ водъ я приходила къ ней пить кофей. Польскій кофій славится. Имп. Екатерина выписала изъ Варшавы кофишенка, и придворный кофей и теперь славится. Его надо варить въ фаянсовой посудѣ и на маленькомъ огнѣ, чтобы онъ не вскипалъ. Моя хозяйка чуть продирала глаза, когда я къ ней входила (не знаю, зачѣмъ всегда она спала на полу, развѣ только затѣмъ, чтобъ мыши, такія плодовитыя въ Германіи, забирались къ ней). Тотчасъ раздавался крикъ: Михалина, прытко воды! Сальваторъ, кофею, сбѣгай за метелкой! Кофей варили въ серебряной кострюлькѣ на спирту съ камфоркой; онъ былъ такъ крѣпокъ, что она обливала только сахаръ, и чашка наполнялась густыми сливками съ пѣнками; хлѣбъ съ масломъ, разное печенье украшали столъ. Софья Ст., умывъ лице и руки, надѣвала на рубашку черное платье и кружевную мантилью и уходила на цѣлый день на рулетку. Въ три часа она пріѣзжала за мною въ коляскѣ, и мы катались часа два. Она говорила мнѣ: Ma chère, vous marchez comme princesse, comme une reine; vous avez l'air de glisser sur la terre comme sur la mer. Nicolas [1]) m'a dit que d'abord c'est votre démarche qui l'a ravi; il était fou amoureux de vous; j'avais beau donner des mains pour vous réunir.... Pourquoi donc n'avez vous pas répondu à son amour? – А quoi bon?

---

[1]) Николай Дмитріевичъ Киселевъ, за братомъ котораго графомъ Павломъ была Софья Станиславовна (ур. графиня Потоцкая, дочь славнаго широкою жизнію Щенснаго). П. Б.

J'étais mariée [1]... Я ей болтала всякій вздоръ, и она мнѣ говорила: Si j'étais l'Impératrice, vous ne m'auriez jamais quitté pour une heure.— On aime beaucoup mon bavardage, отвѣчала я ей, et l'Impératrice rit quand je raconte les bêtises que je faisais avec Stephanie au Palais d'hiver et même au palais de l'Institut... Comme je lis très bien, je fais la lecture. C'est elle qui va à Peterhoff en hiver pour les huit jours de l'aniversaire de la mort du roi de Prusse. L' Imp. travaille, et je lui lis quelque roman ou des mémoires. Les romans de Georges Sand venaient de paraître; c'est l'amour d'un médecin qui est amoureux de la jeune folle qu'il traite. Elle répond à son amant, et l'Imp. me dit: Ma chère, comprends qu'elle aime un médecin! Fût-il beau comme Adonis, un homme qui vous prescrit des purgatives et qu'on paye dix francs la visite! [2]). Какой аристократическій взглядъ на любовь! Вѣдь любовь не разсуждаетъ. Русскія барыни, начитавшись госпожи Зандъ, усвоили ея взглядъ и таскаются по Европѣ съ курьерами изъ Итальянцевъ безъ зазрѣнія совѣсти. Возвратившись въ Россію, онѣ опять верхомъ на приличіи; потому что Николай Павловичъ не шутитъ и пожалуй тотчасъ васъ забракуетъ. Я помню, съ какимъ трудомъ добилась развода дѣвица Дудина; вышедъ изъ Смольнаго, вышла замужъ и должна была развестись. Всѣ приняли участіе въ бѣдной дѣвушкѣ. Процессъ производился секретно въ Синодѣ; тутъ были замѣшаны доктора, судьи, и наконецъ ее развели, но это было съ большимъ скандаломъ. Въ Москвѣ развели Пашкову съ кн. Лобановымъ, что̀ подняло всю бѣлокаменную. А сегодня разводятся, опять сходятся и выходятъ замужъ за разведеннаго, заткнувши за поясъ слова Евангелія, точно какъ Протестанты. Они женятся на двѣ недѣли; зачѣмъ уже проходятъ черезъ церемонію, не знаю; вся церемонія состоитъ въ дикой и скучной проповѣди о брачной вѣрности и святости

---

[1]) Милая, вы ходите какъ принцесса, какъ королева; кажется, будто вы скользите по землѣ словно по морю. Николай мнѣ сказывалъ, что прежде всего восхитила его ваша походка. Онъ до безумія былъ влюбленъ въ васъ; я бы такъ охотно помогла вамъ обоимъ сойтись... Отчего же вы не отвѣчали на его любовь?—Къ чему же? Я была за мужемъ...

[2]) Будь я Императрица, я никогда бы ни на часъ не отпускала васъ отъ себя.— Очень любятъ мою болтовню, и Государыня хохочетъ, когда я разсказываю про мои съ Стефаніей глупости въ Зимнемъ дворцѣ и даже въ залахъ Института. Такъ какъ я очень хорошо читаю, то занимаю ихъ чтеніемъ. Она уѣзжаетъ по зимамъ въ Петергофъ на недѣлю, когда бываетъ годовщина кончины короля Прусскаго. Императрица за работой слушаетъ, какъ я ей читаю какой-нибудь романъ или записки. Стали выходить романы Жоржъ-Занда. Тутъ любовь медика, влюбившагося въ молодую помѣшанную, которую онъ лечитъ. Она взаимно его любитъ. Императрица мнѣ сказала: Пойми, милая, она любитъ медика; будь онъ прекрасенъ какъ Адонисъ, но это человѣкъ, прописывающій вамъ кровочистительное и получающій по десяти франковъ за визитъ!

такихъ узъ. Я думаю, что проповѣдь просто, наказаніе за легковѣрный взглядъ auf die Liebe in der Ehe *). Онѣ особенно приличны для Берлина, одного изъ самыхъ безнравтвенныхъ городовъ въ Европѣ: вечеромъ почти у каждыхъ воротъ вы видите старую и гадкую кухарку съ жаренымъ гусемъ, которымъ она угощаетъ молодаго и красиваго солдата. Моя кухарка Каролина мнѣ признавалась, что er ist so schön, so ein frischer Militaire!

Послѣ первыхъ трудныхъ моихъ родовъ, доктора послали меня въ Берлинъ посовѣтоваться съ Тифенбахомъ и Гауке. Но Тифенбахъ отказался сдѣлать мнѣ нужную операцію и сказалъ, какъ честный Нѣмецъ: давайте мнѣ милліонъ, я не сдѣлаю ея; у меня было три дамы на рукахъ, одна операція удалась, другая осталась безъ послѣдствій, а третья кончилась фистулой, чтó усугубило страданія. Изъ Петербурга мы ѣхали въ четвероместной каретѣ, мой мужъ и его сестра . . . . Иногда снѣгъ влеталъ въ карету. Курьеръ нашъ Миллеръ, извѣстный какъ самый искусный по этому дѣлу, былъ очень горячъ. Чухны народъ милый, смирный и кроткій; ямщикомъ былъ бѣдный Чухна, у него былъ флюсъ, и щека подвязана; лошади то и дѣло что отставали; Миллеръ ударилъ ямщика; тотъ кротко отвѣчалъ: «Спасибо, душенька». Есть своего рода поэзія въ этихъ бѣлыхъ поляхъ, на которыхъ густо растутъ хвойныя темнозеленыя деревья. Тишина, все мертво какъ сама природа: она какъ будто отдыхаетъ отъ знойныхъ трудовыхъ дней; съ ней отдыхаетъ и человѣкъ. Вечеркомъ при лучинѣ прядутъ бабы, припѣвая пѣсенку:

Спи малютка, почивай,
Глазъ своихъ не открывай.
Выростешь большой,
Будешь въ золотѣ ходить..

Этой пѣснѣ я научилась у крестьянки Марьи, которая кормила Олю и, качая ее на рукахъ, всегда пѣла эту пѣсенку. Колыбельная пѣсня у всѣхъ одна. Въ Германіи поютъ:

Slaff, Kinderchen!
Balde
Im Walde,
Im grünen Grasse...

Кто сочинилъ эту пѣсню, никто и всѣ; она вырвалась изъ души матерей. Таковы всѣ народныя пѣсни, отъ того повторяются вѣками и переживаютъ всѣ поколѣнія. О Боже! Чтò были бы мы безъ пѣсенъ, какъ бы славили Бога и Его щедрое милосердіе? На одной станціи мы встрѣтили Алексѣя Ивановича Трубецкаго; съ нимъ былъ жандармъ, оба были вооружены пистолетами заряженными, за кушакомъ были кинжалъ и кистень. Трубецкой не совѣтовалъ намъ ѣхать только по-

*) На любовь въ бракѣ.

тому, что лѣсъ наполненъ остатками повстанцевъ послѣ Варшавскаго погрома; мы посадили его въ карету и дали ему рому. Морозъ стоялъ въ 20 градусовъ; мы дотащились до мѣстечка. Жиды праздновали шабашъ, и ихъ грустный припѣвъ наводилъ тоску. Мы ночевали у Жидка очень гадко; постлали соломы и вынули подушки изъ кареты. Было такъ холодно, что мы не рѣшились будить курьера, который улегся въ каретѣ, и спросили у хозяйки чайникъ и чашки. Поставили самоваръ и чайчикъ; принесли грязную кострюльку. Оттуда мы пріѣхали въ Юрбургъ, гдѣ обѣдали при Жидахъ; они съ удивленіемъ смотрѣли на котлеты, которые приготовилъ намъ Миллеръ, и жареный картофель съ лукомъ. Изъ Юрбурга мы пріѣхали въ С...., гдѣ осмотрѣли нашъ паспортъ; тутъ и таможня. Меня поразилъ Прусскій официальный людъ. Чтò за важность, какое чувство своего достоинства, всѣ точно генералъ-губернаторы! Мы ночевали въ Маріенбургѣ у доброй старушки на чистыхъ кроватяхъ подъ красными пуховиками. Утромъ попали въ Schloss и видѣли рыцарскую залу ордена Темпліеровъ; въ ней собирался капитулъ, на столѣ и стульяхъ розанъ на серебряномъ полѣ, гербъ рыцаря Розенберга, канцлера этого весьма могущественнаго ордена, который угнеталъ весь Славянскій элементъ и обратилъ его въ Римскій расколъ. Въ Эльбингѣ была еще ночевка. Ночью нахтъ-вахтеръ трубилъ въ рогъ и кричалъ страшнымъ басомъ:

Die Uhr hat zwölf geschlagen,
Die gute Leute gehen schlafen.
Gott erbarme dich unser...

Еще ночевали и наконецъ дотащились до Берлина. Сквозь тонкій слой снѣга зеленая травка пробивалась, на деревьяхъ были уже почки нѣжнаго зеленаго цвѣта, вся природа возвѣщала радостное приближеніе весны. Намъ Рибопьеръ *) уже заказалъ квартиру въ Hôtel de Russie, насъ встрѣтили съ колокольнымъ звономъ, выбѣжалъ хозяинъ и всѣ кельнера. Тотчасъ подали чай, Потсдамскіе сухари, масло . . . . Эта гостиница была самая модная; въ ней останавливались всякіе Нѣмецкіе принчики, которые льнули къ Пруссіи и почти всѣ служили въ ея войскахъ. Въ это время жилъ въ отелѣ принцъ Павелъ Мекленбургскій, офицеръ бѣлыхъ уланъ, бѣлобрысый уродъ, мужъ принцессы Александрины; онъ и его двоюродный братецъ кого-то прибили, и хозяинъ ихъ разнималъ. Вскорѣ я писала Вяземскому письмо съ описаніемъ моей Одиссеи въ юмористическомъ тонѣ. Онъ мнѣ отвѣчалъ: Ахъ матушка Александра Денисовна, вы въ папеньку Дениса Ивановича Фонъ-Визина.

---

*) Гр. Александръ Ивановичъ тогда (1832) нашъ посланникъ въ Берлинѣ. П. Б.

Императрица дала мнѣ письмо къ королю, а другое къ княгинѣ Доминикѣ Радзивилъ. У нея была одна дочь Елиза, премилая и прелестная особа, и остались въ живыхъ два сына Вильгельмъ и Карлъ; оба были женаты на принцесахъ Кларй, которымъ принадлежитъ Теплицъ. Король уже былъ женатъ на графинѣ Лигницъ. Она была маленькаго роста, пріятной наружности; особенно хороши были ея добрые, ласковые глаза и густые черные волосы. Король былъ очень набоженъ, и она тоже. До замужества она ему сказала, что хочетъ себя посвятить служенію Божію, какъ дьяконисса; но Провидѣніе опредѣлило ей быть дьякониссой отживающаго короля-воина. Утромъ она ему читала газеты, съ нимъ молилась и читала ему духовныя книги. Ровно въ 12½ король уже катился по Линденстрассе, въ самой простой крытой коляскѣ, въ Шарлотенбургъ, гдѣ въ саду покоится прахъ его первой супруги, прелестной и добродѣтельной Луизы. Мраморный памятникъ сдѣланъ Раухомъ. Они обѣдали въ 3 часа, приглашали одного изъ принцевъ и всегда пастора Эйлерта, который читалъ имъ вечеромъ. Въ 8 часовъ король уже былъ въ театрѣ, съ женой, съ фрейлиной и принцемъ Карломъ Мекленбургъ-Стрѣлицкимъ, братомъ королевы Луизы. Онъ командовалъ гвардейскимъ корпусомъ, а въ театръ являлся въ камергерскомъ мундирѣ. Король бывалъ въ сюртукѣ безъ эполетъ. Онъ жилъ въ маленькомъ скромномъ домѣ; на лѣво были покои принцессы, а на право покои короля. Зала и гостиная раздѣляли ихъ комнаты, весьма скромно меблированныя. Король выплачивалъ Ротшильду и Дельмару долги, которые онъ сдѣлалъ во время разорительныхъ войнъ съ Наполеономъ. Берлинъ былъ два раза имъ занятъ. Королевское семейство жило въ Мемелѣ въ крайней бѣдности: не платили ни наставнику принцевъ Шамбо̀, ни гувернанткѣ мамзель Вильдерметъ. Они жили подаяніемъ императора Александра. Государыня Александра Өеодоровна мнѣ показывала легенькую красную шаль, въ которую ее закутывали въ сильно-холодные дни. Она берегла ее, какъ сокровище, въ воспоминаніе бѣдственныхъ дней ея дѣтства. Все семейство съ прислугой помѣщалось въ пяти комнатахъ. Королева послѣ ѣздила въ Петербургъ. Императоръ встрѣтилъ ее на полдорогѣ между Стрѣльной и Петергофомъ, гдѣ ее ожидалъ придворный завтракъ. Онъ накинулъ на ея плеча бѣлый салопъ на чернобурой лисицѣ, опушенный черными соболями. Въ Петербургѣ Марія Өеодоровна приняла ее съ почтеніемъ и осыпала ласками. Въ театрѣ-гала́ всѣ пришли въ восторгъ и кричали: La plus belle et la plus vertueuse des femmes, ton ennemi a vaincu, et l'univers est ton ami fidèle *).

*) Прекраснѣйшая и добродѣтельнѣйшая женщина, твой врагъ побѣдилъ, но вселенная тебѣ вѣрный другъ.

Это все я прочла въ книгѣ Rémusat, въ Торкеѣ, перевела эту книгу и дала переводъ сыну нашего священника Попова, дьякону Василію Попову. Не знаю, напечатали ли этотъ отрывокъ. Потомъ я перевела Записки Грелье-де-Мабилье, который былъ фанатикомъ Римской церкви, поѣхалъ на Югъ Америки и тамъ сдѣлался Квакеромъ. Въ Лондонѣ онъ узналъ, что послѣ войнъ императоръ Александръ, окруженный въ Лондонѣ знаками величайшаго уваженія, не обращалъ никакого вниманія на эти тщеславные знаки. Черезъ посла своего Ливена онъ отыскивалъ Квакеровъ подъ предлогомъ осушенія болотъ вокругъ Петербурга и по дорогѣ въ Царское. Герцога Глостера, единственнаго добродѣтельнаго человѣка въ большой королевской фамиліи, уже не было въ живыхъ (онъ умеръ въ 1810 г.); но общество распространенія Библіи уже процвѣтало, и тюрьмы немного преобразовывались. Квакерша госпожа Фрей, первая женщина послѣ многихъ столѣтій совершеннаго равнодушія, переступила за порогъ женскаго отдѣленія въ страшной тюрьмѣ Нюгото. Полицейскіе служители даже не хотѣли ее пустить въ эту страшную комнату. Я войду съ Богомъ и словомъ утѣшенія, отвѣчала эта мужественная женщина. Въ ея біографіи, написанной ея племянницей, расказаны всѣ ея христіанскіе подвиги. Она была въ Ниццѣ въ 1842 г., въ мою бытность въ этомъ городѣ. Графъ-де-Местръ тогдашній генералъ-губернаторъ, истинно-хорошій христіанинъ, но фанатикъ, какъ и его отецъ Іосифъ-де-Местръ, надѣлавшій столько шума и тревоги въ нашемъ Петербургскомъ обществѣ... (принудилъ) госпожу Фрей оставить Ниццу... Въ Парижѣ при Людовикѣ XVIII, на большомъ вечерѣ у министра Passy, лучшаго изъ либеральныхъ министровъ либеральнаго министерства, общество собралось ранѣе обыкновеннаго, потому что знали, что г-жа Фрей не любила позднихъ часовъ. Huissier [1]) постоянно называлъ входившихъ гостей; онъ отворилъ дверь и сказалъ съ особымъ удареніемъ: Madame Frey! Всѣ, какъ бы по уговору, встали. Многіе ее видѣли въ протестантской церкви и были тронуты ея простыми молитвами ex tempore [2]) и ея проповѣдями. Она вошла тихо, просто, поклонилась и протянула руку хозяину. Она была высокаго роста, довольно худа, одѣта въ свѣтло-лиловое атласное платье, немного длиннѣе сзади, что̀ придавало необыкновенную majesté [3]) ея походкѣ. Волосы, просто и гладко зачесанные, были покрыты тюлевымъ чепчикомъ съ рюшкой и подвязаны узенькой бѣлой ленточкой; бѣлый барежевый шарфъ былъ приколонъ на плечахъ, бѣлыя перчатки оканчивали этотъ простой туалетъ.

Тутъ кончается альбомъ А. О. Смирновой, хранящійся въ Музеѣ П. И Щукина. Н. Б

---

[1]) Привратникъ.—[2]) Не приготовившись.—[3]) Величество.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПРАВОСЛАВНАГО СВЯЩЕННИКА НА ВОЛЫНИ.

1863 годъ.

Извѣстно, что въ Юго-Западномъ краю Россіи пожаръ послѣдняго Польскаго мятежа, вызванный послабленіями и попустительствомъ изъ Петербурга и зложелательствомъ Европейскихъ государствъ, потухъ благодаря преимущественно здравому смыслу мѣстнаго Русскаго населенія. Въ этой заслугѣ передъ Россіею главная роль принадлежитъ тамошнему бѣлому духовенству. Нижеслѣдующія воспоминанія отца Іоанна Спульскаго, за сообщеніе которыхъ въ „Русскій Архивъ“ приносимъ благодарность Николаю Ивановичу Стуковенкову, имѣютъ поэтому значеніе исторіографическое. П. Б.

Поступилъ я на поприще весьма важной и многотрудной обязанности сельскаго пастыря словеснаго стада Христова въ 1846 году, въ такой приходъ, въ которомъ шла постройка новой деревянной церкви, и я засталъ однѣ только стѣны безъ крыши, безъ наружныхъ обшивокъ стѣнъ, и пятнадцать копѣекъ церковной суммы. Прежняя деревянная церковь была разрушена страшнымъ ураганомъ въ 1844 году въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Ураганъ этотъ, на пространствѣ въ ширину около двухъ верстъ, прошелъ съ градомъ и проливнымъ дождемъ съ Востока на Западъ, черезъ уѣзды Житомирскій, Новоградволынскій, Заславскій, Староконстантиновскій, Кременецкій и далѣе за Австрійскую границу, ниспровергая на своемъ пути жилища человѣческія, ихъ кладовыя и амбары, вырывая съ корнемъ вѣковые дубы, фруктовыя въ садахъ и самыя огромныя всякаго рода деревья въ лѣсахъ и даже разрушая до основанія самые храмы Господни. Такой ужасной участи подвергнулся и Васильевскій храмъ Господень въ селѣ Гажовщинѣ, и мѣстные прихожане этого храма лишены были благочестиваго общенія въ Божественной литургіи. Съ дозволенія мѣстнаго помѣщика, св. иконы иконостаса, священные сосуды, ризница и прочее имущество церковное были перенесены въ зданіе, сооруженное для католической каплицы, но не освященное, съ обязательствомъ причта не домогаться уступки этого зданія для освященія въ православную церковь. Въ этой каплицѣ, за неимѣніемъ церкви, были совершаемы вечерня, утреня и

обѣдница; а въ св. Четыредесятницу, по выслушаніи великаго повечерія, были исповѣдуемы прихожане съ тѣмъ, чтобы на другой день, тоже по выслушаніи заблаговременно утрени, могли поспѣть къ обѣднѣ въ Деревичскомъ приходѣ, гдѣ было двѣ церкви, для выслушанія божественной литургіи и принятія св. таинъ тѣла и крови Христовой. Немало вытерплено и перенесено непріятностей и пререканій пришлыми богомольцами съ ихъ настоятелемъ отъ мѣстныхъ жителей, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи два св. храма Божіи.

Въ 1863 году, въ приходѣ, гдѣ я священствую уже сорокъ четыре года, была волость, въ которой, вслѣдствіе какого-то правительственнаго распоряженія, объявлено было крестьянамъ, что старики свыше шестидесятилѣтняго возраста освобождаются отъ платежа казенныхъ податей, каковыя тогда вносили въ казну крестьяне и нѣкоторыя другія сословія. Вслѣдствіе того, нѣсколько стариковъ въ преклонныхъ лѣтахъ просили у меня для себя метрическихъ выписей. Когда такія выписи представлены были въ волость, волостной писарь Полякъ Б. обрадовался имъ, словно драгоцѣнной находкѣ: тутъ онъ увидѣлъ благовидный предлогъ подвести подъ отвѣтственность выдавшаго эти выписи православнаго священника. Онъ донесъ, что священникъ возмущаетъ общественный порядокъ въ подрывъ государственнаго интереса и выдачею метрическихъ выписей освобождаетъ крестьянъ отъ платежа казенныхъ повинностей, что волость въ этомъ случаѣ не можетъ удовлетворить ихъ просьбамъ, и они грозятъ возмущеніемъ. Мировой посредникъ, тоже Полякъ Лоз., вызвалъ меня въ мировое учрежденіе, село Яремичи, въ то самое время, какъ шайка мятежниковъ, подъ предводительствомъ Ружицкаго, явилась въ село Гажовщину повѣсить меня за мои доносы правительству на помѣщиковъ.

Поляки-помѣщики еще за годъ до мятежа подготовлялись къ возмущенію, собирали пожертвованія, составляли комитеты, и членами комитета подъ предсѣдательствомъ Ружицкаго были Дунины, Конопацкіе, Будзинскіе и другіе сосѣдніе помѣщики, жившіе въ окрестностяхъ мѣстечка Любара. Двое Дуниныхъ, арендовавшихъ Любарское имѣніе, были дѣти того Дунина, который въ 1831 году принадлежалъ къ мятежу, по усмиреніи его бѣжалъ за границу съ своими сообщниками и очутился въ Лондонѣ, гдѣ, не имѣя средствъ къ жизни, долженъ былъ копать каналы, чтобы добыть себѣ пропитаніе до тѣхъ поръ, пока тамошнее правительство не дало имъ занятія болѣе легкаго: это переводъ какого-то Польскаго сочиненія на Англійскій языкъ. Пожертвованія въ 1863 году собиралъ въ пользу мятежа помѣщикъ

Конопацкій подъ благовиднымъ предлогомъ сооруженія ограды Любарскаго католическаго кладбища, которое и безъ того обведено было самою прочною каменною оградой. Конопацкій визитовалъ всѣхъ помѣщиковъ, живущихъ въ окрестностяхъ Любара и даже въ Подольской губерніи. Все это выяснено бывшею въ 1864 году Военнослѣдственной Комиссіей. Самымъ тщательнымъ образомъ и энергично помѣщики занимались подготовленіемъ къ возстанію, обучали лошадей къ скачкѣ чрезъ заборы, рвы и черезъ протянутыя полотнища холста, приготовляли однообразную конскую сбрую, а для себя и прислуги, предназначенной въ шайку, одинакіе костюмы изъ толстаго сѣраго простаго сукна, бурки и чамарки и каждодневно по вечерамъ въ разныхъ пунктахъ собирались для попоекъ и совѣщаній. А въ урочищахъ Битое Озеро близъ Любара и въ Гончарыхѣ вблизи Острополя происходили у нихъ собранія для военныхъ гимнастическихъ упражненій.

Волынское духовенство, будучи свидѣтелемъ подобныхъ подготовленій, доносило обо всемъ начальству, а въ церкви внушало всѣмъ прихожанамъ, чтобы они не увлекались никакими обѣщаніями Поляковъ, которые заманивали на свою сторону православныхъ христіанъ, надѣляя ихъ золотыми грамотами, сулившими имъ даромъ всѣ крестьянскіе надѣлы, по народной поговоркѣ: «Ваше все, ваше поле, ваше море, ваша вода и очеретъ». Кромѣ внушеній въ церкви, мѣстный благочинный приказывалъ не поддаваться льстивымъ навѣтамъ повстанцевъ и если кто замѣтитъ собравшуюся шайку, бить тревогу въ звоны. Такія внушенія благочиннаго не остались тщетными и имѣли благія послѣдствія.

Вотъ донесли мнѣ прихожане, что два сына помѣщика Конопацкаго, Владиславъ и Георгій, и три человѣка изъ ихъ прислуги, съ Пятницы на Субботу 26—27 Апрѣля, вооруженные и на коняхъ уѣхали въ Гончарыху для соединенія съ шайкой за Острополемъ. Но какъ только появились они въ воротахъ мѣстечка Острополя, тамошніе прихожане, помня наставленія благочиннаго, вдругъ ударили въ звоны. Тутъ вооруженные Польскіе воины, боясь быть арестованными, обратились въ бѣгство. Но весною ночь коротка, возвращаться домой имъ довелось засвѣтло, и они сложили все свое оружіе, конскую сбрую и провизію (булки, колбасы и пр.) въ ровъ, прикрывъ листьемъ, подъ лѣсомъ, въ урочищѣ Бакаевкѣ, гдѣ все это лежало до Воскресенія, когда сельскіе мальчики, пасшіе лошадей съ собаками, замѣтили, что сіи послѣднія изъ рва вытягиваютъ шинки и колбасы. Мальчики кинулись къ намѣченному мѣсту и кромѣ провизіи нашли ружья, сабли, пистолеты, конскія уздечки и сѣдла и тотъ часъ

донесли Гажовщинскому волостному старшинѣ Б., который и распорядился забрать все это въ волость. По выходѣ моемъ изъ церкви отъ литургіи 28 числа ко мнѣ явился Гажовщинскій волостной старшина съ старостою деревни Житѝнца Симономъ Кривцемъ за совѣтомъ, что̀ имъ дѣлать. Мы, говорили они, нашли зарадъ (что̀ значитъ оружіе).—Напишите, сказалъ я имъ, рапортъ, помѣтьте найденное оружіе и отошлите въ становую квартиру.—Какъ же писать рапортъ, когда писарь Полякъ, принимающій участіе въ военныхъ приготовленіяхъ съ мятежниками и одѣтый въ повстанскую чамарку? — Возьмите, говорю дьячка, чтобы онъ вамъ прочиталъ рапортъ приставу.—Нѣтъ, замѣтилъ мнѣ старшина, мы оружіе оставимъ и пошлемъ только рапортъ приставу, у котораго есть пять козаковъ Донцевъ, присланныхъ ему въ помощь. Этихъ Донцевъ пришлетъ онъ намъ, и мы въ экономическомъ дворѣ не столько еще найдемъ оружія! По заявленію сторожа двороваго Ивана Беркуты на экономическій дворъ привезли оружія огромный сундукъ, который четыре человѣка едва могли снять съ подводы.

Волостной старшина, какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ.

Посланный съ рапортомъ приставу въ Любарѣ уже засталъ шайку мятежниковъ, ознаменовавшихъ свое торжественное вшествіе разграбленіемъ этапной квартиры, которая служила тогда передаточнымъ пунктомъ арестантовъ на пути изъ Житомира въ Староконстантиновъ и обратно. И немудрено было разграбить эту беззащитную квартиру. Этапный начальникъ, имѣя подъ командою не болѣе десяти человѣкъ, оставилъ свой постъ, такъ какъ не подъ силу ему было вступать въ бой съ шайкою, состоявшей изъ двухъ или трехъ сотъ повстанцевъ. Также должна была поступить даже и рота солдатъ, стоявшихъ на квартирахъ въ м. Острополѣ, въ двадцати верстахъ отъ Любара: узнавъ о появленіи шайки на подводахъ, вся она уѣхала въ Староконстантиновъ. Кромѣ подвига разграбленія беззащитной этапной квартиры, шайка ознаменовала свое торжественное вшествіе въ м. Любаръ побѣдою надъ однимъ безоружнымъ, попавшимся ей на улицѣ этапнымъ солдатомъ; не знаю, по чьему распоряженію, одинъ изъ повстанцевъ ни за что ни про что застрѣлилъ несчастнаго безоружнаго воина. Съ такими трофеями побѣды шайка, напутствуемая благожеланіями Жидовъ, (Жиды, встрѣчая знакомыхъ имъ пановъ, восклицали: niech Pan Bog wam dopomoga, i my wam), направили свое побѣдоносное шествіе прямо въ становую квартиру. Здѣсь для вида связали пристава; но онъ, какъ Полякъ и единомышленникъ, не унывалъ. Здѣсь всѣ знали,

что онъ, когда волостные старшины присылали забранную у Поляковъ военную конскую сбрую, оружіе и повстанническую одежду, одними дверями принималъ, а другими отдавалъ все это по принадлежности. Его скоро развязали и пустили на свободу, не тронувъ даже его канцеляріи, какъ это сдѣлали въ этапной квартирѣ. Завершивъ такимъ образомъ свое побѣдоносное дѣло (28 Апрѣля, въ Воскресеніе), Поляки преспокойно переночевали во взятомъ ими безъ боя мѣстечкѣ Любарѣ.

На другой день утромъ вся шайка рысью на своихъ бодрыхъ, еще неистомленныхъ коняхъ помчалась въ Гажовщинскую волость забрать оружіе, найденное мальчиками-пастухами во рву подъ листьемъ, наказать дерзкихъ волостныхъ старшинъ, осмѣлившихся дотронуться до Польскаго оружія и доносить приставу на своихъ помѣщиковъ, а также наказать попа за возбужденіе прихожанъ противъ защитниковъ Польской ойчизны и за его доносы. Волостные старшины успѣли разбѣжаться, кромѣ единомышленника повстанцевъ, писаря, котораго они не трогали. Тутъ въ страшномъ азартѣ писарь закричалъ въ слухъ всѣхъ, что причиною всей бѣды попъ, который вооружаетъ крестьянъ противъ пановъ и дѣлаетъ своему правительству на нихъ доносы, называя ихъ измѣнниками и возмутителями общественнаго порядка. Паны единодушно рѣшили повѣсить схизматика-измѣнника. Немедленно откомандированъ отрядъ храбрыхъ поборниковъ ойчизны оцѣпить домъ и усадьбу попа, сдѣлать въ домѣ тщательный обыскъ и представить меня въ волость для совершенія надо мною казни.

Милосердый Промыселъ Божій спасъ меня отъ погибели тѣмъ самымъ орудіемъ или способомъ, которымъ мои злоумышленники старались причинить мнѣ зло. Я уѣхалъ, какъ выше было сказано, въ мировое учрежденіе объясниться во взведенной на меня ябедѣ относительно выдачи метрическихъ выписей; а откомандированный отрядъ, налетѣвши внезапно и разрушивъ огорожу, которою обнесена была моя усадьба, окружилъ мой домъ. Вооруженные всадники на коняхъ поставлены были противъ каждаго окна дома и направили въ окна, кто ружья, кто пику, а кто пистолетъ. А начальникъ отряда съ двумя единомышленниками своими вскочилъ въ домъ. Первый вопросъ его былъ: Гдѣ попъ? —Нѣтъ дома, отвѣчали ему.—А хорошо дѣлаетъ, прячетъ у себя оружіе, вооружаетъ противъ обывателей своихъ парохвіянъ и дѣлаетъ на нихъ доносы, обзывая ихъ мятежниками. Позвать хозяйку». Она явилась трепещущая, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Тутъ одинъ изъ этихъ злодѣевъ, приложивъ пистолетъ къ головѣ, а

другой къ груди, заставилъ ее раскрывать всѣ ящики въ столахъ, всѣ шкафы и сундуки. Прежде всего, просмотрѣвъ бумаги по приходу, они начали разбрасывать всю одёжу и бѣлье, пробуя саблями въ сундукахъ и шкафахъ и не нашедши ничего по ихъ мнѣнію предосудительнаго, въ заключеніе пригрозивъ, что «будетъ помнить насъ измѣнникъ-схизматикъ попъ», ушли. Жена моя такъ перепугалась, что тутъ же случилось съ нею кровотеченіе, которымъ и страдала цѣлый годъ, а затѣмъ стала она такая нервная и раздражительная, что при малѣйшей непріятности и даже шорохѣ приходила въ возбужденное состояніе... И такая тяжелая, безотрадная жизнь для нея самой, для нашей семьи и прислуги продолжается болѣе тридцати лѣтъ. Я же, давши объясненіе въ мировомъ учрежденіи, на обратномъ пути, за пять верстъ до своего мѣста жительства, встрѣтилъ на дорогѣ двухъ всадниковъ-крестьянъ, которые предостерегали меня, чтобы я не возвращался въ с. Гажовщину, которую-де разорили и сожгли мятежники. Взглянувъ на указанную сторону, я увидѣлъ страшный клубящійся дымъ. Въ глазахъ у меня потемнѣло, и мнѣ живо представилась ужасная картина сожженнаго храма Божія, гдѣ я служилъ. Что̀ сталось, подумалъ я, со святыми запасными дарами тѣла и крови Христовой, какая участь постигла ризницу и прочее имущество церковное и оказалъ ли кто защиту несчастной съ груднымъ младенцемъ бѣдной женѣ моей? Такіе неразрѣшимые вопросы окончательно помутили мой разсудокъ; я не зналъ, что̀ дѣлать, и въ такомъ невыносимо-тяжеломъ направленіи духа своротилъ съ прямой дороги и поѣхалъ окольными путями, нашего же Гажовщинскаго прихода въ деревню Житонцы, куда съ извощикомъ я отправилъ своихъ лошадей. Житонецкіе крестьяне разбрасывали навозъ; но я мало замѣчалъ окружавшіе меня предметы и, не въ состояніи разсуждать о чемъ либо, подбѣгаю къ нимъ и спрашиваю, сожгли ли Поляки Гажовщину и церковь? И отъ нихъ узналъ, что все цѣло. Тогда же на возвышенномъ мѣстѣ за селомъ замѣтилъ я шайку мятежниковъ, шлявшихся и вертѣвшихся на одномъ мѣстѣ на подобіе согнаннаго съ разныхъ сторонъ стада барановъ или рогатаго скота. Клубившійся дымъ шелъ изъ экономической усадьбы, гдѣ шла весенняя очистка огорода и сѣнокоса. Увидѣвши ясно все это и успокоившись немного, я снялъ съ себя рясу и пошелъ пѣшкомъ, по низамъ, по-надъ рѣчкой, подъ косогоромъ, уже подъ самымъ селомъ, перерѣзавъ прямую дорогу по направленію къ Востоку, незамѣтно пришелъ къ самой своей усадьбѣ и, перелѣзши чрезъ заборъ, засталъ свою жену на подворьѣ блѣдную и трепещущую. Тутъ она съ волненіемъ сообщила мнѣ, что приготовленное мною донесеніе о вражьихъ замыслахъ не было найдено Поляками.

Уничтоживъ эту бумагу, я въ теченіе двухъ недѣль, пока шайка не была прогнана, долженъ былъ скитаться по окрестнымъ лѣсамъ, не разъ ночевалъ въ погребахъ и ямахъ, нажилъ ревматизмъ, съ этой поры постоянно ощущаю глухую боль и ломоту въ ногахъ, и теперь правая нога окончательно отказывается служить мнѣ: только при помощи костыля могу я двигаться или, лучше сказать, влачу жизнь.

По обыскѣ у меня дома шайка направилась въ экономическій дворъ и туда начала собирать крестьянъ или, лучше сказать, ловить ихъ кого и гдѣ попало и, собравши сколько возможно больше, Поляки предъявили имъ золотую грамоту, по которой дарилось крестьянамъ все, чѣмъ они пользовались, усадьбы и крестьянскіе надѣлы, и освобождались они отъ платежа казенныхъ податей и выполненія государственныхъ повинностей, если только станутъ на ихъ сторону и будутъ имъ содѣйствовать. Тутъ еще выступилъ съ рѣчью семидесятилѣтній старикъ-помѣщикъ Францъ Конопацкій, говорившій, что онъ посылаетъ для защиты ойчизны двухъ сыновей, а будь помоложе, то и самъ бы пошелъ. Для вящшаго убѣжденія простаго народа повстанцы указали на нѣкоторыхъ, находившихся въ ихъ станѣ, православныхъ священниковъ. Вотъ, говорили, смотрите, сколько у насъ православныхъ вашихъ пастырей, ставшихъ на нашу сторону за правое дѣло. Это были тѣже Поляки, переодѣтые въ рясы православныхъ священниковъ. Послѣ такихъ демонстрацій и угостившись на экономическомъ дворѣ, Поляки выѣхали за село и остановились станомъ на засѣянномъ ячменемъ полѣ, надъ водою, на возвышенномъ мѣстѣ, въ виду села. Тутъ устроились они и ночевать подъ открытымъ небомъ, хотя тогда еще въ воздухѣ было довольно свѣжо и прохладно. Разставлены были пикеты и ночные караулы. И вотъ одинъ изъ пикетныхъ воиновъ, нѣкто Пясецкій, будучи близорукъ, разъѣзжалъ вокругъ означенной ему окрестности и вдругъ наткнулся на заборъ. Вообразивъ, что это отрядъ Русскихъ воиновъ, онъ выстрѣлилъ и произвелъ такой переполохъ, что храбрые защитники ойчизны вдругъ снялись съ своего становища и очутились въ лѣсу, въ урочищѣ, называемомъ Чиричина. Нѣкоторые изъ этихъ храбрецовъ на ночлегѣ, въ торопяхъ, потеряли и свое оружіе (долота плотническія, прикрѣпленныя къ длиннымъ шестамъ), конскую сбрую и даже деньги, чѣмъ и воспользовались на другой день утромъ нѣкоторые изъ Гажовщинскихъ крестьянъ.

Изъ Гажовщины шайка очутилась въ мѣстечкѣ Полонномъ, и первымъ ея подвигомъ было разграбленіе становой квартиры. И такъ какъ тамъ былъ приставомъ православный чиновникъ, то удалые воз-

становители погибшей ойчизны всю храбрость свою выказали въ разореніи канцеляріи, рвали бумаги, архивныя книги и все это выбрасывали на улицу. Одну изъ таковыхъ книгъ привезъ въ село Гажовщину крестьянинъ Иванъ Розгонъ, возившій въ Полонное съѣстные припасы своимъ панамъ Наглумившись вдоволь надъ бездушными бумагами становой квартиры, повстанцы торжественно прошли мѣстечко Полонное и расположились станомъ за мѣстечкомъ вокругъ казенныхъ военныхъ запасныхъ магазиновъ, гдѣ хранился между прочимъ провіантъ для арміи и овесъ, которымъ и воспользовались мятежники для своихъ лошадей. Здѣсь провели они нѣсколько дней въ маневрахъ и вообще дисциплинировали свое молодое, собранное со всѣхъ концовъ необузданное войско въ приготовленіяхъ къ войнѣ, въ полной надеждѣ уничтожить Россійскую армію. Съ такими надеждами они и выступили къ мѣстечку Мирополю для соединенія съ пѣхотною арміею. Но соединеніе это не состоялось. Конный отрядъ размѣстился подъ Мирополемъ съ западной стороны, по дорогѣ изъ Полоннаго въ Миpополь, а пѣшая команда заняла позицію съ восточной стороны подъ лѣсомъ отъ дороги въ Мирополь. Банды этихъ злоумышленниковъ явились одновременно въ Субботу, 4 Мая, и не соединились они потому, что, какъ говорятъ, прикащики Миропольской мельницы купца Кипріянова заложили на плотинѣ дорогу камнями, старыми мельничными колесами и бревнами. Съ Субботы на недѣлю, съ 4 на 5 число Мая, ночью, прибылъ на подводахъ изъ Житомира баталіонъ стрѣлковъ подъ командою свиты Его Величества маіора Казнакова. Пѣшая шайка была разбита на-голову; убито до ста человѣкъ повстанцевъ и не меньше взято въ плѣнъ, а остальной сбродъ шляхты разбрелся по лѣсу; томимые голодомъ, они добровольно отдавались въ руки правосудія. Съ нашей стороны убито двое. Стрѣлковый унтеръ-офицеръ убитъ злоумышленниками изъ костельнаго окна. Казаки-Донцы потребовали ключей отъ костела, забрали засѣвшихъ тамъ; ксендза же, допустившаго такой святотатственный поступокъ, одинъ изъ казаковъ взялъ на плечи, а двое нагайками такъ отдѣлали, что тѣло отставало отъ костей. Впрочемъ такая казацкая операція благодѣтельно подѣйствовала на организмъ довольно полнаго (какъ всегда почти бываютъ) католическаго служителя алтаря Господня. Впослѣдствіи наказанный за святотатство патеръ сталъ еще полнѣе прежняго. Конная Польская команда на рысяхъ промчалась чрезъ Полонное и очутилась въ дремучемъ лѣсу. Здѣсь, настигнутая и разбитая Донцами, обратилась она къ южной сторонѣ по направленію къ Австрійской границѣ, по дорогѣ къ которой еще разграбила въ деревнѣ Лисенцахъ почтовую станцію и забрала тамъ почтовыхъ лошадей. Затѣмъ шайка была на-

стигнута ротой солдатъ, посланной изъ Староконстантинова. Тутъ хотя ротный командиръ-Полякъ во время дѣла и спрятался подъ мостъ на дорогѣ, но помощникъ его, православный поручикъ, прогналъ шайку далѣе; онъ палъ жертвой этой стычки и похороненъ на православномъ приходскомъ Староконстантиновскомъ кладбищѣ. Мятежники, уходя отъ преслѣдованія Русскаго оружія за границу, чрезъ село Очистновку, еще ознаменовали свое бѣгство тѣмъ, что въ этомъ селѣ самымъ варварскимъ образомъ повѣсили одного крестьянина на березѣ, продѣвъ несчастному веревку чрезъ нижнюю часть челюсти.

16 Января 1891.

Протоіерей о. Іоаннъ Спульскій написалъ свои воспоминанія въ Москвѣ, въ Голицынской больницѣ, въ которой онъ находился на излеченіи отъ воспаленія сустава въ голени. Эта болѣзнь въ дальнѣйшемъ потребовала отнятія ноги, въ нижней трети голени, что и было ему сдѣлано въ Кіевѣ. Батюшка, не смотря на свой преклонный возрастъ перенесъ операцію отлично.

Н. Стуковенковъ.

Про этотъ злосчастный 1863 годъ, эпизодъ котораго изображенъ въ воспоминаніяхъ отца Іоанна Спульскаго, такъ писалъ Ѳ. И. Тютчевъ:

Ужасный сонъ отяготѣлъ надъ нами,
Ужасный, безобразный сонъ:
Въ крови до пятъ, мы бьемся съ мертвецами,
Воскресшими для новыхъ похоронъ.

*

Осьмой ужъ мѣсяцъ длятся эти битвы,
Геройскій пылъ, предательство и ложь,
Притонъ разбойничій въ дому молитвы,
Въ одной рукѣ распятіе и ножъ.

Такъ отвѣчала Польская шляхта на велакое дѣло раскрѣпощенія помѣщичьихъ крестьянъ, совершенное тогда Русскими людьми. П. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ВРАЧА *).

Служба въ Москвѣ (1865—1875 годы).

Скажу кое-что и о моихъ сослуживцахъ - офицерахъ. Армейская среда была для меня новою. Хотя прежде, въ Гроднѣ, я и сталкивался съ офицерами, но только какъ госпитальный врачъ; теперь же пришлось жить въ ихъ кругу. Тамъ я былъ сравнительно независимъ отъ нихъ, здѣсь же зависимость моя чувствовалась на каждомъ шагу. Младшій врачъ былъ послѣднимъ лицомъ въ полку и при извѣстныхъ обстоятельствахъ становился въ подчиненныя отношенія къ любому прапорщику. Это было бы еще не особенно тяжело при мягкости въ отношеніяхъ офицера ко врачу; но такой мягкости обыкновенно не бывало и по воспитанію и развитію, и по особымъ понятіямъ о важности офицерскаго званія, сводимой въ сущности къ мундиру, а не къ личности человѣка, его носившаго. Врачъ не поднимался въ глазахъ офицера и тѣмъ назначеніемъ, которое дано ему въ арміи закономъ; надобности въ содѣйствіи со стороны врача къ улучшенію солдатскаго быта офицеръ не видѣлъ. Напротивъ, вмѣшательство въ это дѣло врача бывало для офицера и непріятно, и обидно. Солдатъ былъ для офицера только отвѣтственнымъ матеріаломъ для обработки, скучнымъ урокомъ, который приходилось сдавать предъ требовательнымъ учителемъ, не допускавшимъ ни возраженій, ни объясненій. Бываетъ ли дорогъ и милъ ремесленнику, работающему изъ хозяйскаго матеріала, этотъ послѣдній, особенно когда мастеровой и лѣнивъ, и несвѣдущъ въ ремеслѣ, за которое взялся, когда у него нѣтъ ни охоты, ни умѣнья; или не рветъ ли ни въ чемъ неповинную книгу школьникъ, не понимая заданнаго ему урока, и зная, что какъ ни учи, а неизвѣстно, какой балъ поставитъ за него учитель? Въ такомъ отношеніи къ солдату стояли всѣ офицеры отъ низшаго до высшаго, интересуясь только тѣмъ, чтобы работа понравилась хозяину и сошла

*) См. „Русскій Архивъ“ 1895 г. выпускъ 8-й, стр. 529

съ рукъ; а какъ она сдѣлана, объ этомъ думать и заботиться не приходилось. При такихъ условіяхъ врачъ обыкновенно служилъ только помѣхою офицеру, а при какомъ либо особомъ рвеніи къ своимъ обязанностямъ являлся назойливою мухою. Съ этой мухой церемониться казалось страннымъ; если ее сгонялъ или и просто прихлопывалъ офицеръ какого ни есть маленькаго ранга, начальство находило это въ порядкѣ вещей: противъ офицера поддержки врачу ожидать не приходилось. Вотъ одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ.

Младшимъ врачемъ въ одномъ пѣхотномъ полку, прибывшемъ въ Московскій лагерь на маневры, служилъ нѣкто Топазъ, изъ Евреевъ. Не смотря на присутствіе въ Москвѣ самаго крупнаго военнаго начальства, солдатамъ отпускалась изъ провіантскаго магазина постоянно плохая мука, и при дровяной экономіи и по другимъ причинамъ получался совсѣмъ уже скверный хлѣбъ. Врачи ничего не могли съ этимъ подѣлать, потому что и военное и медицинское начальство знало о скверномъ хлѣбѣ, но не могло или не находило надобности заботиться о такихъ пустякахъ. Но не зналъ объ этомъ врачъ Топазъ, еще новичекъ въ службѣ вообще, а съ нашимъ солдатскимъ хлѣбомъ познакомившійся впервыя; онъ началъ приставать съ нимъ къ своему начальству и подъ конецъ надоѣлъ ему окончательно. Однажды хлѣбъ вышелъ особенно плохъ, и горячій Еврей-врачъ, бывшій въ то время дежурнымъ, схватилъ краюху и бросился въ палатку квартермистра. «Полюбуйтесь, господа, обратился онъ къ компаніи офицеровъ, игравшихъ съ квартермистромъ въ карты, какимъ хлѣбомъ вы кормите солдатъ! Вѣдь его свинья ѣсть не станетъ». Обезпокоенная въ своемъ пріятномъ занятіи компанія встрѣтила врача насмѣшками, остротами и издѣвательствами надъ его національностью и подъ конецъ грубѣйшимъ образомъ выгнала, пригрозивъ «побить морду пархатому Жиду». Принесенная Топазомъ жалоба *по командѣ* окончилась для офицеровъ ничѣмъ и чуть не сдѣлали самого Топаза виноватымъ, Богъ вѣдаетъ, въ чемъ. Однако, Еврейское происхожденіе все таки ему поставлено въ вину, изъ за которой забыто было, что врачъ исполнялъ свою обязанность, а не напрашивался въ офицерскую компанію, *дерзко врываясь въ палатку и грубымъ, неприличнымъ тономъ* нарушая служебныя занятія офицеровъ, что́ ему и поставлено было на видъ. Въ общемъ выходило послѣдовательно: офицеръ всегда начальникъ относительно низшихъ себя и состоитъ при исполненіи служебныхъ обязанностей непрерывно, даже тогда, когда. . . . . , ну, напр., играетъ въ карты или обѣдаетъ.

Бывали, впрочемъ, офицеры и вѣжливы, и даже любезны со врачемъ; но случалось это только тогда, когда нужно было добыть отъ

него какую либо незаконную послугу, или вообще такую, которой нельзя было взять, какъ говорится, нахрапомъ. Въ цѣломъ же все таки свой, военный, а не *вольный*, врачъ для офицера былъ тѣмъ же, чѣмъ онъ вообще служитъ для современной мелкой печати: дешевою пищею для еще болѣе невзыскательнаго остроумія, или вѣрнѣе, балаганнаго острословія. Военный врачъ дѣлалъ все возможное, чтобы не имѣть среди офицеровъ практики, слѣдовательно, довѣрія къ себѣ. Въ этомъ помогалъ скудный войсковой каталогъ медикаментовъ того времени и строгое запрещеніе (въ законѣ) прописывать что либо не положенное въ немъ. Офицерство знало о своей плохой аптекѣ и отсюда, правильно по своему, заключало, что не можетъ быть хорошимъ и врачъ, пользующійся такою аптекою. Получить спросъ на свое леченіе у офицеровъ значило съ утра до вечера бѣгать по городу пѣшкомъ изъ одного конца въ другой или тратиться на извощиковъ, что́, при разбросанномъ размѣщеніи офицеровъ, въ большомъ городѣ было накладно. Правда, въ полку было много лошадей, и всѣ чины штаба пользовались ими для собственныхъ надобностей безпрепятственно; но дать лошадку врачу, хотя бы старшему, который считался также штабнымъ лицомъ, признавали за грѣхъ. Исключеніе допускалось только въ случаяхъ, прямо указанныхъ въ законѣ, напр., для посѣщенія отдаленныхъ казармъ и т. п., когда отказъ былъ невозможенъ, потому что, если не давалось лошади, не исполнялось и служебное дѣло. На посѣщеніе больныхъ офицеровъ подводная повинность не распространялась, исключая тѣхъ случаевъ, когда врачу приказывалось освидѣтельствовать больного. Назначенный присутствовать при освидѣтельствованіи офицеръ получалъ лошадь и подвозилъ врача, если желалъ и того, и другого. Врача требовали изъ-за малѣйшаго пустяка во всякое время, не церемонясь и не стѣсняясь; за малѣйшую неаккуратность, хотя бы невольную, наказывали нескрываемымъ неудовольствіемъ и по первому капризу мѣняли одного врача на другого. При этомъ не трудно было угодить и подъ дисциплинарное взысканіе. Въ одномъ полку офицеры лечились у своихъ врачей, которыхъ было четверо. Заболѣваетъ офицеръ горломъ и призываетъ къ себѣ врача, у котораго прежде лечился. Едва тотъ ушелъ, къ больному заглянулъ товарищъ. Разговоръ: Что́ и какъ? Кто лечитъ? Вы пригласили бы такого-то», дается совѣтъ. Зачѣмъ же дѣло? Деньщикъ летитъ за другимъ врачемъ. Часа черезъ три по какой-то причинѣ посылается за третьимъ. Приходитъ и третій. Уже поздно ночью больному вздумалось посмотрѣть и на четвертаго, послѣдняго. Посылается и за нимъ. Между тѣмъ болѣзнь оказалась такою пустяшною, что сама собою прошла чрезъ сутки безъ лекарства, получивъ которое по тремъ рецептамъ изъ своей ап-

теки, больной, занятый сгонкою къ себѣ врачей, и не принималъ его. Четвертый врачъ однако не пошелъ, узнавши, что раньше его въ тотъ же день навѣстили больного трое товарищей, да и не могъ сдѣлать этого по какой-то уважительной причинѣ. И вотъ на другой день жалоба командиру, а на третій выговоръ въ приказѣ. За что же? За неисполненіе обязанности? Нѣтъ. Врачебная обязанность относительно офицера была исполнена втройнѣ; но четвертый врачъ оказался виновнымъ *въ недостаткѣ человѣколюбія.*

Слѣдуетъ замѣтить, что у военныхъ начальниковъ была наклонность высказывать подозрѣніе, что и врачи не безгрѣшны на счетъ казеннаго *пушка на рыльцѣ.* Можетъ быть, это дѣлалось по памяти о томъ давнемъ времени, когда и военному врачу было мѣсто у казеннаго пирога. Я засталъ еще одинъ такой обломокъ милой старины въ лицѣ старшаго врача ***, который мнѣ, какъ начальнику, заявилъ жалобу на то, что командиръ отнимаетъ у него въ свою пользу экономическія дрова по отопленію лазарета, принадлежащія по *праву* ему, старшему врачу. Но въ послѣднюю войну врачи, завѣдуя самостоятельно, на правахъ полковаго командира, подвижными дивизіонными лазаретами, показали, что имъ можно довѣрять, пожалуй, далеко не меньше, чѣмъ кому либо другому, казенныя деньги. Они удивили даже количествомъ экономіи отъ фуража, сданной въ казну. А фуражная экономія была такою чувствительною болячкой, что я помню, какъ крикнули командиры нѣкоторыхъ частей, когда начальство дотронулось до этой болячки. Не вслѣдствіе ли этого или не по этой ли причинѣ сдано было въ Бѣлу на храненіе порядочное количество обезлошадѣвшихъ пушекъ? Ставлю точку. О томъ, чего я насмотрѣлся и натерпѣлся въ эту войну, еще не время разсказывать. Въ направленіи своего повѣствованія добавлю только уже гораздо позднѣйшими обстоятельствами, почему могло и желало проявляться у командировъ разнаго ранга подозрѣніе относительно пушка на рыльцѣ у врачей. Могло это подозрѣніе возникать иногда, хотя и безъ всякихъ основаній, но искренно, *по совѣсти,* со стороны подозрѣвающаго. Конечно, это та совѣсть, по которой лисица осудила овцу:

> Не можетъ быть, чтобъ утерпѣла,
> И куръ она не съѣла.

Мнѣ лично извѣстенъ былъ одинъ крупный начальникъ, который, узнавъ, что подчиненный ему врачъ выписываетъ для больныхъ, кромѣ водки, и вино, обратился къ нему съ такимъ вопросомъ:

— Это для кого же, докторъ, вы винцо-то выписываете?

— Для кого?! Конечно, для больныхъ.

— У меня, когда я командовалъ полкомъ, старшій врачъ тоже выписывалъ вино для *больныхъ* (слово подчеркивается). Только прихожу я въ лазаретъ и застаю его съ младшимъ врачемъ обоихъ съ рюмочками около бутылки.

— А, вы вотъ къ чему! И меня, говоритъ врачъ, в-во можете накрыть на такомъ преступленіи: я также никогда не отпускаю, не попробовавши самъ, ни вина, ни водки, ни пищи, которые назначаю больнымъ.

— А лекарства тоже пробуете? иронизируетъ начальникъ надъ беззащитнымъ подчиненнымъ.

— Случается и это. Но вкусъ и составъ ихъ мнѣ извѣстны приготовляются же они на моихъ глазахъ и изъ матеріала, доставляемаго казною. Здѣсь есть маленькая разница съ тѣмъ, что̀ поставляетъ мнѣ для больныхъ смотритель.

Офицерская служба въ началѣ шестидесятыхъ годовъ была далеко не такъ сложна, какъ теперешняя. Солдатская *грамотность* была еще такою же проблеммою, какою въ настоящее время является для нашихъ философовъ существованіе видимаго міра. Военная *словесность* еще только выглядывала изъ за рекрутскаго устава, разработывавшаго въ крестьянскихъ головахъ вопросъ о томъ, что̀ такое солдатъ? Гимнастика считалась еще такою областью, которая для своего открытія нуждалась въ своего рода Колумбѣ или, по крайней мѣрѣ, Кукѣ. Въ этой роли поставленъ былъ также, какъ и Кукъ, *капитанъ*, получившій громкій титулъ, въ точности мною запамятованный: начальника или завѣдующаго окружной гимнастикой. Это былъ человѣкъ средняго роста, худощавый и съ виду слабосильный; онъ ловко продѣлывалъ разныя гимнастическія штуки передъ командою своею, щеголяя ими предъ сходившимися смотрѣть на него офицерами. Я упоминаю объ этомъ офицерѣ, потому что мнѣ довелось впослѣдствіи, благодаря ему, быть свидѣтелемъ потрясающей душу картины внезапнаго помѣшательства въ семьѣ, гдѣ никто не догадывался о постигшемъ ее несчастіи. Мнѣ, какъ врачу, пришлось принести ей эту печальную вѣсть. Офицеръ своею болѣзнію поплатился за излишнюю ревность къ гимнастикѣ отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ и нерѣдкихъ ушибовъ головы. Отправленный въ госпиталь, онъ отъ своей болѣзни не выздоровѣлъ.

За гимнастикою шла стрѣльба; но и она изъ винтовокъ, которыми была тогда вооружена армія, шла вяло, хотя и тогда солдаты, плохо стрѣлявшіе, ухитрялись попадать въ любопытно-выставляемыя изъ рва предъ мишенями головы махальныхъ. Пріѣхало какое-то начальство посмотрѣть на стрѣльбу и пріостановило ее для какихъ-то распе-

каній. Махальный, видя, что стрѣльба пріостановилась и долго не возобновляется, высунулъ голову, чтобы посмотрѣть, что̀ это значитъ? Но въ эту минуту отдано было приказаніе стрѣлять, и первая пуля угодила въ голову бѣдняка. Обученіе стрѣльбѣ шло еще *наглядкою.* Мнѣ памятенъ приказъ начальника штаба въ дивизіи, смѣнившаго Фока, рекомендовавшій, для обученія солдатъ прицѣлу, *дѣлать солдатъ* (вмѣсто мишеней) *изъ глины.* Надъ теоріей стрѣльбы въ то время еще не трудились мужицкія головы, изучая линію полета пуль и заучивая мудреное слово, въ родѣ *траекторія. О тактическихъ задачахъ* не было представленія и въ офицерскихъ головахъ. Вслѣдствіе всего этого офицерская служба не была далеко такою сложною и трудною, какъ теперь. Правда, что выправка и маршировка, какъ фундаментъ для церемоніальнаго марша, требовали много времени и труда; но черная работа въ этомъ дѣлѣ лежала на ротныхъ командирахъ и велась чрезъ унтеръ-офицеровъ. У субалтерновъ оставалась только главнымъ образомъ караульная служба; но она-то ихъ и донимала. Весь Московскій гарнизонъ состоялъ только изъ одной дивизіи, а караульныхъ постовъ было много, такъ что караульная очередь отправлялась цѣлымъ полкомъ, слѣдовательно каждому изъ нихъ приходилось заступать караулы черезъ два дня въ третій. Если прибавить къ этому, что многіе посты, какъ напр., у пороховыхъ погребовъ, далеко находились отъ казармъ и сами по себѣ были скучны, то понятно станетъ, что офицеры не упускали возможности отлынивать отъ того или другаго непріятнаго наряда въ караулъ. Единственнымъ средствомъ для этого служила внезапная болѣзнь, а поэтому и содѣйствіе со стороны врача. Мнѣ приходилось ночи предъ выступленіемъ полка въ караулъ проводить безъ сна и въ путешествіяхъ по городу въ офицерскія квартиры для удостовѣренія обыкновенно мнимой болѣзни желавшихъ освободиться отъ караула. Были комическія, ребяческія притворства: явно здоровый укладывался въ постель, облѣпливалъ себя горчишниками, охалъ и т. п. Были и нахальства, возможныя только по отношенію къ военному младшему врачу. Иногда больного я заставалъ въ веселой компаніи товарищей офицеровъ, подгулявшихъ и за картами. Здѣсь уже приходилось прямо наталкиваться на оскорбленія. Прежде всего предложеніе выпить и закусить, не портить компанію, а затѣмъ и откровенное заявленіе, въ родѣ, напр., того, что будетъ со стороны доктора *свинствомъ* не выдать свидѣтельства о болѣзни здоровяку. Сначала, чтобы избавиться отъ подобныхъ непріятныхъ эпизодовъ, я пробовалъ въ ночь предъ караулами засиживаться подольше у знакомыхъ или въ клубахъ, въ надеждѣ, что, не заставши меня дома, поневолѣ отстанутъ; но вышло еще хуже. Воз-

вращаясь часа въ два ночи, я заставалъ у себя на квартирѣ одного или двухъ дожидавшихся меня съ вечера офицерскихъ деньщиковъ. «Не приказано являться безъ в-го б-дія». «Обѣщались морду побить, если не приведу в-ше б-діе». Чтó тутъ станешь дѣлать? За что же будетъ терпѣть солдатъ, если его даже не побьютъ, и просто погонятъ опять за мною, заставивъ сдѣлать 6—8 верстъ? Оставалось съ слипающимися отъ дремоты глазами брать извощика, подсаживать къ себѣ бѣднягу-солдата и ѣхать куда требуютъ.

Ничего, конечно, этого не было бы, если бы офицеры въ полку жили дружно, а не партіями и въ разбродъ. Офицеръ постыдился бы товарищества и не осмѣлился бы отлынивать отъ непріятной служебной обязанности, сваливая ее съ себя на товарища. Освободившись по моему свидѣтельству, онъ зналъ, что за него въ какіе либо пороховые погреба пойдетъ другой, не въ очередь, уже расположившійся какъ нибудь пріятно провести свободное время. Хотя и рѣдко встрѣчались случаи дѣйствительной болѣзни, дававшіе офицеру право освободиться отъ караула, но бывало неизбѣжно и то, что я или былъ обманутъ, или, вѣрнѣе, вынужденъ былъ полусознательно лгать, а офицеръ по легкомыслію выдавалъ и себя и меня, попадаясь на улицѣ или въ другомъ мѣстѣ на глаза товарищамъ. Противная партія спѣшила изъ этого случая сдѣлать casus belli; да и адъютантъ, затрудняясь иногда замѣнять заболѣвшихъ другими офицерами, косо смотрѣлъ на мои свидѣтельства и рапорты, особенно, когда Русскаго офицера приходилось замѣнять Полякомъ. Являлась поэтому для меня необходимость выйти, какъ можно скорѣе, изъ сквернаго положенія. Случай къ этому наконецъ представился. Встрѣтивъ однажды при полученіи жалованья большинство офицеровъ въ полковой канцеляріи, я выслушалъ отъ одной кучки ихъ претензію на непріятности, которыя доставляю офицерамъ своими свидѣтельствами. Этому я несказанно обрадовался и сейчасъ же, собравъ всѣхъ присутствовавшихъ офицеровъ, держалъ къ нимъ такую рѣчь. «Дѣйствительно, господа, сказалъ я, нѣкоторые изъ васъ стараются избавляться отъ карауловъ подъ предлогомъ мнимой болѣзни. Возможно, что нѣкоторыми я и бываю обманутъ. Но ничего подобнаго не случилось бы, если бы вы жили между собою, какъ слѣдовало бы, хорошими товарищами. Я первый былъ бы этому очень радъ, потому что избавился бы отъ лишняго труда, безпокойства и непріятностей. (Здѣсь я привелъ нѣкоторые изъ эпизодовъ собственнаго мытарства, безъ обозначенія, конечно, дѣйствующихъ лицъ). Поэтому, заключилъ я, искренно благодарю гг. офицеровъ, давшихъ мнѣ своимъ заявленіемъ возможность положить этому конецъ. Васъ, обратился я къ присутствовавшему при этомъ адъютанту, прошу

доложить командиру полка о настоящемъ случаѣ, а также и о томъ, что на будущее время въ подобныхъ случаяхъ я буду просить, чтобы командировали штабъ-офицера для присутствованія при освидѣтельствованіи пригласившаго меня больного». Нѣкоторые изъ находившихся въ канцеляріи штабъ-офицеровъ поморгали при этихъ моихъ словахъ усами и отошли молча. Съ этого времени меня болѣе уже не таскали по ночамъ наканунѣ карауловъ. Но мнѣ все таки не обошлась даромъ моя выходка: я за нее поплатился потомъ, и весьма забавнымъ образомъ.

Что извѣстная часть офицерства озлобилась на меня, это понятно; но пожалуй, понятно и то, почему прибѣгнули къ мести.

Въ числѣ моихъ паціентокъ была одна, очень добрая старушка Француженка, г-жа Раго (Ragault), доживавшая вѣкъ въ дѣвицахъ и задумавшая меня женить безъ моего спроса. Для этого она вошла въ соглашеніе съ другою, также пожилою моею паціенткою изъ Русскихъ. Сообща онѣ пріискали какую-то неизвѣстную мнѣ по сіе время богатую купеческую дочку и начали сватовство. Навѣщаю однажды первую свою паціентку и застаю ее, какъ говорится, не по себѣ, не то смущенную, не то чѣмъ-то недовольную. Полагая, что я чѣмъ либо не угодилъ въ своемъ леченіи, хотя послѣднее шло успѣшно, я далъ паціенткѣ понять, что съ своей стороны ничего не имѣю противъ того, чтобы она посовѣтовалась съ другимъ врачемъ, которому больше довѣряетъ. Оказывается, что дѣло совсѣмъ не въ леченіи, а въ чемъ-то другомъ, о чемъ не рѣшаются мнѣ сказать. Давъ слово не обижаться ни на что, что́ бы ни услышалъ, я узнаю, что другая, Русская паціентка была поставлена изъ за меня въ весьма неловкое положеніе по поводу затѣяннаго ими, конечно въ моихъ интересахъ, сватовства. Купецъ, на дочери котораго онѣ собрались меня женить, пожелалъ навести справки о томъ, что̀ я за человѣкъ, и обратился за этимъ къ моимъ сослуживцамъ по полку, офицерамъ. Это, скажу отъ себя, тѣмъ было возможнѣе, что офицеры, разбросанные по всей Москвѣ, толкались въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ сферахъ, ища развлеченій и т. п. (офицерскихъ клубовъ или собраній тогда не было). Между тѣмъ на танцующихъ молодыхъ людей и тогда былъ спросъ, можетъ быть еще бо́льшій, чѣмъ теперь. Если Скалозубъ хвастался въ свое время, что въ первой арміи есть офицеры, говорящіе по-французски, то командиры 1-й гренадерской дивизіи, благодаря порядочному количеству офицеровъ изъ Поляковъ, могли съ бо́льшимъ правомъ хвастаться офицерами, танцующими мазурку. Но купецъ, неизвѣстный мнѣ родитель неизвѣстной также дочери, обратился за справками въ полковую канцелярію, какъ въ адресный столъ. Случайно встрѣтивъ тамъ

нѣсколько офицеровъ, купецъ наслушался отъ нихъ обо мнѣ такихъ ужасовъ, что, вѣроятно, потомъ служилъ благодарственный молебенъ за избавленіе отъ моровой язвы. Я оказался ни болѣе, ни менѣе, какъ картежникомъ, человѣкомъ въ долгу, какъ въ шелку, и при томъ состоявшимъ на содержаніи у какой-то старухи. Сваха-паціентка, къ которой купецъ обратился съ укоромъ за рекомендацію въ зятья такого негоднаго человѣка, приняла послѣднюю аттестацію мою на свой счетъ и воспылала негодованіемъ противу меня, сдѣлавъ сцену другой моей паціенткѣ, Француженкѣ.

Когда я терпѣливо выслушалъ этотъ разсказъ, то покатился со смѣху. Глупыя женщины затѣваютъ отъ бездѣлья глупѣйшее дѣло на чужой счетъ и потомъ гнѣваются на посторонняго человѣка за то, что это дѣло имъ не только не удалось, но и принесло непріятность. «Чему же вы смѣетесь, докторъ? обиженно прерываетъ мой смѣхъ паціентка. Надѣюсь, вы понимаете, каково наше положеніе».

— А ктоже просилъ васъ, сударыня, садиться на такой неудобный стулъ?

— Но вѣдь мы хотѣли вамъ добра; мы такъ васъ уважали!

— А теперь вы желаете, чтобы я возвратилъ вамъ ваше уваженіе? говорю я полушутя. Что же, извольте! Имѣю честь... Я откланялся и вышелъ.

— Да, нѣтъ, докторъ, вы не такъ меня поняли... и еще что-то, чего я не разобралъ, слышу въ догонку.

Въ передней, пока я одѣвался, вбѣжавшая горничная подала мнѣ незаклеенный конвертикъ съ платою за визитъ. Денегъ я не взялъ, оставивъ ихъ моей паціенткѣ въ вознагражденіе за трудъ и непріятности изъ за меня. Такимъ образомъ я лишился вдругъ лучшихъ двухъ паціентокъ, которыхъ у меня тогда было мало. Впрочемъ, эта ссора уладилась впослѣдствіи сама собою, и тогда я узналъ, что офицеры, очернившіе меня предъ глуповатымъ купцомъ, съумѣли втереться къ нему въ домъ, и одинъ изъ нихъ женился на его дочери и, дѣйствительно, оказался, къ огорченію тестя, и мотомъ, и картежникомъ, что̀ доставило пищу злорадству моихъ паціентокъ.

Этотъ забавный случай можетъ дать понятіе, какого сорта люди находились въ тогдашней офицерской средѣ. Въ семьѣ, конечно, не безъ урода; но дѣло въ томъ, что подобные уроды вооружены были суровою дисциплинарною властію въ отношеніи, напр., солдата. Солдатъ озлоблялся и вслѣдствіе этого не рѣдко прорывался на такихъ поступкахъ, которые дорого ему обходились самому; а карою по закону сѣяли, такъ сказать, сѣмена новыхъ безпорядковъ. Время, о ко-

торомъ я разсказываю, относится къ уничтоженію въ войскахъ тѣлесныхъ наказаній, какъ дисциплинарныхъ взысканій. Опасеніе, что съ отнятіемъ права у офицера и нижняго чина рукодѣйственной расправы съ каждымъ солдатомъ за вину его ослабнетъ дисциплина, имѣло, конечно, основаніе у тѣхъ, кто думалъ, что порядокъ въ арміи только и держаться можетъ одними кулаками и розгами. Ограниченіе этихъ средствъ должно было замѣститься другими, и неудивительно, что у нѣкоторыхъ офицеровъ такое замѣщеніе произошло на счетъ излишней строгости и придирчивости. Тамъ, гдѣ прежде ограничивались зуботычиной, теперь явился карцеръ и темный, и голодный; мѣсто розогъ заступило преданіе суду, влекущее за собою переводъ въ разрядъ штрафованныхъ. Карцеры были плохи въ гигіеническомъ отношеніи, а содержаніе въ нихъ арестованныхъ въ темнотѣ, на хлѣбѣ и водѣ, неизбѣжно дѣйствовало на здоровье солдатъ, особенно при неудовлетворительной въ то время пищѣ изъ котла. Больныхъ въ то время было много въ войскахъ вообще; но первая гренадерская дивизія, если, можетъ быть, и не занимала перваго мѣста въ этомъ отношеніи, то была далеко не изъ послѣднихъ; Екатеринославскій же полкъ въ ней рѣзко выдавался числомъ больныхъ, такъ что это обстоятельство обратило на себя вниманіе и Государя. Спавшее дотолѣ вниманіе начальства къ здоровью солдатъ проснулось и бросилось не столько къ уясненію и устраненію причинъ болѣзненности, сколько къ отысканію козловъ отпущенія. Такими, по обыкновенію, явились врачи. Старшій врачъ Никольскій былъ засыпанъ запросами, замѣчаніями и т. д. Вслѣдствіе возникшей по этому поводу переписки и явилась *плохая конституція* казармъ, дѣйствительно игравшая видную роль, какъ увидимъ ниже, въ причинахъ солдатскихъ болѣзней; понятая въ запретномъ, либеральномъ смыслѣ, она, должно быть, улыбнулась надеждою начальству отыскать козла отпущенія собственной своей винѣ. Такъ можно было думать потому, что Никольскому приходилось при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ выслушивать вопросы и упреки, почему *у него* такъ много больныхъ, или *у васъ* всего больше больныхъ. Любопытенъ былъ его отвѣтъ въ подобныхъ случаяхъ. В-во, осмѣливаюсь доложить, что я больныхъ не дѣлаю, почтительно оправдывался онъ въ взводимомъ на него обвиненіи.

Докучныя приставанья стали задѣвать и меня. Послѣ перевода Никольскаго, мнѣ довольно долго довелось исправлять его должность. Конституція Покровскихъ казармъ была и холодна, и сыра, и тѣсна. Нагрѣвались онѣ въ зимніе морозы главнымъ образомъ самими солдатами, ихъ дыханіемъ и тѣлами. Отопленіе было, такъ называемое, *Амосовское*; но тепловые отдушники оставались постоянно закрытыми

и ничѣмъ не обнаруживали ни своего присутствія, ни того, топились ли печи, потому что были заставлены пóлками съ солдатскими ранцами и другой аммуниціей. Когда эти, открытые мною, отдушники получили свободу и право исполнять свое назначеніе, то оказалось, что почти всѣ они отъ долгаго неупотребленія засорились, испортились и никакого тепла въ солдатскія помѣщенія не пропускали. Нечего, конечно, говорить о томъ, что тутъ же, гдѣ солдаты жили, сушились и ихъ мокрыя шинели, и портянки, и ихъ вымытое бѣлье. Надъ казармами былъ просторный чердакъ; но пользоваться имъ для сушки бѣлья солдатъ не допускался по какимъ-то соображеніямъ какъ самого полковаго начальства, такъ и смотрителя казармъ. Между тѣмъ и въ казармѣ сушить бѣлье солдату строго воспрещалось, чтó вынуждало его не спать ночь, карауля развѣшенное мокрое бѣлье, чтобы его не украли товарищи или не увидало начальство. Нѣсколько прочахнувшее досушивалось подъ подушкой или просто замѣняя простыню на грязномъ и пыльномъ соломенникѣ. Послѣднее даже считалось болѣе удобнымъ, потому что бѣлье скорѣе высыхало, нагрѣваясь тѣломъ спавшаго на немъ хозяина. Если принять въ расчетъ, что отъ солдата строго требовалось и тогда имѣть и на себѣ и въ ранцѣ чистое бѣлье, а три - четыре смѣны его можно было встрѣтить только у *справнаго* солдата, то прачечный вопросъ былъ для него самымъ докучливымъ. Удовлетворительное разрѣшеніе его было возможно только при помощи *кумы̀*, которою солдатъ и обзаводился, гдѣ удавалось, не исключая и женской прислуги у своихъ командировъ. Такимъ образомъ для нравственной распущенности солдата создавалась лишняя, но уже экономическая или, пожалуй, служебная, причина.

Завоеваніе чердаковъ и освобожденіе отдушниковъ достались мнѣ не легко. Первое требовало хлопотъ по надзору за солдатами, а второе открывало возможность контроля надъ топкою, чтó было многимъ не по вкусу. Главное же препятствіе оказалось въ томъ, что начальство не признавало въ *конституціи* Покровскихъ казармъ причины солдатскихъ болѣзней. «Чтó вы толкуете, докторъ?» говорилось мнѣ съ пренебреженіемъ. «Холодъ, сырость, духота! Но въ Кремлевскихъ казармахъ ничего этого нѣтъ, и больныхъ еще больше, чѣмъ въ другихъ баталіонахъ». Въ Кремлевскихъ казармахъ (зданіе, предъ которымъ красуется царь-пушка) стоялъ первый баталіонъ Екатеринославскаго полка. Помѣщеніе было и просторно, и сухо; но солдаты дѣйствительно болѣли въ этомъ баталіонѣ исправнѣе, чѣмъ въ остальныхъ. Причины этому были, какъ говорится, вполнѣ уважительныя, и ихъ было немало даже спеціальныхъ для этого баталіона. Въ *первый* баталіонъ *перваго* гренадерскаго, шефскаго

и при томъ квартировавшаго въ Москвѣ, полка выбирались люди наиболѣе рослые. Въ то *рекрутское* время у насъ, когда и сама Пруссія, универсальный нашъ учитель, при своей всеобщей воинской повинности, не обращала еще вниманія на соотношенія размѣра груди солдата съ его ростомъ, у насъ естественно должно было поступать въ военную службу много людей слабыхъ вообще и расположенныхъ къ чахоткѣ въ частности. Понятно и то, почему такихъ людей было больше въ Екатеринославскомъ первомъ батальонѣ, чѣмъ въ другихъ баталіонахъ и полкахъ. Такой контингентъ слабыхъ въ немъ, какъ и вообще въ дивизіи, доставляемый самымъ выборомъ солдатъ, увеличивался еще тѣмъ; что наиболѣе крѣпкіе изъ наиболѣе рослыхъ и обдержавшихся на службѣ солдатъ отбирались въ гвардію и пополнялись въ дивизіи рослыми армейцами, первоначально забракованными не только для гвардейской, но и гренадерской службы. Выборъ и отправка солдатъ въ гвардію, понятно, сопровождались усиленными хлопотами и безпокойствомъ для начальства не только полковъ, но и дивизіи. Каждый солдатъ, туда выбранный, осматривался не менѣе тщательно, какъ осматривается Евреемъ приносимый къ нему закладъ. Благодаря этой поставкѣ въ гвардію гренадеровъ, удалось выдвинуться и стать высоко въ мнѣніи своего начальства одному очень маленькому во всѣхъ отношеніяхъ человѣку. Для сопровожденія гвардейской команды въ Петербургъ назначался, между прочимъ, и врачъ. Командировка эта считалась и почетною, и выгодною по прогоннымъ и подъемнымъ деньгамъ, почему и доставалась только тѣмъ изъ насъ, кто пользовался расположеніемъ къ себѣ дивизіоннаго доктора Даркшевича. Въ эту командировку обыкновенно и назначался младшій врачъ Ростовскаго полка Самойло, Александръ Ивановичъ. Это былъ ростомъ настоящій карликъ, карликъ и по виду со сморщеннымъ, старческимъ лицомъ. Понятно, что такая фигурка могла выгодно оттѣнять собою ростъ и здоровый, молодецкій видъ избранниковъ въ гвардіи. Послѣдніе обыкновенно были представляемы Государю и поэтому подвергались цѣлому ряду предварительныхъ осмотровъ. На одномъ изъ такихъ окончательныхъ осмотровъ генералу показалось, что у одного изъ солдатъ больные глаза. Самойлѣ приказано было осмотрѣть послѣдніе; но какъ это исполнять доктору, который макушкой своей головы доставалъ только до подложечки солдата? Сообразивъ, что у нагнувшагося къ нему солдата нельзя видѣть, какъ слѣдуетъ для медицинскаго осмотра глаза, а подняться до нихъ можно было только по лѣстницѣ, которой не имѣлось, Самойло скомандовалъ солдату по военному: на колѣни! Солдатъ повиновался, осмотръ былъ произведенъ у колѣнопреклоненнаго и обнаружилъ у него не болѣзнь,

а простую красноту отъ какой-либо случайной причины. Шутники передавали этотъ случай въ другой версіи, именно, будто бы Самойло приказалъ солдату взять себя на руки, какъ ребенка, и въ такомъ положеніи произвелъ медицинскій осмотръ; но это неправда. Самойло снискалъ себѣ славу находчиваго врача-службиста.

Для избытка больныхъ въ первомъ баталіонѣ, въ Кремлевскихъ казармахъ существовала еще спеціальная, какъ я сказалъ, причина кромѣ рослости солдатъ. Батальономъ командовалъ подполковникъ Рутъ, тотъ, который вступилъ въ пререканіе съ командиромъ полка о петлицахъ. Какъ у человѣка крайне-ограниченнаго, а потому крайне-упрямаго, служебное рвеніе у него выражалось односторонне и вредно отзывалось на солдатѣ и на его здоровьѣ. У Рута, ежедневно почти пробовавшаго солдатскій обѣдъ на кухнѣ, послѣдній былъ гораздо лучше, чѣмъ въ остальныхъ баталіонахъ; но это достигалось тѣмъ, что у солдата его не только былъ совсѣмъ никуда не годенъ по качеству и вкусу ужинъ, но его нерѣдко недоставало для многихъ солдатъ, искавшихъ похлебать хотя бы какой-либо бурды вечеромъ.

Другою изнурявшею солдатъ въ баталіонѣ причиной была чрезмѣрная ретивость Рута въ фронтовой выправкѣ. Пользуясь большимъ плацемъ предъ казармами и тѣмъ, что въ день возвращенія полка изъ карауловъ никакихъ занятій для солдатъ не назначалось, Рутъ каждый разъ въ этотъ день упражнялъ свой баталіонъ въ церемоніальномъ маршѣ. Солдаты, послѣ плохо проведенной въ караулѣ ночи, сдѣлавъ иногда верстъ десять и болѣе и не отдохнувъ послѣ обѣда, парадировали часа два-три предъ своимъ баталіоннымъ командиромъ въ церемоніальномъ маршѣ. Открытые мною такіе порядки въ баталіонѣ удивили полковаго командира, но пользы солдатамъ особенной не принесло мое открытіе. Напротивъ, оно принято было за что-то въ родѣ посягательства мною на чужія права, да и Рутъ былъ неисправимъ. Впослѣдствіи мнѣ снова пришлось съ нимъ столкнуться во время послѣдней войны. Рутъ командовалъ тогда Нарвскимъ полкомъ первой дивизіи и сдѣлался въ Восточномъ (Рущукскомъ) отрядѣ анекдотическимъ лицомъ, у котораго вынуждены были отнять полкъ. Изъ его служебныхъ подвиговъ здѣсь разскажу я объ одномъ. Когда полкъ укомплектованъ былъ лошадьми по военному составу, Рутъ задумалъ фуражную экономію, уменьшивъ лошадямъ дачу фуража и взамѣнъ того осудивъ ихъ на полное бездѣйствіе. Ни выѣздки, ни проѣздки, ни сортировки лошадей, ни пріученія ихъ къ непривычной упряжи у Рута не производилось. Лошади вслѣдствіе этого отощали и застоялись. Кромѣ того, какъ набранныя по повинности, онѣ имѣли въ своемъ контингентѣ немало норовистыхъ и почти всѣ не были пріучены къ

ѣздѣ въ дышлѣ и на-уносъ (четверкой). Я по личному опыту знаю, какъ много хлопотъ и возни требовали такія лошади при началѣ военнаго похода. Получивъ 111 лошадей для своего подвижнаго лазарета, я много намучился съ ними. При всѣхъ постоянныхъ хлопотахъ съ обозомъ, первый переходъ въ 15 верстъ потребовалъ почти двѣнадцати часовъ времени. Обозъ сталъ разваливаться съ перваго дня похода и служилъ для меня, слѣдовавшаго въ хвостѣ дивизіи, указателемъ пути: на каждой верстѣ можно было встрѣчать отставшія повозки Нарвскаго полка. Рутъ былъ честнымъ въ извѣстномъ смыслѣ человѣкомъ; но недовѣрчивый и мелочной, гоняясь за всякимъ пустякомъ и суя свой носъ повсюду, онъ убилъ въ офицерахъ и всякій починъ, и всякое усердіе къ дѣлу.

Заговоривъ о Рутѣ, я не могу не отмѣтить того обстоятельства, что личныя качества, самый складъ характера начальника-офицера имѣютъ великое, какъ нигдѣ, значеніе для солдата. Можно и не обижать солдата напр. пищей и т. п., но въ тоже время подрывать его здоровье безчисленными мелочами, иногда по одному легкомыслію служебной ревности, безъ всякой надобности и пользы для дѣла. Въ прежнее время бывало, напр., такъ, что будь назначенъ какой либо смотръ большимъ начальствомъ въ десять часовъ утра, солдата поднимутъ въ четыре, а то и раньше, такъ что предъ лицо начальника онъ предстанетъ уже порядочно усталый. Отъ того-то въ прежнее время было въ порядкѣ вещей, что на смотрахъ солдаты выбывали изъ строя отъ усталости, дурноты, обмороковъ, а иногда падали, какъ мухи. Такое форсированіе солдата, какъ кратковременное и случайное, не частое, особого вреда ему не приносило и во всякомъ случаѣ не допускало вмѣшательства врача. Но бывали иные случаи. Вотъ, напр., одинъ изъ такихъ въ моей собственной службѣ. Когда я былъ уже дивизіоннымъ врачемъ, пріѣзжаю въ лагерный лазаретъ одного изъ полковъ и застаю предъ нимъ толпу человѣкъ въ восемьдесятъ солдатъ, явившихся къ врачу за помощію. Для одного полка такое число приходящихъ больныхъ болѣе, чѣмъ чрезмѣрно. Оказывается, однако, что такой наплывъ больныхъ продолжается уже недѣлю и произошелъ отъ того, что командиръ полка Г., желая, вѣроятно, блеснуть передъ другими полками дивизіи стрѣльбою и выправкою своихъ солдатъ, не давалъ послѣднимъ ни отдыха, ни покоя. Полусонные, кислые, шатавшіеся на ногахъ солдаты, которыхъ я засталъ у лазарета, не были больны въ собственномъ смыслѣ и жаловались только на то, что «мочи нѣтъ». При такихъ условіяхъ нехитро было вспыхнуть въ полку какой-либо эпидеміи, точно также какъ легко было возникнуть чему

либо похожему на такъ называемый бунтъ, который окончился бы каторгой для солдатъ.

Создавать подобные бунты солдатскіе ничего не стоило, какъ и прекращать ихъ, иногда даже пожиная лавры. Мнѣ памятенъ подобный бунтъ, относящійся къ описываемому времени службы моей въ Москвѣ и вызванный ревностію не по разуму къ поддержанію дисциплины, которая казалась при послѣднемъ издыханіи вслѣдствіе уничтоженія тѣлесныхъ наказаній. Въ ротѣ одного изъ гренадерскихъ полковъ, фельдфебель, слѣдуя указаніямъ начальства и дополняя ихъ своимъ усердіемъ, довелъ своихъ солдатъ до открытаго неповиновенія. Командиръ полка Б., человѣкъ живой, явился на мѣсто бунта и, не разобравши въ чемъ дѣло, пересѣкъ смиренно ложившихся подъ розги бунтовщиковъ и такимъ образомъ раздавилъ гидру мятежа. Изъ судившихся въ военно-окружномъ судѣ высѣченныхъ бунтовщиковъ нѣкоторые угодили на каторгу, а усмиритель ихъ прославился какъ Геркулесъ вторымъ изъ своихъ двѣнадцати чудотвореній, и впослѣдствіи сопричтенъ къ лику военныхъ Олимпійцевъ. Если вѣрить преданію, этотъ господинъ, подобно настоящему Геркулесу, имѣлъ самыя разнообразные таланты; такъ, напр., онъ выдумалъ солдатъ изъ глины, соперничалъ съ Щедринскимъ пустынникомъ въ *дерзости плясать*, а предъ Турецкими пулями умѣлъ и присѣдать въ кукурузѣ.

Впрочемъ, напавшій на многихъ, паническій страхъ за дисциплину вызвалъ на сцену дѣятелей, которымъ, какъ безчисленному сонму народившихся въ настоящее время прожектеровъ, радѣющихъ о собственномъ прославленіи на счетъ *дорогого отечества*, лучше бы *не вкушать радости бытія*. Между моими сослуживцами по Екатеринославскому полку былъ нѣкто подполковникъ *, командиръ полковыхъ стрѣлковыхъ ротъ, въ то время еще существовавшихъ въ каждомъ полку. Сухой, высокій ростомъ холостякъ, въ свободное отъ службы время онъ производилъ смотръ своему гардеробу: сдувалъ пылинки съ мундировъ и т. д., чистилъ галуны и т. п., и когда приводилъ все въ должный порядокъ, садился около окна своей квартиры, смотрѣвшей на казарменный дворъ, и наблюдалъ за солдатами, появлявшимися на этомъ дворѣ по разнымъ своимъ надобностямъ. Деньщикъ въ тоже время становился за дверью обсерваціонной комнаты для исполненія приказаній, какія могли послѣдовать отъ начальника. Какъ только появлялся на казарменномъ дворѣ солдатъ, спѣшившій за своею, часто неотложною, надобностію, но одѣтый не такъ, какъ желалось бы, деньщикъ бѣжалъ за провинившимся, представлялъ его предъ очи начальства, а за тѣмъ иногда отводилъ въ карцеръ. Результатъ понятенъ. Площадка передъ окнами квартиры *, свободная отъ сложенныхъ на

дворѣ дровъ, запустѣла, и тропинки на ней остались занесенными снѣгомъ и не протоптанными; солдаты стали дѣлать большой крюкъ, чтобы не попадаться на глаза строгому командиру. *. затосковалъ отъ бездѣлья, и мнѣ, нерѣдко посѣщавшему его въ качествѣ врача, приходилось заставать своего паціента у окна въ меланхолическомъ настроеніи. Однажды, допытываясь о причинѣ грусти моего паціента, я добился отъ него только двухъ словъ, которыя разъяснили мнѣ все. «Подлецъ-солдатъ», сказалъ мнѣ вздохнувши *., и затѣмъ перешелъ къ повѣствованію о своей печенкѣ.

Хорошіе примѣры, особенно со стороны начальниковъ, создаютъ послѣдователей и исполнителей. Такого имѣлъ и *. въ своемъ субалтернѣ, кажется, адъютантѣ. Прапорщикъ У., какъ молодой человѣкъ, пошелъ дальше своего учителя и начальника: послѣдній сидѣлъ только около окна своей квартиры, ожидая виновныхъ, а У. самъ отыскивалъ ихъ. Пользуясь тѣмъ, что имѣлъ квартиру въ казармахъ, онъ отъ нечего дѣлать бродилъ по нимъ во всякое время, какъ вздумается. Появленіе офицера въ солдатскомъ помѣщеніи вызвало команду: смирно, встать! Вздремнувшій солдатъ расталкивался подъ бока и въ своемъ встрепанномъ видѣ съ просонья, представъ предъ очи офицерскія въ *неприличномъ для своего званія видѣ*, получалъ за это нагоняй, а иногда отправлялся и въ карцеръ. При такихъ набѣгахъ, конечно, не было недостатка въ самыхъ разнообразныхъ поводахъ къ распеканіямъ и взысканіямъ. Ретиваго прапорщика укротили, наконецъ, сами товарищи, вступившись за своихъ солдатъ.

Вообще, по отношеніямъ къ солдату офицеровъ въ то время можно было раздѣлить на три главныхъ разряда: 1) не дравшихся, но только придиравшихся и ставившихъ солдату всякое лыко въ строку; 2) ругавшихся и дравшихся по прежнему, но рѣже чѣмъ первые отдававшихъ солдатъ подъ судъ, и 3) только въ крайнихъ случаяхъ допускавшихъ солдата до суда, а обыкновенно ограничивавшихся толчкомъ и зуботычиной безъ лишнихъ словъ. Послѣдняго рода начальники были всего любезнѣе для солдата; наиболѣе же ненавистными были тѣ, кто пилилъ солдата, читая ему нотаціи, и въ концѣ концовъ гналъ его въ карцеръ или подъ судъ. Въ общемъ замѣчалось какое-то особенное чувство офицеровъ къ солдату, похожее и на злобу, и на презрѣніе, и на ненависть; ничѣмъ инымъ нельзя было объяснить того раздраженія, которое проявлялось у офицера къ солдату по самому пустяшному случаю. Казалось, что офицеръ находилъ удовольствіе срывать на солдатѣ всякое личное непріятное чувство, напр., досаду, усталость и т. п. Во время одного изъ описанныхъ мною смотровъ Государя, ротный командиръ (родомъ Полякъ), тучный съ одышкою панъ, изра-

нилъ саблею ни за что, ни про что, двухъ своихъ солдатъ, которые такъ и проходили предъ Государемъ окровавленные. Раны требовали лѣченія, и поступившіе ко мнѣ для этой цѣли солдаты не были скрыты мною отъ Б. . . ., но никакой непріятности изъ этого для офицера не произошло. Объяснялось очень просто: офицеръ усталъ, ну... немножко и увлекся... Дѣйствительно, упавшій отъ изнуренія солдатъ лежалъ тихо и молча поджидалъ помощи себѣ; но въ такомъ же положеніи офицеръ осыпалъ площадною бранью и готовъ былъ побить и фельдшера, недостаточно быстро, какъ казалось офицеру, являвшагося на помощь къ нему. При такихъ обстоятельствахъ я не безъ труда спасъ своего фельдшера отъ побоевъ офицера. Человѣкъ этотъ былъ, сравнительно съ другими, образованный и развитой; по крайней мѣрѣ, вскорѣ удостоился перевода въ жандармы, отъ которыхъ, какъ извѣстно, требовался особый образовательный цензъ. Но и онъ не былъ свободенъ отъ той раздражительности въ сношеніяхъ съ солдатомъ, которая, какъ мнѣ кажется, пропитывала каждаго офицера роковымъ образомъ подобно тому, какъ солдатская аммуниція пропитывается особымъ специфическимъ запахомъ.

Что такая раздражительность искусственно прививалась офицеру и намѣренно имъ воспитывалась въ себѣ, доказывается тѣмъ, что весьма часто она совершенно не совпадала съ общимъ складомъ характера человѣка. Я знавалъ дряхлыхъ умственно и физически генераловъ, безпрекословно подчинявшихся своему наемному лакею, какъ строгой нянькѣ, но приходившихъ въ неописуемое раздраженіе при видѣ такого же, какъ самъ, дряхлаго подчиненнаго солдата, не такъ повернувшагося. Противно имѣть дѣло съ такими людьми живому человѣку; но въ сущности чѣмъ же они виноваты? Подъ извѣстною формою предполагается извѣстное содержимое; но имѣется ли оно въ дѣйствительности, объ этомъ всего лучше знаетъ или чувствуетъ самъ носитель формы. Отсюда и возникаетъ у многихъ, привыкшихъ къ внѣшнему почету, раздражительная обидчивость по самымъ ничтожнымъ случаямъ. Я помню, какъ генералъ Гильденштуббе вышелъ изъ себя изъ-за того, что кучка безсрочноотпускныхъ солдатъ, пробиравшихся съ котомками по домамъ, не догадалась вскочить и вытянуться предъ проходившимъ мимо ихъ генераломъ. Трудно рѣшить, кто въ этой сценѣ былъ болѣе жалокъ: крупный ли генералъ, на всю Всесвятскую рощу кричавшій, что онъ, командующій войсками, упечетъ несчастныхъ солдатишекъ Богъ вѣсть куда, или эти послѣдніе съ ихъ глупыми, оторопѣвшими лицами.

Впрочемъ для такой, унижающей властнаго человѣка, раздражительности бываютъ различныя причины. Иногда, напримѣръ, властный

человѣкъ желаетъ на зависимомъ отъ него лицѣ наверстать собственное униженіе предъ человѣкомъ, болѣе его властнымъ. Тотъ же Гильденштуббе, казалось, перероставшій низенькую сосенку, подъ которой происходила описанная сцена, былъ неузнаваемъ предъ министромъ Милютинымъ, дѣлавшимъ ему какія-то замѣчанія на Ходынскомъ полѣ. Это былъ уже не рослый, тучный и величавый Гильденштуббе, а какой-то маленькій, смиренный вопросительный знакъ, съ приложенною къ фуражкѣ рукой и съ подгибавшимися колѣнками, и голосъ его, вмѣсто трубы, звучалъ жиденькимъ фальцетомъ. Впрочемъ, Александръ Ивановичъ не былъ ни злымъ, ни жестокимъ человѣкомъ; и, если и правда, какъ говорили, что онъ отличался въ свое время жестокимъ обращеніемъ съ солдатами, которыми командовалъ, то дѣлалъ это, вѣроятно, по служебному старанію, усердно платя дань своему времени. Такое *жестокое* время было; оно создавало людей совершенно свободныхъ отъ всякихъ человѣческихъ чувствъ къ зависимому люду и, силою своихъ требованій, какъ иная глупая дамская мода, заставляло мягкосердыхъ людей рядиться въ безобразныя звѣриныя шкуры.

Это печальное время, которое я засталъ въ предсмертномъ, конвульсивномъ періодѣ, было констатировано, какъ выражаются люди ученые, для меня однимъ искалѣченнымъ солдатомъ, проявившимъ при этомъ такой тактъ, такую находчивость, которой можно было позавидовать всякому, даже придворному человѣку. Фамилія солдату была Суботинъ. Бѣдняку, тащившему въ могилу свое искалѣченное тѣло, пришлось встрѣтиться съ своимъ бывшимъ командиромъ. Нашлись людишки, пожелавшіе выслужиться предъ выживавшимъ изъ ума старикомъ, забывшимъ, что *старость честна не многолѣтіемъ*, и ругавшимъ мальчишками семидесятилѣтнихъ также, какъ и самъ онъ, убогихъ людей, и они представили остовъ подчиненнаго остову начальника. Чтó произошло въ это время въ душѣ послѣдняго, трудно понять, какъ, полагаю, трудно вообразить, какъ смотритъ душа человѣка на червей, ползающихъ по его трупу въ могилѣ. Но старый генералъ былъ смущенъ и ничего утѣшительнаго не нашелъ сказать солдату, неожиданно представшему предъ лицо его съ напоминаньемъ: memento mori! «Строгъ я былъ?» съумѣлъ онъ только спросить у солдата, вѣроятно, напомнившаго ему старые подвиги, бывшіе въ сущности грѣхами. «Не вы, ваше в—во, были строги, а время было уже такое строгое». Таковъ былъ отвѣтъ. Объ этомъ строгомъ времени я наслушался много такого, чтò было бы ужасно, если бы передавалось не тѣмъ добродушнымъ тономъ, не съ тою незлобивостью, къ которой способенъ Русскій человѣкъ и, кажется, только онъ одинъ. Но, если одна сторона прощала и забывала, то какъ другая справлялась съ своею совѣстію?

Встрѣчались, конечно, между офицерами и добродушно относившіеся къ солдату; но это добродушіе въ сущности было выраженіемъ служебнаго индифферентизма и встрѣчалось у людей, которые не желали или потеряли надежду выслужиться. Безъ строгихъ отношеній къ солдату, строгихъ по тогдашнимъ понятіямъ, нельзя было сдѣлаться служакой, слѣдовательно и обратить на себя вниманіе начальства. Поэтому мягкость обращенія была синонимомъ неспособности офицера. Ничего они не придавали ему и въ глазахъ солдата, привыкшаго къ иному обращенію; напротивъ, у такого офицера солдатъ *баловался* и, такъ сказать, переставалъ считать начальникомъ того, отъ кого не получалъ *въ зубы*. Впослѣдствіи, когда сталъ появляться новый типъ офицеровъ, начавшихъ проводить въ свои служебныя отношенія къ солдату человѣколюбіе, я помню, какими насмѣшками, недовѣріемъ, даже презрѣніемъ встрѣчаемы были со стороны старыхъ служакъ эти піонеры, и сколько труда имъ стоило выдержать и провести свою роль предъ тѣми же солдатами. За то имъ честь и хвала!

Чтобы покончить съ моими сослуживцами-офицерами, я упомяну объ одномъ, который, благодаря мягкости и добродушію своему, забытъ былъ, затерялся въ полку, не только для начальства, но и для солдатъ. Начальство держало его долго въ чинѣ майора и въ должности младшаго штабъ-офицера безъ всякаго дѣла. Этотъ старый майоръ, въ тридцать слишкомъ лѣтъ службы, не дождался даже крестика Станислава 3 степени, чтó очень огорчало старика, приниженнаго предъ молодыми поручиками и штабсъ-капитанами. Протестъ противу этого онъ выразилъ очень оригинально. Когда Б., вскорѣ послѣ назначенія флигель-адъютантомъ, получилъ въ командованіе Волынскій гвардейскій полкъ, и по этому случаю отъ полка поднесенъ былъ уходившему командиру альбомъ съ карточками офицеровъ, Жареновъ (такъ звали майора) снялся, засунувъ большой палецъ за бортъ мундира, а указательнымъ показывая на то мѣсто, гдѣ долженъ былъ висѣть въ петлицѣ желаемый крестикъ. И для солдатъ, хотя и крупная въ полку особа, Жареновъ былъ persona incognita. Это было поводомъ къ забавному случаю, державшему цѣлые три дня ротнаго командира, командира полка и начальника дивизіи въ тревогѣ. Жареновъ ѣхалъ въ гости на извощикѣ и встрѣтилъ солдата, не отдавшаго ему чести. Солдатъ былъ изъ Екатеринославцевъ и не изъ молодыхъ, но или зазѣвался, или оплошалъ, не привыкши еще отдавать честь, прикладывая руку къ козырьку кэпи, вмѣсто прежняго сниманія фуражки. Жареновъ останавливается, подзываетъ солдата, отбираетъ у него висѣвшій на поясѣ тесакъ и приказываетъ идти въ казармы объявить о случившемся ротному командиру. Перепуганный солдатъ, которому со страху

старый майоръ показался генераломъ, исполняетъ, что́ ему было приказано. Сейчасъ же допросъ, какой генералъ? Солдатъ даетъ примѣты, по которымъ оказывается никто иной, какъ самъ Гильденштуббе. Дѣло принимаетъ серьезный и даже страшный характеръ. Ротный командиръ спѣшитъ доложить о немъ баталіонному, послѣдній полковому командиру, а этому послѣднему пришлось уже потревожить сонъ начальника дивизіи. На другой день весь полкъ въ тревогѣ: ждутъ тесака, а вмѣстѣ съ тѣмъ нагоняя; но тесака нѣтъ, какъ нѣтъ. На другой день тоже, солдата въ тысячный разъ передопрашиваютъ. Наконецъ на третій день Жареновъ, случайно увидѣвъ въ углу злосчастный тесакъ, о которомъ позабылъ, посылаетъ его ротному командиру.

Необходимо отмѣтить слѣдующее психологическое явленіе.

Солдатъ, не гонявшійся за толчкомъ и зуботычиной, которые даже предпочиталъ карцеру, оказался вдругъ чрезмѣрно чувствительнымъ къ привычнымъ розгамъ, но назначаемымъ по суду. Тотъ, кто раньше не разъ получалъ ихъ по сотнѣ-другой по усмотрѣнію ротнаго командира и въ отчаяніе не приходилъ, теперь совершенно терялся предъ ожидавшими его *по суду* какими нибудь двадцатью пятью. Мало того, онъ старался избавиться отъ нихъ, во что бы то ни стало, и достигалъ этого совершеніемъ болѣе тяжкаго преступленія, влекшаго за собою, напр., каторжныя работы. Съ этою цѣлію солдатъ обыкновенно наносилъ оскорбленіе офицеру, приводившему въ исполненіе приговоръ суда о наказаніи розгами. Рѣшенія Главнаго Военнаго Суда, составлявшія, скажу между прочимъ, въ то время самое назидательное чтеніе для меня, были не скудны случаями оскорбленія офицеровъ солдатами, во время исполненія такихъ приговоровъ. Между такими оскорбленіями участились, сдѣлались какъ бы излюбленными, срыванія съ офицера погоновъ, за что нѣсколько человѣкъ приговорено было къ разстрѣлянію. Поражавшее ли воображеніе солдата несоотвѣтствіе тягчайшаго изъ уголовныхъ наказаній съ количественнымъ, такъ сказать, значеніемъ дѣянія, легкость ли совершенія послѣдняго, или что другое было причиною, но срываніе погоновъ съ офицера солдатами приняло эпидемическій характеръ. Явленіе въ психологическомъ отношеніи (да, пожалуй, и не въ немъ одномъ), знаменательное. Казалось, что сама легкая возможность заслужить смертную казнь направляла мысль человѣка, находившагося въ состояніи отчаянія, случайнаго раздраженія или вообще душевнаго замѣшательства, на дѣйствіе соблазнявшее своею легкостью и простотою: сорвалъ погонъ, и— готово! Временное недовольство жизнію, тягота ею находили готовый и при томъ легкій исходъ. При извѣстныхъ условіяхъ, одна капля переполняетъ чашу человѣческаго терпѣнія, и эта капля заставляетъ

человѣка съ отвращеніемъ выбрасывать жизнь изъ своего тѣла. Въ Екатеринославскомъ полку, когда я тамъ служилъ, застрѣлился на часахъ солдатъ изъ молодыхъ. Солдатъ разулся, вставилъ дуло ружья въ ротъ и большимъ пальцемъ ноги спустилъ взведенный курокъ, и готово. Дознаніе приписало причину самоубійства зубной боли, на которую солдатъ жаловался караульному начальству. Солдатъ не лодырничалъ; зубная боль дѣйствительно у него была, какъ я убѣдился по имѣвшемуся на трупѣ болѣзненному процессу; но солдатъ, не смотря на свою жалобу, все-таки поставленъ былъ въ свою очередь на часы, получивъ предварительное рукодѣйственное внушеніе. Всего этого слишкомъ мало для того, чтобы порвалась насильственно и добровольно молодая жизнь. И дѣйствительно, мое частное дознаніе обнаружило, что самоубійца страдалъ тоскою по своей деревнѣ, мучился измѣною своей невѣсты, выданной за другого, былъ вслѣдствіе ли своего душевнаго настроенія, или по неспособности къ военной службѣ, плохимъ солдатомъ. При такихъ условіяхъ немудрено, что зубная боль съ зуботычиной ефрейтора оказалась лишнею, роковою каплей. Въ послѣднюю войну я былъ свидѣтелемъ нѣсколькихъ солдатскихъ самоубійствъ, тоже изъ-за пустяковъ, и одно изъ нихъ такъ потрясло меня, что я доселѣ не могу вспомнить о немъ безъ сквернѣйшаго чувства. Но рѣчь объ этомъ впереди.

Солдатъ, переносившій съ легкимъ, какъ говорится, сердцемъ сотни розогъ по капризу начальства, началъ робѣть предъ десяткомъ - другимъ ихъ же, назначаемыхъ по суду. Можетъ быть торжественность (при судебной обстановкѣ) присужденія этихъ пустяшныхъ розогъ квалифицировала ихъ, какъ выражаются юристы, въ воображеніи солдата до чего-то ужаснаго. Возможно, что долгое ожиданіе ихъ до суда и послѣ того до исполненія приговора отнимала у привычныхъ розогъ характеръ ежедневности, которая помогаетъ человѣку сживаться съ тяжелыми вещами. Все это вмѣстѣ могло пробудить въ солдатѣ, если не сознаніе, то чувство унизительности сѣченія, какъ наказанія, а не какъ самовольной расправы, къ которой неразвитой человѣкъ и самъ склоненъ, а потому, подвергаясь ей, чувствуетъ обиду, досаду, а никакъ не униженіе. Сорветъ кто нибудь сердце на мнѣ за дѣло или такъ-себѣ, здорово живешь, то вѣдь и я могу также поступить съ кѣмъ нибудь другимъ: выходитъ какъ будто, если не правомѣрность, то въ нѣкоторомъ родѣ равноправность. Тѣлесное наказаніе по суду уже не подходило подъ такую логику, и десятокъ розогъ казался тяжелѣ хорошихъ побоевъ. По этой или иной причинѣ не пользовались расположеніемъ и даже уваженіемъ солдатъ полковые суды, по юрисдикціи которыхъ главнымъ образомъ и подвергается солдатъ тѣлесному наказанію съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ, обыкновенно испытавши

предварительное наказаніе, въ прежнее время, въ видѣ колотушекъ, кромѣ неизбѣжнаго и теперь предварительнаго заключенія въ карцерѣ. Вслѣдствіе этого солдатъ считалъ себя какъ бы дважды наказаннымъ за одинъ и тотъ же проступокъ и, не встрѣчая къ себѣ снисхожденія въ полковомъ судѣ, нерѣдко позволялъ себѣ оскорблять его. Такихъ дѣлъ было немало.

Что касается Окружнаго Суда, то солдатъ, въ немъ судившійся, чувствовалъ себя подавленнымъ его торжественной обстановкой, съ генераломъ въ лицѣ предсѣдателя. Институтъ защиты не измѣнялъ и не смягчалъ впечатлѣнія, производимаго на солдата судомъ. Напротивъ, защитникъ, по мнѣнію солдата, только удлиннялъ безъ пользы его тяжелое испытаніе на судѣ. Оправданія себѣ солдатъ не ожидалъ, иногда и по сознанію своей вины; его и не могло быть, разъ состоялось преданіе суду, которое зависитъ отъ начальства обвиняемаго. Не. расчитывалъ солдатъ на своего защитника и въ смягченіи наказанія- Какой нибудь кандидатъ на судебныя должности, молоденькій гражданскій чиновникъ, казался солдату такимъ же ничтожнымъ предъ прокуроромъ въ военной формѣ, какимъ и самъ онъ сознавалъ себя предъ лицомъ суда. Оно, пожалуй, такъ и было: никакой равноправности сторонъ не могло существовать при зависимости защитника (дисциплинарной и служебной) отъ суда и даже отъ прокурора, будь даже перевѣсъ опытности и талантливости на сторонѣ защиты. Но если между воспитанниками Военно-Юридическаго Училища и могли встрѣчаться талантливые люди, то юридическая талантливость ихъ могла существовать только въ зародышевомъ состояніи, нуждалась въ практической культурѣ. По всему этому солдатъ, преданный Окружному Суду, только томился ожиданіемъ и нетерпѣніемъ поскорѣе отбыть эту лишнюю *камедь*, какъ онъ по своему окрестилъ разбирательство дѣлъ въ военно-окружныхъ судахъ. Дѣйствительно, нельзя было не видѣть что военно-уголовное судопроизводство обстоятельствами того времени направлялось въ своей слѣдственной и обвинительной части (да пожалуй и судной) такъ, что солдату естественно и извинительно было не видѣть и не понимать благой и милосердой воли, даровавшей войску новый судъ.

Почувствовавъ на первыхъ же порахъ моей дѣятельности нѣчто въ родѣ отвращенія къ медицинской должности (но не профессіи), я ѣхалъ изъ Гродны въ Москву съ намѣреніемъ перемѣнить медицинскую дѣятельность на юридическую и по прибытіи усердно принялся за приготовленіе къ кандидатскому экзамену. Но вмѣсто этого экзамена въ учебномъ 1865—1866 году я сдалъ мимоходомъ экзаменъ на доктора медицины и принялся за диссертацію на судебно-медицинскую тему,

расчитывая однимъ выстрѣломъ убить двухъ зайцевъ: диссертація, доставивъ мнѣ степень доктора, могла служить и кандидатскимъ сочиненіемъ. Продолжая готовиться къ юридическому экзамену, я не упускалъ возможности посѣщать засѣданія окружныхъ судовъ, военнаго и гражданскаго, а также и Судебной Палаты по интереснымъ дѣламъ, а впослѣдствіи и самъ парадировалъ въ роли защитника по уголовному дѣлу. Но, неожиданно для себя выигравъ безнадежный процессъ, и подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ, о которыхъ скажу въ свое время, я окончательно излечился отъ тоски по юридической карьерѣ, которая въ то время казалась для всѣхъ такою соблазнительною. Такимъ образомъ я даромъ потерялъ два рубля на гербовую бумагу для прошенія объ отставкѣ и реверса, которые я заготовилъ еще въ первый годъ своей службы, чтобы подать ихъ въ тотъ день, которымъ окончится моя обязательная служба за стипендію. Пришлось однако остаться на службѣ и на долго.

При такихъ-то обстоятельствахъ и произошелъ слѣдующій случай. Въ 1866 г., помнится, году приводятъ ко мнѣ для освидѣтельствованія и пособія солдата съ легкой царапиной на переносицѣ. Поврежденіе было пустое; но обстоятельства, при которыхъ оно было получено, заинтересовали меня, и я узналъ слѣдующее. Покровскія казармы, какъ извѣстно, выходятъ фасадомъ на площадь, и слѣва отъ нихъ идетъ узенькій переулокъ, гдѣ основались всякаго рода увеселительныя для солдатъ заведенія. Полковое начальство знало объ этомъ и всячески затрудняло для солдатъ посѣщеніе соблазнительнаго для нихъ переулка; но солдатъ перехитрилъ начальство и сталъ лазить по ночамъ чрезъ заборъ, пристроивъ къ нему въ укромномъ мѣстѣ кучку изъ снѣга, чтобы было не такъ высоко лазить. Съ этой кучки солдатъ втыкалъ между тесинами забора тесакъ, становился на него, взбирался на гребень и, забравши тесакъ, спрыгивалъ на противуположную сторону. Такъ продолжалось благополучно нѣсколько зимъ, пока квартировавшая въ тѣхъ же казармахъ и занимавшая именно лѣвую сторону ихъ артиллерійская часть не смѣнилась новою. Въ первыя же ночи послѣ этого, артиллеристъ, караулившій орудія, увидѣлъ, что кто-то карабкается на заборъ со двора, и поднялъ крикъ: держи, держи! Застигнутый въ расплохъ и потерявшійся солдатъ, влѣзшій уже на гребень забора, вмѣсто того, чтобы перепрыгнуть чрезъ него и скрыться, спустился обратно во дворъ и, поспѣшно выдернувъ засунутый тесакъ, бросился бѣжать. Артиллеристъ, продолжая кричать, гонится за нимъ. Солдатъ спѣшитъ скрыться между полѣницами дровъ, и неожиданно натыкается на своего же безоружнаго солдата, карау-

лившаго эти дрова. Послѣдній, слыша крикъ: держи! и видя бѣгущаго человѣка, загораживаетъ ему дорогу; этотъ старается оттолкнуть его обѣими руками; въ одной изъ нихъ находится обнаженный тесакъ, котораго въ торопяхъ спугнутый солдатъ не успѣлъ вложить въ ножны. Вслѣдствіе толчка верхній конецъ тесака, отклонился впередъ и произвелъ упомянутую царапину. Въ эту минуту подоспѣлъ артиллеристъ, и съ его помощію солдатъ, желавшій прогуляться въ веселый переулокъ, былъ задержанъ дровянымъ сторожемъ.

Недѣли черезъ двѣ по этому дѣлу меня допрашивалъ военный слѣдователь. Отвѣтивъ на вопросы, я не упустилъ выяснить ему обстоятельства, какъ они происходили въ дѣйствительности и описаны мною выше, и забылъ о дѣлѣ, увѣренный, что оно не будетъ имѣть особенно серьезныхъ послѣдствій для солдата. Въ свое время я вызываюсь по этому же дѣлу въ Военно-окружный судъ въ двойной роли эксперта и свидѣтеля. Вѣроятно благодаря такой двойственности, я былъ, послѣ присяги, оставленъ въ залѣ суда и не удаленъ въ свидѣтельскую комнату, и съ ужасомъ узналъ изъ обвинительнаго акта, что солдатъ обвиняется *въ вооруженномъ нападеніи на часоваго*. Да, вѣдь за это каторга на нѣсколько лѣтъ! Когда пришла очередь моего допроса, я, исполнивъ, что́ требуется отъ эксперта, самъ навязался съ показаніемъ въ качествѣ свидѣтеля и разсказалъ суду описанныя обстоятельства дѣла, на которыя и намека не было въ показаніяхъ не только свидѣтелей, задержавшихъ обвиняемаго, но и его самого, боявшагося по разнымъ соображеніямъ сказать правду. Результатомъ этого моего показанія былъ передопросъ свидѣтелей и самаго обвиняемаго. Прокуроръ въ обвинительной рѣчи измѣнилъ обвиненіе въ нападеніи на обвиненіе въ сопротивленіи, также вооруженное, часовому (отъ чего, впрочемъ, обвиняемому было немного легче: каторга оставалась). Самое интересное въ этомъ дѣлѣ было то, что защитникъ обвиняемаго, молодой чиновникъ, не только не воспользовался раскрытыми судебнымъ слѣдствіемъ обстоятельствами, но и не обратилъ на нихъ вниманія, отвѣчая на измѣненное прокуроромъ обвиненіе заготовленною по обвинительному акту защитою. Даже самъ прокуроръ не вынесъ этой защиты и перервалъ ее ироническимъ замѣчаніемъ, что защита направляется противъ того, въ чемъ нѣтъ обвиненія.

Разсказанный случай на столько ясенъ самъ по себѣ, что не требуетъ комментарія. Но остается вопросъ, почему же слѣдователь не воспользовался положенными мною ему, какъ говорится, въ ротъ обстоятельствами дѣла? Я могъ бы отвѣчать на это: какая человѣку

забота о томъ, пойдетъ ли бѣдный солдатъ въ каторгу или иное мѣсто! Но у меня есть другой отвѣтъ, сформированный служебною и житейскою практикою: мои личные интересы ближе стоятъ къ интересамъ мнѣ подобныхъ по общественному положенію; съ какой же стати я буду жертвовать и тѣми и другими интересами въ пользу какого-либо солдата? Укажи я, что у такого-то начальника существуютъ, хотя бы мелкія, прорухи—это можетъ быть ему непріятно, и затѣмъ Богъ знаетъ, чѣмъ на мнѣ самомъ можетъ отразиться со временемъ эта непріятность...

Я далекъ отъ обвиненія кого-либо или въ чемъ либо и дѣлюсь тѣмъ, что̀ испыталъ, перестрадалъ и разумомъ, и чувствомъ, только потому, что надѣюсь отъ этого какой либо пользы, хотя бы маленькой, для кого-нибудь. Поступать по инымъ побужденіямъ значило бы совершать святотатство, прикасаться легкомысленною рукой къ непогасаемой и немеркнущей славѣ Великаго Мученика за народъ Русскій. Если бы въ Высшемъ Совѣтѣ признано было справедливымъ возродить человѣка помимо его воли, то не страдалъ и не умеръ бы за насъ Христосъ; если бы легко было возродить насъ, Русскихъ, къ новой жизни, то не зачѣмъ было бы императору Александру Второму свой царскій вѣнецъ озарять блескомъ страдальца. . . .

Но я говорю пока только о солдатѣ, о томъ, какъ отразилась и на немъ благая воля незабвеннаго Государя. Въ началѣ службы моей я слышалъ о *подлецѣ*-солдатѣ, о *скотинѣ*-солдатѣ. Чрезъ 15—20 лѣтъ на тѣхъ же устахъ былъ уже *солдатикъ*. Такое нѣжное, ласкательное словцо, можетъ быть, и было къ лицу далеко не всѣмъ кто командовалъ солдатомъ и водилъ его въ бой; однако слово весьма часто предшествуетъ понятію, то есть сознательному усвоенію его смысла, а тѣмъ болѣе обращенію этого понятія въ правило жизни. Любовная милость къ солдату покойнаго Государя, дѣлившаго съ нимъ его труды, вызвала это слово, у однихъ праздное и пустое, у другихъ лицемѣрное, а у иныхъ и искреннее. Но разъ явилось слово, дастъ Богъ, со временемъ будетъ и дѣло законное, справедливое и разумное, безъ ненужной сантиментальной слащавости.

Ив. Арс. Митропольскій.

ДВА ПИСЬМА Е. А. БАРАТЫНСКАГО КЪ А. А. МУХАНОВУ.

Александръ Алексѣевичъ Мухановъ, старшій братъ извѣстныхъ въ наши дни Николая и Владимира Алексѣевичей, занимался словесностью. Онъ рано умеръ. Покойный А. С. Хомяковъ вспоминалъ о немъ, какъ объ одномъ изъ лучшихъ товарищей своей молодости. П. Б.

I *).

Душа моя Мухановъ. Спасибо за письма, но отвѣчать буду послѣ: мочи нѣтъ отъ радости. Два только слова о дѣлѣ. Мнѣ нужно для вступленія въ Петербургъ кое-что, и вотъ списокъ:

Темлякъ. Шифръ рублей въ 100 серебр. Репеекъ. Кишкеты серебр. Эполеты съ вышитымъ № 23-й дивизіи, голубыя.

Денегъ у меня теперь нѣтъ, а это составляетъ рублей 200. Ежели ты можешь купить мнѣ все это на свои и прислать въ Роченсальмъ, много меня обяжешь. Ежели же у тебя деньги лишнія не случатся, то сдѣлай милость, потрудись доставить приложенную здѣсь записку дядѣ моему: онъ тотчасъ дастъ тебѣ оныя. Впрочемъ только мы выйдемъ въ Петербургъ, т. е. 10-го Іюня, я возвращу тебѣ что́ ты издержишь, и если можно старика не безпокой. Прощай. Весь твой Баратынскій. Бери это все на казенной фабрикѣ.

II

29 Октября 1826. Тульчинъ [1]).

Душа моя Мухановъ. Братъ Ираклій [2]) привезъ мнѣ изустныя вѣсти о тебѣ; позволь пожалѣть, что не привезъ письменныхъ. Мнѣ больно, что мы въ Москвѣ такъ мало видѣлись; но я въ этомъ не виноватъ: я былъ въ первыхъ попыхахъ женитьбы и принадлежалъ обязанностямъ, можетъ, болѣе пріятнымъ, нежели обязанности службы, но столько же опредѣленнымъ. Я пожилъ съ Путятой и на дняхъ проводилъ его въ Петербургъ или, лучше сказать, въ Финляндію [3]). Онъ ѣдетъ туда на смертную скуку. Тамъ у него не будетъ ни однаго товарища, что́ говорится ни одного. Я ему совѣтовалъ пуститься въ авторство, чтобы сберечь себя отъ сумасшествія. А. Ф. [4]) видѣлъ по разрѣшеніи отъ бремени. Что́ объ ней сказать? Облегчилась! Дворъ уѣхалъ, Москва глупа и тошна; но мнѣ мало до этого дѣла, потому что я счастливъ до́ма. Принялся опять за стихи, привожу къ концу Дамскій Вечеръ. Пушкинъ здѣсь, читалъ мнѣ Годунова: чудесное произведеніе, которое составитъ эпоху въ нашей словесности. Прощай, мой милый. Обнимаю тебя усердно и столько же усердно молю тебя не обречь меня забвенію. Твой Баратынскій.

(*Подлинники хранятся въ Музеѣ П. И. Щукина*).

---

*) Письмо это безъ означенія времени. Оно должно быть писано, какъ и слѣдующее за нимъ, въ 1826 году, когда Баратынскій, служившій рядовымъ въ Финляндіи, произведенъ былъ въ офицеры. П. Б.

[1]) Такъ въ подлинникѣ; но это очевидно ошибка. Въ Тульчинѣ вѣроятно находился тогда А. А. Мухановъ. П. Б.

[2]) Ираклій Абрамовичъ, впослѣдствіи Казанскій военный губернаторъ. П. Б.

[3]) Николай Васильевичъ Путята служилъ тогда въ Финляндіи при Закревскомъ. Онъ обратилъ вниманіе своего начальника на Баратынскаго и тѣмъ самымъ помогъ ему, такъ сказать, выйти на свѣтъ Божій изъ солдатской жизни въ Роченсальмѣ. См. наше воспоминаніе о Н. В. Путятѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1878, I, 125.

[4]) Аграѳену Ѳедоровну Закревскую (тогда еще не графиню). П. Б.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ВЪ ЖУРНАЛАХЪ НЕ-ИСТОРИЧЕСКИХЪ.

А. И. Гренъ, приватъ-доцентъ. Краткій очеркъ исторіи Кавказскаго перешейка съ древнѣйшихъ временъ. «Кіевскія Университетскія Извѣстія» Іюль.

Это лекціи читанныя въ 1893—1894 году; доведена исторія до 107 года до Р. Х.

И. А. Тихомировъ. Обозрѣніе состава Московскихъ лѣтописныхъ сводовъ 1425—1533 года. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» Августъ.

Н. Н. Ардашевъ. Вопросъ. о помѣстномъ столѣ въ связи съ поземельной дѣятельностью Разряда. «Ж. М. Н. Пр.» Августъ.

Съ большимъ знаніемъ дѣла даровитый авторъ доказываетъ, что никакого *помѣстнаго* стола не существовало; изъ описи разрядныхъ столбцовъ въ XVIII ст. видно, что были «помѣстные столпы», которые въ 1758 году по ошибкѣ канцеляриста обратились въ «помѣстный столъ»; поэтому современный приказный столъ въ дѣлахъ Разряднаго Приказа есть искусственно - возникшая группа чисто-архивнаго, а не приказнаго происхожденія.

А. Н Пыпинъ. Начало XIX вѣка. «Вѣстникъ Европы». Августъ.

Вопреки мнѣнію Бѣлинскаго, существуетъ тѣсная связь литературы XIX в. съ XVIII в.; какъ и въ прошломъ вѣкѣ, господствуетъ сильная зависимость отъ Западно-европейскихъ вліяній. Доказательству этого положенія посвящено нѣсколько страницъ.

Карамзинъ признается самымъ крупнымъ лицемъ этой переходной эпохи. Особенность его міровоззрѣнія состояла въ сантиментальномъ оптимизмѣ, который сдѣлалъ изъ него впослѣдствіи упорнаго консерватора. Во всякомъ случаѣ онъ былъ наиболѣе просвѣщеннымъ въ средѣ Русскихъ журналистовъ того времени. Въ оцѣнкѣ историческихъ заслугъ Карамзина г. Пыпинъ вполнѣ раздѣляетъ взгляды П. Н. Милюкова, т. е. что онъ не создалъ новой эпохи въ Русской исторіографіи, а лишь закончилъ старую. Заслугой его было общественное впечатлѣніе, про-

изведенное «Исторіей»: оно способствовало развитію историческихъ интересовъ. Но собственно Карамзинъ не создалъ школы и не далъ руководящихъ идей для дальнѣйшаго развитія исторіографіи.

Заслуга Жуковскаго въ томъ, что онъ впервыя создалъ въ нашей литературѣ возвышенное представленіе объ источникѣ и назначеніи поэзіи: источникъ ея божественень, а назначеніе—нравственное воспитаніе человѣка и народа.

Н. Г. Аммонъ. Жизненная правда и теоретическіе взгляды въ басняхъ Крылова. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» Августъ.

Показавъ, какъ постепенно установилось единодушіе литературныхъ мнѣній относительно Крылова, авторъ старается доказать, что роль проповѣдника основныхъ теоретическихъ истинъ была совсѣмъ не свойственна великому представителю здраваго, практическаго смысла народной массы. По счастію для Русской литературы, заключаетъ г. Аммонъ свою статью, это направленіе (теоретическое) не одержало верха надъ художественнымъ инстинктомъ Крылова и не толкнуло его на ту дорогу, на которую сбился авторъ «Мертвыхъ Душъ», выпустивъ въ свѣтъ свою «Переписку съ друзьями».

А. С. Архангельскій профессоръ. С. Т. Аксаковъ. «Русское Обозрѣніе» Августъ. Продолженіе.

Разсказъ ведется о пребываніи Аксакова въ Казанской гимназіи. Кромѣ автобіографическихъ указаній самаго Сергѣя Тимофеевича авторъ пользуется сочиненіемъ Владимирова.

И. С. Аксаковъ. Письмо къ О. А. Новиковой. «Рус. Об.». Августъ.

Коротенькое письмо, въ которомъ дается бѣглая, но мѣткая характеристика загадочной личности Я. О. Орла-Ошмянцева, скончавшагося въ 1894 году въ глубокой нищетѣ.

Б. Н. Алмазовъ Стихотвореніе. «Русское Обозрѣніе». Августъ.

Стихотвореніеэто въ 366 стиховъ относится къ 1850 годамъ, т. е. является однимъ изъ самыхъ раннихъ произведеній автора, но имѣетъ автобіографическій интересъ.

Н. В. Ш. князь. Обстоятельства оставленія Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ службы въ Московской Духовной Академіи. «Русское Обозрѣніе». Августъ.

Талантливо, на основаніи неизданныхъ бумагъ, написанная статья. Заставилъ выдти въ отставку даровитаго доцента м. Филаретъ за то, что тотъ въ своихъ о расколѣ лекціяхъ былъ представителемъ философско историческаго направленія, раскрывая передъ слушателями господствующіе тогда фальшивые пріемы въ борьбѣ съ расколомъ.

По обилію важныхъ показаній статья эта является одною изъ самыхъ интересныхъ новинокъ.

ВЪ ОТВѢТЪ НА ВОПРОСЪ XVII-Й *).

Царь Алексѣй Михайловичъ, на 40-мъ году отъ роду, овдовѣлъ: первая его супруга, Марія Ильинишна Милославская, скончалась 3-го Марта *1669 г.* Онъ вступилъ во второй бракъ съ Наталіей Кириловной Нарышкиною 22-го Января *1671 года.* Въ этотъ промежутокъ времени, по всей вѣроятности, имѣлъ онъ сношенія съ Ириною Ивановною Мусиною-Пушкиною (рожденною Полозовою?), женою стольника Алексѣя Богдановича Мусина-Пушкина.

Въ 1675 году (вслѣдствіе какихъ причинъ или навѣтовъ, неизвѣстно) Ирина Ивановна, вмѣстѣ *съ своимъ* сыномъ, своимъ братомъ и двумя своими сестрами (изъ коихъ одна была за стольникомъ Иваномъ Борисовичемъ Пушкинымъ, а другая за стряпчимъ Алексѣемъ Ивановичемъ Луговскимъ), была арестована и, по произведеніи распросовъ и сыска бояриномъ Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ (въ домѣ котораго воспитывалась царица Наталія Кириловна), сослана, за приставомъ, въ свою Ростовскую деревню Угоричи. Сынъ ея *Иванъ*, сказано въ Дворцовыхъ Разрядахъ, пропалъ безвѣстно. (См. *Дворцовые Разряды*, III, 1422, 1423, 1443).

Этого именно сына, *Ивана Алексѣевича* (у Долгорукаго II, 196, № 83) Петръ Великій и почиталъ своимъ братомъ. Съ большею вѣроятностію можно полагать, что онъ родился въ 1670 г. Черезъ много лѣтъ по кончинѣ своей матери Петръ (16 Февраля 1710 года) возвелъ его въ графское достоинство, а 8-го Мая 1722 пожаловалъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Умеръ онъ въ 1729 году, оставивъ трехъ сыновей, изъ коихъ старшаго, графа Платона Ивановича, Петръ называлъ своимъ племянникомъ („Архивъ Князя Ѳ. А. Куракина“ II, 124).

Его потомство пресѣклось со смертію графа Василія Валентиновича Мусина-Пушкина-Брюса († 5 Апрѣля 1836).

Нынѣшніе графы Мусины-Пушкины принадлежатъ къ совершенно другой линіи, возведенной въ графское достоинство при коронаціи императора Павла, 5 Апрѣля 1797 г.

Толкованіе будто имя *Мусинъ* есть извращеніе словъ *Мой сынъ* несправедливо; потому что подъ этимъ именемъ показаны въ Боярскихъ книгахъ и дѣдъ, и другіе родственники графа Ивана Алексѣевича въ восходящей линіи.

---

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года, вып. 4, стр. 557.

переступить за границу позволеннаго; захочешь ли быть истребителемъ счастія, которое такъ неожиданно съ тобою встрѣтилось? Тебѣ надобно ласкать живую, возвышающую сердце причину любить добро (къ которому до сихъ поръ ты былъ привязанъ машинально, безъ наслажденія). Въ ея душѣ найдешь эту живую причину. Однимъ словомъ, твое къ ней чувство есть и мое чувство; я его понимаю и счастливъ тѣмъ, что оно въ твоемъ сердцѣ. Мы какъ будто сошлись опять на нашей дорогѣ, по которой шли не вмѣстѣ, а только помня другъ объ другѣ. Лучшаго товарища не было; а милый, вѣрный, избранный смотрѣлъ по сторонамъ, безъ наслажденія, не забывалъ своего спутника, но и ничѣмъ не дѣлился съ нимъ. Теперь мы стоимъ передъ милымъ твореніемъ Божіимъ и радуемся имъ вмѣстѣ, съ одинакимъ, чистымъ, достойнымъ насъ обоихъ чувствомъ. Все это смутно вмѣстилось мнѣ въ сердцѣ, когда я прочиталъ твое письмо. Еще мы можемъ жить другъ для друга! Мысль объ васъ обоихъ будетъ мнѣ прекраснымъ запасомъ для моего путешествія. Одного отъ тебя требую: чтобы никто, кромѣ меня, и не подозрѣвалъ объ этомъ. Чтобы найти счастіе въ дружбѣ къ тебѣ, она не должна быть ничѣмъ останавливаема; надобно, чтобы она могла ей предаться безъ всякаго сомнѣнія и чтобы она нисколько не была въ разладѣ съ собою. Но и тебѣ надобно для твоего счастія уничтожить въ немъ все, что̀ принадлежитъ любви, а сдѣлать изъ него просто чистую, возвышенную жизнь [3]). Что̀, если бы могли мы теперь вмѣстѣ сдѣлать наше путешествіе! Право, другого случая не будетъ. Я ѣду отсюда въ началѣ Апрѣля; мѣсяцъ въ Дрезденѣ, мѣсяцъ на берегахъ Рейна, три мѣсяца въ Швейцаріи и мѣсяцъ для возвратнаго пути [4]). Подумай объ этомъ!

Посылаю тебѣ письмо Покровскаго [5]), о которомъ я просилъ к(нязя) А(лександра) Николаевича. Непремѣнно позаботиться о немъ. Это бывшій мой учитель; онъ директоръ училищъ въ Твери, проситъ отставки и пенсіона. Князь обѣщалъ мнѣ.

Обними Блудова, брата, Карамзиныхъ, съѣзди къ Н. Ѳ. Плещеевой и просиди у нея цѣлой вечеръ за меня; я буду къ ней писать.

---

[3]) Надъ этими словами, между строкъ, рукою А. И. Тургенева написано карандашомъ слѣдующее: „Тогда и она уничтожится! Жуковскій судитъ по себѣ и думаетъ, что я могу быть счастливъ! Горькая ошибка!“

[4]) Изъ за-граничнаго путешествія 1820—1822 гг. не сохранилось писемъ Жуковскаго къ Тургеневу, кромѣ этого письма отъ 27 Ноября 1820 года.

[5]) Ѳеофилактъ Гавриловичъ Покровскій былъ старшимъ учителемъ Тульскаго Народнаго Училища, въ которомъ ребенкомъ обучался Жуковскій. Покровскій, человѣкъ образованный, не былъ чуждъ литературѣ. Въ журналѣ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ встрѣчаются его статьи подъ псевдонимомъ „Философъ горы Алаунской, живущій при подошвѣ горы Утлы“. Изъ отдѣльныхъ его сочиненій можно назвать: „Философъ горы Алаунской, или мысли при извѣстіи о смерти Великія Екатерины“ (1796 г.); „Философъ горы Алаунской, или мысли при кончинѣ Павла I и вступленіи на престолъ Александра I“, „Философъ горы Алаунской, или мысли на Дону о вступленіи въ Русскіе предѣлы Наполеона и совершенномъ его пораженіи“ (Москва. 1813); „Дмитрій Іоанновичъ Донской“ (Тула, 1823).

13

Спроси у нея имя той деревни, въ которой погребена ея дочь близъ Лозанны; я непремѣнно буду на этомъ мѣстѣ. Прошу тебя велѣть мнѣ переписать Іоанну [6]), то, что̀ у тебя и что̀ у Саши, и прислать ко мнѣ также и остальные мои стихи; у меня здѣсь ничего нѣтъ. Хотя одну Іоанну.—Пиши къ Вяземскому отъ себя, а я буду скоро писать самъ отсюда. Ж.

Ты говоришь, что я тебя не познакомилъ съ Сашею; а развѣ я не читалъ тебѣ ея писемъ?

Я писалъ къ тебѣ, т. е. къ Сашѣ, съ Эссеномъ, флигель-адъютантомъ. Если ты еще не получилъ письма, то вытребуй.

CXIII.

(Въ рединѣ 1823 года, Петербургъ).

Ты очень милый мститель! Не худо бы, когда бы ты послѣ двухъ часовъ зашелъ къ Е(катеринѣ) Ѳедоровнѣ Муравьевой [1]). Я буду тамъ съ Миллеромъ [2]) для контракта о Батюшковѣ; буду, вѣроятно, ровно въ два часа.

Козлову [3]) отдашь по полученіи отвѣта изъ Москвы. Только заставь его поскорѣе доставить тебѣ свѣдѣнія.

CXIV.

(Въ Декабрѣ 1823 года, Дерптъ).

Ты знаешь, что Ленцъ [1]) взялъ отставку. Онъ принесъ, можетъ-быть, слишкомъ большую жертву чувству долга и чести, и эта жертва

---

[6]) Отрывки изъ перевода „Орлеанской Дѣвы" Шиллера были напечатаны Жуковскимъ, еще въ 1818 году, въ шестой книжкѣ изданія „Для немногихъ". До заграничнаго путешествія Жуковскій, надо полагать, успѣлъ перевести первыя три дѣйствія этой драмы и два явленія 4-го дѣйствія. Остальное было имъ переведеное въ Берлинѣ съ 10 (22) Марта по 4 Апрѣля 1821 года (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго", стр. 9—10).

*

[1]) На ея попеченіе былъ отданъ больной К. Н. Батюшковъ, когда онъ былъ привезенъ въ 1823 году изъ Крыма въ Петербургъ.

[2]) Докторъ, пользовавшій Батюшкова въ Петербургѣ.

[3]) Слѣпцу-поэту Ивану Ивановичу Козлову.

*

[1]) Готтлибъ-Эдуардъ Ленцъ (р. 1788 † 1829), Дерптскій оберъ-пасторъ, былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ практическаго богословія въ Дерптскомъ университетѣ 8 Августа 1823 года, хотя онъ, по своей скромности, сначала вовсе отказывался отъ профессуры, а потомъ соглашался быть только экстра-ординарнымъ профессоромъ. Въ Декабрѣ 1823 года онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ отъ должности профессора, и 10 Января 1824 года послѣдовало его увольненіе. Въ Августѣ 1824 онъ снова былъ избранъ профессоромъ и занималъ эту должность до 1829, когда онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для участія въ засѣданіяхъ коммиссіи для начертанія проекта устава для Евангелическо-лютеранской церкви въ Россіи. 14 Декабря 1829 онъ умеръ въ Петербургѣ. См. въ Словарѣ Рекке и Напіерскаго, т. III, стр. 46—47; Nachträge, т. II, стр. 9—10, и Rückblick auf die Wirksamkeit der Universität Dorpat (Dorpat. 1866), стр. 150—151).

стоила ему дорого. И его отпустили, для сохраненія однихъ пустыхъ формъ, единственно для того, чтобы не вводить никакой новости, хотя весь университетъ увѣренъ, что онъ совершенно достоинъ своего мѣста; даже рѣшились скорѣе ввѣрить каѳедру именно тому человѣку, который былъ ея лишенъ за свое лжеученіе, нежели отважиться на представленіе министру новости. И это не знакъ недоброжелательства къ Ленцу: онъ останется всегда благодаренъ и куратору, и ректору за ихъ къ нему расположеніе; но это просто излишне робкая осторожность. Ленцу хотѣлось имѣть мѣсто экстра-ординарнаго профессора съ 4.000 рублей, да сверхъ того за то, что онъ (пока еще нѣтъ университетской церкви) служилъ бы въ городской церкви отъ университета, говорилъ проповѣди въ назначенные воскресные дни и подъ своимъ руководствомъ заставлялъ бы проповѣдовать (послѣ обѣдни въ Воскресенье или въ какой-нибудь другой день недѣли) своихъ учениковъ и такимъ образомъ училъ бы ихъ словомъ и дѣломъ, онъ желалъ еще 1.500. Университетъ не только бы ничего не потерялъ, но еще очевидно выигралъ; ибо мѣсто ординарнаго практическаго профессора и мѣсто университетскаго проповѣдника были бы заняты однимъ человѣкомъ и за половинное жалованье. Всѣ профессоры увѣрены, что исправленіе одной должности не помѣшало бы исправленію другой. Объ этомъ профессоръ Iäsche [2]) писалъ и къ куратору, и къ министру. Но Ленцъ ничего не знаетъ и знать не долженъ: это бы только разстроило его спокойствіе. Онъ изъявилъ уже одинъ разъ на этотъ счетъ свое желаніе университету, но теперь молчитъ и ни о чемъ не проситъ по двумъ причинамъ: первая та, что онъ не хочетъ вмѣшиваться въ дѣло Провидѣнія, которому съ покорностію поручаетъ судьбу свою; вторая та, что онъ лучше хочетъ не требовать ничего, нежели получить отказъ; это огорчило бы его сердце, котораго нѣжная чувствительность тебѣ извѣстна. Должно ее пощадить. Письмо мое есть для него тайна. Но вотъ новая, сильнѣйшая причина желать, чтобы все устроилось такъ, какъ бы хотѣлось моему доброму Ленцу. Онъ начинаетъ чувствовать припадки подагры; что жъ будетъ съ нимъ, если онъ останется въ своей настоящей должности, соединенной съ такими разнообразными безпокойствами? Онъ не можетъ щадить себя, будучи по своему званію обязанъ выходить во всякое время дня и во всякую погоду; это усилитъ болѣзнь, лишитъ его возможности испол(нять) свою должность, слѣдовательно принудитъ его отъ нея отречься. Что же тогда? Одно ожиданіе такого будущаго можетъ помрачить его душу и лишить его внутренняго спокойствія. А когда огорченіе убьетъ его, что̀ будетъ съ его семействомъ? «Не боюсь бѣдности—мы не умремъ съ голоду; не говорю даже о собственномъ несчастіи—ибо до сихъ поръ я счастлива, какъ немногія; но дѣти...» Имъ надобно видѣть передъ собою прекрасный примѣръ отца, чтобы самимъ со временемъ сдѣлаться людьми. Не думай, чтобы испуганное воображеніе представляло мнѣ въ будущемъ одни мечтательные ужасы—опасность для нихъ оче-

---

[2]) Готтлибъ-Веніаминъ Іеше (Iäsche) (р. 1762 † 1842), профессоръ теоретической и практической философіи въ Дерптскомъ университетѣ (о немъ см. Словарь Рекке и Напіерскаго т. II, стр 378—380, и Nachträge, т. I, стр. 293).

13*

видна и даже не слишкомъ отдалена. Еще онъ можетъ съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ исполнять свою трудную должность. Но должно ли дожидаться, чтобы онъ истратилъ всѣ свои силы? Тогда и легкое сдѣлается для него труднымъ, и все, чѣмъ бы онъ могъ и долженъ быть для свѣта, исчезнетъ съ нимъ въ преждевременномъ гробѣ.

Въ статутахъ университета именно сказано, что званіе ординарнаго профессора можетъ быть обращено въ званіе экстра-ординарнаго. Итакъ въ настоящемъ случаѣ одно только новое: 1.500 прибавочнаго жалованья! Но много ли это за трудъ перечитывать съ каждымъ проповѣдующимъ студентомъ его проповѣдь и перечитывать ее по нѣскольку разъ въ продолженіе многихъ часовъ, поправлять ее, изъяснять, почему что̀ поправить нужно, и сверхъ того самому въ каждыя три недѣли одинъ разъ проповѣдывать?

Если министру будетъ угоденъ планъ и если университетъ захочетъ предложить мѣсто Ленцу, то онъ будетъ имѣть то, чего желаетъ и что̀ соотвѣтствуетъ совершенно его способностямъ и склонности. Если же это не удастся, то постарайтесь вывести его изъ настоящаго его положенія: найдите для него спокойнѣйшее мѣсто, напримѣръ, хорошее мѣсто деревенскаго пастора въ Эстляндіи. Здѣсь онъ долго не проживетъ: заботы убьютъ не только его физическія силы, но и моральныя. Одна изъ главныхъ причинъ его душевнаго безпокойства, отъ котораго нѣтъ лѣкарства, есть слѣдующая. Онъ самъ почитаетъ свое званіе столь высокимъ, столь святымъ, каждое слово имъ произносимое выходитъ такъ прямо изъ его души, что онъ оскорбляется внутренно, чувствуя, что другіе, любя въ немъ, можетъ быть, добраго человѣка и хорошаго проповѣдника, остаются равнодушными къ главному, къ драгоцѣннѣйшему для него, *къ самому дѣлу:* ибо онъ судитъ другихъ по своему собственному образцу. Онъ говоритъ, что ему бываетъ такъ же тяжело, какъ тому, кто долженъ *читать въ слухъ* въ такомъ обществѣ, гдѣ всѣ шумятъ, приходятъ, уходятъ и не слушаютъ читающаго; что онъ въ вечеру, изнуренный трудами дня, ложится въ постель съ горестною мыслію, что его ученіе, вышедшее изъ глубины сердца, такъ же быстро и безполезно пролетѣло мимо ушей, какъ пустая разсказанная въ обществѣ новость, что онъ никогда не насладится плодомъ своего труда, что около него шумитъ толпа, составленная изъ людей разнаго званія и разной образованности, толпа, посреди которой онъ стоитъ одинокъ съ печальною мыслію, что цѣль его никогда не будетъ достигнута. Безпрестанное проповѣдываніе изнуряетъ его силы, а что ему остается одно только убѣжденіе, что его почитаютъ хорошимъ ораторомъ! Такая ли цѣль его? Грусть его будетъ для тебя понятна; но что̀ произведетъ со временемъ такая грусть? Не долженъ ли онъ сдѣлаться ея жертвою?

Вотъ почему такъ было бы для него прилично то мѣсто, которое желаетъ онъ имѣть при университетѣ: онъ вошелъ бы въ тѣсное сношеніе съ молодыми людьми, которые всѣ болѣе или менѣе были бы привязаны сердцемъ къ *самому дѣлу,* ибо оно принадлежало бы къ ихъ званію; тогда онъ видѣлъ бы, что дѣятельность его полезна, и это ободряло бы его сердце и поддерживало его силы. Неужели же чело-

вѣкъ, столь вѣрный своему долгу, столь искренно привязанный къ своему дѣлу, не будетъ находкою драгоцѣнною для университета? Если бы министръ и кураторъ знали его, какъ я, если бы заглянули въ святилище его сердца, то они, конечно, сами избрали его на это мѣсто и черезъ то сдѣлали бы и другимъ пользу. Если же не удастся здѣсь, то я увѣренъ, что Ленцъ былъ бы счастливѣе деревенскимъ пасторомъ: сельскіе люди имѣютъ болѣе простаго, чистаго христіанства, и для нихъ языкъ его былъ бы полезнѣе.

CXV.

(Въ концѣ 1824 года, Петербургъ).

Я пріѣзжалъ, чтобы у тебя обѣдать, а тебя и нѣтъ. Какъ же намъ увидѣться? Прошу тебя исполнить слѣдующую коммиссію: попроси Екатерину Өедоровну взять треть Батюшкова жалованья и мнѣ доставить. Ко мнѣ скоро явится мой заимодавецъ, которому я на себя далъ вексель: надобно ему заплатить. Похлопочи объ этомъ. Приложенное же письмо отдай Екатеринѣ Өеодоровнѣ для доставленія Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой въ Пирну [1]).

Я говорилъ съ Щербатовымъ [2]) объ «Инвалидѣ». Въ самомъ дѣлѣ, на будущій годъ Комитетъ будетъ издавать его отъ себя; если Воейковъ захочетъ быть только редакторомъ, то будетъ получать отъ Комитета жалованье. Я еще не видался съ Воейковымъ и не знаю, что̀ онъ скажетъ; но это меня безпокоитъ. А кажется, поправить нельзя [3]).

Нельзя ли тебѣ вмѣсто Субботы ѣхать въ Воскресенье? Въ Субботу мнѣ нельзя будетъ пріѣхать въ Царское Село: Государыня придетъ *на мою лекцію*. Увѣдомь объ этомъ.

CXVI.

31 Генваря (1825, Петербургъ).

Милый, спѣшу отвѣчать на послѣднее твое письмо, въ которомъ увѣдомляешь, что останешься на масляницу въ Москвѣ [1]). Я ждалъ

[1]) Весною 1824 года Батюшковъ былъ увезенъ за границу и помѣщенъ для лѣченія въ заведеніе для душевно-больныхъ доктора Пиница, находящееся въ Зонненштейнѣ, близъ города Пирны въ Саксоніи. Сестра Батюшкова, Александра Николаевна, поѣхала за границу вслѣдъ за братомъ и во время его пребыванія въ заведеніи Пиница не покидала Пирны.

[2]) Генералъ-адъютантомъ княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Щербатовымъ, который былъ членомъ Комитета Высочайше учрежденнаго 14 Августа 1814 года (Комитета о раненыхъ); онъ былъ женатъ (въ первомъ бракѣ) на сестрѣ князя П. А. Вяземскаго. Комитетъ этотъ издавалъ газету „Русскій Инвалидъ“.

[3]) Въ 1825 году Воейковъ издавалъ „Инвалидъ“ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ 1822 - 1824 годахъ.

*

[1]) Въ 1825 году масляница приходилась на 1—7 Февраля. А. И. Тургеневъ выѣхалъ изъ Москвы между 12 и 16 Февраля (см. „Московскія Вѣдомости“ 1825 г., № 14). „Уже бесѣдуемъ по старому съ А. И. Тургеневымъ за чайнымъ столикомъ, писалъ Ка-

тебя къ своему рожденію или къ именинамъ (29 и 30); но не тутъ-то было. Рожденье провелъ у Карамзина и дома; именины у Козлова и дома; у Саши были въ вечеру танцы. На первыя твои письма я не отвѣчалъ, потому что не думалъ, что отвѣтъ мой застанетъ еще тебя въ Москвѣ и еще потому, что не могу найти на нихъ никакого отвѣта. Обвиненія тѣ же, и отвѣтъ мой былъ бы тотъ же. Ты боишься своего возвращенія къ намъ; и я боюсь его, если твой образъ чувствованія не перемѣнился [2]). Но пора бы дать ему иное направленіе; пора бы изъ этого омута по крайней мѣрѣ вытащить нашу дружбу. Что́ могу сказать тебѣ *за себя*, если ты и теперь твердишь, что я тобою пожертвовалъ? Но такъ и быть. Надобно принять это, какъ необходимое, неизбѣжное несчастіе и покориться ему, какъ всему другому, что́ дается судьбою, а не нами самими. Если содержаніе твоихъ писемъ все тоже, то по крайней мѣрѣ тонъ ихъ не тотъ: старый, милой, братскій голосъ опять слышится и трогаетъ душу. Что̀ бы онъ мнѣ ни говорилъ, я слышу его звуки; они знакомые звуки стараго времени, лучшей нашей жизни, и на нихъ вся душа отголосокъ. Если бы ты могъ возвратить это старое время со всею его простотою, какъ мы втроемъ, ты, я и Саша, еще могли быть спокойно счастливы другъ другомъ! Но то, что́ у тебя въ сердцѣ, несбыточное, невозможное, все будетъ портить, и мы, достойные другъ друга, будетъ только рознить сами себя съ собою.

То, что́ я хотѣлъ и хочу сказать тебѣ о себѣ терпитъ время. Въ моей душѣ приливъ и отливъ, и я бы желалъ уцѣпиться за тебя, чтобы стать на твердый берегъ. Что̀ буду къ твоему пріѣзду, не знаю; но только тогда и поговоримъ объ этомъ. Теперь лучше поговоримъ о Мерзляковѣ. Я уже сдѣлалъ кое-что по первому письму твоему: говорилъ съ Шишковымъ [3]), и онъ весьма охотно берется исходатайствовать позволеніе посвятить книгу Мерзлякова [4]) Государю. Онъ звалъ меня къ себѣ обѣдать, и я на слѣдующей недѣлѣ непремѣнно къ нему, единственно на счетъ этого дѣла, поѣду. Кажется, лучше всего посвятить отрывки изъ древнихъ Государю; это можетъ пригодиться впередъ и для Тасса [5]). Какъ скоро получу отвѣтъ отъ Шишкова и

рамзинъ И. И. Дмитріеву изъ Петербурга 18 Февраля 1825 года. Убѣждаю его пока остаться въ службѣ. Ничто не гонитъ и не тѣснитъ. Свобода можетъ обратиться въ скуку" (Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 391).

[2]) Дружеское чувство А. И. Тургенева къ А. А. Воейковой стало у него переходить въ любовь, чего рѣшительно не одобрялъ Жуковскій.

[3]) Съ А. С. Шишковымъ, назначеннымъ въ 1824 году министромъ народнаго просвѣщенія вмѣсто князя А. Н. Голицына.

[4]) Рѣчь идетъ о книгѣ А. Ѳ. Мерзлякова „Подражанія и переводы изъ Греческихъ и Латинскихъ стихотворцевъ" (часть I вышла въ Москвѣ въ 1825 году, съ посвященіемъ Императору Александру I, а часть II въ 1826 году, съ посвященіемъ Императору Николаю I). См. по поводу этого письма Мерзлякова къ Жуковскому въ „Русскомъ Архивѣ" 1871 года, 0149—0157.

[5]) Переводъ „Освобожденнаго Іерусалима" Тасса, сдѣланный Мерзляковымъ, вышелъ въ двухъ частяхъ въ Москвѣ, въ 1828 году. За поднесеніе первой части „Подра-

позволеніе, то немедленно увѣдомлю самого Мерзлякова. Скажи ему объ этомъ. Теперь же писать къ нему нѣтъ времени. Обнимаю стараго товарища; для него хлопотать весело; невольно мерещится нашъ милый братъ предъ душою,

Und manche liebe Schatten steigen auf [6]).

До полученія позволенія, само собою разумѣется, разсылать экземпляровъ не надобно. Какъ скоро позволеніе получится, то всего лучше прислать эти экземпляры ко мнѣ: я всѣ раздамъ черезъ кого слѣдуетъ. Надобно обѣимъ Императрицамъ, обоимъ Великимъ Князьямъ и Княгинямъ, а также принцессѣ Оранской и Веймарской.

О Соковнинѣ я тотчасъ писалъ къ Сухотину; онъ давно долженъ получить мой отвѣтъ. Узнай.

Сбираюсь печатать Чернецъ [7]), но теперь у меня денегъ нѣтъ; жду твоего пріѣзда. Можно будетъ кое-что сложить Козлову, съ хлопотами.

Андрюша [8]) здоровъ; онъ былъ только два дня боленъ легкою желудочною лихорадкою; а Саша и всѣ дѣти здоровы. Саша, можетъ быть, соберется въ Дерптъ къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ. Не знаю однако, поѣдетъ ли съ нею въ Москву, хотя очень этого желаетъ. Но какъ, на кого оставить дѣтей? Она нынче ѣдетъ въ Царское Село нанимать домъ на лѣто [9]).

CXVII.

(Въ первой половинѣ 1825, Петербургъ).

Я пересмотрѣлъ всего Гёте и Гердерову книгу Stimmen der Völker. Нѣтъ этой пѣсни. Книгъ для путешествія по Европѣ, особенно по Швейцаріи, у меня много. Надобно пересмотрѣть вмѣстѣ и составить вмѣстѣ планъ; я дамъ и карты и прочее [1]). Своихъ же записокъ

жаній и переводовъ изъ Греческихъ и Латинскихъ стихотворцевъ" и на изданіе перевода Тасса Императоромъ Александромъ I было пожаловано Мерзлякову 5 тысячъ рублей (см. „Русскій Архивъ" 1871, ст. 0158).

[6]) Т. е. И многія дорогія тѣни возстаютъ.

[7]) „Чернецъ" И. И. Козлова былъ пропущенъ цензурою къ печати 3 Февраля 1825 года и изданъ въ свѣтъ въ Петербургѣ, въ томъ же году.

[8]) Сынъ А. Ѳ. Воейкова, родившійся 16 Іюля 1822 года (см. стихи И. И. Козлова на его рожденіе, напеч. въ „Славянинѣ" 1830 г. ч. 13, стр. 140—141); онъ сошелъ съ ума.

[9]) Второй листъ письма отрѣзанъ.

*

[1]) А. И. Тургеневъ въ 1825 году поѣхалъ въ заграничное путешествіе, для котораго, по всему вѣроятію, Жуковскій и давалъ нужныя книги и карты и котораго планъ онъ вызывался составить вмѣстѣ съ Тургеневымъ. Въ Мартѣ 1825 года Тургеневъ былъ еще въ Петербургѣ. Вотъ что о немъ писалъ Карамзинъ И. И. Дмитріеву 19 Марта этого года: „Мы много бесѣдовали и все еще бесѣдуемъ о тебѣ съ А. И. Тургеневымъ, съ которымъ видимся по старому; но долго ли будемъ видѣться? Ему хочется ѣхать къ брату въ Германію, въ Карлсбадъ или въ другое мѣсто, гдѣ онъ будетъ пить воды". (Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 392).

нѣтъ [2]). А ты, Александръ Ивановичъ, и не сказалъ мнѣ въ своей запискѣ, что княгиня Голицына зоветъ и меня. Я узналъ объ этомъ дома уже поздно, и такимъ образомъ видно мнѣ умереть, не слыхавъ *здѣсь* Зенеиды [3]); развѣ *тамъ* изъ чистилища буду слушать, какъ она будетъ пѣть передъ трономъ Всевышняго, и узнаю ее издали по голосу, который будетъ прелестнѣе всѣхъ прочихъ. А лучше бы послушать здѣсь.

CXVIII.

28 Ноября (1825, Петербургъ).

Ты уже вѣрно будешь знать о нашемъ ужасномъ несчастіи, когда получишь это письмо. Александра нѣтъ на свѣтѣ [1]). По сію пору кажется это какимъ-то страшнымъ сномъ, и не умѣешь никакъ понять смыслъ этихъ словъ. Извѣстіе о потерѣ нашей поразило насъ какъ неожиданный громъ. Не успѣли обдумать ея возможности, а уже все кончилось; даже ни минуты не успѣли обмануть себя надеждою. Всѣ плачутъ; горесть у всѣхъ искренняя. Чувство, которое наполняетъ и давитъ душу, есть какое-то неизъяснимое сиротство. Теперь одно только *прекрасное* жизни его памятно и видимо сердцу; все прочее забыто. Видишь передъ собою того прекраснаго генія, котораго такъ радостно встрѣчали въ 1801 году; видишь славнаго царя, которому Россія обязана 1813 и 1814 годами; видишь утѣшителя народа послѣ наводненія прошлогодняго; видишь привѣтливаго, доброжелательнаго человѣка, который такъ былъ любезенъ въ сношеніи личномъ. Ахъ, въ душѣ его было много идеально-прекраснаго, онъ искренно желалъ добра, онъ любилъ добро и постигалъ его! Вотъ подробности, сколько я ихъ знаю. Разскажу только о томъ, что̀ случилось со мною. 26 числа с(его) м(ѣсяца) прихожу я къ маленькому великому князю [2]) въ 11-ть часовъ утра; мнѣ сказываютъ объ опасности Государя. Говорятъ: курьеръ пріѣхалъ изъ Таганрога отъ Дибича, не привезъ писемъ къ Императрицѣ, но письма Милорадовичу [3]), Лопухину [4]), Воинову [5]), въ которыхъ извѣщаютъ о безнадежномъ состояніи Государя. Этотъ курьеръ пріѣхалъ 25 числа ввечеру. Пріѣзда его не скрыли отъ Императрицы М(аріи) Ѳ(еодоровны). Можно вообразить, какую ночь провела она.

---

[2]) Въ бумагахъ Жуковскаго сохранились черновые его дневники, веденные имъ за границею въ 1821 и 1822 гг., впрочемъ, не за все время его путешествія (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго", стр. 9—11).

[3]) Вѣроятно, извѣстной княгини Зинаиды Александровны Волконской († въ 1862 году въ Римѣ). Въ 1824—1829 гг. она жила въ Москвѣ, а въ 1829 году покинула Россію и переселилась въ Италію.

*

[1]) Императоръ Александръ I скончался 19 Ноября 1825 года.

[2]) Великому Князю Александру Николаевичу.

[3]) С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору.

[4]) Князю Петру Васильевичу Лопухину, предсѣдателю Государственнаго Совѣта.

[5]) Генералъ-адъютанту Александру Львовичу Воинову, командовавшему гвардейскимъ корпусомъ.

Я же узналъ на другой день по утру, то есть 26. Но въ городѣ никто не подозрѣвалъ ничего; было извѣстіе о легкой болѣзни, но опасности не страшились. Для меня первое страшное извѣстіе было какъ будто приговоромъ. Мысль, что этому извѣстію уже десять дней (курьеръ, пріѣхавшій 25, привезъ письма отъ 15) имѣла въ себѣ что-то неизъяснимо мучительное. Черезъ полчаса узнаю, что пріѣхалъ фельдъегерь и привезъ письма отъ докторовъ Вилье и Штофрегена и письмо отъ самой Императрицы Елисаветы Алексѣевны ободрительныя, извѣщающія о рѣшительной перемѣнѣ къ лучшему. Меня это извѣстіе на первую минуту не обрадовало: что́ могло случиться съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти письма! И предчувствіе не обмануло. Фельдъегерь, привезшій эту минутную радость, засталъ Императрицу М(арію) Ѳ(еодоровну) въ церкви. Начинали пѣть многолѣтіе тому, кого уже не было въ этомъ свѣтѣ; въ эту минуту вызываютъ Великаго Князя. Что́ происходило въ сердцѣ матери до его возвращенія? Онъ возвратился съ утѣшительнымъ словомъ; Императрица почти безъ чувствъ упала на землю съ молитвою и съ благодарными слезами. Этотъ день былъ для нея днемъ болѣзненной радости; она провела его въ изнуреніи, въ слезахъ, въ молитвѣ. Всѣ какъ-то начали надѣяться; но въ городѣ, какъ и наканунѣ, было все тихо, никто не подозрѣвалъ еще приближенія несчастія. Я, узнавъ о пріѣздѣ втораго курьера, тотчасъ поѣхалъ къ Карамзину; нашелъ ихъ всѣхъ въ оцѣпененіи ожиданія, и мы вмѣстѣ ожили надеждою. И эта надежда усилилась, когда на другой день (28) я получилъ отъ Великой Княгини списокъ письма Императрицы Елисаветы. Вотъ оно: «17. Chère maman, je n'ai pas été en état de vous écrire par la poste d'hier. Aujourd'hui, grâce en soit rendue mille et mille fois à l'Etre Suprême, il y a du mieux très décidé dans l'état de l'Empereur, de cet ange de bienveillance au milieu de ses maux. Pour qui, sur qui Dieu manifesterait-Il son infinie miséricorde, si ce n'était lui. Oh, mon Dieu, quels cruels moments j'ai passé! Et vous, chère Maman, je me figure vos inquiétudes! Vous recevez le bulletin. Vous aurez donc vu à quoi nous avons été reduits hier, cette nuit encore. Mais Wyllie aujourd'hui dit lui-même que l'état de notre cher malade est satisfaisant. Il est faible à l'excès. Chère Maman, je vous avoue, que je n'ai pas ma tête et ne puis vous en dire d'avantage. Priez avec nous, avec 50 millions d'hommes, que Dieu daigne achever la guérison de notre bien aimé malade» *).—Что-

*) Т. е. Дорогая матушка. Я не была въ состояніи писать вамъ со вчерашнею почтой. Сегодня — да будетъ возсылаемо за то величайшее благодареніе Всевышнему — наступило весьма значительное улучшеніе въ состояніи здоровья Государя, этого ангела доброты среди его страданій. И на комъ явить Господу Свое безконечное милосердіе, какъ не на немъ? О, Боже мой, какія ужасныя минуты я пережила! Могу себѣ представить и ваше безпокойство, дорогая матушка. Вы получаете бюллетень; слѣдовательно, вы могли видѣть, на что мы были обречены вчера и даже сегодняшнюю ночь. Но сегодня самъ Вилье говоритъ, что состояніе нашего дорогого больного удовлетворительно. Онъ чрезвычайно слабъ. Признаюсь вамъ, дорогая матушка, что я сама не своя и болѣе ни-

ніе этого письма, достойнаго души той, которая написала его, дало какую-то увѣренность, что бѣдствіе насъ миновало. Я поѣхалъ во дворецъ ждать прибытія курьера. Пошелъ къ обѣднѣ; во время обѣдни читали молитву за нашего Александра съ колѣнопреклоненіемъ; слезы лились изъ глубины души передъ вѣчнымъ Спасителемъ. Въ церкви было немного; Императрица въ той маленькой горницѣ, которая находится за алтаремъ. Въ концѣ обѣдни сдѣлалось какое-то движеніе въ церкви; камердинеръ императрицынъ, тутъ бывшій, вышелъ и опять вошелъ. Но все опять успокоилось. Начинають молебенъ о здравіи Государя. Боже мой, какой переломъ: только что хотѣли начинать молитву, какъ выходитъ Великій Князь изъ алтаря и подаетъ знакъ рукою. Я въ первую минуту подумалъ, что это былъ знакъ радости, что онъ спѣшитъ всѣмъ объявить о спасеніи Государя. Но молитва остановилась, въ церкви точно раздался какой-то общій глухой стонъ, и священники въ безпорядкѣ пошли въ алтарь, а Криницкій изъ алтаря со крестомъ далѣе. Я остолбенѣлъ, но по какому-то машинальному движенію пошелъ впередъ, и гдѣ же очутился? Передъ отворенными дверьми той горницы, въ которой была Императрица. Я въ первую минуту не видѣлъ ея, она была безъ чувствъ, ее окружали; видѣлъ только Великую Княгиню на колѣняхъ и слышалъ голосъ В(еликаго) Князя, и передъ безчувственною матерью стоялъ священникъ съ крестомъ. Черезъ минуту она встала, пошла къ дверямъ алтаря (ее повели) и упала на порогѣ на землю. У меня у самого ноги подкосились; невольно сталъ я на колѣни передъ горестію и покорностію матери съ чувствомъ собственной и общей потери. Лежавши нѣсколько времени на землѣ безъ движенія, она поднялась, и ее повели во внутреннія комнаты. Между тѣмъ въ церкви уже стоялъ налой съ крестомъ и Евангеліемъ; минутъ черезъ пять явился Великій Князь, и всѣ, кто былъ съ нимъ вмѣстѣ въ церкви, присягнули новому императору Константину. Великій Князь вялъ голосомъ и не могъ произносить явственно словъ присяги; но имя Императора произнесъ рѣшительнымъ и твердымъ голосомъ. Эта минута дала ему прекрасное мѣсто въ исторіи и въ сердцѣ Русскихъ. Эта минута была единственно утѣшительная въ ужасный день нашей потери. Чувство добродѣтельнаго, высокаго дѣла есть бальзамъ на рану сердца. Эта минута—поступокъ героическій—спасла настоящее и пролила утѣшительный свѣтъ на будущее. Чтó будетъ, неизвѣстно. Но по крайней мѣрѣ нѣтъ ничего нерѣшительнаго, и то, чтó могло произвести безпорядокъ, задушено въ своемъ началѣ, благодаря твердости Великаго Князя.—Государь скончался 19 числа въ 10 часовъ и $^3/_4$. Императрица не отходила отъ него ни на минуту; она сама закрыла ему глаза и сложила его руки. Послѣднее слово, которое сказалъ онъ: *Подымите стору! Какой прекрасный день*! Императрица имѣла твердость сама писать къ Государынѣ М(аріи) Ѳ(еодоровнѣ). Первое слово письма ея: L'ange n'est plus! [7]) Она описываетъ въ немъ его лицо, какъ оно

чего не могу вамъ сказать. Молитесь съ нами, съ 50 милліонами людей, чтобы Господь благоволилъ довершить исцѣленіе нашего дорогого больнаго.

[7]) Ангелъ насъ покинулъ.

спокойно и прекрасно послѣ удаленія страданія, говоритъ о себѣ, о счастіи перейти туда, гдѣ онъ, проситъ мать беречь себя для Россіи. Этой высокой душѣ дано было отъ судьбы только одно земное величіе: величіе несчастія! Она имѣла только одно на тронѣ: быть достойною испытующаго Бога. Колѣна подгибаются, когда объ ней подумаешь.

Прости, братъ! Я не писалъ къ тебѣ въ минуту спокойную; у меня слишко(мъ) много было заботъ по моей должности, которая беретъ у меня все мое время, и я откладывалъ бесѣду съ тобою до минуты совершенно свободной. Но въ минуту горя чувствую необходимость говорить съ тобою. Жизнь нашего Александра была лучшимъ временемъ нашей жизни: время нашихъ надеждъ; наша дѣятельность принадлежитъ его вѣку; онъ былъ слитъ со всѣмъ нашимъ лучшимъ. Теперь только осталась въ душѣ къ нему благодарность: все обвинявшее его забыто. Лучшаго изъ государей Европы не стало. Жаль въ немъ не одного императора Александра, но его самого, ласковаго, снисходительнаго, милаго. Нельзя еще понять, что этого лица уже не увидимъ, что скоро будетъ только одинъ камень, на которомъ напишутъ имя Александръ, а его самого, товарища нашей частной и общей жизни, уже нигдѣ и никогда не встрѣтишь. Прости, братъ; слезы невольно льются. Что̀ ты сдѣлаешь съ собою? Воротишься ли къ намъ? Или будешь ждать развязки происшествій? Саша была очень нездорова, но теперь поправляется. Можешь вообразить, какъ она поражена общею нашею утратою, которая въ тоже время и ея личная. Но для кого изъ насъ она не личная? Мы всѣ облаготворены имъ.

CXIX.

4 Декабря (1825, Петербургъ).

Мой милый другъ, твое письмо, писанное 26 Августа (7 Сентября) изъ Карлсбада, я получилъ только 30 Ноября, и тотчасъ мнѣ удалось исполнить твое требованіе. Я увидѣлъ Вильсона и получилъ отъ него письма, которыя теперь и посылаю. Не думаю, чтобы настоящія наши обстоятельства заставили васъ спѣшить возвратиться; дождитесь лучше вдали того, что̀ будетъ. Горестное настоящее для васъ будетъ занято полезною дѣятельностію путешествія. Между тѣмъ здѣсь все возьметъ свой ходъ. Еще ничто для насъ не рѣшено. Константинъ Павловичъ еще не пріѣхалъ изъ Варшавы, хоть уже извѣщенъ о всеобщей потерѣ. Въ Петербургѣ все тихо: безмолвная, неподвижная печаль объемлетъ городъ. Чувство потери и скорбь о нашемъ невозвратимомъ Александрѣ столь же сильна, какъ и ожиданіе важныхъ происшествій, которыя должны случиться въ нѣсколько дней. Мы видѣли то, чего исторія наша не представляетъ ни въ какомъ вѣкѣ: твердое, рѣшительное пожертвованіе трономъ общему порядку. Но еще по сію пору не рѣшилось, кто займетъ этотъ тронъ. Россія имѣетъ Императора, но Императоръ еще не произнесъ рѣшительнаго слова, останется или нѣтъ на принадлежащемъ ему тронѣ. Во всякомъ случаѣ общее спокойствіе сохранено, и не можетъ ничего быть нерѣшительнаго. Поступокъ Вел(икаго) Кн(язя) Н(иколая) П(авловича) истинно героическій. Онъ заслужилъ одобреніе отечества и не потеряетъ никогда прекраснаго мѣста въ исторіи для потомства. Но наше теперешнее поло-

женіе безпримѣрно. Мы въ незнаніи того, что́ будетъ, и между тѣмъ все тихо и неподвижно.—Государыня Марія Ѳ(еодоровна)—Боже мой, какъ она теперь стала драгоцѣнна для блага Россіи!—сноситъ печаль свою съ твердостію. Но сколько еще для нея минутъ, раздирающихъ душу, сколько еще времени ждать останковъ умершаго! Черезъ всю Россію провезутъ его. Какова будетъ для нея и для насъ эта встрѣча? А Елисавета! Объ ней нельзя думать безъ умиляющаго душу трепета. Какое величіе въ неизъяснимомъ страданіи! Она не сноситъ печали своей, но еще хранима ею, пока на глазахъ есть еще предметъ потери; когда же его не будетъ, тогда и она потеряетъ всѣ подпоры. Сія минута для нея рѣшительна! Кто осмѣлится не желать ей жизни? Но какъ же подумать безъ содроганія объ этой новой потерѣ, кажется, неминуемой! О состояніи здоровья ея нѣтъ вѣстей, приводящихъ въ новое безпокойство. Но такое состояніе можетъ ли быть естественнымъ?... Прости, милый. Саша здорова. Графиня Толстая, пріѣхавшая на свадьбу своего брата (онъ женился на Ушаковой), здѣсь. Она получила твое письмо и будетъ на него отвѣчать. Напиши, прошу тебя, поскорѣе о себѣ. Обнимаю любезнаго друга Николая Ивановича. Ж.

CXX.

16 (28) Декабря (1825, Петербургъ).

Мой милый другъ. Провидѣніе сохранило Россію. Можно сказать, что Оно видимо хранитъ и начинающееся царствованіе. Какой день былъ для насъ 14-го числа! Въ этотъ день все было на краю погибели: минута, и все бы разрушилось. Но по волѣ Промысла этотъ день былъ днемъ очищенія, а не разрушенія; днемъ ужаса, но въ тоже время и днемъ великаго наставленія для будущаго. Сначала просто опишу происшествіе, какъ его былъ свидѣтелемъ (всѣхъ подробностей еще не знаю), потомъ сообщу тебѣ и тѣ мысли, которыя оно произвело во мнѣ. Начну съ того, что́ предшествовало. Ты теперь знаешь объ отреченіи В(еликаго) К(нязя) Константина Павловича, знаешь, почему нынѣшній Императоръ отказывался отъ вступленія на престолъ и велѣлъ присягнуть Константину. Случай единственный въ нашей исторіи: борьба двухъ братьевъ не за тронъ, а о пожертвованіи чести и долгу трономъ! Междуусобіе безъ кровопролитія за добродѣтель. Вотъ что́ мы видѣли. Съ 27 числа Ноября, въ которое мы узнали о потерѣ Александра, по 13 число Декабря, въ которое узнали о вступленіи на престолъ Императора нынѣшняго, мы все имѣли Императора, и тронъ Россіи не былъ пустъ. Но Петербургъ былъ въ нерѣшимости. Ждали пріѣзда Константина Павловича; онъ не являлся. Слухи объ его отреченіи бродили по городу; всякой думалъ по своему; одни утверждали, что онъ приметъ престолъ (и это была бо́льшая часть); другіе, зная характеръ его, были увѣрены, что онъ поддержитъ свое отреченіе—не измѣнитъ слову. Но это казалось невѣроятнымъ: тронъ былъ ему отданъ; ему стоило только на него взойти, и онъ бы началъ свое царствованіе безпрекословно. Но онъ, узнавъ въ Варшавѣ 25 числа о смерти Императора, уже 26 числа написалъ два письма (къ Императрицѣ М(аріи) Ѳ(еодоровнѣ) и къ нынѣшнему Императору),

въ которыхъ рѣшительно подтвердилъ свое отреченіе. Но ему уже присягнули. Правда, новый Императоръ могъ бы тотчасъ обнародовать письма его; но онъ дѣйствовалъ не для вида, а точно отъ чистоты сердца: онъ хотѣлъ дождаться, какое вліяніе произведетъ на душу его брата присяга, принесенная ему всею Россіею. Эта присяга ничего не поколебала; К(онстантинъ) П(авловичъ) подтвердилъ свое отреченіе. Но самъ затѣмъ не *явился*, и это единственное пятно на его прекрасномъ поступкѣ; но и здѣсь оправдывается онъ необходимостію его присутствія въ Польшѣ, гдѣ по сію пору не произнесено еще никакой присяги, гдѣ царствуетъ одна только тѣнь Александра. Послѣднее письмо Константина Павловича пришло въ Петербургъ 11 числа, и 13-го рѣшились приступить къ окончательному дѣйствію. Между тѣмъ, какъ не благодарить Провидѣніе за то, что Оно выбрало именно эту, а не другую минуту (*ни прежде, ни позже*) для такого важнаго событія (такъ я думаю по моимъ замѣчаніямъ, ибо не знаю вѣрно обстоятельствъ). Государь получилъ свѣдѣніе о существованіи заговора и имѣлъ въ рукахъ бумаги, въ которыхъ были означены всѣ тайные его участники. Государь былъ предупрежденъ. Но онъ не хотѣлъ ни къ чему приступить; онъ не хотѣлъ начать своего царствованія актомъ строгости, который отъ всѣхъ, коимъ были бы неизвѣстны обстоятельства, признанъ бы былъ актомъ самовластія, и мы бы увидѣли въ томъ, что̀ спасало Россію, одно только дѣйствіе деспотизма. 13-го числа, въ 6 часовъ послѣ обѣда, собрался Совѣтъ [1]). Собраніе продолжалось уже до полночи, а еще не приступали ни къ какому дѣлу, ибо ждали прибытія Михаила Павловича (онъ былъ посланъ въ Варшаву). Но онъ и къ 12 часамъ не возвратился. Тогда Императоръ рѣшилъ открыть Совѣтъ безъ него. Въ Совѣтѣ прочитали манифестъ о восшествіи на престолъ Николая I и всѣ приложенные къ нему акты. Въ этотъ вечеръ былъ на внутреннемъ конногвардейскомъ караулѣ офицеръ к(нязь) Одоевскій [2]). Онъ смѣнился на другой день въ 10 часовъ, и первымъ его дѣломъ было, послѣ смѣны своей, броситься (если не ошибаюсь) въ Московскій полкъ и распустить слухъ между солдатами, что во дворцѣ заговоръ, что хотятъ свергнуть императора Константина, что Великій Князь Михаилъ Павловичъ арестованъ и что надобно стать за Императора законнаго. Между тѣмъ, повѣщено было собраться всѣмъ во дворецъ къ 2 часамъ для молебна, а до того времени должны были обнародовать манифестъ и всю гвардію привести къ присягѣ. Тутъ, думаю, были нѣкоторые безпорядки: не всѣ умѣли объяснить происшествіе солдату, не всѣ взяли на себя трудъ объяснить его; словомъ, минута оказалась самою благопріятною для людей злонамѣренныхъ; они же имѣли время къ ней приготовиться и могли бы воспользоваться ею страшнымъ образомъ для Россіи; но Провидѣніе было со стороны нашего отечества и трона.—Теперь опишу только то, чему *я* былъ свидѣтелемъ. Въ 10 часовъ утра я пріѣхалъ во дворецъ. Видѣлъ новую Императрицу и Императора. При-

---

[1]) Государственный Совѣтъ.

[2]) Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, поэтъ.

сягнулъ въ дворцовой церкви. Начали всѣ съѣзжаться; всѣ были спокойны: уже большая часть гвардіи присягнула. Уже прибижалось время выхода Императорской фамиліи: было почти часъ. Вдругъ мнѣ сказываютъ: Императоръ вышелъ изъ дворца, стоитъ посреди народа, говоритъ съ народомъ, ему кричатъ: ура! Это меня порадовало. Встрѣчаю въ залѣ Булгакова [3]) который только что пріѣхалъ, сказываю ему о слышанномъ; онъ мнѣ не отвѣчаетъ ни слова. Къ намъ подходитъ Оленинъ [4]); слышу, что онъ шепчетъ Булгакову: Худо!.. Чтò худо?.. *Солдаты не хотятъ присягать*! Тутъ Булгаковъ сказываетъ мнѣ о томъ же, чтò онъ самъ видѣлъ: толпа солдатъ на Исакіевской площади, и всѣ кричатъ: ура, Константинъ! и около нихъ бездна народа. Они прислонились спиною къ Сенату, выстроились, зарядили ружья и рѣшительно отреклись отъ присяги. Въ ихъ толпѣ офицеры въ разныхъ мундирахъ и множество людей вооруженныхъ во фракахъ... Вообрази безпокойство! Быть во дворцѣ и не имѣть возможности выйти— я былъ въ мундирѣ (и) въ башмакахъ—и ждать развязки!—Тутъ начали приходить со всѣхъ сторонъ разные слухи. «Часть Московскаго полка взбунтовалась въ казармахъ; они отняли знамя; Фридрихсъ, начальникъ полка, раненъ, Фридрихсъ убитъ [5])... Шеншинъ тяжко раненъ [6])... Милорадовичъ убитъ [7])... Императоръ повелъ самъ батальонъ гвардіи (Преобр.). Послали за другими полками. Послали за артиллеріею. Бунтовщики отстрѣливаются. Ихъ окружаютъ. Ихъ щадятъ; хотятъ склонить убѣжденіемъ. Народъ волнуется; часть народа на сторонѣ бунтовщиковъ». Вотъ чтò со всѣхъ сторонъ шептали, не имѣя ни объ чемъ вѣрныхъ извѣстій. Между тѣмъ уже третій часъ. Начинаетъ темнѣть, и ничто еще не сдѣлано. Артиллерія привезена; но зарядныхъ ящиковъ еще нѣтъ; они всѣ въ арсеналѣ. Каково ожиданіе! Вдругъ сказываютъ мнѣ шепотомъ: *Полки начинаютъ колебаться. Лейбъ-гренадерскі полкъ перешелъ. Морской экипажъ присоединяется къ бунтовщикамъ.* И это была правда! О, это была самая рѣшительная и страшная минута этого роковаго дня. Чтò, если бы прошло еще полчаса? Ночь бы наступила, и городъ остался бы жертвою 3.000 вооруженныхъ солдатъ, изъ которыхъ половина была пьяные.—Въ эту минуту я съ ужасомъ подумалъ, что судьба Россіи на волоскѣ, что ея сущeствованіе можетъ черезъ минуту зависѣть отъ толпы бѣшеныхъ солдатъ и черни, предводимыхъ нѣсколькими безумцами. Какое чувство и какое положеніе! Вдругъ видимъ, идетъ во всемъ облаченіи митрополитъ: его позвали увѣщевать бунтовщиковъ. Страшная ти-

---

[3]) Вѣроятно, Константина Яковлевича Булгакова, С.-Петербургскаго почтъ-директора, о которомъ см. выше, стр. 43—44.

[4]) Алексѣй Николаевичъ, тогда государственный секретарь.

[5]) Баронъ Петръ Андреевичъ Фредериксъ, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и оберъ-шталмейстеръ, былъ только тяжело раненъ.

[6]) Василій Никаноровичъ Шеншинъ († 1831), бывшій командиръ Финляндскаго полка и командовавшій 1-й бригадою 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, назначенный 14 Декабря 1825 года генералъ-адъютантомъ.

[7]) Графъ М. А. Милорадовичъ, тогдашній Петербургскій генералъ-губернаторъ.

шина царствовала въ залахъ дворца, наполненныхъ людьми, которыхъ праздничный нарядъ еще увеличивалъ ужасное. Я бродилъ изъ залы въ залу, слушалъ вѣсти и ни одной не вѣрилъ. Иду въ горницу графини Ливенъ [8]), изъ оконъ которой видна была густая, черная толпа народу, которая казалась подвижною тучею въ темнотѣ начинающейся ночи. Вдругъ надъ нею нѣсколько молній, одна за другою. Начали стрѣлять пушки. Мы угадали это по блеску. Шесть или восемь разъ сверкнула молнія; выстрѣловъ было не слышно; и все опять потемнѣло. Что́ случилось? Чего ждать? Возвращаюсь въ залу общаго собранія... Вижу волненіе. Наконецъ, пришло извѣстіе. Пушечныя картечи все рѣшили! Съ нѣсколькихъ выстрѣловъ бунтовщики разбѣжались, и кавалерія ихъ преслѣдуетъ... Скоро мы услышали на дворцовомъ дворѣ: *ура*! Тамъ стоялъ колонною саперный лейбъ-баталіонъ. Государь возвратился, прошелъ по рядамъ полка, и его приняли съ восхищеніемъ... Онъ прошелъ по маленькой лѣстницѣ къ Императрицѣ... Черезъ нѣсколько минутъ слышимъ снова: *ура*! Государь опять вышелъ къ полку и представилъ солдатамъ своего сына. Все рѣшилось къ спасенію Россіи.

Теперь вотъ по порядку обстоятельства дѣла. Когда надобно было приводить къ присягѣ Московскій полкъ, двѣ роты его, которыя подожжены были особенно двумя офицерами того полку, Бестужевымъ и к(няземъ) Щепинымъ-Ростовскимъ, подняли оружіе. Щепинъ-Р(остовскій) своею рукою разрубилъ голову Фридрихсу и генералу Шеншину; они отняли знамя и пошли, сопровождаемые народомъ, на Исакіевскую площадь. Остальныя шесть ротъ остались въ казармахъ со всѣми офицерами и присягнули. Бунтовщики примкнули тыломъ къ Сенату и стояли неподвижно, окруживъ всю площадь цѣпью. Вокругъ нихъ толпился народъ. Всѣхъ ближнихъ къ нимъ они затаскивали въ свою толпу и принуждали кричать вмѣстѣ съ ними: «ура! Константинъ!» Этою толпою командовали особенно: к(нязь) Оболенскій, адъютантъ Бистрома [9]), и Якубовичъ, извѣстный храбрецъ Кавказа. Въ ней очутились и другіе офицеры: три брата Бестужевы, полярный [10]) и два морскихъ; Одуевскій конногвардейскій и еще поэтъ Рылѣевъ; оба Кюхельбекеры, морской и другой, сумасшедшій, нашъ знакомецъ, и еще одинъ Грабэ-Горскій, который усѣлся передъ двумя столами, накладенными множествомъ пистолетовъ, хладнокровно ихъ заряжалъ и раздавалъ окружающимъ. Въ толпѣ же народа было множество переодѣтыхъ солдатъ и офицеровъ, которые волновали ее и возбуждали къ бунту.—Противъ толпы стоялъ Императоръ на маленькой выстрѣлъ ружейный; около него были адъютанты всѣ пѣшіе (ибо лошадей негдѣ было взять и некогда искать) и еще нѣсколько генераловъ. Конная гвардія стояла справа къ Исакіевскому мосту, Измайловскій полкъ примкнулъ наконецъ къ конногвардейскому

---

[8]) Статсъ-дамы графини Шарлотты Карловны Ливенъ, въ 1826 году возведенной въ княжеское достоинство.

[9]) Генералъ-лейтенантъ Карлъ Ивановичъ Бистромъ былъ командующимъ всею пѣхотою гвардейскаго корпуса.

[10]) Т. е. А. А. Бестужевъ, издававшій съ Рылѣевымъ „Полярную Звѣзду“.

манежу; но пушекъ еще не было. Первою жертвою этого дня былъ Милорадовичъ: онъ выѣхалъ впередъ, хотѣлъ говорить съ бунтовщиками; остановился противъ нихъ на пистолетный выстрѣлъ,.... и ему не дали сказать слова! Нѣсколько выстрѣловъ раздалось, и онъ полетѣлъ съ лошади [11]), пробитый на сквозь пистолетною пулею. Его тотчасъ отнесли въ конногвардейскія казармы. Какое страшное начало! Но оно не произвело того дѣйствія, которое могло бы произвести надъ полками. Народъ остался въ нерѣшимомъ спокойствіи: бунтовали только тѣ, которые находились подлѣ главныхъ бунтовщиковъ. Вдругъ является къ Государю Якубовичъ и вотъ что̀ говоритъ· Государь, я былъ увлеченъ несчастною минутою. Теперь узнаю свой долгъ и пришелъ самъ покориться Вамъ... Государь его выслушалъ. «Если такъ, сказалъ онъ, то возвратись же къ бунтовщикамъ и убѣди ихъ своимъ примѣромъ. Ты отвѣчаешь за это головою».—Честь мнѣ дороже головы, которой я никогда не щадилъ, отвѣчалъ злодѣй, пошелъ къ оставленному имъ фронту и скоро возвратился съ извѣстіемъ, что не имѣлъ успѣха. Государь хотѣлъ послать его въ другой разъ. Я пойду, Государь—отвѣчалъ онъ—но не возвращусь: я буду убитъ навѣрное. И онъ остался. Какое было его намѣреніе? Выждать, что̀ будетъ, и въ минуту успѣха рѣшительнаго застрѣлить или зарѣзать Императора, сохранивъ собственную безопасность. Около сумерокъ увидѣли бѣгущій отъ Дворцовой площади мимо народа и Государя лейбъ-гренадерскій полкъ. Государь хотѣлъ его остановить; но одинъ офицеръ, мальчишка Пановъ, выбѣжалъ впередъ и закричалъ: «За мною! Ура Константинъ»! и полкъ побѣжалъ на сторону бунтовщиковъ, съ двумя только офицерами (кромѣ Панова) Сутгофомъ и Шторхомъ, сыномъ нашего [12]); всѣ прочіе остались. За часъ прежде этого прибѣжалъ къ бунтовщикамъ морской экипажъ. Вотъ была самая страшная минута дня но въ эту же минуту подоспѣли и зарядные ящики. Пушки зарядили, выдвинули; но прежде послали митрополита. Его не послушали. Тутъ Государь, истощивъ средства кротости, далъ повелѣніе стрѣлять. Сперва выстрѣлили холостымъ зарядомъ, чтобъ разогнать народъ; потомъ картечью. Съ первыхъ двухъ выстрѣловъ произошло въ толпѣ волненіе; но они еще отвѣчали ружейными выстрѣлами. Еще два пушечныхъ удара, и толпа пошатнулась и разстроилась. Одни—морской экипажъ—пошли вправо на Семеновскій полкъ; но онъ выждалъ ихъ и, только что они наступили, сдѣлалъ движеніе, раздвинулся, въ интервалъ грянули по нимъ пушки, и они ударились бѣжать по Крюковскому каналу; другіе побѣжали по Галерной; слѣдомъ за ними вдоль по улицѣ сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, и это совершило все. Они разсыпались; конница поскакала за бѣгущими. Галерную съ набереж-

---

[11]) Увѣряютъ, что первый выстрѣлилъ и убилъ его Горскій, а другіе говорятъ—Кюхельбекеръ (*Примѣч. Жуковскаго*).

[12]) Офицеръ Гренадерскаго полка Александръ Андреевичъ Шторхъ былъ сынъ академика Андрея Карловича Шторха (р. 1766 † 1835). А. К. Шторхъ, извѣстный трудами по статистикѣ и политической экономіи, былъ чтецомъ у Императрицѣ Маріи Θеодоровны и наставникомъ Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей и Великой Княжны Анны Павловны.

ной и съ канала окружили. Часть ударилась черезъ мостъ и черезъ ледъ на Васильевскій островъ. Щепинъ-Ростовскій тутъ же былъ схваченъ. Тогда Государь возвратился, и насъ обрадовало извѣстіе объ окончаніи ужаснаго дѣла, котораго конецъ могъ бы быть гибеленъ для Россіи.

Черезъ часъ послѣ возвращенія Императора былъ выходъ: вся фамилія Императорская, кромѣ Государыни Маріи Ѳеодоровны, пошла въ церковь. Пропѣли только: Тебе Бога хвалимъ! Императоръ и Императрица молились на колѣняхъ, подлѣ нихъ стоялъ ихъ сынъ. Вообрази чувство, съ какимъ можно было слушать эту хвалебную пѣснь! Но она была не за одно новое царствованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и за спасеніе Россіи. Заговоръ точно существовалъ; волненіе не было внезапнымъ дѣйствіемъ безпорядка минутнаго. Имена заговорщиковъ были извѣстны не только новому, но и прежнему Императору, и убійцы сами всѣ вмѣстѣ и въ одну минуту явились передъ отечествомъ. Всѣхъ главныхъ дѣйствователей въ туже ночь схватили. Какая сволочь! Чего хотѣла эта шайка разбойниковъ? Вотъ имена этого сброда. Главные и умнѣйшіе Якубовичъ и Оболенскій; все прочее мелкая дрянь: Бестужевы 4, Одуевскій, Пановъ, два Кюхельбекера, Граве, Глѣбовъ, Горскій, Рылѣевъ, Корниловичъ, Сомовъ, Булатовъ и прочіе.—Милорадовичъ умеръ въ туже ночь. Можно сказать, что Провидѣніе захотѣло покрыть послѣдніе годы его жизни кровавымъ саваномъ чести. Онъ въ рѣшительную минуту и въ послѣдніе часы жизни показался тѣмъ же человѣкомъ, котораго нѣкогда видѣли передъ войскомъ: храбрымъ и благороднымъ. Государь по возвращеніи своемъ во дворецъ написалъ къ нему трогательное письмо, въ которомъ между прочимъ находится слѣдующее: «Если бы я послушался сердца, то былъ бы уже при тебѣ; но долгъ меня удерживаетъ. Нынѣшній день для меня тягостенъ; но этотъ же день доказалъ мнѣ, что я имѣлъ въ тебѣ друга и вѣрныхъ дѣтей въ Русскомъ народѣ, за котораго обѣщаюсь не жалѣть своей жизни». Это точныя слова письма. На словахъ же Государь приказалъ сказать умирающему: «Мнѣ жаль того, чтó случилось».—*А мнѣ не жаль*! отвѣчалъ онъ. Этотъ отвѣтъ въ его слогѣ, но какъ онъ трогателенъ! Онъ положилъ письмо на сердце и съ нимъ умеръ. Я вчера приходилъ къ его тѣлу и съ благодарностію поцѣловалъ мертвую руку. Безчисленная толпа тѣснилась около дома. Всю эту ночь полки стояли на бивакахъ передъ дворцомъ; заряженныя пушки нацѣлены были вдоль улицъ. И въ эту же ночь всѣ заговорщики схвачены. Но подумай, кто еще взятъ? Трубецкой. Онъ незадолго передъ этимъ пріѣхалъ изъ Кіева съ женой. Во время дѣла онъ нигдѣ не являлся; но планъ заговора и конституціи, писанный его рукою, находится въ рукахъ Императора. Сначала онъ отъ всего отрекся; но когда Императоръ показалъ ему бумагу, то онъ упалъ на колѣни, не имѣя возможности ни отвѣчать, ни защищаться. По сію пору не найденъ только одинъ Кюхельбекеръ [13]), и, признаться, это нѣсколько меня безпокоитъ. Онъ пе-

---

[13]) В. К. Кюхельбекеръ, какъ извѣстно, 14-го же Декабря скрылся изъ Петербурга, съ намѣреніемъ отправиться за границу, но былъ задержанъ въ Варшавѣ.

14

опасенъ, какъ дѣйствователь открытый: онъ и смѣшонъ, и глупъ; но онъ бѣшенъ—это родъ Занда [14])! Онъ способенъ въ своемъ фанатизмѣ отважиться на что-нибудь отчаянное, чтобы пріобрѣсть какую-нибудь извѣстность. Это звѣрь, для котораго надобна клѣтка. Можно сказать, что вся эта сволочь составлена изъ подлецовъ малодушныхъ. Они только имѣли духъ возбудить кровопролитіе; но ни одинъ изъ нихъ не раненъ, ни одинъ не предпочелъ смерть ужасу быть схваченнымъ и приведеннымъ на судъ съ завязанными на спину руками. Презрѣнные злодѣи, которые хотѣли съ такою безумною свирѣпостію зарѣзать Россію. О, этотъ день былъ днемъ явнаго Промысла!—Слѣдующій день былъ прекраснымъ днемъ новаго царствованія. 15-го поутру Государь явился передъ собранными полками гвардіи. Его приняли съ громкимъ *ура*; онъ ходилъ по рядамъ пѣшихъ полковъ и говорилъ съ солдатами. Потомъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ къ конницѣ. Вездѣ громкое, продолженное *ура*! Заблужденные бунтовщики, возвратившіеся къ своему мѣсту, всѣ прощены; морскому экипажу возвращено его знамя, передъ которымъ онъ и присягнулъ. Это и милостиво, и справедливо. Отъ солдата было все скрыто: онъ былъ вѣренъ своей первой присягѣ и не хотѣлъ произносить новой, противъ которой его возбудили. Эта невольная измѣна была нѣкоторымъ образомъ доказательствомъ вѣрности. Измѣнники, или лучше сказать разбойники - возмутители, были одни офицеры, которые имѣли свой планъ, не хотѣли ни Константина, ни Николая, а просто пролитія крови и убійства, котораго цѣли понять невозможно. Тутъ видно удивительно-безцѣльное звѣрство. И какой духъ низкій, разбойничій! Какими бандитами они дѣйствовали! Даже не видно и фанатизма, а просто звѣрская жажда крови, безо всякой, даже химерической цѣли. Осмотрѣвъ полки и распустивъ ихъ, Государь пошелъ въ Совѣтъ. Черезъ нѣсколько послѣ того времени я встрѣтился съ к(няземъ) А(лександромъ) Н(иколаевичемъ) Голицынымъ, и онъ описалъ мнѣ сцену величественную. Государь говорилъ просто, сильно и рѣшительно; съ величайшею ясностію описалъ все происшествіе, изобразилъ, какъ онъ объ немъ думаетъ и какія мѣры приняты для безопасности государства. Il avait l'éloquence d'un souverain [15]), говоритъ к(нязь) Голицынъ. Однимъ словомъ, во всѣ эти рѣшительныя минуты онъ явился такимъ, каковъ онъ быть долженъ: спокойнымъ, хладнокровнымъ и неустрашимымъ. Онъ представился намъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ; онъ покрылся честію въ минуту, почти безнадежную для Россіи.—Теперь надобно тебѣ сказать слово и о молодой Императрицѣ. Она не обманула моего ожиданія. Я восемь лѣтъ знаю ее и видѣлъ ее младенчески-счастливою въ спокойной домашней жизни. Я говорилъ себѣ: она рождена для частнаго счастія. Это величайшая похвала, какую только можно сказать о душѣ человѣческой: счастіе въ моемъ смыслѣ есть высокая чувствительность, вѣра и твердый умъ посреди обстоятельствъ благопріятныхъ. Но я же всегда думалъ: она прелестна въ счастіи; но минута, въ которую душа ея покажется во всей своей красотѣ, будетъ минута испытанія. Эта

[14]) Фанатика, убившаго извѣстнаго Августа Коцебу.

[15]) Онъ говорилъ такъ краснорѣчиво, какъ подобаетъ Государю.

минута наступила. Карамзинъ былъ вмѣстѣ съ Царскою фамиліею во все время волненія. Quant à votre jeune Impératrice—сказалъ онъ мнѣ ввечеру того же дня — maintenant je la connais. C'est une femme admirable [16]). Это его слова. Во все время — вообрази положеніе, мужъ подъ пулями, дѣло идетъ о тронѣ и жизни — она была удивительно спокойна, тиха и величественна, какъ вѣра въ Бога. Но въ ту минуту, въ которую послышался первый выстрѣлъ, она упала на колѣни и подняла руки къ небу съ выраженіемъ молитвы и покорности, и тогда только полились слезы. Какая незабвенная минута для Карамзина, который это видѣлъ, и какъ бы я дорого далъ, чтобы быть ея свидѣтелемъ. Въ тотъ же день въ вечеру я былъ у нея. Она сидѣла передъ столомъ въ своемъ кабинетѣ; на столѣ двѣ дочери; старшая играла; сынъ подлѣ нея, и она уже была просто матерью, которая какъ будто искала утѣшенія въ томъ, что ея всѣ дѣти были сохранены и съ нею. Слѣды безпокойства душевнаго тихо изображались на лицѣ; но она была таже, какую я видѣлъ во дни спокойные; таже, какую видѣли на кораблѣ во время бури. Какъ при ней не имѣть твердости и чистоты душевной?.. Что же сказать въ заключеніе обо всемъ этомъ ужасномъ происшествіи? Тоже, что́ говоритъ историкъ, описывая вѣка ужасовъ, произведшіе послѣдствія благотворныя. *Хорошо, что они были. Настоящее благо есть плодъ ихъ.* Но мы прожили вѣковой день. Ввечеру его, когда уже миновался этотъ ужасъ, я думалъ, какъ бѣдственно окровавленъ этотъ торжественный день, какое будущее представляется для Россіи, какая первая минута для новаго Императора, какое воспоминаніе для него на цѣлую жизнь, подъ какимъ мрачнымъ покровомъ для него Россія, какая недовѣрчивость должна вселиться въ его сердце! Все было кончено, но утѣшеніе не входило въ душу. Но на другой день совсѣмъ иная мысль. Зачинщики мятежа взяты. День былъ кровавый; но то, что́ произвело его, не принадлежитъ новому царствованію, а должно быть отнесено къ старому. Государь отстоялъ свой тронъ; въ минуту рѣшительную увидѣли, что онъ имѣетъ и умъ, и твердость, и неустрашимость. Отечество вдругъ познакомилось съ нимъ, и надежда на него родилась посреди опасности, устраненной его духомъ. Такое начало обѣщаетъ много. Теперь онъ можетъ утвердиться въ любви народной. На него полагаются, его уважаютъ. Онъ можетъ твердою рукою схватиться за тѣ сокровище, которое Промыслъ открылъ ему въ минуту роковую; онъ можетъ имъ завладѣть на всю жизнь, на утвержденіе трона, для блага Россіи. Будемъ надѣяться лучшаго. Прости. Писать болѣе некогда, хотя бы и много, много еще сказать желалось.—Тѣло покойнаго Императора еще въ Таганрогѣ. Здоровье императрицы Елисаветы, сверхъ всякаго ожиданія, поправляется.

---

[16]) Что̀ касается вашей молодой Императрицы, то теперь я ее знаю. Это женщина заслуживающая удивленія.

*

14*

CXXI.

(Въ первой трети Мая 1826, Петербургъ).

Послѣ меня останется денегъ [1]):

Въ ломбардѣ..............................	5.500
По распискамъ Слёнина и Глазунова........	5.580
	11.580

Изъ нихъ, въ случаѣ моей смерти, уплатить:

Фреймунду Петерсену, состоящему подъ опекою профессора Мойера....................	7.500
Жихареву	2.000
Грефу книгопродавцу...	1.115
Переплетчику Зегельхену...................	406
Миллеру въ Голландской лавкѣ близь Грефа...	200
Фрезе въ Большой Морской.................	100
	11.331

Останусь долженъ Перовскому [2]) 400 рублей, за которые выдать ему книгами.

Все прочее друзьямъ по рукамъ, то-есть оставляю все Александрѣ Андреевнѣ [3]). Дать ей на выборъ, что̀ кому отъ меня подарить на память. В. Жуковскій.

CXXII.

2 (14) (Іюня 1826, Гамбургъ).

Здравствуй, милый другъ! Я писалъ уже изъ Эльница къ Сашѣ. Надѣюсь, что она мое порученіе исполнила и всѣхъ васъ увѣдомила о благополучной моей высадкѣ. Морское путешествіе мое было благополучно, хотя не совсѣмъ скорое: я провелъ на морѣ десять дней [1]). Въ Копенгагенѣ долженъ былъ прожить цѣлую недѣлю въ ожиданіи парохода, который ходитъ одинъ только разъ въ недѣлю изъ Копенгагена въ Любекъ. Въ 24 часа совершилось это плаваніе. Въ Любекѣ я пробылъ не болѣе полудня и по ужаснѣйшей дорогѣ переѣхалъ въ

---

[1]) Записка эта писана незадолго до отъѣзда Жуковскаго за границу въ 1826 году Выѣхалъ Жуковскій изъ Петербурга 11 Мая.

[2]) Василію Алексѣевичу Перовскому, впослѣдствіи графу и Оренбургскому военному губернатору, (р. 1795 † 1857), который находился въ тѣсной дружбѣ съ Жуковскимъ. Біографическія свѣдѣнія о графѣ В. А. Перовскомъ см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1878 г., книга первая, стр. 373—374.

[3]) Воейковой, которая ниже названа Сашей.

*

[1]) Выѣхавъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ 11 Мая, Жуковскій пріѣхалъ въ Копенгагенъ 22 Мая. 28 Мая, въ 9 часовъ утра, онъ покинулъ Копенгагенъ и на слѣдующій день въ 10 часовъ утра былъ въ Любекѣ. 29 Мая Жуковскій выѣхалъ въ Гамбургъ. („Ужаснѣйшая дорога по песку и камнямъ“, записалъ онъ въ своемъ дорожномъ дневникѣ 1826 года).

Гамбургъ: это путешествіе, въ которомъ 15 часовъ я употребилъ на переѣздъ 8-ми миль, утомило меня болѣе морскаго. Я теперь отдыхаю въ Гамбургѣ, гдѣ покупаю себѣ экипажъ: нашелъ прекрасный Оффенбахскій дормёзъ, который продается за дешевую цѣну, и, кажется, рѣшусь взять его.—Чтó то у васъ дѣлается? Напиши сколько возможно подробнѣе и обо всемъ. Отъ Кутузовой, которую видѣлъ въ Любекѣ, я слышалъ о пенсіонѣ Карамзина; увѣдомь обстоятельно и пришли копіи съ рескрипта и указа [2]). Опиши какъ можно подробнѣе его теперешнее состояніе, каковъ онъ самъ и чтó его поѣздка [3]). И ты и онъ два больные, которыхъ болѣзнь тяжело гнететъ мое сердце. Пріѣхалъ ли Вяземскій, и поѣдетъ ли съ нимъ вмѣстѣ?—О своемъ здоровьѣ скажу одно только доброе. Отъ прежняго осталась во мнѣ одна только слабость: не могу много ходить и все также тяжело всходить на лѣстницу. Но уже гляжу не мертвецомъ, лицо порасцвѣло, и изнурительное кровотеченіе совершенно прекратилось. Весьма надѣюсь на Эмсъ.—Ѣду отсюда завтра, черезъ Кельнъ, но не прямо (ибо дорога тяжкая, а я боюсь усталости), а на Гановеръ, Геттингенъ и Кассель. Изъ Касселя уже поверну въ Кельнъ. Это нѣсколькими милями далѣе, но покойнѣе. Вездѣ есть шоссе.—Прости, милый! Прошу тебя написать къ Сергѣю Ивановичу [4]) обо мнѣ. Желаю имѣть объ немъ извѣстіе и постараюсь найти способъ съ нимъ увидѣться. Ж.

Если Вяземскій въ Петербургѣ, то попроси его ко мнѣ написать. Я теперь пишу мало, но изъ Эмса буду писать болѣе. Побывай за меня у Карамзиныхъ: всѣмъ почтительнѣйшій поклонъ. У Николая Михайловича цѣлую его руку съ чувствомъ любви сыновней и въ глубинѣ души прошу ему благословенія отъ Бога.—Обними Блудова и Дашкова; буду ко всѣмъ писать изъ Эмса.

Скажи Полетикѣ [5]), когда его увидишь, что я искалъ для него и

---

[2]) Извѣстные рескриптъ императора Николая I-го Карамзину отъ 13 Мая 1826 и указъ отъ того же числа министру финансовъ о производствѣ ему пенсіона по 50 тысячъ рублей въ годъ. И. Б. Пенсія безпримѣрная (ее получала и недавно скончавшаяся дочь Карамзина Елисавета Николаевна). Въ назначеніи ея, безъ сомнѣнія, дѣйствовало и внушеніе Жуковскаго. П. Б.

[3]) Предполагавшаяся поѣздка Карамзина за границу не состоялась; онъ скончался 22 Мая 1826 года.

[4]) Тургеневу, младшему изъ четырехъ братьевъ

[5]) Петръ Ивановичъ Полетика (р. 1778 † 1849) сначала служилъ въ военной службѣ, но въ 1798 году перешелъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Позднѣе онъ былъ представителемъ Россіи въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Въ 1825 году онъ былъ назначенъ сенаторомъ и поселился въ Петербургѣ. Полетика, хотя и не занимался Русскою литературою, но находился въ близкихъ отношеніяхъ съ кружкомъ Карамзина и былъ избранъ въ члены „Арзамаса“, гдѣ онъ носилъ прозвище „Очарованный челнъ“, вслѣдствіе многолѣтнихъ странствованій своихъ по Европѣ и Америкѣ. Онъ часто упоминается въ Запискахъ А. О. Смирновой. О П. И. Полетикѣ см. краткія свѣдѣнія въ сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 722-723. Его воспоминанія напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1885 года (III, 305).

въ Копенгагенѣ, и въ Гамбургѣ Луденову книгу [6]), но объ ней никто не зналъ. Вышли только два первыхъ тома его исторіи Германцевъ [7]). Если найду, доставлю.

На 2-мъ полулистѣ слѣдующій *адресъ*: Александру Ивановичу Тургеневу. Прошу Константина Яковлевича Булгакова отдать это письмо, а его самого дружески обнимаю.

CXXIII.

(Въ послѣднихъ числахъ Іюня 1826, Эмсъ).

Не умѣю изъяснить твоего молчанія и не могу никакъ съ нимъ помириться. Ни ты, ни Вяземскій не вспомнили обо мнѣ въ минуту несчастія! Но я не хочу обвинять, когда надобно вмѣстѣ плакать. Вы вѣрно ко мнѣ писали; куда дѣлись письма и какъ они могли не дойти ко мнѣ, не понимаю. Вообрази мое положеніе — узнать изъ газетъ, что Карамзина нѣтъ на свѣтѣ. И вотъ все, что́ я знаю! Но что́ сдѣлалось съ ними? И какъ это бѣдствіе на нихъ грянуло? Каково это воображать и не имѣть ни откуда помощи! Его я проводилъ серцемъ въ лучшую жизнь, уже покидая Россію. Объ немъ могу думать, какъ объ ангелѣ, котораго только лице для меня закрылось. Но сердце его никогда не потеряетъ. Онъ былъ другомъ-отцемъ въ жизни; онъ будетъ тѣмъ же и по смерти. Бо́льшая половина жизни прошла подъ свѣтлымъ вліяніемъ его присутствія. Отъ этого присутствія нельзя отвыкнуть. Карамзинъ—въ этомъ имени было и будетъ все, что́ есть для сердца высокаго, милаго, добродѣтельнаго. Воспоминаніе объ немъ есть религія. Такія потери могутъ дѣлать равнодушнымъ только къ житейскому счастію, а не къ жизни. Кромѣ счастія есть въ жизни должность. Тутъ мысль объ немъ есть подпора,—передъ глазами ли онъ, или только въ сердцѣ. Онъ живъ, какъ вѣра въ Бога, какъ добродѣтель. Его потерять нельзя,—лишь только надобно быть достойнымъ его. Но что́ они? Неужели мнѣ еще долго не имѣть извѣстія? Не понимаю, какъ я могъ его не имѣть. И не могу рѣшиться подумать, чтобы вы могли забыть обо мнѣ при такомъ несчастіи. Я въ Эмсѣ останусь еще три недѣли, до перваго Августа новаго стиля. Успѣешь ли въ это время получить мое письмо и отвѣтить на него, не знаю. Но неужели надобно было дожидаться письма моего, чтобы писать ко мнѣ? Развѣ вы не знали, что я ѣду въ Эмсъ? И развѣ нельзя было написать ко мнѣ прямо въ Эмсъ poste restante? Во всякомъ случаѣ напиши уже въ отвѣтъ на это письмо прямо въ Эгру poste restante. Въ Эгрѣ буду около половины Августа н. с.—Гдѣ онъ погребенъ? На кладбищѣ или въ церкви? Если на кладбищѣ, то надобно купить поболѣе мѣста около гроба. Надобно украсить это мѣсто. Похлопочи объ этомъ.—Прости. Въ Петербургѣ ли Вяземскій? Обнимаю его съ сокрушеннымъ сердцемъ. Неужели онъ имѣлъ несчастіе пріѣхать поздно? Напишите, ради

[6]) Генрихъ Луденъ (р. 1780 † 1847), историкъ и профессоръ въ Іенѣ. Какое именно его сочиненіе нужно было Полетикѣ, изъ письма не видно.

[7]) „Die Geschichte des Deutschen Volks" Лудена вышла въ Готѣ, въ 1825—1837 гг., въ 12 томахъ.

*

Бога, какъ можно подробнѣе. Чтó думаютъ они дѣлать съ собою? Остаться ли въ Петербургѣ или уѣхать, и куда? Я бы желалъ, чтобы они переѣхали въ Дерптъ для дѣтей. Тамъ найдутъ хорошихъ учителей. Воспитаніе дѣтей будетъ занятіемъ достойнымъ его памяти, но не разсѣяніемъ. Мое здоровье поправляется.

Адресъ: „Александру Ивановичу Тургеневу. Можешь отвѣтъ на это письмо адресовать и на имя Сергѣя Ивановича въ Дрезденъ; я увѣдомлю его, куда ко мнѣ доставить".

CXXIV.

3 (15) Іюля (1826, Эмсъ).

Я получилъ письмо твое, милый братъ, писанное съ Зейдлицемъ [1]). Читалъ его съ чувствомъ горестнымъ. Въ немъ Карамзинъ еще живъ. Оно заставило меня въ глубинѣ души пожалѣть о потерянной минутѣ свиданія и разлукѣ. Но я не раскаяваюсь, что простился съ нимъ. Жалѣю, какъ потеряннаго блага въ воспоминаніи, что не могъ слышать его отпускнаго слова, что не могъ принять его благословеніе, которое принялъ бы на колѣняхъ, цѣлуя его руку. Но я этого прощанія боялся за него: надобно было беречь его исчезающія силы; всякое необыкновенное движеніе души приближало къ нему смерть. Теперь всѣ земные страхи миновались. Благословенно мѣсто, которое освящено его милымъ прахомъ. Это храмъ нашъ. Вотъ, милый братъ, ты мучился мыслію, что твое возвращеніе въ Петербургъ [2]) было безполезно. Нѣтъ! Благодари Бога, что ты былъ въ Петербургѣ. Пусть будетъ для тебя въ настоящемъ общемъ нашемъ несчастіи, въ страданіи за брата [3]), подкрѣпленіемъ мысль, что Провидѣніе привело тебя къ смертной постели Карамзина. Ты былъ подпорою его семейства, ты положилъ его въ гробъ, ты способствовалъ къ услажденію его послѣднихъ минутъ въ здѣшнемъ свѣтѣ. Вѣчное воспоминаніе! Я еще ничего не знаю о подробностяхъ нашего несчастія, но имѣю причину быть спокойнѣе на счетъ оставшихся. Вчера получилъ письмо отъ Перовскаго, который увѣдомляетъ меня, что они всѣ въ Ревелѣ съ Вяземскимъ. Итакъ, Богъ сохранилъ ихъ. Не утѣшенія имъ надобно—на чтó утѣшеніе! Горесть объ немъ, лишь бы только она была не убійственною для жизни, есть драгоцѣнное благо. О, какую благодѣтельную скорбь по себѣ онъ имъ оставилъ на всю жизнь! Все, чтó объ немъ говоритъ, все увлекаетъ прямо къ Богу, все убѣждаетъ въ безсмертіи, все проповѣдуетъ добродѣтель. Онъ остался между ими ангеломъ невидимымъ, но навсегда неразлучнымъ. Жаль только меньшихъ сыно-

---

[1]) Карломъ Карловичемъ Зейдлицемъ, извѣстнымъ врачемъ; въ старости онъ написалъ біографію Жуковскаго

[2]) Изъ заграничнаго путешествія, предпринятаго для свиданія съ больными братьями.

[3]) Будучи въ началѣ 1826 года въ Англіи, вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ Тургеневымъ, А. И. Тургеневъ узналъ, по письмамъ изъ Россіи, что имя Н. И. Тургенева замѣшано между именами лицъ, участвовавшихъ въ возмущеніи 14 Декабря 1825 года, и поспѣшилъ отправиться въ Россію, чтобы выяснить дѣло и имѣть въ рукахъ достовѣрныя свѣдѣнія. Въ силу манифеста 1 Іюня 1826 года, Н. И. Тургеневъ, находившійся въ то время за границею, былъ преданъ, въ числѣ другихъ лицъ, Верховному Уголовному Суду.

вей [4]): они его не знали. Но и для нихъ, когда начнутъ себя чувствовать, какое воспитаніе въ преданіи объ отцѣ ихъ! Сохрани только Богъ жизнь матери. Надѣюсь, что ея твердость одержитъ верхъ надъ бѣдствіемъ. Я страшился за нее первыхъ минутъ. Теперь она вѣрно уже поняла величіе своего несчастія.—Сообщаю тебѣ и другое извѣстіе, полученное отъ Перовскаго: Саша 11-го числа Іюня родила дочь [5]) и благополучно. Можетъ-быть, ты въ это время былъ еще въ Петербургѣ; слѣдственно эта радость для тебя не новость. Пишу къ тебѣ въ Дрезденъ [6]) и посылаю первое письмо мое, которое у меня залежалось; по словамъ Зейдлица, ты долженъ быть теперь въ Дрезденѣ. Увѣдомь немедленно и скорѣе, но болѣе подробностей о Сергѣѣ [7]). Впрочемъ Зейдлицъ ничего такого не сказалъ мнѣ объ немъ, чтó могло бы стеревожить на счетъ его здоровья. Но я радъ душевно, что ты въ Дрезденѣ. Чтó тебѣ теперь дѣлать въ Россіи? Будемъ вмѣстѣ благодарны Богу, что Николай [8]) теперь далеко. Теперь ты долженъ самъ видѣть, что въ настоящую минуту нѣтъ возможности ничего въ пользу вго сдѣлать. Оставимъ это для будущаго. Береги Сергѣя. Въ Дрезденѣ будешь объ немъ, т. е. Н(иколаѣ), имѣть вѣрнѣйшія и частыя извѣстія. Между тѣмъ твоя поѣздка въ Россію была не безполезна и для него. Въ будущемъ не представляется мнѣ еще ничего яснаго. Но изъ всѣхъ насъ я остался на сценѣ. Я и самъ жалѣю брата, какъ ты. Буду сторожемъ, буду высматривать благопріятныя минуты и всѣмъ, чтó представится, воспользуюсь. Вотъ единственная въ глазахъ моихъ выгода теперешняго моего положенія, относительно ко мнѣ. Главная цѣль моя есть моя дѣятельность; никакихъ собственныхъ выгодъ съ нею не соединяю. Теперь уже мнѣ для себя желать нечего. Я не имѣю права желать. Государь же болѣе того, чтó для меня сдѣлалъ, уже никогда мнѣ сдѣлать не можетъ: онъ допустилъ меня принять участіе въ такомъ дѣлѣ, воспоминаніе о которомъ останется благомъ на весь остатокъ жизни. Ты понимаешь, о чемъ я говорю [9]). Чтó жъ мнѣ теперь остается собственно для себя? Надежда быть чѣмъ-нибудь для тебя. Исполненіе этой надежды предпочту всему на свѣтѣ. Плановъ, какъ ее исполнить, дѣлать теперь нельзя; но она есть въ сердцѣ: это уже добро. Будемъ, съ довѣренностью къ Провидѣнію, всѣ вмѣстѣ, хранителями Николая. Не прибавляйте только новой тяжести къ его судьбѣ, которую онъ снесетъ своею крѣпкою душой, если только увидитъ, что ваша ему товарищъ. На его твердость положиться можно: храните ее вашею; вотъ теперешняя ваша дѣятельность.—Я пробуду въ Эмсѣ до конца Іюля или до начала Августа. Отдохнувъ послѣ ваннъ, поѣду въ

[4]) Александра Николаевича (р. 1816) и Владимира Николаевича (р. 1819 † 1879).

[5]) Марію Александровну, нынѣ графиню Бреверпъ.

[6]) А. И. Тургеневъ снова уѣхалъ за границу въ Іюлѣ 1826 года.

[7]) О С. И. Тургеневѣ, въ которомъ стали замѣчаться признаки умственнаго разстройства и который скончался въ Іюнѣ слѣдующаго 1827 года въ Парижѣ.

[8]) Николай (какъ вездѣ и въ дальнѣйшихъ письмахъ)—Н. И. Тургеневъ.

[9]) Избраніе Жуковскаго Государемъ Николаемъ Павловичемъ въ наставники Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича.

*

Эгру, слѣдовательно къ вамъ. Увижусь съ вами прежде или послѣ лѣченія, которое въ Эгрѣ продолжится недѣли три. Увѣдомьте только подробнѣе, гдѣ мнѣ найти васъ. Можетъ-быть, мнѣ будетъ [возможно?] и прежде Эгры васъ увидѣть Вы еще успѣете написать ко мнѣ въ Эмсъ. Простите, милые братья. Удивлюсь, что̀ сдѣлалось съ Петербургскими письмами, которыя вѣрно были ко мнѣ писаны. Напиши во всякомъ случаѣ о томъ, какъ все случилось Ж.

CXXV.

Эмсъ, 23 Іюля (4 Августа) (1826).

Обнимаю васъ, милые братья; надѣюсь, что вы теперь вмѣстѣ, и жду отъ васъ письма въ Эгру. Завтра уѣзжаю изъ Эмса *) и буду въ Эгрѣ 15-го числа. Мое здоровье поправилось, желтизна покинула мое лицо, и розы на немъ опять показались. Я хотѣлъ писать къ тебѣ, любезный Сергѣй, тотчасъ по полученіи твоего письма; но маленькое происшествіе помѣшало мнѣ. Въ моей горницѣ сдѣлалось наводненіе, и я тотчасъ долженъ былъ перебраться на другую квартиру. Мнѣ отвели комнату подъ кровлею въ Kurhaus. Жаръ сдѣлался несносный, такъ что рука не могла за перо приняться, и я промедлилъ нѣсколько дней отвѣтомъ. Ты пишешь, что Александръ писалъ ко мнѣ большое письмо передъ отъѣздомъ; я не получилъ его. Благодаря Козлову, теперь имѣю довольно подробныя извѣстія о томъ, что̀ было въ Петербургѣ. Его письмо меня успокоило и на счетъ Саши. Теперь радуюсь скорымъ свиданіемъ съ вами. Пишите ко мнѣ въ Эгру poste-restante. Мнѣ же теперь болѣе писать некогда. Изъ Эгры увѣдомлю васъ о себѣ. Тамъ же расположимъ, въ какое время и гдѣ свидѣться. Ж.

Адресъ: A monsieur, monsieur de Tourguénef à Marienbad.

CXXVI.

Середа, (18 (30) Августа 1826, Францбруннъ).

Посылаю вамъ письма, полученныя мною вчера ввечеру. Хотѣлъ было, съ позволенія Александра Ивановича, распечатать письмо, полученное на его имя, но почеркъ мнѣ незнакомый; по штемпелю оно должно быть откуда-то изъ Саксоніи. Любопытство мое было не слишкомъ сильно, и я не тронулъ печати. Если бы письмо было отъ Николая, то я бы его прочиталъ; но рука, кажется, не его. Въ этотъ же вечеръ получилъ я письмо отъ Саши отъ 29 Іюля. Она здорова. Екатерина Аѳанасьевна [1]) еще съ нею. А новостей никакихъ не пишетъ. Безъ васъ стало у меня очень пусто. Но нечего дѣлать; надобно исполнять свою должность: домыться до опредѣленнаго срока [2]). Я возь-

---

*) Изъ Эмса Жуковскій выѣхалъ 24 Іюля (5 Августа).

[1]) Протасова.

[2]) Въ Францбруннъ Жуковскій прибылъ 3 (15) Августа 1826 года и съ 6 Августа сталъ брать ванны.

му еще 5 ваннъ, слѣдовательно, пробуду здѣсь до Понедѣльника. Въ Понедѣльникъ, если докторъ не остановитъ, рано по утру отправляюсь. Ночую въ Карлсбадѣ. Во Вторникъ буду въ Теплицѣ. Въ Среду къ вечеру пріѣду въ Дрезденъ, ибо надобно будетъ остановиться въ Пирнѣ [3]). Не знаю, найду ли вашу квартиру (я забылъ записать), но спрошу у Боссанжа [4]). Я думаю, что вы нынче ввечеру будете на мѣстѣ. Вчера день былъ весьма благопріятный для путешествія, и вы вѣрно ночевали въ Теплицѣ. Твое письмо меня душевно обрадовало, другъ Александръ. Я и не сомнѣвался, что Сергѣю будетъ лучше; его болѣзнь нисколько меня не пугаетъ, но радъ объ этомъ слышать. Еще болѣе радъ за себя тому, что ты объ немъ пишешь. Моей любви къ нему также увеличиться нельзя: я люблю его чистую, высокую, младенчески-непорочную душу; но послѣдніе дни усилили мое къ нему уваженіе: это не несчастіе—то, что̀ мы видѣли; это опытъ, въ которомъ душа обнаруживается и твердѣетъ. Мнѣ было точно сладостно видѣть его силу надъ собою и въ тоже время его жаркое чувство религіи въ такую минуту, въ которую можно ослабѣть духомъ. Итакъ, эта минутная болѣзнь есть новое добро Провидѣнія: она была только сильнѣйшимъ поводомъ возвыситься къ Богу и къ вѣрѣ въ Бога. А для насъ съ тобою новое знакомство съ душою брата: онъ доказалъ, что имѣетъ твердость необыкновенную, а источникъ этой твердости есть нѣжность сердца, способнаго любить и вѣрить. Простите. Сейчасъ былъ у меня докторъ. Ему хочется, чтобы я взялъ по крайней мѣрѣ двадцать ваннъ Но это будетъ зависѣть отъ погоды. Рѣшимъ въ Воскресенье. А ты, братъ, все таки пиши. Жуковскій.

Ѳедоръ [5]) умнѣе насъ Онъ сказалъ, что писать къ Соймонова людямъ не о чемъ; ибо они отвѣта никакого дать не могутъ. Контесса [6]) же вѣроятно поѣхала не на Карлсбадъ, ибо есть другая кратчайшая дорога. Увѣдомьте.

Адресъ: A monsieur, monsieur de Tourguèneff à Dresde. Recommandé aux soins obligeants de m-r Bassange et Comp.—Почтовой штемпель: Franzbrunn.

---

[3]) Отъѣздъ изъ Францбрунна Жуковскому пришлось отложить на нѣсколько дней, см. слѣдующее письмо № CXXVII. Какъ видно изъ его дорожнаго дневника, онъ выѣхалъ изъ Францбрунна 26 Августа (7 Сентября), въ тотъ же день былъ въ Карлсбадѣ, 28-го былъ въ Теплицѣ и Пирнѣ (чтобы получить извѣстіе о К. Н. Батюшковѣ; въ дневникѣ стоитъ: „Пирна. У Батюшк.“ т. е. у Батюшковой, Александры Николаевны).

[4]) Банкиръ въ Дрезденѣ.

[5]) Слуга Жуковскаго.

[6]) Графиня Генріетта Разумовская, рожденная Мальсенъ (изъ Нѣмецкихъ провинцій Франціи), была женою графа Григорія Кирилловича Разумовскаго (р. 1758 † 1837) извѣстнаго сочиненіями по минералогіи (на Французскомъ языкѣ). Графъ Г. К. Разумовскій вскорѣ послѣ женитьбы покинулъ свою супругу (въ 1793 году) и женился въ 1806 году на другой (баронессѣ Шенкъ-де-Кастель). Начался процессъ, обѣ супруги пріѣзжали въ Петербургъ, Св. Синодъ призналъ первый бракъ законнымъ, и за графинею Генріеттою былъ утвержденъ ея титулъ. Покинувъ Петербургъ, графиня Генріетта Разумовская основалась въ Парижѣ и съумѣла окружить себя самыми примѣчательными и лучшими

CXXVII.

Воскресенье (22 Августа (3 Сентября) 1826, Францбруннъ).

Я по повелѣнію доктора долженъ еще взять 4 ванны, слѣдовательно, кончу свой курсъ не прежде, какъ въ Середу, и выѣду въ Четвергъ рано поутру; прежде Субботы меня не ждите. Вчера отправилъ роковое письмо въ Москву [1]). Что-то велятъ?

Реестръ книгъ не посылаю, ибо это не нужно. Прошу васъ отыскать Клару [2]). Объ немъ можно освѣдомиться въ домѣ Левенштерна. Онъ живетъ bei m-e Wohtmann, ohnweit der Pirnaschen Pforte an der Neuen Anlage.—Простите, до скораго свиданія. Жуковскій.

CXXVIII.

5 Августа (1827, Эмсъ).

Вотъ письма отъ Разумовской и брата: спѣшу послать ихъ. Письмо Николая по обыкновенному трогательное и возвышенное. Его минуты глубокой печали не тревожатъ меня; напротивъ, я болѣе люблю находить въ немъ это тихое ощущеніе невозвратной потери: оно есть жизнь; мучительная жизнь, правда, но въ тоже время какъ-то достойная души его. Она гораздо лучше той апатіи, о которой онъ иногда говоритъ. Онъ теперь пересталъ мечтать, и тѣмъ лучше; мечтательность есть тревога. Онъ теперь только размышляетъ, и душа непримѣтно богатѣетъ. Но ты самъ можешь изъ писемъ его замѣтить, что мысль о тебѣ становится для него часъ отъ часу и живѣе, и животворнѣе. Она заступаетъ мѣсто Сергѣя. Въ своемъ одиночествѣ имѣетъ онъ будущее, и не нужно слишкомъ тревожиться о томъ, когда это

людьми тогдашней Франціи. Она была въ дружескихъ отношеніяхъ съ графомъ Каподистріа, а для Тургеневыхъ была какъ бы сестрою. На ея рукахъ умеръ С. И. Тургеневъ; она принимала близко къ сердцу и судьбу Н. И. Тургенева. Черезъ Тургеневыхъ познакомился съ этою замѣчательною женщиною и Жуковскій. Скончалась гр. Генріетта Разумовская въ Парижѣ 17 Декабря н. с. 1827 года (о ней см. въ трудѣ А. А Васильчикова „Семейство Разумовскихъ, т. II (Спб. 1880), стр. 183—218). Въ дальнѣйшихъ письмахъ Жуковскаго къ Тургеневу 1826 и 1827 гг., гдѣ, говорится о графинѣ, слѣдуетъ подъ нею разумѣть графиню Генріетту Разумовскую.

*

[1]) Въ дорожномъ дневникѣ Жуковскаго подъ Вторникомъ 17 (29) Августа записано: „Писалъ письмо", а подъ Субботою 21 Августа (2 Сентября): „Отправилъ письмо". (т. е. къ Государю или къ Государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ; вѣроятно о продленіи отпуска) Это были дни коронаціи Николая).

[2]) Живописецъ Клара (Klara), пользовавшійся покровительствомъ Жуковскаго и которому императоръ Николай разрѣшилъ въ 1826 году сопровождать Жуковскаго за границу. Объ этомъ Кларѣ см. въ письмахъ Жуковскаго 1826 и 1827 гг. къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 276—277 и 284) и въ письмахъ его къ Е. Г. Пушкиной 1827 и 1828 гг. (тамъ же, стр. 491 и 492—493).

*

будущее настанетъ; хорошо, что онъ его имѣетъ. При немъ грусть о Сергѣѣ и размышленіе—довольно. Чтó Разумовская пишетъ о гр. Д. С. [1]) кажется мнѣ справедливымъ. Мы вчера съ нею долго разговаривали, и то, чтò я прочиталъ въ письмѣ Разумовской, для меня подтвердилось. Каковъ ты? Я очень понимаю, что для тебя было страшно пусто въ твоей коляскѣ, такъ же, какъ и мнѣ въ моей комнатѣ [2]); но ты ѣдешь съ цѣлію; нечего думать о томъ, чтó подлѣ и вокругъ; надобно впередъ.

Чтобъ не забыть, чтó говорилъ Штейнъ [3]) въ послѣдній разъ. Вотъ его слова: надобно просить Государя только о томъ, чтобы избралъ людей, кои бы разсмотрѣли доставленную бумагу брата и сравнили ее съ показаніями, на коихъ основано осужденіе. Сей бумаги достаточно для опроверженія. Вотъ единственное, на чемъ настоять надобно и о чемъ просить. О требованіи новаго суда ни слова. Надобно сказать, что сія бумага замѣняетъ лицо брата, что онъ самъ болѣе того, чтò въ ней, сказать, не можетъ и что ее можно принять вмѣсто него [4]).

Сюда пріѣхалъ Мятлевъ, безъ всякой надежды. Злая чахотка. Онъ въ нѣсколько дней, а, можетъ быть, часовъ кончитъ жизнь. Стоило труда покидать своихъ и плыть по бурному морю!

Прости. Присылай мнѣ выписки изъ писемъ брата или отдай ихъ въ Лейпцигѣ. И изъ того также, которое теперь послалъ. Хорошъ ты! Забылъ прислать сигары. Ж.

Обними Пушкиныхъ [5]).

CXXIX.

(Въ Августѣ 1827, Эмсъ).

Посылаю тебѣ письмо Николая, которое доставила мнѣ графиня Разумовская. Она пишетъ очень мало, и пишетъ изъ дома Гизо. М-е Guizot кончила здѣшнюю жизнь [1]). Жалѣю особенно о нашей милой

---

[1]) О графинѣ Десеръ.

[2]) Вотъ что писалъ А. И. Тургеневъ Н. И. Тургеневу изъ Эмса отъ 3 Августа 1827 года: „... Я наконецъ рѣшился выѣхать отсюда въ 3 часа съ Жук., обѣдать у Ш. и изъ Нассау, куда въ 7 час. пріѣдетъ моя коляска съ Никитой, ѣхать далѣе, простившись съ Ж. и Шт.. .“ (см. Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу, стр. 61).

[3]) Знаменитый политическій дѣятель Германіи баронъ Штейнъ, при которомъ служилъ Н. И. Тургеневъ (въ 1813-1815), когда тотъ находился въ нашей службѣ.

[4]) Небольшой отрывокъ изъ этого письма со словъ „Чтобъ не забыть“ и кончая словами: „можно принять вмѣсто него“ напечатанъ въ Письмахъ А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу, стр. 69. а отсюда перепечатанъ въ Сочин. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 412—413.

[5]) Вдову Алексѣя Михайловича Пушкина, Елену Григорьевну, которая жила въ это время въ Дрезденѣ съ своими дочерьми (см. письма къ ней Жуковскаго въ Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 477—495).

*

[1]) Полина Гизо, рожденная Meulan (р. 1773), первая жена знаменитаго историка, скончалась 1 Августа н. с. 1827 года. Она особенно извѣстна своими педагогическими сочиненіями, изъ которыхъ главное „Lettres sur l'éducation“ вышло за годъ до ея кончины.

графинѣ: она потеряла лучшаго друга. И изъ этого письма Николая можешь ты мнѣ много выписать. Какъ трогательна его безпрестанная тоска о Сергѣѣ! Она доводитъ его до апатіи. Это состояніе также тяжело, какъ отчаяніе; и неизбѣжно съ такимъ характеромъ, какъ его; но я увѣренъ, что оно временное. Графиня въ своемъ письмѣ говоритъ о какомъ то paillatif, которое придумали для Николая, но обѣщаетъ прислать его въ слѣдующемъ письмѣ.

Нынче мы похоронили Мятлева, который умеръ вчера въ 4 часа поутру.

Сейчасъ пріѣхалъ братъ Алины [2]). Прости. Я пробуду здѣсь не до 26, а до 19 или 20 [3]). Хочется прежде заглянуть на берега Мозеля: говорятъ, живописны. Въ Лейпцигѣ буду вѣроятно 31 Августа или 1 Сентября. Располагайся по этому. Жду твоего письма изъ Дрездена.

CXXX.

17 (29) Сентября (1827, Берлинъ).

Я ждалъ Саши [1]) и потому не писалъ къ тебѣ, милой другъ. Она пріѣхала тому уже три дни. Слаба очень, бокъ болитъ безпрестанно, часто кашляетъ; но кровью не харкаетъ. Не смотря на все это, я нашелъ ее лучше, нежели какъ воображалъ. Лицо очень хорошо. Похудѣла, но не столько, какъ я думалъ. Ѣдетъ покойно и очень хорошо выдерживаетъ дорогу. Однимъ словомъ, я надѣюсь на это путешествіе; страшатъ меня однѣ только возможности; но онѣ вездѣ есть, и вездѣ равно страшны, и Богъ вездѣ. Она пробудетъ еще три дни въ Берлинѣ. Провожу ее до Потсдама.

Ты, я думаю, теперь уже знаешь о рожденіи Великаго Князя Константина. Это великое, важное, радостное происшествіе. Есть при немъ и для насъ авось. Боже мой, если бъ въ эту минуту нашелся человѣкъ съ душой и съ языкомъ—онъ бы много добра сдѣлалъ. Я увѣренъ, что въ сердцѣ Государя на все доброе есть всегда готовый отголосокъ. Гдѣ ты теперь? Чтò пишетъ братъ? Гдѣ графиня? Не переставай присылать мнѣ выписокъ изъ братниныхъ писемъ [2]); а въ первомъ письмѣ, которое адресуй уже въ Петербургъ на имя Булгакова или въ Зимній Дворецъ, увѣдомь, куда писать къ графинѣ.

Здѣсь теперь два графа Строгановы. Извѣстіе о рожденіи Вели-

---

[2]) Подъ Алиною разумѣется княжна Александра Петровна Волконская (дочь фельдмаршала кн. П. М. Волконскаго), впослѣдствіи Дурново. У нея было два брата: князья Дмитрій и Григорій Петровичи.

[3]) Жуковскій выѣхалъ изъ Эмса 16 (28) Августа, а въ Лейпцигъ прибылъ 7 (19) Сентября 1827 года, въ ночь на 8-е.

*

[1]) А. А. Воейкова была больна чахоткою, и доктора послали ее за границу.

[2]) Отрывокъ изъ этого письма отъ словъ „Ты, я думаю, уже знаешь“ и кончая словами „выписокъ изъ братниныхъ писемъ“, напечатанъ въ Письмахъ А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу, стр. 206 - 207, а отсюда перепечатанъ въ Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 413.

каго Князя [3]) привезъ Алексѣй Лобановъ [4]). Также и Голицыны пріѣхали третьяго дни. Я пробуду здѣсь еще недѣлю; поѣду дни три послѣ Саши. Мою записку [4]) почти переписалъ и постараюсь дописать еще здѣсь, чтобы быть по пріѣздѣ наготовѣ. Многое поправилъ. Но признаюсь, чѣмъ ближе къ возврату, тѣмъ менѣе вѣроятнымъ становится успѣхъ. То, что́ ясно и убѣдительно здѣсь, то теряетъ свою убѣдительность тамъ: ибо для вѣры или убѣжденія нужна готовность, а тамъ всѣ предубѣжденія противъ, и самая простая, ясная истина покажется сумашествіемъ.

Прости. Буду писать тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ.

Ты требуешь отъ меня Донесенія Слѣдственной Коммиссіи. Его у меня нѣтъ. Изъ Петербурга же послать можно будетъ развѣ только съ курьеромъ. Ж.

Адресъ: A son excellence monsieur Tourguéneff, conseiller d'état actuel au service de Sa Majesté l'Empereur de Russie à Berne (потомъ зачеркнуто и написано: Genève) en Suisse. Почтовые штемпели: а) Berlin 30 (9); б) Genève 12 8-bre 1827.

CXXXI.

9 Октября н. с. (1827, Берлинъ).

Сейчасъ ѣду изъ Берлина. Саша отправилась тому дней шесть и была порядочно. Пиши ко мнѣ. Я напишу тотчасъ по пріѣздѣ. Тотчасъ увижу Строганова, и съ нимъ смолвлюсь, и увѣдомлю тебя, если есть что-нибудь сдѣланнаго. Гдѣ ты? Присылай выписки изъ Николаевыхъ писемъ и самъ пиши. Обнимаю тебя братски. Жуковскій.

CXXXII.

Дерптъ, 13 (25) Октября (1827).

Я еще въ Дерптѣ, милой другъ. Нынче ѣду въ Петербургъ и завтра въ вечеру или въ ночь надѣюсь быть. Напишу къ тебѣ немедленно, но ничего важнаго сообщить не надѣюсь. Государь 14 числа уѣзжаетъ изъ Петербурга. Слышно, что ѣдетъ въ Дюнабургъ; но неизвѣстно, куда оттуда и долго ли пробудетъ въ отсутствіи. И такъ не жди никакихъ особенныхъ новостей. Жихарева въ Петербургѣ не застану; но, вѣроятно, увижусь съ его женою и съ нею поговорю о твоемъ дѣлѣ. Увѣдомлю, если узнаю отъ нея что-нибудь интереснаго и для насъ важнаго. Мнѣ очень больно, что возвращаюсь къ отъѣзду Государя: это будетъ мнѣ большою остановкою во всемъ. Я промед-

---

[3]) Великаго Князя Константина Николаевича.

[4]) Вѣроятно, князь Алексѣй Яковлевичъ Лобановъ-Ростовскій (р. 1795 † 1848), бывшій потомъ генералъ-адъютантомъ. Въ это же время былъ живъ князь Алексѣй Александровичъ Лобановъ-Ростовскій (р. 1787 † 1848).

[5]) Записку императору Николаю Павловичу по дѣлу Н. И. Тургенева, нынѣ напечатанную въ 9-й тетради „Русскаго Архива“ 1895 года.

[6]) Жуковскій и Тургеневъ надѣялись, что графъ Г. А. Строгановъ заявитъ правительству о невиновности Н. И. Тургенева. П. Б.

лилъ въ Берлинѣ для Саши, и въ Дерптѣ прожилъ четыре дни. Но нельзя было иначе. Прости до Петербурга. Пиши чаще; не забывай выписокъ. Я давалъ читать ихъ въ Берлинѣ Сашѣ; буду читать всѣмъ кому только можно будетъ. Въ нихъ главное. Свою записку сократилъ. Отъ этого стала яснѣе. Прости; обнимаю тебя.

Намъ однако не надобно себя обманывать: когда мы разсуждали вмѣстѣ, то смотрѣли на все своими глазами; здѣсь же все, что̀ казалось тогда такъ просто и естественно, кажется труднымъ и невозможнымъ.

Адресъ: A monsieur Alexandre Tourguéneff, conseiller d'état actuel et chambellan de Sa Majesté l'Empereur de Russie à Berne en Suisse (потомъ зачеркнуто и другою рукою написано: à Paris. Recommandée aux soins de l'ambassade de Russie). — Почтовые штемпеля: а) Dorpat, 5 Nov. 1827; б) Memel, 21 Nov.; в) 13 Décembre 1827.

CXXXIII.

Петербургъ, 1827, 25 Октября с. с.

Я пріѣхалъ съ недѣлю въ Петербургъ, милой братъ, и точно тоскую по тебѣ. Мнѣ отдалъ Булгаковъ три письма отъ тебя. Читаю въ нихъ страданіе души твоей и самъ страдаю, что далеко отъ тебя, что не могу ничѣмъ помочь тебѣ. И еще по сію пору ничего не написалъ. Это также меня мучитъ; но можешь вообразить, какъ я долженъ былъ по пріѣздѣ своемъ возиться, и теперь все еще ни за что не могу порядочно приняться. Скажу только одно: мысль о тебѣ не выходитъ изъ головы и изъ сердца. Но эта мысль точно препятствуетъ жить. Я обрадовался, узнавъ изъ твоего письма, что ты ѣдешь въ Парижъ: тамъ наша милая хранительница Разумовская. Тебѣ нужно болѣе всего имѣть подлѣ себя нѣжное сердце, знающее и раздѣляющее твое горе. Кто же въ этомъ съ нею сравнится? Тамъ же чаще будешь получать письма. Печалитъ меня особенно въ письмахъ твоихъ то, что̀ всегда печалило и въ твоей жизни. Ты не хочешь самъ ни на чемъ опереться; къ настоящему горю прибавляешь воображеніемъ. Мнѣ кажется, что Николай сноситъ судьбу свою тверже, нежели ты за него ее сносишь. Я думаю, что ему тяжело видѣть графиню. Это нарушаетъ его жизнь. Онъ не хочетъ тревожиться, и здѣсь нужна ему свобода. Издали не могу судить; но мнѣ кажется, что ей не надобно его долго обременять собою, а только по временамъ на короткое время къ нему ѣздить, дабы онъ всегда имѣлъ надежду свиданія и не тяготился бы долгимъ присутствіемъ. Въ первые дни пріѣзда моего сюда я не могъ ни съ кѣмъ видѣться, кромѣ Карамзиныхъ, Дашкова и Блудова. Съ Дашковымъ много говорили о тебѣ. Онъ читалъ извѣстный тебѣ манускриптъ [1]) и говоритъ, что онъ произвелъ въ немъ моральное убѣжденіе, но что, перечитывая потомъ печатную брошюру, на которую въ манускриптѣ ссылаюся, онъ увидѣлъ неудовлетворительность доказательствъ. Перечитаю съ нимъ вмѣстѣ и еще съ однимъ знатокомъ и потолкуемъ. Дашковъ говоритъ, что тебѣ необходимо на-

---

[1]) Записку по дѣлу Н. И. Тургенева.

добно возвратиться, что это во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть полезно для будущаго.

Я видѣлъ Козлова. Онъ кончилъ свою поэму [2]). Его *манускриптъ* у меня. Прочитавъ его съ Дашковымъ, нахожу, что еще нельзя выдавать его: надобно подождать для выгоды автора, ибо теперь какъ-то не литературное расположеніе въ читателѣ. Умы заняты неблагопріятно, а Козлову нужно, чтобы его поэма принята была съ участіемъ: иначе она не разойдется, и онъ останется въ накладѣ. Я видѣлся уже и съ Слёнинымъ, и онъ думаетъ, что надобно подождать, однако хочетъ показать ее Глазунову. И я самъ видѣлъ Глазунова и сказалъ ему свое мнѣніе о поэмѣ; въ немъ видно доброжелательство, но онъ не полагается на автора.

Теперь о твоихъ коммиссіяхъ: сапогъ [3]) закажу и велю сдѣлать колодку. Пришлю съ первымъ случаемъ. Я уже посылалъ Ѳедора [4]); до сихъ поръ сапожникъ еще не являлся.—Гдѣ найти Киндякова, я не знаю. Хлопоты, которыя ты мнѣ поручаешь, будутъ затруднительны. Пошлю выписку къ Жихареву; можетъ быть, онъ найдетъ Киндякова. Мнѣ же подобныхъ хлопотъ не поручай: онѣ будутъ меня бутаражить; а времени у меня теперь нѣтъ, и впередъ будетъ еще менѣе. Также прошу тебя не писать въ своихъ письмахъ: скажи Булгакову, скажи Жихареву и тому подобное. Если что кому хочешь сказать, пиши на его имя прямо; ибо все это хлопоты, а я буду по обыкновенію своему откладывать, и это только будетъ меня по-пустому теребить. Теперь главныя хлопоты мои: ты и Саша. Довольно, чтобы отнять покой жизни. А мнѣ покой нуженъ не для меня—ты это знаешь,—а для моего дѣла [5]). По сію пору никакъ не могу овладѣть собою, и мысли бродятъ, а имъ надобно быть дома.—Отъ Саши получилъ печальное письмо изъ Стразбурга. Она принуждена остановиться, и сколько времени пробудетъ на мѣстѣ, не знаю: Андрюша въ скарлатинѣ. Вѣроятно и съ другими дѣтьми будетъ тоже. Можешь самъ вообразить, каково мнѣ. Узнай объ ней. Но прошу тебя, будь остороженъ, чтобы ей не сдѣлать никакого безпокойства. Твое сношеніе съ нею кончено и не должно ни подъ какимъ видомъ возобновляться. На этотъ счетъ я былъ очень недоволенъ тобою въ Эмсѣ за то, что̀ ты говорилъ объ Сашѣ, и съ кѣмъ же? Съ Козловскимъ! [6]) Тогда я этого тебѣ не сказалъ. Теперь говорю съ тѣмъ, чтобы ты, если захочешь быть ей полезнымъ, выключилъ самого себя изъ этого и дѣйствовалъ черезъ другихъ. Итакъ, о томъ, что̀ у тебя съ нею

---

[2]) Поэму „Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая“; это произведеніе Козлова было напечатано въ Петербургѣ въ 1828 году.

[3]) Для Н. И. Тургенева, у котораго одна нога была короче другой. П. Б.

[4]) Слуга Жуковскаго.

[5]) Воспитанія Цесаревича Александра Николаевича.

[6]) Князь Петръ Борисовичъ Козловскій (р. 1783 † 1840) служилъ въ молодости при нашихъ миссіяхъ за границею; въ 1821 г. вышелъ въ отставку и путешествовалъ по Европѣ. Козловскій былъ остроумнымъ и многосторонне-образованнымъ человѣкомъ Объ его трудахъ см. въ Словарѣ Геннади, т. II, стр. 148.

Тверскія. Тверское дворянство XVII в. № 31, 32, 36, 41, 44.

Журналъ засѣданій Ученой Архивной Коммиссіи. № 37, 39, 42, 43, 47, 49, 60, 64.

Грамоты коллегіи экономіи Тверск. губерніи. А. Шумакова. № 47, 59, 61.

Воспоминанія о поѣздкѣ въ село Грузино. А. Вышеславцева. № 54—57.

Тобольскія. Историческія замѣтки о Царскомъ Селѣ. № 29, 31.

Воспоминанія о бывшемъ губернаторѣ А. И. Деспотъ-Зеновичѣ. № 39.

Черниговскія. Жизнь И. И. Неплюева (съ портретомъ) № 433.

Отношенія Украинскаго населенія къ Польскому государству въ XVIII ст. № 463.

Черноморскія свадьбы по приказу. № 467.

Императоръ Александръ I и великій князь Николай въ Лондонѣ. № 472.

Документъ для исторіи Русскаго книгопечатанія. № 483.

Къ исторіи бумажнаго производства № 489.

Домикъ Петра I въ Борисовкѣ, Грайворонскаго уѣзда. № 507.

Начало нашего полеваго устава. № 522.

Стародавніе прорицатели и гадальщицы. № 524.

250-я годовщина вступленія на престолъ Алексѣя Михаиловича. № 527.

Воспоминанія объ Николаѣ I (Эвальда). № 529.

Учрежденіе командорскихъ имѣній А. Ковалевскаго. № 535.

Письмо князя Лобанова-Ростовскаго къ барону И. В. Френсдорфу въ 1812 году. А. Ковалевскаго. № 558.

Графъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій (съ портретомъ). № 549.

НОВЫЯ КНИГИ.

Краткая исторія города Углича (съ рисунками). Составилъ почетный гражданинъ Леонидъ Өедоровичъ Соловьевъ. Спб. 1895. 8°. 117 стр. На заглавномъ листѣ гербъ города (св. Димитрій Царевичъ въ коронѣ). Цѣна 1 р.

Югская Дороөеева общежительная пустынь (близъ города Рыбинска), Ярославль. 1895. 8°. 206 стр. Составлено протоіереемъ Флегонтомъ Моревымъ.

Епископъ Өеофанъ, бывшій Владимирскій и Суздальскій, біографическій очеркъ проф. Ивана Корсунскаго. М. 1895. 8°. 294 и 4 стр.

Pia desideria. Барона А. П. Николаи. Тифлисъ. 1894. м. 8°. 39 стр.

Опись старинныхъ вещей собранія П. И. Щукина, составленная П. И. Щукинымъ и Е. В. Өедоровой. Часть 1-я, съ 11 фототипіями. М. 1895. 4°. 265 стр.

А. А. Титовъ. Охранный каталогъ Славянскихъ рукописей. Выпускъ 6-й М. 1895. 8°. 100 стр.

Новый Завѣтъ Господа Нашего Іисуса Христа. Переводъ В. А. Жуковскаго. Берлинъ 1895. м. 8°. IV и 637 стр.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1895 года.

(Годъ тридцать третій).

„Русскій Архивъ“ въ 1895 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1895 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ прошлыхъ лѣтъ: за **одну** по 1 р. 25 к., за **двѣ** по рублю, за **три** по 80 к., за **четыре** и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 к., городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются расписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 4 часовъ дня.

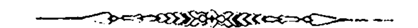
Составители и издатели „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

„Русскій Архивъ“ будетъ издаваться въ 1896 году.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1895

10.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1895.

Статьи въ періодическихъ духовныхъ журналахъ.

Упраздненіе въ 1780 г. въ г. Ростовѣ во именованіе св. отцовъ церкви. „Ярославскія Еп. Вѣд.“. № 31.

Огородничество въ древней Руси. „Ярославскія Еп. Вѣд.“. № 31.

Одежда Ярославскихъ семинаристовъ въ срединѣ прошлаго столѣтія. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 31.

Духовныя школы въ Ростовской епархіи во времена преосвященнаго Георгія Дашкова (1718—1731 гг.). „Ярославскія Еп. Вѣд.“. № 33.

Состояніе въ 1768 г. деревянпыхъ строеній въ упраздненныхъ за пять лѣтъ предъ тѣмъ монастыряхъ и пустыняхъ Ростовской епархіи. „Ярославскія Еп. Вѣд.“. № 33.

Степень населенности нѣкоторыхъ монастырей и пустынь Ростовской епархіи въ 16-мъ столѣтіи и въ началѣ 17-го. „Ярославскія Еп. Вѣд.“. № 33.

Преосвященный Тихонъ, первый епископъ Сѣвскій и Брянскій, викарій Московской епархіи, и его время. „Орловскія Еп. Вѣд.“. №№ 26—27.

Вѣдомость, коликое число во градѣ Ростовѣ въ 1765 г. каменныхъ и деревянныхъ церквей имѣлось и въ какія именованія. „Ярославскія Еп. Вѣд.“. № 31.

Посѣщеніе въ 1858 году г. Ярославля Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ и Государынею Императрицею Маріею Александровною съ Ихъ Высочествами, Великою княжною Маріею Александровною и Наслѣднымъ Принцемъ Виртембергскимъ. „Ярославскія Еп. Вѣд.“. № 30.

Садоводство въ древней Руси. „Ярославскія Еп. Вѣд.“. № 30.

Золотыя Петра царевича копѣйки въ Ростовскомъ Петровскомъ монастырѣ въ 1764 г. „Ярославскія Еп. Вѣд.“. № 30.

Сказаніе отчасти чюдесъ преподобнаго отца нашего Игнатія, игумена Вологоцкой, яже на Сарѣ рѣцѣ, пустыни чюдотворца. „Ярославскія Еп. Вѣд.“. № 30.

Дневникъ преосвященнаго Арсенія Верещагина, архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго. Годъ 1798-й. „Ярославскія Еп. Вѣд.“. № 28. Годъ 1799-й. № 29.

Вѣдомость, когда заведены были въ епархіи Ростовской училища и при коемъ и какія ученія въ оныхъ преподавались и кто были первые

РЕСКРИПТЫ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА СЕНАТОРУ О. П. КОЗОДАВЛЕВУ.

1808-й годъ.

I.

Господину тайному совѣтнику и сенатору Козодавлеву.

Изъ послѣднихъ донесеній Саратовскаго губернскаго начальства усмотрѣлъ я, что въ губерніи сей и въ самомъ Саратовѣ оказалась заразительная болѣзнь.

Сколь ни благовременно, при первыхъ извѣстіяхъ объ открывшейся въ Астрахани заразѣ, предписаны были Саратовскому губернскому начальству мѣры предосторожности, сколько ни были они усилены по первымъ свѣдѣніямъ о сближеніи зла сего къ предѣламъ Саратовской губерніи и сколь ни успокоительныя доходили прежде сюда отъ тамошняго вице-губернатора донесенія: не взирая на все сіе, я долженъ заключать, что, по ослабленію ли строгаго мѣстнаго надзора или по другимъ обстоятельствамъ, зараза изъ Астраханской перешла въ Саратовскую губернію.

Важность происшествія сего и послѣдствія, кои оно имѣть можетъ, заставили меня обратиться къ изысканію дѣйствительнѣйшихъ способовъ, коими бы сія болѣзнь не только въ распространеніи своемъ была удержана, но пресѣчена была бы и тамъ, гдѣ открылась. Въ семъ уваженіи призналъ я за благо, по извѣстному мнѣ усердію вашему къ службѣ, возложить на васъ отправиться въ Саратовъ и, обозрѣвъ принятыя тамъ уже мѣры и исправивъ въ ономъ все, по соображенію вами мѣстныхъ обстоятельствъ, недостающее, сдѣлать всѣ тѣ распоряженія, какія сверхъ сего могутъ быть по сему случаю нужны.

Прежде нежели вамъ предназначены будутъ предметы сего особенною довѣренностію моею къ вамъ возлагаемаго на васъ препорученія, вы найдете здѣсь краткое изложеніе главнѣйшихъ мѣръ, къ предохраненію отъ язвы Саратовской и другихъ губерній мною предписанныхъ. Оно состоятъ въ слѣдующемъ:

1. По извѣстіямъ о появленіи заразы въ Черноярскомъ уѣздѣ, пресѣчено сообщеніе Астраханской съ Саратовскою губерніею, воспрещенъ вовсе оттуда вывозъ товаровъ, зачумленію подверженныхъ, а для провоза товаровъ, чумы не принимающихъ, постановлены особенныя правила.

2. По свѣдѣнію объ открытіи заразы въ Саратовѣ, пресѣчено всякое сообщеніе сей губерніи съ другими, ей сопредѣльными.

3. Запрещенъ всякій изъ оной вывозъ товаровъ, подверженныхъ и не подверженныхъ зачумленію.

4. Учреждена по всей окружности границъ ея стража.

5. Учреждена такая же пограничная стража и со стороны всѣхъ губерній, съ Саратовскою смежныхъ.

6. Во всѣхъ губерніяхъ, по тракту отъ Саратова до Москвы лежащихъ, равно какъ и въ Московской, предписана строгая предосторожность.

Въ семъ состоятъ главнѣйшія мѣры, принятыя уже отъ внесенія заразы изъ Саратовской въ другія губерніи. Отъ министра внутреннихъ дѣлъ получите вы подробныя о семъ свѣдѣнія.

Изъяснивъ распоряженія сіи, ограничусь я краткимъ означеніемъ предметовъ, до дѣла на васъ возлагаемаго относящихся, бывъ удостовѣренъ, что по мѣстнымъ усмотрѣніямъ вашимъ вы ничего не упустите, что̀ токмо къ успѣшному исполненію его будетъ нужно.

I. О мѣрахъ предосторожности внутри самой Саратовской губерніи.

Изъ свѣдѣній, отъ министра внутреннихъ дѣлъ вамъ доставляемыхъ, усмотрите вы все то, что̀ по прилипчивымъ въ Саратовской губерніи болѣзнямъ и по открывшейся тамъ послѣ заразѣ отселѣ предписано и мѣстнымъ губернскимъ и медицинскимъ начальствомъ предпринято. Главнѣйшіе способы въ семъ, долженствующіе составлять и главнѣйшіе предметы наблюденія вашего, суть:

1. Учрежденіе кордоновъ вокругъ зараженныхъ селеній и городовъ, для пресѣченія съ ними всѣхъ сообщеній. Отправленіе за таковые кордоны по мѣрѣ надобности медицинскихъ и другихъ чиновниковъ предоставляется вашему усмотрѣнію и наблюденію, чтобъ самыя дѣятельныя при семъ были пріемлемы предосторожности.

2. Отдѣленіе въ нихъ больныхъ отъ здоровыхъ, также больныхъ, сомнительныхъ и выздоравливающихъ, и устроеніе для сего больницъ карантинныхъ.

3. Воспрещеніе самимъ жителямъ ихъ собираться вмѣстѣ или

толпами, какъ напримѣръ въ школахъ, на рынкахъ, при похоронахъ умершихъ и проч.

4. Погребеніе мертвыхъ на особо отведенныхъ кладбищахъ и засыпка ихъ известью.

5. Очищеніе домовъ, въ коихъ зараженные жили и кои смертію ихъ или иначе упраздняются.

6. Сожженіе, безъ всякаго изъятія и, во избѣжаніе прикосновенія, безъ всякой оцѣнки, одежды и другихъ вещей, послѣ умершихъ остающихся и наблюденіе, чтобъ ничто изъ нихъ не было прятано или въ землю закапываемо.

7. Благовременное снабженіе лекарствами и медицинскими чиновниками всѣхъ мѣстъ, гдѣ въ томъ представится нужда.

II. О мѣрахъ предосторожности къ предохраненію отъ заразы другихъ губерній.

Зло сіе неиначе можетъ распространяться и вкрасться въ сосѣдственныя губерніи какъ посредствомъ сообщеній; пресѣченіе ихъ потому должно быть почтено дѣйствительнѣйшимъ и единственнымъ къ отвращенію дальнѣйшаго расширенія онаго способомъ. Важность предмета сего поставитъ вамъ въ обязанность наблюсти:

1. Чтобъ достаточный кордонъ или стража устроена была по сей границѣ Саратовской губерніи на основаніи предварительнаго о семъ указа моего тамошнему вице-губернатору, въ спискѣ здѣсь прилагаемаго *).

2. Чтобъ таковая же пограничная стража учреждена была и во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, кои прилегаютъ къ Саратовской, о чемъ и дано уже мною начальникамъ ихъ повелѣніе, у сего же препровождаемое.

3. Чтобъ сія сугубая стража дѣятельностію и бдительнымъ надзоромъ соотвѣтствовала въ полной мѣрѣ ея предназначенію. Неисполнившихъ возложенной на нихъ въ семъ наблюденіи обязанности я повелѣваю предававать военному суду, равно какъ и покусившихся на нарушеніе сихъ распоряженій и пріемлемыхъ мѣръ подвергать суду по всей строгости законовъ.

Вы видѣли изъ предыдущаго, что упомянутая стража учреждена для пресѣченія всякаго сообщенія Саратовской губерніи съ другими ей сопредѣльными. Общая мѣра сія признана нужною для совершеннаго на первый случай обезпеченія; но какъ неудобно бы было оставить такимъ образомъ запертыми и тѣ мѣста Саратовской губерніи, гдѣ нѣтъ никакихъ опасныхъ болѣзней и кои сверхъ того находятся въ отдаленномъ разстояніи отъ зараженныхъ селеній: то я предоставляю

*) Этого и упоминаемыхъ ниже приложеній у насъ не имѣется. П. Б.

вамъ на мѣстѣ сообразить, можно ли ограничиться закрытіемъ къ пресѣченію всякаго сообщенія только зараженныхъ частей Саратовской губерніи, не подвергая другихъ отдаленныхъ и здоровыхъ уѣздовъ ея сему безъисключительному запрещенію въ такомъ случаѣ, съ тѣмъ однако же точнымъ подъ собственною отвѣтственностію вашею удостовѣреніемъ, что сіе изъятіе изъ общаго правила не будетъ нимало опасно. Я предоставляю вамъ сообщеніе отдаленныхъ отъ зараженныхъ и здоровыхъ уѣздовъ Саратовской губерніи съ другими съ нею смежными возстановить, учредивъ гдѣ нужно будетъ по усмотрѣнію вашему карантины и распорядить, чтобъ и здѣсь никто изъ Саратовской губерніи не былъ выпускаемъ безъ особенныхъ видовъ или билетовъ. Назначивъ, отъ кого билеты сіи выдаваемы будутъ, вы предпишите начальникамъ пограничныхъ съ Саратовскою губерній, чтобъ предъявляющимъ ихъ въѣздъ въ предѣлы оныхъ былъ дозволяемъ.

III. О милиціи, чрезъ Саратовскую губернію проходить долженствующей.

Ратники губерній Казанской, Слободско-украинской, Курской и Воронежской, для укомплектованія Казанской арміи по повелѣнію моему назначенные, должны будуть частію проходить чрезъ Саратовскую губернію. Тамошнему губернскому, равно какъ и милиціонному начальству, предписано употребить при семъ всю осторожность, какъ то вы увидите изъ упомянутаго указа, Саратовскому вице-губернатору даннаго. Я тѣмъ не менѣе считаю нужнымъ обратить и на сей предметъ вниманіе ваше, дабы предопредѣленныя при проходѣ сей милиціи мѣры осторожности исполнены были съ неослабною точностію.

IV. О вывозѣ изъ Саратовской губерніи хлѣба, соли, рыбы, икры и клея.

Распоряженіе вышеупомянутое о пресѣченіи вывоза изъ Саратовской губерніи всякихъ товаровъ учинено мною до дальнѣйшихъ впредъ соображеній. Два обстоятельства должны быть здѣсь различены: a) вывозъ товаровъ зачумленію подверженныхъ, b) вывозъ товаровъ неподверженныхъ зачумленію.

Что̀ принадлежитъ до товаровъ перваго рода, какъ-то шерсти, сколько извѣстно, изъ Калмыцкой орды, овчинъ изъ Кабарды и вообще всѣхъ подобныхъ чрезъ Саратовскую и изъ сей губерніи внутрь Россіи провозимыхъ: то какъ ввозъ, такъ и вывозъ ихъ долженъ быть совершенно воспрещенъ и прерванъ, пока вовсе минетъ опасность.

Чтó принадлежитъ до товаровъ, не подверженныхъ зачумленію и вывозъ коихъ изъ Саратовской губерніи равнымъ образомъ до времени остановленъ: то здѣсь нельзя не принять въ уваженіе, что большая часть ихъ составляетъ предметы первой потребности, какъ то хлѣбъ, соль, рыба, икра и клей. Сколько съ одной стороны желательно бы было, чтобъ вывозъ вещей сихъ, по частной промышленности и по обязанностямъ съ казною производимый, могъ быть продолжаемъ на прежнемъ основаніи, столько должно съ другой стороны опасаться, чтобъ дозволеніе безъ всякихъ ограниченій или предосторожностей на вывозъ оныхъ изъ Саратовской губерніи, при существующей тамъ нынѣ заразѣ, не имѣлъ вредныхъ послѣдствій, по невозможности постановить отселѣ сіи необходимыя ограниченія и предосторожности. Я желаю, чтобъ вы, немедленно по прибытіи къ мѣсту назначенія вашего, вошли въ ближайшее разсмотрѣніе:

1. Можетъ ли быть позволенъ, по состоянію заразы въ Саратовской губерніи, вывозъ изъ оной соли, хлѣба, рыбы, икры и клея?

2. Въ случаѣ возможности разрѣшить вывозъ вещей сихъ, какія по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, кои вы соберете, должны быть приняты мѣры предосторожности для совершенной въ томъ безопасности.

3. Въ невозможности разрѣшить оный вывозъ, какія могутъ быть учинены распоряженія къ отвращенію неудобствъ отъ стеченія фурщиковъ, кои до пресѣченія сообщеній съ другими губерніями могли прибыть въ Саратовъ за хлѣбомъ, солью и проч. и кои въ такомъ случаѣ отнюдь не должны быть изъ сей губерніи выпускаемы.

Вы не оставите неукоснительно представить мнѣ мѣстныхъ вашихъ по всѣмъ симъ обстоятельствамъ соображеній и, принявъ въ надлежащее уваженіе, что выпускъ народа съ обозами, хотя и съ вещами неподверженными зачумленію слѣдующими, есть самый легчайшій способъ къ распространенію заразы и прилипчивыхъ болѣзней и что столь трудно при семъ все предусмотрѣть, донести мнѣ о мѣрахъ, кои вообще въ разсужденіи выпуска вещей и товаровъ, чумы не пріемлющихъ, вы признáете нужными и кои во всякомъ случаѣ должны быть совершенно благонадежны и безопасны. Я буду ожидать отъ васъ сихъ соображеній, дабы по предмету сему снабдить васъ особыми окончательными повелѣніями.

V. О сношеніи съ сенаторомъ Неплюевымъ.

Чтобъ имѣть обстоятельное свѣдѣніе о состояніи заразы въ Астраханской губерніи, вы не оставите войти въ сношенія съ находящимся въ Астрахани сенаторомъ Неплюевымъ. Извѣстія, кои отъ него получать будете, могутъ руководствовать васъ въ усиленіи по мѣрѣ надобности предосторожностей.

VI. О отношеніи къ начальникамъ губерній, съ Саратовскою смежныхъ, и къ наказному атаману войска Донскаго.

Гражданскимъ губернаторомъ Симбирскому, Пензенскому, Тамбовскому и Воронежскому, равно какъ и наказному атаману войска Донскаго, повелѣлъ я исполнять ваши требованіи во всемъ, до открывшейся въ Саратовѣ заразительной болѣзни касающемся. Вы потому не оставите давать имъ прямо отъ себя всѣ предписанія, кои нужными признаете къ предохраненію какъ губерній сихъ, такъ и земель войска Донскаго, отъ внесенія заразы. Я повелѣлъ имъ состоять въ точной зависимости отъ васъ по сему отношенію, дабы тѣмъ удобнѣе могли вы приводить въ дѣйствіе всѣ распоряженія ваши къ исполненію возлагаемаго на васъ препорученія.

Хотя Оренбургская губернія и земли войска Уральскаго граничатъ съ Саратовскою губерніею большею частію незаселенными степями, тѣмъ неменѣе вы не оставите войти въ сношенія съ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, коему равнымъ образомъ я предписалъ содѣйствовать съ его стороны въ исполненіи всѣхъ вашихъ распоряженій о предохраненіи отъ заразы окружныхъ губерній.

VII. О способахъ къ усиленію внутренняго и пограничнаго наблюденія.

Я предварительно уже повелѣлъ наказному атаману войска Донскаго отправить въ Саратовъ одинъ козачій полкъ, для содержанія учреждаемой тамъ кордонной стражи и вообще для употребленія его по случаю оказавшейся въ сей губерніи заразы. Полкъ сей, равно какъ все мѣстное управленіе, долженъ поступить подъ ваше начальство и въ ваше распоряженіе.

Команду надъ симъ полкомъ я поручаю генералъ-маіору Чернозубову. Отправляя его единственно съ тѣмъ, чтобъ доставить вамъ болѣе способовъ къ дѣятельному наблюденію за исполненіемъ пріемлемыхъ мѣръ, я повелѣлъ ему состоять въ подчиненности вашей и исполнять всѣ ваши ему предписанія, кои вы имѣете дѣлать ему по военному порядку ордерами.

Если бы по обстоятельствамъ одного полка сего было недостаточно, то я предоставляю вамъ въ случаѣ необходимости потребовать съ Дону еще одинъ казачій полкъ, для чего и прилагается здѣсь указъ мой о семъ наказному атаману войска Донскаго.

Сверхъ сихъ пособій, для усиленія по мѣрѣ надобности кордоновъ, вы имѣете употреблять людей изъ инвалидныхъ ротъ, въ Сара-

товѣ и Камышинѣ состоящихъ, казаковъ, въ Саратовѣ, Камышинѣ и Царицынѣ живущихъ, и отставныхъ нижнихъ чиновъ въ Саратовской губерніи жительствующихъ, на основаніи указа моего о семъ нѣкоторымъ гражданскимъ губернаторамъ по сему же случаю даннаго и въ спискѣ здѣсь прилагаемаго.

Сверхъ чиновниковъ, съ вами отселѣ отправляемыхъ, я предоставляю вамъ взять на время нужное число ихъ и изъ другихъ мѣстъ, о чемъ и имѣете вы сами отъ себя споситься съ начальствами, къ коимъ они принадлежатъ и кои обязаны исполнять въ семъ случаѣ ваши требованіи неукоснительно.

VIII. О медицинскихъ чиновникахъ.

Сверхъ тѣхъ медицинскихъ чиновниковъ, кои отряжены изъ разныхъ губерній въ Саратовскую по предписаніямъ министра внутреннихъ дѣлъ, я повелѣлъ отправить отсюда въ Саратовъ двухъ докторовъ, Стегемана и Мильгаузена. Всѣ они должны состоять въ вашемъ распоряженіи. За всѣмъ тѣмъ, въ случаѣ недостатка медицинскихъ чиновниковъ, по первому вашему требованію, нужное число ихъ и сверхъ сего будетъ къ вамъ прислано. Доктора Мильгаузена, когда онъ окончитъ возложенныя на него наблюденія о заразительныхъ съ Саратовской губерніи болѣзняхъ и въ немъ тамъ болѣе не будетъ надобности, вы не оставите возвратить сюда, принявъ при семъ возвращеніи его мѣры предосторожности.

IX. О мѣстномъ губернскомъ управленіи въ отношеніи къ заразительной болѣзни.

Изъ всѣхъ дошедшихъ ко мнѣ донесеній заключать можно, что зараза, въ Саратовской губерніи открывшаяся, перенесена туда работниками изъ Астрахани, на суднѣ мѣщанина Полякова, въ теченіе Октября прибывшими. Судно сіе хотя и выдержало карантинъ въ Астраханской губерніи, но какъ изъ экипажа его на пути въ Царицынѣ оставленъ одинъ больной, а въ Камышенскомъ уѣздѣ нѣсколько человѣкъ умерло, то и надлежало по симъ происшествіямъ принять противъ него новыя мѣры предосторожности, вмѣсто того, что оно свободно пропущено къ Саратову, и тамъ бывшіе на немъ люди распущены въ другія губерніи.

Всѣ донесенія мѣстнаго губернскаго начальства до 31 Декабря главнѣйше относились до желчной горячки, оказавшейся въ селеніи Сосновкѣ, между тѣмъ какъ въ семъ донесеніи упоминается уже о прилипчивыхъ болѣзняхъ въ разныхъ селеніяхъ Царицынскаго уѣзда, еще

въ Ноябрѣ появившихся, и о сомнительной болѣзни, въ теченіе Декабря по Камышинскому уѣзду открывшейся.

Вы не оставите войти въ ближайшее изслѣдованіе всѣхъ сихъ обстоятельствъ и мнѣ объ оныхъ въ свое время донести.

X. Объ отпускѣ суммъ.

О продовольствіи казачьяго полка, пока онъ останется на службѣ въ Саратовской губерніи, далъ я предписаніе министру военныхъ и сухопутныхъ силъ. На всѣ прочіе расходы, кои нужны будутъ въ исполненіи дѣла, вамъ поручаемаго, я повелѣлъ назначить въ распоряженіе ваше сумму изъ Саратовской Казенной Палаты, изъ коей заимствуя по мѣрѣ надобности деньги, вы не оставите доставлять о семъ свѣдѣнія министру внутреннихъ дѣлъ и государственному казначею.

Отъ государственнаго казначея получите вы на путевыя издержки для васъ десять тысячъ рублей. О деньгахъ на путевые расходы для отправляемыхъ съ вами чиновниковъ даны также повелѣнія.

Возлагая на васъ сіе порученіе съ особенною довѣренностію, я не сомнѣваюсь, чтобъ вы, измѣривъ съ свойственною вамъ предусмотрительностію всю важность обстоятельствъ, не удовлетворили въ полной мѣрѣ моимъ ожиданіямъ и цѣли посланія вашего. Въ Санктпетербургѣ, Генваря 24 дня 1808 года. Подписано своеручно: *Александръ.*

II.

Господину тайному совѣтнику и сенатору Козодавлеву.

Усмотрѣвъ изъ послѣднихъ донесеній вашихъ, что заразительныя въ Саратовской губерніи болѣзни проходятъ, и полагая, что при тѣхъ распоряженіяхъ, кои по сему случаю для общей безопасности вами сдѣланы, пребываніе въ Саратовѣ доктора статскаго совѣтника Віена не можетъ уже быть необходимо нужно, я поручаю вамъ отправить его въ Астрахань къ находящемуся тамъ сенатору Неплюеву.

Намѣреніе мое при семъ въ томъ состоитъ, чтобъ докторъ статскій совѣтникъ Віенъ могъ съ равнымъ успѣхомъ содѣйствовать къ совершенному прекращенію заразы и по Астраханской губерніи.

Я пріятнымъ здѣсь нахожу отдать всю справедливость благоразумнымъ мѣрамъ, пріемлемымъ вами въ исполненіи возложеннаго на васъ дѣла. Въ Санктпетербургѣ, Марта 31 дня 1808 года. Подписано своеручно: *Александръ.*

III.

Господину тайному совѣтнику и сенатору Козодавлеву.

Изъ прилагаемаго при семъ указа моего сенатору Неплюеву увидите вы, какимъ образомъ, по прекращеніи заразительной болѣзни въ Саратовской и по ослабленію оной въ Астраханской губерніи, дозволяется выпускъ изъ сей послѣдней людей и товаровъ не подверженныхъ зачумленію.

Я поручаю вамъ учинить сообразныя съ сими мѣрами по Саратовской губерніи распоряженія, назначивъ удобное, по усмотрѣнію вашему, выше Саратова мѣсто, гдѣ бы люди, изъ Астраханской губерніи вышедшіе, по выдержаніи на границѣ Саратовской губерніи полнаго карантиннаго срока, подвергаемы были еще двѣнадцати-дневному наблюденію.

Отсюда уже таковымъ проходящимъ и проѣзжающимъ должны быть выдаваемы виды для безпрепятственнаго далѣе слѣдованія.

Сдѣлавъ нужныя по сему распоряженія, вы не оставите учинить ихъ извѣстными начальникамъ какъ смежныхъ съ Саратовскою, такъ и лежащихъ по тракту до Москвы губерній.

Въ Санктпетербургѣ, Апрѣля 24 дня 1808 года. Подписано собственноручно: *Александръ.*

IV.

Господину тайному совѣтнику и сенатору Козодавлеву.

Разсмотрѣвъ представленіе ваше по просьбѣ Царицынскаго градскаго общества о дозволеніи вывозить по прежнему товары въ Калмыцкую орду, я, чтобъ съ одной стороны не стѣснить промышленности сего города, а съ другой обезпечить Саратовскую губернію отъ заразительныхъ болѣзней, между симъ народомъ нерѣдко показывающихся, повелѣваю вамъ:

1. Людей и товары изъ Царицына и изъ всей Саратовской губерніи въ Калмыцкую орду пропускать безпрепятственно.

2. Людей, изъ орды въ Саратовскую губернію слѣдующихъ или возвращающихся, равно какъ и всѣ безъ изъятія ввозимые оттолѣ товары, отпускать въ границу губерніи не иначе какъ въ карантинномъ очищеніи оныхъ посредствомъ окуриванія по методѣ Гитона-де-Морво, какъ дѣйствительнѣйшаго къ истребленію заразы способа.

3. Для сего, избравъ одно для сообщенія съ Калмыцкою ордою удобнѣйшее мѣсто, учредить тамъ карантинную заставу, на которую всѣ люди и вещи, изъ орды слѣдующія, должны быть обращаемы.

4. Заставу сію снабдить нужнымъ количествомъ припасовъ для карантиннаго очищенія, опредѣлить къ ней съ достаточною стражею особеннаго смотрителя и медицинскаго чиновника изъ благонадежныхъ людей, на коихъ могли бы вы сами положиться, преподавъ имъ въ руководство всѣ нужныя наставленія.

5. На необходимыя при семъ издержки деньги заимствовать изъ Казенной Саратовской Палаты, доставивъ о нихъ свѣдѣніе министру внутреннихъ дѣлъ.

Въ Санктпетербургѣ, Апрѣля 28 дня 1808 года. Подписано собственноручно: *Александръ.*

V.

Господину тайному совѣтнику сенатору Козодавлеву.

Отношеніе ваше къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 13 минувшаго Апрѣля отъ него мнѣ было представлено.

Заключеніе ваше о переводѣ Аристовскаго карантина на самую границу Саратовской съ Астраханскою губерніею я нахожу основательнымъ. По доставленіи отъ васъ плановъ и смѣтъ нужнымъ въ семъ карантинѣ строеніямъ даны будутъ окончательныя о томъ повелѣнія. До того времени Аристовскій карантинъ долженъ остаться въ дѣйствіи. Вы между тѣмъ изберите удобнѣйшее мѣсто для устроенія предполагаемаго новаго карантина.

Назначенный для водяной при Хвалынскѣ заставы гардкаутъ я предоставляю вамъ перевесть, согласно съ мнѣніемъ вашимъ, внизъ по Волгѣ къ Царицыну.

Генералъ-маіоръ Чернозубовъ о возвращеніи своемъ получитъ повелѣніе отъ военнаго министра, а доктора Віена я прежде уже предписалъ вамъ отправить въ Астрахань.

Возвращеніе прочихъ чиновниковъ, при васъ находящихся, равно какъ и доктора Стегемана, зависѣть будетъ отъ вашего усмотрѣнія.

Въ Санктпетербургѣ, Маія 8 дня 1808 года. Подписано собственноручно: *Александръ.*

VI.

Господину тайному совѣтнику сенатору Козодавлеву.

Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ мнѣ отношеніе ваше къ нему, въ коемъ вы испрашиваете разрѣшенія на выпускъ изъ Саратовской губерніи товаровъ, заразу въ себя пріемлющихъ.

Товары сіи, зачумленію подверженные, должны быть раздѣлены на два рода:

1. Привезенные въ Саратовскую изъ благополучныхъ губерній, или же въ уѣздахъ самой Саратовской губерніи, всегда здоровыми бывшихъ, искупленные.

2. Привезенный изъ Астраханской и Кавказской губерній, или же въ уѣздахъ самой Саратовской губерніи, прежде зараженныхъ или въ заразѣ подозрѣваемыхъ, искупленные.

Чтобъ съ одной стороны дать всевозможную свободу промышленности, а съ другой удержать еще до времени нужныя къ совершенной безопасности мѣры, я повелѣваю:

1. Пропускъ товаровъ, заразу въ себя пріемлющихъ, но изъ благополучныхъ губерній въ Саратовскую привезенныхъ, или въ здоровыхъ мѣстахъ и сей послѣдней искупленныхъ, внутрь Россіи дозволить.

2. Товары, заразу въ себя пріемлющіе и привезенные въ Саратовскую изъ Астраханской и Кавказской губерній или же въ сомнительныхъ прежде мѣстахъ и сей послѣдней искупленные, удержать до общаго о таковыхъ вещахъ разрѣшенія тамъ, гдѣ они нынѣ находятся. Къ исполненію сего вы не оставите сдѣлать точныя распоряженія и съ кѣмъ слѣдуетъ сношенія.

Въ Санктпетербургѣ, Іюня 2 дня 1808 года.

(*Сообщено А. А. Титовымъ съ подлинниковъ изъ собранія автографовъ, принадлежавшаго покойному А. М. Попову*).

ПИСЬМА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ [1]).

1.

Мой добрый Василій Андреевичъ!

Благодарю васъ за то, что вы меня не забыли. Я очень радъ исполнить ваше желаніе. Ф. П. [2]) мнѣ читалъ ваше письмо. Объ урокахъ я ничего не знаю и могу только сказать, что я стараюсь хорошо учиться. Мы были два раза въ походѣ. Первый разъ не ходили дальше Готланда, а во второй разъ были близко къ Готланду. Мы имѣли довольно сильные вѣтры и одну грозу. Сегодня былъ спускъ корабля Вола. Сегодня должно было быть открытіе обоихъ монументовъ Кутузова и Баркла де Толли, но ихъ отказали. Мы всѣ здоровы. Прощайте, мой добрый Василій Андреевичъ. Поцѣлуйте Сашу и кланяйтеся всѣмъ. Душевно васъ любящій и уважающій Константинъ.

30 Іюля 1837 года, Елагинъ.

Писано въ то время когда Жуковскій путешествовалъ по Россіи съ Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ. П. Б.

2.

Любезный Василій Андреевичъ!

Извините, что вамъ такъ долго не писалъ. Какъ я горюю, что мы васъ увидимъ только на будущій годъ; но надѣюсь, что вы всѣ будете здоровы и свѣжи. Я отъ Миши принялъ капель, и вотъ ужъ 4 недѣли, что онъ не отвязывается; но я ужъ выхожу и гуляю пѣшкомъ. Мы отдѣлены отъ сестрицъ, и только вчера *Оли* и *Мери* у меня были. Адини и меня боятся соединить: она уже три мѣсяца кашляетъ. Я довольно хорошо ужъ нѣсколько недѣль учусь. Мы въ Исторіи уже кончили первую *Сирійскую войну*. Меня *Римская Исторія* все болѣе и

---

[1]) Съ подлинниковъ, хранящихся у Павла Васильевича Жуковскаго и съ милостиваго соизволенія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великой Княгини Александры Іосифовны и Августѣйшихъ дѣтей Ея. П. Б.

[2]) Өедоръ Петровичъ Литке, воспитатель десятилѣтняго тогда Великаго Князя. П. Б.

болѣе интересуетъ. Я надѣюсь, что къ вашему пріѣзду я уже кончу *Римскую* Исторію. Я васъ цѣлую, прощайте. Поцѣлуйте тоже и *Сашу* и кланяйтесь всѣмъ. Вашъ другъ Константинъ.

23 Октября 1838. Царское Село.

Я вамъ долженъ объявить, что Мери названа невѣстою пр. Лейхтенбергскаго.

Писано во время заграничнаго путешествія Жуковскаго съ Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ.

3.

Любезнѣйшій Василій Андреевичъ!

У насъ теперь заведено, чтобъ каждое Воскресеніе написать письмо или Өедору Петровичу или г. Гримму. Сегодня Өедоръ Петровичъ велѣлъ мнѣ написать вамъ. Цѣль этой переписки есть, чтобъ пріучить меня мало-по-малу къ эпистолярному штилю, и Өедоръ Петровичъ хочетъ по истеченіи года сравнить эти письма и увидѣть, какой успѣхъ я сдѣлалъ въ продолженіи года. Г. Гриммъ мнѣ пишетъ изъ Геневы и въ послѣднемъ письмѣ мнѣ описалъ Сисмонди, котораго лично знаетъ; на его письма трудно довольно отвѣчать. Өедору Петровичу же мнѣ нужно въ кратцѣ сказать, что̀ мы дѣлали въ продолженіи всѣ недѣли, и описать самого себя. У насъ есть еще другое введеніе, именно то, что за каждый хорошій урокъ я кладу положенное количество пятачковъ въ банку и когда она наполнится, мы ее отсылаемъ въ какое нибудь благотворительное заведеніе. Это мнѣ бываетъ такъ пріятно каждый разъ, когда я отдаю деньги Бажанову [1]), потому что онъ ихъ отсылаетъ.

Вы уже очень давно у насъ не были. Пріидите когда-нибудь къ обѣду. Прощайте, любезнѣйшій Василій Андреевичъ. До свиданія. Вашъ другъ Константинъ.

17 Ноября 1840. С.-Петербургъ.

4.

Любезный Василій Андреевичъ!

Благодарю васъ сердечное за то прекрасное, милое письмо, которое я получилъ отъ васъ. Вы мнѣ въ немъ преподали тѣже правила, которыя мнѣ далъ и Өедоръ Петровичъ въ первомъ письмѣ. Онъ на это всегда обращаетъ вниманіе, потому что вы и онъ, не сговорившись прежде, мнѣ туже самую правду говорите.

На этой недѣлѣ я былъ боленъ головою; но странно, что эта болѣзнь не препятствовала ни утреннимъ, ни вечернимъ моимъ заня-

---

[1]) Отцу протоіерею Василію Борисовичу. П. Б.

тіямъ. Я точно также, какъ и всегда, приготовлялъ заданныя работы, но не могъ послѣ обѣда учиться. По вечерамъ продолжалъ мои чтенія, и на этой недѣлѣ я началъ читать Телемака Фенелонова. При этомъ чтеніи я дѣлаю нѣкоторыя замѣчанія и вписываю самыя поучительныя мѣста въ особую книжку. Теперь уже страницы двѣ-три наполнены этими экстрактами. Ѳедоръ Петровичъ тоже самое дѣлаетъ, и когда у насъ наберется довольно много, онъ сравнитъ чтó я пропустилъ или чтó я лишняго выписалъ. Надѣюсь, что у меня почти все будетъ то, чтó онъ выписалъ.

Прощайте, любезный Василій Андреевичъ, будьте здоровы. Вашъ всепокорнѣйшій слуга и другъ Константинъ.

24 Ноября 1840. С.-Петербургъ.

5.

Любезный Василій Андреевичъ!

Собираюсь сегодня отвѣчать на ваше письмо. Прошедшее Воскресеніе отъ того я вамъ не писалъ, что долженъ былъ отвѣчать Ѳедору Петровичу. Ахъ, если бы вы знали, какое письмо онъ мнѣ написалъ! Я былъ растроганъ до глубины сердца, и *слезы* у меня невольно текли изъ глазъ, и я себѣ обѣщалъ *читать это письмо каждое Воскресеніе*. Въ одномъ изъ прежнихъ писемъ онъ меня попросилъ изложить на бумагѣ мой характеръ. Я ему и написалъ; но вмѣсто того, чтобъ *написать* весь мой характеръ, я ему написалъ мои *проступки*. Вотъ на это письмо онъ мнѣ и *написалъ* отвѣтъ, въ которомъ сдѣлалъ замѣчанія и разобралъ каждый проступокъ отдѣльно. *Такое* письмо я еще никогда не получалъ; я буду *держать* его, какъ драгоцѣнность, и по немъ буду я исправляться.

Вотъ на этой недѣлѣ было обрученіе Саши. Вотъ уже и вторый членъ семейства, который, такъ сказать, *отъ него отдѣлился*. Прійдетъ время, когда будетъ тоже самое и съ Ольг*ѣ* и съ Алексан*дрѣ* Николаевнѣ, и наконецъ и моя очередь прійдетъ; а теперь еще рано о томъ думать. *Теперь* предстоитъ еще *кадетская служба*, а потомъ *офицерская*.

Теперь мы пріѣхали отъ г. Зауервейда, у *кого* мы смотрѣли картину Кульмскаго сраженія. Онъ намъ изъяснялъ *его* въ подробнос*тяхъ* и весьма интереснымъ образомъ.

Прощайте, любезнѣйшій Василій Андреевичъ. Вашъ вѣрный другъ Константинъ.

8 Декабря 1840 года. С.-Петербургъ.

6.

Любезный Василій Андреевичь!

Благодарю васъ за письмо, которое вы мнѣ написали. Оно служить мнѣ продолженіемъ почти письма Өедора Петровича. Но позвольте мнѣ сдѣлать одно общее замѣчаніе. Это все такъ, что сравниваютъ жизнь съ двумя дорогами, изъ которыхъ одной начало рай тѣлесный, а конецъ адъ душевный, а другой начало адъ тѣлесный, а конецъ рай душевный, или исправленіе съ дорогой, гдѣ эти разныя станціи. Но гдѣ ихъ найти? Хорошо, если эти двѣ дороги мнѣ представятся такъ, какъ Геркулесу, тогда я ихъ вижу, и ужъ конечно пойду по той, по которой пошелъ и онъ; но гдѣ ихъ найти? Та дорога, которая хорошо начинается, а худо кончается, безпрестанно передъ глазами; почти невозможно или весьма трудно по ней не пойти. Другую же нужно сыскать, она сама собой не является, и на ней-то и находятся тѣ станціи, о которыхъ вы въ письмѣ говорите. Даже тотъ примѣръ, который вы представили, и тотъ легче, а здѣсь станціи духовныя. Но я, не смотря на всѣ эти препятствія, хочу дойти до моей цѣли. Впрочемъ я совершенно понялъ ваше письмо и исполню ваше желаніе самому прочесть тѣ два письма, о которыхъ я вамъ говорилъ, и при томъ я васъ прошу ихъ возвратить при слѣдующемъ письмѣ.

Прощайте, любезнѣйшій. Вашъ другъ Константинъ.

15 Декабря 1840.
С.-Петербургъ.

7.

Любезный Василій Андреевичъ!

Благодарю васъ за письмо ваше и прошу у васъ извиненія, что такъ долго вамъ не отвѣчалъ; но у меня свободное время только въ Воскресенье. Вы теперь ѣдете въ Москву, но это не должно препятствовать нашей перепискѣ. Вы будете, кажется, имѣть довольно предметовъ, о которыхъ писать, и наша переписка обогатится.

Адини лѣтомъ очень часто замѣчала, что время и безъ Мама довольно весело проходитъ, потому что всегда имѣешь что нибудь въ умѣ для завтрашняго дня, и тогда ожидаешь его съ нетерпѣніемъ. Такъ теперь и у меня. Хотя не имѣешь что нибудь прямо на завтрашній день, но знаешь, что чрезъ много времени будетъ что нибудь. Оттого кажется и время гораздо скорѣе идетъ. Такъ мы ожидали Рождество, теперь Крещеніе, потомъ маскарадъ и Пасха, и свадьба Саши, и имянины Мама, и мои имянины и, наконецъ, что́ веселѣе всего—походъ: потому что знаете вы, мы нынѣшній годъ отправимся въ Амстердамъ.

Потомъ опять начнутся новыя ожиданія. Такимъ образомъ время гораздо скорѣе и веселѣе проходитъ. Такъ нынѣшній годъ я ожидалъ путешествія въ Емсъ. Желаю, чтобъ ваше путешествіе и пребываніе въ Москвѣ не были бы продолжительны.

Прощайте, любезный Василій Андреевичъ. Вашъ другъ Константинъ.

5 Января 1841 года,
С.-Петербургъ.

8.

Любезный Василій Андреевичъ.

Уже давно какъ я вамъ не писалъ. Мы все это время приготовляемся къ экзамену. Съ г. Гриммомъ все повторяли Исторію и Географію. Съ г. Шульгинымъ мы тоже продолжаемъ Исторію, а въ другой часъ повторяемъ и ее и Географію Русскую. Въ языкахъ, кромѣ Нѣмецкаго и Англійскаго, мы тоже повторяемъ. Въ Математикѣ мы все проходимъ старое. Недавно мы начинали Механику, но мы теперь и ее прекратили и этотъ часъ употребили для Стереометріи. На Масляницѣ мы потеряли много уроковъ. Но еще болѣе было развлеченій. Почти дня не проходило безъ театра. Отъ Суботы до Масляницы, до Воскресенья послѣ нея, кромѣ Четверга, я каждый день былъ въ какомъ нибудь театрѣ. Можете себѣ представить, какой былъ контрастъ, когда наступилъ великій постъ. Вмѣсто театровъ, утромъ и вечеромъ, служба, вмѣсто блиновъ постное кушанье. Но я, не смотря на все это, не могу сказать, чтобъ мнѣ было скушно. Въ Четвергъ былъ здѣсь экзаменъ Екатерининскаго Института. Я люблю такіе экзамены. Мнѣ бываетъ очень весело и пріятно слушать, какъ отвѣчаютъ. Этотъ день не былъ еще самый интересный. Началось съ Закона Божія, потомъ Русская литература, потомъ Географія, Французская Грамматика и Литература. Но я во время Грамматики долженъ былъ уйти къ уроку. Самое веселое будетъ Исторія. Одной, во время Географіи, я подсказалъ одну вещь, которую она забыла, и институтки и я самъ ужасно захохотали.

Прощайте, любезнѣйшій Василій Андреевичъ. Вашъ вѣрный другъ Константинъ.

15 Февраля 1841.
С.-Петербургъ.

9.

Любезный Василій Андреевичъ.

Вы не повѣрите, какъ я доволенъ, что экзаменъ кончился и что Папа имъ былъ доволенъ. Только подъ самый конецъ я немного подгадилъ. Но это оттого, что настоящимъ образомъ меня тому не учили, а я самъ это узналъ на практикѣ, а въ продолженіе зимы мы не повторяли этого. Но остальнымъ онъ былъ, кажется, доволенъ. Какъ

я бы хотѣлъ, чтобы всѣ экзамены такъ удались, какъ этотъ, и, если можно, еще лучше, потому что я вижу, какую радость оно приноситъ Өеодору Петровичу. Я уже знаю напередъ двѣ новыя вещи, которыя мы скоро начнемъ (перемѣна новая всегда пріятна): это Новая Исторія и Русская Словесность; кажется же, скоро начнутся и еще другіе предметы, такъ что по всему этому я дѣлаюсь большой. Но многіе говорятъ мнѣ, хотя я по лѣтамъ большой, а дѣйствіями это совсѣмъ не показываю. Я все отъ этихъ несносныхъ пальцевъ не могу отвыкнуть. Сколько разъ я себѣ давалъ слово перестать шалить, а все продолжаю. Любезный Василій Андреевичъ, право у меня мыслей нѣтъ, и позвольте мнѣ кончить. Вашъ другъ Константинъ.

16 Марта 1841.
С.-Петербургъ.

10.

С.-Петербургъ, 13 Апрѣля 1841.

Любезный Василій Андреевичъ!

И я вамъ давно не писалъ, а вы еще дольше и, кажется, повидимому будто бы наша переписка остановилась. Но я никакъ не хочу, чтобъ это въ самомъ дѣлѣ случилось, и потому я хочу и съ сегодняшняго дня ее возобновить. Вы скоро поѣдете въ чужіе края, будете видѣть разныя разности и, надѣюсь, мнѣ напишите разика два-три. Скоро и мои письма обогатѣютъ, когда мы отправимся въ Голландію. Ни съ Өеодоръ Петровичемъ, ни съ г. Гримомъ она не такъ жива, какъ было прежде. Хотя г. Гримъ пишетъ изрѣдка, но его письма весьма интересны, потому что онъ въ нихъ описываетъ исторію его дружественныхъ отношеній. Это весьма интересно, потому что онъ 7 или 8 лѣтъ лишился и отца, и матери, былъ предоставленъ на свою собственную волю и самъ себѣ долженъ былъ пріискивать друзей. О двухъ онъ мнѣ разсказалъ, что они были нѣсколько времени самые пламенные друзья, а послѣ мало по малу ихъ дружба охладѣвала, и они болѣе другъ на друга не обращали вниманія.

Нѣсколько дней тому назадъ я кончилъ одну весьма хорошенькую книжку подъ названіемъ «Le secrétaire des enfans, ou correspondance entre plusieurs enfans, propre à les former au style épistolaire». Вы по надписи можете судить объ содержаніи этой книжки. Она меня весьма занимала. Вчера же я началъ Одиссею. Прощайте, любезнѣйшій Василій Андреевичъ. Вашъ сердечный другъ Константинъ.

11.

Отъ всей души благодарю васъ, дорогой Василій Андреевичъ, за ваше доброе письмо отъ 24-го Сентября. Дай Богъ вамъ здоровья, дабы мы могли, наконецъ, васъ снова обнять на Святой Руси со всей вашей семьей. Сперва я весьма удивился, увидя письмо писанное карандашемъ; но вы сами даете мнѣ объясненіе этого обстоятельства. Радуюсь, что, не смотря на машинку, рукопись ваша осталась таже, и ее можно тотчасъ же узнать. Поберегите ради Бога ваши глаза.

Вы, можетъ быть, еще не знаете, что насъ отправляютъ на зиму въ Венецію для здоровья жены. Она весьма страдаетъ горломъ, и всю прошедшую зиму просидѣла въ комнатѣ, въ заперти. Во время ея беременности и послѣ родовъ ей было лучше, но теперь стало хуже, и доктора рѣшили, что ей надо провести зиму въ тепломъ и нѣсколько сыромъ климатѣ, и потому-то насъ посылаютъ въ Венецію. Мы ѣдемъ завтра утромъ. Дѣти наши остаются здѣсь, отчего наша разлука дѣлается еще тяжелѣе; но нечего дѣлать, надо безропотно покориться волѣ Божіей, ибо Онъ лучше нашего знаетъ что̀ намъ хорошо, что̀ дурно, и Его судьбы неисповѣдимы. Господь Богъ одарилъ насъ послѣднее время такимъ счастіемъ, что я чувствъ не найду, чтобъ выразить всю мою благодарность. Жена моя—сущій Ангелъ; старшій сынъ Никола—красавецъ и молодецъ, большой любимецъ своего Дѣдушки; новая дочка Ольга—совершенная душка; и въ этой ангельской семьѣ, далеко отъ большаго свѣта и его козней, мирно текутъ дни наши въ безмятежномъ счастіи. Теперь все это должно прекратиться, и мы ѣдемъ на чужбину на долгое время. Это ужасно грустно! Сколько времени будетъ продолжаться наше отсутствіе, еще не рѣшено. Можетъ быть, лѣто придется провести гдѣ нибудь въ Нѣмечинѣ на водахъ; въ такомъ случаѣ кто знаетъ, можетъ быть, мнѣ удастся самому васъ обнять послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ. До сей минуты прошу, не забывайте искренно васъ любящаго Константина.

11 (23) Октября 1851.
Царское Село.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ЛАНЖЕРОНА.

(Переведено съ Французскаго).

Графъ Александръ Өеодоровичъ Ланжеронъ (во Франціи Andrault comte de Langéron) родился въ Парижѣ еще въ царствованіе Людовика XV-го. 13 Января 1763 года и умеръ въ Петербургѣ 4 Іюля 1831 года, проведя большую часть жизни въ Россіи и сдѣлался славенъ воинскими подвигами (онъ помянутъ Жуковскимъ въ „Бородинской Годовщинѣ" 1839 года). Ланжеронъ принадлежалъ къ тѣмъ благороднымъ представителямъ стариннаго Французскаго дворянства, отъ которыхъ Екатерина Великая ждала спасенія для революціонной Франціи. Подобно герцогу Ришилье, графамъ Сенъ-При, Ламберту и другимъ своимъ соотечественникамъ, Ланжеронъ прославилъ въ Россіи Французское имя, а Франція конечно обязана и ему за ту пощаду и охрану, которыя оказаны ей въ 1814 и 1815 годахъ императоромъ Александромъ Павловичемъ. Въ „Русскомъ Архивѣ" 1869 года помѣщено письмо къ нему Екатерины Великой по поводу его вступленія въ Русскую службу. Тогдашній Французскій посолъ при нашемъ дворѣ графъ Сегюръ (воевавшій, какъ и Ланжеронъ, въ Америкѣ противъ Англичанъ) конечно помогъ ему скоро опознаться въ новой для него средѣ. Бывшій гвардеецъ Людовика XVI-го опредѣлился къ намъ въ Сибирскій гренадерскій полкъ. Онъ участвовалъ въ Шведской войнѣ 1790 г., и за тѣмъ въ Турецкой. За участіе во взятіи Измаила онъ пожалованъ золотой шпагой. За тѣмъ онъ уѣзжаетъ отъ насъ къ королевскимъ Французскимъ войскамъ и, послѣ ихъ пораженія революціонными генералами, снова появляется въ Россіи. Будущій императоръ Александръ Павловичъ входитъ съ нимъ въ близкія сношенія, и въ 1797 году онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ начальникомъ Оренбургской, а черезъ два года Брестъ-Литовской пѣхотной инспекціи. Въ войну 1805 года Ланжеронъ находился въ одной изъ дивизій лѣваго крыла подъ Аустерлицемъ, и ему отчасти приписывали наше пораженіе. Въ 1807 году онъ снова участвовалъ въ Турецкой войнѣ, въ 1808 г. охранялъ своимъ корпусомъ Бессарабію, въ 1809 г. разбилъ при селѣ Фразинѣ сильнѣйшаго непріятеля, чѣмъ обезопасилъ Валахію отъ вторженія Турокъ, въ 1810 г. руководилъ осадою Силистріи и принудилъ ее

сдаться. Въ 1811 году онъ уже имѣетъ чинъ полнаго генерала, Георгія 3 степени и назначается временно командующимъ Молдавскою арміей. Въ 1812 г. Ланжеронъ, командуя корпусомъ Дунайской арміи, перешелъ изъ Молдавіи къ берегамъ западнаго Буга и Березины. Въ 1813 г. онъ способствовалъ взятію Торна, отличился при Бауценѣ, Кацбахѣ, Вартенбургѣ, Лейпцигѣ, получилъ алмазные знаки ордена Александра Невскаго и 30000 рублей награды. Въ 1814 г. онъ отличился при Краонѣ, Лаонѣ, Феръ-Шампенуазѣ и подъ самымъ Парижемъ взялъ приступомъ высоты Монмартра. Государь возложилъ на него орденъ Андрея Первозваннаго. По удаленіи во Францію герцога Ришилье, Ланжеронъ 1 Января 1816 года назначенъ управляющимъ Ново-Россійскаго края, попечителемъ иностранныхъ колоній въ южной Россіи, главнымъ начальникомъ Бугскихъ и Черноморскихъ казачьихъ войскъ и всей пограничной стражи. Онъ мучилъ Пушкина чтеніемъ своихъ стиховъ и многочисленныхъ трагедій. Въ 1822 году принималъ онъ Государя въ Одессѣ, при чемъ однажды, по разсѣянности, заперъ его въ кабинетѣ. Легкомысліе его простиралось до такой степени, что опальному тогда А. С. Пушкину давалъ онъ читать письма, которыя, въ царствованіе Павла, получалъ онъ отъ Александра Павловича (Пушкинъ объ этомъ передаетъ въ неизданной части своихъ Записокъ). Тогда же онъ вышелъ въ отставку и только въ новое царствованіе, по объявленіи Турецкой войны, возвратился на дѣйствительную службу. Онъ разбилъ 12 Сентября при Краіовѣ Турецкій корпусъ. За взятіе крѣпостей Кале и Турно Николай Павловичъ назначилъ его шефомъ Ряжскаго пѣхотнаго полка и подарилъ ему одно изъ взятыхъ подъ Кале орудій.

Графъ Ланжеронъ потомства не оставилъ. Вдова его, урожд. Брюммеръ, переслала его бумаги и памятныя Записки во Французскій Государственный Архивъ. Ими пользовался Тьеръ для своей Исторіи Консульства и Имперіи: весь разсказъ о кончинѣ императора Павла изложенъ у него по Запискамъ Ланжерона, и императоръ Николай Павловичъ признавалъ за его разсказомъ наибольшую правдивость изо всего, появлявшагося въ иностранной печати объ этомъ событіи. Лѣтъ 20 тому назадъ, издатель „Русскаго Архива“ обращался къ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ во Франціи Ваддингтону съ просьбою списать эти Записки и получилъ отъ него письменное согласіе; но за тѣмъ послѣдовали затрудненія. Надо надѣяться, что въ скоромъ времени Записки Ланжерона будутъ вполнѣ обнародованы; нынѣ появился отрывокъ изъ нихъ въ II-й тетрадкѣ Французскаго журнала Nouvelle Revue Rétrospective, откуда и переведена здѣсь глава о 1812 годѣ. Новыхъ показаній тутъ мало; но все касающееся той великой поры живо и поучительно. П. Б.

1812-й годъ.

Пробывъ нѣсколько дней въ Москвѣ, Наполеонъ началъ сомнѣваться въ своемъ положеніи и 22 Сентября (4 Октября) послалъ Лористона къ Кутузову. Свиданіе произошло въ главной квартирѣ Кутузова и было очень интересно. Кутузовъ проявилъ весь свой умъ (у него было его много) и лукавство, которымъ онъ въ высшей степени отличался. Окруженный своимъ штабомъ, онъ принялъ Лористона вѣжливо, но холодно, взялъ письмо, писанное Наполеономъ къ Александру и то, которое было адресовано къ нему самому, и положилъ ихъ на столъ, не прочтя послѣдняго. Скоро замѣтилъ онъ нетерпѣніе Лористона, забавлялся имъ и довелъ его до крайняго напряженія, бесѣдуя съ нимъ въ продолженіи часа о пустыхъ вещахъ, о его пребываніи въ Петербургѣ, гдѣ Лористонъ былъ хорошо принятъ въ домѣ жены Кутузова, о климатѣ, о дорогахъ. Наконецъ Лористонъ попросилъ его удалить свидѣтелей и прочесть письмо. Кутузовъ, удаливъ всѣхъ присутствующихъ, прочелъ его и спокойно положилъ на столъ. Лористонъ, удивленный его хладнокровіемъ, сказалъ, что Наполеонъ желалъ бы видѣть эту ужасную войну оконченною. «Оконченною! воскликнулъ Кутузовъ, да она только началась для насъ; теперь мы ее и поведемъ». Лористонъ, еще болѣе изумленный, послѣ нѣсколькихъ словъ о положеніи армій, сталъ жаловаться на варварство Русскихъ крестьянъ, которые съ яростью и неслыханной жестокостью умерщвляли всѣхъ Французовъ, попадавшихъ въ ихъ руки. Кутузовъ ему отвѣчалъ: «Наши крестьяне, графъ, не такъ цивилизованы какъ ваши; они слыхали о прежнихъ вторженіяхъ Татаръ и варваровъ, которыхъ сокрушали ихъ предки». При словѣ «варвары» Лористонъ что-то воскликнулъ. Кутузовъ продолжалъ: «Да, наши крестьяне, видя, какъ 600.000 непріятелей вносятъ къ нимъ убійство и пожары, могутъ ихъ приравнивать къ варварамъ, которые нѣкогда поступали также». Лористонъ сталъ настаивать на рѣшеніи. Кутузовъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ на это полномочій, но что пошлетъ къ Государю курьера. Лористонъ просилъ, чтобы для скорости послали курьера черезъ Москву. Кутузовъ отказался; онъ обѣщалъ отправить карьера на слѣдующій день, заключилъ перемиріе на двѣ недѣли и отпустилъ Лористона; но, отпуская его, лукаво далъ ему понять, что онъ, Кутузовъ, уже освѣдомленъ о томъ, что счастье перестало благопріятствовать Наполеону въ Испаніи, также какъ и въ Россіи. Лористонъ, изумленный тѣмъ, что Кутузовъ знаетъ о событіяхъ столь недавно совершившихся, принужденъ былъ признаться въ пораженіи Мармона при Арапилахъ *).

*) Разговоръ этотъ слово въ слово былъ передавъ мнѣ самимъ Кутузовымъ, шесть

Это перемиріе было необходимо для Кутузова: надлежало обмануть непріятеля, и въ этомъ дѣлѣ онъ былъ великій человѣкъ (grand général); съ заурядной фигурой, съ добродушнымъ, убѣдительнымъ тономъ нельзя было соединять болѣе тонкаго, изощреннаго и ловкаго ума.

Каждый день, каждую минуту увеличивались физическія и нравственныя силы Русскаго войска: со всѣхъ сторонъ прибывали рекруты, батальоны милиціи, оружіе, припасы, одежда: 30 тысячъ казаковъ присоединились къ войску, и это было великою подмогой для подготовлявшихся событій. Сраженіе подъ Бородинымъ было забыто, жажда мщенія воспламеняла всѣ сердца, пламя и пепелъ Москвы возбуждали еще болѣе это чувство, крестьяне дошли до высочайшей степени отчаянія, большинство ихъ жгли свои деревни, удалились въ лѣса съ своими женами и дѣтьми, и тамъ, вооружившись топорами, подстерегали несчастныхъ Французовъ, отбившихся отъ дороги, и умерщвляли ихъ. Безпорядокъ Французской арміи, грабежи, убійства, сожженіе деревень, оскверненіе церквей, все убѣждало Русскихъ, что Наполеонъ хотѣлъ уничтожить ихъ отечество и вѣру.

Французы видѣли, какъ съ каждымъ днемъ уменьшалось число ихъ солдатъ; рекруты, замѣщавшіе ихъ, не могли сравниться съ старыми гренадерами, которыхъ они теряли, и они стали поддаваться слабости и унынію, всегдашнимъ спутникамъ нужды и безпокойства.

Пожаръ Москвы, это геройское дѣяніе, это ужасное, величавое рѣшеніе, вызванное удивительнымъ самоотверженіемъ и патріотизмомъ самымъ пламеннымъ, уничтожилъ припасы, которые разсчитывалъ найти Наполеонъ для поддержанія арміи во время предстоявшей зимы *); то, чего не истребило пламя, тотъ остатокъ продовольствія, который еще могъ прокормить Французскую армію въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, былъ уничтоженъ въ нѣсколько дней, благодаря ужасному грабежу и постоянному безпорядку, позорившимъ Французскую армію; она уже не знала удержу послѣ того какъ почувствовала нужду.

Какъ только истекли двѣ недѣли перемирія, Кутузовъ 6 (18) Октября атаковалъ непріятельскій авангардъ, предводительствуемый Мюратомъ. Этотъ театральный король былъ застигнутъ въ расплохъ и по-

---

недѣль спустя, въ Вильнѣ. Я свидѣтельствую истинность того, что онъ мнѣ его сказалъ; но сказалъ ли онъ мнѣ полную истину? Въ обществѣ этотъ разговоръ сошелъ за истинный.

*) Москва была сожжена Русскими и по приказу Ростопчина, генералъ-губернатора; огонь начался 3 (15) Сентября, два дня по вступленіи Французовъ и продолжался 6 дней. Этимъ дѣяніемъ, столь же энергическимъ, какъ и хорошо разсчитаннымъ, Ростопчинъ спасъ Россію; но, возъимѣвъ смѣлость предпринять его, онъ напрасно имѣлъ слабость его отрицать въ довольно-неумѣстной брошюрѣ, обнародованной имъ въ Парижѣ въ 1823 году.

терпѣлъ пораженіе. Онъ потерялъ много народу, 36 пушекъ и былъ отброшенъ въ величайшемъ безпорядкѣ къ Москвѣ.

Эта неудача раскрыла глаза Наполеону. Былъ уже Октябрь, и въ Россіи ему нельзя было терять ни минуты времени. Наполеонъ рѣшился на отступленіе, но оно уже не было болѣе возможно. Онъ его началъ 6 (18), а на слѣдующій день уѣхалъ самъ, оставивъ въ Москвѣ маршала Мортье, который пробылъ тамъ еще 4 дня. Передъ тѣмъ какъ покинуть ее, онъ исполнилъ приказанія Наполеона; ему было предписано сжечь остатки несчастнаго города, особенно дома Ростопчина и Разумовскаго (благодаря счастливой случайности, они уцѣлѣли для ихъ владѣльцевъ) и взорвать Кремль: низкое и смѣшное мщеніе, преступленіе вполнѣ безполезное, но вполнѣ достойное проходимца.

Каждый день увеличивались бѣдствія Французовъ. Колонны разстраивались, слабые и отставшіе были убиваемы по дорогѣ крестьянами. Казаки, разъѣзжая всюду по бокамъ необозримой колонны бѣглецовъ, не давали никому отбиваться отъ большой дороги для розыска по деревнямъ продовольствія, уцѣлѣвшаго отъ пожаровъ. Лошади, на которыхъ везли малый остатокъ съѣстныхъ припасовъ, не имѣя фуража, падали и загромождали дорогу; жгли повозки. Между тѣмъ при началѣ отступленія погода стояла очень хорошая и даже теплая. Но вотъ 25 Октября (6 Ноября) выпалъ снѣгъ, и наступила стужа.

При выходѣ изъ Москвы у Наполеона было еще подъ ружьемъ 100,000 солдатъ; подъ Смоленскомъ осталось лишь 42,000; при Березинѣ отряды Удинó и Виктора и часть гвардіи могли еще выставить 26,000 сражающихся; три дня послѣ Березины оставалось лишь 8—9 тысячъ. Можно ли повѣрить, что, предпринимая въ Россію походъ, который долженъ былъ длиться во время зимы, Наполеонъ не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы оградить своихъ солдатъ противъ предполагаемой суровости климата!? У его несчастныхъ жертвъ не было верхней одежды, не было даже суконныхъ панталонъ. Въ лѣтнемъ одѣяніи на снѣгу должны они были дѣлать привалы.

Мы нашли въ Минскѣ огромные магазины. Наполеонъ нагромоздилъ тамъ запасы муки, фуража, водки изъ всѣхъ частей Польши ему подвластныхъ, и ему было чѣмъ прокормить свою армію въ продолженіе зимы *).

---

*) Эти магазины были разграблены, въ чемъ обвиняли дежурнаго генерала Тучкова и полковника казака Исаева: ихъ удалили изъ арміи. Жена графа Ламберта, къ несчастію для своего достойнаго мужа, никогда его не покидавшая, была также заподозрѣна въ хищеніяхъ и въ грабежахъ, чтó для нея не было новинкою. Эта женщина, по своему рожденію, воспитанію, нраву, жестокости къ своимъ людямъ и даже по своей внѣшности, являлась позорнымъ пятномъ для человѣчества и бичомъ всего ее окружавшаго.

Пять тысячъ несчастныхъ стонали въ госпиталяхъ, если можно назвать такимъ образомъ лачуги, гдѣ они были свалены. Раненые, больные, безъ постелей и покрововъ, даже безъ подстилокъ, безъ всякаго ухода и присмотра, погибали отъ голода, нищеты и зараженности воздуха. Трупы полусгнившіе оставались въ комнатахъ по нѣскольку дней прежде чѣмъ кто либо позаботился объ ихъ погребеніи. Раны перевязывались сѣномъ вмѣсто корпіи и ремнями вмѣсто бинтовъ. Нѣкоторые несчастные передавали мнѣ, что по цѣлымъ недѣлямъ они питались лишь мутной водой и ужаснымъ черныма хлѣбомъ. Рубашки ихъ спадали въ лохмотьяхъ съ тѣла.

Адмиралъ Чичаговъ не любилъ биваковъ; онъ помѣстился въ лучшемъ домѣ въ Борисовѣ, отдалъ приказъ всѣмъ генераламъ размѣститься, расположился съ главной квартирой, багажемъ, съ госпиталемъ, походной церковью; всѣ комнаты въ городѣ были переполнены, и повозки загромождали улицы.

11 (23) Ноября нашъ авангардъ былъ въ полномъ безпорядкѣ отброшенъ къ городу; непріятель вторгнулся вслѣдъ за нимъ. Никто его не ожидалъ; преспокойно обѣдали; лошади упряжныя были безъ уздъ и сбруи, а между тѣмъ ядра свистѣли по улицамъ. Наши, какъ попало, кавалерія, пѣхота, артиллерія съ пушками, бросились къ мосту, преслѣдуемые по пятамъ Французами, при громкихъ ужасныхъ крикахъ; всякій оставлялъ свой обѣдъ. Но этого было недостаточно для Французовъ; они захватили обѣдъ Чичагова съ серебряной посудою, вещи, платье и портфель. Мы понесли необычайныя потери; наши раненые и больные были оставлены съ госпитальными вещами, и всѣ погибли; походная церковь увезена, пораженіе было полное.

Адмиралъ, частью пѣшкомъ, частью верхомъ, достигъ высотъ праваго берега Березины, гдѣ были расположены наши войска.

Весь послѣдующій день 12 (24) Ноября прошелъ для насъ въ томъ, что мы наблюдали послѣдовательное вступленіе всѣхъ непріятельскихъ войскъ въ Борисовъ и въ окрестные луга, гдѣ они располагались бивакомъ. Мы прекрасно различали Наполеона, Мюрата и другихъ генераловъ, какъ они въѣхали туда 13 (25) и отправились 16 (28) къ Студянкѣ, гдѣ приготовляли мосты для переправы, которой мы должны бы были помѣшать...

Передъ наступленіемъ, Чичаговъ въ дневномъ приказѣ далъ примѣты Наполеона, котораго-де онъ хорошо зналъ въ Парижѣ, дабы, если онъ переодѣнется, чтобы ускользнуть, можно было его признать.

Викторъ перешелъ Березину 16 (28) Ноября, въ 9 часовъ утра, съ своими отрядами и артиллеріей. Толпа отставшихъ и повозки устремились, чтобы переправиться черезъ мостъ за нимъ; но Витгенштейнъ

началъ наступленіе, мостъ былъ сожженъ, другой потопленъ, при чемъ погибло великое множество народа. На лѣвомъ берегу осталась толпа несчастныхъ обреченныхъ на смерть. Легкая артиллерія Витгенштейна засыпала ядрами и бомбами множество повозокъ [1]), скучившихся близъ моста.

Можно себѣ представить ужасный разгромъ, воцарившійся здѣсь вскорѣ, крики несчастныхъ служителей, маркитантовъ, больныхъ, раненыхъ, женщинъ, дѣтей, Французовъ и иностранцевъ, оставившихъ Москву и слѣдовавшихъ за арміей, давимыхъ повозками и колесами телѣгъ, уродуемыхъ взрывами бомбъ, погибавшихъ подъ пиками казаковъ, стремившихся на горящій мостъ и тамъ пожираемыхъ пламенемъ или поглощаемыхъ волнами.

Многія тысячи этихъ несчастныхъ нашли здѣсь конецъ своему существованію, и доля ихъ была лучшая: избѣгнувшіе гибели уцѣлѣли лишь за тѣмъ, чтобы нѣсколько дней спустя подвергнуться еще болѣе ужаснымъ страданіямъ. Всѣ богатства Москвы были собраны въ вагенбургѣ; тамъ было болѣе 10 тысячъ экипажей, и въ томъ числѣ превосходные берлины, коляски, фаэтоны, дрожки, взятые въ столицѣ изъ господскихъ дворовъ и въ мастерскихъ у каретниковъ: трофеи, которые предполагалось отвезти въ Парижъ. Всѣ эти экипажи, фургоны, крестьянскія телѣги были обременены многоцѣнными вещами: тамъ были очень богатые брилліанты, рѣдкіе мѣха, жемчугъ, въ изобиліи алмазы, священные сосуды изъ Московскихъ церквей, одежды священниковъ, ризы украшенныя многоцѣннымъ жемчугомъ, золоченый крестъ съ колокольни Ивана Великаго, собранія гравюръ, камей, антиковъ, много книгъ изъ прекрасныхъ библіотекъ графовъ Бутурлина и Разумовскаго, серебряная посуда и даже фарфоръ. Все это было разграблено и расхищено въ продолженіи нѣсколькихъ дней, и однако не удалось найти даже пятой части изъ богатствъ, оставленныхъ непріятелемъ: ихъ по большей части побросали въ рѣку, и по веснѣ окрестные крестьяне и Евреи, которые не упускаютъ никогда подобныхъ случаевъ, сбѣжались со всѣхъ сторонъ Польши вылавливать ихъ, чѣмъ и пріобрѣли огромную добычу. Ночь застала несчастныхъ сражающихся еще на тѣхъ же мѣстахъ какъ и поутру; но непріятели воспользовались ею, чтобы отступить и на слѣдующій день 17 (29) Ноября поутру мы увидѣли передъ собою только раненныхъ, разбросанныхъ по дорогѣ и по лѣсамъ [2]).

---

[1]) Каждый генералъ имѣлъ ихъ съ дюжину, каждый офицеръ по меньшей мѣрѣ одну.

[2]) Я видѣлъ близъ дороги Французскаго офицера лежавшаго у дерева съ оторванной ногой. Онъ умиралъ. Молодая женщина у его изголовья проливала слезы, обнимала

Холодъ сталъ давать себя знать. Начиная съ Зембина, было около 7—8 градусовъ; три дня спустя отъ 15 до 18, а 29 Ноября (11 Декабря) уже 28 градусовъ. Снѣгу выпало мало, и онъ растаялъ; 17 (29) шелъ дождь, а затѣмъ сразу наступилъ морозъ и сдѣлалась гололедица, такъ что лошади съ большимъ трудомъ держались на ногахъ, большая часть потеряли подковы, и нельзя было снова подковать. Генералы, офицеры, даже солдаты, кавалеристы и артиллеристы, шли пѣшкомъ, ведя лошадей подъ уздцы, каждую минуту останавливаясь, такъ какъ лошади спотыкались. Лишь невообразимые козаки все время не сходили съ лошадей, которыя не были подкованы. Между Зембиномъ и Плющаницами, куда мы прибыли 20 Ноября (2 Декабря) и Иллiей*), которой мы достигли 21-го въ полночь, послѣ ужаснаго и чрезмѣрнаго по усталости перехода, мы нашли множество разломанныхъ и оставленныхъ экипажей, пушекъ, подводъ, несчастныхъ, истощенныхъ, на половину замерзшихъ солдатъ; но это еще ничего не значило въ сравненiи съ тѣмъ ужаснымъ зрѣлищемъ, которое поражало насъ во время дальнѣйшаго похода. Въ продолженiи этихъ трехъ дней наши солдаты, еще находившiеся въ отчаянiи по поводу пожара Москвы, приписаннаго Французамъ, и знавшiе, что во время своего бѣгства Наполеонъ приказалъ разстрѣливать Русскихъ плѣнниковъ, которыхъ не могъ увести (это было засвидѣтельствовано самими Французами), убивали прикладами несчастныхъ попадавшихъ въ ихъ руки, называя ихъ сожигателями Москвы. Офицеры по мѣрѣ возможности противодѣйствовали этому ужасному мщенiю, которое на самомъ дѣлѣ оказывало услугу этимъ несчастнымъ, сокращая ихъ страданiя.

его, безпрестанно повторяя: „Мой дорогой Адольфъ!" Возлѣ нея лежалъ уже мертвый ребенокъ 3 лѣтъ, другой постарше умиралъ. Графъ Мантейфель послалъ за своей коляской, чтобы взять ихъ; черезъ часъ, когда коляска прибыла, несчастные уже скончались.

*) Въ Иллiи я помѣстился въ Еврейской гостинницѣ, по случайности неразграбленной. Мы нашли тамъ пять труповъ, ихъ выбросили въ окно. Генералъ-маiоръ графъ Мантейфель былъ со мною; онъ подобралъ двухъ на половину замерзшихъ Саксонскихъ офицеровъ; приказавъ развести огонь, мы легли на столѣ. Одинъ изъ моихъ адъютантовъ, по имени Рюль, заболѣлъ наканунѣ гнилостною, воспалительною лихорадкой. Я его уложилъ въ постель, на мѣсто одного изъ труповъ выброшенныхъ на улицу, и приставилъ къ нему несчастнаго Французскаго хирурга, лишеннаго руки (я его подобралъ по дорогѣ). Онъ задремалъ, и Рюль въ припадкѣ бѣшенства, причиненномъ лихорадкою, вскочилъ съ постели и началъ стучать по столу, на которомъ мы спали. Мы пробудились въ испугѣ. Представьте себѣ Рюля, съ блуждающими глазами, въ растерзанномъ видѣ, въ рубашкѣ, похожаго на привидѣнiе, двухъ полуголыхъ Саксонцевъ грѣющихся у полупогаснаго огня, блѣдное пламя котораго освѣщало эту сцену, дѣлая ее еще болѣе страшною. Вся эта картина достойна романа госпожи Редклифъ.

Вскорѣ жалость замѣстила въ сердцахъ нашихъ солдатъ эту жажду мщенія, конечно ужасную и несправедливую, но, можетъ быть извиняемую тѣмъ зломъ, которое испытала ихъ родина, вторженіемъ, напомнившимъ самыя варварскія времена. Вскорѣ они смотрѣли молча и равнодушно на жертвы, которыхъ рокъ имъ предоставлялъ, а потомъ дѣлились съ ними получаемою пищею: напрасное, даже жестокое проявленіе человѣколюбія, такъ какъ оно лишь продолжало мучительную агонію этихъ несчастныхъ.

Между Илліей и Молодечной, куда мы прибыли 29 Ноября (3 Дек.) дорога идетъ по дремучему лѣсу; она была до такой степени загромождена трупами, что Павлоградскіе гусары, составлявшіе авангардъ и шедшіе пѣшкомъ, были принуждены подымать трупы пиками и отбрасывать ихъ въ стороны, чтобы очистить дорогу для колонны. Здѣсь и во время дальнѣйшаго шествія открылось зрѣлище, котораго, полагаю, не было и, вѣроятно, не будетъ еще разъ. Русская армія шла сомкнутою колонной по серединѣ дороги, а по бокамъ шли или, вѣрнѣе сказать, тащились двѣ непріятельскія безоружныя колонны: и тѣ, и другіе попирали ногами мертвыхъ, коими была усѣяна земля! Ежеминутно падали сотни бѣглецовъ. Доведенные до крайняго предѣла силъ, необходимыхъ для борьбы со смертью, они останавливались, падали и въ корчахъ умирали.

Среди подобнаго крушенія, заставлявшаго страдать въ такой степени чувство человѣколюбія, если бы можно было испытывать хоть сколько нибудь веселости, то костюмъ нѣкоторыхъ изъ жертвъ Наполеона могъ бы ее внушить. Это былъ полный маскарадъ: гренадеры съ длинными усами были украшены чепцами и одѣты въ женскія шубы, другіе облечены въ одѣянія Русскихъ священниковъ, иные одѣты въ вышитые камергерскіе мундиры, разграбленные изъ повозокъ. Фигура самаго Наполеона, какъ меня увѣряли нѣкоторые очевидцы, была не менѣе забавна *). Когда онъ рѣшался совершать путь верхомъ (это было рѣдко, обыкновенно онъ возсѣдалъ въ прекрасной каретѣ, закутанный въ шубы), то садился на лошадь соловой масти (isabelle), облеченный въ огромную зеленую, расшитую галунами шубу, похищенную (volée) въ Москвѣ, и въ большомъ мѣховомъ чепцѣ. Онъ, какъ и другіе, представлялъ собою настоящую каррикатуру.

Послѣ Березины несчастные Французы, въ коротенькомъ платьѣ, въ панталонахъ и жилетахъ изъ бумажной ткани, безъ шинелей, не имѣли никакой провизіи и питались только лошадиной падалью; они

---

*) Говорятъ, что Наполеонъ, уѣзжая изъ Россіи въ саняхъ съ Коленкуромъ, надѣлъ на себя, изъ предосторожности, мѣховую Жидовскую кацавейку. П. Б.

рѣзали ее кусками и жарили, нанизавъ на палку, но чаще ѣли ее сырьемъ, и эта ужасная пища причиняла имъ зачастую диссентерію, ослабляя ихъ вмѣсто того, чтобы подкрѣплять. Но выбора у нихъ не было.

Можно подумать, что мы терпѣли тѣже лишенія; но, напротивъ, мы пользовались избыткомъ: полковые экипажи съ сухарями слѣдовали за нами, и мы не терпѣли въ нихъ никогда недостатка. Правда, лежащія по пути деревни были опустошены и по большей части сожжены, но расположенныя на нѣкоторомъ разстояніи, даже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги, были не тронуты. Французы не могли рискнуть отправиться туда за фуражемъ, не будучи окруженными или убитыми нашими казаками. Тѣже казаки приносили намъ изъ этихъ деревень всякаго рода припасы, а въ городахъ Евреи отрывали для насъ все то, что̀ спрятали [1]).

Наши солдаты были хорошо одѣты и обуты; у нихъ были хорошія шинели, они были болѣе привычны къ перенесенію холода, чѣмъ непріятель, и къ избѣжанію опасностей, которымъ подвергаются неблагоразумные люди: они рѣдко засыпали, даже по ночамъ, иначе какъ разводя огонь. Рѣдко они проводили ночи подъ кровлей, а когда входили въ домъ на нѣкоторое время, то держались вдалекѣ отъ печки. Мы, генералы и офицеры, слѣдовали ихъ примѣру и вопреки невѣроятной усталости достигли того, что потеряли привычку и даже охоту спать.

Напротивъ, Французы, устремившись въ уцѣлѣвшія еще Еврейскія гостиницы (корчмы), раскладывали огонь безъ всякой предосторожности; домъ вспыхивалъ, и они погибали подъ развалинами и отъ огня. Придя въ домъ, они бросались къ печкѣ. Я видѣлъ людей забившихся въ печь и тамъ задохшихся.

Увы, мнѣ пришлось увидить болѣе страшныя вещи. Въ лѣсу подъ Молодечною я видѣлъ только что родившую женщину [2]), она испускала

---

[1]) Евреи любятъ Русскихъ. Они были намъ очень полезны, но себя не забывали. Много ихъ послѣдовало за нашей арміей и скупало у казаковъ огромную добычу, которая имъ каждодневно доставалась и отъ которой они старались избавиться, чтобы обремениться новой. Евреи расплачивались фальшивыми Русскими ассигнаціями, которыя Наполеонъ, ничего въ такомъ родѣ не упускавшій, отпечаталъ и распустилъ по Польшѣ. Благодаря этой ловкой индустріи, Евреи имѣли все, казаки—ничего.

[2]) Трудно себѣ представить, сколько шло женщинъ за Французской арміей. Я замѣтилъ, что онѣ переносятъ холодъ лучше, чѣмъ мущины. Я спрашивалъ у многихъ изъ этихъ несчастныхъ, которыя шли съ нами, куда онѣ идутъ. Всѣ они отвѣчали: „Въ Вильну, сударь, на зимнія квартиры; Наполеонъ намъ обѣщалъ ихъ“. Онѣ прибавляли: „Все равно, вы не причиняете намъ зла, вы насъ кормите, и мы идемъ въ Вильну“. Отъ этой мысли и надежды, которую Наполеонъ внушилъ всей своей арміи, нельзя было отвратить ихъ.

духъ возлѣ своего мертваго ребенка. Я видѣлъ мертваго человѣка: его зубы впились въ ляжку еще трепетавшей лошади; видѣлъ мертваго въ лошади: онъ выпотрошилъ ее и залѣзъ въ нее, чтобы согрѣться. Я видѣлъ впившагося зубами въ кишки мертвой лошади. Я не видѣлъ, чтобы несчастные Французы пожирали другъ друга, но я видѣлъ трупы съ кусками мяса, вырѣзанными для пищи. Мы находили трупы въ подводахъ, изъ которыхъ были выброшены припасы.

Генералъ Башиловъ подобралъ подъ Илліей молодаго офицера, ослабѣвшаго отъ лишеній; онъ далъ ему хлѣба, надѣлъ на него шубу и посадилъ въ свою коляску. Прибывъ въ Иллію, онъ нашелъ его мертвымъ.

На изуродованныхъ фигурахъ всѣхъ этихъ труповъ можно было еще замѣчать ихъ характеръ и выраженіе той минуты, когда они умирали: одинъ умеръ, простирая руки къ небу, къ которому онъ конечно возносилъ свои моленія при послѣднемъ издыханіи; другой сжавъ руки и въ положеніи молящагося; третій поднявъ кулакъ съ видомъ отчаянія, угрозы и ярости, конечно противъ Наполеона. Но такъ велико было обаяніе его личности, что никто изъ всѣхъ отчаявшихся не посягнулъ на его жизнь и персону *).

Среди всѣхъ этихъ ужасовъ, кровожадный и безучастный деспотъ думалъ лишь о себѣ, заботился только о своей особѣ; закутавшись въ шубы, онъ спалъ въ своей каретѣ, катившейся по трупамъ. Онъ издѣвался надъ страданіями своихъ жертвъ; окруженный тысячами умирающихъ отъ голода, онъ заботился усердно о своемъ обѣдѣ и сладко кушалъ, ни разу не лишивъ себя Бордо и Шампанскаго.

Генералъ Луазонъ привелъ изъ Вильны 10,000 человѣкъ хорошо одѣтыхъ и не испытавшихъ никакихъ лишеній. Послѣ присоединенія ихъ къ арміи и начавшагося отступленія, онъ потерялъ въ двѣ ночи 7,000 человѣкъ; это была Нѣмецкая дивизія.

Передъ Молодечной, на перекресткѣ большой дороги изъ Минска въ Вильну, протекаетъ по опушкѣ лѣса рѣчка не широкая и не глу-

---

Кромѣ женъ офицеровъ, солдатъ и маркитантовъ, была цѣлая толпа женщинъ, находившихся при арміи для иныхъ цѣлей. Намъ попались актрисы изъ труппы Французской комедіи, которая играла въ Москвѣ и состояла при главной квартирѣ Наполеона, и Италіянскія пѣвицы изъ хора Мюрата. Толпа Французскихъ артистовъ и ремесленниковъ шла за арміей и возвращалась съ нею. Тамъ были корпораціи слесарей, каменьщиковъ, брилліантщиковъ, каретниковъ, часовщиковъ. Вѣроятно, Наполеонъ хотѣлъ учредить колоніи въ Россіи.

*) Есть преданіе, что когда Наполеонъ проѣзжалъ во время отступленія черезъ Ошмяны, (въ корпусѣ Луазона, въ 113-мъ Тосканскомъ полку былъ составленъ заговоръ арестовать его и выдать Русскимъ. Ю. Б.

бокая, но очень быстрая, не замерзшая при 18 градусахъ холода. Ночью нашъ авангардъ подошелъ къ ней, горсть непріятелей еще способныхъ носить оружіе защищала берегъ. Въ ста шагахъ отъ рѣки находился домъ какого-то Польскаго дворянина. Тамъ остановился Наполеонъ съ своей главной квартирой и гвардіей.

Казаки хотѣли взять переходъ, но это имъ не удалось, и ихъ старый генералъ-лейтенантъ Мартыновъ былъ раненъ. Отложили преслѣдованіе непріятеля до слѣдующаго дня и расположились бивакомъ въ лѣсу, часть котораго сожгли, чтобы согрѣться.

По утру 22 Ноября (4 Декабря), на разсвѣтѣ мы перешли рѣчку и взошли въ Молодечну, которая была оставлена непріятелемъ въ два часа утра.

Однимъ изъ первыхъ взошелъ я въ городъ. Сторожъ замка, гдѣ помѣщался Наполеонъ, разсказалъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ наканунѣ въ четыре часа пополудни, не ложился спать, писалъ до двухъ часовъ утра и потомъ уѣхалъ верхомъ. Онъ меня ввелъ въ комнату, которую онъ занималъ, и указалъ на обрѣзки бумаги, изъ которой онъ дѣлалъ обертку для огромнаго пакета, отправленнаго въ Парижъ: это былъ его знаменитый 29-й бюллетень.

Я отправился въ монастырь Піетистовъ гдѣ мнѣ была отведена квартира. Кельи были ограблены, и около дюжины труповъ лежало по лѣстницѣ и коридорамъ. Настоятель сообщилъ мнѣ, что трое маршаловъ помѣщались у него и уѣхали около 4 часовъ утра.

Первые четыре дня преслѣдованія мы считали оставленныя пушки, подводы, повозки; но послѣ Сморгонъ, куда мы взошли 22 Ноября (4 Декабря), число ихъ до той степени возрасло, что никто болѣе не подбиралъ ихъ *).

Между Сморгонами и Вильной, куда мы взошли 29 Ноября (11 Дек.), мы нашли болѣе пятисотъ пушекъ, отъ трехъ до четырехъ тысячъ подводъ, фургоновъ, экипажей. Число труповъ увеличивалось въ той же пропорціи, и можно считать потерю во Французской арміи отъ Березины до Нѣмана болѣе чѣмъ въ сто тысячъ человѣкъ. Въ Вильнѣ на улицахъ мы нашли двадцать восемь тысячъ труповъ, экипажи глав-

*) Больше не брали плѣнныхъ: было невозможно собирать и подбирать отсталыхъ. Подъ Острямой старый солдатъ Наполеоновской гвардіи просилъ казака взять его въ плѣнъ Казакъ оттолкнулъ его и удалился. Французъ воскликнулъ: „Боже праведный, двадцать ранъ, пятнадцать кампаній, гвардейскій гренадеръ—и презрѣнный казакъ не хочетъ меня брать!“

ной квартиры, главнаго штаба, короля Неаполитанскаго [1]), Бертье и другихъ маршаловъ, больницу, архивъ, канцелярію и т. д.

Въ пяти верстахъ отъ Вильны, по дорогѣ къ Ковнѣ, Французы бросили свои послѣднія повозки [2]) на маленькомъ подъемѣ, съ которымъ ни одна изъ ихъ лошадей не въ силахъ была справиться. Была гололедица, такъ что люди съ трудомъ могли ходить, и 28 градусовъ холода. Тутъ разграбили болѣе десяти милліоновъ золотомъ и серебромъ. Всего забавнѣе въ этой сутолокѣ было то, что горсть Французскихъ солдатъ изъ тѣхъ, которые еще могли держаться на ногахъ и сохраняли надежду на спасеніе, присоединились къ казакамъ, чтобы разграбить кассу и набить карманы наполеондорами и пятифранковыми.

До Сморгонъ Наполеоновы гвардейцы, всегда отличаемые и холимые, терпѣли меньше другихъ и сохраняли нѣкоторое благоустройство; но когда Наполеонъ оставилъ ихъ [3]), они стали раздѣлять лишенія и крушеніе остальной арміи; множество киверовъ отороченныхъ медвѣжьимъ мѣхомъ, найденные нами по дорогѣ, свидѣтельствовали намъ, что гвардейцы перестали быть безсмертными.

Нѣсколько дней раньше Наполеонъ, очень занятый сохраненіемъ своей священной особы, окружилъ себя толпою генераловъ и офицеровъ уничтоженныхъ полковъ и образовалъ изъ нихъ почетную гвардію подъ начальствомъ Мюрата [4]).

Мы оставались въ Вильнѣ четыре дня. Я собралъ тамъ нѣкоторыхъ изъ моихъ злополучныхъ соотечественниковъ и былъ такъ счастливъ, что спасъ имъ жизнь, напр. де-Дюрфору, де-Фонтанжу [5]). Адмиралъ

---

[1]) Былъ цѣлый фургонъ, принадлежавшій этому театральному королю; онъ былъ до верху наполненъ благовоніями и бутылками съ духами (казаки приняли ихъ за ликеры), банками съ помадою (казаки приняли ее за масло) и множествомъ саше и косметиковъ, которыя соотвѣтствовали лишь туалету актрисы. Когда разграбили этотъ фургонъ, то весь городъ надушился. Мы очень забавлялись этой находкой, и каждый изъ насъ сдѣлалъ запасъ помады и духовъ.

[2]) Среди нихъ были кареты Наполеона; въ нихъ нашли его портфели, платье, приказы, скипетръ и императорскую мантію, въ которую, какъ разсказываютъ, нарядился какой-то казакъ. Мы были привычны къ метаморфозамъ достойнымъ Римскихъ сатурналій. Какъ-то взошелъ ко мнѣ казакъ въ расшитомъ золотомъ одѣяніи Французскаго сенатора.

[3]) Это было при Сморгонахъ 20 Ноября (2 Дек.), когда славный завоеватель, вступившій въ Россію съ 600.000 человѣкъ и съ 200 великолѣпныхъ экипажей, убѣжалъ въ крестьянскихъ саняхъ съ Коленкуромъ, котораго Виленскіе шутники называли Colin court.

[4]) Ланжеронъ ошибается: командовалъ этой почетной гвардіей Груши. *Прим. издат.*

[5]) Взяли въ плѣнъ въ Вильнѣ около тридцати Французскихъ генераловъ.

Чичаговъ спасъ графа де-Шабань-ла-Палисъ. Вильна была полна больныхъ и раненыхъ; мы нашли ихъ тамъ около двадцати тысячъ [1].

Я пошелъ осмотрѣть госпитали; они были столь же отвратительны, какъ и въ Минскѣ [2].

Императоръ Александръ, пріѣхавъ въ Вильну 10 (22) Декабря, поручилъ заботы о госпиталѣ и очисткѣ города графу Сенъ-Прй. Сначала пробовали жечь трупы, накладывая ихъ въ кучи по пятидесяти или по сту, но они оттаявали и не сгорали; ихъ предали землѣ весною.

Жители Вильны узнали объ отступленіи Французовъ лишь тогда, какъ увидѣли нашихъ казаковъ и Московскихъ бѣглецовъ. Можетъ показаться невѣроятнымъ, но до послѣдней минуты герцогъ Бассано, находившійся въ Вильнѣ, увѣрялъ жителей и иностранныхъ дипломатовъ, тамъ находившихся, въ безопасности. Онъ оставилъ Вильну, лишь 27 Ноября (9) Декабря.

По достиженіи Нѣмана, Французовъ осталось лишь 30.000, изъ коихъ 4 или 5 тысячъ могли держать оружіе. Такимъ образомъ 513 тысячъ пало жертвою этой безумной экспедиціи. Изъ 30 тысячъ бѣглецовъ, перешедшихъ Нѣманъ, болѣе трети погибло раньше чѣмъ они достигнули Вислы.

16 (28), когда мы достигли до нашихъ квартиръ, насъ было немного; наша армія растаяла по дорогѣ не благодаря раненымъ и убитымъ, а благодаря отсталымъ.

Генералъ Сергѣй Ланской командовалъ довольно сильнымъ отрядомъ; онъ несся передъ Французскими колоннами, тревожилъ ихъ нападеніями, заставлялъ разрушать мосты, портить дороги, но дѣлалъ онъ это недолго, вскорѣ совсѣмъ оставилъ войско и безъ команды, безъ разрѣшенія, отправился воевать самъ по себѣ, вѣрнѣе совершать грабежи по Польшѣ и Пруссіи. Онъ обезчестилъ многихъ благородныхъ женщинъ, грабилъ кассы, уводилъ лошадей, убивалъ путешественниковъ и совершалъ всякаго рода преступленія.

Къ концу года не оставалось ни въ Россіи, ни въ Русской Польшѣ, ни даже собственно говоря въ Пруссіи, ни одного Француза.

---

[1] Евреи выгоняли изъ домовъ всѣхъ искавшихъ прибѣжища и выбрасывали ихъ на улицу, гдѣ они умирали.

[2] Одинъ изъ моихъ адъютантовъ замѣтилъ тамъ двухъ выздоравливающихъ солдатъ; они играли въ пикетъ, а вмѣсто игорнаго стола пользовались заледенѣлой спиной одного изъ замерзшихъ товарищей. Они называли эту спину своимъ мраморнымъ столомъ.

ИЗЪ ПОХОДНАГО ДНЕВНИКА А. И. НАРБУТА.

1877-й годъ.

Александръ Николаевичъ Нарбутъ (изъ дворянъ Тверской губерніи, православнаго исповѣданія) родился 17 Августа 1822 года, началъ ученіе въ Полоцкомъ Кадетскомъ корпусѣ и кончилъ его въ Императорской Военной Академіи. Служа по квартирмейстерской части въ бывшей Западной арміи, 25 Мая 1863 г. онъ разбилъ шайку Мицкевича въ Цитовянскихъ лѣсахъ Ковенской губерніи. Потомъ онъ служилъ въ Ригѣ помощникомъ начальника штаба и участвовалъ въ составленіи описанія Рижскаго военнаго округа. Его участіе въ послѣдней Турецкой войнѣ началось съ 12 Апрѣля 1877 года. 20 Іюня онъ переправился съ Бѣлевскимъ полкомъ черезъ Дунай изъ Браилова въ Мачинъ и 18 Іюля руководилъ артиллерійскимъ боемъ береговыхъ батарей въ Кюстенджи съ Турецкими броненосцами, въ Январѣ 1878 г. овладѣлъ Базарджикомъ и Козлуджи, а осенью того же года перешелъ съ 14-мъ корпусомъ изъ Добруджи за Балканы. По окончаніи войны Н. А. Нарбутъ отвелъ войска своей дивизіи въ городъ Люблинъ.

Въ 1886 г. 30 Августа А. Н. Нарбутъ получилъ орденъ Бѣлаго Орла и въ томъ же году назначенъ командиромъ 14-го пѣхотнаго корпуса.

Въ 1890 г. на большихъ маневрахъ подъ Ровно онъ командовалъ войсками со стороны Варшавскаго округа. По окончаніи маневровъ 30 Августа Государь Императоръ поздравилъ его съ производствомъ въ полные генералы.

Эти маневры подкосили крѣпкое здоровье Нарбута, которому уже было 70 лѣтъ: онъ сталъ сильно хворать и проситься на покой. Въ Декабрѣ того же 1890 года онъ былъ назначенъ въ Комитетъ о раненыхъ. Въ 1891 году праздновался юбилей его 50-ти лѣтней службы, и онъ получилъ милостивый рескриптъ отъ Государя. Въ 1893 г. 30 Августа награжденъ онъ былъ орденомъ св. Александра Невскаго, и 3 Сентября 1894 г. скончался 73-хъ лѣтъ отъ роду.

Походный дневникъ А. И. Нарбута любезно сообщенъ въ „Русскій Архивъ“ супругою покойнаго генерала. П. Б.

15 Мая (1877). М. Каушаны.

Я долженъ былъ начать свой дневникъ еще вчера, но не сдѣлалъ того, чтобы не начинать его подъ слишкомъ непріятнымъ впечатлѣніемъ. Первый переходъ произвелъ на меня самое тяжелое, самое безотрадное впечатлѣніе. Въ Бендерахъ весь отрядъ, состоящій изъ двухъ батальоновъ Бѣлевскаго полка, изъ трехъ батарей съ ихъ обозами и подвижнымъ дивизіоннымъ магазиномъ, былъ собранъ у выхода изъ города. Дождь всю ночь лилъ ливмя, дорога была испорчена дождемъ до крайности; при выходѣ изъ города отрядъ долженъ былъ взобраться на гору, хотя и неособенно крутую, но тянущуюся на 2½ версты, лошади изморены желѣзною дорогою и расклеились въ ѣздѣ. Подъемъ на гору былъ весьма труденъ по случаю распустившейся грязи, и тутъ-то я увидѣлъ въ первый разъ, что́ такое походъ въ неблагопріятную погоду и по дурнымъ дорогамъ. Обозъ конечно застрялъ на первой же горѣ и, не смотря на помощь людей, нѣкоторыя повозки обоза пришли только на другой день къ 10 часамъ утра. Хорошо, что на другой день была назначена дневка, и обозъ подтянулся; а безъ этого я не знаю, какъ бы мы выступили изъ Бендеръ. Весь день похода лилъ проливной дождь, люди всѣ промокли насквозь и былъ такой холодъ, что я дорогою на мундиръ подъ непромокаемый плащъ долженъ былъ надѣть толстое пальто; прибывши же на ночлегъ, я чувствовалъ, что ноги мои охолодѣли, и я надѣлъ теплые сапоги. Какъ въ эту минуту благословлялъ я свою жену, которая посовѣтовала мнѣ взять съ собою эти сапоги! Очень боялся я за здоровье людей; но, слава Богу, обошлось благополучно. Обѣдали въ 5 часовъ самый мизерный обѣдъ; послѣ того у меня составилась пулька, но я не игралъ, а смотрѣлъ только. Во весь вечеръ, каждый изъ насъ только и заботился о томъ, идетъ ли дождь; но дождь лилъ какъ изъ ведра, и люди не могли даже просушиться. Охъ, много имъ предстоитъ лишеній и трудовъ, и только Русскій человѣкъ, закаленный жизнію и трудами, можетъ переносить такія испытанія. Сегодня праздникъ Троицы. Въ воображеніи каждаго Русскаго этотъ праздникъ представляется съ зеленью лѣсовъ и садовъ, съ цвѣтами. Въ Каушанахъ ничего зеленаго, ничего радостнаго, одна грязь и грязь непроходимая. Былъ въ церкви по случаю праздника Бѣлевскаго полка: молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Молитва великое дѣло; помолился, и какъ будто стало отраднѣе и веселѣе на сердцѣ: походъ уже не представляется въ такомъ мрачномъ, непривлекательномъ видѣ. Послѣ молебна небо прояснилось, и солдатики высыпали всѣ на улицу въ ожиданіи сытнаго обѣда и водки. На ихъ лицахъ и слѣдовъ нѣтъ усталости и неудовольствія. Дай

чарку водки, да накорми хорошо, онъ, нашъ добрый и выносливый Русскій солдатикъ забудетъ всѣ невзгоды и труды и опять готовъ ломать походъ припѣваючи. Нѣтъ, съ нашимъ солдатикомъ все можно перенести и до всего достигнуть, только надо его беречь и о немъ заботиться. Начинаетъ свѣтить и грѣть солнце. Авось Богъ милостивъ! Земство Каушанское даетъ воловъ, чтобы поднять обозъ на гору, которая тянется на 6 верстъ и страшно топкая. Спасибо имъ отъ души!

15 Мая часъ пополудни.

Относительно золота наши надежды оказались пуфомъ. Сегодня я былъ страшно огорченъ равнодушнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ командира 6 батареи 18 бригады полковника *., который при выступленіи изъ Бендеръ не былъ при своей части, который не кормитъ своихъ лошадей и котораго обозъ отсталъ; думаю представить его какъ неспособнаго командовать батареею.

16 Мая, 2 часа пополудни.

Увлекшись описаніемъ нашего перваго ужаснаго перехода, я ни слова не сказалъ о прошломъ. Пріѣхали мы по желѣзной дорогѣ изъ Кіева въ Бендеры благополучно и весьма комфортабельно. По моему нѣтъ ничего лучше какъ ѣхать особымъ воинскимъ поѣздомъ. Для начальника всегда отдѣльное купе въ I-й классѣ, нигдѣ не торопятъ, ѣдешь такъ сказать съ роздыхомъ, нигдѣ не торопясь и не ожидая звонка; притомъ же, оставаясь на станціяхъ довольно продолжительное время, можно себѣ заказать чего нибудь свѣжаго, а не подогрѣтаго, какъ это бываетъ при пассажирскихъ поѣздахъ; одно только, что поѣздъ идетъ слишкомъ медленно.

Въ Бендерахъ есть крѣпость и желѣзнодорожный мостъ чрезъ Днѣстръ; крѣпость крохотная, но за то комендантъ громаднѣйшаго роста и съ такими выкрашенными волосами и бородою, что самъ Штельценвальдъ разинулъ бы ротъ. Это не то что человѣкъ съ черными волосами и бородой; но у него волосы и борода имѣютъ синій отливъ, какъ вороново крыло. Признаюсь, завидно мнѣ стало, и я хотѣлъ было уже спросить о секретѣ краски, но духу недостало, и если бы онъ мнѣ сказалъ секретъ, то право бы можно было изъ этого секрета извлечь пользу, потому что дѣйствительно комендантъ выкрасился изумительно-хорошо.

Бендеры городокъ маленькій, притомъ же грязный и весь исключительно населенъ Жидами; но Жиды живутъ здѣсь гораздо чище и

опрятнѣе. Я имѣлъ квартиру у одного, кажется, очень зажиточнаго Еврея, у котораго не только оказалась комната чистою, но даже чистъ и весь дворъ, а за дворомъ хорошенькій садикъ съ качелями и разными увеселеніями для дѣтей. Въ Бендерахъ я только обѣдалъ и ночевалъ, а потому ничего особеннаго о нихъ сказать не могу. Бендеры въ настоящую минуту кишатъ военными и всѣмъ напоминающимъ войну. На желѣзной дорогѣ громадное количество артиллерійскихъ орудій и всевозможныхъ воинскихъ складовъ, на площадяхъ обозы и солдаты, а на берегу Днѣстра—артиллерійскій лагерь. Говорятъ, что перевозка осадныхъ орудій пріостановлена по случаю поврежденія желѣзнодорожнаго моста въ Яссахъ. Положимъ, остановка эта очень вещь непріятная, потому что можетъ замедлить нашу переправу черезъ Дунай; но всетаки слава Богу, что орудія везутся по желѣзной дорогѣ, ибо по существующимъ въ настоящую минуту дорогамъ ихъ везти было бы едва ли возможно. Съ какимъ трудомъ велись наши прежнія войны съ Турціею! Много стоятъ Русскаго поту и крови наши братья Славяне. Поймутъ ли они это и будутъ ли они намъ благодарны за то, что мы для нихъ дѣлаемъ? Конечно не все мы дѣлаемъ для нихъ, тутъ играетъ роль и самолюбіе и еще кое-что, но во всякомъ случаѣ мы дѣлаемъ для нихъ много, и да дастъ Богъ никогда не ожидать отъ нихъ благодарности, а то, пожалуй разочаруемся и будемъ сожалѣть о потраченныхъ трудахъ и о пролитой крови. Теперь намъ нужно по крайней мѣрѣ дѣйствовать такъ, чтобы война изъ за братій Славянъ уже не возобновлялась, порѣшить этотъ вопросъ навсегда или уже по крайней мѣрѣ надолго. Но все это въ рукахъ Божіихъ. Что на армію можно надѣяться, это вѣрно; а съ надежною арміею все можно сдѣлать, всего можно достигнуть.

Сегодня переходъ былъ такъ хорошъ, погода такъ благопріятствовала, что такой походъ можно сравнить съ пріятною прогулкою. Я выѣхалъ съ квартиры въ 7 часовъ утра, обозъ же въ 5 часовъ, а весь эшелонъ въ 6-мъ. Погода была ясная, теплая, но не жаркая; солдатики шли весело и бойко, обозъ нигдѣ не застрялъ, хотя мы почти полперехода все поднимались въ гору. Мѣстность весьма гористая; надо полагать, что это отроги Карпатскихъ горъ; виды представляются весьма грандіозные, но увы,—эти виды не веселятъ глаза: нигдѣ не видно ни одного деревца, ни одного кустика, только одни луга и поля; рѣкъ и ручьевъ нѣтъ, и всѣ селенія, которыя чрезвычайно рѣдки, ютятся около маленькихъ озеръ, которыхъ въ странѣ весьма немного; земля черноземная и повидимому плодородная, но зажиточности и богатства въ народѣ не видно.

Народонаселеніе очень смѣшанное; оно состоитъ изъ Малороссовъ, Цыганъ, Жидовъ, Болгаръ, Молдаванъ и Русскихъ, преимущественно раскольниковъ; послѣдніе самые богатые жители страны и самые дѣятельные. Чтó ни говори, а Русскій человѣкъ имѣетъ что-то особенное въ себѣ, чтò дѣлаетъ его какъ бы властелиномъ той мѣстности, гдѣ онъ засядетъ. Въ этомъ, по моему, и состоитъ будущность Русскаго народа, и еще особенность та, что Русскій человѣкъ, куда бы ни былъ закинутъ судьбою, сохраняетъ свою національность. Онъ говоритъ тѣмъ же чистымъ Русскимъ языкомъ, не измѣняетъ своихъ нравовъ и обычаевъ и держится своихъ преданій прежней жизни неуклонно.

17 Мая, 5 часовъ вечера.

Я обращаюсь къ вчерашнему дню. Ночлегъ назначенъ былъ въ мѣстечкѣ Мандзырѣ. Меня и Михѣева прииялъ къ себѣ владѣтель Мандзыря князь Гагаринъ-Стурдза. Князь и въ особенности княгиня (лѣтъ 32), хотя не очень хорошенькая собою, но очень симпатичная личность, приняли насъ очень радушно. Они живутъ въ самомъ мѣстечкѣ, домъ не особенно обставленъ и повидимому бѣденъ; но садъ и паркъ великолѣпны. Въ паркѣ все южная флора, акаціи бѣлыя въ обхватъ толщиною, можжевельникъ растетъ не кустами, а тоже деревьями и громадными. Сѣверной растительности нѣтъ, и во всемъ паркѣ только одна березка, за которою ухаживаютъ, какъ за рѣдкостью.

Паркъ вообще обширный и великолѣпный, но содержится недостаточно въ порядкѣ. Княгиня-хозяйка объяснила мнѣ, что у нихъ теперь нѣтъ средствъ, чтобы поддерживать паркъ. Они, князья, владѣютъ громадными землями, но вотъ уже четыре года сряду страшный неурожай въ краѣ, и они теперь находятся въ крайности въ отношеніи денежныхъ средствъ. Впрочемъ приняли они насъ очень хорошо; обѣдъ былъ, какъ въ деревнѣ, очень хорошъ, блюдъ пять и очень хорошо приготовленъ. У нихъ только одна дочь, 11 лѣтъ, для которой держатъ Француженку и Англичанку. Мы провели время у нихъ очень пріятно и свободное время играли на билліардѣ. Княгиня такъ хорошо играетъ, что я не могъ выиграть у нея ни одной партіи. Въ 9 часовъ вечера былъ чай съ закускою; въ 11 часовъ мы распрощались и отправились спать. На другой день, т. е. 17 Мая, мы отправились въ походъ. Погода для похода дивная. Переходъ въ 20 верстъ. Сперва я ѣхалъ верхомъ верстъ 10, и шагомъ, и рысью; потомъ верстъ 5 шелъ пѣшкомъ, потому что сухо, и остальныя 5 верстъ ѣхалъ въ бричкѣ. Дорога прекрасная, твердая, сухая. Въ хорошую погоду походъ наслажденіе, и

если мой бронхитъ не пройдетъ во время войны, то онъ никогда не пройдетъ; чувствую, что онъ ослабѣваетъ.

Ночлегъ намъ назначенъ въ Нѣмецкой колоніи Бородино. Нѣмцы живутъ колоніями, особнякомъ и съ другимъ населеніемъ края имѣютъ мало сношеній. Эти колоніи основаны въ 1814 году, и всѣ Нѣмцы переселены изъ Виртемберга. Они всѣ Лютеране. Что это за прелесть эти колоніи: чистота, домовитость, довольство и богатство. Я стою у простаго мужика и занимаю одну комнату; но эта комната такъ чиста, такъ уютна, что я готовъ прожить въ ней долго; рядомъ съ комнатою и кухня съ плитою. Подъѣзжая къ колоніи, вы видите приволье и богатство; за двѣ или три версты мнѣ повстрѣчался табунъ лошадей головъ въ триста, и только одна матка съ жеребятами, да видѣлъ я также стадо скота и множество овецъ, штукъ до 10,000. Въ самой же колоніи у каждаго двора я увидалъ склады прошлогодняго хлѣба и сѣна, не смотря на то что въ краѣ уже четыре года неурожай. Хозяинъ-Нѣмецъ мнѣ разсказывалъ, что эти четыре года ихъ сильно подорвали и въ особенности прошлогодній морозъ въ Маѣ мѣсяцѣ: онъ убилъ всѣ ихъ виноградники. Я того же хозяина послалъ мнѣ купить вина, и онъ принесъ мнѣ *три штофа* за 90 к. с., а въ штофѣ 1½ бутылки. По моему вино гораздо лучше того, которое мы пьемъ въ Россіи, платя за бутылку по рублю и дороже. Вино чистое и безъ всякой примѣси. У меня постоянно обѣдаютъ пять человѣкъ: штабные, докторъ и интендантъ. Михѣевъ мнѣ сдѣлалъ заявленіе, чтобы за обѣдъ платили всѣ; но я отклонилъ это предложеніе, на время всего похода до Галаца, а послѣ не знаю какъ будетъ. Обѣдъ стоитъ мнѣ около трехъ рублей ежедневно. Поваръ готовитъ весьма порядочно.

19 Мая, колонія Тарутино, 11 часовъ утра.

Изъ колоніи Бородино мы отправились въ колонію Тарутино, гдѣ и имѣемъ дневку. Это тоже Нѣмецкая колонія, но въ ней уже живутъ Евреи и Русскіе, преимущественно старообрядцы Бѣлокриницкаго толка, т. е. старовѣры Австрійскіе. Колонія уже не имѣетъ того типа, какъ Бородино; она не такъ чиста и опрятна, Еврей даетъ себя чувствовать; но за то въ этой колоніи имѣются лавки, и все можно достать. Квартира мнѣ отведена у старообрядца. Меня и Михѣева хозяинъ принялъ весьма радушно и положительно не зналъ чѣмъ насъ ублаготворить. Встрѣтилъ онъ насъ громадною закускою и разными винами, и потомъ подчивалъ чаемъ, мармеладомъ, конфетами и даже лимонадъ-газёзомъ; въ особенности онъ настаивалъ, чтобы мы не отказались отъ лимонаду (вѣроятно это угощеніе у нихъ считается очень

почетнымъ). Лимонадъ оказался испорченнымъ, но нельзя было обидѣть хозяина, и приходилось пить скрѣпя сердце. Въ квартирѣ три прехорошенькія комнаты, поражающія своею чистотою и опрятностію. Хозяинъ нашъ, старикъ, родился уже въ колоніи; вѣроятно любовь къ чистотѣ и порядку перенялъ онъ у Нѣмцевъ.

Нашъ послѣдній переходъ не отличался отъ предыдущихъ: тотъ же характеръ мѣстности, волнистый съ крутыми спусками и подъемами; но эти подъемы не затрудняли обоза, потому что дороги сухи и хороши. Если бы продержалась погода до окончанія нашего похода! По всѣмъ слухамъ, да и на основаніи соображеній, нужно ожидать, съ нашимъ приходомъ въ Галацъ, немедленной переправы чрезъ Дунай; время не терпитъ, и скоро можетъ послѣдовать вторичный разливъ Дуная отъ таянія снѣговъ на Балканахъ. Будетъ ли Галацъ избранъ главнымъ пунктомъ переправы, это неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ при Галацѣ будетъ демонстрація переправы, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ настоящей, главной переправы. Мы должны ожидать весьма серьезнаго дѣла; да и лучше: чѣмъ мы скорѣе побываемъ въ дѣлѣ, тѣмъ скорѣе привыкнемъ къ ожидающему насъ, и кого вынесетъ Богъ цѣлымъ и здоровымъ, тому уже будетъ очень хорошо. Каждый будетъ себя чувствовать обстрѣленнымъ и, главное, каждый познаетъ самаго себя, на что онъ способенъ и какъ будетъ переносить впечатлѣнія боя. Не испытавъ на дѣлѣ боя, никто за себя ручаться не можетъ, а сомнѣніе въ самомъ себѣ есть вещь чрезвычайно тяжелая. Вчера я имѣлъ самыя непріятныя объясненія съ командиромъ Бѣлевскаго полка и 6-й батареи за дурную пищу для нижнихъ чиновъ; наговорилъ имъ вдоволь и теперь надѣюсь, что они будутъ держать ухо востро̀. Еще разъ я убѣдился въ истинѣ, что ни на кого полагаться не слѣдуетъ и чего не видитъ собственный глазъ, за то ручаться не возможно. Нужно непремѣнно держаться правила: посмотри, прикажи и потомъ повѣрь, исполнено ли приказаніе, а безъ этого нельзя быть увѣреннымъ ни въ чемъ. Завтра нашъ переходъ до другой Нѣмецкой колоніи, а черезъ три дня уже будемъ за-границею.

Колонія Малый Ярославецъ, 20 Мая, 7 часовъ вечера.

Надъ нами виситъ страшная туча, какъ бы желающая обрушиться на насъ всѣми бѣдствіями; а завтра предстоитъ переходъ въ 25 верстъ по гористой мѣстности. Кромѣ того, вчерашній вечеръ я былъ крѣпко огорченъ дурнымъ поведеніемъ нѣкоторыхъ войскъ изъ моего эшелона. Ровно въ 9-ть часовъ вечера я былъ самъ на базарѣ и купилъ

пудъ сахару и фунтъ прескверкаго табаку. Возвратившись на квартиру, мы съ Михѣевымъ сѣли пить чай; вдругъ докладываютъ, что голова колоніи и староста желаютъ меня видѣть. Я подумалъ, что жители колоніи желаютъ чѣмъ нибудь угодить войску, предложатъ воловъ, подводы или водки, или по крайней мѣрѣ поблагодарятъ войска за примѣрную стоянку; но я вскорѣ былъ разочарованъ. Староста доложилъ, что артиллеристы и солдаты изъ лазарета косили траву на лугахъ и нанесли имъ ущербъ. Затѣмъ является какой - то паршивый Жиденокъ и говоритъ, что артиллеристы вошли въ его лавку съ цѣлію ограбить его и только крикъ караулъ! спасъ его лавку отъ разграбленія. Потомъ явились двѣ Жидовки и жаловались на то, что ихъ лотки съ булками и мелкими деньгами были разграблены также нижними чинами. Потомъ уже явился старый Жидъ съ старою Жидовкою и жаловался, что у него отъ погреба сломаны двери и что покрадены водка, вино, разная посуда и даже украденъ патентъ на торговлю. Можно себѣ представить, какъ мнѣ все это было пріятно, мнѣ, привыкнувшему ко благонравію моей дивизіи. Всѣ эти претензіи, были ли они справедливы или несправедливы, не знаю; но уже для меня было достаточно, что онѣ были. Я приказалъ немедленно удовлетворить и нарядилъ по всѣмъ жалобамъ дознанія; но дознанія едвали къ чему нибудь могутъ привести, и потому происшествія останутся безъ виновныхъ: кто велитъ нижнимъ чинамъ признаваться, а жалующіе не могутъ указать на виновныхъ. Но, чтобы подобныя происшествія не повторялись, и чтобы наказать всѣхъ нижнихъ чиновъ, такъ какъ виновные ими не были выданы, я приказалъ не вводить войска въ колонію, а располагать ихъ внѣ колоніи въ полѣ бивуакомъ. Тѣмъ болѣе это оказалось удобнымъ, что при насъ палатки (такъ я поведу эшелонъ до самаго Галаца). Сперва солдатики располагались въ колоніи, на тѣсныхъ квартирахъ, въ сараяхъ и пр. и имъ было очень удобно, теперь же не то; но сами тому виноваты. Всѣ эти происшествія конечно не могли меня радовать, и потому мнѣ сегодня не по себѣ, да притомъ же и завтрашній день обѣщаетъ быть не весьма пріятнымъ: долгій переходъ подъ дождемъ.

Мѣстность, по которой мы сегодня шли, представляетъ прежній характеръ, но растительность становится все меньше и меньше: единственное дерево, которое встрѣчаешь, это бѣлая акація; другаго сорта дерева нельзя найти теперь въ окружности ста верстъ. Здѣсь поражаетъ громадное количество аистовъ: почти что нѣтъ дома, гдѣ не было бы одного и даже двухъ гнѣздъ. На моемъ домѣ два гнѣзда, у Михѣева одно гнѣздо. И странное дѣло: аисты ужасные бичи молодой дичи, но

домашнихъ птицъ не трогаютъ. Аисты просто тутъ живутъ между людьми. Они положительно ничего и никого не боятся и ходятъ по двору какъ домашняя птица.—Ожидаю къ себѣ компанію на преферансъ. Докторъ, который замѣнилъ Лазаренку (онъ называется Табурé), оказывается очень дѣльнымъ и симпатичнымъ. Человѣкъ онъ бывалый, жилъ долго въ Сибири, много видѣлъ и много слышалъ, въ бесѣдѣ очень пріятный; каковъ какъ докторъ, еще не знаю. Мнѣ впрочемъ очень жаль Лазаренку.

Странный меня поразилъ слухъ: говорилъ мнѣ и всѣмъ присутствующимъ князь Гагаринъ-Стурдза, что будто, когда была объявлена война, офицеры той дивизіи, которая стояла въ имѣніи князя, были тѣмъ крайне недовольны. Мало того, многіе раскаивались, что не вышли ранѣе въ отставку и почти всѣ плакали. Тоже говорили и о нижнихъ чинахъ. Конечно слухъ этотъ вѣроятно преувеличенъ, но есть доля правды. Я не знаю навѣрно, съ какимъ духомъ идутъ офицеры моей дивизіи; но, судя по всему тому что̀ я вижу, они идутъ весело и съ охотой, точно также и нижніе чины: не замѣтно ни унынія, ни упадка духа, идутъ по видимому весело и беззаботно. Дай Богъ, чтобы это настроеніе въ дивизіи продолжалось. Впрочемъ скоро настанетъ такое время, что некогда будетъ и унывать, и забудешь все въ мірѣ.

21-го Апрѣля, 7-мь часовъ вечера. Колонія Градина.

Мое предчувствіе не оправдалось: мы совершили походъ сегодня при самой благопріятной погодѣ; вчерашняя туча, которая висѣла надъ нами, испарилась, и насталъ ясный сухой день; но сегодня южное солнце давало себѣ чувствовать, пекло сильно, и солдатики таки пріустали. Впрочемъ, на 20 верстѣ я догналъ 2-й батальонъ, и меня солдатики угостили лихими пѣснями, даже съ плясками. Разорился: далъ запѣвалѣ и кларнетисту по 20 к. с., а всѣмъ пѣсенникамъ по чаркѣ водки, что̀ мнѣ стоило 3 р. с. Квартира мнѣ отведена у попа; онъ меня встрѣтилъ очень радушно и угостилъ мѣстнымъ виномъ собственнаго издѣлія. Надо сказать, что колонія Градина не населена Нѣмцами, какъ предыдущія, а исключительно населена одними Болгарами. Типъ Болгаръ совершенно восточный: всѣ черные, даже смуглые съ правильными, но рѣзкими чертами лица. Женскаго пола я не видалъ за исключеніемъ самыхъ дряхлыхъ старухъ (молодыя вѣроятно прячутся отъ храбраго Русскаго воинства); но думаю, что молодыя Болгарки недурны собою, судя по типу мущинъ.—Слышу благовѣстъ въ церкви и иду туда. Попъ чисто говоритъ по-русски, хотя и родился

здѣсь же, но отъ Русскаго попа. Онъ уже 26 лѣтъ какъ завѣдуетъ приходомъ Градины и ничего лучшаго не желаетъ, получая 500 р. с. въ годъ содержанія казеннаго. Домъ составляетъ его собственность; кромѣ того имѣетъ 30 десятинъ земли и нѣсколько виноградниковъ; у него только сынъ и дочь. Онъ желаетъ пламенно, чтобы его сынъ, который учится въ семинаріи въ Кишеневѣ, былъ на его мѣстѣ. Счастливые люди, которые ограничиваютъ свои желанія такими пустяками! Былъ въ церкви. Служатъ, какъ у насъ, безъ всякаго отступленія. Поютъ также какъ и у насъ въ приходскихъ церквахъ. Церковь бѣдна до невѣроятности; это такая убогая бѣдность, про которую трудно что нибудь въ подробности сказать; попикъ другой, служитъ съ важностію, но что-то уже очень часто кадитъ. Болгары, которыхъ я встрѣчалъ на улицѣ, очень почтительны, всѣ снимаютъ шапки и низко кланяются; они знаютъ, куда и зачѣмъ мы идемъ и смотрятъ на насъ съ уваженіемъ и симпатіею. Костюмъ ихъ синяя куртка и такіе широчайшіе штаны, что двѣ толстыя барыни съ длиннѣйшими шлейфами могли бы въ нихъ помѣститься. Эта колонія уже давно основана, и Болгары вовсе и не знаютъ, какъ живутъ ихъ братья за Дунаемъ; знаютъ только, что имъ насталъ послѣдній конецъ, и что мы ихъ идемъ спасать.

Сегодня я увидѣлъ настоящую-безконечную степь, но степь не пустынную, а зеленую и усѣянную цвѣтами различныхъ красокъ, но преимущественно цвѣтами канареешнаго цвѣта; эту траву собираютъ и изъ сѣмянъ бьютъ масло; трава эта называется *бѣшенка.* Странное чувство производить степь! Невольно какъ-то увлекаешься при взглядѣ на нее; начнешь о чемъ-то думать, о чемъ-то жалѣть, и станетъ грустно-грустно до слезъ; о чемъ думаешь, о чемъ жалѣешь, и самъ не знаешь.

Завтра переходимъ границу. Прощай, Россія! Когда-то придется вернуться, Богъ знаетъ. Конечно я въ первый разъ оставляю родину и при такихъ обстоятельствахъ, и поэтому мои чувства я не могу примѣрять подъ чувства каждаго разстающагося съ своею родиною; но мнѣ грустно. Думаю, что это чувство не чуждо каждому, кому приходится въ первый разъ произнести слово: прощай, Россія, прощай родина, и въ особенности когда на этой родинѣ остается все дорогое сердцу, и когда не знаешь, увидишь ли эту родину или нѣтъ и увидишь ли милыхъ сердцу.

22 Мая, городъ Болградъ.

Въ часъ пополудни мы перешли границу и простились съ Россіею. Вступивъ на чужую землю, я поклонился матушкѣ Россіи.

Странное чувство меня охватило въ эту минуту; мнѣ стало такъ жалко прощаться съ родиною, я почувствовалъ себя болѣе одинокимъ нежели когда нибудь. Я думаю, съ тѣми, которые ѣздятъ каждый годъ за границу для развлеченія, этого не бываетъ; да и очень понятно: они ѣдутъ по своей волѣ и могутъ возвращаться когда имъ угодно; но мы всѣ идемъ на неизвѣстное и когда воротимся, Богъ знаетъ. Странная моя судьба да и всѣхъ почти насъ. При какихъ обстоятельствахъ мы въ первый разъ отправляемся *за границу*! Только что переступили заставу, тотчасъ же начались непріятности. Начались таможенные обыски—осмотръ паспортовъ. Мой поваръ, который ѣхалъ впереди меня на два часа, заявилъ, дуракъ, что онъ вольный, а паспорта и нѣтъ; едва дурака освободили, заарестовали порціонныхъ воловъ, говоря, что они Румыны имѣютъ приказаніе не пропускать скотъ чрезъ заставу по случаю чумы; наконецъ-то, послѣ разныхъ переговоровъ, удалось кончить всѣ пререканія. Болградъ до Крымской войны принадлежалъ намъ, и только по Парижскому трактату мы его лишились; это еще пятно остается на Россіи несмытымъ. Стыдно такой державѣ какъ Россія терять свои территоріи; авось Богъ дастъ теперь все поправимъ.

Болградъ населенъ исключительно Болгарами, которые въ 1828 году, гонимые Турецкимъ фанатизмомъ, переселились въ Россію; имъ и теперь недурно, и они горько сожалѣютъ о своихъ собратіяхъ, оставшихся подъ Турецкимъ ярмомъ. Типъ Болгаръ совершенно восточный: смуглыя лица, темные волосы, правильныя черты лица съ большимъ прямымъ и толстымъ носомъ, носятъ довольно длинные волосы и короткую бороду. Болгарки вообще очень красивы, онѣ высокаго роста и чрезвычайно стройны, что̀ видно даже изъ подъ не совсѣмъ изящнаго костюма. Онѣ носятъ почти тотъ же головной уборъ и костюмъ какъ и крестьянки Малороссійскаго края. Лица правильныя, смуглыя, съ прекрасными выразительными глазами и правильными чертами. Каждая Болгарка носитъ непремѣнно бра̀слетъ; мнѣ сказали, что это такой обычай, который выше закона: Болгарка безъ браслета быть не можетъ. Болгары подъ Румынскимъ управленіемъ живутъ привольно и богато. Я думаю, они не сожалѣютъ о нашихъ становыхъ и исправникахъ. Мнѣ отведена квартира у одного зажиточнаго Болгарина, человѣка молодаго и цивилизованнаго. Онъ встрѣтилъ насъ радушно; но далеко не такъ какъ старообрядецъ въ Градинѣ. Хороши братья Славяне, а нашъ природный Русскій все-таки по душѣ, и радушіемъ всѣхъ братьевъ Славянъ за поясъ заткнетъ. У хозяина двѣ молоденькія сестры, которыя, какъ кажется, изъ просвѣщенныхъ (ибо стоитъ рояль съ нотами), но ужасно любопытны: все

хотятъ видѣть и все слышать. Впрочемъ это порокъ общій женщинамъ. У меня ординарцемъ нѣкто Шиловскій, весьма красивый молодой человѣкъ; одна изъ сестеръ хозяйки очень внимательно на него смотритъ; можетъ быть, жалѣетъ, что такой милый человѣкъ идетъ воевать противъ ихъ заклятаго врага Турка. На насъ съ Михѣевымъ положительно никто не обращаетъ вниманія. У хозяина всѣ стѣны обвѣшены картинами, и такими лубошными, что составили бы знаменитый отдѣлъ лубошныхъ картинъ и конечно не уступили бы въ безобразіи нашимъ. Лубошныя картины составляютъ коллекцію войнъ и побѣдъ Болгаръ не надъ Турками; увы, эти войны велись не съ Турками, а съ такими же братьями-Славянами за тысячу лѣтъ. Тамъ представляются и великіе Болгарскіе короли, и какіе-то невѣдомые исторіи герои, и переплываніе какихъ-то морей, и пожары, и вообще всѣ ужасы. Надписи Болгарскія читать можно, но понимать трудно. Смысла однакоже кое-какъ добиться можно.

Мы по прямой линіи въ 15 верстахъ отъ Дуная, и увѣряютъ всѣ, что когда на Дунаѣ стрѣляютъ, то здѣсь въ Болградѣ слышно. Всѣ говорятъ, что Дунай въ сильномъ разливѣ, и это вѣроятно замедлитъ переправу. Ужасно хочется прибыть поскорѣе въ Галацъ, чтобы узнать что̀ намъ предназначается. Мнѣ кажется, что разъ какъ я началъ писать дневникъ, я его буду продолжать, потому что это составляетъ для меня развлеченіе. Конечно дневникъ не интересенъ, но со временемъ и онъ, можетъ быть, будетъ занимателенъ.

24 Мая, 9-ть часовъ вечера. Селеніе Чисме.

Вчера въ Болградѣ я велѣлъ музыкѣ играть въ городскомъ саду. Публики было много, но ничего замѣчательнаго: всѣ въ однихъ и тѣхъ же костюмахъ, и нельзя отличать порядочнаго отъ непорядочнаго. Изъ женскаго пола ни одной не было хорошенькой, и изъ мужской половины выдавались какія-то Французскія физіономіи, Французскія кепи и Французскія бороды. Административныя лица все Румыны или Молдоване; и всѣ они, по своему обученію, образованію и даже по физіономіи похожи на Французовъ, между коими, т. е. Французами, высшій классъ Румыновъ получаетъ воспитаніе. Въ Румыніи все по образу и подобію Французовъ: и администрація устроена по французски, и войска устроены на Французскій ладъ, и языкъ высшаго класса Французскій. Отношенія къ намъ Румынъ менѣе нежели дружелюбны; конечно они исполняютъ наши законныя требованія, но предупредительности никакой и гдѣ могутъ стянуть, то стягиваютъ безъ зазрѣнія совѣсти. Кромѣ того, почти ничего не желаютъ намъ прода-

вать. Сегодня мой поваръ въ большомъ селѣ едва нашелъ стараго пѣтуха, изъ котораго былъ супъ и жаркое на пять человѣкъ. Великолѣпный обѣдъ! Вообще, кажется, *народы* нашего самоотверженія не цѣнятъ ни въ грошъ. Какъ-то примутъ насъ братья Славяне за Балканами? Неужели и съ нами повторится тоже что̀ было въ Сербіи съ нашими добровольцами? А можетъ быть: потому что благодарность въ настоящее время такая рѣдкая монета, которую можно показывать за деньги.

Садъ въ Болградѣ прелестный. Растительность чудная и могучая. Вся флора южная; алеи изъ громадныхъ акацій. Но кромѣ этихъ дивныхъ, почти непроглядныхъ алей, тамъ есть деревья изъ породы вяза, такой величины, какой я не видывалъ: четыре человѣка не могутъ обхватить толщину дерева. Эти вязы, ихъ цѣлая группа, замѣчательны своими *надписями*; кора на деревѣ гладкая и свѣтлая, и потому надписи, сдѣланныя уже десятки лѣтъ, видны, но сдѣлались выпуклыми; эти деревья испещрены надписями на разныхъ понятныхъ и непонятныхъ языкахъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, т. е. надписи, находятся на высотѣ 10-ти саженъ. Это доказываетъ, что съ тѣхъ поръ какъ сдѣлана надпись дерево выросло на 10-ть саженъ. Такія надписи прочесть невозможно, и можно только видѣть въ бинокль. Весь садъ расположенъ на горѣ, которая окаймляется прелестнымъ и громаднымъ озеромъ. Въ саду находится множество фонтановъ, обдѣланныхъ камнемъ. Этотъ садъ устроенъ былъ во время нашего владѣнія Болградомъ, и старожилы говорятъ, что садъ въ то время содержался прекрасно; но теперь онъ въ запустѣніи и въ пренебреженіи. Если бы можно было имѣть такой садъ на нашемъ миломъ Сѣверѣ!

Сегодня былъ переходъ ужасный: во-первыхъ, въ 30 верстъ при жарѣ, доходящей до 38 градусовъ и по совершенно безводной степи, и во-вторыхъ, при ужасномъ спускѣ въ Болградѣ и при переправѣ по опасному мосту чрезъ озеро. Такъ какъ мы уже за границею и въ близости Дуная, то порядокъ похода былъ вполнѣ военный и со всѣми предосторожностями, что̀, конечно, еще болѣе затрудняло движеніе. Я выѣхалъ изъ квартиры въ три часа утра, не пивши чаю, чтобы первому быть на переправѣ чрезъ мостъ и тамъ мимо себя пропустилъ чрезъ мостъ весь отрядъ. Все, слава Богу, обошлось благополучно; только одна фура съ четырьмя лошадьми упала съ моста въ воду, и ту вытащили, благодаря скорой помощи людей. Еслибъ это случилось съ орудіемъ, то быть бы бѣдѣ: ибо озеро глубокое, и орудіе пошло бы ко дну, откуда его трудно было бы достать. Такъ какъ было из-

вѣстно о трудности перехода, то я рѣшился сдѣлать его не садясь въ экипажъ, что̀ и исполнилъ. Я постоянно ѣхалъ съ авангардомъ, иногда слѣзалъ съ лошади для облегченія и чтобы расправить ноги. Солдаты были утомлены ужасно и въ особенности страдали отъ жажды; хотя при выходѣ и было у каждаго по фляжкѣ воды, но они при жарѣ скоро ее выпили, не разсчитывая на продолжительность похода: когда же чрезъ 20 верстъ пришли къ первому колодцу, то нельзя было удержать солдатъ никакими мѣрами. Даже бѣдныя лошади едва двигались. Когда пришли на мѣсто, лошади часа три ничего не ѣли и только когда напоили ихъ, стали ѣсть. Весь переходъ я сдѣлалъ на своемъ гнѣдомъ; потому что онъ отлично и быстро идетъ шагомъ и притомъ же шагомъ покойнымъ, и я перенесъ этотъ переходъ довольно бодро. Я всегда замѣчалъ, что я легко могу переносить жару. Солдатики, кажется, очень были довольны, что я совершилъ этотъ переходъ рядомъ съ ними. Да мнѣ иначе и нельзя было, а то бы все начальство пересѣло въ коляски и кареты, и солдатики шли бы одни; а теперь всѣ были верхомъ и на своихъ мѣстахъ.

Прибывъ на мѣсто около 2 часовъ пополудни, я вдругъ очутился въ маленькой, чистой, уютной комнаткѣ и весьма прохладной. Я остановился у бѣднаго сельскаго священника, и тутъ-то я испыталъ блаженство раздѣться и лечь; а для утоленія жажды послалъ купить краснаго вина и, выпивъ стаканъ вина, уснулъ богатырскимъ сномъ до шести часовъ на новой лавкѣ, такъ какъ обозъ еще оставался назади.

Сегодняшній переходъ есть образчикъ тѣхъ трудовъ, которые предстоятъ намъ. Впрочемъ, надо надѣяться, что мы привыкнемъ ко всѣмъ трудамъ и невзгодамъ. Сегодня сдѣлалъ утомительной переходъ, почти не обѣдалъ, потому что пѣтуха не было достаточно на пять человѣкъ, а между тѣмъ пишу и не чувствую себя утомленнымъ. Отдыхъ вознаграждаетъ всякую усталость. Какъ ужасно темны здѣсь ночи! Послѣ заката солнца темнота наступаетъ почти мгновенно; тутъ опять сумереки какъ у насъ. Съ половины сегодняшняго перехода мы увидѣли вдали, въ какой-то синевѣ, Балканскія горы. Я первый ихъ замѣтилъ и усумнился, чтобъ это были Балканы: ибо по картѣ до нихъ еще верстъ 150; но оказалось дѣйствительно, что это Балканы — предметъ нашихъ будущихъ подвиговъ и трудовъ. Скоро ли мы до нихъ доберемся и при какихъ обстоятельствахъ, подумалось мнѣ. Вопросъ теперь неразрѣшимый; да и слава Богу, что вся будущность покрыта мракомъ неизвѣстности: по крайней мѣрѣ, предполагать можно болѣе утѣшительное, нежели будетъ самая дѣйствительность.

26 Мая, 8 часовъ вечера. Г. Галацъ.

Сегодня, наконецъ, окончился нашъ походъ. Въ г. Рени, гдѣ сегодня ночевали, мы увидѣли въ первый разъ Дунай. Это громадная рѣка съ мутною, желтою водой; переправа чрезъ такую рѣку, въ особенности при настоящемъ разливѣ, дѣло не шуточное. Начиная отъ Галаца и до впаденія рѣки въ море, ширина ея не менѣе версты; это собственно русло рѣки. Но болотистые ея берега, какъ называютъ ихъ здѣсь *плавни*, тянутся иногда на двѣ, на три и даже на шесть верстъ. Въ Рени уже все дышетъ военною обстановкой: по берегу устроены батареи противъ Турецкихъ мониторовъ; всѣ батареи вооружены отличными 24-хъ фунтовыми пушками и 8-ю дюймовыми мортирами, которыя, говорятъ, бьютъ отлично. Но о мониторахъ нѣтъ ни слуху ни духу: они ушли въ Мачинскую бухту и тамъ ожидаютъ неизвѣстно чего; выходъ имъ въ море загражденъ торпедами въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ верхъ же по Дунаю они тоже не могутъ сунуться, потому что путь загражденъ сильными батареями въ Браиловѣ и другихъ мѣстахъ. Какая ихъ ожидаетъ участь, будущность укажетъ. Городъ Рени оставилъ по себѣ для меня самыя непріятныя впечатлѣнія; ругался я тамъ самымъ ужаснымъ образомъ на артиллерію, а также досталось и командиру Бѣлевскаго полка, и такъ какъ я все принимаю близко къ сердцу, то всѣ эти исторіи меня взволновали до такой степени, что я почти не спалъ всю ночь. Но этому впрочемъ была и другая причина: меня безпокоилъ переходъ изъ Рени въ Галацъ.

Вслѣдствіе ужаснаго, небывалаго разлива Дуная, шоссе, по которому долженъ былъ идти эшелонъ, во многихъ мѣстахъ покрыто водою и на достаточную глубину, по грудь лошади; а кромѣ того оно такъ узко, что четвернею рядомъ нельзя было ѣхать, а только въ двѣ лошади и чуть только нечаянно своротишь вправо или влѣво, какъ по горло въ водѣ. Но все, слава Богу, обошлось благополучно. Дорога была дѣйствительно трудная и опасная, но чрезвычайно оригинальная. На протяженіи 15 верстъ идетъ дамбою среди воды шоссе, по обѣ стороны на пространствѣ 10—12 верстъ нѣтъ ничего кромѣ воды и камышей; у самаго же Галаца шоссе идетъ вдоль громаднаго озера. Отрядъ вышелъ съ ночлега еще до восхода солнца, и когда онъ взошелъ на дамбу, солнце только что всходило. Нельзя себѣ представить оглушительнаго крика водяныхъ птицъ; это былъ просто невѣроятный концертъ. Но еще невѣроятнѣе смѣлость птицъ. Я собственными глазами въ трехъ шагахъ отъ дамбы видѣлъ громадное стадо дикихъ утокъ съ маленькими, какъ горошинки, утятами. Въ водахъ Дуная живутъ весьма разнообразныя птицы южныхъ породъ, пеликаны, выпь, рѣч-

ной быкъ и проч., не говоря уже о громадныхъ стадахъ лебедей и дикихъ гусей. Никто за этою дичью не охотится, потому что ѣздить въ лодкахъ по этимъ плавнямъ, поросшимъ густымъ тростникомъ, нѣтъ возможности, и убитую дичь нельзя достать.

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ прихода въ Галацъ, чтобы узнать новости и узнать къ чему мы предназначены, но увы ничего не узналъ. Конечно уже существуетъ для насъ какое либо предположеніе, но это знаетъ только одинъ Циммерманъ *). Когда я началъ допытываться у начальника штаба корпуса, онъ мнѣ сказалъ: совѣтую вамъ, Александръ Николаевичъ, заняться домашними дѣлами, ни о чемъ не думать и не дѣлать никакихъ предположеній и только быть готовымъ къ дѣйствію по востребованію. И хорошо дѣлаютъ, что все держатъ въ секретѣ. Шпіоновъ какъ пчелъ, и ни одному человѣку изъ туземцевъ не слѣдуетъ довѣрять: продадутъ за грошъ. Этотъ ужасный, небывалый разливъ Дуная много задерживаетъ ходъ войны, но при такомъ разливѣ положительно нѣтъ возможности переправляться. Разливъ Дуная интересуетъ конечно всѣхъ, и Циммерманъ ежедневно ходитъ на берегъ, чтобы узнать о состояніи воды. Дунай начинаетъ *спадать*, но чрезвычайно медленно. У Циммермана, который меня встрѣтилъ чрезвычайно радушно и расцѣловалъ на улицѣ, я ничего не спрашивалъ въ отношеніи военныхъ дѣлъ, и онъ понимаетъ мою деликатность. Циммерманъ вѣроятно держится правила, что подушка не должна знать того, что́ думаетъ голова главнокомандующаго. А Циммерманъ теперь назначенъ начальникомъ всѣхъ войскъ, расположенныхъ на нижнемъ Дунаѣ. Оцѣнили же человѣка, и это, повидимому, и льститъ его самолюбію, и очень озабочиваетъ. Да и отвѣтственность не малая, и самолюбію можетъ быть нанесенъ чувствительный ударъ: ибо въ главной квартирѣ на него сильно разсчитываютъ и какъ не удастся что нибудь, тогда просто хоть не живи.

28 Мая, городъ Галацъ.

Мнѣ отвели квартиру у Болгарина, совершенно преданнаго намъ и очень богатаго человѣка; хозяинъ не живетъ въ Галацѣ, а только изрѣдка наѣзжаетъ, живетъ онъ постоянно въ Бухарестѣ. Весь громадный домъ въ моемъ распоряженіи, но я себѣ взялъ только четыре

*) Аполлонъ Эрнестовичъ Циммерманъ (побочный сынъ фельдмаршала графа Берга) былъ человѣкъ многосторонне образованный и до крайности оглядливый. Еще до войны онъ составилъ обширныя автобіографическія записки, которыя много лѣтъ хранились въ Чертковской библіотекѣ, когда она была въ моемъ завѣдываніи. По переходѣ ея въ городское вѣдомство, Циммерманъ взялъ ихъ къ себѣ. Продолжалъ ли онъ ихъ и гдѣ они теперь? Прекрасную библіотеку свою завѣщалъ онъ Румянцовскому Музею. П. Б.

комнаты: кабинетъ, спальню, столовую и пріемную. Всѣ омеблированы по царски, во всѣмъ комнатахъ и даже въ корридорахъ сплошные ковры. Мебель и бронза, дорогая и въ новомъ стилѣ, однимъ словомъ, полная роскошь; но прелесть этой квартиры состоитъ не въ богатствѣ, но въ мѣстѣ, на которомъ она стоитъ. Квартира, или домъ, стоитъ на крутомъ и высокомъ обрывѣ, который окруженъ съ одной стороны Дунаемъ, а съ другой громаднѣйшимъ озеромъ *Братышъ.* За Дунаемъ видны Балканскія горы, а на ближайшихъ къ берегу возвышенностяхъ Турецкіе батарея и Турецкіе караулы; въ трубу все это видно какъ на ладони, даже движенія людей. На самомъ обрывѣ разведенъ садъ, наполненный прелестными розами разныхъ сортовъ и цвѣтовъ и всевозможными деревьями южной растительности; на краю обрыва устроена граціозная бесѣдка, обвитая вся виноградникомъ и украшенная мраморнымъ круглымъ столомъ; въ саду находится фонтанъ прекрасной воды. Вечеромъ въ этомъ саду, куда не достигаетъ ни городской шумъ, ни городская пыль, просто восхитительно, и этотъ домъ по своему положенію и уютности одинъ изъ лучшихъ въ городѣ. У Циммермана квартира гораздо хуже. Вчера у меня въ этомъ саду собралось нѣсколько человѣкъ, и мы просидѣли тамъ до 10 часовъ вечера, попивая чай, наслаждаясь чуднымъ южнымъ вечеромъ и разсуждая о томъ, что̀ будетъ. Долго ли мнѣ придется жить въ этомъ комфортѣ, не знаю; но признаюсь, при всемъ удобствѣ жизни, я не желалъ бы оставаться долго въ Галацѣ: ужъ принялись за дѣло, такъ надо дѣйствовать.

Галацъ имѣетъ до 100 т. жителей. Городъ порто-франко и потому чрезвычайно торговый; при появленіи нашихъ войскъ еще былъ приходъ кораблей, но теперь вся коммерція прекратилась. Въ Галацѣ живутъ всевозможныя Европейскія и Восточныя національности, Молдоване, Румыны, Греки, Болгары, Французы, Нѣмцы, Евреи, Итальянцы, Англичане, Турки, Цыгане и Русскіе. На улицахъ слышны постоянно языки, непонятные для насъ. Жизнь въ городѣ совершенно Европейская: всѣ живутъ на улицѣ и въ ресторанахъ, кофейняхъ и кабакахъ, которые всегда открыты на улицу; играютъ на улицахъ же въ карты, въ азартныя игры, въ рулетку и пр. Но такъ проводятъ время только средній и низшій классы. Аристократы и администрація сидятъ дома. Я еще никого не знаю, а потому и жизни аристократовъ описывать не могу. Жизнь въ Галацѣ не особенно дорога и въ особенности не такъ дорога, какъ писали: за 75 к. с. я имѣлъ отличнѣйшій обѣдъ по заказу изъ двухъ блюдъ, ботвиньи и чудеснѣйшихъ громадныхъ раковъ. Рыбы здѣсь пропасть и очень дешева. Извощики здѣсь парные въ коляскахъ весьма элегантныхъ; вчера я ѣздилъ въ лагерь, держалъ извощика три часа и заплатилъ всего $1\frac{1}{2}$ цѣлковыхъ;

въ Москвѣ положительно все дороже. О городскихъ увеселеніяхъ также ничего не могу писать, потому что еще нигдѣ не былъ. Это будетъ послѣ. Вчера въ лагерѣ я смотрѣлъ полки моей 1-й бригады, которые пришли прежде меня въ Галацъ. Какъ они прекрасно устроились въ лагерѣ! Какой здоровый, молодецкій видъ у людей, ну просто, сердце радуется! Всѣ разъѣлись, стали толстые, здоровые; просто, чувствуешь, что съ этими людьми можно идти куда захочешь и на все, на что только вздумаешь. Духъ въ арміи отличный, конечно судя по моей дивизіи. Не знаю, но мое чутье меня не обманываетъ: я имѣю полное довѣріе къ моей дивизіи. Это меня такъ радуетъ и ободряетъ, что и сказать нельзя; теперь я смотрю въ будущность спокойнѣе и съ большею увѣренностію; но это спокойствіе явилось не вслѣдствіи одной увѣренности въ дивизіи (я давно въ ней былъ увѣренъ), а вслѣдствіе того, что начинаешь уже привыкать къ предстоящей дѣятельности, которая менѣе дѣйствуетъ на нервы. Одного теперь желаю и желаю очень, чтобы уже скорѣе началось. Не жажда крови и битвъ возбуждаетъ это желаніе, а мнѣ хочется поскорѣе провѣрить самого себя; узнать, на что я гожусь.

Со мною и М...ымъ произошелъ карамболь, и очень сильный. Конечно этого пустаго эпизода не слѣдовало бы и описывать; но такъ какъ я хочу все писать, то опишу и этотъ случай. М...въ, человѣкъ неглупый, но въ немъ нѣтъ этой деликатности чувствъ, которая присуща вполнѣ благовоспитанному и порядочному человѣку; вслѣдствіе этого онъ иногда позволялъ себѣ со мною почти неприличный тонъ въ своихъ поступкахъ. Напр. разъ, въ походѣ, зная, что я поѣду до станціи верхомъ, онъ сѣлъ въ коляску и хотѣлъ ѣхать впередъ; я, какъ будто не зная, что коляска его, послалъ за ней верховаго съ приказаніемъ, чтобы коляска пошла съ обозомъ. Онъ конечно не вылѣзъ изъ коляски и пріѣхалъ двумя часами позже всѣхъ на станцію. Онъ ужасно обидѣлся и въ Галацѣ на мое самое простое замѣчаніе вдругъ вспылилъ и сказалъ мнѣ, что я со всѣми обращаюсь *рѣзко.* Тутъ я его остановилъ и сказалъ ему, что при такихъ отношеніяхъ намъ служить вмѣстѣ трудно. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что объ отчисленіи онъ не подастъ рапорта; тогда я ему далъ понять, что уже прежнихъ отношеній между нами не будетъ и чтобы онъ во мнѣ только видѣлъ начальника дивизіи, а не Александра Николаевича, который всегда къ нему былъ добръ и снисходителенъ. Теперь я его принимаю только въ извѣстный часъ, никогда ему не подаю руки, и онъ всѣ доклады дѣлаетъ стоя, а я его называю полковникъ. Конечно этотъ эпизодъ не изъ пріятнаго свойства; но я этому очень радъ. Къ людямъ, къ раз-

ряду коихъ принадлежитъ М...въ, можно примѣнить вѣрно поговорку: посади за столъ, и ноги на столъ! Моими отношеніями вообще къ дивизіи я очень доволенъ, не пропускаю ничего, всегда выскажу нужное, но воздерживаюсь отъ оскорбленій и, кажется мнѣ, что я въ дивизіи стою довольно хорошо. Солдатики знаютъ, что я объ нихъ очень забочусь, и они это цѣнятъ.

29 Мая, Галацъ.

Вчера я былъ приглашенъ на обѣдъ къ Циммерману. Къ обѣду было приглашено много, но я пріѣхалъ первымъ. Циммерманъ встрѣтилъ меня чрезвычайно-озабоченный и разстроенный; вижу, что случилось что-то нехорошее, но не спрашиваю; наконецъ, онъ не выдержалъ и повелъ меня въ кабинетъ, не велѣлъ ни о комъ докладывать и объяснилъ мнѣ слѣдующее. До насъ въ Галацѣ стоялъ одинадцатый корпусъ, командиръ котораго князь *; у него начальникомъ штаба полковникъ Бискупскій, нахалъ, самонадѣянный; онъ распоряжается корпусомъ какъ ему угодно. Сидѣли они въ Галацѣ пять недѣль и, основываясь на рекогносцировкахъ юныхъ, только-что выпущенныхъ изъ Академіи офицеровъ (которыхъ Циммерманъ зоветъ институтками, и совершенно справедливо) составили планъ переправы войскъ у Галаца посредствомъ десанта, т. е. на лодкахъ и на пароходахъ, и представили этотъ планъ въ главный штабъ, какъ весьма возможный. Циммерманъ прибылъ въ Галацъ, самъ сдѣлалъ три рекогносцировки, и въ одной изъ нихъ онъ со всѣмъ штабомъ и съ Жуковымъ попалъ подъ сильный непріятельскій огонь (все это было до моего прихода) и вслѣдствіе этихъ рекогносцировокъ убѣдился лично, что, при настоящемъ состояніи водъ Дуная (онѣ на двѣ слишкомъ сажени выше обыкновеннаго уровня) *десантъ немыслимъ*: ибо, чтобы сдѣлать десантъ, надо проѣхать не только русло Дуная, но еще ѣхать *верстъ шесть* плавнями, поросшими камышами, гдѣ можно легко сѣсть на мель, а пароходы въ плавняхъ и совсѣмъ плыть не могутъ; что высадку нужно сдѣлать не менѣе какъ въ 2.000 человѣкъ, т. е. полкомъ, а для этого нѣтъ ни лодокъ, ни гребцовъ. Разобравъ все касающее десанта, онъ отправился въ главную квартиру и доложилъ о томъ сперва начальнику главнаго штаба, а потомъ и самому главнокомандующему, которые, убѣдясь его доводами, согласились, что для десанта нужно ждать спада водъ въ Дунаѣ. Пріѣзжаетъ Государь, и въ главной квартирѣ засуетились, а при свиданіи въ Браиловѣ, куда ѣздилъ Государь, главнокомандующій заявилъ Циммерману, что десантомъ нужно поспѣшить, не смотря на разливъ Дуная. Циммерманъ

составляетъ самую обстоятельную записку, въ которой излагаетъ снова невозможность десанта до спада водъ и посылаетъ ее съ нарочнымъ офицеромъ въ главный штабъ; на эту записку онъ получилъ письмо отъ начальника главнаго штаба, что десантъ долженъ состояться непремѣнно, и именно 4-го Іюня. Вотъ этотъ-то отвѣтъ огорчилъ и озаботилъ дорогаго Аполлона Эрнестовича. Да и какъ тутъ не огорчиться, когда требуютъ почти невозможнаго. Положимъ, мы произведемъ десантъ, но онъ не можетъ быть успѣшенъ, и такимъ образомъ первый блинъ будетъ комомъ; а какъ необходимо, чтобы первое предпріятіе было обставлено такъ, чтобы оно непремѣнно имѣло успѣхъ. Это дѣйствуетъ на нравственность войскъ. Какъ объяснить такія распоряженія? Имъ доказываютъ, что невозможно; а они говорятъ: ступай и не разсуждай! Причиною такою необъяснимой и неблагоразумной поспѣшности, вѣроятно, есть пріѣздъ Царя въ армію. По всѣмъ вѣроятностямъ ему еще въ Петербургѣ доложили, что въ первыхъ числахъ Іюня можетъ быть десантъ у Галаца, а теперь, по неимѣнію гражданскаго мужества, не хотятъ сознаться въ своей ошибкѣ.

Сегодня Циммерманъ ѣдетъ въ Браиловъ, а 31-го поѣдетъ въ главную квартиру, и это даетъ мнѣ надежду, что Циммерманъ не допуститъ предполагаемаго безумія. Впрочемъ, qui vivra verra*). По крайней трудности и почти невозможности подобнаго предпріятія, оно и безцѣльно: чтобы отвлечь непріятельскія войска отъ настоящей переправы, нужно идти массою, съ артиллеріею и кавалеріею, а ихъ-то и вовсе нельзя переправить. Затѣмъ войска, если они должны двигаться, то должны имѣть съ собою и обозъ съ продовольствіемъ, а его тоже нельзя переправить; слѣдовательно войска, исполнивши десантъ, должны только оставаться на другомъ берегу, не двигаясь дальше ни на шагъ впередъ, а этимъ не надуешь непріятеля.

30-го Мая, 12 часовъ ночи.

Я только что возвратился отъ Циммермана. Онъ былъ въ главной квартирѣ. Онъ настоялъ, чтобы переправа была отложена; на долго ли, онъ и самъ не знаетъ, но переправа отложена. Честный и хорошій онъ человѣкъ; не всякій могъ бы отстоять свои убѣжденія передъ людьми, которые не имѣютъ своихъ убѣжденій, а только стремительное желаніе исполнять волю, а можетъ быть и прихоть, своихъ властей. Онъ хлопоталъ не за себя, онъ хлопоталъ за дѣло и рисковалъ многимъ, потому что его убѣжденія противорѣчили уже состав-

*) Поживемъ, увидимъ.

ленному плану. Мы будемъ теперь приготовляться къ тяжелому дѣлу. Уже роли распредѣлены: десантъ возложенъ на Жукова съ Рязанскимъ полкомъ. Это мы все узнали только сейчасъ. Я думалъ, что этотъ десантъ будетъ возложенъ на меня; но Циммерманъ оставляетъ меня главнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ Галацѣ, а самъ уѣзжаетъ въ Браиловъ. Правда, десантъ долженъ состоять только изъ одного полка и имѣетъ цѣлію только отвлечь вниманіе отъ главной переправы, которая будетъ у Браилова. Я далъ себѣ слово, чтобы ни на что не напрашиваться и ни отчего не отказываться, и потому на это распоряженіе Циммерманъ не сказалъ ни слова. Когда мы вышли отъ Циммермана, мы съ Жуковымъ шли долго, не говоря ни слова. Онъ началъ: «А вѣдь странно, что мнѣ на службѣ попадаетъ всегда самый трудный билетъ».—Да, отвѣчалъ я ему, никто бы, конечно, не отказался отъ такого порученія; но дѣло не легкое.—«Это дѣйствительно дѣло не легкое».

Вообразите себѣ, что, тамъ гдѣ предполагается переправа, Дунай теперь разлитъ на *шесть* верстъ, а ко времени десанта, что можетъ быть дней черезъ *десять* или *четырнадцать*, онъ будетъ разлитъ на пять верстъ, самое меньшее; надо посадить полкъ въ лодки и отправиться на другой берегъ, гдѣ уже Турки стоятъ лагеремъ (это видно въ трубу). Положимъ, ихъ тамъ какихъ-нибудь 1.000 человѣкъ, не болѣе; но какое они имѣютъ преимущество! Они станутъ на берегу да и начнутъ валять по приближающимся лодкамъ. Тутъ убитъ гребецъ, тамъ рулевой; неизбѣженъ безпорядокъ, неизбѣжна остановка, а причалить въ одно время могутъ, самое большее, три-четыре лодки. Положимъ, имъ удастся высадиться; но это будетъ всего 50 человѣкъ: ибо лодки маленькія, и въ этихъ-то высадившихся будутъ стрѣлять въ упоръ. Сколько ихъ останется? Одна надежда, что Турки заранѣе уберутся и не будутъ долго стоять, а иначе будетъ трудно и очень трудно. Никогда не было примѣра, чтобы сухопутныя войска безъ помощи флота и артиллеріи дѣлали десантъ, а теперь это будетъ: ибо артиллерію на маленькихъ лодкахъ вести нельзя, а пароходы не могутъ дойти до берега, на плотахъ же чрезъ камыши также нельзя пробраться. Много, много будетъ трудовъ и потерь; но за то и успѣхъ, если Богъ благословитъ, будетъ блестящій. Впрочемъ, великъ Богъ Русскій, и я увѣренъ, что десантъ будетъ имѣть успѣхъ.

Іюня 1-го, 10 часовъ вечера.

Мнѣ что-то не хочется писать, но принялся, потому что положительно дѣлать нечего. Теперь мы начали приготовляться къ десанту. Сегодня становили артиллерію и лошадей на плоты. Плоты большіе

и могутъ поднять даже девяти-фунтовыя орудія. Но эти проклятые инженеры не приготовили столько плотовъ, сколько нужно. Издерживаютъ громадныя суммы, а чтó нужно не приготовятъ.

Сегодня пробовали также гребцовъ отъ казаковъ; они славные матросы, жили на Дону. Приступая ближе къ дѣлу, все мало-по-малу объясняется и чтó казалось сначала немыслимымъ, теперь, при убѣжденіи, что это непремѣнно должно быть, кажется возможнымъ. Главное, облегчаетъ много то, что на другой сторонѣ Дуная Турокъ не видать и, по всѣмъ свѣдѣніямъ чрезъ лазутчиковъ, Турокъ противъ Галаца почти нѣтъ, одни пикеты изъ баши-бузуковъ, которые при нашемъ рѣшительномъ движеніи вѣроятно всѣ разбѣгутся безъ выстрѣла; если это будетъ такъ, то десантъ не заслужитъ особенной славы. Скажутъ, высадились безъ потери; слѣдовательно, особеннаго геройства не было, и никто не оцѣнитъ трудовъ, которые и составляютъ всю суть. Для десанта предназначается половина полка Рязанскаго и половина Ряжскаго. Сейчасъ проводилъ Циммермана въ Браиловъ, и я остался главнымъ начальникомъ въ Галацѣ. Здѣсь въ Галацѣ находится генералъ-адъютантъ Шамшевъ, начальникъ казацкой дивизіи, и онъ гораздо старше меня. Я замѣтилъ это Циммерману, на что тотъ мнѣ сказалъ, что онъ Шамшева беретъ съ собою въ Браиловъ, на что нѣтъ никакой положительной причины. У меня является мысль, что Циммерманъ, кажется, желалъ освободить меня отъ десанта, и если бы я не назначенъ начальникомъ войска въ Галацѣ, мое положеніе было бы довольно страннымъ. Мое назначеніе, между прочимъ, возбудило зависть и нареканіе на Циммермана. Шамшевъ, между прочимъ, сказалъ: они оба офицеры генеральнаго штаба (т. е. я и Циммерманъ), а потому одинъ другаго тянетъ.—Чтó это за прелестный городокъ Галацъ! Я теперь ознакомился и съ окрестностями Галаца. Чтó это за воды, какая грандіозная природа, все горы и горы громадныя; видъ съ нихъ на Дунай прелестный. Въ особенности мѣстность поражаетъ у Барбоша (это тотъ мостъ, который первый былъ занятъ нами и о которомъ такъ много говорили). Барбошъ отъ Галаца въ семи верстахъ; тамъ станція желѣзной дороги, и туда жители Галаца ѣздятъ прогуливаться. Надъ самою станціею виситъ громаднѣйшая гора, а внизу надъ горою течетъ Серетъ. Вся эта гора покрыта лагеремъ нашихъ войскъ; съ другаго берега Дуная, я думаю, все видно какъ на ладони. Въ одно время подъ Галацомъ на этой горѣ и возлѣ стоялъ почти цѣлый корпусъ съ кавалеріею и артиллеріею и съ различными парками. Издали все кажется въ большемъ размѣрѣ, нежели вблизи, и потому полагаю, какое пріятное впечатлѣніе

эта картина производитъ на Турокъ, тогда какъ у нихъ во всей Добруджѣ насчитываютъ всего 14 батальоновъ, т. е. 14.000 ч., самое большее! Я очень не радъ, что остаюсь начальникомъ. Много будетъ хлопотъ и много отвѣтственности; но Богъ дастъ, какъ-нибудь справлюсь.

4-го Іюня, 10 часовъ утра.

Вотъ уже три дня какъ я не принимался за свой дневникъ. Все хлопоты, все дѣла, и нѣтъ свободной минуты; но главное, мнѣ не хочется писать, что-то мнѣ не по себѣ. Порученіе, предназначенное Жукову, какъ бы отклоняетъ, удаляетъ меня отъ настоящей моей обязанности. Мнѣ что-то кажется, что будто Циммерманъ на меня какъ бы не надѣется. Конечно, на десантъ назначенъ только одинъ полкъ, и полкомъ командовать начальнику дивизіи какъ будто не приходится; но десантъ очень важная вещь и могъ быть порученъ начальнику дивизіи. Впрочемъ, это говоритъ червь честолюбія и самолюбія. Циммерманъ именно потому назначилъ Жукова, что отрядъ очень малъ. Какъ бы то ни было, но это мнѣ непріятно. Впрочемъ, еще много дѣла впереди; можетъ-быть, и на мою долю что-нибудь выпадетъ; но напрашиваться ни за что не стану, хотя бы меня цѣлую кампанію держали въ резервѣ. Надо уповать, что въ такомъ дѣлѣ, какъ война, все, чтó дѣлается, дѣлается къ лучшему. Смиримся, будемъ молчать и ожидать лучшаго. Мое назначеніе начальникомъ войскъ въ Галацѣ очень почетное; но оно мнѣ не нравится.

Вчера я встрѣтилъ М-са, да еще и съ женою; вообразите, что она не хочетъ съ мужемъ разстаться и вотъ уже дошла до Галаца. Такъ какъ далѣе ей идти нельзя, то она хочетъ поступить въ сестры милосердія. М-съ съ женою просидѣли у меня въ садикѣ часа два послѣ обѣда; я ихъ напоилъ чаемъ. О многомъ мы говорили и разсуждали, но нашъ разговоръ не отличался розовымъ цвѣтомъ. М-съ съ полкомъ идетъ въ Браиловъ, и онъ очень сожалѣлъ, что не остается въ Галацѣ. Думали ли мы, что, разставаясь въ Нижнемъ ровно тому назадъ годъ, мы въ первый разъ увидимся въ Галацѣ и при такихъ обстоятельствахъ? Ну кто бы этому повѣрилъ, еслибъ это было предсказано? Сколько времени я останусь въ Галацѣ, положительно опредѣлить нельзя, но думаю, что еще дней десять останусь; въ это время вѣроятно уже переправа у насъ будетъ совершена. Что-то скучно; но можетъ быть, это передъ радостью. Здѣсь уже продаютъ вишни и черешни, а яблоки дозрѣваютъ; а у насъ, я думаю, только-что отцвѣли. Да, это Югъ и настоящій Югъ.

Того же дня, 6 часовъ вечера.

Наконецъ-то разразилась буря, и идетъ страшный дождь. Почти три недѣли не было дождя, и все ужасно высохло, теперь освѣжитъ все...

Сегодня былъ на пристани, гдѣ приготовляется все къ десанту; работы идутъ, но медленно. Нужно бы болѣе энергіи; инженеры, хотя и хорошіе ребята, но за ними нужно надсматривать и понукать ихъ. Дней черезъ 10-ть, кажется, будетъ все готово. По другую сторону Дуная все тихо и спокойно; войскъ не видать, батареи не строятся; Турки, кажется, не обращаютъ никакаго вниманія на наши приготовленія. Мнѣ кажется, что десантъ обойдется безъ выстрѣла. И если будетъ встрѣча, то самая легкая; да Туркамъ у Галаца нечего очень-то и обороняться: они подъ Галацомъ не могутъ держаться, ибо отрѣзываются тѣми войсками, которыя одновременно будутъ переправляться у Браилова. Тамъ вѣроятно будетъ отпоръ, но у Галаца отпора ожидать нельзя. Надо непремѣнно избѣгать разговора съ людьми, которые имѣютъ мрачный взглядъ; мнѣ кажется, что мнѣ скучно вслѣдствіе моего разговора съ М....мъ. Онъ человѣкъ хотя и исключительно умный, но съ сильно разстроенными нервами; естественно, что его мысли настроены не на веселый ладъ. При томъ же тутъ и жена его, такая грустная. Я удивлялся ей, что она рѣшилась испытывать всю тяжесть походной и боевой жизни; она мнѣ отвѣчала, что это она сдѣлала для облегченія себя, увѣряя, что ей, оставшись дома, было бы гораздо хуже и непріятнѣе, что она была бы дома гораздо неспокойнѣе нежели здѣсь. Я вполнѣ этому вѣрю. Вамъ бѣднымъ, оставшимся, едвали лучше чѣмъ намъ; мы по крайней мѣрѣ знаемъ, что̀ съ нами, вы же каждую минуту можете предполагать Богъ знаетъ что. Впрочемъ, слава Богу, человѣкъ ко всему привыкаетъ, и жены привыкаютъ къ отсутствію мужей, и дѣти къ отсутствію отцевъ. Сегодня явился Вилькенъ. Это здоровый, сильный и цвѣтущій юноша. Досадный его дѣдъ ничего ему не даетъ, и онъ, кажется, въ крайнихъ денежныхъ обстоятельствахъ. Скоро прикомандирую его къ дивизіонному штабу и какъ нибудь буду помогать ему. Надо купить ему лошадь, сѣдло, сбрую; все это много будетъ стоить, а у меня денегъ нѣтъ; но, взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ.

Теперь на дворѣ страшная буря, вѣтеръ реветъ какъ на морѣ. Темнота страшная, я сижу одинъ въ моей квартирѣ и пишу. Приходятъ на мысль наши солдатики, подъ маленькими палатками, всѣ промокнувшіе и только что пришедшіе съ работъ. Работъ теперь пропасть: вяжутъ плоты, нагружаютъ понтоны, поправляютъ шоссе и

желѣзную дорогу, которыя размываетъ каждый день вода. Однимъ словомъ, тяжелымъ бременемъ ложится война на солдата. Но санитарное положеніе довольно удовлетворительно. Что́ будетъ дальше, не знаю До этого времени стояли страшныя жары, сегодняшняя буря освѣжитъ воздухъ и прибьетъ пыль, отъ которой мѣста нельзя было найти. Завтра отправляюсь въ Браиловъ, гдѣ устраивается мостъ и сообщенія и, когда все будетъ готово, пойдемъ далѣе. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ главной переправы; но если бы она, чего Боже сохрани, не удалась, то вся армія можетъ переправиться у Браилова; Дунай прорванъ, дорога открыта. Слава Богу, кампанія начинается подъ счастливыми предзнаменованіями. Десантъ въ Галацѣ доказалъ, что изъ невозможнаго можно сдѣлать возможное, если Богъ того захочетъ. Вѣрю теперь, глубоко вѣрю, что есть сила, которая помимо воли человѣка управляетъ судьбами людей и помимо его совершаетъ исторію человѣчества.

*

14 Іюня, Галацъ.

Между послѣдними замѣтками и этими прошло много времени. Сдѣланъ десантъ. Наши уже за Дунаемъ, совершилось дѣло историческое, славное, можно сказать, безпримѣрное. Много будетъ историковъ этого подвига; но самый вѣрный и безпристрастный историкъ буду я, да еще одинъ человѣкъ. Я знаю всѣ перепитіи этого дѣла, всѣ подробности, все, все рѣшительно, и все занесено въ замѣтки, которыя со временемъ доставятъ драгоцѣнный матеріалъ для историка; но эти записки я привезу только самъ, а если убьютъ, то я уже повѣрилъ ихъ другому*).

1877 г. 13 Іюня, г. Галацъ.

Заношу на эти страницы историческій фактъ переправы нашихъ войскъ чрезъ Дунай у Галаца, 1877 г. 10 Іюня, со всею правдивостію, такъ какъ онѣ не для чтенія теперь же, а послѣ нашей смерти.

Начальникомъ экспедиціи назначенъ былъ генералъ Жуковъ.

Вообще генералъ Циммерманъ, понимающій военное дѣло, былъ того мнѣнія, что десантъ не возможенъ прежде спада воды, и это совершенно было справедливо: Дунай во время десанта подъ Галацомъ былъ въ разливѣ на *семь* верстъ. Но это еще не главное затрудненіе, а затрудненіе было именно въ томъ, что по плавнямъ трудно было плавать, ибо только нѣкоторыя мѣста были проходимы для лодокъ и въ особенности для плотовъ; надо было знать эти проходы, чтобы ѣхать по нимъ ночью, а всего разстоянія по этимъ проходамъ отъ одного

*) Далѣе слѣдуютъ эти замѣтки, въ подлинникѣ особо перенумерованныя. П. Б.

берега до другаго было 10—11 верстъ. Какъ трудна была переправа, доказательствомъ служитъ то, что первый плотъ, нагруженный орудіемъ и лошадьми, шелъ только одними плавнями 13-ть часовъ времени, буксируемый 8-ю лодками; плотъ часто садился на мель, и люди раздѣвались, лѣзли въ воду и тянули плотъ на себѣ. Конечно при такихъ условіяхъ десантъ былъ дѣломъ весьма рискованнымъ. Между тѣмъ первый шагъ въ началѣ войны долженъ былъ быть обставленъ всевозможными средствами къ успѣху: ибо дѣйствіе, открывающее кампанію, если оно успѣшно, удивительно поднимаетъ духъ войскъ и начальниковъ, и наоборотъ, неудача чрезвычайно деморализуетъ. Но въ главной квартирѣ, не смотря на заявленіе корпуснаго командира, личное и письменное, настаивали на десантѣ. Десантъ былъ рѣшенъ съ 10 на 11-е Іюня, т. е. съ Пятницы на Субботу, о чемъ я получилъ двѣ шифрованныя телеграммы (корпусный командиръ былъ въ Браиловѣ); но въ послѣдней телеграммѣ была приписка: *не обмелѣетъ ли?* На эту телеграмму я написалъ письмо, что черезъ два дня (я получилъ телеграммы *въ Среду*) проходъ *по плавнямъ едва ли будетъ возможенъ.* На это письмо получаю телеграмму: *Ну чего же вы медлите? Я давно пишу, что мелѣетъ. Немедленно плоты перевести въ плавни.* Я отвѣчаю письмомъ же, что этого сдѣлать невозможно. Письмо было послано въ Браиловъ въ 7-мь часовъ вечера. На другой день утромъ, въ Четвергъ, корпусный командиръ въ 9-ть часовъ пріѣзжаетъ въ Галацъ. Прежде его встрѣтилъ Жуковъ: онъ уже былъ на пароходѣ, который стоялъ посреди рѣки, когда я на лодкѣ подъѣзжалъ къ пароходу. Жуковъ отъѣзжалъ отъ парохода; онъ мнѣ только сказалъ: васъ ждетъ! и махнулъ рукою. На пароходѣ корпусный командиръ встрѣтилъ меня словами: *Вы здѣсь всѣ растерялись. Я буду не виноватъ въ неудачѣ. Я не желаю зла ни вамъ, ни Жукову; но я заявилъ въ главномъ штабѣ, что вы теряетесь и что съ вами трудно вести войну,* и тотчасъ отдалъ приказаніе готовиться къ десанту. Я уѣхалъ съ парохода. Чтѡ онъ говорилъ Жукову, не знаю; но мнѣ сказалъ, что Жуковъ совсѣмъ растерялся и что онъ даже не понимаетъ, чтó ему говорятъ. Съ утра и до 10½ вечера я Жукова не видалъ; но всѣ видѣвшіе его въ лагерѣ говорятъ, что онъ былъ сконфуженъ до крайности. Въ 10½ часовъ вечера я видѣлъ Жукова вотъ по какому случаю. Приходитъ офицеръ и говоритъ, что Жуковъ желаетъ меня видѣть (я былъ тогда на пароходѣ у корпуснаго командира); я поѣхалъ къ пристани и не нашелъ тамъ Жукова. Я ждалъ его по крайней мѣрѣ ¾ часа; куда онъ уѣхалъ, никто не зналъ. Наконецъ, онъ пріѣхалъ. Онъ былъ такъ взволнованъ, что почти не могъ говорить и чтó онъ мнѣ говорилъ, я не могъ понять, что-то объ лодкахъ, объ лошадяхъ; но потомъ, при прощаньи, онъ ѣхалъ

чрезъ Дунай почти задыхаясь отъ нервнаго волненія. Онъ сказалъ, что его самый злѣйшій врагъ не могъ бы выдумать ничего худшаго для него какъ Циммерманъ *и что онъ теперь увѣренъ въ неудачѣ.* Когда я пріѣхалъ на пароходъ, то не зналъ что́ сказать корпусному командиру, зачѣмъ просилъ Жуковъ моего свиданія, и сказалъ, что онъ хотѣлъ видѣть меня по своимъ частнымъ дѣламъ. Но куда онъ съ пристани уѣзжалъ, никто этого не знаетъ, и это обстоятельство впослѣдствіи страшно могло отозваться. Я сказалъ, что Жуковъ былъ растерянъ, и было отъ чего: десантъ былъ назначенъ съ Пятницы на Субботу, и всѣ приказанія къ тому и клонились; вдругъ корпусный командиръ велѣлъ его произвести съ Четверга на Пятницу, днемъ раньше, а вслѣдствіе этого многое еще не было готово, и опрокидывались всѣ прежнія распоряженія. Конечно такой оборотъ дѣла могъ сконфузить каждаго, тѣмъ болѣе если онъ, Циммерманъ, наговорилъ ему такихъ же любезностей какъ и мнѣ. Пока распоряженія къ десанту отдавались (лагерь отъ города въ семи верстахъ), уже наступилъ пятый часъ пополудни. Первый эшелонъ садился въ $4^1/_2$ часа пополудни. Сажалъ я ихъ самъ на лодки и когда послѣдняя лодка отчалила, было 6-ть часовъ. Этотъ эшелонъ, съ которымъ были оба полковые командиры, состоялъ изъ 10-ти ротъ (по 5 изъ каждаго полка) и долженъ былъ переѣхать Дунай, остановиться въ плавняхъ и ждать приказанія, которое долженъ былъ отдать самъ Жуковъ до 11-ти часовъ. Лодки должны были стоять: Рязанскаго полка впереди, Ряжскаго сзади. Надо упомянуть еще о слѣдующемъ обстоятельствѣ. Посадивъ 1-й эшелонъ на лодки, я съ Михѣевымъ пріѣхалъ на пароходъ къ корпусному командиру, и Михѣевъ вошелъ со мною тоже на пароходъ. Корпусный командиръ спросилъ меня, посылаю ли я съ отрядомъ Жукова офицера генеральнаго штаба, на что я ему отвѣчалъ, что я предлагалъ, но Жуковъ отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что всѣ пѣшкомъ, и приказанія будетъ отдавать трудно; но вотъ, прибавилъ я, начальникъ штаба [1]) желаетъ быть въ экспедиціи. Тогда корпусный командиръ сказалъ: *Хорошо, поѣзжайте, и если Жукова не будетъ, то отдайте приказаніе эшелону* (который уже былъ въ плавняхъ) *двигаться къ другому берегу въ одинадцать часовъ вечера.* Жуковъ же, какъ оставилъ корпуснаго командира утромъ, такъ къ нему и не являлся. Вотъ почему Циммерманъ отдалъ Михѣеву такое приказаніе. Было уже 8-мь часовъ вечера, когда было отдано это приказаніе. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить для ясности, что, чтобы попасть съ пристани въ плавни, гдѣ стоялъ эшелонъ, нужно употребить $1^1/_2$ часа времени, а чтобы съ плавней попасть на другой берегъ Дуная, по крайней мѣрѣ 3 часа.

[1]) Т. е. Михѣевъ. П. Б.

Ночь наступила быстро, и я оставилъ Циммермана на пароходѣ въ 12 часовъ. Къ этому времени онъ уже остылъ и сознаяъ, что онъ наговорилъ лишняго, началъ заигрывать со мною и сказалъ: *Ну что же мнѣ дѣлать? Меня жмутъ, ну и я жму.* Можетъ быть, это и справедливо, а можетъ быть и нѣтъ. Прощаясь со мною, онъ сказалъ: *Ну, кажется, совѣсть наша спокойна.* Я отвѣчалъ: *Кажется, все сдѣлано.*

Въ три часа утра раздался первый выстрѣлъ на той сторонѣ. Я тотъ часъ же бросился въ коляску и поскакалъ на пристань; но, не доѣзжая пристани, я встрѣчаю молодаго человѣка въ гвардейскомъ мундирѣ, который ищетъ Циммермана. Это молодой Гершельманъ [2]), присланный состоять при Циммерманѣ изъ главнаго штаба. Онъ мнѣ объяснилъ, что онъ только что отъ Государя изъ Плоештъ, лично съ нимъ говорилъ и привезъ приказаніе его Циммерману. Циммерманъ, еще не уѣзжая изъ Браилова въ Галацъ, послалъ объяснительную записку къ Государю о томъ, что десантъ очень рискованъ при настоящихъ обстоятельствахъ и просилъ его отложить переправу до спада воды. Государь понялъ доводы и велѣлъ передать Циммерману, чтобы онъ, Циммерманъ, въ этомъ случаѣ поступилъ по его усмотрѣнію. «Ну нѣтъ, теперь уже, сказалъ я, поздно: десантъ уже на другой сторонѣ, и уже идетъ перестрѣлка». Ну не судьба ли? Право, воля человѣческая въ крупныхъ событіяхъ есть ничто. Циммерманъ не желалъ дессанта, пишетъ объ этомъ Государю и, не ожидая отвѣта, дѣлаетъ десантъ, на какомъ основаніи? На томъ основаніи, что онъ замѣтилъ давно упорное желаніе, чтобы десантъ былъ какъ можно скорѣе, при томъ же (уже по отсылкѣ Гершельмана) получилъ отъ Великаго Князя Николая Николаевича положительное предписаніе дѣлать десантъ и что на этомъ десантѣ основано очень многое. Получивъ же предписаніе, медлить было невозможно: вода могла спасть, такъ что десантъ черезъ день могъ бы быть не возможенъ, что́ и оказалось: ибо на другой день уже плоты по плавнямъ не проходили. Въ Субботу же (какъ это прежде было положено) десантъ тоже бы не состоялся, а безъ предписанія онъ непремѣнно былъ бы исполненъ въ Субботу—и не состоялся бы. Судьба да и только! (Десантъ потому откладывался до Субботы, что онъ долженъ былъ быть произведенъ одновременно съ переходомъ изъ Браилова, а тамъ не былъ готовъ мостъ). Отправь Великій Князь предписаніе днемъ позже (вслѣдствіе согласія Государя отложить переправу), десанта не было бы, и вся исторія, вся кампанія отложена бы была недѣли на двѣ или на три, и Жуковъ не былъ бы героемъ, и не было бы такого зрѣлища, такого геройскаго дѣла, какъ дѣло 10 Іюня. Военная исторія не

---

[2]) Зять военнаго министра? П. Б.

представляетъ болѣе смѣлаго, отважнаго и, можно сказать, невѣроятнаго дѣла.

Но теперь я приступаю къ самому правдивому описанію со словъ очевидца и свидѣтеля всему тому, что̀ и какъ происходило. Этотъ очевидецъ ѣхалъ въ одной лодкѣ съ Жуковымъ и во время всего сраженія былъ въ первой цѣпи, и самъ, по своему положенію, отчасти дѣлалъ распоряженія. Еще разъ повторяю, что тутъ будетъ написана только одна и одна голая истина. Жуковъ былъ назначенъ произвести десантъ преимущественно потому, что онъ пришелъ въ Галацъ прежде всѣхъ, 14 Мая; я же пришелъ только 26. Въ эти 12 дней десантъ былъ рѣшенъ, и до моего прибытія уже сдѣлано было четыре рекогносцировки корпуснымъ командиромъ, въ которыхъ участвовалъ постоянно Жуковъ, и кромѣ того онъ очень понравился Циммерману. Когда Циммерманъ былъ въ послѣдній разъ въ Плоешти, еще до моего прихода въ Галацъ, онъ уже тамъ заявилъ, что онъ поручитъ десантъ Жукову, какъ опытному (Жуковъ былъ на Кавказѣ и участвовалъ при взятіи Гуниба) и при томъ надежному человѣку. Можетъ быть, если бы я пришелъ прежде въ Галацъ, то былъ бы я назначенъ, а можетъ быть и нѣтъ; мнѣ кажется, что Циммерманъ мнѣ не довѣряетъ. Посмотримъ что̀ будетъ послѣ. Назначеніе Жукова въ десантъ, какъ бригаднаго командира и при томъ уже знавшаго мѣстность по рекогносцировкамъ, весьма естественно и вовсе меня не оскорбляетъ. Вѣдь тамъ была его одна бригада. При томъ же Жуковъ, какъ бывшій уже въ бою, долженъ быть надежнѣе не бывшаго въ бою и предпочтительнѣе меня. Когда Циммерманъ при мнѣ ему заявилъ о назначеніи, Жуковъ отлично взялся за дѣло: за приготовленіе къ десанту. Тутъ многое надо было сдѣлать, построить плоты и понтоны, набрать и обучить гребцовъ, научить садиться и пр., и пр. чего и не пересчитаешь. Онъ, какъ человѣкъ съ практическимъ умомъ, былъ въ этомъ случаѣ совершенно на мѣстѣ; ему приходило все въ голову, какъ лучше сдѣлать то-то и то-то и какъ облегчить тяжесть плота, и съ которой стороны легче поднять плотъ, если онъ сядетъ на мель и пр.; однимъ словомъ, его практика къ устройству чего-нибудь здѣсь пригодилась отлично. Но, будучи занятъ устройствомъ средствъ къ переправѣ, онъ, кажется, мало думалъ о томъ, какъ дѣйствовать, когда уже высадится: всѐ вниманіе его и вся забота были только въ томъ, чтобы высадиться. Плана дѣйствія не было, диспозиціи, т. е. письменныхъ приказаній, не было; было только отдано приказаніе словесное высадиться тамъ-то; но какъ за тѣмъ дѣйствовать, какого плана держаться, чего достигать, объ этомъ словесно не было говорено, и это могло отразиться страшною, кровавою драмою.

Теперь обратимся къ правдивому разсказу очевидца и свидѣтеля всему, что̀ происходило дальше. Я уже сказалъ, что я оставилъ Жукова на пристани около 10 ч. вечера. Ему давно пора было ѣхать къ эшелону, который его ждалъ въ плавняхъ; но онъ, простившись со мною, еще долго мѣшкалъ на пристани и потомъ долго возился на пристани на другомъ берегу Дуная, придираясь къ мелочамъ и распекая инженеровъ. Очевидецъ ему напомнилъ, что они опоздаютъ прибыть къ эшелону (они у эшелона должны были быть въ 11 часовъ вечера); Жуковъ отвѣчалъ, что не опоздаетъ и что ему нужно $^1/_4$ часа времени, чтобы быть у эшелона. Наконецъ, поѣхали въ плавни. Ночь наступила темная мгновенно; проводникъ его сбился съ дороги, и они ѣздятъ въ плавняхъ три часа и не могутъ найти эшелона. Между тѣмъ эшелоны должны были ждать его приказанія къ движенію; они непремѣнно должны были двинуться съ мѣста, самое позднее, въ $11^1/_2$ часовъ, чтобы съ разсвѣтомъ около часовъ трехъ быть у берега. Только на томъ и основывался успѣхъ дѣйствій, если эшелоны приблизятся къ берегу въ темнотѣ и незамѣтно для Турокъ; теперь же десантъ становился невозможнымъ, потому что днемъ приблизиться къ берегу въ присутствіи тамъ Турокъ невозможно: это значило отдавать весь отрядъ на жертву безъ всякой мысли объ успѣхѣ; предстояло непремѣнно отложить десантъ и объяснить причину, почему это сдѣлано. Положеніе Жукова было ужасно. Онъ страдалъ страшно и произносилъ одно только: *je suis deshonoré* *). Свидѣтель, взвѣсивши обстоятельства, настаиваетъ на томъ, что десантъ нужно отложить и объяснить причину корпусному командиру и что онъ готовъ взять на себя это крайне непріятное порученіе; но никакого отвѣта отъ Жукова (у котораго недоставало гражданскаго мужества принести себя въ жертву и спасти отрядъ) не получаетъ. Такъ продолжаютъ плавать по плавнямъ, не зная, гдѣ они и только ждутъ разсвѣта, чтобы увидить эшелонъ; и уже они плавали около пяти часовъ, какъ вдругъ блеснулъ у нихъ съ лѣвой стороны огонекъ, и началась перестрѣлка на другомъ берегу Дуная. Это высаживался эшелонъ, не дождавшійся своего начальника и слѣдовательно и его приказаній. Было ровно три часа, начало чуть чуть разсвѣтать. Этотъ выстрѣлъ возвратилъ Жукова къ жизни и повелъ его къ славѣ и къ Георгіевскому кресту. Но какъ же все это случилось? Эшелонъ уже былъ на мѣстѣ въ плавняхъ въ $9^1/_2$ часовъ и ждалъ своего начальника; но начальникъ не являлся; полковые командиры съѣзжались и толковали, что̀ дѣлать; но время не терпѣло, и они очень хорошо понимали, что ждать нельзя. Шульгинъ, командиръ Рязанскаго полка, не-

*) Обезчещенъ.

долго думая, приказалъ плыть далѣе, даже не увѣдомивъ о томъ Шелковникова; съ счастію, Шелковниковъ замѣтилъ отсутствіе Рязанцевъ и велѣлъ плыть за ними; такимъ образомъ десантъ совершился *безъ приказаній*. Не судьба ли это? Каждый благоразумный полковой командиръ, получивъ приказаніе ждать своего начальника, не долженъ бы былъ самовольно рѣшаться на предпріятіе столь серьезное и столь опасное; чрезъ подобные поступки можетъ произойти страшная катастрофа: во - первыхъ самый десантъ могъ быть отмѣненъ, и каждый думающій человѣкъ, не видя своего начальника, долженъ бы былъ заключить, что десантъ по какимъ-либо неизвѣстнымъ причинамъ отмѣненъ; во-вторыхъ, почему Шульгинъ зналъ, что нашъ десантъ не есть демонстрація для Браиловской переправы? Ну а если это было бы дѣйствительно, то онъ напрасно жертвовалъ бы людьми и компрометировалъ бы всѣ дѣйствія Русской арміи. Онъ былъ бы непремѣнно отданъ подъ судъ, и самое меньшее—его бы разжаловали въ солдаты. Говорю, что я бы себѣ не позволилъ такого поступка, во-первыхъ изъ осторожности, чтобы не компрометировать плановъ своего начальника, которыхъ я не могъ знать и, во-вторыхъ, по принципу военной службы: не дѣйствовать вопреки отданному приказанію. Поступокъ Шульгина до того легкомысленъ и непростителенъ, что его и критиковать нельзя. Это поступокъ вполнѣ легкомысленнаго и неразсуждающаго человѣка. И опять не судьба ли, что эта легкомысленность озарила славою Русскую армію и подарила ее такимъ безпримѣрнымъ и чудеснымъ дѣломъ, какихъ почти нѣтъ въ военной исторіи, воодушевила всю армію, и если этой войнѣ суждено кончиться удачно, то это дѣло въ кампаніи будетъ играть *первую роль*. Ну подумай только Шульгинъ и дай себѣ отчетъ въ своемъ поступкѣ, и *ничего бы не было*. Вотъ удивительный примѣръ, какую важную роль играетъ на войнѣ случай. Ну будь на мѣсто Шульгина другой болѣе опытный и болѣе серьезный человѣкъ, *и ничего бы не было*, а тутъ легкомысленность помогла всему дѣлу. Право, можно сдѣлаться фаталистомъ, т. е., идя въ бой, опустить руки, не распоряжаться ничѣмъ и думать только, что всего не предупредишь и противъ случайностей ничего не подѣлаешь. Оно выходитъ такъ.

14 Іюля, Галацъ.

Замѣтивъ выстрѣлы, Жуковъ поплылъ по ихъ направленію и догналъ Ряжскій полкъ, который вслѣдствіе того, что Шульгинъ не далъ ему знать, что отплываетъ, отсталъ, и былъ еще на далекомъ разстояніи отъ берега, когда Рязанцы уже высаживались. По отданному приказанію Жукова, Ряжскій полкъ долженъ былъ высадиться гораздо пра-

вѣе, версты на 4 или 5 отъ Рязанцевъ; но такъ какъ онъ отсталъ, то надо было высадиться скорѣе, а потому и ближе Рязанцевъ, что̀ и спасло отрядъ: ибо, если бы Ряжскій полкъ не опоздалъ и высадился бы на указанномъ ему мѣстѣ, то онъ прямо наткнулся бы на главныя силы Турокъ, которыя повидимому знали всѣ распоряженія; а Ряжцы, если бы и высадились, то были бы положительно уничтожены, и потомъ Турки бы справились и съ Рязанцами. Не судьба ли? Она просто командовала вмѣсто Жукова, для спасенія его и всего его отряда! Высадившись на берегъ, Жуковъ опять не отдалъ никакого приказанія: дѣйствовать ли оборонительно или наступательно, держаться ли того или другаго направленія; что́ дѣлать, если встрѣтятся превосходныя силы непріятеля и гдѣ его найти, чтобы получить отъ него приказаніе. Онъ не вымолвилъ ни одного слова. Ряжцы выстроились на правомъ флангѣ Рязанцевъ (а не за пять верстъ, какъ предполагалъ Жуковъ). Сперва Рязанцы при высадкѣ встрѣтили большой огонь; но потомъ непріятель, у котораго главныя силы были за пять верстъ, началъ отступать. Отрядъ, не получивъ никакихъ приказаній при отступленіи непріятеля, увлекся и началъ наступать; но такъ какъ отряду непремѣнно нужно было флангами держаться Дуная (дѣйствіе происходило на гористомъ мысѣ, вдающемся въ Дунай) и такъ какъ, по мѣрѣ удаленія отъ берега на горы, пространство между двумя окраинами горъ увеличивалось, то въ силу этого обстоятельства отрядъ, самъ того не зная, растянулся на *три версты*, а такое пространство въ ширину можетъ занимать только дивизія, т. е. не 10 ротъ, а 60, слѣдовательно отрядъ занялъ позицію въ шесть разъ бо́льшую, нежели онъ может оборонять. Все это произошло вслѣдствіе неотдачи приказаній и отсутствія всякаго руководства со стороны начальника. Вотъ тутъ-то и настала критическая минута. Въ это время нашъ отрядъ встрѣтилъ главныя силы Турокъ; они вывезли два орудія и начали производить серьезныя атаки. Вся тяжесть боя пала на Ряжскій полкъ. Турки старались охватить нашъ правый флангъ, отрѣзать его отъ воды и забраться къ намъ въ тылъ. Дѣло для нихъ было нетрудное: весь отрядъ растянулся въ одну стрѣлковую и притомъ весьма рѣдкую цѣпь и на трехъ верстахъ фронта; одна только рота была въ резервѣ, такъ что на правомъ флангѣ, на протяженіи 250 сажень, было всего три звена или съ небольшимъ 20 человѣкъ. Какой отпоръ могла дать такая тонкая линія безъ резерва? Но тутъ спасли насъ высокая рожь, въ которой была наша линія (и потому Турки не могли оцѣнить нашей слабости) и храбрость нѣкоторыхъ изъ офицеровъ Ряжскаго полка. Командиръ втораго батальона подполковникъ Акинфіевъ и командиръ 11 роты Ермоловъ, собравъ около себя по нѣскольку нижнихъ чиновъ, при

слишкомъ близкомъ приближеніи непріятеля бросались въ штыки и тѣмъ спасли весь отрядъ, не допустивъ обойти и прорвать нашъ правый флангъ, потому что если бы это случилось, то ни одного человѣка не осталось бы въ живыхъ. И такъ герой дня не Жуковъ, который не только не распоряжался, но котораго никто и не видалъ во время боя, а подполковникъ Акинфіевъ и преимущественно поручикъ Ермоловъ. Это тотъ темный поручикъ, о которомъ говоритъ Толстой въ «Войнѣ и Мирѣ», который рѣшаетъ судьбу сраженій и на котораго никто не обращаетъ вниманія! Такой неровный бой продолжался почти четыре часа. Общихъ указаній не было, каждый ротный командиръ дѣйствовалъ по своему произволу; но непріятель вездѣ встрѣчалъ отпоръ, и мы удержали позицію, пока не пришла артиллерія. У непріятеля было 3000 низама, т. е. регулярныхъ лучшихъ войскъ, 400 человѣкъ конницы, на-половину башибузуковъ и Черкесовъ, и 2 орудія; у насъ была только пѣхота, всего 1700 человѣкъ.

Прибытіе на берегъ орудія воодушевило наши войска и сконфузило Турокъ; послѣ перваго выстрѣла нашего орудія Турки стали отступать. Мы побѣдили!!!

Изъ этого вѣрнаго, совершенно правдиваго, разсказа, какое можно вывести заключеніе? То, что̀ говоритъ графъ Толстой, что въ великихъ міровыхъ событіяхъ человѣческій умъ, его знаніе, даже геній не играютъ никакой роли; все зависитъ отъ случайностей, а вѣдь случайностей въ этомъ дѣлѣ много; даже все дѣло есть случайность, и велось оно случайно, и выиграно случайно. Не случайность ли опять, что на самомъ важномъ и опасномъ мѣстѣ боя очутился храбрѣйшій изъ храбрыхъ поручикъ Ермоловъ (и это общее мнѣніе отряда), а не кто нибудь другой? Будь на мѣстѣ Ермолова кто нибудь не изъ храбрыхъ, можетъ быть вся война приняла бы другой оборотъ и не совершились бы міровыя событія. Еще разъ повторяю, что можно сдѣлаться фаталистомъ.

Тѣ изъ дѣйствующихъ лицъ, съ которыми мнѣ удалось говорить, мнѣ отвѣчали, что Жукова всѣ увидали уже послѣ боя. О Шульгинѣ ничего не говорятъ, но за то о Шелковниковѣ и Ряжцы, и Рязанцы всѣ единогласно говорятъ, что онъ постоянно былъ въ огнѣ и распоряжался, какъ могъ, въ этомъ дѣлѣ безалаберномъ, но славномъ по стойкости и храбрости нашихъ войскъ и нѣкоторыхъ изъ нашихъ офицеровъ, важномъ по результатамъ для всей кампаніи.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. И. ТУРГЕНЕВА КЪ БРАТУ ЕГО НИКОЛАЮ *).

1827—1828.

Парижъ, 20 Ноября 1827 г. Полдень.

Кончивъ Итальянскій урокъ, я воспользовался взятіемъ Эривани, чтобы сходить къ послу [1]), у котораго былъ только одинъ разъ, такъ какъ и онъ у меня. Онъ разсказалъ мнѣ содержаніе краткой депеши графа Нессельроде и на картѣ показалъ положеніе сей центральной крѣпости и важность ея для насъ; ибо за нею Араксъ, котораго мы по сіе время только въ одномъ пунктѣ касались. Отъ Эривани до Тауриса, Персидской Москвы, только четыре дневныхъ перехода и, если мы будемъ имѣть войско въ Эривани, коей вѣроятно уже не возвратимъ, то намъ можно будетъ во всякое время тревожить Персіанъ въ Таурисѣ огнемъ и мечемъ, насылая туда легкіе отряды изъ Эриванской крѣпости. Араксъ прекрасная граница. Это знали Петръ I и Виргилій, который сказалъ: pontem indignatus Araxes: Араксъ, который est indigné de supporter un pont [2]).—Пишу, слушая аббата Николая у графини [3]). Допишу послѣ. Прости.

*

Парижъ, 20 Ноября 1827 г. Полночь.

Сегодня я послалъ къ тебѣ No 37; но аббатъ Николь помѣшалъ мнѣ кончить его. Я не успѣлъ разсказать и всего, что̀ слышалъ отъ посла и о чемъ говорилъ съ нимъ, а теперь много и забылъ; но помню, что онъ объяснялъ мнѣ мысли свои о нашей Азіатской политикѣ, о приведеніи Кавказскихъ народовъ къ христіанству не чрезъ посредство Англичанъ, о Ермоловѣ, о выгодахъ границы по рѣкѣ Араксу.

---

*) См. выше, стр. 33.

[1]) Поццо-ди-Борго. П. Б.

[2]) Араксъ негодующій на то, что на немъ мостъ.

[3]) Т. е. у графини Генріеты Разумовской. Въ это время жила въ Парижѣ и другая графиня Разумовская, Марья Григорьевна, вдова графа Льва Кириловича. П. Б.

Но и аббатъ Николь былъ откровененъ и велерѣчивъ сегодня, и я отъ него многое узналъ о Іезуитахъ въ Россіи и о средствѣ, какимъ Груберъ, не будучи генераломъ, а только простымъ Іезуитомъ, вошелъ чрезъ графа Палена въ милость къ Павлу. Онъ плѣнилъ его какою-то машиною, которая, при его описаніи изустномъ, такъ понравилась Павлу, что онъ и его, какъ изобрѣтателя оной, началъ ласкать и расхваливать; но вдругъ Груберъ съ презрѣніемъ отталкиваетъ машину и на изумленіе Павла отвѣчаетъ: «Не ужели вы думаете, государь, что я минуты счастія говорить съ величайшимъ государемъ въ свѣтѣ пожертвую на представленіе ничтожной машины? Нѣтъ, она была только орудіемъ обратить на меня ваше вниманіе, и теперь позвольте мнѣ говорить о томъ чтó достойно васъ», и кончилъ тѣмъ, что Павелъ позволилъ ему выписать Іезуитовъ изъ Полоцка въ Петербургъ, учредить тамъ училище и отдалъ имъ церковь. Но генералъ тогдашній, предвидя, что въ Петербургѣ они возбудятъ опасенія въ нашемъ духовенствѣ, поручилъ Груберу (который не спросясь его дѣйствовалъ) отказаться отъ этой милости. Груберъ отвѣчалъ, что уже поздно и что Павловы милости отказывать нельзя, и Іезуиты bon gré mal gré водворились въ Петербургѣ. Конецъ и Груберова кредита, и Іезуитовъ извѣстенъ. Николь разсказывалъ мнѣ много и о своихъ къ нимъ отношеніяхъ въ Петербургѣ. И Николь давалъ Іезуитамъ полезные совѣты противъ прозелитизма; но генералъ не слушался его и былъ изгнанъ.

*

Парижъ, 28 Ноября 1827.

...Я никогда не забуду важности, съ какою говорилъ графъ Сергѣй П. Румянцовъ, взлелѣянный Французами XVIII-го вѣка въ царствованіе Екатерины, объ Арзамасѣ невинномъ. Но и Арзамасская шутка была при Александрѣ и принадлежитъ уже къ другой эпохѣ. Впрочемъ, страхъ частной дѣятельности, частныхъ усилій къ общему благу принадлежитъ характеру правленія, а не личному государей; ибо и Траянъ запрещалъ учрежденіе небольшой компаніи въ маленькомъ Азіатскомъ городкѣ, для возстановленія бань, поставляя въ причину, «что всякое общество, всякій союзъ, имѣющій въ виду частные интересы, противны имперіи», хотя при Траянѣ имперія уже отдыхала отъ ужасовъ тиранства и писалъ Тацитъ! Но зло было не въ немъ, а въ натурѣ его власти. А мы должны хранить, беречь сію власть, какъ надежду: она одна можетъ исцѣлить у насъ язву рабства.

*

Парижъ, 1 Декабря 1827 г. т. е. Суббота. Утро.
(Если Ноябрь имѣетъ 31 день, то сегодня 31 Ноября).

Недавно я узналъ, что камердинеръ, который былъ здѣсь съ гр. Аракчеевымъ, оставилъ его, не смотря на то, что онъ давалъ ему отпускную; но, давъ оную, онъ снова началъ грозить ему Петербургомъ и мщеніемъ. Камердинеръ, на канунѣ его отъѣзда, объявилъ ему, что съ нимъ не поѣдетъ, а останется здѣсь. Никто не хотѣлъ изъ Русскихъ съ нимъ ѣхать, и онъ принужденъ былъ взять какого-то ремесленника, а Волынскій посадилъ съ нимъ своего человѣка...

*

Парижъ, 10 Декабря 1827.

Напрасно Жиды Англійскіе жалуются на наше правительство за рекрутство: если проектъ этотъ состоялся, такъ какъ онъ составленъ былъ при мнѣ, въ моемъ департаментѣ, то онъ нимало несправедливъ. Ихъ предполагалось брать не въ солдаты, а въ фурлейты, въ мастеровые, и т. п. замѣнять ими рекрутъ, не обременяя ихъ солдатскими обязанностями. И это большая выгода противъ Русскихъ. Всѣ народы ставятъ рекрутъ, за что же избавлять ихъ? Развѣ за шпіонство во время войны? И у нашихъ Жидовъ вѣрно наложены были постъ и молитва по сему случаю, но съ тѣмъ вмѣстѣ вѣрно и новый сборъ тайный, для подкупа чиновниковъ, такъ какъ налагали херимъ для подкупа меня и Покровскаго *) ... Вчера Бахметевы сказывали мнѣ о слухѣ, разнесшемся во время суда въ Петербургѣ на счетъ Баранова и Блудова. Когда первый сталъ сильно нападать на тебя: то Блудовъ сказалъ ему, что ему бы не надлежало судить тебя, ибо онъ долженъ быть на тебя сердитъ за то, что ты предлагалъ выключить его изъ клоба вмѣстѣ съ Копьевымъ. Это многимъ понравилось, а я не хочу не ставить и этого въ заслугу Блудову, хотя знаю, что онъ и зло и добро дѣлалъ болѣе словомъ, а не дѣломъ, и въ первомъ дѣлѣ осрамился на вѣки. Право, прощаю отъ всей души, лишь бы ты здоровъ былъ и сохранялъ себя для меня.

*

Парижъ, 14 Декабря 1827 г.

... Графинѣ хуже да хуже; консультація не можетъ сладить съ болѣзнію, ибо она старинная и ничто не дѣйствуетъ... Мы не отходимъ отъ нея, т. е. Гизо, я и дѣвицы Дилонъ И Р.-Коляръ бываетъ ежедневно, и я сейчасъ просидѣлъ съ нимъ съ полчаса, говоря о Де-

*) Начальника отдѣленія въ Департаментѣ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій. Н. Т.

серѣ, коего сына онъ покровительствуетъ. Графиня предчувствовала конецъ свой, мнѣ и другимъ объ этомъ говаривала. Никакія средства и старанія не упускаются; но надежды очень мало.... Я такъ готовъ ко всему и такую вѣру имѣю въ Провидѣніе, что смотрю на все земное какъ на скоропреходящее ... Сію минуту получилъ письмо отъ Жихарева отъ 8 Ноября въ отвѣтъ на мое о рекрутахъ. Увѣдомляетъ также, что по просьбѣ моей изъ Берна объ отпускѣ Киш.....скаго хама дѣлать нечего, ибо повѣса Сен-При выкупилъ уже его за 1500 фр.; а остается другой оставшійся Киш....ва, мальчикъ этому надѣется выхлопотать отпускную.

*

Парижъ, 15 Декабря 1827 г.

Графиня слабѣетъ видимо; мы не отходимъ отъ нея. Она чувствуетъ давно свое положеніе и прежде имѣла предчувствіе. Девенъ, я и другіе сердились на нее за ея безпрестанныя напоминанія о близкой смерти, когда она казалась въ цвѣтущемъ здоровьѣ и жаловалась только на какую-то внутреннюю опухоль; а теперь мы на самихъ себя сердимся за наше безвѣріе и начинаемъ, вмѣстѣ съ докторами, всего страшиться. Друзья и пріятели не отходятъ отъ нея; она пожелала видѣть приходскаго священника вчера, но не хотѣла исповѣдываться, сколько онъ ни настаивалъ, а сегодня и не приняла его. Она говорила мнѣ, что онъ глупъ, а сама она trop vive была съ нимъ. Сохраняетъ всю свѣжесть ума, но уже едва говоритъ. Всѣ дѣла свои устроила и все давно уже приготовила на случай смерти. Она видитъ мою за тебя благодарность и все повторяла, какъ спокойна за тебя и какъ увѣрена, что ты любишь ее и сохранишь къ ней память и дружбу.

*

Парижъ, 16 Декабря. Полночь.

Графинѣ Разумовской все хуже да хуже, и она почти безъ надежды. Къ счастію она совсѣмъ не страдаетъ, въ памяти еще, но уже отвѣчаетъ только словомъ или двумя. Мы не отходимъ отъ нея; я сейчасъ только возвратился и оставилъ тамъ на ночь Гизо, Форіеля, двухъ дѣвицъ Дилонъ, Груши́ и еще кого-то. И Русскія пріятельницы, возбужденныя мною, и графиня Разумовская, и Гудовичъ ежедневно пріѣзжаютъ справляться и присылаютъ. Печальное зрѣлище меня возвышаетъ и какъ-то успокоиваетъ: я смотрю на нее какъ на праведницу, и отсутствіе страданій оставляетъ душу въ какомъ-то покоѣ, не разстроиваетъ мыслей высокихъ и надеждъ утѣшительныхъ для ея будущей жизни. И въ другихъ примѣчаю я не столько безутѣшной горести,

сколько чувства великаго, столь для меня теперь понятнаго. Гизо более всѣхъ скорбитъ, но и его скорбь не безъ упованія. У всѣхъ одно къ ней чувство, и всѣ одно о ней повторяютъ.

*

17 Декабря, Понедѣльникъ, 6 час. вечера. Въ то самое время, какъ я вчера писалъ къ тебѣ, милый другъ и братъ, въ самую полночь, графини нашей не стало. Я сидѣлъ у нея до 11½; она еще дышала, и я хотя и страшился ночи, но надѣялся еще увидѣть ее, и Гизо начиналъ уже засыпать. Минутъ 20 послѣ меня, она скончалась. Еще въ 10 час. вечера подходилъ къ ней Гизо, и она ему слово сказать могла. Уже въ 7-мъ часу утра пришли мнѣ сказать о ея кончинѣ. Я побѣжалъ и увидѣлъ ее успокоенною вѣчнымъ, непробуднымъ успокоеніемъ. Она не страдала. По крайней мѣрѣ, такъ всѣмъ сама говорила; да и не примѣтно было страданія, а только какая-то тоска подъ конецъ; но видно, что была во все время въ памяти. Гизо поручилъ мнѣ побывать у Лафероне́, ибо посольской его канцеляріи ввѣрена была ею копія съ завѣщанія; впрочемъ, и здѣсь она есть съ новымъ прибавленіемъ. Гизо и еще одинъ пріятель душеприкащиками. Узнавъ отъ Лафероне́, что, за пріѣздомъ изъ Константинополя курьера, нашъ курьеръ въ Петербургъ еще не отправился, я пошелъ къ послу и, объявивъ ему о кончинѣ ея, просилъ позволенія прислать ему пакетъ къ Жуковскому. Онъ совѣтовалъ надписать на имя Булгакова, говоря, что такъ вѣрнѣе. Я исполнилъ, писалъ къ Жуковскому и приложилъ къ нему письмо графини съ 28 Ноября на 29, ночью писанное. Я увѣдомилъ Жуковскаго, что никому здѣсь не читалъ и не прочту его и что полагаю, что онъ не въ правѣ скрывать содержаніе письма...

... Я описалъ все Жуковскому и все послалъ съ курьеромъ, который сегодня въ ночь поѣдетъ. Завтра въ 9 часовъ утра будетъ выносъ въ приходѣ S-t Thomas d'Aquin, оттуда на кладбище. Я буду вездѣ и исполню за себя и за тебя долгъ признательности, дружбы почти неимовѣрной въ наше время, если бы еще не было Жуковскаго. Милый братъ, будь твердъ и смотри яснымъ взоромъ на этотъ мнимый мракъ вокругъ насъ. Надъ нами свѣтло и тихо. Въ душѣ нашей невинность, а въ будущемъ Богъ и вѣчность, а можетъ быть, прежде еще свиданіе.

*

Парижъ, 18 Декабря 1827 г. 3 часа пополудни.

... Мы отпѣли просто и похоронили сегодня нашу добрую, милую благодѣтельницу и друга. Въ 8 час. утра выставили тѣло ея, по здѣшнему обыкновенію, въ воротахъ; между тѣмъ до 9-ти часовъ мы собрались въ ея комнатѣ... Послѣ обѣдни мы поѣхали за гробомъ ея

и предали землѣ... Миръ праху ея! Гизо будетъ писать къ тебѣ по ея порученію. Я получаю отвсюду свидѣтельства искренняго участія и почти дружбы, едва успѣваю отвѣчать на дамскія записки; но въ сердцѣ моемъ религія, и ея великія утѣшенія, и ты, мой милый братъ!

*

19 Декабря. Сегодня m-elle Elise Dilon ходила со мною на квартиру гр. Разумовской и отдала мнѣ всѣ бумаги, кои графиня велѣла взять мнѣ и для меня отложила. Она давно мнѣ говорила объ этомъ но я не хотѣлъ трогать, думая, что тутъ могутъ быть бумаги и не мнѣ слѣдующія. Но я нашелъ всѣ ея выписки изъ разныхъ книгъ, кои она въ послѣдніе годы, начиная, кажется, съ 1817-го, читала. Есть прелестныя изъ Французскихъ, Нѣмецкихъ и даже Англійскихъ книгъ. Она все для меня отобрала, ибо знала мою охоту къ выпискамъ такого рода. Я все взялъ къ себѣ, приведу въ порядокъ и велю одному бѣдному переписать въ особый альбомъ, который будетъ наставительнымъ и пріятнымъ для насъ чтеніемъ...

*

Парижъ, 26 Декабря 1827.

Я болѣе часу просидѣлъ съ Левшинымъ [1]) у ученаго столика, пробѣжалъ всѣ новѣйшіе журналы ежемѣсячные и видѣлъ въ послѣдней Revue Encyclop., что нашего Вяземскаго статью о Foy [2]) перевели (и выпущенное даже и во Франціи допечатали) нынѣ въ Revue Encyclop. Онъ точно рожденъ своимъ талантомъ нравиться теперешнимъ Французамъ, такъ какъ своими фривольными вкусами нравился бы старымъ Французамъ въ старое время.

Возвратившись теперь домой, я нашелъ письмо отъ Жуковскаго. Вотъ выписка. «Въ немногихъ словахъ скажу о себѣ. Живу очень уединенно, всегда почти обѣдаю дома, изрѣдка бываю въ людяхъ: на это у меня опредѣленъ часъ послѣ обѣда, между 6 и 8. Остальное время за дѣломъ. У Карамзиныхъ обѣдаю по Воскресеньямъ. Всегда говоримъ о тебѣ. Третьяго дня обѣдалъ у Строганова. Онъ для тебя совершенно тотъ же, каковъ былъ въ Дрезденѣ; нельзя не имѣть къ нему душевнаго почтенія; въ немъ много сердечнаго жара... Нашъ добрый Максимъ Ивановичъ (Невзоровъ) кончилъ жизнь свою. Умеръ съ именемъ твоего отца и Ивана Владиміровича (Лопухина) на языкѣ. Такъ пишетъ Жихаревъ, который закрылъ ему глаза. Оставилъ 30 копѣекъ

---

[1]) Это будущій градоначальникъ Одессы и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Алексѣй Ираклієвичъ Левшинъ. См. о немъ „Архивъ Князя Воронцова" книгу 39-ю. П. Б.

[2]) Эта статья князя П. А. Вяземскаго намъ неизвѣстна. П. Б.

мѣдью и нѣсколько книгъ. Пенсіонъ свой весь отдавалъ бѣднымъ; это узнали послѣ смерти его».

Я всегда писалъ къ Жихареву, чтобы давалъ сколько нужно денегъ Невзорову и всегда давалъ и предлагалъ ему деньги. Онъ, казалось, точно не на себя употреблялъ ихъ. Какой умъ, какая душа и какая судьба! И какой характеръ, какая смѣлость за правду противъ сильныхъ земли, грозившихъ ему гибелью, особливо въ послѣднее время отъ монаховъ.

*

Парижъ, 8 Генваря 1828.

Жуковскій, получивъ письма мои (но еще не тѣ, въ коихъ я отвѣчалъ ему на его письма) вообразилъ себѣ, что его письма ко мнѣ не доходятъ, и излилъ весь гнѣвъ свой въ слѣдующемъ письмѣ отъ 4 (16) Декабря. Теперь вѣрно онъ давно получилъ и отвѣты мои, хотя конечно пора бы было ему имѣть ихъ. Но, сколько я могу судить по числамъ, я, кажется, всѣ письма получилъ отъ него. Онъ не знаетъ этого и ни слова ни о чемъ, кромѣ самой почты и о графинѣ: «Удивительное дѣло! Ты только 12 Ноября получилъ первое письмо мое. И такъ, ты не получилъ многихъ. Не понимаю, что́ дѣлается съ письмами. Ихъ читаютъ: это само собою разумѣется. Но тѣ, которые ихъ читаютъ, должны бы по крайней мѣрѣ исполнять съ нѣкоторою честностію плохое ремесло свое. Хотя бы они подумали, что если уже позволено имъ заглядывать въ чужія тайны, то никакъ не позволено надъ ними ругаться и что письма, хотя читанныя, доставлять должно. Вотъ слѣдствіе этого проклятаго шпіонства, которое ни къ чему вести не можетъ. Довѣренность публичная нарушена; то, за что въ Англіи казнятъ, въ остальной Европѣ дѣлается правительствами *). А тѣ, кои исполняютъ подобныя законныя беззаконія, на нихъ не останавливаются, пренебрегаютъ прочитанными письмами и часто отъ того, что пе-

---

*) Къ сожалѣнію, и Англійское правительство не дѣлаетъ въ семъ случаѣ исключенія; по крайней мѣрѣ, еще въ недавнее время, оно распечатывало письма въ силу разрѣшенія, даннаго тайнымъ совѣтомъ (privy council) во время войнъ Наполеона. Это разрѣшеніе было для публики тайною; но по случаю одной изъ тѣхъ вспышекъ, кои бывали такъ часто въ Италіи противъ Австрійскаго правительства, корреспонденція жившаго въ Англіи Мацини была перехвачена на почтѣ и сообщена Австрійскому правительству. Нѣкоторые члены парламента узнали объ этомъ и обратились къ министерству съ вопросомъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Sir James Graham, откровенно объявилъ, что письма дѣйствительно были перехвачены на почтѣ, но что министры сдѣлали это въ силу упомянутаго разрѣшенія. Негодованіе въ парламентѣ и въ общественномъ мнѣніи было такъ сильно, что министры, даже если бы это разрѣшеніе и не было уничтожено, конечно, не захотѣли бы повторять такого поступка. *Примѣчаніе Н. И. Тургенева.*

чать худо распечаталась, уничтожають важное письмо, отъ коего часто зависитъ судьба частнаго человѣка. И хотя была бы какая нибудь выгода отъ такой безнравственности, обращенной въ правило! Чтò могутъ узнать теперь изъ писемъ? Кто ввѣритъ себя почтѣ? Чтожъ выиграли, разрушивъ святыню, вѣру и уваженіе къ правительству? Это бѣситъ! Какъ же хотятъ уваженія къ законамъ въ частныхъ людяхъ, когда правители все беззаконное себѣ позволяютъ? Я увѣренъ, что самый вѣрный хранитель общественнаго порядка есть не полиція, не шпіонство, а нравственность правительства. Въ той семьѣ не будетъ безпорядка, гдѣ поведеніе родителей образецъ нравственности; тоже можно сказать и о правительствѣ и народахъ. Une manière franche et généreuse d'agir est un signe et en même temps une garantie de la puissance. Les mesures qu'on prend pour conserver la tranquilité sont pour la plupart du temps la vraie cause des troubles; au lieu d'appaiser, elles inquiettent [1]). По куда я забрался съ почтою?Все это для тѣхъ, кои разсудятъ за благо прочитать это письмо. То, чтó пишешь о графинѣ, есть то, чтó я самъ думаю о ней»...

Теперь принимаюсь за чтеніе огромнаго пакета оригинальныхъ писемъ Десера къ женѣ его изъ Рима и Вероны, гдѣ онъ былъ во время конгресса. Она дала мнѣ все это для прочтенія. Если найду что-либо любопытное и не совсѣмъ тайное, то попрошу позволенія и списать... Пробѣгая письма Десера, мнѣ попалось сейчасъ письмо его изъ Вероны отъ 17 Ноября 1822 г., въ заключеніи коего онъ говоритъ о свиданіи его съ Александромъ. Выписываю тебѣ слова его: Hier j'ai été reçu par l'empereur Alexandre, ce qui avait été retardé. Sa physionomie, moins jeune et moins pleine que lors de son entrée à Paris, est grave et bonne. Ses manières sont franches et simples. Il m'a fort bien accueilli. J'ai souvent lu avec admiration, m'a-t-il dit, vos éloquents discours etc... Il désira connaître ce que j'avais fait avant d'être garde des sceaux, et je lui traçai en peu de mots mon histoire. Il me parla de Naples, de Vesuve. Il daigna m'adresser quelques phrases sur la politique générale. Enfin il me parla de m. de Richelieu avec une estime et une douleur bien senties. Je fus touché d'entendre un aussi grand souverain s'exprimer ainsi sur un particulier; il

---

[1]) Свободный и великодушный образъ дѣйствій служитъ свидѣтельствомъ и въ тоже время обезпеченіемъ власти. Мѣры принимаемыя для сохраненія спокойствія бываютъ почти всегда настоящею причиною безпорядковъ; вмѣсто умиротворенія онѣ тревожатъ.

me fut aisé de m'unir à lui, et mes paroles coulèrent du coeur. Je pris congé de lui en le remerçiant de sa bonté*).

*

Парижъ, 11 Генваря 1828 г., 6 часовъ вечера.

Передъ обѣдомъ я сдѣлалъ визитъ à мад. le-Brun, и она приняла меня. Надъ ея креслами большой портретъ короля Польскаго, который списала она съ него уже въ Петербургѣ. Это ея chef-d'oeuvre. Въ самомъ дѣлѣ, и сходство и, искусство—все тутъ. Съ тѣхъ поръ какъ сосѣдъ отнялъ у нея часть свѣта, она любитъ показывать картины свои при свѣчахъ, а не днемъ, ибо свѣтъ невыгодно на нихъ надаетъ. Она открыла другой ставень и, показавъ все, что̀ было въ комнатѣ, повела и въ свою мастерскую. Тамъ нашелъ я небольшой портретъ Делиля, въ которомъ изображена зрячая слѣпота его. Видно, что онъ слѣпъ; но сквозь самую тонкую пелену, которая какъ бы покрываетъ око его, видѣнъ огонь, коимъ одушевленъ поэтъ-слѣпецъ. Пріятель ея, Biffaut, сказалъ, что портретъ выражаетъ какъ бы свѣтъ солнца, видимый сквозь прозрачное облако. Она показывала мнѣ и нѣсколько Швейцарскихъ, Итальянскихъ и Сицилійскихъ видовъ, списанныхъ ею съ натуры; но я спѣшилъ видѣть портретъ императрицы Елисаветы — и не доволенъ имъ: онъ мнѣ ничего не напомнилъ. Можетъ быть, она была такова, но не въ мое время. Ни волосы, ни черты лица ея, ничего сходнаго съ тѣмъ что̀ я знавалъ, что̀ я помню. Послѣ Свѣчина сказала мнѣ, что и тогда не были довольны портретомъ симъ. Александръ сходенъ, хотя и молодъ и въ другой прическѣ и въ мундирѣ не того покроя, какой мы знавали. Екатерина, которую она на память написала два дня по ея кончинѣ, также сходна съ тѣми портретами, кои славятся сходствомъ... Она, поговоря со мною о славѣ и слабостяхъ Екатерины II, пригласила меня къ себѣ по Субботамъ каж-

*) Вчера, послѣ отсрочекъ, былъ я принятъ императоромъ Александромъ. На лицѣ его, постарѣвшемъ и похудѣвшемъ въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, когда онъ вступалъ въ Парижъ, важность и доброта. Его обращеніе свободно и просто. Онъ принялъ меня какъ нельзя лучше. Часто съ восхищеніемъ, сказалъ онъ мнѣ, читалъ я ваши прекрасныя рѣчи и пр. Онъ пожелалъ узнать, чѣмъ я занимался, прежде чѣмъ былъ хранителемъ печатей, и я въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ ему мою исторію. Онъ говорилъ со мною о Неаполѣ, о Везувіи, удостоилъ нѣсколькими словами про общую политику; наконецъ, говорилъ о Ришилье съ искреннимъ уваженіемъ и сожалѣніемъ. Трогательно было для меня слышать, какъ столь великій монархъ отзывался о частномъ лицѣ; мнѣ легко было вторить ему, и слова мои текли изъ сердца. Я откланялся, поблагодаривъ его за доброту его.

дую недѣлю и обѣщала познакомить съ избранными литераторами и артистами... Получилъ милое письмо отъ Бонштетена, которое очень полюбилось Свѣчиной, такъ что она просила у меня копіи съ онаго и сама спишетъ копію съ «Голика и Золота», тебѣ посвященнаго. Эта пьеса ей чрезвычайно понравилась; особливо слова заключенія практическаго мудреца...

*

Парижъ, 12 Генваря 1828 г. Утро.

Вчера былъ на балѣ у князя Тюфякина, который собралъ всѣхъ красавицъ и faschionables Парижа, всю знать и пр. Я видѣлъ многихъ просившихъ привезти къ нему пріятелей и пріятельницъ, и онъ отказывалъ за тѣснотою дома. Онъ живетъ на бульварѣ, противъ театра; убралъ картинами и книгами и коврами домъ свой... словомъ, сибаритствуетъ и даетъ изрѣдка балы, надъ коими Парижане иногда смѣются, но куда всѣ попасть желаютъ и подличаютъ ему изъ-за приглашенія. Онъ угощаетъ роскошно, но чаемъ и конфектами, а не по-русски. Я видѣлъ тутъ и дворъ, и городъ, многихъ, о коихъ зналъ только по слуху; были и фельдмаршалы Наполеона, и капитаны гвардіи короля. Но для меня любопытнѣе всѣхъ былъ le comte de l'Aigle, идеалъ или, оригиналъ, съ коего Потье составилъ своего le ci-devant jeune homme. Я не зналъ этого факта, а засмотрѣлся на него, на его морщины, на его ухватки, на его тонкія, хотя и поддѣльныя панталонами, ножки и примѣчалъ какое-то сходство съ Потье, особливо въ манерѣ говорить и любезничать съ дамами. Спросилъ о его имени, и мнѣ назвали его, сказавъ, что Потье беретъ съ него свои фарсы въ этой ролѣ. Въ первый разъ еще въ Парижѣ возвратился послѣ часа за полночь домой; но сегодня въ 7 часовъ бралъ уже Латинскій урокъ.

*

Парижъ, 14 Генваря 1828.

Съ 12-го на 13-е вечеръ провели мы у гр. Разумовской. Она звала всѣхъ Русскихъ знакомыхъ и незнакомыхъ, и въ полночь выпили за будущее здоровье Русскаго Новаго года, начавъ съ посла и хозяйки. Первый уѣхалъ на балъ къ Ротшильду, а мы слушали Лафона на скрипкѣ и племянницу гр. Разумовской гр. Гудовичъ, и потомъ Лафонъ съ женою пѣлъ; да пѣлъ еще какой-то славный Французскій пѣвецъ романсовъ; много jeu de mots и остроты въ словахъ, но музыка Французская! Посолъ далъ мнѣ знать, что представитъ меня (вчера) королю, дофину, женѣ его и герцогинѣ Беррй и что я долженъ явиться въ 12½ au salon des ambassadeurs. Я туда явился въ назначенное время первый; потомъ начали съѣзжаться послы, посланники и chargés

d'affaires и представляемые; разумѣется, что между послѣдними болѣе всего Англичанъ и во всѣхъ костюмахъ. Одинъ изъ нихъ, прекрасный юноша, faschionable, подошелъ ко мнѣ, разсказалъ свои знакомства съ Русскими и пожелалъ познакомиться съ тѣми, кои здѣсь даютъ вечера и балы. Я называюсь Bath, сказалъ онъ, именемъ города и трактира Rue Rivoli, живу (не помню гдѣ), и потомъ спросилъ, какъ зовутъ и гдѣ найти меня. Я не отказываюсь отъ знакомствъ съ Англичанами и новаго знакомца представлю нашимъ дамамъ, кои даютъ еженедѣльно балы. Я видѣлъ въ маленькой комнатѣ, salon des ambassadeurs, весь дипломатическій корпусъ, начиная съ пословъ и нунція do chargés d'affaires Нѣмецкихъ. Нунцію уступаютъ первенство; но примѣтно, что нашъ и Англійскій важны и сами по себѣ, и массами, кои они представляютъ. Нѣкоторые Нѣмецкіе представители не могутъ воздержаться отъ какого-то добросовѣстнаго важничанья дипломатическаго, и если они не подражаютъ Англичанамъ, то носятъ на себѣ печать германизма, которую нимало не стерло въ Веймарскомъ дипломатѣ и тридцатилѣтнее, почти безвыѣздное пребываніе его въ Парижѣ. Они же и болѣе всего шепчутся по угламъ на ухо другъ съ другомъ и съ колоссальными репрезентантами, или справедливѣе съ репрезентантами колоссовъ, и все еще думаютъ, что надобно разговоръ начинать погодою и мало-по-малу доходить до слуховъ объ отставкѣ министровъ и пр. Посолъ назвалъ мнѣ многихъ, коихъ національности ни по мундиру, ни по наружности отгадать я не могъ. Je ne connais pas ce scarabée *), сказалъ онъ мнѣ, указывая на новопріѣзжаго маленькаго Испанца, который весь и по швамъ съ головы до ногъ былъ въ золотѣ, какъ золотой жукъ. Болѣе часу прождали мы въ салонѣ, а другіе ресторировали себя шеколадомъ и закусками; наконецъ, явился здѣшній Охлопковъ и повелъ всѣхъ насъ къ королю. Мы шли чрезъ салонъ, гдѣ великаны фельдмаршалы, какъ тѣни давно-минувшаго, явились намъ во весь ростъ, настоящимъ еще болѣе увеличенный; нашли уже короля, стоящаго у креселъ или престола, окруженнаго дворомъ и par les gardes du corps. За послами стояли тѣ, коихъ они представляли. За моимъ былъ одинъ я. Поговоря съ каждымъ изъ фамильныхъ (въ числѣ коихъ, кажется, и маркизъ Феретъ, восьмидесятилѣтній, развратный, изсохшій старецъ, котораго Талейранъ прозвалъ l'Apollon du Père-Lachaise), съ Кастельчикала, король подошелъ и къ нашему; слова четыре сказалъ ему о Петербургѣ и Государѣ; послѣ чего посолъ меня представилъ. Король спросилъ, давно ли я здѣсь и давно ли изъ Петербурга и что-то еще и обратился къ Гранвилю, который представилъ всѣхъ своихъ. Потомъ

*) Я не знаю этого жука.

одходилъ къ каждому изъ министровъ и chargés d'affaires. Между тѣмъ Лафероне́ подходилъ къ намъ и любезничалъ. Изъ свиты королевской я замѣтилъ только Фицъ-Джемса, друга королевскаго; о другихъ, коихъ называлъ мнѣ посолъ, не упомню. Мы вышли задомъ, дабы по этикету не обратить спины къ королю. Отъ него прошли къ дофину. Что́ за талія! Что́ за фигура!.. И онъ также насъ принялъ и также всѣхъ обошелъ. Въ королѣ видѣнъ хотя и добрый, но слабый человѣкъ, трепещущій и Іезуитовъ, и своей совѣсти. Дофинъ на видъ не моложе отца своего. Отъ него пошли къ женѣ его; опять таже церемонія. Увидя меня, она сказала: M-r est chambellan de Russie. Но съ этимъ характеромъ мнѣ самому на себя смотрѣть странно. Въ лицѣ ея видна печаль, которой ни время, ни новый порядокъ вещей измѣнить не могли, ибо, вѣроятно, сей самый новый порядокъ вещей одна изъ причинъ ея печали. Потомъ къ дюшессѣ Берри, коей пріемная наполнена игрушками ея сына. Она веселѣе; обошла всѣхъ скорѣе и съ каждымъ изъ насъ также молвила слово. Къ ней пріѣхали мы черезъ дворъ, ибо не могли уже возвратиться дворцомъ, гдѣ въ одной изъ проходныхъ комнатъ собрался уже совѣтъ. При семъ случаѣ, идучи отъ короля къ дофину, я видѣлъ и Роу и Мартиньяка и др., но не всѣхъ. Посолъ говорилъ мнѣ о Десерѣ и о его прекрасномъ талантѣ и обѣщалъ пригласить къ себѣ на вечеръ mad. De-Serre, съ которой болталъ недавно у гр. Разумовской. Я поблагодарилъ его за представленіе, а онъ велѣлъ мнѣ прислать къ нему 30 визитныхъ карточекъ, кои онъ разошлетъ куда надобно. Отъ нея проѣхалъ я обѣдать къ Десеръ, а оттуда на вечеръ къ mad. la c. de-Salis, которая чрезъ гр. Шувалову звала меня къ себѣ, по дружбѣ своей съ нашей доброй графиней. Она любила ее, но за болѣзнію не могла быть на похоронахъ. Мы жили съ Жуковскимъ въ ея комнатѣ лѣтомъ. Я нашелъ въ ней милую женщину, больную.

Государю легко, конечно, во многомъ, и не только по политикѣ, пріобрѣсти добрую славу, и я вообще замѣчаю въ исторіи, что почти нѣтъ преемника престола, который бы въ чемъ-нибудь не могъ лучше сдѣлать, нежели дѣлали его предшественники; Александръ же не Петръ Великій. Война съ Персіею какъ бы нарочно возникла для военной славы Императора, такъ какъ безумство Турокъ и побѣда при Наваринѣ для нашей дипломатической и морской славы; ибо и на войнѣ и въ дипломатикѣ сила наша въ немощахъ совершается. Въ Царьградѣ маркизъ Рибопьеръ, а главный дипломатъ все тотъ же Карлъ Васильевичъ! Но опять вещи, обстоятельства сильнѣе людей, и нашей политикѣ приписываютъ видъ проницательности, коей, конечно, ни Обрѣсковъ, ни графиня Нессельроде не имѣли.

*

Парижъ, 15 Генваря 1828 г. Утро.

Христіанство измѣнило натуру законодательствъ древнихъ. Прежде гражданинъ былъ выше человѣка—оттуда рабство; mais le christianisme a passé dans le monde comme un immense bienfait [1]) и измѣнило все. Вильмень нападалъ на графа Местра, какъ на главнаго защитника смертной казни; ибо палачъ, въ системѣ его, est la cléf de la voûte, т. е. de la voûte sociale [2]), какъ графъ Местръ его называетъ. Съ похвалою упоминалъ [3]) о книгѣ Лукаса; но, похваливъ Екатерину Великую за ея человѣколюбивые законы, не могъ не кольнуть похвалою ея—самихъ Русскихъ: Catherine II plus humaine, que son siècle, que son peuple [4]). Я зашелъ къ Гизо и пожаловался на Вильменя, сказавъ дамамъ, что народъ нашъ человѣколюбивѣе нашего законодательства и самихъ Французовъ, что государи наши любили иногда хвастать передъ чужеземцами человѣколюбіемъ законовъ своихъ, но не смягчали кнута, который ужаснѣе смертной казни; что между тѣмъ какъ на Place de Grêve нанимаются дорогою цѣною окна и мѣстà для Парижскаго прекраснаго пола, въ день казни, и вся площадь покрыта разноцвѣтными шляпками—Русскія женщины ужасаются и не смертной казни, и простой народъ идетъ на лобное мѣсто или на Дѣвичье поле бросить наказанному нѣсколько копѣекъ и поднести ему вина, покрыть его рубищемъ. Въ комъ же болѣе человѣколюбія? Если бы я умѣлъ хорошо писать по-французски, я бы написалъ статью о семъ, не показывая, что я Русскій.

*

Парижъ, 18 Генваря 1828 г.

Отправивъ къ тебѣ сегодня письмо мое No 49, я получилъ письмо отъ Жуковскаго, два отъ Вяземскаго и одно отъ Козлова. Милый братъ! Наконецъ, горизонтъ и для насъ свѣтлѣетъ! Дружба Жуковскаго подѣйствовала. Для меня главное сдѣлано: я могу быть съ тобою. Я почти счастливъ и спокоенъ на всю жизнь. Вотъ копія съ письма Жуковскаго. Досадуя на неполученіе (мнимое) мною писемъ его, онъ увѣдомляетъ о полученныхъ имъ отъ меня письмахъ и книгахъ и говоритъ: «Но не объ этомъ. Теперь спѣшу. Содержаніе моего теперешняго письма важное, хотя письмо короткое. Я могу тебѣ те-

---

[1]) Но христіанство прошло по свѣту, какъ безмѣрное благодѣяніе.

[2]) Главный камень свода, т. е. свода общественнаго.

[3]) Т. е. Вильмень на своей публичной лекціи. П. Б.

[4]) Екатерина II-я, болѣе человѣколюбивая чѣмъ ея вѣкъ, чѣмъ ея народъ.

перь по совѣсти дать совѣтъ, которымъ не боюсь повредить тебѣ: ты можешь ѣхать въ Лондонъ. На это напрасно ты требовалъ позволенія съ изъясненіемъ для чего ѣдешь: такого позволенія дать нельзя было; но тебѣ ѣхать не запрещено, и я теперь могу сказать тебѣ рѣшительно (ибо имѣю причину такъ говорить), что поѣздка твоя въ Лондонъ и твое свиданіе съ Николаемъ не сдѣлаютъ тебѣ никакого вреда, не произведутъ даже никакого дурнаго впечатлѣнія. И такъ поѣзжай»...

Чтó мнѣ болѣе этого сказать тебѣ, милый другъ и братъ! Въ душѣ моей одно чувство: благодарность къ Провидѣнію за тебя и за дружбу Жуковскаго. Оно видимо хранитъ меня. Я начиналъ здѣсь предаваться почти невольно разсѣянію: Провидѣніе указываетъ мнѣ otium cum dignitate *) и дѣятельность близъ тебя, и спокойствіе душевное близъ тебя, и ожиданіе съ вѣрою лучшаго будущаго близъ тебя. Теперь буду ожидать отъ тебя увѣдомленія и съ величайшимъ нетерпѣніемъ, когда и какъ пріѣхать... Не знаю, говорить ли мнѣ съ Поццо? Не хочется брать паспорта. Онъ будетъ въ затрудненіи.

*

Парижъ, 25 Генваря 1828 г, 6 час. вечера.

Гизо показывалъ мнѣ уже первый No de la Revue Française, имъ издаваемой. Онъ помѣщаетъ краткія извѣстія и о книгахъ въ другихъ словесностяхъ, съ означеніемъ содержанія оныхъ, безъ чужихъ сужденій, а только съ своимъ замѣчаніемъ на чужестранныя книги. Гизо желалъ бы включить и статью для Русскихъ книгъ и просилъ назвать ему журналъ, изъ коего бы могъ онъ брать извѣстія о Русскихъ книгахъ. Я не могъ ничего назвать ему, кромѣ le Journal de S-t.-Pétersbourg, гдѣ изрѣдка бываютъ литературныя статьи, но болѣе сужденія, коихъ Гизо не хочетъ. Мнѣ пришелъ на мысль Вяземскій, и я обѣщалъ ему, что онъ будетъ доставлять для Revue именно такія статьи, какихъ Гизо желаетъ; ибо и самъ Вяземскій точно о томъ же проситъ меня и Толстого. Гизо за это будетъ ему посылать свою Revue и кое-что другое; а Вяземскій радъ будетъ войти съ нимъ въ сношеніе такого рода, и я увѣренъ, что онъ не ударитъ лицемъ въ грязь и не постыдитъ земли Русской. Напишу къ нему о семъ и устрою это дѣло въ пользу обоихъ...

*

Парижъ, 29 Генваря 1828 г.

Вчера еще разъ писалъ къ Жуковскому, послалъ ему замѣчанія на статью Греча о Карамзинѣ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 годъ: что-то такое рабское и писателя недостойное. На счетъ истины дѣ-

*) Досугъ съ достоинствомъ.

лаютъ фразы, напр., что милость Государя на минуту возбудила его къ жизни (тогда какъ онъ принялъ ее съ негодованіемъ на чрезмѣрность пенсіи), и безпрестанно твердятъ о 3-мъ Владимирѣ и о томъ, что одинъ онъ имѣлъ въ чинѣ статскаго совѣтника Анненскую ленту! Въ другомъ журналѣ нашелъ я единственное замѣчаніе журналиста на новый отрывокъ Гёте, что авторъ имѣетъ теперь уже пять орденовъ! Пусть говорятъ объ этомъ, если хотятъ, въ біографіи тѣхъ государей, кои давали ордена сіи, ибо это имъ нѣкоторую честь дѣлаетъ; но что та грудь, гдѣ билось сердце Вертера, украшена Датскимъ Слономъ!... Тутъ можно бы по справедливости сказать: слона-то я и не примѣтилъ...

*

Эдинбургъ, 10 Августа 1828 г. Утро. Воскресенье.

Въ Кесвикѣ долженъ былъ я пробыть цѣлый день, ибо карета отходила на другой день только. Но я узналъ отъ ботсмана, что тамъ живетъ Southey и пошелъ къ нему. Онъ слишкомъ 25 лѣтъ здѣсь живетъ въ самомъ городѣ, окруженный горою Скидавъ, самою высокою, живописною въ семъ околодкѣ, и садами и рѣкою. Я провелъ съ нимъ болѣе часу въ разговорѣ о словесности, показывалъ ему книгу Жуковскаго съ его стихами; но двѣ піесы, напечатанныя подъ его именемъ па Русскомъ, не его. Я говорилъ ему о переведенной Жуковскимъ Старушкѣ его, и онъ-то ободрилъ меня ѣхать прямо къ В. Скотту, сказавъ, что онъ любитъ посѣщенія иностранцевъ, занимающихся словесностію.

Пошелъ въ Elmkow къ Патерсону, бывшему у насъ агенту Библейскаго Общества и встрѣтилъ его на лѣстницѣ. Онъ обрадовался мнѣ и остался до завтра вечера, чтобы поутру пить со мной чай; но послѣ уѣзжаетъ отсюда брать морскія ванны. Мы переговорили о многомъ. Онъ здѣсь живетъ, безъ прихода, но каждое Воскресенье, въ разныхъ церквахъ проповѣдуетъ; оставилъ Россію въ прошломъ году, но думаетъ, что императоръ Николай благопріятствуетъ Библейскому Обществу, хотя митрополитъ все еще не хорошо къ нему расположенъ и дѣло не идетъ по Русскому отдѣленію.

13 Августа. Я завтракалъ у Патерсона и просидѣлъ съ нимъ до 12 часовъ. Многое разсказалъ онъ мнѣ о Россіи, бывши тамъ послѣ меня. Прошлаго года былъ еще Магницкій въ Ревелѣ подъ присмотромъ полиціи, безъ семейства.

Я видѣлъ у него и часть перевода Ветхаго Завѣта на Русской, запрещеннаго нѣкогда въ Россіи и теперь еще непродолжаемаго, хотя Императоръ и велѣлъ продолжать переводъ.

ПИСЬМО КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ.

С.-Петербургъ, 23 Ноября 1845 [1]).

Сдѣлай милость, надоумь меня что̀ за Газе [2]) и къ какому роду причислить должно: къ женскому, или мужскому? Понятія не имѣю и не знаю ни что̀, ни какъ отвѣчать. Что̀ касается до Крюгеровъ, буду ожидать ихъ возвращенія и увѣдомленія; впрочемъ не надѣюсь много помочь имъ, т. е. избавить ихъ отъ пошлинъ, если пошлины будутъ слѣдовать [3]). Ничего новаго по дѣлу Гагарина [4]) не знаю, но общее мнѣніе здѣсь за нихъ и противъ алчности доносителя. По газетамъ видно, что 11 Іезуитовъ отправились изъ Гавра въ Южную Америку. Можетъ быть, и Ксаверій въ этомъ числѣ.

Не помню того, что̀ я писалъ тебѣ о Карамзинѣ и Гизо; но вѣроятно я ихъ не сравнивалъ или худо выразился, т. е. не сравнивалъ ихъ характеровъ, а развѣ противупоставлялъ одного другому. Я взялъ эти два имени, какъ имена почти современныя, чтобы доказать, что по различію обстоятельствъ и порядка вещей можно быть представителемъ совершенно разнородныхъ мнѣній политическихъ и, не смотря на то, быть полезнымъ, нужнымъ и благотворнымъ въ кругѣ дѣйствія своего; что теорія одно, а практика другое; что Карамзинъ легко могъ бы быть во Франціи издателемъ и проповѣдникомъ такъ называемыхъ конституціонныхъ понятій, а Гизо на мѣстѣ Карамзина ходатаемъ и заступникомъ такъ называемаго самодержавія. Дѣло въ томъ, что вы, сколько васъ ни есть, все и всѣхъ подчиняете одной политической формѣ, и далѣе этого ничего не видите; а главное, существенное именно *далѣе*, именно внѣ этой формы, которая сама по себѣ безплодна. Вы вѣруете неограниченно въ осуществительную силу, въ воплощеніе слова, и вѣчно гоняетесь за словами. Конечно, *крѣпостное состояніе* есть во многихъ отношеніяхъ зло, а освобожденіе прекрасная цѣль; но почеркомъ пера вымарать первое слово изъ гражданскаго словаря и золотомъ вырѣзать на мѣсто его другое ничего не значитъ, т. е. со-

---

[1]) Писано за мѣсяцъ до кончины А. И. Тургенева. П. Б.

[2]) Ѳедоръ Петровичъ Газе, извѣстный Московскій филантропъ. П. Б.

[3]) Князь Вяземскій служилъ тогда въ Министерствѣ Финансовъ. П. Б.

[4]) Князя Ивана Сергѣевича, Іезуита. П. Б.

вершенно недостаточно. Посмотри на Лифляндію. Тамъ ваша любимая мечта осуществилась, но спроси у крестьянъ: легче ли имъ, особенно при неурожаѣ? Посмотри на Ирландію, гдѣ нѣсколько милліоновъ умираютъ съ голода [5]). У насъ, когда неурожай, помѣщики, худо или хорошо, но кормятъ крестьянъ. Правительство выдаетъ деньги, открываетъ порты для безпошлиннаго привоза хлѣба; Англійское правительство, которое во многихъ отношеніяхъ высшее и образованнѣйшее, на вопли голодныхъ Ирландцевъ отвѣчаетъ, что выпишетъ имъ химиковъ и другихъ ученыхъ, чтобы изучить болѣзнь картофеля. И чтó всего важнѣе, у насъ кормятъ голодныхъ и помогаютъ имъ не случайно, не изъ чувства человѣколюбія, а по необходимости, въ силу вещей, въ неминуемое слѣдствіе существующаго порядка. Спроси у Ирландцевъ, спроси у совѣсти своей, у здраваго разсудка своего, а не у духа системы и теорій: чѣмъ лучше быть, Ирландскими крестьянами или Русскими? Изъ моихъ словъ не слѣдуетъ, что рабство есть лучшее состояніе, но слѣдуетъ, что и свобода не есть универсальное лѣкарство. И когда, въ какое время стремитесь вы прибѣгнуть къ этому, по вашему мнѣнію, единственному средству, когда вся Европа болѣе или менѣе страждетъ отъ язвы пролетарства, и всѣ добросовѣстные и глубокомысленные умы озабочены опасеніемъ бѣдствій, которыя она неминуемо навлечетъ на все общественное устройство. А вы при этихъ явленіяхъ чего хотите, чего просите? Напустить на Россію десять милліоновъ пролетаріевъ.

Съ тѣмъ, чтó сказано о Карамзинѣ, я также совершенно не согласенъ; да и нѣтъ въ томъ логики. Если у Карамзина была *душа*, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ писалъ исторію по убѣжденію этой души и ума своего: иначе онъ былъ бы не только не Гизо, но былъ бы Булгаринъ. Карамзинъ могъ *уронить себя въ исторіи* только въ глазахъ тѣхъ, которые одностороннимъ образомъ мыслей прилѣпились къ одной идеѣ, и то политической, одностороннѣйшей идеѣ изъ всѣхъ одностороннихъ идей. Все это, т. е. всѣ эти заблужденія, происходитъ все отъ того же идолопоклонства словамъ. Богъ не передалъ людскимъ словамъ силу Своего слова. Человѣкъ какъ ни кричи: да будетъ! но свѣта отъ этого не прибудетъ даже на сальный огарокъ.

Екатерина Андреевна [6]) вчера пріѣхала, но я ея еще не видалъ. Сербиновичу передалъ я твое нетерпѣніе. Государя ожидаютъ сюда къ Рождеству.

Не сердись на меня и дай себя обнять *не словомъ*, а дѣломъ.

---

[5]) Мать князя Вяземскаго Евгенія Ивановна Д'Орельи, была Ирландка. П. Б.

[6]) Карамзина. П. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ Д. Д. ОБОЛЕНСКАГО.

Князь Ипполитъ Александровичъ Черкаскій.

(† 1844).

Мнѣ не разъ приходилось въ моихъ воспоминаніяхъ говорить про князей Черкаскихъ, нашихъ сосѣдей въ Тульской губерніи, Веневскаго уѣзда, особенно про князя Владимира Александровича, скончавшагося въ Санъ-Стефано 19-го Февраля 1878 г. Его я зналъ близко, какъ бывшаго своего попечителя. Вся семья князей Черкаскихъ, дѣтей княгини Варвары Семеновны (ур. Окуневой, тоже изъ высокопросвѣщеннаго круга) и князя Александра Александровича (нѣкогда служившаго въ Англіи, при графѣ С. Р. Воронцовѣ), была весьма даровита. Ихъ было четыре брата и одна сестра, Софья Александровна, бывшая замужемъ за Александромъ Андреевичемъ Рябининомъ, человѣка изъ весьма извѣстной въ Москвѣ и многочисленной семьи Рябининыхъ, пользовавшейся вліяніемъ и уваженіемъ въ свое время. Алексѣй Андреевичъ Рябининъ, родной братъ Александра Андреевича, былъ долгое время въ Москвѣ губернскимъ предводителемъ дворянства. Софья Александровна Рябинина была очень умная и развитая женщина, красивая собой, много путешествовавшая; она принадлежала, какъ и братья ея, къ лучшему, высшему кругу людей сороковыхъ годовъ въ Москвѣ. Но ей и двумъ братьямъ ея Ипполиту, а затѣмъ и Константину, суждено было умереть въ цвѣтѣ лѣтъ.

Моложе всѣхъ, а именно 23-хъ лѣтъ, погибъ на Кавказѣ въ 1844 г. князь Ипполитъ Александровичъ Черкаскій, о которомъ сохранилась прекрасная память между людьми, знавшими его, и особенно между его товарищами по службѣ. Въ числѣ ихъ генералъ-адъютантъ А. С. Костанда. Съ нимъ князь Ипполитъ Александровичъ Черкаскій бросалъ жребій, кому изъ нихъ ѣхать на Кавказъ. То было время, когда изъ гвардіи разрѣшалось изъ каждаго полка ѣхать по одному человѣку на Кавказъ по жребію, и когда жребій въ гвардейской конной артилеріи достался князю Ипполиту, то Апостолъ Спиридоновичъ Костанда долго упрашивалъ Черкаскаго уступить оный ему; но Черкаскій не уступилъ и уѣхалъ, вопреки желанію и слезамъ своей ма-

тери, точно предчувствовавшей роковой исходъ этой поѣздки: она писала командовавшему на Кавказѣ ген.-адъютанту Нейдгарту, прося его сберечь ей любимаго сына. Нейдгартъ, въ свою очередь, приказалъ генералу (кажется Клюгенау) не посылать молодого офицера подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ въ опасныя противъ горцевъ экспедиціи. Видя, что его никуда не посылаютъ и что онъ два мѣсяца въ бездѣйствіи, князь Ипполитъ явился къ генералу своему съ упреками, что его ни въ одно дѣло не посылаютъ и когда узналъ изъ разговора, что имѣется на счетъ его особое предписаніе, то не сказавшись уѣхалъ, догналъ свою часть, участвовалъ въ штурмѣ Харачи и былъ убитъ въ числѣ многихъ другихъ въ этомъ несчастномъ дѣлѣ. Есть подробное описаніе этого дѣла въ Исторіи Апшеронскаго полка.

При тогдашнихъ порядкахъ трудно было даже близкимъ людямъ узнать подробности военнаго дѣла, особенно неудачнаго: печать обречена была на безмолвіе, начальство отвѣчало лишь на офиціальные вопросы. Надо было розыскивать, узнавать на мѣстѣ, черезъ лицъ довѣренныхъ и имѣвшихъ къ тому возможность, о погибшихъ въ дѣлѣ офицерахъ. Въ числѣ убитыхъ при штурмѣ Харачи былъ молодой Шелашниковъ, сынъ богатыхъ родителей. Мать убитаго, во чтó ни стало желая узнать объ участи, постигшей сына, обратилась, какъ ни странно покажется, къ митрополиту Московскому Филарету и просила, чтобъ онъ приказалъ узнать черезъ своихъ монаховъ или миссіонеровъ, гдѣ и какъ погибъ ея сынъ? Къ этой просьбѣ присоединила и свою княгиня Варвара Семеновна Черкаская.

Говорятъ, что впослѣдствіи митрополиту Филарету сильно досталось изъ Петербурга за посылку монаховъ, раздававшихъ на Кавказѣ образки, кресты и проч....

Что посылаемыя митрополитомъ лица имѣли извѣстное значеніе, видно уже изъ того, что поѣхавшій туда въ 1844 году іеромонахъ Влаидмиръ, имѣя приказаніе узнать объ участи Шелашникова и князя Черкаскаго, обратился прямо съ офиціальнымъ запросомъ къ главнокомандующему г.-адъютанту Нейдгарту и, получивъ отвѣтъ, доставилъ оный митрополиту Филарету, который и сообщилъ его княгинѣ Варварѣ Семеновнѣ Черкаской. Вотъ подлинныя бумаги.

Письмо іеромонаха Владимира къ ген.-ад. А. И. Нейдгарту.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь! По волѣ его высокопреосвященства, Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода члена, высокопреосвященнѣйшаго господина Филарета, митрополита Московскаго и Коломенскаго, отправленному въ городъ Тифлисъ, по

дѣламъ службы изъ Московской Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, іеромонаху Владиміру нужно знать:

1-е Гдѣ и въ какомъ положеніи находятся гвардіи гг. поручики Владиміръ Петровичъ Шелашниковъ, князь Ипполитъ Александровичъ Черкаскій, Владиміръ Николаевичъ Нечаевъ, Дмитрій Егоровичъ Аверкіевъ и рядовой князь Владиміръ Владиміровичъ Яшвиль?

2-е Если они уже убиты или въ плѣнъ взяты, то гдѣ именно, когда, какимъ образомъ и въ какомъ племени горцевъ? Предполагается ли какая возможность освободиться имъ изъ плѣна, или тѣла ихъ отыскать и вывезти въ Россію? Если же и сего нельзя сдѣлать, то не позволено ли будетъ поставить надъ тѣлами ихъ христіанскіе памятники? И наконецъ

3-е. Такъ какъ при г. Шелашниковѣ находились два человѣка слугъ (одинъ крѣпостной его Александръ Акимовъ, а другой наемный), то живы ли они и будутъ ли когда возвращены въ Москву съ оставшимися послѣ ихъ господина вещами?

Желая исполнить волю горестныхъ родственниковъ оныхъ офицеровъ, осмѣливаюс всепокорнѣйше просить ваше высокопревосходительство, благоволите приказать, чрезъ кого слѣдуетъ, учинить вѣрную справку и снабдить меня съ собранными свѣдѣніями бумагою. Лаврскій іеромонахъ Владиміръ. Генваря 22 дня 1844 года.

Въ отвѣтъ іеромонаху Владиміру.

Нижеслѣдующія свѣдѣнія извлечены изъ оффиціальныхъ донесеній г.-маіора Фонъ-Клугенау (начальника въ Сѣверномъ Дагестанѣ), также изъ письма гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ - капитана Попова, товарища погибшихъ молодыхъ людей, участвовавшаго съ ними въ штурмѣ селенія Харачи, и изъ писемъ двухъ офицеровъ, находящихся въ плѣну у горцевъ.

31 Августа гвардіи поручики Шелашниковъ, князь Черкаскій, Аверкіевъ и Нечаевъ получили позволеніе присоединиться къ небольшому отряду, который долженъ былъ на другой день занять измѣнившую намъ деревню Харачи. Наскучивъ долгимъ бездѣйствіемъ, всѣ они съ радостію ожидали перваго дѣла и боялись только, чтобъ деревня не сдалась безъ выстрѣла. Шелашниковъ и князь Черкаскій были необыкновенно веселы; но Аверкіевъ, незадолго передъ тѣмъ получившій извѣстіе о смерти любимой сестры, казалось, предчувствовалъ и свою судьбу. Не шутите, говорилъ онъ: кто знаетъ, что̀ можетъ случиться, и всѣ ли мы вернемся?! – Какая тутъ опасность? возразилъ Ше-

лашниковъ; ужъ не прикажешь ли плакать? Князь, въ свою очередь, увѣрялъ, что дѣла не будетъ, потому что онъ несчастливъ...

Въ три часа ночи на 1-е Сентября (1844) отрядъ, сохраняя глубокую тишину, потянулся по узкой тропинкѣ на гору, за которой лежитъ селенье Харачи. Онъ благополучно поднялся на вершину горы, въ половинѣ пятаго двинулся далѣе и достигъ 2—3 спуска, когда начало разсвѣтать. Въ это время въ деревнѣ раздался крикъ муллы, призывавшаго мусульманъ къ утренней молитвѣ; но вдругъ войска наши были замѣчены: горцы, суетясь и бѣгая, подняли страшный шумъ.

Между тѣмъ 40 человѣкъ охотниковъ подбѣжали на полуружейный выстрѣлъ къ селенію; вслѣдъ за ними подошли и устроились двѣ штурмовыя колонны, состоявшія изъ 2-й гренадерской и 5 ротъ Апшеронскаго полка. При нихъ или, вѣрнѣе сказать, впереди ихъ, находились гвардейскіе офицеры. Князь Черкаскій все еще шутилъ и не вѣрилъ, что будетъ бой. Шелашниковъ былъ совершенно спокоенъ. Онъ шелъ какъ будто на прогулку. Одинъ Аверкіевъ грустилъ. Онъ простился съ товарищами и вмѣсто шашки вооружился огромнымъ кинжаломъ.

Первый натискъ былъ быстръ и удаченъ. Солдаты, предводимые храбрыми офицерами, вмигъ овладѣли каменной оградой и крайними домами и перекололи тамъ оборонявшихся; но въ то время, когда наши колонны дробились по селенію для штурма каждой сакли, непріятель производилъ самый убійственный огонь изъ другихъ домовъ и башень, такъ что менѣе чѣмъ въ полчаса, въ числѣ другихъ, пали маіоръ Зайцевъ, гвардіи поручики Шелашниковъ, Аверкіевъ и Черкаскій, а поручикъ Нечаевъ раненъ въ лѣвую руку, впрочемъ неопасно. Когда офицеры были перебиты и строй ослабленъ выносившими раненыхъ, тогда непріятель, бросившись въ шашки, безъ труда опрокинулъ штурмовавшія колонны. При поспѣшномъ отступленіи отряда, тѣла убитыхъ остались въ рукахъ горцевъ, которые обыкновенно раздѣваютъ трупы до нага; слѣдовательно теперь уже нѣтъ никакой возможности отыскать тѣла убитыхъ молодыхъ людей.

Желаніе родственниковъ ихъ воздвигнуть имъ памятникъ на мѣстѣ сраженія можетъ быть исполнено со временемъ, когда военныя дѣйствія наши обратятся въ ту сторону. Впрочемъ христіанскій памятникъ среди мусульманскаго селенія не возбудитъ молитвы за усопшаго; напротивъ, онъ подвергнется поруганію враговъ нашей церкви.

Гвардіи поручики Шелашниковъ, Черкаскій и Аверкіевъ дѣйствительно убиты. Въ противномъ случаѣ они написали бы о себѣ; ибо предводитель горцевъ позволилъ содержащимся у него плѣннымъ просить Русское начальство о размѣнѣ ихъ на взятыхъ нами мюридовъ.

Въ корпусномъ штабѣ есть теперь вѣрный списокъ всѣмъ плѣннымъ, но въ числѣ нхъ нѣтъ ни одного гвардейца.

Поручикъ Нечаевъ почти уже выздоровѣлъ отъ полученной раны и скоро возвратится въ С.-Петербургъ. Князь Яшвиль не участвовалъ въ дѣлѣ при Харачахъ и состоитъ при своемъ полку.

Что же касается до вещей оставшихся послѣ Шелашникова, то онѣ находятся въ Тифлисѣ у слугъ его, которые при первомъ удобномъ случаѣ возвратятся въ Москву.

Вотъ все, что́ можно узнать достовѣрнаго объ участи гг. Шелашникова и другихъ. Какимъ образомъ они убиты, неизвѣстно.

*

Между товарищами убитаго князя Ипполита Черкаскаго о немъ осталась добрая память, какъ о храбромъ, лихомъ и добромъ воинѣ. Про него разсказывали, что онъ былъ очень находчивый, но отчасти и безшабашный офицеръ. Какъ-то на маневрахъ близъ Краснаго села онъ командовалъ, за отсутствіемъ батарейнаго командира, гвардейской конной батареей, оставшейся почему-то безъ прикрытія. Императоръ Николай, увидавъ это съ пригорка, почему-то вздумалъ приказать стоявшему около него конвою и отряду уланъ стремительно атаковать эту батарею. Черкаскій, увидѣвъ стремившуюся на него конницу, скомандовалъ снять пушки съ передковъ и, подпустивъ совсѣмъ близко кавалерію, далъ полный залпъ изо всѣхъ орудій холостыми зарядами, подъ самый носъ наскакавшихъ на батарею лошадей. Произошла невообразимая суматоха; опаленный неожиданнымъ огнемъ передовой рядъ частью попадалъ, частью шарахнулся въ сторону, послѣдующіе ряды наткнулись на нихъ и тоже попадали; образовалась цѣлая гора, и пока кавалерія приводилась въ порядокъ, князь Черкаскій со своею батареей ускакалъ къ своей части.

Императоръ Николай разсердился и, подскакавъ къ Черкаскому, гнѣвно сказалъ ему: «Если бы ты это сдѣлалъ на войнѣ, я далъ бы тебѣ Георгія; а теперь отправляйся подъ арестъ!»

Узнавъ о случившемся, корпусный командиръ Набоковъ налетѣлъ на Черкаскаго съ выговоромъ и крикомъ; но князь его осадилъ удачною, остроумною шуткою... заставившей отретироваться грознаго когда-то командира гвардейскаго корпуса.

Когда получено было извѣстіе о смерти князя Ипполита, товарищи-артиллеристы гвардейской конной батареи собрали двѣ тысячи рублей и въ церкви мѣстечка Пеллы близъ Петербурга, гдѣ стояла обыкновенно батарея, устроили ему вѣчное поминовеніе, повѣсивъ

богатую неугасимую лампаду съ надписью: «Храброму товарищу отъ сослуживцевъ».

Съ тѣмъ же генераломъ Набоковымъ и княземъ же Черкаскимъ, (братомъ Ипполита) былъ характерный эпизодъ, рисующій обычаи сороковыхъ годовъ. Генералъ Набоковъ, находясь въ Москвѣ, былъ записанъ гостемъ въ Московскій Англійскій Клубъ княземъ Черкаскимъ, своимъ адъютантомъ. Пріѣхавъ въ клубъ обѣдать, Набоковъ увидалъ, что одинъ изъ членовъ клуба (чуть ли не Столыпинъ), гвардейскій офицеръ, сидитъ разстегнутый на диванѣ въ его присутствіи и смотритъ на игру въ билліардъ. При этомъ надо замѣтить, что когда Набоковъ вошелъ въ комнату, то офицеръ этотъ всталъ и застегнулся, а затѣмъ, пропустя генерала, на правахъ хозяина, кои принадлежатъ всѣмъ членамъ Клуба въ стѣнахъ его, офицеръ вновь сѣлъ на диванѣ и разстегнулся. Набокову это не понравилось и, пріѣхавъ домой, онъ распорядился, чтобы посадить того офицера на гауптвахту. Тогда старшины Московскаго Англійскаго клуба немедленно потребовали, чтобы приказъ былъ отмѣненъ: иначе князь Черкаскій, записавшій такого нелюбезнаго гостя, вынужденъ будетъ оставить клубъ навсегда. Князь Черкаскій поѣхалъ къ своему командиру, выяснилъ ему положеніе, и Набоковъ вынужденъ былъ немедленно отмѣнить свое приказаніе, подъ страхомъ самому лишиться права посѣщать Англійскій клубъ...

Изъ четырехъ братьевъ князей Черкаскихъ живъ доселѣ князь Евгеній Александровичъ Черкаскій, благополучно здравствующій въ Веневскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ болѣе 25 лѣтъ былъ глубокочтимымъ предводителемъ дворянства. Лихой и страстный въ свое время спортсменъ, князь Евгеній Александровичъ доселѣ извѣстенъ, какъ на практикѣ показавшій силу, рѣзвость и достоинство кровной лошади. Бывало онъ изъ Каширы (90 в.) и изъ Серпухова (95 верстъ) на своихъ тройкахъ чисто-кровныхъ лошадей не доѣзжалъ, а можно сказать долеталъ въ одну пряжку, дѣлая до Москвы эти дистанціи, *не кормя и не мѣняя* лошадей. Случай, когда князь Евгеній изъ Серпухова до Москвы пріѣхалъ раньше курьера А. А. Столыпина, выѣхавшаго одновременно съ нимъ изъ Серпухова и мѣнявшаго курьерскихъ лошадей четыре раза, мною подробно разсказанъ въ спортсменскихъ моихъ воспоминаніяхъ. Былъ бы назидателенъ этотъ случай и теперь, когда гг. офицеры на ста верстахъ загнали изъ 45 чуть ли не 30 лошадей. Князь Черкаскій дѣлалъ стоверстныя дистанціи также быстро и не только не заганивалъ лошадей, а они ему годами служили и бодро совершали эти дистанціи въ 5 — 6 часовъ. Видно дѣло мастера боится!

1895. Іюль.

Въ подтвержденіе вышеприведеннаго разсказа о судьбѣ князя И. А. Черкаскаго приводимъ слѣдующія показанія митрополита Филарета. П. Б.

Митрополитъ Филаретъ писалъ къ А. Н. Муравьеву 14 Ноября 1843 г.: «Братъ Шелашникова былъ у меня и сказывалъ, что онъ, раненый въ сраженіи, впалъ въ руки враговъ. Теперь идетъ дума, какъ бы поискать его въ плѣну или его тѣла. Возврати, Господи, плѣнъ Сіонь, или даруй вѣнецъ мученику!» Въ примѣчаніи къ этому письму А. Н. Муравьевъ объясняетъ: «Шелашниковъ, который былъ у него проѣздомъ съ моимъ письмомъ. Его мать, въ отчаяніи, не хотѣла вѣрить смерти любимаго сына и, на основаніи какихъ-то странныхъ слуховъ, убѣдила митрополита послать на ея счетъ на Кавказъ двухъ иноковъ Лаврскихъ (изъ коихъ одинъ былъ духовникомъ ея сына), чтобы отыскать его въ плѣну у горцевъ. Это посольство надѣлало много шума на Кавказѣ и навлекло непріятности владыкѣ: главнокомандовавшій Кавказскимъ корпусомъ генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ, остановивъ пріѣзжихъ въ Тифлисѣ, донесъ о томъ въ Петербургъ, потому что разнеслась молва, будто они посланы изъ Лавры, чтобы возбудить упадшій духъ воиновъ, такъ какъ это было весьма неблагопріятное время для нашего оружія» (см. Письма м. Филарета въ А. Н. М. Кіевъ 1869, стр. 128 и 129).

Извѣстно, какъ императоръ Николай Павловичъ не терпѣлъ лишнихъ слуховъ; между тѣмъ пріѣзжими съ Кавказа разносились вѣсти о тогдашнихъ тяжкихъ неудачахъ нашихъ. А тутъ еще замѣшались монахи! Экзархъ Грузіи Евгеній не замедлилъ донести оберъ-прокурору графу Протасову о появленіи въ Тифлисѣ Троицкихъ монаховъ, привезшихъ Нейгардту икону Преподобнаго Сергія и 5000 небольшихъ кипарисныхъ крестовъ для войска. Св. Синодъ тотчасъ запросилъ Филарета, который въ своемъ объясненіи отъ 27 Іюля 1844 года писалъ.

«Іером. Владиміръ и монахъ Авель дѣйствительно были посланы въ Тифлисъ, но не по той причинѣ, которая приписывается сему въ отзывѣ преосвященнаго экзарха Грузіи: для доставленія образа не нужно было бы отправлять двухъ монашествующихъ въ столь отдаленный край по трудному пути; образъ можно было препроводить по почтѣ. Дѣло же состояло въ слѣдующемъ.

Гвардіи поручика Владиміра Шелашникова, находившагося на службѣ въ Закавказскомъ краѣ, мать и братъ, получивъ неопредѣленное свѣдѣніе, что онъ или убитъ или взятъ въ плѣнъ, въ прошедшемъ Ноябрѣ обратились ко мнѣ съ словесною просьбою послать кого-либо

изъ монашествующихъ, чтобы выкупить, если онъ въ плѣну, а если убитъ, то отыскать тѣло его и доставить въ Россію для погребенія, на что́ ими особо испрошено было въ тоже время высочайшее разрѣшеніе. Причина, по которой они желали употребить монашествующаго, заключалась, между прочимъ, въ томъ, чтобы дать дѣлу видъ случайнаго развѣдыванія, а не формальнаго посольства для выкупа плѣнника, чѣмъ возбудилось бы корыстолюбіе горцевъ и до чрезмѣрности увеличило бы цѣну выкупа. На сію просьбу я отвѣтствовалъ, что не имѣю права одною властію послать для сей цѣли монашествующаго и не надѣюсь, чтобы кто либо согласился добровольно принять сіе порученіе».

«Однако, сострадая скорбящимъ и приведя себѣ на память, что поручикъ Шелашниковъ, предъ отправленіемъ своимъ въ Грузію, въ Троицкой лаврѣ пріобщался Святыхъ Таинъ и своимъ благочестивымъ расположеніемъ оставилъ въ нѣкоторыхъ изъ братіи доброе воспоминаніе, рѣшился я предложить, не пожелаетъ ли кто принять порученіе родныхъ его. На сіе изъявилъ согласіе іеромонахъ Владиміръ, который сдѣлался въ Лаврѣ духовнымъ отцемъ поручика Шелашникова; а по дальности и трудности пути въ помощь ему согласился сопутствовать монахъ Авель. При отправленіи ихъ я нашелъ нужнымъ поручить ихъ покровительству мѣстныхъ властей, и въ самомъ началѣ письма̀ къ г. главноуправляющему Закавказскимъ краемъ означилъ причину ихъ посольства въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «дѣло, управляемое закономъ любви христіанской, поставило меня въ необходимость послать во ввѣренный вашему высокопревосходительству край двухъ изъ братіи Свято-Троицкія Сергіевы лавры». Подобнымъ образомъ писалъ я и къ преосвященному экзарху Грузіи».

«Поелику же главнокомандующій Закавказскимъ краемъ, исправляя прежде должность Московскаго военнаго генералъ-губернатора, благоговѣніемъ къ Православной церкви и въ другихъ отношеніяхъ оставилъ по себѣ достопочтенную память, то заблагоразсудилъ я при семъ случаѣ послать ему отъ Лавры Преподобнаго Сергія икону, сопроводивъ сіе приличными желаніями и изъясняясь о преподобномъ Сергіѣ, какъ о благопоспѣшномъ молитвенникѣ за христолюбивое Россійское воинство». (Собраніе мнѣній м. Филарета, т. III-й, Спб. 1885, стр. 112—113).

ИЗЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАМѢТОКЪ А. А. МАРТЫНОВА.

Домъ Московскаго Почтамта.

(Палаты князя А. Д. Меншикова).

Нѣкоторые любители старины ошибочно предполагали, что нынѣшній домъ Художественно-Промышленнаго Музея на Мясницкой принадлежалъ нѣкогда свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу Меншикову, любимцу Петра Великаго.

Въ 1742 году домъ Музея принадлежалъ генералъ-майору Василію Абрамовичу Лопухину [1]; въ 1775 году домъ этотъ значится за графомъ Андреемъ Петровичемъ Шуваловымъ, и въ немъ помѣщался въ то время Московскій Банкъ для вымѣна незадолго передъ тѣмъ введенныхъ государственныхъ ассигнацій [2]; тогда и нынѣшній переулокъ Кривоколѣнный, близъ этого дома, назывался Шуваловскимъ [3]. Въ 1783 году домъ этотъ принадлежалъ уже Конторѣ Ассигнаціоннаго Банка [4]; затѣмъ извѣстно, что онъ, уже въ наши дни, состоя въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ, поступилъ къ послѣднему своему владѣльцу, т.-е. къ Художественно-Промышленному Музею, который въ немъ и помѣщался до перехода своего въ нынѣшній прекрасный свой домъ на Рожественкѣ (перестроенный изъ Университетскихъ клиникъ).

Въ 1699 г. Преображенскій сержантъ А. Д. Меншиковъ, уже »другъ царевъ», купилъ за двѣ тысячи рублей у Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ въ Бѣломъ городѣ, на Мясницкой улицѣ, дворъ; въ 1702 г. Преображенскаго полку поручикъ Александръ Даниловичъ Меншиковъ купилъ дворъ подлѣ своего двора у подъячаго Небогатова у Архангела Гавріила [5]; въ 1705 году стольники Василій да Алексѣй Ѳедоровичи Салтыковы продали Меншикову, уже Московскому губернатору, дворъ свой на Мясницкой большой улицѣ въ Бѣломъ городѣ, за двѣ же тысячи рублей [6]. Извѣстно, что Менши-

---

[1] См. книга 8-я по первой командѣ о мѣрѣ въ обывательскихъ дворахъ 1 и 5 частей, капитана *Бражникова* (рукоп. въ архивѣ IV округа Путей Сообщ. въ Москвѣ).

[2] Описаніе императ. столичн. гор. Москвы, собранное 1775 г. и изданное въ Петербургѣ въ 1782 г. *В. Рубаномъ*, стр. 5.

[3] Тамъ же, стр. 3.

[4] Дѣло № 24, годъ 1792, въ архивѣ Почтоваго Департамента.

[5] Книга Дворовая 1702 г. въ Моск. Арх. Мин. Юст. за № 446.

[6] См. *Русскія Достопамятности*, томъ 2-й, изд. *А. Мартынова*. Москва 1877 г., статья *Н. П. Розанова*: Церковь Архангела Гавріила и Меншикова башня въ Москвѣ, примѣч. 25.

ковъ, лишенный въ 1727 году всѣхъ почестей, сосланъ въ Березовъ, гдѣ и скончался въ 1729 году; а въ 1730 году, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, домъ его у Мясницкихъ воротъ съ каменными и деревянными строеніями отданъ въ потомственное вѣчное владѣніе камергеру князю Александру Борисовичу Куракину [7]). Въ 1783 году домъ этотъ съ садами и фруктовыми въ нихъ деревьями князья Куракины продали извѣстному богачу-Армянину коллежскому совѣтнику Ивану Лазаревичу Лазареву [8]).

Здѣсь мы считаемъ нелишнимъ прослѣдить вкратцѣ исторію двухъ почтамтскихъ домовъ въ Москвѣ, чтобъ этимъ путемъ дойти до той мѣстности, которая была занята палатами свѣтлѣйшаго князя Меншикова.

Въ 1742 году сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, вицеканцлеръ графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ представлялъ нѣкоторые дворы для покупки подъ Московскій почтамтъ (почта была въ его вѣдѣніи); но по именному ея императорскаго величества высочайшему указу, Апрѣля 1 дня 1742 года, для онаго почтамта дôма покупать не велѣно, а отдать изъ описныхъ или конфискованныхъ, во исполненіе чего подъ тотъ почтамтъ тогда же и отданъ домъ Новгородскаго архіерея, чтô въ Бѣломъ городѣ, близъ Срѣтенскихъ и Мясницкихъ воротъ, въ приходѣ церкви Свв. Флора и Лавра. По приказу графа Бестужева-Рюмина, домъ этотъ осматривалъ архитекторъ двора ея императорскаго величества Растрелли и донесъ, что такъ какъ домъ стоитъ на болотномъ мѣстѣ и жить въ немъ нездорово, и что ветхостей исправленіе потребуетъ до осьми тысячъ рублей, то и представляетъ, съ своей стороны, насупротивъ того домъ барона Соловьева, имѣющій всѣ удобства. Дѣло кончилось тѣмъ, что майору и архитектору Ивану Мичурину поручено было исправить въ домѣ Новгородскаго архіерея ветхости по смѣтѣ на 2461 рубль. Изъ этой смѣты видно, что въ 1742 году тысяча кирпича стоила 4 рубля, бочка извести 40 копѣекъ, тысяча тесу 2 рубля [9]). Тутъ и помѣщался долгое время Московскій Почтамтъ. Но этотъ домъ, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ недостаточно помѣстителенъ, потому что въ 1785 году домъ упомянутаго выше Лазарева былъ нанятъ для почтамта, а такъ какъ домовладѣлецъ былъ согласенъ и продать его, то онъ и купленъ въ 1792 году для почтамта за пятьдесятъ тысячъ рублей [10]), и съ тѣхъ поръ домъ этотъ, нѣкогда палаты свѣтлѣйшаго князя А. Д. Меншикова, увеличенный разными постройками, находится во владѣніи Московскаго Почтамта, а такъ-называемый Старый Почтамтъ, то-есть домъ принадлежавшій Новгородскому архіерею (гдѣ жилъ Θеофанъ Прокоповичъ) проданъ П. І Губонину.

Алексѣй Мартыновъ.

---

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., дѣла Прав. Сената по бывшему Кабинету съ 1730 по 1731 г., стр. 187.
[8]) Дѣло № 24, годъ 1792, въ арх. Почт. Деп.
[9]) Дѣло № 1, годъ 1742, въ арх. Почт. Деп.
[10]) Дѣло № 24, годъ 1792, въ арх. Почт. Деп.

ОТЧЕТЪ О СОСТОЯНІИ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА ЗА 189⁴/₅ Г.,

прочитанный на торжественномъ актѣ Института 20-го Мая 1895 года.

А. Составъ Института.

Въ отчетномъ году въ составъ Археологическаго Института входили: а) директоръ Института, б) почетные члены, в) профессора и преподаватели, г) дѣйствительные члены, д) сотрудники и е) слушатели Института.

1) Директоромъ Института состоялъ тайный совѣтникъ Аскалонъ Николаевичъ Труворовъ.

2) Къ началу отчетнаго года всѣхъ почетныхъ членовъ Института было 90. Въ отчетномъ году скончался почетный членъ Института, преподававшій въ Институтѣ Русскую метрологію и палеографію, извѣстный своими многочисленными и цѣнными трудами по нумизматикѣ и метрологіи, Дмитрій Ивановичъ Прозоровскій. Вновь избранъ въ число почетныхъ членовъ Института почетный гражданинъ города Ярославля, потомственный почетный гражданинъ И. А. Вахрамѣевъ, изъявившій готовность вносить въ Институтъ ежегодно по 500 рублей.

3) Составъ профессоровъ и преподавателей Института былъ слѣдующій: директоръ Института А. Н. Труворовъ преподавалъ Русскую археографію, В. И. Сергѣевичъ—Юридическія древности, Н. В. Покровскій—Церковныя древности, А. И. Соболевскій—Славяно русскую палеографію, Н. И. Веселовскій—Первобытную археологію и особенно древности Южной Россіи, С. М. Середонинъ—Историческую Географію, особенно Русскую до XVIII вѣка, А. К. Марковъ — Греко-римскую нумизматику, А. П. Вороновъ—Архивовѣдѣніе, С. М. Гольдштейнъ—Польско-литовскія древности, Г. Ф. Церетелли—Греческую палеографію, Н. П. Лихачевъ—Русскую дипломатику и И. И. Холоднякъ—Латинскую палеографію. Всѣхъ профессоровъ и преподавателей въ Институтѣ въ отчетномъ году было 12.

4) Въ составъ дѣйствительныхъ членовъ, на основаніи § 7-го Положенія объ Археологическомъ Институтѣ, включены окончившіе въ отчетномъ году полный курсъ институтскихъ наукъ: кандидатъ С.-Петербургской Духовной Академіи коллежскій совѣтникъ Владиміръ Александровичъ Васильевъ; полковникъ, окончившій курсъ въ Военно-Юридической Академіи по 1-му разряду Леонидъ Викторовичъ Евдокимовъ; поручикъ артиллеріи, окончившій курсъ восточныхъ языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ, Павелъ Николаевичъ Карповъ; коллежскій ассесоръ кандидатъ Университета, Александръ Өедоровичъ Кругловъ; надворный совѣтникъ, окончившій курсъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ, Александръ Семеновичъ Лацинскій; подполковникъ, окончившій курсъ по 1-му разряду въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, Николай Геннадіевичъ Николаевъ; кол-

лежскій совѣтникъ, кандидатъ Университета, Сергѣй Николаевичъ Петерскій; поручикъ, окончившій курсъ восточныхъ языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ, Иванъ Діонисіевичъ Ягелло. Всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ въ Институтѣ въ настоящее время 51. Въ отчетномъ году скончался дѣйствительный членъ Института Александръ Аѳанасьевичъ Благовѣщенскій, много потрудившійся на пользу отечественной Археологіи и Исторіи.

5) Въ составъ сотрудниковъ включены окончившіе курсъ въ Институтѣ: дворянинъ Павелъ Петровичъ Михайловъ; губернскій секретарь, окончившій курсъ въ 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ, Леонидъ Александровичъ Нагорновъ и полковникъ, окончившій курсъ въ Кадетскомъ корпусѣ, по 1-му разряду, Семенъ Ивановичъ Яснецкій. Всѣхъ сотрудниковъ въ Институтѣ въ настоящее время 26.

6) Всѣ наличные профессора и преподаватели Института входили въ составъ Совѣта Института; къ участію въ заключеніяхъ Совѣта приглашался почетный членъ Института статсъ-секретарь Н. Н. Селифонтовъ.

7) Хозяйственными дѣлами Института завѣдывало особое Правленіе, въ составъ котораго входили: директоръ Института А. Н. Труворовъ, два почетныхъ члена (Н. Н. Селифонтовъ и В. Я. Яковлевъ), одинъ изъ преподавателей Института А. К. Марковъ и секретарь Совѣта, онъ же и правитель дѣлъ Правленія, профессоръ Н. В. Покровскій.

Б. Составъ слушателей Института.

Къ началу отчетнаго года, за выбытіемъ окончившихъ курсъ въ Маѣ прошлаго 1894 года, слушателей въ Институтѣ было 31. Вновь приняты въ отчетномъ году 24. Всѣхъ слушателей на обоихъ курсахъ Института въ отчетномъ году было 55, именно: въ старшемъ курсѣ 11 дѣйствительныхъ слушателей и 20 вольнослушателей; въ младшемъ курсѣ 12 дѣйствительныхъ слушателей и 12 вольнослушателей.

В. Дѣятельность Института.

1) Въ отчетномъ году было пять засѣданій Совѣта Археологическаго Института. Въ засѣданіяхъ этихъ обсуждались вопросы объ избраніи почетныхъ членовъ, о пріемѣ слушателей въ Институтъ и испытаніяхъ ихъ, о порядкѣ учебныхъ занятій съ слушателями, о пополненіи институтской библіотеки и музея, о сношеніяхъ съ губернскими учеными архивными коммиссіями по дѣламъ, касающимся ихъ дѣятельности, о сношеніяхъ съ правительственными учрежденіями и частными лицами по дѣламъ археологіи и проч.

2) Дѣятельность Правленія была обращена на хозяйственную сторону Института: изысканіе средствъ къ поддержанію Института, расходованіе и повѣрку институтскихъ суммъ и т. п. По примѣру прежнихъ лѣтъ, Институтъ пользовался правительственною субсидіею въ размѣрѣ 6 000 рублей; сверхъ того поступили въ Институтъ пожертвованія отъ почетныхъ членовъ В. Я. Яковлева и И. А. Вахрамѣева по 500 рублей. Всѣхъ суммъ въ Институтѣ въ настоящее время

7.988 р. $32\frac{1}{2}$ к., въ томъ числѣ % бумагами 5.700 р. и наличными деньгами 2.288 руб. $32\frac{1}{2}$ коп.

3) Занятія слушателей Института состояли въ слушаніи лекцій, въ практическомъ ознакомленіи съ памятниками Археографіи, Палеографіи и въ самостоятельныхъ ученыхъ упражненіяхъ.

4) По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ Институтѣ происходили вечернія собранія, посвященныя чтеніямъ по предметамъ, относящимся къ Русской старинѣ. На этихъ собраніяхъ сообщены были рефераты: профессора С. М. Середонина—«О такъ-называемыхъ боярскихъ книгахъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ»; дѣйствительнаго члена Института А. В. Георгіевскаго — «Заботы Петра Великаго о сохраненіи и собираніи историческихъ матеріаловъ и памятниковъ древности»; слушателя Института полковника С. И. Яснецкаго—«Исторія Русской территоріи въ первобытный періодъ до призванія Варяго-Руссовъ»; слушателя Института, кандидата богословія, О. В. Крыжановскаго—«Роль духовенства въ исторіи народнаго образованія въ Россіи» (два чтенія), и слушателя Института Павла Петровича Михайлова—«Роль и значеніе женщины».

Г. Состояніе библіотеки и музея Института.

1) Въ библіотеку Института вновь поступило нѣсколько пожертвованій, въ числѣ которыхъ обращаетъ на себя особенное вниманіе драгоцѣнный даръ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михаиловича, Августѣйшаго Почетнаго Члена Археологическаго Института,—«Русскія монеты, чеканенныя для Пруссіи, Грузіи, Польши и Финляндіи», «Монеты царствованія Императрицы Екатерины II-й». Изданія эти съ прежде подаренными изданіями Его Высочества, какъ-то: «Монеты царствованій Императоровъ Александра II-го, Николая I-го, Павла I-го, Александра I-го», и «Русскія монеты 1881—1890 годовъ», составляютъ одно изъ лучшихъ украшеній институтской библіотеки. Общее число книгъ историческаго, археологическаго и т. п. содержанія въ институтской библіотекѣ въ настоящее время простирается свыше 10.000 наименованій.

2) Въ музей Института также поступило нѣсколько новыхъ пожертвованій, изъ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе глиняный сосудъ съ серебряными монетами Великаго Князя Іоанна III-го и Царя Іоанна IV-го, найденный въ Новоладожскомъ уѣздѣ и принесенный въ даръ Институту Императорскою Археологическою Коммиссіею. Число всѣхъ предметовъ въ музеѣ въ настоящее время простирается свыше 4.000.

Д. Опредѣленіе совѣта Института о достоинствѣ научныхъ знаній слушателей, окончившихъ курсъ наукъ.

Совѣтъ Археологическаго Института въ своемъ послѣднемъ засѣданіи 24 Апрѣля, разсмотрѣвъ достоинства экзаменаціонныхъ отвѣтовъ лицъ, оканчивающихъ нынѣ курсъ въ Институтѣ, опредѣлилъ:

а) выдать аттестаты на званіе дѣйствительнаго члена Института и золотыя медали:

коллежскому совѣтнику Сергѣю Николаевичу Перетерскому и подполковнику Генеральнаго Штаба Николаю Геннадьевичу Николаеву;

б) выдать аттестаты на званіе дѣйствительнаго члена Института и серебряныя медали:

полковнику Леониду Викторовичу Евдокимову, коллежскому совѣтнику Владиміру Александровичу Васильеву, надворному совѣтнику Александру Семеновичу Лацинскому, поручику артиллеріи Ивану Діонисьевичу Ягелло;

в) выдать аттестаты на званіе дѣйствительнаго члена Института:

коллежскому ассессору Александру Ѳедоровичу Круглову, поручику артиллеріи Павлу Николаевичу Карпову, и

г) выдать свидѣтельства на званіе сотрудниковъ Института окончившимъ нынѣ курсъ, бывшимъ вольнослушателямъ Института:

дворянину Павлу Петровичу Михайлову, губернскому секретарю Леониду Александровичу Нагорнову и полковнику Семену Ивановичу Яснецкому.

Выполняя завѣты учредителя Института Николая Васильевича Калачова, Институтъ, по недостаточности денежныхъ средствъ, шелъ *постепенно* къ достиженію намѣченныхъ при его учрежденіи цѣлей, и въ послѣднее время проявилъ замѣчательную энергію въ развитіи учебнаго дѣла. Институтъ началъ съ того, что въ послѣднее трехлѣтіе, при цѣлесообразныхъ практическихъ указаніяхъ и мѣропріятіяхъ директора А. Н. Труворова, сократилъ, безъ всякаго ущерба для сущности дѣла, нѣкоторые, хотя и не столь важные, однако сильно подрывавшіе бюджетъ Института расходы, и пріобрѣлъ нѣсколько новыхъ почетныхъ членовъ: М. И. Любимова, Н. І. Лещинскаго, В. Я. Яковлева и И. А. Вахрамѣева, оказывающихъ Институту матеріальную поддержку. Мѣры эти, скромныя сами по себѣ, дали Институту возможность включить въ составъ Института нѣсколькихъ новыхъ профессоровъ и, такимъ образомъ, пополнить кругъ институтскаго преподаванія. Уже къ концу прошлаго отчетнаго года число институтскихъ профессоровъ простиралось до 12-ти, т. е. до такой цифры, какой нѣтъ ни въ École des Chartes и ни въ одномъ изъ подобныхъ учрежденій, которыя имѣлъ въ виду Н. В. Калачовъ при учрежденіи Института.

Вмѣстѣ съ расширеніемъ круга преподаванія и увеличеніемъ числа профессоровъ увеличилось значительно и число слушателей Института. Скромная аудиторія Института въ отчетномъ году была всегда полна; а это обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ болѣе, что Институтъ даетъ своимъ слушателямъ не внѣшнія привилегіи, но одно только научное знаніе.

Въ служеніи чистой наукѣ заключается цѣль Археологическаго Института, и къ ней въ отчетномъ году Институтъ подошелъ уже довольно близко. Остается пожелать улучшенія внѣшняго благосостоянія Института, отъ котораго во многомъ зависитъ правильное теченіе его внутренней жизни. Институтъ надѣется, что просвѣщенное содѣйствіе правительства и общества въ непродолжительномъ времени облегчитъ ему выполненіе и этой задачи.

———

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ВРАЧА *).

Служба въ Москвѣ (1865—1875 годы).

Извѣстность въ своемъ кружкѣ пріобрѣтается иной разъ по весьма сходной цѣнѣ; стóитъ только, какъ говорится, потрафить вкусамъ и потребностямъ людей, и они готовы вообразить о человѣкѣ, Богъ знаетъ, чтó. Многіе ищутъ такой дешевой извѣстности и безъ особаго труда добываютъ ее; но когда она получается человѣкомъ, не ищущимъ ея, то бываетъ нерѣдко вовсе нежелательною и даже стѣснительною. Такая досадливая популярность навязывалась на меня неоднократно въ теченіе моей службы. Тоже не минуло меня и въ Екатеринославскомъ полку. Солдаты, видя во мнѣ человѣка, сующаго свой носъ въ ихъ нужды и получая отъ этого кое-какія мелкія выгоды, вообразили во мнѣ какую-то особую силу и значеніе. Разсказанное выше заступничество мое за солдата на судѣ подало другимъ нелѣпую мысль, будто я и могу, и обязанъ все для нихъ сдѣлать. Солдаты начали являться ко мнѣ съ своими нуждами и даже съ просьбами о заступничествѣ предъ начальствомъ. Одинъ фельдфебель, которому угрожало разжалованіе за обморозившихъ ноги людей его роты, слезно просилъ меня заступиться за него. Дѣло было такъ. Зима стояла очень холодная, и обмороженья были очень часты во всѣхъ полкахъ дивизіи, чтó обратило на себя вниманіе начальства и вызвало взысканія съ мелкихъ начальствующихъ чиновъ за допущеніе такихъ случаевъ. Но какъ ихъ было и не быть въ солдатской службѣ того времени, напр., при слѣдующихъ обстоятельствахъ? Выгоняютъ арестантовъ на какую нибудь работу, положимъ, разгребать снѣгъ; ихъ стерегутъ солдаты. Арестантъ въ полушубкѣ и валенкахъ и притомъ работою согрѣваетъ себя, а около него неподвижно, по нѣскольку часовъ, стоитъ караулящій его солдатъ въ однихъ портянкахъ подъ кожаными сапогами! Еще хуже бывало при пожарахъ. На случай пожаровъ назначались въ полкахъ посуточно дежурныя роты, которыя и выходили на каждый

*) См. выше, стр. 100.

пожаръ по тревогѣ для соблюденія порядка и для охраны спасаемаго отъ огня имущества. Разбуженный ночною тревогою, солдатъ дежурной роты иногда забывалъ или не успѣвалъ не только навертѣть портянки, но и надѣть мундиръ подъ шинель. Рота спѣшитъ на пожаръ скорымъ, а иногда и бѣглымъ шагомъ. Пройдя такимъ образомъ двѣ-три версты, а нерѣдко и болѣе, солдатъ согрѣлся и даже вспотѣлъ, и вотъ, придя на мѣсто, онъ становится въ цѣпь для охраны какого нибудь хлама, гдѣ и остается неподвижно по нѣскольку часовъ подъ рядъ.

Поэтому обмороженія были часты во всѣхъ полкахъ дивизіи; но я въ своемъ полку не дѣлалъ изъ этихъ случаевъ исторій, лѣчилъ при своемъ околодкѣ или въ лазаретѣ, а въ госпиталь не посылалъ, что́ давало мнѣ возможность не доносить о такихъ больныхъ медицинскому начальству; полковое же, конечно, знало о нихъ и принимало кое-какія мѣры, чтобы люди возможно меньше поморaживались. По счастью отмороженія бывали такого рода, что не угрожали годности солдата къ службѣ; но одного угораздило такъ отморозить себѣ ногу, что нельзя было избѣжать ампутаціи и затѣмъ увольненія солдата въ отставку. Пришлось послать его въ госпиталь, слѣдовательно и донести по начальству о происшествіи. Солдатъ былъ изъ роты того фельдфебеля, о которомъ сказано выше. Командиръ полка, получивъ по этому случаю первое замѣчаніе сверху, вздумалъ съ непривычки проявить строгость: ротному командиру нагоняй, а фельдфебелю смѣщеніе съ должности. Вотъ послѣдній (помнится, изъ сверхсрочно-служащихъ) и взвылъ: Спасите, ваше благородіе; на васъ однихъ надежда. «Что же, спрашиваю могу я тутъ подѣлать противъ командира полка? Какъ я буду мѣшаться въ его дѣла?»—Да вѣдь я-то въ чемъ тутъ виноватъ? канючитъ солдатъ. Въ каждой ротѣ сколько было помороженныхъ! У меня еще меньше, чѣмъ у другихъ; а мнѣ приходится отвѣчать за всѣхъ. Сдѣлайте, божескую милость, защитите.—«Да чѣмъ же я защищу тебя, какъ? Самъ только ругань приму, да пожалуй и подъ арестъ угожу: какая польза тебѣ-то отъ этого?»—Ваше благородіе за правое дѣло возьметесь. У всѣхъ помороженные были, а на мнѣ одномъ бѣда стряслась.—Вижу, что солдатъ правъ, а виноватъ я въ томъ, что не соблюлъ формы служебной, пожалуй, даже дозволилъ себѣ упущенія, и за это солдату приходится расплачиваться. Дѣло въ томъ, что въ другихъ полкахъ командиры привыкли къ замѣчаніямъ на счетъ обморозившихся и не думали карать за нихъ фельдфебелей, особенно разжалованьемъ (иначе пришлось бы за зиму смѣнить ихъ въ каждой ротѣ по нѣскольку, а это не повело бы ни къ чему полезному). Тоже было бы и съ моимъ командиромъ, если бы я поступалъ также, какъ и другіе старшіе врачи, ставя всякое лыко въ строку и заботясь только объ

очисткѣ себя и о своемъ спокойствіи. Такимъ образомъ приходилось впутаться въ щекотливое дѣло, не безъ риска для себя, но съ болѣе чѣмъ сомнительною пользою для солдата. «Дѣлать нечего, говорю ему, попытаюсь; а чтò будетъ изъ этого, не знаю».—Будетъ все по вашему, только похлопочите, льститъ мнѣ, удаляясь, солдатъ. Однако, какъ взяться, съ какой стороны приступить въ такомъ дѣлѣ, гдѣ можно нарваться на крупную непріятность? Я началъ съ того, что отправился тотчасъ же къ полковому адъютанту. Такъ и такъ, говорю; я слышалъ, что командиръ полка хочетъ разжаловать фельдфебеля такой-то роты, за то-то.—Да, отвѣчаетъ, дѣйствительно, онъ приказалъ представить кандидата на это мѣсто.—«Вотъ это-то мнѣ и непріятно, потому что фельдфебель будетъ наказанъ изъ-за меня».—Какъ такъ?—«Да просто: въ полку за зиму было столько-то обмороженныхъ, а командиръ получилъ замѣчаніе только въ первый разъ. Если бы я доносилъ, какъ другіе врачи, о каждомъ случаѣ, то вѣдь не мѣняли бы фельдфебелей каждую недѣлю; остался бы цѣлъ и этотъ. А теперь онъ будетъ сѣтовать на меня».—Развѣ онъ былъ у васъ?—«Былъ или не былъ, это все равно, когда вы сами говорите, что его разжалуютъ. Вотъ, чтобы мнѣ не брать болѣе грѣха на душу, да не безпокоить полковника излишнимъ бумагомараньемъ изъ-за всякаго пустяка, не возьмете ли вы на себя доложить ему, въ какое положеніе я буду поставленъ, если фельдфебеля разжалуютъ?»—Адъютантъ согласился. Узнавши потомъ, что фельдфебель оставленъ на должности, я при случаѣ поблагодарилъ за это адъютанта. Напрасно вы безпокоились, сказалъ онъ мнѣ смѣясь: полковникъ и не думалъ его разжаловать. Возражать на это и напоминать адъютанту его собственныя слова по этому дѣлу не было надобности, разъ оно окончилось благополучно. Политика и военный порядокъ требовали, чтобы я не приписывалъ такого оборота дѣла себѣ. Тоже, чтò и мнѣ, сказано было и фельдфебелю, такъ что онъ не счелъ нужнымъ поблагодарить меня.

Не смотря на это, обращенія солдатъ ко мнѣ не прекращались и были иногда еще болѣе щекотливаго характера, такъ что при малѣйшей неосторожности съ моей стороны я могъ попасть въ бѣду.

Такая бѣда дѣйствительно и надвигалась на меня, но не съ этой стороны, а со стороны моихъ сослуживцевъ-врачей. Опять таки не обошлось безъ Польскаго вопроса. Первый лагерь на Ходынкѣ прошелъ для меня такъ, какъ я разсказалъ выше, въ службѣ, не дававшей мнѣ ни повода, ни случая сталкиваться съ моими товарищами по дивизіи, и я ни съ кѣмъ изъ нихъ не познакомился. Да я и не думаю, чтобы какія либо знакомства, кромѣ шапочныхъ, существовали тогда между врачами. Ни научными, ни служебными интересами они связаны не

были. Въ научномъ отношеніи дѣлиться и обмѣниваться, пожалуй, было и нечѣмъ; да если бы у кого и явилось желаніе о чемъ-либо потолковать, что-либо выяснить, то собесѣдника трудно было отыскать. Причинъ этому было немало; напр., неувѣренность въ собственныхъ знаніяхъ, не говорю уже о равнодушіи къ нимъ, профессіональное самолюбіе, не терпящее возраженій, даже какая-то скаредность, не допускающая, чтобы товарищъ зналъ тоже, что́ и я. Таковы всѣ вообще врачи за немногими исключеніями. Отъ того-то обыкновенно и отмѣчается въ панигирикахъ и некрологахъ врачей, составляемыхъ врачами же, какъ нѣчто необычное, если кто нибудь изъ нихъ дѣлился съ товарищами своими свѣдѣніями. Впрочемъ, такой эгоизмъ—явленіе естественное во всякой средѣ, существующей на счетъ личнаго труда и искусства. Отдать другому то, что̀ даетъ человѣку возможность существовать самому, правило христіанское; но христіанами мы еще не извѣстно когда сдѣлаемся, и въ нашемъ понятіи пра̀ва собственности стоятъ покуда далеко выше правъ человѣческой личности, такъ что человѣкъ, задумавшій раздать во имя Евангелія свое имущество нищимъ, не будетъ допущенъ до этого законными наслѣдниками своими. Поэтому забавнымъ является взаимное клятвенное обѣщаніе, даваемое врачами другъ другу, въ томъ, что они не будутъ скрывать ничего, что́ ни открыли бы и ни узнали въ своей наукѣ. Такое обѣщаніе равносильно тому, если бы кто пообѣщался кому либо дѣлиться безкорыстно своею женою или своимъ кошелькомъ. Дѣйствительно, врачи, внѣ преподаванія, какъ будто и дѣлятся усердно съ своими товарищами знаніями въ своихъ сочиненіяхъ, статьяхъ, сообщеніяхъ и тому подобное, но дѣлаютъ это въ исключительно-личныхъ своихъ интересахъ, подобно всѣмъ остальнымъ людямъ.

Въ служебномъ отношеніи было и того хуже. Въ товарищѣ было бы наивно ожидать доброжелателя, расчитывая на совѣтъ или какую-либо ничтожную помощь; напротивъ, въ немъ всегда былъ готовъ къ вашимъ услугамъ фискалъ, доносчикъ и подставитель ножки. Такое понятіе о профессіональномъ товариществѣ нашемъ я вынесъ еще изъ службы въ Гроднѣ, и потому и въ Москвѣ остерегался входить въ знакомство съ своими сослуживцами. Но въ слѣдующій лагерь мнѣ пришлось столкнуться съ ними поневолѣ. Лагерная обстановка показалась мнѣ съ непривычки очень безпокойною, вообще пришлась не по вкусу. Въ 1865 году Май мѣсяцъ былъ теплый и ясный; но съ начала Іюня наступила холодная и дождливая погода, продолжавшаяся двѣ недѣли. Сидѣть цѣлый день подъ промокшею палаткой въ полутьмѣ и въ грязи, одѣтымъ, какъ въ дорогѣ, безъ дѣла (потому что ни читать, ни писать было невозможно) надоѣдало до чрезвычайности. За тѣмъ, когда

погода перемѣнялась, некуда было дѣваться отъ жары, духоты и нерѣдко отъ ароматовъ, заносимыхъ изъ сосѣдней съ лагеремъ свалки; да и въ самомъ лагерѣ не было недостатка въ запахахъ мѣстнаго происхожденія. На счетъ гигіены въ то время было просто: современный *микробъ* еще покоился подъ спудомъ, и даже древній законъ лагерной гигіены былъ забытъ. Въ добавокъ я былъ помѣщенъ съ своею палаткою на почетномъ мѣстѣ, которое назначалось командиру полка, жившему въ удобномъ баракѣ, въ сторонѣ, и за эту честь платился близостью конюшень и другимъ непріятнымъ сосѣдствомъ. Около меня помѣщалась музыкантская команда, которая съ ранняго утра сыгрывалась и разучивала разныя піесы. Почти каждый день я просыпался или отъ внезапнаго грома музыки и грохота барабановъ, вскакивая съ постели въ переполохѣ, или подъ вліяніемъ непріятныхъ сновидѣній, нагоняемыхъ одновременнымъ разучиваніемъ разныхъ партитуръ на разныхъ инструментахъ. Просыпаясь, иногда въ холодномъ поту, я слышалъ, какъ одинъ жалобно насвистываетъ гимнъ, другой рычитъ на трубѣ похоронный маршъ, третій отбиваетъ меланхолическую дробь на барабанѣ и т. д., и все это продѣлывается десятками ртовъ и рукъ, кто во что гораздъ. Даже и въ праздники, когда не было музыкальнаго ученья (т. е. для меня мученья), не всегда удавалось выспаться, сколько слѣдуетъ. Впереди меня жилъ въ своей палаткѣ капитанъ, Выгановскій (если не ошибаюсь) по фамиліи, державшій свору собакъ, кормившихся на ротной кухнѣ, облюбовавшихъ мою палатку и оставлявшихъ мнѣ сувениры своихъ частыхъ посѣщеній. Хозяинъ собакъ по праздникамъ дѣлалъ имъ смотръ, на который и сзывалъ свою команду, играя на рожкѣ какую-то раздирательную какофонію. Нерѣдко приходилось вставать и среди ночи, когда заболѣвалъ солдатъ или офицеръ. Послѣдніе были особенно докучливы и безцеремонны, тревожа меня изъ за всякаго пустяка. Впрочемъ, бывали и серьезные случаи, почему приходилось спѣшить, скрѣпя сердце, на каждый зовъ. Однажды, напр., врывается ко мнѣ въ палатку офицеръ съ страшнымъ крикомъ и воемъ, чуть-чуть не поваливъ палатки. Вскакиваю въ испугѣ, и оказывается, что моему посѣтителю во снѣ заползло въ ухо какое-то насѣкомое, причиняя и страхъ, и боль хозяину своего случайнаго помѣщенія. Подъ руками у меня не было, кромѣ пинцета, ничего, чтобы помочь въ такомъ случаѣ. Но копаться пинцетомъ ощупью и въ потьмахъ въ ухѣ было и безполезно, и рискованно. Между тѣмъ офицеръ требуетъ немедленной помощи, кричитъ на меня и ругается, какъ будто бы я посадилъ ему въ ухо непріятнаго постояльца. Кое-какъ уговоривъ метавшагося изъ стороны въ сторону офицера побыть нѣсколько секундъ спокойно, я поднесъ ему къ уху свѣчку, расчитывая,

что насѣкомое полюбопытствуетъ выглянуть на свѣтъ и будетъ схвачено приставленнымъ мною къ отверстію уха пинцетомъ. Такъ и случилось: чрезъ нѣсколько секундъ я подалъ офицеру виновницу его страданій, которая оказалась мокрицей, и посовѣтывалъ ему на будущее время на ночь затыкать уши ватой. Хорошо, что мокрица послушалась меня или дала провести себя; не то офицеръ поднялъ бы тревогу на весь лагерь, сбѣжалась бы куча его товарищей, и мнѣ пришлось бы наслушаться много обиднаго и для себя, и для врачей вообще. Мало того, неудачная охота за мокрицей могла дойти до крупнаго начальства, пожалуй, до самаго Гильденштуббе; а этотъ въ привычномъ тонѣ и по обычному отношенію ко врачамъ, которые въ то время считались баластомъ въ арміи, сказалъ бы медицинскому инспектору: Чтò у васъ за врачи?! Въ такихъ пустякахъ не умѣютъ помочь офицеру! Начальникъ мой завязалъ бы на счетъ меня узелокъ и припомнилъ бы мнѣ это при случаѣ.

Такое положеніе врача, между лицами военнаго и медицинскаго начальства развило во мнѣ охоту быть какъ можно дальше отъ того и другаго, а въ щекотливыхъ случаяхъ *оказывать* себя *въ нѣтяхъ*.

Что касается офицеровъ, то меня поражали почти сплошная въ нихъ нервная раздражительность и невыносливость къ боли. Для вскрытія какого либо пустяшнаго нарывчика приходилось тратить часы на уговоры и успокоиванье; нерѣдко вызывалъ дурноты и даже обмороки легонькой уколокъ ланцетомъ. Понятно поэтому, отчего такъ высоко цѣнятъ и ставятъ себѣ въ заслугу всякую царапину раненые на войнѣ *). Можетъ быть, здѣсь виновата новая система воспитанія въ корпусахъ, устранившая розги. И солдаты, какъ я говорилъ выше, тоже *разнервничались*, какъ только отмѣнено было тѣлесное наказаніе. Впрочемъ, можетъ быть, и время такое *нервное* наступило: солдатъ изъ мужиковъ сталъ, какъ оказывается, страдать *истерикою*.

Отъ такихъ-то пріятностей лагерной жизни задумалъ улизнуть я въ слѣдующій лагерный сборъ, пристроившись къ лагерному полковому лазарету, открывавшемуся близъ Всесвятской рощи въ особыхъ для этого баракахъ. Это мнѣ удалось безъ труда, тѣмъ болѣе, что я оказался нужнымъ для лазаретной службы. Здѣсь было и легче, и спокойнѣе, а главное, можно было ютиться подъ настоящей, а не

---

*) Вѣдь быть раненымъ на войнѣ, въ сущности, не составляетъ заслуги, а является естественнымъ, хотя и непріятнымъ, послѣдствіемъ ремесла. Государству во всякомъ случаѣ отъ этого одинъ убытокъ: приходится обезпечивать существованіе ранепаго, а если онъ незаурядный человѣкъ, то терять въ немъ полезнаго, а иногда и незамѣнимаго, слугу.

подъ парусинной крышей. Времени свободнаго было достаточно, почему случалось нерѣдко примыкать къ кружку товарищей, собиравшихся отъ нечего дѣлать покалякать гдѣ нибудь въ тѣни подъ деревьями. Разговоры велись исключительно на двѣ темы: о Польскомъ мятежѣ, тогда уже подавленномъ, и о печальномъ положеніи военнаго врача. По обоимъ этимъ вопросамъ, интересовавшимъ товарищей, я рѣзко расходился съ ними. Споры наши велись горячо, не безъ увлеченія съ обѣихъ сторонъ. Наиболѣе кипятившимся за Поляковъ оппонентомъ моимъ былъ маленькій Самойло, о которомъ упоминалось выше. Однажды мы въ спорѣ съ нимъ увлеклись до того, что я обратился къ нему съ вопросомъ: «Почему вы, коллега, лѣзете изъ кожи вонъ изъ-за Поляковъ? Вѣдь вы, кажется, Русскій?»—Да, положимъ, я Русскій (онъ былъ сынъ уніатскаго священника), но я въ душѣ Полякъ, откровенно и торжественно сознался маленькій человѣчекъ, ставши зачѣмъ-то въ театральную позу и колотя себя въ грудь. «Удивительно и жалко это слышать, отвѣчаю я; но, можетъ быть, вы только на время нарядились въ Поляка, пока у васъ и старшій, и дивизіонный врачъ Поляки?» Послѣ того мнѣ уже не приходилось бесѣдовать съ товарищами на эту тему: они начали меня избѣгать и стѣсняться моимъ присутствіемъ.

По другому предмету нашего разногласія, именно о нашемъ положеніи, я вооружилъ противъ себя и всѣхъ остальныхъ товарищей, доказывая имъ, что виною въ этомъ ихъ собственное поведеніе: отсутствіе уваженія къ себѣ и къ своей профессіи, зависть, эгоизмъ и т. д. Хотя наши дебаты и прекратились, но товарищи ихъ не забыли, какъ я, и не простили мнѣ. Велась, какъ оказалось, подпольная интрига: Русскіе врачи шли на арканѣ Поляковъ и полонофиловъ, и только выжидался случай, чтобы придушить меня, но не Польской веревкой, а чужой.

Случай этотъ, наконецъ, представился. Въ числѣ горячихъ моихъ оппонентовъ по нашему служебному вопросу былъ В. Й. Рудинскій. Онъ-то и оказался наиболѣе подходящимъ орудіемъ въ рукахъ полонофиловъ. Онъ былъ во первыхъ—Русскимъ; во вторыхъ—врачемъ другой дивизіи, участвовавшей въ лагерномъ сборѣ; въ третьихъ—братъ главнаго врача въ Московскомъ Госпиталѣ, игравшаго нѣкоторую роль въ нашемъ медицинскомъ мірку, и въ четвертыхъ—любилъ выпить, отъ чего впослѣдствіи и погибъ.

Случилось одно происшествіе со врачемъ въ округѣ, хотя и обычное, но тоже по обыкновенію вызвавшее пузыри протеста на поверхность нашего медицинскаго болота, остававшагося покрытымъ своею безмятежною тиною. Послѣ этого, во время моего дежурства по лазарету, за-

ходитъ Рудинскій, подвыпившій, ко мнѣ въ дежурную комнату и заводитъ разговоръ о потерпѣвшемъ врачѣ. Слово за слово, мы договорились до того, что Рудинскій началъ доказывать мнѣ необходимость все терпѣть и всему покоряться, иначе ничего не подѣлаешь: сила солому ломитъ, и противъ рожна нечего прать.—«Въ такомъ случаѣ, говорю я, не о чемъ и толковать, нечего и кукишъ въ карманѣ казать».—Нѣтъ, продолжаетъ онъ съ хмѣльною логикой, вотъ какъ поступали люди получше насъ. И разсказываетъ мнѣ случай съ предшественникомъ своего брата по госпиталю, если не ошибаюсь, Г....., бывшимъ тоже главнымъ врачемъ Московскаго Госпиталя, некрещеннымъ Евреемъ (родственникомъ профессора Захарьина). Объ этомъ случаѣ мнѣ было извѣстно раньше, и состоялъ онъ въ слѣдующемъ. Главный врачъ былъ, какъ говорится, *въ контрахъ* съ смотрителемъ и напалъ на доходныя статьи послѣдняго, въ томъ числѣ и на отопленіе. Доглядывая по этой причинѣ вечернюю топку печей въ госпиталѣ, главный врачъ наклонился къ топившейся печкѣ, чтобы сосчитать число горѣвшихъ полѣньевъ, какъ вдругъ получилъ хлесткій ударъ въ спину желѣзною кочергою отъ палатнаго служителя. Ревновавшій не въ интересахъ больнаго солдата, а по своимъ счетамъ со смотрителемъ главный докторъ, кряхтя и охая, съ трудомъ поднялся съ полу. (Все это дѣйствительно было и легко могло случиться въ госпиталяхъ при прежнихъ порядкахъ).

„Избави, Господи! Вѣдь самъ я былъ женатъ!“

могу я сказать вмѣстѣ съ Фамусовымъ, потому что самъ имѣлъ несчастіе быть главнымъ врачемъ военнаго госпиталя и знаю, что прикосновеніе *къ хозяйственнымъ* интересамъ причиняетъ боль всѣмъ, начиная отъ смотрителя и кончая послѣднимъ служителемъ.

— Что же, думаете вы, продолжаетъ Рудинскій, сдѣлалъ главный докторъ?—«Не знаю».—А вотъ что: поставилъ 20 банокъ на спину, отлежался и поѣхалъ на практику. Тѣмъ дѣло и кончилось!—«Выносливъ, значитъ, былъ. Почему же такихъ и не бить? Удивляться надо, что васъ мало бьютъ». Рудинскій вдругъ обидѣлся, какъ будто дѣло шло о немъ самомъ, бросилъ мнѣ оскорбительное слово и, разругавшись, оставилъ меня. Я далъ слово болѣе никогда съ своими любезными товарищами не разговаривать.

Чрезъ нѣсколько дней дивизіонный врачъ объявляетъ мнѣ, что ему заявлена всѣми врачами въ лагерѣ жалоба въ томъ, что я оскорбительно веду себя въ отношеніи ихъ, почему они и не желаютъ служить со мною, и что медицинскій инспекторъ отдалъ меня на товарищескій судъ. И вотъ собрались меня судить и пригласили къ от-

вѣту. Главнымъ обвинителемъ выступилъ тотъ же Рудинскій, вообразившій почему-то себя лично оскорбленнымъ моими словами.

— Господа, обратился я къ моимъ судьямъ, изъ-за чего вы волнуетесь? Вѣдь я не мѣшалъ и теперь не мѣшаю никому идти *до-лясу*. Если желаете, идите съ Богомъ. Что же касается до вашихъ служебныхъ и житейскихъ правилъ, то слѣдовать имъ я также никому не мѣшаю. Вотъ вы теперь всѣ въ сборѣ. Можетъ быть, сейчасъ придетъ сюда взводъ солдатъ съ розгами и васъ перепоретъ по приказанію начальства. Оставайтесь вѣрными вашимъ правиламъ, благо знаете, какую примочку употреблять послѣ порки. А я, извините, не желаю дѣлить съ вами такой компаніи. И такъ, счастливо оставаться!

На другой день я отправился въ Окружное Управленіе, которымъ завѣдывалъ, по случаю отсутствія инспектора Яновскаго, его помощникъ Добряковъ. Онъ принялъ меня очень строго и сурово. Оказалось, что дивизіонный врачъ наговорилъ ему про меня много всякой небылицы. Когда Добряковъ кончилъ свое длинное распеканье, молча и стоя мною выслушанное, я спросилъ его: теперь я могу говорить? Дано разрѣшеніе. Доказать гнусную ложь обвиненія и выяснить дѣло было легко, и Добряковъ вынужденъ былъ сказать по адресу моихъ обвинителей: ахъ, подлецы! Тѣмъ все и кончилось!

Здѣсь я отдохну отъ своихъ тяжелыхъ служебныхъ воспоминаній на другихъ, изъ частной моей жизни.

—

Будучи студентомъ, я давалъ уроки, между прочимъ, сыну Алексѣя Константиновича Куманина, жившаго въ своемъ домѣ на Зубовскомъ бульварѣ. Куманинъ принадлежалъ къ извѣстной въ Москвѣ богатой купеческой фамиліи, ранѣе служилъ въ военной службѣ и былъ адъютантомъ у Кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова. Вслѣдствіе этого у него завязались знакомства внѣ купеческой среды, между титулованными и знатными людьми. Впрочемъ, онъ самъ былъ дворяниномъ, владѣлъ крѣпостными; родня его, державшаяся своего купеческаго кружка, это цѣнила, по извѣстному купеческому тщеславію. Къ тому же онъ былъ женатъ на бывшей классной дамѣ Кіевскаго Института, Француженкѣ и католичкѣ, чтб едва ли могло нравиться его роднымъ, православнымъ купцамъ и купчихамъ. Впрочемъ, все это не относится къ моему разсказу. Я вспоминаю о лицахъ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, благодаря А. К. Куманину. Онъ имѣлъ нѣсколько странностей, развившихся въ немъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ бездѣлья и скуки, искалъ развлеченій и не любилъ одиночества. По этой послѣдней причинѣ ему всегда нуженъ былъ человѣкъ, которымъ бы онъ могъ располагать для своей компаніи, и выборъ его

одно время палъ на меня. Кромѣ того, я нуженъ былъ ему въ качествѣ запаснаго партнёра для игры въ ералашъ, до которой онъ былъ охотникъ. И вотъ онъ началъ таскать меня повсюду въ видѣ прихвостня: роль, которая была мнѣ далеко не по душѣ, но которой я нѣсколько времени подчинялся, уступая усиленнымъ просьбамъ чудака и личному любопытству увидѣть то, чтó при другихъ условіяхъ мнѣ не удалось бы. Да и какъ было не уступить, когда, напр., приглашаютъ посмотрѣть, какъ члены Англійскаго Клуба угощаютъ себя Цыганами или принимаютъ графа Строгонова и т. п.? А принявши такое почетное приглашеніе, неловко уже бывало отказываться отъ другаго, непочетнаго.

Англійскій Клубъ въ то время былъ своего рода святилищемъ, и Куманинъ очень гордился, что былъ его членомъ, чтó досталось ему не легко, а послѣ десятилѣтняго ожиданія въ кандидатствѣ. Такую же честь онъ хотѣлъ доставить и своему старшему сыну, тогда еще гимназисту, моему ученику, котораго онъ записалъ кандидатомъ, чуть ли не съ перваго класса, въ надеждѣ, что къ его выходу изъ университета окажется въ Клубѣ вакансія (но бѣдный мальчикъ скончался отъ скарлатины, будучи еще въ гимназіи). Въ послѣдствіи, кажется, на счетъ поступленія въ члены клуба стало гораздо свободнѣе. По крайней мѣрѣ, въ это высшее клубное учрежденіе, въ клубный Сенатъ, такъ сказать, оказался доступъ извѣстному Еврею М., котораго въ 60 годахъ я встрѣчалъ въ Московскомъ Интендантскомъ Управленіи еще въ засаленомъ лапсердакѣ, пантуфляхъ и съ пейсами. И, признаюсь, это членство меня въ чужѣ огорчило. Англійскій клубъ казался мнѣ очень скучнымъ мѣстомъ, и я лично ни при какихъ условіяхъ не домогался бы чести членствовать въ немъ; но онъ представлялъ собою хранилище сословныхъ преданій, и нужно, чтобы они оставались чистыми, не подмѣшенными. Пусть волны новой жизни размываютъ старые устои, если имъ суждено рухнуть; но пусть эта гибель принята будетъ съ честью и достоинствомъ. Англійскому клубу я желалъ бы такой кончины, если она наступитъ, какую имѣлъ послѣдній Римскій сенаторъ, убитый во время нашествія Галловъ на своемъ курульскомъ креслѣ. Въ Англійскомъ клубѣ мнѣ симпатично и то, что онъ держитъ свои двери запертыми для женщины, которая теперь насильно врывается сама и насильно тащится съ мужчинами туда, гдѣ ей быть не подобаетъ. Въ высшемъ, отвлеченномъ сословіи женщина играетъ особенно докучливую, искусственную роль; понятно поэтому, что мужчинѣ захочется покоя, возможности освобождаться отъ нея на извѣстное время. Мнѣ думается, что когда совершенно разцвѣтетъ, распустится и принесетъ плодъ свой женскій вопросъ, мужчины

будутъ устроивать скитскіе клубы по образцу Англійскаго. Кстати мнѣ вспомнилось, что когда интеллигентная Московская женщина проникла въ трактиры и клубы (это произошло въ началѣ шестидесятыхъ годовъ), возникалъ протестъ противъ закрытія для нея Англійскаго клуба, и я знаю барынь, которыхъ тянуло любопытство взглянуть на это единственное, для нихъ запретное, мѣсто, и онѣ осматривали его, конечно, во время отсутствія членовъ, съ такимъ же интересомъ, какъ богомолки изъ простонародья осматриваютъ Геѳсиманскій скитъ, въ единственный день, когда имъ дозволяется туда доступъ.

Чрезъ Куманина я познакомился съ семействомъ бывшаго Московскаго головы, покойнаго Алексѣева, такъ безвременно погибшаго. Куманину пришла, какъ обыкновенно, ни съ того, ни съ сего мысль везти меня на дачу, около Москвы, Елисаветино. Пріѣзжаетъ онъ ко мнѣ въ лагерь и говоритъ: «Поѣдемте, я васъ представлю самой умной женщинѣ, какой вы никогда не видали».—«Зачѣмъ и къ кому, съ какой стати?» упираюсь я всѣми силами. Но не тутъ-то было: отъ Куманина, въ сущности любезнѣйшаго и добрѣйшаго человѣка, не возможно было отдѣлаться, и я вынужденъ былъ согласиться. Е. М. Алексѣева въ домѣ Куманина не бывала, да едва-ли была и знакома съ его женой; но о ней часто говорили у Куманиныхъ и съ большимъ уваженіемъ. Прекрасный полъ между прочимъ ставилъ ей въ заслугу образцовый порядокъ въ домѣ и хозяйствѣ. Я былъ принятъ такъ, какъ слѣдовало ожидать отъ умной женщины, понимавшей причину моего неожиданнаго появленія въ ея домѣ. Чрезъ нѣсколько времени я былъ у ней на дачѣ уже одинъ, съ визитомъ, получилъ приглашеніе бывать у нихъ въ городѣ, и былъ по одному разу, чрезъ промежутки, въ старомъ домѣ Алексѣевыхъ въ Рогожской и въ новомъ на Пречистенскомъ бульварѣ. Воспитаніемъ единственнаго сына, она занималась сама и вела его, какъ говорили, на Англійскій манеръ. Дѣйствительно, физическое воспитаніе Николая Александровича Алексѣева не оставляло ничего желать. Въ то время ему было около 15 лѣтъ, но по росту и мускульному развитію онъ глядѣлъ юношею лѣтъ 20-ти. Я помню, онъ хвастался своею силою и предложилъ мнѣ бороться съ нимъ; я принялъ вызовъ и не могъ одолѣть юнаго атлета, хотя былъ почти вдвое старше его и не изъ хилыхъ. Мнѣ кажется, что физическое развитіе его зависѣло исключительно отъ воспитанія, правильнымъ образомъ поставленнаго: отецъ и мать его не были особенно крѣпкими людьми. Александръ Владимировичъ былъ высокаго роста, но худощавый, супруга его тоже. Вообще, въ этой семьѣ Алексѣевыхъ Англійское было въ почетѣ. Одинъ изъ членовъ ея, кажется, младшій братъ Александра Владиміровича, воспитывался и жилъ въ Англіи; я

однажды встрѣтился съ нимъ и не могъ по внѣшнему виду и пріемамъ отличить отъ находившагося тутъ же чистокровнаго Британца, съ нимъ пріѣхавшаго въ Россію. Самъ глава семьи былъ чрезвычайно мягкимъ, симпатичнымъ человѣкомъ и въ разговорѣ имѣлъ привычку прибавлять къ словамъ: съ. Слыша отъ него однажды жалобу на то, что здоровье начинаетъ ему измѣнять и что прежде ему много трудиться приходилось, я говорю ему: Значитъ пришло время отдохнуть; кажется, теперь и можно. — И такъ-съ ничѣмъ не занимаемся; одно канительное производство-съ; и то-съ ради памяти родительской не бросаемъ-съ.—О братѣ его Семенѣ я могу сказать только то, что онъ и лицемъ, и фигурой чрезвычайно напоминалъ Московскаго актера Самарина, такъ что я, въ первый разъ встрѣтивъ его, подумалъ, что это Самаринъ.

Знакомство съ домомъ Алексѣевыхъ, не смотря на то, что я встрѣчалъ любезный и радушный пріемъ, не могло продолжаться, потому что у меня ничего общаго съ нимъ не было и быть не могло. Послѣ четырехъ посѣщеній, я не видался болѣе ни съ кѣмъ изъ Алексѣевыхъ, исключая бывшаго городскаго головы, котораго встрѣтилъ въ церкви на похоронахъ директора Измайловской богадѣльни генерала Н. Н. Вельяминова. Я коснулся этого случайнаго и короткаго, по времени, знакомства; потому что, сталкиваясь подобнымъ же, случайнымъ образомъ съ богатыми купеческими и старинными дворянскими семьями, я не могъ не замѣтить разницы въ томъ, какъ отразились на тѣхъ и другихъ *вліянія* новаго времени. Въ то время, какъ дворяне стали бросать свои помѣстья и устремились въ столицы, богатое купечество начало посылать своихъ дѣтей учиться за границу. Если Александръ Владимировичъ ограничивался въ послѣднее время своей жизни только канительнымъ производствомъ въ память родителей, то послѣдующимъ развитіемъ торговли и промышленности этотъ домъ обязанъ молодымъ членамъ своимъ, получившимъ твердую подготовку къ дѣлу. Я видѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ трескалась и обваливалась сословная перегородка, отдѣлявшая родовитое дворянство отъ богатаго купечества. Мнѣ думается, что г-жа Алексѣева поторопилась переѣхать съ Таганки на Пречистенскій бульваръ: о ней вспомнили бы и тамъ. И сколько, Боже мой, приходилось мнѣ потомъ встрѣчать дворянъ въ тяжелой обстановкѣ! Замѣчательно при этомъ, что прежніе господа весьма нерѣдко находили поддержку у своихъ бывшихъ крѣпостныхъ. Очевидно, что крѣпостныя отношенія, если съ одной стороны развивали вражду и антагонизмъ, то съ другой успѣли пустить и прочные корни. Каждому, какъ мнѣ, приходилось, вѣроятно, слыхать отъ старыхъ крѣпостныхъ сожалѣнія о быломъ крѣпостномъ своемъ

существованіи. Причину такого явленія слѣдуетъ искать въ томъ, что человѣку не легко выходить изъ какого-бы то ни было положенія, когда онъ къ нему привыкъ, приспособился; говорятъ, будто бы и тюрьму иные покидаютъ не безъ сожалѣнія. Долженъ я, однако, замѣтить, что, по моимъ наблюденіямъ, между крѣпостными женщинами весьма рѣдко встрѣчались не только расположенныя, но и просто невраждебно относившіяся къ своимъ прежнимъ господамъ, въ особенности же къ госпожамъ. Такимъ образомъ, женская *консервативная*, со всѣмъ свыкающаяся натура оказалась въ этомъ отношеніи уже совсѣмъ не покладистою, а чисто-революціонною, радикальною. У женщинъ относительно взаимной оцѣнки существуетъ особая, своя мѣрка: женщина можетъ другой женщинѣ, кто бы она ни была, завидовать, иной разъ пожалуй, и любить ее; но я не встрѣчалъ женщины, которая *уважала* бы другую женщину, въ томъ смыслѣ, какъ это бываетъ у мужчинъ.

Если неприспособленность къ новой жизни освобожденныхъ крѣпостныхъ заставляла ихъ иногда вздыхать по рабству, то таже неприспособленность дворянъ ставила ихъ въ трагическое, а иногда и въ комическое положеніе. Приведу одинъ изъ множества видѣнныхъ мною примѣровъ. Нѣкто, помѣщикъ С...въ въ 1864 году явился въ Москву промышлять вольнымъ собственнымъ трудомъ. Онъ открылъ меблированныя комнаты на Тверской въ домѣ Сазикова, въ полной увѣренности, что дѣла его пойдутъ на славу. Увѣренность эту онъ основывалъ на томъ, что собирался и обѣщалъ доставить жильцамъ своимъ идеальную тишину и безмятежное спокойствіе. Для этого коридорную прислугу онъ обулъ въ мягкіе башмаки безъ каблуковъ, установилъ для жильцовъ время возвращенія по вечерамъ домой и время тушенія огня въ нумерахъ. Музыка не допускалась, даже громкій разговоръ и смѣхъ въ номерѣ жильца привлекали С...ва, вѣчно бродившаго по коридорамъ или державшаго свою комнату съ отворенною дверью, къ возстановленію нарушеннаго порядка. Является онъ у двери безпокойнаго жильца и, если это мужчина, а дверь не заперта, входитъ къ нему и сухимъ, начальническимъ тономъ проситъ не безпокоить его квартирантовъ; въ противномъ случаѣ (при запертой двери, или квартиры женщины) тихонько, но настойчиво стучитъ въ дверь, пока ея не отопрутъ, или не замолкнутъ разговаривавшіе. Но сущимъ наказаніемъ было возвращаться домой послѣ того часа, когда дверь наружная должна была находиться на запорѣ, и когда поэтому приходилось звонить. Я не знаю, когда С...въ спалъ; но на каждый звонокъ, какъ бы поздно кто ни возвращался, онъ обязательно самъ встрѣчалъ запоздавшаго, прилично ему за это выговаривалъ,

не упуская при этомъ допросить, какъ, почему и по какой причинѣ квартирантъ возвращается поздно. Приходилось входить въ сдѣлку съ швейцаромъ, чтобы онъ не доводилъ до необходимости звонить, а дожидался и отпиралъ по стуку въ дверь. Къ С...ву я попалъ прямо изъ Гродны; помѣщеніе у него было, по моей просьбѣ, пріискано мнѣ моими знакомыми и восхвалялось за тишину и порядокъ: прислуга-де на заграничный манеръ поставлена. На первыхъ же порахъ я привелъ С...ва въ ужасъ своимъ деньщикомъ, помѣщавшимся съ номерной прислугой. Когда раздавался электрическій звонокъ и выпадала дощечка съ номеромъ моей комнаты, деньщикъ опрометью, по солдатской привычкѣ, бросался на зовъ и стучалъ въ коридорѣ своими солдатскими сапогами, чтó немедленно вызывало появленіе хозяина. Тщетно солдатъ изловчался ходить тихо на носкахъ: все выходило по мнѣнію С...ва безпокойно, и мнѣ пришлось обуть своего деньщика въ резиновыя галоши. Но и самое тихое житіе не спасало отъ заботливаго хозяина. Если жилецъ въ теченіе недѣли ничѣмъ не провинялся и жилъ, какъ говорится, ниже травы, тише воды, то С...въ заглядывалъ къ нему, чтобы узнать, чтó съ нимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ похвастаться порядками своими. «Все это прекрасно, бывало скажешь ему; но не мѣшало бы, если бы въ номерахъ было потеплѣе». Тогда С...въ начиналъ распространяться насчетъ того, какъ вредно привыкать къ теплу молодымъ людямъ. Я прожилъ у него около двухъ мѣсяцевъ и съѣхалъ, кажется, послѣднимъ изъ жильцевъ.

У Куманина я встрѣтился съ извѣстнымъ Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, который, проѣздомъ изъ Кіева въ Петербургъ, навѣстилъ Куманина, какъ стараго знакомаго по Кіеву, и назвался къ нему обѣдать. На этотъ обѣдъ былъ приглашенъ и я. Мы обѣдали вчетверомъ: Куманины, Муравьевъ и я; остальная семья обѣдала въ этотъ разъ отдѣльно, чтобы не мѣшала и не безпокоила почетнаго гостя, который, какъ говорили, не любилъ дѣтей, а у Куманина были маленькія. Обѣдъ состоялъ изъ блюдъ, которыя были указаны гостемъ; преобладало рыбное. Муравьевъ былъ безцеремоненъ съ Куманинымъ и послѣ первыхъ словъ напомнилъ: «Уѣзжаю завтра; смотри, не позабудь о Московскомъ гостинцѣ». *Попрошайничество* его, какъ назвалъ это и самъ Муравьевъ, объясняя его постояннымъ сношеніемъ своимъ съ духовенствомъ, было извѣстно, и *гостинецъ* какой-то былъ уже приготовленъ.

Андрей Николаевичъ впечатлѣніе производилъ невыгодное для себя, не располагающее. Сухой, авторитетный тонъ, непріятный голосъ и отрывочная рѣчь его мнѣ, признаюсь, не понравились. Разговоръ шелъ объ ихъ общихъ съ Куманинымъ знакомыхъ, о которыхъ я не

имѣлъ понятія, но ни объ одномъ изъ нихъ Муравьевъ не отозвался сочувственно; за тѣмъ разговоръ перешелъ на церковныя дѣла. Муравьевъ отозвался о положеніи ихъ неодобрительно. Оказывалось, что рушится какой-то древне-православный порядокъ; въ самомъ богослуженіи, даже архіерейскомъ, есть большіе изъяны, видна всюду распущенность, недостатокъ дисциплины и т. п. Онъ критиковалъ также пѣніе въ Кіевской Лаврѣ. При упоминаніи Куманина о какихъ-то проэктахъ или надеждахъ на что-то, Муравьевъ очень рѣзко выразился о Петербургскихъ врагахъ своихъ; на вопросъ Куманина, видѣлся ли онъ съ владыкой (Филаретомъ), отвѣчалъ, что дряхлѣетъ и пророчитъ себѣ скорую смерть. Вообще, слушая А. Н. Муравьева, желавшаго, какъ слыхалъ я ранѣе, взять бразды духовнаго управленія въ свои руки, я почему-то вспоминалъ объ Архаровѣ, преданіе о которомъ жило въ духовенствѣ и дошло до меня во время моего дѣтства отъ старыхъ причетниковъ. Время Архаровское они считали чѣмъ-то въ родѣ времени пришествія Антихриста. Вспомнилась мнѣ также случайно попавшаяся въ мои руки копія съ каррикатуры, въ которой изображались духовныя особы запряженными въ повозку съ кучеромъ изъ извѣстныхъ въ то время лицъ...

Дѣйствительно, сколько я могу судить, сельскому духовенству чего-то не доставало, и недостатокъ этотъ имъ чувствовался, вызывалъ недовольство и протесты, конечно, въ мирной, безвредной формѣ. Мнѣ кажется, слѣдуетъ, въ извѣстной мѣрѣ, отнести къ этому недовольству своимъ положеніемъ и нетрезвую жизнь прежняго духовенства въ селахъ. Давно существовала, а въ мое время (лѣтъ сорокъ назадъ) чрезвычайно усилилась эмиграція семинаристовъ изъ духовнаго вѣдомства. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ реформеннаго духа, проэктировались разныя измѣненія въ строѣ духовенства, въ родѣ духовнаго суда и т. п. Появилось уже явное броженіе, въ которомъ старый ферментъ принималъ несомнѣнное участіе. Настоящее духовенство, даже въ селахъ, теперь не похоже на прежнее. Къ лучшему ли эта перемѣна, судить не берусь. Не могу судить и о томъ, чтó сдѣлалъ бы для нашего духовенства А. Н. Муравьевъ, если бы ему довелось взять управленіе въ свои руки. Думается только, что въ такой сферѣ, какъ церковная, нужно нѣчто такое, чего у А. Н. Муравьева не было.

Муравьевъ былъ знакóмъ и съ извѣстной Репнинской. Семья Куманиныхъ окружала Репнинскую, жившую почти рядомъ съ ними, въ своемъ домѣ, особымъ уваженіемъ, когда она удостоивала ихъ своимъ посѣщеніемъ, чтó случалось не часто. Съ своей стороны, она нерѣдко приглашала къ себѣ дѣтей Куманина, дѣвочекъ, которыхъ от-

пускали къ ней весьма охотно, считая это за честь и видя отъ этого пользу для нихъ. Репнинская слыла строго-нравственною женщиной, способной полезно дѣйствовать на молодежь, и считалась авторитетомъ въ духовно-нравственныхъ вопросахъ. Я видѣлъ ее только разъ.

Кстати здѣсь мнѣ приходятъ на память преосвященный Филаретъ и его кончина, относящаяся къ этому времени. Виргинія Антоновна, жена Куманина, разсказывала мнѣ, какъ она была у покойнаго митрополита, воспользовавшись случаемъ передать ему, по чьему-то порученію, какой-то жемчугъ. Знаменитымъ Русскимъ іерархомъ она осталась недовольна, можетъ быть, потому, что онъ затронулъ бередившій ея совѣсть и давно надоѣвшій ей съ другой стороны вопросъ о вѣрѣ.—Вы не думаете присоединиться къ вѣрѣ вашего мужа и вашихъ дѣтей? спросилъ онъ ее и, получивъ отрицательный отвѣтъ, прибавилъ: Подумайте, хорошо ли это будетъ для вашихъ дѣтей.—Католическое духовенство Французской церкви въ Москвѣ дѣйствовало по этому вопросу на Куманину болѣе настойчиво и докучливо, чѣмъ Русскій митрополитъ. Аббаты Кудеръ и Терайль не охотно прощали бракъ католички съ православнымъ, особенно же то, что бракъ этотъ не получилъ освященія по католическому обряду, и чего-то домогались отъ своей духовной дщери, но достигли только того, что охладили ее къ своей церкви и къ нимъ самимъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ, будь православное духовенство немного болѣе наклонно къ прозелитизму, православіе имѣло бы одною обращенною изъ иновѣрія болѣе. Куманиныхъ нерѣдко посѣщалъ модный въ то время священникъ отъ Успенья на Могильцахъ, отецъ Богословскій, который (разсказывали) будто бы во время кажденія въ храмѣ говорилъ дамамъ: pardon, mes dames. Я полагаю, что отъ такого священника совѣсть Куманиной не подвергалась искушенію. Да едва ли это было и нужно. Воспитаніе дѣтей Куманина велось въ православномъ духѣ не хуже и не лучше, чѣмъ въ другихъ сплошь православныхъ дворянскихъ семьяхъ: дѣти посѣщали церковь и учились закону Божію у православнаго священника.

Кончина митрополита Филарета показала, какъ высоко ставила его Москва, даже въ извѣстной части иновѣрнаго своего населенія. Къ погребенію прибылъ, какъ извѣстно, Великій Князь Владиміръ; ожидали, что прибудетъ самъ Государь. Вѣра въ святость покойнаго митрополита настроила народъ на ожиданіе нетлѣнія его тѣла. Пока оно стояло въ Чудовомъ монастырѣ, многіе по многу разъ ходили на поклоненіе тѣлу не безъ цѣли встрѣтить подтвержденіе своей вѣрѣ. Начали уже появляться разсказы объ исцѣленіяхъ. Таково было настроеніе не въ однихъ простыхъ, неразвитыхъ людяхъ.

Толпа—это куча горючаго матеріала, способнаго при извѣстныхъ условіяхъ легко загораться, принимая и передавая брошенный въ нее огонь, и разводить бушующее пламя. Поэтому и волненіе толпы тушится тѣмъ же способомъ, какъ и пожаръ—разобщеніемъ. Я былъ свидѣтелемъ тому, какъ встрѣчена была въ Москвѣ вѣсть о Каракозовскомъ преступленіи. Необычность, неожиданность потрясающей, ужасной въ самой себѣ вѣсти носила зажигательный элементъ. Въ результатѣ сложныхъ, вызванныхъ ею чувствъ являлась неудержимая потребность протеста, манифестаціи. Я былъ увѣренъ, какъ и многіе другіе, что вмѣсто назначеннаго на этотъ день въ театрѣ какого-то балета, должна идти опера »Жизнь за Царя». Быть на представленіи этой оперы теперь казалось чѣмъ-то въ родѣ обязанности. Поэтому я поспѣшилъ въ театръ, гдѣ увѣренность моя оправдалась. Представленіе, какъ извѣстно, прошло бурно. Предъ началомъ оперы былъ спѣтъ нѣсколько разъ, по требованію публики, гимнъ; балъ въ Польскомъ станѣ былъ выпущенъ, не доигранъ, также по бурной манифестаціи публики; сцена смерти Сусанина вызвала враждебное настроеніе противъ Поляковъ; финалъ оперы довелъ зрителей до полнаго экстаза, и они выходили изъ театра, чувствуя себя удовлетворенными. На сколько къ преступленію Караказова были причастны Поляки, я не знаю; но недавній Польскій мятежъ подсунулъ толпѣ готоваго бѣднаго Макара. На другой день начались благодарственныя молебствія, сначала въ церкахъ, а потомъ на площадяхъ и улицахъ и въ торговыхъ рядахъ. Въ первые дни трудно было не натолкнуться гдѣ-либо на одно изъ такихъ молебствій. Все это было вполнѣ естественно; но не менѣе естественнымъ было и то, что загорѣвшееся народное чувство не удовольствовалось только этимъ матеріаломъ для своего проявленія, а затлѣлось на другомъ, уже не безъ дыма и не безъ копоти. Манифестаціи свили себѣ гнѣздо въ трактирахъ, гдѣ подвыпившіе посѣтители то и дѣло требовали гимна отъ трактирныхъ машинъ разнаго рода, а хмѣльные голоса имъ подпѣвали, кто во что гораздъ. Но гимнъ требуется слушать стоя и съ непокрытою головою. Отсюда возникало немало непріятностей для нарушавшихъ этотъ порядокъ даже ненамѣренно. Трактирная публика была особенно придирчива въ этихъ случаяхъ къ людямъ, которые казались ей принадлежащими къ *господамъ*, если и не къ Полякамъ. Придирчивость такая была понятна въ простомъ народѣ въ то время, какъ и та, неизвѣстно откуда взявшаяся вражда къ университетскимъ студентамъ, которую онъ проявилъ въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Университетъ считался за заведеніе для *господскихъ* дѣтей, поэтому толпа и срывала свое сердце на тѣхъ, кто ей насолилъ и отъ кого она, хотя смут-

но, уже надѣялась избавиться. Такъ и потомъ, когда крестьяне были уже свободны, мужикъ не допускалъ, чтобы *баринъ* отнесся къ своему новому положенію съ легкимъ сердцемъ, а по этому не могъ не подозрѣвать его въ какихъ-либо умыслахъ или козняхъ, а подвертывавшійся случай сорвать на *баринѣ* какое-либо лично зло оказывался самымъ безопаснымъ и подходящимъ. Тридцать лѣтъ назадъ у мужика понятіе о баринѣ тѣсно связывалось съ платьемъ, какое носилъ человѣкъ. Какъ этому платью онъ оказывалъ уваженіе и повиновеніе, такъ могъ обнаруживать къ человѣку, носящему барское платье, и противуположныя отношенія. Теперь простой народъ очень мало придаетъ значенія костюму въ оцѣнкѣ человѣка: каждая баба знаетъ какую-либу изъ своихъ Акулину, живущую въ горничныхъ, содержанкой или просто проституткой, которая *товалстомъ иную барыню затыкаетъ за поясъ*. Каждый мужикъ знаетъ какого-нибудь Микитку, который является домой на праздники *экимъ чортомъ, что́ твой князь*!

—

Возвратимся къ прежнему. Описанная выше исторія моя съ товарищами-врачами послужила мнѣ нѣкоторымъ образомъ въ пользу. На меня обратило вниманіе мое высшее начальство въ округѣ, впрочемъ и ранѣе меня знавшее, вѣроятно, не съ дурной стороны, когда оставляло на моей отвѣтственности должность старшаго врача, которую мнѣ приходилось исполнять довольно долго. Въ 1868 году мнѣ предложили должность секретаря въ Московскомъ окружномъ военно-медицинскомъ управленіи, равнявшуюся должности старшаго врача въ полку. Такое повышеніе всегда на шестомъ году службы было заманчиво; но я все таки отказался бы отъ приглашенія, если бы оно сдѣлано было не въ такой формѣ, которая отказа не допускала. Помощникъ медицинскаго инспектора Добряковъ, котораго я не встрѣчалъ и не видѣлъ послѣ описанной исторіи болѣе года, удостоилъ посѣтить меня лично въ моей квартирѣ, чѣмъ весьма удивилъ. Оказалось, что онъ пріѣхалъ затѣмъ, чтобы предложить мнѣ секретарское мѣсто въ управленіи. Зачѣмъ было ѣздить самому, когда можно было вызвать меня въ управленіе, или просто написать, этого я и доселѣ понять не могу. Но какъ бы то ни было, такая честь меня стѣсняла, и я не могъ сдѣлать прямого отказа. Пробовалъ было я сослаться на то, что не знакóмъ съ тѣмъ родомъ службы, на которую приглашался, но получилъ въ отвѣтъ лестный для себя отзывъ начальника съ увѣренностью, что будетъ для меня легко съ ними оставаться. Вслѣдъ за тѣмъ я и былъ прикомандированъ къ управленію, частію для ознакомленія съ будущею службою, частію потому, что должность ни была еще вакантною. Мой предшественникъ докторъ Гродзицкій не поладилъ съ началь-

ствомъ, которое и пожелало отъ него избавиться. Окружныя военныя управленія сформированы были въ 1864 году, и за короткій срокъ два секретэря сдѣлали хорошіе шаги по службѣ. Добряковъ изъ секретарей прямо шагнулъ въ помощники медицинскаго инспектора, другой—Лазаренко получилъ должность дивизіоннаго врача, а Гродзицкій съ выходомъ изъ управленія не получилъ ничего подобнаго, что̀ повидимому и было причиною разлада его съ начальствомъ. Въ скоромъ времени онъ подвергся психическому разстройству. Можно было, пожалуй, приписать послѣднее и уязвленному самолюбію, видѣть въ немъ результатъ служебной неудачи; но современный псхіатръ не признаётъ въ такомъ, дѣйствительно, ничтожномъ обстоятельствѣ причины душевнаго разстройства и развѣ припишетъ ему только значеніе послѣдняго толчка для человѣка предрасположеннаго къ помѣшательству. У Гродзицкаго развился бредъ преслѣдованія, окончившійся полнымъ сумашествіемъ. Но если бы ему удалось удовлетворить служебною карьерой свое честолюбіе, то онъ, можетъ быть, и окончилъ бы свою жизнь крупнымъ чиновникомъ, какихъ немало, которыхъ считаютъ людьми со странностями, но помѣшанными признать никто не посмѣетъ.

Новая должность моя мнѣ въ сущности ничего не приносила, кромѣ непривычной, а потому и утомительной, канцелярской работы. Этой работы оказалось настолько, что я вынужденъ былъ пріостановиться съ составленіемъ диссертаціи, надъ которою трудился послѣ докторскаго экзамена. Я имѣлъ нѣсколько десятковъ рублей въ годъ къ жалованію и столовымъ, но зато терялъ квартирныя деньги.

Медицинское управленіе все еще держалось въ черномъ тѣлѣ; да и сами врачи, неожиданно для себя выдвинутые въ шеренгу военныхъ властей и очутившись на ровныхъ съ ними правахъ, съ непривычки пришли въ конфузъ и добровольно пятились изъ вѣжливости назадъ. Первый, съ открытія округовъ, Московскій медицинскій инспекторъ Яновскій, назначенный изъ корпусныхъ штабъ-докторовъ, которые были подчинены начальнику корпуснаго штаба, никакъ не могъ привыкнуть къ тому, что онъ не подчиненъ начальнику окружнаго штаба, и сносился съ нимъ рапортами. Когда я объяснялъ ему, что всѣ начальники окружнаго управленія пользуются одинаковыми правами, то оказалось, что онъ даже и не подозрѣвалъ этого. Яновскій думалъ только, что не подчиненъ начальнику штаба непосредственно, но равняться съ военнымъ генераломъ не дерзалъ, хотя и самъ былъ генераломъ гражданскимъ. Такое добровольное приниженіе свое Яновскій желалъ, по общему у врачей обычаю, возмѣстить частнымъ путемъ, пріобрѣтя у своего начальника, командующаго войсками, значеніе, какъ домашній его врачъ. Большая ошибка осложнять служебныя от-

ношенія къ непосредственному начальнику частными къ нему обязанностями. Конечно, при случаѣ можно отъ этого выиграть что нибудь для себя лично; можно, пожалуй, иногда что либо сдѣлать и въ служебныхъ интересахъ, но получается и то и другое въ силу личнаго расположенія или благоволенія къ подчиненному. Ненормальность такой постановки служебнаго дѣла ведетъ подчиненнаго или къ произволу въ своей дѣятельности, пока фаворъ начальника длится, или къ совершенному безсилію въ своихъ обязанностяхъ служебныхъ, когда фаворъ этотъ минуетъ.

Поставивъ себя въ такія приватныя отношенія къ командующему войсками, медицинскій инспекторъ, если и преслѣдовалъ какія либо цѣли, то во всякомъ случаѣ не относящіяся къ интересамъ своего отдѣла по военно-окружному управленію. Этого, впрочемъ, нельзя ставить и въ вину медицинскимъ администраторамъ того времени. Привыкнувъ ранѣе ходить по командѣ военнаго начальника своего, врачъ считалъ себя компетентнымъ только въ леченіи болѣзней и не предполагалъ, чтобы отъ него требовалось, и даже могло быть потребовано, что либо внѣ его узкой спеціальности. Да, по правдѣ сказать, и дать ничего, кромѣ кое-какого леченія, не могъ врачъ того времени и по тогдашнему состоянію у насъ медицинской науки, и по положенію солдата. Гигіена вообще, а тѣмъ болѣе гигіена военная, тогда еще не появлялись на свѣтъ, и такой науки мы не знали. Да и надобности въ ней не было, потому что солдатъ считался тогда дешевымъ матеріаломъ, который поставляла для государства, безъ особыхъ хлопотъ съ его стороны и издержекъ, крестьянская и мѣщанская семья. Проектъ военной реформы, всеобщей военной повинности, придавшей солдату экономическую цѣнность, еще только зарождался. Военный начальникъ поэтому признавалъ во врачѣ весьма малую служебную пользу, а сообразно этому и обходился съ нимъ.

Помѣщеніе для окружнаго медицинскаго управленія было отведено городомъ очень мизерное; за него платилось всего 900 рублей, изъ которыхъ нужно было еще покупать дрова. Оно находилось въ домѣ Лебедева на Спиридоновкѣ и состояло изъ 7 комнатъ съ маленькимъ антресолемъ, гдѣ помѣщались писаря и сторожъ, онъ же швейцаръ, истопникъ и пр. Изъ семи комнатъ четыре занималъ подъ свою квартиру помощникъ инспектора Добряковъ; изъ остальныхъ одна служила кабинетомъ инспектору, другая канцеляріей для всѣхъ, а третья архивомъ. Служащіе тѣснились за общими столами вмѣстѣ съ писарями и ссорились между собою изъ за очереди переписки бумагъ. Писарей было только два, а чиновниковъ, имѣющихъ право пользоваться ихъ услугами, шестеро: два помощника инспектора, окружный ветеринаръ, два секретаря, медикъ, фармацевтъ и бухгалтеръ.

Хотя я былъ и новичкомъ въ канцелярскомъ дѣлѣ, но не могъ не видѣть, что оно шло какимъ-то сумбуромъ. Главнымъ лицомъ въ управленіи, послѣ инспектора, былъ лѣкарскій помощникъ (фельдшеръ) Кижнеръ, изъ Евреевъ, служившій у Яновскаго письмоводителемъ, когда тотъ былъ еще корпуснымъ штабъ-докторомъ. Привыкшій къ несложному дѣлопроизводству по прежней должности своей, Яновскій продолжалъ довольствоваться однимъ прежнимъ фельдшеромъ. Самымъ главнымъ дѣломъ считалось завѣдываніе личнымъ составомъ: перемѣщенія, производства, командировки и пр. Все это фельдшеръ Кижнеръ держалъ въ своихъ рукахъ. По старому порядку конверты съ бумагами поступали къ инспектору чрезъ Кижнера и чрезъ него же возвращались распечатанныя съ резолюціями. Кижнеръ отбиралъ изъ нихъ все интересное для себя, передавая секретарямъ только то, чтó ему было не нужно. По всѣмъ такимъ бумагамъ онъ дѣлалъ исполненіе лично, относилъ самъ бумаги эти для подписи къ инспектору и затѣмъ подсовывалъ ихъ для скрѣпы секретарямъ. Вслѣдствіе такого порядка, Кижнеръ являлся хозяиномъ назначеній, переводовъ, командировокъ и т. п. Происходили, напр., такіе курьезы. Обѣщаетъ, напр., инспекторъ перевести врача или фельдшера на открывшуюся вакансію; но Кижнеръ имѣетъ на туже вакансію своего кандидата, которому также далъ слово. Инспекторъ подмахнетъ бумагу, не читая; секретарь скрѣпитъ, а потомъ и оказывается, что инспекторъ не сдержалъ слова. Въ такихъ случаяхъ, бывало, онъ скажетъ благодушно: Кижнеръ, это ты каналья, перевелъ такого-то? Фельдшеръ принимаетъ сконфуженную и покорную позу, смолчитъ, и тѣмъ дѣло кончается.

Никого это не возмущало ни въ управленіи, ни въ медицинскомъ составѣ служащихъ. Напротивъ, такой порядокъ не только считался нормальнымъ, но и нравился. Время было такое, что бездоходная должность была тоже, чтó *сухая ложка*, которая деретъ ротъ. Мнѣ кажется, что тогдашняго Русскаго служащаго человѣка нельзя было никакимъ законнымъ обезпеченіемъ удержать отъ взяточничества: безъ побочныхъ доходовъ служба становилась постылою, и чиновникъ бездоходнаго мѣста впадалъ въ меланхолію. Нужно полагать, что у Русскаго человѣка много лишнихъ силъ, которыя онъ не умѣетъ или не имѣетъ возможности примѣнить къ полезному дѣлу, а поэтому тратитъ ихъ на пустяки. Напр., у насъ получили широкое, какъ нигдѣ, распространеніе *коммерческія* игры, которымъ Русскій человѣкъ предается съ увлеченіемъ, съ художественною виртуозностію, совершенствуя и разнообразя свою любимую игру. Не выигрышъ только, а самый процессъ игры доставляетъ удовлетвореніе душевнымъ силамъ, подобно тому какъ процессъ игры занимаетъ и увлекаетъ ребенка, удовле-

творяя потребностямъ развивающихся мышцъ и головы. Въ Россіи нѣтъ города, гдѣ бы не играли въ *винтъ*, и каждый имѣетъ свой собственный винтъ излюбленный, съ особыми правилами, пріемами, затѣями. Точно также разнообразятся однѣ и тѣже игры въ каждомъ отдѣльномъ дѣтскомъ кружкѣ.

Какъ въ картахъ, такъ и во взяточничествѣ человѣкъ стремится проявить свою индивидуальность, удовлетворить себя, свое самолюбіе изобрѣтеніемъ, открытіемъ новыхъ путей, новыхъ методовъ, новыхъ источниковъ эксплоатаціи ближняго. Онъ не стыдится того, что обманулъ противника въ игрѣ ходомъ или сносомъ карты, но торжествуетъ этотъ обманъ, какъ побѣду. Точно также, ловко слазившій въ карманъ ближняго взяточникъ не только не стыдится обобраннаго имъ человѣка, а смотритъ ему въ глаза, какъ его благодѣтель. Съ другой стороны какъ съ ловкимъ игрокомъ, такъ и съ ловкимъ взяточникомъ каждому пріятно имѣть дѣло: и довѣріе, и уваженіе на ихъ сторонѣ. Лѣтъ пятнадцать назадъ преданъ былъ суду за взяточничество столоначальникъ главнаго медицинскаго управленія Корицкій. Почти одновременно подобное же дѣло возбуждено было и противъ главнаго медицинскаго инспектора во флотѣ Буша. Оба они понесли законную кару. Лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ, немного было учрежденій дѣйствовавшихъ по закону и справедливости, т. е. неспособныхъ къ принятію мзды. Слышать о томъ, что тотъ или другой врачъ получилъ должность или мѣсто службы за взятку было тѣмъ же для меня, что́ для боящагося щекотки прикосновеніе пальцемъ къ его ребрамъ; оно возбуждало невольный и болѣзненный смѣхъ. По тогдашнему *медицинскому чиновнику* не изъ чего, не для чего и некому было давать взятку. Военный врачъ получалъ 333 р. такъ называемаго жалованья и 129 руб. столовыхъ. Ему полагались, правда, еще квартирныя по мѣстности, гдѣ онъ служилъ; но къ нимъ, за наемъ мало мальски неугла отъ съёмщицы, онъ долженъ былъ приплачивать отъ себя. Какую же взятку могъ дать человѣкъ, располагающій средствами лакея средняго калибра, и притомъ человѣкъ, при началѣ своей военной службы, не имѣвшій ничего, кромѣ казенной стипендіи въ 14 рублей, и приносившій часто въ службу свое физическое изнуреніе отъ голода или долги? Въ военную службу тогда шелъ только самый бѣдный, обездоленный врачъ, домогавшійся казенной стипендіи въ университетѣ, какъ послѣдняго средства для того, чтобы кончить курсъ. Чего же онъ могъ искать своею копѣечною взяткою? Или мѣста для службы, не равняющагося ссылкѣ на поселеніе, или должности старшаго врача, въ послѣдствіи конечно, которо приносило ему десятка два-три рублей лишнихъ. Искали, впрочемъ, осѣдлаго, некочеваго мѣста службы

врачи, имѣвшіе на шеѣ семью, но такимъ еще труднѣе было удѣлить что либо для взятки изъ своихъ грошей. Къ кому же, кромѣ развѣ фельдшера можно было и сунуться съ этими грошами?

Но тѣмъ не менѣе всякое движеніе врача по службѣ къ верху объяснялось непремѣнно взяткой, если не было извѣстно, что у счастливца есть *рука* или *протекція*. Къ товарищамъ, пользовавшимся протекціей, врачи относились не только безъ злобы или пренебреженія, но съ извѣстнымъ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ завистью. Обладаніе протекціей ставилось какъ бы въ достоинство, въ заслугу не только служебную, но чуть ли не въ научную. Такой-то получилъ повышеніе, перебивши дорогу многимъ, имѣвшимъ большее право на цѣнную должность. Негодуетъ на это кто-либо изъ чувствующихъ себя обиженнымъ; ему отвѣчаютъ: Какъ же вы лѣзете равняться съ нимъ? У него братъ членомъ Военно-Медицинскаго Комитета, напр., а у васъ кто? И дѣло оказывается яснымъ для обиженной стороны, которая, облизнувшись *на руку*, поддерживающую соперника, успокоивается мыслію, что иначе и быть не можетъ и не должно. Не только общественная, но и духовно-нравственная, религіозная жизнь Русскаго человѣка сложилась такъ, что онъ безъ милостивца, безъ посредника, безъ адвоката a parte diaboli не могъ обходиться.

Мнѣ довелось попасть на службу въ одно заведеніе, гдѣ всѣ служащіе взаимно и поголовно считали другъ друга ворами, ухитряясь даже въ точныхъ цифрахъ опредѣлять стяжаемое каждымъ. Мой предшественникъ былъ исключеніемъ изъ этого правила. О немъ съ первыхъ дней доведено было до свѣдѣнія моего, что, покупая медикаменты для заведенія, онъ вмѣсто послѣднихъ и подъ ихъ именемъ въ счетѣ пріобрѣталъ для жены духи, помаду и другіе косметики, плутуя совмѣстно съ содержателемъ маленькаго аптекарскаго магазина, въ которомъ имѣлъ кредитъ на счетъ заведенія. Сколько было въ этомъ правды, я не знаю; но такой грязи, брошенной въ моего товарища, было достаточно, чтобы мнѣ убояться ея. При первомъ же удобномъ случаѣ я оставилъ заборъ медикаментовъ въ прежнемъ магазинѣ и перенесъ покупку къ Феррейну. Таже начальствующая въ заведеніи барыня, которая разсказывала мнѣ о плутнѣ моего предшественника и о которой сослуживцы говорили мнѣ, что она по положенію начальницы также извлекала кое-какія выгоды изъ магазина, первая оказалась недовольною моей перемѣною. Почему вы оставили такой-то магазинъ, гдѣ уже сколько лѣтъ мы забирали лѣкарства? спрашиваетъ она меня.—«Затѣмъ, отвѣчаю, сударыня, чтобы, когда обо мнѣ будутъ говорить тоже, что вы разсказываете про моего предшественника, мнѣ не возиться съ клеветникомъ самому, а отдать его въ руки

фирмы, которая съумѣетъ лучше меня съ нимъ расправиться». И, забавное дѣло! Несмотря на совершенную невозможность, даже при пламенномъ, желаніи, смошенничать на счетъ медикаментовъ, упомянутая барыня все же высчитала для любопытствующихъ, что я имѣю отъ должности пустяки, такъ рублей пятьдесятъ въ годъ. Заведеніе, о которомъ я говорю, составляло въ то время что-то рафинированное, исключительное у насъ. Нравы и порядки здѣсь были какіе-то особенные, одурявшіе свѣжаго человѣка, такъ что невольно вѣрилось легендѣ или преданію о проклятіи этого заведенія однимъ изъ архіереевъ. Разсказываютъ, что когда заведеніе только еще устраивалось, при закладкѣ какого-то изъ зданій вошелъ архіерей (имени его не называютъ) и совершалъ молебенъ съ водосвятіемъ конечно, подъ открытымъ небомъ. Вдругъ, въ то время, какъ архіерей произносилъ возгласъ, неизвѣстно откуда взялся около него незамѣченный ранѣе никѣмъ, черный козелъ и такъ крѣпко боднулъ его въ бокъ, что тотъ едва устоялъ на ногахъ. «Это дьяволъ, сказалъ будто бы архіерей. Мѣсто это есть и будетъ проклято». Нѣкоторые изъ повѣствователей прибавляли, что послѣ этого козелъ вдругъ неизвѣстно куда исчезъ, какъ неизвѣстно откуда взялся, и что ни такого, ни вообще никакаго козла въ окрестности у жителей не было.

Дѣйствительно, я засталъ на этомъ мѣстѣ нѣчто въ родѣ картинки изъ Дантова Ада. Въ самомъ дѣлѣ, представивъ себѣ нѣсколько сотенъ людей, скученныхъ въ одномъ мѣстѣ, которые полны взаимными недовѣріемъ, завистью и враждою, нельзя не подумать, невольно, какъ это живутъ здѣсь люди. Нѣчто подобное мнѣ случалось встрѣтить только въ монастыряхъ, преимущественно женскихъ, изъ которыхъ въ трехъ я имѣлъ большую, конечно даровую, практику. Взаимное безучастіе и какой-то дикій эгоизмъ просто поражали въ такомъ мѣстѣ, гдѣ жили люди для спасенія души, немыслимаго безъ любви къ ближнему. Бывало, какая нибудь бѣдная монашенка валяется въ своей келейкѣ одна съ тяжелою болѣзнію и некому за ней присмотрѣть, дать пить или лѣкарства. Идешь къ своимъ здоровымъ паціенткамъ: «Матери, вамъ бы походить за такою-то, чередъ установить; не трудно бы доброе дѣло сдѣлать».—Когда же намъ, батюшка? У насъ свое дѣло.—«Да и у меня вѣдь свое дѣло; хожу же я къ вамъ, больнымъ, и ничего за это не прошу.»—Вамъ за это Господь воздастъ.—«Ну, а вамъ развѣ не воздастъ также?»—Какъ можно? У насъ свое послушаніе! Какъ матушка игуменья укажетъ. Коли больна очень, пусть въ больницу идетъ, а наше дѣло сторона.—«Да не зачѣмъ ей въ больницу идти; Богъ дастъ, скоро оправится; да и денегъ нѣтъ у нея на больницу».—Какъ матушка, благословитъ; безъ благословенья нельзя.—

«Ну и сходите за нимъ. за благословеніемъ-то».—Чтó вы батюшка, съ какой стати мнѣ идти: развѣ больная родня мнѣ? Да я съ нею и не знакома.—Этой монашеской дисциплинѣ, если бы она не была приспособлена съ той или другой стороны къ эгоистическимъ интересамъ подначальнаго, могла бы позавидовать любая армія. Дѣлать нечего, идешь къ матушкѣ-игуменьѣ и выдерживаешь карантинъ у множества келейницъ съ допросами, какъ, чтó, зачѣмъ и почему? Матушка то спитъ, то кушаетъ, то стоитъ на молитвѣ. И въ концѣ концовъ оказываешь больной очень плохую услугу, подводя ее подъ гнѣвъ матушки. И какъ же это она, больная-то, безъ моего благословенія лѣчится у васъ? спрашиваетъ недовольнымъ тономъ игуменья. Я благословила сестеръ лѣчиться только у такого-то. Этого я не знаю.—«Меня позвали, я и пришелъ. У меня тоже есть свое благословеніе на это отъ уголовнаго закона и суда».—Но въ обители моей нѣтъ такого заведенія, чтобы за больными ухаживать. Развѣ какая изъ сестеръ по усердію.—«Да, усердствующихъ-то нѣтъ».—Я принуждать не могу; у каждой сестры есть и свое послушаніе, и свои дѣла. Призывается благословленный врачъ, находитъ у больной какую нибудь страшную и опасную болѣзнь, и женщина отправляется въ больницу, откуда чрезъ нѣсколько дней выходитъ здоровою, уплативъ за цѣлый мѣсяцъ больничнаго лѣченья.

И понятно! Когда людей сводитъ вмѣстѣ одинъ личный интересъ, и когда интересу этому можно удовлетворить только на счетъ своихъ сожителей, то неоткуда взяться у человѣка довѣрію, справедливости, любви къ тѣмъ, кто можетъ намъ или кому мы сами желаемъ подставить ножку; при такихъ условіяхъ совмѣстной жизни человѣкъ не можетъ ни говорить, ни думать ничего хорошаго о другомъ.

По тѣмъ же причинамъ такія же враждебныя отношеніи существовали въ сказанномъ заведеніи между начальствующими и подчиненными. Послѣдніе считали себя всегда и во всемъ обиженными отъ первыхъ, а эти ненавидѣли послѣднихъ за ихъ неблагодарность. Во взаимномъ недовѣріи обѣ стороны доходили до смѣшнаго. Напримѣръ, у подчиненныхъ существовало непоколебимое убѣжденіе, что *даромъ* нельзя попасть въ это заведеніе на его нищенскій коштъ. «Ну это-то, любезный, ты врешь. Чтó съ тебя, нищаго, взять?»—Съ меня-то точно нечего взять; за то три годочка и билъ ноги, ходючи сюда, пока по горло не надоѣлъ всѣмъ. А сколько за это время попало сюда и помоложе и поздоровѣе меня! Не спроста же это. У кого рука, у кого рукомесло какое. И невольно вѣрилось. Почему бы общій благодѣтельной для Русскаго человѣка Феѣ - протекціи не распространить своихъ чаръ и на это нищенское гнѣздо? Съ другой стороны, почему

бы и здѣсь не дѣлать сортировки полезнаго отъ безполезнаго, когда такого правила, если вѣрить Благовѣщенскому и другимъ, строго придерживается при выборѣ братіи Соловецкій монастырь? Мнѣ пришла мысль, можно ли въ такой средѣ добиться справедливаго къ себя отношенія и сдѣлаться, въ глазахъ всѣхъ, терпимымъ, по крайней мѣрѣ исключеніемъ. Съ этою цѣлію я принялся служить и начальствующимъ, и подчиненнымъ, всѣмъ и во всемъ, сколько было силъ и умѣнья. Напр., отъ меня зависѣло освобожденіе по неспособности и нездоровью людей отъ обязательныхъ для нихъ работъ. Работы эти были легки, но избавляться отъ нихъ существовало большое стремленіе у всѣхъ; потому что онѣ мѣшали постороннимъ заработкамъ кому работою на сторонѣ, кому просто нищенствомъ. По этой причинѣ всѣ ревниво смотрѣли другъ за другомъ, и никто не хотѣлъ работать за другого иначе, какъ за плату. Кто имѣлъ на сторонѣ постоянную работу, откупался отъ домашней опредѣленною платою, которая доходила до рубля и болѣе въ мѣсяцъ и поступала въ артель на выпивку. Для временной замѣны себя нужно было найти желающаго. Изъ числа крѣпкихъ здоровьемъ нанимались въ постоянную домашнюю прислугу у служащихъ; имѣлъ такого одно время и я у себя. Понятно, что налогъ артельный повышалъ плату такимъ слугамъ, и мои сослуживцы хлопотали о переводѣ ихъ въ такія отдѣленія, гдѣ работъ домашнихъ не полагалось. Но я отказывалъ категорически въ такихъ просьбахъ, ссылаясь на то, что, если бы считалъ это возможнымъ, то началъ бы съ своего собственнаго найма. Неспособные къ работѣ дозрѣвали скорѣе, чѣмъ освобождались мѣста въ нерабочихъ отдѣленіяхъ; поэтому приходилось многихъ освобождать отъ работъ и оставлять временно въ своихъ отдѣленіяхъ. Но зависть къ такимъ людямъ была настолько велика у работающихъ, что они, какъ говорится, ѣли тѣхъ поѣдомъ.—«Не можешь ходить на работу, убирайся вонъ».—Да, мѣста нѣтъ.—«Ну, такъ ступай въ лазаретъ, а не торчи здѣсь. А то, накось! мы на работу, а онъ на койкѣ прохлаждается, а то на паперти руку протягиваетъ. Хошь бы угостилъ когда изъ своихъ трудовыхъ-то!» Такимъ образомъ на открывшуюся чьею либо смертію вакансію въ нерабочихъ отдѣленіяхъ являлось обыкновенно понѣскольку кандидатовъ. Выборъ изъ нихъ былъ затруднителенъ даже и тогда, когда имѣлся на лицо такой, права котораго были явны и несомнѣнны для меня. Мой личный, особенно въ первое время, выборъ кандидата встрѣчался недовѣрчиво и сопровождался чувствомъ обиды со стороны остальныхъ. Чтобы избавить себя отъ обвиненія въ пристрастіи и несправедливости, я поступалъ слѣдующимъ образомъ. Сзывая всѣхъ кандидатовъ, я становился предъ ними ходатаемъ за того, кто имѣлъ

преимущественное право на вакансію, объясняя это право товарищамъ его и предлагая имъ, не согласятся ли они добровольно уступить ему эту вакансію. Случалось, сначала рѣдко, а потомъ всегда, что согласіе съ моимъ мнѣніемъ получалось единогласное и безъ колебаній. Опредѣляйте его, в—ство; ему нужнѣе, а мы подождемъ, «Благодари, говорю, товарищей; да и отъ меня вамъ, братцы, спасибо, что рѣшили дѣло по правдѣ». Если же такого согласія не получалось или кандидаты имѣли одинаковыя права, то я приглашалъ ихъ къ жеребьевкѣ.

Столоначальникъ Карицкій, о которомъ я говорилъ выше, думается, не спасся бы отъ насѣдавшихъ на него фармацевтовъ, какъ я отъ своихъ паціентовъ жеребьевкой; да онъ не имѣлъ и возможности завести ее открыто; слѣдовательно, ему, такъ или иначе, а пострадать приходилось. Есть мѣста, изъ которыхъ легко выдти, плюнувши; но есть положенія, въ которыхъ, какъ ни изварачивайся, все равно, ничего не выйдетъ, потому что, какъ ни повернешься, все могутъ бить. Начальнику дается много власти; но только тотъ изъ нихъ можетъ считаться на своемъ мѣстѣ, кто самъ хорошо знаетъ свою обязанность, свое дѣло и лично умѣетъ выполнить его своими руками до мелочей. Но это случается рѣдко; обыкновенно же такъ называемый порядокъ держался одной строгостью, доходившей до тупаго самодурства и настоящей дикости. Полагалось достаточнымъ для всего этого, чтобы подчиненный постоянно чувстовалъ кулакъ начальника около своего носа и догадывался самъ и умѣлъ исполнить то, чего отъ него желалось. Такъ и Кижнеръ у Яновскаго могъ скомпрометировать его управленіе, да и самъ онъ могъ подвергнуться участи Буша, хотя былъ виновенъ только въ довѣріи къ недостойному человѣку, къ которому привыкъ. Могли найтись свидѣтели, подобные тѣмъ, какіе явились между свидѣтелями по дѣламъ Карицкаго и Буша, съ мѣдными лбами, плевавшіе сами себѣ въ лицо и бившіе сами себя по щекамъ. на судѣ, публично пользуясь безнаказанностію у насъ мздодателя. Вѣдь не постыдился же одинъ изъ нихъ показать, что начальникъ, разговаривая съ нимъ, писалъ на стеклѣ число 500, требуя этимъ такую сумму за просимое мѣсто, и это съ ветеринара, годовое содержаніек отораго было меньше этого. Въ прежнее время къ самому крупному начальнику изъ врачей самый маленькій изъ подчиненныхъ имѣлъ свободный доступъ въ квартирѣ. Вѣроятно процесы Буша и Карицкаго были причиною того, что потомъ стало возможнымъ увидѣть подчиненному начальника-врача только въ его управленіи и при торжественной обстановкѣ пріема. Что̀ выиграли отъ этого медицинскіе чиновники, предоставляю судить имъ; но прежній человѣческій и сословный элементъ въ отношеніяхъ началь-

никовъ къ подчиненнымъ изчезъ и уже, конечно, не возродится. Впрочемъ есть достаточныя основанія думать, что процессы Карицкаго и Буша могли возникнуть только благодаря особымъ условіямъ, которыя потребовали дешевыхъ жертвъ искупленія общихъ грѣховъ. Эти процессы напоминаютъ мнѣ басню Крылова «Моръ Звѣрей». Но съ другой стороны они, эти два процесса, какъ бы напомнили и прокурорамъ, и начальствамъ разнымъ, и самой публикѣ (которая тоже для врача начальство) что у врача, хотя и нѣтъ никакихъ профессіональныхъ правъ, но право быть судимымъ также существуетъ. Страницы уголовнаго закона, трактующія о профессіональныхъ медицинскихъ проступкахъ, остававшіяся дотолѣ какъ бы неразрѣзанными, заинтересовали всѣхъ, и неслыханное прежде фигурированіе врача предъ судомъ въ качествѣ обвиняемаго стало повторяться чаще и чаще къ удовольствію извѣстной части нашей прессы. Петербургскаго врача Д...а предали суду (но въ концѣ концовъ послѣ длинной волокиты оправдали) за то, что въ больницахъ города не достало мѣста одной плательщицѣ больничнаго сбора, которую хозяйка ея выбросила на улицу, въ безнадежномъ состояніи (вѣроятно, подлѣчивавши первоначально сама, такъ какъ была акушерка). Недавно осудили, въ томъ же Петербургѣ, другаго врача за неправильное лѣченіе, отъ котораго, впрочемъ, никакого вреда для больной не послѣдовало, а напротивъ въ результатѣ получилось хорошее одновременное денежное вознагражденіе съ порядочнымъ пансіономъ по смерть, на счетъ врача. Судили врача и за то, что грубо обошелся съ больнымъ солдатомъ, и за то, что далъ толчекъ одному или подралъ за вихоръ другаго провинившагося нижняго чина. Всѣхъ винъ, за которые стали судить врачей, и не перечтешь; точно, какъ говорятъ, что стряслось съ ними. Съ своей стороны, и врачи дали повадку тянуть себя къ суду, сами ударившись въ сутяжничество: то взыскиваютъ гонораръ чрезъ мироваго судью, то тянутъ къ уголовному суду за оскорбленіе въ печати отъ разныхъ репортеровъ, для которыхъ они сдѣлались излюбленною темою и выгоднымъ матеріаломъ. Мало того, своими вожделѣніями къ Французской врачебной тайнѣ они хотятъ на свой счетъ увеличить практику адвокатовъ, заинтересовавъ ихъ своею спеціальною казуистическою литературою, какъ заинтересовали законами о своихъ профессіональныхъ обязанностяхъ. Конечно, какъ говорится, зачѣмъ пойдешь, то и найдешь.

Ив. Арс. Митропольскій.

Замѣтки по поводу Записокъ А. О. Смирновой.

I.

Въ 5-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ за этотъ годъ, на стр. 27, въ Запискахъ А. О. Смирновой сдѣлано примѣчаніе, въ коемъ сказано, что покойный Семенъ Васильевичъ Капнистъ былъ, женатъ на Англичанкѣ.

Близко зная семейство Семена Васильевича Капниста считаю необходимымъ исправить означенную неточность: онъ былъ женатъ не на Англичанкѣ, а на дочери извѣстнаго дипломата и писателя Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостолъ и сестрѣ трехъ Декабристовъ, Еленѣ Ивановнѣ Муравьевой-Апостолъ. Она скончалась въ С.-Петербургѣ весною 1856 года и похоронена въ одной изъ церквей Александро-Невской лавры.

II.

Покойная моя мать Варвара Ананьевна (по отцу же, какъ всѣ ее звали Варвара Дмитріевна), была падчерица Дмитрія Петровича Смирнова, роднаго дяди Н. М. Смирнова. Съ ранняго дѣтства всю свою юность провела въ домѣ Дмитрія Петровича, который ее воспиталъ и наградилъ, какъ родную дочь, при замужествѣ.

По преданію мнѣ извѣстно, что Д. П. Смирновъ былъ близокъ ко вдовѣ (какъ мнѣ говорили) довольно зажиточнаго купца Ананія Петрова, которому принадлежалъ домъ въ Москвѣ, въ Грузинахъ, на Тишинской площади. Купецъ этотъ разорился въ 1812 году, но домъ Петрова долго принадлежалъ его вдовѣ. Впослѣдствіи эта вдова сдѣлалась законною женою Дмитрія Петровича. У нихъ были дѣти: дочь Анна, писавшаяся въ документахъ Александровной, и сынъ Дмитрій Дмитріевичъ, уже рожденный въ бракѣ. Анна Александровна или, какъ всѣ ее звали, Анна Дмитріевна, вышла замужъ за профессора-акушера, пользовавшагося въ свое время въ Москвѣ большою доброю извѣстностью, Герасима Ивановича Кораблева. Д. Д. Смирновъ служилъ въ военной службѣ и во время своей службы на Кавказѣ пропалъ тамъ безъ вѣсти.

Смирновы, до конца своей жизни, жили въ своемъ домѣ въ Москвѣ, въ Грузинахъ, въ Тишинскомъ переулкѣ. Домъ этотъ достался дочери Дмитрія Петровича Аннѣ Дмитріевнѣ Кораблевой, а нынѣ принадлежитъ иконописцу Соколову.

Д. П. Смирнову и братьямъ его (Михаилу и Петру Петровичамъ) принадлежали большія имѣнія въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Останкино, Долгово, Никольское. Эти имѣнія и достались Кораблевой, Смирновой и моей матери (Лакомте).

Кромѣ того Д. П. Смирнову принадлежали небольшія имѣнія въ Московской губ., въ Можайскомъ уѣздѣ, и въ Калужской губ., въ Медынскомъ уѣздѣ, и эти имѣнія достались Кораблевой.

Послѣ всего сказаннаго можно заключить, что слова А. О. Смирновой „Дмитрій Петровичъ прижилъ дѣтей съ женою доктора Кораблева“, несправедливы. („Русскій Архивъ“ 1895, в. 8-й стр. 454). Анна Дмитріевна Кораблева, моя родная тетка по матери, во всякомъ случаѣ была дочерью по крови Д. П. Смирнова, а не любовницею его.

Преподаватель исторіи и географіи Реальнаго училища и Женской гимназіи въ г. Ивановѣ-Вознесенскѣ (Влад. губ.), бывшій директоръ Саратовской гимназіи, *Михаилъ Алексѣевичъ Лакомте.*

Валерьянъ Половцовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ВЪ ЖУРНАЛАХЪ НЕ-ИСТОРИЧЕСКИХЪ.

Галицкая митрополія П. Д. Тихомірова «Благов.». Августъ. (Продолженіе).

Краткій очеркъ исторіи Кавказскаго перешейка съ древнѣйшихъ временъ пр. доц. А. Н. Грена. «Кіевск. Ун. Изв.». Сентябрь.

Изложеніе событій доведено до IV вѣка по Р. Х. т. е. до того времени, откуда событія пріобрѣтаютъ полную историческую достовѣрность.

Начало XIX вѣка. А. Н. Пыпина. «Вѣстн. Евр.». Сентябрь.

Девятнадцатый вѣкъ составилъ новую эпоху не только внѣшнимъ образомъ; совершался наплывъ новыхъ идей и общественныхъ и литературныхъ. Война 1812 года и войны за освобожденіе отразились для Русскаго общества сильнымъ возбужденіемъ, но послѣдовавшая реакція показала на сколько безпомощна была просвѣщенная часть общества. По этому поводу авторъ вдается въ пространное разсужденіе объ отношеніи литературы къ народу. Она по независящимъ отъ нея условіямъ не могла сдѣлаться народною, ибо не могла говорить о народѣ серьезно и безъ умолчаній, а народъ по безграмотности и не подозрѣвалъ о ея существованіи. Мало по малу благодаря Западной наукѣ и поэзіи явилось представленіе о томъ, что литература есть созданіе національнаго духа. Но это движеніе возникло лишь въ концѣ Пушкинской эпохи. Общество оставалось въ большинствѣ безучастно къ судьбѣ литературы.

Вытѣсненіе псевдо-классицизма романтизмомъ было смѣною міровоззрѣній.

Но надлежало еще окончательно разсчитаться съ XVIII вѣкомъ. Шишковъ былъ человѣкъ тупой и крайне невѣжественный. Лучшее что онъ написалъ «Разсужденіе о любви къ отечеству» и манифесты 12-го года. Державинъ доживалъ свой вѣкъ, И. И. Дмитріевъ для новыхъ поколѣній былъ цѣненъ лишь какъ другъ Карамзина, Крыловъ въ своихъ воззрѣніяхъ держался представленія XVIII в. и

басня его осталась какъ бы внѣ литературнаго движенія. На перепутьи стоятъ Озеровъ съ Гнѣдичемъ.

Самымъ крупнымъ дарованіемъ послѣ Жуковскаго является Батюшковъ, они подготовили для Русской поэзіи возможность самостоятельнаго пути.

На основаніи біографіи Л. Н. Майкова подробно изложены событія жизни Батюшкова.

Случайность вліянія на Батюшкова западно-европейскихъ образцовъ даетъ поводъ г. Пыпину еще разъ посѣтовать на неполноту тогдашняго Русскаго образованія и подивиться богатству, которое представлялось въ Европейской литературѣ для пытливой мысли и для тонкаго поэтическаго чувства.

Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Е. В. Пѣтухова «Ж. М. Н. Пр.». Сентябрь.

Статья написана на основаніи уже напечатанныхъ матеріаловъ; главнѣйшимъ образомъ авторъ пользовался книгой Н. Лавровскаго. Учреждена была гимназія въ 1805 году именнымъ указомъ отъ 29-го Іюля, но открылась лишь 19 Апрѣля 1820 года и то благодаря связямъ и усиленнымъ стараніямъ графа А. Г. Кушалева-Безбородки, открылась безъ окончательно утвержденнаго устава. Первымъ директоромъ былъ В. Г. Кукольникъ въ припадкѣ ипохондріи лишившій себя жизни 6-го Февраля 1821 года. Его пріемникомъ былъ И. С. Орлай оставившій въ 1826 году гимназію для директорства въ Ришельевскомъ лицеи. Исторія о вольнодумствѣ поведшая къ преобразованію гимназіи въ 1832 году, разсказана по книгѣ Лавровскаго. Данъ въ особой главѣ обзоръ дѣятельности выдающихся воспитанниковъ: П. Г. Рѣдкина, А. П. Рославскаго-Петровскаго, В. Ѳ. Диибровскаго, Н. П. Гоголя, Е. П. Гребенки, Н. В. Кукольника, В. И. Любичь-Романовича и др.

С. Т. Аксаковъ. Дѣтотво и студенчество, проф. А. С. Архангельскаго. «Рус. Обозр.». Сентябрь.

Разсказъ ведется о студенческихъ годахъ Аксакова; для изображенія университетской жизни, авторъ пользуется книгой Булича, не раздѣляя его мрачныхъ взглядовъ на состояніе Казанской молодежи.

Статья проф. Архангельскаго окончена и вызываетъ недоумѣніе, такъ какъ ничего новаго она не даетъ. Къ ея положительнымъ гостоинствамъ надо отнести обширныя выписки изъ сочиненій С. Т. Аксакова и подробыя библіографическія разъясненія къ тѣмъ книгамъ, которыя упоминаются авторомъ «Семейной Хроники».

Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ (1826—1830). Л. Н. Майкова. «Рус. Обозр.». Сентябрь.

Составленный чрезвычайно живо на основаніи неизданныхъ бумагъ изъ архива Киселевыхъ краткій очеркъ. Дается объясненіе нѣкоторымъ стихотвореніямъ Пушкина и помѣщена стихотворная біографія Е. Н. Ушаковой князя П. А. Вяземскаго.

Гоголь и Чаадаевъ. Изъ этюда о Гоголѣ. **АлексѣяВеселовскаго.** «Вѣст. Евр.». Сентябрь.

Философско-историческая теорія Чаадаева признается примѣчательнѣйшимъ явленіемъ нашего самосознанія и ставится въ параллель съ Ревизоромъ. Судьба Чаадаева— горе отъ ума; не даромъ его считали прототипомъ Чацкаго; человѣкъ, показавшійся Шеллингу однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей, былъ объявленъ сумашедшимъ.

Отзывы Чаадаева о Ревизорѣ дышатъ оскорбленнымъ чувствомъ. «Никогда не бросали въ лице публики столько гнусностей, говоритъ Чаадаевъ. Отчего же мы такъ снисходительны къ циническому уроку и такъ нетерпимы къ суровой рѣчи, проникающей до глубины вещей?»

Но на самомъ дѣлѣ разстояніе между Чаадаевымъ и Гоголемъ было не далеко; Гоголь также увлекался папствомъ и по словамъ Польскихъ монаховъ кружка княгини Волконской былъ «очень склоненъ къ истинной вѣрѣ». И тотъ и другой были проповѣдники обновленія, но относились не дружелюбно другъ къ другу.

Жалко, что въ программу статьи не взошло указаніе на отношеніе Чаадаева къ Жозефу-де-Местру, и упущенъ характерный анекдотъ о посѣщеніи Чаадаева Гоголемъ.

Опредѣленіе Н. П. Гилярова-Платонова на свѣтскую службу. Князя Н. В. Ш. «Рус. Обозр.». Сентябрь.

Своимъ опредѣленіемъ на должность цензора Гиляровъ-Платоновъ былъ обязанъ графу Блудову и его дочери Антонинѣ Дмитріевнѣ. Замѣчанія автора по поводу этой удивительной женщины вполнѣ справедливы. И обиліе новыхъ данныхъ и умѣлая группировка ихъ возбуждаетъ сильнѣйшее желаніе, чтобы авторъ статьи далъ полную біографію Никиты Петровича.

Лекція о митрополитѣ Филаретѣ свящ. Е. К. Смирнова. «Рус. Обозр.». Сентябрь.

Переводъ лекціи напечатанной въ послѣднемъ выпускѣ протоколовъ Англо-Русскаго литературнаго общества. Лекція прекрасно составлена нашимъ посольскимъ священникомъ въ Лондонѣ, но ничего новаго для біографіи Филарета не даетъ.

Любопытно указаніе на то, что Нью-Іоркскій епископъ Поттеръ объявляетъ себя глубочайшимъ почитателемъ Филарета, считая его пастыремъ, которому всѣ должны подражать. Протестанскій Богословъ Филиппъ Шаффъ говорилъ, что Россія счастлива имѣя такой столпъ православія и народности какъ Филаретъ.

было—ни слова, никому! Это обязанность твоя и передъ собою, и передо мною. Заставь написать къ ней графиню и не выпускай ее изъ виду. Но самъ будь въ сторонѣ. Загладь старое.

О Фурманѣ скажу Булгакову, но впредъ не давай мнѣ подобныхъ коммиссій. Некогда.

Вотъ что̀ пишетъ ко мнѣ Жихаревъ: Т(ургеневъ) безпокоится о неполученіи фунтовъ! Шутъ гороховой! Неужели думаетъ онъ, что я стану рисковать его достояніемъ и въ одинъ разъ отдамъ все для отсылки? Прежде, нежели не получено отъ него извѣстіе, что часть получена, другая не отсылается. Теперь все почти получилъ онъ; ожидаю извѣстія о послѣднемъ транспортѣ, чтобы послать ему остальное». И такъ не безпокойся! Приложенное письмо отдай Корфу, заставь его написать и перешли ко мнѣ письмо. Чтобы въ письмѣ къ Орлову выставилъ свой адресъ. Обними милую, несравненную графиню. Кланяйся знакомымъ. Ж.

Пиши чаще. Отъ меня же будутъ письма разъ въ мѣсяцъ непремѣнно. Подумай теперь однако о себѣ. Наши друзья, то есть Дашковъ, желаютъ, чтобы ты возвратился. Особенно *Козловъ* этого желаетъ: ему будетъ большая радость отъ твоего возвращенія. Думай не о теперешней минутѣ, а о будущемъ. Твое же присутствіе нужно и для того, чтобы обстоятельства Козлова не приходили въ забвеніе. Теперь ему помочь нечѣмъ. Il est paralisé [1]). Но ему нужны люди, которые бы съ жаромъ принимали въ немъ участіе. Боюсь однако за тебя твоего здѣсь присутствія; нужно твердое самоотверженіе. Здѣсь у тебя я и Дашковъ.

Адресъ: A Paris. Rue du Bac, № 27. A Madame la comtesse Razoumoffsky pour remettre à m-r de Tourgueneff, conseiller d'état actuel au service de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies.—Почтовые штемпели: а) St. Pétersbourg, 1827 Oct. 26; б) Memel 11 Nov., в) 23 Novembre 1827.

CXXXIV.

(1 Ноября 1827, Петербургъ).

Спѣшу отвѣчать на послѣднее письмо твое, вчера мною полученное. Оставьте въ покоѣ Николая, не тревожьте его, не примѣняйте къ нему тѣхъ нуждъ, которыя вы имѣете сами. Онъ спокойнѣе и тверже одинъ, нежели съ помощниками. Милый другъ! Я люблю графиню отъ всего сердца именно за ея сердце; но увѣренъ, что и мнѣ въ несчастіи, наконецъ, она сдѣлалась бы въ тягость: она слишкомъ заботлива и слишкомъ выражаетъ свое участіе. У ней въ чувствахъ есть та экзальтація, которой Николай не имѣетъ; она ищетъ въ немъ того, чего въ немъ нѣтъ, судитъ объ немъ по себѣ, угадываетъ его не впопадъ, его самого тревожитъ и лишаетъ свободы, а тебя пугаетъ. Мысль, что она живетъ въ Англіи единственно для него, должна быть Николаю нестерпима. Какъ ты этого не понимаешь? Какъ ты не видишь, что этого никакими убѣжденіями перемѣнить невозможно? И мнѣ, съ моимъ безпечнымъ, уступчивымъ характеромъ, было бы это несносно; каково же должно быть для Николая, который не терпитъ

---

[1]) Онъ въ параличѣ.

зависимости, не хочетъ пожертвованій? Не принуждай же его. Если и я въ Эмсѣ обрадовался вторичной встрѣчѣ и поѣздкѣ графини въ Англію, то это было отъ того, что изъ письма ея я заключилъ, что самъ Николай желаетъ этого. Послѣ же онъ не могъ отказать ей, ибо она просила именемъ Сергѣя. Знаешь ли что́ болѣе всего поможетъ Николаю? Мысль о тебѣ! Если онъ будетъ видѣть твою твердость и если ты самъ будешь дѣйствовать достойнымъ его образомъ (не для него единственно, а для того, что это твоя святѣйшая должность), ты сдѣлаешь ему *единственное* добро, какое твоя связь сдѣлать теперь можетъ. Другого вамъ нечего дѣлать, какъ издали дать другъ другу руку на добродѣтель и религію. Видишь, какое направленіе взяла душа его. Онъ читаетъ Библію. Слава Спасителю! Онъ явился во́ время. Познакомься и ты съ Нимъ поближе. Онъ скажетъ и дастъ тебѣ то, чего ничто на землѣ не даетъ и не скажетъ: смиреніе и нетревожимость. Я не *говорю* это, я такъ *думаю* теперь. Я этому *вѣрю* и *хочу вѣрить*. Жизнь ничто безъ христіанства. Теперь ваша пора вѣрить и жить вѣрою. Будь въ этомъ помощникомъ и товарищемъ брата. Тогда все остальное покажется шелухою, тогда найдешь силу въ себѣ покориться необходимости и ждать мирно того, что́ Провидѣніе пошлетъ въ будущемъ. Другого теперь дѣлать нечего; въ этомъ здѣсь убѣдился! Итакъ рѣшись ждать съ вѣрою и съ достоинствомъ, а не съ безплоднымъ, неприличнымъ душѣ твоей нетерпѣніемъ. Одно изъ двухъ— выбери благороднѣйшее, можетъ быть труднѣйшее, но за то добродѣтельное; ибо оно требуетъ силы, рѣшимости, твердаго взгляда на судьбу свою и довѣренности ко Всевышнему. Горе и нетерпѣніе— ребячество. Будь тоже, что̀ братъ твой въ отношеніи къ несчастію, и помогай ему любить память Сергѣя безъ отчаянія. Я говорилъ и въ прежнихъ моихъ письмахъ къ графинѣ и говорю теперь: первый бунтъ горя о потерѣ Сергѣя утихнетъ въ немъ; изъ этого горя выйдетъ религія. Такъ оно и выходитъ! Радуйся этому направленію и иди съ нимъ вмѣстѣ.

Пора тебѣ знать самого себя, пора тебѣ перестать предаваться своему воображенію. Въ своей судьбѣ такъ много существеннаго бѣдствія; на что́ прибавлять къ нему мечтательное? А ты произвольно стараешься все увеличить, произвольно тревожишь себя! Ты часто тревожилъ Сергѣя, теперь тоже дѣлаешь съ Николаемъ. Тогда удвоивалъ собственныя страданія и теперь ихъ удвоиваешь. Это, право, тебя недостойно. Неужели изъ несчастія не выйдетъ для тебя нравственной пользы? Посмотри, сколько пользы извлекъ изъ него уже Николай. И самая тоска его по Сергѣѣ есть новое совершенство души его: эта тоска уступитъ наконецъ лучшему, возвышеннѣйшему чувству! И это будетъ, ибо онъ надъ собой работаетъ: онъ не даромъ сказалъ, что совѣсти довольно для того, чтобы умереть, но жить нельзя безъ достоинства. И горе имѣетъ свое достоинство. Я ему вѣрю. Желалъ бы столько же вѣрить тебѣ. Желалъ (бы), чтобы ты на чемъ-нибудь одномъ остановился. Обстоятельствъ не перемѣнишь. По крайней мѣрѣ не вижу, чѣмъ и когда они могутъ перемѣниться. Что́же? Биться головою объ стѣну? Уничтожить себя отчаяніемъ? Нѣтъ! Умъ размышленію, сердце небу, судьбѣ презрѣніе! Ты скажешь: легко

говорить! Нѣтъ не легко. Но другого дѣлать нечего—и такъ дѣлай! Это должность. И образецъ передъ тобою—твой братъ. Онъ радъ будетъ товарищу. И теперь пока это единственное ваше товарищество, единственно возможное ваше соединеніе.—Прости, прости! Я писалъ къ тебѣ, кажется, что *Козловъ* кончилъ свою поэму. *Слёнинъ* хотѣлъ бы выдать ее, но хочетъ прежде показать *Глазунову*. Дашковъ ее читалъ; онъ говоритъ, что доволенъ ея духомъ, но что историческое неудовлетворительно и не подѣйствуетъ на читателя. Всѣ думаютъ, что надобно подождать печатать, чтобы не напечатать даромъ и съ убыткомъ. Я въ послѣднемъ письмѣ приглашалъ тебя сюда. Дашковъ также зоветъ тебя. Но теперь, поговоривъ съ к(няземъ Г(олицынымъ), думаю, что лучше погодить. Если бы ты рѣшился такъ путешествовать, какъ обязанъ для себя и для брата (прибавилъ бы: и для меня)!

Письма съ Хлюстинымъ я не получалъ, ни посылки.

CXXXV.

6 (18) Ноября (1827, Петербургъ).

Сейчасъ получилъ письмо твое отъ 30 Окт(ября) изъ Парижа. Всѣ твои выписки [1]) суть для меня перлы. Итакъ я не обманулся. Его страданія, то-есть тѣ, о которыхъ ты пишешь ко мнѣ и о которыхъ разсказываетъ графиня, существуютъ только въ вашемъ воображеніи. Онъ страдаетъ, но не такъ, какъ вы думаете. Вы, право, передъ нимъ Мирмидоны! Онъ смотритъ на все свысока, со всѣмъ ладитъ и твердо поддерживаетъ на плечахъ то, чего съ нихъ нельзя сбросить. Право, надобно у него учиться цѣнить жизнь и съ нею возиться. Прошу тебя, займи у него твердости; если уже не хочешь ею облагородить своей жизни, потому что это такъ должно, то сдѣлай хотя это для того, чтобы не портить болѣе судьбы брата. Не упрямься судить его по себѣ; не считай полезнымъ того лѣкарства, которое не по его натурѣ; онъ хочетъ нести судьбу свою одинъ, то-есть свободно,—не надѣйся же, что принужденіе, ажитація и жертвы могутъ сдѣлать ему добро. Я самъ теперь начинаю думать, что, въ настоящемъ положеніи дѣлъ, твое присутствіе было бы для него болѣе вредно, нежели полезно. Ты былъ бы для него тоже, чтó былъ бы для Сергѣя, еслибъ я не случился между вами. Рѣшись сносить неизбѣжное такъ, чтобы твой несчастный братъ видѣлъ въ тебѣ товарища и помощника, а не страдальца, который только ему мѣшаетъ сладить съ судьбою, своимъ горемъ мучитъ его душу, напоминая ему о томъ, чтò онъ готовъ забыть, а изъ незабвеннаго, чтò можетъ и должно со временемъ обратиться въ тихую, полную надежды религію сердца, творить нѣчто губительное, отчаянное. Нѣтъ, братъ! Въ твердости его разсудка гораздо болѣе истинной человѣческой печали, нежели въ томъ, чтò тебя такъ жестоко мучитъ. Исправь свои понятія на его понятіяхъ. Скажешь: нельзя! А я скажу: можно, потому что должно. Однимъ словомъ, я радовался чтеніемъ послѣднихъ выписокъ: нахожу снова тоже, чтó

---

[1]) Изъ писемъ Н. И. Тургенева.

меня умиляло въ первыхъ письмахъ, написанныхъ до нашей потери. Все для него теперь пришло въ ясность. Сергѣй перестаетъ быть потеряннымъ благомъ обыкновенной жизни; онъ переселился въ воспоминаніе, въ глубину души, въ религію! Мысль объ немъ летитъ туда, гдѣ онъ. Ужъ онъ не призракъ гробовой, отъ котораго страшно глядѣть на свѣтъ, а добрый духъ, который влечетъ за собою къ Богу, прямо, прямо туда, гдѣ все ясно, покойно, чисто. Я увѣренъ, увѣренъ, что Провидѣніе переселило эту чистую душу туда для того, чтобъ она съ этой высоты научила оставшагося, одинокого тому, что́ такъ достойно души его. Братъ горній научитъ небу брата здѣшняго; онъ для этого туда и отозванъ. Здѣсь онъ скитался бы далеко отъ товарища и былъ бы для него предметомъ заботъ и безпокойства. А разлука все была бы таже, только разлука *земная* со всѣми страхами. Теперь разлука *небесная*, со всѣми прекрасными надеждами на безсмертіе тамъ и на товарищество нравственное здѣсь. И въ этой разлукѣ нѣтъ ничего безпокойнаго. Глаза не видятъ, да душа *вмѣстѣ*! А чтобъ она была истинно *вмѣстѣ*, то надобно жить съ достоинствомъ. Первая минута этой разлуки, конечно, должна была ошеломить; но теперь все приходитъ въ порядокъ, и онъ начинаетъ видѣть ясно. Это я чувствую, читая теперешнія выписки, и радуюсь душевно. Смотри на него моими глазами, вѣрь ему, онъ тебя не обманетъ, ибо онъ и въ горѣ прямодушенъ.

Вотъ письмо Жихарева. Къ нему пошлю твое.—Я писалъ на этой почтѣ и къ графинѣ.—О твоей арендѣ поговорю съ Булгаковымъ. Но я думаю нужна отъ тебя какая-нибудь довѣренность. Хлопоты однако по этому дѣлу поручи Булгакову или Жихареву: я въ этомъ невѣжа и не буду умѣть ничего сдѣлать. — Прочитай мое письмо, писанное къ графинѣ. Ж.

CXXXVI.

20 Ноября (5) Декабря (1827, Петербургъ).

Вчера получилъ твои письма съ Хлюстинымъ; вложенное къ Жихареву отправилъ. Портреты и прочее отправлю съ кѣмъ-нибудь или оставлю у себя и приложу къ прочимъ бумагамъ твоимъ и книгамъ, кои хранятся у меня. На что́ тормошить ихъ и хлопотать о пересылкѣ? Почему всему этому не быть у меня? Хлюстинъ мнѣ очень понравился. Онъ напоминаетъ своимъ умнымъ лицемъ своего дядю; говоритъ пріятно и, кажется, со свѣдѣніями; хочетъ быть дипломатомъ. Это, я думаю, теперь затруднительно. Ужъ и такъ слишкомъ много въ Иностранной Коллегіи. Я совѣтую избрать Министерства Внутреннихъ Дѣлъ или Просвѣщенія. Но надобно, чтобъ онъ былъ употребленъ пріятнымъ для него образомъ.

Въ отрывкѣ, присланномъ тобою, гдѣ говорится обо мнѣ, есть много для меня трогательнаго. У него [1]) открылось теперь, кажется, какое-то дружеское чувство ко мнѣ, котораго я не предполагалъ, а по письму графини вижу, что онъ его имѣлъ ко мнѣ и прежде. Но онъ до сихъ поръ или, лучше сказать, въ то время, когда могъ ви-

---

[1]) Н. И. Тургенева.

дѣть меня глазами, смотрѣлъ на меня какъ на какого-то потеряннаго въ Европейской сферѣ. Ни моя жизнь, ни мои знанія, ни мой талантъ не стремили меня ни къ чему политическому. Но когда же *общее дѣло* было мнѣ чуждо? Я не занимался современнымъ, какъ бы было должно—это правда, и теперь вижу, что мнѣ многаго недостаетъ въ моемъ теперешнемъ званіи; ибо теперешнія занятія пожираютъ все вниманіе, все сердце и все время. На внѣшнее могу только заглядывать изрѣдка, урывками. А знакомство съ нимъ необходимо для вѣрности, солидности и теплоты идей. Я живу теперь для *одного* исключительно [2]) и одно только имѣю безпокойство, часто мучительное, хорошо ли сдѣлаю свое дѣло? Другихъ безпокойствъ нѣтъ никакихъ на счетъ себя, ибо ничего *себѣ* не ищу. По сію пору я почти ни съ кѣмъ не видѣлся здѣсь въ Петербургѣ. Время, время всего дороже. Но это мнѣ можетъ со временемъ повредить: отдалитъ слишкомъ отъ существеннаго, сдѣлаетъ чуждымъ современному и поселитъ въ характерѣ дикость, къ которой я и безъ того склоненъ. Видаю только Козлова, и то не часто. Манускриптъ его лежитъ у меня [3]). Я говорилъ о изданіи съ тѣми, кто знаетъ это дѣло, особенно съ Дашковымъ, Блудовымъ и также Слёнинымъ [4]). Одно слово: теперь выдавать нельзя. Расположеніе читателя неблагопріятно этой поэмѣ. Духъ ея прекрасный—трогательно и разительно. Но историческая часть неудовлетворительна, и быть не можетъ удовлетворительна. Таково ихъ мнѣніе. Оно меня и останавливаетъ. Иначе я бы рѣшился издать отъ себя, но боюсь повредить Козлову. Какъ на это рѣшиться? Отдалъ поэму Полетикѣ (онъ не знатокъ литературы, но имѣетъ здравый смыслъ и принимаетъ участіе въ Козловѣ); онъ говоритъ мнѣ, что я бы могъ рѣшиться на изданіе отъ себя, что онъ вреда Козлову не предвидитъ. Я въ этомъ случаѣ однако плана не дѣлаю. Представится случай благопріятный, воспользуюсь имъ и поступлю по вдохновенію минуты. Но этого ни предвидѣть, ни напередъ расположить нельзя.—Думаю о тебѣ съ грустію. Еще нѣтъ отъ тебя отвѣта ни на одно письмо мое. А я уже изъ Петербурга написалъ, кажется, пять писемъ. Я прошу тебя повѣрить мнѣ на счетъ Н(иколая). Кажется, что я его понимаю. Важнѣйшее для него будетъ, если ты будешь съ собою ладить. Ты слишкомъ мало берешь надъ собою воли; ты предаешься произвольно тому, что́ тебя страшитъ или бременитъ. Это, право, противно и твоему достоинству, и особенно твоей любви къ живому брату и памяти по мертвомъ. И слѣдствіе этого ощутительно: ты падаешь духомъ. Должно ли же это такъ быть? Сравни себя съ другими въ этомъ же положеніи. Ты долженъ, долженъ владѣть собою: другаго спасенія нѣтъ! Это ты можешь; слѣдственно это должно быть. Помни одно: ненадобно прибавлять къ судьбѣ брата, въ которой есть для него утѣше-

---

[2]) Жуковскій имѣетъ здѣсь въ виду порученную ему обязанность наставника Великаго Князя Александра Николаевича.

[3]) Въ письмѣ идетъ рѣчь о поэмѣ И. И. Козлова „Княгиня Наталія Борисовна Долгорукова", которая была издана въ слѣдующемъ 1828 году.

[4]) Книгопродавцемъ.

*

ніе, такого, чтó не оставляетъ уже никакого утѣшенія, то-есть твоего упадка, въ которомъ онъ долженъ будетъ *упрекать* себя.

Обними за меня графиню. Скажи ей, что я говорилъ съ Ламбертомъ, который усердно хлопочетъ по дѣлу ея. Нынче пишу ему, къ Жихареву.—Вотъ чтó пишетъ Жихаревъ о Киндяковѣ. Прилагаю выписку или самый отрывокъ. Сапогъ одинъ или два безъ колодки послалъ дней десять тому съ курьеромъ. Одинъ съ колодкою остался у меня. Ж.

CXXXVII.

27 Ноября с(тараго) ст(иля) (1827, Петербургъ).

По сію пору не имѣю отъ тебя никакого отзыва на мои къ тебѣ письма. Получаешь ли ты ихъ или нѣтъ, не знаю. Отдано ли письмо мое Корфу? Получилъ ли сапогъ? Получилъ ли другія письма? Для чего не скажешь ни слова? Твои всѣ получены. По крайней мѣрѣ многія. Я на послѣднія, полученныя съ Хлюстинымъ, также, кажется, отвѣчалъ. Съ тѣхъ поръ ничего отъ тебя не имѣю. Желалъ бы, чтобы написалъ что-нибудь рѣшительное о томъ, чтó ты намѣренъ на первое время дѣлать. Думаю, что для твоего душевнаго спокойствія тебѣ всего лучше остаться долѣе въ Парижѣ: письма отъ брата будешь получать часто и скоро. Это для тебя главное.

Въ немногихъ словахъ скажу о себѣ: живу очень уединенно; всегда почти обѣдаю дома, изрѣдка бываю въ людяхъ, на это у меня опредѣленъ часъ послѣ обѣда, между 6 и 8. Остальное время за дѣломъ. У Карамзиныхъ обѣдаю по Воскресеньямъ. Всегда говорится о тебѣ. Третьяго дня обѣдалъ у Строганова; онъ для тебя совершенно *тотъ же*, каковъ былъ въ Дрезденѣ: нельзя не имѣть къ нему душевнаго почтенія; въ немъ много сердечнаго жара.

Я тебѣ ничего не сказывалъ о Пушкинѣ. Онъ давно здѣсь. Написалъ много. Третья часть Онѣгина вышла. Доставлю ее тебѣ съ Белизаромъ, который скоро ѣдетъ въ Парижъ (онъ заступилъ мѣсто Сенъ-Флорана) [2]); также пришлю и вышедшія недавно сочиненія Баратынскаго. У Пушкина готовы и 4, 5 и 6 книги Онѣгина. Годуновъ превосходное твореніе; много глубокости и знанія человѣческаго сердца. Гдѣ онъ все это беретъ? Но боюсь, чтобы легкость писать не обратилась въ небрежность. Онъ часто позволяетъ себѣ быть слишкомъ прозаическимъ. Козлова поэма все еще не вышла. Третьяго дня я видѣлся съ *Слёнинымъ*, который сказалъ мнѣ, что покажетъ ее *Глазунову*; не знаю однако, будетъ ли *Глазуновъ*, съ коимъ онъ уже говорилъ, ею интересоваться. Онъ обѣщалъ дать ему манускриптъ и сказать, чтобы поговорилъ со мною. Но я уже говорилъ съ Глазуновымъ и сообщилъ ему, чтó думаю о поэмѣ и о поэтѣ. Не въ нихъ дѣло, а

---

[1]) Двѣ небольшія выписки (всего лишь четырнадцать строкъ) изъ этого письма приведены въ „Письмахъ Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу", стр. 321—322, а отсюда перепечатаны въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 413—414.

[2]) Белизаръ и Сенъ-Флоранъ – Петербургскіе книгопродавцы.

въ томъ, какое теперь расположеніе читателя. Оно неблагопріятное. Полетика говоритъ: *Печатай! Если выгоды не будетъ, то и невыгоды нельзя ожидать. Поэма хороша.* Я держусь Сленина. Онъ лучше всѣхъ можетъ пустить въ ходъ книгу. Но онъ, при всемъ доброжеланіи, не видитъ еще никакого способа. Вяземскій къ тебѣ пишетъ. Теперь письмà не посылаю: слишкомъ велико. Онъ хочетъ, чтобы ты уговорилъ Толстаго быть корреспондентомъ его журнала [3]). Гєро [4]) ему не нравится. Онъ писалъ къ тебѣ много разъ; видно, письма растерялись. Тебѣ надобно дать отъ себя Жихареву довѣренность, безъ чего дѣла твои здѣсь идти не могутъ. Но не знаю, какъ тебѣ рѣшиться дать довѣренность. Въ ней должно быть *изъяснено*, почему ты теперь единственный наслѣдникъ имѣнія своего. Безъ довѣренности же отъ тебя у Жихарева руки будутъ связаны, и онъ никакихъ порученій твоихъ исполнять не будетъ въ состояніи. Милой братъ, мнѣ больно это писать къ тебѣ; но чтó же дѣлать! Жихаревъ требуетъ, чтобъ я написалъ. На чтò ты рѣшишься? А надобно рѣшиться для вашей же общей пользы.

Слѣдующее о графинѣ.

Если Ламбертъ дожидаться будетъ, чтобы къ нему высланы были деньги, то этого не дождется. Дай ему знать, что нужно, дабы онъ далъ кому-нибудь въ Москвѣ довѣренность получить деньги, а вмѣстѣ съ тѣ(мъ) поручилъ бы и заемный актъ, который послѣ долженъ быть надписанъ и возвращенъ графу Орлову. О накопившихся процентахъ хлопочу; *надѣюсь и страшусь.*

Я увижусь съ Ламбертомъ. Скажи объ этомъ графинѣ.

Нашъ добрый Максимъ Ивановичъ [5]) кончилъ жизнь свою. Умеръ съ именемъ твоего отца и Ивана Владимир(овича) [6]) на языкѣ. Такъ пишетъ Жихаревъ, который закрылъ ему глаза. Оставилъ 30 копѣекъ мѣдью и нѣсколько книгъ. Пенсіонъ свой весь отдавалъ бѣднымъ. Это узнали послѣ смерти его.

Выписка изъ письма Жихарева о Корфѣ.

«Бумаги Корфа мы разсматривали. Его претензія справедлива. Правительство обязано пещись о уплатѣ. Множество примѣровъ, что правительство принуждено уплачивать деньги заграничнымъ кредиторамъ, за чѣмъ, по отношеніямъ графа Нессельроде, наблюдаетъ министръ юстиціи. Но надобно знать, имѣютъ ли наслѣдники, графъ и графиня, достаточно имѣнія на удовлетвореніе долга? Результатъ: имѣ-

---

[3]) Т. е. „Московскаго Телеграфа“, издававшагося Н. А. Полевымъ и обязаннаго своимъ возникновеніемъ князю П. А. Вяземскому. Участіе князя въ „Московскомъ Телеграфѣ“ было, какъ извѣстно, главною причиною успѣха этого журнала. Корреспондентомъ журнала князь Вяземскій хотѣлъ имѣть Якова Николаевича Толстаго. Вѣроятно, ему принадлежатъ „Отрывки писемъ изъ Парижа“, помѣщенные, за подписью Я. Т., въ XVII части „Московскаго Телеграфа“, 1827 года.

[4]) Не Гіеро ли („Hieran, издатель Бюллетеня“), о которомъ упоминается въ „Письмахъ А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 235 и 244?

[5]) Невзоровъ.

[6]) Лопухина.

ютъ. Они вошли въ наслѣдство и обязаны удовлетворить должника [7]. Оставшагося послѣ Орлова имѣнія было бы довольно для уплаты рубль въ рубль, если бы не казенное взысканіе захватило все, движимое и недвижимое. Старой графъ [8]) упрямъ и остороженъ. Пока есть въ виду источникъ, изъ котораго можно платить долги сына, онъ едва ли согласится удовлетворить Корфа, особливо если сей послѣдній будетъ грозить законами. Пускай Корфъ лучше напишетъ къ нему жалобное письмо, задеретъ заживо его самолюбіе, вспомнитъ подвиги его брата (это необходимо, и ничто такъ не подѣйствуетъ, особливо объ Алексѣѣ), собственное его президентство въ Академіи Наукъ, честь его фамиліи, и напишетъ такъ, чтобы письмо имѣло видъ того, что онъ отдаетъ себя на произволъ его великодушія, а не полагаетъ его обязаннымъ платить долги сына, что увѣренъ въ его справедливости. Мы съ своей стороны его приготовимъ. Если же это не поможетъ, то примемся за Мятлеву; эта отвертѣться не можетъ.

CXXXVIII.

4 (17) Декабря (1827, Петербургъ) [1].

Удивительное дѣло! Ты только 12 Ноября получилъ первое письмо мое. Итакъ ты не получилъ многихъ. Не понимаю, что̀ дѣлается съ письмами. Ихъ читаютъ, это само по себѣ разумѣется. Но тѣ, которые ихъ читаютъ, должны бы по крайней мѣрѣ исполнять съ нѣкоторою честностію плохое ремесло свое. Хотя бы они подумали, что если уже позволено имъ заглядывать въ чужія тайны, то никакъ не позволено надъ ними ругаться и что письма, хотя читанныя, доставлять *должно*. Вотъ слѣдствіе этого проклятаго шпіонства, которое ни къ чему вести не можетъ. Довѣренность публичная нарушена; то, за что̀ въ Англіи

---

[7]) Описка; слѣдовало бы сказать: кредитора.

[8]) Графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ (р. 1743 † 1831), братъ князя Г. Г. Орлова и графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, былъ директоромъ Академіи Наукъ съ 1766 по конецъ 1774 года. Его сынъ, сенаторъ и дѣйствительный камергеръ графъ Григорій Владиміровичъ Орловъ, умершій 13 Іюля 1826 г., 49 лѣтъ отъ роду, долгое время жилъ во Франціи и Италіи вслѣдствіе болѣзни своей жены, имѣлъ значительные долги (см. Біографическій очеркъ графа В. Г. Орлова, составленный внукомъ его графомъ В. Орловымъ-Давыдовымъ (Спб. 1878), т. I, стр. 85—86 и 317, и т. II, стр. 294—295 и 299).

*

[1]) Первая половина этого письма приведена въ „Письмахъ Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу“, стр. 339—341, и отсюда перепечатана въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 414—415. Въ настоящемъ письмѣ Жуковскимъ сдѣланы ошибки при означеніи датъ по новому стилю; такъ онъ пишетъ: 4 (17) Декабря вмѣсто 4 (16); письмо, полученное имъ отъ А. А. Воейковой, помѣчено имъ 14 (27) числомъ (мѣсяцъ не означенъ).

[2]) Предположенія Жуковскаго, что нѣкоторыя его письма къ А. И. Тургеневу были перехвачены на почтѣ, оказались неосновательными. („Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 339).

казнять, въ остальной Европѣ дѣлается правительствами. А тѣ, которые исполняютъ подобныя законныя беззаконія, на нихъ не останавливаются, пренебрегаютъ прочитанными письмами и часто оттого, что печать худо распечаталась, уничтожаютъ важное письмо, отъ котораго часто зависитъ судьба частнаго человѣка. И хотя была бы какая-нибудь выгода отъ такой ненравственности, обращенной въ правило! Что̀ могутъ узнать теперь изъ писемъ? Кто ввѣритъ себя почтѣ? Что̀ жъ выиграли, разрушивъ святыню—вѣру и уваженіе къ правительству? — Это бѣситъ! Какъ же хотѣть уваженія къ законамъ въ частныхъ людяхъ, когда правительства все беззаконное себѣ позволяютъ? Я увѣренъ, что самый вѣрный хранитель общественнаго порядка есть не полиція, не шпіонство, а нравственность правительства. Въ той семьѣ не будетъ безпорядка, гдѣ поведеніе родителей образецъ нравственности; то же можно сказать и о правительствахъ и народахъ. Une manière franche et généreuse d'agir est un signe et en même tems une garantie de la puissance. Les mesures, qu'on prend pour conserver la tranquillité, sont pour la plupart du temps la vraie cause des troubles; au lieu d'apaiser elles inquiètent! [3]) Но куда я забрался съ почтою! Все это для тѣхъ, кто разсудитъ за благо прочитать это письмо. Тебѣ же нечего мнѣ много разсказывать. Новаго ничего нѣтъ. Отъ Саши я получилъ письмо отъ 14 (17) изъ Ліона; слѣдовательно, она должна быть теперь уже въ Гіерѣ.

То, что̀ пишешь о графинѣ, есть то, что̀ я самъ думаю объ ней. Ея слишкомъ живое участіе къ Н(иколаю) не сходно съ его натурою; онъ чувствуетъ глубоко, но не любитъ высказывать своего чувства; онъ способенъ только писать объ немъ и именно потому далекъ отъ всякой экзажераціи, что слишкомъ много имѣетъ истиннаго. Графиня соединяетъ много воображенія съ истиннымъ чувствомъ; поэтому она лучше издали и полезнѣе, чѣмъ вблизи. Она своимъ присутствіемъ разрушаетъ покой и порядокъ душевной. То добро, которое могло бы произвести ея нѣжное, искреннее, неподдѣланное участіе, уничтожается тою формою, которую оно принимаетъ. Николаю такого рода участіе должно было à la longue сдѣлаться нестерпимымъ; онъ ищетъ правила, твердости, ему нужно знать свое положеніе, безъ всякихъ украшеній, чтобы рѣшить умомъ, что̀ ему дѣлать слѣдуетъ. Противъ смерти Сергѣя нѣтъ правила, ибо тутъ оторванъ кусокъ отъ души; но и для нея найдетъ если не лѣкарство, то замѣну, въ другомъ чувствѣ (ибо наше чувство лѣчится только чувствомъ). Противъ судьбы же личной ему надобно только ясно видѣть, ясно знать, рѣшиться и расположить жизнь по судьбѣ своей. На это онъ способнѣе многихъ. О будущемъ не смѣю ничего сказать. Для меня одно вѣрно: мое *собственное убѣжденіе* и *моя* готовность воспользоваться *благопріятною* минутою. Болѣе ни за что̀ не ручаюсь. И онъ съ своей стороны дол-

---

[3]) Т. е. открытый и великодушный образъ дѣйствій есть знакъ и въ тоже время залогъ могущества. Мѣры, предпринимаемыя для сохраненія спокойствія, по бо̀льшей части, бываютъ истинною причиною волненій; вмѣсто того, чтобы умиротворять, онѣ возбуждаютъ безпокойство.

*

женъ поступать такъ, какъ бы не было ничего въ будущемъ. Ты же помогай съ своей стороны его твердости. Извлекай изъ жизни все то моральное добро, какое изъ нея извлечь можешь. Другаго нечего дѣлать. Итакъ воздерживай себя отъ лишней тревоги, если не для себя, то для брата. Обнимаю графиню.

Ты пишешь, что жалѣешь о порученіяхъ, которыя давалъ мнѣ. Надѣюсь, что ты понялъ, о какихъ порученіяхъ идетъ дѣло. О мелочныхъ, требующихъ хлопотъ и ѣзды; но важное, разумѣется, мое.

CXXXIX [1]).

(Во второй половинѣ Декабря 1827, Петербургъ).

...... Но не объ этомъ [2]). Теперь спѣшу. Содержаніе моего теперешняго письма важное, хотя письмо короткое. Я могу тебѣ теперь по совѣсти дать совѣтъ, которымъ не боюсь *повредить* тебѣ: ты можешь ѣхать въ Лондонъ. На это напрасно ты требовалъ позволенія съ изъясненіемъ для чего ѣдешь: такого позволенія дать нельзя было; но тебѣ ѣхать не запрещено, и я теперь могу сказать тебѣ *рѣшительно, ибо имѣю причину такъ говорить*, что поѣздка твоя въ Лондонъ и твое свиданіе съ Николаемъ не сдѣлаютъ тебѣ никакого вреда, не произведутъ даже никакого дурнаго впечатлѣнія. Итакъ, поѣзжай...

CXL.

10 Генваря (1828, Петербургъ).

Ты вѣрно безпокоился, что такъ долго не получалъ отъ меня ответа на послѣднее письмо твое, принесшее мнѣ поразительное извѣстіе о нашей потерѣ [1]). Мой немедленный отвѣтъ не могъ быть тебѣ нуженъ: что̀ бы я сказалъ тебѣ? Какое бы утѣшеніе или облегченіе могли принести тебѣ мои строки? Я хотѣлъ сперва дѣйствовать, а потомъ писать. Письмо умиравшей графини [2]) произвело надо мною впе-

---

[1]) Печатаемая подъ этимъ нумеромъ выдержка изъ письма Жуковскаго приведена въ письмѣ А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу отъ 18 Января 1828 года (см. „Письма Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу", стр. 364—365), а оттуда перепечатана въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 415. Подлинное письмо Жуковскаго, изъ котораго приведена настоящая выдержка, не сохранилось между поступившими въ Имп. Публичную Библіотеку письмами его къ А. И. Тургеневу.

[2]) Этой выпискѣ предшествуютъ въ письмѣ А. И. Тургенева къ брату слѣдующія строки: Милый братъ! Наконецъ, горизонтъ и для насъ свѣтлѣетъ! Дружба Жуковскаго подѣйствовала. Для меня главное сдѣлано: я могу быть съ тобою. Я почти счастливъ и спокоенъ на всю жизнь. Вотъ копія съ письма Жуковскаго. Досадуя на неполученіе (мнимое) мною писемъ его, онъ увѣдомляетъ о полученныхъ имъ отъ меня письмахъ и книгахъ и говоритъ" [слѣдуетъ самая выписка].

*

[1]) О кончинѣ графини Генріеты Разумовской.

[2]) Въ которомъ она высказывала свое убѣжденіе въ невинности Н. И. Тургенева.

чатлѣніе умилительное; это было не тяжелое, а возвышенное чувство. Жаль мнѣ тебя. Но разставаніе съ жизнію такъ, какъ разсталась она, есть счастіе рѣдкое. Чувствовать душу свою въ минуту смерти, думать только о покидаемыхъ и за себя знать одно безсмертіе—что̀ печальнаго въ такой смерти? Кого тутъ жалѣть, кромѣ тѣхъ, кто покинуты? И дѣйствительно, жалѣю только о тебѣ, о Гизо̀, о Николаѣ. Пришли мнѣ при случаѣ что-нибудь и(зъ) ея остатковъ. Жаль, что нѣтъ ея портрета. Возвращаюсь къ ея письму. Оно было для меня завѣщаніемъ, и я немедленно по немъ исполнилъ [3]). Не увѣдомилъ тебя тотчасъ, потому что не хотѣлъ тебя тревожить; думалъ, что буду имѣть сказать тебѣ что-нибудь положительное; но и по сію пору не имѣю ничего; хотя вообще думаю, что будетъ со временемъ полезно нашему дѣлу то, что̀ теперь я сдѣлалъ. Я не приступалъ къ исполненію этого святаго для меня дѣла до сихъ поръ не для того, чтобы хотя минуту колебался, но для того, что тѣ, которые знали о немъ, думали, что полезнѣе подождать обстоятельствъ болѣе благопріятныхъ и вообще дать пройти времени, все усмиряющему времени. Ты же знаешь, что не на мнѣ лежитъ исполненіе. Я не могъ рѣшиться дѣйствовать; я думалъ, что могу менѣе другихъ произвести впечатлѣніе. Но послѣднимъ случаемъ, который такъ непредвидѣнно посланъ былъ Провидѣніемъ съ постели смертной, я не могъ не воспользоваться. Къ письму умирающей приложилъ мое и рукопись брата [4]), и отдалъ. Съ тѣхъ поръ отвѣта нѣтъ; но увѣренъ, что дѣйствія неблагопріятнаго не произведено. Теперь мнѣ болѣе дѣлать ничего не осталось; все должно ввѣрить Провидѣнію и одному сердцу того, кто одинъ рѣшить можетъ [5]). На его умъ и сердце надѣяться можно, лишь бы самъ услышалъ голосъ говорящей за себя невинности. И я думаю, что онъ самъ услышитъ его; онъ самъ прочтетъ записку; и поэтому не можетъ онъ отвѣчать скоро: она долга, а у него времени мало. Пускай лучше это продолжится, нежели достанется въ другія руки. Въ своемъ письмѣ я сказалъ свое мнѣніе вообще такъ, какъ оно есть, не старался ни убѣждать, ни доказывать, ибо все должно быть предоставлено самому дѣлу и душѣ судіи. Въ запискѣ все сказано. Въ ней живая правда, и эта живая правда должна сама за себя дѣйствовать. Получилъ ли ты мое послѣднее письмо, въ которомъ я писалъ тебѣ о возможности ѣхать къ Н(иколаю)? Я получилъ изъ первыхъ рукъ отвѣтъ на этотъ запросъ. Мнѣ сказано было, что позволенія, о которомъ ты просилъ, *дать* было невозможно, но запрещенія нѣтъ; и что ты *лично* можешь дѣлать въ этомъ случаѣ, что̀ хочешь, не опасаясь навлечь на себя никакихъ непріятностей. Итакъ опять повторяю: поѣзжай! Отдохни подлѣ брата; вмѣстѣ придумаете лучше, что̀ дѣлать потомъ. Я увѣренъ, что, увидя его, ты болѣе успокоишься. Я доволенъ тѣмъ, что̀ онъ къ тебѣ пишетъ. Онъ твердыми глазами смотритъ на жизнь и,

---

[3]) Т. е. довелъ это письмо до свѣдѣнія Императора Николая Павловича (см. письмо къ нему Жуковскаго, напечатанное въ „Р. Архивѣ" 1895 г., выпускъ 8-й, стр. 519 - 520).

[4]) Которая содержала подробное объясненіе поступковъ Н. И. Тургенева.

[5]) Т. е. Государя.

кажется, познакомился съ смертію Сергѣя въ другомъ отношеніи. Изъ писемъ его ощутительно, что умъ его растетъ и представляетъ какую-то мужественность и ясность. Твои хлопоты и тревоги кажутся мнѣ мелочными при его возвышенномъ спокойствіи. Вообще, думаю, что тебѣ, для его же собственнаго спокойствія, нужно привыкать смотрѣть на его жизнь его глазами. Однимъ словомъ, поѣзжай къ нему; и это тебѣ нужно болѣе для себя нежели для него. Не тревожь его, а научись у него быть безъ тревоги.

Вотъ тебѣ письмо Козлова и письмо Жихарева, которое у меня залежалось въ эти дни оттого, что я хотѣлъ послать его вмѣстѣ съ моимъ, а самъ ждалъ *матеріаловъ.* О Козловѣ скажу тебѣ, что онъ, наконецъ, *выдалъ свою поэму.* Я говорилъ объ ней съ Слёнинымъ, которымъ вообще весьма доволенъ за его живое участіе въ Козловѣ; онъ далъ мнѣ добрый совѣтъ, которымъ я и воспользовался, то-есть, онъ сказалъ мнѣ, что не надобно вмѣстѣ съ поэмою выдавать *посвятительнаго письма*, которое совершенно не нужно. Поэма исполнена жизни и должна говорить сама за себя. Посвященіе же автора можетъ только вооружить противъ нея читателя, которому надобно оставить полную свободу судить по собственному впечатлѣнію, а автору не надобно подвергать себя этому игу. Я нашелъ мысль Слёнина справедливою, и рѣшилъ выдать поэму безъ посвятительнаго письма. Я ошибся: письмо Козлова не къ тебѣ, а къ Сашѣ. Ты писалъ къ ней; она меня объ этомъ увѣдомляетъ, принимаетъ живое участіе въ твоемъ положеніи и въ нашей общей потерѣ. Но прошу тебя, не тревожь ее ничѣмъ: ея жизнь на волоскѣ. Кажется, однако, что ей климатъ въ пользу. Послѣднее письмо за нее весьма успокоиваетъ. Прости. Обнимаю тебя. Прошу тебя и требую уничтожить мои письма, посланныя къ Разумовской: въ нихъ много глупостей, которыя теперь мнѣ смѣшны и досадны.

Вотъ тебѣ наши новости. Одна веселая: Катенька Карамзина идетъ замужъ, но только не за меня, а за князя Мещерскаго, который былъ женатъ на Румянцева дочери [6]). Сдѣлалось вдругъ. Они, кажется, очень довольны. Другая новость трагическая: князь Андрей Гагаринъ, который былъ женатъ на Меншиковой, зарѣзался [7]). Причины неизвѣстны. Полагаютъ сумасшествіе, произведенное разстройствомъ обстоятельствъ и сплиномъ. У него всегда была голова бурная. A propos: не слишкомъ хлопочи о учителѣ для Карамзиныхъ. Имъ не нуженъ такой, который бы былъ главнымъ; это все останется у Тибо. Имъ надобенъ такой, который бы занялся наставленіемъ по нѣкоторымъ частямъ, не вступаясь въ воспитаніе. Но, признаюсь, чего имъ хочется—для меня не ясно.

---

[6]) Дочь исторіографа, Екатерина Николаевна Карамзина вышла замужъ за князя Петра Ивановича Мещерскаго, который первымъ бракомъ былъ женатъ на воспитанницѣ графа Сергѣя Петровича Румянцова Екатеринѣ Сергѣевнѣ Кагульской.

[7]) Шталмейстеръ князь Андрей Павловичъ Гагаринъ (женатый на княжнѣ Екатеринѣ Сергѣевнѣ Меншиковой) умеръ 7 Января 1828 года.

*

CXLI.

(Въ срединѣ Января 1828, Петербургъ).

Милый! Давно нѣтъ отъ тебя письма. Гдѣ ты? Надѣюсь, что послѣдовалъ моему совѣту и уѣхалъ въ Лондонъ. Если нѣтъ, то опять говорю: поѣзжай [1]). Мнѣ необходимо знать тебя тамъ. Мнѣ кажется, что ты много успокоишься на счетъ брата, повидавшись съ нимъ не однимъ воображеніемъ. Жду нетерпѣливо отъ тебя письма изъ Лондона. Пишу тебѣ мало для того только, чтобы написать что-нибудь. Посылаю письмо Вяземскаго. У меня лежитъ для тебя экземпляръ Сѣверныхъ Цвѣтовъ; но не знаю, когда пошлю; надобно съ курьеромъ; но я всегда узнаю о курьерахъ, когда они уже давно уѣхали. Жихаревъ пишетъ, что Орловъ былъ уже нѣсколько наклоненъ платить Корфу; но что ему кто-то сказалъ, что Корфъ грозился просить правительство и онъ заупрямился. Какъ это сдѣлалось, не знаю. Прости. Пиши скорѣе. Увѣдомь, получилъ ли письмо Жихарева.

Адресъ: France. A monsieur m-r Alexandre Tourgueneff. A Paris. Poste restante. Почтовые штемпели: 1) St.-Pétersbourg 1828 Janv. 21; 2) Memel 10 Febr.; 3) 22 Février 1828.

CXLII.

4 (16) Февраля (1828, Петербургъ).

Всѣ твои письма, посланныя съ Ломоносовымъ и прежде, я получилъ. Все послалъ къ Жихареву и то, что́ къ нему прямо, и то, что́ ко мнѣ, дабы одно читалъ, другое сообщилъ Вяземскому и потомъ берегъ, а прочее мнѣ возвратилъ. О тросточкахъ я не знаю, какъ хлопотать; Меньшенинъ былъ у меня безъ меня; не оставилъ мнѣ своего адреса, я не знаю, кто онъ, гдѣ онъ и какъ его отыскивать. Книги Меріану [1]) куплю и если найдется случай, пришлю; но право не знаю, какъ прислать квартанты?

Твои письма очень любезны; какая бездна предметовъ, и интересныхъ предметовъ, проходитъ передъ глазами твоими! Читая эти письма, не могу однако, какъ ни жаль мнѣ, не подумать, что время несчастія есть время и посѣва, и жатвы для души человѣческой. Какъ много развернулось въ твоей въ послѣднее время! А что́ иное жизнь, какъ не безпрестанное развитіе? Все шелуха, кромѣ этого. Думаю, съ благоговѣніемъ о несчастіи, читаю выписки изъ писемъ Николая. Въ моей жизни гораздо менѣе движенія. Я не почитаю себя ни счастли-

---

[1]) А. И. Тургеневъ уѣхалъ изъ Парижа въ Лондонъ на свиданіе съ братомъ послѣ 3 Февраля 1828 г. (см. Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу, стр. 389—390).

*

[1]) Баронъ Андрей-Адольфъ-де-Меріанъ (Merian) родился въ Базелѣ 1772 году; въ молодости онъ уѣхалъ въ Россію, гдѣ поступилъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и былъ неоднократно посылаемъ съ дипломатическими порученіями во Францію. Умеръ онъ въ Парижѣ въ 1828 году. Меріанъ издалъ нѣсколько трудовъ по филологіи въ сотрудничествѣ съ извѣстнымъ оріенталистомъ Клапротомъ.

вымъ, ни несчастливымъ; у меня есть должность, я живу для ея исполненія. Вотъ мое средство приближаться къ цѣли жизни. У васъ есть ваша. Но цѣль одна, и результатъ долженъ быть одинъ. Съ средствами, которыя посланы Николаю для души его Провидѣніемъ, я, можетъ быть, бы не сладилъ: они слишкомъ для меня сильны; но ему они по силамъ. Я право не обманулся; онъ, кажется, теперь добрался или скоро доберется до той высоты, на которой я надѣялся его увидѣть. Смерть Сергѣя была та сила, которая подняла его на нее: горе по немъ стало тихою религіею сердца. Я надѣюсь, что, увидя его, ты будешь на его счетъ покойнѣе. И почему боишься ты говорить о Сергѣѣ? Говорите объ немъ, какъ о живомъ, ибо онъ живъ, и для васъ живѣе прежняго, ибо спрятанъ отъ житейскаго въ неприступное. Я бы желалъ, чтобы вы вмѣстѣ рѣшили что-нибудь на твой счетъ: отдайся въ этомъ случаѣ на волю Николая.

На счетъ манускрипта [2]) я ничего не знаю. Онъ въ рукахъ того, кому одному можно судить [3]). Я увѣренъ, что онъ будетъ прочтенъ и безъ предубѣжденія. Но когда получу отвѣтъ, не знаю. Во всякомъ случаѣ долженъ *ждать* отвѣта. Что̀ *думаю* самъ, то сказалъ просто, но въ не многихъ словахъ, ибо рукопись говоритъ сама за себя лучше всѣхъ доказательствъ постороннихъ.

Прости. Вотъ письмо отъ Козлова.

CXLIII.

27 Февраля с(тараго) с(тиля) (1828, Петербургъ).

Твое письмо, милой, бѣдный другъ, было для меня весьма, весьма огорчительно. Я долженъ былъ ожидать, что твое свиданіе съ Николаемъ будетъ печально; но полагалъ, что оно будетъ для него и отрадно. Теперь боюсь, чтобы твое присутствіе не сдѣлалось для него столь же тягостнымъ, какъ присутствіе графини Разумовской. Онъ съ собою одинъ ладитъ; но чужое участіе, чье бы оно ни было, хотя бы отца роднаго, выводитъ его изъ того твердаго спокойствія, къ которому одному онъ стремится. Каково же ему будетъ видѣть тебя близъ себя страдающаго его несчастіемъ, которое для него одного сносно и дѣлается истиннымъ бременемъ только по той тягости, которое оно имѣетъ для другихъ! Надѣюсь, однако, что, обжившись вмѣстѣ, вы на этотъ счетъ объяснитесь. Выдетъ одно изъ двухъ: или ему сдѣлается легко видѣть тебя подлѣ себя, и ваше *вмѣстѣ* поможетъ ему еще болѣе придти въ порядокъ; или ты убѣдишься, что ему лучше одному, и тогда рѣшись поступить не въ своемъ, а въ его смыслѣ, то-есть сдѣлать то, что̀ ему, а не тебѣ нужно. Для тебя главное онъ, а не ты. Надѣюсь, однако, что, поживши вмѣстѣ, вы все приведете въ ясность, то-есть мужественно рѣшитесь на необходимое. И въ этомъ случаѣ боюсь только тебя; Николай твердъ самъ, одинъ, безъ чужой помощи.

---

[2]) Записки Н. И. Тургенева.

[3]) Т. е. Государя.

Пошатнуть его можетъ только твоя слабость. Ты будешь тревожить его своимъ воображеніемъ, которое къ настоящему будетъ присоединять возможное и несуществующее. Ты будешь повѣрять его чувство своимъ и исказишь это чувство, ибо и его самого заставишь нѣкоторымъ образомъ смотрѣть на свою участь твоими глазами. Берегись этого. Вѣрь ему. Не убей теперь его лучшаго—его силы душевной. Я и не ожидалъ другой между вами встрѣчи. Видѣть тебя есть снова оживить умершаго и въ тоже время чувствовать, что его нѣтъ. Какъ все должно было потрястись и заволноваться въ его душѣ при взглядѣ на тебя, при страшномъ, убійственномъ приливѣ всего прошедшаго! Но я увѣренъ, что все, разрушенное свиданіемъ, опять построится въ душѣ его, если только ты не будешь тревожить строителя. Помни Сергѣя. Мы не спасли его. Но что̀ былъ бы онъ въ Дрезденѣ, если бы съ нимъ былъ ты одинъ, и что̀ бы было съ самимъ тобою? Ты меня мучилъ часто своею къ нему нѣжностію, которую безпрестанно *изъявлялъ*, а это изъявленіе было безпрестаннымъ напоминаніемъ. Тебѣ не должно воздерживаться говорить съ братомъ о его судьбѣ—но что̀ это съ нимъ! Говорите объ ней, какъ объ томъ, что́ ниже васъ! Стройте изъ этихъ развалинъ сильною рукою то, что̀ высокая душа человѣческая должна изъ всего строить! Одно для васъ невозвратимо—Сергѣй! Но для него есть религія! Она говоритъ объ немъ лучше, нежели глаза, которыя видятъ только лицо, и сердце, которое, любя, теряетъ. Однимъ словомъ, будь *имъ* и рѣшись подняться на *его* высоту, а не увлекай его къ себѣ, въ твою слабость. Время теперешней твоей жизни можетъ быть для тебя истинно великимъ. Я этого иначе и представить не умѣю. Что́ же всѣ высокія мысли, всѣ высокія чувства, которыя насъ такъ плѣняютъ въ минуты мирныя, когда мы не будемъ умѣть приноравливать ихъ къ собственной участи! Если бы я былъ на твоемъ мѣстѣ, я бы думалъ только объ одномъ, какъ бы вмѣстѣ съ нимъ выучиться смотрѣть на жизнь съ настоящей точки зрѣнія, какъ бы закалить душу противъ всего житейскаго.

Удивляюсь, какъ ты не получилъ моихъ писемъ. Я писалъ два раза послѣ смерти гр(афини) Разумовской и увѣдомлялъ тебя, что я свое сдѣлалъ все. Отдалъ манускриптъ съ письмомъ, въ которомъ коротко сказалъ, что̀ самъ думаю. Распространяться было не должно, ибо высказано въ рукописи. Я увѣренъ, что она будетъ прочтена; но прочтена ли уже, не думаю, ибо мнѣ никакого отвѣта не было. А моя обязанность ожидать съ довѣренностью. Случаевъ говорить не имѣю; почти не вижу; а при минутныхъ встрѣчахъ говорить нельзя; теперь же и не должно. Надобно ждать. Понимаю твое нетерпѣніе; но ты долженъ понять и мои обстоятельства. Что́ могу иное сдѣлать, кромѣ того, что́ уже сдѣлано? Никого изъ постороннихъ вводить въ это дѣло не должно. Самый лучшій и самый надежный судья Онъ [1]). Его душѣ, въ которой много истинно высокаго и прекраснаго, надобно все предоставить. Мое же дѣло сказать тогда, когда будетъ можно, то, что́ я думаю, и это я скажу свободно. Карамзины къ тебѣ пишутъ. Письмо у меня. Не посылаю его потому, что огромно. Послѣ пришлю съ курь-

---

[1]) Т. е. Государь.

еромъ. Ты же напиши къ нимъ. Обнимаю Николая съ глубокимъ чувствомъ почтенія и дружбы.

У насъ завтра погребеніе. Княгиня Ливенъ скончалась [2]). Объ Сашѣ имѣю очень хорошія извѣстія.

На приложенномъ къ этому письму небольшомъ листкѣ бумаги находится слѣдующая приписка:

Вотъ еще испытаніе твоему сердцу. Милой другъ, необходимости покориться должно. Подпиши скрѣпя сердце и пришли [3]). Хорошо бы съ курьеромъ на имя Булгакова.

CXLIV.

13 Марта (1828, Петербургъ).

Не понимаю, что́ дѣлается съ моими письмами. Я писалъ къ тебѣ три раза послѣ смерти гр(афини) Разумовской, не считая того письма, о которомъ ты упоминаешь въ твоемъ послѣднемъ. Я долѣе обыкновеннаго не отвѣчалъ тебѣ на увѣдомленіе твое о смерти гр(афини) Разумовской, ибо хотѣлъ отвѣчать что-нибудь позитивное, немедленно исполнивъ ея завѣщаніе и ожидая, что́ послѣдуетъ. Наконецъ первое письмо къ тебѣ отправилъ для вѣрности на имя барона Меріана, адресовавъ его къ Шредеру; другое писалъ просто въ Парижъ, полагая, что, если ты уже и поѣхалъ въ Лондонъ, то оставилъ на почтѣ записку о пересылкѣ своихъ писемъ; наконецъ третье письмо отправилъ въ Лондонъ съ надписью Poste Office; послѣднее же писалъ по твоему присланному мнѣ адресу. Увѣдомь, прошу тебя, немедленно, получены ли эти письма. На всякій же случай вотъ содержаніе первыхъ, не полученныхъ тобою. И письмо гр(афини) Разум(овской), и манускриптъ брата были отданы мною при собственномъ письмѣ моемъ, въ которомъ, сказавъ коротко свое мнѣніе, то есть, что я совершенно убѣжденъ въ невинности брата, я просилъ только одного, чтобъ манускриптъ былъ прочтенъ весь въ оригиналѣ, а не въ выпискѣ. Гр(афъ) Стр(огановъ) отсовѣтовалъ мнѣ подавать письмо брата [1]), полагая, что рукопись одна подѣйствуетъ лучше. Я видѣлъ Г(осударя) черезъ два дня послѣ; то есть только съ нимъ встрѣтился. Онъ мимоходомъ сказалъ мнѣ: «*читалъ маленькое; но, признаюсь, не убѣжденъ*». Что *маленькое*? *Письмо* ли Разумовской, *таблицу* ли, приложенную въ концѣ оправданія,—не знаю. Я пошелъ за нимъ, хотѣлъ продолжать разговоръ, но не было никакой возможности. Онъ шелъ скоро и вошелъ въ двери къ Императрицѣ, передъ которыми случилась наша

---

[2]) Статсъ-дама княгиня Шарлотта Карловна Ливенъ, скончалась 24 Февраля 1828 года.

[3]) Рѣчь идетъ, по всему вѣроятію, о довѣренности по имущественнымъ дѣламъ, которую А. И. Тургеневъ долженъ былъ дать С. П. Жихареву и въ которой должно было быть объяснено, почему А. И. Тургеневъ является единственнымъ наслѣдникомъ имѣнія (см выше, письмо отъ 27 Ноября 1827 года).

*

[1]) Это письмо Н. И. Тургенева къ Императору Николаю Павловичу напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1895 года, вып. 9-й.

заводчики и учители. „Ярославскія Еп. Вѣд.“. № 28.

Краткая отъ 1760 г. историческая записка объ Ярославскомъ Успенскомъ соборѣ. „Ярославскія Еп. Вѣд.“. № 29.

Барсовъ Т. В. Святѣйшій Синодъ въ царствованіе императора Николая I. „Христ. Чтеніе“, Сентябрь—Октябрь.

Синайскій А. Л. Изъ исторіи мѣропріятій противъ раскола въ первые годы синодальнаго управленія „Христ. Чтеніе“, Сентябрь—Октябрь.

Николаевскій П. Ѳ. Матеріалы къ исторіи раскола „Христ. Чтеніе“, Сентябрь—Октябрь.

Васютинскій Ѳ. Фамильные документы предковъ Георгія Конисскаго, архіепископа Бѣлорусскаго. „Могилевскія Еп. Вѣд.“. № 16 (изъ „Черниговскихъ Еп. Изв.“ 1895 г. № 9).

Авдашкевичъ М. Высокопреосвященнѣйшій Филаретъ, митрополитъ Московскій и Коломенскій. „Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата“ № 15.

Лебедевъ А. Святая обитель среди Зырянъ и ея строитель. „Вологодскія Еп. Вѣд.“. № 15.

О ревизіи Владимирской духовной семинаріи въ 1815 году членомъ коммиссіи духовныхъ училищъ, ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи, архимандритомъ Филаретомъ, впослѣдствіи митрополитомъ Московскимъ. „Владимирскія Еп. Вѣд.“ № 15.

Матеріалы для исторіи Воронежской епархіи. Резолюціи Арсенія II, епископа Воронежскаго и Черкасскаго (1800—1810 гг.). „Воронежскія Еп. Вѣд.“. № 15.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1895 года.

(Годъ тридцать третій).

„Русскій Архивъ“ въ 1895 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1895 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ прошлыхъ лѣтъ: за **одну** по 1 р. 25 к., за **двѣ** по рублю, за **три** по 80 к., за **четыре** и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный—30 к., городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются расписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 4 часовъ дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ Петръ Бартеневъ.
Юрій Бартеневъ.

„Русскій Архивъ“ будетъ издаваться въ 1896 году.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1895

11.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1895.

Статьи въ духовныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Матеріалы для исторіи Астраханской іерархіи. „Астраханскія Еп. Вѣд.“ № 18.

О заслугахъ Ярославской духовной семинаріи духовному просвѣщенію. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 39.

Лотоцкій А. Къ исторіи Браиловскаго монастыря. „Подольскія Еп. Вѣд.“ № 38.

Сказаніе о явленіи Балыкинскаго чудотворнаго образа Божіей Матери въ Черниговской губерніи. „Орловскія Еп. Вѣд.“ № 38.

Дневникъ преосвященнаго Арсенія Верещагина за 1799-й годъ, „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 40.

Смиречанскій В. Д. Псковская епархія (Истор. очеркъ). „Псковскія Еп. Вѣд.“ №№ 1—19.

Житіе св. благовѣрнаго великаго князя Георгія Всеволодовича, Владимирскаго чудотворца. (Съ рукописи конца XVII столѣтія). „Владимирскія Еп. Вѣд.“ №№ 18, 19.

Матеріалы для исторіи Воронежской епархіи. Резолюціи Арсенія II, епископа Воронежскаго и Черкасскаго (1800—1810 гг.). „Воронежскія Еп. Вѣд.“ № 19.

Поликарповъ Н. Синодикъ святителя Митрофана (Воронежскаго). „Воронежскія Еп. Вѣд.“ № 19.

Стеллецкій Н. Харьковскій Коллегіумъ до преобразованія его въ 1817 году. „Вѣра и Разумъ“ №№ 16—18.

Д. П. П — скій. Почему сдѣлано переименованіе Смоленскаго придѣла въ Борисоглѣбской, на Поварской, церкви? (Историческое воспоминаніе). „Моск. Церк. Вѣд.“ № 40.

Толстой графа **М. В.** Хранилище моей памяти: **Иліодоръ, Подгурскій.** „Душеп. Чтеніе“ № 10.

Ежовъ А. О церковно-религіозномъ (катихизическомъ) образованіи въ Россіи въ XVIII в. „Странникъ“ № 9.

Ногачевскій Н. Ѳ. Ѳеодосій и князь Потемкинъ-Таврическій. „Странникъ“ № 9.

К. Д. Г— ковъ. Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій. „Странникъ“ №№ 8, 9.

Колосовъ Н. А. Письма профессора А. Ѳ. Лаврова-Платонова (впослѣдствіи высокопр. Алексія, архіеп. Литовскаго) къ протоіерею А. В. Горскому. „Богословскій Вѣстникъ“, Сентябрь.

Г. И, Шелеховъ (по поводу столѣтія со дня его кончины). „Душеп. Чтеніе“ № 9.

СОРОКОВАЯ ГОДОВЩИНА СЕВАСТОПОЛЯ.

(Изъ моихъ Крымскихъ воспоминаній).

27 Августа нынѣшняго года минуло сорокъ лѣтъ, какъ сданы были нами соединеннымъ силамъ непріятеля (Франціи, Англіи Турціи и Италіи) укрѣпленія Севастополя, грудью своихъ защитниковъ выдержавшія одиннадцатимѣсячную осаду. Сдачей этой положено было начало болѣе мирному настроенію воюющихъ сторонъ, дана была возможность открытія переговоровъ, приведшихъ къ Парижскому миру 1856 года, которымъ завершилась великая историческая ошибка, вовлекшая насъ въ Крымскую войну.

Много подробностей изъ этой эпопеи геройской стойкости Русскаго войска и удивительнаго подъема духа Русскаго народа сдѣлалось уже достояніемъ исторіи; но много отдѣльныхъ эпизодовъ, не менѣе характерныхъ и знаменательныхъ, осталось въ воспоминаніяхъ очевидцевъ и участниковъ Крымской войны, ряды которыхъ годъ отъ году рѣдѣютъ

По выпускѣ изъ Пажескаго корпуса 11 Іюня 1855 года, я пріѣхалъ въ штабъ Крымской арміи въ половинѣ Іюля. Главная квартира нашего главнокомандующаго, князя Михаила Дмитріевича Горчакова находилась тогда на Инкерманѣ, въ 10—12 верстахъ отъ Севастополя, какъ разъ напротивъ праваго фланга Французскаго лагеря, отъ котораго насъ отдѣляла Черная рѣчка.

Штабъ-квартира князя была, какъ всегда бываетъ, многочисленна и разнохарактерна. Кромѣ личныхъ адъютантовъ и ординарцевъ у начальствовавшихъ лицъ и кромѣ другихъ «штабныхъ», было много наѣзжавшихъ изъ столицы гвардейцевъ, которые, побывавъ раза два-три на бастіонахъ, присутствовавъ на какой-либо вылазкѣ, уѣзжали обратно получать награду «за отличіе и храбрость». Были и ветераны Николаевскихъ временъ (какъ напримѣръ А. П. Платоновъ, привезшій съ собой двухъ сыновей), промѣнявшіе спокойныя гражданскія должности и помѣщичье сибаритство на походную, лагерную и боевую

жизнь. Какъ на Севастопольскихъ укрѣпленіяхъ матросы и армейцы перемѣшивались съ ополченцами (Курской или Тульской дружины, не помню хорошо), такъ и въ княжеской свитѣ, рядомъ съ папахою и казацкимъ казакиномъ полеваго атамана казачьихъ войскъ (графа Ѳ. В. Орлова-Денисова) виднѣлись ополченская форма и камергерскій ключъ Тамбовскаго предводителя дворянства, легендарнаго князя Юрія Голицына. Армейскіе мундиры, гусарскія венгерки и адъютантскіе аксельбанты перемѣшивались какъ между собой, такъ и съ легкими тужурками нашихъ полевыхъ дипломатовъ, гг. Стааля, Грота, Черняева и Сержпутовскаго и другихъ гражданскихъ чиновниковъ полеваго управленія. Не менѣе разнообразны были и наши бесѣды въ свободное отъ службы время. Полные живаго юмора, а подчасъ и ѣдкаго сарказма, разсказы автора первыхъ «Очерковъ Севастополя» смѣнялись «елейными» причитаніями генерала, пріобрѣтшаго извѣстность какъ своею беззавѣтною храбростью, такъ и своими чудачествами; вслѣдъ за интересными отрывками Записокъ П. К. Менькова выслушивались уморительные по своей хвастливости и своему напыщенному слогу «мемуары» Н. И. Тарасенко-Отрѣшкова (тоже своего рода знаменитости).

По вечерамъ, когда спадала палящая жара, загонявшая до того всѣхъ незанятыхъ дневной службою въ глубь землянокъ, штабные выходили гурьбой на такъ называемую «эспланаду», попросту возвышенную площадку, съ которой видны были Севастополь и оковывавшія его огнедышащимъ кольцомъ непріятельскія укрѣпленія. Отсюда дѣлалъ свои наблюденія и самъ главнокомандующій. Долгое время стоялъ иногда князь Горчаковъ, безъ сюртука, но съ Георгіемъ на шеѣ, на этой площадкѣ и безмолвно глядѣлъ на окружавшую картину; поодаль, на разстояніи размѣренномъ большею или меньшею близостью къ князю, размѣщались штабные и тоже глядѣли.

Дѣйствительно, картина, разстилавшаяся передъ глазами присутствовавшихъ, была такъ хороша, что ею нельзя было не любоваться. При темнотѣ южныхъ ночей, на черномъ фонѣ небосклона, яркими звѣздами мелькали разнообразные огни свѣтящихся ядеръ, совершавшихъ въ опредѣленные сроки правильный дугообразный полетъ съ непріятельскихъ батарей на бастіоны. Вправо, ближе къ Севастополю, вспыхивали бѣглые ружейные выстрѣлы ночныхъ вылазокъ... Всѣ восхищались картиною, и немногимъ приходила, въ ту минуту, въ голову мысль, что каждое изъ летѣвшихъ ядеръ, каждая пущенная бомба, тамъ, за стѣнами многострадальнаго города, причиняли смерть не одному, не двумъ, не тремъ, а сотнямъ и тысячамъ его защитниковъ. Привычка великое дѣло. Къ повседневнымъ картинамъ людской смерти и

общаго разрушенія привыкали лица временно - наѣзжавшія въ Севастополь, а тѣмъ болѣе непосредственные участники его геройской защиты. Разсказы этихъ лицъ, передававшихъ или лично видѣнное ими, или слышанныя отъ другихъ подробности, были полны потрясающаго трагизма; но большинство выслушивало ихъ почти равнодушно.

Одинъ разсказывалъ, напримѣръ, какъ онъ попалъ на перевязочный пунктъ, устроенный близъ Корабельной стороны. Умѣлая и опытная сестра милосердія Крестовоздвиженской общины показывала своей молодой сотрудницѣ, изъ вновь прибывшихъ, практическіе пріемы перевязки. Внимательно слушала молодая женщина дѣлаемыя ей указанія; съ благодарностью глядѣлъ на нихъ раненый солдатъ, страданія котораго были облегчены ловко сдѣланной перевязкой. Его нога находилась еще въ рукахъ сестры, но раздался зловѣщій крикъ «бомба»! и не успѣли присутствовавшіе оглянуться, какъ она упала посреди ихъ, а отъ обѣихъ сестеръ и отъ раненаго солдата остались разорванные на клочья трупы...

— Песочные часы показывали полдень, разсказывалъ другой. Наступило время обѣда. Матросъ съ удовольствіемъ поглядѣлъ въ ту сторону, откуда подходили его жена и 12-ти лѣтній парнишка, съ незатѣйливымъ солдатскимъ кушаньемъ. Съ улыбкой погладилъ «морской волкъ» своего сына и съ аппетитомъ принялся за чашку жидкихъ щей. Мальчуганъ сунулъ въ руку отца ковригу хлѣба и принялся, быть можетъ въ сотый разъ, разсматривать знакомую ему бастіонную обстановку; мать въ это время зашивала какую-то выжженную прорѣху на рукавѣ матросской шинели. Эта семейная сцена, достойная кисти художника, кончилась трагически: налетѣла бомба, просвистало ядро, и отъ матроса, его жены и сынишки не осталось и слѣдовъ. Угрюмо обернулись остальные матросы и солдаты на случившееся, подобрали чтó нужно было, кое-какъ возстановили нарушенный порядокъ и снова подошли къ орудіямъ посылать ядра и бомбы непріятелю «въ отместку». Видно было, что имъ не привыкать стать, прибавлялъ разсказщикъ.

Дѣйствительно «не привыкать стать»... Такъ протекали часы за часами, дни за днями. Никто изъ защитниковъ Севастополя не обращалъ вниманія на ежеминутно грозившую имъ смерть; всякій дѣлалъ то дѣло, къ которому онъ былъ приставленъ, не думая о томъ, когда кончится эта жизнь полная, съ одной стороны непрестанныхъ опасностей, съ другой—исполненія святаго долга. Герои эти освоились съ подобной жизнью, прониклись обязанностью защищать Севастополь во что бы ни стало, и если бы ихъ спросили, чтó лучше, сдать ли го-

родъ непріятелю или продолжать его оборону съ новыми жертвами — они не задумываясь подали бы голосъ за послѣднее...

На насъ, «вновь испеченныхъ юнцовъ», разсказы и сцены эти, очевидцами которыхъ мы часто бывали, дѣйствовали удручающе. Еще въ стѣнахъ корпусовъ, на школьныхъ скамьяхъ, отдавались мы съ увлеченіемъ изученію тактики, артиллеріи и фортификаціи. Особенно интересовала насъ послѣдняя, не смотря на всю шаблонность преподаванія. Мы не могли судить объ этой шаблонности и, вслѣдъ за нашимъ профессоромъ, считали богами инженернаго искусства Вобана, Альберта Дюрера и другихъ иностранныхъ фортификаторовъ. Въ нашихъ ученическихъ умахъ представленія о всякой крѣпости соединялись съ цѣлой цѣпью правильно воздвигнутыхъ укрѣпленій, съ точно высчитанными размѣрами рвовъ и брустверовъ, съ оборонительными стѣнками, ретраншаментами и ложементами, сооруженными по всѣмъ требованіямъ искусства. О томъ, что̀ дѣлалось въ то время у насъ въ Севастополѣ, мы ничего не знали: Вобанъ и прочіе чужеземные, устарѣлые авторитеты замѣняли собой Тотлебена, Мельникова и другихъ создателей Севастопольскихъ оборонительныхъ укрѣпленій и подземныхъ сооруженій.

Каково же было наше разочарованіе, когда мы, пріѣхавъ въ Севастополь, наркотически настроенные воспоминаніями о слышанныхъ лекціяхъ, увидѣли совсѣмъ не то, чему насъ учили. Вмѣсто научно построенныхъ, съ точно опредѣленными профилями, брустверовъ, ретраншаментовъ и оборонительныхъ стѣнокъ, были кучи простреѣленныхъ мѣшковъ, полуразломанныхъ фашинъ, какія-то бревенчатыя и иныя подпорки, а за ними живыя, стойкія стѣны моряковъ, армейцевъ, ополченцевъ, словомъ тѣхъ Русскихъ солдатъ, которые, имѣя въ своемъ распоряженіи лишь гладкоствольныя, подчасъ и кремневыя, ружья, безъ оглядки и разсужденій, грудью отстаивали порученныя имъ линіи и части бастіоновъ, молча подставляли себя вражьимъ нарѣзнымъ пулямъ и ядрамъ... Тамъ о Вобанѣ и другихъ «богахъ фортификаціи» не могло быть и рѣчи; ихъ замѣнили Тотлебенъ и его сподвижники, воздвигавшіе что̀ только можно было по линіи бастіоновъ, цѣлые дни рывшіеся, какъ кроты, подъ землей, устраивая мины, контрмины и камуфлеты *).

Только видя все это, только войдя въ обыденную жизнь Севастопольцевъ того времени, могли мы судить о томъ, какъ ничтожны были наши познанія, какъ невѣрны впечатлѣнія, вынесенныя съ школьной

*) Лишь недавно сдѣлалось извѣстнымъ, что Тотлебенъ былъ исполнителемъ приказаній, шедшихъ изъ Петербурга и что даже чертежи возведенныхъ укрѣпленій собственноручно составлялись самимъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ, который съ ранней своей молодости занимался инженернымъ искусствомъ. П. Б.

скамьи. Весь порядокъ нашихъ мыслей былъ нарушенъ. Первое время мы ходили какъ ошалѣлые, ни въ чемъ не давая себѣ отчета; но проходили дни, мы приглядывались къ окружающей обстановкѣ, свыкались съ ней и входили въ общую колею, разставшись навсегда съ идеалами пройденной только что нами военной школы, потерявъ вѣру въ слышанное съ каѳедръ въ корпусахъ, нами незадолго до того покинутыхъ...

Но всему есть предѣлъ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Въ Іюлѣ положеніе наше въ Севастополѣ было таково, что для всякаго, болѣе или менѣе близко стоявшаго къ дѣлу обороны этого несчастнаго города, становилось яснымъ, что держаться такъ нельзя было долго. Сознавали это и начальствовавшія лица, но останавливались надъ средствами помочь оборонѣ.

Въ Іюлѣ же прибылъ изъ Петербурга въ главную квартиру тогдашній директоръ канцеляріи военнаго министра, генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій, съ приказаніемъ подѣйствовать на князя Горчакова въ смыслѣ побужденія его къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, при чемъ рекомендовалась, главнымъ образомъ, попытка отвлечь непріятельскія силы отъ осады наступательными дѣйствіями на его тылъ. 27 Іюля собранъ былъ совѣтъ изъ 15-ти генераловъ для обсужденія этого вопроса. Хотя люди осторожные находили рискованнымъ всякое сраженіе въ тылу непріятельской арміи, при чемъ ими указывалось на неприступность Ѳедюхиныхъ горъ, которыя надлежало въ такомъ случаѣ аттаковать, на неудовлетворительность нашихъ переправочныхъ средствъ для перехода Черной рѣчки съ ея топкими берегами; наконецъ, на полный недостатокъ у насъ дальнобитныхъ орудій, необходимыхъ для обстрѣливанія непріятельскихъ позицій, съ цѣлью облегченія нашимъ войскамъ аттаки на горы: но лица, стоявшія за рѣшительныя дѣйствія взяли верхъ, большинствомъ голосовъ было рѣшено произвести нападеніе на тылъ непріятельской арміи со стороны Черной рѣчки и поддержать аттаку одновременной вылазкой Севастопольскаго гарнизона.

Разъ вопросъ былъ рѣшенъ безповоротно, приступили къ составленію диспозиціи. Все дѣло велось подъ величайшей тайной; диспозиція переписывалась офицерами, состоявшими при управленіи генералъ-квартирмейстера. Однимъ словомъ, всѣ зависящія мѣры для успѣха дѣла были приняты, но безъ устраненія тѣхъ крупныхъ недостатковъ, о которыхъ я говорилъ выше. Главная аттака возложена была на 3-й корпусъ генерала Реада, прославившагося своей храбростью на горахъ Кавказа. Первою вступить въ бой должна была 12-я дивизія, имѣя въ авангардѣ Украинскій и Одесскій полки. 6-й корпусъ генерала Лип-

ранди имѣлъ задачей поддерживать аттаку на Ѳедюхины высоты наступательными дѣйствіями по дорогѣ, ведущей мимо Сапунъ-горы и означенныхъ высотъ въ Балаклаву. Кавалерія (драгунскіе полки) стояла въ резервѣ.

—

Плавно и, какъ всегда, прекрасно взошло солнце 4 Августа, когда часть нашей арміи сосредоточена была впереди Мекензіевой горы, на берегахъ Черной рѣчки, для аттаки Ѳедюхиныхъ высотъ. Главнокомандующій переѣхалъ наканунѣ, со своей свитой, на Мекензіеву гору. Все 3-е Августа посвящено было установленію и объѣзду войскъ. Вблизи расположенія временной штабъ-квартиры находились Украинскій и Одесскій полки, долженствовавшіе первыми начать аттаку.

Такъ какъ на другой день надо было быть готовыми къ 4-мъ часамъ утра, то между многими изъ княжеской свиты было рѣшено не ложиться, а провести ночь у командировъ упомянутыхъ полковъ, Бельгарда и Скюдери (старыхъ пажей), стоявшихъ въ одной палаткѣ. Предполагалось за пуншемъ и глинтвейномъ провести время въ товарищеской бесѣдѣ и тѣмъ разогнать тѣ грустныя мысли, которыя неизбѣжны и такъ понятны передъ каждымъ сраженіемъ. Но предположенія не сбылись. Оказалось, что хозяева, подъ вліяніемъ одолѣвшаго ихъ тяжелаго предчувствія, были угрюмы; въ углу палатки стояли денежные ящики, готовые къ сдачѣ. Все было уложено, запаковано и говорило о томъ, что оба храбрыхъ полковника приготовились къ самому неудачному исходу.

Настроеніе это перешло и къ остальнымъ, особенно когда одинъ изъ ординарцевъ при главной квартирѣ разсказалъ, что онъ только что былъ у генерала Реада, котораго засталъ въ тяжеломъ расположеніи духа.

— Генералъ предчувствуетъ, что онъ не переживетъ завтрашняго дня, передавалъ ординарецъ. Я засталъ его за письмомъ; видъ его изобличалъ душевное его состояніе. Тяжело было смотрѣть на старика.

— Реада томитъ одинаковое предчувствіе съ нами, грустно замѣтилъ Скюдери. Припомните мои слова, прибавилъ онъ: многихъ, въ томъ числѣ и насъ съ Бельгардомъ, не досчитаются завтра въ нашихъ рядахъ; не даромъ гложетъ меня тоска.

Князю Горчакову не спалось, и онъ ранѣе назначеннаго по диспозиціи срока сѣлъ на коня и отправился наблюдать за неначинавшимися еще дѣйствіями нашихъ войскъ. По нетерпѣливымъ взглядамъ,

кидаемымъ то по направленію къ мѣсту расположенія 3-го корпуса, то въ сторону отряда Липранди, по нервнымъ и порывистымъ движеніямъ можно было судить, что главнокомандующій уже волнуется позднимъ, по его мнѣнію, открытіемъ нашими войсками артиллерійскаго огня. Наконецъ, князь не вытерпѣлъ, подозвалъ знакомъ своего адъютанта, И. И. Красовскаго, и послалъ его къ Реаду съ приказаніемъ «начать дѣло». Едва Красовскій скрылся за холмомъ, какъ прогудѣлъ первый выстрѣлъ со стороны 3-го корпуса. Генералъ Реадъ открылъ огонь и затѣмъ, по диспозиціи, долженъ былъ ожидать, пока мѣстность для аттаки будетъ достаточно обстрѣлена артиллеріей обоихъ корпусовъ. Раздались вскорѣ и выстрѣлы 6-го корпуса. Красовскій, бывшій уже далеко, не рѣшился вернуться къ князю за болѣе точнымъ разъясненіемъ, какъ понимать слова «начать дѣло»; начальникъ главнаго штаба П. Е. Коцебу, въ свою очередь, не нашелъ нужнымъ обратить вниманіе главнокомандующаго на необходимость послать контрприказаніе, въ виду тѣхъ гибельныхъ послѣдствій, которыя могла имѣть слишкомъ ранняя и преждевременная аттака Ѳедюхиныхъ высотъ.

Ошибка была сдѣлана, ея не исправили, и она оказалась роковою. Реадъ, получивъ переданное Красовскимъ приказаніе, не взялъ на себя его не исполнить, хотя предусмотрительный генералъ Веймарнъ предупреждалъ его, что тутъ недоразумѣніе, что мѣстность недостаточно обстрѣлена, что осторожнѣе будетъ обождать вторичнаго разъясненія. Кавказскій герой подождалъ нѣсколько минутъ, разъясненіе не приходило, и онъ лично повелъ 12-ю дивизію въ аттаку, имѣя за собой своего начальника штаба. Непріятель, какъ оказалось, основательно укрѣпившій крутые склоны занятыхъ имъ высотъ, не замедлилъ отвѣтомъ на нашу артиллерійскую пальбу и встрѣтилъ насъ во всеоружіи защиты. Бодро шли сначала наши солдаты, не останавливаясь ни передъ топкими берегами Черной, ни передъ устроенными поперекъ горъ ложементами Французскихъ стрѣлковъ. По мѣрѣ ихъ наступленія усиливался артиллерійскій и штуцерной огонь непріятеля; наши полки буквально были осыпаны градомъ картечи и нарѣзныхъ пуль; силъ не хватило у нихъ наконецъ: они, потерявъ $^2/_3$ своего состава и почти всѣхъ своихъ начальниковъ, повернули назадъ и ринулись съ высотъ подъ вліяніемъ охватившаго ихъ чувства сознанія полной своей безпомощности.

Трупъ генерала Реада не былъ найденъ, не смотря на всѣ старанія его ординарцевъ Д. А. Столыпина и В. А. Волкова (на другой день Французы похоронили его съ полными воинскими почестями, въ присутствіи Канробера и другихъ боевыхъ генераловъ своей арміи).

Веймарнъ былъ также убитъ; командировъ Украинскаго и Одесскаго полковъ (Бельгарда и Скюдери) солдаты отнесли смертельно-ранеными на перевязочный пунктъ, гдѣ они черезъ нѣсколько часовъ и скончались. Сбылись предчувствія этихъ храбрецовъ; приходилось склонить голову передъ неисповѣдимымъ Промысломъ Божіимъ...

Сраженіе было проиграно; у насъ изъ строя убыло до 8.000 человѣкъ. Князь Горчаковъ, неизвѣстно по какому побужденію, спустился съ Мекензіевыхъ возвышенностей почти къ самой рѣчкѣ и остановился, не смотря на то, что на встрѣчу ему сыпались пули, летали ядра и бомбы, а сзади черезъ голову свистали снаряды нашей отстрѣливавшейся артиллеріи. Молча и задумчиво глядѣлъ онъ на непріятельскую позицію, не замѣчая окружавшей его опасности; рядомъ съ нимъ были начальникъ штаба Коцебу, генералъ Вревскій и нѣсколько ординарцевъ и адъютантовъ. Пролетѣло ядро и силою полета оторвало рукавъ у накинутаго барономъ Вревскимъ пальто; пролетѣло другое и убило подъ барономъ лошадь.

— Второй разъ задѣваетъ васъ ядро, обратился къ нему по-французски одинъ изъ княжескихъ адъютантовъ (сколько помнится мнѣ, князь В. В. Мещерскій). Слѣдовало бы вашему превосходительству удалиться.

— Подождемъ третьяго, отвѣчалъ съ улыбкой баронъ; но едва успѣлъ онъ проговорить эти слова, какъ третье ядро снесло ему голову, обдавъ окружавшихъ его мозгомъ и кровью.

— Чтò случилось? спросилъ главнокомандующій, котораго шумъ отъ паденія тѣла вывелъ изъ оцѣпененія.

— Баронъ Вревскій убитъ, спокойно отвѣчалъ ему П. Е. Коцебу.

Князь глубоко вздохнулъ, перекрестился, молча повернулъ лошадь и поскакалъ обратно на Мекензіевы высоты.

—

Настали Августовскіе дни, еще болѣе тяжелые для Севастопольскаго гарнизона, чѣмъ предыдущіе. Ежедневная убыль въ 1.000 человѣкъ становилась непосильной, и являлось желаніе скорѣйшаго приближенія, хотя бы какого-нибудь, конца. О болѣе свѣтлыхъ дняхъ мы и не мечтали, а были довольны тѣмъ, что оконченный генераломъ Бухмейеромъ къ 15-му Августа пловучій мостъ черезъ Севастопольскую бухту давалъ гарнизону путь къ отступленію. 24-го началось послѣднее бомбардированіе. До 40.000 выстрѣловъ въ день пускалъ непріятель въ

Севастополь, унося ежедневно около 2.000 человѣкъ изъ его гарнизона. 26-го вечеромъ взорвало транспортъ съ порохомъ у Графской пристани; разрушилась ея красивая арка, дрогнуло громадное зданіе Николаевской батареи. Все предвѣщало наступленіе конца великой обороны; всѣ мы сознавали, что «и для героевъ бываетъ невозможное», какъ правдиво выразился главнокомандующій въ своемъ дневномъ приказѣ отъ 27-го Августа 1855 года.

—

27-го Августа Инкерманская эспланада далеко до полудня была покрыта штабными. Мы видѣли, что противъ нашего лѣваго фланга, начиная съ Малахова кургана, выставлены были цѣлыя массы непріятельскихъ войскъ; намъ было также извѣстно, что и съ нашей стороны гарнизонъ Севастополя былъ усиленъ почти до 50.000 человѣкъ, изъ коихъ половина стояла на Корабельной. Всѣ ждали приближенія рѣшительной минуты и были на чику. Съ тревожнымъ, болѣзненнымъ чувствомъ смотрѣлъ всякій изъ насъ на грозныя Французскія и Англійскія батареи, безустанно посылавшія одинъ выстрѣлъ за другимъ на Севастопольскіе бастіоны. По исчисленію историковъ, за всѣ три дня послѣдняго бомбардированія, непріятелемъ было выпущено до 150.000 артиллерійскихъ снарядовъ; если прибавить къ этому штуцерныя пули, то невольно содрогнешься при мысли о той массѣ свинца и чугуна, которая ежеминутно лилась на Севастополь и одну за другою вырывала цѣлыя тысячи изъ рядовъ его защитниковъ. Нѣчто болѣе ужасное, болѣе адское, трудно себѣ представить. На каждомъ шагу видно было, какъ здоровые солдаты, несшіе раненыхъ товарищей (мертвыхъ уже не подбирали), падали вмѣстѣ съ носилками, подкошенные вражескими бомбами, ядрами и пулями; отовсюду слышались стоны и вопли раненыхъ, отзвуки отъ паденія тѣлъ убитыхъ. Все это смѣшивалось съ грохотомъ пушекъ, съ ружейными выстрѣлами, съ криками и возгласами отдаваемыхъ приказаній. Однимъ словомъ, это была вполнѣ развернувшаяся картина всеобщаго разрушенія, людскихъ страданій и скорбей, надъ которой спускался, въ быстромъ полетѣ, ангелъ смерти...

Около 11-ти часовъ непріятельскій огонь сталъ утихать, дѣлался рѣже и рѣже, а съ тѣмъ вмѣстѣ началось, между траншеями и контрапрошами, движеніе войсковой массы къ укрѣпленіямъ города. Маневръ этотъ уничтожалъ всякое сомнѣніе въ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ осаждавшихъ, а черезъ нѣсколько минутъ послѣ полудня сигнальный телеграфъ оповѣстилъ о началѣ штурма. Коляска главнокомандующаго была мигомъ подана, и князь, съ генераломъ Коцебу,

быстро направились по дорогѣ въ Севастополь; за ними двинулась и вся свита. Больно сжалось сердце, не смотря на ожиданія всего худшаго, когда, подъѣзжая къ Сѣверной сторонѣ, мы увидѣли на Малаховомъ курганѣ развѣвавшійся флагъ Французскаго полка полковника Макъ-Магона. Мы ждали всего, но не думали, чтобы первымъ досталось въ руки враговъ священное для насъ мѣсто геройской кончины Корнилова, Нахимова и Истомина, этихъ героевъ-бойцевъ за спасеніе Севастополя. Впослѣдствіи узнали мы о подведенной непріятелемъ подъ ровъ минѣ, разрушившей валъ и завалившей ровъ землею, по которой легко уже было добраться внутрь укрѣпленія, о геройской, полной самозабвенія, защитѣ Модлинскимъ полкомъ Корнилова бастіона, о ранѣ Хрулева, о плѣненіи генерала Буссау.

— Отовсюду штурмъ отбитъ за исключеніемъ Малахова, но и оттуда можно вытѣснить Французовъ, успокоительно донесъ начальникъ Севастопольскаго гарнизона, графъ Остенъ-Сакенъ, встрѣтившій князя Горчакова на мосту.

У Николаевскаго укрѣпленія стоялъ начальникъ штаба гарнизона, князь Викторъ Васильчиковъ.

— Непріятеля можно выбить съ Малахова кургана,—не то спросилъ князя Васильчикова, не то утвердительно проговорилъ главнокомандующій.

— Да, можно, пожертвовавъ еще десятью тысячами, отвѣчалъ князь Васильчиковъ съ своимъ обычнымъ невозмутимымъ хладнокровіемъ и ни передъ чѣмъ не останавливавшейся прямотой.

Князь Горчаковъ задумался. Молча вышелъ онъ изъ коляски и пошелъ къ Николаевскому укрѣпленію, гдѣ занялъ одну комнату и куда тотчасъ же позвалъ князя Васильчикова. Что же касается до начальника главнаго штаба, то онъ, узнавъ, что племяннику его, лейтенанту (кажется) Коцебу, оторвало обѣ ноги, впалъ въ уныніе и никакого участія въ дальнѣйшихъ распоряженіяхъ въ этотъ день не принималъ.

Вскорѣ къ главнокомандующему былъ потребованъ состоявшій при немъ П. К. Меньковъ, а затѣмъ и находившійся при главной квартирѣ, адъютантъ военнаго министра, князь Анатолій Барятинскій, который въ тотъ же день отправился въ Петербургъ съ донесеніемъ Государю объ очищеніи южной части Севастополя и о причинахъ, вызвавшихъ такое рѣшеніе. Тогда же даны были соотвѣтствующія распоряженія и, съ наступленіемъ сумерекъ, началось постепенное движеніе войскъ нашихъ съ бастіоновъ къ мосту и къ Павловской при-

стани. Приказано было, передъ уходомъ каждой части, взрывать тѣ укрѣпленія, которыя она обороняла.

Князь Горчаковъ въ эти минуты преобразился до того, что былъ неузнаваемъ. Обыкновенно разсѣянный, быстрый, нервный, нетерпѣливый, 27-го Августа онъ былъ точенъ, опредѣлителенъ въ отдаваемыхъ приказаніяхъ, внимателенъ къ каждой мелочи, готовъ выслушать всякаго. Только разъ, послѣ того какъ всѣ распоряженія были сдѣланы, встрѣтили его безцѣльно бродившимъ по узкимъ улицамъ, ведшимъ къ одному изъ бастіоновъ и продольно обстрѣливаемымъ непріятелемъ съ Малахова кургана. Вокругъ свистали пули, летали ядра, бомбы; а князь шелъ одинъ, со сложенными за спину руками, съ неопредѣленнымъ, впередъ устремленнымъ, взглядомъ. Такой же взглядъ былъ у него и 4-го Августа, въ долинѣ Черной рѣчки.

Покончивъ послѣдній взрывъ, молча шли войска къ переправѣ, прикрытыя быстро наступавшей темнотой. Трудно описать, что̀ происходило въ эти мгновенія въ душѣ защитниковъ Севастополя, который былъ до̀рогъ имъ по вынесеннымъ на его бастіонахъ страданіямъ и лишеніямъ, по перенесеннымъ тамъ опасностямъ. Испытываемыя чувства невольно вырывались наружу: у многихъ навертывались на глаза слезы; другіе, въ особенности старики-матросы, рыдали какъ дѣти...

Непріятель замѣтилъ необычное движеніе по разрушеннымъ улицамъ; онъ догадывался въ чемъ было дѣло, но не двигался впередъ изъ опасенія взлетѣть на воздухъ, предполагая, что улицы были минированы. Поэтому онъ предпочелъ ограничиться усиленнымъ обстрѣливаніемъ того мѣста Севастопольской бухты, гдѣ наведенъ былъ мостъ, по которому въ одну ночь долженъ былъ пройти многотысячный гарнизонъ. Ядра и бомбы то и дѣло падали въ воду по обѣ стороны переправы, но Господь хранилъ нашихъ героевъ: ни одна бомба, ни одно ядро не попали на мостъ и не причинили ни малѣйшаго вреда переходившимъ.

Что̀ это была за страшная и, съ тѣмъ вмѣстѣ, что̀ за дивная ночь! Погода стояла тихая; на небѣ свѣтились звѣзды, меркнувшія передъ яркимъ пламенемъ горѣвшихъ зданій и укрѣпленій и передъ не менѣе яркимъ блескомъ свѣтящихся ядеръ, пронизывавшихъ небесный сводъ по разнымъ направленіямъ. Деревья на бульварѣ и около Библіотеки горѣли; а внизу, у переправы, по мосту двигались тѣсной вереницей, одинъ за другимъ, офицеры и солдаты разныхъ командъ и частей войскъ, безъ порядка номеровъ и названій. Тихо, безъ шума

и толкотни, шла вся эта масса: до того сильно было впечатлѣніе переживаемаго. Какъ много величественнаго и поражающаго своимъ внутреннимъ трагизмомъ было въ этой картинѣ!

Когда, на утро 28-го Августа, къ переправѣ подходилъ нашъ арріергардъ, главнокомандующій вышелъ изъ Николаевскаго укрѣпленія. Съ невыразимымъ чувствомъ сердечной тоски взглянулъ маститый воинъ на дымившіяся развалины города и снялъ фуражку, какъ бы преклоняясь передъ этими памятниками безпримѣрнаго геройства; двѣ крупныя слезы показались на его морщинистыхъ щекахъ. Тяжело было глядѣть на неподдѣльную скорбь человѣка, по существу своему рыцаря безъ страха и упрека, ни въ чемъ неповиннаго, принявшаго помимо воли предводительство Русской арміей, и между тѣмъ сознававшаго, что подъ развалинами Севастополя погребалась его личная слава.

— Знаете ли вы, господа, что̀ мнѣ болѣе всего знакомо изъ астрономіи? спросилъ онъ по-французски, передъ тѣмъ, чтобы переправиться на Сѣверную сторону.

— Моя несчастная звѣзда! отвѣчалъ онъ самъ на свой вопросъ, и былъ правъ.

Такъ закончилась великая эпопея, героями которой явились сыны Русскаго народа, моряки, армейцы и крестьяне-ополченцы. Тысячи изъ нихъ лежатъ въ Братской могилѣ, подъ памятникомъ, величественнымъ и трогательнымъ; другія тысячи схоронены въ глуши нашихъ провинцій, и только небольшая, сравнительно, часть изъ нихъ доживаетъ теперь свой вѣкъ, воодушевляясь и оживая при воспоминаніяхъ о пережитомъ и перетерпѣнномъ въ великіе, святые дни Севастопольской обороны.

А. Н. Супоневъ.

Москва, 12-го Сентября 1895 года.

ИЗЪ ПОХОДНАГО ДНЕВНИКА А. И. НАРБУТА.

1877-й годъ *).

15-го Августа, бивуакъ Мурфатляръ.

Давно я не принимался за свой дневникъ, почти прошелъ мѣсяцъ; но дневникъ пишется тогда съ удовольствіемъ, когда сердце и умъ спокойны, когда впереди видишь не дурное, а хорошее и утѣшительное, а при тревогахъ, неспокойствіи сердечномъ и слѣдовательно въ нервномъ раздраженіи писать дневникъ невозможно; потому-то я его и не писалъ.

Почти уже мѣсяцъ, какъ мы всѣ живемъ подъ впечатлѣніемъ Плевненскаго дѣла. Какъ все перемѣнилось съ этого роковаго дня! Начало кампаніи, т. е. переправа черезъ Дунай, была совершена блестящимъ образомъ, и всѣ мы были убѣждены, что и далѣе дѣла́ пойдутъ также, и на сердцѣ каждаго изъ насъ было свѣтло и отрадно; но уже блестящій и неожиданно-скорый переходъ черезъ Балканы, хотя и порадовалъ, но многихъ заставилъ призадуматься. Намъ извѣстны наши силы за Дунаемъ и, соображая ихъ, на основаніи занятыхъ нашею арміею пунктовъ по переправѣ черезъ Дунай, начали опасаться за разбросанность нашей арміи; боялись, чтобы съ нашею Дунайскою арміею не повторилось того, что̀ случилось съ арміею Кавказскою. Плевненское дѣло доказало основательность нашихъ опасеній. Слишкомъ увлеклись успѣхомъ переправы, слишкомъ мало оцѣняли своего противника, а потому слишкомъ вдались въ рискованныя предпріятія. Какъ все это испортило дѣло, какъ затянуло кампанію и какъ воодушевило нашихъ враговъ! Но нѣтъ худа безъ добра: теперь только наши убѣдились, что тѣ силы, которыя были назначены для войны, недостаточны, что нашъ противникъ не такъ слабъ, какъ мы его предполагали, что, на основаніи этихъ убѣжденій, нужны изъ Россіи подкрѣпленія, и что наши дѣйствія въ будущемъ, вѣроятно,

---

*) См. выше, стр. 161.

будутъ отличаться большею осторожностію и расчетомъ, а не какими нибудь смѣлыми и отчаянными предпріятіями, которыя не ведутъ и не могутъ вести къ конечной цѣли, не смотря на удивительную стойкость и храбрость нашихъ войскъ. Плевненское дѣло есть большое несчастіе; но слава Богу, что такъ все кончилось, что оно послѣдовало тогда, когда еще только передовой отрядъ перешелъ Балканы. За этимъ отрядомъ должна была въ скоромъ времени двинуться и вся армія: вѣдь нельзя же было оставлять передоваго отряда на долго безъ поддержки, когда на него могли обрушиться соединенныя силы Турокъ. И наконецъ, переходъ черезъ Балканы передоваго отряда былъ сдѣланъ не для того, чтобы только изслѣдовать пути, а для того, чтобы быть авангардомъ всей арміи, имѣющей идти чрезъ Балканы; словомъ, за передовымъ отрядомъ должна была послѣдовать чрезъ Балканы и вся армія. Ну еслибы Плевненское дѣло послѣдовало въ то время, когда уже вся армія была втянута въ Балканы? Нельзя себѣ представить, какія бы могли быть ужасающія послѣдствія; объ нихъ можно думать только со страхомъ и благословлять Бога, что этого не случилось. Однимъ изъ самыхъ вѣроятныхъ послѣдствій было бы то, что мы были бы отрѣзаны отъ нашей переправы чрезъ Дунай; а это, какъ всякій пойметъ, поставило бы нашу армію въ безвыходное и самое отчаянное положеніе. Но не будемъ объ этомъ думать; это такъ страшно, что духъ занимаетъ, а все это могло быть, открой только Русская армія присутствіе Османа-паши *десятью днями позже*!

Теперь, по всѣмъ свѣдѣніямъ, идутъ изъ Россіи подкрѣпленія, идутъ гвардія и гренадеры. Лучше поздно нежели никогда, но это подкрѣпленіе идетъ поздно! Чтò еслибы съ переходомъ черезъ Дунай всѣ идущія въ настоящее время подкрѣпленія были бы уже въ Румыніи? Вѣроятно война уже была бы кончена,—а теперь? Въ одно ли время мобилизуется армія или по частямъ, стóитъ тоже самое; зачѣмъ же не мобилизовали всю армію? Не намъ рѣшать этотъ вопросъ; но можно предполагать, что ошибка эта произошла или допущена вслѣдствіе нашего убѣжденія, что нашъ непріятель слабъ, что на него достаточно дунуть, чтобы онъ испарился, и въ этомъ убѣжденіи, кажется, виноваты тѣ, которые жили по долгу въ Турціи, изучали ее, а наконецъ вынесли ложное убѣжденіе, что Турція гнилой трупъ, уже самъ собою разлагающійся; дипломаты и военные, кажется, забыли одно, что для Турціи настоящая война есть жизнь и смерть, и что если она дѣйствительно трупъ, то въ предсмертныхъ судорогахъ она все-таки должна высказать энергію борящагося съ отчаяніемъ человѣка. Ошибка сдѣлана; но, можетъ быть, и поправимая.

Все это время, съ 18 Іюля, я жилъ подъ впечатлѣніемъ Плевненскаго дѣла. 17 Іюля, я съ отрядомъ выступилъ изъ Любочаира въ Кюстенджи; переходъ въ 40 верстъ, шелъ всю ночь и въ 9 часовъ утра былъ въ виду Кюстенджи. Два непріятельскихъ броненосца плыли въ 4 верстахъ отъ города. Я оставилъ отрядъ на пути и съ начальникомъ штаба и адъютантами поѣхалъ въ городъ; когда я пріѣхалъ на станцію желѣзной дороги, мониторы огибали городъ съ Юга на Сѣверъ. Я поѣхалъ отыскивать генерала Донаурова, чтобы сказать ему, что я прибылъ съ отрядомъ, но не засталъ его дома: онъ уже былъ на сѣверныхъ батареяхъ. Чтобы попасть туда, надо было ѣхать по берегу моря; я выѣхалъ на берегъ, передъ мною очутились два монитора и къ берегу причаливала довольно большая парусная лодка. Не успѣлъ я разглядѣть лодку, какъ съ одного монитора послѣдовалъ по лодкѣ выстрѣлъ; выстрѣлъ въ лодку не попалъ, а я былъ такъ близко отъ лодки, что отъ выстрѣла мой сѣрый шарахнулся, и я едва удержался въ сѣдлѣ. Люди съ лодки исчезли. Я отправился далѣе къ батареѣ, и только что взъѣхалъ на холмъ, гдѣ была построена батарея, какъ послѣдовалъ другой выстрѣлъ съ монитора, но уже по батареѣ; снарядъ перенесло чрезъ меня довольно высоко. Тутъ всѣ мнѣ закричали, чтобы я слѣзъ съ лошади; я слѣзъ и оставался на батареѣ во все время бомбардировки.

Мониторы оставались недолго, они выпустили не болѣе 20 выстрѣловъ и не причинили намъ никакого вреда; но всѣ эти выстрѣлы перелетали или не долетали до нашей батареи, и всѣ они исключительно были направлены въ нее. Я въ первый разъ былъ подъ выстрѣлами дѣйствительными и, признаюсь, особеннаго впечатлѣнія непріятнаго я не испыталъ, совершенно оставаясь спокойнымъ, и сердце у меня не билось, такъ что послѣ бомбардировки я собою остался доволенъ, а это очень много. Съ прибытіемъ на батарею, я, какъ старшій, долженъ бы былъ принять команду; но я предоставилъ всѣмъ распоряжаться Донаурову, такъ какъ онъ устраивалъ батареи и дѣлалъ всѣ приготовленія къ встрѣчѣ непріятеля (я не хотѣлъ у него отнять награды); я присутствовалъ частнымъ человѣкомъ. Но увы, награды не послѣдовало, а стоило бы: ибо наши батареи нанесли мониторамъ вредъ. Говорили послѣ, что убито на одномъ мониторѣ семь человѣкъ, изъ коихъ три офицера, а въ другомъ мониторѣ поврежденъ руль, и это вѣрно, потому, что свѣдѣніе изъ Турецкихъ источниковъ. Но у Циммермана недостало доброй воли, чтобы дать Донаурову награду, хотя Циммерманъ къ Донаурову и расположенъ.

По прибытіи въ Кюстенджи, я принялъ начальство надъ Кюстенджинскимъ отрядомъ и поселился въ прекрасномъ домикѣ, почти на берегу моря. Не могу не упомянуть о слѣдующемъ обстоятельствѣ. Когда приближались мониторы къ городу, все народонаселеніе встрѣвожилось и начало укладываться, но когда началась бомбардировка, то большая часть бросилась на желѣзную дорогу, чтобы выѣхать въ Меджидіе и Черноводы, и по разсказамъ очевидца тамъ, т. е. на желѣзной дорогѣ, происходили раздирающія сцены. Мѣстъ конечно для всѣхъ прибывшихъ не было; вслѣдствіе этого гвалтъ, тѣснота, давка невѣроятныя; многія матери сажали своихъ дѣтей на буфера и сами садились на рельсы, чтобы не дать возможности вагонамъ уйти съ мѣста; другая часть жителей отправилась изъ города на подводахъ; по странной случайности всѣ жители поѣхали именно по той дорогѣ, которая была обстрѣливаема съ мониторовъ. Я съ батареи глядѣлъ на уѣзжавшую толпу и видѣлъ, какъ два снаряда съ мониторовъ одинъ за другимъ разорвались надъ головами уѣзжающихъ. Вотъ былъ-то сумбуръ! Лошади перепугались, понесли, опрокидывали сѣдоковъ, выворачивали имущество и сами скрывались неизвѣстно гдѣ; было смѣшно и горько смотрѣть на этихъ несчастныхъ спасающихся. Но черезъ три дня всѣ жители Кюстенджи возвратились назадъ и занялись своимъ дѣломъ; даже возвратился кафе-шантанъ, который также во время бомбардировки убѣгалъ въ Черноводы. Мониторы во время бомбардированія пустили только одинъ выстрѣлъ въ городъ, ибо батареи стояли внѣ города; и этотъ-то одинъ выстрѣлъ попалъ въ домъ Англичанина. Ядро пробило двѣ стѣны дома и одну стѣну лавки, которая была наполнена различнаго рода горчицей, перевернуло почти всю лавку вверхъ дномъ, обрызгало или лучше сказать обмазало горчицей хозяина дома, но никому вреда не сдѣлала, хотя въ домѣ жило много народу. Ядро это теперь хранится у Англійскаго консула. Турки стрѣляли разрывными снарядами и простыми ядрами, изъ Армстронговыхъ орудій. Пострѣлявъ, мониторы ушли и въ продолженіи трехъ недѣль не показывались; только 11-го Августа подходилъ одинъ мониторъ, подъ адмиральскимъ флагомъ, приблизился почти на выстрѣлъ, потомъ повернулъ и ушелъ въ море. А между тѣмъ что̀ писали газеты? Что Турецкій флотъ прибылъ съ десантомъ, что этотъ десантъ отвоевалъ Кюстенджи, и что мы отступаемъ къ Бабадагу и Мачину. Вообще, судя по тому, что̀ газеты разсказываютъ объ насъ и чему конечно мы можемъ повѣрить, они, т. е. газеты, такъ безсовѣстно врутъ, что даже этого понять нельзя. Конечно можно нѣкоторый случай преувеличить, исказить; но выдумать то, чего вовсе не бывало—это просто непростительно, и все это зависитъ отъ легко-

мысліа и недобросовѣстности кореспондентовъ. А между тѣмъ люди читающіе эти кореспонденціи и телеграммы вѣрятъ имъ, выводятъ изъ нихъ заключенія, страдаютъ, мучаются, оплакиваютъ своихъ ближнихъ. Нѣтъ, коресподенты должны быть люди добросовѣстные, для того чтобы не вводить въ заблужденіе своими нелѣпостями общество и чтобы не заставлять страдать по напрасну людей, имѣющихъ въ арміи близкихъ людей.

Мурфатляръ, 16-го Августа.

Въ Кюстенджи я прожилъ 25 дней, имѣлъ очень удобную квартиру, продовольствіе сносное; климатъ морской. Казалось бы все хорошо, но всѣ эти 25 дней я провелъ какъ-то грустно, и Кюстенджи не оставило по себѣ пріятнаго воспоминанія. Тому конечно было много причинъ. Первая причина, что изъ Меджидіе я прибылъ больнымъ и въ продолженіи всего пребыванія въ Кюстенджи не могъ поправиться: я страдаю разстройствомъ желудка, все время сидѣлъ на одномъ бульонѣ и принималъ различныя лѣкарства. Вторая причина состояла въ томъ, что ни одной минуты я не былъ покоенъ, какъ командиръ отряда. Подъ впечатлѣніемъ Плевненскаго дѣла, Главный Штабъ передалъ одному изъ посланныхъ Циммермана, чтобы нашъ корпусъ стоялъ на мѣстѣ и окапывался, такъ какъ (сказалъ Главный Штабъ) можетъ быть наступленіе на насъ со стороны Варны, о чемъ намекали и газеты; кромѣ того и баши-бузуки, подъ вліяніемъ того же Плевненскаго дѣла, стали въ это время ужасно дерзки: они почти безпрестанно тревожили и нападали на наши форпосты. Все это вмѣстѣ заставляло быть осторожнымъ, а слѣдовательно и принуждало находиться въ волненіи и безпокойствѣ.

Въ особенности было нѣсколько дней чрезвычайно тревожныхъ. Надо сказать, что Кюстенджи угрожало двойное нападеніе: со стороны моря бомбардировкою и десантомъ и со стороны твердой земли. Надо было готовиться къ отпору съ той и другой стороны, а отрядъ-то мой состоялъ всего изъ 6 тысячъ человѣкъ. Для встрѣчи мониторовъ были усилены батареи, а на нихъ кромѣ полевыхъ орудій находилось четыре осадныхъ; со стороны же сухаго пути была выбрана позиція, которая была приспособлена къ оборонѣ искусственными средствами. Мною въ диспозиціи было отдано приказаніе: въ случаѣ наступленія непріятеля съ сухаго пути, всѣ орудія съ приморскихъ батарей везти въ поле, а осадныя, взявъ замки, оставить на произволъ судьбы, т. е. я ими жертвовалъ, такъ какъ осадныя орудія увезти было нельзя. Однимъ словомъ, все было готово для встрѣчи

непріятеля; но тѣмъ не менѣе всѣ были въ волненіи, въ возбужденіи, потому что съ передовыхъ постовъ приходили весьма тревожныя извѣстія.

31-го, въ 10 ч. утра, я выѣхалъ на позицію съ тѣмъ, чтобы всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей войска лично указать мѣста, которыя они должны были занять въ случаѣ тревоги. Въ то время, когда мы были всѣ на позиціи, замѣтили, что со стороны непріятеля движется громадная масса народа пѣшкомъ, верхомъ на лошадяхъ и въ телѣгахъ. Оказалось, что это бѣгущіе Болгары и Греки изъ тѣхъ деревень (близкихъ однакоже отъ Кюстенджи), которыя, по показанію бѣгущихъ, уже вчерашній день заняты Турецкими войсками. Что̀ за отчаянный и ужасный видъ представляла эта бѣгущая толпа! Вообразите себѣ тысячи телѣгъ запряженныхъ волами, мулами, лошадьми; въ каждой телѣгѣ сидятъ мущины, женщины, дѣти, молодой скотъ, какъ то телята, молодыя овцы и весь домашній скарбъ. На всѣхъ лицахъ ужасъ, отчаяніе и какая-то невыразимая скорбь на каждомъ. Нѣтъ, война ужасная вещь, и въ этомъ только убѣждаешься, когда видишь все своими глазами. И куда стремились эти несчастные? Они покинули свои избы, свои неубранныя поля (скотъ взяли Турки, и безъ денегъ). Съ припасомъ на одинъ день они ѣхали въ разоренную и пустынную Добруджу, гдѣ нѣтъ ни работы, ни хлѣба. Ихъ ожидаетъ положительно голодная смерть. А отъ чего лучше умирать, отъ ятагана баши-бузука или отъ голода? Повторяю, что война есть ужасная вещь. Но я отвлекся. Бѣгущіе передавали, что Турки идутъ въ большихъ силахъ и что съ ними артиллерія. Слѣдовательно наступленіе, какъ есть. Въ это же время, будучи на позиціи, я получилъ отъ гр. Орлова - Денисова (который съ казацкимъ полкомъ держалъ впереди моего отряда передовую цѣпь) извѣстіе, что его аванпосты атакованы Турками и что онъ ожидаетъ общей атаки и на его резервы; онъ предувѣдомлялъ, что будетъ отступать. Надо было приготовиться къ бою, что́ мною и сдѣлано было; но, чтобы не тревожить цѣлаго отряда, я выдвинулъ на позицію только одинъ батальонъ и 4 орудія. И что же? Всѣ свѣдѣнія о непріятелѣ были преувеличены. Правда, баши-бузуки въ числѣ 500 человѣкъ дѣйствительно были въ деревняхъ и перепугали все народонаселеніе, но и не думали дѣлать нападенія на нашъ отрядъ. Тѣмъ не менѣе волненія было много, и нервы были въ сильной работѣ, а при моемъ нездоровьѣ это еще болѣе на меня дѣйствовало. Эту ночь и слѣдующую, пока все не объяснилось, я не раздѣвался и не спалъ; въ послѣдствіи хотя мы и успокоились болѣе или менѣе, но все таки мое положеніе было не изъ такихъ, чтобы

совершенно успокоиться: пунктъ былъ ненадежный, всякій шумъ, каждый топотъ лошади тревожилъ и безпокоилъ меня, что̀ и не давало надежды на мое выздоровленіе, и потому все время моего пребыванія въ Кюстенджи я былъ боленъ, въ самомъ скверномъ расположеніи духа и съ напряженными нервами. Вотъ причина, почему прибываніе въ Кюстенджи, сравнительно при хорошей обстановкѣ, не оставило во мнѣ пріятнаго впечатлѣнія. Въ Кюстенджи я даже ни разу не могъ приняться за мой дневникъ. Правда, много было хлопотъ и дѣла, но я всегда бы могъ найти минутку времени, чтобы написать нѣсколько строкъ; нѣтъ, я просто не могъ взяться за перо. А между тѣмъ въ Кюстенджи жить было очень удобно. Климатъ чудесный, умѣряемый моремъ, отличное морское купанье, сообщеніе по желѣзной дорогѣ и всюду телеграфъ. У консуловъ можно было доставать кое-что и почитать; въ особенности любезны были изъ нихъ Французскій и Австрійскій консулы. Можно также было всего достать, и мѣстныя вина прекрасныя и дешевыя, два порядочныхъ ресторана и даже кафе-шантанъ, гдѣ игралъ оркестръ и производилось пѣніе, но все въ черезчуръ благопристойномъ порядкѣ.

Теперь я стою бивуакомъ въ степи у дер. Мурфатляръ. Удобствъ жизни никакихъ, развлеченій тоже; а, главное, перспектива остаться на этомъ мѣстѣ несчетное число дней. Все это не привлекательно. Но, странное дѣло, по переѣздѣ въ степь, я чрезъ два дня совершенно выздоровѣлъ и чувствую себя морально такъ хорошо, какъ можно себя чувствовать въ военное время, при обстановкѣ, изъ которой нельзя сдѣлать никакого даже приблизительнаго заключенія объ окончаніи войны и даже при мысли, что, можетъ быть, придется и провести зиму въ гостяхъ у Турокъ. При этомъ конечно трудно быть веселымъ и радостнымъ; но все таки я доволенъ своею степью, болѣе доволенъ, нежели уютнымъ городкомъ Кюстенджи. Здѣсь мы всю провизію получаемъ изъ Кюстенджи, ибо дер. Мурфатляръ стоитъ на желѣзной дорогѣ.

17 Августа, Мурфатляръ.

Что̀ предстоитъ нашему корпусу? Вотъ вопросъ, который всѣхъ и каждаго занимаетъ. Не думали мы, чтобы, по взятіи Меджидіе, мы оставались болѣе полутора мѣсяца, не подвигаясь ни на шагъ впередъ. А все это Плевненское дѣло! Иди тамъ, въ Главной Квартирѣ, дѣла̀ какъ слѣдуетъ, мы давно уже были бы или у Силистріи или у Варны, а самое меньшее у Базаржика. Теперь же наше наступательное движеніе невозможно: мы отрѣзаны отъ главныхъ силъ линіею Варны, Шумлы и Силистріи; а на этой линіи мы можемъ, при бездѣйствіи

нашихъ главныхъ силъ, быть встрѣчены превосходнымъ непріятелемъ, который и можетъ раздавить насъ, безъ всякой пользы для дѣла. Слѣдовательно, вѣроятно, мы будемъ ждать, пока главная армія соберется съ силами и начнетъ дѣйствовать. А когда это будетъ? Тогда когда подойдутъ всѣ подкрѣпленія, т. е. когда придутъ гвардія, гренадеры и другіе; а это будетъ не ранѣе мѣсяца. Итакъ еще мѣсяцъ на бивуакахъ безъ всякаго дѣла! Скучная перспектива; но война и заключается въ перенесеніи трудовъ и въ терпѣніи и, слѣдовательно, необходимо покоряться съ самоотверженіемъ всѣмъ требованіямъ обстоятельствъ. Дни у насъ на бивуакѣ идутъ скучно и однообразно; погода стоитъ хотя и жаркая, но прекрасная: ночи теплыя и мѣсто здоровое; заболѣваніе теперь очень умѣренное. Теперь вся наша дѣятельность состоитъ въ охранѣ самихъ себя: только и думаемъ о томъ, чтобы насъ не безпокоили, и ужъ сами ничего не станемъ предпринимать. Какъ послѣ Плевны все измѣнилось! Военное дѣло есть вещь такая, что сдѣланная ошибка въ одномъ мѣстѣ отражается на всѣхъ пунктахъ военныхъ дѣйствій, какъ бы они удалены ни были. Впрочемъ и при другихъ обстоятельствахъ 14-му корпусу едва ли бы предстояли какія-либо серьезныя дѣла. Мы составляемъ боковой отдѣльный отрядъ, и что̀ бы ни происходило на той мѣстности, на которой мы должны дѣйствовать, не можетъ имѣть вліянія на ходъ войны; слѣдовательно ни намъ, ни нашему непріятелю нѣтъ необходимости сосредоточивать большія силы въ нашемъ раіонѣ; какъ мы, такъ и непріятель должны направлять или сосредоточивать войска туда, гдѣ должно быть столкновеніе главныхъ силъ и гдѣ конечно должна рѣшиться участь кампаніи. Долженъ ли я сожалѣть о томъ, что я въ 14-мъ корпусѣ, которому назначена второстепенная роль? Полагаю, что на войнѣ не слѣдуетъ ничего особенно желать, потому что на войнѣ менѣе нежели въ какомъ бы ни было предпріятіи, говоря навѣрное, можно разсчитывать гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь. И потому я совершенно хладнокровно смотрю на мое положеніе и жду съ нетерпѣніемъ будущаго, не разсчитывая и не напрашиваясь ни на какіе подвиги и думая всегда: чему быть, тому не миновать и что̀ намъ суждено, отъ того не отдѣлаешься. На войнѣ лучше всего быть фаталистомъ.

Предполагая вести дневникъ во время кампаніи, конечно, не для печати, я проникся убѣжденіемъ, что этотъ дневникъ получитъ цѣну для меня и друзей моихъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ написанъ со всею откровенностію, правдивостію, безъ всякой предвзятой мысли, а въ отношеніи людей безъ злобы и предубѣжденія. Да, наконецъ, всякій дневникъ, какъ я полагаю, пишется съ един-

ственною цѣлію доставить себѣ удовольствіе въ возстановленіи фактовъ въ ихъ настоящемъ правдивомъ видѣ, т. е., по моему мнѣнію, каждый дневникъ долженъ служить правдѣ и истинѣ. Безъ этого условія дневникъ становится сказкою, а пишущій становится вруномъ передъ самимъ собою. Чтó можетъ быть унизительнѣе и гаже такого положенія?

Сдѣлавъ оговорку, я приступаю къ пополненію біографіи нашего начальника генерала Циммермана, которая уже была напечатана во всѣхъ газетахъ и которую всѣ читали. Смѣшно мнѣ подумать о томъ чтó узнала публика о Циммерманѣ изъ этой біографіи и какъ она его оцѣнила. А мы стоящіе близъ его и находящіеся подъ его непосредственнымъ начальствомъ уже успѣли его оцѣнить по достоинству и по справедливости. Теперь вопросъ, имѣетъ ли кто-нибудь право писать характеристику людей еще живущихъ? Думаю, что печатно нѣтъ; но записать въ свой дневникъ характеръ человѣка, который играетъ такую важную роль въ войнѣ, какъ отдѣльный корпусный командиръ, небезполезно, такъ какъ характеромъ и взглядомъ начальника на вещи многое объясняется въ его дѣйствіяхъ.

Г. Циммермана я знаю давно: мы встрѣчались съ нимъ еще на скамьяхъ Академіи, но были тогда знакомы только по шапочному разбору. Потомъ я съ нимъ встрѣтился въ 1863 году, когда онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба Виленскаго округа при ген. Муравьевѣ. Всегда мы были съ нимъ въ очень хорошихъ, повидимому, отношеніяхъ. Когда онъ, Циммерманъ, былъ назначенъ командиромъ 14-го корпуса, я душевно порадовался и говорилъ, что если бы мнѣ предоставили выбрать себѣ корпуснаго командира, я бы выбралъ Циммермана. Нужно сказать, что до назначенія Циммермана корпуснымъ командиромъ я не былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ къ нему ни по службѣ, ни въ домашнемъ быту, хотя онъ бывалъ у меня въ домѣ и зналъ мое семейство. Я часто видалъ его въ Москвѣ, куда онъ пріѣзжалъ почти ежегодно; встрѣчи были всегда дружескія, и въ особенности меня расположили къ нему сердечныя его отношенія къ покойному Корево, который всегда отзывался о Циммерманѣ съ какимъ-то восторгомъ, какъ къ честному и весьма умному человѣку. Но было также извѣстно многимъ, что Циммерманъ человѣкъ весьма мало уживчивый, самолюбивый и до идолопоклонства влюбленъ въ самого себя; потому-то его и держали въ черномъ тѣлѣ и въ отдаленіи отъ Петербурга, такъ какъ всегда Циммерманъ осуждалъ съ безпощадною жестокостію все, чтò дѣлалось Военнымъ Министерствомъ. Но мало ли у насъ въ извѣстное время было недовольныхъ? Нельзя ему ставить этого въ

упрекъ. Какимъ Циммерманъ былъ начальникомъ дивизіи и какія его отношенія были къ подчиненнымъ, я не зналъ, да и теперь не знаю. Изъ всего вышеизложеннаго, кажется, можно заключить, что я не былъ предубѣжденъ противъ г. Циммермана; напротивъ, я былъ радъ его назначенію и былъ увѣренъ, что онъ по уму своему и по способностямъ далеко выше многихъ корпусныхъ командировъ. Что Циммерманъ человѣкъ вполнѣ умный, въ томъ долженъ сознаться его злѣйшій врагъ; но кромѣ ума въ этомъ человѣкѣ едва ли можно найти хотя ничтожную частицу чего-нибудь хорошаго, чего-нибудь *добраго, человѣческаго*. Въ немъ все хорошее поглощено необъятнымъ честолюбіемъ, самообожаніемъ не знающимъ границъ, которое, стыдно сказать, близко граничитъ если не съ сумасшествіемъ, то съ такимъ грубымъ самодурствомъ, какого въ умномъ человѣкѣ и предположить трудно. Но самая дурная черта въ этомъ человѣкѣ—это отсутствіе патріотизма. Да проститъ мнѣ моя совѣсть; но я убѣжденъ въ томъ, что неуспѣхи наши въ главной арміи всегда очень его радуютъ. Онъ былъ недоволенъ успѣхомъ нашихъ войскъ на Буджакѣ; потому что высадка на Буджакѣ сдѣлалась помимо его убѣжденій и когда онъ писалъ, что это дѣло невозможное; я увѣренъ, и многіе моего мнѣнія, что онъ былъ бы довольнѣе, если бы экспедиція на Буджакъ не удалась, т. е. если бы случилось то, что̀ онъ предвидѣлъ. Боже, куда можетъ завлечь неограниченное самолюбіе! Это не голословная фраза; я постараюсь доказать ее.

На другой день извѣстія о Плевненскомъ первомъ дѣлѣ Циммерманъ былъ въ Кюстенджи и въ присутствіи 10-15 человѣкъ разсказывалъ о немъ. Въ юморѣ онъ былъ великолѣпномъ, и разсказъ его объ этомъ дѣлѣ лился какъ каскадъ. Конечно, всѣхъ онъ критиковалъ и бранилъ со свойственнымъ ему умѣньемъ и, обратясь ко мнѣ, именно сказалъ: только для дураковъ опытъ и примѣръ ни къ чему не служатъ; Дунайская армія повторила туже ошибку, которую сдѣлала Кавказская армія, которая уже была на лицо въ видѣ урока и предостереженія. Но я одинъ замѣтилъ, что разсказъ о Плевненскомъ дѣлѣ ему доставлялъ величайшее удовольствіе. У насъ у всѣхъ сердце замирало отъ горя; мы всѣ предвидѣли, какія ужасно непріятныя и горькія будутъ послѣдствія этого несчастнаго дѣла, не говоря уже о потерѣ и страданіяхъ людей, которые погибли вслѣдствіе только нераспорядительности начальства. Онъ же Циммерманъ и не намекалъ о послѣдствіяхъ, онъ только услаждалъ себя бранью и критикою противъ распорядителей. Еслибъ у этого человѣка была хотя капля патріотизма, онъ бы не радовался этому несчастію; но всѣ положительно присут-

ствующіе были убѣждены, что это несчастное дѣло его радуетъ; всѣ вынесли это впечатлѣніе и потомъ уже передали свои мысли другъ другу въ тихомолку. Онъ, кажется, и самъ замѣтилъ, какое онъ производитъ впечатлѣніе своею веселостію, и тутъ же началъ убѣждать, что онъ истинный патріотъ и что если онъ носитъ иностранную фамилію, то все-таки онъ православный и Москвичъ. Къ чему было подобное увѣреніе? А къ тому, что онъ понялъ, какое онъ произвелъ впечатлѣніе на присутствующихъ, и хотѣлъ исправить то, что́ невольно у него вырывалось изъ души. Буджацкое дѣло дало Циммерману Александра Невскаго съ мечами и сдѣлало имя его извѣстнымъ арміи и Россіи, не говоря уже о милостивомъ вниманіи Государя Императора. Казалось бы, корпусному командиру слѣдовало поблагодарить тѣ войска, которыя первыя перешли Дунай и вступили на Турецкую землю, навѣсили ему орденъ и доставили другія невещественныя выгоды въ будущемъ. Что́ же сдѣлалъ Циммерманъ съ этими войсками? Онъ съ 10-го Іюля не только ихъ не благодарилъ, но даже до сихъ поръ и не видалъ ихъ; это фактъ хотя и не вѣроятный, но справедливый. Разъ онъ столкнулся съ бригадою подъ Меджидіе, но не поздоровался съ нею (онъ вообще съ войсками не здоровается) и, конечно, не поблагодарилъ. Бригада эта изъ подъ Буджака пришла въ Мачинъ и тамъ стояла лагеремъ вмѣстѣ съ пришедшимъ изъ Браилова Бородинскимъ полкомъ. Циммерманъ, во время стоянки бригады въ Мачинѣ, былъ тамъ пять разъ и одинъ разъ проѣзжалъ мимо бивуака бригады, но въ бригаду не заѣхалъ, а проѣхалъ въ Бородинскій полкъ молча, не поздоровавшись даже съ людьми. Онъ видимо будируетъ эту бригаду, которая сослужила такую славную службу для арміи и Россіи, и все за то, что высадка сдѣлалась помимо его желанія и про нее онъ писалъ и доказывалъ, что она не можетъ имѣть успѣха. Какъ онъ встрѣтился послѣ Буджака съ Жуковымъ, не знаю; но знаю, что впослѣдствіи Жуковъ отъ Циммермана получилъ такое письмо, что онъ, Жуковъ, хранитъ это письмо для потомства, какъ обращикъ дерзости и безцеремонности отношеній къ своимъ подчиненнымъ. Съ однимъ изъ полковыхъ командировъ этой бригады онъ не говорилъ до сихъ поръ ни слова; другому же сказалъ при случайномъ свиданіи, что онъ вовсе не такъ дѣйствовалъ на Буджакѣ какъ бы слѣдовало. Онъ не видалъ ни одного раненаго, хотя раненыхъ провозили мимо его въ 10-ти шагахъ. Никто не можетъ объяснить до сихъ поръ поведенія корпуснаго командира, въ отношеніи 1-й бригады 18-й д. Но эти отношенія объясняются легко, если заглянуть въ эту эгоистическую, темную душу. Эта бригада опровергла его доводы, его убѣжденія, она скомпрометтировала его въ глазахъ высшаго на-

чальства, нанесла ударъ его безграничному самолюбію, хотя и доставила орденъ и дала поводъ Великому Князю заявить, что Циммерманъ не соглашался на высадку, хотя она и удалась блестящимъ образомъ. Вотъ чего не можетъ Циммерманъ простить бригадѣ. Вотъ почему онъ ее игнорируетъ и придирается къ ней при всѣхъ удобныхъ и неудобныхъ случаяхъ. Просто, становится страшно, какъ подумаешь, что бываютъ люди съ такою развращенною душою, съ такимъ эгоизмомъ и самолюбіемъ, которому нѣтъ предѣловъ и которому онъ долженъ приносить все въ жертву.

Отношенія Циммермана къ войскамъ могутъ объясниться фразою: его всѣ глубоко и чистосердечно *ненавидятъ*, начиная отъ старшаго генерала до послѣдняго солдата. Отношенія его къ начальникамъ основываются на томъ, чтобы доказать всѣмъ и каждому, что никто и ни къ чему ни годится, что никто не только не можетъ самъ распорядиться, а что не можетъ и дѣльно исполнить приказаніе; что дѣлаетъ все онъ одинъ и что онъ ни на кого надѣяться и положиться не можетъ. Вся его система отношеній къ начальникамъ дивизій, повидимому, клонится къ тому, чтобы унизить ихъ власть и значеніе въ глазахъ ихъ подчиненныхъ. Напр., онъ не стѣсняется сказать при всѣхъ начальнику дивизіи: «Какая неумѣлость, какое капитальное незнаніе дѣла!» и проч. въ такомъ же родѣ. Такія же отношенія и къ прочимъ начальствующимъ лицамъ; а которые пожалованы чиномъ и ближе къ нему стоятъ, тѣхъ онъ бранитъ въ глаза *мерзавцами*, негодяями, при чемъ постоянно повторяетъ, что онъ начальникъ отдѣльнаго корпуса и что онъ имѣетъ право разстрѣлять каждаго. Многіе думаютъ и, можетъ быть, не безъ основанія, что съ тѣхъ поръ какъ назначенъ начальникомъ отдѣльнаго корпуса, онъ находится не въ нормальномъ состояніи. Судите по слѣдующимъ случаямъ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Жданко, докторъ, состоящій при Красномъ Крестѣ, пріѣзжаетъ въ Черноводы по порученію главнаго инспектора медицины дѣйствующей арміи. Его случайно встрѣчаетъ Циммерманъ и ни съ того ни съ сего привѣтствуетъ его слѣдующимъ образомъ: «Зачѣмъ вы сюда шляетесь? Только прогоны получаете, а дѣла не дѣлаете». Когда Жданко началъ возражать и сказалъ, что онъ пріѣхалъ по порученію, Циммерманъ закричалъ: «Молчать, я начальникъ отдѣльнаго корпуса» и что если онъ, Жданко, будетъ разговаривать, то онъ его посадитъ въ кутузку. Я лично слышалъ этотъ разсказъ отъ г. Жданка и не имѣю права ему не вѣрить, потому что выдумать подобную штуку невозможно. При этомъ происшествіи было до шести человѣкъ свиты Циммермана. Другой случай. Приходитъ Циммерманъ въ

трактиръ, всѣ офицеры встали, одинъ агентъ *товарищества*, занимаясь своимъ счетомъ, не всталъ. Тогда Циммерманъ подходитъ къ агенту и спрашиваетъ его: Ты кто такой?—Такой-то, тотъ отвѣчаетъ.—Отъ чего ты не всталъ, когда всѣ офицеры встали?—Не замѣтилъ, и при томъ же я васъ не знаю, отвѣчалъ агентъ.—Ну, чтобы ты меня зналъ, закричалъ Циммерманъ: «Казаки, сюда! Въ нагайки его!» И вообразите себѣ, несчастнаго два казака начали полосовать нагайками. Тотъ старался вырваться и уйти, чтó ему и удалось, но казацкія нагайки преслѣдовали несчастнаго съ версту по улицамъ Черноводъ. Это извѣстно всѣмъ.

Но я нѣсколько отвлекся милыми эпизодами отъ настоящаго описанія. Я уже говорилъ объ отношеніяхъ Циммермана ко всѣмъ начальникамъ; но чтó онъ объ насъ пишетъ въ Главный Штабъ, это себѣ и представить нельзя. По письмамъ его, въ одной 17-й дивизіи смѣнены полковой командиръ, бригадный и дивизіонный, и каждому изъ нихъ ихъ отчисленіе падало, какъ снѣгъ на голову. Главная же прелесть тутъ заключается въ томъ, что Циммерманъ распускаетъ слухи чрезъ своихъ любимцевъ (изъ которыхъ только одинъ не мерзавецъ), что онъ вовсе не просилъ о смѣнѣ всѣхъ этихъ лицъ и что онъ не понимаетъ, зачѣмъ такъ опрометчиво дѣйствуетъ Главный Штабъ; правда, что онъ писалъ только о безпорядкахъ, но что онъ смѣны не просилъ и что онъ объ этомъ будетъ писать въ Главный Штабъ и будетъ просить, чтобы снова имъ дали мѣста̀. Каково? Это еще не все: написавъ о начальникѣ дивизіи, что ни къ чорту негодится, онъ, Циммерманъ, по наушничеству одного полковаго командира, отрѣшилъ отъ должности начальника штаба дивизіи и обоихъ старшихъ адъютантовъ, лишилъ мѣстъ и перевелъ обоихъ въ мою дивизію, только потому, что полковой командиръ накляузничалъ, будто на начальника дивизіи эти старшіе адъютанты имѣютъ вліяніе, и собственнымъ распоряженіемъ назначилъ начальника штаба и старшихъ адъютантовъ. Скажите, можно ли болѣе компрометтировать власть начальника дивизіи?

Отношенія Циммермана къ нижнимъ чинамъ можно охарактеризировать фразою: онъ дѣлаетъ все, чтобы убить въ солдатѣ духъ, лишить его бодрости и веселости. Въ Меджидіе, послѣ того, какъ Турки были прогнаны съ позиціи, ночью въ Московскомъ полку 17-й пѣх. дивизіи была фальшивая тревога, было много раненыхъ; и правда, полкъ слабый и безъ всякой дисциплины. На другой день Циммерманъ собралъ всѣхъ начальниковъ и держалъ слѣдующую рѣчь: что

въ войскахъ нѣтъ дисциплины, нѣтъ порядка и что поэтому онъ разрѣшаетъ употребленіе *розогъ*. (Между нами будь сказано, это дѣло хорошее въ военное время; когда всѣхъ надо держать въ строгой уздѣ, дисциплинарный уставъ не годится). Но тутъ же онъ приказалъ начальникамъ дивизіи ѣхать въ полки и всѣхъ виновныхъ въ каждомъ полку, гдѣ вчера во время тревоги былъ безпорядокъ, наказать розгами, и что онъ на экзекуцію пріѣдетъ самъ. Въ моей дивизіи не было безпорядковъ, *а надо было сѣчь*. Командиры полковъ сами слышали приказаніе. Я не поѣхалъ сейчасъ, а назначилъ пріѣздъ мой въ 4 часа. Циммерманъ тотъ часъ же пріѣхалъ въ лагерь, и въ 17-й дивизіи во всѣхъ полкахъ экзекуція производилась при немъ. Обо мнѣ спрашивалъ, почему меня нѣтъ, но ни слова не сказалъ, когда ему отвѣчали, что я пріѣду въ 4 часа. Я велѣлъ (собственно, чтобы не быть ослушникомъ) высѣчь самыхъ негодяевъ, и то безъ себя; въ трехъ полкахъ вовсе не сѣкли, а въ одномъ высѣкли двухъ человѣкъ, замѣченныхъ въ непослушаніи. Въ тотъ же день вмѣстѣ съ экзекуціей запрещены были пѣсни, игры, запрещена была заря, а объ музыкѣ и говорить нечего. Солдаты страшно были сконфужены всѣмъ этимъ и пріуныли. Циммерманъ никогда не здоровается съ людьми, смотритъ на нихъ съ какимъ-то пренебреженіемъ, и потому до экзекуціи солдатики его не любили, а послѣ экзекуціи они его возненавидѣли. Точно также ненавидятъ его и офицеры, обращеніе съ которыми характеризуется слѣдующимъ случаемъ. Циммерманъ пріѣхалъ въ Мачинъ и искалъ мою квартиру, встрѣчаетъ трехъ офицеровъ и спрашиваетъ, гдѣ я живу; на отвѣтъ, что они не знаютъ, онъ ихъ обругалъ *дураками и болванами*. Вотъ вамъ отношеніе корпуснаго командира къ его всѣмъ подчиненнымъ! Конечно и для Циммермана существуютъ люди, съ которыми онъ обходится иначе. Это личности, присланныя изъ Главной Квартиры и самимъ Государемъ Императоромъ. Изъ нихъ многіе если не всѣ, флигель-адъютанты. Изъ нихъ одинъ П. Р. до такой степени милый, симпатичный, добрый и сердечный человѣкъ, что объ немъ я сохраняю самыя пріятныя воспоминанія; другихъ я мало знаю. Но всѣ эти личности, какъ состоящія при Циммерманѣ, просто ненавидимы всѣми. Конечно они ни въ чемъ не виноваты, но ненависть къ Циммерману отражается совершенно несправедливо и на нихъ; напр. говорятъ положительно, что его начальникъ штаба генералъ Акимовъ добрый и честный человѣкъ, но и его всѣ ненавидятъ, потому что онъ стоитъ близко къ Циммерману. Его любимецъ, подполковникъ Ш., просто ненавидимъ и презираемъ всѣми. Про этого мерзавца говорятъ многіе, что будто онъ служитъ своею любовницею, которую онъ выдаетъ за свою жену и которая существуетъ при

корпусномъ штабѣ въ видѣ сестры милосердія. Къ лицамъ присланнымъ изъ Главной Квартиры Циммерманъ относится иначе. Онъ придирается къ каждому случаю, даже небывалому, чтобы съ письмомъ послать кого нибудь изъ нихъ въ Главную Квартиру, гдѣ каждый изъ нихъ, по письму, получаетъ золотую саблю; такъ получили золотыя сабли почти всѣ присланные изъ Главной Квартиры. Разсчетъ тутъ ясный: онъ задабриваетъ этихъ лицъ, чтобы они, Боже сохрани, не проговорились, какъ онъ самодурствуетъ. У насъ въ корпусѣ вслѣдствіе сего составилось много афоризмовъ, напр.: По какому способу желаете быть уволеннымъ отъ службы? По способу Примо (командира полка), по способу Бранта (командира бригады) или по способу Пороховникова (начальника дивизіи); *подлъ, какъ Ш.*; и что въ корпусномъ штабѣ дѣлается представленіе о дарованіи золотыхъ сабель всѣмъ *женщинамъ* за необыкновенные подвиги противъ Турокъ. Вотъ дополненіе къ біографіи генерала Циммермана; но еще не все мною сказано: онъ, кажется, и большой трусъ, хотя имѣетъ Георгія и золотую саблю за храбрость

19-го Августа, дер. Мурфатляръ.

Постараюсь и это доказать фактами. Циммерманъ человѣкъ умный и понимающій военное дѣло, и потому на его распоряженія, если они не соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ, надо смотрѣть, не какъ на неумѣлость, но какъ на предвзятую заранѣе мысль. У Меджидіе непріятель былъ въ числѣ не болѣе 10 тысячъ человѣкъ. У насъ былъ собранъ цѣлый корпусъ, слѣдовательно 25 тысячъ. Турки повидимому думали намъ дать отпоръ, хотя и легкій; на этомъ основаніи можно было сдѣлать распоряженія (и они были возможны), которыя бы принудили Турокъ принять бой; но теперь, когда хладнокровно разсуждаемъ, то приходимъ къ заключенію, что Циммерманъ именно желалъ, чтобы прогнать Турокъ безъ боя, безъ выстрѣла. Отрядъ былъ для атаки раздѣленъ на три колонны. Онѣ двигались почти рядомъ, сплошною массою; лѣвая колонна должна была обойти непріятеля съ праваго его фланга и должна была сдѣлать съ своего ночлега почти вдвое болѣе верстъ нежели правая. Наступленіе колоннъ хотя и началось разновременно, но обходной колоннѣ приказано было сдѣлать привалъ на походѣ, что̀ равнялось выступленію единовременному; вслѣдствіе этого правая колонна и средняя, въ ожиданіи обходнаго движенія лѣвой колонны, должны были остановиться почти въ виду непріятеля и ждать $2\frac{1}{2}$ часа. Правая колонна выступила съ ночлега въ 6 часовъ утра и приблизилась къ непріятельской позиціи въ 8-мь часовъ. Средняя колонна шла рядомъ. Обходное движеніе въ это время еще не начиналось; оно должно было быть произведено совершенно

на виду непріятеля, такъ что онъ могъ пересчитать каждаго человѣка. Когда оно началось, то Турки, видя оное и видя передъ собою двѣ другія наши колонны, которыя ожидали окончанія обхода, не торопясь сниматься, ждали обходнаго движенія почти *два съ половиною часа* и не трогались съ мѣста; но когда обходное движеніе начинало уже угрожать ихъ флангу, они преспокойно снялись и ушли безъ выстрѣла отъ нашихъ главныхъ колоннъ, потому что колонны наши были въ 4 верстахъ отъ нихъ.

Еслибы обходная колонна была послана наканунѣ или въ ночь, еслибы этотъ обходъ былъ произведенъ не на глазахъ непріятеля, а въ отдаленіи его, въ верстахъ 15 или 10 и если бы всѣ главныя силы наши атаковали Турокъ часа въ три утра (Турки вообще безпечны): то результатъ былъ бы иной, и Меджидіевскій отрядъ не ушелъ бы цѣлымъ. Неужели у Циммермана недоставало ума и соображеній сдѣлать такъ, какъ бы сдѣлалъ каждый смертный? Неужели Циммерманъ не зналъ, что непріятель, видѣвшій наступленіе въ трое сильнѣйшаго непріятеля, не отступитъ своевременно? Это и ребенокъ пойметъ.

Въ ожиданіи обхода Циммерманъ со свитою и всѣми начальствующими лицами находился на холмѣ, съ котораго можно было видѣть каждаго Турка. Просидѣли мы на этомъ холмѣ ровно $2^1/_2$ часа. Чего мы ожидали? Что Турки, видя во очію опасный для себя обходъ и въ трое сильнѣйшаго непріятеля, останутся на мѣстѣ и будутъ ждать нашей атаки? Да этому не повѣрилъ бы ни одинъ солдатъ въ цѣломъ отрядѣ: какъ мы тамъ ни считаемъ Турокъ ниже себя, но все-таки у нихъ здравый смыслъ есть, и они дерутся, какъ доказали, гдѣ нужно драться. Нѣтъ, Циммерманъ не ожидалъ этого; онъ ожидалъ отступленія непріятеля и когда дѣйствительно это отступленіе послѣдовало, то онъ вдругъ закричалъ: «Вотъ подлецы и уходятъ!» Но въ этомъ сожалѣніи было столько удовольствія и нескрываемой радости, что никто не могъ сомнѣваться, что Циммерманъ такимъ отступленіемъ непріятеля былъ доволенъ. Когда непріятель сталъ отступать, тогда только наши колонны начали преслѣдовать; но преслѣдованіе это уподоблялось скорѣе охотѣ за зайцами, чѣмъ настоящему преслѣдованію. Мы шли за непріятелемъ и стрѣляли въ него, когда онъ былъ отъ насъ на пять верстъ разстоянія. По крайней мѣрѣ я только издалека видѣлъ и слышалъ непріятельскіе выстрѣлы. Много потомъ говорили объ этомъ дѣлѣ. У насъ въ лагерѣ даже вышла карикатура. Представлено два холма на приличномъ разстояніи; изъ одного холма выглядываетъ *Риза-паша*, начальникъ Турокъ, а изъ другаго Циммерманъ. Риза-паша

спрашиваетъ: «нельзя ли мнѣ отступить?» Циммерманъ: «Я давно этого ожидаю и, конечно, вамъ не помѣшаю». Говорили, что въ «Le Nord», было помѣщено письмо Ризы-паши къ Циммерману, въ которомъ онъ благодаритъ его за деликатное съ нимъ обхожденіе и что онъ обѣщается при случаѣ ему быть благодарнымъ. Говорили также, что султанъ прислалъ Ризѣ-пашѣ и Циммерману по золотой саблѣ, осыпанныхъ брилліантами. И за это пасквильное дѣло Циммерманъ имѣлъ дерзость своего клеврета Ш. представить къ золотой саблѣ, которую тотъ и получилъ. Да это позоръ! Я знаю изъ вѣрнаго источника, что въ Главной Квартирѣ были весьма недовольны Циммерманомъ за дѣло подъ Меджидіемъ, потому что трофеями этого дня были только одинъ убитый и одинъ отсталый, и имущества было набрано только на пять копѣекъ. Такъ спокойно убрался Риза-паша. Скажите, какъ вы объясните всѣ эти распоряженія Циммермана, если не желаніемъ избѣжать, во что бы ни стало, боя? А въ Главный Штабъ, я увѣренъ, было написано, что дѣло не удалось вслѣдствіе нераспорядительности колонныхъ начальниковъ, которые не сумѣли въ точности исполнить его приказаній, и вѣроятно, всѣхъ насъ представилъ онъ идіотами и пошлыми дураками. Да, это опасный человѣкъ для его подчиненныхъ, тѣмъ болѣе, что его письма не проходятъ чрезъ цензуру совѣсти.

Послѣ Плевненскаго дѣла, когда разнесся слухъ, что на нашъ отрядъ будетъ наступленіе и послѣ появленія мониторовъ, Циммерманъ защитился страшно: отодвинулъ всѣ войска, строго предписалъ укрѣпляться и тотчасъ принялъ всѣ мѣры, чтобы все (осадныя орудія, провіантъ, свезенный въ Черноводы, различныя аптеки) тотчасъ перевезти въ Браиловъ. Этимъ онъ всполошилъ всю Румынію, которая совершенно справедливо ожидала отступленія 14-го корпуса изъ Добруджи. Онъ до того заботился объ укрѣпленіи позицій, что инженерный офицеръ, укрѣплявшій позицію въ Меджидіе, долженъ былъ ему доносить каждые три часа объ успѣхѣ работъ по телеграфу. При всякомъ случаѣ онъ проводилъ мысль, что мы должны болѣе всего заботиться о сохраненіи своихъ отрядовъ, т. е. проводилъ мысль къ одному отступленію, при чемъ привелъ параллель между командующимъ пашею въ Ардаганѣ и пашами въ Никополѣ, и старался доказать, что паша Ардаганскій поступилъ благоразумнѣе, не защищая города до послѣдней крайности и спасая свой отрядъ, чѣмъ паши въ Никополѣ, которыя дрались до тѣхъ поръ, пока были окружены и сдались въ плѣнъ. Многіе, можетъ быть, скажутъ: что же, во всѣхъ распоряженіяхъ Циммермана проглядываетъ только благоразумная осторожность. Я бы согласился съ этимъ мнѣніемъ, еслибъ я не видалъ лично

въ это время Циммермана. Онъ былъ самъ не свой: онъ бранился, дрался въ это время и самодурствовалъ такъ, что никто не хотѣлъ даже являться на глаза ему. Потеря спокойствія, увѣренности, не составляютъ признака храбрости, необходимой для покойной оцѣнки обстоятельствъ.

Еще знакъ его храбрости. Въ Меджидіе есть каменный мостъ, и былъ слухъ, что мостъ этотъ минированъ. Передовая цѣпь казаковъ уже проскакала чрезъ мостъ; я шелъ съ пѣхотой, и въ то время какъ я проѣзжалъ по мосту, забылъ даже, что̀ объ этомъ мостѣ говорили и, увидавъ, что Циммерманъ пробирался чрезъ ручей около моста и по сквернѣйшей топкой тропинкѣ, гдѣ завязла его лошадь, подумалъ, на кой чортъ его туда понесло, и послѣ только сообразилъ, когда меня другіе надоумѣли, что Циммерманъ объѣзжалъ минированный мостъ въ то время, когда по немъ уже проскакала цѣлая сотня казаковъ. Да не подумаетъ кто-либо̀, что я предвзято искажаю дѣло; повторяю, что все написанное есть сущая правда, и все писано не подъ впечатлѣніемъ какой-либо непріятной минуты. Нѣтъ, я пишу спокойно, подъ вліяніемъ хорошаго расположенія духа, а не подъ вліяніемъ непріятностей со стороны Циммермана. Я, слава Богу, уже три недѣли какъ его не вижу и никакихъ непріятныхъ бумагъ отъ него не имѣлъ; напротивъ, я только нѣсколько дней какъ получилъ заявленіе изъ корпуснаго штаба, что Циммерманъ мною доволенъ, и что я очень далекъ отъ той неожиданности, которая постигла Пороховникова, начальника 17-й дивизіи. Ну, кажется, довольно о Циммерманѣ; но постараюсь и впредь ничто ему не пропускать и заносить все объ этомъ интересномъ субъектѣ: пусть знаютъ, какъ иногда люди, возведенные на извѣстную ступень власти, позволяютъ себѣ самодурствовать и пусть не всему тому вѣрятъ, что̀ узнаютъ изъ оффиціальныхъ и цензурныхъ источниковъ; пусть знаютъ, что награды въ военное время получаются не за одни военные подвиги, но и за сестеръ милосердія....

Теперь обращаюсь опять къ нашему положенію, т. е. къ положенію нашей арміи. Нигдѣ такъ кстати нельзя привести стихи Мицкевича: «Tycho wchendze, tycho wchendze, co to bendze, co to bendze!» Да, что-то будетъ! Сердце отъ нетерпѣнія усиленно бьется въ ожиданіи чего-то важнаго, рѣшающаго судьбу милліоновъ людей. Сегодня получена радостная вѣсть, хотя и неоффиціально. Наши проходъ Шипку отстояли! Пять приступовъ Сулеймана-паши отбили 6.000 человѣкъ. Эти 6.000 уже изнемогали, потому что уступили передовую позицію,

гдѣ была вода, войска два дня оставались безъ пищи и питья; но баталіонъ, привезенный изъ Трнова на подводахъ, прибылъ именно въ то мгновенье, когда Турки уже занимали проходъ Шипку. Батальонъ кинулся въ штыки и выбилъ Турокъ. Потомъ подоспѣлъ на помощь весь 8-й корпусъ и окончательно прогналъ Сулеймана. Но эта побѣда дорого намъ досталась: выбыло изъ строя 1.000 чел., всѣ санитары перебиты, потому что Турки стрѣляли по санитарамъ, когда они относили раненыхъ. Но досталось же и Туркамъ. Минами одними взорвали три батальона. Турки, говорятъ, лѣзли какъ сумасшедшіе. Конечно, это успѣхъ, и громадный; но все это не главное. Главное впереди, и что-то будетъ! Неужели намъ не поможетъ Господь Богъ, когда мы деремся за такое правое дѣло? Вѣроятно, Плевненское дѣло Онъ послалъ намъ въ тѣхъ видахъ, чтобы мы не зазнавались и чтобы были благоразумнѣе. Авось теперь и будемъ! Тутъ разсказываютъ анекдотъ про Мольтке; на вопросъ, какого онъ мнѣнія о настоящей войнѣ, онъ будто бы отвѣчалъ: по всѣмъ вѣроятіямъ, въ концѣ-концовъ Русскіе одержатъ верхъ, но для этого имъ необходимы четыре G.: Geld, Genius, Geduld und Glück *).

31 Августа, бивуакъ при д. Мурфатляръ

Опять я долго не принимался за мой дневникъ не потому, что бы я былъ не въ духѣ, но положительно не о чемъ было писать. Такое однообразіе на бивуакахъ, что положительно одинъ день похожъ на другой безъ всякаго различія, и притомъ эти дни такъ скучны и однообразны, что одинъ день не отличишь отъ другаго; забываешь дни въ недѣлѣ, забываешь числа и даже стараешься ни о чемъ не думать: такъ все нерадастно не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ въ особенности. Съ нѣкотораго времени корпусный командиръ началъ присылать къ намъ телеграммы, которыя ему посылаетъ главнокомандующій. Первая телеграмма была о томъ, что мы отстояли проходъ Шипки, хотя и съ большими потерями, но за то и досталось же Сулейману; теперь онъ устраиваетъ свои войска. Вторая телеграмма о взятіи Ловчи. Это очень важно въ томъ отношеніи, что Осману перерѣзанъ путь сообщенія съ южными Балканами, т. е. съ Сулейманомъ и что коммуникація его съ Софіею, т. е. съ продовольствіемъ, тоже находится въ опасности. Со взятіемъ Ловчи, если Богъ поможетъ разбить Османа подъ Плевною, онъ будетъ въ очень опасномъ положеніи. При взятіи Ловчи участвовала 3-я пѣхотная дивизія, и полковникъ Кусовъ, командиръ Псковскаго полка, убитъ. Къ смерти людей, которыхъ не знаешь или только знаешь по наслышкѣ, относишься болѣе

*) Деньги, геній, терпѣніе и счастіе.

хладнокровно, нежели къ смерти людей знакомыхъ; а потому смерть Кусова, котораго я такъ хорошо зналъ и съ которымъ былъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ, на меня произвела тяжелое впечатлѣніе. Впрочемъ Кусовъ человѣкъ одинокій, безъ жены и семейства; хотя его теперь и оплакиваютъ, но оплакиваютъ вѣроятно только тѣ, которымъ смерть его не разбила жизни и не лишила средствъ къ существованію. Нѣтъ, военному человѣку, въ виду случайностей войны, лучше вѣчно оставаться бобылемъ. Для военнаго человѣка женитьба есть роскошь, которую никто себѣ дозволять не долженъ. Военные ордена, прежде существовавшіе, понимали это лучше насъ и потому давали обѣтъ безбрачія при поступленіи въ орденъ и посвящая себя военному дѣлу.

Вторая телеграмма была о наступленіи на всю нашу линію со стороны Али-Мегмета, т. е. отъ Шумлы. Наступленіе было произведено на линіи Рущукъ, Трново; въ трехъ мѣстахъ наступленіе отбито, но въ четвертомъ мѣстѣ наши должны были отступить; въ томъ мѣстѣ, гдѣ наши отступили, по разсчетамъ должна находиться 1-я дивизія, хотя въ телеграммѣ о томъ не сказано, но сказано, что наши отступили съ большими потерями.. Все вещи весьма неутѣшительныя, тѣмъ болѣе, что пунктъ *Обловo*, который мы должны были уступить, находится сѣвернѣе Трнова, т. е. если непріятель будетъ подвигаться по этому направленію, онъ можетъ завладѣть Трновомъ, а слѣдовательно отрѣзать отрядъ, который занимаетъ Шипку.

Третья телеграмма сообщаетъ о приготовленіяхъ для атаки Плевны. По всѣмъ соображеніямъ, бой долженъ былъ происходить вчера, въ день именинъ Государя; но вотъ уже 11 часовъ утра 31 Августа, мы не имѣемъ о томъ никакихъ свѣдѣній. Понимая очень хорошо, что отъ этого дѣла подъ Плевною почти зависитъ участь кампаніи, я почти не могъ спать всю ночь. Безпрестанно вертѣлся вопросъ въ головѣ: что-то дѣлается подъ Плевною? Если бы удалось разбить Османа, то съ Али-Мегметомъ можно бы было легко раздѣлаться, а потомъ и съ Сулейманомъ, потому что у Османа лучшія войска, и говорятъ, дисциплинированы и содержатся хорошо. И такъ вчера, а можетъ быть и сегодня, рѣшается судьба кампаніи. Я просто въ лихорадочномъ ожиданіи телеграммы, и если она сегодня не будетъ, то значитъ плохо. Неужели мы и теперь не приготовились какъ слѣдуетъ и бросились на врага, не обставившись всѣми условіями успѣха? Правду Мольтке говоритъ, что для успѣха нашего необходимо Geduld, а у нашихъ кажется этого свойства недостаетъ. Гвардейскій корпусъ еще не пришелъ; нужно оставить войска и противъ Али-Мегмета; съ чѣмъ же они опять атакуютъ? Съ тѣми же войсками, которыя и были? Неужели опять разсчитываютъ на отчаянную храбрость нашихъ войскъ?

Но есть предѣлъ и храбрости, и беззавѣтному самоотверженію. Неужели изъ нихъ никто не знаетъ знаменитаго изреченія Наполеона I, что успѣхъ всегда принадлежитъ большему количеству батальоновъ или войскъ? Станемъ надѣяться, что третья атака Плевны будетъ успѣшнѣе двухъ первыхъ. Но сердце усиленно бьется и предчувствуетъ что-то недоброе. Впрочемъ мои предчувствія меня всегда обманываютъ. Дай Богъ, чтобы и теперь обманули!

1 Сентября, тамъ же.

31 Августа получена депеша, гдѣ сказано, что мы приближаемся постепенно къ Плевнѣ. Изъ смысла телеграммы видно, что теперь атака Плевны обдумана, что наши идутъ теперь не спустя рукава, идутъ постепенно, подступами, а не на ура. Нѣтъ худа безъ добра: неудачи научили уму-разуму. Теперь за исходъ Плевненскаго дѣла *почти* можно ручаться. Но *почти* великое, хотя и коротенькое слово. Въ войнѣ успѣхъ зависитъ отъ такихъ ничтожныхъ случайностей, которыхъ предвидѣть и предотвратить нѣтъ никакой возможности. Сердце мое послѣ телеграммъ спокойнѣе, и у меня большія надежды на успѣхъ. Прошелъ слухъ, что если наши порѣшатъ съ Плевною, мы двинемся далѣе на Базарджикъ и потомъ и далѣе на Шумлу. Дай-то Богъ, что бы нибудь, только не эта безцѣльная стоянка въ степи. Надоѣло до крайности. Но еще ходитъ слухъ, впрочемъ мало вѣроятный, будто бы Циммерманомъ не довольны и будто бы его отправятъ съ дивизіей одной изъ корпуса въ Галацъ и Браиловъ, и что будто бы на его мѣсто назначается Ганецкій второй. Дай-то Богъ, но не дай Богъ съ Циммерманомъ отправиться въ Галацъ! Ну тогда хорони себя, и больше ничего. Конечно я не вѣрю этому слуху, предполагая, что онъ происходитъ отъ общаго желанія отдѣлаться какимъ бы то ни было способомъ отъ ненавистнаго всѣмъ Циммермана. И въ самомъ дѣлѣ, его оцѣнили по достоинству. Вотъ еще возмутительный знакъ его непроходимаго самолюбія. Я уже записалъ въ дневникѣ, какъ онъ отъ страху увезъ осадныя орудія изъ Кюстенджи въ Браиловъ и тѣмъ взбудоражилъ всю Румынію. За это распоряженіе, какъ говорятъ, Циммерманъ получилъ изъ Главнаго Штаба замѣчаніе въ видѣ выговора. Что же онъ дѣлаетъ, чтобы оправдать себя?! Когда ожидалось наступленіе на Кюстенджи и когда я былъ еще тамъ для встрѣчи непріятеля, мною была выбрана позиція; эту позицію видѣлъ Циммерманъ и нашелъ, что эту позицію надо продолжить, но, про выборъ другой позиціи не было и рѣчи; когда же, за трусость свою въ отношеніи сохраненія осадныхъ орудій, онъ получилъ выговоръ, то онъ написалъ, что онъ это сдѣлалъ вслѣдствіе того, что при городѣ Кюстенджи будто

бы нѣтъ позиціи, которая бы защищала городъ (но выбранная мною позиція именно была та, которая защищала городъ), и въ доказательство своей лжи велѣлъ выбрать позицію въ 4-хъ верстахъ отъ города и позади разбитаго лагеря. Не только всѣ смыслящіе люди, но даже и ничего не понимающіе просто руками разводятъ, какая выбрана позиція. Обороняющійся отрядъ, имѣющій въ виду встрѣтить наступающаго въ позиціи, обыкновенно выбираетъ позицію впереди своего бивуачнаго расположенія, чѣмъ онъ, конечно, прикрываетъ свои обозы и даетъ имъ время устроиться и отойти отъ мѣста битвы; выбранная же Циммерманомъ позиція такова, что отрядъ для встрѣчи непріятеля долженъ бѣжать назадъ на позицію, оставивъ на произволъ судьбы всѣ обозы. Данауровъ, оставшійся вмѣсто меня начальникомъ Кюстенджинскаго отряда, послѣ выбора позиціи объявилъ (конечно, неофиціально) войскамъ, что въ случаѣ наступленія непріятеля онъ не займетъ указанной Циммерманомъ позиціи, но что онъ встрѣтитъ непріятеля впереди бивуака: ибо, какъ онъ выразился, за неудачу будетъ отвѣчать онъ, а не Циммерманъ, и если будетъ успѣхъ, то побѣдителя не будутъ судить за неисполненіе приказаній. Заявленіе это онъ долженъ былъ сдѣлать на томъ основаніи, что весь отрядъ пришелъ въ уныніе отъ выбранной позиціи, понимая очень хорошо, что если бы исполнять приказаніе Циммермана въ точности, то послѣдовала бы непремѣнно катастрофа. Каковъ командиръ! Онъ готовъ всѣмъ жертвовать, чтобы выказать непогрѣшимость своихъ безобразныхъ поступковъ.

2 Сентября, д. Мурфатляръ.

Вчера опять пришла депеша о дѣйствіяхъ подъ Плевною; наши взяли уже три редута, идутъ повидиму основательно, шагъ за шагомъ, но какія ужасныя жертвы! Однихъ раненыхъ 5 тысячъ; какихъ ужасныхъ жертвъ уже потребовала эта война и какихъ еще потребуетъ! Говорятъ, что Османъ окруженъ; если это такъ, то ему ничего не остается, какъ подороже продать свою жизнь; и она, боюсь, будетъ стоить Русскимъ войскамъ слишкомъ дорого, но лишь бы былъ успѣхъ. Если порѣшатъ съ Османомъ, то наши дѣла пойдутъ хорошо. Сулейманъ, говорятъ, до того пострадалъ, что теперь долженъ свои войска устраивать и не въ состояніи помочь Осману какою либо диверсіею. Мегмедъ-Али стоитъ спокойно. Это слава Богу: ибо въ то время, когда наши главныя силы теперь почти всѣ у Плевны, наступленіе Мегмета на Государя Наслѣдника было бы небезопасно, и даже очень. Говорятъ что взятіе редутовъ произошло въ виду Государя. Бѣдный! Какъ, я думаю, обливается его доброе сердце кровью при видѣ столькихъ жертвъ; но присутствуетъ, чтобы воодушевить войска своимъ присутствіемъ. Я

увѣренъ, что если бы нашъ добрый Царь зналъ или предполагалъ, что эта война будетъ такая кровопролитная и потребуетъ столькихъ жертвъ, онъ не началъ бы войны. Впрочемъ рѣшеніе историческихъ вопросовъ не зависитъ отъ воли одного человѣка, хотя бы онъ былъ самовластный властелинъ, какъ нашъ Государь. Судьбѣ повидимому хочется вознести имя этого человѣка выше всѣхъ историческихъ именъ въ мірѣ и сдѣлать это имя священнымъ въ устахъ каждаго христіанина и добраго человѣка. Но жертвы страшныя! Въ числѣ убитыхъ упомянутъ командиръ 3 стрѣлковой бригады генералъ Добровольскій. Я съ нимъ познакомился въ Кіевѣ передъ началомъ войны. Это былъ офицеръ генеральнаго штаба, съ большимъ умомъ и обширными свѣдѣніями; на него вообще смотрѣли, какъ на человѣка съ большою будущностію и считали его какъ за будущее свѣтило нашей арміи. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ человѣкъ имѣлъ все, чтобы сдѣлать блестящую карьеру. Кромѣ ума и образованія онъ имѣлъ и необходимый тонкій житейскій тактъ; это не то, что нашъ самодуръ Циммерманъ. Его бригада мобилизировалась вмѣстѣ съ первыми 4-мя корпусами; но когда была объявлена война, то всѣ войска прошли за границу мимо этой бригады, которая стояла въ Тульчинѣ; даже 2-я дивизія, которая пришла изъ Казани. Добровольскій, какъ человѣкъ самолюбивый и честолюбивый и слѣдовательно жаждавшій отличій, страшно былъ этимъ огорченъ, такъ что написалъ письмо къ Дрентельну, прося его заявить Главному Штабу, что не забыта ли его бригада, какъ это иногда случается во время военной суматохи, и что не онъ ли, командиръ бригады, причиною, что оставляютъ бригаду какъ бы ни на что ненужную и ни на что непригодную. Если онъ рѣшился офиціально писать къ командующему, то значитъ ему очень хотѣлось идти въ бой! И что же? Въ первомъ дѣлѣ шальная пуля сразила человѣка полнаго силы, надеждъ и счастливой жизни въ будущемъ. Добровольскій былъ еще очень молодой человѣкъ, имѣлъ жену и семью. И говорятъ, что у людей есть предчувствіе; просто враки! Но что на войнѣ никогда не слѣдуетъ ни на что напрашиваться и ни отъ чего не отказываться, это по моему должно служить правиломъ, аксіомою для каждаго военнаго человѣка. Мы опять сегодня ожидаемъ телеграммы, опять усиленно бьется сердце въ ожиданіи извѣстія; неужели Богъ намъ не поможетъ, когда мы деремся за такое правое и святое дѣло? Право, начнешь, пожалуй, сомнѣваться въ справедливости Божіей. Будемъ надѣяться, что Богъ справедливъ и даруетъ намъ побѣду. Какъ бы ни рѣшилось дѣло подъ Плевною—нашему бездѣйствію долженъ наступить конецъ. Онъ долженъ наступить съ прибытіемъ подкрѣпленій. Нужно, чтобы насъ смѣнили, и по всѣмъ свѣдѣніямъ мы идемъ подъ Силистрію. Пора!

Мы просто обабились, и даже совѣстно. Тамъ на другомъ концѣ льется кровь ручьями, а мы стоимъ и ничего не дѣлаемъ. Впрочемъ на войнѣ всякому свой долгъ: одинъ проливаетъ кровь, другой изнываетъ отъ бездѣйствія!

4-го Сентября, д. Мурфатляръ.

Грустно, грустно и очень грустно! Вчера получена телеграмма, и очень неутѣшительная. 31-го Августа наши не наступали, и храбрый Скобелевъ долженъ былъ оставить при шестомъ штурмѣ занятыя имъ позиціи 30-го числа. Уже Турки вырываютъ у насъ позиціи! Не будучи на мѣстѣ, трудно судить о всей важности потери этихъ позицій. Но такъ какъ въ депешѣ сказано, что эти позиціи были въ тылу у Турокъ, то потеря эта должна быть очень важна. Турки, какъ видно, не дураки и умѣютъ драться, и ихъ живыми руками взять нельзя. Вчера, думая о Плевнѣ (да и когда объ ней не думаешь!) я сообщилъ свою мысль Михѣеву. Мысль эта заключалась въ томъ, чтобы оставить приступы противъ неприступной позиціи и не терять такого ужаснаго числа людей, а обложить этого Османа и заморить его голодомъ. У Османа 70 тысячъ; у насъ, какъ нужно полагать, 100 тысячъ: превосходство достаточное для обложенія, прервать всѣ сообщенія и держать его также окопавшись. Вѣдь Плевна не крѣпость: запасовъ, провіанта и фуража много въ ней быть не можетъ. Вѣдь Прусаки съ 120 тыс. блокировали въ Мецѣ 100 тыс. Французской арміи. Въ телеграммѣ сказано, что наши войска окапываются вблизи Плевны и 31-го не атаковали. Не рѣшились ли они блокировать Османа? Конечно, чтобы заставить его сдаться отъ голода, нужно время и, второе, охватить его совершенно. Не зная мѣстности, и про всѣ обстоятельства, трудно издали судить, что́ можно сдѣлать и что̀ можно предпринять; но казалось бы блокада есть вещь самая лучшая. Блокада конечно займетъ много времени и заставитъ оставить другіе театры войны, на которые вѣроятно Турки и напрутъ со всею силою; но теперь, съ прибытіемъ подкрѣпленій, это неопасно. Наслѣдника Цесаревича можно усилить гвардіею, ея 50 тысячъ, а другія подкрѣпленія послать въ Шипку. Все это можетъ быть только умозрѣніемъ, которое на мѣстѣ и непримѣнимо; но кажется, что это было бы лучше, нежели идти вѣчно на проломъ и заставлять войска дѣлать невозможное. Что́ у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. У каждаго возвращающаго изъ корпуснаго штаба спрашиваешь: ну что тамъ новенькаго, не было ли со стороны Циммермана какого либо погрома, избіенія или увольненія? И на послѣдній разъ обошлось не безъ новостей. Командиръ корпусной артиллеріи генералъ К....й, отличнѣйшій человѣкъ, просится, чтобы

его взяли отъ Циммермана. Нѣтъ силъ, говоритъ онъ, жить и служить съ этимъ господиномъ. Князь Масальскій, начальникъ всей артиллеріи, согласился на его просьбу; но кто рѣшится идти къ Циммерману, если только его репутація хотя сколько нибудь распространилась по арміи? Думаю, что положительно никто не захочетъ служить съ Циммерманомъ, зная про его отвратительныя качества хотя отчасти. Неужели Главный Штабъ не знаетъ, какъ онъ ругаетъ всѣхъ тамъ распоряжающихся? Конечно Главный Штабъ не за что особенно хвалить; но такъ ругать, какъ ругаетъ его Циммерманъ, и при томъ всегда публично, это изъ рукъ вонъ. Это подрываетъ значаніе главнокомандующаго. Онъ весь Главный Штабъ называетъ *мальчишками*; это не въ бровь, а прямо въ глазъ. Но судьба будетъ просто несправедлива, если не откликнутся Циммерману всѣ его самодурства. Будемъ надѣяться, что Богъ справедливъ. Я счастливъ, что не вижу его уже болѣе мѣсяца, и въ Черноводы, если меня не потребуютъ, ни за что не поѣду, хотя другіе начальники дивизій и въ особенности новый, Жуковъ, часто таки ѣздятъ на поклоненіе Гогу-Магогу. Можетъ быть, я дѣлаю и дурно, но я поступаю, какъ диктуетъ мнѣ моя совѣсть.

Сегодня поѣхали въ Кюстенджи Михѣевъ, Шумовъ и много офицеровъ; они ѣдутъ разсѣяться, повеселиться, счастливые, что могутъ въ этакія минуты веселиться. Меня теперь ничто не развеселило бы, ничто не утѣшило бы кромѣ побѣды подъ Плевною. Ну, просто, Плевна не выходитъ изъ головы; всѣ мои мысли, всѣ пожеланія, все тамъ. Воображаю, съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какимъ біеніемъ сердечнымъ ожидаетъ извѣстій изъ Плевны Россія, т. е. люди мыслящіе, понимающіе и патріоты, но патріоты не въ видѣ журналистовъ, которые трубили имѣя только въ виду свой карманный интересъ. Утѣшились ли они тѣмъ, что наши ложатся тысячами? Утѣшились ли они тѣмъ, что десятками и сотнями вѣшаютъ и сжигаютъ Болгаръ? Долженъ упасть камнемъ на сердце упрекъ совѣсти тѣмъ, кто упорствовалъ въ томъ, чтобы воевать! Ну что, N.N., вы довольны? Можетъ быть, тысячу экземпляровъ вашей пошленькой газеты расходится больше въ день. Я васъ не знаю, г. N.N., но отъ души васъ ненавижу: вы безчестный эгоистъ, и изъ за копѣйки, мѣдной копѣйки вы готовы проповѣдовать, что̀ хотите; даже коммуну. Въ васъ нѣтъ убѣжденій, у васъ нѣтъ здраваго смысла, вы даже писать не умѣете; вы только смѣетесь, и я думаю, не сожалѣете, что вамъ не позволено драться. Вы не публицистъ, а мерзавецъ, которому нужно запретить не только писать, но даже бывать среди порядочныхъ людей. Г. N.N. такой же публицистъ, какъ Циммерманъ начальникъ войскъ: эгоизмъ одинъ вездѣ и всюду; а

патріотизма нѣтъ ни на грошъ. Только собственная выгода и собственная особа!

Ну зачѣмъ я такъ ругаюсь, и есть ли въ этомъ какой либо смыслъ? Конечно смысла тутъ нѣтъ, но ругань вырвалась, потому что мнѣ тяжело; на сердцѣ какая-то тоска, предчувствіе чего-то страшнаго, и я весь взволнованъ. Мнѣ хочется браниться, а бранить некого кромѣ Циммермана. Г. N.N. подвернулся такъ себѣ; это произошло отъ чтенія его дурацкой газеты, въ которой нѣтъ здравой мысли, нѣтъ ничего кромѣ какой-то безшабашной, дѣтской, ничего непонимающей удали. Нѣтъ, такая публицистика годна только для кабаковъ, и то такихъ кабаковъ, гдѣ не бываетъ никогда трезваго человѣка. А находятся въ Россіи много десятковъ тысячъ людей и не кабатчиковъ, которые пожираютъ, глотаютъ эту пошленькую газетку. Что же дѣлать? На что роптать? Вѣроятно она имъ всѣмъ пришлась по вкусу. На здоровье!

8-го Сентября, бивуакъ Мурфатляръ.

Опять пропустилъ четыре дня, не писалъ дневника. Все это время, какъ-то было не по себѣ, сердце было неспокойно; а сердце было неспокойно потому, что изъ телеграммъ Главнаго Штаба нельзя было сдѣлать никакого положительнаго заключенія, на что́ они подъ Плевною рѣшились и что будутъ дѣлать; только и было извѣстно объ нашихъ ужасающихъ потеряхъ. Послѣдняя телеграмма, полученная вчера, нѣсколько успокоила меня: изъ нея, т. е. телеграммы, видно, что наши рѣшились обложить Османа и бомбардировать его въ его укрѣпленномъ лагерѣ и что потери наши тутъ необходимы были, какъ кажется, чтобы занять удобные пункты для обложенія. Давно бы такъ! А то все на уру, да на уру. Конечно нужно проливать кровь, гдѣ нужно и необходимо; но гдѣ можно достигнуть того же результата безъ ура, то пролитіе крови есть преступленіе. Нѣмцы подъ Мецомъ не бросались на уру, а обложили и заставили Базена сдаться посредствомъ голода. Не знаю положенія Османа-паши; и, не зная того, можетъ ли онъ быть окруженъ, трудно судить, къ чему это обложеніе поведетъ, къ какимъ результатамъ. Если Османъ будетъ имѣть сообщеніе съ Видиномъ и Софіею, то онъ будетъ сидѣть въ Плевнѣ цѣлые мѣсяцы и тѣмъ будетъ парализовать дѣйствія всей нашей арміи; ибо безъ 100 тысячъ войскъ, которыя должны остаться подъ Плевною, намъ трудно будетъ начать наступательныя дѣйствія на другихъ театрахъ военныхъ дѣйствій, даже съ прибытіемъ гвардіи и другихъ подкрѣпленій, и тѣмъ война можетъ быть затянута до безконечности. Но если Османъ можетъ быть совершенно запертъ, то ему продержаться

долго невозможно: вѣдь у него запасовъ не Богъ знаетъ сколько; вѣдь Плевна не крѣпость, которая всегда заранѣе снабжается съѣстными и боевыми запасами. Мы получаемъ теперь телеграммы съ главнаго театра дѣйствій, для насъ газеты не играютъ особенной роли. Мы уже читаемъ въ нихъ только то, что́ намъ уже извѣстно десять дней. Но все-таки пріятно прочесть и подробности кореспондентовъ. Въ послѣднихъ №№ «Голоса» въ особенности не забыты Добруджа и генералъ Циммерманъ. Въ одной замѣткѣ кореспондента между прочимъ сказано, что проѣзжающіе офицеры (раненые, а у насъ ихъ нѣтъ!) разсказываютъ про положеніе войскъ въ Добруджѣ и про генерала Циммермана курьезныя и почти невѣроятныя вещи; но, что такъ какъ офицеры ѣдутъ въ Питеръ, то предоставляется всѣмъ распросить ихъ лично, а кореспондентъ объ этомъ писать не желаетъ. Что́ бы офицеры ни разсказывали, все-таки они не разскажутъ истины: чтобы разсказать прямую истину про Циммермана, надо написать томы. Вотъ еще случай его самодурства. Призываетъ начальника корпусной артиллеріи Клеветицкаго и говоритъ ему, чтобы онъ передѣлалъ ему зарядные и патронные ящики изъ четырехколесныхъ въ двухколесные; когда же генералъ Клеветицкій ему отвѣчалъ, что это высочайше утвержденный образецъ и что у него теперь нѣтъ ни средствъ, ни рабочихъ, потому что передѣлка эта можетъ быть совершена арсенальною работою, Циммерманъ набросился на него и закричалъ: какой же вы послѣ этого начальникъ артиллеріи, и наговорилъ еще такихъ вещей, что генералъ Клеветицкій, пришедши домой, написалъ къ нему письмо, въ которомъ заявлялъ Циммерману, что при такихъ условіяхъ онъ не можетъ при немъ служить и что онъ пишетъ о томъ же въ Главный Штабъ. Циммерманъ, получивъ это письмо, не будь глупъ, чтобы предупредить письмо Клеветицкаго, самъ написалъ въ Главный Штабъ, что онъ съ Клеветицкимъ не желаетъ служить и проситъ его взять отъ себя. Какіе мотивы онъ привелъ къ тому, не знаю. Клеветицкій слишкомъ поступилъ благородно: надо было просто написать въ Главный Штабъ, не говоря объ этомъ ни слова Циммерману. Тогда по крайней мѣрѣ не была бы инициатива со стороны Циммермана.

Въ другомъ № той же газеты мы нашли кореспонденцію о дѣлѣ при Меджидіе, въ которой съ самой непривлекательной стороны описанъ клевретъ Циммермана, подполковникъ Ш., одинъ за это дѣло получившій золотую саблю, а между тѣмъ въ кореспонденціи доказывается, что Ш. все дѣло портилъ. Потомъ, еще въ передовой статьѣ также замѣчается о бездѣйствіи войскъ въ До-

бруджѣ. Все это одно къ одному, я думаю, должно убѣдить Циммермана, что его самодурства не останутся безъ огласки и что, долго ли, коротко ли, его выведутъ таки на свѣжую воду. Воображаю, какъ онъ, читая эти кореспонденціи, бѣсится. По дѣломъ вору и мука. Пусть подождетъ еще: не то будутъ писать.

Наше положеніе опять остается неопредѣленнымъ. Когда и куда мы двинемся и двинемся ли, никто и ничего не знаетъ. Вчера, наканунѣ праздника Рождества Богородицы, у насъ въ большой лазаретной палаткѣ была всенощная. Правду говоритъ пословица, что кто на войнѣ и въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился. И давно, признаться, я не молился Богу съ такимъ чувствомъ. Тутъ на бивуакѣ, въ степи, съ будущими, можетъ быть, кровавыми битвами, невольно себя чувствуешь какъ бы безъ поддержки и невольно отдаешь свою жизнь и всего самого себя подъ покровительство той всемогущей силы, которую мы называемъ Богомъ; невольно смиряешься, потому что чувствуешь среди настоящихъ обстоятельствъ свою безпомощность, невольно прибѣгаешь къ помощи невидимой и всемогущей силы.

Опять начинаютъ ходить слухи, что къ намъ придетъ Ганецкій, но этому положительно вѣрить нельзя; только потому и говорятъ, что желаютъ всѣ и безъ исключенія отдѣлаться отъ Циммермана: до того онъ всѣмъ сдѣлался ненавистенъ. Начинаютъ проявляться признаки, что мы остаемся въ Турціи на зиму. Эта перспектива ужасна. Гдѣ зимовать, какъ зимовать? Всѣ деревни разорены. Лѣсу нѣтъ, чтобы устроить бараки, въ землянкахъ люди будутъ болѣть и умирать. Гдѣ найти топлива, котораго и теперь уже недостаетъ? Голова не можетъ сообразить, какія лишенія могутъ претерпѣть войска и въ состояніи ли будутъ перенесть. Да, затянулась кампанія. И кто виноватъ въ этомъ, пусть тѣ отвѣчаютъ передъ Богомъ и передъ Россіею. Конечно въ томъ не виноваты наши войска, которыя дерутся, какъ въ лучшую пору славы Русской арміи.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ВРАЧА *).

Служба въ Москвѣ (1865—1875 годы).

Медицинскій инспекторъ Степанъ Дмитріевичъ Яновскій и его помощникъ Николай Михайловичъ Добряковъ оба, какъ люди, заслуживали полнаго уваженія, были добры и внимательны къ подчиненнымъ, участливы къ ихъ нуждамъ. Однако ни тотъ, ни другой не умѣли, а можетъ быть, по тогдашнему новому еще времени, не могли поставить себя такъ самостоятельно, какъ стали съ разу другіе начальники отдѣловъ Окружнаго Управленія въ Москвѣ. Подчиненный могъ смѣло идти къ нимъ со всякимъ своимъ служебнымъ дѣломъ, за снисхожденіемъ къ провинности и за помощію въ какой-либо нуждѣ или обидѣ, и, по возможности, не встрѣчалъ отказа; но это было только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло было, такъ сказать, семейное, медицинское, въ которое ни съ какой стороны не былъ замѣшанъ военный начальникъ. Иначе никакая правота, никакія законныя права не помогали просителю. Отстоять и защитить несправедливо обиженнаго военнымъ начальникомъ не приходило и на мысль. Одного въ такомъ случаѣ могъ ожидать потерпѣвшій, что, пожалѣвши о немъ, начальники пообѣщаютъ вознаградить его за обиду съ другой стороны, и это обыкновенно исполнялось. При своей близости къ Яновскому, на котораго онъ имѣлъ большое вліяніе, Добряковъ доступностью, деликатностью и мягкостью характера поставилъ себя такъ, что подчиненные со всякою нуждою шли прежде всего къ нему. Добряковъ же весьма часто исправлялъ должность инспектора за отсутствіемъ Яновскаго. Все это было бы прекрасно, если бы не та угодливость (я не знаю, какъ назвать правильнѣе) предъ военными, которой у Добрякова было даже больше, чѣмъ у Яновскаго. За это онъ пользовался расположеніемъ военныхъ, не исключая Гильденштуббе, который впослѣдствіи ходатайствовалъ о переводѣ Добрякова изъ Харькова въ Москву ме-

*) См. выше, стр. 225.

дицинскимъ инспекторомъ. Повидимому, не безъ участія Гильденштуббе состоялось и назначеніе его помощникомъ у Яновскаго въ Москвѣ: потому что изъ секретарей въ помощники—такой служебный шагъ, который невозможно сдѣлать безъ помощи какого-либо высокаго шеста. Голосъ командующаго войсками много значилъ, особенно въ нашихъ медицинскихъ дѣлахъ, не только у главнаго инспектора, но и у военнаго министра; Яновскій же въ то время былъ еще въ фаворѣ у Гильденштуббе. Одно только слѣдуетъ сказать къ чести Добрякова въ этомъ отношеніи, что, пользуясь общимъ расположеніемъ къ себѣ, онъ, при возможности, конечно, примирялъ поссорившіяся стороны, а иногда выпрашивалъ у военнаго начальника прощеніе правому своему подчиненному. Затѣмъ, и это уже внѣ сомнѣнія, никому изъ подчиненныхъ онъ не сдѣлалъ намѣренно зла изъ-за личныхъ отношеній.

Но, кажется, никому онъ не принесъ столько вреда, какъ мнѣ, противъ своего желанія, безсознательно и невольно. Приглашеніемъ на должность секретаря онъ столкнулъ меня съ дороги къ ученому поприщу, къ которому я готовился, на дорогу административно-служебную, къ которой у меня была антипатія. Затѣмъ при его участіи произошло нѣчто, совсѣмъ испортившее мою жизнь. Въ довершеніе всего, ему я обязанъ тѣмъ, что попалъ на службу въ Измайловскую богадѣльню. Но мягкій и покладистый характеръ Николая Михайловича не спасъ его впослѣдствіи отъ непріятностей по службѣ, когда на мѣстѣ Гильденштуббе появился графъ Бреверпъ-де-ла-Гарди. Подъ вліяніемъ этихъ непріятностей, вѣроятно, онъ добылъ себѣ болѣзнь печени; затѣмъ его постигло тяжелое семейное несчастіе: жена его, Наталья Кирилловна, прекраснѣйшая и симпатичная особа, подверглась неизлѣчимому душевному разстройству, что́ и доканало Добрякова физически и нравственно. Я помню, когда, вскорѣ послѣ болѣзни жены, въ восьмидесятыхъ годахъ онъ пріѣзжалъ въ Ярославль, гдѣ я служилъ дивизіоннымъ врачемъ; мы завтракали у командующаго дивизіей, и я, не зная о постигшемъ его несчастіи, освѣдомился о здоровьѣ его супруги. Не предполагая, что мнѣ неизвѣстно о болѣзни его жены и, вѣроятно, въ любезномъ, съ улыбкою, тонѣ моего вопроса о ней заподозривъ злорадство или насмѣшку, Добряковъ измѣнился въ лицѣ и сурово спросилъ меня въ свою очередь: развѣ вы знаете? Я невольно измѣнилъ и самъ выраженіе лица и тонъ, подъ вліяніемъ догадки, что съ Натальей Кирилловной что-то случилось. Нѣтъ, говорю; что же такое случилось? Неужели Натальи Кирилловны нѣтъ въ живыхъ? «Хуже: она помѣшалась, неизлѣчимо».—«Боже мой, вотъ несчастіе!» не могъ я удержаться отъ восклицанія, потому что искренно уважалъ эту прекрасную женщину. Добряковъ, не смотря на то, что былъ въ

чужомъ домѣ, у человѣка, котораго первый разъ видѣлъ (генералъ Шишкинъ, у котораго мы завтракали, былъ бригаднымъ и за отъѣздомъ начальника замѣнялъ его на короткое время въ командованіи дивизіей), разрыдался; всплакнулъ съ нимъ и я. Николай Михайловичъ умеръ года два назадъ. Миръ его праху! О томъ, какъ строго охранялъ онъ репутацію честнаго человѣка предъ своими подчиненными, мнѣ извѣстенъ слѣдующій случай. Когда подрядчикъ М... замѣнилъ лапсардакъ фракомъ, пантуфли лаковыми ботинками и изъ лачуги въ Зарядьѣ перешелъ въ собственный домъ, онъ, конечно, сталъ дѣлать визиты членамъ Окружнаго Управленія, отъ которыхъ зависѣла судьба его подрядовъ. Явился онъ и къ Добрякову, который жилъ на Поварской въ домѣ Казакова, въ третьемъ этажѣ, въ маленькой квартирѣ за 600 рублей въ годъ. Больше онъ не могъ тратить на свою обстановку: содержаніе медицинскаго инспектора на половину меньше другихъ военныхъ начальниковъ, но и ему приходилось по возможности тянуться за другими, равными себѣ по рангу, и во много разъ болѣе его обезпеченными со всѣхъ сторонъ. Средствъ (о доходахъ и говорить нечего) Добряковъ не имѣлъ, за женою взялъ какой-то пустякъ; и, будучи помощникомъ инспектора, вынужденъ былъ пользоваться казенною квартиркою изъ четырехъ комнатъ, такихъ мизерныхъ, что, уступивъ ихъ потомъ мнѣ добровольно, какъ секретарю, незаконно обдѣленному квартирными деньгами, онъ оставилъ ихъ съ радостію, потому что, получивъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника съ высшимъ квартирнымъ окладомъ, могъ уже жить приличнѣе. Въ тоже время и помѣщеніе управленія стало просторнѣе одной комнатой, которую отдѣлили отъ моего дароваго помѣщенія. Какъ холостому и не забывшему еще Жидовскихъ хибарокъ въ Гроднѣ, мнѣ за глаза было довольно трехъ комнатокъ; но я понималъ, какъ должна быть противна эта квартирешка для изящной, артистической натуры г-жи Добряковой, и какъ она была рада, что могла, наконецъ, жить въ сколько-нибудь сносной обстановкѣ. Впрочемъ, новая квартира въ домѣ Казакова, въ третьемъ этажѣ, хотя и казалась противу прежней палатами, но далеко уступала помѣщенію какого-либо, въ чинѣ полковника, военнаго командира, *о представительствѣ* котораго такъ усердно хлопотали со всѣхъ сторонъ. Вотъ въ эту-то квартиру Добрякова и пожаловалъ г. М... Еврейскій носъ разомъ обнюхалъ обстановку нужнаго человѣка и опредѣлилъ слабыя стороны ея. Сколько вы, в—ство, платить изволите за квартиру? Столько-то, былъ отвѣтъ. Еврей изображаетъ изъ себя фигуру классическаго удивленія. «600 рублей? Да это грабежъ! За такой чердакъ 600 рублей?!! Да что вы, ваше в—ство, обращается онъ къ Добряковой, позволяете вашему су-

пругу грабить себя? Вамъ ли жить въ такой квартирѣ?»—Квартиры дороги теперь. Я не думаю, чтобы мы переплачивали. Есть удобства.—«Что̀ вы говорите! Пожалуста, посмотрите въ моемъ домѣ и увидите, какую квартиру можно имѣть за эту цѣну». Бесѣда оканчивается тѣмъ, что отъ Добряковой получается обѣщаніе на завтра же осмотрѣть квартиру въ домѣ визитёра, которую онъ самъ покажетъ многоуважаемой генеральшѣ.

Наталья Кирилловна возвращается въ восторгѣ отъ квартиры, и какъ женщина ничего не понимавшая въ служебныхъ дѣлахъ мужа и, что̀ служитъ къ великой ея чести, никогда не вмѣшивавшаяся въ нихъ, невольно увлекаетъ своего честнаго, простодушнаго мужа.

— Nicolas! Вѣдь это прелесть, что̀ за квартира! Въ бельэтажѣ, комнатъ больше, чѣмъ намъ нужно, ванна и множество всякихъ удобствъ. Словомъ, все прелесть, и нечего желать больше; нечего, значитъ, и раздумывать. Пусть пропадутъ сто рублей, заплаченные Казакову, не жалко, и вотъ почему. Буду выкладывать по пальцамъ, какъ это дѣлалъ этотъ милый М... Во-первыхъ, видишь, я считаю мизинецъ: на пять лѣтъ плата безъ надбавки, по обязательству. Во-вторыхъ, если в—му п—ву (такой забавникъ!) не понравится эта квартира, то имѣете право съѣхать во всякое время, уплативши по разсчету за прожитое. И такъ далѣе.

Добряковъ, самъ еще не видавшій квартиры, разсказываетъ о ней, къ слову, кому-то изъ знакомыхъ. Тотъ улыбается двусмысленно и говоритъ: «Да, квартира хорошая; я бывалъ въ ней у N. (прежняго жильца); онъ платилъ за нее двѣ тысячи». И Добряковы остались на прежней квартирѣ.

Не знаю, обругалъ ли за это М... Николая Михайловича дуракомъ въ глаза, какъ это сдѣлала со мною одна Еврейка въ Луцкѣ, а ожидать этого было можно. Забавный случай съ собою я здѣсь разскажу кстати.

По дорогѣ на послѣднюю войну, я съ своимъ подвижнымъ лазаретомъ остановился въ Луцкѣ, гдѣ и простоялъ съ полгода. Для ста одиннадцати лазаретныхъ лошадей я заподрядилъ фуражъ у мѣстнаго помѣщика по цѣнамъ гораздо ниже, чѣмъ просили за него Евреи. Выхожу къ начальнику дивизіоннаго штаба Лесли; онъ говоритъ мнѣ: «Вамъ вѣдь фуражъ нуженъ для лошадей. Невскій полкъ (также стоявшій въ Луцкѣ со штабомъ дивизіи) заключилъ контрактъ съ такою-то Еврейкой по такимъ-то цѣнамъ. Штабъ также беретъ фуражъ у нея. Не хотите ли, я пришлю къ вамъ эту Жидовку?»—Благодарю: я уже нашелъ поставщика, и гораздо болѣе выгоднаго, для лазарета. Такой-то мнѣ поставляетъ овесъ, сѣно и солому по такимъ-то цѣ-

намъ.—«Да, это гораздо выгоднѣе; на сотню лошадей составитъ хорошую экономію. Да и штабу нѣтъ надобности награждать Жидовку. Спросите вашего пана, не возмется ли онъ по тѣмъ же цѣнамъ доставлять фуражъ и намъ? Лошадей при штабѣ немного (около восьми)». Я, конечно, согласился и чрезъ смотрителя передалъ своему поставщику желаніе полковника Лесли. Въ тотъ же вечеръ является ко мнѣ Еврейка, оказавшаяся поставщицей для полка и штаба, и съ тою назойливостью и навязчивостью, къ которымъ способны одни Евреи, уговариваетъ и усовѣщиваетъ меня оставить пана и брать фуражъ у нея по тѣмъ цѣнамъ, какъ и полкъ. Съ какой стати, спрашиваю, буду я платить вамъ дороже, чѣмъ теперь плачу? — «Зачѣмъ платить?» И Еврейка начинаетъ высчитывать, сколько въ день и мѣсяцъ составитъ разницы между моими и ея цѣнами. «Вѣдь это деньги!» торжественно заключаетъ она, поднявши кверху указательный палецъ, которымъ колотила по другой рукѣ, высчитывая мой безгрѣшный доходъ. «Такъ что̀ же изъ этого? А все-таки я буду брать у пана». Еврейка не отставала и такъ мнѣ надоѣла, что я сталъ уже не честью выпроваживать ее. Она направилась къ дверямъ, но на полдорогѣ остановилась и повернулась ко мнѣ съ вопросомъ: «Такъ не желаете?» Тотъ же вопросъ она повторила въ дверяхъ. Наконецъ-то ушла. Но чрезъ нѣсколько секундъ снова полу-отворяются двери, и въ комнату высовывается голова той же Еврейки. «Такъ-таки и не желаете?» — Сказано вамъ: нѣтъ, и уходите!— «Дур-ракъ!» почти крикнула Еврейка и поспѣшно скрылась, хлопнувъ дверями.

Нечасто приходится непрактичнымъ людямъ получать въ глаза такую заслуженную аттестацію; чаще она раздается за-глаза; но уже гораздо чаще и совершенно искренно люди даютъ такую аттестацію самимъ себѣ, не только въ душѣ, но и публично.

Заглянувъ разсказаннымъ эпизодомъ въ позднѣйшее время моей жизни, говорить о которой подробно еще рано, я не могу удержаться отъ того, чтобы не коснуться слегка порядковъ медицинской службы, существовавшихъ во время послѣдней войны. Это будетъ кстати и умѣстно, потому что въ настоящихъ воспоминаніяхъ моихъ много отведено мѣста безгрѣшнымъ доходамъ; а то, что̀ я разскажу, никому не будетъ обидно, такъ какъ прежніе порядки признаны негодными и замѣнены уже новыми.

Въ послѣднюю войну въ первый разъ примѣнялось «Положеніе о врачебныхъ заведеніяхъ на военное время», составленное за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ. Этимъ закономъ созданы были при пѣхотныхъ дивизіяхъ, подъ самостоятельнымъ завѣдываніемъ дивизіонныхъ врачей, на правахъ командира полка, подвижные лазареты. Такимъ

образомъ, на пѣхотнаго дивизіоннаго врача возлагалось, сверхъ его прямыхъ обязанностей, отвѣтственное завѣдываніе подвижнымъ лазаретомъ, сопряженное съ многими трудами, безпокойствами и непріятностями, которыхъ не зналъ дивизіоный кавалерійскій врачъ. Между тѣмъ вознагражденіе ихъ было одинаковое: копѣйка въ копѣйку. Мало этого, кавалерійскіе дивизіонные врачи ухитрялись, не имѣя ордена Св. Владимира даже четвертой степени, получать чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, чего, сколько мнѣ извѣстно, не удостоился ни одинъ пѣхотный дивизіонный врачъ. Не значило ли это въ переводѣ на нашъ бытовой и служебный языкъ, что есть, молъ, у тебя команда въ нѣсколько сотенъ человѣкъ, обозъ съ сотнею лошадей, и могутъ быть десятки тысячъ раненыхъ и больныхъ; съ тебя довольно, промышляй, какъ умѣешь! Не знаю, какъ промышляли мои товарищи, но всеобщіе отъ начальства отзывы о дѣятельности подвижныхъ дивизіонныхъ лазаретовъ, которые мнѣ знакомы по напечатанному въ Министерствѣ своду этихъ отзывовъ, заставляютъ думать, что дивизіонные врачи, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, не смотрѣли на свои лазареты, какъ на кормленіе, слѣдовательно, вмѣстѣ со мною заслуживали аттестацію, данную мнѣ Луцкою Еврейкою. Но положеніе пѣхотнаго дивизіоннаго врача не выдерживало сравненія съ положеніемъ главнаго врача военно-временнаго госпиталя. Послѣдній былъ и рангомъ, и содержаніемъ выше перваго; между тѣмъ должность этого врача замѣщалась старшими полковыми врачами (ниже дивизіонныхъ), которыхъ не считали достойными послѣдней должности, по крайней мѣрѣ, до времени. И вотъ эти люди на безлюдьѣ дѣлались Ѳомами-дворянами, получая право на генеральство, т. е. становясь вдругъ выше своихъ начальниковъ, дивизіонныхъ врачей. Такихъ генераловъ появилось много. У меня самого очутился подъ командою Глѣбовъ, братъ члена военно-медицинскаго ученаго комитета, вернувшійся послѣ войны въ Нѣжинскій полкъ, гдѣ состоялъ ранѣе старшимъ врачемъ, въ туже должность изъ главныхъ врачей военно-временнаго госпиталя. И было же у меня хлопотъ съ этимъ генераломъ, получившимъ красные лампасы (они были тогда присвоены и гражданскимъ генераламъ, но вскорѣ отняты у нихъ по неизвѣстнымъ мнѣ соображеніямъ *), такъ что мнѣ пришлось

---

*) Здѣсь мнѣ припоминается одна дерзкая выходка Поляка, служившаго въ военной службѣ. Военный генералъ замѣтилъ ему, почему онъ не отдалъ ему, генералу, чести?—„А почему я могъ знать, что вы генералъ?“ Генералъ былъ въ обыкновенной фуражкѣ и въ шинели. Онъ отвертываетъ полу послѣдней и показываетъ свои лампасы: видите?—„Во-первыхъ, изъ подъ шинели я вашихъ лампасовъ не замѣтилъ“, былъ отвѣтъ; „а во-вторыхъ, я привыкъ различать генераловъ не по ногамъ, а по головамъ“. (Полякъ отвѣчалъ генералу по-польски).—Въ Одессѣ одному генералу понадобился плюмажъ. Въ

писать Рудинскому (бывшему въ то время главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ или исправляющимъ эту должность), чтобы или мнѣ дали слѣдующій чинъ, или подчиненнаго мнѣ генерала убрали, куда хотятъ. Предпочли послѣднее и моему генералу дали мѣсто дивизіоннаго врача, чѣмъ я одинаково остался доволенъ.

Впослѣдствіи пѣхотному дивизіонному врачу дали рангъ бригадира на время войны, открывши, такимъ образомъ, дорогу къ генеральству, а главныхъ врачей госпиталей понизили, даже подчинивъ ихъ дивизіонному. И любопытно, какъ къ инымъ людямъ бываетъ услужлива судьба, подавая послѣ стола горчицу. Предъ началомъ войны я просилъ, по важнымъ домашнимъ и семейнымъ обстоятельствамъ, о назначеніи меня на должность главнаго врача военно-временнаго госпиталя въ Россіи, а не въ дѣйствующей арміи, и получилъ лестный, даже почетный отказъ: завѣдываніе дивизіонными лазаретами, какъ дѣло новое (такъ писали мнѣ) требуетъ опытныхъ, испытанныхъ и пользующихся довѣріемъ начальства врачей, почему оно и ожидаетъ отъ меня большой пользы этому дѣлу. Не упомянутый ли Карицкій сочинялъ этотъ отвѣтъ, пристегнувши къ своимъ фармацевтамъ и старшихъ врачей для военно-временныхъ госпиталей? Впослѣдствіи, однако, когда по тѣмъ же семейнымъ обстоятельствамъ я добровольно принялъ предложенное мнѣ Добряковымъ низшее мѣсто въ богадѣльнѣ, управленіе поспѣшило зачислить меня кандидатомъ на должность главнаго врача въ военно-временный госпиталь, предоставляя этимъ мнѣ, бывшему дивизіоннымъ и главнымъ врачемъ постояннаго госпиталя, возможность послужить подъ начальствомъ какого-нибудь дивизіоннаго врача, бывшаго моимъ подчиненнымъ въ роли младшаго врача или ординатора. Узнавъ о такой чести, я подумалъ: эдакъ, пожалуй, можно дослужиться и до младшаго ординатора, чтó дѣйствительно едва со мною и не случилось. «Нѣтъ, Богъ съ вами; лучше уходить по добру по здорову», сказалъ я и вышелъ въ отставку.

—

Яновскій, хотя также добрый и честный человѣкъ, держалъ себя съ подчиненными не такъ мягко, какъ Добряковъ, а иногда любилъ показать въ себѣ начальника, съ которымъ нужно держать ухо востро. Помнится мнѣ, напр., одинъ младшій врачъ плакался предъ нимъ на свою судьбу и сказалъ между прочимъ, что онъ терпитъ потому, что начальство *не любитъ* его. «А вамъ зачѣмъ нужно, чтобы начальство

Еврейскомъ магазинѣ съ него запрашиваютъ страшную цѣну. Генералъ горячится.— „Извините, ваше п—во: мы не виноваты, что въ городѣ меньше перьевъ, чѣмъ генераловъ“.

васъ любило? Заботьтесь о томъ, чтобы васъ любили жена, дѣти, любовница, если они у васъ есть. Начальство требуетъ отъ васъ службы, и ваша обязанность служить такъ, чтобы вами были довольны, а вы о какой-то любви заботитесь. Не говорите вздору». Это, пожалуй, и справедливо; да и хорошо было бы, если бы одной службы было достаточно, чтобы не подвергаться разнымъ служебнымъ карамболямъ. Въ этомъ отношеніи у Яновскаго слово не вязалось съ дѣломъ. Онъ, также какъ и Добряковъ, обыкновенно не поддерживалъ подчиненныхъ своихъ противъ военнаго начальства, несправедливо ихъ тѣснившаго. Помнится, напр., мнѣ одинъ случай, гдѣ я проявилъ гражданское, вѣрнѣе, чиновничье мужество, достойное лучшаго дѣла. Между однимъ изъ военныхъ начальниковъ и его старшимъ врачемъ, жившими прежде ладно, пробѣжала черная кошка, и командиръ сталъ доѣзжать своего подчиненнаго на свой манеръ. Врачъ, по фамиліи Бекаревичъ, стоялъ съ своимъ баталіономъ въ Клину и имѣлъ практику въ окрестностяхъ у помѣщиковъ и на фабрикахъ. Вотъ командиръ и надумалъ допекать его не дубьемъ, а рублемъ, запрещая всякую отлучку за черту города, а чтобы слѣдить за этимъ, поставилъ на всѣхъ выѣздахъ изъ города часовыхъ, и какъ только врачъ выѣзжалъ, командиръ, получивъ о томъ донесеніе отъ часовыхъ, посылалъ къ нему на квартиру записку съ требованіемъ явиться немедленно по дѣламъ службы. Такъ какъ врачъ не слушался законнаго запрещенія объ отлучкѣ, то командиръ, ничего не достигнувъ своею ловлею, придумалъ чрезъ начальника дивизіи доѣхать врача медицинскимъ инспекторомъ. Яновскій приказываетъ мнѣ заготовить, по частному письму начальника дивизіи, бумагу, запрещающую врачу отлучаться за черту города иначе, какъ съ разрѣшенія командира. Я докладываю, что такое распоряженіе не имѣетъ законнаго основанія. «Дѣлайте, что́ вамъ приказываютъ».—Слушаю-съ, приказаніе в-ства будетъ исполнено; но я не могу скрѣпить такого предписанія безъ того, чтобы не представить вамъ справки о законахъ.—«Что̀ вы меня учите! Развѣ я не медицинскій инспекторъ, не начальникъ?»—Докладываю в-ству, что я ни на секунду не забываю, кто вы; но у васъ есть права, а у меня есть обязанности. Отвѣтственная обязанность моя, какъ секретаря, докладывать в-ству о законахъ. Законнаго основанія для отданнаго вами распоряженія не существуетъ; доказательствомъ этому служитъ, что если бы такое существовало, то военное начальство распорядилось бы само, безъ вашего содѣйствія. Яновскій начинаетъ выходить изъ себя, но, какъ умный и вообще хорошій человѣкъ, сдерживается. «Что же вы думаете сдѣлать по этому письму?» спрашиваетъ онъ.—Слѣдуетъ вѣжливо отвѣчать начальнику дивизіи, что его желаніе не исполнимо,

и что лучше было бы въ интересахъ службы возстановить добрыя отношенія между командиромъ и врачемъ. Яновскій задумался на минуту, а потомъ, плюнувъ, сказалъ: «дѣлайте, какъ знаете».

Эта выходка моя была въ сущности утрировкой, что́ я прекрасно понималъ и въ то время. Никакой отвѣтственности за распоряженіе Яновскаго я не подвергался, заступаться за Бекаревича, котораго я не видывалъ, также не было у меня повода; но меня коробило съ первыхъ же дней службы жалкое положеніе военнаго врача, и я считалъ себя въ правѣ для защиты его воспользоваться тѣмъ, что мой начальникъ не зналъ законовъ и честностью его характера.

Ни этотъ случай, ни другіе подобные, не испортили добрыхъ отношеній ко мнѣ Яновскаго. Оставляя службу, онъ подарилъ мнѣ доселѣ сохраняемую мною свою фотографическую карточку съ собственноручною надписью: «Дорогому и многоуважаемому Ивану Арсеньевичу на память хотя не продолжительнаго, но пріятнаго совмѣстнаго служенія». Я не могу признать такой сувениръ за обычную любезность у людей, сходящихъ съ сцены, которые расточаютъ свои книксены публикѣ. Ранѣе этого Яновскій, представляя меня посѣтившему Управленіе главному инспектору Цицурину, отрекомендовалъ меня лучше, чѣмъ я смѣлъ бы себя считать, такъ что высшій нашъ начальникъ предложилъ мнѣ свою сигару и фотографическую карточку, на которой тутъ же сдѣлалъ собственноручную надпись. Обѣ эти карточки, я свято сохраняю въ числѣ крайне-скудныхъ хорошихъ воспоминаній о моей службѣ, но болѣе богатыхъ такихъ же воспоминаній о врачахъ прежняго стараго времени. Между ними гораздо больше было хорошихъ людей, чѣмъ между теперешними.

Какъ только я былъ утвержденъ въ должности секретаря, то немедленно сократилъ Кижнера, указавъ ему дѣло, которое одно на немъ и должно было лежать—переписываніе мѣсячныхъ и годовыхъ медицинскихъ отчетовъ, да аптечной отчетности. Яновскій подчинился моему порядку, ничѣмъ не выразивъ неудовольствія къ тому, что доклады перешли къ секретарямъ, а Кижнеръ, не безъ борьбы со мною оставившій свое привиллегированное положеніе, долженъ былъ стушеваться. Такъ, сравнительно легко, удалось мнѣ справиться съ нимъ, вѣроятно, только потому, что положеніе самого Яновскаго пошатнулось у Гильденштуббе, такъ что онъ уже рѣшилъ бросить службу. Помню, однажды, возвратившись отъ Гильденштуббе съ доклада, Степанъ Дмитріевичъ вошелъ въ нашу канцелярію и, не понимаю, къ чему и по какому поводу, сказалъ при всѣхъ Кижнеру: «Кижнеръ, мы съ тобою, братъ, устарѣли, не годимся; намъ убираться надо». Дѣйствительно, прежде чѣмъ выдти въ отставку, Яновскій пристроилъ Киж-

нера къ какой-то должности внѣ медицинскаго вѣдомства. Это, по мнѣнію моему, тоже хорошая черта въ характерѣ Яновскаго: онъ не покинулъ своего, хотя въ глазахъ другихъ и недостойнаго, слугу, на грошевые доходы котораго самъ Яновскій могъ смотрѣть, какъ на гривенники своего слуги, собираемые имъ за сниманіе и подаваніе верхняго платья гостямъ. Напрасно только онъ сказалъ (очевидно, по моему адресу), что онъ и Кижнеръ устарѣли и не годятся: Яновскіе еще могли бы годиться, если бы захотѣли, для пользы дѣлу; что же касается до Кижнеровъ, то они на долго, если не навсегда, будутъ нужны и не переведутся во вредъ дѣлу. Кижнеръ оказался у Буша; Кижнеры существуютъ и поднесь. Только теперешній Кижнеръ, фельдшеръ у врача, не похожъ на прежняго, часто пьяненькаго, еще чаще подленькаго, но всегда преданнаго патрону своему и знающему свое мѣсто и себѣ настоящую цѣну. Теперешній Кижнеръ - фельдшеръ учился и умѣетъ не хуже Кіевской вѣдьмы вскакивать на плеча своего Хомы Брута. Онъ ѣздитъ теперь не только на врачѣ-чиновникѣ, но и на профессорѣ-хирургѣ всякой спеціальности. Земскій врачъ для него тоже, что̀ для мужика его кляча во время масляницы. Прежній фельдшеръ у прежняго, барствующаго врача былъ *тлью*, у теперешняго же, рабствующаго сдѣлался *вещью*. Фельдшерскій водевиль теперь въ полномъ разгарѣ. Фельдшера уже составляютъ общества, покровительствуемыя такъ называемыми высокопоставленными лицами, раздаютъ дипломы этимъ лицамъ на почетное фельдшерство, какъ напр., Московское фельдшерское общество имѣетъ въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ и городскаго голову, и профессоровъ и т. д. Фельдшера имѣютъ уже и свой печатный органъ, гдѣ полемизуютъ съ врачами, и вообразили себя такою общественною силою, что подняли *фельдшерскій вопросъ*.

Яновскій потерпѣлъ служебное фіаско и долженъ былъ сойти со служебной сцены главнѣйшимъ образомъ по той причинѣ, что сдѣлался у Гильденштуббе домашнимъ врачемъ, или вѣрнѣе врачемъ его особы, такъ какъ тотъ былъ холостъ и безсемеенъ. Я говорилъ выше, какъ шатко и опасно врачу опираться на такія частныя отношенія къ начальнику, а Яновскій дѣйствительно на нихъ оперся и при томъ неосторожно. Напр., пользуясь правомъ врача, онъ входилъ къ Гильденштуббе въ кабинетъ безъ доклада, что́ дѣлалъ и тогда, когда имѣлъ только собственную служебную надобность, нарушая очередь дожидавшихся пріема другихъ начальниковъ отдѣловъ. А такъ какъ онъ любилъ поговорить, то случалось, засиживался долго у Гильденштуббе, забывавшаго, что его ожидаютъ. Все это возбуждало неудовольствіе военныхъ генераловъ противъ Яновскаго, которое усиливалось еще и тѣмъ, что

онъ нерѣдко становился въ оппозицію по разсматривавшимся въ Окружномъ Совѣтѣ докладамъ начальниковъ артиллеріи, инженеровъ и интенданта, имѣвшихъ по своимъ отдѣламъ самыя крупныя заготовленія. Дѣла въ Совѣтѣ рѣшались по большинству голосовъ, при чемъ при равенствѣ ихъ рѣшающее значеніе имѣлъ командующій войсками. У Гильденштуббе, не знакомаго съ тонкостями процедуры разныхъ подрядовъ, поставокъ и заготовленій, мнѣніе или голосъ Яновскаго имѣли значеніе, пока послѣдній пользовался его расположеніемъ. Вслѣдствіе этого происходило, что иной докладъ, тщательно обдѣланный и гладко отполированный, запинался или не проходилъ такъ ловко, какъ желалось, благодаря Яновскому, иногда увлекавшемуся желаніемъ показать Гильденштуббе свое знаніе дѣла. (Другихъ побужденій у него не могло быть, кромѣ тщеславія). Выходили при этомъ всегда вредившія Яновскому, а иногда и компрометирующія его столкновенія съ другими членами Совѣта. Разсматривался, напр., однажды докладъ, кажется, инженернаго вѣдомства о торгахъ на поставку дровъ. Яновскій нашелъ цѣны высокими, указывая, что онъ для аптечнаго магазина заподрядилъ такія же (осиновыя) дрова почти на два рубля за сажень дешевлѣ. Одинъ изъ членовъ Совѣта одурачилъ Яновскаго на этомъ дѣлѣ слѣдующимъ образомъ: «Сколько саженъ, Степанъ Дмитріевичъ, спросилъ онъ, заподряжено вами дровъ?» Яновскій сказалъ какіе-то, сравнительно съ подрядомъ инженера, пустяки.—«Ну, вотъ видите, вамъ нужна какая-то сотня - другая саженей; конечно, вамъ продадутъ дешевлѣ, а здѣсь нѣсколько тысячъ саженей!» Въ дѣйствительности выходило какъ разъ наоборотъ; но Яновскій не сообразилъ этого и согласился. Послѣ, когда ему это разъяснили, онъ спохватился и поступилъ такъ, какъ поступилъ у Гоголя разказчикъ о подвигахъ капитана Копейкина.

Возможно, наконецъ, что Яновскій былъ неостороженъ въ отзывахъ предъ Гильденштуббе о своихъ товарищахъ, что̀ могло доходить до послѣднихъ. Все это вмѣстѣ взятое вызвало противъ него непріязнь, пользовавшуюся всякими средствами, чтобы повредить расположенію къ нему Гильденштуббе; это, конечно, и удалось. Подвернулось и недовольство лѣченіемъ. Гильденштуббе страдалъ какою-то болѣзнію ногъ, и одно изъ назначенныхъ ему Яновскимъ средствъ такъ не угодило паціенту, что тотъ будто бы запустилъ въ своего врача сапогомъ. Я не думаю, чтобы послѣднее дѣйствительно было; но явное охлажденіе начальника къ подчиненному произошло изъ-за лѣченія. Урокомъ Яновскаго я воспользовался для себя и впослѣдствіи всегда уклонялся отъ роли домашняго врача у начальниковъ дивизій, которыхъ имѣлъ нѣсколько.

Когда охлажденіе Гильденштуббе къ Яновскому сдѣлалось извѣстнымъ, то его постарались закрѣпить, услужливо подбирая, подыскивая и раздувая всѣ годные для этого случаи. Такъ, напр., Яновскій, при осмотрѣ санитарнаго состоянія какого-то полка, поздоровался, какъ это дѣлаютъ военные начальники, съ выведенными для осмотра солдатами, и сдѣлалъ это въ присутствіи командира полка. Въ этомъ усмотрѣли крупный криминалъ, что-то въ родѣ превышенія власти и оскорбленія достоинства командира полка, и для Яновскаго вышла крупная непріятность со стороны Гильденштуббе. Но какъ часто на одно и тоже дѣло въ службѣ смотрятъ различно! Я въ послѣдствіи нерѣдко бравировалъ умышленно своимъ положеніемъ дивизіоннаго врача, проводя собственные, съ закономъ совмѣстные, служебные принципы и методы. Помня случай съ Яновскимъ, я, во время службы въ 35-й дивизіи, рѣшилъ сдѣлать пробу. Въ войскахъ въ то время заведены были изъ строевыхъ солдатъ санитары, обучаемые врачами переноскѣ раненыхъ и подачѣ имъ первоначальной помощи въ видѣ остановки кровотеченій и наложенія повязокъ. Такому обученію подвергалась послѣдовательно, если не вся, то бо́льшая часть солдатъ каждой войсковой части. Успѣхи обученія повѣрялъ дивизіонный врачъ при своихъ санитарныхъ осмотрахъ, имѣя въ виду, что изъ такихъ санитаровъ должны формироваться команда носильщиковъ при подвижныхъ дивизіонныхъ лазаретахъ и команда полковыхъ санитаровъ, также подчинявшаяся на полѣ сраженія дивизіонному врачу, какъ начальнику подвижнаго лазарета, составлявшаго перевязочный пунктъ и завѣдывавшаго уборкою раненыхъ. Такую санитарную, подготовляемую команду мнѣ предстояло экзаменовать въ Болховскомъ полку. Предъ входомъ въ помѣщеніе, гдѣ команда была собрана для меня, я обратился къ сопровождавшему меня командиру полка и, по правиламъ военной вѣжливости, приложивъ руку къ козырьку, сказалъ оффиціальнымъ тономъ: «Полковникъ, вамъ извѣстно назначеніе этихъ людей, къ которымъ я иду, и то, что во время войны они поступятъ подъ начальство дивизіоннаго врача. Я нахожу не безполезнымъ, чтобы они освоивались съ такимъ подчиненіемъ заблаговременно; потому имѣете ли вы что либо противъ того, если я съ ними поздороваюсь?» Командиръ отвѣчаетъ: нѣтъ. Я обратился къ командѣ съ привѣтствіемъ: здорово, санитары! и получилъ обычный дружный отвѣтъ, послѣ чего сказалъ имъ подходящую рѣчь относительно обязанностей, къ которымъ они готовятся. Изъ этой моей выходки не только не произошло ничего для меня непріятнаго; напротивъ, мнѣ поставленъ въ заслугу тактъ, съ которымъ она была сдѣлана; и съ тѣхъ поръ мнѣ уже не приходилось обращаться къ командирамъ частей за согласіемъ въ подобныхъ случаяхъ, а они сами

уступали мнѣ дорогу при входѣ нашемъ въ помѣщенія, гдѣ собраны были для меня санитары и фельдшерскіе ученики, съ которыми я здоровался по военному.

Впрочемъ, между поступками моимъ и Яновскаго есть нѣкоторая существенная разница. Кромѣ того, на моей сторонѣ были добрыя отношенія ко мнѣ сослуживцевъ и начальства, самое время, нѣсколько измѣнившее взглядъ военнаго офицера на врача и появившіяся въ законѣ попытки поднять его значеніе. Эполеты, какъ военный атрибутъ, врачъ носитъ давно; но они долго оставались предметомъ зависти и глумленія для офицера. Надъ ихъ Прусскою формою еще недавно глумился генералъ Риттихъ въ своемъ смѣхотворномъ (такимъ оно признано и критикомъ «Развѣдчика») сочиненіи: *Военный бытъ въ дѣйствительности и мечтахъ.* Но во время послѣдней войны офицеръ уже подчинялся врачу, и потомъ послѣдній сравненъ съ офицеромъ въ томъ, что также, какъ и онъ, даетъ служебную присягу предъ знаменемъ. Въ дѣйствительности, впрочемъ, и теперь еще далеко врачу до признанія его равноправнымъ членомъ военной семьи.

Слѣдующій случай усердія военныхъ генераловъ повредить Яновскому у Гильденштуббе послужилъ поводомъ къ окончательному между ними разрыву, послѣ чего Яновскій и вышелъ въ отставку. При командующемъ войсками состоялъ для порученій генералъ съ Нѣмецкою фамиліей, которую я забылъ и справляться о которой мнѣ не хочется. Этому генералу поручено было осмотрѣть войска въ Нижнемъ-Новгородѣ. По существовавшему порядку такая инспекція распространялась и на существовавшій въ городѣ военный лазаретъ. Осматривая сей послѣдній, генералъ задался очевидною цѣлію найти безпорядки по медицинской части. Онъ спеціально обратилъ вниманіе на леченіе, читалъ на доскахъ у кроватей Латинскія названія болѣзней, заглядывалъ въ скорбные листы, разбиралъ сигнатурки, взбалтывалъ и разсматривалъ на свѣтъ лекарство, и при этомъ критиковалъ леченіе. «Какъ вы лечите? кричалъ онъ при этомъ. Вотъ тутъ у васъ написано: catarrhus pulmonum (катарръ легкихъ), а больной умираетъ. Это что за бурду, вмѣсто лекарства, больному солдату! Развѣ это леченіе? Вы не лечите, а морите солдатъ. Прислать мнѣ на квартиру всѣ скорбные листы». Однимъ словомъ, расходившійся генералъ разнесъ въ пухъ и прахъ врачей, которыхъ, при всей ихъ выносливости и привычкѣ, обращеніе съ ними генерала возмутило. Чрезъ нѣсколько дней Яновскій получаетъ отъ дивизіоннаго врача въ Нижнемъ (Соловьева, въ 3-й дивизіи) частное, горько-слезное письмо съ изложеніемъ подвиговъ генерала и съ мольбою о защитѣ. Яновскій показываетъ мнѣ это письмо и спрашиваетъ, что нужно сдѣлать по этому письму.

Прочитавши, отвѣчаю: по этому письму ничего нельзя сдѣлать. Яновскій уставился на меня съ изумленіемъ. «Что́ вы говорите? Развѣ можно оставлять такія вопіющія мерзости?»—Оставлять не слѣдуетъ. «Да говорите же, Иванъ Арсеньичъ, прямо. Что̀ вы играете въ загадки? Я васъ не узнаю́».—Вы имѣете частное письмо, а гдѣ ручательство, что все написанное въ немъ правда? Дивизіонный врачъ когда собрался написать вамъ это письмо? А между тѣмъ по такому-то закону онъ обязанъ былъ немедленно представить вамъ оффиціальное донесеніе, какъ о самомъ смотрѣ, такъ и о сдѣланныхъ инспектирующимъ замѣчаніяхъ. «А! Такъ заготовьте ему сейчасъ же объ этомъ предписаніе.»—И предписанія не слѣдуетъ посылать. Вѣдь неизвѣстно еще, какъ оборотится дѣло. Можетъ случиться, что въ вашемъ предписаніи усмотрятъ подстрекательство подчиненныхъ. Кромѣ того, получивши сухое предписаніе ваше, дивизіонный врачъ не будетъ знать, къ чему оно для него клонится. По частному письму вы не обязаны входить въ оффиціальную переписку, а потому, если довѣряете, поручите отвѣтъ мнѣ: я знаю, какъ написать. Чрезъ нѣсколько дней получается форменное донесеніе, по сущности одинаковое съ письмомъ, но съ устраненіемъ нѣкоторыхъ выраженій, которыя были неудобны для предъявленія письма, какъ жалобы. Вотъ видите, обращаю я вниманіе Яновскаго, за такія-то выраженія, которыхъ нѣтъ въ рапортѣ, дивизіонный врачъ самъ оказался бы одинъ виновнымъ въ этомъ дѣлѣ, если бы вы дали ходъ ему по этому письму.—«Что же теперь дѣлать? Посовѣтуйте.»—Это зависитъ отъ васъ, то есть, отъ того, въ какихъ отношеніяхъ вы желаете остаться къ командующему войсками. Вы или лично доло̀жите этотъ рапортъ ему и поговорите съ нимъ, что̀ найдете нужнымъ; или прямо пошлете главному инспектору при соотвѣтственной бумагѣ. Яновскій подумалъ съ минуту. «Я вамъ долженъ, Иванъ Арсеньичъ, сказать откровенно, что положеніе мое стало невыносимымъ, и я рѣшилъ давно бросить службу».—Очень жаль, что такъ случилось. По крайней мѣрѣ, я искренно сожалѣю, что вы оставляете службу; но совѣтывать вамъ что либо не смѣю и не умѣю.—«Нѣтъ, это дѣло уже рѣшенное. Составьте бумагу въ Петербургъ».—Въ такомъ разѣ этотъ случай обставляетъ очень удобно вашъ выходъ въ отставку. И мнѣ кажется, что вамъ не мѣшало бы послать главному инспектору частное письмо въ тонѣ донесенія, при которомъ будетъ представленъ рапортъ Соловьева.—Этотъ разговоръ происходилъ въ великую Субботу на квартирѣ Яновскаго, и онъ поручилъ мнѣ поторопиться, какъ можно, составленіемъ проекта бумаги. Я помню, что звонъ къ пасхальной заутренѣ засталъ меня за окончаніемъ этого порученія. Бумага эта была одобрена и на

второй день праздника отослана въ Петербургъ. Главнымъ инспекторомъ былъ въ то время Смѣльскій Елеазаръ Никитичъ. Съ полученною бумагою нашею онъ тотчасъ бросился къ военному министру и представилъ ему это, само за себя говорившее, дѣло такъ, что въ результатѣ получилась весьма непріятная для Гильденштуббе бумажка отъ министра. Гильденштуббе не было въ это время въ Москвѣ; по возвращеніи онъ принялъ Яновскаго, къ удивленію, безъ гнѣва. Напротивъ, онъ обратился къ нему съ сожалѣніемъ о случившемся и съ мягкимъ упрекомъ. «Степанъ Дмитріевичъ, сказалъ онъ, зачѣмъ вы это сдѣлали, зачѣмъ вы писали въ Петербургъ? Доложили бы мнѣ, я не допустилъ бы впередъ ничего подобнаго. Вѣдь вы знаете, что я никогда не позволялъ себѣ вмѣшиваться въ ваши медицинскія дѣла». Но дѣло было сдѣлано, и Яновскій подалъ въ отставку.

Какъ теперь вижу его представительную, красивую фигуру съ умнымъ и пріятнымъ лицомъ, съ шутливыми и остроумными рѣчами въ минуту хорошаго расположенія духа, которое было у него обыкновеннымъ. Въ управленіи онъ держалъ себя просто, по домашнему. Являлся онъ въ управленіе всегда чрезъ квартиру Добрякова, изъ которой была дверь въ его небольшой кабинетъ. (Этотъ послѣдній по вечерамъ, когда было нужно присоединялся къ квартирѣ Добрякова). Яновскій приходилъ на службу большею частію въ разстегнутомъ пальто сверхъ жилета и въ сапогахъ, полулунно разрѣзанныхъ противъ мозолей, которыя ему надоѣдали. Кажется, въ такихъ сапогахъ онъ являлся и къ командующему войсками. Такова была простота! Яновскій былъ и остался для меня симпатичнѣйшимъ изъ людей. Недавно, года полтора, назадъ, онъ былъ еще живъ, уѣхавъ за границу вскорѣ послѣ отставки. Что-то съ нимъ теперь?

Къ этому времени относится появленіе на военно-окружномъ горизонтѣ извѣстнаго М. Я увидѣлъ его первый разъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Имѣя надобность въ какой-то справкѣ изъ интенданства, я зашелъ въ него по дорогѣ на службу. Было еще такъ рано, что не всѣ столоначальники были въ сборѣ. Интенданство помѣщалось тогда въ домѣ князя Голицына (нынѣ Батюшковой) на Никитской. Надъ входной дверью въ обширную канцелярію, гдѣ священнодѣйствовали столоначальники и писцы, висѣла надпись: входъ постороннимъ воспрещается. Я, сознавая себя не совсѣмъ посторон- нимъ этому святилищу, вошелъ въ него смѣло, и первое что́ бросилось мнѣ на глаза—это типическая фигура Еврея, важно похаживавшаго вдоль стѣны около оконъ. Не безъ труда отыскавъ чиновника, у котораго находилось нужное мнѣ дѣло, я встрѣтилъ въ немъ мало свѣдущаго канцеляриста, который долго не могъ найти нужной бу-

маги, роясь то въ одномъ, то въ другомъ «дѣлѣ». Вдругъ около насъ появляется неслышными шагами эта Еврейская фигура съ пейсами и въ ермолкѣ, въ засаленномъ лоснящемся лапсардакѣ и пантуфляхъ. «Чтó вы ищете?» обращается она къ чиновнику.—То-то.—«Зачѣмъ ему быть тутъ?» говоритъ она, посмотрѣвъ номеръ и заголовокъ «дѣла». Ищите подъ такимъ-то № о томъ-то». Чиновникъ слушается и скоро находитъ искомое. Выходя изъ канцеляріи, я обратился къ швейцару съ вопросомъ, чтó у васъ это за Еврей? Да М. же! отвѣчаетъ удивленнымъ тономъ швейцаръ. «Кто такое М?» спрашиваю я. Швейцаръ, не отвѣчая мнѣ, пожалъ плечами и отошелъ: онъ не счелъ нужнымъ, вѣроятно, просвѣщать меня на счетъ того, чтó всѣмъ извѣстно. О М. мнѣ ранѣе слышать не приходилось, и потому понятно, что послѣ этой встрѣчи я заинтересовался имъ. Отъ своего товарища по управленію, другаго секретаря изъ фармацевтовъ, Мацевича, а также отъ прочихъ сослуживцевъ я узналъ о М. много интереснаго. Никто, впрочемъ, не могъ мнѣ вѣрно сказать, откуда взялся онъ и какъ сдѣлался *своимъ* человѣкомъ въ Московскомъ интендантствѣ, точно также какъ неизвѣстно, откуда лѣтомъ берутся комнатныя мухи. Вѣроятно, по законамъ контраста, трусливый отъ природы Еврей льнетъ къ храброму нашему воинству. Издавна рѣдкій полкъ обходился безъ портнаго-Еврея и рѣдкій госпиталь безъ Еврея-подрядчика. Правда, что нѣсколько страннымъ казалось, что въ самомъ сердцѣ Россіи, между его православнымъ купечествомъ, щеголяющимъ своимъ патріотизмомъ, не находилось охотниковъ продовольствовать войска въ округѣ провіантомъ. Солидныхъ торговцевъ хлѣбомъ въ Москвѣ не занимать-стать, между тѣмъ безъ Еврея не обошлось дѣло. Тутъ есть, вѣроятно, тайна недоступная для непосвященныхъ. Знаю только, что хлѣбъ солдатамъ Московскаго гарнизона отпускался очень не-важный, и подѣлать съ этимъ ничего было нельзя. У солдатъ въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ округа былъ еще хуже. Такъ въ одномъ провіантскомъ магазинѣ, кажется въ Рязанской губерніи, въ мукѣ расплодился какой-то невиданный ранѣе жучекъ, до того испортившій муку, что изъ нея никакъ не выходилъ хлѣбъ. Командиръ части и старшій врачъ донесли по своимъ командамъ о такомъ происшествіи. Былъ командированъ для разслѣдованія его чиновникъ изъ Москвы, которой и привезъ цѣлый мѣшокъ этой муки, кишѣвшій этими жучками и положенными ими въ муку яицами. При нашей тогдашней естественно-научной подготовкѣ пришлось обратиться за помощію въ Университетъ къ профессору Зоологіи, чтобы онъ спросилъ паспортъ у этого солдатскаго нахлѣбника и разслѣдовалъ, чѣмъ онъ занимается. Оказалось, что это долгоносикъ-жукъ и промышляетъ на счетъ клейковины въ мукѣ. Благо-

даря ему, мука не могла ни вскисать, какъ слѣдуетъ, ни вслѣдствіе этого превращаться въ хлѣбъ, а давала нѣчто въ родѣ прѣсной каши или разсыпчатаго крупеника. Управленіе прибавило къ этому еще изслѣдованіе аппаратомъ Раковича и дало заключеніе о совершенной негодности муки для печенія изъ нея хлѣба. Дѣло отправилось въ Петербургъ и, покуда ходило туда, солдаты продолжали кормиться у долгоносика, обратившись сами въ нахлѣбники у него. Наконецъ пришло изъ Петербурга запрещеніе пользоваться аппаратомъ Раковича для опредѣленія годности муки, а изъ Округа распоряженіе: сдобрить равнымъ или полуторнымъ количествомъ свѣжей муки и употреблять въ дѣло. Видно, такъ было нужно въ то время. Впослѣдствіи дѣло стало иначе, и вопросы о качествѣ продовольствія разрѣшались для солдата удовлетворительно, не тревожа даже начальника дивизіи.

Когда я былъ дивизіоннымъ врачемъ въ 35-й дивизіи, вотъ что случилось Нѣжинскомъ полку. Изъ провіантскаго магазина доставлена была въ полкъ мука, и изъ нея выходилъ не хлѣбъ, а что-то неопредѣленное. Я случайно натолкнулся на этотъ хлѣбъ и потребовалъ объясненія отъ квартирмистра. Этотъ сообщилъ мнѣ, что хлѣбъ испеченъ изъ свѣжей, только что взятой въ магазинѣ муки, а качество объяснялъ холоднымъ помѣщеніемъ затирочной, неопытностью новыхъ пекарей и новыми, необдержавшимися еще печами. Я посмотрѣлъ муку и призналъ въ ней знакомые долгоносиковые объѣдки. Такъ какъ офицеръ продолжалъ настаивать на случайности, очень возможной во всякомъ (особенно большомъ) хозяйствѣ, то я, по привычкѣ рѣшать каждый споръ нагляднымъ для обѣихъ сторонъ способомъ, спросилъ офицера: Есть у васъ теплыя затирочныя, опытные хлѣбопеки и обдержавшіяся печи?» —Есть.— «Въ такомъ случаѣ потрудитесь совмѣстить всѣ эти условія въ одной какой либо пекарнѣ, присмотрите за этимъ дѣломъ сами, а хлѣбъ, который получится, пришлите завтра въ штабъ дивизіи мнѣ. Вамъ же, обращаюсь я къ старшему врачу, поручаю понаблюсти за всѣмъ этимъ». На другой день ожидаю въ назначенный часъ хлѣба, не приносятъ; жду часъ, другой, тоже. Тогда посылаю нарочнаго къ старшему врачу, требуя его немедленно по службѣ въ штабъ. Является. «Почему мнѣ не доставленъ хлѣбъ, который я приказалъ вчера испечь и мнѣ доставить?» Подчиненный мой, по обычаю струсилъ и докладываетъ мнѣ, что вся прежняя мука въ тотъ же день взята смотрителемъ обратно и замѣнена другою, изъ которой хлѣбъ вышелъ хорошій. «Почему же вы не явились своевременно доложить мнѣ объ этомъ, а заставили безпокоиться, ожидать и посылать за вами?» Подчиненный сконфуженъ и извиняется тѣмъ, что разъ муку перемѣнили, онъ не видѣлъ уже надобности

меня безпокоить. Какова логика! Пришлось лично удостовѣриться, что произошло именно такъ, какъ мнѣ говорили. Однако, дурную муку смотритель сбылъ вѣдь куда нибудь солдатамъ, такъ какъ она была имъ одобрена; не думаю, чтобы подрядчикъ принялъ ее обратно и замѣнилъ другою.

Окружнымъ интендантомъ я засталъ генерала Жуковскаго, который долго былъ въ этой должности и памятенъ мнѣ тѣмъ, что носилъ на головѣ черную повязку, закрывая какую-то язву, мѣшавшую ему носить каску. Отъ каски онъ и былъ освобожденъ форменно, получивъ право носить одну фуражку. Положеніе окружнаго интенданта далеко не могло идти въ сравненіе съ положеніемъ окружнаго медицинскаго инспектора. Въ то время, какъ послѣдній былъ безсиленъ защитить предъ командующимъ войсками и праваго своего подчиненнаго, за окружнымъ интендантомъ его подчиненные вовсе и не думали о командующемъ войсками. Былъ такой случай. Жуковскій представилъ къ наградамъ, по порядку, чрезъ командующаго войсками, больше, чѣмъ слѣдовало, чиновниковъ изъ своего управленія. Гильденштуббе урѣзалъ, какъ говорится, это представленіе. Тогда Жуковскій ѣдетъ въ Петербургъ и устроиваетъ такъ, что помимо командующаго войсками интендантскіе чиновники получаютъ награды и въ большемъ еще числѣ противъ первоначальнаго представленія, и лучшія. Поступи такъ медицинскій инспекторъ, ему послѣ этого страшно было бы показаться на глаза къ Гильденштуббе. Впрочемъ, въ нашемъ вѣдомствѣ нѣчто подобное было и невозможно. Крупа, мука и т. д. съѣстное составляютъ пищу, а пища даетъ силу. Лѣкарствамъ далеко до такой силы; поэтому-то мы и оказались побитыми въ войнѣ изъ за долгоносика. Мало этого, хлѣбная сила иногда властно распоряжалась и въ нашихъ лѣкарственныхъ дѣлахъ. Хлѣбная сила не трусила тогда и передъ грознымъ для всѣхъ государственнымъ контролемъ. Контрольные начеты бывали и на Окружной Совѣтъ по интендантскому управленію, но никого это не смущало; потому что, когда нельзя было отписаться, выбрасывались тысячи съ пренебреженіемъ: На-те, молъ, отвяжитесь! Чего пристаете съ пустяками! Случилось, впрочемъ, одно въ сущности мелкое дѣло изъ-за волосяныхъ султановъ, которые тогда солдаты носили на кéпи. Этому случаю собственно и обязанъ былъ Московскій гарнизонъ увеличеніемъ своего состава въ два съ половиной раза, что̀ дало возможность офицерамъ и солдатамъ вздохнуть отъ прежней тяжелой караульной службы. Мало-того, въ Москвѣ, довольствовавшейся прежде одними жандармами, появилась и другая кавалерія.

Изъ другихъ начальниковъ отдѣловъ окружнаго управленія мнѣ особенно памятенъ генералъ Ганъ, окружный инспекторъ госпиталей,

онъ же и начальникъ мѣстныхъ войскъ. Памятенъ онъ мнѣ потому, что съ нимъ медицинскому управленію всего чаще приходилось сталкиваться изъ-за Московскаго госпиталя, находившагося, какъ и вообще госпитали, въ чрезполосномъ владѣніи. Мнѣ, кромѣ того, въ послѣднюю войну приходилось служить подъ начальствомъ Гана въ 13-мъ корпусѣ, которымъ онъ командовалъ. Начальникъ его штаба по мѣстнымъ войскамъ очень огорчалъ старика тѣмъ, что мѣшалъ ему писать собственноручно препроводительныя надписи на бумагахъ, къ чему Ганъ имѣлъ, кажется, болѣзненную страсть. Такъ какъ иныя бумаги требовали другаго, непосредственнаго исполненія, то начальникъ штаба отбиралъ докладываемыя имъ бумаги, требовавшія иного исполненія, а не препровожденія только. Ганъ, видя иногда, что у него остается мало или совсѣмъ не остается работы, пускался на хитрость. «Нѣтъ, оставьте мнѣ ихъ, я разсмотрю», говорилъ онъ начальнику штаба, и тотъ волею неволею повиновался, а на другой день получалъ всѣ съ подписанными, готовыми, препроводительными надписями. Такихъ надписей получалось множество во всѣхъ управленіяхъ, и всѣмъ была извѣстна страсть Гана къ писанію ихъ, такъ что, проходя мимо его квартиры ночью и видя огонь въ его кабинетѣ, говорили: Посмотрите, Ганъ еще строчитъ надписи на бумагахъ! Мнѣ живо памятна его подпись съ кудреватѣйшимъ росчеркомъ, начинавшимся съ верхушки начальной буквы его фамиліи. Ганъ особенно допекалъ преемника Яновскаго, инспектора Рудинскаго, поступившаго на эту должность изъ главныхъ врачей Московскаго госпиталя, т. е. изъ подначальныхъ въ нѣкоторомъ смыслѣ Гану лицъ. На бѣду подвернулось въ это время устройство при госпиталѣ психіатрическаго отдѣленія по новому плану, и по этому дѣлу Ганъ и Рудинскій постоянно карамболили между собою.

Ганъ былъ человѣкъ больной, легко приходившій въ раздраженіе, при чемъ у него появлялись подергиванья руки и ноги. Къ тому же онъ былъ порядочно глухъ, а глухота дѣлаетъ человѣка недовѣрчивымъ и подозрительнымъ, отнимая возможность разобрать докладываемое на словахъ и разъясняемое дѣло. Вы сдѣлаетесь смертельнымъ врагомъ глухаго, если будете, разговаривая съ нимъ, кричать, явно выражая усиліе и, особенно, неудовольствіе отъ такого разговора. «Что́ вы кричите? Развѣ я глухъ?» замѣтитъ вамъ глухарь, и ваше дѣло пропало. По этой, вѣроятно, причинѣ и Ганъ былъ усерднымъ посѣтителемъ Итальянской оперы. Рудинскій также былъ абонированъ, и, къ несчастію для послѣдняго, ихъ кресла приходились рядомъ. Ганъ до начала представленія и въ антрактахъ приставалъ къ Рудинскому со служебными дѣлами, а какъ тотъ интересовался только контрабасомъ и литаврами, то иногда и во время представленія не

отставалъ съ ними отъ своего несчастнаго собесѣдника. Рудинскій отвѣчалъ невпопадъ и рѣзко. Ганъ раздражался, возвышалъ голосъ; тоже дѣлалъ Рудинскій по необходимости, и они обращали на себя общее вниманіе и вызывали шиканье. Рудинскій не вынесъ, наконецъ, и пожаловался мнѣ на Гана, разсказавъ, до чего онъ его доводитъ. «Зачѣмъ же вы разговариваете съ нимъ?»—Да пристаетъ съ служебными дѣлами.—«Такъ скажите ему, что приходите въ оперу не на службу. Если генералу Гану что нужно по службѣ, пусть выберетъ другое время, а то напишетъ: безъ отвѣта не останется». На другой день послѣ слѣдующаго представленія оперы Рудинскій сообщаетъ мнѣ съ веселымъ видомъ: «Вчера Ганъ опять присталъ; но я ему сказалъ, напишите, если что нужно, а разговаривать о дѣлахъ здѣсь не мѣсто». Отсталъ, вѣроятно, обидѣлся.—Ганъ дѣйствительно обидѣлся и засыпалъ управленіе разными бумагами, изъ которыхъ многія не заслуживали отвѣта, а иныя прямо напрашивались на шпильку, на которую и сажались. Такъ и возгорѣлась война между Московскими Иваномъ Ивановичемъ и Иваномъ Никифоровичемъ. Рудинскій однажды говоритъ мнѣ: Ганъ на меня сердится, не говоритъ даже.—«Не думаю, чтобы вамъ отъ этого былъ большой убытокъ». — Жаль, я съ нимъ прежде мирно жилъ. — «Нѣтъ, ничего легче примириться съ нимъ и теперь. Прикажите, я буду посылать къ нему изъ управленія бумаги посылаемыя при надписяхъ: вы его этимъ очень одолжите, доставивъ возможность развлекаться любимымъ занятіемъ». Рудинскій улыбнулся. Вскорѣ, впрочемъ, они примирились и безъ предложенной мною мѣры.

—

Орестъ Ивановичъ Рудинскій всего болѣе любилъ собственное спокойствіе, которому жертвовалъ всѣмъ. Служебнымъ принципомъ его было: только не трогайте меня. Онъ относился индиферентно къ службѣ своихъ подчиненныхъ по госпиталю, когда она не угрожала ему ни отвѣтственностію, ни непріятностью, и въ такихъ случаяхъ провинности прощалъ, не ломаясь и дубродушно. Понятно, что подчиненные любили его, и между ними и Рудинскимъ установился modus vivendi, при которомъ сора изъ избы не выносилось. Онъ ладилъ и съ хозяйственнымъ составомъ госпиталя тѣмъ, что не вмѣшивался въ его дѣла. Доходы смотрителя въ то время высчитывались, какъ нормальные, въ 10.000 рублей.

Рудинскій считался хорошимъ хирургомъ и заслуженнымъ врачемъ, сдѣлалъ двѣ кампаніи, Венгерскую и Крымскую, въ качествѣ хирурга и къ Пирогову относился нѣсколько свысока, повидимому,

ставя его ниже себя. Онъ изобрѣлъ трахеотомъ*), носящій его имя, но не получившій распространенія. Къ Севастопольскому отдѣлу выставки, бывшей въ 70-хъ годахъ въ Москвѣ, онъ приготовилъ рисунки и модели операцій и повязокъ, дѣланныхъ имъ въ Крымскую войну, съ статистикою ихъ. Что онъ былъ смѣлый хирургъ, доказывается многими экзартипуляціями бедра́, которыя онъ дѣлалъ въ Крымскую войну и которымъ представилъ рисунки на выставку. Такая операція считалась безполезною, потому что всегда оканчивалась смертію. Поэтому операція эта была у хирурговъ въ забросѣ, но Рудинскій пробовалъ дѣлать ее, совершенствуя технику, которою и хвастался на выставкѣ. Но профессіональная зависть подставила ему ножку: хирургическіе экспонаты не доставили Рудинскому того, чего онъ надѣялся; честолюбіе и самолюбіе, которыхъ у него было съ избыткомъ, не получили удовлетворенія. На выставкѣ экспонировалъ также другой Крымскій хирургъ, извѣстный профессоръ Гейфельдеръ, работавшій въ Севастополѣ за счетъ Великой Княгини Елены Павловны и смотрѣвшій свысока на Рудинскаго, какъ тотъ на Пирогова. Гейфельдеръ, какъ имѣвшій доступъ къ высшимъ сферамъ и какъ профессоръ при томъ, понятно, сдѣлался чичероне для высокопоставленныхъ лицъ, при осмотрѣ ими медицинскаго отдѣла. Несомнѣнно, что предварительныя свѣдѣнія по этому отдѣлу высокопоставленныя лица получали отъ Гейфельдера, и его отзывъ рѣшалъ дѣло. Великій Князь Константинъ Николаевичъ, осматривавшій выставку, отнесся довольно равнодушно и разсѣянно къ экспонатамъ Рудинскаго, и когда этотъ докладывалъ и объяснялъ ему рисунки и модели операціи вылущенія бедра́ со статистикою, сколько ихъ сдѣлано имъ, Великій Князь спросилъ: «А результатъ? Mors (смерть)!» Рудинскій долженъ былъ отвѣчать утвердительно, и высокій посѣтитель оставилъ его, поблагодаривъ впрочемъ за труды и заслуги. Все это я слышалъ отъ самого Рудинскаго.

Рудинскій былъ всего менѣе чиновникомъ; это скорѣе былъ узкій спеціалистъ, и совершенно не годился для административной службы. Напротивъ, на профессорской каѳедрѣ, не только прежняго, но особенно настоящаго времени, онъ былъ бы замѣтнымъ лицомъ. Для этого у него было все необходимое: и спеціальная узкость взгляда, и ученое самомнѣніе, и ученое упрямство въ своихъ взглядахъ на свое дѣло, какъ результатъ умственной и научной ограниченности. Рудинскій бралъ верхъ надъ современными учеными тѣмъ, что не игралъ въ наукѣ роли биржеваго зайца и не прибѣгалъ къ научной рекламѣ. *Трудовъ* его не появлялось въ ученомъ мірѣ, какъ и у многихъ хоро-

*) Инструментъ, которымъ разрѣзываютъ горло, напр., при крупѣ.

шихъ врачей стараго времени, занимавшихся личнымъ спеціальнымъ образованіемъ, у которыхъ не было ни времени, ни надобности, ни повода, ни средствъ какъ двигать, такъ и засорять науку. Вотъ поэтому-то страннымъ кажется мнѣ, что при смерти Рудинскаго въ должности главнаго медицинскаго инспектора случилось, что, какъ говорится, «своя своихъ не познаша». Одна изъ спеціальныхъ газетъ, редактируемая профессоромъ, обозвала Рудинскаго чиновникомъ, усѣвшимся не на свое мѣсто. Но на этомъ мѣстѣ сидѣли и профессора, и едва ли чѣмъ-либо отличались отъ Рудинскаго. Да и самое мѣсто административное, слѣдовательно, по нашимъ понятіямъ чиновничье, а чиновникъ у насъ—спеціалистъ по преимуществу, и спеціалистъ самый узкій. Чиновничество характеризуется формою, рутиною и шаблономъ; но отъ нихъ не свободна никакая спеціальность, не исключая и ученой. Бѣда въ томъ, что за дѣло берется человѣкъ, неспособный овладѣть имъ вполнѣ и всесторонне и не имѣющій ни силы, ни умѣнья направлять его по строго обдуманному и цѣлесообразному принципу. Такіе-то люди обыкновенно и заправляютъ дѣлами, потому что другихъ, настоящихъ мастеровъ дѣла немного встрѣчается, и попадаются они случайно. Вотъ, военный спеціалистъ, прекрасный строевой офицеръ берется за другое, напримѣръ, административное дѣло; можетъ ли онъ въ дѣлѣ этомъ обойтись безъ формы, рутины и шаблона, то-есть не сдѣлаться чиновникомъ въ нашемъ смыслѣ? Но чиновникомъ его не называютъ, потому что онъ носитъ военный мундиръ. Выходитъ какая-то странная путаница понятій. Для широкаго общественнаго дѣла нужны отличной конструкціи локомотивы, а не домашней фабрикаціи локомобили, которые, стоя на мѣстѣ и пыхтя, при помощи разныхъ приводовъ, молотятъ, пилятъ и т. д. До Рудинскаго еще появился проектъ поставить во главѣ медицинскихъ управленій военныхъ генераловъ съ помощниками изъ врачей. Лучше ли бы было отъ этого для медицинскаго дѣла? Возможно, что иной изъ военныхъ генераловъ оказался бы лучше и чиновника Рудинскаго, и профессора Козлова; но что́ бы это доказывало? Что Рудинскій, если былъ плохимъ администраторомъ, то потому, что былъ узкій спеціалистъ, неспособный даже къ чиновничьей дѣятельности. Это, надѣюсь, увидитъ читатель изъ дальнѣйшаго моего разсказа.

Ив. Арс. Митропольскій.

ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ПРОШЛАГО СТОЛѢТІЯ.

I.

Оригинальный способъ окарауливанія арестантовъ.

По порученію Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи занимался я разборомъ дѣлъ прошлаго столѣтія Ряжскаго Нижняго Земскаго Суда.

Въ числѣ бумагъ не особой важности, кои могли бы быть назначены къ уничтоженію, оказалась масса явочныхъ разнаго рода прошеній, о кражѣ лошадей, побѣгахъ крестьянъ, дворовыхъ людей и проч. По дѣлу видно, что Земскій Судъ никакихъ почти мѣръ по этимъ прошеніямъ не принималъ, да вѣроятно не имѣлъ возможности и принимать, по ихъ многочисленности. Въ числѣ этихъ явочныхъ прошеній попалось одно, заслуживающее вниманія. Оно рисуетъ картину изъ провинціальной жизни весьма характеристичную.

Выборный отъ Стрѣлецкой слободы г. Ряжска, однодворецъ, Тимофей Чвировъ подалъ въ Земскій Судъ прошеніе, въ которомъ объясняетъ, „что въ Декабрѣ сего 1790 года, той Стрѣлецкой слободы по общему мірскому всѣхъ однодворцевъ согласію, пойманъ былъ очередной для отдачи за всѣхъ показанной слободы однодворцевъ въ рекруты, однодворецъ Димитрій Бороздинъ, который, находясь подъ карауломъ, обще съ караульщикомъ, однодворцемъ Савеліемъ Серебренниковымъ, скованные, незнаемо куда бѣжали.“

„И если паче чаянія, оные однодворцы явятся гдѣ либо на воровствѣ, или въ другомъ какомъ противномъ закону проступкѣ: то не причтено бы было мнѣ и прочимъ, той слободы однодворцамъ, въ винность, а равно, буде они, убѣгая той отдачи, попортятъ у себя какой либо членъ,—понужденнымъ нашелся просить

„Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было мое явочное прошеніе въ Ряжскомъ Нижнемъ Земскомъ Судѣ принять и записать впредь для вѣдома.“

Прошеніе подписано по пунктамъ, написано на гербовомъ листѣ съ водяными знаками орла и съ клеймомъ въ углу, также съ орломъ и съ надписью, изъ которой видно, что бумага 1788 года, и цѣна ей 5 коп.

Изъ этого прошенія явствуетъ, что для окарауливанія рекрута въ глубинѣ Рязанской провинціи, въ концѣ прошлаго столѣтія, употреблялся пріемъ, который практиковался въ древнемъ Римѣ: и сторожа, и окарауливаемаго сковывали одною цѣпью, и когда они рѣшались бѣжать — то бѣжали вмѣстѣ.

Было ли это одиночное явленіе или обыкновенное, рѣшить конечно трудно.

II.

Почемъ продавались люди въ концѣ прошлаго столѣтія?

Въ принадлежащемъ мнѣ собраніи старыхъ бумагъ есть двѣ купчія крѣпости, содержаніе которыхъ довольно интересно. Дѣло идетъ не болѣе не менѣе, какъ о продажѣ двороваго человѣка съ женою и малолѣтнимъ сыномъ, *за пятнадцать рублей*, а въ другомъ случаѣ одной дворовой дѣвки *за пять рублей*!

Вотъ содержаніе этихъ купчихъ крѣпостей.

„Лѣта тысяча седмьсотъ семдесятъ седьмого, Сентября двадесять пятаго дня, вдова Ефросинья Афонасьева, дочь капитана Иванова, жена Яковлева сына Мельгунова, въ родѣ своемъ непослѣдняя, продала я племянницѣ своей родной, Марьѣ Ивановой дечери прапорщика Ермиловой, женѣ Артемьевой сына Садыкова, крѣпостнаго своего, написаннаго по нынѣшней третьей ревизіи въ подушномъ окладѣ за мною Ефросиньею, Переяславскаго уѣзда Рязанскаго, въ селѣ Спаса Утѣшенія, двороваго человѣка Зиновья Тимофѣева съ женою его Анною Евстафьевою дочерью, съ сыномъ ихъ малолѣтнимъ Ефимомъ и съ ихъ всякими пожитки, за котораго взяла я Ефросинья съ нея Марьи денегъ *пятнадцать рублевъ*. А съ написанія сей за онаго Тимофѣева подушныя деньги и всякіе государственные поборы платить ей Марьѣ, а мнѣ Ефросиньѣ до того платежа дѣла нѣтъ. А напредъ сей купчей, оный мой дворовый человѣкъ съ женою и сыномъ иному никому не проданъ и не заложенъ, и ни у кого ни въ какихъ крѣпостяхъ не укрѣпленъ; а если кто въ онаго учнетъ почему ни есть вступаться, то мнѣ Ефросиньѣ и наслѣдникамъ моимъ ее Марью и наслѣдниковъ ея отъ тѣхъ вступщиковъ и отъ всякихъ крѣпостей очищать по указамъ. А если моими наслѣдниками неочищаемъ оный дворовый человѣкъ съ женою и сыномъ отъ нея Марьи и наслѣдниковъ ея отойдетъ, то взять ей Марьи и наслѣдникамъ ея съ меня Ефросиньи и съ наслѣдниковъ моихъ данныя свои деньги съ пошлины и убытки все сполна и о написаніи въ сей купчей крѣпости договорной цѣны безъ утайки. Состоявшійся тысячу семьсотъ пятдесятъ втораго года Іюля двадцать девятаго дня указъ покупщицѣ и продавщицѣ объявленъ.

Затѣмъ слѣдуютъ рукоприкладства.

Купчая крѣпость написана на плотной, весьма грубой бумагѣ бѣлаго цвѣта, съ водяными знаками орла, на обѣихъ половинахъ листа, съ водянымъ знакомъ 1769 года. На обоихъ полулистахъ отпечатано клеймо съ орломъ, 1773 годъ и съ надписью цѣны—4 копѣйки.

Вторая купчая слѣдующаго содержанія:

„Лѣта тысячу семьсотъ девяносто пятаго, Іюня въ двадцать четвертый день, прапорщица Ольга Ефимова дочь Барышникова, а по мужѣ Бахтіарова, въ родѣ своемъ непослѣдняя, продала я изъ дворянъ дѣвицѣ Дарьѣ Степановой дочери Запольской крѣпостную свою крестьянкую дѣвку Марину Максимову, Рязанскаго намѣстничества Спасской округи, изъ села Задубровья, доставшуюся мнѣ по раздѣлу съ братьями моими, за которую взяла я Ольга съ нея Дарьи денегъ *пять рублевъ*, съ коей суммы пошлины платить ей Дарьѣ, а напредъ сей купчей оная моя дѣвка иному никому не продана, не заложена, и ни у кого ни въ какихъ крѣпостныхъ не уступлена и ни за что не отписана; а если кто въ ту мою дѣвку почему ни на есть станетъ вступаться, то мнѣ Ольгѣ и наслѣдникамъ моимъ ее Дарью и наслѣдниковъ ея отъ тѣхъ вступщиковъ и отъ всякихъ крѣпостей очищать по указамъ, а о написаніи въ сей купчей договорной цѣны безъ утайки, состаявшійся Правительствующаго Сената тысяча седмьсотъ пятдесятъ второго года, Іюля двадцать девятаго дня указъ продавицѣ и покупщицѣ при семъ объявленъ.

Затѣмъ слѣдуютъ рукоприкладство и обычная утвердительная надпись.

Но неужели всегда такъ дешевы были дворовые люди, или вообще крѣпостные? Естественно является вопросъ, не есть ли это обычный пріемъ уменьшить стоимость покупки, чтобы платить меньше пошлинъ, не смотря на вышеприведенный указъ Сената 1752 года? Къ этому выводу легко придти, прочитавъ современныя публикаціи въ газетахъ того времени.

Въ моемъ собраніи старыхъ книгъ есть Московскія Вѣдомости за 1793 годъ. Это сброшюрованныя тетради въ большую четверку, печатанные на какой-то особенной толстой розоватаго цвѣта бумагѣ, въ два столбца. Тамъ въ каждомъ № много публикацій о продажѣ всевозможныхъ предметовъ и между прочимъ людей; такъ въ 13 № отъ 12 Февраля читаемъ, что въ приходѣ Успенья на Могильцахъ, въ домѣ надворнаго совѣтника Поливанова, продается поваръ очень хорошій, 22 лѣтъ, у коего жена моетъ шелковыя платья и ситцы, и очень хорошая прачка, цѣна 700 рублей.

Продается плотникъ 24 лѣтъ, который, ѣздитъ и кучеромъ; съ женой и малолѣтнею дочерью, цѣна 500 рублей.

Садовникъ 25 лѣтъ, который можетъ разводить и содержать ранжереи, сады, съ женой и малолѣтнимъ сыномъ, цѣна 1000 рублей.

Въ другихъ публикаціяхъ цѣна не означена.

Продается дѣвка 20 лѣтъ, умѣющая всему и за барыней ходить; еще краснаго дерева фортепьяно, на Прѣснѣ, противъ съѣзжей, въ д. Баранова, что видѣть можно поутру въ 9 часовъ.

Продается горничная дѣвушка 16 лѣтъ, имѣющая хорошій голосъ, поетъ очень искусно, и потому черезъ сіе увѣдомляются любители театровъ, что оная дѣвушка можетъ искусно играть театральныя роли, а потомъ убирать господъ и для стола приготовлять хорошія кушанія. О цѣнѣ узнать у церкви Ивана Предтечи въ домѣ Зыбина.

Тутъ же попадаются и другія объявленія, характеризующія общественный бытъ того времени, который весь былъ полонъ крѣпостнымъ строемъ жизни; крѣпостное право царило во всѣхъ его проявленіяхъ, а въ тоже время общество не чуждо было и извѣстнаго рода сантиментальности. Такъ напримѣръ въ 10 № Московскихъ Вѣдомостей читаемъ объявленіе: „На Никольской улицѣ у книгопродавца Семена Никифорова поступили въ продажу книги: 1, Лолота и Фанфанъ, или приключенія двухъ младенцевъ, оставленныхъ на необитаемомъ островѣ. Англійское сочиненіе, въ переплетѣ 2 р. 40 коп.“ и проч.

Въ 13 № той же газеты: На Никольской улицѣ, противъ иконныхъ лавокъ, у книгопродавца Григорія Воронкова продаются книги: 1) Исторія г-жи Беллерифъ, содержащая въ себѣ точное изъясненіе что есть любовь и дружество, посвященная прекрасному полу, 2) Драма: Добродѣтельная преступница или преступникъ отъ любви, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, и проч.

Въ 7-й части 3-го квартала подъ № 280, въ приходѣ церкви Троицы въ Зубовѣ, продается лакей, росту немалаго. О цѣнѣ узнать отъ самой госпожи.

Продается ямской кучеръ, умѣющій хорошо ѣздить, состоянія порядочнаго и годный въ рекруты, которому отъ роду 23 года, женѣ его 22 года. Желающіе купить могутъ ихъ видѣть и о цѣнѣ узнать въ Лефортовой слободѣ № 257.

Въ 11 части 1-го квартала въ Оружейной улицѣ, въ домѣ маіорши Насакиной, имѣется въ продажѣ нѣсколько дѣвокъ, а для гг. охотниковъ на собакъ и своры.

Желающіе принять слѣпого человѣка для сказыванія сказокъ и исторій могутъ его найти на Вшивой Горкѣ, въ приходѣ Николы въ Капельникахъ у священника.

Бѣжали изъ Орла въ Москву дворовые люди капитана Александра Веревкина: Лукьянъ Николаевъ, роста большого, волосомъ русъ, глаза сѣрые, на лицѣ веснушки, подъ бородою болитъ; сюртукъ на немъ зеленый; Яковъ Ѳедоровъ, росту средняго, волосы русые, глаза сѣрые.

Изъ казеннаго дома, состоящаго въ городѣ Кремлѣ, покойнаго придворнаго комиссара Михаила Гридикина крѣпостная дворовая дѣвка, Василиса Трофимова, сего Генваря 20 дня бѣжала. Примѣтами росту средняго, глаза сѣрые, волосы свѣтлорусые, круглолика и бѣла.

Прошлаго Января 18 дня, изъ дому, состоящаго въ 18 части 1-го квартала № 3, бѣжалъ дворовый 14-ти лѣтній мальчикъ Егоръ Алексѣевъ, росту средняго, лицомъ бѣлъ, весноватъ, глаза сѣрые, волосы свѣтлорусые, лобъ выстриженъ, платье на немъ сюртукъ, штаны и камзолъ сѣронѣмецкаго сукна. О побѣгѣ его явочное прошеніе подано.

Всѣ эти публикаціи выписаны только изъ 4-хъ—5-ти № Московскихъ Вѣдомостей; по этому можно судить, какая масса крѣпостныхъ людей продавалась! И цѣна имъ была весьма высока. Мы видѣли, что за повара съ женой назначалось 700 рублей за садовника съ женой и сыномъ1000 рублей и т. под.

Но что же такое былъ тогда рубль? По изслѣдованію профессора Ключевскаго „Русскій рубль въ XVII и XVIII столѣтіяхъ“ рубль того времени равнялся 9 нынѣшнимъ рублямъ. Если въ 90-хъ годахъ отношеніе это нѣсколько измѣнилось, и стоимость рубля понизилась, то все таки продажная стоимость этихъ людей по тому времени составляла цѣлый капиталъ.

Но во всякомъ случаѣ всѣ эти объявленія, и о книгахъ сантиментальнаго содержанія, и о слѣпомъ человѣкѣ, разсказывающемъ сказки и исторіи, и эта бѣглая дѣвка, которая „кругруглолица и бѣла“, и несчастный мальчикъ 14 лѣтъ съ пробритымъ лбомъ, и та 16 лѣтняя дѣвочка, которая и въ актрисы годится, и убирать госпожъ и готовить кушанье, и ямской кучеръ годный въ рекруты,—все это характеристическія черты общественной жизни прошлаго столѣтія, все это находитъ себѣ совершенное подтвержденіе и въ Запискахъ Андрея Тимофѣевича Болотова, который, ничтоже сумняся, собственноручно стригъ голову своему бѣглому крестьянину, случайно встрѣченному дорогѣ въ Шацкую деревню, и сажалъ въ колодки и нацѣпь своего любимаго камердинера и его брата, когда они возмутились противъ истязаній помѣщикомъ ихъ отца - пьяницы, котораго Болотовъ началъ сѣчь изо дня въ день.... А Болотовъ, конечно, былъ еще однимъ изъ лучшихъ душевладѣльцевъ.

А. Мансуровъ.

С. Починки, Касимовскаго уѣзда

НАДГРОБНАЯ ЛѢТОПИСЬ МОСКВЫ [1]).

Въ церкви Св. Мученикъ Адріана и Наталіи за Срѣтенскими воротами Землянаго города, въ Новомѣщанской слободѣ, за Сухаревою Башней (Настоящая Св. Апостоловъ Петра и Павла).

На южной наружной стѣнѣ: 1) „1747 года Февраля 21 числа преставися раба Божія Мароа Семенова Патоцкова, купца Васильевская жена Подошевникова, житія ея было 32 лѣта, и погребена противъ сей таблицы. Аминь."

На погостѣ, на большомъ надгробномъ памятникѣ:

2) „1759 году Апрѣля 22 дня, во 2 часу по полунощи, преставися рабъ Божій дворянинъ, разныхъ фабрикъ содержатель Алексѣй Яковлевъ Милютинъ [2]), а житія его было отъ роду 94 года . . . мѣсяца и три дня, а тезоименитство его было Мая 20 дня, и тѣло его погребено подъ симъ камнемъ."

Въ церкви Грузинскія Божія Матери на Никитниковѣ дворѣ, у мельницъ, на Глинищахъ, между Ильинскихъ и Варварскихъ воротъ (Настоящая Святыя Живоначальныя Троицы).

Въ палаткѣ подъ Никитскимъ придѣломъ, на двухъ надгробіяхъ:

1) „Лѣта 7163 году, Сентября въ 23 день, на память Святаго Великаго Іоанна Предотечи, преставися рабъ Божій Борисъ Андреевъ сынъ Никитниковъ."

2) „Лѣта 7162 года, Августа въ 13 день, на память преподобнаго отца нашего Максима Исповѣдника, преставися рабъ Божій Григорій Васильевъ сынъ Булгаковъ."

---

[1]) См. „Русскій Архивъ" сего года кн. II-я, стр. 521.

[2]) Это родной дѣдъ служившаго въ Москвѣ при построеніи храма Христа Спасителя Алексѣя Михаиловича Милютина (женатаго на А. Д. Киселевой) и родной прадѣдъ бывшаго военнаго министра графа Д. А. Милютина, братъ котораго Николай Алексѣевичъ сообщалъ намъ о сохранившихся записочкахъ Петра Великаго къ А. Я. Милютину. Его именемъ назвались въ Москвѣ переулокъ (съ Мясницкой на Лубянку), и въ Петербургѣ Милютинскія лавки, (на Невскомъ проспектѣ). Дворянское достоинство дано А. Я. Милютину Анной Іоанновной за исправленіе печныхъ трубъ въ ея зимнемъ дворцѣ. Этотъ достопамятный человѣкъ, жизнеописаніе котораго могло бы быть весьма любопытно, былъ родомъ Калужанинъ, а предокъ его, говорятъ, вышелъ изъ Сербіи. П. Б.

На мѣдной доскѣ: 3) „Здѣсь покоится прахъ храмоздателей: Никиты, Леонтія, Григорія, Ѳеофана, Елисея, Іоанна, Андрея, Бориса, Марѳы, Ирины, Евдокіи, Евфиміи, Ксеніи, Іуліаніи и ихъ сродниковъ."

На алтарной наружной стѣнѣ: 4) „1767 года, Августа 9 числа, по полуночи во 2 часу, преставися рабъ Божій секундъ-маіоръ Михайло Семеновичъ сынъ Петровъ, родился 1723 года Іюля 13, а тезоименитство его того же Ноября 8 числа, а всего житія 43 года и 10 мѣсяцевъ, и тѣло же его погребено противъ сей надписи."

Въ церкви Св. Великомученика Никиты, что̀ за Яузою на горѣ, на Вшивой горкѣ.

На восточной наружной стѣнѣ: „Преставися раби Божіи родъ священно-іерея Стеѳана Стеѳанова сына, іерей Василій, Иванъ сынъ Виктора, Марина, Каптелина, Наталія, и погребены противъ сей подписи."

Въ церкви Воскресенія Христова, что̀ за Яузою, за Таганными воротами, въ Новой слободѣ.

На южной стѣнѣ: „Лѣта 7194 году Августа въ 8 день, преставися рабъ Божій Приказу каменныхъ дѣлъ. . . . Димитрій Михайловъ сынъ Старцовъ."

Въ церкви Введенія Пресвятыя Богородицы, что̀ въ Барашахъ, за Покровскими воротами.

Внутри паперти на южной стѣнѣ:

1) „Стой человѣче! посмотри: се предлежитъ общая всѣмъ необходимость. Минувшая жизнь настоящая тѣнь, извѣстная корысть смерти. Погребенъ здѣ достойно почтенный мужъ, по житію благочестивый къ Богу, полезный отечеству, знаменитый къ правдѣ, милостивый ко всѣмъ, по званію Московской первой гильдіи купецъ Петръ Алексѣевичъ Андроновъ, тезоименитъ Святому Петру митрополиту М., его же память 21 Декабря совершается. Родился въ 1715, скончалъ временное житіе въ 1759 годѣ Октября въ 3-мъ числѣ, во 12 часу по-полудни, жилъ въ свѣтѣ 44 года 10 мѣсяцовъ.

О, смерте, смерте! Ты кого не устрашишь?
Ты малыхъ и большихъ и среднихъ посѣкаешь.
Смотри здѣсь смертный, всякъ смотри. вотъ жребій твой:
Смотри теперь въ другомъ, увидишь что̀ съ собой,
Смотри всѣмъ общій путь, и сердцемъ умилися,
Взойди умомъ къ Творцу, о успшемъ помолися."

Въ подцерковьѣ: 2) „1706 году Августа въ 6 день на праздникъ Преображенія Господня, преставися рабъ Божій Земскаго Приказу дьякъ Иванъ Петровъ сынъ Ушаковъ, и погребенъ противъ сего письма."

3) „1741 году Генваря 17 , дня на память преподобнаго Антонія Великаго, пополудни въ 9 часу, преставися раба Божія, стольника Григорія Ива-

новича Вахрамеева жена его Ѳеодора Ивановна, рожденіе ея Сентября 10 дня, а тезоименитство ея того-жъ Сентября 11 дня, и поживе отъ роду 42 года, и погребена противъ сей надписи; да противъ же сей надписи погребены отецъ ея дьякъ Иванъ Петровичъ Ушаковъ и мать ея Меланія Артемьевна Ушакова, да братъ ея родной Петръ Ивановичъ Ушаковъ".

4) „1728 году Февраля въ 4 день преставися раба Божія канцеляриста Бориса Романова сына Смирнова, жена его Евфимія Васильева дочь, житія ея было 27 лѣтъ, а въ супружествѣ жила 3 лѣта и 3 мѣсяца."

5) „Приходяй человѣче до сего гроба, житіе своего воспоминай и Пресвятѣй Троицѣ моленіе простирай, дабы ему избавлену быти огненнаго родства, и причастнику быти Богомъ обѣщаннаго рая, и вѣдая человѣче, въ семъ мѣстѣ погребенъ рабъ Божій Василій Ивановъ сынъ, купецъ, 7206 году Апрѣля въ 28 день."

6) „На семъ мѣстѣ подъ алтаремъ церкви святаго пророка Иліи погребены жена и дѣти и внучата думнаго дьяка Андрея Андреева сына Виніуса".

7) „Противъ сей таблицы погребены тѣлеса Московскаго первой гильдіи купца Григорія Осипова, да жена его Татьяна Иванова, да сынъ ихъ Левъ Григорьевъ, невѣстка ихъ Наталья Иванова дочь Моторина. Божіе провожденіе въ людѣхъ."

8) „Лѣта 7206 году Февраля въ 22 день преставися рабъ Божій гостиной сотни Андрей Ѳедоровъ сынъ Санкинъ."

Въ церкви преподобнаго Сергія Радонежскаго Чудотворца, что въ Старыхъ Серебреникахъ, у рѣки Неглинны, у Трубы, въ Крапивкахъ (Нынѣ Константинопольское подворье).

Въ храмѣ на южной стѣнѣ: 1) „Лѣта 7197 году Декабря въ 29 день преставися раба Божія княгиня . . . . . . Федоровна, стольника Ивана Юрьевича Ухтомскаго . . . .

На погостѣ на камнѣ: 2) „Лѣта 7140 году Августа въ 17 день преставися младенецъ Романъ Христофоровъ сынъ Рымскаго, а положенъ на Петровкѣ у Сергія Чудотворца."

Въ церкви Св. Николая, что въ Воробинѣ, на Гостинѣ горѣ, въ Стрѣлецкой слободѣ, въ Абрамовѣ приказѣ Лопухина, за Покровскими вороты.

На алтарной наружной стѣнѣ: „1726 года Августа 14 дня, на память Святаго пророка Михея, преставися рабъ Божій служитель дому Анны Борисовны Головиной человѣкъ, Іоаннъ Константиновъ, житія его 65 лѣтъ, и погребенъ 17 Августа."

Въ церкви Св. Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ чудотворцевъ, что на Сивцовѣ вражкѣ. (Настоящая Нерукотвореннаго Образа Спасова.)

При рытіи земли для канализаціонныхъ трубъ, найдена древнѣйшая плита 1565 года въ осколкахъ; на ней слѣдующая надпись: „Лѣта 7073 году, преставися Матвѣя Степанова дочь Татьяна."

Въ церкви Св. Великомученика Георгія на Всполье, въ Ордынцахъ, у Серпуховскихъ воротъ, на Большой улицѣ:

„1746 году Марта 13 дня, на память пренесенія мощей иже во святыхъ отца нашего Никифора патріарха Цараграда, преставися рабъ Божій капитанъ Сергій Кириловичь Зыбинъ, а житія его было 60 лѣтъ, а тезоименитство его Сентября 25 дня, и погребено тѣло его на семъ мѣстѣ."

Въ церкви Положенія Ризы Господни у Донскаго монастыря въ Новой Слободѣ, Воробьевы кручи.

Внутри церкви: 1) „1746 году Декабря 9 дня въ 4 часу по-полуноши, въ день Зачатія Святыя Анны, егда зачать Святую Богородицу, преставися раба Божія Марія Борисова дочь Муромцева, а житія ея было 36 лѣтъ, тезоименитство ея Апрѣля 1 числа и погребена сего Декабря 11 дня, противъ сей таблицы."

На наружной алтарной стѣнѣ:

2) „1722 году Ноября 18 дня преставися раба Божія, дому генерала князя Юрія Трубецкаго, служителя его Алексѣя Андреева сына Аксакова жена его Евдокія Михайлова дочь, отъ рожденія ея лѣтъ 37, а погребена противъ сей лѣтописи."

3) „1746 году Іюня 16 дня, въ 3 часу по-полуночи, на память иже во святыхъ отца нашего Тихона епископа Амаѳунтскаго преставися рабъ Божій лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку бомбардирской роты сержантъ Василій . . . . . сынъ Колобовъ, а родися 1718 . . . . . бря мѣсяца, а тезоименитство его Генваря 1 числа, а всего житія его отъ рожденія 28 лѣтъ, и погребено тѣло его противъ сей таблицы."

На наружной южной стѣнѣ:

4) 1705 году Апрѣля въ 17 день преставися рабъ Божій Михаилъ Трифоновъ сынъ Скорняковъ, а житія его было 42 лѣта, и погребенъ противъ сей стѣны."

Въ церкви Св. Николая, чтò въ Голутвиной слободѣ, на Голутвиномъ дворѣ, на Бабьемъ городкѣ, за Москвою рѣкою (Настоящая Рождество Пресвятыя Богородицы.)

На алтарной наружной стѣнѣ главнаго храма:

1) „1731 году Іюля 2 дня, по-полудни въ исходѣ 5 часа, преставися рабъ Божій лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку сержантъ Игнатій Моисеевичъ Шиповъ, и погребенъ противъ сей таблицы того же Іюля въ 4 день.“

На алтарной наружной стѣнѣ южнаго придѣла:

2) „1739 году Сентября 22 дня, въ 7 часу пополунощи, преставися раба Божія первой гильдіи купца Аники Романова сына Шишкина жена его Татіяна Иванова дочь, а житія ея 42 года, и погребена противъ сей таблицы.“

3) „1741 году Іюня въ 4 день, въ 3 часа пополудни, на память иже во святыхъ отца нашего Митрофана патріарха Царяграда, преставися рабъ Божій первой гильдіи купецъ Аника Романовъ сынъ Шишкинъ, а житія его было отъ рожденія 64 года 5 мѣсяцовъ и 3 недѣли, а тезоименитство его Ноября 4 дня, и погребенъ противъ сей таблицы.“

4) „Лѣта 1742 году Октября 12 числа, по волѣ Всемогущаго Бога, преставися рабъ Божій младенецъ Иванъ Андреевъ сынъ Сенявинъ, рожденъ въ лѣто 1739 году Ноября 23, житія его было 2 года 10 мѣсяцовъ и 13 дней, погребенъ противъ сей таблицы Октября 13.“

На западной наружной стѣнѣ:

5) „1749 года Іюня 26 дня въ 1 часу пополуночи преставися рабъ Божій Борисоглѣбскаго монастыря крестьянинъ Ѳедоръ Игнатьевъ сынъ Амаринковъ, отъ роду житія его 98 лѣтъ, 2 мѣсяца, а тезоименитство его Апрѣля 22, погребено тѣло его противъ сего образа.“

Надъ лѣтописью образъ Спаса Вседержителя съ предстоящими, высѣченный въ камнѣ.

На южной наружной стѣнѣ:

6) „1788 года Мая въ 21 день, во 2 часу пополунощи, то есть въ день Живоначальныя Троицы, преставися рабъ Божій, команды Конюшенной Канцеляріи заправитель . . . . . Левъ Аѳанасьевичь Грызловъ, житія его было 38 лѣтъ, тезоименитство его Февраля 20 числа, скончался жестокою чехотною болѣзнію, погребеніе его было 23 числа.“

На погостѣ на камнѣ:

7) „Сей памятникъ при Московскомъ храмѣ Пресвятыя Богородицы Рождества ея, чтò въ Голутвинѣ, покрываетъ бренные останки госпожи Анны Ипполитовны Коноваловой, р. 1730 года въ Генварѣ мѣсяцѣ, п. 1812 Сентября 4.“

Въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ музеѣ находятся камни, вынутые изъ земли, при раскопкахъ, производившихся въ Кремлѣ въ 1894 г. на Сенатской площади, противъ казармъ. На камняхъ слѣдующія надписи:

1) „Лѣта 7094 году, Маія въ 16 день, преставися рабъ Божій инокъ схимникъ Іевъ Алексѣевъ сынъ.“

2) „Лѣта 7101 году Декабря въ 16 день, на память Святаго Пророка Аггея, преставися раба Божія Анастасія . . . . .

*

Въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ находится надгробная каменная плита изъ церкви *Св. Пророка Иліи Обыденнаго* (см. Рус. Архивъ 1895 г. вып. 8-й, стр. 523); на ней слѣдующая надпись: „1736 года Марта въ 11 день въ 1-мъ часу дня, на память Святаго Софронія патріарха Іерусалимскаго, преставися раба Божія, въ Малороссіи въ мѣстѣ Котелвѣ, брагадира Кирилла Максимовича Редкина жена его Анна Ивановна, дочь Ивана Минича Ларіонова, рожденіе ея въ 1710 году Декабря 6 дня, тезоименитстно Декабря 9 дня, въ супружествѣ жила 7 лѣтъ . . . . ея 26 лѣтъ и 3 мѣсяца, привезено тѣло . . . . въ Москву въ 1737 году Августа 9 дня . . . . противъ сей таблицы“.

На этихъ дняхъ при устройствѣ водопровода, на погостѣ церкви Воздвиженія Честнаго Креста, что на Воздвиженкѣ, вынуты изъ земли двѣ древнія каменныя плиты 1559 и 1561 гг. съ слѣдующими надписями: 1) „Лѣта 7067 году Февраля въ 21 день преставися Яковлева жена Никитича Губина, Моклокова Евдокѣя Григорьева дочь Обарина, *) а въ землю положена Февраля въ 22 день.“

2) „Лѣта 7069 году Іюня 19 дня преставися княжна Анна княжь Дмитріева дочь князь Семеновича Шестунова.“

Здѣсь мы оканчиваемъ Надгробную Лѣтопись Москвы. Оказалось, что надписи уцѣлѣли при 94 церквахъ, изъ числа полнаго количества (225) приходскихъ храмовъ; но мы увѣрены, что внутри церквей еще находятся плиты надгробныя, которыя закрыты кіотами, или суконными и деревянными панелями.

А. Мартыновъ.

*) Фамилія дворянская, существовавшая въ Россіи прежде 1600 года.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О РОДѢ ДВОРЯНЪ РАХМАНИНОВЫХЪ.

(Съ приложеніемъ герба и родословныхъ таблицъ, Кіевъ, 1895, 4°, 109 стр.).

Заслуженый профессоръ Университета Св. Владимира, Иванъ Ивановичъ Рахманиновъ издалъ недавно, собранный его покойнымъ братомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ, матеріалъ для исторіи ихъ рода. Матеріалъ этотъ былъ дополненъ библіотекаремъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Токмаковымъ и обработанъ г-омъ Н. Василенкомъ.

Прекрасно составленный и изданный генеалогической трудъ этотъ не предназначенъ для публики, а исключительно для оставшихся въ живыхъ представителей рода Рахманиновыхъ.

Пользуясь дозволеніемъ почтеннаго издателя, мы познакомимъ и любителей Русскаго родословія съ содержаніемъ генеалогическій новинки.

Въ книгѣ двѣ главы: 1-я заключаетъ въ себѣ краткія свѣдѣнія о родѣ Молдавскихъ господарей Драгошей, отъ которыхъ ведутъ свое происхожденіе Рахманиновы, а вторая посвящена исключительно исторіи этого рода.

Драгоши правили Молдавіею съ 1350—1552 г. Въ родословной, поданной стольникомъ Перѳиліемъ Ѳедоровымъ Рахманиновымъ въ Разрядъ, въ концѣ XVII вѣка такъ объясняется пріѣздъ его родоначальника въ Россію.

„Иванъ Степановичъ, Волосскаго владѣтельства Степана Богдановича сынъ, храбраго воеводы, кой же побилъ сто пятьдесятъ Турецкихъ людей и Татаръ безчисленно множество и короля Польскаго и Матьяша, Венгерскаго короля, изъ земли выгналъ. А у него Стефана были два сына: Богданъ да онъ, Иванъ. И Богдану велѣлъ отецъ быть въ Волохахъ владѣтелемъ, а ему Ивану, другой жены сыну своей, быть у брата своего въ подданствѣ; и для того его назвалъ *Вечинъ*. А дочь его Стефанова была великаго князя Ивана Васильевича всея Россія за сыномъ его, за княземъ Иваномъ Ивановичемъ, и о томъ про него Стефана и дѣтей его именно писано въ Польскихъ лѣтописцахъ и иныхъ государствъ въ хроникахъ. А другая его была Стефанова дочь за Олександромъ, королемъ Польскимъ. И какъ преставился великаго князя сынъ его Иванъ Ивановичъ, и сынъ его Стефановъ, онъ, Иванъ Вечинъ, пріѣхалъ къ Москвѣ съ двумя сыны къ сестрѣ своей, не обославшись къ великому князю, и за то на него великій князь возложилъ опалу и послалъ его на Угличъ, къ брату своему Андрею Васильевичу съ дѣтьми его Ивановыми съ Василіемъ, прозвища *Рахманинъ*, да съ Иваномъ прозвище *Волохомъ*“.

Отъ этого-то Василія, по преданію, и ведутъ свой родъ Рахманиновы. Сказаніе о выѣздѣ этого рода изъ Молдавіи перешло потомъ и въ другіе источники. Такъ напримѣръ въ „Родословной книгѣ князей и дворянъ Россійскихъ и выѣзжихъ“ говорится, что „Рахманиновы выѣхали изъ Волховскія земли. Названіе приняли отъ первовыѣхавшаго, который назвался Рахманъ“.

Несмотря на высокое происхожденіе отъ господарей Молдавскихъ и на близкое родство и свойство съ Русскимъ великокняжескимъ домомъ, родъ Рахманиновыхъ, говоритъ авторъ, какъ-то затирается среди служилаго класса и не играетъ никакой роли ни въ Москвѣ, ни въ провинціи.—Это произошло, потому что Рахманиновы попали въ Россію въ самое неблагопріятное для нихъ время, когда шла смута при дворѣ великаго князя Московскаго. Первые родоначальники были удалены вслѣдъ за своимъ переселеніемъ въ отдаленный Угличъ и должны были тамъ оставаться.

Послѣ Ивана III на престолъ вступилъ его сынъ отъ Софіи Палеологъ Василій III, который, по своему рожденію и по обстоятельствамъ своего восшествія на престолъ, явно настроенъ былъ противъ потомства отъ первой жены Ивана III, въ родствѣ съ которымъ состояли Рахманиновы.

При Иванѣ IV Грозномъ три брата Рахманиновы были записаны по Ржеву въ боярской дворовой книгѣ, а въ 1551 году, въ качествѣ лучшихъ слугъ, въ тысячной книгѣ, и имъ даны были помѣстья въ Дмитровскомъ уѣздѣ.

Въ слѣдующихъ затѣмъ колѣнахъ до VIII-го, т. е. до половины XVIII вѣка, не встрѣчается лицъ, чѣмъ-либо выдающихся. Нѣкоторые Рахманиновы были стряпчими, другіе воеводами и стольниками. Между послѣдними былъ Іовъ (Іевль) Кузьмичъ, † 1742 г., онъ переселился изъ Рязанской губерніи въ Тамбовскую, и изъ шести его сыновей, двое: Герасимъ и Ѳедоръ Іевлевичи играютъ извѣстную роль между Рахманиновыми. Они служили въ гренадерской ротѣ Преображенскаго полка и принимали участіе въ возведеніи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, за что имъ была дана подтвердительная жалованная грамота на дворянство, и произведено измѣненіе въ ихъ фамильномъ гербѣ.

Герасимъ Іевлевичъ съумѣлъ отлично устроить въ Петербургѣ свои дѣла: онъ женился на княжнѣ Аннѣ Ивановнѣ Крапоткиной (у Долгор. Анна Ивановна пропущена, она была вѣроятно дочь князя Ивана Михайловича, № 54) и, благодаря счастливой случайности, сдѣлался такимъ богатымъ въ своей мѣстности (въ Козловскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи) человѣкомъ, что въ народѣ сложилось сказаніе, что „отъ Козлова до Азова все его“.

Исторія, или правильнѣе сказать, фамильное преданіе о его обогащеніи настолько интересна, что мы позволяемъ себѣ его здѣсь пересказать:

Какъ служившій въ гренадерской ротѣ (лейбъ-компаніи) Герасимъ Іевлевичъ былъ лично извѣстенъ Императрицѣ, и однажды просилъ ее отпустить его на побывку въ Тамбовскую округу, для осмотра своихъ людишекъ и помѣстья. Состоявшая при Императрицѣ, въ числѣ ея любимицъ карлица Устинья Никитишна Горѣлкина, услыхавъ, что Рахманиновъ про-

сится въ Тамбовскую округу въ отпускъ, и имѣя тамъ пожалованное ей имѣніе, конфискованное въ казну отъ нѣкоего Зиновія Барыбина, поручила Герасиму Іевлевичу осмотрѣть это имѣніе. Возвратившись на службу, онъ далъ любимицѣ неблагопріятный отзывъ объ имѣніи, подаренномъ ей Императрицею, о распущенности людей и трудности управлять ими. Устрашенная этими разсказами, карлица Горѣлкина стала просить Герасима Іевлевича купить у нея это имѣніе, такъ какъ небольшое его собственное находилось по сосѣдству. Герасимъ Іевлевичъ сперва отказался по неимѣнію денегъ, а потомъ, съ помощью Государыни, купилъ въ 1761 г. у Горѣлкиной имѣніе по дешевой цѣнѣ, и покупка эта послужила основаніемъ богатства Герасима Іевлевича. Купленное имѣніе состояло изъ селенія Знаменскаго, изъ деревни Марьиной, Хмѣлевской волости и изъ деревни Песчаное Озеро, и заключало въ себѣ около 20 тысячъ десятинъ земли!

Къ разнымъ фамильнымъ преданіямъ, какъ извѣстно, нужно относиться очень осторожно, и кто знаетъ что̀ окажется справедливаго въ настоящемъ разсказѣ, если бы удалось его провѣрить? Не только въ прошломъ столѣтіи, но и въ первой половинѣ нынѣшняго, искусные провинціальные дѣльцы богатѣли, пріобрѣтали (или округляли свои) земли по схожей цѣнѣ, и не сталкиваясь даже съ такими наивными карлицами, какъ была Устинія Никитишна Горѣлкина... У Герасима Іевлевича оказались земли, кромѣ находившихся въ Козловскомъ уѣздѣ, еще въ Рязанской, Московской и Ярославской губерніяхъ.

Самою замѣчательною личностью во всемъ родѣ Рахманиновыхъ былъ, конечно, старшій сынъ богача Герасима Іевлевича, Иванъ Герасимовичъ, извѣстный переводчикъ Вольтера и основатель типографіи въ с. Казинкѣ. Онъ перевелъ нѣкоторыя философскія сочиненія Фернейскаго мудреца, издалъ цѣлый рядъ книгъ и былъ сотрудникомъ журнала И. А. Крылова „Почта Духовъ“.

Литературно-издательская дѣятельность Ивана Герасимовича къ сожалѣнію прекратилась въ 1793 г. вслѣдствіе ссоры его съ цензоромъ, Козловскимъ городничимъ Сердюковымъ, который донесъ въ Петербургъ, что типографія Рахманинова находится не въ городѣ Козловѣ, а въ селѣ Казинкѣ, и что книги въ ней печатаются безъ указаннаго дозволенія. Доносъ сдѣлался извѣстнымъ Императрицѣ, которая въ то время охладѣла уже къ Французскимъ философамъ, и генералъ-прокуроръ Самойловъ приказалъ Тамбовскому губернатору Звѣреву „наискорѣе, безъ малѣйшаго разглашенія типографію Рахманинова запечатать и книги конфисковать“. Всѣхъ книгъ въ типографіи оказалось 5215 экземпляровъ, среди нихъ три были переведены самимъ Рахманиновымъ: 1) Аллегорическія, философическія и критическія сочиненія господина Вольтера; 2) Ненависть, побѣжденная любовію, и 3) Политическое завѣщаніе господина Вольтера.

Иванъ Герасимовичъ, во время производства процесса, защищался искусно, и дѣло объ его типографіи затянулось до слѣдующаго царствованія. Въ 1797 г. типографія вмѣстѣ съ запечатанными книгами сгорѣла.

Оставшіеся экземпляры, бывшіе у разныхъ лицъ, повелѣно было въ 1800 г. собрать и безъ изъятія сжечь.

Изъ лицъ X колѣна, т. е. современныхъ намъ Рахманиновыхъ, наибольшею извѣстностью пользуются недавно умершій Московскій цензоръ Өедоръ Ивановичъ, и благополучно здравствующій братъ его Иванъ Ивановичъ д-ръ Математическихъ Наукъ и Астрономіи, прошедшій всѣ профессорскія степени въ Кіевскомъ Университетѣ, занимавшій тамъ должности ректора и проректора, много и съ пользою потрудившійся не только на учено-педагогическомъ поприщѣ, но и на благотворительномъ состоя съ 1889 г. предсѣдателемъ Кіевскаго Славянскаго благотворительнаго Общества.

Такъ какъ любители-генеалоги не будутъ имѣть возможности пріобрѣсти „Свѣдѣнія о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ“, то мы считаемъ полезнымъ сообщить здѣсь поколѣнную роспись этого рода, составленную нами, на основаніи генеалогическихъ и біографическихъ данныхъ, сообщенныхъ авторомъ о каждомъ лицѣ. Данныя эти, къ сожалѣнію, и вѣроятно не по винѣ автора, кратки и отрывочны. Женскія имена появляются въ росписи лишь съ VII колѣна (конца прошлаго вѣка).

Иванъ *Драгошъ*, прозванный *Вечинъ*, сынъ Стефана Драгоша, Молдавскаго господаря, прибылъ въ Россію, въ 1490—1491 гг. въ Москву, и великій князь Иванъ Васильевичъ III послалъ его въ Угличъ.

I.

		№ отцовскій.
1.	Василій Ивановичъ, прозв. *Рахманинъ*.	
2.	Иванъ Ивановичъ, прозв. *Волохъ*, † холост.	

II.

3.	Василій Васильевичъ, † безд.	1
4.	Андрей Васильевичъ, принималъ участіе въ соборѣ 1566 г. † безд.	1
5.	Иванъ Васильевичъ, служилъ во Ржевѣ, въ 1537.	1
6.	Романъ (?) Васильевичъ.	1

III.

7.	Алексѣй Ивановичъ, былъ переведенъ на службу изъ Ржева въ Рязань.	5
8.	Иванъ большой Ивановичъ † холост.	5
9.	Василій Ивановичъ.	5
10.	Иванъ, меньшой Ивановичъ † около 1629, былъ переведенъ на службу изъ Ржева въ Рязань.	5

IV.

11.	Дмитрій Алексѣевичъ, убитъ Татарами.	7
12	Иванъ Васильевичъ.	9
13.	Андрей Ивановичъ, служилъ въ Рязани.	10

14. Дій Ивановичъ, мѣстничалъ съ Петромъ Степановичемъ Чевкинымъ; воевода въ Михайловѣ въ 1641, † до 1648. Ж. Марія N въ 1650 вышла за стольника Якова Андреевича *Змѣева*.	10
15. Михаилъ Ивановичъ.	
16. Алексѣй Ивановичъ.	
17. Григорій Ивановичъ.	

V.

18. Ѳедоръ Дмитріевичъ, воевода въ Епифани (1644), и въ Осташковѣ (1649)	11
19. Никита Ивановичъ † безд.	12
20. Семенъ Андреевичъ † холост.	13
21. Леонтій Андреевичъ.	
22. Михаилъ Діевичъ, † холост. отъ ранъ, полученныхъ во время Литовской войны.	14
23. Кузьма Михайловичъ	15
24. Ѳедоръ Михайловичъ.	
25. Дмитрій Михайловичъ.	
26. Никита Михайловичъ.	
27. Моисей Алексѣевичъ, былъ въ плѣну у Татаръ	16
28. Григорій Григорьевичъ, † холост.	17
28. Иванъ Григорьевичъ, былъ въ плѣну съ бояриномъ В. Б. Шереметевымъ.	
30. Андрей Григорьевичъ, воевода въ Епифани (1679) и въ Острогожскѣ (1681).	

VI.

31. Михаилъ Ѳедоровичъ, былъ въ стряпчихъ.	18
32. Парѳеній Ѳедоровичъ, стольникъ (1676), воевода въ Галичѣ.	
33. Исаія Ѳедоровичъ, воевода въ Серпуховѣ (1675).	
34. Захаръ Ѳедоровичъ, стряпчій, потомъ стольник, † безд.	
35. Тимоѳей Леонтьевичъ, Горбатый	21
36. Ѳедоръ Кузьмичъ.	23
37. Василій Кузьмичъ, † холост.	
38. Иванъ Кузьмичъ Горбатый, † холост.	
39. Іовъ (Іевль) Кузьмичъ, стольникъ, † 1742, переселился изъ Рязани въ Тамбовскую губернію.	
40. Никита Кузьмичъ, † холост.	
41. Сергѣй Кузьмичъ, † холост.	
42. Григорій Дмитріевичъ	25

VII.

43. Семенъ Богданъ Михайловичъ.	31
44. Назаръ Михайловичъ, подполковникъ Пермскаго пѣхотнаго полка (1730).	

45. Агафоклъ (Александръ) Пероильевичъ, стольникъ (1686—92).	32
46. Тимофей Исаевичъ. 47. Иванъ Исаевичъ, † безд.	33
48. Спиридонъ Өедоровичъ, † безд. 49, Василій Өедоровичъ † безд.	36
50. Сергѣй Іевлевичъ, † 1748 безд. 51. Павелъ Іевлевичъ } † въ молодости. 52. Михаилъ Іевлевичъ 53. Петръ Іевлевичъ. 54. Герасимъ Іевлевичъ, отст. подполк. Ж. 1) Княжна Анна Ивановна *Крапоткина*; 2) Марія Даниловна *Жихарева* (дочь Данила Мартыновича Жихарева, капитана арміи). 55. Өедоръ Іевлевичъ † 1790, Ж. Лукерія Артемьевна *Вечеслова*.	39
56. Анисимъ Григорьевичъ, статскій совѣтникъ (1741). 57. Иванъ Григорьевичъ.	42

VIII.

58. Игнатій Агаөокловичъ, † безд. 59. Иванъ Агаөокловичъ, † безд. 60. Лука Агаөокловичъ.	45
61. Иванъ Тимофеевичъ, поручикъ, потомъ коллежскій ассесоръ. 62. Өедоръ Тимофеевичъ маіоръ, кол. сов. Ж. Степанида N.	46
63. Александръ Петровичъ.	53
64. Иванъ Герасимовичъ, отставной бригадиръ, содержатель типографіи въ Казинкѣ; ж. Александра Степановна N. 65. Михаилъ Герасимовичъ, ж. Ульяна Николаевна *Даева*, р. Селиверстова. 66. Степенъ Герасимовичъ. — Надежда Герасимовна, за Юріемъ Алексѣевичемъ *Пушкинымъ*. — Анна Герасимовна, за *Титовымъ*. 67. Василій Герасимовичъ, гв. штабсъ-ротмистръ, ж. Марія Ивановна *Дышковская*. (Его два сына № 86 и 87 узаконены указомъ 19 Іюня 1821 г.). 68. Александръ Герасимовичъ, ж. Марія Аркадіевна *Бахметева*. — Вѣра Герасимовна, за маіоромъ *Бологовскимъ*. — Марія Герасимовна, за Александр. Степановичемъ *Жихаревымъ*. — Любовь Герасимовна, за поручикомъ *Соколовымъ*. — Анна Герасимовна, за Петромъ Герасимовичемъ Шишковымъ.	54
69. Николай Өедоровичъ, р. 1767, † 1809; л.-гв. корнетъ; ж. Евпраксія (Варвара) Ивановна *Сатина*. — Екатерина Өедоровна, за Иваномъ Ивановичемъ *Өедцовымъ*.	55
70. Трофимъ Ивановичъ. 71. Петръ Ивановичъ. 72. Павелъ Ивановичъ. ж. Марія Ивановна N.	57

IX.

73. Иванъ Лукичъ.
74. Симеонъ Лукичъ. 60
75. Андрей Лукичъ.
76. Өедоръ Ивановичъ. 61
77. Михаилъ Өедоровичъ, коллежскій ассесоръ.
78. Дмитрій Өедоровичъ, артиллер. сержантъ.

— Пелагея Өедоровна.
— Екатерина Өедоровна. 62
— Анна Өедоровна, за артиллер. полковникомъ Иваномъ Алексѣевичемъ *Аксаковымъ*. (Руммель, I. № 68).

79. Порөирій Ивановичъ. р. 1791, † 1871 безд. ж. Варвара Александровна *Мутовкина*, р. Чихачева.
80. Николай Ивановичъ, ж. Александра Васильевна *Тухачевская*.
81. Павелъ Ивановичъ † холост.
82. Константинъ Ивановичъ † холостъ. 64

— Елена Ивановна } † дѣвицы.
— Надежда Ивановна }
— Анна Ивановна, за Иваномъ Николаевичемъ *Прибытковымъ*.

83. Николай Михайловичъ, † въ 1813 г.
84. Василій Михайловичъ, † безд.
85. Егоръ Михайловичъ, † холостъ. 65

— Екатерина Михайловна, за Маіоромъ *Михинымъ*.
— Анна Михайловна, за Егоромъ Денисовичемъ *Григорьевымъ*.

86. Василій Васильевичъ, † холостъ. 67
87. Сергѣй Васильевичъ, ж. Варвара Павловна *Скуратова*.
88. Аркадій Александровичъ, ж. Варвара Васильевна *Павлова*.

— Марія Александровна, за 1) Измайловымъ; 2) за *Колеминымъ*. 68
— Александра Александровна, за инж.-полковникомъ *Линдквистъ*.

89. Егоръ Николаевичъ, р. 1790, † безд. ж. Марія Николаевна *Өедцова*.
90. Иванъ Николаевичъ, р. 1794, † 18 Февраля 1861. Ж. Софія Ивановна *Гохфельдтъ*, † 1869. 69
91. Григорій Николаевичъ, р. 1797, † 1858; ж. Варвара Николаевна *Писарева*.

— Прасковія Николаевна, р. 1793.

92. Александръ Трофимовичъ. 70
93. Иванъ Павловичъ † холостъ.
94. Александръ Павловичъ, † въ молод.
95. Николай Павловичъ, † въ молод. 72
96. Михаилъ Павловичъ, коллеж. ассессоръ † 1870. Ж. Анна Илларіоновна *Васильева*, † 1868.

97. Константинъ Павловичъ. † 1879. Ж. 1) Наталія Александровна *Пожидаева*; 2) Александра Николаевна *Офросимова*. 98. Іосифъ Павловичъ. — Варвара Павловна за отстав. исправникомъ *Петровскимъ*. — Марія Павловна за Сергѣемъ Васильевичемъ Шишкинымъ. — Нимфодора Павловна } † дѣвицы. — Евпраксія Павловна }	72

X.

99. Родіонъ Андреевичъ 100. Семенъ Андреевичъ.	75
101. Василій Өедоровичъ.	76
102. Дмитрій Михайловичъ. 103. Павелъ Михайловичъ. 104. Василій Михайловичъ. 105. Владимиръ Михайловичъ. 106. Петръ Михайловичъ. 107. Александръ Михайловичъ. 108. Өедоръ Михайловичъ.	77
109. Иванъ Николаевичъ. 110. Петръ Николаевичъ. 111. Павелъ Николаевичъ. — Марія Николаевна. — Елисавета Николаевна. — Варвара Николаевна.	80
112. Владимиръ Сергѣевичъ, служилъ въ Департ. Удѣловъ, д. с. с., † 1892. 113. Сергѣй Сергѣевичъ. 114. Юрій Сергѣевичъ. — Ольга Сергѣевна.	87
115. Александръ Аркадьевичъ; ж. Елисавета Алексѣевна *Елагина* (имѣютъ дѣтей). 116. Василій Аркадьевичъ. — Анна Аркадьевна, за *Прибытковымъ*. — Марія Аркадьевна, за *Трубниковымъ*. — Юлія Аркадьевна (мать піаниста) за *Зилоти*.	88
117. Николай Ивановичъ, отставной ротмистръ, † холостъ. 118. Өедоръ Ивановичъ, р. 1826, † 1881, д. с. с., цензоръ въ Москвѣ; ж. Вѣра Дмитріевна *Головнина*. † 119. Иванъ Ивановичъ, р. 1829; т. с., заслуженный профессоръ Кіевскаго Университета, предсѣдатель Славянскаго благотворит. Общества; ж. Екатерина Павловна *Чеснокъ*, † 1873. — Варвара Николаевна, † за Николаемъ Николаевичемъ *Терпигоревымъ* (ихъ сынъ—„Сергѣй Атава“).	90

120. Николай Григорьевичъ, камеръ-юнкеръ, † 1875 холостъ.
— Прасковія Григорьевна, за Василіемъ Михайловичемъ *Завязкинымъ*. 91

121. Павелъ Михайловичъ
122. Михаилъ Михайловичъ } умерли въ юности.
123. Павелъ Михайловичъ
124. Иванъ Михайловичъ, р. 1854, ординаторъ дѣтской больницы въ Москвѣ, ж. Юлія Михайловна *Панова*. 96
125. Дмитрій Михайловичъ, р. 1859, подпор. 17 резервнаго баталіона.
— Анна Михайловна, р. 1849, за д-ромъ А. Ю. *Гюбнеромъ*.
— Татьяна, Марія и Александра Михайловны, † въ дѣтствѣ.

— Софія Константиновна, за *Акимовымъ*.
— Елена Константиновна, за *Офросимовымъ*. 97
— Вѣра Константиновна, за *Замятинымъ*.

XI.

126. Сергѣй Васильевичъ. 116

127. Николай Өедоровичъ, ж. Наталія Васильевна Римская-*Корсакова*.
128. Александръ Өедоровичъ.
129. Петръ Өедоровичъ.
— Ольга Өедоровна. 118
— Софія Өедоровна.
— Марія Өедоровна, за земскимъ начальникомъ Аткарскаго у. Өедоромъ Петровичемъ *Бартеневымъ* (сыномъ издателя „Русскаго Архива“).

130. Иванъ Ивановичъ, студентъ Кіевскаго Университета. 19

131. Иванъ Ивановичъ.
132. Анатолій Ивановичъ.
— Юлія Ивановна. 124
— Варвара Ивановна.
— Зинаида Ивановна.

К. Губастовъ.

ПИСЬМО Н. И. ТУРГЕНЕВА ВЪ ПАРИЖЪ КЪ БРАТУ ЕГО АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ И КЪ ЖУКОВСКОМУ.

(Лондонъ, 1827).

Я сегодня уже отправилъ къ вамъ письмо по почтѣ. Теперь начинаю писать другое, инаго рода. Графиня [1]) говоритъ, что я долженъ писать съ нею и писать о томъ, о чемъ нельзя писать по почтѣ, т. е. о моемъ дѣлѣ. Но я право не знаю, чтó могу сообщить вамъ такого, чего я не сказалъ бы уже вамъ прежде въ различныхъ моихъ письмахъ въ Дрезденъ. И это затрудненіе происходитъ не отъ того, что для меня непріятно писать объ этомъ предметѣ, собирать мысли, разсѣянныя новою все поглощающею мыслію [2]), вспоминать происшествія, которыя если не изгладились, то какъ-то исчезли изъ моей памяти; нѣтъ, это не помѣшало бы мнѣ говорить въ порядкѣ даже и объ этихъ мелочахъ; ибо я въ состояніи и говорить, и дѣлать все чтó я долженъ и дѣлать, и говорить. Все затрудненіе лежитъ въ недостаткѣ мнѣній или фактовъ для сооббщенія вамъ. Я нѣсколько разъ говорилъ съ графинею о моемъ положеніи, вспоминая то, чтó я прежде о семъ думалъ и находя въ разговорѣ съ нею поводъ къ дальнѣйшимъ разсужденіямъ.

Между прочимъ сегодня я говорилъ ей, что если тѣ, отъ коихъ зависитъ перемѣна моей участи (право, совѣстно употребить такія выраженія, какъ будто что или кто либо на землѣ можетъ перемѣнить мою участь; но они могутъ способствовать возможности жить намъ вмѣстѣ, и такъ я долженъ о нихъ говорить серьёзно) будутъ смотрѣть на все чтó со мною случилось, на мнимыя мои преступленія, на судъ, на приговоръ, со стороны, такъ сказать, законной, т. е. если они будутъ смотрѣть только глазами закона, смотрѣть на то или другое, то очевидно, что они ничего не увидятъ: не увидятъ преступленія, и слѣ-

---

[1]) Графиня Генріета Разумовская, пріѣзжавшая къ Н. И. Тургеневу изъ Парижа. См. въ „Русскомъ Архивѣ" сего года II, 518. П. Б.

[2]) Т е. мыслію о кончинѣ брата его, Сергѣя Ивановича П. Б.

довательно справедливости въ приговорѣ. Для сего я думаю достаточно видѣть таблицу, къ моей запискѣ приложенную [1]). Тѣ, кои будутъ говорить о мнѣ, представлять мою записку, могутъ, думаю, всего лучше въ началѣ ограничиваться такою аргументаціей. Далѣе представится моя неявка. Тутъ отвѣтъ законный достаточенъ: нѣтъ закона на неявку. Но сего отвѣта недостаточно; скажутъ, что есть неповиновеніе повелѣнію явиться. Въ этомъ спорить нельзя; надобно согласиться; но замѣтить, если можно, что если вся вина состоитъ въ неявкѣ, то слѣдовало бы и судить за неявку, а не за намѣреніе ввести республиканское правленіе.

Но я знаю, что въ Россіи мудрено или невозможно ожидать столь справедливой и простой вещи, и нельзя требовать, чтобы смотрѣли безпристрастнымъ окомъ закона на такіе предметы, которые тѣсно связаны со страстями, предразсудками, невѣжествомъ, и т. п. И такъ надобно вступить въ область мнѣній. Но, касаясь моихъ мнѣній, можно по крайней мѣрѣ требовать, чтобы смотрѣли на мои мнѣнія только такія, кои изложены въ рапортѣ Слѣдственной Коммиссіи.

Что́ тамъ есть? Кажется, ничего нѣтъ доказаннаго. Но какого бы рода мои мнѣнія ни были, нельзя не согласиться, что нѣкоторыя обстоятельства моей жизни могутъ ручаться, что мои мнѣнія не могли привести меня не только къ преступленіямъ, но ни къ чему насильственному, несправедливому. На слова, что я Якобинецъ, можно отвѣчать, что я желалъ освобожденія крестьянъ посредствомъ правительства, и такъ какъ сіе доказывается всѣми моими поступками и въ Совѣтѣ [2]), и въ Тайномъ Обществѣ, то отвѣтъ будетъ рѣшительный: ибо Якобинецъ дѣйствовалъ бы противнымъ образомъ. На обвиненіе въ замыслахъ противъ Государя можно отвѣчать, что къ нему я обращалъ мои мнѣнія, свободныя и откровенныя, о рабствѣ; что къ нему я питалъ чувства, которыя честный и свободный человѣкъ можетъ питать съ честію для себя и для того, къ кому онъ сіи чувства питаетъ. Въ семъ отношеніи можно вообще настоять на томъ главномъ обстоятельствѣ, что я никогда въ Обществѣ или съ членами Общества не объявлялъ такихъ мнѣній, какихъ я не объявлялъ самъ или не слы-

---

[1]) Намъ неизвѣстны ни оправдательная записка, посланная въ Петербургъ самимъ Тургеневымъ изъ Англіи, ни приложенная къ ней таблица, о которой упоминаетъ и В. А. Жуковскій въ одномъ письмѣ своемъ къ А. И. Тургеневу (см. Приложенія къ „Русскому Архиву"). П. Б.

[2]) Т. е. въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ сряду служилъ Н. И. Тургеневъ. П. Б.

шалъ отъ другихъ въ частной жизни, въ домахъ и въ Совѣтѣ. Напротивъ, часто въ Совѣтѣ старшіе говорили, какъ молодые, а я отвѣчалъ имъ какъ старикъ. И это совсѣмъ немудрено: о тѣхъ предметахъ, о коихъ я говорилъ, я думалъ гораздо болѣе нежели они; ибо я ни о чемъ иномъ въ жизни не думалъ. Въ Россіи вообще, вслѣдствіе общаго невѣжества и исторической привычки къ ужасамъ, часто встрѣчаются мнѣнія и слова, которыя человѣкъ съ нѣкоторымъ политическимъ образованіемъ, только вслѣдствіе привычки слышать оныя, безъ ужаса слышать можетъ.

Есть одна главная черта моихъ мнѣній и моего убѣжденія, которая весьма важна для вѣрнаго сужденія о мнѣ и которую, къ сожалѣнію, я не могу никому сообщить въ полной мѣрѣ, и именно: я никого не могу увѣрить въ ничтожности, незначительности того, что̀ называютъ Тайнымъ Обществомъ. Еслибы я могъ говорить, въ присутствіи другихъ, съ тѣми членами Тайнаго Общества, съ которыми я былъ въ связяхъ пріязни: то сіи другіе, слушая насъ, конечно увѣрились бы въ совершенной ничтожности Тайнаго Общества, или лучше сказать въ небытіи чего либо, что̀ можетъ быть названо Тайнымъ Обществомъ. Но я одинъ, монологомъ, сего убѣжденія передать не могу. Все что̀ могу сказать есть: что я ни на одну секунду, никогда не думалъ, чтобы существовало что либо такое, что̀ могло бы быть названо безъ смѣха Тайнымъ Союзомъ или какимъ бы то ни было союзомъ. Я видѣлъ индивидуомовъ, ажитировавшихся, безъ цѣли, безъ средствъ, безъ силы, безъ ума, безъ глазъ. Я хотѣлъ направить сіи ажитаціи къ практической цѣли или, лучше сказать, вырвать изъ сей ажитаціи нѣсколько отпускныхъ [1]), ни мало не думая о связяхъ по Обществу, ни о союзахъ: ибо не видалъ ни связей, ни союза. Иногда я хотѣлъ, чтобы ажитація пустая была направлена къ чтенію книгъ. Ничто мнѣ не удалось, и при всей моей терпѣливости, при всемъ моемъ убѣжденіи, что я исполнялъ долгъ человѣка-неэгоиста, наконецъ, все мнѣ это не скажу огадилось (ибо это было бы слишкомъ важное выраженіе для вещи ничтожной), но надоѣло. Я думалъ, что сдѣлалъ все, что̀ могъ и, видя неуспѣхъ, спокойно возвратился къ недѣятельности и къ холодности относительно людей, на коихъ я хотѣлъ дѣйствовать. Никогда не думалъ и не воображалъ я, что я дѣйствую или какъ членъ Тайнаго Общества или на членовъ Тайнаго Общества, или посредствомъ Тайнаго Общества. Я просто дѣйствовалъ, какъ ин-

[1]) Т. е. бумагъ отпускныхъ, выдаваемыхъ на волю крѣпостнымъ людямъ. П. Б.

дивидуумъ на индивидуомовъ. Такъ ли бы я дѣйствовалъ, еслибъ я приписывалъ какую либо значительность Тайному Обществу? Это объясненіе всего болѣе бѣситъ ихъ, т. е. судей [1]), но изъ всѣхъ моихъ объясненій это самое справедливое, самое ясное, самое простое, и я не думаю даже, что я заблуждался. Я теперь убѣжденъ, что ничего не было такого, что̀ серьёзно можно было назвать Тайнымъ Обществомъ. Была болтовня, были затѣи. Все сіе кончилось бы безъ начала. Представился случай, коимъ вздумалъ воспользоваться энтузіастъ. Этотъ энтузіастъ, Рылѣевъ, самъ говоритъ, что онъ причиною бунта, что онъ могъ бы все остановить, все послѣ сдѣланное предупредить, или не принимать. Онъ не остановилъ, и потому что Рылѣевъ рѣшился на поступокъ какой бы то ни было, я осужденъ какъ преступникъ! Еслибъ Рылѣевъ не рѣшился на этотъ поступокъ, я былъ бы по прежнему.

Но какая связь между Рылѣева рѣшеніемъ и мною? Какъ могъ я, оставившій Россію за два года, не бывшій съ Рылѣевымъ въ связяхъ ни въ какихъ, отвѣчать за то, что̀ могло придти ему въ голову, при видѣ отрицаній отъ престола ближайшаго наслѣдника? Гдѣ нить отъ минуты, въ которую рѣшился Рылѣевъ, назадъ до моего пребыванія въ Петербургѣ, и впередъ до моего пребыванія въ чужихъ краяхъ, т. е. до меня прежде и послѣ бунта?

Если тѣ, кои возьмутся говорить о мнѣ Государю, найдутъ, что онъ не неприступенъ къ убѣжденію; если, они увидятъ, что вслѣдствіе ихъ и моихъ доводовъ онъ согласится, что судъ, объявившій меня преступникомъ, поступилъ незаконно, несправедливо: тогда, даже для чести и славы самого Государя, надобно будетъ, но осторожно и благоразумно, представить ему, что несправедливость эта была жестокая; что она коснулась человѣка, имѣющаго слабости, недостатки, пороки человѣческіе, но честнаго въ публичной своей жизни, человѣка, который жилъ для цѣли, которую почиталъ святою. Братъ и преемникъ Александра долженъ помнить или знать, что слава его дѣяній, твердость въ войнѣ, рвеніе и труды въ освобожденіи Европы, умѣренность въ успѣхѣ, никогда не были бы достаточны дать памяти его мѣсто въ сердцахъ людей добрыхъ и честныхъ, еслибъ жизнь его

---

[1]) Оно бѣсило и многихъ такъ называемыхъ Декабристовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, даже и по возвращеніи изъ 30-лѣтней ссылки, не могли простить Н. И. Тургеневу его мнѣнія о тайныхъ обществахъ временъ Александра Павловича. Тоже мнѣніе выразилъ онъ и черезъ 20 лѣтъ послѣ печатаемаго здѣсь письма, въ своей книгѣ La Russie et les Russes. Во сколько былъ онъ правъ, покажетъ дальнѣйшая разработка исторіи 14-го Декабря; односторонность же книги барона Корфа уже нынѣ явна. П. Б.

не представляла другихъ дѣяній или намѣреній. Память Александра будетъ священна не за взятіе Парижа, но за его намѣреніе освободить Русскихъ крестьянъ, за его опыты, успѣхомъ увѣнчанные, въ семъ отношеніи[1]). Скажу болѣе: память его будетъ жить въ потомствѣ и за дарованіе конституціи (сколько ни несовершенной) Польшѣ. Вотъ не оправданіе, а отвѣты. Но конституціи до меня не касаются.

Пусть, если можно, преемникъ Александра на минуту остановится на сей мысли и пусть взглянетъ на приговоръ, осуждающій человѣка за мысли, за намѣренія, за желанія, даже, къ несчастію, не за дѣйствія, которыя украсятъ лучшую страницу въ исторіи его предшественника и закрасятъ такъ много другихъ вещей! Тогда онъ найдетъ, что, положивъ на вѣсы приговоръ и мою неявку, первый перевѣситъ послѣднюю. Если характеръ его способенъ къ сему, тогда сердце скажетъ ему, что̀ онъ долженъ сдѣлать. Тогда я не буду опасаться отвѣта: явись и оправдайся. Но этого ожидать нельзя, и графиня со всѣми ея пылкими экспектаціями сего не надѣется[2]).

Я думаю, вы можете прибавить одно главное примѣчаніе, но не съ сими, а особо, и оно въ томъ будетъ состоять, что я никогда не воображалъ, чтобы принадлежалъ къ какому либо Тайному Обществу. Я не думалъ, что принадлежалъ, и мнѣ некогда было объ томъ думать. Я хотѣлъ обратить людей, коихъ видѣлъ, къ чтенію книгъ (впрочемъ цензурою выпускаемыхъ) и къ отпуску людей на волю: вотъ на что я смотрѣлъ. Общество какъ бы ускользнуло отъ моего вниманія, и это немудрено, ибо я не видалъ никогда никого, кто бы серьезно говорилъ объ Обществѣ. Муравьевъ безпрестанно смѣялся надъ членами и надъ Обществомъ; Брюгенъ, мой пріятель, не только смѣялся, но и презиралъ многихъ. Я, оставляя все въ сторонѣ, таращилъ глаза на отпускныя. Не найдя ихъ, я все оставилъ и забылъ. Забыть было не трудно, ибо нечего было помнить. Тогда же я попалъ на мысль дѣйствовать инымъ образомъ: представилъ, чрезъ графа Милорадовича, записку и дѣйствовалъ въ Совѣтѣ посредствомъ процессовъ, изъ коихъ въ мое время, два года, ни одинъ не былъ рѣшенъ противъ освобож-

---

[1]) Припомнимъ, что поэтъ Батюшковъ выражалъ мысль о томъ, чтобы Александръ Павловичъ манифестомъ изъ освобожденнаго отъ Наполеонова ига Парижа провозгласилъ отмѣну крѣпостнаго права въ Россіи. П. Б.

[2]) Н. И. Тургеневъ ошибается: графиня Разумовская, какъ уже извѣстно читателямъ „Русскаго Архива“, передъ кончиною своею въ Декабрѣ того же 1827 года, написала Императору Николаю Павловичу письмо о невиновности своего друга. Сохранилось ли это письмо, которое Жуковскій передалъ Государю? П. Б.

денія, и однажды Государь согласился съ нашимъ департаментомъ противъ графа Кочубея и большинства голосовъ. Эта дѣятельность меня всего занимала. Могъ ли я помнить объ Обществѣ?

О мнѣ же вообще можно говорить, что и прежде я чувствовалъ, что я не могу, послѣ такого приговора, жить въ Россіи и ни на что быть годнымъ, теперь же и подавно; что вообще я думаю болѣе о томъ, какъ доживать, въ мирѣ и тишинѣ, остальное время до смерти, нежели начинать опять жить безъ цѣли и безъ силъ; что въ Россію ни для оправданія, ни оправданный я явиться не могу; что здѣсь я и не писалъ и не говорилъ ничего о Россіи, а теперь и подавно; наконецъ, что я не существую ни для свѣта, ни для людей, но сохраняю жизнь, потому что имѣю жизнь и потому что имѣю еще васъ на свѣтѣ; что даже и противъ судей моихъ я не питаю никакого негодованія; что вообще я въ жизни никогда не могъ питать сильнаго негодованія ни къ кому, кромѣ тѣхъ, кои тиранствовали надъ своими крѣпостными людьми; но что въ отношеніи къ нимъ я желалъ только, чтобы они были лишены возможности угнетать другихъ; когда это случалось—чувство негодованія исчезало.

Я не постигалъ мщенія, ни необходимости, ни возможности мщенія, и всегда думалъ, что и законъ не мстить, а карать за содѣянное долженъ.

Я имѣю другія несовершенства, пороки; но жестокость ни въ какомъ отношеніи не была моимъ порокомъ, а даже и строгость всегда почиталъ я жестокостію. Если я ошибался, какъ многіе думали; то не теперь отказываться мнѣ отъ этихъ, покрайней мѣрѣ, пріятныхъ заблужденій; не теперь, когда я ко всему равнодушенъ и когда мои мнѣнія не могутъ имѣть ни малѣйшаго практическаго результата.

Въ доказательство, что я въ послѣднее время не почиталъ Общества существующимъ, я могъ бы привести, что два молодые человѣка являлись ко мнѣ въ Петербургѣ, слышавъ объ Обществѣ и о мнѣ, и желали вступить. Я отвѣчалъ, что Общества нѣтъ и быть не можетъ; что были попытки, кои доказали, что ничего подобнаго составлено быть не можетъ. Впрочемъ я и имъ совѣтовалъ отпустить людей на волю. Я не почитаю нужнымъ объявлять ихъ именъ, и они оба незначительные люди. Мнѣ хотѣлось бы во всемъ этомъ дѣлѣ сохранить себя безъ малѣйшаго упрека. Все чтò противъ меня говорили другіе, мнѣ не повредило; ибо я уцѣлѣлъ. Я не хочу ни слова сказать

о другихъ, да и нечего! И безполезные комеражи только могутъ кинуть невыгодную тѣнь на меня.

Мнѣ сначала иногда казалось, что въ рапортѣ какъ будто не все помѣщено противъ меня, что́ могли показывать подсудимые. Но, судя по многимъ пасажамъ, напр. по пасажу о журналѣ, который вы цитуете въ вашихъ примѣчаніяхъ, я думаю теперь, что если нѣтъ чего въ рапортѣ противъ меня, то не было и въ показаніяхъ. Я не разумѣю здѣсь мнѣній моихъ о рабствѣ: эти мнѣнія могли быть не помѣщены въ рапортѣ по другимъ причинамъ. Это исключе́ніе есть также несправедливость противъ меня. Если бы публиковали эти мнѣнія, то многіе могли бы вдругъ увидѣть, въ чемъ состоитъ все дѣло, касательно меня собственно. Теперь читатель, не видя моихъ мнѣній о рабствѣ, по неволѣ долженъ вѣрить, что все прочее до меня неминуемо должно касаться.

Я особенно искалъ въ рапортѣ слѣдовъ Московскаго съѣзда противъ меня; но ничего не нахожу, кромѣ показаній, кои легко опровергаются. Посему и думаю, что ничего иного показываемо не было. Да и что показывать? Если бы было представлено что либо письменнаго, то другое дѣло. Но видно, ничего не было. Къ тому же я не во все время былъ въ Москвѣ. Это важно. Вообще нельзя меня связывать съ Обществомъ во все время существованія Общества. Надобно судить о мнѣ по мѣрѣ собственно моего участія. Во многомъ я не участвовалъ, о многомъ не зналъ, о многомъ нимало и не думалъ, многаго не подозрѣвалъ, какъ все это было. Все изъясняется тѣмъ, что я смотрѣлъ только на отпускныя, а не на Общество, на помѣщиковъ, а не на членовъ Тайнаго Союза.

(*Изъ бумагъ В. А. Жуковскаго*).

АВРААМЪ СЕРГѢЕВИЧЪ НОРОВЪ.

(Род. 22 Октября 1795 † 23 Января 1869).

I.

Изъ дневника барона М. А. Корфа [1]).

(1820).

Мыза Шварценбекъ, близъ Ревеля, *11 Іюня 1820.* Только что познакомился съ нашими сосѣдями: со вдовою славнаго генерала 1812 года Тучкова [2]) и съ ея двоюроднымъ братомъ Норовымъ, полковникомъ гвардейской конной артиллеріи. Ему оторвало ногу въ кровопролитномъ Бородинскомъ сраженіи, и онъ ходитъ съ деревяшкой. Сколько чести! Но однакоже никакая честь не можетъ вознаградить такую потерю; а ему всего еще только 25 лѣтъ.

14-го. Хотя утромъ не засталъ дома полковника Норова, но уже замѣтилъ, что онъ большой любитель книгъ и картинъ. Столько ихъ разложено у него въ комнатѣ! Слуга его говоритъ, что это все здѣсь и куплено. Вечеромъ я долго съ нимъ бесѣдовалъ; онъ, кажется, человѣкъ, образованный и исполненъ познаній. Изучивъ поэтовъ Русскихъ и Французскихъ, онъ также не чуждъ Нѣмецкой словесности, и знаетъ также языкъ и творенія Римскихъ классиковъ. И однакоже онъ предпочитаетъ, подобно многимъ, Французскій театръ высокимъ драматическимъ созданіямъ Шиллера, Гёте, Лессинга, Грилльпарцера и др. Скучная Гоѳолія, резонёръ Танкредъ, тяжелый Сидъ, по его мнѣнію, безконечно выше Маріи Стюартъ, Іоанны д'Аркъ, Емиліи Галотти, Гёца Берлихингена... «Нѣтъ, сказалъ я ему: все что̀ вы приводите несомнѣнно прекрасно, какъ поэзія, но дѣйствуетъ болѣе на

---

[1]) Переведено съ собственноручнаго Французскаго неизданнаго подлинника покойнымъ Я. О. Орломъ-Ошмянцовымъ. Эта тетрадь дневника передана была самимъ барономъ Корфомъ А. С. Норову. П. Б.

[2]) Это Маргарита Михайловна, впослѣдствіи игуменья Бородинскаго монастыря. П. Б.

умъ, тогда какъ мои милые Нѣмцы достигаютъ прямо до сердца. Въ доказательство, что и во Французскомъ театрѣ есть трогательныя мѣста, вы сошлетесь какъ Атрей подаетъ Тіесту чашу съ кровью брата; но тутъ есть ли вь въ самомъ дѣлѣ красота? Я склоненъ скорѣе думать, что это есть недостатокъ вкуса и слишкомъ возмутительно для сцены.» Споръ нашъ по этому предмету продолжался еще долго, но согласиться мы никакъ не могли.

15-го. Я уже зналъ, что полковникъ очень образованъ и любезенъ, но теперь убѣдился, что онъ къ тому же и деликатенъ: въ полночь вышелъ онъ отъ своей сестры и, пробираясь коридоромъ мимо спальни моихъ родителей, старался быть совершенно неслышнымъ; а днемъ его деревяшка стучитъ, какъ нога каменнаго командора въ Донъ-Жуанѣ.

20-го. За обѣдомъ у губернатора Будберга я уговорился было съ полковникомъ идти въ театръ, смотрѣть «Коварство и Любовь»; но это разстроилось вслѣдствіе приглашенія губернатора къ нему на вечеръ, въ Екатериненталь. Почти на двадцать дамъ пришлось лишь трое кавалеровъ, т. е. мы да вице-губернаторъ. Не будучи ни съ кѣмъ знакомъ, я страшно скучалъ, и дивился только на своего милаго товарища, перелетавшаго отъ одной дамы къ другой, къ великому ихъ удовольствію. Отъ всего сердца завидую такому его таланту, что́ впрочемъ не мѣшаетъ мнѣ привязываться къ нему день ото дня болѣе. Съ большимъ умомъ соединяетъ онъ нѣкоторый родъ наивной простоты, меня восхищающей.

22-го. Полковникъ съ сестрой своей провелъ у насъ вечеръ и много говорилъ о дѣлѣ стоившемъ ему ноги. По мѣрѣ того какъ входилъ онъ въ подробности этой бойни, въ которой съ обѣихъ сторонъ было убитыми и ранеными до 70.000 человѣкъ, взоръ его и языкъ болѣе и болѣе воодушевлялись, и тутъ онъ становился великолѣпенъ.

23-го. Заставъ меня за дневникомъ, полковникъ пожелалъ было прочесть его; но я на это не согласился, вопервыхъ потому, что я еще мало увѣренъ въ его скромности; а потомъ, кому на свѣтѣ нужны писанія влюбленнаго безумца *)? Возвращаясь къ нашему спору о сравнительномъ достоинствѣ трагедій Французской и Нѣмецкой, онъ

---

*) Въ то время я страдалъ до безумія страстью, вывезенною мною изъ Могилева на Днѣстрѣ, къ одной хорошенькой Жидовочкѣ. *Позднѣйшее примѣчаніе барона М. А. Корфа.*

наконецъ признался, что знакóмъ съ послѣдней только по переводамъ. «А, сказалъ я тогда, если вы имѣете понятіе о трилогіи Валленштейна лишь по презрѣнной передѣлкѣ ея въ одну пьесу г-на Жуи́, или о «Коварствѣ и Любви» по Русскому переводу, то не можете имѣть высокаго мнѣнія о красотахъ Нѣмецкой сцены. Это все равно что судить о Телемакѣ по переводу Тредьяковскаго. Это мнѣ напоминаетъ про ту молодую дѣвицу, которая на восторги своего любезнаго отвѣчала, что она не болѣе какъ гермафродитка; потому что тетка ея объяснила ей это незнакомое слово, какъ означающее нѣчто среднее между хорошенькой и дурной».

У собесѣдника моего были въ рукахъ сатиры Ювенала въ подлинникѣ, и онъ жаловался на трудность понимать ихъ вполнѣ. Я же недовольно сильный латинистъ, чтобы облегчить ему этотъ трудъ.

24-го. Провелъ часть вечера съ наставникомъ сына Тучковой [1]) и полковникомъ. Говорилъ имъ о моемъ переводѣ Курляндскихъ Статутовъ и пр. Потомъ бесѣдовали о литературѣ, цивилизаціи и администраціи нашей имперіи, и конечно гремѣли противъ всего, исключая насъ самихъ.

Полковникъ сообщилъ мнѣ, что онъ поэтъ и что въ эту минуту пишетъ дидактическую поэму «*Опытъ объ Астрономіи*». По этому поводу показывалъ онъ мнѣ поэму Риккара подъ заглавіемъ *Сфера* (La Sphère). По его мнѣнію она очень слаба, но цѣнна примѣчаніями, ее обогащающими. Авторъ, на бѣду, обработываетъ лишь математическую сторону предмета, не затрогивая философской и поэтической... Полковникъ находитъ только что прибывшую сюда Паулинъ (дочь Михаила Петровича Кульнева, брата знаменитаго героя Финляндской и Отечественной войнъ) очаровательною. Впрочемъ таково же и общее мнѣніе. Полагаю, онъ не прочь былъ бы слѣдовать за ея колесницей, не будь у нея мужа (отсутствующаго), а у него другой страсти, которую я пока только подозрѣваю. Это дѣйствительно прелестное созданіе... замужъ вышла она 15 лѣтъ, а теперь ей 18-ть, и хотя у нея двое дѣтокъ, она сохраняетъ дѣвственную свѣжестью [2]).

26-го. Мы возвратились изъ города, гдѣ слушали знаменитую пѣвицу Боргондіо въ залѣ Дворянскаго Собранія. Я былъ кавалеромъ

---

[1]) Единственный сынъ погибшаго подъ Бородинымъ Алексѣя Алексѣевича Тучкова; онъ учился въ Дерптскомъ университетѣ и умеръ въ ранней молодости. П. Б.

[2]) Племянница героя Кульнева, Марья Михайловна, супруга Саксенъ-Веймарскаго камергера Паулина. П. Б.

Паулина, а полковникъ — Тучковой. Я познакомилъ его съ старымъ отцомъ г-жи Паулинъ. Разговоръ скоро обратился, какъ я и предвидѣлъ, на войну 1812 года и на храбраго брата Кульнева, въ ней убитаго. Нашъ молодой инвалидъ не замедлилъ воодушевиться, разсказывалъ такъ хорошо и судилъ такъ вѣрно, что я былъ совершенно увлеченъ имъ. Когда-то я также думалъ быть военнымъ и составить себѣ имя на полѣ битвы, но родители мои рѣшили иначе; и какъ теперь бранные клики замолкли, то можетъ быть это и къ лучшему.

Что я особенно люблю въ Норовѣ, это отсутствіе въ немъ самомнѣнія; онъ не устраиваетъ сраженій лучше опытныхъ генераловъ, критикуя ихъ безконечно, какъ это дѣлаютъ многіе молокососы.

Кульневъ распространялся противъ Витгенштейна, а Норовъ защищалъ его. Но кажется вполнѣ вѣрно (какъ слышалъ я отъ людей довольно свѣдующихъ), что Французы не пошли на Петербургъ благодаря лишь ихъ незнанію мѣстъ и силъ нашихъ... Мало-по-малу перешли мы къ сравненію двухъ столицъ, и полковникъ краснорѣчиво хвалилъ старѣйшую, въ которой онъ родился. Никогда не бывъ въ ней, я не могъ на этотъ счетъ выразить никакого мнѣнія.

1 Іюля. Полковникъ сообщилъ мнѣ «Переписку Вольтера съ Байли о происхожденіи наукъ». По моему, можно бы многое возразить противъ Байли, а если Вольтеръ удержался, то только изъ вѣжливости къ противнику.

2. Едва проснувшись, Кульневъ предложилъ мнѣ идти будить полковника, котораго мы и застали еще въ постелѣ. Война 1812 года опять явилась на сцену, какъ вѣрно и всегда между ними будетъ... Полковникъ участвовалъ въ ней до самаго взятія въ плѣнъ подъ Бородинымъ [1]), а учитель его племянника, вышедши изъ Москвы за нѣсколько часовъ до вступленія непріятеля, возвратился въ нее чрезъ два дня по его выступленіи, такъ что оба находили въ памяти все новыя подробности этихъ чрезвычайныхъ событій.

Барклай, по словамъ Норова, былъ въ немилости у двора; генералы всѣ ему завидовали, и наконецъ вся армія его ненавидѣла: печальное послѣдствіе нашего привычнаго предубѣжденія противъ всего, что̀ носитъ иностранную фамилію [2]). При такихъ условіяхъ нельзя до-

---

[1]) Воспоминанія А. С. Норова о 1812-мъ годѣ помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ" 1881, III, 173. П. Б.

[2]) Если почтенный баронъ М. А. Корфъ разумѣлъ тутъ только нашу армію, и особенно солдатъ, то онъ правъ; но вся „интеллигенція" наша, совершенно напротивъ,

статочно удивляться той проницательности и твердости, которую высказалъ Барклай противъ накоплявшихся вокругъ него препятствій. Когда наши войска были еще въ Вильнѣ, Великій Князь Константинъ и другіе генералы громко и открыто толковали по всѣмъ улицамъ о всемъ что̀ рѣшалось на военномъ совѣтѣ; такимъ образомъ многочисленные шпіоны непосредственно узнавали всѣ мѣры и планы главной квартиры. Это дошло до такой степени, что Барклай былъ вынужденъ отправить Великаго Князя въ Петербургъ съ ничтожной депешей, лишь бы отъ него избавиться. Снисходительность одного лица дозволила Норову прочитать переписку на Нѣмецкомъ языкѣ по этому предмету между Барклаемъ и самимъ Государемъ; и онъ утверждаетъ, что въ ней видѣнъ вездѣ отпечатокъ таланта, и даже генія.

Потомъ мы восхищались, съ картой въ рукахъ, великолѣпнымъ фланговымъ движеніемъ Кутузова послѣ сдачи Москвы, которымъ онъ отрѣзалъ Наполеону сообщенія съ его магазинами, затруднилъ ему отступленіе и устроилъ ему гибель. «Цѣлую недѣлю, прибавилъ полковникъ, императоръ не могъ знать ничего о движеніяхъ нашей арміи, и гдѣ ее искать».

3. Вчера былъ большой балъ у губернатора Будберга. Я былъ вмѣстѣ съ полковникомъ, но, не предполагавъ, въ Шварценбекскомъ уединеніи, что этотъ вечеръ разростется въ цѣлое празднество, я оказался одинъ въ сапогахъ, изъ всѣхъ молодыхъ людей, и потому поневолѣ не танцовалъ, а только смотрѣлъ и зѣвалъ донельзя. Сжалясь надо мною, мой товарищъ охотно принялъ предложеніе уѣхать до ужина, хотя мы оба были страшно голодны. Мы пріѣхали домой около двухъ часовъ ночи. По счастію, генеральша, раньше насъ возвратившаяся съ бала, еще не спала; она сжалилась и предложила намъ закуску. Въ ожиданіи таковой, вотъ мы, въ великолѣпную лѣтнюю ночь, подъ балкономъ нашей дамы, подобно средневѣковымъ кавалерамъ, ведемъ съ ней разговоръ... недостаетъ только трубадура. А, кажется, сосѣдъ очень ухаживаетъ за своей кузиной, вѣроятно по причинѣ ея блестящаго ума, такъ какъ она и не молода, и не красива, хотя довольно видна изъ себя. Онъ сыплетъ дождемъ комплименты ея уму, молодости и граціозности, и она этимъ весьма польщена и какъ бы готова къ взаимности. Но это вѣроятно лишь платоническія фразы. На сихъ дняхъ генеральша сказала моей матери, что по близкому

имѣла печальное, иногда пагубное, предубѣжденіе *въ пользу* нерусскихъ фамилій. Замѣтный поворотъ, и то вслѣдствіе уже настоятельной необходимости и очевидности, произошелъ лишь за послѣднее время. Дай Богъ, чтобъ не поздно! *Примѣчаніе переводчика* (Я. О. Орла-Ошмянцова).

родству не можетъ быть и рѣчи о бракѣ между ними. Наконецъ, апетитъ превозмогъ, и мы бросились на сыръ, буттерброды и окорокъ гостепріимной хозяйки.

5. Я сопровождалъ полковника на морское купанье; онъ мнѣ показывалъ свою ампутированную ногу.

6. Сегодня я ѣздилъ съ нимъ верхомъ гулять на столь славныя между обитателями Ревеля развалины монастыря Св. Бригитты, разрушеннаго Іоанномъ Грознымъ и съ тѣхъ поръ невозстановленнаго. Дорога, верстъ 10, показалась намъ дѣйствительно слишкомъ длинной, и насилу добрались мы до цѣли, переѣхавъ рѣку на паромѣ; пески, окружающіе со всѣхъ сторонъ Ревель, конечно не оживляли мѣстности. При посѣщеніи же самыхъ развалинъ, мой товарищъ былъ стѣсняемъ своей ногой; да сверхъ того, такъ какъ онъ гораздо больше любитъ древности классическія, чѣмъ средневѣковыя, то я не могъ сообщить ему своего энтузіазма... У всякаго свой вкусъ, и въ концѣ концовъ наша прогулка доставила ему больше усталости, чѣмъ удовольствія.

7. Сегодня нашъ разговоръ вращался на расказахъ о привидѣніяхъ, выходцахъ съ того свѣта и сверхъестественныхъ явленіяхъ. Не смотря на нашу довольно романтическую обстановку, оба согласились, что всякій думающій будто видѣлъ существо другаго міра, обязанъ тѣмъ лишь воображенію, настроенному чѣмъ либо мало обыкновеннымъ, либо галлюцинаціи, либо даже временному помѣшательству. Потому-то цензура и должна бы строго запрещать книжки, дѣйствующія главнѣйше на умы слабые или трусливые вслѣдствіе ложнаго воспитанія*). Въ подтвержденіе я ему приводилъ, хотя и краснѣя, собственный примѣръ. Однажды вечеромъ попалась мнѣ повѣсть Лауна Das Schauerwort (Страшное слово). Молодая дѣвушка, влюбленная въ офицера, должна пожертвовать страстію своей разоренной семьѣ и выдти замужъ за богатаго старика. Офицеръ убитъ на войнѣ. Спокойствіе водворяется между супругами, какъ вдругъ другой офицеръ, лицомъ похожій на убитаго, проѣздомъ, увѣряетъ мужа, что если кто, будучи одинъ въ особой комнатѣ, произнесетъ три раза свое собственное имя, прибавляя: «кто зоветъ меня?», то при послѣднемъ разѣ

*) Замѣчательно, что въ 1820 году, т. е. черезъ три года по выходѣ изъ Царскосельскаго Лицея, баронъ М. А. Корфъ былъ уже за стѣснительныя цензурныя мѣры. Къ концу Николаевскаго царствованія ему пришлось быть дѣятельнымъ членомъ негласнаго цензурнаго комитета, въ которомъ велась рѣчь даже о цензурованіи самой Св. Библіи. П. Б.

увидитъ своего двойника. Бѣдный мужъ, послѣ трехъ мѣсяцевъ томленія, рѣшился испробовать это и отъ показавшагося въ самомъ дѣлѣ видѣнія такъ былъ потрясенъ, что на другой день умеръ. «И видите-ли, прибавилъ я, не смотря на полное убѣжденіе, что это пустая басня, я все-таки не могъ удержаться, чтобы въ туже ночь не сдѣлать самому этого опыта, и успокоился только, когда изъ этого, конечно, ничего не вышло... Но не скрою отъ васъ, что, особенно при третьемъ воззваніи, меня била лихорадка».

Вечеромъ, за чаемъ, говорили о разсѣянности и приводили многообразные ея примѣры. Полковникъ, не скрывая, что самъ ей довольно подверженъ, разсказалъ, какъ однажды на ученьи онъ вынулъ изъ кармана вмѣсто лорнета серебряный рубль, и даже протиралъ его платкомъ, чтобъ сквозь него что-нибудь увидѣть.

Потомъ я зашелъ къ нему, чтобы дать экземпляръ моей «Графодроміи» [1]), который только что получилъ изъ Петербурга. Онъ хотѣлъ, чтобъ я показалъ ему, какъ подписывать его фамилію по этой системѣ, и тотчасъ же и написалъ ее на одной изъ своихъ книгъ. Особенное удовольствіе доставило ему то, что въ концѣ моей книжки была приложена транскрипція одного отрывка изъ Исторіи Карамзина.

9. Мы возвратились съ прогулки по морю на новомъ суднѣ адмирала Спафарьева. Все общество Шварценбека, съ нѣсколькими купальщиками изъ Ревеля, было приглашено на эту поѣздку, которая вполнѣ удалась, не смотря на дождь и на такой штиль, что судно приходилось тянуть шлюпками. Кромѣ чаю, закуски и пр., мы имѣли зрѣлище: примѣрную битву двухъ другихъ судовъ, подѣйствовавшую на нервы дамъ и живо заинтересовавшую нашего храбраго артиллериста.

12. У Норова много набожности, не переходящей впрочемъ въ ханжество. Я очень радъ, что мы согласны во многомъ въ нашихъ вѣрованіяхъ, которыя внушены мнѣ гораздо болѣе матушкой [2]), чѣмъ моими лицейскими воспитателями. У него есть и Латинская Библія съ комментаріями св. Іеронима. Изъ нея прочелъ онъ мнѣ сегодня 13-ю главу перваго посланія апостола Павла къ Коринѳянамъ. Это несомнѣнно одно изъ лучшихъ мѣстъ Новаго Завѣта, полное того святаго помазанія, той возвышенной любви, которыя замѣняли ученикамъ Господнимъ свѣтскую образованность и свѣтскія познанія.

---

[1]) Графодромія или искусство скорописи, сочиненіе Астье, передѣланное и примѣненное къ Русскому языку барономъ Модестомъ Корфомъ. Спб. 1820.

[2]) Мать барона Корфа была ур. Смирнова. П. Б.

.... Встрѣтилъ у полковника молодаго Винклера [1]) съ двумя прекрасными изданіями Горація и Виргилія, которыя онъ купилъ здѣсь. Онъ предпочитаетъ перваго автору Энеиды, часто надутому; раздѣляя это мнѣніе, я его поддерживалъ; а полковникъ, слушая наши резоны, казался упавшимъ съ неба, и наконецъ обозвалъ насъ «жалкими поэтами».

17. Норовъ сообщилъ мнѣ планъ путешествія, составленный имъ вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, на прошлую зиму; разныя препятствія помѣшали имъ. Намѣреніе ихъ было начать съ Одессы, плыть въ Константинополь, Морею и Архипелагомъ, посѣтить Іерусалимъ, развалины Пальмиры, древній Тиръ и часть Египта, и возвратиться чрезъ Италію, Францію и наконецъ Германію.

Какъ жаль, что этотъ превосходный планъ остался только мечтою, и что̀ далъ бы я, чтобъ когда-нибудь исполнить нѣчто подобное, особенно съ кѣмъ-либо похожимъ на дорогаго Норова! Все путешествіе, съ необходимыми остановками, заняло бы по ихъ разсчету полтора года [2]).

22. Сегодня имянины нашей очаровательной г-жи Паулинъ, и въ числѣ другихъ поздравителей явился также полковникъ съ своей кузиной. Онъ готовъ покинуть нашъ мирный Шварценбекъ, къ моему великому сожалѣнію и повидимому къ еще большему со стороны госпожи Тучковой.

По крайней мѣрѣ я и всѣ остальные могли въ этомъ убѣдиться по упорнымъ настояніямъ, которыя она обращала къ нему, чтобы онъ отсрочилъ еще свой отъѣздъ до того времени, когда уѣдетъ она сама, что̀ должно быть дней черезъ восемь. Онъ отговаривался, указывая на то, что родители его ждутъ съ нетерпѣніемъ и что всякая отсрочка огорчитъ ихъ. Мнѣ интересно знать, какое побужденіе возобладаетъ. Поживемъ,—увидимъ... Между тѣмъ онъ попросилъ меня написать что-нибудь въ его альбомъ. Я сдѣлалъ это съ удовольствіемъ и внизу написалъ свое имя гіероглифическими начертаніями къ вящей мистификаціи тѣхъ, кто со временемъ поинтересуется разобрать эту подпись...

(Дальнѣйшіе листки моего тогдашняго дневника затерялись. *М. К.*).

---

[1]) Сынъ Ревельскаго врача и владѣлецъ Шварценбека, въ то время Дерптскій студентъ. *Примѣчаніе барона М. А. Корфа.*

[2]) Извѣстно, что А. С. Норовъ впослѣдствіи совершилъ это путешествіе, и плодомъ его осталось нѣсколько прекрасныхъ его сочиненій. П. Б.

II.

Письма протоіерея М. Ѳ. Раевскаго къ А. С. Норову *).

1.

Ваше превосходительство, милостивый государь Абрамъ Сергѣевичъ!

На другой день по полученіи вашего письма, я получилъ письмо отъ г. Ганки о той же книгѣ, переданной имъ г. Халчинскому. По справкѣ въ канцеляріи здѣшняго посольства оказалось, что г. Халчинскій, передавая всѣ коммиссіи г-ну Озерову, книги вашей ему не передалъ, и вѣроятно взялъ съ собою, чтобы переслать ее чрезъ курьера изъ Константинополя. Я просилъ г. Озерова и, какъ вѣрно знаю, онъ писалъ уже о ней г-ну Халчинскому. Если вы не получили уже этой книги, навѣрно скоро ее получите; въ противномъ случаѣ увѣдомьте меня, и я передамъ вамъ тогда отвѣтъ г. Халчинскаго г-ну Озерову. У человѣка столь вѣрнаго, каковъ Халчинскій, книга пропасть не можетъ. Такимъ же отвѣтомъ я успокоилъ и г-на Ганку.

Каталоговъ Пранделя и Купича при этомъ письмѣ почтою не посылаю, но оставляю ихъ въ особомъ пакетѣ въ канцеляріи посольства, и они будутъ пересланы вамъ съ курьеромъ. Библіотека покойнаго Копитара куплена мѣстомъ родины и воспитанія его, Лайбахскимъ лицеемъ. Дань достойная достойному человѣку!

Если будутъ какія порученія у васъ въ Вѣнѣ, почту для меня пріятнымъ долгомъ исполнить для васъ оныя; теперь же васъ прошу покорнѣйше прилагаемое при семъ письмо доставить родственницѣ двоюроднаго брата вашего г. Норова Анастасіи Семеновнѣ Вадковской, также Вѣнской моей знакомой.

Было человѣка два Русскихъ. Именъ ихъ не пишу изъ осторожности, которые въ настоящее лѣто совершили дѣльное путешествіе по землямъ Славянскимъ и обѣщались своими впечатлѣніями подѣлиться съ Россіею. Я едва ли предприниму въ этомъ отношеніи что либо общее, а отъ частностей не отказываюсь. Пріѣзжайте вы сюда съ этою цѣлію. Для Россіи была бы большая польза повѣрить восторженныя чувства молодежи опытностію такого мужа. Въ числѣ литературныхъ

*) Воронежскій уроженецъ, протоіерей Русской посольской церкви въ Вѣнѣ, Михаилъ Ѳедоровичъ Раевскій, род. 18 Іюля 1811 † 2 Мая 1884. Имя его никогда не позабудется между православными Славянами, пребывающими „въ сѣтяхъ Тевтона вѣроломныхъ, въ стальныхъ Татарина цѣпяхъ“. П. Б.

новостей въ этой области заслуживаетъ особенное вниманіе газета знаменитаго Штура на нарѣчіи совершенно новомъ для литературы, между народомъ, не видавшимъ ничего печатнаго на своемъ языкѣ, развѣ молитвенники, между Словаками, и эта нація имѣетъ слѣдовательно теперь свой отголосокъ.

Свидѣтельствую мое усердное почтеніе супругѣ вашей и, желая вамъ купно всѣхъ благъ отъ Господа, остаюсь съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и совершеннѣйшею преданностію вашего превосходительства покорнѣйшій слуга, священникъ Михаилъ Раевскій.

Вѣна, 30 Августа (11 Сентября) 1845.

2 *).

Стыдно, совѣстно мнѣ предъ вами такъ, что и выразить того не могу; но передъ Богомъ, не я тому виною, а непонятное поведеніе г-на Климича. Получивши отъ г. Блудова пакетъ, я, чтобы не раскрывать его на почтѣ, послалъ чрезъ своего коммиссіонера. Мѣсяцъ не получаю отвѣта, справляюсь; оказалось, что г. Климичъ отказывается принять пакетъ, такъ какъ при немъ не было письма. Я пишу г. Климичу, объясняю, и вотъ еще прошелъ мѣсяцъ; но отъ него нѣтъ отвѣта. Пакетъ не пропадетъ; но такъ быть невнимательнымъ непонятно. Напишите, прошу васъ, получилъ ли г. Климичъ пакетъ. Можетъ быть, онъ вамъ писалъ; если нѣтъ, то я беру пакетъ обратно и ожидаю вашихъ распоряженій.

На счетъ манускрипта, помнится, я уже писалъ вамъ. Ни г. Ганка, ни изъ здѣшнихъ никто не посылалъ такого въ Петербургъ, и кому слѣдовательно принадлежитъ онъ, неизвѣстно.

Обѣщанныхъ вами книгъ и прочаго я еще не получалъ, хотя вотъ уже мы стоимъ и въ половинѣ лѣта. Между тѣмъ прошу васъ еще: примите къ сердцу письмо мое предыдущее, употребите содѣйствіе ваше, да не услышимъ мы оный гласъ: нагъ бѣ, и не одѣясте Мене и пр. и послѣ: не вѣмъ васъ. Дойдетъ, пожалуй, скоро и до этихъ послѣднихъ словъ; тогда восплачемъ и возрыдаемъ, міръ же возрадуется. Въ другое время и вскорѣ напишу объ этомъ больше.

8 (20) Іюля 1849.

Для православныхъ церквей въ Далмаціи, по опредѣленію Святѣйшаго Сѵнода, состоявшемуся 23 Февраля 1849 года, вслѣдствіе ходатайства г. тайнаго совѣтника Норова, назначены къ отпуску богослужебныя книги разна-

---

*) Обычныя начала и окончанія писемъ, для краткости, опускаются. П. Б.

го наименованія, о чемъ и писано 7 Апрѣля текущаго года къ г. государственному канцлеру графу Нессельроде объ увѣдомленіи, можно ли упомянутыя книги доставить во ввѣренное ему министерство, для зависящаго съ кѣмъ слѣдуетъ сношенія о пересылкѣ оныхъ по назначенію. Но отзыва на сіе еще не получено.

*

3.

Честь имѣю препроводить вамъ старинную Чешскую книгу Путешествія къ Св. Мѣстамъ отъ г. Ганки. Пишетъ мнѣ онъ, что г. Климичъ получилъ оттиски, и я спокоенъ. Благодарю васъ покорнѣйше за ваше письмо; но, не ожидая отъ васъ обѣщаннаго другаго писанія, побуждаемый жалостію къ Св. Церкви, опять пишу о томъ же, о чемъ и прежде писалъ. Не Далмація нуждается столько теперь въ утвари и ризницѣ, сколько разоренные Банатскіе Сербы: больше 30 церквей, которыхъ описаніе я доставлю вамъ со временемъ, лишены всего, поруганы, разбиты, нѣтъ богослуженія въ нихъ, и надежды мало, когда оно будетъ возстановлено. Народъ въ нищетѣ, въ отчаяніи, лишенъ къ тому и послѣдняго утѣшенія религіи. Кто ему поможетъ? Католикъ или тотъ, кому дорогъ подобный случай, чтобъ водворить Унію? Въ одно только мѣсто они устремляютъ свои слезящія очи; съ одной стороны вѣетъ только имъ прохладная надежда—гдѣ Богъ православный, гдѣ сердце біющееся любовію къ угнетенному, разграбленному, полуживому единовѣрцу. Теперь патріархъ испросилъ у Австрійскаго правительства позволеніе обратиться за помощію къ иностраннымъ державамъ. Частно я ввѣрю вамъ посланныхъ. Награда на небѣ и въ сердцѣ! Но между тѣмъ вотъ моя мысль: нельзя ли и другимъ образомъ скорѣе помочь церквамъ осиротѣвшимъ? Нельзя ли вамъ съ обществомъ благодѣтелей, напримѣръ, прислать сюда на ризы зеленой матеріи съ крестами, какая у насъ наиболѣе употребляется въ Россіи, или другаго чего недорогаго, глазету на оплечья, бархату на поясъ, поручи, эпитрахиль и гасовъ. Я бы все здѣсь сшилъ и переслалъ по принадлежности. Оно и матеріалъ у насъ не такъ дорогъ, и пересылка не была бы громоздка, какъ шитыхъ ризъ, и все удобнѣе бы переслать на имя нашей церкви. О количествѣ, на сколько вещей, можете спросить у мастера. Приложите ревность вашу апостольскую къ этому дѣлу. Я увѣренъ, что вамъ не откажутъ и высокія лица. А Далмацію (кромѣ книгъ, о коихъ я получилъ извѣстіе изъ посольства) оставимъ до времени, чтобы не утрудить душъ благодѣтельныхъ.

Буду ждать съ нетерпѣніемъ отвѣта на мою мысль.

Вѣна, 13 (25) Октября 1849.

P. S. Примите отъ меня на память отпечатанный мною въ Вѣнѣ переводъ канона Андрея Критскаго, посланный мною при семъ въ двухъ экземплярахъ [1]).

*

4.

Ярче засіяло мнѣ солнышко, когда я получилъ письмо ваше. Я писалъ вамъ прежде, около Сентября прошедшаго года, но не получилъ отвѣта; потомъ писалъ съ приложеніемъ книгъ; когда и на это не получилъ также отвѣта, виноватъ, подумалъ, что вы остерегаетесь въ теперешнее время вести со мною переписку. О добромъ вашемъ расположеніи ко мнѣ, повѣрьте, и тогда не усумнился. А какъ у меня болѣло сердце въ этотъ годъ! Хорошо вамъ, защитникамъ Православія, сидѣть подъ мирнымъ кровомъ Батюшки-Царя Православнаго. Посмотрѣли бы вы здѣсь на кровавыя раны матери нашей Церкви. Нѣсть ей ни вида, ниже доброты! На моемъ мѣстѣ надобно было мнѣ быть или Нѣмцемъ или, какъ истинному православному пастырю, оставить жену и чадъ и идти во слѣдъ Призвавшаго меня на служеніе. Много я сказалъ, боюсь называть себя и меньшимъ отъ служителей; но ей глаголю, споспѣшествующей ми совѣсти! Славянско-православное движеніе началось еще въ 1848 году; я предвидѣлъ, что́ будетъ; ходилъ въ Петербургѣ туда-сюда, въ третье мѣсто, не получилъ никакого наставленія; это вы сами видѣли. Пріѣзжаю сюда, здѣсь всѣ потеряли головы, пастыри и вожди народа; кто отъ страха, кто изъ видовъ, оставили его. Неправославному уху чужды плачъ и рыданіе и вопль православныхъ. Страдальцы обратились ко мнѣ. Нашлась одна душа сердобольная *), которая помогла мнѣ много и словомъ, и дѣломъ, и мзда ея будетъ многа на небесахъ. Словомъ, взявши всю отвѣтственность на себя, я уговорилъ патріарха, чтобы помирить его съ народомъ, чтобъ онъ писалъ Государю и въ Синодъ, и самъ отправилъ эти письма. Господь увѣнчалъ благое дѣло желаннымъ успѣхомъ: народъ смотритъ лучше на патріарха, сборъ въ пользу церквей пошелъ по всей Россіи, и Синодъ, какъ слышно, одобряетъ мое поведеніе. Одобряетъ теперь, а что́ если бы не одобрилъ? А что́ если бы Австрійское министерство да донесло что́ на меня, хотя цѣль мою святую самъ Богъ видѣлъ? Ахъ, ваше превосходительство! Тяжко мнѣ было, что я не могъ писать вамъ. Я не хотѣлъ писать вамъ, полагая, что вы, какъ

[1]) Этотъ превосходный переводъ на Французскій языкъ изданъ М. Ѳ. Раевскимъ для великой княгини Елены Павловны, одна изъ дочерей которыхъ, великая княжна Марія Михайловна, скончалась въ Вѣнѣ. П. Б.

*) Графиня Антонина Дмитріевна Блудова? П. Б.

предполагалъ, женировались; но теперь радъ, радъ душевно, что начнется наша переписка. И теперь хотя не столько, но все еще много у меня дѣла и заботъ съ православными, и теперь мнѣ нужны помощь и совѣтъ, и ходатайство. Состояніе православныхъ здѣсь худо, очень худо! Бачка и Банатъ слабо возрождаются изъ пепла: храмы Божіи до сихъ поръ еще стоятъ разрушены, чающе великія и богатыя милости. Однимъ — хоть бы ихъ никогда и не существовало; другимъ своимъ—времени нѣтъ, т. е. какое-то хладнокровіе, невнимательность! Распри, интриги между владыками, горечь оскорбленнаго честолюбія и невнимательность свыше, между свѣтскими болѣе высшими и образованными изъ православныхъ, скорбь, жалобы, плачъ безпомощнаго, оставленнаго своими народа, *притѣсненія со стороны Нѣмцевъ и Венгерцевъ еще въ большей степени чѣмъ прежде, усиливающееся вліяніе католическаго духовенства во всѣхъ земляхъ Австрійской имперіи, на уничтоженіе прочихъ вѣроисповѣданій*: вотъ вообще картина печальная. Другихъ ужъ нечего и винить. Самъ народъ или, точнѣе, его руководители виноваты: увлеклись суетностію, потеряли почтеніе отъ всѣхъ, и стала вѣра или Церковь Православная здѣсь притчею во языцѣхъ. Не будетъ ей спасенія, пока сама не сознается въ невѣжествѣ и заблужденіи своихъ учителей, пока свѣтильники ея не возгорятъ чистымъ огнемъ любви къ истинѣ и національности. Но объ этомъ я буду болѣе писать въ другихъ письмахъ. Теперь, можетъ быть, самъ Богъ посылаетъ васъ на помощь въ одномъ дѣлѣ великой важности, касающемся Церкви и народа православнаго.

Какимъ образомъ то случилось, говорить не буду; но какъ Австрійскіе православные мнѣ первому открываютъ свои раны, такъ и православные изъ Босніи и Герцеговины начали теперь ко мнѣ же прибѣгать за помощью и совѣтомъ. На дняхъ украдкою явилось ко мнѣ нѣсколько человѣкъ изъ Мостара, съ горестію и слезами разсказывали мнѣ о бѣдственномъ, наижалостномъ изъ всѣхъ Турецкихъ провинцій положеніи страны ихъ. Народъ христіанскій бьютъ тамъ какъ животныхъ посреди бѣлаго дня, на улицахъ, безъ суда, безъ расправы. Паша ихъ Али-Ага-Развапъ-Беговичъ отдалъ бѣдную райю совершенно въ руки потурченныхъ спагіевъ. Одного слова довольно, чтобы застрѣлить человѣка, а лишить его жены, дѣтей, имущества—объ этомъ и слова говорить не нужно. Вы видите изъ газетъ, что паша Мостарскій боялся даже явиться предъ Омеръ-пашею; когда же явился и увидѣлъ, что все прошло ему благополучно, сталъ господствовать еще съ большею жестокостію, воротившись въ Герцеговину. Кто могъ пожаловаться Омеръ-пашѣ на своихъ гонителей, когда зналъ, что они оста-

нутся, народъ останется, а тотъ побылъ здѣсь, да и уйдетъ? Пишутъ намъ газеты, что въ Босніи и Герцеговинѣ возвращены миръ и порядокъ. Не правда, сто разъ не правда! Омеръ-паша довольно хитеръ, видѣлъ, что ничего тутъ нельзя сдѣлать, кой-какъ замазалъ глаза кому слѣдуетъ и радъ будетъ, когда уйдетъ оттуда. Народъ, лишившись надежды на правосудіе, теперь въ отчаяніи; присутствіе его только пробудило въ народѣ самосознаніе, и теперь горе ему и жестокое отъ пашей: именно это народное самосознаніе учинило подозрительность Турокъ и ихъ гоненія противу христіанъ. Другое зло – это безчеловѣчіе, тиранство владыкъ Греческихъ, особенно въ Герцеговинѣ. Они, предстоятели Церкви, сдѣлались правою рукою Турокъ на пролитіе крови. Церкви Герцеговинскія разграблены владыками, богатые дары императрицы Екатерины II-й и генерала Милорадовича распроданы ими или отвезены въ Константинополь, книги богослужебныя или изорваны или сожжены; просили у меня: нѣтъ ли Пентикостарія и Минеи мѣсяцъ Октябрь. Во всей Герцеговинѣ одна только Минея Октябрь уцѣлѣла, въ монастырѣ Житомисличѣ, а Пентикостарія нѣтъ на 190.000 православныхъ. Ваше превосходительство, вотъ православная Церковь! Посланные просили меня со слезами: 1) Не пошлетъ ли Россія своихъ консуловъ въ Сараево и Мостаръ *по примѣру Австріи*, которой консулы находятся теперь уже въ этихъ мѣстахъ и которой авторитетъ чрезъ то много уже возвышается въ глазахъ народа *на счетъ Россіи и Церкви православной*? Консулы Русскіе, говорятъ они, не будутъ нашими покровителями; но по крайней мѣрѣ Турки и владыки Греческіе все же будутъ опасаться ихъ; по крайней мѣрѣ мы хотя увидимъ, что Россія помнитъ насъ и не дастъ на поруганіе своихъ единовѣрцевъ и свою вѣру. Послѣ Бога имя *нашего* православнаго Царя первое въ устахъ угнетеннаго нашего народа; мысль о немъ только и живитъ наше сердце, когда насъ бьетъ Турчинъ. 2) Ради Бога просятъ удалить изъ Мостара владыку Греческаго Іосифа и, если можно, опредѣлить на мѣсто его іеромонаха Іоанникія Памучина, настоятеля Церкви православной въ Мостарѣ, мужа любимаго народомъ, болѣе другихъ просвѣщеннаго и преданнаго Церкви и отечеству; если же нельзя его, то кого-нибудь изъ Болгаръ или Сербовъ, только не Грека. Прошу ваше превосходительство, походатайствуйте объ этомъ предъ Синодомъ и предъ кѣмъ знаете. Богъ васъ наградитъ, Церковь будетъ за васъ молиться, десятки тысячъ народа будутъ благословлять васъ. Кромѣ того не будетъ ли милости и Синода, и другихъ частныхъ лицъ снабдить Герцеговинцевъ книгами богослужебными, азбуками и катихизисами и другими церковными вещами? Я знаю, какъ все это можно послать, кому и какъ будетъ раздѣлено. Помогите!

Теперь самымъ секретнымъ образомъ хочу вамъ сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ лицахъ и дѣлахъ, которыхъ знаніе пригодится вамъ на будущее время. Господинъ *Вукъ Караджичъ*, много заслуженный Сербскій писатель, часто получаетъ изъ Россіи перстни и тому подобные знаки вниманія нашего правительства. Отдавая должную справедливость трудамъ его, осмѣливаюсь одно замѣтить, что какъ нововводитель, измѣнившій Кирилицу и болѣе *наклонный* къ *Хорватамъ-католикамъ, чѣмъ къ своимъ*, онъ довольно не въ выгодномъ мнѣніи у всѣхъ лицъ здѣшней православной Церкви, у всѣхъ лицъ, которыя въ Русской ортографіи, въ *ъ*, *ы* и т. п. видятъ ковчегъ своего единства съ Россіею и своего спасенія только этимъ единствомъ. Слѣдовательно, всякій знакъ къ нему вниманія Россіи какъ-то болестенъ здѣшней православной партіи. Мнѣ часто говорили и говорятъ: Мы хотимъ литературнаго единства съ Россіею; хотимъ, чтобы нашъ народъ ближе стоялъ и къ Россіи, и къ Церкви, и вотъ *сама Россія одобряетъ разъединеніе*. Положимъ, что это и не такъ бы было; но и нашъ интересъ требуетъ болѣе и болѣе утверждать единство и авторитетъ Церкви православной въ Австріи, чѣмъ (хотя и по невѣдѣнію) не благопріятствовать оному поощреніемъ людямъ не единомыслящимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ нею. Вы теперь близки съ княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ; не безполезно бы было передать ему это замѣчаніе, но, пожалуйста, *не отъ меня*. Я *не противникъ* г. Вука, цѣню его труды, тенденціи его не знаю; но благо Церкви, у которой кромѣ внутреннихъ есть столько внѣшнихъ нестроеній и заботъ, интересъ Русскій меня заставили написать нѣчто, такъ сказать, не въ пользу г. Караджичу. Пренебрегать имъ не годится, но и особеннаго вниманія къ нему показывать не спѣшите.

Второе также касается Церкви. Наши православные епископы теперь въ большомъ между собою раздорѣ. Нѣкто Платонъ, епископъ Офенскій, воспользовавшись смятеніями прошедшихъ годовъ, когда еще Венгерцы имѣли своихъ министровъ и правительство находилось въ самомъ слабомъ положеніи, посредствомъ Венгерскаго министерства, вопреки желанію епископовъ, перемѣщенъ былъ изъ одной епархіи въ другую. Правительство подтвердило его. Дѣло его не совсѣмъ чисто. Теперь всѣ епископы соединились противъ него, не признаютъ утвержденія правительства и требуютъ владыку Офенскаго *на соборный судъ*, какъ противника церковной іерархіи, канонамъ Церкви, привилегіямъ народа, какъ человѣка, подавшаго правительству мечъ дѣйствовать противъ Церкви своей и своего народа. *Дѣло важное*! Патріархъ и епископы съ апостольскою ревностію взялись защищать права своей

Церкви противъ видовъ правительства, и покровительствуемый имъ епископъ едва ли не лишится всякой епархіи. Между тѣмъ знаю я стороной, что епископъ Платонъ послалъ *недавно въ нашъ Синодъ свою книгу о раскольникахъ.* Неудивительно, что Синодъ, ничего не зная, пошлетъ ему свою благодарность. Скажите, пожалуйте, чтобы они повременили съ этимъ, пока не кончится дѣло. Всякое вниманіе Синода къ епископу Платону произведетъ *теперь* въ здѣшней іерархіи невыгодное впечатлѣніе; потому что никогда іерархія съ такою силою, единствомъ и энергіею не защищала правъ своей Церкви предъ правительствомъ, какъ теперь, и никогда такъ не дорожила и не искала заслужить выгодное мнѣніе Русскаго Правительствующаго Синода, какъ теперь: видимо проявляется какое-то стремленіе здѣшней Церкви сблизиться съ Россійскимъ Синодомъ.

Третіе касается собственно васъ. Въ 1848 году я получилъ отъ васъ пакетъ на имя Климича и послалъ ему его съ здѣшнимь экспедиторомъ на Теплицъ. Климичъ отказался принять его; не знаю, говорилъ, чтó и отъ кого. Я писалъ ему послѣ чтó и отъ кого, но отвѣта не получалъ. Между тѣмъ изъ Теплица чрезъ полгода дали мнѣ знать, что пакетъ еще тамъ и Климичъ *его не принимаетъ.* Я писалъ вамъ въ прошломъ году, чтó дѣлать съ пакетомъ и отвѣта не получилъ. Теперь опять спрашиваетъ меня экспедиторъ: пакетъ лежитъ почти два года, чтò съ нимъ дѣлать? Напишите, прошу васъ. Видно, что г. Климичъ не хочетъ заниматься этимъ дѣломъ.

Отъ избытка сердца уста глаголятъ. Видите, сколько написалъ вамъ; но имѣлъ много рещи. Теперь же опасаюсь употребить во зло ваше терпѣніе. Засвидѣтельствуйте глубочайшее почтеніе супругѣ вашей, Петру Петровичу и всѣмъ меня знающимъ. Если удостоите когда отвѣта, потрудитесь написать вашъ адресъ, потому что опредѣленно не знаю, гдѣ найти васъ.

Вѣна, 10 (22) Октября 1850.

5.

10-го Маія 1851 г.

Очень много виноватъ предъ вами за мое молчаніе, но повѣрьте не имѣлъ времени отвѣчать вамъ. Отъ 8-го Генваря первый день льготы выпалъ для меня Четвертокъ на недѣлѣ Мироносицъ; и скорби, и болѣзни посѣщали меня тяжкія въ продолженіи четыредесятницы, труды по дѣлу священства были бóльшіе, чѣмъ когда либо. Имѣлъ иногда часы отдыха, того нельзя отвергать; но бесѣдовать съ вами мнѣ нужно было душевное спокойствіе.

Прежде напишу вамъ о нашихъ дѣлахъ.

Пакетъ вашъ съ гравюрами вытребованъ изъ Теплица, и теперь уже мѣсяца два я передалъ его въ посольство для доставленія вамъ. Вижу, что онъ еще лежитъ въ посольствѣ, но можетъ быть удастся его переслать къ вамъ съ пароходомъ. Отъ г. Ганки получилъ для васъ одну книгу и нѣсколько другихъ листковъ, что̀ и пересылаю при семъ случаѣ. Отца архимандрита Михаила видѣлъ раза два и не простился съ нимъ. Нечаянно вызванный королемъ, онъ уѣхалъ въ Мюнхенъ и оттуда прямо, проѣхавъ Тріестъ, отправился въ Аѳины.

Прочую часть письма посвящу извѣстію о состояніи Церкви нашей православной въ Австріи, что̀, почитаю, для васъ будетъ всего интереснѣе; но извѣстіе это будетъ, какъ и доселѣ, извѣстіемъ о угнетеніи и гоненіяхъ противъ Православія. Что̀ же дѣлать?

Въ нѣдрахъ самой церкви, прежде всего, владѣютъ раздоръ и несогласіе. Церковь состоитъ изъ Валаховъ и Сербовъ, подъ главнымъ начальствомъ въ церковномъ смыслѣ патріарха. До 1848 года шло все еще хорошо, но когда всѣ начали искать своихъ народныхъ правъ и народности, и Валахи начали отказываться отъ церковнаго единства, или лучше, іерархическаго единства съ Сербами. Появился между ими человѣкъ честолюбивый, епископъ Шагуна Ердельскій, *воспитанникъ Сербовъ*, который первый поднялъ гласъ противу Сербской іерархіи, и теперь всѣми силами, всѣми интригами предъ министерствомъ старается чернить Сербовъ, отдѣлиться отъ нихъ и сдѣлаться вторымъ главою церкви православной въ Австріи, т. е. митрополитомъ находящихся здѣсь Валаховъ. Патріархъ всѣми силами старается противустать этому раздѣлу, но divide et impera *)—старинное правило здѣшней политики; поэтому и она скорѣе въ пользу Валаховъ. Думаютъ, даже и имѣютъ основаніе думать, что епископъ Шагуна едва ли не обѣщалъ чего министерству даже въ пользу Уніи. Валахи не такъ тверды въ религіозныхъ началахъ, довольно тупоумны и падки на деньги; теперь же, при бѣдности ихъ, при проявившейся мысли, что они не Славяне, а Римляне, слѣдственно и религія ихъ должна быть не Славянская, что ихъ даже политическій интересъ состоитъ въ томъ, чтобы отдѣлиться всѣмъ отъ Славянъ, теперь очень легко, что и Валахи и ихъ епископъ имѣютъ мысли перейти на Унію, и что же дѣлаетъ правительство? У Валаховъ-уніатовъ былъ одинъ епископъ; правительство послало туда и въ Банатъ между Православными Сербами одного архіепископа и двухъ Уніатскихъ епископовъ; у этихъ епископовъ въ епархіи у нѣ-

*) Разрознь и властвуй.

которыхъ до 1000 душъ, откуда же набирать ихъ? Вдругъ выходитъ предписаніе отъ правительства, чтобы всѣ и Валахи, и Сербы православные немедленно заплатили своимъ священникамъ всѣ недоимки за три прошедшіе года. Православное духовенство удивилось такой заботливости правительства, о которой оно и не думало просить; но народъ взволновался, бѣденъ, не въ состояніи еще и самъ что заработать, и вотъ его же священники и первые потянули съ народа; но вотъ въ чемъ дѣло: являются Уніатскіе священники. Вы должны платить вашимъ священникамъ, переходите къ намъ: тогда все прощено. И Валахъ слушаетъ ихъ. Къ радости должно сказать, что между переходящими еще не было Сербовъ. Что же дѣлаетъ патріархъ и прочіе епископы? Прочихъ епископовъ нѣтъ, а если и существуютъ, лучше еслибъ не существовали. Ни одного изъ нихъ нельзя назвать епископомъ церкви православной: это игралище Австрійскаго министерства, люди мірскіе, не о нищихъ пекутся, но о ковчежцѣ епископа (кромѣ патріарха); которые бы могли что либо сдѣлать для Церкви, но одинъ на дняхъ умеръ, другой попался въ Венгерской революціи. Патріархъ не принимаетъ его въ общеніе церкви и имѣетъ право; онъ бросился въ руки министерства, оно, отрѣшивши даже своихъ Католическихъ епископовъ отъ ихъ должности, на удивленіе Церкви Православной, стало покровительствовать ему противъ патріарха. Можетъ ли патріархъ имѣть къ нему довѣренность? Патріархъ остался одинокъ. Борется за церковь твердо; но и съ нимъ сталось то, что̀ съ Баномъ: не слушаютъ, потому что прошла въ нихъ нужда. Укоряютъ патріарха, что онъ мало имѣетъ энергіи. Неправда. Патріархъ хочетъ сохранить по крайней мѣрѣ то, что̀ доселѣ имѣла Православная Церковь; правительство хочетъ нововведеній, Нѣмецко - Католическаго образованія. Отдай имъ, тогда уже нельзя требовать возвращенія; а отнимутъ силою, тогда всегда мы можемъ требовать: вотъ правило патріарха. Всѣми силами надобно стараться поддержать авторитетъ патріарха, сдѣлать власть его въ церкви также абсолютною, какъ власть Римскихъ епископовъ въ Австріи; безъ того все будетъ худо. Куда бы хорошо было, еслибы и Россія обратила на это вниманіе. Первое что̀ бы она могла сдѣлать—исправить ошибку противъ патріарха и православнаго Сербскаго народа. Они первые возстали за спасеніе Церкви и престола Австрійскаго. Не только Банъ, но всѣ генералы получили отличіе отъ Россіи, одинъ патріархъ обойденъ. Это бы подняло его въ глазахъ и правительства, и народа, дало бы ему болѣе рѣшимости дѣйствовать въ пользу Церкви. Будете имѣть случай, поговорите съ кѣмъ слѣдуетъ, приложите къ ихъ сердцу.

Вѣна 28 Апрѣля 1851.

6.

24 Декабря (1854).

Благодарю васъ душевно за ваше радушное гостепріимство. Въ жизни моей оно всегда останется самымъ пріятнымъ воспоминаніемъ. Жалѣю только, что не удалось побывать въ вашемъ по Середамъ собраніи ученыхъ и съ ними познакомиться. Хотѣлось бы мнѣ очень къ нимъ пріютиться, и потому весьма буду вамъ обязанъ, если вы найдете меня достойнымъ избранія въ члены-корреспонденты Императорской Россійской Академіи. Не буду указывать при этомъ на мои слабые литературные труды, напримѣръ на переводъ канона Андрея Критскаго и службу Пятидесятницы, помѣщенную въ собраніи молитвъ, изданныхъ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Еленою Павловною, на статьи, помѣщенныя въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ 1830-хъ годовъ о Швеціи и особенно о Герцеговинѣ, статьи, которыя тотчасъ послѣ выхода явились въ Нѣмецкомъ переводѣ во многихъ газетахъ Германіи. Но если вы обратите вниманіе на сближеніе литераторовъ и литературъ Русскихъ съ Славянскими въ послѣднее время, то не можете отказать мнѣ въ усердіи на пользу Русской науки. Впрочемъ все предоставляю благоусмотрѣнію вашего превосходительства.

На счетъ г. Палаузова почитаю нужнымъ написать, что ему теперь совсѣмъ будетъ не кстати пріѣзжать въ Вѣну. Мы не только не начинали разсуждать о мирныхъ переговорахъ, но напротивъ, кажется болѣе и болѣе удалены отъ этого вопроса; а теперь не придется ли даже посольству совсѣмъ выѣхать отсюда.

P. S. Здѣсь прошелъ слухъ, будто Висбаденскій священникъ г. Янышевъ думаетъ поступить законоучителемъ въ университетъ на мѣсто протоіерея Райковскаго. Если это сбудется, тогда покорнѣйше прошу ваше превосходительство, немедленно увѣдомить объ этомъ жену мою, живущую въ Ивановской улицѣ въ домѣ Петрова. Мнѣ это очень, очень нужно. Можетъ быть, при большихъ дѣлахъ, вы такую малость и забудете, поэтому осмѣлюсь просить передать вамъ прилагаемую при семъ записку Варварѣ Егоровнѣ *). На сихъ дняхъ должна совершиться свадьба въ Петербургѣ второй дочери моей. Не откажите, ваше превосходительство, съ супругою вашею сдѣлать мнѣ честь раздѣлить нашу радость, о которой вы получите извѣстіе отъ жены моей.

---

*) Супругѣ А. С. Норова (урожд. Паниной). П. Б.

7.

(1855).

Пріѣхавши въ Вѣну послѣ тяжкаго зимняго пути въ самый день, когда было получено извѣстіе о взятіи Карса, я началъ мою службу побѣдною пѣснію. Меня приняли съ распростертыми объятіями и не хотятъ болѣе отпускать отсюда. Безъ меня, говорятъ, до нихъ все доходили печальныя извѣстія, а какъ я пріѣхалъ, и побѣды начались. Далъ бы Богъ! Тогда бы пожалуй и сто лѣтъ я остался у нихъ. Впрочемъ духъ братіи не только не падалъ, но и не колебался никогда въ увѣренности на счетъ силы, могущества и торжества Россіи въ настоящей войнѣ. Не думаютъ, чтобы когда согласилась Россія на условія для нея невыгодныя, особенно на уступки чего либо. Не думаютъ и думать не хотятъ, чтобы теперь состоялся миръ. Пусть ихъ говорятъ, что̀ угодно дипломаты и кропаютъ условія мира, братія наша этому не вѣритъ и думаетъ только видѣть тутъ хитрость Россіи, которая, истощивъ союзниковъ и поссоривъ ихъ со всѣми дворами, побѣдитъ ихъ безъ войны. Вотъ общія мысли нашихъ! Въ частности я не вдаюсь, потому что еще не успѣлъ осмотрѣться; но будетъ время и я надѣюсь вамъ много и часто писать.

Позвольте мнѣ теперь, ваше превосходительство, поздравить васъ и Варвару Егоровну съ наступающимъ новымъ годомъ. Да продлитъ Господь во здравіи дни ваши на благо Отечества. Да порадуетъ насъ Русскихъ Русскій Богъ, Которому сегодня (25 Декабря) мы воспѣли побѣдная за изгнаніе Галловъ и съ ними двадесяти языкъ изъ предѣловъ любезнаго Отечества нашего. Когда-то воспоемъ подобную пѣснь новаго изданія. Если бы воспѣть ее на берегахъ Невы—вкупѣ же и Босфора!! Слыхалъ я на берегахъ Невы: «Лишь бы намъ остаться тѣмъ, что̀ мы были до начала войны!» Буйи и слѣпые! Вы все сами хотите управлять событіями міра. Не показалъ ли вамъ Господь началомъ войны, что Онъ одинъ правитъ судьбами міра? Вы думаете, опоясавшись чванствомъ Православія, что Господь на васъ только и призираетъ, а на горячую кровь Турецкихъ мучениковъ смотритъ такимъ же дипломатомъ какъ вы! Благодарите Бога, что при грѣхахъ вашихъ Богъ видитъ еще въ васъ доброе сердце способное къ добру, и потому васъ покаявшихся, смирившихся, хочетъ избрать орудіемъ завѣта Своего къ Церкви Православной. Вы имѣете ваши планы. Живый на небесѣхъ посмѣется вамъ, и Господь поругается вамъ! Если не воспослѣдуетъ исполненіе судебъ Божіихъ въ настоящемъ году, въ будущемъ оно воспослѣдуетъ чрезъ нѣсколько лѣтъ. Это показываетъ

вамъ исторія Петра, Екатерины, Александра до 12 года, показываетъ общій гласъ, общее вѣрованіе всего Востока. Не гордитесь! Не вы будете распорядителями судьбы міра сего. Повлечетъ васъ гласъ Бога въ природѣ! Замѣтьте въ Русской Исторіи: ни одного Александра не посылалъ намъ Богъ для текущихъ дѣлъ Россіи. А что это за молва на Востокѣ, которую и вы безъ сомнѣнія тамъ чули, о какомъ-то Константинѣ, еще прежде рожденія нашихъ Константиновъ начавшаяся? Почему это Греки и Славяне съ такимъ увлеченіемъ говорятъ о Константинѣ Николаевичѣ? Оставьте мертвыхъ погребсти своихъ мертвецовъ; а мы, гордость всяку отложивъ, которая проклятая до сихъ поръ намъ покрывала глаза, будемъ молить: Скажи ты намъ, Господи, а не нашъ кичливый разумъ, путь въ онь же пойду, яко къ Тебѣ взяхъ душу мою. Отче нашъ, да будетъ воля Твоя яко на небеси и на земли!

Теперь у насъ только и рѣчей, что о мирѣ; а никто этому не вѣритъ. Австрійцы только и думаютъ, что о своемъ Дунаѣ, а тамъ хоть цѣлый свѣтъ гори. Поговариваютъ, будто могутъ прекратиться наши дипломатическія сношенія съ Австріей, и Горчаковъ тогда оставитъ Вѣну. Можетъ быть. Придется мнѣ тогда сдѣлаться иностраннымъ гражданиномъ, какъ мои товарищи въ Парижѣ и Лондонѣ. Та только разница между нами, что я останусь у Австрійцевъ, которымъ давно я какъ бѣльмо на глазу, которые не оставятъ меня въ покоѣ. Впрочемъ, оставивъ васъ, я на все обрекъ себя, лишь бы слабыми моими трудами принесть пользу моему Отечеству и матери моей Церкви Православной. (На этотъ разъ кончу).

III.

Всеподданнѣйшее письмо А. С. Норова.

(1866).

Всемилостивѣйшій Государь!

Смѣю надѣяться, что если Ваше Императорское Величество удостоите прочтеніемъ всеподданнѣйшее письмо мое, то не осудите семидесятилѣтняго инвалида за то, что онъ, при столь великихъ заботахъ Вашихъ въ настоящее время, осмѣлился, Государь, отвлечь на нѣсколько минутъ Ваше вниманіе.

Одинокій въ мірѣ, я уже ничего въ немъ не ищу и не желаю; ищу только милости Божіей, исполняя неукоризненно мой служебный и общественный долгъ. Мнѣніе моего Государя и моихъ соотечественниковъ не перестаетъ для меня быть драгоцѣннымъ. Душевное спо-

койствіе мое нарушилъ мгновенно оберъ-камергеръ князь Долгорукій. Еслибъ онъ не занималъ столь долго важнаго поста и не былъ постоянно близокъ къ Вашему Величеству, то я пренебрегъ бы дерзкою его выходкою противъ меня. Хотя я уже давно смирилъ свое мірское самолюбіе; но мысль быть опороченнымъ передъ моимъ Государемъ, за котораго я готовъ отдать свою жизнь, не даетъ мнѣ покою.

Обстоятельства дѣла состоятъ въ слѣдующемъ. При встрѣчахъ моихъ съ княземъ Долгорукимъ въ Государственномъ Совѣтѣ, я не разъ уже обращалъ вниманіе его на язву, которая проникла въ наше общество подъ названіемъ *нигилизма*, и на организованныя сборища *нигилистовъ*; но всегда получалъ отъ него шутливые отвѣты. Но наконецъ, почти за мѣсяцъ до событія 4-го Апрѣля, я началъ настойчиво укорять его въ бездѣйствіи, говоря, что мы можемъ дожить до бѣды. Этотъ мой разговоръ съ княземъ Долгорукимъ извѣстенъ нѣкоторымъ лицамъ, которыя раздѣляли мои опасенія.

Послѣ событія 4-го Апрѣля и послѣ увольненія князя Долгорукаго отъ его должности, я уже не счелъ приличнымъ дѣлать ему какія-либо напоминанія о прошедшемъ; но какъ велико было мое удивленіе, Государь (и могу сказать—негодованіе), когда, въ день рожденія Великой Княгини Александры Іосифовны, проходя комнаты дворца въ Павловскѣ и идя объ руку съ членомъ Государственнаго Совѣта Титовымъ, подошедшій къ намъ князь Долгоруковъ вдругъ спросилъ меня: «А что̀ дѣлаетъ, Авраамъ Сергѣевичъ, нигилизмъ?» Я отвѣчалъ ему: «Вы, который такъ долго были на охранительномъ посту, должны бы были лучше всякаго изъ насъ знать, что̀ дѣлаетъ и что̀ сдѣлалъ нигилизмъ; а такой вопросъ вашъ я считаю въ высшей степени неприличнымъ, особенно послѣ всего того, что́ я вамъ говорилъ прежде».—«Такъ, возразилъ онъ, я также виноватъ; но и вы не въ меньшей мѣрѣ виноваты, что дали укорениться нигилизму». У меня бросилась вся кровь въ голову, Государь, при этой рѣчи.—«Да вы забываете, князь, сказалъ я, что скоро настанетъ десятилѣтняя давность, какъ я уже не министръ, и что вашъ нигилизмъ возымѣлъ существованіе тому три или четыре года. Я сошлюсь на всю Россію, что при мнѣ, благодаря Бога, христіанское благочестіе тщательно охранялось въ стѣнахъ всѣхъ учебныхъ заведеній и университетовъ. Я могъ быть далеко не геніальный министръ, могъ много дѣлать ошибокъ; но въ мое время нравственность учащихся была ограждена отъ заразы; я былъ въ постоянномъ общеніи не только съ профессорами и учителями, но и съ учениками, и одного моего присутствія или даже письма было достаточно, чтобы остановить всякій непорядокъ; и на это я могу представить

факты, хотя вы всякимъ шалостямъ студентовъ въ мое время придавали особенную важность. Знаете ли, князь, что ваша выходка такова, что стоило бы васъ обличить оффиціально? И если я не рѣшусь на это, то единственно по занимаемому вами посту и потому, что я старъ». За этимъ князь ограничился общими фразами, но въ дополненіе сказалъ: «Да, у васъ были такіе профессора, какъ Бѣлинскій и Грановскій!» — «Какъ, возразилъ я, Бѣлинскій и Грановскій поставлены вами на одну доску? Во первыхъ, Бѣлинскій не былъ профессоромъ и умеръ прежде нежели я былъ назначенъ министромъ, а Грановскій,—не стыдно ли вамъ трогать его память! Это былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ профессоровъ Московскаго Университета, человѣкъ благочестивый и совершенно монархическій».

Не продолжаю болѣе, Государь, хотя я могъ бы много сказать по поводу этого страннаго случая. Я не приношу жалобы на князя Долгорукаго Вашему Величеству; но я не могъ, Всемилостивѣйшій Государь, не довести до Вашего свѣдѣнія такое покушеніе на мою безпорочную пятидесятилѣтнюю службу и не оградить себя отъ злобнаго нареканія.

Простите великодушно, Всемилостивѣйшій Государь, что я, единственно по чувству безпредѣльной любви къ Вашей священной особѣ и къ моему дорогому отечеству, не могъ остаться въ этомъ случаѣ равнодушнымъ.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и безпредѣльною преданностію имѣю счастіе быть Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

А. Норовъ.

Павловскъ, 2 Іюля 1866.

*

Печатается съ черноваго подлинника, сохранившагося у роднаго (по матери) племянника А. С. Норова, Николая Петровича Поливанова, которому обязаны мы и за сообщеніе вышепомѣщенныхъ выдержекъ изъ дневника барона М. А. Корфа и писемъ М. Ѳ. Раевскаго. Напомнимъ читателю, что въ текущемъ Октябрѣ мѣсяцѣ исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія А. С. Норова, привлекательный образъ котораго живетъ въ благодарной памяти друзей Русской науки и Русскаго просвѣщенія. Онъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія съ 11 Апрѣля 1854 по 22 Марта 1858 г. П. Б.

НИКОЛАЙ ДМИТРІЕВИЧЪ ЧЕРТКОВЪ.

Къ пятидесятилѣтію Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго корпуса.

I.

Михайловскій Воронежскій кадетскій корпусъ въ текущемъ году празднуетъ первое свое пятидесятилѣтіе. Съ самаго начала настоящаго столѣтія г. Воронежъ намѣченъ былъ правительствомъ для открытія въ немъ военнаго училища. По плану военнаго воспитанія, выработанному въ особой коммиссіи о военныхъ училищахъ и утвержденному Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ 21 Марта 1805 г., Воронежское военное училище должно было состоять изъ двухъ ротъ, въ 200 человѣкъ каждая [1]). Въ это училище предположено было принимать молодыхъ дворянъ губерній Воронежской, Курской, Орловской, Слободско-Украинской, Саратовской, Астраханской, Кавказской области и земли Черноморскихъ и Донскихъ казаковъ [2]). Городъ Воронежъ, въ то время былъ средоточіемъ просвѣщенія не только для южной, но отчасти и для юго-восточной Россіи, почему при насажденіи разсадниковъ военнаго образованія этому городу и оказано было предпочтеніе.

Съ вѣроятностью предполагая, что дворянство, узнавъ объ учрежденіи военныхъ училищъ, въ его пользу создаваемыхъ, для собственной своей чести пожелаетъ въ устроеніи ихъ участвовать, Государь Императоръ далъ губернаторамъ повелѣніе: въ присутствіи уполномоченнаго Его Величествомъ лица (генералъ-маіора Бѣгичева), предложить о томъ дворянству чрезъ губернскаго и уѣздныхъ предводи-

---

[1]) Мельницкій. Сборникъ свѣдѣній о военно-учебныхъ завед. въ Россіи. С.-Петерб. 1857 г. т. I, часть II, стр. 23.

[2]) Подобныя же окружныя военныя училища предполагалось открыть въ другихъ городахъ (Петербургѣ, Москвѣ, Смоленскѣ, Кіевѣ, Твери, Ярославлѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Казани и Тобольскѣ; причемъ въ послѣднихъ пяти пунктахъ проектированныя училища должны были состоять изъ одной роты въ 200 человѣкъ.

телей. «Но примѣтьте, въ семъ случаѣ (говорилось въ высочайшемъ рескриптѣ г.-м. Бѣгичеву), что я требую, дабы при предложеніи дворянству сего участія удаленъ былъ и малѣйшій видъ принужденія и даже самыхъ внушеній, властью или тайнымъ повелѣніемъ отзывающихся; никакихъ жертвъ не желаю и не пріемлю я съ отягощеніемъ государства и ничѣмъ неоцѣнимаго его обремененія. Я желаю, чтобы пособія дворянства основаны были на единомъ убѣжденіи собственныхъ пользъ и на чувствѣ общаго добра».

Какъ только предположеніе о построеніи въ Воронежѣ военнаго училища стало извѣстно мѣстному дворянству, открылся (1806 г.) по Воронежской губерніи сборъ доброхотныхъ пожертвованій на это училище. Воронежскіе дворяне [3]) составили особыя о томъ «положенія». Объ открывшемся сборѣ доброхотныхъ пожертвованій на Воронежское военное училище оповѣщены были всѣ Воронежскіе дворяне, какъ живущіе въ губерніи, такъ и отсутствующіе, при чемъ послѣднимъ извѣщенія были посылаемы «посредствомъ ихъ прикащиковъ», а къ отсутствующимъ помѣщикамъ, имѣющимъ за собой крестьянъ цѣлыя селенія, о приглашеніи ихъ къ пожертвованію гг. уѣздные предводители посылали отъ себя отношенія. Положенія всѣхъ тринадцати уѣздовъ Воронежской губерніи опредѣляли срокъ не далѣе пяти лѣтъ для взноса дворянскихъ пожертвованій, такъ какъ и высочайше утвержденный проектъ объ учрежденіи военныхъ училищъ предполагалось привести въ исполненіе въ теченіе пяти лѣтъ [4]). Только дворяне Задонскаго уѣзда разложили уплату своего пожертвованія на десять лѣтъ. Количество доброхотныхъ пожертвованій Воронежскихъ дворянъ въ отдѣльности не превышало одного рубля съ каждой «владѣемой души мужеска пола». Дворяне Богучарскаго уѣзда положили «со всѣхъ великопомѣстныхъ, имѣющихъ на поставку рекрута участокъ, съ числа мужеска пола душъ—по 50 коп. въ пять лѣтъ (въ каждое—по 10 коп.); съ мелкопомѣстныхъ дворянъ, кои душъ за собой не имѣютъ, назначить сборъ съ каждой затираемой четверти ржи на винокурняхъ—по 2 р. 50 к. каждый годъ въ продолженіе пяти лѣтъ, съ кóла (колеса) водяной мельницы—потому же, съ кóла вѣтряной мельницы—по 1 р. 50 к. каждый годъ въ продолженіе того же времени; съ таковыхъ мелкопомѣстныхъ, кои ни вина не курятъ, ни мельницъ не имѣютъ, а владѣютъ землями, назначить съ каждой десятины *по денежкѣ* въ годъ въ продолженіе пятилѣтняго срока; съ таковыхъ же, за коими числят-

[3]) Кромѣ двѣнадцати нынѣшнихъ къ Воронежской губерніи принадлежалъ уѣздъ Старобѣльскій.

[4]) Мельницкій, т. I, ч. II, стр. 9.

ся однѣ души, назначить сборъ съ души, какъ и съ великопомѣстныхъ, а которые душъ за собой не имѣютъ, то предоставить по возможности». Изъ отсутствующихъ помѣщиковъ въ отвѣтъ на отношенія гг. уѣздныхъ предводителей откликнулись: адмиралъ Н. С. Мордвиновъ (Павловскаго уѣзда), увѣдомлявшій, что «онъ съ положеніемъ дворянства согласенъ и далъ о уплатѣ денегъ своему повѣренному приказаніе», и графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, согласившійся «дать только по 25 копѣекъ съ души въ четыре года, ежели таковое его пожертвованіе будетъ принято». Отъ другихъ помѣщиковъ увѣдомленій не получено.

Между тѣмъ исполненіе высочайше утвержденнаго проекта объ учрежденіи военныхъ училищъ замедлялось, а открывшаяся вскорѣ отечественная война остановила благія начинанія Государя. Деньги, пожертвованныя Воронежскимъ дворянствомъ на военное училище, внесены были частью въ мѣстныя казначейства, большею же частью въ Воронежскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Въ 1820 г. дворянство Слободско- Украинской губерніи испросило высочайшее разрѣшеніе на учрежденіе своего особаго военнаго училища въ г. Харьковѣ [5]), а Воронежское военное училище такъ и осталось только въ проектѣ. Въ 1824 г. управлявшій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ требовалъ отъ Воронежскаго гражданскаго губернатора, чтобы доставить ему свѣдѣнія, сколько и съ какимъ условіемъ пожертвовано дворянствомъ Воронежской губерніи на учрежденіе «военныхъ училищъ». Воронежскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія на запросъ губернатора по этому поводу объяснялъ, что «всей суммы на означенный предметъ долженствовало быть въ сборѣ 142,173 руб. 17½ коп., но оной поступило въ сей Приказъ 83,053 руб. 24 коп., слѣдовательно въ недоборѣ—59,119 руб. 93½ коп.» Губернскій предводитель дворянства «показалъ (кромѣ того?) по казначействамъ 48,341 рубль 33¾ к.».

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Николая I, послѣдовали многія преобразованія по военно-учебнымъ заведеніямъ. 1 Февраля 1830 года утверждено «предположеніе о губернскихъ кадетскихъ корпусахъ», причемъ въ Воронежѣ не предполагалось открывать корпуса, такъ какъ намѣчался къ открытію кадетскій корпусъ въ сосѣднемъ городѣ Тамбовѣ, гдѣ съ 1802 года существовало военное училище, учрежденное и содержимое на мѣстныя дворянскія средства, по пра-

---

[5]) Мельницкій, тамъ же стр. 104—105.

вамъ же своимъ сравненное съ казенными дворянскими училищами [6]. Къ этому времени пожертвованія Воронежскаго дворянства на военное училище возросли до 207,035 руб. 69 коп. (ассигнац.) [7]) и составляли сумму вдвое больше той, которая на это собрана была къ тому же времени Тамбовскимъ дворянствомъ (114,969 р. 58 коп.). Воронежскія пожертвованія отчислялись теперь къ Тамбовскому корпусу; къ этому же корпусу приписывались губерніи Пензенская, Симбирская и Саратовская съ ихъ капиталами на военныя училища, обращаемыми на кадетскій корпусъ, на общую сумму всѣхъ пяти губерній въ 431,772 р. 40¾ коп. Тогда же устанавливался во всѣхъ этихъ губерніяхъ особый сборъ на Тамбовскій корпусъ. Воронежскіе дворяне вносили этотъ сборъ; но мысль видѣть разсадникъ военнаго образованія въ своемъ родномъ городѣ таилась въ средѣ лучшихъ представителей дворянства.

На общемъ дворянскомъ собраніи въ 1834 году, губернскимъ предводителемъ дворянства В. В. Тулиновымъ внесено на обсужденіе дворянства предложеніе его объ учрежденіи Воронежскаго кадетскаго корпуса. Предложеніе это большинствомъ голосовъ было одобрено, при чемъ выработаны особыя правила, на основаніи которыхъ Воронежское дворянство готово было привести въ исполненіе означенное свое намѣреніе, если послѣдуетъ на то высочайшее соизволеніе. На устройство въ Воронежѣ кадетскаго корпуса, кромѣ ранѣе собранной суммы, дворяне Воронежскіе изъявили согласіе жертвовать по два рубля съ ревизской души, со взносомъ оныхъ по равной части въ продолженіи четырехъ лѣтъ, т. е. по 50 коп. съ крестьянской души ежегодно, что по приблизительному исчисленію должно было составить 400 т. рублей. На тотъ же предметъ предполагалось обратить остатки прошлыхъ лѣтъ отъ земскихъ повинностей, собранныхъ съ помѣщичьихъ крестьянъ, до 133 т. рублей. Воронежскимъ губернаторомъ Д. Н. Бѣгичевымъ предположеніе дворянства 26 Октября 1834 года препровождено было г. министру внутреннихъ дѣлъ, при чемъ на учрежденіе въ г. Воронежѣ кадетскаго корпуса губернаторъ «изъявилъ въ полной мѣрѣ свое согласіе и признавалъ оное по мѣстнымъ соображеніямъ весьма полезнымъ»

Въ слѣдующемъ году 4 Марта получено высочайшее соизволеніе на учрежденіе въ Воронежѣ на счетъ дворянства кадетскаго корпуса

---

[6]) Тамъ же, стр. 11—12. Употребленный на построеніе училища первоначальный капиталъ 60,000 рубл. ассигнаціями составился изъ пожертвованій дворянства въ теченіе двухъ лѣтъ по 25 коп. съ души.

[7]) Предположеніе объ учрежденіи губернскихъ кадетскихъ корпусовъ (отд. брошюра) Спб. 1830 г, стр. 9.

вмѣсто Тамбовскаго. Государь Императоръ изъявилъ дворянству Воронежской губерніи особенное благоволеніе за благонамѣренное желаніе къ пользамъ общественнымъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ, полагая учредить корпусъ въ Воронежѣ вмѣсто Тамбовскаго, повелѣть соизволилъ: объявить дворянству, что корпусъ сей не прежде можетъ быть учрежденъ, какъ по усиленномъ сборѣ денежнаго капитала, который бы могъ быть достаточнымъ какъ для возведенія зданія, такъ и на удовлетвореніе всѣхъ предстоящихъ надобностей первоначальнаго устройства и постояннаго содержанія корпуса. Эта монаршая воля была сообщена въ тоже время и Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу, главному начальнику военно-учебныхъ заведеній.

Положеніе Воронежскаго дворянства о взносѣ на учрежденіе въ г. Воронежѣ кадетскаго корпуса по 50 коп. за каждую крестьянскую душу, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, было тотчасъ же приведено въ исполненіе. Сборъ сталъ поступать съ начала 1836 года, а между тѣмъ 8 Марта этого года министръ внутреннихъ дѣлъ извѣщалъ Воронежскаго губернатора, по высочайшему повелѣнію, что «учрежденіе въ настоящее время корпуса въ Воронежѣ, *по малозначительности суммъ*, невозможно, и по сему жертвуемыя дворянствомъ суммы повелѣно было внесть и впредь вносить въ Сохранную Казну для приращенія процентами, подъ именемъ капитала для учрежденія кадетскаго корпуса, ведя оному надлежащій счетъ по департаменту военныхъ поселеній». Мѣры, принятыя губернскимъ предводителемъ дворянства, В. В. Тулиновымъ, въ видахъ усиленія сборовъ на корпусъ, мало подвинули дѣло впередъ. «Безъ особыхъ коммиссаровъ, доносилъ г. Тулиновъ правящему должность Воронежскаго гражданскаго губернатора, не можетъ быть успѣха во взносѣ пожертвованій». Впослѣдствіи, когда, по особому его ходатайству, высочайше повелѣно было, чтобъ «жертвованный дворянствомъ изъ доходовъ помѣщиковыхъ, противу числа владѣемыхъ каждымъ душъ, сборъ на содержаніе кадетскаго корпуса принимаемъ былъ по уѣзднымъ казначействамъ, при взносѣ казенныхъ податей», въ Воронежскую Казенную Палату внесено было собранныхъ въ теченіи 1836 и 1837 гг. (по 13 Сентября) на корпусъ всего 16,400 руб. ассигнаціями, 2,553 руб. 50 коп. мѣдныхъ денегъ и «иностранною Французскою монетою 20-ти франковыхъ пять штукъ».

При такомъ положеніи дѣла, учрежденіе въ г. Воронежѣ кадетскаго корпуса откладывалось на неопредѣленное время.

II.

Вдали отъ Воронежа, на западной окраинѣ Русскаго государства, заканчивалъ въ то время свое служебное поприще именитый дворянинъ Воронежскій Николай Дмитріевичъ Чертковъ, съ 1836 г. выступившій, какъ главный виновникъ учрежденія корпуса въ г. Воронежѣ. Дѣдъ Николая Дмитріевича генералъ-поручикъ Василій Алексѣевичъ Чертковъ (нѣкогда преподаватель математики въ Москвѣ, на Сухаревой башнѣ, въ Навигаціонной школѣ, и депутатъ Екатерининской коммиссіи 1767 года) долгое время былъ намѣстникомъ и генералъ-губернаторомъ Воронежскимъ и своими заслугами привлекъ къ себѣ особенное расположеніе Императрицы Екатерины II и Императора Павла [1]). Василій Алексѣевичъ женатъ былъ на Наталіи Дмитріевнѣ (урожденной Семичевой), женщинѣ рѣдкихъ качествъ. «Шестидесятилѣтній подвигъ жизни знаменитой болярыни Наталіи, говорилъ при ея погребеніи 1790 г. священникъ Евфимій Болховитиновъ (впослѣдствіи митрополитъ Евгеній), ознаменованъ былъ каждый день новыми и совершенными примѣрами благочестія, вѣрности, человѣколюбія и чувствительности. Они всѣмъ окружающимъ и знавшимъ ее извѣстны [2]). Свидѣтели ея ревностнаго благочестія суть здѣшніе храмы, кои она съ истинною набожностію посѣщала; похвала ея вѣрности и супружеской любви напечатлѣна въ сердцѣ достопочтеннѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго ея супруга, зрѣвшаго оныя чрезъ 38 лѣтъ. Любезныя ихъ чада засвидѣтельствуютъ о ея матернемъ и благоразумномъ о ихъ попеченіи. Ближніе изъяснятъ намъ ту ея привязанность и любовь, которую ничто какъ едино добросердечіе ея къ нимъ умножило. Друзья восхвалятъ намъ чистоту ея совѣсти; бѣдные и вдовы, облагодѣтельствованные ея даромъ, и многія сироты, воспитанныя подъ ея благоразумнымъ попеченіемъ и изведенныя въ свѣтъ ея щедротою, предъ нами возвѣстятъ рѣдкое ея человѣколюбіе. Наконецъ, чувствительность ея къ бѣдствующимъ и несчастнымъ собою докажутъ окропляющія гробъ ея слезами и по самую ея кончину воспитавшіяся подъ ея руками, сироты» [3])...

---

[1]) См. письмо императора Павла I къ В. А. Черткову: „Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи“ 1887 г., стр. 124.

[2]) Говорено въ Воронежѣ въ Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Здѣсь же въ церкви погребено и тѣло Н. Д. Черткова.

[3]) Неизданное поученіе Болховитинова, изъ библіотеки Воронежскаго протоіерея М. И. Некрасова, нынѣ архимандрита-ректора Московской Духовной Академіи о. Лаврентія.

Отецъ Николая Дмитріевича, Дмитрій Васильевичъ, восемь трехлѣтій (1798 — 1822) служилъ губернскимъ предводителемъ Воронежскаго дворянства. Должно упомянуть также о дѣдѣ Черткова съ материнской стороны, Острогожскаго округа полковникѣ и извѣстномъ богачѣ Степанѣ Ивановичѣ Тевяшовѣ, весьма образованномъ и просвѣщенномъ человѣкѣ, обучавшемся въ Харьковскомъ Коллегіумѣ. Благодаря выгодному положенію своихъ родителей, молодой Чертковъ получилъ самое лучшее образованіе, какое можно было имѣть въ губерніяхъ, гдѣ впрочемъ сравнительный уровень просвѣщенія тогда стоялъ довольно высоко. *Юношество воспитывалось подъ идеею отечества и обязательной пользы согражданамъ*: это мы знаемъ не по одному преданію, но и по тогдашнимъ печатнымъ учебникамъ. Старшій братъ Николая Дмитріевича, Александръ Дмитріевичъ пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность, какъ ученый археологъ, членъ многихъ ученыхъ обществъ, собиратель славной библіотеки, вице-президентъ (съ 1836 г.), а впослѣдствіи (1848—1857)—предсѣдатель Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ [1]).

Достойный представитель славнаго рода Чертковыхъ, Николай Дмитріевичъ избралъ себѣ военное поприще и, начавъ службу съ 1813 года, участвовалъ въ пяти кампаніяхъ, былъ (какъ онъ впослѣдствіи объяснялъ) изъ старшихъ полковниковъ къ производству при Калишскомъ смотрѣ, предъ которымъ, состоя при генералъ-фельдмаршалѣ Паскевичѣ для особыхъ порученій, по независящимъ отъ него причинамъ, общею мѣрою, какъ числящійся по кавалеріи, былъ уволенъ отъ службы. За свои боевыя заслуги онъ имѣлъ военныя отличія и, между прочимъ, орденъ Св. Владимира 3 ст., пожалованный ему во время командованія его Тверскимъ драгунскимъ полкомъ. Знаки отличія, по собственнымъ его словамъ, получилъ онъ «грудью, на полѣ сраженія».

Свою боевую службу Николай Дмитріевичъ Чертковъ пожелалъ завершить благотворительнымъ подвигомъ. Здѣсь сказались въ немъ черты его бабки, а просвѣщенность его дала его подвигу особое направленіе. Признавая полезнымъ, чтобы дѣти благороднаго сословія искали преимущественно, какъ потомки древняго рыцарства, службы военной предъ службою гражданскою, и желая быть сопричастнымъ къ военному образованію дворянства, Николай Дмитріевичъ Чертковъ рѣшился передать правительству милліонъ рублей ассигнаціями и 2.000 душъ крестьянъ на учрежденіе Кадетскаго корпуса. Во всеподданнѣйшемъ

[1]) А. Д. Чертковъ. „Русскій Архивъ“, 1863 г., кн. 1,

ходатайствѣ своемъ по этому поводу онъ писалъ, что «какъ дворянинъ и уроженецъ Воронежской губерніи, онъ за особенную бы счелъ себѣ милость, еслибы корпусъ былъ учрежденъ въ Воронежѣ».

Пожертвованіе это задумано было Н. Д. Чертковымъ въ тѣсномъ кружкѣ друзей [5]). Съ предложеніемъ пожертвованія Чертковъ въ 1836 г. отправился въ Петербургъ и обратился предварительно къ Великому Князю Михаилу Павловичу, какъ главному начальнику военно-учебныхъ заведеній, при которомъ младшій братъ его Иванъ Дмитріевичъ, нѣкоторое время (съ 1826 г.) былъ адъютантомъ [6]). Никому изъ непосвященныхъ въ это дѣло лицъ до времени ничего неизвѣстно было о пожертвованіи Черткова.

Въ половинѣ Апрѣля 1836 г. Н. Д. Чертковъ былъ уже въ Петербургѣ. Послѣ личной бесѣды съ Великимъ Княземъ Михайломъ Павловичемъ, онъ обратился къ Его Величеству письменно 16 Апрѣля, съ приложеніемъ всеподданнѣйшаго своего ходатайства о принятіи приносимаго имъ въ пользу Воронежскаго Кадетскаго корпуса пожертвованія и формулярнаго своего списка. Великій Князь Михаилъ Павловичъ съ сердечною признательностью отнесся къ благотворительному подвигу Черткова на пользу горячо любимаго имъ военнаго воспитанія и взялъ лично на себя непосредственное ходатайство предъ Государемъ Императоромъ о всемилостивѣйшемъ соизволеніи на принятіе всеподданнѣйшаго приношенія Черткова. Любопытенъ разсказъ нѣкоего г. Калиновскаго въ 241 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1886 годъ. «Въ 1832 (sic) году, говорится здѣсь, ожидался пріѣздъ въ Воронежъ Императора Николая Павловича, и мѣстное дворянство рѣшило достойнымъ образомъ почтить прибытіе любимаго Монарха. Въ числѣ лицъ, обсуждавшихъ вопросъ о приготовленіяхъ къ высочайшему пріѣзду, находился и богатѣйшій мѣстный помѣщикъ Н. Д. Чертковъ. Мысль объ учрежденіи Кадетскаго корпуса въ Воронежѣ возникла еще и раньше, но осуществленіе ея откладывалось за неимѣніемъ необходимыхъ денежныхъ средствъ. Теперь же Воронежское дворянство рѣшилось обрадовать Императора значительнымъ денежнымъ пожертвованіемъ на устройство корпуса. Всѣ подписывали на это дѣло со-

---

[5]) Неизданныя „Домашнія Записки“ Воронежскаго дворянина генералъ-лейтенанта Аполлона Никифоровича Марина. Записки эти хранятся въ фамильномъ архивѣ Мариныхъ, въ с. Подгорномъ, Воронежскаго у. Мы пользовались ими, благодаря любезности генералъ-майора Александра Аполлоновича Марина.

[6]) Въ 1836 г. дѣйств. ст. сов. Иванъ Дмитріевичъ Чертковъ (женатый на баронессѣ Е. Г. Строгановой) жилъ въ Петербургѣ, состоя при дворѣ Его Императорскаго Величества въ должности шталмейстера (съ 1833 г.).

лидныя суммы; но когда очередь дошла до Н. Д. Черткова, отличавшагося большою скупостью, то онъ отказался немедленно подписаться, сказавъ, что «подумаетъ, сколько нужно пожертвовать». Дворянство, зная скупость Черткова, предположило, что онъ хочетъ уклониться отъ жертвы на общее дѣло, и сильно вознегодовало на скупого и бездѣтнаго богача. Между тѣмъ Императоръ прибылъ въ Воронежъ 16 Сентября и остался чрезвычайно доволенъ искреннимъ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ Воронежцевъ. Когда въ залѣ собранія Императору представлялось Воронежское дворянство, то предводитель, С. А. Викулинъ, доложилъ о крупномъ пожертвованіи сдѣланномъ дворянами на устройство Кадетскаго корпуса, въ память посѣщенія Императоромъ Воронежа. Государь былъ растроганъ и въ теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ дворянъ. При этомъ взоры присутствовавшихъ, какъ-то невольно, обратились на Н. Д. Черткова, который одинъ, изъ числа всѣхъ дворянъ до сихъ поръ пе внесъ своей лепты въ общую кассу. Государь, замѣтивъ эти взгляды и не зная въ чемъ дѣло, такъ же повернулся къ Черткову. Между тѣмъ, послѣдній какъ будто только и ждалъ этого: замѣтивъ вопросительный взглядъ Государя, онъ выступилъ впередъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ произнесъ: «А мнѣ, Государь, позволь принести на это дѣло все мое достояніе». Государь обнялъ и расцѣловалъ поразившаго всѣхъ такою внезапною щедростью Н. Д. Черткова».

Такимъ образомъ, по словамъ г. Калиновскаго, отъ Черткова поступило на устройство Кадетскаго Корпуса 1.500.000 рублей ассигнаціями и 1.000 душъ крестьянъ. Читатели видятъ, насколько правдивъ выписанный нами разсказъ. Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ народной легендой, изукрасившей благотворительный подвигъ Н. Д. Черкова [7]).

Крупныя пожертвованія и раньше приносимы были дворянствомъ на нужды отечественнаго просвѣщенія. Въ 1803 году статскій совѣтникъ Демидовъ пожертвовалъ 300.000 рублей и 3.578 душъ крестьянъ на устройство высшаго училища въ г. Ярославлѣ и былъ всемилостивѣйше награжденъ: 1) двумя высочайшими рескриптами, 2) чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, 3) орденомъ Св. Владимира 1 ст., 4) выбитіемъ медали въ честь его и 5) названіемъ Ярославскаго училища его именемъ. Былъ еще и другой случай въ 1835 году, когда

[7]) Разсказывали также, будто Н. Д. Чертковъ привезъ свое крупное пожертвованіе Великому Князю Михаилу Павловичу въ билетахъ, которые зашиты у него были въ форменной фуражкѣ. П. Б.

уволенный отъ службы полковникъ Бахтинъ пожертвовалъ на сооруженіе въ Орлѣ Кадетскаго Корпуса 1.500.000 рублей и 2.700 душъ крестьянъ, за что былъ всемилостивѣйше награжденъ: 1) высочайшимъ рескриптомъ, 2) чиномъ генералъ-маіора на службѣ, 3) орденомъ Св. Владимира 2 ст., 4) выбитіемъ медали въ честь его и 5) названіемъ Орловскаго Кадетскаго корпуса его именемъ.

Подобныя же награды ждали теперь и Черткова; но полученіе одной изъ нихъ, «самой высшей и самой лестной, въ сравненіи съ Демидовымъ и Бахтинымъ» отклонилъ отъ себя самъ жертвователь. Принося на алтарь отечества свое пожертвованіе, Н. Д. Чертковъ всеподданнѣйше испрашивалъ, чтобы корпусъ кадетскій, на который употреблено будетъ его пожертвованіе, *именемъ его названъ не былъ*, «дабы его имя не стало наравнѣ съ великими именами Императоровъ Петра, Павла и Александра» [3]). Онъ ходатайствовалъ о присвоеніи Воронежскому корпусу названія *Михайловскаго*, въ честь Великаго Князя Михаила Павловича, главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. «Я сдѣлалъ пожертвованіе (писалъ онъ впослѣдствіи Его Высочеству) отъ чистаго сердца, въ изъявленіе благоговѣнія моего къ Государю Императору, любви къ отечеству и чувствъ преданности сердца лично къ Вашему Высочеству».

17 Апрѣля, въ день рожденія Наслѣдника Цесаревича, Великій Князь Михаилъ Павловичъ въ личной бесѣдѣ съ Государемъ сообщилъ Его Величеству о намѣреніи генералъ-маіора Черткова, передавъ при этомъ содержаніе всеподданнѣйшаго его ходатайства. День этотъ, 17 число, Н. Д. Чертковъ считалъ знаменательнымъ днемъ въ своей жизни. Впослѣдствіи, въ 1849 году, когда онъ представлялъ въ Московскій Опекунскій Совѣтъ 500.000 р. асс. для вклада на имя Воронежскаго Кадетскаго корпуса (вмѣсто пожертвованныхъ имъ крестьянъ), онъ просилъ «оный Совѣтъ, чтобы билетъ на сумму имъ представленную, составленъ былъ къ 17 Апрѣля, дню рожденія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника, въ который, добавлялъ онъ, 1836 года всемилостивѣйше *принято было мое пожертвованіе*. Душевно желаю, чтобы и нынѣ, въ тотъ же августѣйшій день, окончательный взносъ моего пожертвованія довершился».

Въ Воронежѣ въ это время, какъ мы видѣли, съ большими потугами вносился въ «общую кассу» установленный дворянствомъ на

---

[3]) Въ названіяхъ Петровскаго-Полтавскаго Кадетскаго корпуса, Павловскаго и Александровскаго военныхъ училищъ.

Кадетскій корпусъ 50-ти-копѣечный сборъ, и можно себѣ представить, какъ обрадованы были Воронежцы «внезапною щедростью скупого и бездѣтнаго богача», съ каковымъ эпитетомъ перешло въ вышеприведенную нами народную легенду славное имя Н. Д. Черткова!

Дѣло о пожертвованіи Черткова въ тоже время передано было Его Высочествомъ военному министру графу А. И. Чернышову.

«По высочайшему Государя Императора повелѣнію (писалъ Великій Князь графу Чернышову) отъ 25 Апрѣля 1836 года, честь имѣю препроводить къ вашему сіятельству:

1. Письмо на мое имя уволеннаго отъ службы генералъ-маіора Черткова отъ 16 сего Апрѣля.

2. Приложенное при немъ же всеподданнѣйшее его ходатайство, за его подписаніемъ.

и 3. Формулярный о службѣ его списокъ.

При семъ честь имѣю довести до свѣдѣнія вашего, что Его Императорское Величество, *всемилостивѣйше снисходя на принятіе въ пользу Воронежскаго Кадетскаго корпуса генералъ-маіоромъ Чертковымъ пожертвованія*, высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Приступить къ учрежденію въ г. Воронежѣ Кадетскаго корпуса, приписавъ къ оному губернію Воронежскую и землю Донскихъ казаковъ.

2. Жертвуемый генералъ-маіоромъ Чертковымъ милліонъ рублей ассигнаціями принять отъ него на основаніи, изложенномъ во всеподданнѣйшемъ его ходатайствѣ [9]).

и 3. Въ справедливое вниманіе къ благонамѣренному на пользу общую подвигу генералъ-маіора Черткова и въ воздаяніе за любовь его къ отечеству:

а) Принять Черткова на службу нынѣ же генералъ-маіоромъ съ назначеніемъ впослѣдствіи директоромъ Воронежскаго корпуса и съ тѣмъ, чтобы до сего назначенія онъ состоялъ при мнѣ, какъ при главномъ начальникѣ Пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и Дворянскаго полка.

---

[9]) Во всеподданнѣйшемъ ходатайствѣ своемъ г.-м. Чертковъ, „имѣвъ счастіе получить уже словесное соизволеніе Его Императорскаго Высочества, просилъ оффиціально разрѣшенія: изъ означенныхъ денегъ 250/т. приказать принять немедленно въ Петербургѣ, 250/т. въ Іюнѣ, въ Москвѣ, а остальныя 500/т. въ Сентябрѣ, въ той губерніи, на корпусъ коей высочайше повелѣно будетъ употребить всю сумму“.

б) Всемилостивѣйше пожаловать его кавалеромъ ордена Св. Владимира 2 степени.

и с) Выбить въ честь его почетную медаль.

Про прочіе же предметы во всеподданнѣйшемъ ходатайствѣ генералъ-маіора Черткова заключающійся не угодно ли будетъ вамъ всеподданнѣйше доложить вновь Его Величеству?

При семъ честь имѣю покорнѣйше васъ просить повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества мою всепреданнѣйшую и усерднѣйшую просьбу, чтобы Воронежскій Кадетскій корпусъ былъ осчастливленъ августѣйшимъ именемъ Его Императорскаго Высочества *Государя Цесаревича Наслѣдника*, атамана казачьяго войска, именемъ драгоцѣннымъ вдвойнѣ для Донскаго края, дворяне коего будутъ получать въ означенномъ корпусѣ свое воспитаніе. Соизволеніе на сіе Государя Императора г. м. Чертковъ, конечно, сочтетъ самою лестною для себя наградою, и земля Донскихъ казаковъ и Воронежская губернія примутъ, какъ новый знакъ всемилостивѣйшаго благоволенія къ нимъ Его Императорскаго Величества».

Великій Князь Михаилъ Павловичъ отклонялъ отъ себя предложеніе Черткова дать свое имя новому корпусу, предоставляя сдѣлать это Государю, въ честь *Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича*.

«Отношеніе Вашего Императорскаго Высочества, отъ 25 сего Апрѣля, и приложенныя при ономъ письмо и особую записку (sic) г. м. Черткова о жертвуемомъ имъ въ пользу Воронежскаго Кадетскаго корпуса милліонѣ рублей и недвижимомъ имѣніи, я имѣлъ счастіе докладывать Государю Императору, отвѣчалъ графъ Чернышевъ Великому Князю отъ 28 Апрѣля. Его Величество, по прочтеніи оныхъ, пріемля съ особеннымъ благоволеніемъ столь благотворительный подвигъ г. м. Черткова, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества, что Его Императорское Величество, *изъявивъ уже высочайшее соизволеніе, Вашему Высочеству извѣстное*, на принятіе отъ г. Черткова упомянутаго *капитала*, относительно жертвуемаго имъ *имѣнія* высочайше соизволилъ предоставить мнѣ войти съ г. м. Чертковымъ въ сношеніе и, получивъ отъ него подробное свѣдѣніе на счетъ принадлежности ему сего имѣнія, права располагать онымъ, и того, какимъ образомъ предполагаетъ предоставить оное въ пользу корпуса, составить подробное обо всемъ соображеніе и представить Его Императорскому Величеству съ тѣмъ, что въ

то время будутъ разрѣшены и прочіе предметы, въ упомянутомъ отношеніи Вашего Высочества о г. м. Чертковѣ заключающіеся».

Задумавъ совершить благое дѣло, Николай Дмитріевичъ никакъ не предполагалъ, что оно затянется формальнымъ производствомъ за непредставленіемъ необходимыхъ въ данномъ случаѣ свѣдѣній. Ему предстояло теперь собираніе и составленіе вновь нужныхъ документовъ и актовъ. Между тѣмъ слухъ объ его пожертвованіи разнесся по Петербургу, и начались разные толки и пересуды по этому поводу. «Едва лишь успѣлъ я сдѣлать пожертвованіе, писалъ онъ Великому Князю Михаилу Павловичу 20 Октября 1837 года, какъ возсталъ на меня судъ моихъ современниковъ. Мнѣнія ихъ раздѣлились: люди благонамѣренные и истинные патріоты не только одобряли, но возвышали мой подвигъ; другіе недоброжелательные и завистливые, искали мнѣніе о таковомъ подвигѣ не только ослабить, но даже унизить.

Шесть недѣль не имѣлъ я разрѣшенія на мое всеподданнѣйшее приношеніе, промежутокъ сего времени поощрилъ моихъ недоброжелателей, и не знаю, чего клевета и интриги не выдумали на меня въ сіе время, и новые враги мои дошли до того, что поступокъ мой названъ зловреднымъ, и разнесся слухъ, что Государь принялъ его съ неудовольствіемъ, не желая болѣе впредъ поощрять такого рода приношеній.

По несчастію я все сіе зналъ..... и, какъ человѣкъ, не могъ не страдать, тѣмъ болѣе, что не могъ ни предвидѣть, ни ожидать сего».

Николай Дмитріевичъ, по отзыву лицъ близко его знавшихъ, былъ человѣкъ «простой, душевный», далекій отъ всякихъ интригъ, и потому понятно, какъ глубоко онъ былъ возмущенъ «Петербургскими сплетнями», «придворной интригой», тѣмъ болѣе, что дѣло его задерживалось. «Первыя серьезныя мученія мои въ жизни начались съ сего времени», говорилъ онъ впослѣдствіи.

Во всеподданнѣйшемъ ходатайствѣ своемъ относительно жертвуемыхъ имъ крестьянъ Чертковъ писалъ, что «подробное свѣдѣніе, какое именно изъ имѣній, состоящихъ за нимъ въ Воронежской губерніи, назначаетъ онъ въ пожертвованіе, онъ въ непродолжительномъ времени будетъ имѣть счастіе представить Его Императорскому Высочеству съ подробною описью душъ, земли и всѣхъ угодій и принадлежностей». Не имѣя при себѣ такой описи и затрудняясь ея составленіемъ въ короткое время и даже (какъ выяснилось впослѣдствіи) не рѣшивъ опредѣлительно, какое именно имѣніе передать корпусу, Нико-

лай Дмитріевичъ пожелалъ видоизмѣнить все свое пожертвованіе, возвысивъ сумму жертвуемаго имъ капитала до 1.500.000 рублей и измѣнивъ соотвѣтственно цифру крестьянъ, первоначально предназначенныхъ имъ для передачи корпусу, въ 1000 душъ (вмѣсто 2000). Предназначая жертвуемый имъ капиталъ вообще на Кадетскій корпусъ, съ желаніемъ, чтобы корпусъ этотъ учрежденъ былъ въ Воронежѣ, Чертковъ относительно крестьянъ имъ передаваемыхъ, въ вышеупомянутомъ письмѣ къ Его Высочеству, просилъ, чтобы крестьяне эти «принадлежали со временемъ [10]) именно Воронежскому корпусу съ тѣмъ, *ежели онъ будетъ носить августѣйшее имя Его Высочества*». Въ случаѣ же, «ежели бы корпусъ въ Воронежѣ основанъ не былъ», то онъ желалъ, «чтобы означенные крестьяне, передаваемые имъ правительству на основаніи пожертвованія полковника Бахтина, сопричислены были въ свое время къ вѣдомству удѣльному съ тѣмъ, чтобы доходы съ сего имѣнія принадлежали на вѣчныя времена Воронежскому или тому именно кадетскому корпусу или какому бы то ни было военно-учебному заведенію, *которое будетъ имѣть счастіе носить имя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича*». Можно поэтому думать, что видоизмѣненіе всего вообще пожертвованія сдѣлано Чертковымъ теперь не безъ предварительнаго соизволенія Великаго Князя, съ именемъ котораго связывалъ онъ пожертвованіе «недвижимаго имѣнія». Его Высочество, видимо, принималъ живое участіе въ дѣлѣ Черткова.

Видоизмѣнивъ свое пожертвованіе, Николай Дмитріевичъ вмѣстѣ съ тѣмъ, «по собственному своему произволу, ходатайствовалъ о наложеніи запрещенія на *наслѣдственное* имѣніе его въ 2000 душъ въ обезпеченіе какъ уплаты въ установленные сроки всего жертвуемаго имъ капитала (1.500.000 рублей), такъ и предоставленія въ пользу корпуса «недвижимаго имѣнія въ 1000 душъ со всѣми принадлежащими къ нимъ землями и угодьями». Онъ «имѣлъ намѣреніе приготовить» для корпуса «устроенное имѣніе въ тысячу душъ»; ибо благопріобрѣтенное имѣніе его, какъ онъ пояснялъ, «состоитъ въ разныхъ губерніяхъ, не въ цѣломъ составѣ, а по частямъ».

Между тѣмъ, въ видахъ скорѣйшаго и окончательнаго разрѣшенія дѣла, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ представлена была непосредственно Государю Императору всеподданнѣйшая докладная записка отъ 4 Іюня о пожертвованіи Черткова, съ указаніемъ

---

[10]) Во владѣніе корпуса крестьяне должны были поступить по смерти Черткова, какъ видно изъ документовъ послѣдующаго времени.

видоизмѣненія всего пожертвованія, а равно и испрашиваемаго Чертковымъ наложенія запрещенія на наслѣдственное имѣніе его въ 2000 душъ.

Благодаря этой запискѣ, дѣло оставлено до «особаго о томъ распоряженія». Такимъ образомъ непосредственнымъ участіемъ Великаго Князя Михаила Павловича въ патріотическомъ дѣлѣ Черткова и предупредительностію самого Николая Дмитріевича были устранены неожиданно возникшія для него формальныя затрудненія въ передачѣ корпусу недвижимаго имѣнія, и его пожертвованіе всемилостивѣйше принято было въ полномъ его видѣ.

Для Николая Дмитріевича наступали дни торжества, дни нравственнаго удовлетворенія отъ сознанія совершаемаго и признаваемаго подвига. Послѣдовалъ на имя его рескриптъ отъ 11 Іюня 1836 года.

«Подвигъ сей, достойный примѣръ доблести Русскаго дворянина, обнаруживаетъ высокія чувства сердца вашего, пламенное усердіе къ благу общественному и истинной прямой пользѣ отечества. Образованіе благороднаго юношества для службы въ рядахъ храбрыхъ защитниковъ отечества составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ нашей постоянной заботливости и попеченія. Пожертвованіемъ вашимъ открывается возможность къ скорѣйшему учрежденію Кадетскаго корпуса въ краю, нуждающемся еще въ средствахъ военнаго образованія. Пріемля съ живѣйшею признательностію благотворительный подвигъ вашъ, равно достохвальный и по цѣли, и по существу своему, мы, въ ознаменованіе особеннаго нашего благоволенія къ вамъ, всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена св. равноапостольнаго князя Владимира второй степени большаго креста».

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ приказѣ главнаго начальника военноучебныхъ заведеній отъ 20 Іюня за № 135 объявлено было *къ общему свѣдѣнію*, съ пропечатаніемъ высочайшаго повелѣнія, о всемилостивѣйшемъ соизволеніи на принятіе всеподданѣйшаго приношенія Черткова и о пожалованіи его принятіемъ вновь на службу генералъ-маіоромъ, съ состояніемъ при Его Высочествѣ, впредъ до назначенія его директоромъ Воронежскаго Кадетскаго корпуса, когда оный учредится, и выбитіемъ медали съ его изображеніемъ, подобно той, которая была выбита для генералъ-маіора Бахтина, по случаю подобнаго же пожертвованія въ пользу Орловскаго Кадетскаго корпуса [11]). Воронежскому

[11]) Золотая медаль въ честь Черткова получена была имъ отъ Его Высочества 16 Сентября 1840 г. въ Москвѣ.

корпусу, сказано въ этомъ приказѣ, Его Величество высочайше повелѣть соизволилъ именоваться, согласно всеподданнѣйшему ходатайству г.-м. Черткова, *Михайловскимъ Воронежскимъ Кадетскимъ корпусомъ*. Къ приказу приложена была копія вышеприведеннаго высочайшаго рескрипта.

Того же 20 Іюня Н. Д. Чертковъ осчастливленъ былъ рескриптомъ Великаго Князя Михаила Павловича:

«Николай Дмитріевичъ! Прося васъ принять душевную признательность мою, какъ за высокій подвигъ вашъ на пользу всемилостивѣйше довѣреннаго мнѣ управленія, такъ и за доказательство чувствъ вашихъ относительно меня лично, я пріятнѣйшимъ поставляю для себя долгомъ присовокупить, что я совершенно увѣренъ, что вы, непосредственнымъ попеченіемъ вашимъ впослѣдствіи о воспитанникахъ корпуса, обязаннаго вамъ первымъ своимъ основаніемъ, пріобрѣтете двойное право на титло ихъ благодѣтеля, научивъ ихъ любить Государя и отечество, по вашему собственному примѣру» [12]).

Въ окончательное разрѣшеніе всеподданнѣйшей докладной записки своей отъ 4 Іюня, Его Высочество покорнѣйше просилъ управлявшаго Военнымъ Министерствомъ генералъ-адъютанта Адлерберга испросить генералъ маіору Черткову всемилостивѣйшее дозволеніе Государя Императора:

1) Имѣть счастье представиться Его Величеству и принести всеподданнѣйшую благодарность его за оказанное ему монаршее благоволеніе.

2) Отправиться безъ замедленія изъ С.-Петербурга въ Москву, въ Воронежъ и въ землю Донскихъ казаковъ какъ для сбора остальныхъ денегъ его пожертвованія, такъ и для составленія на мѣстѣ соображенія о первоначальномъ устройствѣ Воронежскаго Кадетскаго корпуса.

---

[12]) Рескриптъ этотъ въ 1843 году былъ напечатанъ въ „Москвитянинѣ“ (№ 2) съ слѣдующими словами издателя: „Издатель обязанъ этимъ достопамятнымъ документомъ одному изъ родственниковъ Н. Д. Черткова. Подобныя черты для исторіи драгоцѣнны и тщательно должны быть сохраняемы. Нужно ли напоминать читателямъ, что рескриптъ относится къ знаменитому Русскому (не говорю Европейскому, ибо въ Европѣ этого давно уже не бываетъ, да и прежде бывало рѣдко) Русскому милліонному пожертвованію генералъ-маіора Черткова на основаніе въ Воронежѣ Михайловскаго Кадетскаго корпуса. Какъ пріятны и драгоцѣнны должны быть для великодушнаго благотворителя эти краткія, но значительныя слова рескрипта, особливо послѣднія“. Воронежскія Губернскія Вѣдомости тогда же перепечатали какъ самый рескриптъ, такъ и добавленіе издателя (1843 г. № 28).

3) По пріѣздѣ въ г. Воронежъ и въ г. Новочеркасскъ предложить, при пособіи мѣстныхъ начальствъ, тамошнему дворянству принять участіе въ его пожертвованіи, каковое личное предложеніе его по всѣмъ вѣроятіямъ будетъ для корпуса полезнымъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Высочествомъ, согласно волѣ Государя Императора, сдѣлано было распоряженіе о принятіи отъ г.-м. Черткова 250.000 рублей и о передачѣ ихъ въ Департаментъ Военныхъ Поселеній, вѣдавшій впослѣдствіи всѣ дѣла по постройкѣ Воронежскаго корпуса [13]. Тогда же было сдѣлано распоряженіе о наложеніи испрашиваемаго Чертковымъ запрещенія на его имѣніе.

Начало благотворительнаго подвига Черткова завершилось представленіемъ его Его Императорскому Величеству, состоявшимся, какъ можно думать, въ концѣ Іюня. Личная бесѣда съ Государемъ вдохнула въ него новыя силы. «Великодушное вниманіе ко мнѣ Государя, писалъ онъ Великому Князю, милостивый пріемъ, сдѣланный мнѣ въ Петергофѣ Его Величествомъ и Вашимъ Высочествомъ, воскресили меня... Счастливый, оживленный ими, я забылъ свои огорченія»...

III.

Благодаря полутора-милліонному пожертвованію въ добавокъ къ тѣмъ «малозначительнымъ суммамъ», какія раньше, накоплены были въ Воронежѣ отъ доброхотныхъ пожертвованій мѣстныхъ дворянъ [1], завѣтная мысль представителей дворянства объ учрежденіи Воронежскаго Кадетскаго корпуса осуществлялась. Одинъ человѣкъ изъ «вѣрноподданныхъ

[13]) Туда препровождены были изъ Штаба Его Величества 18 Іюня представленные г.-м. Чертковымъ девять билетовъ разныхъ кредитныхъ установленій на сумму 250,220 р. (въ числѣ коихъ заключалось процентовъ 2,720 р. и капитальной суммы 247,500 рублей). Слѣдующій взносъ, въ размѣрѣ 250,000, сдѣланъ былъ Чертковымъ 14 Августа въ Московскую Сохранную Казну. Извѣщая объ этомъ Штабъ Его Величества, Чертковъ просилъ разрѣшенія на „предбудущій взносъ 500.000 рублей въ исходѣ Октября 1836 года“, вмѣсто Сентября, какъ предполагалъ раньше.

[1]) Въ высочайше утвержденномъ „Предположеніи объ учрежденіи губернскихъ Кадетскихъ корпусовъ“ (Спб. 1830 г.) при исчисленіи капиталовъ разными губерніями пожертвованныхъ на военное воспитаніе малолѣтнихъ дворянъ, пожертвованіе Воронежскаго дворянства къ 1 Января 1829 г. показано въ 207,035 р. 69 коп. По счетамъ Воронежскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія къ 1 Января 1836 года этой суммы числилось только 190,819 руб. 16¼ коп., при чемъ на лицо значилось всего 1,046 рублей 49½ коп. и въ долгу на заемщикахъ Приказа 153,554 рубл. 1 коп., на прочихъ капиталахъ Приказа—36,218 р. 66 коп. Къ 1-му же Января 1830 г. пожертвованная Воронежскимъ дворянствомъ сумма, по счетамъ Приказа, составляла на лицо 30 р 76½ коп. и на заемщикахъ 176,823 р , 17½ коп. (Дѣло объ учрежденіи губернскихъ Кадетскихъ корпусовъ. 17 Марта 1830. По архиву канцеляріи Воронеж. губерн. предвод дворянства, № 28, л. 26).

данническаго порыва любви къ Государю и Отечеству» «внезапно» довершалъ тридцатилѣтнія усилія своихъ соотчичей. Николай Дмитріевичъ былъ тогда еще «въ цвѣтѣ лѣтъ», по собственному его признанію, и хотѣлъ «личными своими заслугами сдѣлаться достойнымъ оказанныхъ ему милостей Государя Императора».

30 Іюня онъ получилъ предписаніе «съ высочайшаго Государя Императора соизволенія, отправиться тогда же по предмету устройства Воронежскаго Кадетскаго корпуса въ Воронежъ и другія губерніи (sic) на срокъ, какой онъ самъ признаетъ для себя нужнымъ».

Его безпокоила невыясненность формальнаго положенія дѣла о пожертвованныхъ имъ крестьянахъ. Дѣло это, какъ мы видѣли, оставлено было «до особаго о томъ распоряженія». Поэтому, предъ выѣздомъ изъ Петербурга, онъ просилъ Адлерберга «не опредѣлять положительно срока на совершеніе акта на жертвуемыя имъ *послѣ смерти* 1000 душъ изъ благопріобрѣтеннаго имѣнія, дабы тѣмъ предоставить ему болѣе времени къ прочному устройству и распоряженію для совершенія этого акта». Это желаніе Черткова доложено было Государю, и на удовлетвореніе его послѣдовало монаршее соизволеніе.

Во время личнаго представленія Н. Д. Черткова Его Императорскому Величеству, въ Петергофѣ, ему «высочайше объявлены были желанія и благодѣтельные виды Государя Императора» относительно новаго корпуса. Одно изъ такихъ желаній заключалось въ причисленіи Тамбовскаго корпуса къ Воронежскому. Нужно замѣтить, что въ самомъ началѣ 1836 года состоялось высочайшее повелѣніе, «по уваженію изъясненнаго Тамбовскимъ дворянствомъ случая, по коему воспослѣдовало учрежденіе Тамбовскаго корпуса, корпусъ сей не переводить въ Воронежъ, а оставить по прежнему въ Тамбовѣ». Николаю Дмитріевичу предстояло теперь, по пути къ Воронежу, заѣхать въ Тамбовъ и здѣсь подготовить Тамбовское дворянство къ мысли объ окончательномъ рѣшеніи Государя Императора перевести Тамбовскій корпусъ въ Воронежъ. Чертковъ былъ въ Тамбовѣ и, по собственнымъ его словамъ, «при исполненіи высочайшаго желанія о причисленіи Тамбовскаго корпуса къ Воронежскому, имѣлъ непосредственное участіе». Государь Императоръ въ томъ же году самъ былъ въ Тамбовѣ, куда онъ прибылъ изъ г. Чембара, и тамошнимъ губернскимъ предводителемъ дворянства было доложено Его Величеству, что «дворянство Тамбовское не найдетъ никакого затрудненія къ упраздненію Тамбовскаго корпуса съ открытіемъ Воронежскаго и съ предоставленіемъ помѣщать въ оный своихъ дѣтей и пансіонерами за условную плату изъ процентовъ капитала Тамбовскаго корпуса»; а въ слѣдующемъ году, по представленіи Государю Императору положенія об-

щаго Тамбовскаго губернскаго собранія дворянства по предмету упраздненія Тамбовскаго корпуса, состоялось высочайшее повелѣніе о причисленіи Тамбовскаго кадетскаго корпуса къ Воронежскому Михайловскому корпусу, причемъ губерніи Пензенская и Саратовская, причисленныя къ Тамбовскому корпусу, за упраздненіемъ онаго, приписывались къ корпусу Воронежскому.

Н. Д. Чертковъ не былъ постояннымъ жителемъ Воронежа; «мѣста» Воронежскія и составъ общества, среди котораго онъ «долженъ былъ *теперь* дѣйствовать», мало были ему извѣстны; служба его прошла внѣ предѣловъ Воронежскихъ [2]), и о немъ въ Воронежѣ многіе знали только по слухамъ. Въ обсужденіи вопроса о корпусѣ на обще-дворянскихъ собраніяхъ онъ, конечно, не участвовалъ. Предъ Воронежцами Чертковъ являлся теперь, какъ главный виновникъ учрежденія давножеланнаго корпуса въ Воронежѣ; жертва его была для всѣхъ очевидною, и *дворянство* Воронежское не могло не быть признательнымъ Николаю Дмитріевичу за высокій его подвигъ. Но тотъ же Чертковъ выступалъ предъ своими соотчичами въ качествѣ оффиціальнаго лица съ высочайше возложенными на него порученіями по предмету устройства Воронежскаго Кадетскаго корпуса; его интересы, какъ Воронежскаго дворянина, могли расходиться съ общими видами мѣстной администраціи, и въ своей оффиціальной роли онъ, по собственнымъ его словамъ, «не только не встрѣтилъ необходимыхъ для него способовъ содѣйствія мѣстнаго начальства, но въ дѣйствіяхъ своихъ на всякомъ шагу встрѣчалъ затруднительныя препятствія». Имя Черткова, какъ благотворителя, прославлялось всѣми Воронежцами, о немъ говорили даже въ народѣ, изукрашивая его подвигъ; полномочія же, съ какими выступалъ онъ, какъ дѣятель, замѣтно стѣсняли мѣстное начальство, и оно держалось въ сторонѣ отъ него, быть можетъ, даже препятствовало ему. Надо замѣтить, что Чертковъ, какъ человѣкъ идеально настроенный, не былъ «дѣльцомъ» въ практическомъ смыслѣ этого слова, и проекты его не всегда встрѣчали высочайшее одобреніе.

При извѣстіи объ учрежденіи въ Воронежѣ Кадетскаго корпуса, Воронежцы поражены были неожиданною новостью—наименованіемъ корпуса *Михайловскимъ*. Эта новость была принята здѣсь, по словамъ Черткова, «съ неизъяснимымъ восторгомъ». Отклонивъ отъ себя честь назвать Воронежскій корпусъ Чертковскимъ, Николай Дмитріевичъ тѣмъ самымъ принесъ корпусу новую жертву съ своей стороны, отказавшись отъ «самой высшей и самой лестной награды».

---

[2]) Въ „Домашнихъ Запискахъ" А. Н. Марина сказано, что и пожертвованіе на корпусъ задумано было вдали отъ Воронежа, въ Бѣлостокѣ (гдѣ авторъ Записокъ служилъ комендантомъ). Служа въ Варшавѣ при Паскевичѣ, Чертковъ бывалъ въ Бѣлостокѣ.

Денежныя средства на устройство корпуса стали увеличиваться. Самъ Николай Дмитріевичъ «успѣлъ склонить нѣсколькихъ лицъ въ Воронежской губерніи къ важнымъ пожертвованіямъ». Видимо, онъ очень былъ занятъ привлеченіемъ новыхъ пожертвованій на корпусъ. Третьимъ пунктомъ приведеннаго нами выше отношенія Великаго Князя къ Адлербергу предполагалось испросить для Черткова высочайшее дозволеніе на предложеніе какъ Воронежскимъ дворянамъ, такъ и Новочеркасскимъ, принять участіе въ его пожертвованіи; но «Государь Императоръ по этому случаю отозваться изволилъ, что на такое предложеніе дворянству уполномочить его (Черткова) высочайшимъ именемъ Его Величество полагаетъ неприличнымъ».

Чертковъ, оставаясь въ Воронежѣ, не терялъ времени къ выполненію высочайшихъ желаній и благодѣтельныхъ видовъ Государя. По примѣру только что учрежденнаго Орловскаго - Бахтина Кадетскаго корпуса, корпусъ Михайловскій предполагалось помѣстить въ готовомъ строеніи, которое можно было пріобрѣсти въ Воронежѣ покупкою и съ удобствомъ приспособить къ помѣщенію.

«Изъ осмотрѣнныхъ зданій, писалъ 11 Августа 1836 г. Н. Д. Чертковъ В. Ѳ. Адлербергу, для возведенія кадетскаго корпуса, мною найдено удобнѣйшимъ и выгоднѣйшимъ занимаемое нынѣ заведеніями Приказа Общественнаго Призрѣнія». Предвидя возраженія, Николай Дмитріевичъ добавлялъ, что: «а) къ перемѣщенію заведеній Приказа въ другія зданія найдены имъ весьма удобныя средства, b) что хотя главный корпусъ сего зданія, только что отстроенный вчернѣ, и предназначенъ для военнаго госпиталя, но къ исполненію сего предложенія еще ничего не предпринято и даже въ виду не имѣется, c) что приведеніе сего зданія въ должное устройство можно окончить въ теченіе одного года, d) что, буде Государю Императору благоугодно будетъ высочайше повелѣть корпусъ сей открыть прежде окончательной отстройки знанія Приказа Общественнаго Призрѣнія, то дворянство Воронежское, чувствуя въ полной мѣрѣ благодѣтельные виды Всемилостивѣйшаго Государя, готово, на время, предложить для сего губернскій дворянскій домъ, который, по соображеніямъ его, также весьма удобенъ для первоначальнаго помѣщенія одной роты кадетъ [3])». Увѣренный въ успѣхѣ своего предложенія, Чертковъ поспѣшалъ въ тоже время «испрашивать высочайшаго благосоизволенія дозволить ему составить проектъ съ планомъ и фасадомъ по симъ предметамъ».

---

[3]) Дворянскій домъ принадлежалъ раньше отцу Николая Дмитріевича, Дмитрію Васильевичу, и имъ былъ уступленъ Воронежскому дворянству за $^2/_3$ его дѣйствительной стоимости (80/т. вм. 140/т. ассигнаціями).

Государю Императору не была однакоже своевременно доложена эта просьба Черткова, такъ какъ и самое предложеніе его о приспособленіи для помѣщенія Корпуса зданій Приказа Общественнаго Призрѣнія не застало въ Петербургѣ Адлерберга, сопутствовавшаго въ то время Государю въ путешествіи по Россіи. Между тѣмъ Николай Павловичъ самъ предположилъ быть въ Воронежѣ [4]), по случаю устройства Михайловскаго Кадетскаго корпуса, имѣя въ виду лично избрать удобныя на то строенія или же мѣсто для возведенія новыхъ.

Чертковъ былъ увѣренъ, что «всѣ его дѣйствія, касающіяся высочайше возложеннаго на него порученія по устройству Михайловскаго Кадетскаго корпуса, теперь скорѣе увѣнчаются желаемымъ успѣхомъ». Начальство мѣстное весьма не желало замѣщенія зданій Приказа Общественнаго Призрѣнія посторонними учрежденіями; ибо «зданія эти были построены по послѣднему усовершенствованному для богоугодныхъ заведеній плану», и «ими не иначе можно было воспользоваться для помѣщенія Кадетскаго корпуса, какъ съ возведеніемъ точно таковыхъ же новыхъ зданій для Приказа».

Несогласіе по этому поводу между Чертковымъ и бывшимъ въ то время Воронежскимъ военнымъ губернаторомъ, д. с. с. Николаемъ Ивановичемъ Лодыгинымъ, осталось неулаженнымъ, какъ 7 Сентября 1836 года послѣдовало изъ г. Чембара высочайшее повелѣніе, сообщенное одновременно Черткову и Лодыгину, дабы они «по совокупному соглашенію избрали въ Воронежѣ удобное мѣсто для возведенія новыхъ строеній для Кадетскаго корпуса, если не имѣется никакихъ въ Воронежѣ строеній частныхъ или казенныхъ, кои могли бы быть пріобрѣтены покупкою и съ удобствомъ приспособлены къ помѣщенію корпуса». Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалось, что «Государь теперь не можетъ быть въ Воронежѣ», вслѣдствіе несчастнаго происшествія, случившагося съ нимъ во время проѣзда его по Пензенской губерніи близъ г. Чембара [5]).

---

[4]) Въ Чугуевъ, главный городъ военныхъ поселеній Харьковской губ. собрался для высочайшаго смотра весь расположенный тамъ армейскій корпусъ, Государь ѣхалъ туда окружнымъ путемъ чрезъ губерніи Волжскаго бассейна по тракту изъ Москвы на Владиміръ, Гороховецъ, Горбатовъ, Нижній, Казань, Симбирскъ, Пензу, Тамбовъ и далѣе (Русск. Старина 1882 г. т. XXXVI, ст. „Императоръ Николай Павловичъ въ уѣздномъ городѣ Чембарѣ съ 25 Августа по 8-ое Сентября 1836 г.“), „Дѣло канцеляріи Воронежскаго губернатора объ устройствѣ Воронежскаго Кадетскаго корпуса“. Изъ дѣла видно, что Государь предполагалъ быть въ Воронежѣ 3 Сентября, и уже были сдѣланы приготовленія къ высочайшему пріѣзду, какъ 28 Августа послѣдовало извѣщеніе объ отмѣнѣ всѣхъ распоряженій по этому поводу.

[5]) Перелома ключицы. См. о томъ Записки гр. Бенкендорфа въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 г. П. Б.

Находясь подъ вліяніемъ тяжелаго впечатлѣнія, Николай Дмитріевичъ, сильный патріотическимъ возбужденіемъ, по случаю высокаго довѣрія къ нему Государя Императора и Великаго Князя Михаила Павловича, удвоилъ свои труды и въ видахъ скорѣйшаго открытія корпуса, началъ дѣлать разнаго рода «заготовленія хозяйственными способами, весьма выгодными для правительства, въ надеждѣ на непосредственное порученіе ему постройки зданій корпуса», если бы таковыя стали возводиться и на какомъ либо новомъ мѣстѣ въ Воронежѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не медлилъ изысканіемъ удобнаго мѣста къ возведенію строеній для Кадетскаго корпуса, согласно новой волѣ Государя Императора, хотя продолжалъ быть увѣреннымъ, что Николай Павловичъ одобритъ прежнее его предложеніе о приспособленіи для помѣщенія Корпуса зданій Приказа Общ. Призрѣнія.

Подъ вліяніемъ этой послѣдней мысли, сообщивъ Адлербергу о результатахъ своей работы, съ приложеніемъ плана городской мѣстности, наиболѣе удобной для возведенія новыхъ строеній, Чертковъ поспѣшилъ въ г. Новочеркасскъ, чтобы лично возвѣстить всему Донскому краю объ учрежденіи въ Воронежѣ Корпуса на пожертвованныя дворянствомъ суммы и о высочайшемъ соизволеніи на приписку къ этому корпусу и Войска-Донскаго для воспитанія малолѣтнихъ дворянъ того края. Около этого времени тамъ, вѣроятно, уже получено было и оффиціальное извѣстіе объ этомъ отъ 18 Сентября 1836 г.

«Наличное дворянство г. Новочеркасска и ближайшаго къ нему жительства, въ чувствахъ благодарности къ Государю Императору за новое благодѣяніе», тотчасъ же «присовокупило свою лепту къ приношенію Воронежскаго дворянства, единодушно вызвавшись жертвовать по 25-ти копѣекъ за каждую ревизскую душу изъ собственныхъ доходовъ въ теченіе 10 лѣтъ и сверхъ того, при посредствѣ исправляющаго должность наказнаго атамана войска Донскаго генералъ-лейтенанта М. Г. Власова 1-го, распорядилось пригласить окружныхъ депутатовъ и прочихъ дворянъ войска Донскаго къ прибытію въ Новочеркасскъ на день сближавшагося тезоименитства Великаго Князя Михаила Павловича (8 Ноября) для совѣщанія къ дальнѣйшему посильному жертвованію по сему же предмету». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Донскимъ дворянствомъ выражено было желаніе, чтобы пожертвованныя въ Генварѣ того (1836) года по одному рублю съ ревизской души на предполагавшееся заведеніе въ Новочеркасскѣ военнаго училища деньги обращены были на Воронежскій же Кадетскій корпусъ, буде послѣдуетъ на то Государя Императора соизволеніе. Донцы готовы были и «испрашивали высочайшее соизволеніе чрезъ посредство военнаго министра на отчисленіе на тотъ же предметъ и еще ста тысячъ рублей изъ военнаго капитала».

Генералъ-лейтенантъ Власовъ 1-й рапортовалъ о томъ Великому Князю Михаилу Павловичу отъ 20 Октября 1836 г., присовокупляя, что «безпредѣльная милость и отеческая заботливость августѣйшаго Монарха объ упроченіи участи будущаго поколѣнія Донцовъ воспитаніемъ согласно потребностямъ времени и пользѣ отечества одушевили сугубымъ восторгомъ Донское войско, *пріобрѣтающее въ лицѣ Его Императорскаго Высочества высокое покровительство* въ дѣлѣ столь важномъ и общеполезномъ».

Н. Д. Черткову, по отъѣздѣ его изъ Новочеркасска, Власовъ писалъ 1 Ноября 1836 г.: «Посѣщеніе г. Новочеркасска вашимъ превосходительствомъ, краткое по времени, но продолжительное по впечатлѣнію, оставивъ самыя пріятныя воспоминанія, преисполнило всѣ сердца истинною признательностію къ новому благодѣянію августѣйшаго Монарха по вашему высокому патріотизму». Сообщивъ затѣмъ о «посильныхъ пожертвованіяхъ Донскаго дворянства на Михайловскій корпусъ», Власовъ выставлялъ ихъ «послѣдствіями» личнаго пребыванія Черткова въ Новочеркасскѣ, «имѣющими тѣсную связь съ цѣлію онаго». «Не безъ внутренняго удовольствія могу присовокупить, что произведенное на всѣхъ обывателей Дона глубокое впечатлѣніе новымъ благодѣяніемъ обожаемаго Монарха сливается съ сладостнымъ чувствомъ признательности къ главному виновнику заведенія».

Чертковъ писалъ Великому Князю, что посѣщеніе Новочеркасска «имѣло въ полной мѣрѣ по цѣли своей успѣхъ». «Сдѣланныя въ землѣ войска Донскаго посильныя пожертвованія, осмѣливаюсь приписать личнымъ моимъ содѣйствіямъ».

Воронежскій губернаторъ Лодыгинъ между тѣмъ медлилъ исполненіемъ высочайшаго повелѣнія отъ 7 Сентября, и черезъ мѣсяцъ, 7 Октября 1836 г., ему велѣно было поспѣшить представленіемъ совокупно съ г.-м. Чертковымъ соображеній относительно помѣщенія учреждаемаго въ Воронежѣ Кадетскаго корпуса. Императоръ Николай Павловичъ, замѣтно, весьма интересовался ходомъ дѣла о новомъ корпусѣ.

Къ 27 Октября требуемыя отъ губернатора «соображенія» были, наконецъ, изготовлены. Воронежскій губернаторъ въ представленіи своемъ по этому поводу обращалъ вниманіе на два казенныхъ строенія въ Воронежѣ: «Семинарію и богоугодныя заведенія, подвѣдомственныя Приказу Общественнаго Призрѣнія, оба на Большой Дворянской улицѣ, въ коихъ по нуждѣ, съ тѣснотою, могъ бы временно помѣститься Кадетскій корпусъ; но къ всегдашнему помѣщенію Семинарія признана неудобною, потому что мѣсто принадлежащее оной не довольно пространно для прибавленія новыхъ построекъ, кои необходимо понадобятся; зданія же Приказа Общественнаго Призрѣнія, хотя

и не представляютъ таковой неудобности, но ими не иначе можно было бы воспользоваться, какъ съ возведеніемъ точно таковыхъ же новыхъ зданій для Приказа, ибо они построены по послѣднему усовершенствованному для богоугодныхъ заведеній плану».

Указывалось тѣмъ самымъ на необходимость постройки для Корпуса новыхъ зданій. Въ Воронежѣ въ то время было много предназначенныхъ къ заселенію, но еще не застроенныхъ, городскихъ кварталовъ. На эти-то пустопорожныя мѣстности и обращалъ теперь вниманіе Лодыгинъ, какъ на удобныя мѣста для Кадетскаго корпуса.

Н. Д. Чертковъ, настаивая на скорѣйшемъ открытіи Корпуса и косвенно поддерживая свой прежній проектъ, писалъ директору Департамента военныхъ поселеній ген.-ад. Клейнмихелю, что уже и нынѣ значительное число Воронежскихъ дворянъ и земли Донскихъ казаковъ просятъ его о принятіи дѣтей ихъ въ учреждаемый корпусъ, въ увѣренности въ скоромъ открытіи онаго. Такъ какъ около этого времени истекалъ послѣдній срокъ для взноса третьей части сдѣланнаго Чертковымъ пожертвованія, то онъ, въ видахъ личнаго воздѣйствія на рѣшеніе вопроса о скорѣйшемъ открытіи корпуса, отправился въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы и взносъ денегъ произвести въ Петербургѣ. Великаго Князя Михаила Павловича не было тогда въ столицѣ. Отъ 13 Декабря Н. Д. Чертковъ изъ Петербурга извѣщалъ Его Высочество, что «въ назначенные сроки полный милліонъ рублей онъ уже внесъ и священнымъ долгомъ почитаетъ быть вѣрнымъ исполнителемъ предстоящихъ ему и на предбудущее время обязанностей по предмету его пожертвованія» [6]). Въ этомъ же письмѣ Чертковъ, совершенно неожиданно для Великаго Князя, просилъ у Его Высочества исходатайствованія ему предъ Государемъ Императоромъ «какого либо постояннаго *нынѣ же* на службѣ назначенія».

Письмо это получено было Его Высочествомъ 27 Января 1837 г. въ Ниццѣ и, замѣтно, очень удивило Великаго Князя. «Доложить мнѣ по сему дѣлу полковнику Ростовцову, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ», помѣтилъ Михаилъ Павловичъ вверху письма. Здѣсь же есть еще двѣ помѣты, писанныя также Его Высочествомъ и затѣмъ перечеркнутыя: а) «Препроводить къ полковнику Ростовцову для сообщенія мнѣ по сему письму его мнѣнія» и в) «Оставить здѣсь при дѣлахъ до пріѣзда полковника Ростовцова для личнаго съ нимъ объясненія».

Государю угодно было одобрить соображенія Воронежскаго губернатора и дать повелѣніе о возведеніи въ Воронежѣ новыхъ зданій для

---

[6]) Взносъ остальныхъ 500/т. рублей былъ разсроченъ ему на четыре года съ уплатою: въ 1837, 1838 и 1839 гг. по 100 т. р., а въ 1840 году—200 т. р.

Корпуса. Для осмотра командированъ въ Воронежъ отъ Департамента Военныхъ Поселеній инженеръ-полковникъ Детловъ. Ему же поручено было составленіе проекта корпусныхъ зданій. 10 Іюля 1837 года проектъ, составленный Детловымъ, былъ утвержденъ, а 25 Іюля «Государь Императоръ повелѣть соизволилъ для возведенія зданій для Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго корпуса учредить въ Воронежѣ строительную комиссію, по примѣру учрежденной въ г. Орлѣ». Н. Д. Чертковъ назначался членомъ комиссіи.

По возвращеніи Великаго Князя Михаила Павловича въ Петербургъ, просьба Черткова для него разъяснилась. Желая успокоить его, Его Высочество чрезъ военнаго монистра доложилъ Государю о желаніи его получить какое-либо постоянное назначеніе на службѣ. «Государь Императоръ, сообщалъ военный министръ Великому Князю отъ 5 Сентября 1837 г., по всеподданнѣйшему докладу отношенія Вашего Императорскаго Высочества отъ 9 истекшаго Августа по просьбѣ находящагося при Вашемъ Высочествѣ, состоящаго по кавалеріи Черткова, о назначеніи его нынѣ же куда-либо къ постоянной должности, высочайше повелѣть соизволилъ: увѣдомить Ваше Императорское Высочество, что Его Императорское Величество желаетъ, дабы г.-м. Чертковъ, по неимѣнію въ настоящее время вакансіи бригаднаго командира въ кавалеріи, каковую должность могъ бы онъ занять по чину, оставался по прежнему при Вашемъ Высочествѣ, съ тѣмъ, что онъ будетъ назначенъ директоромъ Воронежскаго Михайловскаго Корпуса, по окончаніи устройства онаго».

IV.

Письмо Н. Д. Черткова къ Великому Князю подписано было имъ 13 Декабря 1836 г. Съ тѣхъ поръ много переиспыталъ и перечувствовалъ Николай Дмитріевичъ. Видя себя «безъ постояннаго употребленія на службѣ лишеннымъ единственнаго для него счастія личными своими заслугами сдѣлаться достойнымъ оказанныхъ ему милостей Государя Императора и въ душѣ глубоко опечаленный отклоненіемъ предложеннаго имъ проекта къ скорѣйшему открытію Корпуса, онъ объяснялъ послѣднее происками людей завистливыхъ и раздражался до болѣзненности. Въ отсутствіи Великаго Князя онъ считалъ себя лишеннымъ нравственной подпоры. Ему казалось, что кто-то мѣшаетъ, не даетъ ему дѣйствовать, отстраняетъ его отъ непосредственнаго участія въ первоначальномъ основаніи Корпуса. «Зловредные слухи и толки обо мнѣ перенеслись изъ Петербурга и въ Воронежскій край, писалъ онъ. Въ отсутствіи Вашего Высоче-

ства, моего высокаго покровителя, я лишенъ былъ подпоры, сталъ ослабѣвать и даже упадать во мнѣніи общемъ и къ довершенію всего послѣ годовой моей ревностной дѣятельности въ исполненіи даннаго мнѣ отъ Вашего Высочества повелѣнія по предмету устройства корпуса, я устраненъ былъ отъ непосредственнаго участія въ первоначальномъ основаніи онаго, чтó меня совершенно уничтожило во мнѣніи общемъ, ослабивъ даже личное ко мнѣ уваженіе, которымъ я всегда пользовался, какъ къ человѣку лишенному довѣрія правительства».

Послѣ мы увидимъ, что дворянство Воронежское ничуть не ослабляло своего уваженія къ Николаю Дмитріевичу, какъ дѣятельному выразителю завѣтной своей мысли о Корпусѣ, какъ доблестному дворянину Воронежскому. Да и ничто уже не могло затмить славнаго имени его. Людской молвѣ лучшіе люди не придавали никакого значенія. Въ высочайшемъ повелѣніи вновь возводить зданія для Корпуса и въ назначеніи особой коммиссіи для постройки этихъ зданій очевидны были благія намѣренія Государя наилучшимъ образомъ создать корпусъ въ честь младшаго своего, всѣми любимаго и уважаемаго, брата.

Наилучшаго устройства Михайловскаго Корпуса не могъ не желать и самъ Николай Дмитріевичъ; но «назначеніе его членомъ коммиссіи устройства корпуса вмѣстѣ съ пятью или шестью товарищами [7]) разныхъ чиновъ и званій, съ равнымъ съ ними голосомъ, слѣдственно и съ равнымъ съ ними на устройство Корпуса вліяніемъ», онъ не могъ принять спокойно. «Назначеніе это, писалъ онъ Великому Князю, послѣдовало, вѣроятно, по примѣру таковаго же назначенія генерала Бахтина, который, находясь въ бездѣйственной, болѣзненной старости и не выѣзжающій изъ помѣстья своего, а потому и никакъ не могшій участвовать въ коммиссіи, былъ назначенъ членомъ оной, конечно, только для формы; моя же личная служба была при самомъ началѣ милостиво принята Вами и Государемъ Императоромъ. Вообще Ваше Императорское Высочество (въ скорбномъ раздраженіи добавлялъ Чертковъ) не припишите какому-либо тщеславію или самонадѣянности, мнѣ вовсе несвойственной, то, чтó я осмѣлюсь при семъ случаѣ съ откровенностію преданнаго сердца изложить Вамъ. Меня всегда огорчала безпрестанная параллель, которую дѣлали изъ меня съ генераломъ Бахтинымъ. Онъ, можетъ быть, несравненно меня достойнѣе, но параллели

[7]) Въ составъ коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ военнаго губернатора и Воронежскаго гражданскаго губернатора, г.-м. и кавалера Н. И. *Ладыгина*, вошли: губернскій предводитель дворянства камергеръ, маіоръ и кавалеръ Василій Васильевичъ *Тулиновъ*, вице-губернаторъ колл. сов. Александръ Яковлевичъ *Мѣшковскій*, ассесоръ Губернской Строительной Коммиссіи титулярный сов. Николай Владимировичъ *Нестеровъ*, корпуса инженеровъ путей сообщенія поручикъ Павелъ Петровичъ *Мольнеръ*.

между нами почти не можетъ быть: онъ пожертвовалъ значительное имѣніе, но послѣ смерти своей, когда оно будетъ ему уже не нужно, онъ въ глубокой старости, уже отжилъ для удовольствія свѣта; онъ, служа подполковникомъ, получилъ чинъ полковника при отставкѣ, и никакой знакъ не показываетъ его отличія, и при всемъ этомъ онъ имѣлъ смѣлое желаніе, чтобы корпусъ носилъ его имя наравнѣ съ великими именами императоровъ Петра, Павла и Александра. Я былъ въ отставкѣ генералъ-маіоръ и, служа съ 1813 года, участвовалъ въ пяти кампаніяхъ, былъ изъ старшихъ полковниковъ къ производству при Калишскомъ смотрѣ, предъ которымъ, состоя при генералъ-фельдмаршалѣ для особыхъ порученій, по независящимъ отъ меня причинамъ, общею мѣрою, какъ числящійся по кавалеріи, былъ отъ службы уволенъ, и всѣ ордена, въ томъ числѣ и Владимира 3 степени, пожалованный мнѣ во время командованія моего Тверскимъ драгунскимъ полкомъ, получилъ грудью на полѣ сраженія, и сдѣлалъ пожертвованіе отъ чистаго сердца при жизни и въ цвѣтѣ еще лѣтъ, не прося и не искавъ себѣ никакихъ наградъ».

Глубоко убѣжденный въ высокихъ качествахъ благородной души Великаго Князя, Н. Д. Чертковъ въ немъ одномъ искалъ себѣ нравственнаго успокоенія, «бывъ увѣренъ въ его покровительствѣ». «Видя себя лишеннымъ счастья быть полезнымъ на службѣ Его Императорскаго Величества съ тою ревностью и усердіемъ, которыми я былъ и буду всегда одушевленъ, и послѣ всѣхъ вѣрноподданническихъ порывовъ моей любви къ Государю и Отечеству, потеряннымъ во мнѣніи общемъ, вліяніе котораго въ частной жизни дѣлается мнѣ день ото дня ощутительнѣе, умоляю Ваше Высочество войти въ теперешнее мое положеніе со свойственнымъ Вамъ высокимъ чувствомъ благороднаго Вашего сердца, обратить милостивое вниманіе хотя на первоначальныя мои дѣйствія и, если найдете, что я заслуживаю Вашего и Государя Императора благоволенія, то защитить меня и возстановить во мнѣніи общемъ явною монаршею ко мнѣ милостію и, если Его Величество въ великодушной справедливости своей соизволитъ признавать меня ненедостойнымъ всемилостивѣйшаго своего вниманія, то обнаруженіемъ онаго предъ моими соотчичами да возстановитъ меня милосердый Монархъ во мнѣніи общемъ не только въ успокоеніе личное мнѣ, но и въ примѣръ послѣдователямъ, которые могли бы явиться за мною по призыву пользъ общественныхъ».

Ни въ какой внѣшней «защитѣ» не нуждался Чертковъ; тѣмъ не менѣе для пользы дѣла, которому онъ служилъ, нужны были ему какія либо обнаруженія монаршаго къ нему благоволѣнія, въ которомъ никто не сомнѣвался. Ему нужно было «личное успокоеніе». Такое

успокоеніе, въ силу извѣстнаго направленія, какое получила его дѣятельность, могло быть для него въ болѣе или менѣе *самостоятельной*, никѣмъ не стѣсняемой, работѣ на пользу того заведенія, которому онъ принесъ свое пожертвованіе. Должность члена коммиссіи по устройству корпуса не была принята Чертковымъ, и на его мѣсто въ эту коммиссію назначенъ былъ, по желанію Великаго Князя Михаила Павловича, состоящій по арміи, полковникъ и кавалеръ Михаилъ Михаиловичъ Вендорфъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ подобной же комиссіи по устройству Орловскаго-Бахтина Кадетскаго корпуса.

14 Сентября 1837 года, въ присутствіи Великаго Князя Михаила Павловича, состоялась закладка зданій Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго корпуса. Первый камень для основанія корпуса положенъ былъ Антоніемъ, архіепископомъ Воронежскимъ, «благословившимъ корпусъ на путь чести и добра» (Ворон. Губ. Вѣдом. 1845 г. № 46, 1846 г. № 46). Во время пребыванія Великаго Князя въ Воронежѣ Николай Дмитріевичъ, «въ присутствіи представителей Воронежскаго дворянста и по ихъ приглашенію, испрашивалъ ходатайства Его Высочества о ускореніи первоначальнаго открытія Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго корпуса въ одномъ изъ зданій Воронежа, уже готовомъ, независимо отъ зданія вновь для корпуса возводимаго»; но послѣ того, какъ подобная просьба Черткова разъ уже была отклонена Государемъ Императоромъ, Его Высочество «не призналъ удобнымъ всеподданнѣйше ходатайствовать объ этомъ».

Мы уже говорили, что дворянство Воронежское ничуть не ослабляло своего высокаго мнѣнія о Николаѣ Дмитріевичѣ. Закладка зданія какъ будто сблизила дворянъ съ главнымъ виновникомъ заведенія. Порывы искренней благодарности къ нему искали соотвѣтственнаго выраженія. «1837 года 25 Октября (сказано въ постановленіи Воронежскаго дворянскаго собранія) дворянство Воронежской губерніи, бывшее въ собраніи для своихъ выборовъ, стремясь о засвидѣтельствованіи чувствъ благодарности г. г.-м. Черткову за высокій подвигъ его, ознаменованный приношеніемъ огромной жертвы на учрежденіе въ г. Воронежѣ Кадетскаго корпуса, положили: просить исходатайствованія высочайшаго Его Императорскаго Высочества соизволенія о воздаяніи г. г.-м. Черткову всѣхъ тѣхъ почестей, какими благодарность наша къ нему могла бы сообразно величію его подвига въ полной мѣрѣ выразиться, а именно поднести ему общій отъ дворянства благодарственный адресъ и выгравировать его портретъ съ приличною надписью, дабы не только одни дворяне Воронежской губерніи, но и другіе, въ полной мѣрѣ цѣнящіе достодолжные подвиги согражданъ своихъ, были въ возможности имѣть всегда у себя изображеніе истинно

Русскаго патріота; выгравированную же доску, по вытѣсненіи нужнаго числа экземпляровъ, передать въ свое время для сохраненія въ Михайловскомъ Кадетскомъ корпусѣ, о чемъ и предоставить войти съ представленіемъ его превосходительству нашему г. губернскому предводителю дворянства». Вслѣдъ за тѣмъ дворянство «единогласнымъ приговоромъ» обратилось къ Николаю Дмитріевичу съ просьбою «повторить предъ Его Высочествомъ ходатайство о скорѣйшемъ призрѣніи малолѣтнихъ дворянъ Воронежской губерніи».

Для этого Чертковъ просилъ Великаго Князя объ исходатайствованіи высочайшаго соизволенія, чтобы «изъ пожертвованія его предоставить ему право на помѣщеніе впредъ до настоящаго открытія въ Воронежѣ корпуса, ежегодно, по нѣскольку молодыхъ дворянъ въ кадеты Московскаго, Тульскаго и предпочтительнѣе Тамбовскаго кадетскихъ корпусовъ, для содержанія таковыхъ процентами съ капитала, остающагося за нимъ по 1841 годъ пятисотъ тысячъ рублей съ тѣмъ, чтобы капиталъ сей былъ внесенъ имъ сполна въ вышеозначенномъ году». На это 28 Декабря 1837 изъявлено согласіе, но «безъ дозволенія воспитанникамъ носить особый мундиръ». Николаю Дмитріевичу открывалась опредѣленная и вполнѣ самостоятельная дѣятельность по завѣдыванію избраніемъ и размѣщеніемъ малолѣтнихъ дворянъ въ намѣченные имъ корпуса. Въ скоромъ времени ему поручена была ревизія Тульскаго и Тамбовскаго кадетскихъ корпусовъ, успѣшно имъ выполненная.

Между тѣмъ послѣдовало высочайшее соизволеніе Государя Императора на поднесеніе Н. Д. Черткову адреса, отъ Воронежскаго дворянства и выгравированіе его портрета съ приличною надписью.

Подобнаго рода единодушное выраженіе искренней признательности дворянства не могло не подѣйствовать успокоительно на Николая Дмитріевича. Быть можетъ, въ Воронежѣ, какъ и въ Петербургѣ, были «люди завистливые и недоброжелательные» къ Черткову, но теперь они для него какъ бы не существовали. Онъ спокойно предался дѣятельности по устройству своихъ пансіонеровъ, число которыхъ къ 1842 году возрасло до 40, исполняя въ тоже время порученія, высочайше на него возлагаемыя по военно-учебнымъ заведеніямъ.

16 Августа 1844 года высочайше утверждено было, примѣрно на два года, «Положеніе о Михайловскомъ Воронежскомъ Кадетскомъ корпусѣ съ неранжированною онаго ротою, составляемою Тамбовскимъ Кадетскимъ корпусомъ». Директоромъ новаго корпуса, по предложенію Н. Д. Черткова, назначенъ былъ родственникъ его, дежурный штабъ-офицеръ резервнаго кавалерійскаго корпуса полковникъ А. Д. Винтуловъ, а Черткову предоставлена почетная должность попечителя.

8 Ноября 1845 года состоялось, наконецъ, торжественное открытіе корпуса. Главному виновнику торжества оказаны были всевозможныя почести. Въ день открытія корпуса начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній г.-м. Ростовцовъ, за четыре дня предъ тѣмъ прибывшій въ Воронежъ, директоръ корпуса, другіе чины и всѣ воспитанники, а также Воронежскій военный губернаторъ, начальникъ 1-й драгунской дивизіи, Курскій губернскій предводитель дворянства, губернскій и всѣ уѣздные предводители дворянства и депутаты Воронежской губерніи, всѣ генералы въ Воронежѣ находящіеся, всѣ чины управленія, военные и гражданскіе чины и прочіе дворяне Воронежской и другихъ губерній отправились всѣ вмѣстѣ къ попечителю Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго корпуса привѣтствовать его съ наступившимъ великимъ днемъ [8]). Въ тоже время прибылъ къ нему изъ С.-Петербурга фельдъегерь съ орденомъ Св. Анны 1-й ст. и съ письмомъ отъ Великаго Князя Михаила Павловича, въ которомъ Его Высочество поздравлялъ Николая Дмитріевича съ монаршею милостію и удостоивалъ выраженія своей къ нему всегдашней благодарности.

По окончаніи торжественнаго богослуженія въ корпусной церкви, когда всѣ посѣтители вошли въ корпусную залу, Воронежскій градскій голова Молоцкой съ купечествомъ поднесъ отъ имени Воронежскихъ гражданъ Николаю Дмитріевичу на серебряномъ блюдѣ поздравительную хлѣбъ-соль. Чертковъ отклонилъ отъ себя это приношеніе, сказавши, что оно подобаетъ корпусу, и передалъ хлѣбъ-соль директору корпуса А. Д. Винтулову.

Обширная (въ два свѣта) корпусная зала была украшена между прочимъ и портретомъ Н. Д. Черткова, выгравированнымъ по приговору дворянства съ надписью. Портретъ этотъ поставленъ былъ у подножія большаго во весь ростъ портрета Государя Императора, помѣщеннаго на значительномъ возвышеніи. Съ обѣихъ сторонъ портрета Черткова были расположены гербы земли Войска Донскаго, Кавказской области [9]) и губерній Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Саратовской, къ корпусу приписанныхъ; всѣ онѣ соединялись гербомъ фамиліи Черткова. За обѣдомъ, конечно, особый тостъ провозглашенъ былъ за Николая Дмитріевича.

9 Ноября послѣ молебствія начались уроки въ Корпусѣ; но дворянство и всѣ прибывшіе къ открытію Корпуса продолжали торжество-

---

[8]) У Н. Д. Черткова былъ свой домъ въ Воронежѣ, недалеко отъ корпуса, на углу Лѣсной и Садовой у. Нынѣ этотъ домъ принадлежитъ учителю Кадетскаго корпуса Л. С. Герстъ.

[9]) Кавказъ не сдѣлалъ никакихъ пожертвованій на Корпусъ. Малолѣтнихъ дворянъ Кавказа предположено было воспитывать въ Воронежскомъ корпусѣ на счетъ правительства.

вать. 11 Ноября данъ былъ послѣдній блистательный балъ, по случаю открытія Корпуса, устроенный Николаемъ Дмитріевичемъ въ новой корпусной залѣ, на которомъ находилось болѣе 400 особъ. Дѣти Корпуса, по желанію Черткова, танцовали съ малолѣтними дочерьми почетнѣйшихъ гостей. Кадеты своевременно оставили собраніе, балъ же продолжался далеко за полночь.

*

«Воронежскія Губернскія Вѣдомости» 1852 года въ такихъ выраженіяхъ извѣщали своихъ читателей о кончинѣ Н. Д. Черткова.

«На дняхъ получили мы горестное извѣстіе изъ Петербурга о кончинѣ всѣми уважаемаго, незабвеннаго для насъ генералъ-лейтенанта Николая Дмитріева Черткова, попечителя имъ сооруженнаго Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго корпуса. Вѣсть о смерти столь щедраго благотворителя бѣдныхъ сиротъ, великодушнаго сѣятеля неоцѣненнаго для государства блага, образованія юношества, глубоко тронула сердца какъ облагодѣтельствованныхъ имъ родителей, для которыхъ онъ былъ ангеломъ-утѣшителемъ, подающимъ руку помощи, такъ и дѣтей, которымъ онъ далъ средство содѣлаться достойными сынами отечества. Нѣтъ надобности распространяться о чрезвычайной важности сдѣланнаго покойнымъ Николаемъ Дмитріевичемъ добра; оно такъ велико и всякому понятно, что никакая похвала не придастъ ему еще большаго значенія. Стоитъ лишь взглянуть на величественное зданіе Корпуса, этотъ безмолвный памятникъ благотворительности усопшаго, чтобы вспомнить о виновникѣ его построенія и въ глубинѣ души своей сознать всю цѣну сдѣланнаго имъ благодѣянія. Какой памятникъ можетъ быть величественнѣе и долговѣчнѣе чистой любви благородныхъ сердецъ тѣхъ юношей, кому благотворительность Черткова дала способы озарить свой умъ науками, образовать сердце ученіемъ нравственности, узнать цѣну просвѣщенія и наслаждаться жизнью образованнаго человѣка! Кромѣ того, что основаніемъ въ Воронежѣ Кадетскаго корпуса Чертковъ далъ возможность дворянству не только этой губерніи, но и другихъ смежныхъ, имѣть легкій способъ воспитывать дѣтей, онъ собственнымъ капиталомъ обезпечилъ еще содержаніе въ Корпусѣ семидесяти бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей [10]). Такіе великіе подвиги высокой христіанской добродѣтели достойны безсмертія, и имя Николая Дмитріевича Черткова всегда будетъ упоминаться съ искреннею, непритворною благодарностью въ грядущихъ поколѣніяхъ. Намъ, свидѣтелямъ его благотворительности, остается только оросить слезами умиленія могилу его, помолиться, чтобы Творецъ Небесный даровалъ ему по смерти ту отраду, которую усопшій при жизни проливалъ въ сердца людей и которая не изсякнетъ даже послѣ его кончины».

---

[10]) Пансіонеры г.-л. Черткова содержались на проценты съ капитала въ 1.500.000 рублей ассигнаціями.

Николай Дмитріевичъ скончался въ Петербургѣ, 14 Ноября 1852 года въ 3½ часа пополудни, послѣ кратковременной болѣзни [11]). Онъ погребенъ въ Духовской церкви Александро-Невской лавры.

Послѣднимъ даромъ Николая Дмитріевича Михайловскому корпусу были пожертвованные имъ въ 1852 году для экзаменнаго зала Корпуса портреты Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, главнаго начальника и Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича и двѣ мраморныя доски, съ означеніемъ на одной—времени основанія Корпуса, а на другой—времени посѣщенія, которымъ удостоилъ сей Корпусъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ.

—

Память о Н. Д. Чертковѣ живетъ и будетъ жить въ Михайловскомъ Воронежскомъ Кадетскомъ корпусѣ. Пансіонеры, поступающіе въ Корпусъ на проценты съ капитала, пожертвованнаго Чертковымъ, называются пансіонерами его имени, что́ высочайше повелѣно было обозначить какъ въ спискахъ Корпуса, такъ и на изголовныхъ кроватныхъ билетахъ кадетъ. (Приказъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній 6 Іюня 1845 г. № 631). Празднуя въ 1870 году двадцатипятилѣтіе Корпуса, чины его соорудили, по подпискѣ, большой въ золоченой рамѣ портретъ Николая Дмитріевича. Портретъ же, гравированный Уткинымъ, имѣется во всѣхъ ротахъ Корпуса и въ лазаретѣ. Всѣмъ вступающимъ въ Михайловскій Воронежскій Кадетскій корпусъ возвѣщаетъ о Чертковѣ его бюстъ [12]), помѣщенный на главной площадкѣ Корпуса противъ входа, съ надписью:

«Дворянинъ Воронежской губерніи генералъ-маіоръ Николай Дмитріевичъ Чертковъ пожертвовалъ въ 1836 г. 1½ милліона р. ассигн. и 1.000 душъ крестьянъ на основаніе въ г. Воронежѣ Кадетскаго корпуса, съ просьбою наименовать его Михайловскимъ, въ честь Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича».

Покойный Государь Императоръ Александръ Александровичъ, въ 1887 г., прочитавъ эту надпись, говорятъ, замѣтилъ: «порядочный кушъ!», а потомъ, посмотрѣвъ на изображеніе Черткова и обращаясь къ окружавшимъ его, произнесъ: «Вотъ истинно Русскій дворянинъ!»

Священникъ **Стефанъ Звѣревъ.**

Воронежъ, 1 Іюля 1895 г.

---

[11]) „В. Г. В." 1852 г. № 48. „Мѣстная хроника", статья П. Малыхина.

[12]) Сооруженъ по подпискѣ чинами Корпуса и другими лицами, при открытіи Ко́рпуса.

КЪ БІОГРАФІИ ГРАФА ЛАНЖЕРОНА.

Въ Октябрьскомъ выпускѣ „Русскаго Архива" сего года приведены весьма интересныя выдержки изъ Записокъ графа Александра Ѳедоровича Ланжерона, сподвижника Екатерины, Павла и Александра I. Но въ предпосланныхъ біографическихъ свѣдѣніяхъ о немъ встрѣчаются нѣкоторыя неточности, особенно касающіяся службы его въ Оренбургскомъ краѣ. Такъ, напримѣръ, на стр. 147, между прочимъ, сказано: „Бывшій гвардеецъ Людовика XVI-го опредѣлился къ намъ въ *Сибирскій гренадерскій* полкъ. Въ 1797 году онъ произведенъ *въ генералъ-лейтенанты* и назначенъ начальникомъ Оренбургской, а черезъ два года Брестъ-Литовской инспекціи".

Это не вѣрно.

Въ высочайшемъ рескриптѣ на имя Оренбургскаго военнаго губернатора генерала-отъ-инфантеріи барона Игельстрома, отъ 20 Мая 1797 года, изъ Янишекъ, о назначеніи графа Ланжерона сказано такъ:

„Уфимскаго мушкатернаго полку шефъ, генералъ-маіоръ Богдановъ, за неприбытіе до сихъ поръ къ полку, изъ службы исключается, а на мѣсто его опредѣляется въ *оный* полкъ [1]) шефомъ *графъ Ланжеронъ*".

Но въ полкъ этотъ гр. Ланжеронъ былъ назначенъ не въ чинѣ генералъ-лейтенанта, а лишь въ чинѣ *генералъ-маіора*, что подтверждается слѣдующимъ рескриптомъ императора Павла, отъ 3 Ноября 1797 года, изъ Гатчины:

„Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи и Оренбургскій военный губернаторъ, баронъ Игельстромъ. Полученное мною изъ Гумани отъ бывшаго Польскаго поручика Боржека прошеніе съ жалобою на *генералъ-маіора* и Уфимскаго мушкатернаго полку шефа Ланжерона, за похищеніе жены его, при семъ въ оригиналѣ съ переводомъ препровождаю на ваше разсмотрѣніе. Пребываю вамъ благосклонный Павелъ".

---

[1]) Полкъ этотъ стоялъ въ г. Уфѣ.

Конечно здѣсь не мѣсто разсказывать курьезную исторію похищенія этого, разрѣшенную потомъ однимъ мановеніемъ державной и энергичной руки императора Павла, который выразился въ рескриптѣ барону Игельстрому, отъ 1 Февраля 1798 г., немногими, но знаменательными и вѣскими словами: „Вслѣдствіе донесенія вашего (т. е. Игельстрома) о разбирательствѣ просьбы поручика Боржска на генералъ-маіора Ланжерона, *оное дѣло оставить такъ*". Но этотъ послѣдній рескриптъ показываетъ, что прежде поступленія графа Ланжерона на службу въ Оренбургскій край, онъ, очевидно, служилъ еще въ Польшѣ или, наконецъ, въ Малороссіи. Это всего болѣе подтверждается двумя какимъ-то образомъ уцѣлѣвшими въ мѣстныхъ архивахъ документами, не лишенными интереса не только съ бытовой стороны, но и какъ характеристика той канцелярской путаницы, которая была въ дѣлахъ былаго времени. Помимо того, документы эти даютъ нѣкоторыя дополненія къ біографіи графа Ланжерона, поэтому считаемъ нелишнимъ привести ихъ здѣсь вполнѣ.

Первый документъ—письмо отъ генерала прокурора Обольянинова къ генералу Игельштрому, а другой—записка Провіантской Экспедиціи. Вотъ они:

„Милостивый государь Осипъ Андреевичъ!

Вслѣдствіе почтеннѣйшаго отношенія вашего высокопревосходительства отъ 24 минувшаго Апрѣля касательно почитаемой генералъ-маіоромъ графомъ Ланжерономъ по командованію Малороссійскимъ гренадерскимъ полкомъ на Провіантскомъ Департаментѣ претензіи, имѣю честь препроводить при семъ учиненную изъ дѣлъ, въ Провіантской Экспедиціи имѣющихся, о той претензіи записку. Изъ оной ваше высокопревосходительство усмотрѣть изволите, что заплата слѣдующихъ означенному полку за 795 годъ по разсчетамъ Меджибужской главной провіантской коммиссіи достальныхъ денегъ 2789 рублей 88 копѣекъ, по неимѣнію въ Провіантскомъ Департаментѣ на удовлетвореніе таковыхъ долговъ суммы, въ разсужденіи, что оная въ то время поступила прямо въ диспозицію начальствующихъ войсками, предоставлена на разсмотрѣніе Государственной Военной Коллегіи, отъ которой и зависитъ рѣшительное о томъ постановленіе. По разсчетамъ же Кіевской коммиссіи за 796 годъ, хотя сверхъ того особо причитается къ выдачѣ 4750 рублей $30^1/_2$ копѣекъ; но поелику и сіи деньги должны быть заплачены не прежде какъ по полученіи на учиненное отъ Провіантской Экспедиціи въ Военную Коллегію представленіе, повелѣно ли будетъ удовлетворять тѣ претензіи, которыя полки имѣютъ въ издержкахъ сверхъ установленныхъ цѣнъ отъ главнокомандующаго тогда войсками покойнаго генералъ-фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго, почему до полученія таковаго разрѣшенія сколь ни усердно бы желалъ я по уваженію изъясненныхъ вашимъ высокопревосходительствомъ обстоятельствъ графа Ланжерона и пріемлемаго вами въ томъ участія оказать ему Ланжерону какое либо съ моей стороны пособіе; однакожъ не имѣю ни малѣйшей къ тому возможности. Когда же разрѣшеніе отъ Коллегіи получено будетъ, въ то время съ особливымъ удоволь-

ствіемъ готовъ употребить мое стараніе о скорѣйшемъ учиненіи зависящаго со стороны Провіантскаго Департамента исполненія. Но при томъ долгомъ поставляю донести вашему высокопревосходительству, что такъ какъ господинъ генералъ-маіоръ Ланжеронъ не представилъ въ принадлежности ему оной претензіи надлежащаго отъ Малороссійскаго гренадерскаго полку свидѣтельства: то безъ сего, ежели и разрѣшеніе отъ Военной Коллегіи послѣдуетъ о заплатѣ, по узаконенному порядку деньги ему выданы быть не могутъ, а отосланы будутъ въ полкъ Малороссійской гренадерской, такъ какъ по дѣламъ провіантскимъ оная претензія почитается слѣдующею собственно тому полку, а не графу Ланжерону.

Въ прочемъ имѣю честь быть съ отличнымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію вашего высокопревосходительства милостиваго государя всепокорнѣйшій слуга Петръ Обольяниновъ.

№ 590
Маія 15 дня 1798 года.
С.-Петербургъ.

Его высокопревосходительству барону Игельстрому.

Второй документъ, приложенный къ этому письму, озаглавленъ такъ:

„*Записка* учиненная Государственной Военной Коллегіи въ Провіантской экспедиціи, о претензіи почитаемой на Провіантскомъ Департаментѣ Малороссійскимъ гренадерскимъ полкомъ, коей требуетъ въ отпускъ себѣ командовавшій онымъ нынѣшній Уфимскаго мушкетерскаго полку шефъ генералъ-маіоръ и кавалеръ графъ Ланжеронъ, однакожъ на принадлежность ея ему свидѣтельства не представилъ, Маія 13 дня 1798 года“.

По разсчету бывшей въ Меджибожѣ главной провіантской коммиссіи значитъ, за покупной въ 795 году провіанта и фуража причитается къ отпуску по справочнымъ учтеннымъ коммиссіею цѣнамъ 2789 р. 88 к.; да непринятыхъ на счетъ казны по превосходству оныхъ цѣнъ 320 руб. $4^3/_4$ коп. И о выплатѣ подлежащихъ къ отпуску 2789 р. 88 к. представлено Государственной Военной Коллегіи, поелику удовлетвореніе за тотъ годъ суммою зависитъ изъ денегъ, состоящихъ въ распоряженіяхъ главнокомандующихъ войсками, коимъ на превышеніе сверхъ-штатныхъ цѣнъ сумма была отпускаема какъ и на сей полкъ покойному генералъ фельдмаршалу графу Румянцову, но какое во удовлетвореніе рѣшеніе въ коллегіи послѣдовало, въ экспедиціи свѣдѣнія нѣтъ.

А за 796 годъ по присланному отъ Кіевскаго депо провіантской коммиссіи разсчету показано, что полку оному слѣдуемыя по установленнымъ цѣнамъ деньги сполна уже выплачены; а сверхъ оныхъ по справочнымъ цѣнамъ хотя и причитается въ отпускъ—4750 р. $30^1/_2$, но не имѣетъ экспе-

диція на представленіе, сдѣланное въ Военную Коллегію повелѣно ль будетъ учинить удовлетвореніе по справочнымъ цѣнамъ противу установленныхъ вообще всѣмъ войскамъ подъ начальствомъ фельдмаршала графа Румянцова состоящимъ, такъ какъ онъ по окончаніи фуражнаго продовольствія установленіе сдѣлалъ.

Резолюція. Хотя же по полковымъ вѣдомостямъ выходитъ за 796-й годъ претензія 9372 р. 88$^{3}/_{4}$ к., но противу цѣнъ справочныхъ начтено передачи 4607 р. 69$^{1}/_{4}$ к., да поступившіе въ Генварѣ мѣсяцѣ отъ кадета Лукина 14 р. 89 к., обращены имъ за 795 годъ, кои въ тотъ разсчетъ не полагались, и потому за исключеніемъ оныхъ денегъ будетъ сумма сходственно какъ выше показывается къ допуску только 4750 р. 30$^{1}/_{2}$ к. А съ чего графъ Ланжеронъ насчитываетъ претензіи 14000 р., что видно изъ отношенія господина генерала-отъ-инфантеріи и кавалера барона Игельстрома, въ экспедиціи провіантской не извѣстно. Провіантмейстеръ Гармоновъ .

Чѣмъ кончился „разсчетъ" этого начета, изъ дѣлъ Оренбургскихъ архивовъ не видно. Но надо думать, что онъ нисколько не помѣшалъ служебной карьерѣ графа Ланжерона, если онъ и впослѣдствіи занималъ видныя должности. Изъ вышеприведеннаго только слѣдуетъ, что графъ Александръ Ѳедоровичъ „опредѣлился къ намъ" не въ Сибирскій гренадерскій, а въ *Малороссійскій* полкъ, гдѣ, очевидно, пробылъ лишь 1795 и 1796 годы, будучи (какъ мы указали выше) въ Маѣ слѣдующаго года назначенъ *шефомъ* Уфимскаго полка, а не начальникомъ Оренбургской инспекціи, коимъ въ это время, какъ главный начальникъ края, былъ баронъ Игельстромъ (съ Декабря 1796 до половины 1798 г.), шефами же полковъ именовались просто командиры ихъ, которые назначались и выше генералъ-маіорскаго чина, какъ напримѣръ баронъ Игельстромъ, шефъ Рыльскаго (пѣхотнаго) мушкатерскаго полка *), но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ былъ и командующимъ „Оренбургскою девизіею".

Графъ Ланжеронъ, какъ видно по рескриптамъ, и въ 1798 году не былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Должно быть, производство это состоялось въ слѣдующемъ году, при назначеніи его въ Брестъ-Литовскъ.

П. Юдинъ.

*) Это первый полкъ (по счету) въ составѣ Оренбургской дивизіи, который имѣлъ „штабъ-квартиру" въ г. Оренбургѣ.

LIVRE D'OR DES SOUVERAINS, PAR H. HIORT LORENZEN.

Статскій совѣтникъ Датской службы Гіортъ Лоренценъ издалъ въ этомъ году въ Парижѣ на Французскомъ языкѣ, въ формѣ Готскаго альманаха, Золотую Книгу владѣтельныхъ лицъ. Въ книжкѣ четыре отдѣла: въ 1-мъ перечислены всѣ императоры, короли и князья-владѣтели съ начала нынѣшняго вѣка до настоящаго времени; во 2-мъ помѣщены родословныя росписи 25 домовъ, занимающихъ нынѣ престолы; въ 3-мъ росписи бывшихъ владѣтельныхъ домовъ, императорскихъ, королевскихъ и княжескихъ медіатизированныхъ, и наконецъ въ 4-мъ собраны свѣдѣнія о бракахъ морганатическихъ и не признанныхъ и происшедшихъ отъ этихъ браковъ дѣтяхъ, незаконныхъ и узаконенныхъ. Послѣдній отдѣлъ конечно наиболѣе курьезный, по своей новизнѣ, потому что свѣдѣнія эти до сихъ поръ не были еще сгруппированы, и ни въ одномъ альманахѣ не опубликованы.

Датскій генеалогъ упоминаетъ и о Русскихъ родахъ и лицахъ, происшедшихъ отъ внѣ-брачныхъ союзовъ; но свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, не отличаются точностью, нѣкоторыя перепутаны, а другія приведены безъ достаточнаго основанія. Еслибы Г. Лоренценъ справился съ Русскими источниками, напр. съ изданными Департаментомъ Герольдіи „Списками титулованныхъ родовъ и лицъ", то онъ увидалъ бы, что баронъ Алексѣй Андреевичъ Пасхинъ былъ воспитанникъ д. т. с. Тутолмина... Матерью Семена Великаго и Мароы Мусиной-Юрьевой онъ называетъ также совершенно неправильно Софію Степановну Ушакову (р. 1746+1803), которой въ 1801 г., въ годъ рожденія Мусиной-Юрьевой, было уже 55 лѣтъ!

Любопытно, что большинство приведенныхъ Лоренценомъ незаконныхъ дѣтей потомства послѣ себя не оставило, а многіе роды прекратились на второмъ колѣнѣ.

К. Г.

ПО ПОВОДУ ВОСЬМИСОТЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ГОРОДА РЯЗАНИ *).

Основанiе города Рязани или Переяславля Рязанскаго, какъ онъ прежде назывался, по времени почти совпадаетъ съ началомъ самаго Рязанскаго княжества, какъ одной изъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ Русскихъ земель. А потому восьмисотлѣтiе, которое мы собрались здѣсь праздновать, равно относится и къ городу, и къ цѣлому краю.

Рязанскiй край, въ настоящее время принадлежащiй къ центральнымъ мѣстностямъ Европейской Россiи, когда-то составлялъ ея юговосточную окрайну и долгое время служилъ Русскимъ оплотомъ со стороны юговосточныхъ степей съ ихъ хищными кочевыми ордами. Вообще при суровыхъ и трудныхъ условiяхъ водворялась здѣсь Славянская и христiанская культура, на Финской почвѣ, вдали отъ главныхъ просвѣтительныхъ средоточiй древней Руси. Тѣмъ съ бо́льшимъ уваженiемъ мы должны вспоминать заслуги важнѣйшихъ историческихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ. Между ними особенно выдвигаются съ одной стороны Ярославъ Святославичъ, родоначальникъ Муромо-Рязанскаго княжаго дома, и знаменитѣйшiй изъ его потомковъ Олегъ Ивановичъ, а съ другой Арсенiй, первый епископъ Муромо-Рязанской каѳедры, и наиболѣе прославленный изъ его преемниковъ св. Василiй II-й. По всѣмъ признакамъ, трудами именно князя Олега и епископа Василiя главнымъ политическимъ и культурнымъ центромъ даннаго края окончательно сдѣлался Переяславль Рязанскiй на мѣсто Мурома и такъ называемой Старой Рязани. Съ ихъ времени и до конца мѣстной самобытности исторiя Рязанская сосредоточивается преимущественно вокругъ этого центра. А когда миновала политическая самобытность, тотъ же городъ продолжалъ служить административнымъ и вмѣстѣ культурнымъ средоточiемъ края. Слѣдовательно настоящимъ нашимъ празднествомъ мы, по мѣрѣ своихъ средствъ, отдаемъ должное заслугамъ Рязани не только передъ обширною областью, но и передъ общимъ нашимъ отечествомъ Россiей.

---

*) Привѣтственное слово, сказанное въ торжественномъ засѣданiи Рязанской Ученой Архивной Коммиссiи 21 Сентября 1895 года.

Церковной Рязанской каѳедрѣ въ послѣдній періодъ политической самобытности, т. е. въ XV вѣкѣ, принадлежитъ одно славное имя, которое связывало Рязань съ Москвою въ духовномъ отношеніи, а эта связь въ свою очередь подготовляла и единеніе политическое. То былъ св. Іона, епископъ Рязанскій и Муромскій, впослѣдствіи митрополитъ Московскій, родомъ изъ Сѣверной Руси. Онъ много потрудился надъ обращеніемъ въ христіанство языческихъ инородцевъ этого края.

Въ первой четверти XVI столѣтія Рязанская область вошла въ составъ Московскаго государства и, благодаря искусной подготовительной политикѣ Москвы, довольно скоро сплотилась съ нею въ одинъ цѣльный народный организмъ Уже тотчасъ, за низложеніемъ своего послѣдняго князя Ивана Ивановича, Переяславль Рязанскій, имѣя во главѣ мужественнаго Московскаго воеводу Хабара Симскаго, не только отбилъ нападеніе Иванова союзника, Крымскаго хана Магметъ-Гирея, но и остался вѣренъ Москвѣ, не смотря на происки того же князя Ивана, который бѣжалъ во время Магметова нашествія изъ Московскаго заключенія и нѣкоторое время скрывался въ окрестностяхъ Переяславля, за Окою, въ Шумоши, имѣніи мѣстныхъ бояръ Кобяковыхъ (1521 г.). Его попытка воротить себѣ престолъ совсѣмъ не удалась и даже не вызвала никакого движенія со стороны Рязанцевъ *). Сплоченность съ Москвою съ особою наглядностію сказалась въ началѣ XVII вѣка, въ Смутную эпоху, когда Рязанцы явились усердными защитниками и Московскаго государственнаго строя, и цѣлости Русской земли. Извѣстны подвиги знаменитаго Рязанскаго воеводы Прокопія Ляпунова, ставшаго со своими Рязанцами во главѣ перваго всенароднаго ополченія для освобожденія Москвы отъ Поляковъ и сложившаго подъ ней свою буйную голову. Извѣстно также и дѣятельное участіе его современника Рязанскаго архіепископа Ѳеодорита въ великой земской думѣ, умиротворившей Московское государство избраніемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова. Ѳеодоритъ находился и во главѣ торжественнаго посольства, отправленнаго великою думою въ Кострому къ Михаилу и его матери, чтобы бить ему челомъ о принятіи на себя царскаго бремени.

Въ послѣдующее время на Рязанской каѳедрѣ особую историческую извѣстность пріобрѣли два архипастыря: при Алексѣѣ Михайловичѣ архіепископъ Мисаилъ, достойный продолжатель трудовъ святителя Іоны, павшій отъ Мордовской стрѣлы жертвою своей миссіонерской ревности; а при Петрѣ Великомъ митрополитъ Стефанъ Яворскій, родомъ изъ Югозападной Руси, знаменитый духовный писатель, мѣстоблюститель патріаршаго престола и первый президентъ св. Синода.

Въ Петербургско-императорскій періодъ Русской исторіи, т. е. въ теченіе XVIII и XIX столѣтій, Рязанскій край даетъ какъ самому себѣ, такъ

---

*) Подробности этихъ событій см. въ моей „*Исторіи Рязанскаго Княжества*“.

и общему отечеству цѣлые ряды болѣе или менѣе выдающихся дѣятелей на разнообразныхъ поприщахъ, каковы церковь, государственная служба, наука, литература, искусства, сельское хозяйство, торговля, промышленность и т. д. Изъ этой эпохи я не буду приводить именъ по той причинѣ, что она еще не подверглась сколько нибудь систематичной, серьёзной обработкѣ и пока представляется въ видѣ сырого матеріала. Теперь ненужно разыскивать и собирать ихъ имена: этотъ трудъ уже произведенъ и напечатанъ въ изданіяхъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи подъ заглавіемъ „Списокъ именъ замѣчательныхъ дѣятелей и уроженцевъ Рязанскаго края". Признаюсь, такой списокъ возбуждаетъ во мнѣ слѣдующее пожеланіе. Что̀, еслибы какой либо талантливый и достаточно къ тому подготовленный писатель или нѣсколько писателей вмѣстѣ выдѣлили изъ массы лицъ даннаго списка наиболѣе замѣчательныхъ уроженцевъ края и оживили бы ихъ имена хотя бы краткими біографіями и возможно-безпристрастными характеристиками; тогда можно было бы сдѣлать любопытные выводы и дать отвѣтъ на слѣдующій важный вопросъ: какими отличительными чертами надобно отмѣтить духовный или моральный типъ собственно-Рязанскій и какую живую струю внесли Рязанцы въ общественный строй и характеръ всего Русскаго отечества?

До исполненія же этой задачи мы можемъ, на основаніи болѣе или менѣе извѣстныхъ историческихъ данныхъ, только заключать, что Рязанцы принадлежатъ къ Великорусскому типу, составляютъ часть могучаго Великорусскаго племени; но что отъ кореннаго Московскаго населенія они отличаются или отличались если не меньшею даровитостію, то меньшею гибкостію и упругостію, т. е. болѣе жесткими чертами, большею, такъ сказать, прямолинейностію своею духовнаго склада. Во время ихъ самобытности непріязненные имъ Суздальскіе и Московскіе лѣтописцы изображаютъ Рязанцевъ людьми буйными, свирѣпыми и гордыми, легко поддающимися самомнѣнію. Безпристрастный иностранецъ Герберштейнъ замѣчаетъ только, что это народъ отважный и воинственный (gens audacissima bellicosissimaque). Почти тоже повторяетъ другой иностранецъ Кампензе. Если мы провѣримъ такіе отзывы по извѣстнѣйшимъ историческимъ личностямъ, то едва ли найдемъ большое съ ними противорѣчіе. Можно было бы привести достаточно примѣровъ, прежде всего, изъ Рязанскаго княжескаго дома; въ особенности укажу на двухъ типичнѣйшихъ его представителей Глѣба Ростиславича (современника Андрею Боголюбскому) и Олега Ивановича (современника Димитрію Донскому). Укажу также на боярскую семью Басмановыхъ (временъ Ивана Грознаго) и на дворянскую Ляпуновыхъ (въ Смутную эпоху). Разумѣется, мы беремъ наиболѣе рѣзкія, основныя черты типа. Въ послѣдующіе вѣка съ успѣхами общественности и образованности эти черты должны несомнѣнно смягчаться и подвергаться разнообразной обработкѣ, при чемъ дерзость и самомнѣніе обращаются въ энергію и предпріимчивость, упрямство

въ устойчивость, грубость въ прямодушіе и тому подобныя болѣе или менѣе хорошія черты.

Возвращаясь къ настоящему празднеству, я долженъ отдать справедливость современному поколѣнію мѣстной интеллигенціи за то, что она наглядно доказываетъ уваженіе къ исторіи своей области и къ памяти своихъ предковъ добросовѣстными историческими трудами и розысканіями. На этомъ поприщѣ главное мѣсто принадлежитъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, которая, не смотря на свое короткое существованіе, успѣла ознаменовать себя цѣлымъ рядомъ весьма полезныхъ детальныхъ работъ, съ разныхъ сторонъ освѣщающихъ историческое прошлое ея родного края. Не только историческая, но и доисторическая эпоха въ этихъ трудахъ получаетъ свое право гражданства. Такъ очень любопытны данныя, которыя были добыты раскопками, недавно произведенными подъ самою Рязанью, около селенія Борки. Масса предметовъ, найденныхъ тамъ и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ, свидѣтельствуетъ, что берега средней Оки уже въ доисторическій періодъ имѣли довольно значительное населеніе, обладавшее степенью культуры далеко не первобытной. Когда наука съ достаточною полнотою разработаетъ эти открытія, тогда и такъ называемый доисторическій періодъ сдѣлается почти историческмъ, т. е. исторія края отодвинется въ глубь вѣковъ. Я увѣренъ что и начало здѣсь Славяно-русской колонизаціи и самое начало нашего города-юбиляра придется пріурочивать не къ XI вѣку, а къ эпохѣ гораздо болѣе ранней.

Мнѣ остается отъ искренняго сердца привѣтствовать достоуважаемое собраніе, по поводу его настоящаго прекраснаго торжества, и пожелать всему Рязанскому краю дальнѣйшаго преуспѣянія на всѣхъ поприщахъ гражданственности. Принадлежа этому краю по своему рожденію, а этому городу по своему воспитанію и начальному общественному служенію, я счастливъ тѣмъ, что на склонѣ моихъ дней Богъ привелъ мнѣ принять участіе въ вашемъ историческомъ праздникѣ, ударить челомъ Рязанскимъ святынямъ и памятникамъ и съ высоты Рязанскаго кремля еще разъ полюбоваться широкимъ раздольемъ Приокской равнины.

Д. Иловайскій.

*

Праздникъ Рязанскаго восьмисотлѣтія, на которомъ довелось быть и пишущему эти строки (воспитаннику Благороднаго Пансіона при тамошней Гимназіи въ 1841—1847 годахъ) отличался, при всей своей торжественности и значеніи, рѣдкою у насъ въ такихъ случаяхъ простотою и искренностью. Это было торжество, можно сказать, общенародное. На историческую площадь Рязанскаго кремля стекались люди всѣхъ сословій и возрастовъ. Мы видѣли богомольныхъ крестьянъ и крестьянокъ, даже въ лаптяхъ, въ старинномъ мѣстномъ, но очевидно праздничномъ, одѣяніи. Нѣкоторые

изъ нихъ пришли наканунѣ и, отслушавъ всенощную съ акаѳистомъ св. Василію, тутъ же на землѣ и ночевали. Никакой особенной пышности, и все какъ-то празднично. Оба дня, 21 и 22 Сентября, стояла теплая и ясная погода. Эти крестные ходы изо всѣхъ церквей, древнія иконы и хоругви, стройное богослуженіе въ старинномъ соборѣ, торжественное молебствіе съ пушечными выстрѣлами на открытомъ пространствѣ передъ тремя соборами и Олеговымъ дворцомъ, пестрыя и въ тоже время чинныя волны народа, производили впечатлѣніе незабываемое. Засѣданіе Ученой Архивной Комиссіи въ прекрасной и просторной залѣ Дворянскаго собранія посвящено было исторіи Рязани и Рязанскаго княжества; тутъ воскресали въ памяти протекшія судьбы самостоятельной Рязани и ея князей въ борьбѣ съ Татарами, Литвою и Москвою.

До поздней ночи улицы Рязани, украшенныя зеленью и изображеніями князя Олега Ивановача (котораго Екатерина Великая цомѣстила въ губернскій гербъ Рязани) были полны народомъ. На другой день, въ той же залѣ, собрались ученики и ученицы обѣихъ гимназій, семинаріи и женскаго народнаго училища: пѣніе, игра на фортепьянахъ, на скрипкѣ, на арфѣ и чтеніе стиховъ. Одинъ мальчикъ, читавшій очень выразительно и осмысленно, оказался правнукомъ славнаго Московскаго лицедѣя Мочалова, исторгавшаго нѣкогда слезы восторга у людей нашего поколѣнія. Мы лично съ благодарнымъ чувствомъ переносились мыслію ко днямъ нашего отрочества и первой молодости, когда Рязанская Гимназія славилась такими преподавателями какъ Я. П. Алешинскій, Г. Я. Аппельротъ, Е. Е. Егоровъ, А. Г. Крастелевъ, С. Н. Мацѣевскій.

Праздникъ заключился чтеніемъ милостивой телеграммы Государя, ободряющей насъ въ трудѣ историческаго народнаго самосознанія.

Рязань и Рязанцы благодарны за эти прекрасные дни просвѣщенному и неутомимому предсѣдателю своей Ученой Архивной Комиссіи и губернатору Николаю Семеновичу Брянчанинову (потомку того Бренка, который доблестно участвовалъ въ Куликовской битвѣ).

Петръ Бартеневъ.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ОТВѢТУ НА ВОПРОСЪ XVII-й.

(„Русскій Архивъ" вып. 9-й, стр. 128).

Въ отвѣтѣ на мой вопросъ о происхожденіи Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина высказано предположеніе, что онъ родился въ промежутокъ времени между смертью царицы М. И. Милославской и женитьбою паря Алексѣя Михаиловича на Н. К. Нарышкиной, т. е. между 1669 и 1671 годами. Но подобное предположеніе невозможно. Во-первыхъ, въ 1680 году Иванъ Алексѣевичъ уже былъ женатъ на М. Т. Савеловой; во-вторыхъ, въ 1683 г. онъ значится окольничимъ [1]); не мого же онъ получить это званіе, если бы ему тогда было въ то время всего 13—14 лѣтъ.

Родъ „Мусиныхъ-Пушкиныхъ" существуетъ съ XV или XVI ст. и есть отрасль рода *Пушкиныхъ*, происходящаго отъ „мужа честна Ратши", которой выѣхалъ изъ Нѣмецъ во дни великаго князя Александра Ярославича Невскаго и сдѣлался родоначальникомъ многихъ дворянскихъ родовъ [2]).

Въ Родословной Пушкиныхъ (родъ Свибловыхъ), напечатанной въ 10-мъ т. „Временника", на 105 стр. между прочимъ читаемъ: „А у другово Григорьева сына Пушкина у Василья Улиты дѣти: Григорій бездѣтенъ, да Тимофей, а у Тимофея Васильевича дѣти: Михайло *Муса*"... Этотъ Муса и есть родональникъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ.

Л. М. Савеловъ.

---

[1]) Дворц. Разр. IV, 232.

[2]) Это ничѣмъ недоказанное происхожденіе вошло и въ Общій Гербовникъ, который, какъ это ни странно для подобнаго изданія, наполненъ всевозможными легендами и вымыслами; особенно же выдѣляются своею фантастичностью роды, происшедшіе отъ „случайныхъ людей" XVIII столѣтія, которое ими изобиловало. Л. С.

*

Сочувственно привѣтствуемъ возникновеніе новаго историческаго общества, уставъ котораго утвержденъ 14 Октября сего года. Оно называется *Обществомъ ревнителей Русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра Третьяго* и предначертано въ широкихъ размѣрахъ. Богъ въ помощь этому новому союзу во имя здравой Русской науки и народнаго самосознанія. П. Б.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Въ рескриптахъ императора Александра Павловича на имя сенатора Козадавлева по случаю свирѣпствовавшей въ Саратовской губерніи заразы („Русскій Архивъ" 1895, в. 10-й) точно не указано названія болѣзни, такъ сильно распространившейся, что для прекращенія ея приходилось посылать наставленія и инструкціи съ высоты престола. Неутомимый изслѣдователь архивовъ Оренбургскаго края, П. Л Юдинъ, на основаніи высочайшихъ рескриптовъ нѣкоторымъ Поволжскимъ губернаторамъ (Саратовскому Панчулидзеву, Симбирскому князю Хованскому и Воронежскому Сонцову), сообщаетъ, что „заразительная болѣзнь" была желтою лихорадкой, открылась въ Ноябрѣ 1807 года въ селѣ Болыклеяхъ и въ Александровской станицѣ Царицинскаго уѣзда и была занесена на судахъ изъ Астрахани мѣщаниномъ Поляковымъ, котораго за „необъявленіе имъ въ проѣздъ его до Саратова о больныхъ и умершихъ на судахъ его" велѣно было „предать суду и поступить съ нимъ по всей строгости законовъ".

Въ 10-мъ выпускѣ „Русскаго Архива" въ статьѣ: „Отчетъ Археологическаго Института за 1894 — 1895 годъ вкралась ошибка, которую я считаю долгомъ исправить. Въ перечнѣ лицъ, окончившихъ въ нынѣшнемъ году курсъ въ Институтѣ, сказано: дворянинъ Павелъ Петровичъ Михайловъ и губернскій секретарь Нагорновъ, *кончившій курсъ въ 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ*; между тѣмъ, какъ я, Нагорновъ, въ корпусѣ не былъ; кончилъ же курсъ 1-го Кадетскаго корпуса *Павелъ Петровичъ Михайловъ*, послѣ котораго слѣдуетъ моя фамилія.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ВЪ ЖУРНАЛАХЪ НЕ-ИСТОРИЧЕСКИХЪ.

Созерцаніе краткое лѣтъ 7190—1792 (1682—1684) Селиверста Медвѣдева. Изданіе И. Козловскаго. „Кіевскія Университетскія Извѣстія". Сентябрь.

Антоній Радивиловскій. М. Марковскаго. „Кіевскія Университетскія Извѣстіи". Сентябрь.

Глава шестая посвящена изслѣдованію языка Радивиловскаго, извѣстнаго Южно-Русскаго проповѣдника XVII вѣка.

В. И. Курдиновскій. Губныя учрежденія Московскаго государства. „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія". Октябрь.

Губныя учрежденія—одна изъ мѣръ въ борьбѣ правительства съ великимъ общественнымъ зломъ, разбоемъ, были введены въ Московскомъ государствѣ 23 Октября 1539 года. Вопросу, какъ возникли эти учрежденія и какъ этотъ институтъ самоуправленія съ системою круговой поруки измѣнялся и пришелъ въ упадокъ, посвящается эта еще не оконченная статья.

Н. Д. Чечулинъ. Замѣтка о внѣшней политикѣ Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. „Журналъ Министерства Народнагго Просвѣщенія". Октябрь.

Пользуясь главнымъ образомъ матеріалами, помѣщенными въ Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества, авторъ указываетъ, что Русская политика съ восшествія на престолъ Екатерины начала преслѣдовать Русскіе интересы и перестала подчиняться зависимости отъ какой либо иностранной державы. Эта забота о выгодахъ Россіи составляетъ характерную черту правленія Екатерины. „Сѣверная система" вовсе не есть доказательство „доктринерства въ политикѣ" графа Н. И. Панина, какъ утверждаетъ г-нъ Мартсенсъ; это утвержденіе объясняется тѣмъ, что не обращено было вниманія на депеши графа Панина, помѣщенныя въ XXII т. Сборника. Проектъ былъ вызванъ потребностью времени, и когда обстоятельства измѣнились, графъ Панинъ прекратилъ всякіе переговоры о „Сѣверной системѣ".

Совершенно неосновательно мнѣніе, будто графъ Панинъ находился подъ вліяніемъ Прусскаго двора: дѣло съ посланникомъ Рексиномъ, Польскія дѣла 1767 года показываютъ совершенно обратное; во всякомъ случаѣ сознательно графъ Панинъ никогда не подчинялся проискамъ Фридриха Великаго. Еще болѣе ложно мнѣніе, широко распространенное въ литературѣ, что Екатерина враждовала съ графомъ Панинымъ и „страстно любила интриги". Внимательное изученіе источниковъ свидѣтельствуетъ о равнодушіи Екатерины къ интригамъ и о полномъ довѣріи ея къ своему министру. Разсказы о заговорѣ Панинымъ въ 70-хъ годахъ суть чистнѣйшій вымыселъ. Въ заключеніе своей любопытной статьи почтенный авторъ даетъ характеристику графа Панина: онъ является типомъ настоящаго дипломата неподкупной честности и правдивости, достойнымъ ученикомъ Бестужева въ умѣньи блюсти интересы Россіи. Онъ возвеличилъ международное значеніе своей родины. „Навсегда останется заслугой Екатерины и Панина, что

усилія Русскаго народа были направлены такъ, что принесли огромную пользу Россіи". Такому положительному отношенію къ изучаемому предмету, при обширномъ знаніи его, мы искренно сочувствуемъ.

Пушкинъ. Историческое его значеніе' его сверстники. Статья А. Н. Пыпина. „Вѣстникъ Европы" Октябрь.

Пушкинъ въ литературной жизни Россіи завершилъ старый періодъ, для послѣдующихъ поколѣній сдалъ его въ архивъ, геніально извлекъ изъ прошедшаго всю здоровую и цѣнную сущность его стремленій, тѣмъ устранилъ его исторически и повелъ дѣло дальше, поставивъ сознательно новыя задачи для литературы.

Благодаря Куницыну и бесѣдамъ съ Чаадаевымъ открылась для Пушкина новая сторона поэзіи: общественный интересъ, вольнолюбивыя мечты, скорбь о народномъ рабствѣ и прославленіе свободы. Эти вопросы его никогда не покидали, но онъ въ нихъ всегда колебался; такое же колебаніе замѣтно и въ религіозныхъ вопросахъ.

Въ дѣлѣ критики Пушкинъ являлся предшественникомъ Бѣлинскаго.

Замѣчанія о вліяніи Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова весьма основательны. Русскому романтизму и вліянію Байрона посвящено нѣсколько страницъ.

Широкое знакомство съ предметомъ не позволяетъ г. Пыпину ставить Пушкину въ упрекъ его приверженность къ консерватизму, и онъ только сожалѣетъ, что геніальному поэту былъ неясенъ прискорбный смыслъ общественнаго индеферентизма.

Письма гр. А. К. Толстаго къ друзьямъ. „Вѣстникъ Европы". Октябрь.

Рядъ весьма любопытныхъ писемъ (къ Б. М. Маркевичу), касающихся главнымъ образомъ вопросовъ литературныхъ. Авторъ защищаетъ отъ упрековъ критики и объясняетъ „Іоанна Дамаскина" и „Донъ-Жуана". По поводу „Князя Серебрянаго" и своихъ балладъ онъ съ ожесточеніемъ высказывается противъ *отвратительной* Москвы *и собиранія Русской земли.* „Когда пишетъ онъ, я думаю о красотѣ, нашей исторіи до проклятыхъ Монголовъ и отвратительной Москвы, которая болѣе позорна, чѣмъ они, мнѣ хочется броситься и кататься по землѣ отъ отчаянія: что́ мы сдѣлали съ дарами, которые далъ намъ Богъ!

Въ письмѣ XIX-мъ авторъ полемизизируетъ по поводу Польскаго вопроса; все зло онъ находитъ въ томъ, что смѣшиваютъ государство съ національностями.

Особенно любопытны письма о Донъ-Жуанѣ.

Е. Шмурло. Востокъ и Западъ въ Русской исторіи. „Ученыя Записки Юрьевскаго Университета", 3-й выпускъ. Россіи пришлось переживать двѣ исторіи, Европейскую и Азіатскую; Русскимъ неустанно приходилось биться съ кочевымъ Востокомъ. Авторъ рѣшительно не понимаетъ значенія этой борьбы и видитъ въ ней лишь препятствіе къ „культурному прогрессу". Теоріи Западниковъ и Славянофиловъ отживаютъ свой вѣкъ, а съ нимъ дѣленіе на Европу и Россію, замѣчаетъ профессоръ. Въ реформахъ Петра было упущено лишь одно: забыли справиться съ исторіею своего народа. Необходимо, воспринимая западныя идеи, не забывать историческихъ условій, въ какихъ сложился духовный образъ Русскаго человѣка. Авторъ заявляетъ, что начало концу школьнаго періода положено освобожденіемъ крестьянъ, но для успѣшной дѣятельности на поприщѣ національной самобытности надо пребывать въ тѣсномъ общеніи съ родственнымъ Западомъ.

встрѣча. Съ тѣхъ поръ онъ не говоритъ ни слова, хотя я и много разъ съ нимъ встрѣчался. Не знаю, прочиталъ ли онъ все; но весьма надѣюсь, что прочтетъ. Напоминать ему нельзя; надобно оставить все на волю его здраваго ума и его сердца. Я понимаю твое нетерпѣніе, и оно мучитъ меня; но не имѣю способа помочь намъ. И лучше надобно видѣть положеніе дѣла такъ, какъ оно есть, нежели тревожить себя ожиданіемъ несбыточнаго. Вотъ что̀ мнѣ говорятъ: «Н(иколай) не можетъ быть иначе оправданъ, какъ судомъ. Какой же судъ можетъ уничтожить приговоръ верховнаго суда? Надобно, чтобы для уничтоженія этого приговора былъ наряженъ такой же точно судъ, а чтобы приговоръ могъ быть уничтоженъ, надобно, чтобы братъ явился передъ судомъ и опровергнулъ показанія на очной ставкѣ съ обвинителями. Но главныхъ обвинителей нѣтъ на свѣтѣ; обвиненія же Пестеля и Рылѣева (это слова Д(а)шкова) не опровергнуты въ рукописи Н(иколая). Показаніе Пестеля было только не *подтверждено* двумя, но оно ими не было *отвергнуто*; все остается обвиненіе въ томъ, что Н(иколай) присутствовалъ на совѣщаніи. Отсутствіе же по показанію Рылѣева также не доказано Н(иколаемъ); ибо нѣтъ нигдѣ, чтобы *Торсонъ*[*]) *былъ принятъ въ 1825 году*». (Я старался найти это мѣсто въ Донесеніи Коммиссіи и не нашелъ. Выпиши его мнѣ. Напрасно оно не было приведено въ оправданіи). «Итакъ остается одно несомнѣнное изъ самаго дѣла, что судъ приговорилъ Н(иколая) къ бо́льшему наказанію. Но судъ принялъ неявку за главное доказательство преступленія, и на это есть у насъ законъ».—Вотъ что̀ я слышу. Теперь вопросъ: Что́ мнѣ дѣлать? Что́ отвѣчать Г(осударю), ес(ли) спроситъ: *чего желаетъ Н*(иколай)? Могу ли сказать: *суда*? Кто же долженъ судить? И съ кѣмъ должна быть очная ставка? Могу ли просить, чтобы безъ всякаго суда основаться на одномъ письменномъ оправданіи, и не требуя, чтобы Н(иколай) явился, признать написанное имъ за полное опроверженіе всѣхъ показаній, и уничтожить приговоръ суда верховнаго? Для меня его оправданіе совершенно убѣдительно; но для меня: ибо я знаю характеръ его и вѣрю здѣсь своему внутреннему чувству. Можно ли ожидать этого отъ Г(осударя)? Итакъ Г(осударь) по одному письменному оправданію не уничтожитъ приговора; а новаго суда, если бы и хотѣли, наряжать нельзя, ибо гдѣ обвинители? Что́ же остается? Доказавъ, что наказаніе выше преступленія (что́ возможно, ибо это очевидно), просить милости. Захочетъ ли Н(иколай) просить милости, чувствуя себя вполнѣ невиннымъ? А это одно, чего просить можно, по мнѣн(ію) Д(ашкова) и Спер(анскаго).—Вотъ résumé того, что̀ говорили мнѣ искренно желающіе добра Н(иколаю). Съ той минуты, въ которую я прочиталъ его письмо, моя вѣра въ него не поколебалась; но могу ли я эту вѣру передать тѣмъ, кто долженъ судить его, и можно ли надѣяться, чтобы они ее имѣли? Я сдѣлалъ все, что̀ было въ моей власти. Въ дополненіе могу только продолжать

---

[*]) Декабристъ Торсонъ былъ флота капитанъ-лейтенантъ и адъютантъ начальника Морскаго Штаба.

утверждать на словахъ то, чему вѣрю въ сердцѣ; но ты понимаешь, что мое убѣжденіе не можетъ имѣть никакого вѣса. Обстоятельства непобѣдимы. Намъ остается одно надежное: сердце Государя. Надобно дать ему свободу. Но самъ суди: могу ли что-нибудь ускорить, и чтò ускорить? Это письмо огорчитъ тебя; но я долженъ былъ написать его, ибо надобно видѣть вещи такъ, какъ онѣ есть. Признаюсь, съ самаго пріѣзда моего сюда, надежда, которую имѣли мы вмѣстѣ, упала совершенно. Мы надѣялись того, чего желали, основывая надежду свою на нашей сердечной вѣрѣ. Здѣсь, въ виду обстоятельствъ, эта надежда исчезаетъ. Отвѣчай мнѣ на этотъ вопросъ: *чего требовать отъ Государя?* Но отвѣчай опредѣленно, не стараясь ни въ чемъ убѣждать меня, ибо мнѣ убѣжденіе ни въ чемъ не нужно: я его имѣю.

Прошу тебя заплатить за меня Варе по счету моему съ нимъ 250? франковъ [3]); я ему долженъ за книги, купленныя для себя. Здѣсь я перешлю деньги къ Жихареву; онъ доставитъ ихъ тебѣ съ первою посылкою денегъ. Я уже писалъ къ тебѣ съ прошедшею почтою [4]), что Жихаревъ знаетъ о недоставленіи тебѣ послѣдняго транспорта денегъ. Это не должно тебя безпокоить. Онъ самъ расположилъ посылки такимъ образомъ, чтобы послѣднее посылалось всегда по увѣдомленіи, что первое получено. Это мѣра осторожности. Я здоровъ; но не знаю, удержится ли? Боюсь самъ тревоги, чтобъ она не произвела старой.—Возьми съ Варе росписку. Скажи ему, что послѣдній транспортъ книгъ Великому Князю полученъ. Какъ хочетъ онъ, чтобы была уплата, по истеченіи ли года за всѣ посылки, или при всякой посылкѣ?

CXLV.

21 Марта (1828, Петербургъ).

Посылаю тебѣ, мой милый другъ, письмо Жихарева. Я давно уже послалъ тебѣ одно. Не знаю, получилъ ли его ты. Мое послѣднее письмо, вѣрно, тебя огорчило. Боюсь этого и грущу. Опять повторяю; надежды у меня немного, но ты увѣренъ и безъ меня, что я не упущу случая благопріятнаго. Мнѣ кажется, что мы поспѣшили. Надлежало бы выждать; но то, чтò сдѣлано, не повредило, я въ этомъ увѣренъ. Оно заронило доброе сѣмя. Когда будетъ отъ него какой-нибудь плодъ, не знаю. Знаю только то, что я своего не пропущу. Въ настоящую же минуту надобно просто терпѣть, ибо нѣтъ никакой возможности что-нибудь сдѣлать.

Теперь слово о твоемъ пребываніи въ Лондонѣ. На чтò ты рѣшился? Неужели хочешь навсегда остаться въ Лондонѣ? Но будетъ ли это по сердцу брата? Смотри, другъ, не прибавь къ его бѣдѣ чего-нибудь новаго. Будь остороженъ! Чтобы онъ не уѣхалъ въ Америку!

---

[3]) Вопросительный знакъ поставленъ самимъ Жуковскимъ.

[4]) Этого письма Жуковскаго не сохранилось въ его бумагахъ, поступившихъ въ Императорскую Публичную Библіотеку.

*

Тебѣ надобно не только его беречь, но и себя для него. Не надобно разрывать съ Россіею. Это пригодится для брата. Мнѣ кажется, что со временемъ надобно будетъ тебѣ сюда возвратиться. La glâce est rompue [1]). Ты можешь, если мнѣ не удастся, сдѣлаться адвокатомъ за брата передъ Государемъ. Эта роль тебѣ прилична. И такъ не дѣлай никакого неосторожнаго шага, чтобы не положить преграды твоему сюда возвращенію. Ты напрасно не показывался къ послу. Этимъ брата тебѣ оскорбить нельзя; но тебѣ самому необходимо нужно сохранить всѣ приличія. Прости. Я спѣшу отправлять письмо. Буду писать къ тебѣ по почтѣ. Это поѣдетъ съ курьеромъ. Посылаю «Сѣверные Цвѣты». Обнимаю Николая. Надѣюсь скоро увидѣться съ Жихаревымъ. Онъ сбирается въ Петербургъ.

CXLVI.

6 (18) Апрѣля (1828. Петербургъ).

Наконецъ ты получилъ мои письма, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя. Кажется, ты не упоминаешь о томъ, которое было къ тебѣ писано прямо въ Лондонъ, безъ адреса, съ надписью Poste Office. Ему бы, кажется, не слѣдовало пропадать. Одного ты совсѣмъ не получишь, какъ я думаю, или получишь, но не скоро. Оно отправлено съ курьеромъ, и я, въ недоумѣніи отъ того, что̀ дѣлалось съ письмами, которыя, казалось, пропадали, адресовалъ его на имя Горчакова, предполагая, что Горчаковъ въ Лондонѣ; а Горчаковъ въ Римѣ [1]). Это письмо пойдетъ къ нему въ Римъ. Напиши къ князю Гагарину [2]), чтобы доставилъ, ибо я послалъ «Сѣверные Цвѣты». Петръ Александровичъ Лихачевъ собирается въ чужіе края и, вѣроятно, будетъ въ Лондонѣ; съ нимъ пришлю что̀ будетъ можно изъ книгъ. Насчетъ писемъ и всего, посланнаго тобою мнѣ, не безпокойся: все получено. Что̀ надобно было послать Жихареву, отослалъ; Вяземскому также. Книги же, тобою посланныя изъ Дрездена и Парижа съ кипами разныхъ бумагъ, хранятся у меня въ порядкѣ и, конечно, не пропадутъ. У меня теперь мѣста довольно.

Наконецъ ты знаешь, что̀ мною сдѣлано. Но мнѣ тяжело то, что это сдѣланное даетъ тебѣ какую-то излишнюю надежду, которая тебя тревожитъ. У меня, напротивъ (должно говорить прямо), нѣтъ надежды, по крайней мѣрѣ надежды на то, что̀ казалось намъ такъ простымъ, когда мы были вмѣстѣ и смотрѣли на наше дѣло глазами нашего сердечнаго желанія и нашего собственнаго убѣжденія. Во первыхъ, скажу, что и благоразуміе, и собственно польза нашего дѣла, и мнѣніе на-

---

[1]) Дѣло пошло въ ходъ.

[1]) Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ (впослѣдствіи канцлеръ), бывшій первымъ секретаремъ посольства въ Лондонѣ, былъ переведенъ на такую же должность въ Римъ.

[2]) Князю Григорію Ивановичу Гагарину, посланнику въ Римѣ, сотоварищу Жуковскаго и Тургенева по Московскому Благородному Пансіону.

16*

шихъ общихъ друзей совѣтуютъ мнѣ ничего не дѣлать болѣе того, что̀ мною уже сдѣлано, то-есть оставить все на произволъ самого Государя; ничего нельзя прибавить къ тому, что̀ сказано самимъ братомъ; убѣждать же безполезно: его умъ и сердце сами скажутъ ему, что̀ дѣлать. Но, и при самомъ лучшемъ расположенiи въ пользу брата, что̀ можетъ онъ сдѣлать? Сказать: «*вижу изъ оправданія, что есть много вѣроятностей въ пользу невинности; согласенъ, чтобы все было разсмотрѣно снова особенною коммиссіею; пускай онъ явится къ отвѣту*». Безъ суда же, заочно, по одной бумагѣ, оправданія ожидать нельзя. Для этого нужно Государю имѣть твое и мое убѣжденіе, котораго онъ никогда имѣть не будетъ. Но и въ такомъ случаѣ едва ли бы можно было миновать суда. Это могло бы быть только тогда, когда бы онъ, прочитавъ, убѣдился въ томъ, въ чемъ мы съ тобою убѣждены совершенно. Но я еще не знаю, прочиталъ ли онъ. Мнѣ не сказалъ онъ ни слова. Вѣроятно прочтены имъ таблицы. Вотъ единственное слово, мною отъ него слышанное. На другой день послѣ того, какъ бумага брата была отдана съ моимъ письмомъ и съ письмомъ гр(афини) Р(азумовской), я съ нимъ встрѣтился. Увидя меня, онъ сказалъ: «я прочиталъ *маленькое*; но, признаюсь, не убѣжденъ». Я не успѣлъ сказать ему ни слова; онъ шелъ скоро къ Государынѣ, и съ тѣхъ поръ я не имѣлъ случая коснуться этой матеріи. Но что̀ разумѣлъ онъ подъ словомъ *маленькое*—письмо ли Разумовской, или таблицу брата,—не знаю, и нѣтъ средства выйти изъ этого недоумѣнія. Я не могу сказать ничего сильнѣе сказаннаго въ бумагѣ брата; моему же убѣжденію не повѣрятъ. И что̀ бы я ни сказалъ, благопріятнѣйшій отвѣтъ все былъ бы одинъ: пускай явится къ суду и оправдывается самъ. Я увѣренъ только въ одномъ, что я непремѣнно воспользуюсь первымъ благопріятнымъ случаемъ, который представится. Но какой случай представится и когда представится, этого сказать тебѣ не сумѣю. Дѣйствовать опрометчиво, presser les choses [3]), было бы не только безполезно, но и вредно. То, что̀ ты мнѣ велишь сказать кн. Г. [4]), доказываетъ мнѣ только то, что ты самъ былъ бы худой ходатай за брата. Какъ могу все это сказать ему? И какая можетъ быть отъ этого польза? Я бы только вооружилъ его противъ брата. Дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы мнѣ что-нибудь *сказать*, а въ томъ, чтобы *сдѣлать* полезное. Къ этому теперь не вижу средства. Думаю, что *сдѣланное* положило какое-нибудь хорошее основаніе для будущаго. Лучшее же, чего ожидать можно, можетъ быть только то, *что онъ будетъ имѣть со временемъ свободу жить въ Европѣ, гдѣ захочетъ*. Для возвращенія въ Россію нужно законное, всенародное оправданіе. Прощенія желать ему нельзя. Оправданія же по одной моей бумагѣ, и въ отсутствіи, безъ суда, онъ не получитъ. Таково общее мнѣніе всѣхъ, кто принимаетъ живое въ немъ участіе. Мнѣ неизъяснимо тяжело все это писать къ тебѣ, но я не долженъ ласкать тебя несбыточнымъ. Надобно смотрѣть на обстоятельства во всѣ глаза и видѣть то, что̀ есть.

---

[3]) Т. е. Ускорять ходъ дѣла.

[4]) Князю А. Н. Голицыну, черезъ котораго Жуковскому довелось много сдѣлать добра. П. Б.

Ни въ какой власти побѣдить эти обстоятельства. Надобно только стараться, чтобы они не побѣдили нашей твердости. То, что ты пишешь о положеніи нравственномъ Н(иколая), меня весьма смущаетъ, хотя я и ставлю многое на счетъ твоего собственнаго характера и воображенія. Все думаю, что братъ гораздо скорѣе бы сладилъ съ собою, будучи одинъ, нежели будучи съ тобою. Твое безпокойство объ немъ нарушаетъ его покой душевный. Будучи съ тобою розно, онъ къ тебѣ писалъ, и писалъ много; говоря о себѣ и о братѣ, онъ облегчалъ душу, а выговаривая чувства свои, онъ ихъ объяснялъ, приводилъ въ порядокъ; будучи же съ тобою, онъ молчитъ, все въ немъ тѣснится, все его душу сжимаетъ, и это бремя часъ отъ часу увеличивается. Можетъ присоединиться къ этому и та мысль, что ты осудилъ себя для него на разлуку съ отечествомъ; такая мысль можетъ со временемъ быть главнымъ его несчастіемъ. Со своимъ незаслуженнымъ онъ сладитъ; но какъ сладить съ твоимъ, въ которомъ единственно себя обвинять будетъ? И я, и наши друзья думаемъ, что тебѣ черезъ нѣсколько времени надобно будетъ возвратиться. Твое присутствіе здѣсь могло бы быть истинно полезнымъ брату. Теперь ты можешь оставаться. Г(осударь) ѣдетъ въ концѣ Апрѣля [5]). Въ теперешнихъ обстоятельствахъ, при той безднѣ занятій, которая обременяетъ его, было бы совершенно безразсчетно стараться обратить его вниманіе на наше дѣло. Но по возвращеніи онъ будетъ свободнѣе, и тогда обстоятельства сами могутъ подать намъ помощь. Повторяю одно: благопріятнымъ случаемъ воспользуюсь.

Окончу это письмо нѣсколькими здѣшними извѣстіями. Г(осударь) ѣдетъ въ концѣ Апрѣля; Государыня слѣдуетъ за нимъ и будетъ жить въ Одессѣ; съ нею поѣдетъ Великая Княжна Марія Николаевна. Стурдза [6]) здѣсь, вошелъ опять въ службу, ѣдетъ съ дипломатами за Государемъ. Дашковъ также. Местеръ (?) [7]) бѣдная въ большомъ горѣ: мѣсяца три тому назадъ она потеряла сестру; а на Святой недѣлѣ умеръ ея мужъ. Она въ весьма худыхъ обстоятельствахъ. Если можно будетъ, что-нибудь для нея сдѣлаемъ. Козлова я вижу довольно рѣдко: нѣтъ времени. Вяземскій еще здѣсь; проживетъ до свадьбы Катеньки [8]); но когда будетъ свадьба, неизвѣстно: женихъ боленъ. Послѣднее извѣстіе, полученное мною отъ Саши, не такъ удовлетворительно, какъ прежнія. Кровохарканье возвращается. Штофрегенъ однакоже насчетъ этого кровохарканія не робѣетъ. Онъ говоритъ, что оно весьма было для нея спасительнымъ отводомъ. Вотъ сокращенно все. Ничего нѣтъ такого, что бы стоило описанія. Моя жизнь однообразна, хотя очень занята. Иначе и быть не должно. Я бы желалъ, чтобы ты занялся составленіемъ каталога лучшихъ Англійскихъ книгъ для насъ [9]) во всѣхъ

---

[5]) Государь уѣхалъ изъ Царскаго Села къ дѣйствующей арміи противъ Турціи 26 Апрѣля 1828 года.

[6]) Извѣстный писатель и дипломатъ А. С. Стурдза (р. 1791 † 1854).

[7]) Фамилія написана крайне неразборчиво. Ср. ниже, въ письмѣ CLII.

[8]) Е. Н. Карамзиной.

[9]) При преподаваніи Цесаревичу Александру Николаевичу.

родахъ съ означеніемъ цѣнъ. Не худо бы завести съ кѣмъ корреспонденцію. Поищи полнаго экземпляра Annual Register.

CXLVII.

2 (14) Сентября (1828, Петербургъ).

Милой братъ, я давно не писалъ къ тебѣ. Это вина, которой не думаю снять съ себя, ибо я виноватъ. Но по крайней мѣрѣ виноватъ не сердцемъ, а только своею несчастною привычкою откладывать письма, какъ скоро есть дѣло. А у меня скопилось множество работы по моимъ грамматическимъ лекціямъ, и я отложилъ всякую переписку до тѣхъ поръ, пока не кончилъ одной части своей работы. Мысль о томъ, что не пишу къ тебѣ, лежала однако, какъ бремя, на душѣ моей. Думалъ о тебѣ, гдѣ ты, что̀ ты, и все не писалъ. Думаю однако, что это время прошло для тебя если не пріятнымъ образомъ, то по крайней мѣрѣ дѣятельно. Ты много видѣлъ, а ты умѣешь видѣть. Что́ было бы для тебя путешествіе, когда бы судьба не разбила насиліемъ твоей здѣшней жизни? Какъ много прошло по душѣ твоей и сколько слѣдовъ въ ней осталось! Но (въ сторону счастіе!) никогда жизнь твоя не бывала столь богата высокимъ, никогда не испыталъ ты столько въ школѣ любви. Когда думаю о тебѣ, то возвышаюсь душею и ни съ кѣмъ изъ моихъ близкихъ тебя не сравниваю: Богъ считаетъ только богатства души; а твоя душа въ это время собрала много сокровищъ, и ты, потерявъ съ одной стороны такъ много, еще болѣе выигралъ съ другой. Изъ всѣхъ насъ твоя участь, можетъ быть, самая возвышенная. Мы похоронили Сергѣя, и онъ оставилъ тебѣ, послѣ тѣхъ страданій, которыя ты имѣлъ объ немъ, высокое, чистое воспоминаніе о его жизни и постоянную любовь къ мертвому. Любовь къ Николаю есть освѣщеніе твоей жизни Я бы желалъ только одного: болѣе твердаго, спокойнаго взгляда на то, чему перемѣниться не можно, по крайней мѣрѣ въ чемъ нельзя предвидѣть перемѣны. Тревожное ожиданіе это(й) перемѣны не допускаетъ тебя ладить съ твоею судьбою такъ, какъ ты съ нею могъ бы и долженъ сладить. На этотъ счетъ не могу тебя обманывать: по тому ходу, который взяло наше дѣло, я потерялъ всю надежду на какой-нибудь успѣхъ. Знаю только то, что я останусь тебѣ вѣренъ, и что воспользуюсь тѣмъ случаемъ, который мнѣ представится, чтобы дѣйствовать въ твою пользу; но какой можетъ быть этотъ случай, когда онъ представится, этого не знаю. Теперь же пока ни о чемъ думать нельзя: это въ самихъ обстоятельствахъ. Пошли Богъ успѣхъ нашему оружію. Это будетъ и для тебя благотворительно. Я вижу это только vaguement, но что̀ именно, то рѣшить можетъ только минута. Знай только одно, что мое сердце будетъ всегда за тебя бодрствовать. Напиши ко мнѣ, прошу тебя, поскорѣе. Боюсь, чтобы мое молчаніе не оскорбило тебя. Это даже естественно. У тебя сердце болитъ, и ты легко можешь и меня обвинить. Это было бы для меня несчастіемъ, тѣмъ болѣе тяжелымъ, что отчасти я подалъ къ тому поводъ.

Буду ждать съ нетерпѣніемъ письма твоего. Послѣднія твои письма я получилъ. Сапоги готовы; пошлю при случаѣ. Здѣсь Фрейгангъ: отдамъ ему, онъ перешлетъ изъ Лейпцига.

Отъ Саши получаю утѣшительныя письма изъ Женевы. Бонстеттенъ полюбилъ ее и съ нею неразлученъ. Недавно писалъ онъ ко мнѣ объ ней. Письмо 82-лѣтняго старика полно живой молодости.

Вотъ тебѣ нѣкоторыя послѣднія вѣсти о нашихъ дѣлахъ въ Турціи: передъ Варною дѣла идутъ довольно счастливо, хотя рана Меншикова, которая лишила насъ его дѣятельности на всю кампанію, и была великимъ для насъ урономъ. Мѣсто его заступилъ Воронцовъ; а до пріѣзда Воронцова командовалъ корпусомъ нашъ Василій Перовскій, который уже генералъ и кавалеръ Георгія за Анапу. Крѣпость совершенно окружена, и со дня на день ожидаемъ извѣстія о ея взятіи. Это будетъ рѣшительно. Но подъ Шумлою менѣе удачи. Турки дѣлаютъ нападенія и въ послѣднемъ отняли у насъ редутъ и 6 пушекъ и убили генерала Вреде съ друмя или тремя стами солдатъ. Государь возвратился изъ Одессы; гвардія пришла. Развязка скоро будетъ. Что́-то у васъ обо всемъ этомъ толкуютъ въ Англіи? У насъ же нѣтъ ничего замѣчательнаго на сценѣ. Да я и не очень замѣчательно смотрю на нее. Нельзя вести однообразнѣе жизни моей: я по уши въ лекціяхъ, и мысли мои, всегда лѣнивыя, не бродятъ изъ узкаго моего круга; хотя снова принялся за стихи, но и это для моихъ же лекцій. Перевожу для дѣтей своихъ [1]) отрывки изъ Иліады, и уже перевелъ довольно. По незнанію Гомерова языка лажу съ Фоссовымъ шероховатымъ, но вѣрнымъ (переводомъ?); переводя Фосса, заглядываю въ Попе [2]) и дивлюсь, какъ могъ онъ при своемъ поэтическомъ дарованіи такъ мало чувствовать несравненную простоту своего подлинника, котораго совершенно изуродовалъ жеманнымъ своимъ переводомъ. Пушкины [3]) и Батюшковъ съ сестрою возвратились [4]). Отъ первыхъ я еще не имѣю писемъ. Батюшковъ безпрестанно занятъ рисованьемъ. Жихаревъ прислалъ мнѣ одинъ рисунокъ его. Видно, что онъ надъ нимъ трудился, и прилежно [5]). Со временемъ надобно будетъ переселить его въ Петербургъ [6]).—Прости. Жду твоихъ писемъ. Обнимаю всѣмъ сердцемъ Николая. Ж.

CXLVIII.

21 Сентября (1828, Петербургъ).

Милый другъ. Фрейгангъ сію минуту ѣдетъ. Я не успѣлъ написать письма, но посылаю сапоги. Надѣюсь, что онъ ихъ тебѣ вѣрно

---

[1]) Т. е. для Цесаревича Александра Николаевича и Великихъ Княженъ.

[2]) О переводахъ Гомера, сдѣланныхъ Фоссомъ и Попомъ, см. выше въ прим. 21 къ письму XXIV.

[3]) Елена Григорьевна Пушкина съ дочерьми, вернувшаяся изъ Дрездена.

[4]) К. Н. Батюшковъ съ сестрою Александрою Николаевною возвратился въ Россію послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ Зонненштейнѣ, которое не принесло облегченія больному поэту.

[5]) Любовь къ рисованію проявилась у К. Н. Батюшкова еще въ Зонненштейнѣ; см. письмо Д. В. Дашкова къ неизвѣстному, писанное осенью 1828 года, въ Сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, т I, стр. 333 (перваго счета).

[6]) Съ 1828 по 1833 годъ К. Н. Батюшковъ жилъ въ Москвѣ, а въ 1833 году былъ перевезенъ въ Вологду.

*

доставить. Писать же буду по почтѣ. Твое послѣднее письмо изъ Эдинбурга получилъ. Обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ. Жуковскій.

Посылаю три сапога; но, можетъ быть, Фрейгангъ не всѣ возметъ, то получишь одинъ. Другой доставлю послѣ по случаю.

Адресъ: A monsieur Alexandre de Tourgueneff à Londres. Warwik Street Pall-mall-gast № 7.

CXLIX.

28 Декабря (1828, Петербургъ).

Сію минуту услышалъ, что Матусевичъ [1]) черезъ нѣсколько часовъ отправляется въ Лондонъ. Спѣшу сказать съ нимъ тебѣ два слова: я получилъ всѣ твои письма и посылки. Послѣднія кому слѣдуетъ отправилъ. Но на письма твои теперь не отвѣчаю. Я отложилъ и долженъ теперь отложить говорить съ тобою до минуты совершенно свободной. Прошу тебя, милый братъ, на это не сѣтовать. У меня теперь на рукахъ работа, которой оставить не могу и которая меня исключительно занимаетъ. Кончивъ, примусь съ тобою говорить подробно. Теперь Четвергъ, 28 Декабря. Освобождусь не прежде какъ ко второму Воскресенью. Пока посылаю письмо Пушкиной [2]), вчера мною полученное. Твой Никита возвратился больной; теперь выздоровѣлъ. Я далъ ему и денегъ, и платья; но видѣть его не хотѣлъ, ибо сердитъ на него за тебя. Онъ получилъ отъ Жихарева паспортъ.—Александръ Михайловичъ Тургеневъ [3]) здѣсь. Я давалъ ему читать и письмо, и оправданія брата и подарилъ ему его портретъ. Но прости. Этихъ строкъ ты не можешь считать письмомъ. Въ то Воскресенье буду писать много. Прижми къ сердцу безцѣнную руку Николая. Ж.

Получилъ ли ты письмо мое съ стихами [4])? Мнѣ кажется, что нѣкоторыя письма мои затерялись. Твои же получаю исправно. Посылаю тебѣ стихотворенія Козлова и для особеннаго наслажденія сочиненія Муравьева Николая Назарьевича [5]). Полюбуйся и порадуйся.

---

[1]) Графъ Адамъ Ѳаддеевичъ Матушевичъ († 1842), служившій въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и впослѣдствіи бывшій посланникомъ въ Неаполѣ и Стокгольмѣ.

[2]) Елены Григорьевны Пушкиной.

[3]) Александръ Михайловичъ Тургеневъ (р. 1772 † 1863), авторъ извѣстныхъ „Записокъ", печатающихся съ 1885 года въ „Русской Старинѣ". Въ 1828 году онъ былъ назначенъ Казанскимъ губернаторомъ, но пробылъ въ этой должности недолго, такъ какъ 27 Декабря этого же года получилъ мѣсто директора Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (см. біографич. свѣдѣнія объ А. М. Тургеневѣ въ „Русской Старинѣ" 1885 года, Сентябрь, стр. 365—373).

[4]) Это письмо Жуковскаго съ стихами до насъ не дошло.

[5]) Николай Назарьевичъ Муравьевъ (р. 1775 † 1845), бывшій въ то время статсъ-секретаремъ и управляющимъ Собственною Его Величества Канцеляріею, издалъ въ 1828 году три части собранія своихъ сочиненій подъ заглавіемъ „Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновенія" (всего ихъ потомъ вышло 14 частей); въ первой части была помѣщена повѣсть „Всеволодъ и Велеслава", отдѣльно напечатанная еще ранѣе, въ 1807 году (см. замѣтку о жизни и литературной дѣятельности Н. Н. Муравьева въ Сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 628—632).

*

CL.

4 (16) Февраля (1829, Петербургъ).

Спѣшу послать тебѣ письмо Жихарева и Сербиновича [1]). Я замедлилъ послать твои большія письма къ Ж(ихареву) оттого, что хотѣлъ отправить ихъ съ *кѣмъ нибудь*. Но что̀ лежитъ у меня на совѣсти—это твои деньги; по сію пору я не собрался отдать ихъ Штиглицу и къ тебѣ переслать. А онѣ лежатъ у меня въ пакетѣ нетронутыя, кромѣ 200 рубл(ей), которые переслалъ къ Александрѣ Андреевнѣ [2]) по твоему назначенію. Все это оттого, что надобно самому сходить къ Штиглицу и взять вексель. Виноватъ, и грустно оттого, что виноватъ. Теперь прошу тебя только объ одномъ: не дѣлай никакого употребленія изъ записки бр(ата). Этимъ безъ пользы только повредишь своему дѣлу, себѣ и ему. Настоящее ничего намъ не представляетъ, это правда; но будущаго портить не должно. Объ этомъ буду писать къ тебѣ подробнѣе при удобномъ случаѣ. Пиши ко мнѣ болѣе; сообщай мнѣ свои мысли, но прошу тебя, воздержись отъ всякаго могущаго повредить тебѣ дѣйствія; этого требую отъ твоей братской дружбы. Отъ Александры Андреевны имѣю письмо, но не утѣшительное. Силы ея исчезаютъ. Можешь вообразить, какъ тяжело объ ней думать и быть отъ нея далеко. Ѣхать къ ней нельзя и подумать. Надобно ждать въ мучительной неизвѣстности.

CLI.

14 (26) Февраля (1829, Петербургъ).

Милый братъ, отвѣчаю на послѣднее письмо твое, сію минуту узнавъ, что нынче ѣдетъ курьеръ. Одна фраза въ твоемъ письмѣ жестоко огорчила меня. Не думай, чтобы я пенялъ тебѣ за рѣдкость твоихъ писемъ. «Я знаю твои недосуги и *пересталъ бы писать къ тебѣ*» и проч. Что̀ значитъ это? Право, не умѣю объяснить. Какъ тебѣ, милый, пришли въ голову такія слова? Развѣ теперь мы не вдвое должны принадлежать другъ другу; развѣ смерть Сергѣя не произвела меж-

---

[1]) Константинъ Степановичъ Сербиновичъ († 1874) въ это время былъ цензоромъ С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета. Съ 1833 по 1856 годъ онъ былъ редакторомъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія; преимущественно же его административная дѣятельность сосредоточилась въ духовномъ вѣдомствѣ, гдѣ много лѣтъ (съ 1836 по 1859 г.) онъ занималъ должность директора канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода и принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ съ Православною Церковью. Съ А. И. Тургеневымъ Сербиновичъ познакомился въ 1820 году черезъ Н. М. Карамзина и поступилъ тогда на службу подъ начальство Тургенева въ Департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій (см. въ любопытныхъ воспоминаніяхъ Сербиновича о Н. М. Карамзинѣ, напеч. въ „Русской Старинѣ" 1874 года, т. XI, стр. 55) Письма А. И. Тургенева къ Сербиновичу за 1826—1845 гг. напечатаны въ „Русской Старинѣ" 1881 и 1882 годовъ.

[2]) Воейковой.

*

ду нами новаго тѣснѣйшаго братства? Я надѣюсь, что эти слова сорвались съ пера твоего безъ вѣдома твоего сердца. На рѣдкость писемъ моихъ не сердись, но самъ пиши ко мнѣ. Вотъ все. Мнѣ не можетъ быть недосугъ принадлежать тебѣ всѣмъ сердцемъ и болѣе, нежели когда-нибудь. Въ васъ двухъ я вижу для себя образецъ лучшаго человѣческаго. Но ты долженъ извинить рѣдкость писемъ моихъ матеріальнымъ недостаткомъ времени. Всѣ минуты мои взяты. Я долженъ не только быть самъ присутствующимъ на главныхъ лекціяхъ Ве(ликаго) К(нязя), но притомъ и самъ по собственной методѣ передѣлывать эти лекціи. Теперь у меня на рукахъ: исторія, естественная исторія и христіанское ученіе. Изъ трехъ предметовъ надобно составлять одно цѣлое. Желалъ бы, чтобы ты видѣлъ, что́ и какъ я дѣлаю; ты бы и одобрилъ меня, и понялъ, что время все захвачено.—Что́ сказать тебѣ о предпринимаемомъ отъѣздѣ брата въ Америку? Признаюсь, я ожидалъ, что это будетъ. Твое присутствіе, хотя и усладительное для него минутами, вѣрно было для него бременемъ. Я увѣренъ, что онъ упрекалъ себѣ твою судьбу, и величайшимъ доказательствомъ твоей къ нему дружбы будетъ для него твоя твердость въ разлукѣ съ нимъ. Съ этой стороны душа его въ твоей власти. Успокой его рѣшительностію сносить судьбу его такъ, какъ онъ сносить ее хочетъ. Вотъ все, что́ ты для него сдѣлать можешь. За себя и за тебя терпѣть онъ не въ силахъ; съ собою однимъ онъ сладитъ скорѣе. Когда мы читали его письма въ Дрезденѣ и Парижѣ, мы сами возвышались его необыкновенною высокостію, ясностію его понятій о жизни, и мы не обманывались: онъ такъ думалъ, такъ чувствовалъ и выражалъ свои чувства. Его судьба передъ нимъ объяснилась, въ этихъ изліяніяхъ было для него великое облегченіе. Но вы соединились,—эти изліянія кончились; видя тебя подлѣ себя, онъ заперъ свои чувства въ душу; все въ ней стѣснилось и все затмилось. Съ этой стороны твое присутствіе было ему вредно. Онъ болѣе видѣлъ тебя,—мрачныхъ минутъ своихъ скрывать не могъ; а ясныя затмились твоимъ присутствіемъ. Если оставишь его самому себѣ, онъ опять просвѣтлѣетъ; я въ этомъ совершенно убѣжденъ. Но что́ будетъ съ тобою? Милый братъ, ты долженъ ему пожертвовать сладостію быть съ нимъ, долженъ еще принести ему и другую жертву: то-есть долженъ думать о себѣ. Что́ думать? Еще это для меня не ясно. Но съ нѣкотораго времени представляется мнѣ одна мысль. Когда она созрѣетъ, я ее тебѣ сообщу. Надобно еще переговорить съ Дашковымъ, который возвратился, но еще намъ не удалось быть порядочно вмѣстѣ. У меня былъ экзаменъ, на которомъ присутствовалъ самъ Государь. Это заняло цѣлыя двѣ недѣли. Теперь еще другой экзаменъ Великихъ Княженъ займетъ еще недѣлю. Я напишу къ тебѣ.

Но, другъ, у меня другое ужасное бремя на сердцѣ. Страшная развязка, о которой не смѣю думать, но которую надобно было предвидѣть, приближается. Саша очень слаба. Уже сама пишетъ, что ей дурно. Это значитъ, что нѣтъ надежды спасти ее. И письмо Зейдлица [1])

---

[1]) Карлъ Карловичъ Зейдлицъ (авторъ книги „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго"), принималъ близкое участіе въ болѣзни А. А. Воейковой. Въ Апрѣлѣ 1828 года онъ пе-

подтверждаетъ мой страхъ. Въ мысляхъ я уже съ нею простился. Даже теперь не знаю, жива ли она. Скоро узнаю; но каково не знать и ждать! Письма оттуда и туда идутъ почти два мѣсяца. Я готовлюсь занять для дѣтей ея мѣсто. Какъ это сдѣлаемъ, еще не знаю; но ясно для меня то, что имъ надобно быть со мною. Какъ отдать ихъ отцу на жертву! Андрюша отданъ ею въ Женевскій пансіонъ; ему надобно тамъ и остаться. Я точно теперь въ такомъ положеніи, какъ бы самъ готовился оставить землю и перейти въ другую жизнь. Всякая минута кажется минутою ея переселенія. Нашъ здѣшній міръ переходитъ на ту сторону. Все отдѣляется отъ жизни; остается одна строгая должность. Прости.—Виноватъ; по сію пору не собрался послать тебѣ твои деньги. Онѣ лежатъ у меня. 200 послалъ Сашѣ и 120, кажется, истратилъ на сапоги. Получилъ ли ты ихъ? Увѣдомь.

Посмотрю, деньги ли послать, (или) вексель съ курьеромъ.

CLII.

16 (28) Марта (1829, Петербургъ).

Мой милой другъ, можетъ уже ты все знаешь! Если нѣтъ, то плачь вмѣстѣ со мною. Нашъ ангелъ оставилъ насъ. Саши нѣтъ на свѣтѣ. 14 (26) Февраля кончилось. Нѣжнѣйшій товарищъ моей души оторвался отъ нея. Зейдлицъ былъ истиннымъ ея ангеломъ-хранителемъ. Соединившись съ нею въ Гіерѣ, онъ ея не покинулъ до послѣдней минуты ея на свѣтѣ. Онъ былъ ея подпорою въ болѣзни, облегчителемъ ея послѣднихъ минутъ, свидѣтелемъ ея конца, или, лучше сказать, начала ея небесной жизни; онъ и меня сдѣлалъ его свидѣтелемъ. Письмо его было истиннымъ благодѣяніемъ сердцу. Вотъ подробности. Это письмо было первымъ, полученнымъ мною отъ Зейдлица. Въ хорошія минуты ея онъ не писалъ ко мнѣ для того, чтобы не обманывать меня тщетными надеждами, ибо онъ никогда не имѣлъ надежды: она покинула Россію, приговоренная къ смерти; въ худшія минуты онъ также не писалъ, ибо не хотѣлъ мучить заранѣе. Это горько! Это ее лишило средства говорить о себѣ и дѣтяхъ. Смерти не боялась она, видѣла ея приближеніе, ждала ее и сохранила всю ту свѣтлость души, которая въ жизни была ея неизмѣннымъ характеромъ. 4 Февраля получилъ я ея письмо, въ которомъ она довольно ясно намекала о своемъ положеніи. Я къ ней писалъ; но она уже не могла получить письма моего. Но то, чего я страшился за нее, не случилось; я страшился, чтобы ее не мучи(ла) мысль умирать въ чужой землѣ, мысль о сиротствѣ дѣтей. Нѣтъ, она въ смерти видѣла одно небо; въ ея прощаніи съ дѣтьми чувствовалось одно Провидѣніе; приближеніе смерти было для нея тихое откровеніе; покориться судьбѣ своей не стоило ей никакого усилія; милая душа себѣ не измѣнила въ рѣшительную, лучшую минуту земнаго бытія своего. Она перешла въ лучшую жизнь 16 (28) Февраля, въ $7^{3}/_{4}$ часовъ вечера. Сохранила до

ревезъ больную изъ Гіера на лѣто въ Женеву, а на зиму поѣхалъ съ нею въ Пизу (см. Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго, стр. 145).

*

послѣдняго вздоха память и ясность мыслей. По утру потребовала она священника. За нимъ послали въ Ливурну. Въ 9 часовъ утра велѣла она обрѣзать у себя волосы и отдала ихъ Катѣ, чтобы отъ ея имени раздѣлить ихъ между друзьями (и у тебя будутъ), говорила потомъ съ Зейдлицемъ, написала нѣсколько строкъ дрожащею рукою къ матери, къ Воейкову—болѣе не могла, силы измѣнили; но продолжала съ небесною силою говорить о приближающейся смерти. «Ахъ, какъ бы я хотѣла тотчасъ послѣ причащенія кончить жизнь!» Въ 1 часъ пріѣхалъ священникъ. Уже за полчаса до его прибытія велѣла она поставить передъ собою образъ Богоматери. Хлюстина (сестра гр(афа) Ѳ. Толстаго) [1]) читала псалмы. Дѣти и окружающіе слушали на колѣняхъ. Причастяся и особоровавшись масломъ, она отдохнула около получаса; потомъ подозвала дѣтей и долго съ ними говорила о *ихъ* жизни, потомъ благословила ихъ, благословила сына (онъ въ Женевѣ въ пансіонѣ), благословила присутствующихъ и далекихъ—все съ небеснымъ вдохновеніемъ, голосъ былъ звучнѣе, глаза сіяли, она говорила сидя. Кончивъ, она, ослабѣвъ, положила голову на подушку и съ свѣчею въ рукахъ вслухъ прочитала молитву; потомъ все затихло, только дѣти и окружающіе плакали и ждали. Тутъ пробило на башнѣ два часа. «Il est deux heures», сказала она слабымъ голосомъ дѣтямъ, «quand vous entendrez sonner cette heure, souvenez vous toujours de moi et de mes dernières paroles» [2]). Съ этой минуты она затихла и перестала принимать участіе въ окружающемъ ея свѣтѣ; но душа и мысли были свѣтлы. Разъ только она промолвила слово, и то для утѣшенія дѣтей. «Ne croyez pas que je souffre, je suis beaucoup mieux» [3]). И онѣ повѣрили. Уставъ отъ ночи, проведенной надъ нею, обѣ заснули, прислонивъ головы къ ея постелѣ. Пробило 5 часовъ. «Ist das Ende nahe»? спросила она у Зейдлица, «werde ich in zwei Stunden beim Vater sein?» [4]) Отъ времени до времени взглядывала она свѣтлыми глазами на спящихъ дѣтей. «Laissez les dormir jusqu'à demain» [5]). Но для нея уже ни завтра, ни пробужденія на землѣ не должно было быть, и она это знала. Въ половинѣ осьмаго она сказала Зейдлицу: «Couvrez moi, j'ai froid; entendez vous? La parole me devient difficile» [6]). Еще нѣсколько легкихъ дыханій, и чистая душа полетѣла къ Отцу.—Не вся ли ея жизнь въ этихъ послѣднихъ, ясныхъ минутахъ! Безъ ропота, безъ страха, съ свѣтлою, веселою душею встрѣтила она смерть, какъ, бывало, встрѣчала горе. Для нея не было никакого усилія покориться судьбѣ своей; не нужно было съ трудомъ отдѣляться отъ всего милаго земнаго,

---

[1]) Графа Ѳедора Ивановича Толстаго (Американца).

[2]) Т. е. Теперь два часа; когда будетъ бить этотъ часъ, вспоминайте всегда обо мнѣ и о моихъ послѣднихъ словахъ.

[3]) Т. е. Не думайте, что я страдаю; мнѣ гораздо лучше.

[4]) Т. е. Близокъ ли конецъ? Отойду ли я къ Отцу черезъ два часа?

[5]) Т. е. Оставьте ихъ спать до завтра.

[6]) Т. е. Накройте меня; мнѣ холодно. Слышите ли вы? Мнѣ становится трудно говорить.

чтобы перейти мыслію къ Богу и тому свѣту. Эта ясность надежды была всегдашнимъ неизмѣннымъ свойствомъ души ея; это не твердость, не побѣда, а просто чистая природа, къ которой ничто здѣшнее не пристало и которой отдѣлиться отъ всего здѣшняго было такъ легко и даже сладостно. Съ той минуты, въ которую она закрыла глаза, до опущенія въ могилу Зейдлицъ, Лиза и Лизета неотступно были при ней; ночью читали они надъ нею Псалтырь. Зейдлицъ (который когда-то, бывъ студентомъ въ Дерптѣ, занимался столярничествомъ) самъ сдѣлалъ гробъ. Первая столярная работа его была колыбель для Машиной дочери [7]), а послѣдняя гробъ для Саши. Онъ пишетъ: въ бѣломъ платьѣ, подъ бѣлымъ покрываломъ, съ крестомъ въ сложенныхъ рукахъ, казалась она тихо спящею, и съ лица ея не сгладилось выраженіе, полное бывшей души. 16 (28) Февраля положили ее въ гробъ, а на другой день въ 5 часовъ утра повезли въ Ливурну (это было въ Воскресенье) [8]). Дѣти провожали ее, и семейство Местера (?) [9]) и Хлюстина. Около открытаго гроба толпилось множество въ церкви. Потомъ изъ церкви черезъ весь городъ понесли гробъ на кладбище. Поставивъ его на край могилы, пишетъ Зейдлицъ, я открылъ гробъ, чтобы священнику бросить на нее горсть земли. Солнце въ эту минуту проглянуло изъ облака, бросило на нее послѣдній лучъ, освѣтило ее и скрылось; и нѣсколько легкихъ снѣжинокъ упало на ея бѣлое платье; потомъ закрылся гробъ, и она навсегда для земли исчезла.—И для меня навсегда съ нею исчезла самая близкая родная душа. Съ 15-лѣтняго возраста до теперешняго времени была она во всемъ моимъ прелестнымъ товарищемъ. Сперва какъ милой цвѣтущій младенецъ, которымъ глаза любовались въ такое время, когда душа расцвѣтала; потомъ какъ веселая, живая, беззаботная, какъ будто обреченная для лучшаго земнаго счастія, какъ сама ясная надежда. Какъ была она мила въ своей первой молодости! Точно воздушной геній, съ которымъ такъ было весело мнѣ въ моемъ деревенскомъ поэтическомъ уединеніи. Потомъ какъ предметъ заботы и сostраданія, какъ смиренная, но всегда веселая при всемъ своемъ бѣдствіи, жертва Воейкова.—Все это пропало; отъ всего этого осталась послѣдняя минута ея, свѣтлая, возвышающая душу. Передъ этою минутою молчитъ сожалѣніе объ ней. Какъ жалѣть объ ней! Можно сказать, что жизнь къ ней не коснулась; она посреди всего житейскаго прошла чистою, безъ усилія, по одной младенчески непорочной природѣ своей. Зейдлицъ проводитъ дѣтей сначала въ Дерптъ; а потомъ (если можно будетъ это устроить) поселятся двѣ старшія у меня. Меньшая будетъ или у бабушки [10]) или у гр(афини) Толстой. Андрюша останется въ Женевѣ [11]). Тебѣ, можетъ быть, удастся его тамъ увидѣть и объ немъ позаботиться съ своей стороны.

---

7) Для Екатерины Ивановны (въ замужествѣ Елагиной).

8) А. А. Воейкова была похоронена на старомъ Греческомъ кладбищѣ въ Ливорно

9) Фамилія написана не вполнѣ разборчиво.

10) У Екатерины Аѳанасьевны Протасовой.

11) Тоже самое писалъ Жуковскій къ больной А. А. Воейковой отъ 4 Февраля

Прости. На этой же почтѣ пошлется къ тебѣ письмо отъ Жихарева и Вяземскаго. Посылаю наконецъ вексель: изъ 1000 рублей вышло 675; 200 были отосланы къ Сашѣ; 125 заплатилъ за сапоги. Обнимаю брата. Ж.

CLIII.

24 Іюня с(тараго) с(тиля) (1830, Петергофъ).

Очень мнѣ жаль, что Ободовскій [1]) не сказалъ мнѣ за нѣсколько дней о своемъ отъѣздѣ. Я бы успѣлъ и болѣе написать къ тебѣ, милой другъ, и послать тебѣ что-нибудь изъ нашихъ литературныхъ вздоровъ. Но онъ явился ко мнѣ въ Петергофъ въ самую почти минуту переѣзда моего изъ Царскаго Села. Нѣтъ времени даже и написать, ибо сейчасъ иду къ Великому Князю [2]), ждать пріѣзда Государева изъ Варшавы [3]). Могу только сказать въ немногихъ словахъ, что я получилъ два послѣднихъ письма твои въ отвѣтъ на мои. Они меня совершенно успокоили на твой счетъ: вижу, что ты, наконецъ, взглянулъ на судьбу брата съ настоящей точки зрѣнія. Еще болѣе, вижу, что и онъ самъ сталъ въ душѣ спокойнѣе, ибо теперь никакого упрека не лежитъ на немъ. Онъ все готовъ былъ сдѣлать, но обстоятельства непобѣдимы. Благослови Богъ успѣхомъ то, что теперь начато: тогда жизнь его получила бы новый, прекрасный смыслъ; за оградою семейственнаго мирнаго счастія всѣ бы прошлыя бѣды остались ему чуждыми [4]). Но ты напрасно въ письмѣ своемъ какъ будто отъ меня отказываешься: я не вижу никакой причины перемѣнять что-нибудь въ нашихъ сношеніяхъ. Напротивъ, пиши ко мнѣ, и пиши чаще; я буду писать, когда будетъ о чемъ; а тебѣ всегда есть о чемъ: у тебя вся Европа. У меня одна моя учебная комната. Увѣдомляй о братѣ. Но разумѣется обо всемъ, о чемъ до сихъ поръ мы хлопотали, ни слова: это не нужно и можетъ только повредить.

1829 года: „... Не безпокойся объ участи своихъ дѣтей. Мы ихъ усыновляемъ—я, Перовскій и Полина (Толстая). Государыня не забудетъ ихъ, положись на ея сердце. Катя и Саша, надѣюсь, могутъ жить со мною. Я постараюсь найдти надежную особу, которая могла бы наблюдать за ними. Полина можетъ взять на себя заботы о Машѣ. Андрюша долженъ остаться въ Женевѣ; онъ очень хорошо пристроенъ тамъ, гдѣ онъ находится, и будетъ устраненъ отъ отцовскаго вліянія; окончивъ свое первоначальное обученіе, онъ возвратится, и я позабочусь о немъ...“ (см. Зейдлицъ, „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго“, стр. 146—147).

*

[1]) Вѣроятно, Платонъ Григорьевичъ Ободовскій († 1864), бывшій инспекторомъ классовъ въ Екатерининскомъ Институтѣ и писавшій стихи, поэмы и драмы (нѣсколько о немъ свѣдѣній см. въ „Русск. Архивѣ“ 1866 года, стр. 573).

[2]) Цесаревичу Александру Николаевичу.

[3]) Государь Николай Павловичъ 24 Іюня 1830 года вернулся въ Петергофъ изъ Варшавы, гдѣ 16 Мая имъ былъ открытъ, а 16 Іюня закрытъ, четвертый сеймъ Царства Польскаго.

Не знаю, когда получишь это письмо. Рекомендую тебѣ Ободов-
го. Кирѣевскій будетъ у тебя въ Парижѣ [5]; застанетъ ли тебя, не
ю. Онъ родной племянникъ Александры Андреевны [6], сынъ Ела-
эй [7], которую знаешь по письмамъ. Прости Обнимаю братски. Ж.

Адресъ: A monsieur Alexandre Tourguéneff, conseiller d'état act. de Sa Majesté
pereur de toutes les Russies. A Paris. Poste restante.

CLIV.

(Въ концѣ Іюля или началѣ Августа 1831, Царское Село).

Чтó ты будешь дѣлать! Надобно написать къ вамъ, Петръ Ан-
звичъ и Александръ Ивановичъ! Вы хлопочете о томъ, не съѣла ли
я холера? Нѣтъ, не съѣла! Живъ, живъ курилка! Еще не умеръ!
и, кажется, не дойдетъ до меня очередь. Въ Петербургѣ бѣшен-
) заразы утихло; послѣднія же вспышки ея не такъ опасны. Мы,
вда, сидимъ въ Царскомъ Селѣ [2], и если пожалуетъ къ намъ бо-
нь, то, разумѣется, и у насъ пройдетъ она тѣже степени, какія
шла въ столицѣ Сѣвера. Я однако ея не боюсь. Ничто прилипчи-
ко мнѣ не прилипаетъ; это я знаю еще съ дѣтства. А въ холерѣ
аетъ меня не смерть, а . . . . [3], блевотина и разныя кон-
зіи, которыя продолжаются несносно долго и, наконецъ, сгибаютъ
я совсѣмъ въ крючекъ, такъ что послѣ и въ гробъ не уляжешься
адобно вмѣсто гроба доставать для тебя кулекъ, какъ для какой-
удь мертвой индѣйки. Всѣ эти проказы мнѣ очень не нравятся, и
такомъ непристойномъ видѣ не хотѣлось бы мнѣ явиться въ вѣч-
ть.

---

[4]) Н. И. Тургеневъ женился осенью 1833 года на дочери Піемонтскаго изгнанника
рала Віариса (см. „Русск. Архивъ" 1871 года, ст. 1965).

[5]) Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій отправился за границу изъ Петербурга 21 Ян-
і 1830 года. Онъ думалъ побывать и въ Парижѣ. Въ письмѣ къ роднымъ, изъ Мюн-
ъ отъ 3 (15) Іюня 1830 года, онъ писалъ: „Александръ Тургеневъ уже уѣхалъ изъ
ижа. Досадно, что я не увижусь съ нимъ, тѣмъ болѣе, что кромѣ его у меня ни къ
у не было писемъ въ Парижъ". И. В. Кирѣевскому не пришлось съѣздить въ Па-
ъ. Онъ долгое время прожилъ въ Мюнхенѣ, а затѣмъ, напуганный извѣстіями о хо-
ѣ въ Россіи, поспѣшилъ вернуться на родину и прибылъ въ Москву 16 Ноября 1830
(см. Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго, т. I, изданный А. И. Кошеле-
ъ (М. 1861), Матеріалы для біографіи И. В. Кирѣевскаго, стр. 26, 56, 59 и 79).

[6]) И. В. Кирѣевскій приходился А. А. Воейковой не роднымъ, а двоюроднымъ пле-
никомъ.

[7]) Авдотья Петровна Елагина (рожд. Юшкова) въ первомъ бракѣ была за Ва-
емъ Ивановичемъ Кирѣевскимъ.

*

[1]) Князь П. А. Вяземскій.

[2]) Дворъ переѣхалъ изъ Петергофа въ Царское Село въ десятыхъ числахъ Іюля
. года.

[3]) Два слова выпущены.

Петръ Андреевичъ, ты просишь отъ меня стиховъ! Нѣтъ, голубчикъ, переписывать скучно! Вся эта сволочь продана уже гуртомъ Смирдину и теперь печатается [4]); думаю, что печатаніе черезъ полтора мѣсяца кончится; тогда получишь все въ благопристойномъ видѣ. Я собрался было ѣхать въ Ревель и тамъ, конечно, въ тѣни Катеринтальскихъ каштановъ, подъ шепотъ уединенія, много бы написалъ; но холера всему помѣшала. Я не рѣшился обратить передъ нею тыла; да и въ отдаленіи отъ нападенія всякихъ пустыхъ слуховъ, было бы не до стиховъ. Пушкинъ мой сосѣдъ [5]), и мы видаемся съ нимъ часто. Съ тѣхъ поръ какъ ты сказалъ мнѣ, что у меня слюни текутъ, глядя на жену его [6]), я не могу себя иначе и вообразить, какъ подъ видомъ большой старой Датской собаки, которая сидитъ и дремлетъ, глядя, какъ передъ нею ѣдятъ очень вкусно, и съ морды ея по обѣимъ сторонамъ висятъ двѣ длинныя ленты изъ слюней. А женка Пушкина очень милое твореніе. C'est le mot [7]). И онъ съ нею мнѣ весьма нравится. Я болѣе и болѣе за него радуюсь тому, что онъ женатъ. И душа, и жизнь, и поэзія въ выигрышѣ. Мнѣ же пришлось только повторять стихъ: *Чувствительна душа и вчужѣ веселится*!

Александръ Ивановичъ, ты вѣдь писать не лѣнивъ; итакъ пиши ко мнѣ. Хорошъ ты! Уѣхалъ изъ Петербурга, не давъ знать о себѣ ни строчкою! [8]) Я писалъ къ Булгакову — тотъ не отвѣчаетъ! Наконецъ, Козловъ уже вывелъ меня изъ недоумѣнія на счетъ твоего маршрута. И я радъ, что ты не уѣхалъ въ Лондонъ. Москва мѣсто безопасное (если только не будешь объѣдаться и не простудишься); прилипчивости холеры бояться нечего, а остаться тебѣ было надобно, дабы все уладить, какъ мы говорили. Черезъ нѣсколько времени можно уже будетъ возвратиться и въ Петербургъ. Дальнѣйшее при свиданіи. Прощайте, братья-друзья. Поручаю вамъ обнять за меня все семейство Карамзиныхъ и Вяземскихъ. Тургеневу особенно поручаю сказать мое почтеніе Ивану Ивановичу Дмитріеву. Ж.

Какъ скоро установится коммуникація съ Петербургомъ, исполню порученіе Е(катерины) Θедоровны [9]). Для этого надобно повидаться съ какимъ-нибудь честнымъ гомеопатомъ. У меня есть Триніусъ [10]); но

---

[4]) Рѣчь идетъ о „Балладахъ и повѣстяхъ" В. А. Жуковскаго, вышедшихъ въ двухъ частяхъ въ Петербургѣ въ 1831 году. Издателемъ ихъ былъ книгопродавецъ Смирдинъ. Первая часть была разрѣшена цензурою къ печати 7 Іюня, а вторая 21 Іюля 1831 года.

[5]) А. С. Пушкинъ лѣто 1831 года проводилъ въ Царскомъ Селѣ.

[6]) Свадьба А. С. Пушкина съ Н. Н. Гончаровою состоялась 18 Февраля 1831 года въ Москвѣ.

[7]) Т. е. именно такъ.

[8]) А. И. Тургеневъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Москву 19 Іюня 1831 года (см. „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1831 года, № 145)

[9]) Муравьевой.

[10]) Академикъ Карлъ Антоновичъ Триніусъ (р. 1778 † 1844), кромѣ того, что былъ ботаникомъ, былъ и врачемъ, притомъ приверженцемъ гомеопатіи (онъ приходился пле-

теперь его не вижу. На всякой случай напишу къ нему. Скажите мое почтеніе Е(катеринѣ) Ѳедоровнѣ.

Адресъ: Его сіятельству милостивому государю моему князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ.

CLV.

23 Августа (1831, Царское Село).

Кажется, мнѣ не нужно требовать объясненія на письмо твое. Ты не избѣжалъ и этого несчастія: найти предательство тамъ, гдѣ надѣялся найти дружбу [1]). Но, признаться, такой презрительной гадости я не ожидалъ. Это ужъ хуже всякаго убійства! Если только я не ошибаюсь въ своей догадкѣ. Итакъ еще болѣе надобно радоваться твоему пріѣзду. Но удастся ли тебѣ свои дѣла уладить? Имѣешь ли на то способы? Знаешь ли, какъ съ нимъ возиться? По всему вижу, что тебѣ надобно не только просто устраивать, но покрывать разстроенное и распутывать запутанное. Не хочу требовать отъ тебя объясненія и подробностей. Это тяжело и противно! При свиданіи все объяснишь. Скажи только: имѣешь ли надежду скоро и хорошо кончить? Главное для тебя имѣть обезпеченный кусокъ хлѣба. Будешь ли имѣть его?

На этомъ мѣстѣ письма моего я остановился, начавъ писать его тотчасъ по полученіи твоего; остановился, да и отложилъ продолжать по своему похвальному обыкновенію; а тебѣ, вѣроятно, будетъ на меня и досадно. Не сердись, душа моя, и сноси меня такимъ, каковъ я есмь и какимъ, вѣроятно, уже и останусь до перемѣны въ лучшее въ какомъ-нибудь другомъ уголку творенія Божія. Думая о письмѣ твоемъ, приходитъ мнѣ на мысль, что ты могъ и ошибиться. Не входя въ подробности, печальныя и тяжелыя, скажи мнѣ вообще, въ чемъ дѣло? Въ одной ли *оплошности безъ намѣренія*, отъ коей могло произойти разстройство экономическихъ дѣлъ твоихъ, или въ *раззореніи тебя по плану и съ намѣреніемъ*. Послѣднее кажется мнѣ неестественнымъ и невѣроятнымъ. Объясни этотъ пунктъ. Потомъ скажи, что́ ты намѣренъ дѣлать и долго ли пробудешь въ Москвѣ? Сначала я хотѣлъ послать письмо твое къ Д(ашкову), дабы изъ немногихъ строкъ, до него касающихся, онъ могъ увидѣть, что́ ему дѣлать и какую взять осторожность; но раздумалъ, и буду ждать отъ тебя разрѣшенія и нѣсколькихъ немногихъ объясненій. Не называя никого, можешь однако сказать вообще, въ чемъ дѣло. Порученіе же твое остаться *честнымъ человѣкомъ* какъ-нибудь постараюсь исполнить; да насъ, честныхъ людей, право, довольно, если не героевъ, то, по крайней мѣрѣ, вѣрныхъ идеѣ добра и по натурѣ своей, и съ помощью благопріятныхъ обстоятельствъ. Напримѣръ, и Пушкинъ честный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова, несмотря на минувшія проказы; мы съ нимъ вмѣстѣ поживаемъ въ Царскомъ и вмѣстѣ проводимъ вечера у смуглой Цар-

---

мянникомъ основателю гомеопатическаго лѣченія Ганнеману). К. А. Триніусъ преподавалъ Цесаревичу Александру Николаевичу естествовѣдѣніе.

*

[1]) Какъ видно изъ письма CLVIII, рѣчь идетъ о злоупотребленіи С. Н. Жихарева, который велъ денежныя дѣла А. И. Тургенева, довѣріемъ послѣдняго.

17

скосельской невѣсты [3]), которая также честный человѣкъ. Я между дѣла пишу экзаметры [4]), а Пушкинъ ждетъ осени, чтобы начать писать [5]). Манускриптъ Ч. онъ давалъ мнѣ читать и взялъ его у меня, чтобы отправить къ Ч. [6]). Вѣроятно, что онъ уже и полученъ. Съ Петербургомъ я во все время не видѣлся и не знаю, что̀ дѣлаетъ нашъ слѣпецъ [7]), отъ котораго давно не имѣю вѣсти; но онъ живъ и здоровъ. На фразу твою «*желаю имѣть опору если не въ службѣ въ Россіи, то по крайней мѣрѣ въ дѣятельности, извѣстной правительству и гласной*» можно тогда только отвѣчать дѣльнымъ образомъ, когда будемъ вмѣстѣ; но объ этомъ желаніи твоемъ было *сказано* мною въ самой вышней инстанціи; по какому случаю сказано, объ этомъ послѣ. Оканчивай скорѣе свои экономическія дѣла и пріѣзжай къ зимѣ въ Петербургъ, чтобы устроить сколько-либо свою жизнь политическую; необходимо надобно, чтобы правительство убѣдилось, что ты не имѣешь и тѣни намѣреній ему противныхъ. Это можешь ты сдѣлать только самъ, будучи лично въ Петербургѣ. Но, живучи въ Москвѣ, старайся не подать никакого повода къ ложнымъ на счетъ твой заключеніямъ. Много людей найдется, которые и самому невинному дадутъ смыслъ виновный. Прости. Возвращаю тебѣ письмо, тобою мнѣ сообщенное, и обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ. А ты передай объятіе мое

---

[3]) Извѣстной Александры Осиповны Россетъ (р. 1810 † 1882), въ замужествѣ Смирновой. По выходѣ изъ Екатерининскаго Института въ 1826 году, А. О. Россетъ была пожалована во фрейлины къ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, а по ея кончинѣ сдѣлалась фрейлиною Государыни Александры Θеодоровны. Лѣтомъ 1831 года, въ Царскомъ Селѣ, А. О. Россетъ ежедневно видалась съ Жуковскимъ и Пушкинымъ (см. ея воспоминанія въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 года, ст. 1877). Въ Іюлѣ 1831 года она была сговорена за Николая Михайловича Смирнова (о чемъ сообщалъ Пушкинъ П. А. Плетневу въ письмѣ отъ 8 Августа 1831 года. См. Сочиненія Пушкина, изд. Литерат. фонда, т. VII, стр. 287).

[4]) Въ это время Жуковскій писалъ „Сказку о царѣ Берендеѣ“ (со 2 Августа по 11 Сентября). См. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 94, 98 и 99.

[5]) „Жуковскій расписался—сообщалъ Пушкинъ Н. В. Гоголю изъ Царскаго Села 25 Августа 1831 года—я чую осень и собираюсь засѣсть“ (Соч. Пушкина, изд. Литер фонда, т. VII, стр. 289).

[6]) Рѣчь безспорно идетъ о „Философическихъ письмахъ“ П. Я. Чаадаева (р. 1793 † 1856), въ рукописи (на Французскомъ языкѣ) сообщенныхъ имъ Пушкину для прочтенія. Въ письмѣ отъ 6 Іюля 1831 года къ Чаадаеву, жившему въ Москвѣ, Пушкинъ просилъ его оставить ему еще на нѣкоторое время рукопись „Писемъ“ (см. Соч. Пушкина, изд. Литер. фонда, т. VII, стр. 275). 21 Іюля того же года Пушкинъ сообщалъ П. В. Нащокину, что онъ посылаетъ ему рукопись Чаадаева и проситъ доставить ее Чаадаеву (тамъ же, стр. 282), а 29 Іюля писалъ Нащокину, что посылки съ рукописью Чаадаева не приняли на почтѣ (тамъ же, стр. 284). Какъ извѣстно, одно изъ этихъ „Философическихъ писемъ“ въ 1836 году было переведено на Русскій языкъ Н. Х. Кетчеромъ и напечатано въ издававшемся Н. И. Надеждинымъ журналѣ „Телескопъ“, за что̀ этотъ журналъ и былъ запрещенъ. Французскій текстъ „Философическихъ писемъ“ появился въ посмертномъ изданіи Сочиненій Чаадаева, вышедшемъ въ Парижѣ въ 1862 году.

[7]) И. И. Козловъ.

Карамзинымъ и скажи мое душевное почтеніе Ивану Ивановичу Дмитріеву. Ж.

Записку о Розлигѣ отправлю къ Черткову, адъютанту М(ихаила) Павл(овича) [8]). Онъ спроситъ у него и увѣдомитъ меня: тогда и я тебя увѣдомлю.

CLVI.

(Въ первой трети Сентября (послѣ 7-го) 1831, Царское Село).

Въ отвѣтъ на твое послѣднее письмо посылаю тебѣ Русское ура! Варшава наша [1]). Честь Россіи опять сіяетъ по старому. Какое великолѣпное военное дѣло. Наша армія чудо! Вотъ мои стихи [2]); одинъ экземпляръ для тебя, другой для Ивана Ивановича [3]), третій Карамзинымъ вмѣстѣ съ Вяземскимъ. Нѣтъ болѣе. Скоро пришлю свои стихи, эти же, напечатанные вмѣстѣ съ стихами Пушкина, чудесными [4]). Насъ разомъ прорвало, и есть отъ чего. Къ Строганову я писалъ и сообщилъ, чтó сдѣлалъ съ своей стороны. Хотя ты мнѣ и запрещаешь вступаться, но я *свое сдѣлалъ*. Обнимаю тебя. Письма твои считаю обязанностію сообщить Дашкову; онъ изъ нихъ увидитъ твое желаніе. Ж.

CLVII.

(Въ двадцатыхъ числахъ Сентября 1831, Царское Село).

Посылаю тебѣ послѣдніе стихи мои [1]). Приложенные экземпляры раздай по надписямъ. Ты требуешь отъ меня отвѣта на прежнія твои письма; но чтó же мнѣ отвѣчать? Вѣдь ты пишешь мнѣ просто о твоихъ печальныхъ похожденіяхъ съ Жихаревымъ; мнѣ же остается только пожимать плечами и жалѣть о бѣдственной слабости человѣчества. Я

---

[8]) Адъютантомъ Великаго Князя Михаила Павловича былъ полковникъ Иванъ Дмитріевичъ Чертковъ.

*

[1]) Варшава была взята 27 Августа 1831 года.

[2]) „Русская пѣснь на взятіе Варшавы", написанная Жуковскимъ 5 Сентября. Она была напечатана отдѣльнымъ изданіемъ (въ 4-ку) въ Петербургѣ, въ типографіи Греча (пропущена къ печати 6 Сентября 1831 года). Это изданіе не указано П. А. Ефремовымъ въ спискѣ отдѣльно изданныхъ сочиненій Жуковскаго, приведенномъ въ примѣчаніяхъ къ первому тому девятаго изданія „Стихотвореній" В. А. Жуковскаго" (Спб. 1895).

[3]) Дмитріева.

[4]) Эта же „Русская пѣснь на взятіе Варшавы" съ измѣненнымъ заглавіемъ (Старая пѣсня на новый ладъ) вскорѣ была издана особою брошюрой съ стихотвореніями А. С. Пушкина „Клеветникамъ Россіи" и „Бородинская годовщина", подъ общимъ заглавіемъ: „На взятіе Варшавы. Три стихотворенія В. Жуковскагó и А. Пушкина". Эта брошюра была пропущена цензурою къ печати 7 Сентября 1831 года.

*

[1]) Стихотвореніе „Русская слава", какъ это видно изъ конца этого письма. Это стихотвореніе было напечатано отдѣльною брошюрою въ Петербургѣ въ 1831 году; къ печати оно было пропущено цензурою 17 Сентября 1831 года.

17*

не полагаю, чтобы Жихаревъ имѣлъ въ самомъ началѣ намѣреніе тебя ограбить; напротивъ, думаю, что онъ даже радовался мысли быть, такъ сказать, промысломъ твоимъ и твоихъ братьевъ. Mais l'occasion fait le larron [2]). Сначала онъ вздумалъ употребить твое въ пользу свою, не во вредъ твоей пользѣ. Истратилъ деньги твои, съ тѣмъ чтобы ихъ тебѣ заплатить, то есть въ надеждѣ на будущее осмѣлился нарушить святыню ввѣреннаго залога. Обстоятельства запутались; необдуманная неосторожность сдѣлалась просто похищеніемъ; а теперь уже изъ невольнаго похищенія произошло произвольное плутовство и безстыдство. Таковъ, по большей части, ходъ преступленій въ людяхъ безъ твердости, и безъ правилъ, и безъ возвышенности душевной. Прежде Жихаревъ дѣйствовалъ безъ злаго намѣренія, но дурно; теперь уже онъ, попавши въ грязь, полоскается въ ней добровольно и, будучи приневоленъ выбирать между деньгами и совѣстію, пожертвовалъ последнею. Постарайся однако какъ-нибудь избѣжать тяжбы: онъ, рѣшившись на все и вспомоществуемый подобными ему плутами, будетъ всегда имѣть верхъ надъ тобою. Увѣдомь теперь и увѣдомляй впередъ, какъ пойдетъ дѣло. Послѣднее письмо твое также пошлю къ Дашкову, которому однако тутъ не во что вступаться. Еще какъ Богъ тебя спасъ! Ты успѣлъ захватить послѣдніе остатки совѣсти въ душѣ Громобоя [3]); если бы онъ имѣлъ время одуматься, то, вооруженный твоею довѣренностью, все бы могъ заграбить, и ты бы не получилъ ничего. Оставимъ это.

Вотъ исторія моихъ стиховъ [4]), которую сообщи словесно тѣмъ, коимъ будешь раздавать экземпляры. Петербургскій бунтъ усмиренъ былъ однимъ словомъ Государя [5]): минута истинно героическая. Загорѣлся бунтъ въ колоніяхъ [6]): начальники всѣ перебиты, и бунтовщики не хотятъ никого слушать. Государь ѣдетъ туда одинъ. Это было за день до рожденія Великаго Князя Николая [7]). Въ самый день этотъ по утру мой Ѳедоръ [8]) сказываетъ мнѣ, что родился Великій Князь. Я бѣгу на половину Императрицы, чтобы узнать, правда ли это; между тѣмъ увѣренъ, что Государю еще и думать нельзя возвратиться. Что́ же? Подхожу къ дверямъ спальни; онѣ отворяются, и онъ самъ выходитъ, держа на рукахъ новорожденнаго и à la lettre [9]) задыхаясь отъ радости. Онъ успѣлъ возвратиться въ однѣ сутки, однимъ словомъ кончивъ бунтъ, находясь одинъ посреди тысячи мятежниковъ и ска-

---

[2]) Т. е. обстоятельства толкаютъ иногда человѣка на совершеніе воровства.

[3]) Арзамасское прозвище С. П. Жихарева.

[4]) Стихотворенія „Русская Слава".

[5]) Холерное возмущеніе на Сѣнной площади въ Петербургѣ, усмиренное словомъ Императора Николая Павловича, описано было Жуковскимъ въ письмѣ къ Прусской принцессѣ Луизѣ, отъ 5 (17) Іюля 1831 года изъ Петергофа (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 463—465).

[6]) Т. е. въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ.

[7]) Великій Князь Николай Николаевичъ родился 27 Іюля 1831 года.

[8]) Камердинеръ Жуковскаго.

[9]) Т. е. буквально.

завъ имъ, что они будутъ наказаны безъ пощады, что они приняли съ трепетомъ, лежа у ногъ его (ранцами вверхъ, какъ разсказывалъ мнѣ Арендтъ) [10]). Какой быстрый переходъ и къ чему! Я пошелъ за Государемъ вслѣдъ и видѣлъ, какъ онъ положилъ своего младенца въ колыбель, крестилъ его и надъ нимъ плакалъ. Я тогда же ему сказалъ: «Государь! Это переломъ. Все пойдетъ лучше. Богъ прислалъ Вамъ объ этомъ вѣстника». Это явленіе описано въ послѣднихъ двухъ строфахъ моей піесы: къ колыбели младенца пришелъ я отъ колыбели Россіи, и да исполнитъ Богъ то пророчество, которое сверкнуло мнѣ изъ полузакрытыхъ, милыхъ глазъ новорожденнаго младенца. Но паденіе Варшавы было то огниво, которое высѣкло изъ души моей эти стихи, которые, какъ ты самъ увидишь, принадлежатъ къ моимъ лучшимъ. Прости. Пиши подробнѣе о своемъ дѣлѣ и скажи, когда можешь пріѣхать въ Петербургъ. Жуковскій.

CLVIII.

2 Генваря 1832 (Петербургъ).

Не сердись на меня, мой милой другъ, за то, что не писалъ къ тебѣ такъ долго. Что писать по почтѣ? Однѣ пустыя фразы, а у меня пропасть въ эту минуту работы. Занимаясь ею, я ближе къ своимъ друзьямъ, нежели въ пустыхъ оффиціальныхъ письмахъ. Во первыхъ, обнимаю тебя братски на новый годъ съ старою неизмѣнною дружбою. Во вторыхъ, коммиссіи твоей о Розлигѣ не могъ еще исполнить: Чертковъ не дается въ руки. Всего было бы лучше, если бы ты прислалъ мнѣ письмо отъ Розлига къ Великому Князю; я отдалъ бы его изъ рукъ въ руки. Наконецъ, третье, о тебѣ. Прошу тебя не мучить себя преждевременными заботами, а оканчивать свое дѣло въ Москвѣ и, кончивъ его, пріѣзжать сюда. Это правда, расположеніе Г(осударя) не самое благопріятное, но у насъ будутъ помощники: князь Голицынъ [1]) и Орловъ [2]). Съ первымъ я говорилъ третьяго дня. Онъ думаетъ, что тебя не удержатъ, ибо ты получилъ на это благопріятный отзывъ отъ Б(енкендорфа). Что же касается до жизни въ Парижѣ, то и требовать на это особеннаго позволенія не нужно, ибо оно дано всѣмъ вообще. По крайней мѣрѣ теперь заблаговременно до этого касаться не должно. И вообще теперь лучше не приступать ни къ чему и остаться сколько можно не на виду, а сдѣлать все, что надобно будетъ, разомъ, когда, все кончивъ въ Москвѣ, пріѣдешь сюда, дабы отсюда ѣхать за границу. Сдѣлать же главное надобно вотъ что: опредѣлить твое заграничное пребываніе полученіемъ отъ правительства какого-нибудь порученія. Объ этомъ скажешь въ своемъ письмѣ къ Государю, которое напишешь, сбираясь ѣхать, и не прежде, какъ въ минуту отъѣзда. Теперь же главное: не напоминать о себѣ, а сколько возможно спокойнѣе оканчивать свое дѣло съ безсовѣстнымъ Жихаре-

---

[10]) Николай Өедоровичъ Арендтъ († 1859), лейбъ-медикъ, знаменитый хирургъ.

[1]) Александръ Николаевичъ.

[2]) Графъ Алексѣй Өедоровичъ Орловъ.

вымъ. Постарайся однако, чтобы не было ничего такого, что̀ бы могло произвести на счетъ твой неблагопріятное мнѣніе; напримѣръ, я совсѣмъ не оправдываю твоей мысли передать въ пользу казенныхъ заведеній долгъ Жихарева: это будетъ принято за поступокъ притѣснительный и истолковано (не) въ твою пользу. О Боголюбовѣ [3]) думать нечего, ибо это была бы забота безполезная. Съ подобными людьми тягаться нельзя, и предупреждать тотъ вредъ, который они сдѣлать могутъ, совершенно безполезно: въ этомъ отношеніи мы всѣ въ одинакихъ обстоятельствахъ. Однимъ словомъ, уладь какъ можно тише то, что̀ осталось дѣлать съ Жихаревымъ; объ остальномъ подумаемъ вмѣстѣ тогда, когда пріѣдешь сюда изъ Москвы. Въ будущую Пятницу я вмѣстѣ съ Вяземскимъ будемъ у князя Голицына. Если найдется средство, увѣдомлю я или Вяземскій о результатѣ нашей сходки. Вотъ все, что̀ имѣю сказать тебѣ на эту минуту. Однимъ словомъ, я увѣренъ, что тебя здѣсь не удержатъ и что даже тебѣ не нужно будетъ просить новаго позволенія. Главное же дѣло состоитъ въ томъ, чтобы дать твоей заграничной жизни нѣкоторую оффиціальность. Объ этомъ хлопотать теперь не должно, а не иначе, какъ въ минуту отъѣзда. Прости. Обнимаю тебя. Получилъ ли ты мои экзаметры? [4]) Жуковскій.

CLIX.

30 Іюля (11 Августа) 1832, Эмсъ [1]).

Благодарствую, мой милой, за твое длинное, обстоятельное и умное письмо, которое получено мною третьяго дня ввечеру. Спѣшу тебѣ отвѣчать въ нѣсколькихъ строкахъ: по утру нынче отходитъ почта, а мнѣ еще надобно идти пить воды. Сперва о себѣ. Кажется, что мнѣ лучше; лицо потеряло желтизну; чувствую себя какъ-то бодрѣе, но еще ноги не служатъ, одышка отъ ходьбы. За то ѣзжу на ослахъ по горамъ и по ровному пути. Здѣшняя жизнь очень можетъ понравиться лѣнивому: механическая забота о тѣлѣ и отдаленіе всякихъ другихъ заботъ есть обязанность. И я исполняю эту обязанность по совѣсти: шутка ли опять сюда пріѣзжать! По утру пью свои шесть стакановъ; между каждымъ ходьба. Потомъ хожу для (sic) завтрака. Послѣ завтрака отдыхъ; но не смѣй заснуть, и такъ опять надобно ходить

---

[3]) Варѳоломей Филипповичъ Боголюбовъ. О немъ см. выше, прим. I къ письму LXXVII.

[4]) Вѣроятно рѣчь идетъ о „Войнѣ мышей и лягушекъ“, которая была напечатана въ № 2 журнала „Европеецъ“, предпринятаго въ 1832 году И. В. Кирѣевскимъ и прекращеннаго на третьемъ нумерѣ того же года.

*

[1]) Разстроенное здоровье вынудило въ 1832 году В. А. Жуковскаго отправиться за границу. Какъ видно изъ хранящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ путеваго его дневника, онъ выѣхалъ изъ Петербурга на пароходѣ въ Любекъ утромъ 19 Іюня, вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ. Друзья разстались въ Ганноверѣ 29 Іюня: Тургеневъ поѣхалъ въ Госларъ, Жуковскій въ Мюнденъ. Въ Эмсъ Жуковскій прибылъ 4 (16) Іюля.

или сидѣть гдѣ-нибудь, только не дома, чтобы не задремать; потомъ длинный обѣдъ, шумный и весьма худой, въ кургаузѣ. Послѣ обѣда опять ходьба или сидѣнье гдѣ-нибудь на воздухѣ, чтобы не заснуть дома. Это, признаться, для меня самое трудное: сонъ страшно нападаетъ и часто беретъ верхъ, хотя и стараюсь защищаться противъ него сигарами. Около пяти часовъ послѣ обѣда сажусь на осла и ѣзжу часъ, два, иногда три, смотря по отдаленности мѣста, которое надобно осматривать. Возвратясь и еще походивъ въ толпѣ, иду въ ванну и послѣ ванны тотчасъ въ постель, гдѣ сонъ всегда уже ждетъ меня на подушкѣ. Вотъ моя механическая жизнь. Читаю газеты, которыя мнѣ весьма надоѣдаютъ, и Записки Лудвига XVIII, которыя отмѣнно любопытны [2]). Общества здѣсь нѣтъ, а есть толпа въ маленькомъ саду, въ которомъ нѣтъ защиты ни отъ дождя, ни отъ зноя, и въ которомъ при солнцѣ воняетъ . . . . . . Не знаю отчего, но соединенія нѣтъ никакого; всѣ сходятся только на прогулкѣ. А было бы кому составить общество: со мною объ стѣну живетъ Потоцкая (Салтыкова), жена Болеслава [3]); здѣсь и другая Потоцкая, жена Мечислава, въ которую ты бы конечно влюбился, заслушавшись ея пѣнія; здѣсь семейство La Bourdonnaye, извѣстнаго карлиста, умнаго и любезнаго человѣка, они ждутъ герцога Рогана съ женою и дѣтьми, но сами уѣзжаютъ; быть можетъ, пріѣдетъ и герцогиня Динонъ. Были другіе пріятные люди, но уже уѣхали. Изъ Русскихъ здѣсь князь Андрей Голицынъ [4]) съ женою (Балкъ), жандармскій генералъ Полозовъ, генералъ Габбе [5]), который знаетъ брата Сергѣя и былъ съ нимъ въ Мобёжѣ. Была герцогиня Лейхтенбергская; теперь осталась герцогиня Ольденбургская, при которой мой, и кажется твой, пріятель Ренненкамфъ: съ нимъ-то мы и разъѣзжаемъ по окрестностямъ.

Но мнѣ пора идти пить воду. Вотъ тебѣ мой маршрутъ à peu près. Отсюда уѣзжаю въ будущій Вторникъ 2 (14) Августа [6]) и остаюсь двѣ недѣли [7]), то есть до 18 (30) Августа; какою дорогою поѣду

---

[2]) Рѣчь идетъ о „Mémoires de Louis XVIII", изданныхъ въ Парижѣ въ 1832 году, которыя признаются апокрифическими. По поводу этихъ Записокъ въ своемъ дневникѣ подъ 24 Іюля Жуковскій записалъ слѣдующее: „Чтеніе Записокъ Лудвига XVIII. Какое бѣдствіе для государя и государства *дворъ*; но Французскій дворъ была неизбѣжная бѣда, произведеніе вѣковъ. Нужна была бѣдственная революція, чтобы уничтожить это бѣдствіе".

[3]) Графъ Болеславъ Станиславовичъ Потоцкій былъ женатъ на княжнѣ Маріи Александровнѣ Салтыковой (р. 1806 † 1845). Его братъ, графъ Мечиславъ, былъ женатъ два раза: на Коморъ и на Повало-Швейковской.

[4]) Князь Андрей Михайловичъ Голицынъ (р. 1792 † 1865), впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи, былъ женатъ на Софьѣ Петровнѣ Балкъ-Полевой

[5]) Въ „Русскомъ Архивѣ" 1883 года, кн. I, стр. VII, въ письмѣ Жуковскаго къ Цесаревичу Александру Николаевичу фамилія этого лица ошибочно напечатана: Граббе.— Въ дневникѣ Жуковскаго за время пребыванія его въ Эмсѣ въ 1832 году часто упоминается фамилія генерала Габбе (онъ былъ генералъ-маіоромъ, состоявшимъ по арміи).

[6]) Изъ Эмса Жуковскій выѣхалъ 3 (15) Августа.

[7]) Вѣроятно пропущено: въ Швальбахѣ. Жуковскій не поѣхалъ, какъ это видно

изъ Швальбаха, не знаю еще, вѣроятно загляну и въ Минхенъ [8]); но первое мѣсто, въ которомъ проведу нѣсколько времени, это Веве, на берегу Женевскаго озера, гдѣ буду лѣчиться виноградомъ и гдѣ пробуду отъ конца Сентября вѣроятно до конца Октября. Потомъ въ Неаполь, гдѣ вѣроятно пробуду мѣсяца два, т. е. съ начала Декабря до начала Февраля, потомъ Февраль и Мартъ въ Римѣ. Въ Апрѣлѣ вѣроятно опять въ Неаполь, дабы полѣчиться водами на островѣ Искіи, водами, которыя точно Эмскія. Въ Маѣ обратный путь, моремъ или землею—еще не знаю. И такъ можешь писать ко мнѣ на первый случай (если письмо мое застанетъ тебя въ Минхенѣ) въ Швальбахъ poste restante. Потомъ въ Веве poste restante. Только вездѣ назначай подробнѣе свой адресъ. Прости, надобно идти пить воду. Тѣмъ, чтó ты вымозжилъ изъ Герена [9]), я доволенъ, ибо оно все критически справедливое и точно то, чтó я самъ думалъ. Но только ты чуть не попался въ просакъ: заставлялъ писать планъ ученія исторіи для Великаго Князя! Да изъ этого вышла бы печатная брошюра, въ которой на заглавномъ листѣ или въ предисловіи сказано бы было, на узнаніе всего свѣта, для кого и для чего; а на меня бы стали хмуриться. Прошу, если будешь съ кѣмъ говорить въ такомъ же смыслѣ, какъ съ Гереномъ, не упоминать, для кого говоришь; просто высасывай мысли. Прости. Твой Жуковскій.

CLX.

Le 5 Septembre [слѣдуетъ Octobre], n(ouveau) style, Vévay [1]).

Hier, mon cher ami, je suis arrivé à Vevay, où j'ai trouvé votre lettre du 1 Septembre (quel style?), accompagné de l'excellent Reutern, que vous connaissez, je crois, de Pétersbourg ou d'Ems et qui est venu exprès pour passer avec moi le temps ennuyeux de Weilbach et qui s'est décidé à me suivre jusqu'en Suisse. Grâce à lui cette maladie (qui vous accable et que je comprends si fort), la maladie de *l'isolement* n'a pas pu m'atteindre. J'en aurais été saisi comme vous, si j'étais comme vous seul dans mon pèlerinage. Votre lettre m'a bien remué le coeur, et il est absolument nécessaire, que nous nous réunissions quelque part en Italie. Je ne saurais vous dire au juste quand je quitterai la Suisse; c'est qui est sûr, c'est que je ne reste pas plus de 3 semaines (à compter de demain) à Vovay. Au commencement de Novembre je passerai les

---

изъ его дневника. 4 (16) Августа онъ пріѣхалъ въ Висбаденъ; 8 (20) этого мѣсяца поѣхалъ въ Вейльбахъ, гдѣ пилъ воды, и оставался тамъ до 21 Августа (2 Сентября).

[8]) Мюнхена Жуковскій не посѣтилъ. Изъ Вейльбаха онъ поѣхалъ въ Ганау; затѣмъ путь его лежалъ черезъ Франкфуртъ на Майнѣ, Дармштадтъ, Гейдельбергъ, Штутгартъ, Тюбингенъ. 4 (16) Сентября онъ уже былъ въ Швейцаріи, въ Шафгаузенѣ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о путешествіи Жуковскаго до Веве можно найти въ его письмахъ къ Цесаревичу Александру Николаевичу („Русскій Архивъ“ 1883 г., кн. I, стр. VII—XII).

[9]) Извѣстнаго Нѣмецкаго историка.

[1]) Такъ писалъ Жуковскій вездѣ въ своихъ письмахъ вмѣсто правильнаго Vévey.

Alpes; je me rendrai d'abord à Milan par le Simplon, de là à Gênes; de Gênes par Livourne à Florence, où propablement je serai vers la fin de Novembre. Je compte y faire un séjour de trois semaines pour me rendre après avec le bâteau à vapeur à Naples. Tel est mon plan, mon cher ami; ne pourriez vous pas d'après lui arranger le vôtre? Il aurait été heureux pour nous deux de faire ensemble notre séjour en Italie: nous partagerions Naples et Rome, et cela nous rappellerait Dresde. Si ma lettre vous trouve à Florence, restez y pour m'y attendre. Il y a assez de choses curieuses pour vous occuper et pour remplir votre temps; étudiez l'italien. Répondez à cette lettre en peu de mots et envoyez les exemplaires de votre réponse a Vévay, Milan et Génes, poste restante. Deux mots seulement: *je vous attends à Florence*, et cela sera assez. Ma santé va assez bien. Weilbach m'a beaucoup restauré. Depuis, la fatigue du voyage m'a tant soit peu affaiblie. Voyons ce que fera la cure de raisin. Adieu. Au revoir donc.

Joukoffsky.

Je crois que Kiel viendra me rejoindre; il m'a écrit de Dresde. Mais cela ne fera rien pour notre entrevue.

Адресъ: A Son Excellence monsieur de Tourgueneff. conseiller d'état actuel au service de Sa Majesté l' Empereur de Russie. A Florence. Poste restante. Почтовые штемпели: 1) Vévey. P. P; 2) 13 Ottobre 1832.

Переводъ.

5 Сентября (слѣдуетъ: Октября) новаго стиля 1832, Веве [1]).

Вчера, мой милый другъ, пріѣхалъ я въ Веве, гдѣ я нашелъ твое письмо отъ 1 Сентября (какого стиля?), сопутствуемый добрѣйшимъ Рейтерномъ [2]), котораго ты, кажется, знаешь по Петербургу или Эмсу и который пріѣхалъ нарочно, чтобы поскучать со мной въ Вейльбахѣ, и рѣшился сопровождать меня въ Швейцарію. Благодаря ему болѣзнь (которая тебя удручаетъ и которая мнѣ такъ понятна), болѣзнь, происходящая отъ одиночества, меня не постигла. Но я бы, какъ и ты, подвергся ей, если бы я былъ одинокъ въ моемъ путешествіи. Письмо твое меня сильно тронуло, и намъ положительно необходимо съѣхаться гдѣ-либо въ Италіи. Не могу тебѣ сказать навѣрно, когда я покину Швейцарію; вѣрно одно, что я остаюсь въ Веве не болѣе трехъ недѣль (считая съ завтрашняго дня). Въ началѣ Ноября я переѣду Альпы; отправлюсь сначала въ Миланъ черезъ Симплонъ; оттуда въ Геную; изъ Генуи черезъ Ливорно во Флоренцію, гдѣ я буду, вѣроят-

---

[1]) Въ датѣ письма Жуковскій ошибся; въ Веве, какъ видно изъ его дорожнаго дневника, онъ пріѣхалъ 22 Сентября (4 Октября н. с.). 23 же Августа (4 Сентября н. с.) онъ былъ еще въ Ганау.

[2]) Будущимъ тестемъ Жуковскаго, Гергардомъ-Вильгельмомъ фонъ Рейтерномъ (р. 1794 † 1865). Рейтернъ былъ благородная и свѣтлая личность. О немъ см. книгу „Gerhardt von Reutern. Ein Lebensbild, dargestellt von seinen Kindern und als Manuscript gedruckt zur hundertjährigen Gedächtnissfeier seines Geburtstags“ (Спб. 1894) и „Русскій Архивъ“, 12-й выпускъ за 1894 годъ.

но, въ концѣ Ноября. Тамъ я разсчитываю пробыть три недѣли, а потомъ на пароходѣ отправлюсь въ Неаполь. Таковъ мой планъ, дорогой другъ; не могъ ли бы ты сообразоваться съ нимъ? Для насъ обоихъ было бы счастіемъ пожить вмѣстѣ въ Италіи: мы бы подѣлили время между Неаполемъ и Римомъ, и это напомнило бы намъ Дрезденъ. Если письмо мое застанетъ тебя во Флоренціи, побудь тамъ и подожди меня. Интереснаго тамъ достаточно, чѣмъ можешь заняться и наполнить время; изучай Итальянскій языкъ. Отвѣть на это письмо въ нѣсколькихъ словахъ и отвѣты свои пошли въ Веве, Миланъ и Геную, poste restante. Отвѣчай лишь въ двухъ словахъ: *жду во Флоренціи*, и этого довольно. Мое здоровье удовлетворительно. Вейльбахъ значительно возстановилъ мои силы; но затѣмъ я усталъ отъ дороги и нѣсколько ослабъ. Посмотримъ, что́ будетъ отъ лѣченія виноградомъ. Прости. Надѣюсь, до свиданья. Жуковскій.

Я полагаю, что ко мнѣ присоединится Киль [3]); онъ мнѣ писалъ изъ Дрездена. Но это нисколько не помѣшаетъ нашему свиданію.

CLXI.

19 (31) Октября (1832, Веве).

Мое письмо огорчитъ тебя, мой милый другъ; но дѣлать нечего. Намъ не видаться съ тобою въ Италіи и мнѣ не видать Италіи. Стоило великой борьбы, чтобы отказаться отъ этого невозвратимаго наслажденія: осторожность однако превозмогла, и я остаюсь на зиму въ Веве. Вотъ въ чемъ дѣло: пароксизмы моей болѣзни начинаютъ возвращаться; при малѣйшей усталости возобновляется кровотеченіе. Вотъ уже нѣсколько дней какъ тоже дѣлается со мною, что́ было въ Петербургѣ. Еще худа нѣтъ; но можетъ быть худо. Главная необходимость для меня есть совершенный физическій покой, соединенный съ душевнымъ. Перваго нельзя имѣть въ путешествіи; а послѣдній едва ли буду имѣть въ такой сторонѣ, гдѣ на всякомъ шагу новое привлекательное, не дающее покою: надобно будетъ бѣгать, смотрѣть, поминутно будешь увлеченъ какою-нибудь новою прелестію. Это не для меня: не больному наслаждаться путешествіемъ. Если бы еще можно было перескочить разомъ въ Неаполь, то я конечно бы здѣсь не остался; но надобно ѣхать, а между тѣмъ болѣзнь опять открывается. Что́, если я себя совершенно разстрою? Нѣтъ! думалъ, думалъ, и рѣшился остаться. Главное горе мое это ты и еще то, что я не увижу Ливурны, не взгляну на могилу Саши [1]). Это поручаю тебѣ; если письмо мое найдетъ тебя во Флоренціи, то, прежде нежели поѣдешь въ Римъ, заверни въ Ливурну. Сверхъ того возьми на себя заботу о памятникѣ; надобно положить на могилу простую мраморную доску съ надписью, высѣченною въ камнѣ (а не изъ бронзы, ибо все бронзовое крадутъ). Надпись таже, какая на гробѣ Маши [2]). Вотъ она:

---

[3]) Вѣроятно Левъ Ивановичъ Киль († 1851), бывшій адъютантомъ Цесаревича Константина Павловича, а затѣмъ свиты Его Величества генералъ-маіоромъ и съ 1845 года начальникомъ Русскихъ художниковъ въ Римѣ.

[1]) А. А. Воейковой.

[2]) М. А. Мойеръ († 1823), похороненной въ Дерптѣ.

ЗДѢСЬ ПОГРЕБЕНА

Александра Андреевна

ВОЕЙКОВА,

урожденная Протасова.

Да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте; въ дому Отца Моего обители многи суть: аще ли же ни, реклъ быхъ вамъ: иду уготовати мѣсто вамъ, и аще уготовлю мѣсто вамъ, паки пріиду и поиму вы къ себѣ: да, идѣже есмь Азъ, и вы будете.

Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. Возмите иго Мое на себе и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ и обрящете покой душамъ вашимъ; иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть.

Надобно написать слова какъ можно явственнѣе, дабы не вышло безтолковщины. Закажи камень и увѣдомь меня о цѣнѣ, пришлю деньги изъ Петербурга; для этого можешь употребить князя Горчакова [3]), нашего chargé d'affaires во Флоренціи. Онъ меня знаетъ. Устрой все поаккуратнѣе. Саша погребена въ Ливурнѣ на Греческомъ кладбищѣ. Подлѣ нея гробъ князя Долгорукаго, по которому легко ее отыщешь. О моемъ житьѣ-бытьѣ не безпокойся; я не одинъ, со мною Рейтернъ, который выписываетъ на зиму и свое семейство, такъ что я буду и въ совершенномъ уединеніи, и съ своимъ домомъ. Но Дрездена уже намъ не возвратить: никогда мнѣ не было такъ уютно, и покойно, и домовито, какъ въ Дрезденѣ; это время одно изъ самыхъ солнечныхъ въ жизни. Ты же спѣши въ Неаполь, тамъ Волконская, [4]) тамъ Алина; ты не будешь совершенно одинъ. Какъ мнѣ жаль нашего вмѣстѣ, какъ жаль Италіи, Колизея, Пантеона, Рафаэля, Везувія—не умѣю выразить; но дѣлать нечего; я здѣсь не для наслажденія, а просто для прозаическаго здоровья.

Прости, братъ. Напишу къ тебѣ, когда устроюсь. Нашелъ прекрасный домъ между Клараномъ и Монтрё въ самомъ тепломъ углу Швейцаріи: тамъ проведу 6 мѣсяцевъ самыхъ уединенныхъ. Скуки не боюсь, ибо намѣренъ работать. Лишь бы только здоровье не свихну-

---

[3]) Александра Михайловича (впослѣдствіи канцлера).

[4]) Княгиня С. Г. и княжна А. П. Волконскія. См. выше, въ прим. 2 къ письму CXXIX.

лось. Прости. Отвѣчай скорѣе на это письмо. А еще не имѣлъ отъ тебя отвѣта и на первое письмо мое, адресованное во Флоренцію въ отвѣтъ на твое Вейльбахское. Получилъ письма изъ Россіи отъ Великаго Князя [5]), отъ Козлова и отъ Екатерины Аѳанасьевны [6]). Карамзины здоровы, и старшіе сыновья уже студенствуютъ. И Викулинъ [7]) пишетъ изъ Шотландіи; онъ едва было не утонулъ на переѣздѣ моремъ; теперь уже вблизи своей невѣсты, но еще не видалъ ея, и ничто не рѣшилось. Мой адресъ, какъ прежде: à Vévay. Poste restante.

CLXII.

6 Ноября (новаго стиля 1832), Веве.

Я писалъ къ тебѣ дважды во Флоренцію poste restante и ни на одно письмо не получилъ отвѣта. Въ первомъ письмѣ было условіе, какъ и гдѣ намъ съѣхаться. Я думалъ найти тебя во Флоренціи и просилъ, чтобы ты меня дождался. Во второмъ увѣдомлялъ тебя, что я рѣшился не ѣхать въ Италію и прожить всю зиму спокойно подлѣ Веве, то-есть между Клараномъ и Монтрё въ самомъ тепломъ мѣстѣ Швейцаріи. На это рѣшило меня то, что мои пароксизмы, отъ которыхъ избавили меня Эмсъ и Вейльбахъ, начали возвращаться. Всякое движеніе нѣсколько болѣе обыкновеннаго производитъ кровотеченіе, и бѣда, если старое возвратится: тогда все было напрасно, и начинай лѣченіе снова. Я подумалъ, что путешествіе само по себѣ будетъ уже сильнымъ движеніемъ и что въ Италіи мнѣ трудно будетъ сидѣть на мѣстѣ: надобно будетъ все осматривать. Если же не осматривать ничего, то не зачѣмъ и ѣздить въ Италію. Однимъ словомъ, я твердо увѣрился, что путешествіе въ Италію будетъ мнѣ физически вредно, и рѣшился остаться. Но оставаться одному такъ же почти вредно, ибо задохнешься отъ скуки. Со мною по сихъ поръ жилъ Рейтернъ, и онъ рѣшился выписать свою семью, дабы также остаться на зиму въ Швейцаріи вмѣстѣ со мною. Онъ получилъ сперва отъ жены письмо, что она будетъ: это положило конецъ нерѣшительности и для меня, и я написалъ къ тебѣ во Флоренцію, чтобы ты меня не ждалъ. Но вотъ пришло другое письмо отъ Рейтерновой жены, въ которомъ она увѣдомляетъ о случившихся препятствіяхъ въ путешествіи, и это опять произвело нерѣшимость для меня, и Рейтернъ долженъ будетъ уѣхать, если препятствія не устранятся. Такимъ образомъ все еще есть возможность, что я поѣду въ Италію. Если поѣду, то не далѣе Рима, и все путешествіе мое продолжится Декабрь, Генварь, Февраль и Мартъ. Въ Апрѣлѣ надобно будетъ поворотить оглобли и ѣхать прямо въ Вейльбахъ. Вѣроятнѣе же, что я останусь. Мнѣ не надобно нисколько рисковать здоровьемъ: если старое возвратится, то уже будетъ весьма, весьма плохо. Живучи здѣсь, проведу зиму самую спокойную, въ за-

---

[5]) Цесаревича Александра Николаевича.

[6]) Протасовой.

[7]) Сергѣй Алексѣевичъ Викулинъ, гвардейскій офицеръ большихъ дарованій, рано умершій вслѣдствіе умственнаго разстройства. См. о немъ „Русскій Архивъ“ 1883, кн. I, стр. V, прим. 1.

нятіи, наблюдая режимъ, дѣлая умѣренное движеніе и владѣя всѣмъ своимъ временемъ: это всего нужнѣе для довершенія лѣченія, и этого нельзя надѣяться ни отъ путешествія, ни отъ житья въ Италіи.—Ты вѣрно въ свое время получилъ мои письма; позаботься о памятникѣ Сашѣ, увѣдомь меня о цѣнѣ и о томъ, кому поручишь исполненіе. Большое для меня горе, что я не буду въ Ливурнѣ. Прости, мой милой; подробностей о себѣ никакихъ сообщить не могу, ибо живу самымъ однообразнымъ образомъ; завтра или послѣзавтра отправлюсь въ Женеву на три или четыре дня, чтобы взглянуть на Андрюшу [1]); оттуда возвращусь въ Веве черезъ Лозанну и погляжу на Лагарпа [2]); потомъ на всю зиму (если планъ жизни моей уладится) погребусь въ своемъ уединеніи: прекрасный домъ, на берегу озера, защищенный отъ сѣвернаго вѣтра, въ Верне (мѣстечко между Клараномъ и Монтрё). Если нѣтъ для меня Италіи, то по крайней мѣрѣ будетъ поэзія, и ея мечты возвратятъ мнѣ потерянную Италію. Обнимаю тебя. Мой адресъ: à Vévay, poste restante. Ж.

CLXIII.

Верне близъ Веве (15 (27) Января 1833) [1]).

Благодарствую, милой, за прелестное письмо твое. Оно меня наполнило грустію по Италіи, но еще болѣе убѣдило, что я хорошо

---

[1]) Слабоумный сынъ А. А. Воейковой, воспитывавшійся въ Женевскомъ пансіонѣ. Въ Женеву въ предположенный въ письмѣ день Жуковскій не поѣхалъ, какъ это видно изъ его дневника, а съѣздилъ туда 18 (30) Ноября, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста его дневника: „18 (30), Пятница. Посѣщеніе Андрюши съ Приватомъ (Privat). Первая минута. Сходство (*т. е. съ матерью*): въ чертахъ, въ manière d'être, походкѣ; руки, усмѣшка. Послѣобѣденный экзаменъ. Приватъ. Незлопамятность, робость, невеликодушіе упрямство. Сонъ ума и чувства. Развитіе тѣлеснос".

[2]) Въ Лозанну, для посѣщенія Лагарпа, знаменитаго воспитателя Императора Александра I, Жуковскій отправился 2 (14) Ноября. Вотъ что̀ записано подъ этимъ числомъ въ его дневникѣ: „2 (14) Н(оября). Письма отъ Тургенева и Прива̀. Отвѣтъ. Поѣздка въ Лозанну. Ясный день. По пріѣздѣ къ Лагарпу. Его кабинетъ. Александръ. Бюстъ. Съ одной стороны выписка изъ Польской конституціи, съ другой изъ письма, Между бюстами Марка Аврелія и Перикла; но подлѣ Перикла Эпикуръ. Маленькій мраморный бюстъ на пьедесталѣ, подаренный княгинею Волконскою, съ надписью: A Paris il a oublié l'incendie de Moscou. L'ingrate Pologne lui devra sa régénération. Портретъ Александра во весь ростъ въ фуражкѣ. Портретъ Николая съ надписью: Указъ о составленіи tiers-état въ Россіи. Портретъ Екатерины, данный ею. Разговоръ о дѣлахъ Польскихъ; совѣтъ Лагарпа; гарантіи; Костюшко; отказъ Костюшки возвратиться въ Польшу; анекдотъ о Польскомъ феодализмѣ; Константиновъ экземпляръ конституціи Польской; его изъявленіе, что не можетъ принудить знать исполнять постановленія. Анекдоты о Павлѣ; его прощаніе съ Лагарпомъ; отнятіе пенсіона. Анекдотъ о дубѣ Петергофскомъ, Екатериною обведенномъ наканунѣ восшествія на престолъ. Жена Лагарпа Шаваннъ. Его племянница, родившаяся въ Испаніи. За столомъ пили за здоровье Императора". 3 (15) Ноября Жуковскій вернулся изъ Лозанны въ Веве.

*

[1]) Даты письмо не имѣетъ; но она можетъ быть опредѣлена точнымъ образомъ на

сдѣлалъ, оставшись по сю сторону Альповъ. Эта тревожная, можно сказать, очаровательная жизнь, безпрестанно возбуждающая всѣ душевныя силы, была бы для меня слишкомъ раздражительна и только что удалила бы меня отъ моей цѣли, отъ выздоровленія. Но не могу не скорбѣть, что болѣзнь помѣшала мнѣ пожить вмѣстѣ съ тобою въ этой чудесной Италіи. Правда и то, что безъ болѣзни я не былъ бы и на берегу Женевскаго озера, я прямо остался бы въ Петербургѣ и дѣлалъ свое дѣло. И мысль объ моемъ удаленіи изъ Россіи часто меня тревожитъ; теперь я узналъ, что и Мердеръ [2]) боленъ: доктора рѣшили, что и ему надобно нѣсколько времени пользоваться покоемъ, и временно мѣсто его занялъ Кавелинъ [3]). Съ одной стороны я этому и радъ: Кавелинъ человѣкъ надежный, онъ имѣетъ благородный, честный характеръ и начатаго дѣла не испортитъ; а Мердеру непремѣнно нужно отдохнуть, иначе онъ бы совсѣмъ опрокинулся; онъ давно уже боленъ; лишь бы только теперешній припадокъ болѣзни не былъ опасенъ: это меня тревожитъ. Мердера замѣнить будетъ не можно; хотя онъ и не имѣетъ образованія Европейскаго, но своимъ характеромъ и твердымъ, здравымъ умомъ принесъ уже весьма много пользы Великому Князю. Такіе люди, какъ онъ, сокровище при дѣтяхъ Царскихъ: благодаря ему (и мнѣ), Великій Князь не потеряетъ уваженія къ людямъ. Это чувство есть палладіумъ души; оно особенно нужно Царю, и въ наше время болѣе, нежели когда-нибудь, подвержено опасности охолодѣть или совсѣмъ изгладиться. Не будь этой тревоги о Мердерѣ, я бы велъ жизнь свою здѣсь весьма покойно и весело: она мнѣ совершенно по нраву, полное, свободное, беззаботное уединеніе. Много сходства съ нашею Дрезденскою жизнію; только еще однообразнѣе. Тамъ былъ подъ бокомъ театръ и семейство Пушкиныхъ [4]), а здѣсь одно Женевское озеро, Симплонская дорога, по которой ежедневно дѣлаю отъ шести до семи верстъ, и картина горъ, на кои еще не отваживаюсь взбираться. Встаю, какъ въ Дрезденѣ, въ пять часовъ и занимаюсь чѣмъ ни попало; стиховъ написалъ довольно, но все еще

основаніи слѣдующихъ двухъ мѣстъ изъ дневника Жуковскаго за 1833 годъ и сопоставленія ихъ съ содержаніемъ настоящаго письма: „13 (25) (Января), Пятница Письма отъ Тургенева и отъ Шамбо. Извѣстіе о смерти Пушкиной и о болѣзни Мердера. Продолжалъ Eleus. Fest (*т. е. переводъ баллады Шиллера Элевзинскій праздникъ*). Итальянецъ съ обезьяною. День безъ солнца и довольно холодный. 15 (27), Воскресенье. Писалъ къ Габбе и къ Тургеневу. Мысли о Радовицѣ".

[2]) Генералъ-адъютантъ Карлъ Карловичъ Мердеръ, воспитатель Цесаревича Александра Николаевича. Болѣзнь К. К. Мердера потребовала лѣченія за границей, гдѣ онъ и умеръ 24 Марта 1834 года. Жуковскимъ, какъ извѣстно, было написано о немъ воспоминаніе (см. Соч. Жуковскаго, изд. 8-е, т. 5, стр. 479—481).

[3]) Генералъ-адъютантъ Александръ Александровичъ Кавелинъ (р. 1793 † 1850) Мѣсто воспитателя Цесаревича Александра Николаевича было предложено А. А. Кавелину Императоромъ Николаемъ еще раньше К. К. Мердера, но тогда Кавелинъ отказался. А. А. Кавелинъ впослѣдствіи былъ сенаторомъ, С.-Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ (съ 1842 по 1846 г.) и членомъ Государственнаго Совѣта.

[4]) Е. Г. Пушкиной и ея дочерей.

не расписался и черпаю изъ другихъ [5]), а своего не начиналъ, и не знаю, удастся ли написать что-нибудь свое: для этого нужно болѣе живости и свѣтлости воображенія, которому болѣзнь большая помѣха. Но я не боленъ, а только остановился на одномъ пунктѣ, и мои пароксизмы (то есть кровотеченіе) продолжаются постоянно, съ тою только разницею, что они не ослабляютъ меня, какъ въ Петербургѣ, и на лицѣ моемъ гораздо болѣе свѣтлости; какъ скоро эти пароксизмы уймутся, то и здоровье укоренится; но это можетъ быть только исподоволь, отъ постоянно спокойной жизни. Мнѣ еще остается три или четыре мѣсяца. Поѣду отсюда не прежде, какъ въ половинѣ Мая; и такъ еще довольно времени впереди. Я согласенъ съ тобою, хорошо бы было прожить такъ еще годъ; но возможно ли? Надобно будетъ совсѣмъ отказаться отъ своего дѣла. Увидимъ, чтó скажетъ весна. Между тѣмъ продолжай писать ко мнѣ и давай мнѣ Италію въ своихъ письмахъ. Ты вѣроятно скоро отправишься въ Неаполь, тамъ найдешь много Русскихъ, между прочими и Паисія Сергѣевича Кайсарова [6]). Радовицы [7]), вѣроятно, оставили уже Римъ: они скачутъ по почтѣ и къ концу Февраля должны уже быть въ Берлинѣ. Съ Радовицемъ провелъ я здѣсь прелестный вечеръ. Это теплая, крѣпкая душа; онъ на все глядитъ своими глазами, но при немъ нельзя не мыслить и не чувствовать. Въ его образѣ мыслей можетъ быть много излишества (exagération), но такой образъ мыслей есть доска спасенія въ нашемъ убійственно-позитивномъ вѣкѣ, когда все возвышающее душу засыпано земнымъ соромъ, когда нѣтъ святаго, когда математическій гордый умъ гонитъ Бога съ Его мѣста и когда образованность сдѣлалась плодомъ безъ зерна. То, чтó дѣлается во Франціи, имѣетъ для меня что-то ужасающее (abschreckendes); правда, Франція можетъ быть никогда не имѣла такой массы свободы, какую имѣетъ теперь; но чтò въ этомъ за выгода: достоинство человѣческое унижено, свѣтлое раздавлено. Они не кричатъ теперь, какъ сумасшедшіе ребята первой революціи: нѣтъ Бога; но какъ изнуренные развратники выключили Его изъ жизни и не чувствуютъ нужды въ святынѣ. Такой ли долженъ быть плодъ человѣческой образованности? И мы конечно не живемъ въ такое время, когда можно сказать: человѣкъ близокъ къ своей цѣли. Передъ нами еще одни грубые, набросанные матеріалы, изъ которыхъ многое можетъ быть построено; но могущій строитель,

---

[5]) За время пребыванія въ Веве и Верне, съ 31 Октября 1832 по 15 Января 1833 года, Жуковскимъ переведены были изъ Уланда, Шиллера и Гёте слѣдующія пьесы: Роландъ оруженосецъ; Плаваніе Карла Великаго; Норманскій обычай; Братоубійца; Рыцарь Роллонъ; Старый рыцарь; Улиннъ и его дочь; Элевзинскій праздникъ; Орелъ и голубка; сверхъ того начатъ былъ переводъ Наля и Дамаянти (всего лишь семнадцать строкъ). (См. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 101).

[6]) Паисій Сергѣевичъ Кайсаровъ (р. 1783 † 1844), братъ друга Жуковскаго и Тургенева, Андрея Сергѣевича Кайсарова, воспитывался въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ; онъ былъ генераломъ-отъ-инфантеріи и сенаторомъ.

[7]) Извѣстный Прусскій дипломатъ и государственный дѣятель Іосифъ Радовицъ (р. 1797 † 1853), котораго біографическій очеркъ впослѣдствіи написалъ Жуковскій.

время, еще не принялся за свое дѣло, еще все валится, и долженъ быть сдѣланъ строгій выборъ изъ навалившейся груды. Посреди такого хаоса Радовицъ со своими высокими, непрозаическими мыслями есть явленіе радостное; если онъ не попалъ на истину, то, конечно, не попали на нее и тѣ, кои стоятъ на дорогѣ, какъ Прокрустъ съ своею постелью, и хотятъ вмѣстить въ нее все Божественное и человѣческое. Въ системѣ Радовица особенно прекрасно то, что она не только въ головѣ его, но и въ жизни, во всякую минуту жизни. Другіе толкуютъ о главномъ житейскомъ, когда случится, и берутъ мысли и чувства изъ запертаго сундука, въ которомъ берегутъ ихъ про всякій случай: это мертвый капиталъ. У него же эти мысли живыя деньги, которыя безпрестанно въ оборотѣ. Жаль, что такіе люди для меня только минутныя встрѣчи. Мы дома привыкли жить безъ жизни, и наши мысли для насъ тоже, что́ золотыя древнія медали для охотника: заперты въ ящикѣ, да и только. Ничто ихъ не грѣетъ и не выводитъ на Божій свѣтъ; тлѣются и покрываются плѣсенью; а съ ними и душа. Ты это испыталъ, я думаю, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ; теперь ты раскошествуешь посреди Италіи, посреди необъятнаго запаса произведеній человѣческаго генія и воспоминаній историческихъ; надобно имѣть подлѣ себя Нѣмца, чтобы выкопать жизнь изъ этихъ великолѣпныхъ развалинъ. Я здѣсь, напротивъ, не имѣю никакого возбужденія извнѣ; мой Петербургскій кабинетъ переѣхалъ сюда вмѣстѣ со мною; но за то мнѣ здѣсь вольно дышать, и я самъ у себя во власти: нѣтъ вокругъ меня музыки, за то не слышу и кваканья лягушекъ. Могу себѣ говорить на просторѣ: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.—А ты пиши, все пиши ко мнѣ и не слишкомъ будь взыскателенъ; ты знаешь, что я не охотникъ писать, что мнѣ для писемъ нужно такое же вдохновеніе, какъ для стиховъ; писать же и не о чемъ: высокіе утесы, да изумрудная вода, вотъ и только. И то правда, каждый день они новы, и каждый день можно бы было что-нибудь свѣжее написать объ нихъ, но для моихъ описаній немного словъ найдется въ лексиконѣ. Ты же теперь Крезъ и можешь дарить меня, не ожидая и не требуя отплаты. Къ памятнику [8]) ничего отнюдь прибавлять не надобно; онъ долженъ быть не иное что́, какъ второй экземпляръ Дерптскаго [9]). Обѣимъ сестрамъ одинакой гробъ и одинакая надпись: ихъ души были одинаковы, хотя въ разномъ образѣ; и можно сказать, что между ихъ могилами таже разница, какая между ихъ наружностію. Для одной умершей небо Лифляндіи и тихой уголокъ подлѣ большой дороги, за которою поле, покрытое жатвою; природа простая и пріятная, какъ ея тихія свойства; надъ другою голубое небо Италіи съ его яркими звѣздами и съ благовоніями Юга, очаровательными, какъ ея милое, восхитительное ребячество, какъ поэзія ея сердца. Итакъ не перемѣняй и не прибавляй ничего. Предувѣдомь меня, когда соберется Энгельбахъ послать третій камень въ Россію; объ этомъ мнѣ надобно предварительно написать въ Ригу и въ Дерптъ. Вотъ адресъ: Евстафію Ѳедоровичу

---

[8]) На могилѣ А. А. Воейковой въ Ливорно.

[9]) На могилѣ М. А. Мойеръ.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1895 года.

(Годъ тридцать третій).

„Русскій Архивъ" въ 1895 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1895 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ прошлыхъ лѣтъ: за **одну** по 1 р. 25 к., за **двѣ** по рублю, **за три** по 80 к., за **четыре** и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный—30 к., городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются расписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 4 часовъ дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива" Петръ Бартеневъ.
Юрій Бартеневъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1896 года.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1895

12.

Стрн.

„РУССКІЙ АРХИВЪ" БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ 1896 ГОДУ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1895.

*

Въ 1895-мъ году подписчики «Русскаго Архива» получили по одной книгѣ «Архива князя Воронцова», которыхъ имѣется въ нашемъ распоряженіи **двадцать шесть**. Содержаніе ихъ ниже слѣдуетъ. Подписчики на 1896 годъ благоволятъ означать при высылкѣ денегъ, какую именно изъ этихъ книгъ желаютъ они получить безплатныхъ приложеніемъ.

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ „АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА“.

I. Бумаги императрицы Елисаветы Петровны. Прошенія родственниковъ ея. Письма Шуваловыхъ, князя и княжны Кантемиръ, матери Екатерины Великой. Дѣло о Шетарди. Снимки съ писемъ Елисаветы, Іоанны, Елисаветы и князя Кантемира.

II. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Письма графовъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ. Перлюстрація писемъ касательно заговора маркиза Ботты. Бумаги барона Миниха. Прошенія и письма его и Бирона. Письма С. К. Нарышкина, генерала Кейта. Письма и прошенія къ импер. Елисаветѣ.

III. Служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестока. Бумаги. Конференціи. Письма А. П. Бестужева-Рюмина къ барону І. А. Корфу. Переписка съ графомъ А. Г. Головкинымъ.

IV. Мнѣнія графа А. П. Бестужева о принятіи Англійскихъ субсидій. О Московскихъ пожарахъ. Переписка гр. Бестужева съ Апраксинымъ. Доклады графа Воронцова. Записка гр. Воронцова о Семилѣтней войнѣ. Дѣло Лестока. Переписка съ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

V. Автобіографія графа А. Р. Воронцова. Переписка съ гр. М. Л. Воронцовымъ. Письма княг. Дашковой. Письма А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской (1782 — 1800). Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Повинная его. Допросные пункты. Письма Вольтера.

VI. Доклады Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Переписка съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. И. Шуваловымъ, съ главнокомандующими. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскѣ въ 1757. Съ планомъ.

VII. Доклады Елисаветѣ Петровнѣ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Рапортъ Костюрина о Русской арміи. Дѣло графа Тотлебена. Реляція фельдмаршала графа Бутурлина 21 Августа 1761 года. Проектъ графа П. И. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескрипты гр. Бутурлину. Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV. Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Замѣчанія княг. Дашковой на книгу Рюльера. Съ портретомъ гр. М. Л. Воронцова и снимкомъ.

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ.

IX. Письма графа С. Р. Ворон-

(*См. на 3-й стр. обертки*).

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И К°, МОСКВА.

Николай Ивановичъ Тургеневъ,

род. 1789 г., ум. 1871 г.

ЗАПИСКА О ТУРЦІИ, ПОДАННАЯ ГРАФУ А. Х. БЕНКЕНДОРФУ ВЪ 1833 ГОДУ*).

Votre excellence m'ayant ordonné de lui présenter un mémoire sur la sensation que produisent dans le public les derniers événements de Constantinople, je m'empresse de lui soumettre les observations que j'ai été à même de recueillir sur ce sujet dans mes conversations non seulement avec des habitants du pays, mais mêmes avec des étrangers.

Les affaires de Constantinople occupent le public de diverses manières. Les uns ne voyent dans ces événements qu' une occasion favorable pour la Russie de s'agrandir aux dépense de la Porte, en profitant de la tourmente politique, qui fait naufrager cet empire; d'autres considèrent la guerre de l'Égypte contre Constantinople sous un autre point de vue: ils y voyent une influence occulte française et anglaise, qui pousse la Porte à la ruine pour élever avec ses décombres des états moins grands et avec lesquels ils pourraient faire des arrangements avantageux sous le rapport de commerce. Plusieurs personnes, se rappellant d'un ancien projet de Canning sur la Grèce, qui voulait créer cet état pour le dilater ensuite peu à peu dans toute la Turquie d'Europe, croient maintenant que les événements d'aujourd'hui ne sont que la poursuite systématique de ce projet. Enfin, il est des individus, qui s'applaudissent de cette catastrophe, qu'ils regardent comme un fait heureux pour la chrétienté et pour l'humanité; ils voyent la main de Dieu dans ce déchirement d'un empire barbare et ennemi du Christ. D'autres, prenant pour point de départ le projet de civilisation de sultan, déplorent au contraire sa chute: car ils espéraient que ce caractère énérgique serait parvenu à transformer les peuples incultes en une nation européenne. Cependant, les hommes plus éclairés ne voyent en lui qu'un imitateur imprévoyant des travaux lumineux et féconds de Pierre-le-Grand. En effet, la Turquie n'est quelque

*) Намъ неизвѣстенъ сочинитель этой записки. Она сохранилась въ замкѣ Фаллѣ, у внука графа А. Х. Бенкендорфа (который въ молодости своей и въ 1828 году бывалъ въ Турціи), князя П. Г. Волконскаго, любезно сообщившаго ее въ „Русскій Архивъ“. П. Б.

chose dans la balance européenne que par son organisation orientale, qui pouvait, par la disponibilité d'une population toute armée et fanatisée, menacer les états civilisés d'une invasion, et cette menace était toute sa force politique; tandis qu' avec l'introduction d'une armée permanente, troupe très coûteuse et d'un systeme régulier de finances, la Turquie d'Europe serait devenue un état du troisième ordre: car ses armées n'auraient pas pu s'élêver alors au delà de la proportion de ses revenus, et les revenus étant modiques, l'armée aurait été toujours petite, et puis la conséquence finale de ce systême aurait été toujours le démembrement de toutes les provinces asiatiques, qui ne se seraient pas laissées désarmer et qu'on n'aurait jamais pu contraindre à payer des impôts avec une armée si peu nombreuse.

Cependant, les bons esprits voyent avec peine une révolution là même, où le pouvoir était sans partage et sans modification politique et morale. C'est toujours un triomphe dangereux que celui des masses, c'est toujours un grand mal que la chute illégitime d'un autorité sanctionnée par le temps.

Ce nouveau triomphe pour les révolutionaires augmentera l'audace de ces coriphées de la démagogie européenne, de ces hommes qui ne rêvent que la chute et la décadence du pouvoir et le nivellement général pour pouvoir s'élêver eux-mêmes sur les débris de civilisation: car la civilisation qu'ils préconisent a plus à craindre d'eux que de ces barbares, dont l'histoire conserve l'effrayant souvenir. En effet, la démocratie n'est-elle pas la barbarie intérieure, dont l'invasion est plus dangeureuse encore que celle de la barbarie extérieure?

Si l'empire du Croissant doit périr, ce ne sont pas pourtant les démagogues qui doivent s'approprier ce triste succès; si cette décadence a lieu, elle viendra comme un nouvel exemple frappant à l'appui d'une grande vérité: c'est que là où il n'y a pas de liens sociaux et d'aristocratie, les trônes n'ont point d'appui. En effet, l'aristocratie est portée à conserver l'ordre existant dans tous les pays, et son instinct de conservation réside dans ses sentiments et dans ses intérêts. Dans ses sentiments: car, en approchant le monarque et sa famille, ils s'attachent à eux; dans ses intérêts: car si le monarque ou cette famille tombent, leur chute entraîne aussi celle de l'échafaudage entier des privilèges de l'aristocratie. On entend par aristocratie celle qui n'a que des privilèges respectés et non celle du moyen âge, qui avait des droits politiques; la première seule est le soutien du trône et de l'état, la seconde tend toujours à usurper le pouvoir.

En général, on croit au morcellement de la Turquie, vu l'impossibilité dans laquelle se trouvera le pacha d' Égypte, même en usurpant le trône, de conserver tous les états qui composent ce vaste empire. On croit plus probable une séparation de la Turquie d'Afrique d'avec la Turquie d'Europe et un partage entre elles des provinces asiatiques. On espère encore qu'un des enfants du sultan deviendra son successeur pour Constantinople et que cette mesure politique sera prise même par Ibrahim. En effet, il serait alors sûr de faire sanctionner un partage de l'empire en deux parties indépendantes.

Si une telle chose arrivait, le commerce alarmé aimerait à voir la Russie prendre aussi une part active dans ces affaires pour obtenir par la voie des négociations l'établissement d'un port-franc et indépendant à Constantinlope sous la protection collective des grands cabinets. Cette mesure assurerait un débouché permanent pour les provinces du Midi.

Mais ce que les gens bien-pensants craignent le plus, c'est la guerre. L'alliance monstrueuse entre la France et l'Angleterre en fait surtout redouter: car cette alliance a cela d'effrayant qu'elle a plus l'air d'une alliance de principes que d'une alliance d'intérêts. L'ancienne idée du pacte de famille, abandonnée en France par la nouvelle dynastie-usurpatrice, semble avoir été remplacée par un pacte de principes; ce n'est plus une fédération de monarques, mais une ligne d'opinions populaires.

Et en effet, comment ne pas croire à l'existence d'un semblable état de choses, quand on voit l'Angleterre sacrifier non seulement les principes aristocratiques, mais même ses anciens alliés, tels que le Portugal et la Hollande, et les attaquer directement on indirectement?

Tout est miné sous le sol de la vielle Europe, tous les liens sociaux se dissolvent: car on tend partout à détruire tous les intérêts collectifs qui seuls peuvent assurer la stabilité. En partant de ce principe (vrai jusqu'à un certain point) qu'il faut diviser pour régner, on a ell ement divisé et subdivisé, qu'on a individualisé la société, on a détruit les corporations, les privilèges des classes, les intérêts de localité et par là on a tout nivellé. Qu'en est il résulté? C'est que partout où les choses en sont venues à ce point, le pouvoir moral s'est trouvé en présence du pouvoir matériel.

Heureusement, cette marche désorganatrice n'a fait aucun pas en Russie, dans cette jeune Europe, gouvernée par un grand Monarque,

puissant de génie et de caractère, qui prouvera que le plus tranquille des gouvernements c'est le plut fort, et que le plus heureux c'est celui où la volonté éclairée d'un seul dirige avec sagesse et sécurité le vaisseau de l'état au milieu de la tourmente révolutionnaire qui agite le monde.

S-t.Pétersbourg
12 janvier 1833.

Переводъ.

Ваше сіятельство приказали мнѣ составить записку о впечатлѣніяхъ, какія прозводятъ на публику послѣднія Константинопольскія событія, и я спѣшу представить вамъ нѣкоторыя замѣчанія, собранныя мной на этотъ счетъ изъ разговоровъ не только съ жителями страны, но и съ иноземцами.

Въ публикѣ существуютъ различные взгляды на Константинопольскія дѣла. Одни видятъ въ этихъ событіяхъ только удобный для Россіи случай усилиться на счетъ Порты, пользуясь политическими бурями, сокрушающими эту имперію; другіе смотрятъ на войну Египта съ Константинополемъ съ иной точки зрѣнія: они угадываютъ здѣсь скрытое вліяніе Франціи и Англіи, направляющихъ Порту къ гибели, чтобы воздвигнуть па ея развалинахъ нѣсколько меньшихъ государствъ, съ которыми можно было бы заключить выгодныя условія по части торговли. Многіе, вспоминая давнишній планъ на счетъ Греціи Канинга, желавшаго создать это государство, чтобы потомъ понемногу расширить его по всей Европейской Турціи, считаютъ, будто настоящія событія ничто иное, какъ систематическое преслѣдованіе этого плана; есть, наконецъ, много лицъ которыя радуются этой катастрофѣ, считая ее за счастливое событіе для христіанства и человѣчества: они видятъ перстъ Божій въ этой междоусобицѣ, раздирающей варварскую и враждебную Христу имперію. Наоборотъ, нѣкоторые, принимая въ расчетъ образовательные проэкты султана, оплакиваютъ ея паденіе: они надѣялись, что этотъ энергическій характеръ способенъ будетъ преобразовать невѣжественный народъ въ Европейскую націю. Однако люди свѣдующіе считаютъ султана только недальновиднымъ подражателемъ славныхъ и плодотворныхъ трудовъ Петра Великаго. И въ самомъ дѣлѣ, Турція занимаетъ мѣсто въ политическомъ равновѣсіи Европы только изъ за своего восточнаго устройства; народонаселеніе ея, все вооруженное и фанатизированное, предрасположено къ нашествію на образованныя государства, и угроза этого нашествія есть вся ея политическая сила, тогда какъ введеніе постоянной арміи, стоющей всегда дорого, и правильной системы финансовъ непремѣнно низведетъ Европейскую Турцію на степень государства третьяго порядка, потому что доходы будучи весьма ограниченными, не позволятъ содержать большой арміи, а окончательное слѣдствіе этой системы будетъ постоянное отпаденіе Азіатскихъ провинцій, которыя не позволятъ себя обезоружить и которыхъ нельзя будетъ заставить съ такой малочисленной арміей платить подати.

Однако лучшіе умы съ прискорбіемъ взираютъ на революціи даже тамъ, гдѣ власть была нераздѣльна и не измѣняема въ политикѣ и нравственности; торжество толпы всегда опасно, паденіе авторитета, утвержденнаго временемъ, всегда есть великое зло.

Такой новый тріумфъ революціонеровъ ободритъ еще болѣе этихъ корифеевъ Европейской демагогіи, этихъ людей, только и мечтающихъ что о разрушеніи и низведеніи власти и объ общемъ уравненіи, чтобы быть въ состояніи возвыситься самимъ на развалинахъ цивилизаціи; потому что цивилизація должна болѣе опасаться ихъ, нежели этихъ варваровъ, о которыхъ исторія сохраняетъ ужасное воспоминаніе. Дѣйствительно, демократія не есть-ли варварство внутреннее и не страшнѣе-ли она варваровъ внѣшнихъ?

Если имперія Полумѣсяца должна погибнуть, всетаки не демагоги должны присвоить себѣ этотъ печальный успѣхъ, и если послѣдуетъ разрушеніе, оно будетъ новымъ яснымъ примѣромъ великой истины, что тамъ гдѣ нѣтъ соціальной связи и аристократіи, тамъ тронъ не имѣетъ опоры. Въ самомъ дѣлѣ, аристократы призваны сохранять существующій порядокъ вещей во всѣхъ государствахъ, и консерватизмъ прямо вытекаетъ изъ ихъ чувствъ и интересовъ: ихъ чувствъ—потому что, будучи близки къ монарху и къ дому, они привязываются къ нему; ихъ интересовъ—потому что паденіе монарха или его дома неминуемо повлекло-бы за собой общее уничтоженіе всѣхъ привилегій аристократіи. Подъ аристократіей подразумѣвается та, которая имѣетъ почетныя привилегіи, а не средневѣковая, съ политическими правами. Первая есть опора трона и государства, вторая же всегда склонна присвоивать незаконно власть.

Въ общемъ, вѣрятъ въ раздробленіе Турціи, въ виду невозможности для Египетскаго паши, еслибъ даже онъ и похитилъ тронъ, сохранить всѣ области, составляющія это обширное государство. Считаютъ болѣе вѣроятнымъ отдѣленіе Африканской Турціи отъ Турціи Европейской и раздѣлъ между ними провинціи Азіатскихъ. Думаютъ также, что одинъ изъ дѣтей султана будетъ его преемникомъ въ Константинополѣ и что необходимость этой политической мѣры признана даже Ибрагимомъ, Дѣйствительно тогда онъ будетъ увѣренъ въ возможности раздѣла имперіи на двѣ независимыя части.

Если бы это случилось, встревоженная торговля пожелаетъ, чтобы Россія приняла дѣятельное участіе въ событіяхъ дня для устройства путемъ переговоровъ независимаго портофранко въ Константинополѣ подъ общимъ покровительствомъ большихъ государствъ. Эта мѣра обезпечила-бы постоянный сбытъ для южныхъ губерній.

Но чего люди здравомыслящіе больше всего опасаются, это войны. Чудовищный союзъ между Франціей и Англіей въ особенности внушаетъ опасенія. Этотъ союзъ тѣмъ страшенъ, что кажется союзомъ убѣжденій, а не интере-

совъ. Древняя идея договора фамилій, свергнутой во Франціи новою узурпаторской династіей, кажется, замѣнена договоромъ убѣжденій. Это союзы уже не монарховъ, а народныхъ мнѣній

Въ самомъ дѣлѣ, какъ не вѣрить въ подобное состояніе дѣлъ, когда Англія видимо жертвуетъ не только своими аристократическими принципами, но и даже и своими старыми союзниками, какъ Португалія и Голландія, которымъ она прямо или косвенно старается вредить.

Мины подведены подъ почвой старой Европы, всѣ узы общественныя распадаются, вездѣ стараются разрушить общіе интересы, которые одни могутъ обезпечить прочность въ дѣлахъ, исходя изъ убѣжденія (вѣрнаго только до извѣстной степени), что надо дѣлить, чтобы властвовать. Такъ дѣлили и подраздѣляли, что на общество уже не смотрятъ, какъ на цѣлое, а уничтожили всѣ корпораціи, всѣ классовыя привилегіи, интересы мѣстные и такимъ образомъ все уравняли. Чтòже изъ этого вышло? То, что вездѣ, гдѣ дѣла пришли къ такому концу, власть моральная стала лицомъ къ лицу съ властью матеріальной.

Къ счастью, такое разстраивающее порядокъ теченіе обстоятельствъ не проникло нимало въ Россію, эту новую Европу, управляемую великимъ Монархомъ, сильнымъ по своему генію и характеру, Монархомъ, который докажетъ, что твердое правленіе всегда самое спокойное, а самое счастливое то, когда воля одного мудро и безопасно ведетъ корабль государства среди революціонныхъ бурь, волнующихъ міръ. С.-Петербургъ 12 Января 1833.

ИЗЪ ПИСЕМЪ И. С. АКСАКОВА КЪ А. О. СМИРНОВОЙ *)

Знакомство И. С. Аксакова съ А. О. Смирновой началось въ 1845 году, въ Калугѣ, гдѣ онъ,въ ранней молодости, служилъ товарищемъ предсѣдателя Уголовной Палаты, а мужъ Смирновой Николай Михаиловичъ былъ губернаторомъ. О тогдашней Калугѣ читатели „Русскаго Архива“ уже знаютъ по Запискамъ Александры Осиповны, напечатаннымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ нынѣшняго года. Вотъ что писалъ Иванъ Сергѣевичъ въ Москву къ родителямъ своимъ о первой своей встрѣчѣ съ этой необыкновенной женщиной. П. Б.

I.

13-го Ноября 1845 года, Калуга.

Думалъ я прежде, что увижу чудо красоты, женщину, въ которой *все гармонія, все диво, все выше міра и страстей*. Въ первый разъ въ жизни я былъ, заранѣе впрочемъ, очарованъ, мечталъ Богъ знаетъ что.... Я не въ силахъ высказать вамъ того *непріятнаго, оскорбительнаго* впечатлѣнія, которое она на меня произвела. Она сейчасъ поставила меня въ свободныя отношенія; я ни разу не сконфузился, но часто вырывались у меня рѣзкія выраженія.... „Я видѣла вашего батюшку и вашего братца въ его костюмѣ; онъ говоритъ по-русски чудесно, но все-таки костюмъ не слѣдуетъ носить; я произвела на него пренепріятное впечатлѣніе, я это замѣтила“.... и хохочетъ. Это показалось мнѣ обиднымъ; я спросилъ причину непріятнаго впечатлѣнія. Видите, она все шутила съ Костей! [1]) „Напрасно, сказалъ я, вы шутили: онъ такъ искрененъ въ своихъ убѣжденіяхъ, такъ чистосердечно готовъ ихъ защищать каждую минуту, не понимаетъ шутокъ и не любитъ.“ Она начала говорить про костюмъ, что кто-то шьетъ себѣ терликъ изъ старой занавѣски, и хохочетъ, вспоминая все это съ братомъ. „Прекрасно, сказалъ я, что онъ (Костя) носитъ Русское платье, не смотря ни на какія шутки и насмѣшки; мы всѣ должны были бы поступить такъ, да дрянны слишкомъ“. Смирнова, не церемонившаяся со мною, явилась мнѣ въ самомъ непріятномъ видѣ; ея капризный тонъ съ людьми, съ мужемъ, ея смѣшная досада на все, что она не такъ удобно окружена, какъ прежде, что

---

[1]) Съ подлинниковъ, любезно сообщенныхъ въ „Русскій Архивъ“ дочерью А. О. Смирновой, Надеждою Николаевной Соренъ. П.-Б.

[2]) Т. е. съ старшимъ братомъ Аксакова, Константиномъ Сергѣевичемъ, который ходилъ тогда въ старинномъ Русскомъ платьѣ. Смирнова останавливалась въ Москвѣ, проѣздомъ въ Калугу изъ Петербурга, осенью 1845 года. П. Б.

ламповое масло не пріѣхало изъ Москвы. Все это очень безобразило ее. Ничего пріятнаго не нашелъ я въ лицѣ ея. Стала она съ братомъ своимъ передразнивать Н. Н. *) за ея суетливость и хлопотливость, и смѣяться надъ недостаткомъ зубовъ; все это какъ-то странно. Разъ пять въ продолженіе вечера принималась она передразнивать ее. Бранитъ Россію и все; но брань брани рознь, и я сказалъ ей, что „у васъ эгоистическое негодованіе, въ которомъ нѣтъ любви и скорби". Помираетъ со смѣху надо всѣмъ, что̀ видитъ и встрѣчаетъ, называетъ всѣхъ животными, уродами, удивляется, какъ можно дышать въ провинціи... Я самъ въ провинціи не на мѣстѣ, но мнѣ все это было досадно слышать; я мужчина, но во мнѣ больше мягкости и вниманія ко всему человѣческому. Я сильнѣе ея ругаю мошенниковъ; но если въ комъ есть хорошія, добрыя движенія души, тотъ не подвергнется отъ меня ни брани, ни насмѣшкѣ, хотя я со вниманіемъ буду изслѣдовать весь его внутренній механизмъ. Что Смирнова—олицетворенный умъ, въ томъ нельзя сомнѣваться; но въ томъ-то и бѣда. Какой тутъ источникъ вдохновенія! Замретъ, напротивъ, всякая поэзія. Моя душа была такъ внутренно оскорблена, что я не рѣшусь ни за что, мнѣ кажется, читать ей свои стихи, гдѣ есть хоть малѣйшій оттѣнокъ чувства, мечты... Она меня спрашивала о стихахъ, только я отвѣчалъ кратко. Она находитъ, что *панталоны* у Кости слишкомъ узки, Французскія. Читала мнѣ письмо Ростопчиной изъ чужихъ краевъ: слишкомъ тонко и умно; впрочемъ, умъ и истина Французскихъ фразъ. Любезности и привѣтливости со стороны Смирновой особенной не было никакой; она обращалась со мною, какъ съ человѣкомъ, котораго знаетъ 20 лѣтъ. „Приходите каждый день или вечеромъ, или къ обѣду; завтра вы будете?"—Нѣтъ, завтра не могу быть, отвѣчалъ я.—„Гдѣ же вы будете?"—Дома; я давно не сидѣлъ дома вечеромъ, сказалъ я, не спохватясь, и потомъ уже догадался, что это довольно неучтиво познакомиться съ ней и не торопиться видѣть ее опять. Но мнѣ было бы тяжело и второй вечеръ провести такъ; мнѣ хотѣлось отдохнуть душою. Эта женщина внушаетъ такую недовѣрчивость: не знаешь, говоритъ ли она серьозно или шутитъ; боишься ей говорить серьозно и искренно, потому что она, можетъ быть, помираетъ надъ вами со смѣху и будетъ хохотать потомъ съ своимъ братомъ. Такія лица не вызываютъ откровенности. Вы заговорите серьозно, ей въ эту минуту приходитъ въ голову какой-то смѣшной анекдотъ; такъ, совсѣмъ не кстати вспомнила она, что въ Петербургѣ есть одинъ *сумасшедшій*, который ходитъ въ Русскомъ платьѣ, un fou. Нѣтъ, она слишкомъ умна для меня, я же авторитета не имѣю, и хотя буду стараться узнать покороче, разгадать эту женщину; но на меня уже повѣяло такимъ холодомъ отъ нея, что я самъ собственно сожмусь внутренно, сколько можно. Но я такъ былъ разочарованъ, такъ огорченъ, такъ все внутри меня поставлено вверхъ дномъ, такъ непріятно нарушенъ миръ, гармонія моей души, что я не въ

*) Надежду Николаевну Шереметеву, урожденную Тютчеву женщину высокой добродѣтели. П. Б.

силахъ вамъ высказать своего впечатлѣнія. Сколько ожидалъ я отъ свиданія съ нею! Я совершенно разстроенъ. Не знаю, какъ будетъ дальше [1])

Черезъ нѣсколько дней Аксаковъ писалъ о Смирновой своему брату:

Калуга, 1845 года 24 Ноября,

Мнѣ все хандрится; я было уже успѣлъ настроить душу на мягкій тонъ, придти къ теплотѣ воззрѣнія; но А. О., какъ нѣкій злой демонъ, огорчивъ, оскорбивъ, смутивъ меня, разстроивъ мое тщеславіе и самолюбіе, нарушила строй души. Я часто видаюсь съ нею, но постоянно выношу непріятное впечатлѣніе, такъ что она иногда мнѣ становится въ тягость. Я разскажу подробно о томъ, какъ она обращается со мною и что̀ говоритъ. Ея простота и фамильярность имѣютъ что-то въ себѣ оскорбительное, какое-то пренебреженіе къ вашему мнѣнію и сужденію. Разговоръ, почти всегда пустой, состоитъ изъ анекдотовъ, до которыхъ она большая охотница. Часто прихожу я въ серединѣ подобнаго разговора, который для меня нисколько не измѣняется, продолжаетъ идти тою же пустою колеей; наконецъ, часу въ 12-мъ я ухожу. Мнѣ скажутъ: прощайте, до свиданія, и опять обращаются къ продолженію того же разговора. Я хотѣлъ бы потолковать о томъ, о другомъ, что̀ такъ серьозно, такъ важно для насъ, о поэзіи, о стихахъ, о человѣкѣ; но меня кормятъ такими вздорами, даромъ умными рѣчачами, побасенками (разумѣется, не Гоголевскими). Все это можно было бы тогда, когда люди узнали другъ друга, высказали другъ другу завѣтныя убѣжденія, и тогда всякій, даже пустой разговоръ, имѣлъ бы свой смыслъ и значеніе. Но что̀, конечно, обидно, такъ это видѣть, что вовсе и не заботятся о томъ, чтобъ узнать васъ съ другой стороны, между тѣмъ какъ я именно хотѣлъ бы ее видѣть въ другомъ свѣтѣ. Не принимая почти участія во всей этой болтовнѣ и внутренно досадуя на это, я большею частію молчу или говорю также пустяки, ищу случая ввернуть свое словцо. Между тѣмъ, она знаетъ или должна же знать по моимъ стихамъ, что во мнѣ лежатъ серіозные вопросы. Разъ, одинъ вечеръ, она все время вслухъ читала Гоголя „Мертвыя Души". Читаетъ она сама довольно хорошо и живо. Иногда сдѣлаешь серьезное замѣчаніе, скажешь не пошлую и не старую мысль; она или не дослушаетъ или не захочетъ узнать ее пространнѣе, вникнуть подробнѣе, придраться къ этому, чтобы завести разговоръ поискреннѣе, поглубже, но прерветъ васъ анекдотомъ или перейдетъ съ такою же легкостью и одинаковымъ участіемъ къ другимъ, ничтожнымъ предметамъ. Разъ сказала она мнѣ, чтобъ я принесъ ей свои стихи (мелкіе; „Чиновника" она слышала прежде). Я читалъ ей „26-е Сентября" и *Очеркъ*, не обратившій на себя ни малѣйшаго вниманія и сопровожденный затруднительнымъ и конфузнымъ молчаніемъ. Кажется, въ ней нѣтъ поэтическаго чувства; есть вещи, гдѣ много ума мѣшаетъ, гдѣ много слышитъ сердце изъ тона, изъ строя, изъ музыки стиховъ [2]).

---

[1]) См. книгу: „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ". М. 1888, т. I, стр. 286.

[2]) Тамъ же, стр. 295.

Мало по малу отношенія смягчились. Аксаковъ бываетъ въ Калужской гостинной у Смирновой почти ежедневно. Декабря 1-го 1845 года онъ пишетъ:

Я убѣдился, что она не притворяется, не играетъ комедіи и гораздо менѣе замѣчательная женщина, нежели мы думали. Мнѣ случилось имѣть съ ней разговоръ съ глазу на глазъ, долгій, до двухъ часовъ ночи, разговоръ искренній съ ея стороны о Самаринѣ и отчасти о Гоголѣ. Зная Самарина по себѣ, я разсказалъ ей всю цѣпь и послѣдовательность возникающихъ въ людяхъ нашего времени сомнѣній, безотрадныхъ стремленій, отсутствія убѣжденій и вѣры, съ признаніемъ религіи, съ желаніемъ убѣжденій, съ тайнымъ сознаніемъ своей неискренности и т. д. и т. д., что̀ я понялъ и сознаалъ очень хорошо и что̀ давно у меня просится въ стихотвореніе... Она это все поняла и всѣ мои заключенія о Самаринѣ нашла вѣрными; вообразите, однако, что она имѣла духъ сказать ему, что у него нѣтъ никакого творчества идей, что онъ никогда не будетъ человѣкомъ истинно замѣчательнымъ (что̀ неправда), что его удѣлъ настоящій быть homme de salon [1]), и что всѣ усилія его идти по другой колеѣ—не искренни, не внушаютъ довѣренности. Я сказалъ, что усилія его искренни, намѣренія также; но что самыя убѣжденія привиты, приняты, а не составляютъ одинъ цѣльный камень съ нимъ... [2])

Старикъ С. Т. Аксаковъ, находившійся въ постоянной перепискѣ съ сыномъ и познакомившійся съ А. О. Смирновой еще въ Москвѣ, раньше Ивана Сергѣевича, вотъ что писалъ ему въ Калугу 17 Ноября 1845 года:

Впечатлѣніе, произведенное надъ тобою свиданіемъ съ А. О., именно таково, какого мы ожидали; да ты потому такъ имъ пораженъ, что создалъ себѣ заранѣе совершенно другое существо; я нарочно не писалъ тебѣ ни слова и съ Константиномъ сдѣлалъ тоже. Я повѣрялъ вами себя, вашими впечатлѣніями—собственныя свои. Я не такъ самонадѣянъ, чтобы, послѣ такихъ отзывовъ Гоголя и Самарина (особенно послѣдняго), повѣрить первому своему взгляду. Она приняла меня, лежа совсѣмъ въ постели. Еслибъ я былъ молодой человѣкъ, то истолковалъ бы такой пріемъ въ выгодную для себя сторону; но, принимая въ первый разъ слѣпаго старика, нельзя было имѣть никакихъ особенныхъ намѣреній. И такъ, это—неуваженіе. Я могъ бы сейчасъ уйти, сказавъ, что не хочу безпокоить ее больную; но я не догадался, да и любопытство вполнѣ владѣло мною—разсмотрѣть эту женщину, которую такъ осуждаетъ общее мнѣніе и о которой Гоголь въ тоже время говоритъ: „едва ли найдется въ мірѣ душа, способная понимать и оцѣнить ее“.

Два часа съ половиной я заставлялъ говорить ее безпрестанно о томъ, о чемъ хотѣлъ... и что же? Я также, какъ и ты, не спалъ до двухъ часовъ, отъ изумленія. Я не вполнѣ довѣрялъ Гоголю и Самарину; я считалъ, что

---

[1]) Человѣкъ свой въ гостиныхъ.

[2]) Тамъ же, стр. 303.

они обольщены, очарованы (и мнѣ говорили многіе, что она сирена, очаровательница, волшебница) и сами того не видятъ. Но я увидѣлъ, что тутъ нѣтъ и тѣни ничего обольстительнаго даже ни въ какомъ отношеніи: я не нашелъ въ ней женщины; это былъ мужчина въ спальномъ капотѣ и чепчикѣ, очень умный, смѣло обо всемъ говорящій, но легкій, холодный; я по крайней мѣрѣ не замѣтилъ ни малѣйшей теплоты, ни даже признака эстетическаго и поэтическаго чувства. Я рѣшительно признаю.... Погожу признавать. Ты необходимо долженъ узнать ее близко. Преодолѣй себя и постарайся доискаться драгоцѣннаго камня, зарытаго въ хламѣ.

Отъ 3-го Декабря. Теперь поговоримъ объ А. О. Я не обвиняю себя за первое впечатлѣніе; можетъ быть, можно обвинить меня за малое уваженіе къ мнѣнію Гоголя и Самарина. Теперь, хотя я еще не видѣлъ ея въ другой разъ, я готовъ вполнѣ согласиться съ ними. Письма твои и еще болѣе стихи Пушкина меня въ томъ убѣждаютъ. Какъ чудесно выразилъ ее Пушкинъ: *я сохранила взоръ холодный, простое сердце, умъ свободный* и т. д. Я признаю А. О. способною къ самымъ великимъ поступкамъ и презирающею оттого, какъ мелочь, всѣ условія, законы приличія и дурную молву. Я готовъ ее признать Наполеономъ, но лучше соглашусь имѣть ее своимъ царемъ, чѣмъ женой. Стоя на такой высотѣ, она не могла остаться женщиной. Недоступная атмосфера цѣломудрія, скромности, это благоуханіе, окружающее прекрасную женщину, никогда ея не окружало, даже въ цвѣтущей молодости: она родилась такою. Вотъ почему все нѣжное, умилительное, грустное, неизъяснимо—сладкое въ поэзіи отъ нея ускользаетъ. Признаюсь, мнѣ даже грустно, что не могу узнать ее близко, не могу повѣрить своихъ предположеній... Разумѣется, она такое существо, какого я не встрѣчалъ въ моей жизни; да я бы и не понялъ ея тогда, какъ былъ помоложе: я былъ слишкомъ страстенъ и не могъ бы судить вѣрно о такомъ необыкновенномъ существѣ *).

Еще дольше И. С. Аксаковъ не подчинялся обаянію Смирновой. 3-го Августа 1846 г., послѣ многихъ мѣсяцевъ знакомства, онъ писалъ о ней:

. . . Странная вещь! А. О. производитъ иногда на меня тоже впечатлѣніе, какое производитъ альбомъ съ дорогими картинами, который вы уже разъ двадцать пересмотрѣли и который, какъ только вы его опять хотите развернуть, съ перваго листа нагоняетъ на васъ зѣвоту. Или еще лучше—такое впечатлѣніе, которое производитъ мѣняльная лавка, набитая всякими драгоцѣнностями и всякою дрянью, гдѣ все разставлено по мѣстамъ, гдѣ вы бывали много разъ и знаете все почти наизустъ. Вдругъ приходитъ охота посмотрѣть вновь лавку; приходишь: опять все знакомое, все также лежитъ на одномъ мѣстѣ, золото также безплодно и бездѣйственно, дрянь также тутъ; начнешь смотрѣть по порядку, но находитъ скука и, не докончивъ, съ тоской и досадой на потраченное время, выходишь изъ лавки. Я слышалъ еще прежде стороною и теперь подтвердилъ мнѣ и Арнольди, что А. О.

*) Тамъ же, стр. 287 и 299.

получила огромнѣйшее, листахъ на четырехъ, письмо отъ Гоголя, наполненное совѣтами и разными христіанскими наставленіями ей. Говоритъ, что письмо превосходное и что въ немъ Гоголь, къ вящшему ихъ удивленію, пишетъ имъ про Калугу, какъ будто онъ въ ней бывалъ нѣсколько разъ, говоритъ про многихъ чиновниковъ и жителей, называя ихъ по именамъ, про то, какъ А. О. сначала повела себя въ Калугѣ, учитъ ее быть губернаторшей, брать примѣръ съ бывшей здѣсь лѣтъ 20 тому назадъ княгини Оболенской (матери Мити, отецъ его былъ здѣсь губернаторомъ), дѣлать добро такъ-то и такъ-то; а мужа ея—не гнать взяточниковъ: „Я все знаю, мнѣ извѣстно все, что̀ вы дѣлаете", прибавляетъ Гоголь; но не пишетъ, какимъ образомъ ему это все извѣстно.

Гоголь послужилъ къ сближенію И. С. Аксакова съ А. О. Смирновой.

1847 года, Калуга, Февраля 15-го

... У меня въ карманѣ было ваше письмо, и я хотѣлъ сообщить А. О. извѣстіе о письмѣ Гоголя къ Щепкину и, добираясь до этого мѣста, я прочитывалъ про себя, однакоже вслухъ, ваши, правда, жесткія разсужденія о сумашествіи Гоголя и о плутовствѣ въ его сумашествіи. Поднявъ случайно глаза, я ужаснулся: А. О. вся вспыхнула, потомъ поблѣднѣла, потомъ затряслась, потомъ подняла руки кверху, и пошла потѣха! Я вовсе этого не хотѣлъ, сталъ извиняться, успокоивать ее, сказалъ, что не буду ей возражать... Не тутъ-то было. Она оскорбилась вашими выраженіями о Гоголѣ.

Сергѣй Тимофеевичъ отвѣчалъ на это:

Ты не можешь себѣ представить, милый мой другъ Иванъ, какъ потѣшило меня твое письмо отъ 15-го Февраля, вчера мною полученное! Эта горячая схватка съ А. О. посреди изумленнаго Калужскаго общества меня восхитила: „вся вспыхнула, потомъ поблѣднѣла, потомъ затряслась, потомъ подняла руки кверху, и пошла потѣха"... Эти слова, такъ живо рисующія всю сцену, внезапно перенесли меня на мѣсто дѣйствія, откуда я сегодня еще не совсѣмъ удалился. За эту сцену я даже съ А. О. почти помирился; еслибъ она была здѣсь, то я сейчасъ бы къ ней поѣхалъ. Я вижу, что она любитъ Гоголя, какъ человѣка. Она не совсѣмъ поняла мои слова: „*плутовство въ самомъ сумашествіи,*" и ты могъ бы ихъ и не читать ей, если не имѣлъ намѣренія прочесть ихъ. Но я радъ тому и другому. Я долженъ по совѣсти сказать, что А. О. даже отчасти права: мы, надувая самихъ себя Гоголемъ, надували и его, и по истинѣ я не знаю ни одного человѣка, который бы любилъ Гоголя, какъ другъ, независимо отъ его таланта. Надо мною смѣялись, когда я говаривалъ, что для меня не существуетъ личность Гоголя, что я благоговѣйно, съ любовію смотрю на тотъ драгоцѣнный сосудъ, въ которомъ заключенъ великій даръ творчества, хотя форма этого сосуда мнѣ совсѣмъ не нравится *).

Временныя ссоры утихли, вмѣсто нихъ завязались дружескія сношенія, продолжавшіяся въ перепискѣ. Приводимъ выдержки изъ писемъ Ивана Сергѣевича, жалѣя, что не имѣемъ отвѣтныхъ. П. Б.

---

* Тамъ же, стр. 355, 422 и 423.

1.

2 Мая 1849 *).

Спѣшу увѣдомить васъ о слухѣ на счетъ Самарина. Прошу знать напередъ, что это не болѣе, какъ слухъ, который слѣдуетъ подержать нѣсколько времени въ секретѣ. Говорятъ, что Государь вчера назначилъ его въ Варшаву. Это очень важно: это значитъ прямо ввести его на театръ событій. Постараюсь разузнать объ этомъ въ Министерствѣ. Возвращаю вамъ ваше письмо къ Самарину, которое я, согласно вашему позволенію, прочелъ и остался имъ весьма недоволенъ. Сущность споровъ нашихъ не передана, а характеръ ихъ переданъ невѣрно, особенно во всемъ, что̀ касается до меня. Отзывы обо мнѣ не только не лестны, но даже вовсе не отзываются дружбой.—Впрочемъ я не люблю Французскихъ писемъ, а люблю строй и теченіе вашей Русской рѣчи, въ которой вы умнѣе, чѣмъ въ средѣ этого вертопрашнаго діалекта, представителя всего Западнаго развитія, всей Западной мерзости. На слова ваши: l'homme n'est jamais dans le vrai, скажу вамъ стихъ Шиллера: Wage du zu *irren* и проч.

Воротившись вчера домой, я нашелъ приглашеніе отъ Ханыкова обѣдать у него нынче. Какъ я всегда отъ этого прежде отказывался, то нынче иду къ нему, а вечеромъ, вѣроятно, приду вамъ сообщить, что̀ узнаю новаго. Будьте здоровы. Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

P. S. Маленькій совѣтъ: когда вы пишете письма, то ставьте въ началѣ письма: *до ревеню, послѣ ревеню.* Это будетъ нѣчто въ родѣ: sonate en *ut*, *la* и проч.

2.

16 Мая. Понед. 1849 г., Москва.

Гдѣ вы, что̀ вы, какъ вы? Въ Царскомъ ли Селѣ, или еще все на Невскомъ Проспектѣ, въ двухъ-этажномъ домѣ Виллье, который вы такъ не любите, который я такъ люблю? Если у васъ, однако, погода такая же теплая, какъ здѣсь, то вы, вѣроятно, уже оставили Петербургъ, и слава Богу! Но мнѣ хотѣлось бы знать, какъ подѣйствовалъ на васъ воздухъ послѣ семимѣсячнаго затворничества? Прошу васъ, пишите мнѣ подробно о вашемъ здоровьѣ; вы знаете, какъ оно для меня дорого уже потому, что отъ него зависитъ болѣе или менѣе ваше духовное выздоровленіе. Не произошло ли у васъ новыхъ революцій въ желудкѣ и въ печени, вслѣдствіе которыхъ взбунтовавшаяся печень провозгласила принципъ своей souveraineté? Пошли вамъ Богъ

*) Писано въ Петербургѣ, куда тогда пріѣзжала А. О. Смирнова изъ Калуги. Началась Венгерская война. Слухъ о Самаринѣ (передъ тѣмъ выпущенномъ изъ крѣпости) не оправдался. П. Б.

крѣпости и бодрости силъ физическихъ! Хотѣлъ бы тогда посмотрѣть, каковы вы будете при здоровьѣ... Лучше ли въ нравственномъ смыслѣ? Или человѣкъ, освобожденный отъ страха, сподличаетъ и готовъ будетъ отказаться отъ тѣхъ строгихъ обѣтовъ, которые давалъ въ минуты страданій?... Лучше вы будете, лучше, я въ томъ увѣренъ! Ахъ, Александра Осиповна, люблю я васъ, нечего сказать, а за что́?.. Отвѣтъ труденъ; но должно же быть, что въ васъ есть что-то очень хорошее, и въ это-то хорошее вѣрю я сильно и больше, чѣмъ вы сами. Но пора вамъ отдать отчетъ о вашихъ друзьяхъ.

Во 1-хъ о Самаринѣ. Онъ почти черезъ день является къ намъ вечеромъ и почти всегда садится играть въ карты съ батюшкой, съ Чижовымъ и съ Загоскинымъ. Во что̀ они играютъ—не знаю; должно быть въ тоже, во что̀ и вы. Самаринъ играетъ съ пресмѣшною важностью. Онъ довольно бодръ и веселъ, но жестоко скучаетъ, что̀ очень понятно. Для людей практическихъ или жаждущихъ практической дѣятельности, или прикоснувшихся къ ней въ службѣ—Москва можетъ быть освѣжительнымъ отдыхомъ и развлеченіемъ на весьма недолгое время. Я впрочемъ не признаю Самарина очень практическимъ человѣкомъ; но здѣсь со своими пріятелями онъ является самымъ практическимъ изъ нихъ, вслѣдствіе чего возникаютъ разные споры, обыкновенно оканчивающіеся картами. Здѣсь Самаринъ защищаетъ взгляды Ханыкова, съ которымъ однако самъ споритъ въ Петербургѣ; такъ что я уже слышалъ отъ одного господина (не Константина) обвиненіе Самарина въ «Ханыковщинѣ». Не смотря на дружескія отношенія, мнѣ кажется, что связь его съ Московскими теоретиками видимо слабѣетъ, и если онъ сейчасъ воротится въ Петербургъ, то она почти совсѣмъ подорвется. Лучше ли это будетъ—не знаю; думаю—напротивъ. Я никому не передавалъ своихъ опасеній, но вамъ передаю ихъ: если Самаринъ оторвется самостоятельно отъ Москвы, то онъ, будучи неумолимо-строгимъ логикомъ (даже до absurdum, въ чемъ я и вижу его непрактичность), доведетъ свое теперешнее воззрѣніе до вредныхъ крайностей. До сихъ поръ онъ жилъ въ Петербургѣ недовольный имъ. Теперь, недовольный Москвою, онъ примирится съ Петербургомъ, признавъ его законнымъ, необходимымъ фактомъ и—постепенно подчинится его вліянію. Между прочимъ, къ жаркимъ преніямъ подала поводъ моя статья, которую вы знаете. Сочувствуя здѣсь болѣе другихъ съ Самаринымъ, какъ съ чиновникомъ, я однако разошелся съ нимъ въ нѣкоторыхъ существенныхъ и практическихъ взглядахъ. Споря, онъ логически дошелъ до того, что говоритъ: что государство само по себѣ, а религія сама по себѣ, что правительство должно устроивать, заводить и принять въ свое попеченіе.... какъ бы

вамъ сказать это?... ну просто развратные дома, для предупрежденія однихъ физически-вредныхъ послѣдствій и т. п. *) Я съ этимъ не согласенъ и считаю, что гораздо болѣе нравственнаго вреда въ признаніи разврата, въ примиреніи съ нимъ, въ снабженіи его комфортомъ, нежели во всѣхъ послѣдствіяхъ, происходящихъ отъ непризнаванія. Развратъ будетъ всегда, но узаконять его не должно; а всякое дѣйствіе правительства имѣетъ авторитетъ нравственный и для совѣсти гражданина. Впрочемъ Самаринъ часто споритъ для уясненія себѣ вопроса; впрочемъ нѣтъ ни одной истины человѣческой, противъ которой нельзя было бы сказать тысячу возраженій и pro и contra; впрочемъ мы живемъ въ такое время, когда всѣ прежнія опредѣленія соскочили съ своихъ пьедесталовъ и рельсовъ, и когда разрѣшенія всему мы должны ждать отъ силы обстоятельствъ, и я, вмѣстѣ съ вами, готовъ многаго ждать отъ настоящей войны, отъ успѣховъ Русскаго оружія и пр.

Если же Самаринъ останется здѣсь долго, то онъ обратится къ трудамъ ученымъ и отвлеченнымъ (какъ у него уже есть намѣреніе) и сдѣлается, пожалуй, отвлеченнымъ человѣкомъ, примирится съ Московскою отвлеченностью, чего бы я также не желалъ. Самое лучшее было бы, еслибъ онъ занялся вопросомъ теоретическимъ и практическимъ вмѣстѣ, вопросомъ объ эманципаціи крестьянъ.—Отдаю вамъ честь, Александра Осиповна, и вижу, что умнѣе вашего отвѣта графинѣ Борхъ и придумать нельзя. Богъ васъ знаетъ, вы даже и не очень думали объ этомъ; но я возвращаюсь къ нему, къ вашему отвѣту, какъ къ постоянному refrain. Только сдѣлайте милость, не очень возгордитесь и не увѣруйте въ себя, какъ въ оракула.

Вотъ Поповъ. Мнѣ сдается, что его неудовольствіе на Москву сдѣлаетъ изъ него со временемъ Петербургскаго умника въ родѣ Муханова, Тютчева и т. п. Надѣюсь, что вы не станете показывать ему этого письма; а то съ вами—просто бѣда!

Теперь о Гоголѣ. Онъ очень мнѣ обрадовался, и однимъ изъ первыхъ вопросовъ его былъ вопросъ о васъ. Онъ подробно спрашивалъ меня объ образѣ вашей жизни, о вашихъ знакомыхъ, о вашихъ партнёрахъ въ вистѣ и пр. и пр. Онъ немножко сердится на васъ за то, что вы ему не пишете и изъявляетъ опасеніе, что вы заживетесь въ Царскомъ Селѣ по милости докторовъ и не попадете опять въ Калугу, чего ему, также какъ и мнѣ, очень хочется для васъ; а вамъ, разумѣется, хочется этого сильнѣе, чѣмъ кому либо. Я, впрочемъ, старался доказать Гоголю, что теперь для васъ нѣтъ рѣшительно никакой возможности ѣхать по случаю такихъ-то и такихъ-то явленій печени. Я

*) Въ министерство Л. А. Перовскаго изданы были печатныя постановленія и по этой части. П. Б.

нашелъ Гоголя самого хуже здоровьемъ, чѣмъ оставилъ: онъ опять разстроился было нервами, похудѣлъ очень; но теперь сталъ нѣсколько вновь бодрѣе. Я полагаю, что мистицизмъ Александра Петровича Толстаго съ супругою въ состояніи навести невыносимую хандру и разстроить всякія нервы; мнѣ кажется, что если вы переѣдете въ Калугу, то Гоголь сейчасъ переселится къ вамъ, и это можетъ быть хорошо и для него, и для васъ. Онъ говорилъ нашимъ, что пишетъ, но лѣниво. Оттого ли, что время безусловнаго поклоненія искусству прошло, отъ того ли, что у всѣхъ въ памяти его послѣдняя книга, не знаю; но только Гоголь не только не играетъ никакой роли въ здѣшнемъ обществѣ, но даже весьма небрежно трактуется имъ. Люди забывчивы! 9-го Мая, въ день своихъ имянинъ, Гоголь захотѣлъ дать обѣдъ въ саду у Погодина такъ, какъ онъ давалъ обѣдъ въ этотъ день въ 1842 году и прежде еще не разъ. Много воды утекло въ эти годы! Онъ позвалъ всѣхъ, кто только были у него въ *то* время. Люди эти теперь почти всѣ перессорились, стоятъ на разныхъ сторонахъ, уже высказались въ разныхъ обстоятельствахъ жизни; многіе не выдержали испытанія и пали... Словомъ, обѣдъ былъ весьма грустный и поучительный, а самъ по себѣ превялый и прескучный. Когда же, по милости вина, обѣдъ оживился, то многіе перебранились, такъ какъ и ожидать нельзя было...

Теперь о моихъ: брата Константина и батюшку (который, какъ человѣкъ больной, неслужащій и старый, а главное—рѣшительно никуда не выѣзжающій, отпустилъ так же себѣ бороду, большую, длинную, сѣдую бороду) обязали подпискою: «чтобы *имѣющуюся у себя* бороду сбрить и впредъ не отпускать, согласно высочайшей волѣ». Дѣлать нечего, высочайшая воля о бородахъ была исполнена, и Константинъ уже переодѣлся въ Нѣмецкое платье.

Я засталъ всѣхъ своихъ еще въ Москвѣ. Завтра хотятъ всѣ переѣхать въ деревню, и я вмѣстѣ съ ними, откуда послѣ завтра отправляюсь въ Ярославль. Въ Москвѣ останутся пока двѣ мои сестры, изъ которыхъ старшая, Вѣра, недѣли черезъ полторы, укрѣпившись воздухомъ въ Москвѣ, переѣдетъ также въ деревню; а другая сестра, постоянно больная, будетъ, по предписанію Овера, пить здѣсь Цитмановъ декоктъ въ слабомъ видѣ. Съ нею были разныя явленія въ мое отсутствіе, начиналась какая-то водянка и опухоль; но теперь это прошло. Впрочемъ она довольно бодра духомъ... Но сколько возни, сколько хлопотъ, сколько мелочнаго хозяйства при большомъ семействѣ! Это я вижу особенно теперь при перевозкѣ. Остальныя сестры мои всѣ, слава Богу, здоровы и веселы, по крайней мѣрѣ по наружности. Какъ онѣ умны, что счастливы, и наоборотъ, какъ счастливы, что онѣ умны

или, лучше сказать, благоразумны! Я на мѣстѣ ихъ тосковалъ бы и стремился ужасно... А между тѣмъ, двѣ старшія сестры больныя, а между тѣмъ матушкѣ за 56 лѣтъ... Все это грустно. Вы не повѣрите, какъ оскорбительно было бы для моей гордости всякое чужое участіе, кромѣ вашего. Но чтó это за жизнь въ Москвѣ! Нѣтъ возможности ни уединиться, ни заняться чѣмъ либо: съ 10 часовъ утра гости до полночи. И все это одни разговоры, правда умные, но ни къ чему не ведущіе, отвлеченные, безплодные. Константинъ уже привыкъ къ этой жизни, а я отвыкъ; поэтому онъ ничего и не дѣлаетъ, но намѣренъ приняться за Грамматику въ деревнѣ.

Между тѣмъ разныя мерзости и подлости Московскаго общества, горькое убѣжденіе въ безвыходности нашего положенія, безплодность всѣхъ усилій, отсутствіе вѣры въ будущность, все это наполнило меня невыразимой тоскою. Тоска эта была живѣе здѣсь, чѣмъ въ Петербургѣ, потому что въ Петербургѣ я могъ все относить къ его невѣжеству и тупоумію; а здѣсь я вижу безплодность въ сферѣ ума, мысли... Впрочемъ Константинъ въ восторгѣ отъ всего случившагося въ послѣднее время, не теряетъ вѣры; а я уже потерялъ, и очарованіе мое длилось недолго.

Прощайте. Всѣ наши желаютъ вамъ искренно здоровья и кланяются вамъ. Я же буду писать вамъ изъ Ярославля. Погода тетеперь чудная, и деревья почти совсѣмъ распустились. Письмо это было писано въ нѣсколько пріемовъ, потому что не могъ улучить свободнаго времени. Скажите мнѣ на все въ утѣшеніе ваше умное слово. Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

3.

1849 г. Іюня 28-го или 29-го, Рыбинскъ.

Какая вы добрая, Александра Осиповна! Какъ вы меня обрадовали вашимъ письмомъ, которое я получилъ уже недѣли съ три тому назадъ, но не отвѣчалъ до сихъ поръ по разнымъ причинамъ. Вы говорите мнѣ, чтобъ я писалъ вамъ ужъ въ Калугу; но въ Калугѣ ли вы? Думаю, что проѣздъ вашъ черезъ Москву не могъ бы остаться незамѣченнымъ, и меня бы о томъ увѣдомили наши изъ деревни хоть по слухамъ. Вѣрно васъ принудили пить какія нибудь воды.. Дай Богъ, чтобъ это пошло впрокъ. Я пишу вамъ изъ Рыбинска, куда пріѣхалъ третьяго дня и гдѣ останусь по крайней мѣрѣ мѣсяца два. Описывать ли вамъ Рыбинскъ или нѣтъ? Не знаю; это смотря по тому, какъ распишусь. Скучно, Александра Осиповна! Такъ скучно, что иногда мочи нѣтъ! А я, конечно, не могу упрекнуть себя въ

праздности, работаю буквально съ утра до ночи, шпорю себя всякими рѣшенными мнѣ давно самому истинами о пользѣ и долгѣ и проч. и проч., и все не слышу въ себѣ того живаго увлеченія, при которомъ весела работа. Я точно разбитъ параличемъ въ духовномъ смыслѣ; внутреннее оцѣпенѣніе тяготитъ меня такъ, что до сихъ поръ не могу освободиться отъ него никакими усиліями. Прошлая зима бросила въ мою душу столько сомнѣнія, подорвала столько съ такимъ трудомъ усвоенныхъ убѣжденій! Противъ всѣхъ нашихъ теорій и взглядовъ я поставилъ вопросы, которыхъ не разрѣшилъ мнѣ никто; я потерялъ всякую вѣру въ человѣческія истины и стремленія, всякую вѣру въ человѣка, къ которому, небезъизвѣстно вамъ, я всегда былъ расположенъ питать достаточное презрѣніе, начиная съ себя самого, насквозь мною разобраннаго... Все это засѣло на днѣ души и даетъ тонъ всей внѣшней жизни... Одна есть истина, которую я признаю—христіанская; одинъ путь настоящій—путь безсловесный, тотъ самый, о которомъ вы говорите въ письмѣ; да силъ нѣтъ! Это чувство безсилія при недремлющемъ сознаніи, отравляя жизнь, дѣлаетъ нашу жизнь тяжелою, съ которою надоѣдаетъ нянчиться...

И зачѣмъ я вамъ это пишу? Вамъ, съ вашими дѣйствительными страданіями и заботами, все это можетъ показаться скучнымъ, и вы будете правы. Вы скажете, пожалуй: «До того ли теперь? Теперь ли столько заниматься собой и возиться съ собой, когда дерутся войска и совершается столько событій?» Пожалуй, вы опять будете правы. Но согласитесь, Александра Осиповна, что я вѣдь мало давалъ воли этому занятію, этой праздной тоскѣ: я ли не употреблялъ всякихъ средствъ, чтобъ заглушить ее? Вы говорили мнѣ какъ-то (да чуть ли и не пишите, надо посмотрѣть), что практическая дѣятельность ото всего излѣчитъ. Да кто же болѣе преданъ практической дѣятельности изо всѣхъ вашихъ пріятелей? Семь лѣтъ постоянной, дѣятельной, добросовѣстной службы, что нибудь да значатъ! И знаю, что всѣ эти жалобы безплодны, уже сто разъ были сказаны и пересказаны и мной самимъ, и въ стихахъ, и въ прозѣ... Но въ награду за усердные труды позволительно же иногда вновь вырваться крику изъ груди, особенно теперь, когда я еще не такъ утомленъ, чтобъ завалиться спать, хотя и пора. Вы, можетъ быть, скажете: лучше было бы, еслибъ сдѣлалъ послѣднее!... Знаете что́, почему иногда писать письма бываетъ непріятно? Пишу я къ вамъ теперь, напримѣръ, въ извѣстномъ расположеніи духа, а письмо придетъ не въ сочувственную минуту или тогда, когда у васъ желудокъ ведетъ себя неприлично, или когда вы читаете важное извѣстіе въ газетахъ, или когда думаете о существенныхъ потребностяхъ жизни и проч. Но нужды нѣтъ: вы

такъ добры, что перечтете письмо въ другой разъ, и если все это и покажется вамъ старою пѣснью молодаго поколѣнія, такъ что же? Я съ вами откровеннѣе, чѣмъ съ другими и въ вашихъ глазахъ могу показаться и помоложе, чѣмъ кажется другимъ важный и разсудительный чиновникъ, ревизующій Городскія Думы.

Вѣдь вамъ хорошо! У васъ есть газеты, а я по мѣсяцамъ ихъ не читаю и потому, что времени не имѣю, и потому, что достать негдѣ. У васъ есть съ кѣмъ перекинуть умное слово; а я здѣсь не только совершенно «какъ чуждый гость на праздникѣ чужомъ», но и не могу найти человѣка, съ которымъ бы могъ поговорить отъ души. Для меня интересенъ разговоръ съ купцомъ объ овсѣ и о салѣ, о рогожахъ и канатахъ и т. п.; но намъ, людямъ образованнымъ, иначе людямъ съ утонченнымъ душевнымъ воспитаніемъ, людямъ... чортъ знаетъ какимъ, нуженъ разговоръ отъ времени до времени инаго рода. Вотъ почему я такъ и обрадовался двумъ листкамъ вашего письма. Оно освѣжило меня... Странное дѣло практическая дѣятельность! Надо признаться: какъ мы ни хлопочемъ усердно, все же мы въ ней гости, чувствуемъ себя не хозяевами, а гостьми, настоящее мѣсто которыхъ не тутъ. Что́ дѣлать! А это такъ. Спросите объ этомъ хоть у Юрія Ѳедоровича и, я думаю, онъ самъ въ томъ созна́ется. Въ дѣйствительной жизни мы являемся наблюдателями и созерцателями и не живемъ общею жизнію; въ практической дѣятельности мы по неволѣ, по привычкѣ и по расположенію, стараемся выводить изъ каждаго явленія теоретическій взглядъ, обобщать каждый фактъ, гнуть каждый случай въ систему, и тамъ, гдѣ занятія наши мало тому способствуютъ, какъ напр. во многомъ при теперешней моей дѣятельности, намъ тяжело и скучно. А между тѣмъ внутреннее убѣжденіе, что всѣ теоріи—вздоръ, что нѣтъ такой человѣческой истины, о которой нельзя бы сказать и pro и contra, не даетъ намъ утѣшаться и нашими теоретическими заключеніями. Скверно! Вы скажете: дѣлайте, не мудрствуя, свое дѣло; исполняйте долгъ, приносите пользу, какая бы она ни была. Прекрасно, у меня даже есть стихи по этому случаю; но позвольте вамъ возразить на это слѣдующимъ: только при полномъ убѣжденіи въ пользѣ нашего дѣла можетъ трудъ нашъ сопровождаться благотворной нравственной теплотой... Не разсуждаютъ о дѣлѣ только тогда, когда работаютъ изъ-за куска хлѣба, когда всѣ помыслы устремлены на то только, чтобъ не умереть съ голоду... Вѣдь всѣ общества раздѣляются собственно на два класса: на людей, которымъ некогда мыслить, и на людей, которымъ есть время, слишкомъ много времени мыслить. Да потомъ, если обратиться къ службѣ, многое зависитъ отъ свойства самой дѣятельности. Вотъ теперь напримѣръ, я долженъ изыскивать

способы къ расширенію круга торговли, къ усиленію ея въ такомъ-то и такомъ-то мѣстѣ; а я уже пришелъ или прихожу къ такому заключенію, что процвѣтаніе торговли есть зло нравственное, которое приведетъ общество къ гибели... Соблазнъ барыша, напримѣръ, увлекъ Ярославскую губернію и развратилъ ее. Ну да объ этомъ когда нибудь послѣ.

29-го рано утромъ.

Поздравляю васъ съ праздникомъ. День будетъ ясный и жаркій. Но я нынѣшній годъ не наслаждаюсь лѣтомъ, и потому что некогда, и потому что живу въ городахъ, и потому что воспріимчивость моя сдѣлалась тупа что-то. Право, я сдѣлался какъ-то деревяненъ и не слышу въ себѣ поэтическихъ увлеченій. Грустно мнѣ, что до сихъ поръ ничего не пишется. Принимался нѣсколько разъ—нейдетъ! Страшно подумать, что можешь лишиться этой способности... Нѣтъ, что́ бы ни говорили (и я самъ въ числѣ ихъ), но вѣдь послѣ религіи только искусство и можетъ очищать и возвышать душу. Язычники говорили: artes molliunt mores (смягчаютъ нравы), а вѣдь мы всѣ болѣе или менѣе язычники, и благо, что еще искусство можетъ на насъ спасительно дѣйствовать. О, какъ хочется, чтобъ это мое оцѣпененіе, эта моя деревянность вдругъ разрѣшились бы потокомъ слезъ и стиховъ!—Путешествіе по Бессарабіи имѣло совсѣмъ другой характеръ: во 1) оно было непродолжительно, и я это зналъ; во 2) оно было для меня совершенно ново; а здѣсь новаго мало, кромѣ того, что крестьянки большею частію ходятъ въ Нѣмецкихъ платьяхъ и даже шляпкахъ, въ которыхъ отвратительны, а крестьяне всѣ больше или меньше проникнуты трактирною цивилизаціею. Тамъ же совершенно другое дѣло: тамъ другая природа, другое небо, тамъ Югъ, теплый, роскошный Югъ! Еслибъ вы знали, какъ мнѣ хочется на Югъ, и ни за какія выгоды въ свѣтѣ не поѣду я охотою ни въ Сибирь, ни въ Архангельскъ. Я все придумываю какой нибудь предлогъ, чтобъ снова прокатиться туда.

Вы упрекаете меня въ излишней горячности, живости, молодости. И, Боже мой, какъ эти упреки ошеломили бы Ярославское общество, которое нашло меня холоднымъ, вялымъ, старикомъ не по лѣтамъ, флегмой, разсудительнымъ, непріятнымъ человѣкомъ. Я не понравился въ Ярославлѣ и былъ обществомъ принятъ довольно странно... Я приписалъ это своей нелюбезности и своему состоянію духа; но вскорѣ открылась другая причина, какъ мнѣ объяснили нѣкоторые добрые, достовѣрные люди. Темный, загадочный слухъ объ моей исторіи *)

*) Т. е. о задержаніи въ III-мъ Отдѣленіи. Это было въ началѣ 1849 года. П. Б.

распространился и здѣсь; да кромѣ того, по случаю моей командировки въ Ярославскую губернію, дано было сюда знать объ имѣніи за мною секретнаго полицейскаго надзора. Вы знаете губернію. Такая вещь не остается секретомъ канцелярскимъ, и скоро объ этомъ всѣ узнали. Я не боюсь надзора, и мнѣ нечего его бояться, какъ вы это хорошо знаете, и совѣсть моя отъ того нисколько не смущается; но, признаюсь, опасаюсь надзора безтолковаго. Еслибъ меня отдали подъ надзоръ за шулерство въ картахъ!

4.

(Сентябрь 1849, въ Калугу).

О, премудрая Александра Осиповна, какъ благодаренъ я вамъ, что вы до сихъ поръ не совладѣли еще съ своею женскою слабостью— болтливостью, проболтались и разсказали мнѣ хоть кое-что о 2-мъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», объ Улинькѣ, Хлобуевѣ, Чаграновой, Быстрищевѣ, Муразовѣ и Тентиничковѣ (?)!... Вы меня просто освѣжили этимъ извѣстіемъ. Да ужъ разскажите все! Мнѣ можно. Обѣщаю вамъ соблюсти величайшій секретъ, по мужски. Это вамъ и Гоголь позволитъ. А вѣдь онъ Московскимъ своимъ знакомымъ ни слова, и вообще съ ними мало откровененъ; оттого и онъ, и они другъ другомъ не совсѣмъ довольны. Какъ давно требуетъ душа новаго, великаго произведенія искусства; какъ давно нуждается общество въ новомъ проявленіи Божьяго дара, въ блистаніи Божьихъ талантовъ на этомъ тяжеломъ сѣромъ горизонтѣ!.. Два года тому назадъ писалъ я:

Не слышно вѣщаній пророческихъ устъ,
Святыхъ откровеній искусства!

Извините, что самъ себя цитую. Но едва ли кто такъ живо чувствуетъ эту потребность, какъ я. А какъ Гоголь есть величайшій современный художникъ, то отъ него только и можно ждать удовлетворенія. Нѣтъ, ужъ вы мнѣ все подробно напишите. Представьте себѣ, что я еще года два буду находиться въ этомъ нравственномъ уединеніи, въ какомъ нахожусь теперь, что эта вѣсть изъ другаго міра, не служебнаго и не Ярославскаго, должна утѣшать и поддерживать меня. Разскажите же все.

Сентября 11. Много дней прошло съ того времени, какъ я началъ это письмо. Все опять перепуталось въ головѣ, и трудно настроить себя на прежнее расположеніе духа. Прежде всего о Гоголѣ. Я получилъ письмо отъ батюшки. Онъ въ восторгѣ отъ 1-й главы «Мертвыхъ Душъ», которую Гоголь читалъ у насъ въ деревнѣ; вскорѣ затѣмъ Гоголь опять побывалъ у насъ въ Радонежьѣ, только ничего однакоже не прочелъ. Вѣрно васъ глубоко огорчила смерть Ве-

ликаго Князя *). Жаль его: онъ былъ добрый человѣкъ, съ твердымъ убѣжденіемъ въ святости долга. Что-то будетъ теперь дѣлать Елена Павловна съ дочерью?.. Для меня любопытна теперь зима: успѣхъ нашего оружія, успокоеніе Европы дадутъ болѣе досуга заняться собственными домашними дѣлами и вѣрно приведутъ же къ какимъ нибудь результатамъ.

Отвѣчаю теперь на ваше письмо. Много правды пишете вы и сказали не одно «умное слово», а цѣлые десятки умныхъ словъ по обыкновенію. Въ громкомъ нашемъ словѣ, конечно, всегда много пустоты, и я не разъ упрекалъ себя въ болтливости негодованія или смущенія. Знаете что? Можно сказать про нѣкоторыхъ изъ насъ (и про меня въ особенности), что мы въ душѣ своей, еще не возведя храма, гдѣ должна приноситься чистая жертва, прежде всего воздвигаемъ принадлежность храма: колокольню съ громкими колоколами и пускаемъ благовѣстъ во всѣ стороны; а храмъ не готовъ, не освященъ еще, не приносится въ немъ чистая жертва, и благовѣстъ только напрасно тревожитъ слухъ и звонаря, и окрестныхъ жителей. Вы все говорите о примиреніи... Пожалуй, допускаю его въ отношеніи къ людямъ, къ міру, къ обществу, но не въ отношеніи самого себя. Мнѣ кажется, что еслибы я (не говорю о другихъ) примирился съ собою, то я, значитъ, одебелѣлъ бы, сдѣлался бы безчувственъ, просто говоря, заплылъ бы жиромъ. Не спорю, что это, можетъ быть, опасеніе, внушаемое молодостью... Да что́ же дѣлать? А надобно признаться, что надоѣдаетъ иногда эта безпокойность молодости, и хотѣлось бы подчасъ стряхнуть съ себя ея иго. Право, я чувствую, что устаю, зрѣю и старѣюсь. Послѣднее письмо мое, на которое вы отвѣчаете, было писано вовсе не вслѣдствіе негодованія противъ общественнаго зла. Напротивъ, оно было исполнено чувствомъ разочарованія въ себѣ самомъ, разувѣренія въ своихъ убѣжденіяхъ, сомнѣніемъ во всѣхъ человѣческихъ (не религіозныхъ) вѣрованіяхъ... Я грустилъ о томъ, что пошатнулись многія мои убѣжденія, что не за что́ ухватиться, ибо добросовѣстный и мнительный умъ при каждой истинѣ возбуждаетъ вопросы и pro и contra... Но, Боже мой, отдайте мнѣ хоть ту справедливость, что, не смотря на всѣ побужденія тоски, молодости, поэзіи, я вѣдь служу безпрерывно, не комфортабельно, и никто въ солидномъ чиновникѣ не подозрѣваетъ другихъ душевныхъ движеній.

---

*) Михаила Павловича, скончавшагося въ Варшавѣ 28 Августа 1849 года. Онъ былъ дружески расположенъ къ А. О. Смирновой и не рѣдко посѣщалъ ее. Письма его, какія приходилось намъ читать, обнаруживаютъ въ немъ не только добрую, благородную душу, но и просвѣщенный умъ, о которомъ, при жизни его, знали немногіе. П. Б.

За неимѣніемъ другихъ книгъ у моего хозяина, читалъ я на ночь творенія св. отцовъ. Читали ли вы Григорія Богослова? Если нѣтъ, такъ прошу васъ, достаньте себѣ его «стихотворенія» и прочтите. Вотъ кто доставилъ мнѣ немалое утѣшеніе! Нѣкоторые думаютъ, что святые, достигая святости, дѣлаются какими-то безличными, одинаковыми между собою. Нѣтъ, и въ христіанскомъ совершенствѣ каждый изъ нихъ подвизается съ своею особенною личностью. Вотъ вамъ двѣ личности IV-го вѣка: Василій Великій и Григорій Богословъ. Это были два искреннѣйшіе друга, но каждый съ особеннымъ, даже противоположнымъ характеромъ. Василій Великій былъ человѣкъ ума положительнаго, твердый, глубокій администраторъ; оба были аскеты; но то, что́ Григорій, съ тревожною пламенною душой, дѣлалъ постояннымъ порывомъ, то Василій облекъ въ правила: извѣстны его уставы для монашеской жизни. Григорій писалъ стихотворенія всегда почти субъективнаго (извините) содержанія, хотя и религіозныя *)... Василій писалъ молитвы для всѣхъ, отъ имени всѣхъ, написалъ Литургію. Григорій былъ поэтъ, художникъ, съ природою нѣжной и нервически раздражительной, съ каѳедры увлекательно краснорѣчивый... Оба друга были изъ семействъ святыхъ: ихъ сестры, братья, родственники—все святые. Они еще принадлежали къ тому времени, когда

Казалось, въ связи непрерывной
Съ землею были небеса!

какъ сказано у меня (опять извините) во введеніи къ «Маріи Египетской» про первые вѣка христіанства. Оба были научены всей языческой премудрости и уважали ее; оба были цѣнители искусства. Чрезвычайно любопытна ихъ переписка: они цитуютъ Гомера, называютъ другъ друга Орестомъ и Пиладомъ, и все это, совершая подвиги монашеской жизни. Одинъ, Василій, былъ и умеръ архіепископомъ Кесаріи Каппадокійской; Григорій былъ короткое время архіепископомъ Константинопольскимъ, терпѣлъ гоненія и, скучая административными хлопотами, противными его натурѣ, еще прежде не разъ бѣгалъ въ пустыню отъ епископской каѳедры. Онъ никогда не могъ простить Василію, что тотъ почти насильно посвятилъ его во епископы, желая извлечь для церкви всю пользу отъ Григорьева краснорѣчія. Онъ не ошибся; но Григорій во многихъ стихотвореніяхъ излилъ свою скорбь, досаду и сѣтованія.

Но что же я вамъ пишу; вы, можетъ быть, уже читали обоихъ. По крайней мѣрѣ я передалъ вамъ взглядъ свой. Теперь обращусь къ стихотвореніямъ Григорія. Святой—поэтъ! Святой христіанскій, не царь

*) Нѣкоторые изъ стихотвореній св. Григорія Богослова переведены въ стихахъ Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ. П. Б.

Давидъ,—любящій и уважающій искусство. Какъ онъ меня обрадовалъ! Читая его стихотворенія, вы слышите, какъ онъ самъ наслаждается красотою образовъ и звуковъ, мѣрнымъ строемъ рѣчи. Напримѣръ, какъ хорошо это въ его Покаянной пѣсни при концѣ жизни: «Цвѣтъ опалъ; приблизилось время жатвы. Побѣлѣли у меня волосы; гумно призываетъ къ себѣ колосъ; уже нѣтъ незрѣлости въ ягодѣ; близко собираніе гроздовъ... О, мой злой день, какъ избѣгну его!...» Или: «Новое, новое что-то, о Божіе Слово! Новое что-то происходитъ со мной! Глубина сердца моего опустѣла; не стало въ ней ни мудраго слова, ни мудрой мысли!..»—«И въ шуткѣ должна быть степенность», говоритъ онъ въ одномъ стихотвореніи. Прочтите его совѣты Олимпіадѣ и «на женщинъ, которыя любятъ наряды»... Онъ питалъ какую-то пламенную, дѣтскую, даже наивную любовь ко Христу. «Эллада моя и любезная юность и все, что̀ пріобрѣлъ я, и самая плоть, какъ охотно уступили вы Христу», говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ. Въ концѣ книги помѣщено его стихотвореніе «о стихахъ своихъ». Онъ оправдываетъ себя и защищаетъ вообще писаніе стиховъ, если оно по содержанію не противно религіи. «Пріятенъ мнѣ этотъ путь слова», говоритъ онъ; «но не предпочитаю сего божественнымъ трудамъ. Я хотѣлъ связать и самого себя, чтобы, заботясь о мѣрѣ, писать немного и дать молодымъ людямъ привлекательность въ высказываніи истинъ; я находилъ въ стихахъ отраду и самъ, какъ престарѣлый лебедь, пересказывая самъ себѣ вѣщанія свиряющихъ крыльевъ». «Какой же вредъ, продолжаетъ Григорій, въ томъ, что молодые люди черезъ благопристойное наслажденіе приводятся въ общеніе съ Богомъ? *Ихъ трудно вдругъ перестроить*; пусть же будетъ въ нихъ нѣкоторая благородная смѣсь. Но когда доброе со временемъ окрѣпнетъ, тогда, отнявъ красное слово, какъ подпорку у свода, соблюдемъ въ нихъ самое доброе»...

Когда я въ первый разъ познакомился съ сочиненіями Григорія, то я такъ былъ утѣшенъ этимъ оправданіемъ искусства въ лицѣ святаго мужа, такъ былъ обрадованъ, что вскочилъ со стула и хотѣлъ бѣжать къ кому-нибудь подѣлиться наслажденіемъ, но вспомнилъ, что я въ Рыбинскѣ, что цѣлые «овраги», по вашему выраженію, раздѣляютъ меня съ здѣшнимъ обществомъ, которое ничего и знать не хочетъ кромѣ картъ и танцевъ! Тотчасъ же захотѣлось мнѣ передать вамъ свои впечатлѣнія, но писать было некогда, и такимъ образомъ все это сберегалось до нынѣшней почты. Если васъ это не разстроитъ и не противорѣчитъ системѣ вашего нравственнаго лѣченія, то возьмите пятую и шестую часть Твореній Св. Отцовъ въ Русскомъ переводѣ 1847 и 1848 годовъ и прочтите или перелистуйте... Желаю знать ва-

ше мнѣніе. «Ихъ трудно вдругъ перестроить»: это можетъ относиться не только къ молодымъ людямъ IV-го вѣка, но ко всему человѣчеству. Рекомендуйте его Гоголю.

Сухость моихъ занятій по городскому хозяйству освѣжило нѣсколько исполненіе другаго порученія—о раскольникахъ. Я написалъ два большіе и любопытные рапорта, въ родѣ Бессарабскаго. Вы совѣтовали мнѣ тогда не увлекаться снисхожденіемъ къ нимъ. Совѣтъ пригодился: мѣстность другая, обстоятельства другія, люди другіе и взглядъ другой, т. е. мѣры, какія необходимо принять, указаны другія. Когда нибудь, если увидимся, я сообщу вамъ объ этомъ подробнѣе.

Въ Ростовѣ я только перемѣнилъ лошадей тогда, какъ спѣшилъ въ Ярославль, а на ревизію туда пріѣду не раньше Февраля будущаго 1850 года. На нынѣшней же недѣлѣ отправляюсь въ Пошехонь, гдѣ и останусь цѣлый мѣсяцъ. Проживши два съ половиной мѣсяца въ Рыбинскѣ, я хорошо съ нимъ познакомился, узналъ всю значительность его торговли, его порта, его народонаселенія, познакомился и съ дворянскимъ, самымъ ничтожнымъ, разумѣется, обществомъ. Все это роскошествуетъ и щеголяетъ, все это ничего не читаетъ и ни о чемъ не думаетъ, за то играетъ въ карты безъ устали, танцуетъ до упаду. Балы здѣсь довольно часты. Признаюсь, присутствуя на нихъ и смотря на пляшущихъ дамъ и дѣвицъ, я всякій разъ припоминалъ текстъ: «женѣ простится, *чадородія* ради».

Вы спрашиваете о Барановскомъ. Я его мало знаю: въ училищѣ онъ двумя классами былъ меня старше, потомъ мы мало видались, а встрѣчались всегда съ симпатіей, существующей между честными и благородными людьми. Знаю, что онъ прекрасный человѣкъ, отличный чиновникъ, способенъ принять и понять все; но кажется (впрочемъ легко можетъ быть, я и ошибаюсь) у него нѣтъ самостоятельности въ мысли; онъ легко увлекается чужимъ вліяніемъ, но сознаетъ это и борется съ этимъ, желая сохранить самостоятельность, что̀ часто и бываетъ невпопадъ. Впрочемъ повторяю, я еще не говорилъ съ нимъ глазъ на глазъ, душа въ душу, а потому, уважая его вполнѣ, не высказываю положительно своего заключенія.

Прощайте, добрая Александра Осиповна. Знаю, что у васъ много хлопотъ и безъ меня, а потому и не жду отъ васъ скорыхъ отвѣтовъ. Дай Богъ вамъ здоровья и крѣпости душевной. Николаю Михайловичу мое почтеніе. Вотъ уже и Сентябрь! У насъ въ Сентябрѣ пропасть имянинниковъ, имянинницъ, дней рожденія и проч., такъ что въ семьѣ нашей говорится: Сентябрьскіе праздники. И у васъ въ Сентябрѣ, 17-го, двѣ имянинницы, изъ числа которыхъ одна знаменитая Надежда Ни-

колаевна, выразившаяся однажды про меня въ Калугѣ, гдѣ я носилъ длинные волосы: ça ressemble à Gogol! [1]) Прощайте. Преданный вамъ Иванъ Аксаковъ.

5.

Не мѣшаетъ довести до вашего свѣдѣнія, что я теперь обрѣтаюсь въ Ярославлѣ, который своимъ чопорнымъ beau-monde, живущимъ даже не на «Московскій, а на Петербургскій манеръ», скучнѣе Калуги. Впрочемъ теперь его скука для меня ничего не значитъ: оцѣпенѣніе разбилось, и «Бродяга» поплылъ своимъ потокомъ. Недѣли съ три тому назадъ, послѣ 10-ти мѣсячнаго молчанія, принялся я снова за стихи. Богъ знаетъ, удачно ли. Написалъ цѣлую главу, въ которой изображается кабакъ во всей своей трагической красотѣ. Если успѣю (потому что дѣла служебныя мнѣ много мѣшаютъ) напишу и вторую главу, которая приводитъ Алешку въ Астрахань. Это будетъ половина второй части.

Хотѣлось бы о многомъ поговорить съ вами; но *поговорить*, а не складывать своихъ мыслей въ архивъ или корзинку разныхъ получаемымъ вами писемъ.

23 Ноября 1849 г. Ярославль.

6.

1850 г. Янв. 29-го, Ярославль.

Сейчасъ получилъ ваше письмо отъ 20-го Генваря. Нынче Воскресенье, день законнаго досуга, и я рѣшился имъ воспользоваться, чтобъ поговорить съ вами. Знаю, что письмо мое будетъ для васъ пріятнѣе городскихъ сплетней и легче для вашей головы, нежели чтеніе серьезныхъ книгъ; но меня смущаетъ мысль, что теперь, въ минуту разгара Ершовской исторіи со всѣми ея послѣдствіями, оно легко можетъ быть не кстати. Скажите Николаю Михаиловичу, если это можетъ имѣть для него значеніе, что общественное мнѣніе въ Москвѣ за него [2]). Самое худшее, впрочемъ, въ вашемъ письмѣ то, что у васъ возобновляются разныя болѣсти и *глупые* страхи, какъ вы сами выражаетесь. Эти страхи точно глупы и недостойны такой умной женщины, какъ вы. Хотя, я замѣчаю, вы изъявляете нѣкоторыя претензіи на «поглупѣлость», если можно такъ выразиться; но она вамъ никакъ

---

[1]) Это похоже на Гоголя.

[2]) Нѣкто Ершовъ, Калужскій помѣщикъ, возбудилъ противъ Н. М. Смирнова, какъ губернатора, цѣлое, длившееся годы, дѣло о недосмотрахъ по выдачѣ изъ казначействъ денежнаго вознагражденія за приносимые волчьи хвосты. Наряжено было изъ Петербурга слѣдствіе, и пріѣзжалъ для того въ Калугу сенаторъ. Безкорыстная, дѣятельная и благородная служба Н. М. Смирнова рѣзко выдѣлялась тогда. Министромъ былъ тогда Л. А. Перовскій, и Смирновъ былъ совершенно оправданъ. П. Б.

не дается! Но, оставя шутки, употребите всѣ усилія, чтобы остаться здоровою. Вы теперь нужнѣе и полезнѣе своему семейству, чѣмъ когда либо, и тягость ниспосланныхъ вамъ отъ Господа испытаній обратилась вамъ же въ благо: вы стали лучше, вы теперь вполнѣ способны быть полезною вашимъ дочерямъ; будьте увѣрены, что вліяніе матери въ тысячу разъ плодотворнѣе вліянія самой добродѣтельной гувернантки.

Радуюсь, что письмо къ Шевыреву—клевета. Говорили, что вы написали письмо къ Шевыреву, гдѣ разсказываете все содержаніе 2-го тома «Мертвыхъ Душъ». Но письма этого изъ нашихъ никто не читалъ. Надобно, впрочемъ, вамъ сказать, что мы разошлись окончательно съ Погодинымъ и съ Шевыревымъ. Послѣдній до такой степени трусъ..., что недавно, по праву декана, заставилъ перепечатать одну диссертацію, представленную кѣмъ-то искавшимъ степени магистра, потому что въ ней, по поводу разныхъ филологическихъ изслѣдованій о древнихъ формахъ падежей и пр., были ссылки на сочиненіе брата Константина, который занимался исторіей Русскаго языка. Шевыревъ, увѣряя, что это имя компрометтируетъ «науку» (которой представителемъ и жрецомъ онъ считаетъ исключительно себя), приказалъ вычеркнуть имя, а воспользоваться мыслями, безъ означенія имени, позволилъ. Сосплетничать развѣ вамъ еще что нибудь?... Да боюсь... Самаринъ, проѣзжая черезъ Москву, бранилъ меня брату за то, что я будто бы написалъ вамъ о какомъ-то нашемъ спорѣ, о которомъ вы съ своей стороны написали ему. О какомъ это спорѣ, я и не помню; чуть ли это не объ администраціи вообще. Братъ, ничего не зная, сказалъ ему, что это, вѣрно, Поповъ вамъ передалъ. Нужды нѣтъ, сосплетничаю; только не говорите Самарину. Е. А. С . . . . . сдѣлала визиты столь презираемой ею прежде графинѣ Закревской, ибо стала вывозить теперь дочь свою въ свѣтъ, и сама даетъ балы, на которые приглашается вся свѣтская дребедень. Впрочемъ данъ былъ еще только одинъ балъ и не совсѣмъ удачный...

Но между словомъ и дѣлами
Какъ нашъ неискрененъ союзъ!

7.

1850 г. Іюня 3-го, Молога.

Батюшка писалъ мнѣ, что въ Калугѣ открывается вакансія вице-губернатора и спрашивалъ меня, не хочу ли я занять ее? Но какъ я ни за какія сокровища въ мірѣ не хочу жить въ провинціи, т. е. упрочивать себя въ ней, то я, разумѣется, отказался. Хорошо бы, впрочемъ, еслибъ братъ мой Григорій могъ получить это мѣсто. Онъ женатъ, имѣетъ дѣтей и слѣдовательно подлежитъ этой несчастной не-

обходимости женатыхъ—имѣть постоянное и спокойное мѣсто. Я же съ своей стороны отказываюсь ото всякихъ мѣстъ, кромѣ мѣста чиновника по особымъ порученіямъ. Мѣсто—постоянно - непостоянное и совершенно по мнѣ. Мнѣ кажется, что еслибъ я получилъ какую нибудь постоянную должность съ обязанностями опредѣленными, размѣренными и извѣстными, привязывающими меня къ одному мѣсту, я бы утратилъ послѣднюю молодость. И странно мнѣ самому, что чѣмъ дальше я иду въ жизнь, тѣмъ безпокойнѣе моя дѣятельность, тѣмъ тороплнвѣе стараюсь я воспользоваться остальнымъ запасомъ силъ, тѣмъ тревожнѣе, настоятельнѣе требованія сдѣлать что нибудь, отслужить свой долгъ, какъ будто ужъ я прозрѣваю скорый ему конецъ.

Мнѣ самому часто бываетъ досадно на себя. Вы меня мало знаете съ этой стороны и не подозрѣваете всей несносной для меня самого ретивости моей въ службѣ. Еслибъ я дѣлалъ вещи медленнѣе и не давалъ службѣ поглощать собой все мое время и всѣ мысли, свѣжъ и неизсякаемъ былъ бы источникъ поэзіи во мнѣ: билъ бы онъ постояннымъ ключомъ. Но теперь мнѣ съ каждымъ днемъ все труднѣе и труднѣе становится писать; и съ того времени, какъ мы съ вами разстались, ‹Алешка› *) подвинулся только на одну главу. Ну да Богъ съ нимъ; грустно это мнѣ, да вы этой грусти не поймете и не раздѣлите.

А думаю я, что отъ пребыванія моего въ Ярославской губерніи есть добро и другимъ, и мнѣ. Постоянное обращеніе съ купцами и мѣщанами много принесло мнѣ пользы, ближе ознакомило меня съ живыми сторонами администраціи и вообще съ жизнью. По окончаніи своего порученія я напишу большую записку о современномъ значеніи городовыхъ общинъ въ Россіи и ихъ отношеніяхъ къ государству; кажется, никто такъ не ознакомился съ ними, какъ я. Черезъ недѣлю ѣду въ Мышкинъ, оттуда въ Любимъ и Даниловъ; къ 1-му Августа возвращусь въ Ярославль, гдѣ уже и останусь, потому что поѣздка по городамъ будетъ кончена. Тогда примусь за приведеніе всѣхъ замѣчаній въ порядокъ, составленіе проектовъ, описей и пр., что́ займетъ не меньше 4-хъ мѣсяцевъ, и то дай Богъ!

8.

30 Августа 1850 г. Ярославль.

Нѣтъ, да нѣтъ времени, ото дня до дня откладывается письмо; а тутъ, глядишь, мысли, столпившіяся по прочтеніи письма, на которое хотѣлось бы отвѣчать, разбѣжались, впечатлѣнія охладѣли, интересы ослабли, а подогрѣвать и разогрѣвать все это вновь—нѣтъ охоты. Досадно мнѣ только, что я не видалъ васъ въ Москвѣ и что, вообра-

---

*) Т. е. поэма „Бродяга". П. Б.

зивъ, что вы встаете поздно, явился къ вамъ черезъ часъ послѣ вашего, довольно проворнаго, отъѣзда. Теперь не знаю, когда придется увидѣть васъ, тѣмъ болѣе, что занятія мои вѣрно продолжатъ мое пребываніе въ Ярославлѣ на срокъ неопредѣленный. Слава Богу, говорятъ, вы поправились нѣсколько; я увѣренъ, что путешествія вамъ полезны и въ состояніи содержать васъ въ добромъ расположеніи духа, а потому совѣтовалъ бы вамъ, вмѣстѣ съ дочерьми вашими, предпринимать ежегодно такія путешествія, хотя ко святымъ мѣстамъ Русскимъ, въ Кіевъ, въ Малороссію и т. д. Кстати о Кіевѣ: я скажу вамъ такую новость, которой вы бы не повѣрили вдругъ, еслибъ хорошо знали Константина, моего брата. Онъ отправился въ Кіевъ въ каретѣ съ двумя сестрами. Сестрѣ моей Вѣрѣ давно приказано путешествіе, какъ лѣкарство, и велѣно было ѣхать премущественно на Югъ. Но у насъ всѣ такъ тяжелы на подъемъ (кромѣ меня), но у насъ въ домѣ столько больныхъ и всякаго рода заботъ, что прошло все лѣто, а ни одной поѣздки не было предпринято. Наконецъ, по деспотическому велѣнію доктора, сестра въ половинѣ Августа отправилась въ Кіевъ вмѣстѣ съ другой сестрой и Константиномъ, такъ какъ маменькѣ нельзя было ѣхать и такъ какъ общимъ совѣтомъ рѣшено было, что Константину не только полезно, но и необходимо прокатиться, хоть ему и не очень этого хотѣлось. Да и въ самомъ дѣлѣ, быть въ дорогѣ съ хворыми женщинами, останавливающимися для ночлега, не совсѣмъ-то весело. Вотъ они и отправились. Не знаю, доѣдутъ ли они до Кіева; по послѣднимъ полученнымъ мною извѣстіямъ, они доѣхали до Тулы...

Ну, прошу тутъ писать письма! Перервали, и опять пробѣжало нѣсколько дней. Однакожъ, всѣмъ этимъ помѣхамъ не побѣдить моего упрямства; и такъ я продолжаю. По послѣднимъ извѣстіямъ они доѣхали до Мценска, подвигаясь впередъ очень медленно, съ разными отдыхами. Константинъ мужественно совершаетъ свой подвигъ, хотя ему и некому передавать своихъ *ученыхъ* впечатлѣній (если можно такъ выразиться), не съ кѣмъ поспорить о *родовомъ* бытѣ. Вы еще ничего не слыхали про родовой бытъ? Это новѣйшая мода въ ученомъ мірѣ въ большомъ ходу: пишутъ книги о родовомъ бытѣ, спорятъ о родовомъ бытѣ, ссорятся за родовой бытъ. Дѣло въ томъ, засталъ ли у насъ *Рюрикъ* родовой патріархальный бытъ или общинный бытъ, и какое значеніе въ нашей исторіи имѣетъ родовое начало Какъ вы объ этомъ думаете? Способны ли толки про 950-й годъ заставить забыть васъ 1850-й? Если способны, то какъ же вы счатливы, а съ вами и всѣ эти господа! Что касается до меня, то не скажу, чтобъ я былъ совершенно равнодушенъ ко всѣмъ этимъ вопросамъ; но сердце мое

въ нихъ не участвуетъ, и въ душѣ одно только постоянное ощущенiе тоски, гнёта и духоты.

Да!.. Я знаю, что довольно смѣшно толковать о себѣ и на этомъ основанiи избираю для стиховъ своихъ содержанiе большею частью *объективное*; кажется, je ne fais pas parade *) изъ своихъ ощущенiй, не драпируюсь и для большей части смертныхъ существую, какъ ретивый труженикъ, усердный чиновникъ, къ которому скоро будутъ примѣнять чиновничью поговорку: пряжка въ петлицу, геморой въ поясницу. Но съ вами я позволяю себѣ толковать и тосковать о себѣ, въ полной увѣренности... Да нѣтъ, я вовсе и не увѣренъ, чтобы вамъ подчасъ не было скучно читать мои письма; а такъ, привычка что ли, или уже вы такъ Богомъ созданы: только съ вами я даю больше простору своей откровенности.

Знакомо ли вамъ это чувство недосуга? Это то чувство, когда въ безпрерывныхъ дѣльныхъ занятiяхъ вамъ некогда посвятить спокойному сознанiю ни минуты, когда вы только вскользь слышите, какъ все засаривается и грубѣетъ въ васъ, когда вы съ невыразимою болью видите, что дни бѣгутъ, вредъ глубже и глубже, а вамъ нѣтъ времени заняться собою, да и охоты нѣтъ, когда знаешь, что уже не отчистишь себя по прежнему. Все равно, что комната, пришедшая въ запустѣнiе: все запылилось, мѣдь потускла, желѣзо перержавѣло, воздухъ спертый; мелькомъ заглянетъ хозяинъ и бѣжитъ прочь оттуда; горько ему; а когда онъ опять вернется въ свою комнату, то возвратитъ ли онъ ей прежнюю свѣжесть и чистоту? Вы справедливо выразились, что я смотрѣлъ на «негодованiе, какъ на ангела, предохраняющаго отъ зла»; но теперь и негодовать мнѣ некогда, да и негодую-то я по старой памяти. Мнѣ въ этомъ мѣсяцѣ будетъ 27 лѣтъ; а мнѣ уже страшно и больно становится чувствовать, какъ положительность болѣе и болѣе обхватываетъ мою душу, какъ вкрадывается въ нее сухость, какъ исчезаетъ свѣжесть, какъ изсякаютъ всѣ ключи поэзiи. Не объ очарованiяхъ, не объ иллюзiяхъ сожалѣю я (я ихъ не зналъ), а жалѣю я о живыхъ движенiяхъ души, просто о душѣ своей жалѣю я. Благородный пылъ негодованiя, жаркая любовь къ добру, жажда великодушныхъ подвиговъ, все это смѣнилось, правда, честными, но холодными и разсудительными правилами (principes) жизни и поведенiя. Оно, можетъ-быть, и лучше и полезнѣе для другихъ, а мнѣ безотрадно. Служить надо, это безспорно; я и Самарина убѣждалъ въ томъ же, хоть для примиренiя съ совѣстью, но не такъ однакожъ, чтобы служба отнимала у васъ все время. Но тяжело и служить съ требованiями боль-

*) Я не рисуюсь.

шаго размѣра, съ успѣхомъ самаго малаго объема. Надо вооружиться терпѣніемъ червячка, одушевиться примѣромъ капли долбящей камень! А между тѣмъ, дорога скользкая, дорога опасная и тѣмъ, что на пути могутъ позабыться ваши лучшія стремленія, и тѣмъ, что въ featuresвознѣ съ мелочами вы теряете общій взглядъ; а кругомъ духота нестерпимая.... И все-таки надо что-нибудь дѣлать, какъ-нибудь поладить съ совѣстью, возложивъ на себя какой-нибудь долгъ.

Къ грустнымъ обстоятельствамъ нашего времени принадлежитъ совершенное разочарованіе не иллюзій сердца, нѣтъ, разочарованіе убѣжденій. 1848-й годъ такъ осрамилъ гордый умъ человѣка, что разбилъ всякую вѣру въ мысль, уничтожилъ авторитетъ человѣка. Все соскочило съ пьедесталовъ; всѣ истины, чисто человѣку принадлежащія, оказались несостоятельными, и бѣдный человѣкъ, ошеломленный этою ломкою убѣжденій, этимъ паденіемъ истины, этою быстрою смѣною идей, не вѣритъ ни въ себя, ни въ свои убѣжденія, ни въ чужія. Теперь у людей не сердце *blasé*, но l'esprit blasé, la pensée blasée, если можно такъ выразиться. Но безъ убѣжденій жить нельзя, какъ безъ воздуху; хватаетесь за убѣжденіе, какъ утопающій за соломинку, но оно не живитъ васъ такъ, какъ прежде, и часто вы услышите слова:

Всю жизнь стремимъ къ единой цѣли,
И къ цѣли ложной, можетъ-быть!...

какъ сказано гдѣ-то въ моихъ стихахъ. И счастливы тѣ, для которыхъ въ полной силѣ существуетъ божественный авторитетъ религіи; но много ли ихъ, этихъ счастливцевъ?

Оставимъ это. Лучше разскажу вамъ о своихъ занятіяхъ. Я предполагалъ къ Декабрю мѣсяцу окончить свои работы по Ярославской губерніи; но новое, данное мнѣ, порученіе отсрочило отъѣздъ мой на долгое, неопредѣленное время. По поводу пойманной здѣсь шайки бродягъ-воровъ и мошенниковъ и даже разбойниковъ учреждена здѣсь особенная слѣдственная коммиссія, въ которую отъ министра назначенъ графъ Стенбокъ; а по поводу связи всѣхъ этихъ обстоятельствъ съ расколомъ, а главное, по случаю открытія новой секты, секты бѣглыхъ, секты безпаспортныхъ, назначили и меня членомъ этой коммиссіи. Работы бездна. Около ста прикосновенныхъ лицъ, большею частью ловкихъ и опытныхъ мошенниковъ, соучастіе во всемъ этомъ полицейскихъ чиновниковъ и проч. и проч.; все это запутало дѣло такъ, что необходимы самыя упорныя занятія. Съ 9 ч. утра до 10 вечера ежедневно, въ будни и въ праздникъ, работаетъ коммиссія, и Богъ вѣсть, когда кончитъ. По этому случаю мы съ Стенбокомъ живемъ вмѣстѣ, и коммиссія помѣщается у насъ въ домѣ. Стенбокъ просилъ написать вамъ, что Jules вамъ кланяется.

Подлыми средствами существуютъ государства и открываются истины, и это сильно ощущается въ слѣдственной части. Подкупы, шпіонство, внезапные ночные обыски, нравственныя (конечно не физическія) пытки, доносы, вскрытіе писемъ, все это средства безнравственныя, хотя и необходимыя. Мы должны были прибѣгнуть къ бо́льшей части этихъ средствъ по совершенной необходимости для того, чтобы не осудить другихъ невинныхъ; но я точно будто выпачкался навѣки, будто утратилъ навѣки щепетливость свѣжей юности и не могу освободиться отъ тяжелаго общества. Боже мой! Кто бы сказалъ мнѣ лѣтъ пять тому назадъ, въ минуту поэтической настроенности, что я по цѣлымъ днямъ буду возиться съ сыщиками, ловить людей, какъ зайцевъ, и дѣлать ночные обыски и т. п.!... *)

Я не перечитывалъ своего письма и не хочу перечитывать. Можетъ-быть, многое въ немъ принадлежитъ минутѣ и не можетъ служить выраженіемъ постояннаго настроенія духа; да нужды нѣтъ! Теперь я кончаю, мнѣ пора въ коммиссію; прощайте, будьте здоровы и не забывайте преданнаго вамъ всею душою Ив. Аксакова.

4-го Сентября 1850 года.

9.

25 Декабря 1850 г. Понед. Ярославль.

Вѣдь вотъ вы какой человѣкъ! Не дадите о себѣ вѣсточки и не узнаешь, чтò вы, какъ вы, гдѣ вы, чтò съ вами творится, какъ ладите вы съ своимъ нездоровьемъ, съ собою и съ окружающею васъ жизнію! Ну да Богъ съ вами; скажите же мнѣ что-нибудь о себѣ: здоровы ли вы, не собираетесь ли въ Москву и мирны ли духомъ? А я кстати поздравляю васъ съ наступившимъ праздникомъ, съ «свѣтомъ разума, возсіявшимъ міру», какъ торжественно провозглашаетъ Церковь.

Думаю, что непріятности по случаю пребыванія сенатора въ Калугѣ, какъ онѣ ни ничтожны, однакожъ ложатся вамъ на душу... Да и мало ли что́!...

Я самъ боленъ душой. Работы по службѣ, задавившія меня совершенно, дѣятельность служебная, противная моимъ нравственнымъ привычкамъ, кругомъ духота, безвыходность положенія, ближайшее знакомство съ страшными язвами, покрывающими Россію, невозможность врачеванія, безплодность трудовъ, пошлость общества, меня окружающаго, все это держитъ мою душу въ постоянно раздраженномъ состояніи, которое мнѣ самому въ тягость. Объ «Алешкѣ» нѣтъ и помину!

---

*) См. наше примѣчаніе къ напечатанной въ „Русскомъ Архивѣ" 1888 года (III, 434) статьѣ И. С. Аксакова о Бессарабскихъ раскольникахъ. П. Б.

Какъ-то, улучивъ досужую минуту, я захотѣлъ писать стихи; но, вмѣсто продолженія «Бродяги», изъ души вырвался болѣзненный кликъ, который я вамъ и посылаю. И какъ бы нужно было мнѣ забыть все, успокоиться и собрать самого себя, и какъ бы мнѣ хотѣлось иногда вдругъ очутиться на Неаполитанскомъ заливѣ, среди чудной, чудной природы! Разумѣется, на время только; и думаю, что этого отдыха нельзя было бы найдти на Югѣ Россіи, гдѣ все напоминаетъ Россію... Нѣтъ, какой я поэтъ! Во мнѣ слишкомъ много гражданина, который вытѣсняетъ поэта.

На праздники остался я здѣсь и не ѣду въ Москву, потому что слишкомъ много работы, которой нельзя оставить и съ которой, еще Богъ вѣсть, когда развяжусь. Впрочемъ, я недавно дня на три ѣздилъ въ Москву по случаю представленія драмы брата... Жаль, что васъ не было. Театръ былъ набитъ биткомъ, и драма произвела сильныя, хотя совершенно разнородныя, впечатлѣнія: и негодованіе, и сочувствіе, и полное непониманіе, и кривое истолкованіе, всего тутъ было. Поставлена она была очень дурно; но актеры играли съ живымъ сочувствіемъ. Вообще представленіе этой драмы было очень любопытно. Во 1) въ художественномъ отношеніи она совершенно новое явленіе: драма, гдѣ интересъ не на личныхъ страстяхъ или на частной жизни основанъ, а на цѣломъ историческомъ событіи; гдѣ нѣтъ героя, нѣтъ личности, выскакивающей впередъ, а гдѣ героемъ цѣлый народъ, и какой-нибудь Пожарскій—смиренный христіанинъ, поэтому являющійся какъ бы блѣднымъ, безстрастнымъ лицомъ, въ родѣ иконописи. Я не признаю его драмы полнымъ художественнымъ произведеніемъ; но такого рода содержаніе едва ли можетъ быть втѣснено въ рамки художественнаго произведенія. Во 2) любопытно было видѣть, пойметъ ли и оцѣнитъ ли публика, узнаетъ ли она эту Русскую, христіанскую общину, показанную ей на сценѣ... Большинство публики не поняло ея: аристократія пришла въ негодованіе, зачѣмъ унижаются знатные роды, говоря, что эта піеса *плебейская*, *площадная* (хорошо ругательство!); другіе увлеклись, но не съ Русскимъ чувствомъ, нѣкоторыми народными сценами; но нашлись нѣкоторые и понимающіе. Партіи враждебныя добились таки до того, что второе представленіе отложено впредъ до полученія разрѣшенія изъ Петербурга, хотя піеса была пропущена для сцены театральной цензурой, самою строгой въ Россіи. А это много значитъ; къ тому же она давно напечатана. На другой день представленія бенефиціантъ Леонидовъ давалъ, по обыкновенію, обѣдъ всѣмъ актерамъ, участвовавшимъ въ его бенефисѣ; на этотъ обѣдъ былъ приглашенъ братъ, котораго актеры честили съ самымъ живымъ чувствомъ, и однимъ изъ нихъ были прочтены сочиненные по

этому случаю куплеты, которые я вамъ и посылаю и которые свидѣтельствуютъ о томъ, что драма была понята актерами. Они, дѣйствительно, играли прекрасно; но обстановка была очень плоха. Впрочемъ, вамъ, вѣроятно, пишутъ обо всемъ этомъ изъ Москвы. Послѣдняя сцена—перекличка стрѣльцовъ — какъ-то не удалась на сценѣ и совершенно осталась непонятою зрителями.

Я остался въ Москвѣ всего трое сутокъ и уѣхалъ обратно. Представленіе драмы оживило сильно брата, и онъ сдѣлался бодръ и дѣятеленъ духомъ. Но все это пустяки! Вотъ драму остановили, пошлость и тупость общества обнаружились во всей яркости, въ какой-то непроницаемой бронѣ, которую пробить ничто не сможетъ! Все понимается криво, всѣ усилія останутся безплодны... Еслибъ я имѣлъ хоть часть вѣры брата въ свои убѣжденія, какъ бы я былъ счастливъ! Но я сдѣлался недовѣрчивъ къ человѣческимъ мудрованіямъ, къ собственнымъ убѣжденіямъ, и со мной иногда выходитъ то, что́ иногда случается съ невѣрующими, которые носятъ на шеѣ крестъ по привычкѣ и не захотятъ лишиться этого признака вѣры; такъ и я иногда дѣлаю съ убѣжденіями, за которыя стою горой. Въ одномъ изъ старинныхъ моихъ стихотвореній есть стихъ, который я часто вспоминаю:

Всю жизнь стремимъ къ единой цѣли,
И къ цѣли ложной, можетъ-быть!

Хочется иногда мнѣ выйти въ отставку... Но довольно о себѣ.

Наши живутъ въ Москвѣ, въ томъ же домѣ, т. е. въ домѣ Орловскаго, бывшемъ Высоцкаго, противъ Іерусалимскаго подворья, въ переулкѣ на Арбатѣ. Все, слава Богу, идетъ пока своимъ чередомъ. Сестра Ольга все лѣто и до сихъ поръ пьетъ кобылье молоко; сестрѣ Вѣрѣ, послѣ сдѣланнаго ею путешествія, лучше. Маменька, по прежнему, все также заботится обо всѣхъ насъ; батюшка также, какъ и прежде, иногда прихварываетъ, но вообще здоровъ. Кстати: онъ недавно получилъ письмецо отъ Гоголя изъ Одессы довольно бодрое, въ которомъ онъ проситъ отца продолжать свои записки о ружейной охотѣ, «чтобы было намъ, при свиданіи, что́ прочесть другъ другу»... Значитъ, онъ самъ пишетъ.

Другихъ новостей пока нѣтъ. Когда я былъ въ Москвѣ, Хомяковъ еще не пріѣзжалъ; но теперь онъ въ Москвѣ. Университетъ въ положеніи угнетенномъ. Съ Свербеевыми братъ видится рѣдко. Павлова кончила свой новый романъ, т.-е. Четыре Кадрили. О Самаринѣ вы вѣ-

роятно больше меня знаете; думаю, что его новая дѣятельность ему не совсѣмъ по сердцу и тяготитъ его [1])...

Я все въ Ярославлѣ.

Вотъ вамъ стихи актера Ленскаго:

Константину Сергѣевичу Аксакову.

Виновникъ нашего веселья,
Любезный гость нашъ дорогой,
Въ пылу пріятнаго похмѣлья,
Теперь, съ открытою душой,
Въ простыхъ словахъ и тѣсной рамѣ,
Я льщусь, позволите мнѣ вы,
Сказать кой-что о вашей драмѣ:
„Освобожденіе Москвы".
Въ ней нѣтъ героевъ на ходуляхъ
И нѣтъ тирадъ, эффектовъ тѣхъ,
Что́ въ драматическихъ кострюляхъ
Готовятъ, чтобъ стяжать успѣхъ.
Но въ ней есть люди—и живые,
Въ ней вѣренъ такъ нашъ старый вѣкъ,
Что даже Лазаревъ [2]) впервыя
Въ ней говорилъ, какъ человѣкъ!
Напрасно иногда актера
За неестественность винятъ:
Какъ скоро, вмѣсто разговора,
Ему настряпаютъ тирадъ,
Актеръ не будетъ натуральнымъ,
И все въ немъ дико и смѣшно!
И вотъ что́ критикамъ журнальнымъ
Подмѣтить должно бы давно...
Межъ тѣмъ въ критическихъ процессахъ
Все мы въ отвѣтѣ!.. Прахъ возьми!
Пусть намъ даютъ людей въ піесахъ,
На сценѣ будемъ мы людьми!..
Хвала, хвала вамъ, честь и слава,
Нашъ новый авторъ молодой!..
Безъ фразъ, не умствуя лукаво,
Вы пьесой Русскою, родной
Въ насъ пробудили духъ народный,
Изобразили предковъ намъ

---

[1]) Ю. Ѳ. Самаринъ служилъ тогда въ Кіевѣ. П. Б.

[2]) Лазаревъ—актеръ.

Съ ихъ простотою благородной,
А не съ эффектомъ пошлыхъ драмъ!
У васъ отъ роли Ляпунова
И до послѣдняго стрѣльца
Нѣтъ ни натянутаго слова,
Ни разцвѣченнаго лица;
А все такъ просто, такъ согрѣто
Любовью къ родинѣ святой!..
Друзья-товарищи, за мной:
Здоровье Русскаго поэта!..
Дай Богъ, чтобъ онъ еще писалъ
И честный путь свой продолжалъ!

Декабря 16-го 1850 г., Москва.

10.

9 Апр. 1851. Москва. Понед.

Христосъ воскресе, любезнѣйшая Александра Осиповна и воистину воскресе! Какъ не вспомнить васъ, какъ не пожелать похристосоваться съ вами въ этотъ праздникъ!... Давно уже не писалъ я къ вамъ, давно самъ не имѣлъ отъ васъ писемъ, и послѣднее мнѣ о васъ извѣстіе привезъ кн. Андрей Оболенскій. И съ вами, и со мной много произошло въ это время всякихъ перемѣнъ... Слава Богу, что здоровье ваше выдерживаетъ еще напоръ всѣхъ этихъ мелкихъ дрязговъ и непріятностей, которымъ подвергся въ послѣднее время Ник. Мих. *) Вся эта исторія возмутила меня, вѣроятно, гораздо болѣе, чѣмъ васъ, потому что мнѣ служебныя дѣла вѣдомы... По моему мнѣнію, или не слѣдовало дѣлать вашего мужа губернаторомъ или же, назначивъ его въ эту должность, надобно было ожидать, что онъ останется всегда вѣренъ своему пылкому, суматошному и всегда благородному характеру. Всѣ его дѣйствія такъ открыты, что въ нихъ доискиваться нечего. Если положить на вѣсы его ошибки и промахи вмѣстѣ съ его добрыми служебными дѣйствіями, то послѣднія перетянутъ. Познакомившись съ управленіемъ Ярославской губерніи, гр. Стенбокъ говоритъ, что и сравнивать нельзя Калужское управленіе съ Ярославскимъ, отдавая предпочтеніе первому. Изъ Калуги выписаны формы и образцы полицейскаго управленія, заведенные Ник. Мих., для введенія ихъ, какъ признанныхъ лучшими, въ городѣ Ярославлѣ. Пожалуйста, поклонитесь отъ меня самымъ дружескимъ образомъ вашему мужу. Вы знаете, что я и самъ выхожу въ отставку. Я, впрочемъ, собираюсь выходить съ самаго перваго дня вступленія своего въ службу; но разныя фик-

*) Т. е. Н. М. Смирновъ, супругъ А. О. Смирновой. Рѣчь идетъ о дѣлѣ по извѣту Ершова, см. выше стр. 442. П. Б.

ціи, которыя я самъ себѣ создавалъ и которыми утѣшалъ себя, меня удерживали. Фикціи всѣ полопались; создавать себѣ новыя я не въ силахъ уже болѣе, т. е. неспособенъ болѣе обманываться ими; вообще я дошелъ до самаго безотраднаго скептицизма. Но и скептицизму своему я не вѣрю, Богъ его знаетъ; можетъ быть поѣздка въ Соренто возродила бы меня. Но объ этомъ надобно говорить много или ничего. А поговорить мнѣ хотѣлось бы съ вами, потому что вы вѣрно меня браните, и оправиться въ вашихъ глазахъ желалось бы мнѣ очень..

Странное дѣло! Надобно вамъ сказать, покаяться передъ вами, что я нѣкоторое время... былъ очень раздраженъ противъ васъ. Ваше молчаніе не на послѣднее письмо мое, а на стихи мои, которые требовали вашего отвѣта, какъ задушевныя рѣчи; вашъ ошибочный отзывъ о «коммиссіи», о графѣ Стенбокѣ, о m-elle Миллеръ, доброй моей и хорошей знакомой, наконецъ, вѣра, которую отецъ мой далъ преимущественно вашимъ словамъ, послѣ моихъ отзывовъ, — все это разсердило меня. Кто-то, бывшій въ Калугѣ, а потомъ въ Рязани, разсказывалъ также, что онъ у васъ въ домѣ слышалъ мое письмо къ вамъ, теплое, животрепещущее письмо, хотя, можетъ быть, и вздорное (много бываетъ вздору въ самыхъ искреннихъ и красивыхъ лирическихъ выходкахъ); но вы такъ странно выражали ваше сужденіе, что оскорбили и слушателей... Зная васъ, я знаю, что это у васъ ничего не значитъ... И такъ я сердился на васъ... Но я слишкомъ съ вами чѣмъ-то связанъ: въ васъ Богъ знаетъ какая притягательная сила и, сблизясь съ вами искренно, невозможно разстаться. Ну какъ не подѣлиться мнѣ съ вами праздникомъ! А потомъ, знаете ли еще что̀? Добрая и хорошая понеслась о васъ молва: всѣ наконецъ начинають чувствовать въ васъ хорошаго человѣка! Согласитесь однако, что вы иногда странно поступаете, даже въ отношеніи вашихъ пріятелей.

Въ продолженіе этого времени находили на меня сильные припадки желанія видѣть васъ, поговорить съ вами, даже посовѣтоваться съ вами. Показывалъ ли вамъ Самаринъ мое письмо къ нему? Если нѣтъ, то потребуйте отъ него этого письма; можетъ быть, оно разъяснитъ вамъ непонятную сторону моего личнаго вопроса (по поводу отставки). Я слышалъ, что Самаринъ оскорбился нѣсколько. Искренно объ этомъ жалѣю и прошу у него прощенія: оскорбить мнѣ его никакъ не хотѣлось; едва ли есть человѣкъ, характеру котораго я болѣе бы сочувствовалъ и котораго уважалъ бы сильнѣе.

Теперь я въ Москвѣ, куда пріѣхалъ третьяго дня. Здѣсь узналъ я изъ частныхъ писемъ, что меня уже уволили; но подробностей увольненія не сообщаютъ. На Ѳоминой долженъ я воротиться въ Ярославль

(туда адресованы всѣ предписанія), сдамъ всѣ дѣла и неоконченныя порученія по городскому хозяйству (коммиссія же закрыта 5 Апрѣля) и потомъ вернусь въ Москву. Я жду отъ васъ письма, любезнѣйшая Александра Осиповна; пишите въ Ярославль или въ Москву (на Арбатъ въ Филиповскомъ переулкѣ, въ домѣ Орловскаго, бывш. Высоцкаго). Константинъ хочетъ приписать вамъ свой милостивый рескриптъ. Прощайте же, будьте добры и здоровы, цѣлую вашу ручку, весь вашъ

Ив. Аксаковъ.

Хотѣлось бы мнѣ знать вашъ приговоръ о стихахъ моихъ послѣднихъ.

Приписка К. С. Аксакова.

Христосъ воскресе, Александра Осиповна!

Хотя и странно послать такое привѣтствіе въ Санктъ-Петербургъ, впрочемъ и между язычниками были Христіане.

Искренно васъ уважающій Константинъ Аксаковъ.

11.

8 Іюня 1852. Абрамцево.

День такой чудный, зелень такъ густа, такъ роскошна, и вообще у насъ въ деревнѣ такъ хорошо, что, предположивъ прежде писать къ вамъ много, напишу, кажется, очень мало; а не писать теперь нельзя: я къ вамъ съ просьбой, Александра Осиповна. Впрочемъ, я знаю, просьбы друзей васъ не пугаютъ, если только отъ васъ зависитъ выполнить ихъ.

Вотъ въ чемъ дѣло. Есть у меня хорошій пріятель, славный и умный молодой человѣкъ, профессоръ Ярославскаго лицея, магистръ Московскаго университета, Никольскій. Какъ профессоръ Исторіи Русскаго Права, Калачовъ выходитъ въ отставку: то факультетъ юридическій Московскаго университета избралъ ему въ преемники этого Никольскаго. Но окончательное утвержденіе Никольскаго на этой каѳедрѣ зависитъ, разумѣется, отъ Петербурга, именно отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія *). Но Никольскій, какъ порядочный человѣкъ, вѣроятно, имѣетъ очень дурную репутацію въ министерствѣ. Его пріязнь со мной въ Ярославлѣ раздражила противъ него N. N., щедраго на доносы и клеветы всякаго рода; его пылкое благородство навлекло ему много непріятностей со стороны директора Лицея и со стороны попечителя Лицея... Между тѣмъ о достоинствѣ этого человѣка вы можете судить уже потому, что на него палъ единственный

*) Никольскій получилъ профессорское мѣсто въ Москвѣ. II Б.

выборъ всѣхъ Московскихъ профессоровъ. У него нѣтъ никакихъ знакомствъ въ Петербургѣ, никакой протекціи... Послушайте: будьте такъ добры, если увидите Норова, предупредите его на счетъ этого молодаго человѣка, попросите его не дѣлать затрудненій, даже устранять ихъ, когда будетъ о немъ сдѣлано представленіе, не вѣрить никакимъ доносамъ о его вольнодумствѣ и проч.: все это вздоръ и ложь. Сдѣлайте милость, похлопочите!

Я далъ Арнольди письма къ своимъ пріятелямъ въ Ярославль, въ особенности къ графу Стенбоку, завѣдывающему тѣми же раскольническими дѣлами, которыми будетъ заниматься и Левъ Ивановичъ *). Его приняли прекрасно и разомъ посвятили во всѣ тайны коммиссіи, такъ что онъ не будетъ болѣе смущаться своею неопытностію; я увѣренъ, что у него теперь все пойдетъ прекрасно.

Я готовлю 2-й томъ «Сборника»; въ немъ между прочимъ будетъ статья моего отца изъ его «Воспоминаній молодости» о знакомствѣ его съ Державинымъ. Статья превосходная: столько въ ней интересныхъ подробностей, столько въ ней жару, но не съумасброднаго юношескаго жару, а того законнаго, который не остываетъ съ лѣтами, но лѣтами только прилично умѣряется. Я слышалъ, что 2-й томъ велѣно изъ Московскаго Цензурнаго Комитета прислать на предварительное разсмотрѣніе въ Петербургъ... Я вамъ напишу тогда... Я слышалъ впрочемъ и то, что вы такъ рѣзко обнаруживаете свой образъ мыслей, напр., хоть о Гоголѣ, что едва ли Петербургскія власти (университетъ) съ вами въ ладу; Шихматовъ вѣроятно считаетъ васъ уже давно осужденною, да и не одинъ, я думаю, Шихматовъ... Прощайте же. Не знаю, найдетъ ли васъ это письмо: вы вѣрно на дачѣ. Чтó ваше здоровье? Всѣмъ сердцемъ желаю вамъ, любезнѣйшая Александра Осиповна, здоровья, здоровья, силъ физическихъ и нравственныхъ.

12.

Харьковъ, 5 Декабря 1853 г.

Не изъ Сингапура и не изъ Конгъ-Гонга пишу я къ вамъ, любезнѣйшая Александра Осиповна, а просто изъ Харькова! Впрочемъ, вамъ, вѣроятно, уже писали, что на кругосвѣтное плаваніе разрѣшенія мнѣ не дано и что я взялъ порученіе отъ Географическаго Общества описать торговлю Украинскихъ ярмарокъ. Вотъ по этому-то случаю я и проживаю теперь въ Харьковѣ, куда впрочемъ пріѣхалъ только три дня тому назадъ. Странствованіе мое должно продолжиться годъ, а можетъ быть и болѣе. Мнѣ предстоитъ мытарствовать, по-

*) Арнольди, единоутробный братъ А. О. Смирновой, служившій передъ тѣмъ въ Калугѣ. П. Б.

добно товару, съ ярмарки на ярмарку и совершить весь годичный кругъ Украинскаго ярмарочнаго кочеванья, напр., съ Введенской въ Сумахъ Харьк. губ. (я уже былъ тамъ) на Крещенскую въ Харьковъ, съ Крещенской на Маслянскую въ Ромны (Полт. губ.), съ Маслянской въ Елисаветградъ, оттуда опять въ Ромны, оттуда на Коренну́ю (Курск. губ.), и такъ далѣе. Еслибъ я предпринималъ это странствованіе какъ любопытный путешественникъ и литераторъ, то я былъ бы совершенно доволенъ; но озабочиваетъ меня очень собираніе статистическихъ, положительныхъ свѣдѣній о торговлѣ, о такомъ дѣлѣ, которое, не смотря на всѣ сердитыя усилія моей воли, никакъ не роднится съ моею душой! Полуофиціальный характеръ моего порученія обязываетъ меня возиться съ начальствомъ, чтò довольно скучно; но еще скучнѣе возиться съ купцами, которые неохотно разсказываютъ о торговлѣ лицу постороннему; не всѣ изъ нихъ понимаютъ, чтò за звѣрь такой Статистика; недовѣрчиво смотрятъ они на чиновника, опасаясь какихъ-нибудь налоговъ; но еще болѣе смущаются, узнавая, что я въ отставкѣ и предполагая, что въ моемъ лицѣ скрывается какое-нибудь проклятое инкогнито. Надобно пріобрѣсть ихъ личное расположеніе, какъ мнѣ это и удалось въ Ярославской губерніи; но для этого нужно раскрыть свою душу и убѣжденія, чего мнѣ не совѣтуютъ дѣлать. Ну да Богъ дастъ, все это какъ-нибудь уладится.

Лѣтомъ надѣюсь я испытать великія наслажденія среди чудной Малороссійской природы; лѣта, лѣта и всей его нѣги жду я всею душою! Мнѣ до такой степени опротивѣла ель, что я обрадовался чернолѣсью даже въ зимнемъ его убранствѣ. Впрочемъ Харьковская губернія еще не Малороссія. Едва прошло 200 лѣтъ, какъ она впервыя стала заселяться, правда, Малороссійскими выходцами, но подъ Русскимъ вліяніемъ и подъ Русскимъ казеннымъ управленіемъ. Здѣсь вездѣ видна какая-то довольно безобразная смѣсь. Здѣшніе Малороссы-мужики одѣваются по-хохлацки, но носятъ бороду. Гдѣ-нибудь «пидъ Пивтавой» зовутъ ихъ Москалями, а здѣсь Русскіе бранятъ ихъ Хохлами. Попрòсите вы пѣсень, вамъ споютъ «Красный сарафанъ», «Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту» (это еще хорошо); вы можете услыхать даже Хохла, медленно ѣдущаго на волахъ и поющаго какую-нибудь пѣснь Великорусско-лакейскаго сочиненія про вѣроломную Машу, приставляющую къ бѣлой груди пистолетъ и т. п. Хохлы здѣшніе порусѣли, а Русскіе утратили и чистоту рѣчи, и типическій свой характеръ. Вообще элементъ Великорусскій постепенно все проникаетъ и все побѣждаетъ; такъ и должно быть; но къ сожалѣнію элементъ-то этотъ не чистый, а какой-то Нѣмецко-Россійскій, трактирно-Московскій, Расейско-лакейскій! Кажется, это не только здѣсь, въ Харьковской губерніи, но даже

и въ коренной Малороссіи. Чтò же касается до самаго Харькова, до здѣшняго beau-monde, то въ немъ сильнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо губернскомъ городѣ проявляется тенденція къ самостоятельности, т.-е. къ самостоятельному обезьянству, не черезъ посредство Москвы и Петербурга. Городъ огромный, стараніемъ генералъ-губернатора Кокошкина обстроенный отлично, такъ что Харьковцы съ гордостью говорятъ про наружный видъ своего города: это второй Петербургъ. Дѣйствительно городъ имѣетъ физіономію человѣка свѣтскаго, одѣтаго comme il faut, по послѣдней модѣ и тщательно сглаживающаго съ себя все выдающееся, оригинальное. Правда, противорѣчатъ иногда этому общему виду чумаки съ волами на улицахъ и нѣкоторыя особенности почвы и климата; да чтò же дѣлать? Гдѣ же взять Петербургскаго граниту, а безъ чумаковъ городъ бы умеръ съ голода. О Малороссійской народности, о Малороссійскихъ пѣсняхъ и не заикайтесь въ здѣшнемъ обществѣ. Но здѣсь Университетъ! Университетъ не имѣетъ никакого вліянія на общественную жизнь, да и въ немъ самомъ нѣтъ никакой жизни. Студентовъ много, но они замѣняютъ гвардейцевъ въ Харьковѣ, пляшутъ на всѣхъ балахъ и плохо учатся. Вотъ вамъ маленькая характеристика Харькова, въ которомъ я долженъ буду пробыть два мѣсяца (Декабрь и Январь), да еще придется въ теченіе года побывать раза три, потому что Географическое Общество требуетъ отъ меня не общихъ взглядовъ, не нравственной характеристики края, а положительныхъ, фактическихъ свѣдѣній.

А между тѣмъ хороши села, населенныя Малоросами, даже и здѣсь. Хороши эти чистыя, бѣлыя мазанки, огороженныя тыномъ, обсаженныя грушами и яблонями, крытыя (преимущественно въ заштатныхъ городахъ) тарновкою, т.-е. соломою съ глиной. Такимъ миромъ вѣетъ отъ нѣкоторыхъ заштатныхъ городовъ и слободъ, такимъ тепломъ, лѣнью и нѣгой, что, право, хотѣлось бы иногда переселиться сюда, согрѣться здѣсь отъ Русскаго мороза, забыться и отдохнуть отъ внутренняго неугомона. Скучно, Александра Осиповна! Дорого бы я далъ, чтобы не слышать жизни или чтобы прожить хоть нѣсколько лѣтъ безпечно, беззаботно и весело! Впрочемъ зачѣмъ вамъ говорить объ этомъ и наводить на васъ тоску при вашихъ разстроенныхъ нервахъ? Хотѣлъ бы сказать вамъ что-нибудь забавное и веселое; да гдѣ же его взять, веселаго-то? Веселость — великій даръ Божій! Когда я видѣлъ вашихъ дочерей въ Петербургѣ, я почувствовалъ себя старымъ, старымъ до нельзя: мнѣ показались онѣ такъ еще дѣтски молоды, такъ безпечны, веселы и беззаботны! Можетъ-быть, я и ошибаюсь, но дай Богъ, чтобъ это было такъ; онѣ будутъ счастливѣе насъ.

Перечелъ свое письмо. Кажется, ничего лишняго нѣтъ; но Богъ вѣсть! Вы, можетъ-быть, и этому письму не будете рады. Въ такомъ

случаѣ простите. Мнѣ захотѣлось такъ, душу отвести. А вы все-таки дайте мнѣ о себѣ вѣсточку: что вы, какъ вы, гдѣ вы, какъ ваше здоровье? Хочется знать объ этомъ; хочется знать, какъ тамъ, далеко, на чужбинѣ возится и нянчится съ жизнью и съ самимъ собою знакомый и близкій намъ человѣкъ. Впрочемъ вы, разумѣется никогда въ моемъ искреннемъ участіи и не сомнѣвались. Мой адресъ: И. С. Аксакову въ Харьковъ; если меня здѣсь не будетъ, мнѣ перешлютъ. — Наши опять проводятъ зиму въ деревнѣ: невесело тамъ сестрамъ, да что-жъ дѣлать? Константинъ пишетъ Грамматику; батюшка пишетъ или диктуетъ свои «Воспоминанія». Не знаю, въ Москвѣ ли теперь Самаринъ; думаю, что въ Москвѣ. Вѣроятно, онъ самъ вамъ пишетъ. Новаго ничего нѣтъ. Отцу моему изданія «Охотничьяго Сборника» не дозволили. Забавляетесь ли вы, по крайней мѣрѣ, Нѣмцами?

Прощайте, будьте же здоровы, бодры и по возможности веселы и ясны. Цѣлую вашу ручку. Поклонитесь отъ меня вашимъ дочерямъ, которымъ желаю веселиться и веселиться, пока еще веселится.—А каковъ графъ Толстой, который женится на Бибиковой! Какъ онъ тихо подкрался. Будьте здоровы. Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

13.

С. Абрамцево, 24 Ноября 1854 г.

Наконецъ воротился я изъ своего странствованія, любезнѣйшая Александра Осиповна, изъѣздилъ пять губерній, сдѣлалъ до 7.000 верстъ, коротко познакомился съ Малороссіей, въ этой неотразимо-привлекательной стороной, гдѣ природа такъ добра, такъ ласкова къ человѣку, гдѣ было бы такъ привольно погостить и понѣжиться моей душѣ, еслибъ можно было хоть на минуту забыть настоящее строгое время! Не стану вамъ теперь сообщать ни о своихъ наблюденіяхъ надъ Хохлами, ни о своихъ скучныхъ и сухихъ занятіяхъ по части торговой статистики: все это теперь лишено интереса и для васъ, и для меня. Одинъ, одинъ громадный интересъ напрягъ теперь вниманіе всего міра! Мало того, что мы живемъ въ такую *эпоху*, когда вѣка позваны къ суду, когда прошлое сталкивается съ будущимъ, когда старый міръ яростно устремляется на пугающій его призракъ міра грядущаго, когда гигантскія матеріальныя силы неистово борятся съ невидимымъ, таинственнымъ противникомъ... Мало того, говорю,—мы къ тому переживаемъ еще такую животрепещущую *минуту*, въ которую, независимо отъ общихъ вопросовъ и задачъ, все вниманіе сосредоточено на фактѣ, т. е. на осадѣ и оборонѣ Севастополя, на положеніи храбраго гарнизона и т. п. Не хочется пускаться ни въ какія разсужденія до окончанія этого дѣла; живешь отъ почты до почты,

смотришь на карту, на планъ. По возвращеніи моемъ я прочелъ всѣ статьи, которыя были написаны и посланы въ Петербургъ для вразумленія «сильныхъ міра». Эти статьи очень хороши, но полезны по моему мнѣнію только для насъ, для общества, въ которомъ могутъ пробудить самосознаніе... Неумолима логика вещей, безжалостно правосудіе Исторіи! Нашъ позоръ, наши потери, все это должно было быть и иначе быть не можетъ, и сотворилась бы величайшая несправедливость, еслибъ было иначе. Теперь пожинаются плоды того, что̀ сѣяли. Пусть же обличится неправда, пусть наконецъ пойметъ общество, что необходимы сѣмяна другія. Одного только желаю: поменьше крови! Будемъ ждать.

Вы, можетъ быть, слышали отъ графини Блудовой о томъ, какъ мнѣ хотѣлось весною попасть на Дунай въ штабъ или канцелярію дѣйствующей арміи. Этого мнѣ не удалось. Теперь же, до окончанія труда, возложеннаго на меня Географическимъ Обществомъ, я не въ правѣ располагать своей особой. Накопивъ матеріаловъ цѣлую стопу, я приступаю теперь въ Абрамцовѣ къ разработкѣ ихъ: работа медленная, копотливая, сухая, скучная, довольно противная моей природѣ, не допускающая ни вдохновенія, ни увлеченія. Не смотря на всѣ мои сердитыя усилія, я не полюбилъ своего труда: въ этихъ коммерческихъ вопросахъ и интересахъ я все чувствую себя гостемъ, а не хозяиномъ. Однакожъ, дѣлать нечего: взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ; и я принимаюсь теперь за работу, предполагая окончить ее мѣсяца черезъ три, послѣ чего пріѣду на короткое время въ Петербургъ.

Ваше письмецо изъ Дрездена я получилъ въ Полтавѣ въ Мартѣ мѣсяцѣ; отвѣчать вамъ не могъ, потому что не зналъ вашего адреса. Сдѣлайте милость, любезная Александра Осиповна, напишите мнѣ о себѣ собственно, о вашемъ здоровьѣ, нервахъ, печени и т. д., о вашихъ планахъ относительно васъ самихъ. Какъ ни великъ общественный вопросъ и интересъ минуты, личное участіе мое къ близкимъ мнѣ людямъ не ослабѣваетъ нисколько; поэтому я жду отъ васъ вѣсточки собственно о васъ самихъ и также, если можно, пространныхъ вѣстей о дѣлахъ политическихъ.

14.

Какая вы славная, Александра Осиповна, что такъ скоро отозвались на мое письмо и къ тому же письмомъ неторопливымъ. Сдѣлайте милость, пишите ко мнѣ, и чѣмъ чаще, чѣмъ длиннѣе, тѣмъ лучше. Мы съ вами старые друзья, и душа моя всегда съ довѣрчивостью обращается къ вашей. Кажется мнѣ, что въ теченіе этого года произошли нѣкоторыя перемѣны во мнѣ, и кажется, хотя и опасно это говорить, къ лучшему. Уже не мечется во мнѣ тоска во всѣ сто-

роны, какъ прежде, а думаю, уже что-то другое будетъ звучать въ моихъ стихахъ, если я только не совсѣмъ распростился съ поэзіей. Но теперь не время говорить о себѣ; потолкуемъ лучше о «настоящихъ обстоятельствахъ». Кстати: это выраженіе манифеста о наборѣ, которое я нахожу чрезвычайно сухимъ и даже обиднымъ. Въ 1812 году, когда непріятель вступилъ на нашу землю, манифестъ объявилъ народу, что не вложится мечъ въ ножны, покуда хоть одинъ врагъ останется на Русской землѣ; а теперь уже три мѣсяца живутъ враги въ нашихъ предѣлахъ, и правительство не только не объвило намъ объ этомъ вторженіи, но дѣлаетъ видъ, будто вторженіе это не опасно, будто о немъ и говорить не стоитъ... Къ чему эти фарсы? Они не бодрость внушаютъ, а неудовольствіе и недовѣріе. Будто народу неизвѣстно, что нашествіе непріятеля въ Крымъ стоило жизни по крайней мѣрѣ 20-ти тысячамъ Русскихъ!... Нѣкоторыя губерніи имѣли намѣреніе поставить и снарядить цѣлые полки отъ себя; но, получивши манифестъ о наборѣ, написанный въ такихъ сухихъ выраженіяхъ, какъ будто дѣло шло о наборѣ обыкновенномъ и при обстоятельствахъ обыкновенныхъ, отказались отъ своего намѣренія. Я думаю, что, не смотря на всѣ усилія Нессельрода, намъ не дадутъ мира; а результатомъ его поклоновъ, книксеновъ и клятвенныхъ увѣреній въ преданности пользамъ Германіи будетъ то, что война съ Австріей у насъ все же будетъ, но война оборонительная, слѣдовательно самая для насъ невыгодная. Пусть Кіевъ подвергается опасности и даже разоренію: за то Венгерцы и Славяне останутся въ покоѣ, за то мы избавимъ Австрію отъ мятежа, за то сохранится достоинство принципа, который не захотѣлъ унизиться (s' encanailler) союзомъ съ народнымъ движеніемъ и т. п. Но видно нѣтъ другаго пути для нашего спасенія. Только тяжкіе удары, только осязательныя доказательства, только событія, во всей своей жизненной грубости, въ состояніи вразумить несмысленныхъ и убѣдить невѣрующихъ. Авось либо Россія, оглушенная громомъ истины, проснется къ жизни и къ сознанію. Но для этого нуженъ громъ... О, какой еще длинный путь, полный самыхъ страшныхъ испытаній! Иногда даже пропадаетъ для меня интересъ настоящей минуты: событія нынѣшняго дня кажутся мнѣ декораціей, за которой чудятся мнѣ другіе страшные образы, другія ужасныя явленія. Да, это не 1812 г., когда весь вопросъ можно было, такъ сказать, ощупать кругомъ и видны были всѣ края историческаго горизонта. Подняты такіе міровые вопросы, разрѣшеніе которыхъ теряется въ безконечности, а событія безбрежны, какъ море! Впрочемъ нельзя не сознаться, что многіе изъ насъ уже больно прытки и слишкомъ заглядываются на даль будущаго, презирая и злобу нынѣшняго дня, и долгъ, подвигъ

каждаго дня. Рѣчь эту я веду къ тому, чтобъ объяснить, что для каждаго изъ насъ существуетъ и обязанность, и необходимость принять дѣятельное участіе въ современныхъ событіяхъ, въ трудахъ и подвигахъ Россіи, даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ мы понимали дѣло хуже другихъ и не ожидали отъ нашего участія большой пользы. Вѣра въ собственную мысль или мечту, воплощеніе которой принадлежитъ Исторіи, дѣйствующей по своимъ внутреннимъ законамъ, шествующей своимъ твердымъ, тяжелымъ, вѣрнымъ, нисколько не торопливымъ шагомъ,—вѣра въ собственныя мечты и ожиданіе ихъ осуществленія не должны заглушать въ насъ живаго сочувстві я къ ежедневности простаго движенія любви простой, не резонёрствующей. Не могу и не долженъ я оставаться въ бездѣйствіи, сложа руки, въ то время, когда кровью и страданіемъ пріобрѣтаетъ себѣ Россія знаніе и мудрость... Я не говорю про людей, облеченныхъ уже разными нравственными, хотя бы и не общественными, обязанностями, про людей подвизающихся уже на какомъ-либо избранномъ поприщѣ, согласно внутреннему призванію... эти люди дѣлаютъ свое дѣло и трудятся для общественнаго блага, на пользу Россіи не менѣе тѣхъ, которые принимаютъ видимое участіе въ настоящихъ событіяхъ. Но если у человѣка нѣтъ ни обязанностей такихъ, ни спеціальнаго труда, ни опредѣленнаго призванія (какъ напримѣръ у меня), то онъ долженъ непремѣнно, въ настоящую эпоху, взложить и на себя часть общественнаго бремени и понести ее, и стать въ число рабочихъ... Но какъ же именно?.. Покуда не знаю. Подумайте за меня. Впрочемъ теперь я еще не въ правѣ распоряжаться своей особой, до окончанія труда, возложеннаго на меня Географическимъ Обществомъ. А какой противный трудъ! Я не могу привязаться къ нему душою уже потому, что не считаю его полезнымъ. Сами посудите, любезнѣйшая Александра Осиповна: я дѣлаю описаніе торговли въ такой годъ, который потомъ всѣми статистиками будетъ выключаемъ, какъ годъ особенный, не дающій понятія о нормальномъ положеніи торговли; я собираю статистическія данныя о томъ, что́ было, чего нѣтъ и чего не будетъ уже, какъ потому, что война продолжится долго и непремѣнно во многомъ измѣнитъ порядокъ вещей, такъ и потому, что устройство желѣзныхъ дорогъ въ Одессу и Ѳеодосію должно передѣлать и переиначить весь ходъ дѣлъ торговыхъ, всю жизнь Малороссіи. Трудъ мой теряетъ всякую цѣну и будетъ только любопытенъ въ историческомъ отношеніи. Не можете себѣ представить, какъ мнѣ тяжело въ настоящую минуту заглушать въ себѣ всякое развлекающее меня участіе къ живымъ событіямъ нынѣшнихъ дней, чтобы вязнуть умомъ, душой и сердцемъ въ соображеніяхъ торговыхъ, въ статистическихъ цифрахъ и т. д. И, не смотря

на страшныя мои усилія, работа плохо подвигается впередъ; мнѣ почти невозможно работать безъ одушевленія. Безъ одушевленія я дѣлаюсь глупѣе глупѣйшаго чиновника. Еслибъ я былъ богатъ и еслибъ это было возможно и не стыдно, я бы возвратилъ Обществу его деньги, съ тѣмъ, чтобы выдало оно мнѣ ихъ обратно, когда я со временемъ представлю свой трудъ. Но это, разумѣется, пустыя слова. Чтобы успѣшнѣе работать и не развлекаться, я переѣхалъ къ Троицѣ и живу здѣсь одинъ на квартирѣ: въ Амбрамцово очень часто ѣздятъ гости, да и наша большая семья стóитъ шумнаго общества. Да, кстати: Константинъ немного обидѣлся вашими похвалами ему за богомольство и за хожденіе къ Троицѣ. Онъ хочетъ имѣть значеніе, какъ гражданинъ и общественный дѣятель, а не какъ молитвенникъ за Русскую землю; да и молитва есть его частное, личное дѣло. Къ тому же онъ бываетъ у Троицы не часто; вамъ это, вѣрно, передала княжна Циціанова [1]). Константинъ пишетъ безпрестанно политическія письма къ Димитрію Оболенскому [2]). Если вы ихъ не читали, то прочтите.

14 Декабря 1854 г. Троицкій посадъ.

15.

Я къ вамъ съ просьбой, любезнѣйшая Александра Осиповна: пошлите за Митей Оболенскимъ, заставьте его прочесть прилагаемую къ нему записку, добейтесь отъ него отвѣта и потрудитесь, прошу васъ, тотчасъ же мнѣ обо всемъ отписать. А чтобъ вы знали, въ чемъ дѣло, нарочно не запечатываю записки. Очень бы мнѣ хотѣлось помочь этому человѣку; это дѣло близко моей душѣ, и вы, добрая Александра Осиповна, съ своей стороны напуститесь также на Оболенскаго.

Я сейчасъ только прочелъ манифестъ. Я радъ ему, радъ, что полая вода начинаетъ, наконецъ, прорывать плотину; но манифестъ изъ рукъ вонъ плохъ. Скажите, кто авторъ? Не понимаешь, для чего написанъ этотъ манифестъ? Опасности намъ угрожающія выставлены такъ не ярко, неуспѣхъ же нашего отпора выставленъ такъ выпукло, что послѣднія слова о защитѣ лучшаго въ мірѣ блага—безопасности и чести отечества (и это какой вздоръ: отечество—слово вовсе не Русское, а сочиненное нами и народу рѣшительно непонятное, а идеи о чести государственной для него не существуетъ), оказываются вовсе неумѣстными. Самое лучшее въ манифестѣ—слова Александровскаго манифеста. Если это писалъ Блудовъ, такъ онъ не дѣлаетъ ему чести. Видно, онъ не Шишковъ! Но я все же очень радъ. За этимъ манифестомъ послѣдуютъ другіе. Брешь сдѣлана въ нашей крѣпости, которая

[1]) Жившая въ Сергіевскомъ посадѣ княжна Елисавета Дмитріевна Циціанова, родственница А. О. Смирновой. П. Б.

[2]) Князь Д. А. Оболенскій, впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта. П. Б.

стоитъ Севастополя! Впрочемъ манифестъ нехорошъ еще тѣмъ, что обѣщаетъ намъ только оборонительную войну противъ Австріи. Все это очень покуда плохо; но я вѣрю въ силу событія.

Прощайте теперь, любезная моя Александра Осиповна, будьте бодры и здоровы. Писать болѣе некогда. Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

20 Декабря 1854 г.

Кланяюсь Поповымъ *).

Мнѣ совѣтуютъ съѣздить на нѣсколько дней въ Петербургъ и лично объясниться съ кѣмъ нужно изъ Географическаго Общества, что трудъ мой раньше трехъ мѣсяцевъ представленъ быть не можетъ; а то, пожалуй, весной Общества и не найдешь въ Петербургѣ, если Швеція объявитъ войну и окажутся ненадежными Кронштадтскія твердыни. Какъ вы думаете? Можетъ быть, я и послѣдую этому совѣту.—Да! Нынче, говорятъ, пріѣзжалъ къ Троицѣ Австрійскій посолъ. Вслѣдъ за манифестомъ! Переводчикъ объяснилъ отцу Іонѣ (монаху, приставленному къ гостиницѣ), что войны съ Австріей нѣтъ, не будетъ и быть не можетъ, чѣмъ привелъ весь монастырь въ недоумѣніе. Что жъ это такое въ самомъ дѣлѣ? Какъ не ко времени мой теперешній скучный трудъ, Александра Осиповна! Въ манифестѣ ни слова о вѣрѣ. Плохо! Вы не сердитесь, что я такъ безъ обиняковъ пишу вамъ о манифестѣ. Такое ли теперь время, чтобы лгать и безмолствовать? Пусть же знаютъ искреннее мнѣніе всѣхъ честныхъ людей.

16.

Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, любезнѣйшая Александра Осиповна. Какъ ни пошлы слова: «что-то сулитъ намъ будущій годъ» и т. п., но теперь они имѣютъ особенное, полное страшнаго смысла, значеніе. Впрочемъ я еще ничего не ожидаю въ 55 году. Годъ будетъ сѣрый, безъ вёдра и безъ сильной, спасительной грозы; однакожъ тучи все тѣснѣе и тѣснѣе будутъ облегать небо. Изъ иностранныхъ газетъ видно, что идутъ переговоры о мирѣ, что на конференціяхъ Пруссія и даже Австрія изъявляютъ желаніе, чтобъ положено было непремѣннымъ условіемъ сохранить *цѣлость* Россійской имперіи. Вотъ оно до чего дошло! Про положеніе нашихъ Крымскихъ дѣлъ, про управленіе, про грабежи чиновниковъ въ Крыму разсказываютъ ужасы. Такъ и должно быть. Порядокъ вещей разлагается...

Очень благодарю васъ и графиню Блудову за участіе. Ѣхать служить на Кавказъ не намѣренъ. Мнѣ вовсе не хочется уѣзжать въ такую

*) Т. е. Александру Николаевичу Попову (служившему тогда въ II-мъ Отдѣленіи Собственной Канцеляріи) и супругѣ его Марьѣ Петровнѣ, ур. Мосоловой (во второмъ бракѣ за г. Соломкой). П. Б.

даль при настоящихъ обстоятельствахъ; да и съ Муравьевымъ, говорятъ, трудно ужиться. Къ тому же я не могу располагать своей особой прежде, чѣмъ окончу свой трудъ. Графиню Блудову я очень благодарю; но вотъ что̀ любезнѣйшая Александра Осиповна, между нами: я боюсь женской хлопотливой заботливости вообще, а ея въ особенности. Я знаю, что она, добиваясь для кого-то мѣста, хотѣла публично при всѣхъ повалиться въ ноги одному изъ министровъ, и тотъ, опасаясь такой великодушной выходки, сейчасъ на все согласился. Все это ей дѣлаетъ великую честь; но я не желаю быть предметомъ ея заботливости, развѣ я самъ ее о чемъ попрошу и укажу ей путь и предѣлы. Такъ вы пожалуйста, Александра Осиповна, умѣряйте ея дѣятельность въ отношеніи меня: я не Далмація и не Сербія, а человѣкъ, со всѣми человѣческими слабостями, т. е. съ гордостью и съ самолюбіемъ. Къ вамъ писалъ я о своихъ намѣреніяхъ такъ, откровенности ради и изъ желанія знать ваше мнѣніе и совѣты; но не хлопочите, какъ бы меня куда пристроить и не давайте Блудовой хлопотать обо мнѣ. Вамъ это все понятно, любезнѣйшая Александра Осиповна.—Поблагодарите А. Н. Попова отъ имени батюшки за книгу: она чрезвычайно интересна, вообще хорошо составлена и живо разсказана. Кланяюсь имъ обоимъ.—Я еще не видалъ Самарина по возвращеніи его изъ Петербурга; но надѣюсь увидать его скоро; завтра ѣду въ Москву на нѣсколько дней. Говорятъ, Петербургъ теперь отвратительнѣе, чѣмъ когда либо и умѣетъ соглашать свой патріотизмъ съ бо̀льшимъ поклоненіемъ Западу, чѣмъ прежде... Очень, очень было мнѣ грустно слышать, что вашъ домъ въ Петербургѣ—домъ совершенно Петербургскій, съ Баварцами, учащими играть на Баварской балалайкѣ, съ какими-то Портали, père et fille, со всѣмъ Петербургскимъ тономъ и складомъ*). Знаю я, что мнѣнія ваши совершенно противоположны всему этому образу жизни, и тѣмъ больнѣе мнѣ за васъ. Это постоянное противорѣчіе должно содержать васъ въ раздраженномъ состояніи и возмущать ясность и бодрость духа. Простите, что я написалъ эти строки: я давно уже пересталъ признавать себя въ правѣ дѣлать вамъ какія либо замѣчанія я упреки; но это не замѣчаніе и не упрекъ, а истинно душевное соболѣзнованіе, которымъ грѣшно оскорбляться.

Прощайте, любезнѣйшая Александра Осиповна. Я отмѣнилъ свое намѣреніе ѣхать въ Петербугъ: лишняя трата времени!

2 Января 1855 г.

---

*) Супругъ А. О. Смирновой, послѣ Калуги, служилъ (недолго) Петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ. П. Б.

Александра Осиповна прогнѣвалась на предъидущія письма; Аксаковъ написалъ ей холодную нижеслѣдующую отповѣдь, и переписка между ними на много лѣтъ прекратилась. Такъ бывало и не съ однимъ Аксаковымъ; но въ этой женщинѣ было такъ много ума, души, художественной обаятельности, что память о ней не могла пропасть у того кто сколько нибудь близко зналъ ее. Ума и души было вдоволь и у Аксакова. Прошли года, Смирнова послѣ 19 Февраля 1861 года уѣхала на долго за границу, Аксаковъ началъ издавать газету „День", и, узнавъ о томъ, она ему тотчасъ откликнулась. П. Б.

17.

Милостивая государыня Александра Осиповна.

Письмомъ вашимъ отъ 6-го Января вы спѣшите торжественно отречься отъ всякаго сочувствія къ моимъ «мнѣніямъ, чувствамъ и желаніямъ»... Успокойтесь. Вполнѣ убѣждаюсь, что между нами рѣшительно нѣтъ, да вѣроятно никогда и не было, ничего общаго; я вамъ глубоко благодаренъ за то, что вы уничтожили во мнѣ и послѣднюю тѣнь сомнѣнія. Искренно желаю, чтобы вы своею похвально-своевременною откровенностью вполнѣ достигли предположенной вами цѣли, и поздравляю васъ съ надеждами на миръ. Ив. Аксаковъ.

10 Января 1855 г.

18.

Какой рой воспоминаній возбудилъ во мнѣ вашъ почеркъ, дорогая Александра Осиповна. Точно, Богъ знаетъ, какая бездна лѣтъ, какія пропасти и горы легли и встали между мной и тѣмъ временемъ, когда, бывало, исписывалъ я вамъ цѣлые листы молодаго горячаго бреда! Я страшно измѣнился съ тѣхъ поръ, и не къ лучшему: я очерствѣлъ отъ всѣхъ тѣхъ ударовъ, которые поразили меня, мою семью, всю среду, въ которой вращаюсь, и только въ этомъ очерствленіи нахожу силъ, чтобъ жить и дѣйствовать. Въ противномъ случаѣ тоска одолѣла бы, перо бы выпало изъ рукъ. Но про это вѣдаю я одинъ, и до этого нѣтъ никому дѣла, а дѣло вамъ и другимъ до публичной стороны моей жизни. Мнѣ очень отрадно ваше сочувствіе, и очень отрадно мнѣ доставлять вамъ своей газетой нѣкоторое утѣшеніе за границей. Ваше предложеніе я принимаю съ радостью и придаю большую цѣну вашему сотрудничеству. Поговоримте же объ этомъ дѣлѣ.

Путевыя замѣтки и наблюденія *Русскаго* за границей совершенно подходятъ къ моей программѣ. Я убѣжденъ, что безъ всякаго усилія сказать что нибудь оригинальное, вы раскроете намъ такія стороны Англійской жизни, которыя до сихъ поръ были незамѣчены или дурно понимаемы. Кто же изъ Русскихъ писалъ у насъ объ Англіи? Все, чтó намъ извѣстно объ ней, это—изъ разсказовъ самихъ Англичанъ,

изъ сужденій Французовъ и Нѣмцевъ, и нѣтъ сомнѣнія, что съ Русской точки зрѣнія горизонтъ открывается шире. Судить Европу въ состояніи только мы, Русскіе, уже по тому одному, что мы глядимъ на нее со стороны, извнѣ, что мы чуждые гости на этомъ пиру, что историческое воспитаніе освободило насъ отъ національной односторонности. Русскій глазъ увидитъ въ Европѣ, въ Англіи, то, чего не замѣтятъ Европейцы. Поэтому во 1) пишите мнѣ путевыя письма, пишите не лѣнясь, т. е. вносите туда всѣ ваши наблюденія, даже самыя мелочныя, и предоставьте мнѣ право ихъ нѣсколько редактировать, т. е. сокращать, гдѣ я сочту нужнымъ. Именно намъ важно знать внутреннюю жизнь Англіи, не Лондонскую; разъясните намъ тайну этой *повсемѣстности* жизни, этой децентрализаціи при единствѣ политическомъ и при значеніи Лондона, какъ центра. Что̀ такое провинціализмъ въ Англіи, каково его отношеніе къ столицѣ? То ли подловатое, подобострастное отношеніе, какое существуетъ не только у насъ, но и во Франціи? Когда я изъ Парижа пріѣхалъ въ Орлеанъ, мнѣ показалось, что я попалъ въ Калугу; да нѣтъ—и въ Калугѣ жизни больше, чѣмъ въ Орлеанѣ. Вамъ извѣстна Германія вдоль и поперекъ, вы живали и въ малыхъ городахъ. Тамъ безъ сомнѣнія есть жизнь мѣстная всюду; но это не провинціализмъ, а Kleinstaaterei; тутъ отсутствіе широкаго политическаго горизонта или, вѣрнѣе сказать, недостатокъ представленія о великомъ цѣломъ, общественномъ и политическомъ организмѣ, въ свою очередь, суживаетъ мысль и душу. Присутствіе въ душѣ постояннаго сознанія или, вѣрнѣе, ощущенія широкихъ размѣровъ своего народнаго единства—важный элементъ въ развитіи. Проведите намъ параллель Англійской провинціи съ Французскою и Нѣмецкою. Дайте также намъ понятіе о сельскомъ населеніи въ Англіи, если таковое существуетъ. Я думаю впрочемъ, что въ Англіи самой его уже нѣтъ (фермеръ—не крестьянинъ); но оно должно быть въ Ирландіи и Шотландіи. Да пишите только; вы и сами не подозрѣваете, какъ вы *богаты* наблюденіями всякаго рода; пишите, не дѣлая надъ собою усилій, безъ предвзятой мысли, и ваши путевыя письма раскроютъ намъ цѣлый міръ незнакомой намъ жизни.

Это первое. Затѣмъ очень бы хотѣлось имѣть понятіе о религіозномъ движеніи въ Англіи. Я думаю, вамъ этотъ предметъ вполнѣ знакомъ. Скажите, какой успѣхъ имѣетъ въ Англіи модное ученіе матеріализма, такъ повально охватившее у насъ все наше молодое поколѣніе? Кажется, въ Англіи матеріализмъ собираетъ очень скудную жатву; а между тѣмъ въ Англіи же господствуетъ стремленіе матеріа-

лизировать добро и, наконецъ, вещественное благосостояніе составляетъ чуть ли не конечную цѣль существованія.

Обнаружьте намъ Англійскую общественную благотворительность. Не губитъ ли она частную, личную благотворительность, не улетучивается ли при этомъ нравственная сторона добра, и остается только одна матеріальная польза?. .

Вотъ видите, дорогая моя сотрудница, сколько задачъ, вопросовъ, сколько работы вамъ впереди. Не скупитесь только и выкладывайте намъ все богатство, накопленное вами [1]).

Историческія замѣтки Кокса [2]) также пригодятся, и если вы можете ихъ переслать въ скоромъ времени, то много меня обяжете. Чтó касается до вашего перевода проповѣди епископа Кена, то жаль мнѣ вашего потраченнаго труда. Я получилъ вашъ переводъ отъ Самарина и предложилъ его редакціи «Православнаго Обозрѣнія», гдѣ онъ и находится теперь на разсмотрѣніи; но врядъ ли будетъ помѣщенъ уже потому, что онъ непомѣрно великъ. Размѣръ статьи не въ пропорціональномъ отношеніи къ интересу содержанія. XVII-го вѣка проповѣдь, произнесенная въ Англіи, займетъ у насъ очень немногихъ. Достаточно было бы упомянуть о самомъ фактѣ и привести изъ проповѣди два-три самыхъ замѣчательныхъ мѣста, составить статейку на двухъ-трехъ страницахъ. Вѣроятно редакція «Правосл. Обозр.» такъ и сдѣлаетъ.

Не знаю, какими путями доходитъ до васъ «День». Я бы желалъ пересылать его вамъ аккуратно, но отсюда это почти невозможно и слишкомъ дорого: обойдется рублей въ 40 экземпляръ! Почтовой конвенціи у насъ съ Англіей нѣтъ, и почта взыскиваетъ за №, какъ за письмо. Всего лучше, если вы подпишетесь чрезъ посредство Лондонскаго почтамта въ Берлинскомъ почтамтѣ, который выписываетъ изъ

---

[1]) Богатства этого было накоплено вдоволь, и къ тому же ученица Плетнева владѣла перомъ отлично, пріобрѣла привычку писать много и вела обширную переписку; тѣмъ не менѣе она затруднялась появляться въ печати. Мало того: мысль о печати какъ будто пугала ее и охолаживала самый слогъ ея, столь живой и увлекательный въ ея письмахъ, какъ напр. къ Гоголю (въ „Русской Старинѣ“: эти письма несравненно лучше писемъ самаго Гоголя). Еще живучи въ Калугѣ, обѣщала она свое сотрудничество Аксаковымъ въ изданіи „Московскихъ Сборниковъ“ (1846 - 1852). Но ни тамъ, ни въ „Днѣ“, ни въ „Москвѣ“ и „Руси“ она ничего не напечатала, и при жизни ея только въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 года, по настоятельной нашей просьбѣ, появились ея „Воспоминанія о Жуковскомъ и Пушкинѣ“, и то въ видѣ письма къ намъ. Надо прибавить, что многіе годы жизни Смирнова провела въ тяжкихъ болѣзняхъ, и тогда ей было не до писанія чего либо. П. Б.

[2]) Коксъ, Англійскій историкъ и путешественникъ, былъ въ Россіи въ 1778—1786 годахъ и оставилъ о томъ Записки (выдержки изъ нихъ напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1877 года. П. Б.

Московскаго почтамта довольно много экземпляровъ «Дня» для Русскихъ, проживающихъ въ Германіи; «День» такимъ способомъ обойдется вамъ рублей въ 15. Въ Лондонскомъ почтамтѣ, вѣрно есть Verzeichniss газетамъ и журналамъ, которые можно выписывать чрезъ Берлинскій почтамтъ. Этотъ Verzeichniss издается ежегодно съ подробнымъ означеніемъ цѣны. Попробуйте. Весь ли «День» вы имѣете за прошлый годъ?

«День» 1863 года гораздо сумрачнѣе, облачнѣе прошлогодняго. Другими словами, газета нѣсколько полиняла въ колоритѣ, стала скучнѣе и суше. Этому единственная причина—цензура, которая преслѣдуетъ мою газету съ неимовѣрнымъ ожесточеніемъ. Изъ 12 №№ нынѣшняго года только въ четырехъ имѣются мои передовыя статьи; въ остальныхъ восьми всѣ запрещены! Для цензурованія «Дня» назначенъ особенный спеціальный цензоръ изъ Петербурга [1]); а мои статьи, кромѣ того, цензуруются полнымъ составомъ присутствія Цензурнаго Комитета и при малѣйшемъ сомнѣніи отсылаются въ Петербургъ къ министру Валуеву; такимъ образомъ въ нынѣшнемъ году представлено ему было 16 статей, изъ которыхъ онъ ни одной не разрѣшилъ. Между тѣмъ, что́ разрѣшается печатать прочимъ журналамъ, просто поразительно! Глаза наши не привыкли видѣть въ печати, напр., ругательства на І. Христа; а это все дозволяется. Ненавистнѣе всего Петербургу народность. Онъ готовъ терпѣть какое угодно ученіе: матеріализмъ, соціализмъ, коммунизмъ, но не проповѣдь народности.

Никогда впрочемъ литература не подпадала такой зависимости, какъ при Валуевѣ. Ему хочется распоряжаться журналистикой à la Persigny [2]), завести у себя bureau de la presse и давать постоянно камертонъ газетамъ и журналамъ... Валуевъ постоянно объявляетъ, что онъ считаетъ существованіе «Дня» несовмѣстнымъ съ своей системой управленія, и такъ какъ запретить «День» ему не удалось [3]), то онъ рѣшился всячески ослаблять его достоинство цензурнымъ утюгомъ. Цензурному Комитету дана особая инструкція, какъ цензуровать «День».

Невѣроятно! Вамъ трудно и понять эту аномалію, а у насъ это безобразіе въ порядкѣ вещей. Если вы читаете Le Nord, то вы можете тамъ найти въ переводѣ мое объявленіе о томъ, почему въ моемъ журналѣ нѣтъ передовыхъ статей о Польскомъ дѣлѣ. А ихъ было

[1]) Ѳ. И. Рахманиновъ. П. Б.

[2]) Министръ во Франціи при Наполеонѣ III-мъ. П. Б.

[3]) Заступницею за И. С. Аксакова была покойная Государыня Марія Александровна.—Читатели помнятъ, что Валуевъ, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, сильно тѣснилъ и М. Н. Каткова. П. Б.

написано у меня цѣлыхъ четыре! При современной деморализаціи нашего общества, при отсутствіи въ молодомъ поколѣніи всякаго, не то что ужъ патріотическаго чувства, но просто Русскаго чувства, заставлять молчать «День»—просто безуміе.

Но прощайте. Благодарю васъ еще разъ за дружескую память, за отзывъ о «Днѣ» и за ваше предложеніе быть сотрудникомъ того дѣла, которому «День» служитъ органомъ и знаменемъ. Скажите что нибудь о вашемъ здоровьѣ. Вашу ручку. Вамъ всею душею преданный

Ив. Аксаковъ.

23 Марта 1863.
Москва.

19.

22 Февраля 1866 г., Абрамцево.

Мнѣ очень, очень дорогъ былъ вашъ привѣтъ, дорогая Александра Осиповна; но не отвѣчалъ я вамъ тотчасъ же, потому что былъ въ страшной суетѣ и хлопотахъ, и предположилъ себѣ писать къ вамъ уже послѣ свадьбы, *съ мѣста*. Теперь я на мѣстѣ, у себя, дóма, въ Абрамцевѣ, и супружества моего считается уже шесть недѣль *). Знаете ли вы, что вы первая меня свели съ Анной? Я познакомился съ нею у васъ, и именно въ Павловскѣ. Думалъ ли я, слушая 20 лѣтъ тому назадъ ваши разсказы о фрейлинскомъ житьѣ-бытьѣ и о дворцовыхъ обычаяхъ, что поищу себѣ невѣсту именно между фрейлинами, и именно во дворцѣ? Впрочемъ я потому и сблизился съ Анной, что она постоянно была *тамъ* воплощеннымъ протестомъ, и въ теченіе 12 лѣтъ торчала во дворцѣ, какъ заноза, какъ постороннее тѣло, не разлагавшееся и не претворявшееся въ органическую субстанцію придворнаго міра.

Я нашелъ въ женитьбѣ, чего искалъ. Меня истомилъ внутренній нравственный диссонансъ жизни холостяка; я желалъ нравственнаго трезваго счастья, трезваго мира и, такъ сказать, правды существованія. Отъ того ли, что оба мы женились уже не въ молодыхъ лѣтахъ, достаточно искушенные жизнью, отъ того ли, что оба отнеслись къ браку очень серьезно, безъ иллюзій страсти; но женитьба тотчасъ же оказала на меня и вообще свое благотворное, отрезвляющее и умудряющее дѣйствіе: чувствуешь, какъ дѣлаешься проще, какъ соскакиваютъ всѣ неестественные духовные наросты (такъ кажется, по крайней мѣрѣ); конецъ шатанью изъ стороны въ сторону, туманнымъ испареніямъ души, фальшивымъ аспираціямъ, восторгамъ, позитурамъ, кокетству собой вообще. Мы соединили вмѣстѣ опытъ жизни внутренній

*) И. С. Аксаковъ женился на старшей дочери Ѳ. И. Тютчева, Аннѣ Ѳедоровнѣ, 12 Января 1866 года. Вѣнчаніе ихъ произошло въ Москвѣ на Поварской, въ домовой церкви барона М. Л. Боде. П. Б.

и внѣшній, и дай Богъ, чтобъ это соединеніе не осталось безплоднымъ. Теперь конечно я еще отдыхаю отъ 4-хъ лѣтняго утомленія, отъ 4-хъ лѣтнихъ тягостнѣйшихъ трудовъ; теперь тишина деревенская и свободный досугъ мнѣ отрадны, можетъ быть, по чувству реакціи; но думаю, что я ни въ какомъ случаѣ не останусь сложа руки. Покуда я принялся еще только за изготовленіе къ печати 2-го и 3-го томовъ сочиненій брата Константина. Затѣмъ имѣю въ виду поѣздку въ концѣ Мая за Волгу, въ свое имѣніе, доставшееся мнѣ по раздѣлу съ братомъ Григоріемъ. Дѣло въ томъ что средства наши для жизни довольно ограничены и, чтобъ имѣть возможность жить въ Москвѣ, надо найти въ дѣятельности и матеріальное подспорье. Что́ касается до Анны, то ей Абрамцевскій старый домъ кажется лучше всѣхъ дворцовъ, по пословицѣ: хоть щей горшокъ, да самъ большой.

Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе на счетъ необходимости для Самарина жениться. Онъ сильно тоскуетъ своимъ одиночествомъ; участь стараго холостяка, съ неизбѣжнымъ развитіемъ себялюбія, любви къ комфорту, очерствѣнія, справедливо пугаетъ его. Я думаю, что только женившись примется онъ за настоящій, плодотворный трудъ, по плечу своему таланту; этотъ трудъ—разъясненіе истиннаго идеала Православной Церкви, продолженіе трудовъ Хомякова. Слава Богу, теперь Самаринъ лишенъ возможности жаловаться на упадокъ своихъ способностей, на слабость и отупѣніе своей головы и т. п. Письма въ отвѣтъ Іезуиту Мартынову отняли у него это право и обличили въ собственныхъ глазахъ Самарина всю неправду такого его самообольщенія. Успѣхъ этихъ писемъ видимо ободрилъ его самого. Вы конечно уже знакомы съ ними. Теперь они печатаются отдѣльнымъ изданіемъ *).

Я желалъ бы воспользоваться моимъ теперешнимъ деревенскимъ досугомъ, чтобъ сколько нибудь пополнить пробѣлъ послѣднихъ 4-хъ лѣтъ: четыре года сряду въ качествѣ редактора я не имѣлъ времени прочесть ни одной книги. Вы довольно знаете мою жену, знаете, стало быть, что какъ въ чтеніи, такъ и во всѣхъ своихъ занятіяхъ я нахожу въ ней и собесѣдницу себѣ, и помощницу.

Что-то подѣлываете вы сами, милая Александра Осиповна? Вы пустили корни въ Англіи: теперь васъ связываютъ съ нею и родствен-

*) Это особое изданіе лучшаго изъ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина, „Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи" было предпринято нами, по тексту, предварительно напечатанному въ послѣднихъ выпускахъ газеты „День" (откуда сдѣлано было нѣсколько отдѣльныхъ оттисковъ, съ немалымъ числомъ опечатокъ, о чемъ и говоритъ Самаринъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ баронессѣ Раденъ). Половинная выручка съ перваго и двухъ другихъ нашихъ изданій этой книги поступала въ Серпуховское Благотворительное Общество, учрежденное сестрою Ю. Ѳ. Самарина, графинею М. Ѳ. Соллогубъ. П. Б.

ныя отношенія [1]). Чтó вашъ сынъ? Гдѣ онъ? Я ничего не знаю о немъ. Простите мнѣ еще разъ мое долгое молчаніе; теперь уже не будетъ невольныхъ причинъ невѣжливости и забывчивости. Чтó здоровье ваше? Прощайте, цѣлую ручки ваши обѣ; не забывайте же меня, вамъ всею душою преданнаго Ив. Аксакова.

P. S. Анна усердно кланяется вамъ и Ольгѣ Николаевнѣ [2]), къ которой присоединяю и я свой поклонъ. Она, т. е. Анна, писала Ольгѣ Николаевнѣ передъ свадьбой; дошло ли письмо?

20.

Здравствуйте, Александра Осиповна! Благодарю васъ за письмо полученное мною чрезъ В. Д. Арнольди. Оно такъ живо передаетъ вашу рѣчь, что я будто слышу вашъ голосъ и вижу, какъ вы гнѣваетесь. Исторію о Гаѳерлеѣ я сообщилъ къ свѣдѣнію всѣмъ тѣмъ которые съ нимъ нянчились; я же къ счастію умѣлъ миновать его совершенно такъ, что и въ глаза его не видалъ. По всѣмъ здѣшнимъ разсказамъ я составилъ себѣ понятіе о немъ, какъ о тупоумномъ фанатикѣ, потому что его приверженность къ православному восточному *обряду* не подлежитъ, кажется, никакому сомнѣнію; ну, а вы знаете что такого рода фанатизмъ не рѣдко уживается съ плутовствомъ и мошенничествомъ: доказательствомъ—наши раскольники-старообрядцы. Гаѳерлей же въ Православіи выразумѣлъ только одинъ обрядъ, не больше. Дѣло въ томъ—и съ этимъ вы должны согласиться—что принимать Православіе Англичанину въ Англіи не представляло и не представляетъ никакихъ особенныхъ выгодъ, особенно же когда при этомъ требуется упорная настойчивость въ преодолѣніи всякаго рода препятствій. Онъ не пріобрѣлъ ни положенія общественнаго, ни денегъ; въ Россіи покровителемъ его одинъ М. М. Сухотинъ! Трудно предположить, чтобы человѣкъ безъ искренняго убѣжденія рѣшился потратить столько лѣтъ на работу, на изученіе, на путешествіе, на тяжелые труды всякаго рода, изъ-за чего? Изъ-за званія Греческаго православнаго священника, изъ-за того, чтобъ поставить въ Англійскомъ глухомъ мѣстечкѣ православный алтарь. Человѣкъ, движимый корыстною цѣлью, нашелъ бы другой, простѣйшій способъ для обогащенія. Къ тому же и Евгеній Ивановичъ Поповъ зналъ его столько лѣтъ и принималъ его за человѣка искренняго. Поэтому я никакъ не могу

---

[1]) Младшая дочь Смирновой, Надежда Николаевна, вышла за мужъ за Англичанина Соренъ. П. Б.

[2]) Старшей дочери А. О. Смирновой. П. Б.

признать его обманщикомъ или лицемѣромъ относительно его вѣроисповѣдныхъ убѣжденій, чтó не мѣшаетъ ему быть грязнымъ, грубымъ, падкимъ до денегъ и т. п... Въ человѣкѣ удивительнымъ образомъ уживаются вмѣстѣ и мирятся самыя вопіющія противорѣчія, и все это безъ лицемѣрія, а вслѣдствіе или недодуманности и легкомыслія, или компромисса, сдѣлки съ совѣстью, или же самообмана. Въ Гаѳерлеѣ же и этой сложности нѣтъ: онъ просто глупъ, тупъ и фанатикъ православной обрядности. Но довольно о немъ. Повторяю, приверженцевъ у него въ Россіи не имѣется, симпатіей онъ не пользуется; К. А. Свербеева считаетъ свое дѣло съ нимъ поконченнымъ; кроткимъ защитникомъ его является только М. М. Сухотинъ.

Вотъ какъ! Вы вздыхаете по Россіи. Но еслибъ вы возвратились и пожили между нами, вы поспѣшили бы снова стать на такое отъ нея отдаленіе, при которомъ она, Россія, снова бы начала манить и тянуть васъ къ себѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что издали выступаютъ однѣ ея крупныя историческія черты, ея всемірное значеніе, ея народная индивидуальность. Ежедневность же нашей здѣсь дѣйствительной жизни съ ея пошлостью, съ ея мерзостью, наше блужданье и шатанье по противоположнымъ путямъ, наше оскудѣніе духа,—все это для васъ исчезаетъ. Еслибъ вы вѣдали, чтó у насъ творится! Знаете ли вы, что не въ фигурномъ смыслѣ, а въ буквальномъ, воздвигнуты у насъ костры, на которыхъ жгутъ книги. Прежде, благодаря въ особенности покойному Милютину, былъ изданъ законъ, по которому нельзя было конфисковать никакой книги, не начавъ въ тоже время противъ автора судебнаго иска. Но такъ какъ суды большею частью оправдывали авторовъ, то въ началѣ года былъ изданъ новый законъ, дозволяющій литературной полиціи конфисковать и уничтожать книги, напечатанныя безъ предварительной цензуры,—прямо, своею властью, не прибѣгая къ суду. И ужъ уничтожаютъ! Трудно отважиться на какое либо изданіе, и свирѣпствуетъ пуще всѣхъ М. Н. Лонгиновъ, въ званіи главнаго начальника цензуры. Никогда это презрѣніе къ литературѣ не доходило до такой грубости, до такого цинизма, и чтó всего замѣчательнѣе или прискорбнѣе, это—совершенное равнодушіе общества. Прежде, всякая нелѣпость цензуры становилась «анекдотомъ», быстро распространявшимся по всей Россіи. Теперь же, дѣйствія вопіющія цензуры и вопли литераторовъ не имѣютъ ни малѣйшаго резонанса.. Это отъ того, что господствующіе интересы теперь—экономическіе, и интересамъ духовнымъ отведено лишь крошечное мѣстечко... Элементъ купеческій становится преобладающимъ, именно въ Москвѣ, такъ что ее и узнать трудно. Безъ сомнѣнія тутъ есть и историческое объясненіе. Теперь наступилъ историческій и потому законный чередъ интересовъ эконо-

мическихъ, такъ долго пренебреженныхъ. Десятки лѣтъ общество жило умственною дѣятельностью, чисто отвлеченною, интересами самаго абстрактнаго свойства; много было уяснено и сознано, и умственный уровень поднимался до замѣчательной высоты. Среди споровъ о философіи, объ исторіи и проч., забывали о насущномъ, о состояніи суда, о бездорожьѣ, о стѣсненномъ положеніи торговли, всего купечества и т. д. Настала очередь вопросовъ практическихъ, образованіе средней руки, посредственное, быстро распространилось; но общій умственный уровень понизился, осѣлъ. При преобладаніи заботъ чисто реальнаго, вещественнаго свойства, чувствуется оскудѣніе духа. Въ Москвѣ теперь скучно и пусто, и безлюдно при населеніи въ 600 т., а сверху гнетъ трудно-переносимый.

Что́ касается до перевода проповѣдей митрополита Филарета, то переводчица [1]) никогда и не уполномочивала Н . . . хлопотать о какомъ либо предисловіи у кого бы то ни было. Конечно было бы желательно, еслибъ Станлей [2]) написалъ не предисловіе, а хотя бы статейку въ газетахъ, когда книга появится. Пусть Евг. Иван. Поповъ, по отпечатаніи книги, разошлетъ ее нѣкоторымъ знаменитостямъ, которыхъ она, по его мнѣнію, можетъ интересовать. Я впрочемъ сомнѣваюсь, чтобы книга имѣла успѣхъ и принимаю въ ней участіе только по дружбѣ къ переводчицѣ.

Сейчасъ узналъ я, что исторія съ Hatherley на кораблѣ уже извѣстна Русской публикѣ изъ письма Муханова къ его матери. Подробная выписка изъ этого письма была въ началѣ нынѣшняго года напечатана въ здѣшней газетѣ «Русскія Вѣдомости» и потомъ перепечатана въ нѣкоторыхъ другихъ.

Жена благодаритъ васъ очень за память. Теперь у насъ подъ Москвой (впрочемъ почти на границѣ Моск. губ.) есть имѣніе [3]), гдѣ она устроиваетъ школу и въ особенности занята мыслью объ устройствѣ врачебной помощи по селамъ, о чемъ и написала очень умный проектъ.

Вчера узналъ отъ В. Д. Арнольди, что вы собираетесь въ Парижъ. Куда же писать къ вамъ? Пускаю это письмо пока въ Лондонъ. Прощайте же, дорогая Александра Осиповна, не забывайте меня. Всею душой вамъ преданный Ив. Аксаковъ.

6 Декабря 1872 г. Москва.

На Подновинскомъ, домъ Пустовалова.

---

[1]) Екатерина Өедоровна Тютчева, свояченица И. С. Аксакова. Она перевела на Англійскій языкъ нѣкоторыя проповѣди Московскаго митрополита Филарета и напечатала ихъ особою книгою въ Англіи. П. Б.

[2]) Извѣстный Англійскій богословъ, пріѣзжавшій въ Россію съ герцогомъ Эдинбургскимъ, когда онъ женился на Великой Княжнѣ Маріи Александровнѣ. П. Б.

[3]) Троекурово, на Окѣ, въ Каширскомъ уѣздѣ. По неумѣнію хозяйничать, И. С. Аксаковъ долженъ былъ вскорѣ продать это имѣніе. П. Б.

21.

Москва, 7 Ноября 1874. Кисловка, д. Аванчевскаго.

Наконецъ я добылъ вашъ Парижскій адресъ, дорогая Александра Осиповна; но еще до полученія вашего письма изъ Лондона, я послалъ вамъ экземпляръ біографіи Тютчева [1]), адресовавъ его въ наше посольство. Если вы его не получили, такъ велите его разыскать. Очень радъ вашему сочувственному отзыву. Я не скрываю отъ себя недостатковъ моего труда; эти недостатки свойственны почти каждой біографической работѣ, когда весь фокусъ вашихъ мыслительныхъ лучей устремляется на одинъ образъ и потому даетъ ему слишкомъ сильное освѣщеніе. Очень можетъ быть, что личность Тютчева явилась у меня подъ перомъ полновѣснѣе и серьезнѣе, plus grave, нежели какою она была въ дѣйствительности; меня интересовала болѣе конечно серьезная сторона его существованія — область поэзіи и мысли—и она въ изображеніи перевѣсила или заслонила другую сторону, наиболѣе извѣстную и памятную, милую, привлекательную сторону его общественности, его свѣтскости. Біографію слѣдовало бы гораздо болѣе расцвѣтить анекдотами о немъ и его bons mots. Но несомнѣнно и то, что самые повидимому близкіе къ нему люди, въ свою очередь, видѣли на первомъ планѣ только эту послѣднюю сторону, и она застилала для нихъ болѣе серьезное его значеніе. Такъ напримѣръ Иванъ Сергѣевичъ Гагаринъ [2]) нѣсколько озадаченъ; думаю, что и князь П. А. Вяземскій испыталъ такое же впечатлѣніе: они никакъ не предполагали, что этотъ человѣкъ окажется серьезнѣе ихъ!.. Само собою разумѣется также, что *частной* жизни Тютчева я не могъ и не хотѣлъ касаться.

Кстати о Гагаринѣ. Я послалъ ему біографію и по этому случаю даже въ перепискѣ съ нимъ теперь. Вообразите, что у него оказалось 61 стихотвореніе Тютчева—*неизданныя*!!! Это уже само по себѣ интереснѣйшій біографическій фактъ: найдите автора, который бы умолчалъ, даже и не намекнулъ никогда, что публикѣ неизвѣстенъ остается такой богатый вкладъ въ литературу. Вѣроятно Тютчевъ даже и забылъ про эти стихотворенія. Такое открытіе только подтверждаетъ вѣрность моего біографическаго изображенія. Я убѣдительно прошу

---

[1]) Это былъ оттискъ изъ „Русскаго Архива“ 1874 года. Вслѣдъ за кончиною И. С. Аксакова, эта біографія издана его вдовою отдѣльно, полнѣе прежняго. П. Б.

[2]) Извѣстный своимъ обращеніемъ въ Іезуитскій орденъ. Онъ нѣкогда вмѣстѣ съ Ѳ. И. Тютчевымъ служилъ при посольствѣ въ Мюнхенѣ, гдѣ дядя его, князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ, былъ посланникомъ. П. Б.

Гагарина переслать мнѣ рукопись въ подлинникѣ, а не въ копіи, да еще съ выборомъ. Если вы его увидите, упросите его также [1]).

Знаете, о чемъ я теперь собираюсь писать? О Гоголѣ. У меня есть еще неизданная рукопись моего отца: «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ». Она доведена только до 1835 года. Кулишъ ею пользовался и въ своихъ Запискахъ о жизни Гоголя помѣстилъ оттуда нѣсколько извлеченій. Тѣмъ не менѣе издать ее слѣдуетъ; но, приступая къ изданію, я почувствовалъ, какъ несовременна или, вѣрнѣе, какъ мало понятна настоящему поколѣнію эта рѣчь Гоголева современника, обращенная къ своимъ современникамъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ все будетъ непонятнѣе. То значеніе, которое имѣлъ Гоголь для литературы, для современниковъ, та восторженность отношеній къ нему моего отца и многихъ другихъ, то *наслажденіе*, которое доставляло художественное воспроизведеніе пошлыхъ, грязныхъ и сальныхъ сторонъ Русской жизни, наслажденіе чуждое всякихъ тенденціозныхъ, соціалистическихъ соображеній, все это теперь—вещи невнятныя. Это необходимо истолковать, и потому мнѣ хочется написать, въ видѣ предисловія къ рукописи моего отца, два этюда о Гоголѣ: одинъ—«мѣсто или значеніе Гоголя въ исторіи Русской литературы и Русскаго общества», а другой—психологическій этюдъ о самомъ Гоголѣ, отчасти въ отвѣтъ и Пыпину. Если это удастся мнѣ написать, то вы ужъ конечно не откажетесь прочесть мою работу въ рукописи, прежде печати [2]).

Не странно ли однако, что, отвратясь отъ настоящаго, я ищу, такъ сказать, ретроспективныхъ утѣшеній, ухожу въ воспоминанія, роюсь въ могилахъ? Что́ дѣлать? Не завязывается здѣсь у насъ никакого общаго дѣла. Нашъ кругъ, наше поколѣніе рѣдѣетъ, а свѣжихъ, молодыхъ силъ не прибываетъ. Молодежь отдѣлена отъ насъ цѣлой бездной; она не представляетъ послѣдующую, дальнѣйшую ступень органическаго развитія (съ этимъ охотно и радостно миришься), а моментъ какого-то болѣзненнаго, переходнаго состоянія. Вообще наше развитіе идетъ какимъ-то революціоннымъ процессомъ, съ постояннымъ перерывомъ преданій. Правда и то, что преданія новѣйшей Россіи, Россіи или Русскаго образованнаго общества съ Петра большею частью такія, что ихъ и хранить-то не зачѣмъ [3]) и, можетъ быть, хорошо, что они не принялись; но тѣмъ не менѣе въ этомъ отноше-

---

[1]) Эти стихотворенія были доставлены Аксакову изъ Парижа и напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 года. П. Б.

[2]) Статей этихъ о Гоголѣ Иванъ Сергѣевичъ не успѣлъ написать. Упомянутая выше статья С. Т. Аксакова (въ обработкѣ его крестнаго сына Н. М. Павлова) напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1890 года, вып. 8-й. П. Б.

[3]) Взглядъ ошибочный, отъ котораго И. С. Аксаковъ позднѣе отказывался. П. Б.

нiи къ преданiямъ есть что-то деморализующее, и вмѣстѣ съ гнилыми преданiями исторгаются и добрыя. Будемъ надѣяться, что добрыя сами собою процѣдятся и когда нибудь образуютъ твердый осадокъ. Но вѣдь, право, замѣчательно: во всякой другой странѣ полтора-два вѣка это—уже порядочный кусокъ времени, освящающiй обычай, это уже—старина, пользующаяся уваженiемъ, покрытая симпатическимъ мхомъ, почетною плѣсенью. Ну, напримѣръ, *парики* Англiйскихъ судей, шерстяные мѣшки, на коихъ возсѣдаютъ лорды. Парики—вещь безобразная, ничего общаго съ коренною Англiйскою нацiональностью не имѣющая; но этому обычаю прошло вѣка два, и онъ самою своею стародавнею нелѣпостью милъ Англичанину. А у насъ табель о рангахъ хоть сейчасъ уничтожь. «Титулярный совѣтникъ», не смотря на свою чуть не двухсотлѣтнюю древность, не прiобрѣлъ никакого решпекта, не покрылся почетною плѣсенью, и его можно сдуть и обратить въ прахъ, такъ что народъ и не замѣтитъ его исчезновенiя. Такъ почти и со всѣми реформами Петра... Повторяю, съ одной стороны это хорошо, съ другой—дурно: такъ жить долго нельзя; такое отношенiе сушитъ душу...

Кстати объ Англiи. Въ Revue des deux Mondes за Сентябрь мѣсяцъ есть довольно интересная статья нѣкоего Milsand: Des nouveaux courans de la vie anglaise. Онъ указываетъ новые признаки, небывалые прежде въ Англiйской жизни: прiобрѣтаетъ силу *теорiя*, начинаетъ *господствовать надъ жизнью*; прежде въ Англiи преобладало *a posteriori*, а теперь—*a priori*, какъ во Францiи, и т. д. Вотъ въ силу-то этой отвлеченной теорiи, Англiя и предоставила свободу школѣ (говоритъ Milsand) и поколебала тѣмъ свою духовную крѣпость, послѣдствiемъ чего и являются быстрые успѣхи католицизма и возникновенiе множества Iезуитскихъ школъ... Вы, въ вашемъ письмѣ, тоже разсказываете о Кармелитахъ... Впрочемъ можетъ быть, эта опасность только кажущаяся, и въ самой Англiи найдется ей противодѣйствiе. Но этого противодѣйствiя не даетъ ни новѣйшiй парламентскiй актъ, ни этаблированная Англiйская церковь. Религiозный вопросъ сталъ снова на историческую очередь и требуетъ себѣ новаго рѣшенiя, вмѣсто того компромиса, на которомъ опочили было люди. Если извѣстныя намъ политическiя тѣла окажутся неспособными принять новое рѣшенiе, т. е. старыми мѣхами, неспособными держать новое вино, то старые мѣхи Исторiя замѣнитъ новыми. Такъ наприм., католическiя государства, какъ Францiя, Испанiя и т. д., они, очевидно, износили вполнѣ то религiозное содержанiе, которое вложило въ нихъ Латинство и которое дало имъ историческое бытiе. Способны ли онѣ принять новое религiозное содержанiе? Полагаю, что нѣтъ; а потому счи-

таю ихъ обреченными на гибель, т. е. собственно политическія, историческія индивидуальности, называемыя Франціей и Испаніей. Не будетъ Франціи и Испаніи, а останется Французскій и Испанскій народъ, которые пойдутъ на другую историческую формацію, какъ это случилось и съ древнимъ Римомъ.

Вотъ въ какую диссертацію увлекся я съ вами мимоходомъ. — Анна вамъ очень кланяется. Она была обезпокоена нездоровьемъ Императрицы и теперь не менѣе смущена предстоящими ей передвиженіями. Мы проводимъ зиму въ Москвѣ.

Прощайте, дорогая Александра Осиповна; спасибо вамъ за письмо. Дайте знать, чего вы чаете для Франціи, бонапартизма, или коммуны, или Шамбора, или Прусскаго фельдфебеля? Цѣлую ручки ваши·

22.

И выразить не могу, какъ мнѣ совѣстно и больно, что до сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ, дорогая Александра Осиповна. Начатое и наполовину написанное письмо мое къ вамъ давно уже лежитъ у меня на столѣ, такъ давно, что совсѣмъ растрепалось. Много было причинъ отвлекающихъ или, вѣрнѣе сказать, много растрачено и промотано по пустому дорогого времени, потому что, по правдѣ сказать, ничего путнаго мы здѣсь не дѣлаемъ, и изо всей нашей Московской общественной жизни и дѣятельности не выжмешь никакого серьезнаго результата. Вотъ хоть бы, напримѣръ, тѣ электоральныя треволненія, которыми была охвачена Москва въ послѣдніе мѣсяцы, въ которыхъ впрочемъ я принималъ лишь косвенное участіе, но Самаринъ—непосредственное и самое дѣятельное. Но во всѣхъ этихъ маленькихъ буряхъ въ стаканчикахъ воды не было никакого политическаго значенія, по крайней мѣрѣ не удалосъ его придать. Ссадили изъ губернскихъ предводителей дворянства князя Александра Васильевича Мещерскаго, ревностнаго въ пользу того направленія, которое господствуетъ теперь въ Петербургѣ, которое называется аристократическимъ и которое выражается въ стремленіи «поднять» значеніе дворянства и даже обособить его въ смыслѣ политическомъ, придавъ ему нѣкоторыя привилегіи. Его ссадили, пользуясь личною враждою къ нему многихъ бывшихъ дворянскихъ уѣздныхъ предводителей и замѣнили графомъ Бобринскимъ . . . . Впрочемъ, когда я говорю о направленіи господствующемъ въ Петербургѣ, вы не должны принимать этого слишкомъ au serieux и воображать себѣ что-то опредѣленное. Это скорѣе какія-то вожделѣнія, затрудняющіяся найти себѣ практическую формулу и нерѣдко совершенно противорѣчащія

общему ходу законодательства и мѣрамъ, исходящимъ отъ тѣхъ же вожделѣющихъ. Такъ, трудно доказать, чтобъ всесословная воинская повинность способствовала развитію аристократическаго начàла. Наше городское самоуправленіе идетъ довольно плохо, съ Нѣмцемъ-Шумахеромъ во главѣ, не смотря на все усердіе Самарина въ качествѣ гласнаго, за чтò, признаюсь, я очень сержусь и на городское самоуправленіе, и на Самарина. Ему ли тратить свое время и дарованія на обсужденіе проектовъ о вывозѣ нечистотъ изъ Москвы, о бойняхъ, о пожарныхъ командахъ! Онъ проводитъ цѣлые дни въ осмотрѣ трубъ и насосовъ, въ которыхъ конечно ничего не смыслитъ и вноситъ пріемы ума философскаго, привычнаго къ теоріямъ и къ абстракціямъ, въ ту область, гдѣ требуется лишь простаго практическаго смысла, котораго именно ему не достаетъ. Но онъ такъ упрямъ, что его ничѣмъ не переубѣдишь.

Возвращаюсь къ вашему письму или къ вашимъ письмамъ, за которыя благодарю васъ всею душою, а также за присылку писемъ Иванова. Вотъ какъ бились тогда изъ-за куска насущнаго хлѣба наши великіе художники! Такіе же стоны о матеріальныхъ помѣхахъ внутреннему духовному и художественному творчеству слышались одновременно и отъ Гоголя. А теперь его творенія равнозначительны крупной рентѣ, съ избыткомъ обезпечивающей его наслѣдниковъ. Ѳ. В. Чижовъ, которому, между прочимъ, я передалъ письма Иванова (онъ хочетъ о немъ писать) и который, по порученію Анны Васильевны Гоголь, принялъ на себя трудъ изданія сочиненій ея брата, составилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ капиталъ для нея съ племянниками Быковыми тысячъ въ 50 р. сер. и ежегодно продолжаетъ высылать значительную сумму, чуть не по 5 тысячъ р. сер. Сочиненія Гоголя постоянно и быстро расходятся, и не потому́, чтобы сочувствіе къ нему было также сильно, какъ въ былое время, но потому, что невозможно теперь никому, претендующему на какое нибудь образованіе, не имѣть Гоголя въ своей библіотекѣ. Надо признаться, въ эти 23 года, послѣ смерти Гоголя, въ *объемѣ публики* произошла громадная перемѣна. Справедливо кто-то замѣтилъ, что у насъ теперь не одна, а нѣсколько публикъ. Имѣютъ успѣхъ и расходятся въ огромномъ числѣ экземпляровъ и по дорогой цѣнѣ такія сочиненія, о которыхъ *мы* прочіе, долго считавшіе себя чуть не центромъ Россійской интеллигенціи, и понятія не имѣемъ или которыя очень низко цѣнимъ. Такъ конечно и быть должно, и этому можно было бы только радоваться, еслибы не было у насъ въ тоже время полнѣйшаго отсутствія критики. Конечно, умственный уровень, кажется мнѣ, понизился сравнительно со тою порой, когда умственная дѣятельность осуждена была витать

почти исключительно въ области отвлеченной и вытягивалась высоко, какъ тонкій стебель, надъ почвой, растившей сорныя или самыя простыя, грубыя травы; за то просвѣщеніе значительно демократизовалось, получивъ болѣе экстенсивный, чѣмъ интенсивный характеръ. Однимъ словомъ, число читателей увеличилось вдесятеро, и писатели составляютъ себѣ цѣлыя состоянія, т. е. собственно составители учебниковъ и романисты. Цѣна за *листъ* повѣсти или романа, печатаемаго въ журналѣ, установилась въ редакціяхъ для извѣстныхъ писателей отъ 300 до 500 р. Графъ Толстой свой романъ «Анну Каренину» продалъ «Русскому Вѣстнику» за 20 т. р. с. съ правомъ, въ концѣ года напечатать и продавать его отдѣльно, чтó дастъ ему также тысячъ около 20-ти. Цифры эти любопытны, и я выписываю ихъ вамъ для сравненія съ тѣми матеріальными условіями, которыми была обставлена дѣятельность Гоголя.

Можно поздравить васъ съ республикой, кажется? Хотя она и смотритъ хлипкою, но по крайней мѣрѣ наречено имя! Только долго ли пройдетъ времени отъ крестинъ до похоронъ? Вотъ вы теперь живете въ Парижѣ и лучше насъ можете судить о степени жизненности во Франціи; я разумѣю жизненность политическую. Или ужъ это такой старый мѣхъ, въ который нельзя влить никакого новаго вина? Я впрочемъ долженъ замѣтить, что въ Revue de deux Mondes, во многихъ статьяхъ, видно напряженное усиліе стать основательнѣе, скромнѣе, избавиться отъ прежней хвастливости и горделиваго невѣжества, однимъ словомъ, что-то новое, хотя еще только на степени условія.

Однако пора кончить. Анна вамъ очень кланяется; здоровье ея такъ себѣ, не очень дурно и не совсѣмъ хорошо. Долго ли вы въ богопротивномъ градѣ Парижѣ пребываніе имѣть изволите?... Прощайте, дорогая Александра Осиповна; простите мнѣ мое долгое молчаніе и дайте поцѣловать ваши ручки.

Вашъ всею душой Ив. Аксаковъ.

14 Февраля 1875. Москва,
Кисловка, д. Азанчевскаго

23.

Здравствуйте, добрый старый, дорогой другъ Александра Осиповна! Начиная изданіе еженедѣльной газеты подъ названіемъ «Русь», выхожу вновь, послѣ долгаго перерыва, на литературное поприще, затягивая, можетъ быть, уже свою лебединую пѣснь. Озираюсь кругомъ, оглядываюсь—кто изъ прежнихъ друзей еще на лицо и прошу ихъ напутственнаго привѣта и содѣйствія. Отъ васъ въ правѣ я ожидать и того, и другаго. У васъ есть и *записки* умныя, интересныя, и

много всякаго матеріала. Если это возможно, удѣлите часть мнѣ для помѣщенія въ «Руси». Можетъ быть, въ тѣ минуты, когда не тяготятъ васъ ваши нервы и даютъ вамъ нѣкоторый отдыхъ, вы удосужитесь заняться пересмотромъ вашего богатаго архива и вспомните обо мнѣ.

Вотъ и Пушкину поставленъ памятникъ на площади въ Москвѣ. Рѣшено поставить памятникъ богато. Цѣлую ручки ваши отъ всей души. Дай Богъ вамъ поменѣе страдать отъ вашего недуга. Не забывайте же вамъ всѣмъ сердцемъ преданнаго друга Ив. Аксакова.

30 Сентября. Москва 1880 г.

*

Это было послѣднее письмо. А. О. Смирнова страдала жестокою болѣзнію, сопровождаемою умственнымъ разстройствомъ. Она уже не могла не только сотрудничать въ газетѣ „Русь", но даже и отвѣчать И. С. Аксакову. Она скончалась въ Парижѣ 7 Іюля 1882 года Аксаковъ, въ 37-мъ выпускѣ „Руси" того года, посвятилъ ей нѣсколько сочувственныхъ страницъ. „Ея красота, столько разъ воспѣтая поэтами, не величавая и блестящая красота формъ (она была очень невысокаго роста), а южная красота тонкихъ, правильныхъ линій смуглаго лица и черныхъ, бодрыхъ, проницательныхъ глазъ, вся оживленная блескомъ острой мысли, ея пытливый, свободный умъ и искреннее влеченіе къ интересамъ высшаго строя, искусства, поэзіи, знанія, создали ей при дворѣ и въ свѣтѣ исключительное положеніе"...

Дочери Смирновой, привезши тѣло ея въ Москву, на кладбище Донскаго монастыря *), исполнили послѣднюю просьбу Аксакова и передали ему ея Записки.

Память Александры Осиповны Смирновой никогда не умретъ въ завѣтныхъ преданіяхъ нашего просвѣщенія; а дружба ея съ Аксаковымъ ставитъ его на ряду съ Жуковскимъ, Пушкинымъ и Гоголемъ. П. Б.

---

*) Она завѣщала, чтобы ее похоронили тамъ, рядомъ съ супругомъ, по кончинѣ котораго (1870) писала: „Сломался якорь моей жизни". П. Б.

ДВА ПИСЬМА ГРАФА (КНЯЗЯ) М. С. ВОРОНЦОВА ИЗЪ ПОХОДА 1806 ГОДА.

Будущій фельдмаршалъ князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, служа въ Преображенскомъ полку подъ начальствомъ графа П. А. Толстаго, участвовалъ во второй нашей войнѣ съ Наполеономъ, предпринятой для спасенія Пруссіи и кончившейся Тильзитскимъ миромъ (на знаменитомъ плоту, гдѣ Наполеонъ въ первый разъ бесѣдовалъ съ нашимъ Государемъ, графъ Воронцовъ былъ дежурнымъ офицеромъ). Къ кому именно писаны нижеслѣдующія письма его, намъ неизвѣстно; вѣроятно къ графу П. А. Толстому. Они пріобрѣтены нами въ подлинникахъ отъ одного собирателя рукописей. Почеркъ 25-ти лѣтняго въ то время графа Воронцова, впослѣдствіи почти невозможный для прочтенія, въ этихъ письмахъ еще весьма четокъ. П. Б.

I.

Грауденецъ, 2 (14) Ноября 1806.

Ваше сіятельство вѣрно удивитесь, что я такъ долго ѣхалъ сюда; но ежели вамъ достанется ѣхать по этой дорогѣ, то удивленіе ваше уменьшится. Отъ Петербурга до границы я ѣхалъ цѣлые шесть сутокъ, хотя только одинъ разъ на четыре часа остановился близъ Нарвы, гдѣ встрѣтилъ графа Мусина-Пушкина.

Въ Петербургѣ уже давно знаютъ, что при королѣ находится изъ нашихъ г. Криденеръ [1]), который и доставлялъ отселѣ всѣ извѣстія любопытныя. И такъ, сія часть коммиссіи моей у меня съ плечъ свалилась. Криденеръ, кажется, человѣкъ весьма хорошій и, будучи весьма знакомъ со всѣми здѣшними, имѣетъ всѣ способы узнавать все чтò дѣлается, по крайней мѣрѣ столько, сколько можно: ибо король [2]) самъ мало знаетъ чтò въ 20-ти верстахъ отъ него. Шпіоновъ у нихъ совсѣмъ нѣтъ, а когда чтò и узнаютъ, то не умѣютъ рѣшиться, чтò по

---

[1]) Супругъ знаменитой баронессы, нашъ посланникъ при Прусскомъ дворѣ? П. Б.
[2]) Т. е. король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ III-й. П. Б.

тому дѣлать надлежитъ. Все здѣсь весьма худо, и я весьма боюсь, что будетъ еще хуже. Въ Польшѣ инсурекція началась; при семъ прилагаю копію съ манифеста Домбровскаго. Близъ Варшавы [1]) въ иныхъ мѣстахъ отказались уже повиноваться Прусскому начальству, запретили отпускъ рекрутовъ и ломаютъ вездѣ орлы на казенныхъ строеніяхъ. Между тѣмъ Французы въ Позенѣ уже въ силахъ, а маршалъ Ланъ пришелъ вчера въ Бромбергъ, отселѣ 8 миль. Сіе послѣднее заставляетъ насъ завтра отправиться въ Остероде, чтó отселѣ 15 миль. Бонапарте самъ еще въ Потсдамѣ. Онъ сначала думалъ, что Бенигсонъ уже недалеко отъ Берлина и потому-то хвастался, что онъ его разобьетъ на походѣ. Узнавъ теперь, что онъ еще не дошелъ до Вислы, онъ перемѣнилъ свои намѣренія и, кажется, нѣсколько времени хочетъ пробыть въ Позенѣ. Но я все боюсь, что какъ онъ узнаетъ настоящее положеніе Бенигсона и что скоро къ нему примкнетъ и Буксгевденъ, то что онъ вдругъ подастся впередъ и не допуститъ имъ соединиться, особливо ежели король будетъ держаться теперешняго своего намѣренія, которое есть—завести главную квартиру въ Остероде и пригласить Бенигсона туда же, т. е. удалить его еще больше отъ Буксгевдена и тѣмъ дать новые способы Французамъ помѣшать соединенію нашихъ силъ.

Я писалъ о семъ г. Будбергу [2]), говоря, что не имѣю права давать совѣты и такъ какъ съ моей стороны смѣшно бы было объявлять мнѣнія военныя при Калькрейтѣ и другихъ генералахъ, я никому ни слова говорить не буду. Но что ежели король самъ со мной заговоритъ, то я возьму смѣлость представить ему, что какъ одна надежда теперь есть та, чтобы имѣть армію, могущую противустоять Французамъ, мнѣ кажется, что надо стараться арміи Бенигсона, Буксгевдена и Прусскую здѣшнюю (15.000 ч.) какъ можно скорѣе соединить; а ежели Бенигсонъ и Пруссаки будутъ въ Остероде, то Буксгевдену долго съ ними не соединиться, а Французы найдутся между ими. Богъ знаетъ, чѣмъ это все кончится. Я завтра напишу къ Бенигсону, извѣщая его только о томъ, чтó здѣсь знаютъ. Бенкендорфъ [3]) къ нему поѣхалъ и еще не возвратился.

На Бресло [4]) Французовъ пошло мало, а послалъ онъ туда Баварцевъ и всю эту сволочь; главныя же его силы идутъ на Позенъ. Прі-

[1]) Варшава тогда принадлежала Пруссіи. П. Б.

[2]) Управлявшему въ то время нашимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. П. Б.

[3]) Товарищъ князя Воронцова по Преображенскому полку, впослѣдствіи извѣстный шефъ жандармовъ. П. Б.

[4]) Т. е. на Бреславль, по Французскому произношенію (Breslau). П. Б.

ѣзжайте, Бога ради, поскорѣе съ фельдмаршаломъ [1]) и не оставляйте насъ здѣсь подъ игомъ запутанныхъ идей короля Прусскаго. Здѣсь Калькрейтъ командуетъ всѣми Прусскими войсками, коихъ всего 15.000. Гарденбергъ въ Кенигсбергѣ. Рюхель раненъ не опасно и поѣхалъ въ свои деревни. Брауншвейгскому, говорятъ, не пережить; всѣ его здѣсь винятъ [2]); но всего стыднѣе была сдача Кистрина. Даже Австрійцы ничего подобнаго не сдѣлали.

Извините, ваше сіятельство, что я такъ мараю бумагу; графъ Ожаровскій дожидается только моего письма, а лошади у него давно готовы. Пріѣзжайте поскорѣе; я васъ увѣряю, что по всему надо думать, что Бонапарте весьма скоро будетъ на Вислѣ самъ; а они въ Бромбергѣ уже нашли много судовъ. Пруссаки было собрались сжечь, но поздно.

Тиранъ [3]) здѣсь и ѣдетъ къ вамъ на встрѣчу. Вотъ отъ Бенкендорфа оставленное здѣсь письмо. Вашъ покорнѣйшій слуга князь Михаилъ Воронцовъ.

II

Съ большимъ трудомъ я отыскалъ г. Бенигсона и уговорилъ его написать о его намѣреніи и положеніи къ фельдмаршалу. Я самъ бы къ вамъ теперь пріѣхалъ, но лошадь совсѣмъ стала. Завтра поутру я къ вамъ отправлюсь; ежели же мы здѣсь атакованы будемъ, что весьма вѣроятно, то я, посмотрѣвъ немного, какъ идетъ дѣло, пріѣду къ вамъ съ извѣстіемъ. Вашъ покорнѣйшій слуга гр. Мих. Воронцовъ.

Сдѣлайте милость, ваше, сіятельство, пришлите ко мнѣ въ ночь же казака, который бы меня завтра къ вамъ привезъ. Здѣсь проводниковъ найти нельзя.

Пултускъ,
13-го Декабря 1806 [4]).

[1]) Т. е. съ графомъ Каменскимъ. П. Б.

[2]) Т. е. въ пораженіи Пруссаковъ при Іенѣ. П. Б.

[3]) Тиранъ—Французъ-эмигрантъ Русской службы, бывшій 11 Марта 1801 г. дежурнымъ при графѣ П. А. Паленѣ. Его разсказъ о происшествіи того дня приведенъ барономъ Барантомъ въ первомъ томѣ его Записокъ(Souvenirs, Paris, 1890, стр. 80—82). П. Б

[4]) Писано наканунѣ Пултусскаго сраженія. П. Б.

ПИСЬМО ГРАФА Ѳ. В. РОСТОПЧИНА КЪ КНЯЗЮ А. Н. ГОЛИЦЫНУ.

От 19 Іюня (1812), Москва.

Завтрашній день я отправляю къ вашему сіятельству официальное письмо, принадлежащее къ цензурѣ; а сегодня, пользуясь отъѣздомъ подвижной Настасьи Дмитріевны *), и чтобы избѣжать отъ всевидящаго скврернаго ока Ключарева, пишу къ вамъ сіе письмо. Я не скрою отъ васъ, что мѣсто, Государемъ мнѣ препорученное и доказывающее его довѣренность, во всякое время было бы трудно, а въ теперешнихъ обстоятельствахъ требуетъ безпрестаннаго занятія: ибо кромѣ гражданскихъ, военныхъ и полицейскихъ дѣлъ, множество со всѣхъ краевъ города просителей, коимъ ежедневно часа полтора удѣлить должно. А сверхъ того были два случая, что я былъ духовникомъ одной старой, а другой молодой . . .: первая благородной породы, а вторая изъ *citoyenne active*. Рескриптъ, мною полученный о сборѣ милліона рублей съ губерніи и города Москвы, произведенъ въ дѣйствіе, и сіе дѣйствительно пожертвованіемъ, а не раскладкою на всѣ состоянія. Дворянство и купечество взносятъ по 500 т. р. Да я надѣюсь, что еще будетъ отъ купцовъ иногороднихъ, отъ частныхъ людей и пр.

Я васъ могу увѣрить, что во всей губерніи, за исключеніемъ губернатора и предсѣдателя Гражданской Палаты, нѣтъ человѣка, на коего бы я могъ положиться и вѣрить, что онъ не сплутуетъ. Предшественникъ мой, по старости лѣтъ, думалъ, что онъ правитъ дѣлами, а ихъ коверкали по волѣ государственнаго разбойника Мишки Гудовича, доктора Сальватора, и даже до того, что по словеснымъ приказаніямъ адъютантовъ выпускали содержащихся подъ стражею подсудимыхъ. Впрочемъ, могу увѣрить, что никогда народъ не былъ такъ бодръ и благорасположенъ. Со времени заключенія мира съ Турками какое-то нашло геройство, и всѣ въ душѣ увѣрены, что мы Французовъ побьемъ и что должно непремѣнно съ ними драться. Я съ своей стороны подпускаю и комнатной, и площадной публикѣ вздорныя прит-

*) Офросимовой? П. Б.

чи. Петръ Валуевъ очень какъ-то ломается отъ того, что м(инистръ) полиціи писалъ ему чтой-то о мирѣ. Онъ меня простилъ, заговорилъ по-прежнему и если смѣю сказать, то труситъ отъ того, что отыскиваетъ земель по здѣшней губерніи, боится за сына по полиціи и, подобно Абнеру, говоритъ:

Je crains tout, cher Abner, et n'ai point d'autre crainte.

Между прочимъ старухи меня хвалятъ за то, что я далъ мѣсяцъ сроку гробовымъ мастерамъ перемѣнить вывѣски и вмѣсто гробовъ написать ихъ имена и родъ мастерства. Говорятъ: *Ахъ какъ мило! И такъ чуть жива, а тутъ еще и гробъ въ глаза!* Про Михаилу Гудовича кто-то сказалъ хорошо, что къ нему мало теперь ѣздятъ отъ того, что онъ не принимаетъ. Братецъ вашъ князь Сергій Николаевичъ говорилъ мнѣ, чтобъ ему позволить сдѣлать новую крышку на деревянномъ домѣ; но какъ это противно постановленію городскому, то я его и отклонилъ, имѣя въ виду васъ, чтобъ не подать повода ко вранью и брани за позволеніе изъ подлости. Третьяго дня былъ я въ загородномъ домѣ у князя Ѳ. С. Барятинскаго, и онъ, обрадовавшись, все разсказывалъ мнѣ анекдоты, коими до смерти наскучилъ еще въ 1792 году. Онъ свѣжъ и выводитъ изъ терпѣнія смерть. Палатинъ едва живъ, безъ ногъ, безъ памяти и почти безъ языка. Это жалкая развалина, въ коей ничего не осталось

Прощайте. Вы не удивитесь, что я къ вамъ запросто такъ расписался: я разговаривалъ съ человѣкомъ изъ малаго числа тѣхъ, коихъ и люди, и исторія упрекнуть не могутъ въ обращеніи во зло довѣренности своего Государя, и посему полагаю, что и я имѣю на сіе подобное право. Обнявъ васъ, остаюсь вамъ преданный графъ Ф. Ростопчинъ.

На Лубянкѣ.

P. S. Завтра я отправляю къ Д. А. Гурьеву представленіе, что торгующимъ здѣсь крестьянамъ данъ срокъ только 5 дней къ взносу денегъ, вмѣсто мѣсяца, опредѣленнаго комитетомъ; потому что г. Орловъ отправилъ о семъ 3-го числа, бумага пришла 10-го, а конецъ срока 15-го, и не написано, что срокъ—мѣсяцъ съ полученія.

ПИСЬМА АРХИМАНДРИТА ФОТІЯ КЪ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ГОЛИЦЫНУ [1].

1.

†

Радуйся! Спасися! Миръ тебѣ!

Церковь твоя и вся твоя порадовали меня о Христѣ; а любовь твоя меня акибы оживила, кою я видѣлъ въ дому твоемъ. — Милость Царя къ моему намѣстнику [2]) такъ меня обрадовала, что я весь отъ радости внутренно восхищался. Сей знакъ любви твоей для меня на дѣлѣ паче всѣхъ словесъ, ибо дѣла являютъ любовь твою къ намъ убогимъ и грѣшнымъ.

Я тогда въ Пятокъ повечеру въ 7 часовъ не былъ тамъ; а днесь въ *6* буду. Мнѣ нужно будетъ послѣ тебя видѣть. Митрополитъ никого паче тебя не можетъ любить; это знаю вѣрно: ты его душа вся. Никто тебя не любилъ и не будетъ любить другой архіерей такъ свято, какъ Серафимъ. Я въ семъ ручаюсь тебѣ предъ Богомъ. Я испыталъ всѣ струны его сердца. А ты и я—два, какъ тѣло и душа, или умъ и сердце; одно мы: ибо Христосъ посредѣ насъ! Токмо уже я буду говорить всегда не лесть, а правду, что́ слышу, вижу, знаю, или испытаю самъ вѣрно. Люби меня въ Бозѣ, о Немъ же живу, движуся и есмь.

Христосъ посредѣ насъ есть и будетъ.

А. Ф.

Спасися, молися о мнѣ, пекися о себѣ и о мнѣ какъ о себѣ. Миръ тебѣ! Помнишь ли зачало *50* (яко годъ 50-й твой) и 3—7—21 стихъ?

---

[1]) Эти письма (также и предъидущее) печатаются съ подлинниковъ, сохранившихся въ селѣ Баловнѣ, у Екатерины Николаевны Муромцовой, ур. княжны Голицыной (ея дѣдъ князь Сергій Николаевичъ былъ старшимъ братомъ князя Александра Николаевича). Приносимъ ей глубочайшую нашу благодарность за дозволеніе помѣщать въ „Русскомъ Архивѣ" историческія бумаги ея богатаго архива. П. Б.

[2]) Т. е. къ намѣстнику Юрьевскаго монастыря. П. Б.

Давно то, что во время службы на престолѣ твоей церкви съ митры моей, сущей на главѣ, спала изъ цвѣта *жемчужина* большая и каталася по престолу, кою я взялъ по концѣ обѣдни и въ карманъ положилъ, и хотѣлъ дать тебѣ, но забылъ. Жемчужина сія между Нерукотвореннымъ образомъ и Знаменіемъ Божіей Матери была въ срединѣ цвѣта, подъ Іоанномъ Б. Евангелистомъ и орломъ, въ (устахъ) носу держащимъ чернильницу съ перомъ, а подъ правою рукою Саваоѳа благословляющаго и подъ прямымъ полетомъ Св. Духа: ибо мы сіе разсматривали въ домѣ графини [1]) и, нашедъ мѣсто, описываю тебѣ о *жемчужинѣ*, кою и доставлю. Она есть притча о царствіи. А что вѣрно спала, то вопроси служащихъ твоихъ и моихъ.

Спасися! Миръ тебѣ! Съ Богомъ радуйся! ... Благо служенія въ церкви. Убогій твой рабъ о Христѣ Фотій.

16 Марта 1824.

P. S. А тетрадь о книгахъ, что́ я читалъ, есть выписка нѣкоего господина вѣрнаго и опытнаго [2]), а я тебѣ своею назвалъ, дабы вдругъ тебя не исполонить.

Я имѣлъ замѣчанія изъ вредныхъ книгъ, но въ 1820 году предалъ огню, и точно все въ памяти осталось, и теперь даже и книгъ не имѣю. А посему я еще о книгахъ и тебѣ прочту; иначе на насъ въ расплохъ нападутъ и испугать могутъ. Вотъ какъ я стою и служу тебѣ: дѣла мои тебѣ являютъ любовь. Нужное тебѣ есть и будетъ поговорить.

Миръ тебѣ!

Жаль, что Кошелева не видалъ; ему есть нужда слышать слово на спасеніе. Ему вредно не бывать; нужно бы и Попова мнѣ видѣть, и пусть они со мною поговорятъ. Какъ лучше, такъ и разсуди.

2.

†

Миръ тебѣ, спасися! Теперь-то тебѣ благословенная твоя суббота настаетъ. Съ нами Богъ! Господь силъ съ нами! Узрѣть желаю въ домѣ дщери моея духовныя. Слыши, не презри раба твоего; но при-

---

[1]) Т. е. графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской. П. Б.

[2]) Вѣроятно Магницкаго. П. Б.

зри, внемля гласу его, ибо гласъ его есть гласъ Пріявшаго зракъ рабій. Миръ тебѣ! Спасися!

Христосъ посредѣ насъ есть и будетъ!

17 Марта 1824.

Сложено и надписано:

Съ миромъ о Христѣ!
Князю Александру Николаевичу Голицыну,
Милостивѣйшему государю.

3.

†

Кто тебѣ возгласилъ, что я противу тебя? Ты знаешь, что я по закону, по совѣсти, по любви и по присягѣ, вѣрою и правдою, Богу и царю, церкви и отечеству служилъ, служу и буду служить, и что́ или кто мя разлучитъ отъ любви Божіей въ семъ разумѣ? Тма злодѣйскихъ книгъ можетъ ли и святую душу не смущать? Потопъ сдѣлался у насъ отъ невѣрія. Убойся Бога; что́ я противу тебя? Ужели слово и дѣло всякое противу злодѣйствъ книжныхъ есть и можетъ быть противу тебя? Кто тебѣ возвѣстилъ, что я былъ и у царя? Я, что́ касается до тебя, возвѣщалъ тебѣ покаяніе, яко служитель церкви. Отъ личности твоея я чистъ. Какъ-то мы явимся на страшный судъ Божій? Спасися съ Богомъ, а не во злобѣ и нетерпѣливости, съ чѣмъ ты и пишешь мнѣ. Кто не знаетъ, что ты незлобивъ и добръ самъ по себѣ?

Не въ прелести, а въ разумѣ вѣры святыя и правыя Христосъ посредѣ насъ былъ и есть и будетъ, речено было единожды и навсегда; а ты въ первый разъ пишешь, и крестъ и Христа отвергъ. Сія ли мечта твоея скорби, скорби не твоей, а чьей либо другой, смущаетъ до отчаянія тебя? Я не такъ тебя люблю, какъ ты. Время докажетъ. Знай, что я, по власти мнѣ данной, наставникъ и отецъ, а ты мнѣ сынъ; я Божій слуга. Подыми же и ты руки на меня и узришь, что или земля васъ пожретъ вскорѣ, или гнѣвъ Божій вѣчно постигнетъ васъ всѣхъ. Не моги рукъ поднять на меня и устъ отворить на клевету, а словомъ и дѣломъ блюди, да Христосъ посредѣ насъ будетъ. Мнѣ не тяжело, а удивительно показалось видѣть нечаянное твое нетерпѣніе и негодованіе въ письмѣ; но я тебя прощаю, и Богъ проститъ тебя во всемъ, ибо мира моего ты не нарушишь, да и не можешь. Почто ты меня и въ хитростяхъ уличаешь? Какіе духи тебѣ шепнули? Не всякому духу вѣруй, а искушай духа, отъ Бога-ли?

Написавъ сіе, я улыбнулся и желалъ бы увидѣть тебя лицемъ къ лицу; но уже ты, и †, и Христа, и всякое святое слово и дѣло исключивъ изъ письма, не знаю, восхощешь ли ты сдѣлать то; тебѣ если неугодно и ненужно, то воля Божія да будетъ.

Воспомни, что въ первые дни, какъ я пріѣхалъ, тебѣ видѣніе мое пересказывалъ, что узрю царя, а ты вопросилъ, что́ же ты говорилъ, я замолчалъ. О событіи видѣнія рцы кто тебѣ возвѣстилъ? Не искушай Бога: высшихъ себя не ищи и проч.

Христосъ съ тобою! Миръ тебѣ! Спасися съ Богомъ! Буди терпѣливъ, а не скоръ на осужденіе. Не злобіе и доброта въ несчастіи познается. Аще благая пріяхъ, злыхъ ли не терплю? Съ Богомъ радуйся! А. убогій Фотій.

1824 22 Апр.

P. S. Непостоянепъ ты въ любви и слабъ. Кто можетъ знать мое сердце? Что̀ ты, я знаю. Спаси тебя Боже и укрѣпи!

Письма эти относятся къ тому времени, когда Фотію удалось произвести переворотъ во внутреннемъ управленіи Россіею: князь А. Н. Голицынъ смѣненъ былъ въ должности оберъ-прокурора Св. Синода княземъ П. С. Мещерскимъ, а въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія—А. С. Шишковымъ. Конечно, все это произошло по изволенію Аракчеева, а самъ Аракчеевъ руководимъ былъ Магницкимъ. Читая эти письма, добродушный князь Голицынъ могъ вспомнить слова Писанія: „Умякнуша словеса ихъ паче елея, и та суть стрѣлы“. П. Б.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Въ ризницѣ Пензенскаго каѳедральнаго собора во имя Всемилостиваго Спаса хранится рукопись подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Сказаніе о житіи и подвигахъ блаженнаго Иннокентія, епископа Пензенскаго и Саратовскаго, скончавшагося въ Бозѣ 1819 года Октября 10-го дня.* Рукопись эта, по свидѣтельству соборнаго ключаря Константина Петровича Ручимскаго, внесена въ соборную ризницу графинею Анною Алексѣевною Орловою-Чесменскою.

По благословенію преосвященнѣйшаго Павла, епископа Пензенскаго и Саранскаго, я разсмотрѣлъ эту рукопись и считаю долгомъ представить о ней нижеслѣдующую библіографическую замѣтку. Рукопись въ листъ, писана современнымъ писарскимъ почеркомъ, на 103-хъ страницахъ, переплетена въ красный сафьянный, украшенный золотомъ переплетъ, на которомъ золотыми буквами отпечатано: *Житіе блаженнаго Иннокентія архіерея Пензенскаго и Саратовскаго.*

Произведеніе это принадлежитъ перу Фотія, архимандрита Новгородскаго Юрьева монастыря. На послѣдней, 103-й, страницѣ подъ *Аминемъ* означено: „Написано сіе житіе И. Е. П. Ф. ученикомъ его, 1821 года“. Въ началѣ и концѣ рукописи находятся двѣ собственноручныя надписи архимандрита Фотія:

1) „У гроба блаженнаго Иннокентія привѣсить образокъ серебряной святаго Георгія изъ обители Юрьевской, коея онъ былъ настоятелемъ, и предрекъ обновленіе сея обители въ писаніи своемъ, намѣстнику тоя обители, коего здѣсь прилагается подлинникъ“.

2) „По причинѣ многихъ дѣлъ, работъ, заботъ и немощи тѣлесной, исповѣдника Христова святителя Иннокентія не успѣлъ жизнеописаніе прочесть и исправить: то и предоставляю любви чтущихъ память его все довершить. И по желанію вскорѣ прислать не могъ, а при семъ спѣшу послать. 1 Октября, въ день Покрова Богородицы. 1827 года. Убогій чернецъ“.

Начало сказанія: „Тайну цареву добро есть хранить, а дѣла Божія открывать и проповѣдывать славно. Тайны царевы не хранить страшно и пагубно есть; а умалчивать дѣла Божія тщета души. Тѣмъ же побуждаемъ азъ не могу подъ спудомъ неизвѣстности скрывать и не объявлять міру житіе и подвиги Иннокентія епископа, свѣтильника церкви Пензенской и Саратовской“.

Описанною нами рукописью пользовался преподаватель здѣшней Духовной Семинаріи Д. К. Троицкій въ своемъ *Очеркѣ жизни и дѣятельности Иннокентія епископа Пензенскаго и Саратовскаго*, изданномъ въ Пензѣ, въ 1882 году. По отзыву г. Троицкаго, *Сказаніе*, написанное Фотіемъ, сообщаетъ нѣсколько мало кому извѣстныхъ фактовъ“.

По нашему же мнѣнію, это *Сказаніе*, изложенное въ духѣ древнихъ житій Русскихъ Святыхъ, представляетъ драгоцѣнный источникъ ***Русской Агіографіи.***

Тѣло святителя Иннокентія почиваетъ въ пещерной церкви каѳедральнаго собора, подъ придѣломъ святыя великомученицы Екатерины, въ томъ самомъ мѣстѣ, надъ которымъ утвержденъ престолъ. Надъ гробомъ его почти ежедневно поютъ панихиды по желанію чтущихъ память его.

Николай Барсуковъ.

28 Октября 1895 г.,
Пенза.

ПИСЬМО КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЦЫНА КЪ А. Θ. ЛАБЗИНУ *).

Милостивой государь мой Александръ Θедоровичъ! Имѣлъ я честь получить письмо ваше отъ 3 Іюля изъ Симбирска, и долгъ мой обязывалъ только довесть объ ономъ до свѣдѣнія Его Величества, что́ я и исполню при первомъ удобномъ случаѣ; но христіанская любовь меня побуждаетъ не пройти молчаніемъ того, что̀ дѣлаетъ вредъ душѣ вашей. Вы пишите, что не надобно человѣкоугодничать. Я въ семъ съ вами согласенъ; но сіе правило должно относиться къ истинѣ, къ дѣлу Божію, но не лично къ своимъ выгодамъ. И такъ, я считалъ бы поступить противъ истины, если бы не возразилъ на нѣкоторыя мысли вашего послѣдняго письма.

Я изъ него видѣлъ, что вамъ тяжело, что сестра ваша, въ смиреніи своемъ, подѣйствовала болѣе на сердце Государя, чѣмъ ваше письмо, въ коемъ вы хотѣли себя оправдать и описывали, какимъ образомъ происходило избра̀ніе членовъ Академіи; но самое ваше письмо васъ обвиняло. Вы должны были признаться, что предлагали кучера Государева въ члены Академіи Художествъ. Какъ покровителю оныхъ невозможно было сего предложить: слѣдовательно было то насмѣшка къ лицамъ, предложеннымъ президентомъ Академіи. Кто же сіи лица были? Первые чиновники государства. Я буду вамъ писать истину; можетъ, она вамъ и не понравится, но полезна будетъ вашей душѣ.

Графъ Кочубей человѣкъ съ образованностью и художествамъ всегда покровительствовалъ; онъ любитъ картины и ихъ имѣетъ, также и скульптурныя произведенія. Вамъ же онъ не нравился, потому что въ его министерство закрыты ложи. Есть ли тутъ истина или христіанство (что́ все тоже) для неизбранія въ Академію, въ которую

---

*) Это черновой набросокъ того письма къ Лабзину которое уже напечатано въ „Русскомъ Архивѣ" 1892 года (III, 382). Онъ сохранился въ бумагахъ князя А. Н. Голицына, въ селѣ Баловневѣ, у его внучатной племянницы Е. Н. Муромцовой. Читатели найдутъ въ немъ нѣкоторыя новыя черты, служащія къ разъясненію злосчастной судьбы А. Θ. Лабзина. П. Б.

всегда люди знатные и богатые избирались, чтобы покровительствовать и имуществомъ своимъ поощрять таланты?

Графа Аракчеева вы въ рѣчи публичнаго собранія сами хвалили за покровительство художествамъ въ моемъ присутствіи; слѣдовательно не имѣли право противъ его говорить, когда его выбирали въ почетные члены.

Графъ Гурьевъ, также изъ первыхъ чиновниковъ въ государствѣ, по Кабинету имѣетъ способъ покровительствовать разнымъ художникамъ, давать имъ работу и способы себя усовершенствовать.

Однимъ словомъ, предложеніе ваше о выборѣ кучера не только въ христіанскомъ смыслѣ (что̀ здѣсь и мѣста не должно имѣть), но въ обыкновеніи между благовоспитанными людьми не должно бы встрѣтиться по уму вашему. Но тутъ уже дѣйствовала страсть, и можетъ, о графахъ Аракчеевѣ и Гурьевѣ вы бы сего не сказали; но графъ Кочубей былъ вамъ противенъ.

Когда же правительство должно было примѣрно наказать порывъ таковой неблагопристойности, то вы говорите, что вы терпите какъ апостолы и святые за истину, и цитуете Іоанна гл. 15, ст. 18. Кто вамъ мѣшалъ исповѣдывать истину и по ней поступать? О, если бы вы хотѣли послѣдовать тому ученію, которое въ Евангеліи намъ проповѣдуется, то вы не только бы были на своемъ мѣстѣ, но, конечно, Государь Императоръ, показавшій вамъ милость свою въ рескриптѣ на орденъ Св. Владимира 2-й степени, не только не запрещалъ бы вамъ служить Господу, но поощрялъ бы васъ писать журналъ христіанскій, чтобы знакомить публику съ внутреннею жизнію христіанскою. Вмѣсто того, чтобы писать въ томъ духѣ, въ которомъ покойный митрополитъ Михаилъ говорилъ свои проповѣди, вы начали писать масонскаго рода піесы и ложныя чудеса: ибо явный обманъ открылся, когда хотѣли по указаніямъ вашимъ отыскивать сіи лица. Никто болѣе меня не увѣренъ, что Господь тотъ же вчера, днесь и и во вѣки, и что чудеса по нашей вѣрѣ могутъ всегда быть; но надобно, чтобы то была истина. Я помню исторію одной крестьянки, и я слышалъ отъ нѣкоторыхъ дамъ, что она повторяла нѣсколько разъ ту сцену, которую вы чудесно описывали. Богъ вамъ далъ даръ писать, и если бы вы прямо его посвятили на славу Божію, а не для своей, то благословеніе бы было вамъ несказанное, и всѣ кресты, по своей волѣ на себя наложенные, могли бы, можетъ быть, отвращены, а испытанія посланы бы были, какъ и всѣмъ, послѣдующимъ Господу, они встрѣчаются; но...

КЪ БІОГРАФІИ Н. М. КАРАМЗИНА.

1.

Изъ письма первой его супруги.

Первая супруга Карамзина, мать старшей его дочери Софьи Николаевны, была Елисавета Ивановна Протасова (р. 1767), младшая сестра Настасьи Ивановны Плещеевой, у которой молодой Карамзинъ, еще до отъѣзда своего за границу и потомъ въ грозное Павловское время, живалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ Орловской ея деревнѣ Черни, и Александры Ивановны Протасовой же (тещи графа Ростопчина). Одинъ изъ братьевъ Елисаветы Ивановны Андрей Ивановичъ (нѣкогда Тульскій губернскій предводитель дворянства) былъ отцомъ М. А. Мойеръ и А. А. Воейковой. Отсюда связь съ Жуковскимъ, въ бумагахъ котораго и сохранились это и слѣдующее письма, писанныя ко вдовѣ Андрея Ивановича Протасовой, Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ, жившей въ Бѣлевѣ. Письма безъ означенія времени; они должны относиться къ 1802 году, въ которомъ скончалась Елисавета Ивановна. П. Б.

*

Скажу тебѣ о себѣ, что я, слава Богу, здорова и по своему состоянію лучше, чѣмъ смѣла надѣяться; только страшно чрезвычайно становится, такъ что и Богъ знаетъ что идетъ въ голову, отъ того что я по милости Божіей такъ совершенно счастлива, что, кажется, невозможно долго сему продолжаться: ибо мое благополучіе, милая Катенька, совсѣмъ необыкновенно. Минуты нѣтъ въ жизни моей, которая бы не казалась мнѣ раемъ. Одно только безпокоитъ меня нынче – частая разстройка здоровья моего Н. Мих. Отъ геморроида больше гораздо болѣнъ, чѣмъ здоровъ; а нѣсколько дней назадъ очень было занемогъ; благодаря Бога, три дни уже, какъ хорошо себя чувствуетъ. Журналъ его *) чрезмѣрно требуетъ или беретъ у него много время, такъ что онъ хотя никуда не ѣздитъ, но все таки не имѣетъ время ничего почти инаго дѣлать.

---

*) „Вѣстникъ Европы“, первый годъ (1802). П. Б.

За намеднишнее твое описаніе сдѣлаю свое. Въ 9 часовъ, или и въ 10, просыпаемся; онъ пойдетъ ходить тотчасъ на полтора часа, а я завтракаю чаемъ, приготовляю ему кофей съ густыми сливками и очиню перья, что̀ кромѣ меня никто не дѣлаетъ, и я хотя и ножницами очиниваю, но прекрасно; и потомъ, напоя его кофеемъ и Набокова *), который у насъ всякое утро, поѣду кататься въ саняхъ, часто заѣзжаю къ сестрѣ на минуту. Потомъ, возвратясь домой, пью съ Н. М. славный шоколадъ или одна что̀ завтракаю, что̀ уже во второмъ часу. Онъ работаетъ до 4-хъ, а въ 4 мы обѣдаемъ 28 дней въ мѣсяцъ дома, очень вкусно и пріятно; мнѣ же онъ почти все даетъ нынче. Потомъ онъ часъ со мной разговариваетъ, а до 8 или 9-ти читаемъ оба, сидя на диванѣ съ ногами и близко очень другъ отъ друга; тамъ онъ садится писать, а я—работать, что̀ я и поутру дѣлаю; а тутъ въ 8 часовъ пьемъ чай и въ 12 ужинаемъ зелень, рыбу или дичь. Онъ хоть пишетъ, никогда не жалуется, что я ему помѣшала. Постороннихъ тѣхъ только принимаемъ, кому отказать нельзя. А обѣдаютъ у насъ сестрина семья и короткіе самые въ мѣсяцъ раза 3 или 4. Впрочемъ нашъ обыкновенный обѣдъ только Набоковъ часто дѣлитъ, затѣмъ что для другихъ очень поздно. И всѣ наши минуты сладки такъ, тихи и пріятны; только и молимъ Бога о продолженіи Его милостей: безъ богатства всѣмъ довольны и на прихоти имѣемъ еще; даже и для будущаго малютки своего будетъ достаточно нашего состоянія. Не достаетъ только къ совершенному счастію быть съ вами, милыми моими, вмѣстѣ, и одна разлука съ вами только огорчаетъ меня; но съ этимъ бы я была въ царствіи небесномъ.

2.

Изъ письма В. А. Жуковскаго.

21 Апрѣля.

Скажу о себѣ, что я, можетъ быть, мѣсяцемъ позже васъ увижу: я ѣду на мѣсяцъ въ Свирлово жить вмѣстѣ съ Николаемъ Михайловичемъ. Вообразите, какое блаженство, и порадуйтесь вмѣстѣ со мною. Его знакомство для меня—счастіе, и вѣрно мой добрый духъ сказалъ вамъ, чтобы вы послали меня съ письмомъ къ нему: безъ того я бы къ нему отъ своей глупой застѣнчивости не поѣхалъ. Видите, что все истинно для меня доброе получаю я отъ васъ. Простите; еще разъ цѣлую ваши ручки. Матушка вамъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе. Посылаю вамъ книжку Les prières d' Eckartshausen: это мой подарокъ, который конечно будетъ вамъ пріятенъ.

*) Кто былъ этотъ Набоковъ, не знаемъ. Не Николай ли Александровичъ (у Руммеля II, стр. 91), отецъ министра юстиціи нашихъ дней? П. Б.

3.

Предсмертное письмо Карамзина къ императору Николаю Павловичу.

Всемилостивѣйшій Государь

и любезнѣйшій! прибавляю отъ глубины сердца. Какое неизъяснимо трогательное, снисходительное и гораздо болѣе, нежели милостивое письмо! Нѣтъ словъ для выраженія моей благодарности: она, пока дышу, будетъ однимъ изъ живѣйшихъ чувствъ моей души. Пишу это сквозь сладкія слезы, съ умиленіемъ необыкновеннымъ. О! какъ буду желать скорѣе оправиться, чтобы скорѣе возвратиться въ отечество. И въ чужой землѣ надѣюсь безпрестанно заниматься Россіею: во-первыхъ, думаю кончить послѣдній томъ Исторіи во Флоренціи; во-вторыхъ, буду читать съ жадностью о всѣхъ дѣйствіяхъ вашего царствованія и ежедневно молить Бога, чтобы Онъ даровалъ успѣхъ всѣмъ вашимъ намѣреніямъ для государственнаго блага ввѣренной вамъ отъ Него державы. Смѣю сказать простосердечно, что Вы, Императрицы и все Ваше августѣйшее семейство постояннымъ изъявленіемъ ко мнѣ благоволенія и ласки сдѣлались какъ бы родными для моего сердца. Но чтобы наслаждаться счастьемъ быть при васъ, должно быть здоровымъ; а внутреннее чувство мое, еще болѣе всѣхъ медиковъ, удостовѣряетъ меня, что дѣйствительнѣйшее къ тому средство есть путешествіе и перемѣна климата, не лекарства.

Вы приказываете мнѣ, съ истиннымъ отеческимъ участіемъ, сказать: какъ мы хотимъ ѣхать? Вотъ нашъ планъ: «въ Іюнѣ сѣсть со всѣмъ семействомъ на корабль въ Кронштатѣ и плыть до *Бордо* (плаваніе совершаемое обыкновенно недѣли въ три); тамъ выйти на берегъ, сухимъ путемъ ѣхать до Марсели, и въ ней сѣсть снова на корабль, чтобы плыть въ Ливорну».

Вы говорите: *Я* все устрою! Читая и повторяя это слово, умѣю только плакать. Безъ заботъ и сомнѣній предаюсь въ волю Божію и Вашу... Между тѣмъ смотрю на портретъ Александровъ съ любовію, которую имѣлъ къ нему живому: онъ оставилъ мнѣ богатое наслѣдство въ Вашей ко мнѣ милости!

Вы, мой вторый хозяинъ Царскосельскій, подумали о приготовленіи и тамошняго нашего жилища. Къ сожалѣнію сборы путешествія не дадутъ мнѣ времени пожить еще до отъѣзда въ мѣстѣ столь вели-

кихъ и трогательныхъ воспоминаній. Но если бы нашелся въ зданіяхъ, принадлежащихъ къ Таврическому дворцу, уголокъ скромной, сухой и теплой для исторіографа съ семействомъ, то мы могли бы еще недѣли три подышать тамъ лучшимъ городскаго воздухомъ, занимаясь въ тоже время и нашими сборами [1]).

Повергаю себя къ вашимъ стопамъ съ благоговѣніемъ и любовію.
Вѣрноподданнѣйшій Николай Карамзинъ.

С.-Петербургъ, 7 Апрѣля 1826.

*

Письмо это было отвѣтомъ на полученное Карамзинымъ наканунѣ нижеслѣдующее письмо императора Николая Павловича.

6 Апрѣля 1826 г. Царское Село.

Ежели не ранѣе вамъ отвѣчалъ, любезный Николай Михайловичъ, то не полагайте, чтобы то было изъ забывчивости, но, напротивъ, изъ желанія о всемъ дать отвѣтъ удовлетворительный. Я искалъ приладить желанія ваше съ возможностью, и полагаю, что можетъ успѣлъ въ томъ. Предлагаю вамъ слѣдующее; но напередъ благодарю васъ сердечно, и за довѣренность, и за содержаніе письма вашего [2]); жалѣю сердечно, что первая услуга, которую вы ставите меня въ возможность вамъ оказать, клонится къ тому, чтобъ васъ удалить отъ всѣхъ насъ! Вы повѣрите, надѣюсь, безъ труда, что съ сердечнымъ прискорбіемъ убѣждаюсь, что сіе временное удаленіе необходимо. Но такъ видно Богу угодно, и должно Ему покориться безъ ропота. Однако покуда я, бывъ здѣсь, привелъ въ порядокъ ваше лѣтнее квартированіе въ надеждѣ, что пригодится.

Но обратимся къ дѣлу. Вамъ надо ѣхать въ Италію—вотъ что хотятъ медики; надо ихъ послушать и избрать лучшій способъ, т. е. покойнѣйшій, какъ туда доѣхать: моремъ ли до Италіи, или только до Любека, или сухимъ путемъ? Пребываніе въ Италіи не должно васъ тревожить, ибо хотя мѣсто во Флоренціи еще не вакантно, но Россійскому Исторіографу не нужно подобнаго предлога, дабы имѣть способъ тамъ жить свободно и заниматься своимъ дѣломъ, которое, безъ лести, кажется, стоитъ дипломатической корреспонденціи, особо Флорентій-

---

[1]) Желаніе Карамзина было исполнено, и онъ поселился въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ посѣщали его и императрица Марія Ѳеодоровна и самъ Государь, и гдѣ 22 Мая Карамзинъ скончался, не успѣвъ поѣхать за границу. Государь съ ранней весны этого 1826 года жилъ въ Царскомъ Селѣ. П. Б.

[2]) Въ этомъ письмѣ отъ 22 Марта Карамзинъ просился за границу. П. Б.

ской. Словомъ я прошу васъ, не безпокойтесь объ этомъ, и, хотя мнѣ въ угожденіе, дайте мнѣ озаботиться способомъ устроить вашу поѣздку.

Про Стутгардъ я вамъ не говорю: хотятъ, чтобы вы были въ Италіи; стало, туда и ѣхать должно. Прошу васъ только увѣдомить меня, какъ и куда рѣшитесь ѣхать, а прочее я *все* устрою.

Повторяю, что мнѣ больно слышать и вѣрить, что вамъ надо ѣхать. Дай Богъ, чтобы здоровье ваше скоро возстановилось и возвратило бы васъ къ тѣмъ, кои васъ искренно любятъ и уважаютъ. Причтите меня къ этимъ. Васъ искренно любящій Николай.

Письмо это перепечатано здѣсь изъ 2-й части книги М. П. Погодина: „Н. М. Карамзинъ", стр. 479.

4.

Письмо Карамзина къ князю А. Н. Голицыну *).

Милостивый государь князь Александръ Николаевичъ!

Отнимаю перо у жены, чтобы написать къ вашему сіятельству нѣсколько строкъ отъ души. Я отдался въ волю Государеву въ разсужденіи Его благодѣянія: принимаю съ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія и признательности. Завтра соберусь съ силами и напишу къ Государю.

Потомъ изъявляю вашему сіятельству особенную живѣйшую благодарность за доказательства вашего столь обязательнаго и столь искренняго ко мнѣ благорасположенія. Слабость предписываетъ мнѣ лаконизмъ, но вы повѣрите языку сердца.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Николай Карамзинъ.

18 Апрѣля 1826.

13 Мая 1826 послѣдовалъ извѣстный рескриптъ Государя (писанный рукою Жуковскаго) о назначеніи Карамзину и его семейству пенсіи въ 50 тысячъ рублей. П. Б.

---

*) Въ бумагахъ котораго, у Е. Н. Муромцовой, сохранились оба эти письма Карамзина. П. Б.

НОВОНАЙДЕННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ А. С. ПУШКИНА.

Посланіе къ А. И. Тургеневу.

Тургеневъ, вѣрный покровитель
Поповъ, Евреевъ и стиховъ,
Но слишкомъ щастливый гонитель
И Езуитовъ и глупцовъ [1])
И лѣности моей безплодной,
Всегда безпечной и свободной,
Подруги благотворныхъ сновъ!

Къ чему смѣяться надо *мною*,
Когда я слабою рукою
На лирѣ съ трепетомъ бренчу
И лишь изнѣженные звуки
Любви, сей милой сердцу муки,
Въ струнахъ незвонкихъ нахожу?
Душой предавшись наслажденью
Я сладко, сладко задремалъ.

Одинъ лишь ты съ глубокой лѣнью
Къ трудамъ охоту сочеталъ;
Одинъ лишь ты, любовникъ страстной
И С . . . . й [2]) и креста [3]),

---

[1]) Не задолго передъ тѣмъ послѣдовало изгнаніе изъ Россіи Іезуитовъ, въ чемъ принималъ участіе А. И. Тургеневъ, будучи директоромъ Департамента Иностранныхъ Исповѣданій и главнымъ лицомъ при князѣ А. Н. Голицынѣ. П. Б.

[2]) Такъ въ рукописи. С.—лицо намъ неизвѣстное. П. Б.

[3]) Креста, сирѣчь не Анненскаго, и не Владимірскаго, а *честнаго* и животворящаго. *Примѣч. А. С. Пушкина.* Слово любовникъ въ то время не имѣло нынѣшняго смысла, а значило больше *любитель*. П. Б.

То ночью прыгаешь съ прекрасной,
То проповѣдуешь Христа.
На свадьбахъ и въ библейской залѣ
Среди веселій и заботъ,
Роняешь Лунину [4]) на балѣ,
Подъемлешь трепетныхъ сиротъ;
Лѣнивецъ милый на Парнассѣ
Забывъ любви своей печаль,
Съ улыбкой дремлешь въ Арзамасѣ
И спишь у графа де-Лаваль [5]);
Нося мучительное бремя
Пустыхъ иль тяжкихъ должностей,
Одинъ лишь ты находишь время
Смѣяться лѣности моей.

Не вызывай меня ты болѣ
Къ навѣкъ оставленнымъ трудамъ,
Ни *къ поэтической* неволѣ,
Ни къ обработаннымъ стихамъ.
Что *нужды*, если и съ ошибкой
И слабо иногда пою:
Пускай *Нинета* лишь улыбкой,
Любовь безпечную мою
Воспламенитъ и успокоитъ!
А трудъ и холоденъ, и пустъ.
Поэма никогда не стоитъ
Улыбки сладострастныхъ устъ.

Пушкинъ-*Сверчокъ* [6]).

8 Ноября
1817 г.

Сообщено графомъ С. Д. Шереметевымъ.

Эти до сихъ поръ неизвѣстные стихи Пушкина найдены въ бумагахъ покойнаго князя Петра Андреевича Вяземскаго, въ его „Остафьевскомъ Ар-

---

[4]) О дѣвицѣ Луниной (впослѣдствіи графинѣ Ричи) много было тогда говору. Къ ней ѣздили послы. См. Записки Ипполита Оже въ „Русскомъ Архивѣ" 1877, I, 255 и слѣд. П. Б.

[5]) У служившаго въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ графа Лаваля (женатаго на богачкѣ А. Г. Козицкой) собиралось лучшее Петербургское общество. П. Б.

[6]) Въ подписи слово «Сверчокъ» написано рукою Пушкина, а слово „Пушкинъ" рукою А. И. Тургенева.

хивѣ", въ конвертѣ, на которомъ рукою князя Павла Петровича Вяземскаго означено: „Пушкинъ А. И. Тургеневу—Посланіе". Хотя стихи сохранились не въ подлинной рукописи, а въ современномъ спискѣ, въ которомъ лишь немногія слова (напечатанныя здѣсь курзивомъ) вписаны Пушкинымъ, но принадлежность ихъ Александру Сергѣевичу не подлежитъ сомнѣнію: въ нихъ какъ живой изображенъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ, столь извѣстный читателямъ по отзывамъ современниковъ и по многимъ его письмамъ въ „Русскомъ Архивѣ".

Стихи Пушкина молодые, но уже не лицейскіе. Они написаны черезъ четыре мѣсяца послѣ того какъ онъ покинулъ *Царскосельскія хранительныя сѣни.* Въ концѣ Августа 1817 года Пушкинъ, зачисленный на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, которымъ завѣдывалъ тогда пріятель Карамзина, графъ Каподистрія (черезъ три года потомъ заботливо справлявшійся о немъ въ письмѣ къ Инзову), пріѣхалъ въ Петербургъ изъ села Михайловскаго, и для него началась свѣтская, шумно-холостая жизнь, черты которой изображены имъ въ первой пѣснѣ „Евгенія Онѣгина". Тогдашнія произведенія его полны страстью. Не даромъ онъ поставилъ эпиграфомъ къ первому собранію своихъ стихотвореній слова Проперція: Aetas prima canat amores (въ первоначальномъ возрастѣ воспѣвается любовь). Осенью 1817 года, всего 18-ти лѣтъ отъ роду, онъ явился въ засѣданіи „Арзамаса", гдѣ получилъ (конечно отъ Жуковскаго) прозвище *Сверчокъ*: „спрятанный въ стѣнахъ Лицея, прекрасными стихами подавалъ онъ оттуда свой звонкій голосъ" (Вигель, Записки, изд. „Р. Архива" V, 51) Онъ привѣтствовалъ Арзамасцевъ остроумными стихами. Шутливо отговариваясь отъ труда, Пушкинъ однако внялъ попечительно-дружескимъ напоминаніямъ А. И. Тургенева и вскорѣ занялся первою своею поэмою, „Русланомъ и Людмилою". Легкій и нѣсколько насмѣшливый тонъ этого посланія не противорѣчитъ сердечному уваженію Пушкина къ истинно-доброму человѣку, который нѣкогда привезъ его изъ Москвы и опредѣлилъ въ Лицей, былъ крестнымъ отцомъ втораго его сына Григорія Александровича и, наконецъ, отвезъ его прахъ въ Святыя Горы для вѣчнаго успокоенія. П. Б.

ОБЪ АРАКЧЕЕВѢ.

(*Изъ частнаго письма, писаннаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія*).

Знаю, какъ вы любите нашего Государя и для того хочу вамъ разсказать анекдотъ, который дѣлаетъ честь его выбору въ министры. Аракчеевъ теперь въ большой милости у Государя. Слѣдующее приключеніе докажетъ вамъ, что онъ стóитъ своего мѣста. Одинъ маіоръ, бывъ отпущенъ на двадцать девять дней, прожилъ три мѣсяца. Возвратясь въ Петербургъ, онъ явился не къ шефу, а прямо къ Аракчееву и привелъ съ собою двухъ сыновей. Горница министрова наполнена была офицерами. Бѣдный маіоръ говорилъ министру, что онъ просрочилъ два мѣсяца, и знаетъ, что по закону долженъ быть судимъ; но что онъ надѣется, что графъ проститъ его, услышавъ, какія обстоятельства препятствовали ему явиться къ полку въ срокъ: едва успѣлъ онъ пріѣхать домой, какъ занемогла жена его и умерла, потомъ старшій сынъ его также черезъ нѣсколько времени умеръ. Несчастный въ самое короткое время лишился жены, сына и остался безъ всякаго пропитанія съ дочерью и еще двумя сыновьями. Аракчеевъ выслушалъ всю исторію; но, вмѣсто того, чтобы ею тронуться, онъ разбранилъ бѣднаго маіора, говоря, что служба не терпитъ никакого извиненія, и велѣлъ ему явиться къ себѣ завтра въ семь часовъ. Маіоръ съ величайшимъ страхомъ пришелъ въ назначенное время и тотчасъ былъ введенъ въ кабинетъ къ министру, который, увидѣвъ его, сказалъ: Вчера вы видѣли во мнѣ начальника, который не долженъ былъ прощать васъ при такомъ множествѣ молодыхъ офицеровъ, не знающихъ никакой сюбординаціи и дисциплины, а теперь вы видите во мнѣ человѣка. Я уже докладывалъ объ васъ Государю. Его Величество приказалъ взять сыновей вашихъ въ Кадетскій корпусъ, дочь вашу въ институтъ; ей назначено пять тысячъ рублей для приданаго; вамъ же Государь жалуетъ единовременно тысячу червонныхъ. Извольте явиться къ полку вашему; вотъ отъ меня письмо къ шефу; вы хорошо будете приняты.

Каковъ нашъ Государь и каковъ министръ его! Всѣ вообще говорятъ, что Аракчеевъ очень строгъ, но дѣятеленъ и справедливъ. Если въ теперешнее время, когда вошло въ моду быть недовольнымъ всѣмъ, говорятъ это, то должно думать, что Аракчеевъ хорошъ. Еще скажу вамъ радостную для человѣчества вѣсть: надѣятся всѣ, что скоро будетъ всеобщій миръ въ Европѣ. Дай, Господи!

Два письма графа Аракчеева къ князю А. Н. Голицыну *).

1.

Милостивый государь князь Александр*а* Николаевичъ!

Позвольте мнѣ, ваше сіятельство, на должностное ваше письмо отвѣчать собственноручно, единственно къ вашему свѣдѣнію.

Приношенія такого рода, которыя дѣлаются гласными чрезъ объявленіе въ публичныхъ мѣстахъ, не могутъ быть отъ меня доставлены,

---

*) Съ подлинниковъ изъ архива Е. Н. Муромцевой, въ селѣ Баловневѣ. П. Б.

по ограниченному моему доходу, изъ коего я самую большую часть употребляю на устройство ввѣренныхъ мнѣ отъ Бога земледѣльцовъ; почему я въ таковыхъ случаяхъ и слѣдую всегда тому христіанскому правилу, въ коемъ повелѣвается творить тайную милостыню, къ собственному душевному удовольствію.

Честь имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашего сіятельства покорный слуга графъ Аракчеевъ.

С. Грузино, 17 Октября 1819.

2.

Милостивый государь князь Александр*а* Николаевичъ.

Судьбы человѣческія неисповѣдимы. Я всегда располагалъ себя такъ, чтобъ мнѣ никогда вашего сіятельства не безпокоить моими просьбами; но нынѣ долженъ по необходимости преступить сіе правило и адресоваться къ вашему сіятельству съ моею слѣдующею просьбою. Служа съ офицерскаго чина 39 лѣтъ четвертому Россійскому Государю, во все оное время накопилися у меня жалованныя вещи. Но какъ я по болѣзни моей долженъ буду просить себѣ увольненія къ водамъ, а для сего нужно деньги, то я и рѣшился всѣ имѣющіяся жалованныя вещи продать.

Прилагаю о сихъ вещахъ подробную опись, прошу васъ, милостиваго государя, приказать купить оныя въ Кабинетъ Его Величества, гдѣ я полагаю къ нынѣшнему приближающемуся торжественному коронованію подобныя вещи будутъ нужны.

Если ваше сіятельство прикажете оныя мои вещи, накопленныя въ 39 лѣтъ моей службы, оцѣнить по-христіански, то я за оное буду вамъ, милостивый государь, весьма благодаренъ; ибо симъ самымъ увеличится моя сумма, потребная мнѣ на приготовленіе къ моему отъѣзду.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего сіятельства покорный слуга графъ Аракчеевъ.

С.-Петербургъ, 22 Марта 1826.

ОПИСЬ

бриліянтовымъ вещамъ, пожалованнымъ графу Аракчееву во время его 39-ти лѣтней службы съ офицерскаго званія.

Табакерка золотая черепаховая съ портретомъ нынѣ владѣющаго Шведскаго короля, которой портретъ осыпанъ вокругъ тридцатью крупными бриліянтовыми каменьями и съ четырью на углахъ бриліянтовыми солитерами, подаренная онымъ королемъ, когда онъ, еще бывъ наслѣдникомъ Шведскимъ, пріѣзжалъ въ 1812-мъ году въ Финляндію въ г. Або, для свиданія съ Его Императорскимъ Величествомъ блаженной памяти Государемъ Императоромъ Александромъ 1-мъ.

Оная табакерка принята мною была тогда по приказанію покойнаго Государя Императора, по случаю тогдашняго критическаго времяни производившейся Французами въ Россіи войны.

Бриліянтовой перстень съ вензелемъ блаженной памяти покойнаго Государя Императора Павла 1-го, осыпанной двѣнадцатью крупными бриліянтами, пожалованный графу Аракчееву Государемъ Императоромъ Павломъ Петровичемъ, за первое произведенное баталіонное ученье Своднаго Гренадерскаго Преображенскаго полка баталіону въ 1797-мъ году.

22 Марта 1826 года.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ ГРАМОТА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Божіею милостію мы великій государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ, всеа Русіи самодержецъ, Владимирскій, Московскій, Новгородскій.....*) пожаловали есмы Голанскія земли гостя Ондрѣеву жену Фанрынгена Анну Алферьеву дочь, что̀ била челомъ намъ, великому государю она Анна. Мужъ ея Ондрѣй, будучи на Москвѣ, одолжалъ великими долги нашего царскаго величества казною, также и боярскими иныхъ Русскихъ людей и служилыхъ и торговыхъ иноземцовъ деньгами. И въ прошломъ-де во ҂рна (1643) году мужъ ея Ондрѣй отъ тѣхъ великихъ долговъ покинулъ ее Анну и съ Московскаго государства сбѣжалъ и пропалъ безвѣстно. А она-де послѣ мужа своего скитается межъ дворъ, и о долгахъ мужа своего била челомъ намъ великому государю. И по нашей-де государской милости тѣхъ мужа ея долговъ, что̀ было взять въ нашу царского величества казну, спрашивать не велѣно. Также и бояра и всякихъ чиновъ люди мужа ея долговъ ей поступились и руки свои приложили, и за море отпустить ее велѣно, и проѣзжая грамота ей дана, и ей-де за скудостью въ свою землю подняться нечѣмъ. И намъ бы великому государю ее Анну пожаловати, поволити ей пожити въ нашемъ царскаго величества Московскомъ государствѣ на время, и будетъ къ ней сыщется иноземецъ, а похочетъ ее взяти за себя за мужъ, и ей бы идти за него безпѣнно. И будетъ кто учнетъ впередъ того мужа ее Ондрѣева долгу на ней Аннѣ и на томъ, за кого она пойдетъ, спрашивать, и имъ бы въ тѣхъ мужа ея долгахъ суда не давать и о томъ бы дати ей нашу государскую жалованную грамоту.

И мы великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всеа Русіи самодержецъ Голанскаго гостя Ондрѣеву жену Фанрынгена Анну, для ея бѣдности и разоренья, пожаловали, въ нашемъ царскаго величества Московскомъ государствѣ пожити ей поволили. И

---

*) Слѣдуетъ полный титулъ. П. Б.

будетъ къ ней выищется какой иноземецъ, а похочетъ взять за себя за мужъ, и ей Аннѣ замужъ пойти вольно; а будетъ кто впередъ какихъ чиновъ ни буди люди учнутъ на нее Анну или на того, за кого она замужъ выдетъ, о прежняго мужа ея Ондрѣевыхъ долгахъ Фанрынгена бити челомъ, и тѣмъ людѣмъ на нее Анну и на того, за кого она замужъ выдетъ, въ тѣхъ прежнихъ долгѣхъ суда давати не велѣли. И по нашему государскому жалованію Ондрѣевой женѣ Фонрынгена Аннѣ въ нашемъ Московскомъ государствѣ жити и замужъ идти вольно. А въ долгѣхъ мужа ея Ондрѣя Фанрынгена никому до нея и до того за кого она замужъ выдетъ, дѣла нѣтъ и суда не давать.

Дана сія наша царскаго величества жалованная грамота въ государствія нашего дворѣ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ. Лѣта отъ созданію міру ҂зрѯ (1652). Мѣсяца Генваря к дня.

Слова: „Божіею милостію“ и начало титула написаны золотомъ. Къ грамотѣ приложена печать краснаго воску.

(*Изъ бумагъ М. К. Фонъ-Мейера*).

Голландецъ Генрихъ Фанъ-Рингенъ. Въ 1630 г., во время пребыванія въ Москвѣ Голландскаго посольства Альберта Бурха и Іог. Фанъ-Фельтдриля, по поводу переговоровъ о торговыхъ правахъ, этихъ пословъ навѣщали Голландскіе купцы Карлъ Дюмуленъ (по Русскимъ документамъ Карпъ Демулинъ, онъ упоминается въ Россіи уже въ 1623 г., Историч. Библ., изд. Археографич. Ком., VIII, 160 и далѣе), Фабіанъ Пейцеръ и Генрихъ (Андрей) Фанъ-Рингенъ (Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau v. A. Fechner, I, 20 b). Въ Москвѣ Фанъ-Рингенъ служилъ агентомъ по поставкѣ свинца, пищалей и другихъ военныхъ принадлежностей. Такъ, въ 1634 г. онъ доставилъ 30,000 пудовъ пушечныхъ ядеръ (Рус. Истор. Библ., II, 542—543; ср. Дополн. къ Акт. историч., III, 178—187). Но уже въ 1638 г. онъ задолжалъ за свинецъ, купленный у Голландца Карла Дюмулена, 3,600 рубл. и, кромѣ того, не уплатилъ ему за дворъ, пріобрѣтенный у него въ Москвѣ. Объ уплатѣ этого долга и возврашеніи дома ходатайствовали въ пользу Дюмулена Голландскіе Штаты (Рус. Историч. Библ., изд. Арх. Ком., т. VIII, с. 311—312). Въ 1639 г., при обсужденіи дополнительныхъ условій о торговлѣ съ Голштинскими послами, поручителями въ выдачѣ уговорныхъ денегъ дьяку Чистову, участвовавшему въ переговорахъ, называются Петръ Марселисъ и Андрей Фанъ-Рингенъ (Соловьевъ, IX, 271).

Сообщила Н. В. Шеметова.

ПО ПОВОДУ РАБОТЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ.

При работахъ предпринятыхъ по случаю починокъ и подновленія Московскаго Успенскаго собора, между прочимъ, произведена была проба промывки иконописныхъ изображеній, украшающихъ соборныя стѣны со внѣшней стороны. Проба промывки, какъ оказывается, привела къ неожиданному и крайне любопытному открытію. При промывкѣ иконописныхъ изображеній надъ южными входными дверями, подъ верхнимъ слоемъ красокъ, выступила вполнѣ сохранившаяся живопись несравненно болѣе ранняго происхожденія и въ тоже время, по своимъ художественнымъ достоинствамъ, несравненно выше живописи позднѣйшаго времени.

По мнѣнію, высказанному нѣкоторыми изъ представителей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, которые осматривали производимыя работы, открываемая промывкою стѣнопись принадлежитъ кисти лучшаго и извѣстнаго въ свое время царскаго изографа *Симона Ушакова.* Мнѣніе это подтверждается и показаніями, сохранившимися въ архивѣ Московской Оружейной Палаты. По этимъ архивнымъ бумагамъ составлена была въ свое время біографія Симона Ушакова. Авторомъ этой прекрасно составленной біографіи былъ извѣстный изслѣдователь Русской старины Г. Д. Филимоновъ *). Въ біографіи, при перечисленіи работъ, произведенныхъ Симономъ Ушаковымъ въ 1664 г., о немъ сказано: „У большаго собора Успенія Пресвятой Богородицы, съ полуденной стороны, надъ дверьми и одверье писалъ стѣннымъ письмомъ святителей и архангеловъ, и надъ мастерами присматривалъ; да писалъ Богородицынъ образъ, для опыта новой вохры..... у Успенскаго большаго собора около дверей, по дугамъ травы“.

Въ настоящее время промыто изображеніе Московскаго святителя митрополита Алексѣя. Если дальнѣйшія работы шли также успѣшно, какъ было сдѣлано начало, то почитателей древнерусскаго иконописнаго искусства и любителей старины можно поздравить съ богатымъ открытіемъ.

В. Попандопуло.

*) См. Сборникъ Общества Древне-Русскаго Искусства за 1873 г. стр. 27.

РѢКА НЕГЛИННАЯ. ПРУДЫ НЕГЛИНЕНСКІЕ.

Нѣкоторыя мѣстности Москвы измѣнили совершенно старинный видъ свой. Возмемъ для примѣра пространство отъ начала рѣки Неглинной и до впаденія ея въ Москву-рѣку, которое видно и теперь на набережной противъ третьяго Кремлевскаго сада. Неглинная протекала чрезъ улицу, прежде съ деревяннымъ, а потомъ съ каменнымъ мостомъ, близъ находившихся здѣсь кузницъ, давшихъ названіе Кузнецкому мосту. Небольшая эта рѣка имѣла благоустроенные берега и образовывала до шести прудовъ. Мѣстность эту окружали четыре приходскія церкви, а именно: Св. Іоакима и Анны, что̀ у Пушечнаго двора на нынѣшней Софійской улицѣ; Воскресенія, что̀ у Старыхъ Богадѣленъ, гдѣ теперь домъ Солодовникова; Св. Анастасіи Узорѣшительницы противъ дома Благороднаго Собранія; Спасская въ Копьѣ у Большаго Театра, и Моисеевскій дѣвичій монастырь, находившійся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Александровская часовня. Всѣ эти храмы были каменные, старинннаго зодчества, и при нихъ кладбища̀, кельи и дома̀ причта. Представляя себѣ эту живописную картину, невольно пожалѣешь, что на тѣхъ мѣстахъ выросли высокіе дома̀, или, вѣрнѣе, торговыя помѣщенія, мостъ Кузнецкій разрушенъ, церкви разобраны, рѣка Неглинная хотя и протекаетъ по той же мѣстности, но уже накрытая сводомъ; уничтожены и пруды, которые въ то время имѣли свое значеніе. Въ 1743 году отъ Полицмейстерской Канцеляріи объявлено было съ подписками, чтобы „въ Неглиненскіе пруды обыватели съ дворовъ своихъ сору и помету никакого не метали, платья въ оныхъ не мыли и лошадей не купали, дабы имѣющаяся въ тѣхъ прудахъ живая рыба отъ худаго запаха не поснула, и ежели кто оное чинить станетъ, тѣхъ ловить и присылать въ Полицмейстерскую Канцелярію, въ которой чинить съ ними по указамъ“ [1]). Въ 1728 году 22-го Іюня отпущено въ Лефортовскій императорскій домъ изъ Неглиненскихъ прудовъ къ столовому кушанью живой рыбы, а именно: стерлядей ушныхъ 6 по 8 вершк., окуней 20, плотицъ 20, а къ вечернему кушанью окуней 20, плотицъ крупныхъ 20 [2]). Въ 1753 году находившуюся въ Неглиненскихъ прудахъ рыбу велѣно было осенью всю выловить и посадить въ Прѣсненскіе пруды [3]); и за тѣмъ вѣроятно, вскорѣ уничтожены и самые пруды.

А. Мартыновъ.

---

[1]) Архивъ Моск. Дворц. Конторы годъ 1745, реестръ 13, дѣло № 153.

[2]) Тамъ же Расходная Книга 1728 года, реестръ 12, дѣла № 509.

[3]) Тамъ же, годъ 1753, реестръ 13, дѣла № 324.

ПРЕДСТОЯЩЕЕ СТОЛѢТІЕ КАВАЛЕРГАРДОВЪ.

Въ 1899 году исполнится сто лѣтъ со времени непрерывнаго существованія *кавалергардовъ*, какъ части Императорской Россійской гвардіи. Учрежденіе кавалергардовъ въ Россіи относится еще ко временамъ Петра Великаго, который въ 1724 году, по случаю коронованія супруги своей, Императрицы Екатерины I, повелѣлъ сформировать „корпусъ кавалергардовъ“, въ составѣ 64 человѣкъ (въ оберъ-офицерскихъ чинахъ и по большей части изъ дворянъ), и самъ принялъ званіе капитана этого корпуса. По окончаніи торжествъ корпусъ этотъ въ томъ же 1724 году былъ распущенъ. Въ 1726 году Екатерина I возстановила корпусъ и приняла званіе его капитана. Императрица Анна Іоанновна въ 1731 году упразднила корпусъ кавалергардовъ. Затѣмъ названіе „кавалергардовъ“ встрѣчается въ церемоніалахъ коронованія Елисаветы Петровны въ 1742 году; но кавалергарды того времени не составляли особаго учрежденія, а были лейбъ-компанцами, временно переименованными въ кавалергардовъ. Екатерина II возстановила въ 1762 году корпусъ кавалергардовъ, существовавшій до упраздненія его въ 1796 году императоромъ Павломъ I. Взамѣнъ этого корпуса въ томъ же 1796 году учреждены были составленные изъ нижнихъ чиновъ гвардейскихъ полковъ кавалергардскіе эскадроны, называвшіеся также полкомъ; эскадроны эти существовали недолго. Въ 1799 году, 11-го Января, учрежденъ кавалегардскій Его Императорскаго Величества корпусъ, составлявшій гвардію при особѣ императора Павла I, какъ великаго магистра ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, а въ 1800 году сформированъ кавалергардскій полкъ на правахъ полковъ лейбъ-гвардіи, но безъ этого наименованія.

Нынѣ существующему *кавалергардскому Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Өеодоровны полку* положено считать начало своего непрерывнаго существованія съ 11 Января 1799 года. До 1796 года, т. е. до сформированія кавалергардскихъ эскадроновъ, служба кавалергардовъ была исключительно придворная, и главнымъ назначеніемъ кавалергардовъ было составлять почетныхъ тѣлохранителей Государей при торжественныхъ случаяхъ.

Кавалергардскій полкъ, озабочиваясь составленіемъ новой подробной исторіи полка для столѣтняго своего юбилея, приступилъ къ собиранію матеріаловъ, между которыми видное мѣсто должны занимать тѣ, которые служатъ для характеристики внутренняго быта полка въ разныя эпохи его существованія. Поэтому полкъ обращается съ просьбою о присылкѣ разныхъ воспоминаній и записокъ. Кромѣ того, въ настоящее время полкъ собираетъ біографіи и портреты лицъ, служившихъ въ полку, которые почему либо выдавались на поприщѣ государственнаго и общественнаго служенія.

КЪ ИСТОРІИ КРЕСТЬЯНСТВА НА РУСИ.

Въ книжкѣ моей «Выводы и заключеніе» [1]) я говорилъ о томъ, что отводъ крестьянамъ земельныхъ участковъ, до ихъ освобожденія, имѣлъ своимъ основаніемъ всегда семейное начало; что, при всемъ разнообразіи строенія общины въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, какая бы ни была принята сельскимъ обществомъ система надѣленія землею, тягольная или подворная, земельный участокъ давался только женатому крестьянину съ его семьей, который и считался домохозяиномъ. Участокъ отдавался ему, разумѣется, безъ права продажи его въ другія руки, такъ какъ это право можетъ принадлежать только собственнику. Чаще всего участокъ удерживался въ семьѣ потомственно, потому что и помѣщичьи, и государственныя земли, которыми надѣлялись крестьяне, никогда не отчуждались изъ владѣнія общества.

Изъ этого видно, что семейное начало было устоемъ крестьянскаго землевладѣнія.

Внутреннее управленіе дѣлами общества: опредѣленіе земельныхъ и другихъ сношеній крестьянъ между собою, какъ то опредѣленіе и передѣлъ земельныхъ участковъ, раскладка общихъ повинностей и т. п., разборъ споровъ и недоумѣній между членами общины и жителями ея деревни, все это принадлежало міру.

Міръ въ своемъ составѣ—это всѣ крестьяне причисленные къ обществу, не исключая и женщинъ, словомъ вся деревня. Въ проявленіи же своей дѣятельности міръ—это обязательное согласіе всѣхъ общественниковъ, вслѣдствіе чего всѣ они, до освобожденія крестьянъ, по укоренившемуся у нихъ вѣковому обычаю, могли принимать участіе въ мірскихъ сходахъ. Дѣла на нихъ рѣшались не иначе, какъ общимъ согласіемъ всѣхъ явившихся на сходъ. Голоса на сходахъ не отбирались вовсе; голосованіе на нихъ не могло имѣть никакого значенія, потому что не число голосовъ, а только общее всѣхъ согласіе давало силу мірскому рѣшенію.

---

*) См. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Выводы и заключеніе, Н. П. Семенова. С.-Петерб. 1893 года, стр. 13—23 и 25.

При такомъ обычномъ порядкѣ стремленіе каждаго общественника невольно и естественно направлялось къ тому, чтобы найти такой исходъ дѣлу, который былъ бы всѣмъ сочувственъ, удовлетворялъ общему желанію и не былъ бы никому обиденъ, а такая цѣль достигается только правдой и справедливостью. Если угодить всѣмъ и нельзя, то вѣрнымъ остается то, что одна правда (даже когда бываетъ и горькою,) имѣетъ свойство рано или поздно удовлетворить всякаго человѣка: и для неправаго она все-таки сохраняетъ еще какую-то въ себѣ какъ будто притягательную силу.

Въ настроеніи къ общему согласію всякій сознаётъ яснѣе, что въ каждомъ дѣлѣ справедливое и вѣрное (а стало быть и лучшее) рѣшеніе можетъ быть только одно и что его достиженіемъ добывается скорѣе общее согласіе. Вотъ почему нашъ Русскій Миръ издревле имѣлъ въ нашей исторіи такое важное значеніе. Онъ принадлежалъ всѣмъ слоямъ общества, всему народу. Онъ созидалъ наше государство и спасалъ Россію въ тяжкія годины смутъ. Московскій Миръ, общимъ согласіемъ (а за нимъ пошла и вся Русская земля) избралъ на царство Михаила Ѳеодоровича Романова и тѣмъ сохранилъ для насъ спасительное единодержавіе. Съ преобразованіями Петра Великаго въ наши государственныя учрежденія введено было иноземное, коллегіальное начало *рѣшающаго большинства* голосовъ, и съ той поры Миръ устоялъ у насъ только въ крестьянскомъ сословіи. Нужно ли еще доказывать, что согласіе есть самое дорогое благо человѣчества? Вѣдь о дарованіи намъ его ежедневно молится наша православная церковь. Общимъ согласіемъ болѣе всего дорожилъ нашъ вѣнчанный Миротворецъ Императоръ Александръ Александровичъ, властно водворявшій его и за предѣлами нашего отечества. Онъ признавалъ нашу крестьянскую общину, руководимую миромъ, т. е. общимъ согласіемъ, устоемъ Русской народной жизни. Недаромъ старая и всѣмъ извѣстная Латинская поговорка говоритъ, что согласіемъ малыя дѣла выростаютъ въ великія, тогда какъ раздоромъ великія дѣла обращаются въ ничтожество: «Concordia res parvae crescunt, discordia maximae dilabuntur.»

Такъ въ Россіи общинное, мирское и соборное начало, подчинявшее себѣ проявленія личности, запечатлѣло всѣ крупныя историческія событія, созидавшія Россію общимъ согласіемъ, и сплотило ее въ цѣлое, единодержавное и могущественное государство, тогда какъ въ Западной Европѣ право сильнаго и культъ личности, доводившій государства до волненій, охватывавшихъ цѣлый народъ, созидали государства насиліемъ и борьбой, наложившими неизгладимую печать на всѣ проявленія государственной и народной жизни.

Искусственное введеніе въ сельскіе сходы *голосованія*, въ которомъ они вовсе не нуждались и не нуждаются, представляется намъ какъ бы приглашеніемъ общественниковъ къ непривычному для нихъ разногласію, а на допущеніе *рѣшающаго большинства голосовъ* мы смотримъ какъ на внесеніе раздора въ мирскіе сходы, тогда какъ эти послѣдніе въ разборѣ всякаго дѣла, въ продолженіе вѣковъ, умѣли, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, достигать общаго согласія въ приговорахъ мира. Крестьяне и до сихъ поръ еще не могутъ понять, какъ рѣшеніе большинства голосовъ можетъ стать приговоромъ мира, который состоитъ изъ всѣхъ общественниковъ; поэтому тѣ дѣла, которыя затрогиваютъ существенные интересы всего общества, вершатся и понынѣ только общимъ согласіемъ всего схода. По тѣмъ же дѣламъ, которыя, вслѣдствіе преподанныхъ правилъ, рѣшаются большинствомъ голосовъ, нынѣ постоянно приносятся крестьянами жалобы на неправильность рѣшеній, что̀ видно изъ практики крестьянскихъ учрежденій. Эти жалобы вызываются обыкновенно не столько дѣйствительною несправедливостью рѣшенія, сколько тѣмъ, что крестьяне между своими, себѣ равными, не признаютъ для себя обязательнымъ подчиненія большинству ихъ голосовъ. Обязательнымъ они считаютъ подчиненіе только приговору мира, котораго главенство надъ собой признаётъ каждый крестьянинъ въ отдѣльности.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, крестьянскій міръ не правительственное учрежденіе. Онъ есть свободный, бытовой и вѣковой союзъ Русскаго народа, самобытно возникшій въ его исторической жизни. Всякая регламентація можетъ только стѣснить или и совсѣмъ разрушить его. Онъ, по внутреннему своему смыслу, не сживается ни съ какимъ коллегіальнымъ порядкомъ. Къ нему нельзя привить правилъ дѣйствующихъ въ нашихъ государственныхъ и гражданскихъ учрежденіяхъ. Мирскіе сходы не могутъ быть приравниваемы и къ нашимъ сословнымъ дворянскимъ собраніямъ, регламентированнымъ и принявшимъ уже совсѣмъ характеръ коллегіальныхъ учрежденій, гдѣ все рѣшается голосованіемъ, которое, сказать мимоходомъ, не привело однако нашего передоваго сословія къ тому единству, въ какомъ держится еще и понынѣ стоящее на низшей ступени общественнаго положенія крестьянское сословіе. Въ немъ только и находитъ себѣ еще уголокъ общественное согласіе, какъ будто гонимое изъ своего послѣдняго убѣжища—крестьянской общины.

Коллегіальное устройство не представляетъ еще такого безусловнаго совершенства, чтобы ставить его на мѣсто Русскаго бытоваго союза, достигающаго всегда полнаго согласія и единства въ своихъ мирскихъ приговорахъ, тогда какъ единогласіе, самая совершенная

форма рѣшенія, бываетъ лишь исключеніемъ въ дѣлахъ коллегіальныхъ учрежденій, и чѣмъ многолюднѣе собраніе (каковыми бываютъ всегда мирскіе сходы), тѣмъ труднѣе при коллегіальномъ устройствѣ достигнуть единогласія. При коллегіальномъ порядкѣ на многолюдныхъ собраніяхъ рѣшенія бываютъ не рѣдко случайными, а при простомъ большинствѣ голосовъ иногда и совсѣмъ неожиданными. На мирскихъ сходахъ, при отсутствіи голосованія, этого и быть не могло.

Въ сельской общинѣ, гдѣ всѣ крестьяне знаютъ всегда до тонкости всѣ обстоятельства жизни каждаго своего сочлена и всѣ условія разбираемыхъ на сходѣ дѣлъ, затрогивающихъ ихъ частные или общественные интересы, полное подчиненіе миру, ведущее къ единству мирскихъ рѣшеній, является для всякаго изъ нихъ не только естественнымъ, но и неизбѣжнымъ, по соображеніямъ практическимъ: отъ общаго согласія всѣхъ зависитъ сколько поддержка всякаго отдѣльнаго крестьянина въ его положеніи, столько же и огражденіе всего мира отъ разстройства и цѣлой общины отъ распаденія. Въ этомъ тѣсномъ сплетеніи взаимныхъ отношеній членовъ общины между собой и всегдашней зависимости ихъ интересовъ отъ мира лежитъ основа того единства мирскихъ приговоровъ, которое такъ чуждо коллегіальнымъ и бюрократическимъ учрежденіямъ Западной Европы, перенесеннымъ оттуда и въ Россію. Это единство будетъ всегда чуждо нынѣшнимъ сельскимъ обществамъ, пока не будетъ отмѣнено голосованіе, рѣшающее большинство голосовъ на мирскихъ сходахъ, разрывающее живую и крѣпкую связь члена общины съ ея миромъ и мира со всѣми членами общины, вслѣдствіе чего рѣшенія сельскихъ сходовъ, всегда многолюдныхъ, будутъ неминуемо подвергаться случайностямъ и неожиданностямъ, и на рѣшенія сходовъ будетъ дѣйствовать и вино, безъ котораго въ нынѣшнее время слишкомъ часто сельскіе, а особенно волостные, сходы не обходятся, чего до введенія новаго порядка рѣшеній въ обычаѣ не было.

На единствѣ мира и его главенствѣ, признаваемомъ надъ собою каждымъ общественникомъ, только и могла создаться и держаться, какъ прочное и осмысленное установленіе, круговая порука. Сохраненная и при нынѣшнихъ порядкахъ въ крестьянскихъ обществахъ, она, не безъ основанія, подвергается осужденію; потому что безъ мира, въ присущей ему бытовой формѣ, она не имѣетъ никакого смысла. Круговая порука принадлежитъ мирскому устройству, общинѣ, а не коллегіальнымъ учрежденіямъ.

Защитники введенія на сельскихъ сходахъ голосованія, съ его рѣшающимъ большинствомъ голосовъ, оправдываютъ это узаконеніе опасеніемъ, что когда правительству необходимо будетъ въ данныхъ

обстоятельствахъ имѣть приговоръ общества, то можетъ случиться, что общаго согласія на сходѣ не послѣдуетъ, и дѣло останется безъ рѣшенія. О такомъ случаѣ, до освобожденія крестьянъ, мнѣ даже и слышать не приходилось. Правда, бывало (и то рѣдко), что крестьяне на сходѣ не могли сговориться; но тогда сходъ расходился и собирался опять, пока на немъ не состоится приговора. Приходить на сходахъ къ общему согласію было народной потребностью съ тѣхъ поръ какъ миръ у насъ сложился, а потомъ это стало и вѣковою привычкой нашего народа, о чемъ мы имѣемъ свидѣтельства нашей исторіи. А если и допустить, что по дѣлу, предоставленному на волю крестьянскаго мира, не послѣдовало бы единогласнаго рѣшенія, т. е. что приговоръ не состоялся бы, что̀ отъ этого потеряло бы правительство?

При крѣпостномъ правѣ мирскія дѣла рѣшалъ окончательно своею властью все таки помѣщикъ, по своему усмотрѣнію. Теперь замѣняетъ его правительство, и ему сто̀итъ только въ приведенномъ случаѣ назначить срокъ на составленіе приговора, съ предвареніемъ общества, что если къ назначенному времени требуемаго мирскаго приговора не состоится, то само правительство сдѣлаетъ въ данномъ дѣлѣ распоряженіе, по лучшему своему усмотрѣнію. Тогда общество конечно не допуститъ промедленія въ свою невыгоду; а если бы это и случилось, по оплошности крестьянъ, то они, какъ сами въ томъ виновные, не могли бы жаловаться на распоряженіе, которое было бы сдѣлано властью, и имъ осталось бы только безпрекословно ему подчиниться.

Что же касается частныхъ мирскихъ дѣлъ общества, то нѣтъ вовсе основанія предполагать, что въ ихъ рѣшеніяхъ могутъ встрѣтиться случаи несогласія, когда даже и теперь еще, по дѣламъ, захватывающимъ ихъ живые интересы, они не прибѣгаютъ къ голосованію, и мирскіе приговоры постановляются ими единогласно.

Опасенія, о коихъ идетъ рѣчь, слѣдуетъ относить по справедливости не къ мирскому строю, а къ тому коллегіальному порядку рѣшеній, который преподанъ въ Положеніи объ освобожденіи крестьянъ мирскимъ сходамъ, и нельзя не предвидѣть, что со временемъ, если только рѣшающее большинство голосовъ пуститъ корни въ средѣ крестьянъ, единогласныя на ихъ сходахъ рѣшенія будутъ такимъ же, если еще не болѣе рѣдкимъ, явленіемъ, какъ въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, и тогда придетъ конецъ крестьянскому миру, разстроится согласіе и единство сельскихъ обществъ, и они неизбѣжно распадутся.

При крѣпостномъ правѣ помѣщикъ предоставлялъ обыкновенно на волю мира разбирательство только такихъ дѣлъ, которыя касались общественныхъ и личныхъ интересовъ его крестьянъ и отношеній ихъ между собою, и миръ его деревни, правотой и здравымъ смы-

сломъ своихъ приговоровъ, дѣлался не рѣдко какъ бы руководителемъ умнаго помѣщика въ его управленіи своими крестьянами; во многихъ же случаяхъ былъ ему въ немъ помощникомъ, избавляя его отъ надоѣдливаго вмѣшательства въ разборъ мелкихъ дѣлъ подвластнаго ему общества и разныхъ дрязгъ, происходившихъ у крестьянъ его между собою. Миръ и при крѣпостномъ состояніи имѣлъ настолько жизненности и самостоятельности, что не рѣдко охранялъ крестьянъ отъ произвола помѣщичьей власти и злоупотребленія ею тѣми, которые, по довѣрію помѣщика, были поставлены надъ его крестьянами.

Такимъ образомъ всѣ опасенія, что дѣла предоставляемыя миру могутъ иногда оставаться безъ рѣшенія потому будто бы, что невозможно всегда достигнуть единогласнаго приговора по всякому дѣлу, устраняются окончательно еще и тѣмъ, что изъ крѣпостнаго состоянія крестьяне перешли непосредственно въ вѣдѣніе правительства. Оно, ставъ надъ крестьянскими обществами вмѣсто помѣщика, учредило своими уполномоченными земскихъ начальниковъ для попечительства надъ сельскими обществами, и теперь слѣдуетъ только постановить, что приговоры общества признаются состоявшимися лишь тогда, когда они постановлены общимъ согласіемъ мира, разумѣется съ оговоркой, что если мирской приговоръ состоялся въ нарушеніе закона или чьихъ либо имущественныхъ и личныхъ правъ, то почитается самъ собой недѣйствительнымъ и во всякое время подлежитъ отмѣнѣ установленною правительственною властью.

Къ счастію человѣчества, устои народной жизни не вдругъ разрушаются, и твердо укоренившіеся обычаи пересиливаютъ и переживаютъ иногда законы. Само время, разрушающее все въ природѣ для новаго созиданія, совершаетъ это постепенно и незамѣтно. Человѣку ли поднимать руку на созидаемое вѣками и крушить его до основанія? Еслибы его легкомысліемъ и были поколеблены устои исторической жизни народа, то стóитъ только устранить скорѣе поставленныя имъ препятствія къ дальнѣйшему развитію народной жизни, и эти устои окрѣпнутъ еще для нея; но когда они совсѣмъ рушатся, то никакія повелѣнія не вызовутъ ихъ къ жизни. Такъ разрушенному до основанія крестьянскому миру не будетъ возврата къ существованію, и духъ его, общее согласіе и единство, покинутъ Русскій народъ навсегда. Съ этой стороны успѣхи нашей гражданственности наводятъ насъ на печальныя размышленія.

Съ возстановленіемъ мира въ его настоящемъ значеніи возстановятся жизненная сила и единство общины, ослабленныя теперь введеніемъ въ нее не соотвѣтствующихъ ея бытовому укладу началъ. Нападки на общинное землевладѣніе, повторяющіяся съ разныхъ сторонъ

относятся въ сущности именно къ тому измѣнившемуся нынѣ положенію общины, которое есть лишь слѣдствіе нововведеній, расшатавшихъ ея вѣковой общественный строй, и не могутъ служить опроверженіемъ того, что́ было уже высказано нами о крестьянскомъ землевладѣніи и о сохраненіи общины, какъ драгоцѣннаго и совершенно незамѣнимаго устоя Русской жизни*). Мы разумѣемъ ту общину, которая управлялась своимъ миромъ, а не коллегіальнымъ искусственнымъ порядкомъ, нынѣ замѣняющимъ общину, съ неотчуждаемымъ земельнымъ надѣломъ, который не дробился на душевые участки, негодные для веденія на нихъ какого бы то ни было сельскаго хозяйства, каковое дробленіе вызываетъ нынѣ частые общіе передѣлы земли, противъ чего уже борется само правительство, принимая мѣры къ ихъ устраненію или хотя отдаленію; общину, почти не знавшую общихъ передѣловъ (потому что общественную въ ней единицу земельную, а не душевую, какъ теперь, представляли преемственно семья или дворъ, надѣленные разъ навсегда опредѣленнымъ и равномѣрнымъ съ другими, недѣлимымъ, тягловымъ земельнымъ участкомъ); общину, которой члены были твердо увѣрены въ неотчуждаемости владѣнія надѣльными земельными участками, такъ какъ крестьяне, до ихъ освобожденія, были всегда крѣпки землѣ, тогда какъ при нынѣшнемъ положеніи общества этой увѣренности они имѣть не могутъ, потому что существеннаго и необходимаго для того, чтобъ земля стала крѣпкою за крестьянскимъ сословіемъ, еще не сдѣлано; общину, пользовавшуюся подъ сѣнью мира, даже во время гнета крѣпостной зависимости, свободой самоуправленія въ дѣлахъ затрогивающихъ интересы общества и касающихся взаимныхъ отношеній крестьянъ между собою; наконецъ, общину, которая въ совокупности своихъ тяголъ при общинномъ своемъ землевладѣніи и мирскомъ единствѣ представляла и сама живую земельную единицу предъ помѣщикомъ и правительствомъ по исполненію лежавшихъ на крестьянахъ обязанностей и по отбыванію всѣхъ денежныхъ и натуральныхъ государственныхъ повинностей. Поэтому я не имѣю повода входить здѣсь въ полемику съ противниками нынѣ искаженнаго общиннаго крестьянскаго землевладѣнія, а укажу только на его неоспоримыя и незамѣнимыя достоинства.

Изъ всѣхъ видовъ землевладѣнія только при общинномъ достигается возможность удовлетворенія, наименьшимъ количествомъ земли, наибольшаго числа земледѣльцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая возможность при маломъ надѣльномъ участкѣ доставить въ предѣлахъ его воду,

---

*) См. „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Выводы и заключеніе“, Н. П. Семенова, стр. 13—30.

выгонъ, покосъ и другія необходимыя каждому крестьянину угодья, которыми, при общинномъ землевладѣніи, всѣ крестьяне одинаково и безпрепятственно пользуются? Это землевладѣніе обезпечиваетъ осѣдлость крестьянскаго населенія тѣмъ, что и при переростѣ его все то количество семей, которое уже пользуется неотчуждаемыми участками и можетъ быть впредъ надѣляемо таковыми изъ свободныхъ государственныхъ земель, никогда не обратится въ бобылей и пролетаріевъ.

Общинное землевладѣніе съ его сельскимъ міромъ придаетъ одинъ цѣльный характеръ нашему коренному крестьянскому населенію. Въ немъ все таки еще крѣпко держится семейный союзъ, охраняющій чистоту нравовъ, которыхъ симпатичныя черты составляютъ особенность Русскаго народа. Такимъ образомъ сплоченное своимъ единствомъ, почти стомилліонное крестьянское населеніе, превышающее болѣе чѣмъ на двѣ трети все остальное народонаселеніе Россіи, представляетъ такую силу и отпоръ врагамъ, какихъ не имѣетъ ни одно государство Западной Европы. Этого оплота православія, единодержавія, семейнаго союза и народности, если только мы сами же его не разрушимъ, не поколеблютъ даже и вредныя иноземныя ученія; при немъ не найдутъ у насъ почвы ни анархизмъ, ни соціализмъ, ни капитализмъ, вызывающіе, за предѣлами нашего отечества, революціи, стачки рабочаго класса противъ капиталистовъ и всякіе безпорядки. Такого оплота не являетъ намъ вся исторія народовъ Западной Европы.

На Русское общинное землевладѣніе, не безъ зависти, указываютъ иноземные его изслѣдователи. Такъ извѣстный баронъ Гакстгаузенъ, который еще въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія изучалъ общину въ Россію, сознавая, что для Западной Европы нѣтъ уже перехода къ общинному землевладѣнію, пришелъ къ заключенію, что если Россія пойдетъ по своему историческому пути, то явитъ свѣту своеобразный культурный типъ государства, болѣе сильный и прочный, нежели типы прочихъ Европейскихъ государствъ. Я вспоминаю и еще изреченіе знаменитаго и прославленнаго политическаго дѣятеля (если мнѣ не измѣняетъ память): это слова, произнесенныя бывшимъ Германскимъ канцлеромъ Бисмаркомъ въ одной изъ его рѣчей въ рейхстагѣ, «что пока существуетъ въ Россіи крестьянская община, Россія неуязвима» *).

Общее владѣніе такими большими земельными участками, какими обыкновенно бываетъ надѣлена община, особенно на государственныхъ земляхъ, отнюдь не есть препятствіе ко введенію улучшенныхъ способовъ обработки земли, а напротивъ облегчаетъ всякое полезное

*) Объ этомъ говорилъ и Кавуръ покойному А. И. Кошелеву. П. Б.

для хозяйства нововведеніе. Я въ свое время старался это доказать и примѣрами, и фактами; такъ я приводилъ, что крестьяне Московской губерніи, цѣлыми сельскими обществами хлопотали у себя въ Волоколамской земской управѣ о воспособленіи имъ перейти отъ прежняго обыкновеннаго у насъ трехпольнаго хозяйства къ плодоперемѣнному, восьмипольному, что́ и послѣдовало въ 1892 году *).

Община съ ея историческимъ миромъ, съ присущей ей круговою порукою и достаточнымъ пространствомъ надѣльной государственной земли представляетъ предъ правительствомъ болѣе крупную земельную единицу, нежели каждый владѣлецъ тягловаго участка, и тѣмъ надежнѣе и прочнѣе обезпечивается удовлетвореніе крестьянами государственныхъ потребностей и упрощаются какъ ѳискальныя, такъ и всякія другія отношенія правительства къ массѣ крестьянскаго населенія.

Все это указываетъ намъ прямо на то, что если на общинное у насъ крестьянское землевладѣніе обращаются теперь завистливые взоры выдающихся дѣятелей и ученыхъ Западной Европы, которымъ не такъ легко разобрать иныя, почти неуловимыя для нихъ, черты Русскаго народнаго характера: то всякому нашему дѣятелю на государственномъ поприщѣ слѣдуетъ приступать къ изученію нашего народнаго быта и строя не по однимъ статистическимъ даннымъ и канцелярскимъ соображеніямъ, а въ живой ихъ правдѣ и дѣйствительности, отличая въ нихъ историческія основанія отъ наноса и придатковъ, примѣшанныхъ къ нимъ изъ другихъ, чуждыхъ народу, источниковъ.

Такимъ образомъ укрѣпленіе расшатаннаго разными вліяніями оплота, которымъ держится наша государственная сила, есть неотложная задача нашего правительства. Она и занимала въ послѣдній годъ царствованія думы нашего почившаго Императора Александра Александровича, и если освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости было величайшимъ дѣломъ царствованія Императора Александра II, то не менѣе великимъ и славнымъ должно быть приведеніе въ устойчивое земельное положеніе освобожденныхъ крестьянъ, начатое его державнымъ преемникомъ и долженствующее завершиться установленіемъ на долгія времена прочнаго крестьянскаго землевладѣнія на историческихъ и бытовыхъ Русскихъ началахъ, указанныхъ нами.

Николай Семеновъ.

5 Октября 1895 г.

*) См. „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Выводы и заключеніе“, Н. П. Семенова, стр. 23—25.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ВЪ ЖУРНАЛАХЪ НЕИСТОРИЧЕСКИХЪ.

Коронованіе Русскихъ государей. Г. П. Георгіевскаго. „Русское Обозрѣніе“ Ноябрь.

Сдѣлавъ, на основаніи трудовъ Покровскаго, Барсова, Горскаго, общій обзоръ коронованій, авторъ передаетъ чинъ вѣнчанія на царство в. к. Дмитрія Іоанновича, царей Іоанна IV, Ѳеодора Іоанновича, Бориса и особенно подробно царя Алексѣя Михаиловича.

Пушкинъ. Историческое его значеніе. Его сверстники. А. И. Пыпина. „Вѣстникъ Европы“. Ноябрь.

Съ появленія „Руслана и Людмилы“ Пушкинъ сталъ центральнымъ лицемъ Русской литературы, знаменемъ, около котораго завязался упорный бой классицизма и романтизма, хотя самъ Пушкинъ не находилъ у насъ ни настоящихъ классиковъ, заслуживающихъ этого имени, ни истинныхъ романтиковъ съ сознательнымъ пониманіемъ новаго поэтическаго откровенія. Пушкинъ до такой степени стоялъ выше писателей своего кружка, что безъ сомнѣнія и позднѣе онъ сохранилъ бы это превосходство; но его сверстники не въ состояніи были понять того движенія, которое обнаружилось уже вскорѣ по смерти Пушкина въ сороковыхъ годахъ.

Затѣмъ идетъ характеристика литературной дѣятельности барона Дельвига, Рылѣева, Бестужева-Марлинскаго, князя П. А. Вяземскаго, Плетнева, Баратынскаго, кружка Веневитинова и Одоевскаго.

Оригинальность Рылѣева была двоякая: 1) стремленіе искать поэтическаго матеріала въ историческомъ прошломъ 2) общественный патріотизмъ.

Бестужевъ-Марлинскій, при своей прекрасной литературной подготовкѣ, отличался необычайной романтической выспренностью. Близость его къ Пушкину объясняется между прочимъ и его характеромъ. Изъ писемъ Пушкина видно, какъ онъ высоко цѣнилъ дарованія Б. Большое значеніе придается его „Взгляду на старую и новую словесность въ Россіи“, Романтизмъ былъ въ глазахъ Марлинскаго альфой и омегой истины, но понятіе о немъ было у него ложное и выражалось въ непомѣрной цвѣтистости и вычурности; тамъ же гдѣ онъ не выходилъ за предѣлы вѣроятія, онъ былъ прекрасный, живой разсказчикъ, и въ исторіи Русской повѣсти его займутъ свое важное историческое мѣсто.

Князь П. А. Вяземскій, обладавшій широкимъ образованіемъ, остроуміемъ и интересомъ къ литературѣ не только современной, но и прошедшей, пережилъ всѣхъ своихъ сверстниковъ и сталъ въ недовѣрчивое, даже враждебное отношеніе къ новому поколѣнію писателей; онъ признавалъ лишь то, что̀ казалось ему согласнымъ съ добрыми старыми нравами, находя одно осужденіе для того, что̀ не подходило къ его привычнымъ вкусамъ. Онъ являлся хранителемъ преданій Пушкинскаго времени; но г. Пыпинъ признаетъ вмѣстѣ съ г. Спасовичемъ, что онъ собственно былъ полный *классикъ* стараго покроя, романтическіе же порывы были у него напускными и

поверхностными, потому что въ самой основѣ міровоззрѣнія его лежало безусловное поклоненіе Карамзину, какъ законодателю литературы. И съ этимъ поклоненіемъ соединялся у него классицизмъ и консерватизмъ, классицизмъ Карамзинскій, строгій по отношенію къ формамъ, державшійся обѣими руками авторитета, вносившій въ литературу дисциплину и начало государственности. Единственный цѣльный трудъ кн. Вяземскаго, это книга его о Фонъ-Визинѣ.

Плетневъ былъ по рожденію и воспитанію человѣкомъ иного круга, чѣмъ Арзамасцы и ближайшіе товарищи Пушкина; но, горячо преданный интересамъ литературы, онъ сблизился съ Пушкинымъ на всю жизнь и сталъ выразителемъ теоретическаго міровоззрѣнія и Пушкинскаго кружка. Великой его заслугою надо признать то, что онъ вполнѣ умѣлъ понять Гоголя. Напротивъ, Баратынскій, любимецъ Пушкина, совсѣмъ остался чуждъ стремленіямъ новаго поколѣнія. Такимъ образомъ сверстники Пушкина совершенно не поняли, къ чему обязывала сила геніальнаго творчества, и для того, чтобы въ общемъ теченіи литературы могъ быть осуществленъ завѣтъ Пушкина, нужно было прочно установить самыя понятія о значеніи и объемѣ поэзіи. Работы въ этомъ направленіи начались въ кружкѣ приверженцевъ философіи Шеллинга и Окена въ Москвѣ. Центромъ являлся Веневитиновъ, съ его независимымъ почитаніемъ Пушкина и съ глубокимъ убѣжденіемъ, что поэзія должна идти объ руку съ наукой. Недостатокъ мысли считалъ онъ бѣдствіемъ Русской литературы. Противъ безсодержательности современной поэзіи возставалъ и другой поклонникъ Нѣмецкой философіи, князь В. Ѳ. Одоевскій.

Юношескіе литературные труды Герцена. Е. Некрасовой. „Сѣверный Вѣстникъ“ Сентябрь.

На основаніи ненапечатанной части „Переписки“ Герцена очень обстоятельно составленный очеркъ о литературныхъ работахъ его во время Вятской ссылки. Статья является цѣннымъ добавленіемъ къ работѣ Анненкова: „Идеалисты тридцатыхъ годовъ“.

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и А. С. Хомяковъ Кн. Н. В. Ш. „Русское Обозрѣніе“ Ноябрь.

Почвою для сближенія этихъ людей были богословіе (ученіе о вѣроисповѣданіяхъ) и философія Гегеля. Оба, другъ отъ друга независимо, отнеслись критически къ кумиру не одного Русскаго общества. Хомяковъ по отзыву Гилярова прочелъ логику Гегеля отъ первой до послѣдней строки, „расщелкалъ возъ крѣпкихъ орѣховъ“ (подвигъ, которымъ въ наше время немногіе могутъ похвалиться); вспомнимъ, что и самъ Г. еще въ 1846 году „совладалъ съ цѣлымъ Гегелемъ“. Сходство въ мысляхъ у обоихъ доходило иногда до тождественности выраженій. Прекрасны приведенныя изъ писемъ Г. къ Романову объясненія этого сходства, пункты разномыслія съ Хомяковымъ и И. В. Кирѣевскимъ въ понятіяхъ о православіи, взгляды на Церковь.

Крайне любопытны опредѣленія задачи прогресса (съ которымъ Церковь не споритъ)—установить такъ теченіе мірской жизни, чтобы сама физика, поколику она противоборствуетъ духу, давала просторъ свободѣ, вмѣсто случайной и безцѣльной борьбы стихій порабощающихъ духъ; такъ расположить дѣйствіе тѣхъ же стихій, чтобы онѣ работали по плану имъ указанному, освобождая притомъ человѣка отъ личнаго напряженія: вотъ задача прогресса во всѣхъ видахъ, начиная съ паровыхъ машинъ и до улучшенныхъ политическихъ формъ.

Въ письмѣ Ю. Ѳ. Самарина къ Г. по поводу изданія сочиненій Х., очень интересно предположеніе Ю. Ѳ. написать исторію *невѣрія* въ Россіи. Есть три вида невѣрія—въ Церкви

учащей, въ наукѣ и бытовое. Приложенный планъ предисловія Самарина къ богословскимъ трудамъ Хомякова представляетъ отклоненія въ высокой степени любопытныя отъ напечатаннаго при второмъ томѣ сочиненій Хомякова.

Письма графа А. К. Толстаго. Окончаніе. „Вѣстникъ Европы“ Ноябрь.

Любопытны письма, гдѣ графъ Толстой высказываетъ горькія жалобы на то, что у насъ не умѣютъ полемизировать и особенно возмущается на критику *Обрыва* въ „Зарѣ“. Вся наша критика, пишетъ онъ, находится въ рукахъ одной клики, за рѣдкими и робкими исключеніями. Девизъ этой клики—война искусству. Лучшимъ своимъ произведеніемъ онъ признаетъ „Царя Θеодора“. Интересны приводимые переводы его стихотвореній на Нѣмецкій языкъ, Павловой, и оригинальныя Нѣмецкія стихотворенія. Письма XXXIII и XXXV посвящены отношенію Т. къ славянофильству. „Я симпатизирую Славянамъ, но только, когда они заявляютъ свою свободу и автономію; но я объявляю себя ихъ непріятелемъ, какъ только они нападаютъ на европеизмъ и когда они противопоставляютъ свою *проклятую общину* принципу индивидуальности, единственному принципу, въ лонѣ котораго можетъ развиться цивилизація вообще и *искусство* въ особенности. Общину я ненавижу менѣе, чѣмъ эгалитарность, глупую выдумку 93-го года, которая никогда не существовала, даже ни въ какой республикѣ. Итакъ я становлюсь врагомъ славизма, когда онъ дѣлается проводникомъ соціализма и эгалитарности. Я западникъ съ ногъ до головы, и настоящій славистъ, западный, а не восточный“. И нѣсколько далѣе (XXXV): „Отъ славянофильства Хомякова меня тошнитъ, когда онъ ставитъ насъ выше Запада ради нашего Православія“. Большинство писемъ дышетъ юморомъ и наполнено мастерскими описаніями природы.

Матеріалы для характеристики Русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей. „Русское Обозрѣніе“ Ноябрь.

Письма К. Н. Леонтьева къ К. А. Губастову мало значительны и свидѣтельствуютъ о тяжеломъ безденежьи, въ которомъ находился этотъ странный талантливый писатель.

Замѣтки о князѣ С. М. Голицынѣ, актерѣ Максимѣ и Московскомъ головѣ Шестовѣ даютъ мало новаго.

Иванъ грозный и его оппоненты. А. А. Кизеветтера. „Русск. Мысль“. Октябрь.

Статья написана по поводу работы Н. К. Михайловскаго „Иванъ Грозный въ Русской литературѣ“. Михайловскій примыкаетъ къ тѣмъ изслѣдователямъ, которые дѣятельность царя объясняютъ психологическими мотивами, не находя въ борьбѣ съ боярами достаточнаго основанія; ибо были бояре, но не было боярскаго принципа. Однако борьба была реальная, но только съ „удѣльнымъ принципомъ“. Московскій князь выросъ въ князя всей Русской земли, опираясь на удѣльныя права общества, которое видѣло въ Московскомъ единодержавіи охрану удѣльной системы; когда же единодержавіе отожествилось съ самодержавіемъ, Московскому правительству пришлось обратиться на своего недавняго союзника, объявить войну удѣльному обществу и его удѣльному міровоззрѣнію.

Къ вопросу о прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ. К. Н. Дебольскаго. „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“. Ноябрь.

Авторъ задался цѣлью критически разобрать и опровергнуть слѣдующіе взгляды новѣйшихъ изслѣдователей вопроса о прикрѣпленіи крестьянъ: 1-е отрицаніе участія Московскаго правительства въ дѣлѣ закрѣпощенія крестьянъ до времени Уложенія царя Алексѣя Михаиловича, 2-е установ-

леніе связи между прикрѣпленіемъ и задолженностью крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, владѣльцамъ этихъ земель, 3-е усмотрѣніе слѣдовъ ограниченія правъ крестьянъ въ постановленіяхъ Русской Правды.

Россія и Данія при Екатеринѣ I-й А. Г. Брикнера. „Русская Мысль". Февраль, Мартъ, Іюль, Сентябрь.

Почтенный историкъ, на основаніи неизданныхъ донесеній Датскаго посланника Вестфалена и данныхъ Стокгольмскаго архива, излагаетъ планы и дѣйствія зятя Екатерины I-й Голштинскаго герцога, Карла-Фридриха. Въ донесеніяхъ Вестфалена, прибывшаго въ Россію еще въ 1718 году, встрѣчаются характеристики многихъ государственныхъ лицъ того времени; вообще депеши его имѣютъ значеніе хорошаго источника, хотя и не заслуживаютъ той высокой оцѣнки, которую даетъ имъ г. Брикнеръ.

Любопытны указанія, что состоящіе на Русской службѣ Датчане давали Вестфалену показанія, клонившіяся ко вреду Россіи, что̀ было не безъизвѣстно Русскому правительству.

Интересно замѣчаніе Датскаго посланника, ревностнаго поклонника Петра, что всѣ за исключеніемъ духовенства были глубоко потрясены смертью Императора; это объясняетъ онъ желаніемъ покойнаго лишить духовенство части имуществъ.

Воцареніе Екатерины озадачило Вестфалена. Онъ сочувствовалъ Петру II и негодовалъ на то, что Е. располагала имперіей какъ „изношенпенными туфлями"; въ герцогѣ Карлѣ-Фридрихѣ видѣлъ опаснаго противника Даніи, и отзывы его о немъ далеко не безпристрасны. Особенно возмущало его возраставшее довѣріе Государыни къ своему зятю и намѣренія послѣдняго пріобрѣсти себѣ Прибалтійскій край, занять Шведскій престолъ и стать преемникомъ Екатерины. Извѣстно, что подарокъ герцогу острововъ Эзеля и Даго произвелъ тяжелое впечатлѣніе и показалъ, какъ мало Государыня думала о цѣлости Русской территоріи. Меньшикова хотѣли задобрить отдачею ему Украйны съ королевскимъ титуломъ. Герцогъ, желая вернуть Шлезвигъ, усердно настраивалъ царицу объявить войну Даніи, и зимою 1725—26 года велись приготовленія къ походу. Весною 1726 года война оказалась невозможной, и герцогъ поссорился съ Меншиковымъ, добивавшимся для себя Курляндскаго герцогства и забывшимъ про Шлезвигскій вопросъ. Къ осени ссора обратилась въ непримѣримую вражду, чему способствовалъ Датскій посланникъ, говоря, что „безъ этой вражды мы находились бы въ самомъ неловкомъ положеніи". Ловкій дипломатъ со вниманіемъ слѣдилъ за положеніемъ Петра Алексѣевича и искренно желалъ его кандидатуры; онъ, если вѣрить ему, внушилъ Меншикову женить великаго князя на своей дочери и выдать Елисавету Петровну за епископа Любскаго.

21 Апрѣля 1727 года Екатерина опасно заболѣла, и депеши Вестфалена даютъ цѣнныя указанія на самовластный образъ дѣйствія Меншикова, вопреки волѣ Императрицы устранившаго Елисавету отъ всѣхъ правъ, на заговоръ Девіера и пр.

Любопытны данныя о такъ называемомъ духовномъ завѣщаніи Екарины.

Вообще статья Брикнера, какъ все выходящее изъ подъ его пера, полна содержанія.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1895 года

(выпуски 9, 10, 11 и 12).

Приложенный портретъ Н. И. Тургенева (1826 года) снятъ съ рѣдкой литографіи, принадлежащей П. В. Жуковскому. П. Б.

ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНІЕ ТРЕХЪ КНИГЪ

„РУССКАГО АРХИВА"

1895 года *).

---

*) „Русскій Архивъ" въ 1895 году выходилъ 12 тетрадями или тремя книгами (каждая съ своимъ счетомъ страницъ). П. Б.

скаго къ А. И. Тургеневу. 1845 (о крѣпостномъ правѣ).

III. **125**. Два письма **Е. А. Баратынскаго** къ А. А. Муханову (1826).

II. **110**. Письмо князя **П. А. Вяземскаго** къ Е. М. Хитровой (1831), по поводу стиховъ Пушкина „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“.

III. **417**. Записка о Турціи, поданная графу А. Х. Бенкендорфу въ 1833 году. Сообщ. княземъ **П. Г. Волконскимъ**.

III. **369**. Николай Дмитріевичъ Чертковъ. Къ пятидесятилѣтію Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго корпуса. Статья **С. Е. Звѣрева**.

II. **117**. Изъ переписки С. Т. Аксакова съ П. А. Плетневымъ о Гоголѣ (1846), съ предисловіемъ **Н. М. Павлова**.

I. **537** Записки **Александры Осиповны Смирновой** (о Гоголѣ); III, **17**; (Воспоминанія о раннемъ дѣтствѣ); II. **188, 323, 449** (Сватовство князя С. М. Голицына.—Придворныя собранія 1829 г.—Супруги Витгенштейнъ. — Поццо-ди-Борго.—Г.-адъют. Ребиндеръ.—Семья Карамзиныхъ.—Опочининъ.—К. К. Мердеръ.—Конецъ 1828 года.—Сестры Бороздины.—Витгенштейны.—Въ Константинополѣ.—А. С. Норовъ.—Бруновъ.—Братья Бутаковы.—Наполеонъ III-й и его сынъ.—Карамзины въ Ревелѣ.—П. П. Смирновъ.—Поѣздка къ роднымъ мужа.—Графиня А. Е. Толстая.—Губернаторы. — Калуга); III. **77** (Въ Калугѣ.—Заточеніе Ю. Ѳ. Самарина. — Николай Павловичъ.—Фридрихъ Вильгельмъ III-й).

III. **253**. По поводу Записокъ А. О Смирновой. Замѣтки **В. А. Половцова и М. А. Лакомте**.

I. **23, 177, 313 и 417**. Изъ Записокъ **Н. Н. Муравьева-Карскаго**. 1838-й годъ. Жизнь въ отставкѣ. (Хозяйственныя заботы —Московскіе благожелатели: Кашинцовъ и Цынскій). 1838—1842. (Хозяйство въ деревнѣ.—Тергукасовъ. — Свиданіе съ А. П. Ермоловымъ.—Воронежскій губернаторъ Ховенъ.—Архіепископъ Антоній.—Генералъ Исленьевъ.—Затворникъ Илларіонъ.—Письмо къ графу А. Ѳ. Орлову.—Андрей Николаевичъ Муравьевъ). 1843—1845 (Поѣздка въ Москву.—Письмо А. П. Ермолова.—Дѣла на Кавказѣ.—Будущій графъ Амурскій.—Е. А. Головинъ. —Поѣздка въ Петербургъ.—Бесѣды съ графомъ Орловымъ и великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.—Назначеніе графа Воронцова на Кавказъ.—Генералъ Анрепъ. —Князья Илья и Владиміръ Андреевичи Долгорукіе).—1845—1848. (По возвращеніи изъ Петербурга. — Поѣздка въ Митаву.—Прибалтійскіе бароны. — Православные Латыши.—Въ Митавѣ.—Въ Нарвѣ.—Въ Петербургѣ. — Возвращеніе домой. — Возвращеніе на службу.—Прощаніе съ деревнею).

I. **37**. Объ архивахъ Дагестанской области. (Генералы Клюки-фонъ-Клугенау и Фезе). **Е. И. Козубскаго**.

I. **120**. По поводу Записокъ М. Я. Ольшевскаго. Замѣтки **А. Л. Зиссермана**

II **361**. Письма **Святогорца Серафима** къ И. И. Бороздину, со стихами 1851—1853.

I. **105**. Изъ Записной книжки дипломата (**В. П. Титова**) 1827—1859.

III. **257**. Сороковая годовщина Севастополя. (Изъ Крымскихъ воспоминаній). **А. Н. Супонева**.

I. **438**. Изъ писемъ Его Импера-

торскаго Высочества **Великаго Князя Константина Николаевича** къ статсъ-секретарю А. В. Головнину (1886). Мозаика Венеціанская и Римская. Сообщено **К. П. Побѣдоносцевымъ**.

III. **140**. Письма **Великаго Князя Константина Николаевича** къ В. А. Жуковскому. 1837—1851.

II. **421**. Переписка Великой Княгини Маріи Николаевны съ В. А. Жуковскимъ.

II. **445**. Письма великой герцогини Веймарской Маріи Павловны къ В. А. Жуковскому.

II. **447**. Письмо королевы Нидерландской Анны Павловны къ В. А. Жуковскому.

II. **447**. Письма королевы Виртембергской Ольги Николаевны къ В. А. Жуковскому.

II. **257**. Пять писемъ **дьякона В. Пальмера** къ А. С. Хомякову (1846—1853). Переводъ съ неизданныхъ Англійскихъ подлинниковъ.

I. **265**. Дѣло Венгерское, **А. А. Карасева**.

II. **119**. Рѣчь **К. С. Аксакова** на обѣдѣ графу Д. Е. Сакену (1856).

I. **401**. Черты военнаго быта на дальнемъ Востокѣ. Изъ бумагъ **М. В. Савелова**. (Договоръ между Японіей и Кореею).

I. **373**. Письма объ Амурскомъ краѣ 1857 и 1858 годовъ.

I. **276**. Высылка И. С. Тургенева изъ Петербурга. (Письма графа **А. Ѳ. Орлова** къ князю П. А. Ширинскому-Шихматову). Сообщено графомъ **Д. А. Толстымъ**.

III. **91**. Изъ воспоминаній **отца Іоанна Спульскаго** о Польскомъ мятежѣ на Волыни (1863).

I. **129**. Повстанье въ Гроднѣ въ 1863—1864 году. **И. А. Митропольскаго**. II. **529**; III. **100, 225, 297**. Изъ воспоминаній врача. Служба въ Москвѣ. 1865—1875. **И. А. Митропольскаго**.

III. **346**. **Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ** (къ столѣтію со дня его рожденія). I. Изъ дневника барона М. А. Корфа (1820). II. Письма протоіерея М. Ѳ. Раевскаго къ А. С. Норову (1845—1855).—III. Всеподданнѣйшее письмо А. С. Норова (1866).

II. **30**. Апологія публичныхъ лекцій профессора К. Ф. Рулье, написанная **М. Н. Катковымъ** (1852), съ предисловіемъ **Н. П. Барсукова**.

II. **369**. Письма **А. В. Никитенки** къ Н. П. Гилярову (1863) о М. Н. Катковѣ.

I. **225**. Записка **А. В. Никитенки** о направленіи журнала „Русское Слово“ (1861).

II. **55, 139**. Андрей Николаевичъ Муравьевъ въ послѣдніе годы своей жизни. Воспоминанія **М. О. Семенова** (Заслуги Кіеву.—Письма 1872—1874 годовъ. — Послѣдняя поѣздка на Аѳонъ.—Предсмертная болѣзнь и кончина).

II. **178**. Письмо **А. Н. Муравьева** къ А. П. Озерову.

II. **36**. Гражданскіе завѣты **князя В. Ѳ. Одоевскаго**. Всеподданнѣйшая записка его для Императора Александра Николаевича (1868), представленная **В. П. Титовымъ**, съ воспоминаніемъ **М. Д. Свербеева** о князѣ Одоевскомъ.

III. **161 и 269**. Изъ походнаго дневника генерала **А. И. Нарбута** 1877-й годъ. (Начало войны. — Переправа черезъ Дунай у Галаца; Въ Кюстенджи.—Въ деревнѣ Мурфатляръ.—А. Э. Циммерманъ. — Плевна.—Генералъ Добровольскій. — Газетчики.—Сентябрь 1877 года).

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
РУССКАГО АРХИВА
1895 года.

*

*

*

Петерсену, губернскому прокурору въ Ригѣ. И ты напиши отъ себя объ этомъ и къ Петерсену, и къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ [10]); а меня предувѣдомь. Прости. Жуковскій.

И я получилъ милое письмо отъ Вяземскаго. Онъ вице-директоръ Департамента Торговли: смѣхъ да и только! Славно употребляютъ у насъ людей. На то ли могъ бы онъ годиться? И Пушкиной нѣтъ. Много, много отправилось уже нашихъ сопутешественниковъ во свояси! И у меня какъ-то часто теперь вертится въ головѣ идея о смерти: теперь ужъ идемъ не впередъ, а къ концу.

CLXIV.

Верне близъ Веве, 1833, 14 (26) Марта.

Я давно получилъ послѣднее письмо твое изъ Неаполя отъ 26 Февраля и все сбирался на него отвѣчать, но лѣнь мѣшала и теперь мѣшаетъ; но надобно однако рѣшиться. Тебѣ хорошо: ты въ Италіи, и на каждомъ шагу новая прелесть; есть о чемъ поговорить и лѣнивцу; а ты сверхъ того еще и охотникъ писать письма, какихъ немного. У меня, напротивъ, передъ глазами все одно да одно, и съ этою однообразностью соединились всякаго рода лѣни: и лѣнь перемѣнять мѣсто, и лѣнь говорить о томъ, чтó думаешь или видишь. Вотъ уже три мѣсяца, какъ живу въ своей маленькой деревушкѣ, на берегу озера, а еще только два раза былъ въ Веве для свиданія съ нѣкоторыми знакомцами; по близости не познакомился ни съ кѣмъ, и дни мои идутъ, какъ заведенные часы: одинъ совершенно похожъ на другой; даже и прогулки, кои въ здѣшней богатой сторонѣ могли бы быть весьма разнообразны, до сихъ поръ были не иное чтó, какъ движеніе для здоровья, ежедневное, въ одинъ часъ, и нынче не далѣе, какъ вчера, и пр. Все это очень хорошо для возстановленія силъ физическихъ, но, наконецъ, слишкомъ уже безжизненно. Я надѣялся, что по крайней мѣрѣ употреблю время свое съ пользою поэтической, но и тутъ ошибся: состояніе моей души совсѣмъ не поэтическое, хотя и не мрачное; началъ было писать и написалъ нѣсколько (то-есть перевелъ) стиховъ и надѣялся, что разогрѣю свою лиру, но тѣмъ и кончилось, и кажется мнѣ, что время поэзіи для меня миновалось; можетъ-быть это оттого, что жизнь моя сама по себѣ безцвѣтна и что лѣта уже взяли свое, то-есть застудили то, чтò не было никогда обращено въ живое пламя. А ты между тѣмъ не измѣнилъ своему характеру разнощика и уже успѣлъ возблаговѣстить въ Петербургѣ, что я пишу поэму, съ чѣмъ Вяземскій меня уже и поздравляетъ. Этого одного уже достаточно, чтобъ убить мою поэму въ зародышѣ; а до сихъ поръ и зародыша ея не было. Всѣ мои занятія теперешнія ограничиваются чтеніемъ, и то безъ всякаго порядка. Жалѣю, что я, не спросясь съ своимъ антипоэтическимъ расположеніемъ, сдѣлалъ сначала планъ писать много стиховъ; я нѣсколько времени упрямился, хотѣлъ писать непремѣнно,

---

[10]) Протасовой.

да и написалъ кое-что, но многое долженъ былъ бросить [1]), и это меня какъ-то разстроило. Если бы просто занялся однимъ чтеніемъ, то былъ бы съ богатымъ прибыткомъ. Остальное время моего здѣшняго житья-бытья раздѣлю между чтеніемъ и бродячею жизнію: если что-нибудь случится стихотворное, то безъ моего вѣдома, безъ всякихъ приготовленій. Съ нѣкотораго времени мои пѣшеходные подвиги сдѣлались отважнѣе; чувствуя себя крѣпче, я оставилъ шоссе и начинаю лазать по горамъ, дѣлаю открытія и дивлюсь чудесному расположенію здѣшней природы; чтò шагъ, то новый міръ: можно здѣсь прожить годъ и всякой день видѣть новое, не выходя изъ-за тѣсныхъ границъ кантона. Это же мнѣ самое лучшее лѣкарство; горный воздухъ есть бальзамъ жизни; беззаботность, прогулки, обширный горизонтъ, высота, на которой стоишь, какъ будто отдѣленный отъ всего земнаго, усиліе, съ какимъ взбираешься вверхъ или спускаешься въ глубину, все это удивительно цѣлебно, и я чувствую, что силы мои возвращаются, ибо могу взбираться на высоты безъ большой усталости; одышка уменьшается, цвѣтъ лица живѣе; но еще остается долго послѣ прогулки усталость, особливо въ ногахъ; да и аппетитъ не такъ живъ, какъ бы могъ быть. Этому причиною то, что пароксизмы моей болѣзни, кои въ Петербургѣ такъ меня изнурили, возобновились здѣсь и давно продолжаются постоянно. Безъ того режима, которому слѣдую съ педантическою точностію, безъ той независимости, которую здѣсь имѣю вполнѣ, безъ этой кроткой зимы, безъ этого здороваго горнаго климата я, конечно, былъ бы теперь въ худшемъ положеніи, почти въ какомъ оставилъ Петербургъ. Итакъ можно сказать, что я здѣсь не выздоровѣлъ, а только образомъ жизни своей остановилъ развитіе того зла, которое во мнѣ таится. Думаю однако, что послѣдніе два мѣсяца и весна помогутъ мнѣ совершенно возстановиться.

Между книгами, мною здѣсь прочтенными, назову одну, которой прочиталъ только первый томъ (сожалѣю, что не началъ этого чтенія прежде) это—Haller's Restauration der Staats-Wissenschaft [2]). Знаешь ли ты ее? По крайней мѣрѣ исторія Галлера и его католицизма тебѣ должна быть извѣстна [3]). Если вѣрить Лагарпу (который могъ быть

[1]) Въ бумагахъ Жуковскаго сохранились неоконченные наброски трехъ пьесъ, относящіеся къ концу 1832 и началу 1833 года (см. „Бумаги Жуковскаго“, стр. 104—105). Сверхъ того, какъ было замѣчено выше, онъ принялся было за переводъ „Наля и Дамаянти“, но перевелъ всего лишь первые семнадцать стиховъ.

[2]) Сочиненіе Швейцарскаго политическаго дѣятеля и публициста Карла-Лудвига Галлера „Restauration der Staatswissenschaft oder Theorie des natürlich-geselligen Zustands der Chimäre des künstlich-bürgerlichen entgegengesetzt“ вышло въ шести томахъ (первые четыре напечатаны въ Винтертурѣ въ 1816—1820 гг.; 6-й томъ въ 1825 году, а 5-й въ 1834 г.).

[3]) Карлъ-Лудвигъ Галлеръ родился въ Бернѣ въ 1768 году. Въ молодости онъ служилъ на дипломатическомъ поприщѣ; въ 1806 году онъ получилъ каѳедру исторіи въ Бернскомъ университетѣ, а затѣмъ былъ членомъ большаго (des grossen Raths) и тайнаго (des geheimen Raths) совѣта въ Бернѣ. Тайнымъ католикомъ онъ сталъ еще съ 1808 года, но продолжалъ сохранять за собою всѣ занимаемыя имъ должности. Въ 1820

въ этомъ случаѣ и пристрастенъ), то Галлеръ человѣкъ, не заслуживающій уваженія. Что́ до этого? Книга прекрасная. Онъ жестоко нападаетъ на всѣ новыя политическія системы и строитъ свое зданіе на новомъ, твердѣйшемъ основаніи; онъ уничтожаетъ идею политическаго первоначальнаго договора и извлекаетъ порядокъ гражданскихъ обществъ изъ натуры вещей; *фактомъ* замѣняетъ *идею*; и вмѣсто ложныхъ системъ, созданныхъ на основаніи ложной идеи (системъ, къ коимъ насильственно примѣнили въ наше время порядокъ гражданскій), принимаетъ просто сей порядокъ, неискусственно создавшійся, самъ собою, въ слѣдствіе вѣчныхъ Божественныхъ законовъ, и существующій теперь въ развитіи такимъ, каковъ онъ существовалъ первобытно въ своемъ зародышѣ. Галлерова система проста, удовлетворительна, въ ней логическая строгая связь, и она особенно удовлетворительна тѣмъ, что ставитъ границы заносчивости человѣческаго ума и возвращаетъ должное Богу. Но я прочиталъ только первый томъ, въ которомъ одно введеніе, то есть одна общая теорія происхожденія гражданскаго общества, въ коей онъ *das natürlich - gesellige* [4]) противупоставляетъ *dem künstlich-bürgerlichen* [5]); что́ есть совершенно новая *Ansicht* [6]), ибо доселѣ *естественное состояніе* полагали предшествующимъ *гражданскому*, составившемуся *произвольно* (что́ есть галиматья). Онъ же, напротивъ, утверждаетъ, что естественное состояніе продолжается и теперь и никогда прекратиться не можетъ, и что такъ называемое *гражданское* состояніе есть выдумка теористовъ, кои *натуру вещей*, столь ясно видимую въ ходѣ исторіи, замѣнили *идеею* и, стараясь согласить съ системами, на сей *идеѣ* созданными, порядокъ общественный, исторически создавшійся согласно съ натурою вещей, опрокинули всякой порядокъ и произвели то, что́ мы видимъ. Если привязываться къ нѣкоторымъ идеямъ Галлера, вырвавъ ихъ изъ системы цѣлаго, то можешь подумать, что онъ панегиристъ абсолютизма; но въ самой вещи онъ другъ истинной свободы, если только подъ именемъ свободы должно разумѣть не безумное равенство правъ, а независимость каждаго *на его мѣстѣ*. Впрочемъ не могу еще судить о цѣломъ, ибо прочиталъ одинъ первый томъ; думаю однако, что Галлерова система есть та именно, которая мнѣ надобна: нельзя безъ отвращенія

году онъ поѣхалъ въ Парижъ и оттуда сообщилъ своей семьѣ о своемъ переходѣ въ католичество письмомъ (Lettre à sa famille pour lui déclarer son retour à l'Église catholique), которое выдержало нѣсколько изданій и было переведено на разные языки. Уволенный отъ занимаемыхъ имъ должностей, онъ переѣхалъ въ Парижъ и получилъ тамъ впослѣдствіи должность въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Іюльская революція заставила его покинуть Францію, и онъ возвратился въ Швейцарію, гдѣ поселился въ городѣ Золотурнѣ. Галлеръ умеръ въ 1854 году. Изъ многихъ его сочиненій наибольшую извѣстность доставило ему „Restauration der Staatswissenschaft" (свѣдѣнія о жизни и литературной дѣятельности Галлера см. въ Allgemeine Deutsche Biographie, т. X, Leipzig. 1879, стр. 431—435).

[4]) Естественно-общественное.

[5]) Искусственно-гражданскому.

[6]) Взглядъ.

18*

и безъ содраганія читать всего того, что̀ врутъ защитники фальшивой свободы, верховной власти народа, такъ называемаго общаго блага и пр. и пр. Это отсутствіе всего Божественнаго, этотъ матеріализмъ, это замѣненіе всего высокаго и святаго въ душѣ человѣческой ариѳметическими разсчетами интереса (частнаго или общаго, все равно), это презрѣніе ко всему историческому, это замѣ(не)ніе патріархальной верховной власти грубою властію народовъ, этотъ деспотизмъ книгопечатанія, которое *общимъ бѣдствіемъ*, то-есть безнравственностію доктринъ, губящихъ правила, замѣнило *частныя бѣдствія*, происходившія отъ страстей одного и оставлявшія слѣды неглубокіе, все это приводитъ въ трепетъ. Однѣ фразы царствуютъ. Хотя и не носятъ теперь на носилкахъ непотребныхъ дѣвокъ, одѣтыхъ въ Греческую тунику, на поклоненіе народу, но революціонная *богиня ума* опять на престолѣ, и ея владычество тѣмъ опаснѣе, что эшафотъ не окружаетъ ея; ея присутствіе не пугаетъ, но оно *терпимо*; и всеобщая усталость, препятствующая возвращенію *прежнихъ ужасовъ*, съ другой стороны уничтожаетъ и самую жизнь. Прежніе ужасы были сильный бой: можно еще было надѣяться побѣды. Теперешняя *усталость* есть миръ могилы; что̀ въ ней спрятано? Гниль и прахъ. Но конечно и это мертвое состояніе не естественно человѣку. Святое вѣчно. Въ его отсутствіи залогъ его возвращенія. Религія, религія, вотъ, что̀ должно быть общимъ крикомъ! Въ ней и гражданство, и свобода, и благородство души человѣческой. Теперь же что̀? Царство типографическаго пресса, около котораго толпятся всѣ, которые до сихъ поръ валялись въ грязи общества; сто буйныхъ крикуновъ на одного скромнаго проповѣдника святыни. И это называется свободою мысли.—Изъ всего этого не вздумай ты извлечь убѣжденіе, что я поклонникъ абсолютизма. Всякой абсолютизмъ приводитъ мою кровь въ волненіе, но абсолютизмъ въ красной шапкѣ такъ же мнѣ противенъ, какъ святому дьяволъ.

Я думаю, что *не надобно трогать* стараго камня съ гроба [7]), если на немъ утвержденъ крестъ. Пускай положатъ доску съ надписью сверху. Напиши объ этомъ кому слѣдуетъ и увѣдомь меня о цѣнѣ памятника. Прости. Обнимаю тебя. Здѣсь пробуду Апрѣль и вѣроятно Май. Увѣдомь, что̀ будешь дѣлать и куда поѣдешь. Ж.

CLXV.

(10 (22) Апрѣля 1833, Марсель).

Я въ Марсели [1]). Завтра, то есть 11 (23) Апрѣля, ѣду на пароходѣ Фердинандѣ въ 8-мь часовъ утра. Другой пароходъ Сюлли отправляется завтра же часомъ ранѣе. Онъ отдастъ тебѣ это письмо въ Чивита-Веккіи, гдѣ ты меня, вѣроятно, будешь дожидаться. Мы тамъ будемъ, вѣроятно, 29 Апрѣля. Хорошо бы, когда бы мы могли тамъ

---

[7]) А. А. Воейковой.

[1]) Изъ Веве Жуковскій выѣхалъ 1 (13) Апрѣля и 8 (20) пріѣхалъ въ Марсель, гдѣ провелъ три дня. Въ Чивита-Веккію онъ пріѣхалъ 16 (28) Апрѣля и встрѣтилъ тамъ Тургенева. Въ Италіи Жуковскій пробылъ до конца Мая; 28 Мая (9 Іюня) онъ уже былъ въ Марсели, а 4 (16) Іюня вернулся въ Верне.

съѣхаться и вмѣстѣ взглянуть на Неаполь, гдѣ я пробуду дней 10, и потомъ съ пароходомъ въ Римъ на недѣлю. Прости, до возможнаго свиданія. Здѣсь имѣлъ о тебѣ извѣстія отъ Тюфякина [2]) и Чичерина [3]).

Жуковскій.

Адресъ: A son excellence monsieur de Tourgueneff, conseiller d'état actuel au service de S. M. l'Empereur de Russie. Послѣ этого написано слѣдующее: Il viendra lui-même demander cette lettre sur le bateau à vapeur. Si pourtant il ne la réclamera pas, on prie de l'adresser à Rome, poste restante [4]).

CLXVI.

(18 (30) Іюня 1833, Верне).

Мнѣ, слава Богу, хорошо... [1]) Увѣдомь, прошу тебя, какъ мнѣ адресовать вѣрнѣе письмо къ Цану [2]) въ Неаполь; мнѣ надобно отправить къ нему деньги за Помпею [3]). Я пробуду здѣсь до 10 Іюля [4]) и можетъ быть далѣе, если надобно будетъ возобновить операцію; надѣюсь, однако, что и безъ того обойдется. Къ Булгакову буду писать завтра; только ты смѣшенъ съ надеждою, что письмо мое произведетъ какое-нибудь дѣйствіе. Когда буду самъ въ Петербургѣ иное дѣло: буду лично говорить съ Нессельродомъ и понукать его.

Прости; кланяйся брату. Ж.

Письмо, кромѣ адреса, имѣетъ почтовые штемпели: 1) Vévey, 30 Juin 1833; 2) Genève, 1 Juillet 1833.

CLXVII.

(29 Іюня 11 Іюля н. с. 1833, Верне).

Пакетъ твой получилъ; не знаю, могу ли взять его съ собою: у меня коляска будетъ биткомъ набита. Постараюсь однако все уложить. Впрочемъ я и своихъ книгъ часть думаю оставить Сѣверину [1]) для пересылки при случаѣ. Посмотримъ. Изъ вчерашняго письма моего [2])

---

[2]) Князя Петра Ивановича Тюфякина (послѣдняго въ родѣ князей Тюфякиныхъ), гофмейстера, умершаго въ Парижѣ въ 1845 году.

[3]) Какъ видно изъ дневника Жуковскаго, въ Марсели онъ видѣлся съ камергеромъ Антономъ Александровичемъ Чичеринымъ.

[4]) Т. е. Онъ самъ придетъ за этимъ письмомъ на пароходъ. Впрочемъ, если онъ не потребуетъ письма, то просятъ адресовать его въ Римъ до востребованія.

*

[1]) Далѣе выпущена одна фраза.

[2]) Вильгельмъ Цанъ (Zahn), р. 1800 † 1871, извѣстный Нѣмецкій архитекторъ и живописецъ, долгое время жившій въ Италіи.

[3]) За изданія Цана „Die neuentdeckten Wandgemälde von Pompeji" (Штутгартъ, 1828), или (начавшее выходить въ Берлинѣ съ 1827 года) „Die schönsten Ornamente und merkwürdigsten Gemälde aus Pompeji, Herculanum und Stabia".

[4]) Изъ Верне Жуковскій выѣхалъ 5 (17) Іюля.

*

[1]) Д. П. Сѣверинъ былъ въ то время нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи.

[2]) Этого письма въ бумагахъ Жуковскаго не сохранилось.

*

ты уже знаешь, что я ѣду не прежде 17-го числа. Этому есть и законная причина; ибо вчера, черезъ часъ по отправленіи къ тебѣ письма, мнѣ сдѣлана была вторая операція, такая же, какъ первая, только немного побольнѣе. Теперь я совсѣмъ обработанъ и надѣюсь совершенно проститься, и надолго, со своими шишками. Черезъ недѣлю надѣюсь быть въ состояніи выѣхать, ибо теперешняя рана должна зажить скорѣе.

Ты можешь теперь не дожидаться моего отъѣзда, а ѣхать въ Лугано тотчасъ, черезъ Лозанну и Верне. Теперь комната у насъ для тебя будетъ: можешь у насъ ночевать и на другой день рано поутру отправиться. Итакъ пріѣзжай. Брату поклонъ. Ж.

Адресъ: A son excellence monsieur de Tourgueneff. A Genève.

CLXVIII.

3 (15) Іюля 1833 (Верне).

Я ѣду рѣшительно 17-го числа поутру изъ Верне. Итакъ, если можешь, пріѣзжай завтра, то-есть 16-го [1]). Я не поѣду въ Лозанну; если Лагарпа тамъ нѣтъ, то и мнѣ тамъ дѣлать нечего, да и разъѣзжать-то мнѣ еще нельзя: рана моя не совсѣмъ вылѣчилась. Переѣздъ до Берна будетъ *пробный*. Если будетъ трудно, то остановлюсь на нѣсколько дней въ Бернѣ. Ты пріѣзжай ночевать къ намъ. Но можетъ случиться, что у насъ будетъ жилецъ, то въ двухъ шагахъ прекрасный трактиръ въ Монтре, въ коемъ приготовимъ для тебя комнату.

Обнимаю брата. Чтó удастся сдѣлать въ Петербургѣ для Козловскаго, увѣдомлю о томъ немедленно. Книги твои возвращу тебѣ при свиданіи, также и деньги. Жуковскій.

---

[1]) Тургеневъ исполнилъ это желаніе Жуковскаго. Въ числѣ краткихъ записей 5 (17) Іюля въ дневникѣ Жуковскаго читаемъ: „Чтеніе Гёте и его Французскаго переводчика. Разговоръ объ аристократіи съ Тургеневымъ“.

[2]) Жуковскій поѣхалъ въ Лозанну и провелъ тамъ 6 (18) Іюля. Онъ засталъ Лагарпа; былъ у него съ визитомъ, обѣдалъ у него и пилъ чай, за которымъ имѣлъ съ нимъ разговоръ о Польшѣ. — Болѣе подробно описалъ Жуковскій въ своемъ дневникѣ посѣщеніе его Лагарпомъ въ Верне 4 (16) Марта 1833 и свое посѣщеніе Лагарпа 25 Марта (6 Апрѣля) того же года. Въ виду интереса этихъ описаній позволяемъ себѣ привести ихъ здѣсь: „4 (16) Марта, Суббота. Чтеніе Галлера. У насъ Лагарпъ. Разговоръ о Галлерѣ. О Польшѣ. О воспитаніи Императора Александра. Его переписка съ Лагарпомъ. О Сиверсѣ. О письмѣ къ Лагарпу по восшествіи на престолъ. О письмѣ къ Наполеону. О федеральномъ договорѣ. О Базельской революціи. О путешествіи по Италіи Великаго Князя Михаила Павловича. Черта чувствительности Лагарпа при видѣ рисунка Александрова гроба“. „25 Марта (6 Апрѣля), Суббота. Писалъ къ Императрицѣ и отправилъ письмо. Также къ Сѣверину. Поѣздка въ Лозанну къ Лагарпу. Нынче день его рожденья. Заѣзжалъ въ Веве на почту. Часть дороги отъ С. Сенфорена до Кюлли пѣшкомъ. Лучшій видъ на озеро отъ С. Сенфорена. У Лагарпа до семи часовъ послѣ обѣда. Встрѣтилъ на лѣстницѣ его жену. Потомъ пришелъ самъ старикъ, который нынче вступилъ въ восмидесятый годъ. По своимъ лѣтамъ свѣжъ и живъ. Дитя сердцемъ и, кажется,

CLXIX.

10 (22) Іюля 1833, Бернъ.

Прости, милый другъ; завтра поутру ѣду изъ Берна [1]) и буду ночевать въ Базелѣ. Теперь было не такъ грустно покидать тебя, какъ въ Генуѣ: ты съ братомъ, и есть на сердцѣ важная забота. А со временемъ свидимся въ Москвѣ. Я почти въ этомъ увѣренъ. Здѣсь поразило меня горестное для насъ извѣстіе: бѣдная Екатерина Андреевна [2]), послѣ столькихъ страданій и заботъ, наконецъ лишилась Николаши [3]). Вяземскій пишетъ къ Сѣверину, что онъ, послѣ минутнаго поправленія, снова занемогъ и умеръ. Не даромъ страшилась она Дерпта. Жаль не его, а ея: онъ у отца. Гдѣ же можетъ быть лучше? Сѣверинъ возвращается въ Бернъ нынче. Я сообщилъ ему, что ты желаешь его видѣть и, можетъ быть къ нему пріѣдешь.

Прости. Буду писать изъ Петербурга. Дорога мнѣ не повредила нисколько и поэтому не хочу останавливаться въ Бернѣ. Брата обнимаю. Жуковскій.

опытностію и по сію пору живетъ въ мірѣ воспоминаній лучшаго. Въ душѣ демократъ, но искренній и чистый. Мы читали письма Александра; цвѣты молодой, доброжелательной пламенной души. Лагарпъ хранитъ перчатки Павла, данныя ему въ минуту дружескаго, искренняго разговора, а съ ними вмѣстѣ приказъ объ отнятіи пенсіона. Въ послѣднемъ разговорѣ съ Павломъ онъ сказалъ ему: Vous ne vous conduisez pas comme vous devez avec vos fils. Soyez père pardessus tout et faites leur oublier en vous l'héritier du trône. Je ne puis, je n'ose vous rien dire de plus, mais votre propre salut l'exige. Эти слова Павелъ вспомнилъ за 15 дней предъ смертію. Письмо Александра, писанное ему въ 1801 году и присланное съ Новосильцовымъ, весьма достойно замѣчанія: мечты младенца. Александръ жалуется на тиранство отца, съ ужасомъ говоритъ о деспотизмѣ, тоскуетъ о себѣ, что принужденъ заниматься капральствомъ и лишенъ способа обращать вниманіе на другія лучшія занятія, столь ему любезныя. Говоритъ о обществѣ, составленномъ между имъ, Новосильцовымъ, Строгановымъ и Чарторыйскимъ, коего цѣль освобожденіе Россіи. Между прочимъ способъ къ тому есть переводъ лучшихъ книгъ, изъ коихъ тѣ, кои будетъ возможно, издадутся въ печать, а другія оставлены будутъ до времени. Въ другомъ письмѣ, писанномъ скоро по восшествіи на тронъ, Александръ говоритъ о окружающихъ его людяхъ, о трудности согласить страсти и направить къ одной и общей цѣли— благу отечества. Не помню, въ первомъ или во второмъ письмѣ говоритъ онъ о своемъ намѣреніи совершить освобожденіе Россіи, дать ей конституцію свободную и, укрѣпивъ ея благоденствіе, сойти съ трона и быть простымъ гражданиномъ. По пріѣздѣ своемъ Лагарпъ имѣлъ разговоръ съ нимъ... Панинъ хотѣлъ играть роль Ришелье. Лагарпъ читалъ еще свой прожектъ учрежденія министерства просвѣщенія. Съ нами обѣдали Пердонне и Шаваннъ и m-e Roderen, сестра г-жи Лагарпъ. Я возвратился домой въ 10 часовъ при свѣтѣ полной луны, которая прелестно освѣщала противулежащія горы. Меня ждало письмо Сѣверина, которое рѣшило мое путешествіе чрезъ Марсель въ Неаполь".

*

[1]) Въ Бернъ Жуковскій пріѣхалъ 8 (20) Іюля.

[2]) Карамзина.

[3]) Сынъ Н. М. и Е. А. Карамзиныхъ.

*

CLXX.

19 (31) Іюля 1833, Франкфуртъ на Майнѣ.

Я доѣхалъ благополучно до Франкфурта [1]) и надѣялся отсюда пуститься прямо въ Петербургъ; но мой докторъ Коппъ, коего я консюльтировалъ, не пустилъ меня и требуетъ, чтобы я сдѣлалъ курсъ лѣченія въ Шлангенбадѣ, гдѣ мнѣ надобно будетъ взять около 20 ваннъ и въ тоже время пить Вейльбахскую воду. Итакъ я долженъ буду тремя недѣлями позже возвратиться въ Россію. Спѣшу тебя увѣдомить объ этомъ, дабы ты могъ ко мнѣ написать. Завтра, 1-го Августа, отправляюсь въ Шлангенбадъ, гдѣ пробуду до 20 Августа; потомъ прямо въ Россію; но сухимъ путемъ, а не на пароходѣ. Я и радъ и не радъ этой остановкѣ. Она замедлитъ мое возвращеніе, но за то надѣюсь возвратиться съ вѣрнѣйшимъ запасомъ здоровья. Прости. Обнимаю васъ обоихъ. Здѣсь я видѣлъ брата нашего Викулина, который, вѣроятно, найдетъ тебя въ Женевѣ. Жуковскій. Пиши въ Шлангенбадъ poste restante.

Письмо, кромѣ адреса, имѣетъ почтовые штемпели: 1) Frankfurt, 30 Jul. 1833 2) Genève, 3 Août 1833.

CLXXI.

12 (24) Ноября 1833 (Петербургъ).

Мой милой другъ, вотъ уже два мѣсяца, какъ я въ Петербургѣ и все еще не собрался написать къ тебѣ; это тебя не удивитъ и не разсердитъ: ты давно уже привыкъ къ моей лѣни. Я здоровъ и, кажется, надолго: операція сдѣлала мнѣ рѣшительное добро, кровь унялась, и все остальное въ порядкѣ. Не знаю, однако, долго ли это продлжится съ нашимъ климатомъ, который уже имѣетъ на меня свое вліяніе, хотя впрочемъ у насъ еще зимы нѣтъ; дни стоятъ пасмурные, сѣрые, но теплые, и Нева дѣлаетъ опыты наводненій. Это едва ли не хуже настоящей зимы, которой морозы здоровѣе непостоянства осенняго. По пріѣздѣ моемъ я жилъ болѣе мѣсяца въ Царскомъ Селѣ; потомъ мы переѣхали въ Петербургъ. Императорская фамилія въ Аничковскомъ дворцѣ, а я гнѣзжусь въ своемъ верху въ Шепелевскомъ. Коммиссіи твои мало по малу всѣ исполнены, даже и верба отослана Вяземскимъ по назначенію. Только нѣкоторыхъ портетовъ не могъ раздать. Карамзины покинули Дерптъ, который оставилъ имъ навсегда горестныя воспоминанія; Екатерина Андреевна потеряла тамъ сына и внука [1]). Андрей и Александръ [2]) покинули студенчество и вступаютъ

---

[1]) Во Франкфуртъ Жуковскій прибылъ, по дневнику его, 18 (30) Іюля (подъ этимъ числомъ замѣчено также, что онъ писалъ письмо къ Тургеневу) и въ Шлангенбадъ уѣхалъ 19 (31) Іюля; здѣсь онъ пробылъ съ 20 Іюля (1 Августа) по 4 (16) Августа. Въ Царское Село Жуковскій вернулся въ 10 часовъ утра 10 (22) Сентября. На возвратномъ пути онъ провелъ четыре дня въ Дерптѣ (съ 4 (16) по 8 (20) Сентября).

*

[1]) Сына княгини Е. Н. Мещерской, какъ это видно изъ дневника Жуковскаго, гдѣ подъ 4 (16) Сентября 1833 года записано слѣдующее: „Дерптъ. Свиданіе съ Карамзиными. Визиты къ Асмусу, къ Блуму, къ Парроту, къ Зенфу. Обѣдалъ у Екатерины Аѳанасьевны (Протасовой). Вечеръ у Карамзиныхъ. Потомъ дома. Погребеніе малютки Мещерскаго“.

[2]) Сыновья исторіографа.

въ конную артиллерію. А Владимиръ [3]), живучи дома, готовится быть со временемъ ловеласомъ. Софья Николаевна [4]) собирается за границу вмѣстѣ съ Мещерскими, кои вѣроятно въ началѣ Мая отправятся въ Европу. Если не воротишься къ тому времени къ намъ, то увидишь ихъ. Но я полагаю, что ты лучше бы сдѣлалъ, когда бы возвратился: теперь твое дѣло кончено; судьба брата устроена [5]); брось кочевую жизнь и утвердись въ Москвѣ. Я объ этомъ говорилъ съ к(нязем̃ъ) А(лександромъ) Николаевичемъ [6]), и онъ моего мнѣнія; даже, по моему мнѣнію, есть служба, удовлетворительная если не для твоего честолюбія, то для твоей дѣятельности: сенаторство въ уголовномъ департаментѣ. Но объ этомъ можно думать только по твоемъ возвращеніи.— Письмо твое, описывающее женитьбу брата, меня весьма тронуло: это великая минута въ жизни твоей, и немногимъ дано было имѣть подобныя. До сихъ поръ ты былъ *все* для брата твоего и ты сдѣлалъ для него *все*; Богъ благословилъ заботы твои: онъ въ тихой пристани. Ты необходимъ для него и можешь (даже обязанъ передъ нимъ) думать о самомъ себѣ. Странническая жизнь твоя не можетъ ему нравиться; она тяжела и убійственна для тебя: въ наши лѣта надобно *свой* уголъ; его имѣть нигдѣ не можешь, кромѣ Россіи. Или рѣшительно откажись отъ нея и поселись подлѣ брата; но этого тебѣ сдѣлать нельзя: ты имѣешь обязанности здѣсь. И такъ надобно выйти изъ этого неопредѣленнаго, двойственнаго положенія; мой совѣтъ рѣшительный: возвратись сначала прямо въ Москву, потомъ взгляни на свое имѣніе, потомъ подумай и о службѣ.—Чтобъ больше тебя сюда привлечь, скажу, что Смирнова [7]) мила по прежнему и еще милѣе прежняго; что Дубенская [8]) не шутя вздыхаетъ по тебѣ, взяла твой портретъ и жаждетъ твоего возвращенія. Но это все принадлежитъ къ департаменту Вяземскаго. Вѣроятно получишь отъ него подробное о нихъ и о прочихъ описаніе. Обнимаю тебя. Жуковскій.

CLXXII.

3 Іюня (1834, Царское Село).

Хорошъ я! Еще не написалъ къ тебѣ ни слова по пріѣздѣ твоемъ на родину. Не сердись, моя душа! Вѣдь ты знаешь мою лѣнь и уже давно долженъ быть на счетъ ея покоренъ сердцемъ. Итакъ здравствуй, здравствуй. Но когда же Богъ велитъ намъ увидѣться?

---

[3]) Умеръ въ 1879 году, въ званіи сенатора.

[4]) Фрейлина Высочайшаго двора, С. Н. Карамзина († 1856). За княземъ П. И. Мещерскимъ была замужемъ ея сводная сестра Екатерина Николаевна.

[5]) Свадьба Н. И. Тургенева происходила въ Женевѣ осенью 1833 года.

[6]) Голицынымъ.

[7]) Александра Осиповна, рожденная Россетъ.

[8]) Варвара Ивановна, фрейлина великой княжны Маріи Николаевны, вышедшая потомъ замужъ за Французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петербургѣ Лагренé.

Теперь ты ѣдешь въ Симбирскъ. Хорошо. Но, возвратясь оттуда, за что̀ примешься? Обдумай это на досугѣ и рѣшись на что нибудь. Тогда начнемъ дѣйствовать. Можетъ быть, удастся условиться обо всемъ при свиданіи, если увидимся въ Москвѣ, куда, какъ и тебѣ слышно, сбирается дворъ на зиму [1]). Но это весьма, весьма невѣрно. Въ противномъ случаѣ, что̀ можетъ помѣшать пріѣхать тебѣ на короткое время въ Москву? Безъ твоего присутствія о твоей службѣ хлопотать будетъ трудно. Впрочемъ располагайся, какъ хочешь, только опредѣли для себя и для насъ съ точностію, что̀ желаешь дѣлать съ собою.— Ты требуешь отвѣта на какіе-то заграничные вопросы твои? Право не знаю, какіе это вопросы. Повтори ихъ.

О томъ, что̀ дѣлается у насъ, ты, вѣрно, знаешь отъ Вяземскаго: онъ движется въ свѣтѣ и видитъ его, и охотникъ описывать то, что̀ видитъ. Я живу въ своемъ кабинетѣ и въ своей учебной горницѣ, не вижу свѣта отъ лѣни и недосуга; я не охотникъ описывать того, что̀ вижу, и такъ не жди отъ меня никакихъ подробностей. Здоровье мое не пошатнулось еще: я румянъ и толстъ. Вотъ вся моя теперешняя поэзія. Не сердись, что пишу мало и рѣдко; а вѣрь дружбѣ по смерть Жуковскаго.

CLXXIII.

6 Октября (1834, Царское Село или Петербургъ).

Я не отвѣчалъ тебѣ до сихъ поръ на всѣ запросы твои, мой милый, потому что не хотѣлось писать по почтѣ; могъ бы писать съ ѣдущими въ вашу сторону, но на отысканіе случаевъ съ кѣмъ посылать письма и на самое писаніе писемъ надобно имѣть твои великанскія способности; ты, гдѣ ни присѣлъ, тамъ и письмо написано; та только бѣда, что пишешь къ одному, а все для другаго, и надобно, чтобы этотъ одинъ пересказалъ письмо твое или немедленно его переслалъ по порученію. Все это никуда не годится со мною; я не умѣю исполнять коммиссій и теперь уже увѣренъ, что отъ этого порока исправиться не могу: такъ привыкъ все откладывать, что самому горе. Но къ дѣлу: Адлербергъ [1]) отдастъ тебѣ это письмо. Вотъ отвѣты по пунктамъ на твои запросы:

1 вопросъ. Долженъ ли я снова проситься въ чужіе края, или просто взять отъ военнаго губернатора паспортъ? *Отвѣтъ.* Этого я не знаю. Лучшій отвѣтъ на это можешь получить отъ самого Мо-

---

[1]) Еще въ письмѣ отъ 19 Февраля 1834 года Жуковскій писалъ въ Москву И. И. Дмитріеву: „Что-то поговариваютъ о пребываніи будущею зимою Государя Императора въ первопрестольномъ градѣ. Это для меня весьма пріятная перспектива. Будетъ любо сердцу, когда увижу себя опять предъ вашимъ каминомъ; можетъ быть, съ нами будетъ и Тургеневъ“ (Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 434). Въ 1834 году Государь Николай Павловичъ поѣхалъ въ Москву 6 Сентября, посѣтилъ оттуда нѣкоторые другіе города и 24 Октября вернулся въ Петербургъ. Черезъ три дня послѣ того, именно 27 Октября, Государь съ Государынею отправились въ Берлинъ и вернулись въ Петербургъ 26 Ноября.

*

[1]) Владиміръ Ѳедоровичъ (впослѣдствіи графъ и министръ Императорскаго Двора), бывшій въ 1834 году генералъ-адъютантомъ и начальникомъ военно-походной канцеляріи.

сковскаго военнаго губернатора, съ которымъ будешь теперь лицомъ къ лицу.

2 вопросъ. Нужно ли мнѣ пріѣзжать въ Петербургъ? *Отвѣтъ.* Нужды для тебя собственно, то есть, для обработанія твоего дѣла, нѣтъ. К(нязь) Алек(сандръ) Николаевичъ сдѣлаетъ все, что̀ сдѣлать будетъ можно. Другому и некому; да ему одному оно и можетъ удасться.

3 вопросъ. Могу ли повидаться съ братомъ? *Отвѣтъ.* Позволенія этого тебѣ не дадутъ, да и просить его не для чего; слѣдственно на этотъ вопросъ и никакого отвѣта быть не можетъ. Увидѣться же съ братомъ, не спрашивая позволенія, зависитъ единственно отъ тебя, коль скоро будешь за границею.

4 вопросъ (единственный дѣльный). Можно ли надѣяться успѣха отъ предположенія по изданію Ватиканскихъ рукописей? [2]) *Отвѣтъ.* На это не могу отвѣчать ни *да*, ни *нѣтъ*, ибо ничего точнаго о семъ изданіи не знаю. К(нязь) А(лександръ) Ник(олаевичъ) Голицынъ сказалъ мнѣ, что о твоемъ предположеніи сообщилъ Уварову по повелѣнію Государя. Я спрашивалъ у Уварова; вышло на повѣрку, что Государь ему отослалъ какія-то доставленныя тобою книги, въ коихъ, какъ говорилъ Уваровъ, не было ничего особенно примѣчательнаго. Вотъ что̀ надобно сдѣлать. Напиши планъ того, что̀ ты предполагаешь дѣлать въ Римѣ, и напиши этотъ планъ такъ, чтобы онъ могъ быть поданъ Государю въ видѣ записки. Этотъ планъ пришли ко мнѣ съ письмомъ къ князю Голицыну. Онъ представитъ его Государю, который вѣрно передастъ его Уварову, съ которымъ переговорю, и постараюсь все устроить. Приготовь все это къ пріѣзду Государя въ Петербургъ. Впрочемъ теперешнею отлучкою его могъ бы ты воспользовать(ся) и пріѣхать сюда на нѣсколько дней: увидѣлся бы съ княземъ Голицынымъ, мы бы вмѣстѣ написали планъ, а по возвращеніи Государя дѣло могло бы быть и пущено въ ходъ. — Сенаторство едва ли удастся; я все стою̀ на томъ, что всего было бы для тебя лучше сенаторство; но тебѣ на Руси душно; въ деревнѣ же тебѣ ужиться нельзя, это я и безъ тебя зналъ (То, что̀ пишешь о творящемся внутри у насъ, печалитъ душу; но вѣдь Россія не даромъ на семъ свѣтѣ, и Богъ ее къ чему-нибудь да сберегъ).

Вотъ всѣ отвѣты. Порученіе твое о Татариновѣ [3]) я тотчасъ же

---

[2]) Т. е. сборника выписокъ, сдѣланныхъ аббатомъ Альбертранди въ Ватиканскомъ архивѣ и разныхъ Римскихъ библіотекахъ на Латинскомъ, Итальянскомъ и Польскомъ языкахъ для историка Нарушевича. Эта рукопись досталась А. И. Тургеневу отъ нашего посланника въ Константинополѣ Я. И. Булгакова. Вмѣстѣ съ другими, собранными А. И. Тургеневымъ въ Итальянскихъ и иныхъ заграничныхъ архивахъ и библіотекахъ, историческими матеріалами, относящимися до Россіи, они были впослѣдствіи представлены имъ черезъ князя А. Н. Голицына Императору Николаю, и часть ихъ, касающаяся древней Россіи, издана по Высочайшему повелѣнію, Археографическою Коммиссіею, въ 1841—1842 гг., въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: „Historica Russiae monumenta“.

[3]) По всему вѣроятію рѣчь идетъ о томъ самомъ Александрѣ Татариновѣ, о которомъ Тургеневъ хлопоталъ предъ Жуковскимъ еще въ 1831 году (см. письмо Турге-

исполнилъ и говорилъ объ немъ съ Перовскимъ [4]). Мѣсто, котораго теперь ты для него желаешь, занято и не будетъ очищено. Тотъ, кто его теперь занимаетъ, не думаетъ покидать его для вице-губернаторства. Я оставилъ Перовскому записку о Татариновѣ, о которомъ говорилъ и съ С. С. Кушниковымъ [5]). О продажѣ или о покупкѣ деревни твоей Перовскій не сказалъ мнѣ ничего положительнато: онъ самъ будетъ къ тебѣ писать о семъ дѣлѣ. Что́ значитъ эта продажа? Не думаешь ли совершенно переселиться въ чужую сторону? Въ этой мысли много печальнаго и для тебя, и для меня. — Твой маленькой Татариновъ былъ у меня и требовалъ портрета И(вана) Петровича [6]). Я ему хотѣлъ дать два бюста, одинъ портретъ Ив(ана) Владим(ировича) [7]) и одинъ к(нязя А. Н. Голицына. Портрета же И(вана) Петровича не дамъ; вѣдь это не для тебя. Сберегу его для себя. А ты пришли мнѣ свой литографированный портретъ; я имѣлъ слабость отдать Смирновой [8]) тотъ, который у меня былъ; пришли непремѣнно. У Смирновой двѣ маленькія дочурки, точно два котенка. Наша птичка [9]) летитъ въ далекую, чужую сторону: Лагрене́ здѣсь. Обо всемъ можешь разсп(р)осить Адлерберга. Отъ Вяземскаго, объ отъѣздѣ коего [10]) ты теперь уже знаешь, я имѣю коротенькое письмецо (то есть не я, а Екатер(ина) Андреевна [11]) изъ Любека. Пашѣ [12]) не хуже, но и не

нева къ Жуковскому отъ 10 Мая 1831 года, напеч. въ Русской Старинѣ 1882 года, т. XXXI, стр. 198).

[4]) Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ († 1856), въ то время сенаторомъ и вице-президентомъ департамента удѣловъ, бывшимъ впослѣдствіи членомъ Государственнаго Совѣта и министромъ внутреннихъ дѣлъ и возведеннымъ въ графское достоинство. Его братъ, пріятель Жуковскаго, Василій Алексѣевичъ Перовскій былъ въ 1834 г. Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ.

[5]) Сергѣй Сергѣевичъ Кушниковъ (р. 1765 † 1839) былъ въ это время членомъ Государственнаго Совѣта и предсѣдателемъ Коммиссіи Прошеній.

[6]) Тургенева, отца Александра Ивановича.

[7]) Лопухина.

[8]) Александрѣ Осиповнѣ.

[9]) Варвара Ивановна Дубенская (о которой см. выше, прим. 9 къ письму CLXXI), вышедшая замужъ за Французскаго дипломата Лагренѐ (Théodose Marie-Melchior-Joseph de Lagrené, р. 1800 † 1862). При Французскомъ посольствѣ въ Петербургѣ онъ состоялъ съ 1823 по 1825 г.; затѣмъ былъ переведенъ на другое мѣсто; въ 1828 году снова назначенъ въ Россію вторымъ секретаремъ посольства; въ 1831 году сдѣланъ первымъ секретаремъ и исполнялъ временно обязанности Французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петербургѣ. Въ 1834 году онъ былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Дармштадтъ, а въ слѣдующемъ 1835 году переведенъ министромъ-резидентомъ въ Грецію, и этотъ постъ занималъ до 1843 года.

[10]) Князь П. А. Вяземскій уѣхалъ за границу 11 Августа 1834 года (см. Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. IX, стр. 164).

[11]) Карамзина.

[12]) Дочь князя П. А. Вяземскаго, княжна Прасковья Петровна, умершая въ слѣдующемъ 1835 году, въ Римѣ.

*

лучше. Онъ самъ, какъ убитый, ничего не видитъ и ничѣмъ не можетъ быть занятъ; все думаетъ и грустить объ ней. Я душею за него горюю. Прости. Отвѣчай скорѣе. Ж.

CLXXIV.

(Въ концѣ Октября или началѣ Ноября 1834, Царское Село).

Мой милый, спѣшу сказать тебѣ слова два о нашемъ общемъ дѣлѣ: оно, кажется, сладилось; кажется, что тебѣ дано будетъ порученіе дѣлать выписки изъ манускриптовъ Ватиканскихъ. К(нязь) А(лександръ) Николаевичъ поручилъ мнѣ тебя увѣдомить, что онъ самъ къ тебѣ на дняхъ писать будетъ объ этомъ предметѣ. Разсчитывая собственныя выгоды, я полагаю, что тебѣ не худо бы было и самому сюда пріѣхать: при тебѣ это кончится скорѣе; по крайней мѣрѣ скорѣе все самъ узнаешь. Но пріѣзжай тогда, какъ Государь возвратится [1]); это выгоднѣе и для меня; тогда мы сами всѣ возвратимся въ Петербургъ, и можно будетъ намъ удобнѣе видѣться. Между тѣмъ для тебя будетъ здѣсь покормка: Софья Петровна Свѣчина здѣсь и пробудетъ, кажется, всю зиму. Тебѣ будетъ пріятно ее видѣть. Отъ Вяземскаго имѣю письмо: онъ живетъ въ Ганау [2]), гдѣ докторъ Коппъ [3]) лѣчитъ Пашу, и кажется, что дѣло не такъ-то дурно. Обнимаю тебя, вѣроятно до скораго свиданія. Жуковскій.

CLXXV.

12 Ноября (1834, Петербургъ).

Милый, не сердись на меня, что еще я не отвѣчалъ на письмо твое. Оно нашло меня въ Царскомъ Селѣ, и я три дня не могъ отлучиться оттуда. По пріѣздѣ въ Петербургъ тотчасъ письмо твое передалъ Перовскому [1]), и онъ обѣщалъ дать мнѣ знать, когда съ нимъ у него свидѣться. Дня черезъ два непремѣнно съ нимъ увижусь. Теперь же (съ самаго пріѣзда въ Петербургъ) занятъ такимъ дѣломъ, которое à la lettre [2]) не дало ни мнѣ, ни мыслямъ моимъ минуты свободной. Повѣрь, что это замедленіе происходитъ не отъ равнодушія къ твоему дѣлу. Дня черезъ два буду опять писать къ тебѣ. Обнимаю сердечно.

Жуковскій.

Адресъ: Александру Ивановичу Тургеневу. — Другою рукою (не Александра ли Яковлевича Булгакова, Московскаго почтдиректора, черезъ котораго пересылалъ Жуковскій свои письма?) приписано: „Жуковскій пишетъ и мнѣ; онъ, кажется, не совершенно покоенъ еще на счетъ Моера, который самъ ему не пишетъ. Rien au reste“.

---

[1]) Изъ Берлина Государь вернулся въ Петербургъ 26 Ноября 1834 года.

[2]) Князь П. А. Вяземскій прожилъ въ Ганау съ 27 Августа по 18 Октября 1834 года (см. Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. IX, стр. 164).

[3]) Іоганнъ-Генрихъ Коппъ (р. 1777 † 1858), докторъ и авторъ нѣсколькихъ трудовъ по медицинѣ. Онъ пользовался большою извѣстностью у Русскихъ, ѣздившихъ за границу.

*

[1]) Вѣроятно, по дѣлу Татаринова (см. выше въ письмѣ CLXXIII).

[2]) Т. е. буквально.

CLXXVI.

(Въ послѣднихъ числахъ Ноября (послѣ 26) или первыхъ числахъ Декабря 1834, Петербургъ).

Спѣшу извѣстить тебя, мой милой другъ, о томъ, что́ сдѣлано въ твою пользу. Кажется, устроено, благодаря князю Александру Николаевичу, такъ, какъ ты желалъ. Онъ сперва говорилъ объ отъѣздѣ твоемъ за границу съ г. Бенкендорфомъ [1]), который объявилъ ему, что препятствія тебѣ ѣхать нѣтъ, но что на пребываніе во Франціи Государь не соизволяетъ. Князь потомъ говорилъ о тебѣ и съ самимъ Государемъ, который также изъявилъ, что на пребываніе во Франціи не даетъ своего согласія. Потомъ князь говорилъ ему о твоемъ желаніи сдѣлать свое пребываніе за границею полезнымъ для Россіи. На это Государь сказалъ князю, что ты можешь все, что̀ соберешь полезнаго въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будешь, сообщать прямо ему, то есть князю. Такое распоряженіе самое для тебя выгодное. Ты можешь заниматься собраніемъ свѣдѣній по части просвѣщенія, или по важнымъ предметамъ внутренняго министерства, не ограничивая себя ничѣмъ; будешь имѣть дѣло съ однимъ человѣкомъ, который всегда пойметъ твое хорошее намѣреніе, все оцѣнитъ и все поставитъ на видъ Государю. Тогда и правительство убѣдится, что ты, будучи далекъ отъ всего ему противнаго, всегда готовъ и способенъ дѣйствовать наилучшимъ образомъ для пользы отечества и на службу Государя. Думаю, что тебѣ надобно теперь составить планъ своего заграничнаго дѣйствія и сообщить оный князю, который впрочемъ самъ будетъ къ тебѣ писать; я даже думаю, что тебѣ, кончивъ свои Московскія хлопоты, хорошо бы было сюда пріѣхать, дабы вмѣстѣ съ княземъ и съ нами обдумать все окончательно. Что́ же касается до Франціи и до свиданія съ братомъ, то весьма вѣроятно, что тебѣ не будетъ отказано всякой разъ, когда ты вздумаешь съ нимъ повидаться и на то испросишь черезъ князя (который становится твоимъ начальникомъ) или черезъ Бенкендорфа позволеніе отъ Государя. Прости; надѣюсь, до свиданья. Жуковскій.

CLXXVII.

(Въ половинѣ Декабря 1834, Петербургъ).

Пользуюсь отъѣздомъ твоего камердинера, чтобы послать тебѣ нѣжный дружескій поклонъ отъ себя и отъ твоихъ покинутыхъ Дидонъ [1]), коимъ передалъ твои ламентаціи черезъ одну изъ нихъ, гра-

---

[1]) Т. е. графомъ. Въ графское достоинство А. Х. Бенкендорфъ (бывшій шефомъ жандармовъ и командующимъ Императорскою Главною квартирою) былъ возведенъ 8 Ноября 1832 года.

*

[1]) Письмо писано послѣ отъѣзда А. И. Тургенева изъ Петербурга въ Москву; какъ видно изъ № 294 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1834 года, Тургеневъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву 11 Декабря.

финю Сологубъ. Сейчасъ узналъ отъ Вьельгорскаго [2]) печальную вѣсть: жена [3]) пишетъ къ нему о Вяземскихъ (кои, вѣроятно, теперь уже въ Римѣ) [4]). У Паши все лихорадка и пульсъ ея доходитъ до 140 ударовъ въ секунду. Это весьма плохо. Жду съ безпокойствомъ прямыхъ извѣстій и страшусь за нашего бѣднаго Вяземскаго, у котораго материнское чувство къ дѣтямъ. Если ты не замедлишь отъѣздомъ изъ Москвы, то, вѣроятно, еще найдешь его въ Римѣ. Дай Богъ, чтобы не нашелъ, ибо отъѣздъ его будетъ знакомъ, что дочь его въ хорошемъ положеніи.

Посылаю тебѣ письмо, которое хотѣлъ тебѣ отдать при отъѣздѣ и, къ несчастію, позабылъ. Возьми на себя трудъ прочитать его и постарайся узнать дѣло и, если можно, подать помощь. Сдѣлай милость, не оставь этого безъ вниманія. Мнѣ къ Бронницкому полицмейстеру писать нельзя: онъ мнѣ незнакомъ; да и невозможно просить о такомъ дѣлѣ, котораго обстоятельства мнѣ въ точности неизвѣстны. Ты на мѣстѣ все можешь узнать въ подробности. Адресъ просительницы моей узнаешь отъ Авдотьи Петровны Елагиной. Спроси у нея, гдѣ найти Авдотью Степановну Астракову; та, которая пишетъ ко мнѣ, есть ея дочь Томме. Увѣдомь, какой ходъ возьметъ это дѣло. Не пеняй, что озабочиваю тебя имъ: ты на эти дѣла профессоръ. Напиши предъ отъѣздомъ [5]), какія вѣсти о братѣ? Жуковскій.

CLXXVIII.

5 Генваря 1835, Петербургъ).

Обнимаю тебя, душа моя, и поздравляю съ новымъ годомъ. Не знаю, что́ отвѣчать на запросъ о моихъ стихахъ; я о нихъ понятія не имѣю и совсѣмъ не помню. Пришли ихъ мнѣ, но во всякомъ случаѣ лучше не печатать. О Вяземскомъ есть вѣсти ни дурныя, ни хорошія; онъ теперь въ Римѣ. Получено еще письмо, котораго я еще не читалъ. Имѣю письмо отъ нашей птички Дубенской; она тебѣ кланяется. Теперь она въ Дармштадтѣ. Смирнова также кланяется; у нея горе: сестра мужа больна при смерти [1]). Твои Дидоны по тебѣ охаютъ; но я утѣшилъ ихъ тѣмъ, что объявилъ о новой любви твоей. Это ихъ успокоило на счетъ страданій вѣрнаго твоего сердца. Прости.

---

[2]) Оберъ-шенка и композитора графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго (р. 1787 † 1856).

[3]) Графиня Луиза Карловна, рожденная принцесса Биронъ († 1853).

[4]) Въ Римъ князь П. А. Вяземскій съ семьею прибылъ 30 Ноября 1834 года (см. Полное собраніе его сочиненій, т. IX, стр. 168).

[5]) Изъ Москвы за границу.

*

[1]) Софья Михайловна Смирнова, единственная сестра Н. М. Смирнова, горбатая отъ природы, весьма образованная и пользовавшаяся уваженіемъ и дружбою Жуковскаго и Пушкина Свѣдѣнія о ней см. въ замѣткѣ О. Н. Смирновой къ Запискамъ ея матери, Александры Осиповны, въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1893 года, Сентябрь, стр. 239—241.

Увѣдомь о дѣлѣ моемъ [2]). Да напиши передъ отъѣздомъ изъ Москвы. Цѣлую тебя братски. Жуковскій.

CLXXIX.

(Въ Январѣ 1835, Петербургъ).

Спѣшу увѣдомить тебя о моемъ приговорѣ стихамъ. Ни подъ какимъ видомъ не позволяю ихъ печатать, понеже вельми дурны. Твоя страсть извозничать чужимъ добромъ часъ отъ часу расширяется. Сперва ты только читалъ, потомъ началъ перепис(ыв)ать; а нынче ужъ и печатаешь. Точно такую же штуку смастерилъ ты со мною, снабдивъ дурацкій альманахъ Θедорова Бориса моими дурацкими стихами [1]), и вышло, что во всемъ альманахѣ его не было ничего хуже моихъ піесъ. Однимъ словомъ, *не печатать*.

Напиши передъ отъѣздомъ о себѣ и о Кларѣ [2]). У насъ здѣсь едва не сдѣлалось бѣды. Екатерина Андреевна вдругъ занемогла; кровь хлынула носомъ, и вышло ея до одиннадцати полныхъ тарелокъ. Арентъ говоритъ, что она была близка къ удару, но Богъ спасъ. Теперь вся опасность миновалась. Осталась великая слабость и сильное раздраженіе нервъ отъ синапизмовъ; худо спитъ ночи, но болѣзнь прошла.

Обнимаю тебя; а стиховъ не даю. Жуковскій.

CLXXX.

3 (15) Іюля 1835 (Петергофъ).

Я хотѣлъ писать къ тебѣ прежде, но к(нязь) Ал(ександръ) Ни(колаевичъ) Голицынъ меня остановилъ: онъ хотѣлъ самъ къ тебѣ написать объ окончаніи твоего дѣла. Вѣроятно, что теперь уже онъ отправилъ къ тебѣ письмо свое. Тебѣ позволено остаться въ Парижѣ, но съ тѣмъ, чтобы не заживаться и выѣхать изъ него, какъ скоро кончишь дѣло. Мнѣ же приходитъ въ мысль, что ты можешь сдѣлать те-

---

[2]) О просьбѣ А. С. Астраковой (см. предъидущее письмо).

[1]) Борисъ Михайловичъ Θедоровъ (р. 1794 † 1875), авторъ немалаго числа посредственныхъ романовъ, драмъ и стихотвореній, нѣсколько лѣтъ бывшій цензоромъ театральныхъ піесъ, членъ Россійской Академіи (о немъ см. некрологъ въ № 17 „Иллюстрированной Газеты" за 1875 годъ). Въ альманахѣ Б. М. Θедорова „Памятникъ Отечественныхъ Музъ, изданный на 1827 годъ" были помѣщены слѣдующія стихотворенія Жуковскаго: Поэзія въ видѣ Лалла-Рукъ; Отрывокъ изъ письма въ Москву; Стихи, присланные съ комедіями, которыя К*** хотѣли играть; Къ ней (*Нач.* Имя гдѣ для тебя?); Письмо къ А. Л. Нарышкину; На смерть чижика; Надгробіе И. П. и А. И. Т.... (т.-е. Тургеневымъ); Къ графинѣ Ш—ой (т.-е. Шуваловой) (Послѣ ея дебюта въ роли мертвеца); Амуръ и Мудрость; Невыразимое.—Б. М. Θедоровъ пользовался покровительствомъ А. И. Тургенева, при которомъ онъ состоялъ секретаремъ, когда Тургеневъ занималъ должность директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

[2]) Живописецъ, о которомъ см. выше, прим. 2 къ письму CXXVIII.

перь весьма важное и полезное для Россіи дѣло, которое займетъ тебя самымъ пріятнымъ образомъ. Ты пишешь, что получилъ доступъ къ архивамъ и что можешь дѣлать какія хочешь выписки. Какъ же этимъ не воспользоваться? И вотъ моя мысль: собери всѣ дипломатическія донесенія отъ временъ Петра Великаго до Александра, да пожалуй до самаго послѣдняго времени [1]. Это будетъ чрезвычайно важное для нашей современной и новой исторіи пріобрѣтеніе. Если уже тебѣ поручено дѣлать такое собраніе, то почему не распространить планъ его? Обдумай мою мысль. Сдѣлай планъ и пришли его къ князю Александру Николаевичу; въ тоже время увѣдомь и меня объ этомъ. Мы съ княземъ объ этомъ вмѣстѣ потолкуемъ и, можетъ-быть, выйдетъ изъ этого то, что тебѣ надобно будетъ по *должности* остаться въ Парижѣ. Не откладывай и пришли скорѣе планъ. Лучшаго случая для тебя не будетъ. Да и для Россіи весьма благопріятный случай, ибо это дѣло никому въ голову не придетъ послѣ; а тебѣ уже дано назначеніе, и ты, конечно, это дѣло исполнишь лучше всѣхъ и по своему знанію дѣла, и по своимъ связямъ. Меня такое занятіе относительно къ тебѣ плѣняетъ: ты будешь занятъ важнымъ трудомъ, полезнымъ для отечественной исторіи [2]), и будешь избавленъ отъ всякаго безпокойства, тебя до сихъ поръ мучившаго и происходящаго отъ неопредѣленности твоей жизни. Скорѣе, скорѣе отвѣчай мнѣ. — Прости, душа, обнимаю тебя. NB. Тоже дѣло можно, кажется, распространить и на Англію, если данъ будетъ тебѣ доступъ до Лондонскихъ архивовъ. Жуковскій.

Далѣе идетъ приписка князя П. А. Вяземскаго:

Я на дняхъ писалъ къ тебѣ и отдалъ письмо Сербиновичу, который послалъ свой журналъ [3]) на твое имя въ Парижъ въ нашу миссію. Козловъ [4]) ожидаетъ обѣщаннаго письма Шатобріана. Кланяйся отъ меня семейству Vernet [5]) и La Roche [6]). Будетъ ли сюда Horace? Его ожидаютъ. Обнимаю тебя. Бартенева фрейлина [7]). Четвертинская [8])

---

[1]) Извлеченія изъ собранныхъ А. И. Тургеневымъ донесеній Французскихъ дипломатическихъ агентовъ за время царствованія Петра Великаго и Екатерины I были напечатаны, въ Русскомъ переводѣ, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" 1843 и 1844 годовъ. Какъ извѣстно, собраніе донесеній иностранныхъ дипломатовъ о Россіи, извлеченныхъ А. И. Тургеневымъ изъ разныхъ заграничныхъ архивовъ, представляющее богатый матеріалъ для новой Русской исторіи, хранится въ Государственномъ Архивѣ.

[2]) Печатаніе донесеній иностранныхъ дипломатовъ при Русскомъ Дворѣ, начиная съ Петра Великаго, какъ извѣстно, составляетъ одну изъ главныхъ заслугъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

[3]) „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія", который выходилъ подъ редакціею К. С. Сербиновича.

[4]) Иванъ Ивановичъ, поэтъ.

[5]) Французскаго знаменитаго живописца Horace Vernet (р. 1789 † 1863); его отецъ Antoine Vernet (р. 1758 † 1835) былъ тоже живописецъ.

[6]) Benjamin La Roche (р. 1797 † 1852), Французскій публицистъ и поэтъ.

[7]) Въ 1835 году во фрейлины была пожалована Прасковья Арсеньевна Бартенева.

[8]) Княгиня Надежда Ѳедоровна Святополкъ-Четвертинская, жена шталмейстера

19

пишетъ, что отправила къ тебѣ письмо для жены моей, но письма жена, кажется, не получала. Жена купается въ Генуѣ съ Машенькою и Наденькою [9]). Пиши къ нимъ на имя Гейдекена, нашего ген(еральнаго) консула [10]).

CLXXXI.

1 (13) Декабря 1835 (Петербургъ).

Мы похоронили нашего добраго Булгакова [1]). И для меня такъ же, какъ и для тебя, онъ былъ представителемъ первой молодости и первой дружбы. Я его не зналъ лично тогда, какъ подружился съ братомъ Андреемъ [2]); но безпрестанно объ немъ въ то время слышалъ. У нихъ тогда началась переписка посредствомъ Журавлева, котораго письма я читалъ съ большимъ удовольствіемъ. Помню появленіе обоихъ братьевъ [3]), молодыхъ, прекрасныхъ, въ Московскомъ свѣтѣ. Но это была одна минута. Съ тѣхъ поръ я разстался съ ними до Московскаго почтдиректорства [4]) и до жизни въ Петербургѣ. Константинъ такъ же мало измѣнился во всю свою жизнь, какъ его лицо, которое всегда было свѣтло и ясно. Онъ былъ добръ во всякую минуту жизни, съ утра до вечера; я не помню его никогда непривѣтливымъ. За нѣсколько часовъ до смерти, пріѣхавъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, я его видѣлъ; не его, а что-то стонущее и хрипящее въ темной глубинѣ его кабинета; я остановился въ дверяхъ и не рѣшился подойти, не хотѣлъ видѣть разрушеннаго лица и посмотрѣть въ потемнѣвшіе глаза, которые бы меня не узнали. Я простился съ нимъ издали. Послѣ видѣлъ издали одинъ только профиль его въ гробѣ. Жена его получила въ пенсіонъ 6.000 рублей, и ей дана аренда на 24 года въ 3.000 серебромъ. Мѣсто его заступилъ Прянишниковъ [5]), какъ почтдиректоръ, и Кривошапкинъ [6]), какъ правитель департамента. Семейство осталось въ домѣ почтдиректора до тѣхъ поръ, пока можетъ удобно переселиться.

князя Бориса Антоновича Святополкъ-Четвертинскаго, рожденная княжна Гагарина, родная сестра жены князя П. А. Вяземскаго, Вѣры Ѳедоровны.

[9]) Дочери князя П. А. Вяземскаго; изъ нихъ княжна Марья Петровна († 1848) была потомъ замужемъ за П. А. Валуевымъ (впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ и графомъ).

[10]) Д. с. с. Карлъ Егоровичъ Гейдекенъ.

*

[1]) Константина Яковлевича, С.-Петербургскаго почтдиректора и директора почтоваго департамента. См. о немъ и о его братѣ Александрѣ Яковлевичѣ выше, прим. 2 и 3 къ письму XVIII.

[2]) Андреемъ Ивановичемъ Тургеневымъ.

[3]) Булгаковыхъ: Константина и Александра Яковлевичей.

[4]) Московскимъ почтдиректоромъ былъ А. Я. Булгаковъ.

[5]) Ѳедоръ Ивановичъ († 1867), впослѣдствіи дѣйств. тайный сов. и членъ Государственнаго Совѣта.

[6]) Д. ст. сов. Егоръ Львовичъ Кривошапкинъ († 1848) былъ назначенъ директоромъ почтоваго департамента.

О твоихъ дѣлахъ я говорилъ съ к(няземъ) А(лександромъ) Николаевичемъ. Онъ далъ уже приказаніе собрать всѣ письма твои и передать ихъ Татаринову. Надобно, чтобы сей послѣдній явился къ нему, т. е. къ к(нязю) А(лександру) Н(иколаевичу); вѣроятно, онъ это уже и сдѣлалъ. Я было думалъ, что всего лучше поручить твои дѣла Сербиновичу, и съ нимъ объ этомъ говорилъ, и онъ на всѣ хлопоты былъ готовъ. Теперь нужно, чтобы ты прислалъ всѣ свои довѣренности, засвидѣтельствованныя нашею миссіею, на имя Татаринова.

Хорошо сдѣлаешь, если увѣдомишь князя о томъ, что̀ у тебя собрано, и о томъ, что̀ тебѣ собрать осталось, и если спросишь, позволятъ ли тебѣ остаться для докончанія начатаго въ Парижѣ. Во всякомъ случаѣ хорошо будетъ, если самъ здѣсь побываешь весною или лѣтомъ. Здѣсь Козловскій; ходитъ на двухъ костыляхъ [7]) по новому, но милъ и уменъ по старому; я у него разъ былъ, но онъ такъ далеко запропастился, что визитъ къ нему есть путешествіе; а времени совсѣмъ нѣтъ. Обнимаю тебя. Прости.

Бибиковъ [8]) оставилъ свое директорство внѣшней торговли, и это весьма запутало положеніе Вяземскаго [9]). На мѣсто Бибикова какой-то Языковъ [10]). Вяземскому дана аренда [11]). Ж.

Адресъ: A monsieur Tourgueneff, conseiller d'état actuel au service de S. M. l'Empereur de Russie. A Paris.

CLXXXII [1]).

21 Іюня (3 Іюля) (1841), Дюссельдорфъ.

Я уже болѣе недѣли въ Дюссельдорфѣ, въ своемъ маленькомъ до-

---

[7]) Князь Петръ Борисовичъ Козловскій (о которомъ см. выше, прим. 6 къ письму CXXXIII). На возвратномъ пути изъ-за границы въ Россію, въ 1834 году, съ княземъ П. Б. Козловскимъ приключилось, какъ сообщаетъ о томъ князь П. А. Вяземскій въ своихъ о немъ воспоминаніяхъ (Полное собр. сочиненій, т. II, стр. 289—290), несчастіе въ Варшавѣ. Кучеръ, везшій его въ коляскѣ, внезапно сошелъ съ ума и направилъ лошадей на край обвала, куда и опрокинулся экипажъ съ сѣдоками; князь Козловскій былъ вытащенъ разбитымъ, долго проболѣлъ и принужденъ былъ ходить потомъ на костыляхъ.

[8]) Дмитрій Гавриловичъ († 1870), бывшій съ 1838 по 1852 годъ Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, затѣмъ членомъ Государственнаго Совѣта, а съ 1852 по 1855 годъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

[9]) Князь П. А. Вяземскій былъ вице-директоромъ департамента внѣшней торговли

[10]) Генералъ-маіоръ Дмитрій Семеновичъ Языковъ.

[11]) Въ бумагахъ В. А. Жуковскаго, пожертвованныхъ Императ. Публ. Библіотекѣ П. В. Жуковскимъ, не сохранилось ни одного письма Василія Андреевича къ А. И. Тургеневу за 1836—1843 годы, т.-е. за цѣлыя восемь лѣтъ. Быть можетъ, письма за эти годы находятся въ бумагахъ Н. И. Тургенева, изъ которыхъ нѣсколько писемъ Жуковскаго къ А. И. Тургеневу за ранніе годы было напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 года.

*

[1]) Этотъ отрывокъ, сохранившійся въ записной книжкѣ князя П. А. Вяземскаго, перепечатанъ здѣсь изъ Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. IX (Спб. 1884), стр. 199—200.

19*

микѣ, въ которомъ со мною пока одно только мое семейное счастіе [2]), но гдѣ еще нѣтъ и долго не можетъ быть ни порядка, ни уютности, ибо нѣтъ никакихъ мебелей: все надобно заказывать, а пока бивуакировать. Я еще никому въ Россію не писалъ о себѣ, пишу къ тебѣ первому. Вотъ моя исторія: 3 (15) Мая отправился я изъ Петербурга, и 17-го встрѣтилъ невѣсту въ Боннѣ. Она со своими ѣхала въ Майнцъ, гдѣ мы условились съѣхаться, чтобы оттуда прямо въ Канштатъ для вѣнчанія. Сдѣлалось то, что̀ рѣдко на свѣтѣ случается. Все, что́ дмы предположили, *исполнилось* въ точности. Я назначилъ день своего вѣнчанія 21 Мая, такъ и сдѣлалось. 21 Мая изъ Лудвигсбурга, гдѣ мы ночевали, пріѣхали мы рано поутру въ Канштатъ. Я тотчасъ отправился за Русскимъ священникомъ въ Штутгартъ, а Рейтернъ все устроилъ для Лютеранскаго обряда, и въ 5 часовъ послѣ обѣда на высотѣ Ротенберга, въ уединенной надгробной церкви св. Екатерины [3]), совершился мой бракъ тихо и смиренно; въ Канштатѣ былъ совершенъ Лютеранскій обрядъ, а въ полночь, вмѣстѣ съ женою, отправился я въ Вильдбадъ, гдѣ блаженно провелъ одинъ съ нею первыя двѣ недѣли моей семейной жизни и гдѣ на всю остальную жизнь увѣрился, съ глубокою благодарностью къ Богу, даровавшему мнѣ желанное счастіе, что при мнѣ есть чистый ангелъ, ободритель, освятитель, удовлетворитель души, и съ нимъ все, чѣмъ жизнь можетъ быть драгоцѣнна. Эти двѣ недѣли Вильдбадскаго уединенія были рѣшительны навсегда. Я знаю, какое счастіе Богъ даровалъ мнѣ, и вѣрю ему. Оно не перемѣнится, какъ бы ни были обстоятельства жизни радостны или печальны. Теперь я въ Дюссельдорфѣ. Когда приведу нѣсколько въ порядокъ мою матеріальную жизнь, примусь за работу. За какую? Еще не знаю, ибо хотя я и не въ *чаду* счастія, но еще не думалъ и не могу думать ни о чемъ, кромѣ его.

CLXXXIII.

6 (18) Генваря 1844 (Дюссельдорфъ).

Всякой день сбирался я отвѣчать тебѣ на первое письмо твое и все не могъ, по своей благословенной привычкѣ, добраться до пера, хотя и очень тянуло меня къ нему. Наконецъ подоспѣло второе письмо твое, и вотъ уже болѣе недѣли, какъ сбираюсь писать отвѣтъ и на него; но тутъ по крайней мѣрѣ есть причина замедленія. Надобно было прежде написать другое, длинное письмо, къ несчастію необходимое, и оно лежало передъ твоимъ какъ шлагбаумъ. Наконецъ пишу. Первое письмо твое было для меня грустно; послѣднее утѣшительнѣе; изъ него вижу, что тебѣ нѣсколько лучше. Избави тебя Богъ отъ продолжительной болѣзни; на старости довольно одной старости; на что́

---

[2]) Жуковскій сообщаетъ о своей женитьбѣ на Е. А. Рейтернъ. Нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ важномъ событіи въ жизни Жуковскаго имѣются въ письмѣ его къ Цесаревичу Александру Николаевичу отъ 3 (15) Августа 1841 (см. „Русскій Архивъ“ 1883 г., книга вторая, стр. XLVI—LI).

[3]) Гдѣ похоронена королева Виртембергская Екатерина Павловна († 1818).

*

болѣзнь? Но такой вопросъ можно позволить себѣ только тогда, когда смотришь вѣтрено на жизнь, какъ на что-то такое, чтó намъ дано единственно для того, чтобы сколько можно болѣе имѣть сладкихъ ощущеній и сколько можно менѣе ощущеній непріятныхъ. Подъ конецъ подведешь итогъ: сладкаго было столько то, горькаго столько; того то, а этого.—И только? Для такого экономическаго разсчета, конечно, болѣзнь великое бѣдствіе. Но болѣзнь, какъ учитель терпѣнія, какъ болѣе опытный голосъ съ того свѣта, имѣетъ что-то строго величественное. А болѣзнь христіанина?... Какое великое дѣло это все исцѣляющее, все объясняющее, все возвышающее христіанство! Грустно было мнѣ читать въ первомъ письмѣ твоемъ то, чтó говоришь о *послѣднемъ дальнѣйшемъ путешествіи*. Ты говоришь съ философическимъ равнодушіемъ, съ равнодушіемъ безстрашія о возможномъ скоромъ концѣ; ты говоришь, что тебѣ, не смотря на болѣзнь, не скучно. Я бы желалъ тебѣ иного расположенія; я желалъ бы, чтобы ты болѣе выросъ душою при взглядѣ на *онъ полъ*. Надѣюсь, что еще минута отбытія для тебя не наступила; надѣюсь, что еще мы побудемъ вмѣстѣ на этомъ свѣтѣ; но минута строгаго разсчета съ жизнію, точнаго ея оцѣненія, минута подведенія итога, узнанія, чтó у насъ въ приходѣ и чтó въ расходѣ, однимъ словомъ минута христіанства для насъ наступила; для тебя и для меня. И наступила для обоихъ поздно. Мы оба растратили множество жизни по пустякамъ. Все пошло на минуты. Чтò тебѣ осталось отъ твоей бѣготни по лекціямъ, по проповѣдямъ, по салонамъ и прочее? Чтó ты узналъ и чему вѣришь? Я менѣе тебя извинителенъ; я не имѣлъ твоей разсѣянной, увлекательной жизни; я киснулъ въ своемъ углу и въ небольшомъ кругѣ идей поэтическихъ. Божій перстъ указалъ мнѣ уголъ семейный; подлѣ меня жена, передо мною дочь; это удивительно краснорѣчивые проповѣдники. Чтó изъ меня устарѣлаго, но еще не совсѣмъ вялаго, сдѣлаетъ эта проповѣдь семейной жизни, я не знаю; мы не властны въ себѣ. Но по крайней мѣрѣ знаю смиреннымъ умомъ то, что есть *одно на потребу*. Но обратится ли этотъ смиренно-убѣжденный умъ въ жаждущее сердце, не знаю..... Богъ далъ мнѣ къ тому средство въ теперешней судьбѣ моей, Онъ же дастъ и силу воспользоваться даннымъ Имъ средствомъ. Но дастъ ли время? Мы съ тобой на одномъ разстояніи отъ послѣдней станціи; кому доведется первому доѣхать? Только эта станція не просто корчма, гдѣ тебѣ скажутъ «нѣтъ лошадей» и гдѣ ты повалишься спать, уставъ отъ дороги. Эта станція—домъ Отцовскій. ..... Мое письмо становится похоже на проповѣдь. И чего добраго, ты еще вообразишь, что твоя Петербургская дама правду написала къ твоей дамѣ Парижской, что я католикъ. Изъ письма же твоего мнѣ и кажется, что ты этого за меня боишься. Нѣтъ, я не католикъ, и мнѣ не нужно побираться по исповѣданіямъ и сектамъ и просить, чтобы мнѣ Христа ради дали Христа. . . . Я пойду прямо къ Нему Самому. Онъ конечно мнѣ скажетъ: *Богъ дастъ*; но это не будетъ отказомъ. Для чего не назвалъ ты мнѣ имени писавшей дамы? Чего ты могъ отъ меня убояться? Но твоимъ совѣтомъ я воспользовался; взялъ свои предосторожности; написалъ къ Великому Князю о бродящихъ обо мнѣ слухахъ и во свидѣтельство того, что я не католикъ,

привелъ его самого. Я написалъ: «мы съ вами были вмѣстѣ въ Римѣ тогда вы сами могли замѣтить, что папа не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія и что я остался къ нему весьма равнодушенъ. Живучи на Рейнѣ, вдали отъ него, я еще менѣе могу въ него влюбиться. Но безъ романической любви къ папѣ нельзя пожелать быть Римскокатоликомъ; въ мои лѣта уже нельзя опасаться, чтобы подобная страсть овладѣла душею. Другихъ доказательствъ, что я не католикъ, вамъ не представляю: для меня было бы это неприлично, а для васъ смѣшно и скучно» [1]). Прошу однако по милости своей не пускать въ ходъ этихъ строкъ; ты, чего добраго, ихъ еще дашь списывать, да и напечатаешь въ переводѣ; а мнѣ это сдѣлаетъ непріятность.—Было мнѣ въ письмѣ твоемъ и смѣшно, и досадно то, что̀ ты говоришь о Радовицѣ. Радовицевъ на свѣтѣ немного. Я другаго не знаю. Не назову его совершеннымъ; но не знаю человѣка, который бы достигъ такой цѣлости умственной и нравственной, qui fût aussi complet [2]), какъ Радовицъ. Этотъ, по словамъ твоимъ, кривотолкъ соединяетъ въ головѣ своей математическую ясность и жаркое глубокомысліе Паскаля; но, къ счастію, не имѣетъ его слабыхъ нервъ, убившихъ его въ цвѣтѣ жизни. У Радовица все подведено подъ одну мысль, все подведено подъ христіанство, и вся его жизнь, которую я знаю въ подробности, была послѣдствіемъ, *conséquence*, его убѣжденій и его вѣры. Er ist aus einem Guss [3]), какъ говорятъ Нѣмцы. Враговъ у него много; этому такъ и должно быть; ибо онъ никому не спускаетъ, давитъ всѣ самолюбія своею гигантскою ученостію, своею геніальностію и своею рѣзкою діалектикою и, будучи въ душѣ своей младенецъ доброты, кажется бѣшенымъ самолюбцемъ, который хочетъ растоптать и уничтожить всѣхъ и каждаго. Радовицъ для меня высокое явленіе, передъ которымъ я благоговѣю, хотя недостатки его мнѣ извѣстны болѣе, нежели многимъ; но у кого ихъ нѣтъ?—Ты спрашиваешь: что̀ я для себя сдѣлалъ поѣздкою въ Берлинъ и Дармштадтъ [4])? Ничего. Я не имѣлъ и не могъ имѣть никакихъ видовъ. Но какъ же было не поѣхать мнѣ къ Государю, послѣ двухъ лѣтъ отсутствія? Объ Великомъ Князѣ и говорить

---

[1]) Въ подлинномъ письмѣ Жуковскаго къ Цесаревичу Александру Николаевичу отъ 1 (13) Января 1844 года, это мѣсто читается такъ: „Черезъ Парижъ узналъ я, что въ Петербургѣ, и именно при дворѣ, ходятъ толки, будто я сдѣлался католикомъ... Мы съ вами были вмѣстѣ въ Римѣ; вы сами видѣть могли, что я былъ довольно равнодушенъ къ папѣ; еще менѣе могу влюбиться въ него заочно. А безъ романической страсти къ папѣ нельзя сдѣляться католикомъ. Но въ шестьдесятъ лѣтъ не могу уже бояться, чтобы подобная страсть овладѣла моимъ сердцемъ. Другими же доказательствами убѣждать васъ вѣрить, что я не католикъ и не могу быть католикомъ, было бы для меня неприлично, а для васъ смѣшно и скучно“ („Русскій Архивъ“ 1883 г., кн. вторая, стр. XCV).

[2]) Т. е. который былъ бы столь же цѣльной натурой.

[3]) Т. е. онъ цѣльная натура.

[4]) Въ Берлинъ Жуковскій ѣздилъ въ Августѣ 1843 года, чтобы видѣть Государя, а въ Дармштадтъ въ Декабрѣ того же года для свиданія съ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ (см. „Русскій Архивъ“ 1883 г., книга вторая, стр. LXXXIV и XC).

нечего; съ нимъ разрознить я себя не могу. Все добро, какое имѣю, есть ихъ дѣло; благодарность къ нимъ слита съ моею жизнію до конца ея.

Въ концѣ Марта я переселюсь со всею семьею моею на житье во Франкфуртъ; домъ уже тамъ нанятъ. Буду жить такъ же, какъ въ Дюссельдорфѣ, то есть такъ же уединенно и просто. Проживу вѣроятно полтора года, о чемъ уже предувѣдомилъ и Великаго Князя, и черезъ него и Государя. Вотъ чтó ты можешь сдѣлать. Ты сбираешься въ Карлсбадъ, но туда нельзя раньше половины Мая. Пріѣзжай въ половинѣ Апрѣля во Франкфуртъ и проживи у меня; горницы есть; между тѣмъ въ ожиданіи Карлсбада увидишься съ Коппомъ, который стóитъ трехъ Корфовъ, и онъ тебѣ вѣрно сдѣлаетъ добро. Въ Дюссельдорфѣ я бы тебя ко мнѣ на житье не позвалъ; ты бы тамъ угорѣлъ со скуки; но во Франкфуртѣ будутъ тебѣ люди; будешь, какъ Дмитріева голубокъ, съ нѣжной вѣтки на другую перепархивать, то есть изъ моего уединенія въ шумъ Франкфуртской жизни и отъ моихъ котлетокъ и картофеля къ обѣдамъ Ротшильда.

Отвѣчай на этотъ послѣдній пунктъ.—Чтó такое: Homère polyglotte, изданное Дидотомъ? Не можешь ли прислать мнѣ: Ulysse-Homère ou du véritable auteur de l'Iliade et de l'Odyssée. Paris, chez Debure, 1829 [5]), fol. avec V tables géogr(aphiques) et XV tabl(es) de figures. 24 francs.

Ты все просишь стиховъ изъ Одиссеи; но изъ нея ничего вырвать нельзя: все одинъ слитокъ. Я уже подхожу къ концу IV пѣсни [6]). Кажется, идетъ. Трудъ такъ пріятенъ, что совѣстно [7]). Если пробуду полтора года за границею, кончу [8]).

CLXXXIV.

6 Марта (н. с. [1]) 1844, Дюссельдорфъ).

Я ждалъ бѣды съ Запада, а она пришла съ Востока, и самая неожиданная. Вообрази: Катя Воейкова [2]) вдругъ умерла. Сдѣлалась какая-то сильная сыпь, кровь пришла въ совершенное разложеніе (décomposition), и въ три дня ея молодая жизнь изсякла и исчезла. За себя мнѣ ея очень жаль. Про тебя же скажу: страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Викулинъ своимъ письмомъ напугалъ меня, послѣ еще болѣе словами своими: онъ у меня былъ на проѣздѣ въ Англію, куда

---

[5]) Это сочиненіе вышло подъ именемъ Constantin Koliades,—псевдонимъ Французскаго путешественника и археолога Jean-Baptiste Lechevalier (р. 1752 † 1836).

[6]) IV пѣснь Одиссеи Жуковскій началъ переводить 10 Ноября 1843 года, а кончилъ 12 (24) Января 1844 (См. „Бумаги В. А. Жуковскаго", стр. 112).

[7]) Фраза, какъ кажется, не докончена.

[8]) Переводъ Одиссеи конченъ Жуковскимъ въ Апрѣлѣ 1849 года.

*

[1]) 6 Марта н. ст. (=27 Февраля), какъ это видно по соображенію съ слѣдующимъ письмомъ № CLXXV.

[2]) Старшая дочь А. А. Воейковой, скончавшаяся 28 Января 1844 г. въ Москвѣ (см. Зейдлицъ, Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 197).

отправился жениться. Его невѣста Miss Maclean, живущая гдѣ-то въ Девонширѣ.—Надѣюсь, что ты къ веснѣ окрѣпнешь и будешь въ состояніи отправиться на воды. Тебѣ должно будетъ проѣхать черезъ Франкфуртъ. Ты тамъ остановишься у меня (если это будетъ въ концѣ Апрѣля или въ началѣ Мая), повидаешься съ Коппомъ; только не забудь отобрать отъ своихъ докторовъ описаніе твоей болѣзни и ихъ лѣченія; хорошо бы привезти съ собою и ихъ рецепты. На Коппа можно положиться: у него глазъ вѣрный, хотя онъ и косъ. Въ одно время съ смертью Кати я узналъ о смерти графини Эделингъ [3]). Она была долго и мучительно больна.—Прощай, напиши скорѣе и пришли добрыя о себѣ извѣстія. Твою послѣднюю записку я отправилъ къ Вяземскому. Онъ пишетъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ (а онъ написалъ ко мнѣ всего на все два письма и одно письмецо съ тѣхъ поръ, какъ я за границею), что писалъ къ тебѣ много и желаетъ, чтобы я прочиталъ его письмо. Пришли. Прочитавъ, возвращу немедленно. Къ книгамъ, о которыхъ я къ тебѣ писалъ, я желалъ бы, чтобы ты присоединилъ переводъ давнишній Рошефора Иліады и Одиссеи въ стихахъ [4]). Мнѣ, правду сказать, онъ ни на что не надобенъ; но просто я любопытенъ знать, какъ Французъ въ стихи укладываетъ Гомера и что́ выходитъ изъ его простоты подъ румянами Французскаго петиметра (Rochefort). Ты же продолжай читать Библію, а Шеллинга брось: не думаю, чтобъ изъ его философіи откровенія что-нибудь могло выйти. Но прощай. Жду отъ тебя письма. Если пришлешь Вяземскаго письмо, то пришлю тебѣ свою новую поэму Наль и Дамаянти.

Я тебѣ еще долженъ; расплачусь при свиданіи.

CLXXXV.

4 (16)—15 (27) Марта (1844, Дюссельдорфъ).

Благодарю тебя, мой милый, и за извѣстія о себѣ, и за письмо Вяземскаго, и за то особенно, что не сонъ страшенъ, а Богъ милостивъ, то есть за то, что съ тобой не такъ плохо, какъ меня молва напугала. Я долженъ тебя предувѣдомить, что переѣду во Франкфуртъ не прежде, какъ къ концу будущаго Мая. Теперь только спѣшу послать тебѣ мою книгу [1]). Это сказка. Ты посмотришь на нее съ презрѣніемъ и ужъ конечно не прочтешь ея, а развѣ только разскажешь всѣмъ Русскимъ, что ее получилъ. Напечатана съ множествомъ ошибокъ, особливо въ знакахъ препинанія, что́ путаетъ смыслъ. — Вяземскаго письмо прелесть. Его мысли о религіи рѣшительно спра-

---

[3]) Графиня Роксандра Скарлатовна Эдлингъ, рожденная Стурдза (р. 1786 † въ Одессѣ, 16 Января 1844), сестра извѣстнаго писателя и дипломата Александра Скарлатовича Стурдзы. Ея весьма интересныя Записки напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1887 года.

[4]) Guillaume de Rochefort (р. 1731 † 1788) предприняль переводъ Гомера на Французскій языкъ въ стихахъ; переводъ Иліады вышелъ въ 1766—1770 годахъ, а переводъ Одиссеи въ 1772 году.

*

[1]) Наль и Дамаянти.

ведливы. Жаль, что не докончилъ онъ статьи противъ Кюстина [2]); если этотъ лицемѣрный болтунъ выдастъ новое изданіе своего четырехтомнаго пасквиля, то еще можно будетъ Вяземскому придраться и отвѣчать; но отвѣтъ долженъ быть коротокъ; нападать надобно не на книгу, ибо въ ней много и правды, но на Кюстина; однимъ словомъ, отвѣтъ ему должна быть просто печатная пощечина въ ожиданіи пощечины матеріальной. Блудова слово о немъ разительно. Смѣшнѣе сказалъ объ немъ кто-то изъ Французскихъ остряковъ: «On a eu trop de bonté en Russie pour m-r de Custine; si les Russes lui avaient tourné le dos, il en aurait parlé avec plus d'éloges» [3]). Прощай. Писать теперь было некогда. Есть другія письма. Обнимаю тебя и брата.

4 (16) Марта.

Ж.

Отъ своихъ: отъ Саши, Маши и Е(катерины) Аѳанас(ьевны) послѣ горестнаго извѣстія [4]) ничего еще не получалъ. Это меня жестоко тревожитъ. Не знаю, отчего тебѣ мои немногія слова показались сухи. Что̀ говорить?

15 (27) Марта.

Это письмо у меня Богъ знаетъ почему проваляліось болѣе десяти дней. Въ этомъ интервалѣ ничего новаго не произошло со мною. Извѣстій отъ своихъ ни отъ кого не получалъ и не знаю, что̀ съ ними дѣлается.—Въ это время видѣлъ я Бунзена [5]), который посѣтилъ меня на проѣздѣ изъ Лондона въ Берлинъ.—Нынче въ два часа пополудни отправляюсь въ Дармштадтъ, куда уже Великій Князь [6]) пріѣхалъ; воз-

[2]) Маркизъ Астольфъ Кюстинъ (Custine) (р. 1793 † 1857), совершившій много путешествій по Европѣ, посѣтилъ въ 1839 году и Россію. Результатомъ послѣдняго его путешествія явилось его сочиненіе „La Russie en 1839“, напечатанное въ Парижѣ въ 1843 году въ 4 т. и въ томъ же году вышедшее вторымъ изданіемъ; оно было также напечатано и въ Брюсселѣ въ 1843 же году и выдержало впослѣдствіи нѣсколько изданій.—Ср. отзывъ Жуковскаго о Кюстинѣ въ письмѣ къ А. Я. Булгакову отъ 9 (21) Ноября 1843 года (Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 556).

[3]) Т. е. Въ Россіи были черезъ чуръ добры къ г. Кюстину; если бы Русскіе отнеслись къ нему съ меньшимъ вниманіемъ (буквально: если бы Русскіе повернулись къ нему спиною), онъ говорилъ бы о нихъ съ бо̀льшею похвалою.

[4]) Кончины Е. А. Воейковой.

[5]) Знаменитаго Нѣмецкаго ученаго и дипломата Христіана Бунзена (р. 1791 † 1860), долгое время бывшаго посланникомъ въ Римѣ (съ 1824 по 1838), гдѣ съ нимъ и познакомился Жуковскій во время своего путешествія по Италіи въ 1833 году, затѣмъ посланникомъ въ Бернѣ и наконецъ въ Лондонѣ (съ 1841 по 1854). Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1876 г., книга первая, стр. 437—438, напечатано письмо Бунзена къ Жуковскому отъ 1835 года, изъ Рима.

[6]) Цесаревичу Александру Николаевичу. „Къ 1 Апрѣля н. ст., то есть въ Воскресенье на Страстной недѣлѣ, явлюсь въ Дармштадтъ, писалъ Жуковскій Цесаревичу. Еще разъ Богъ приведетъ мнѣ говѣть вмѣстѣ съ Вами“ („Русск. Архивъ“ 1883 года, книга вторая, стр. XCVI).

*

вращусь въ Дюссельдорфъ вѣроятно на Святой недѣлѣ, то есть 1 (13) или 2 (14) Апрѣля. Переселеніе мое въ Франкфуртъ совершится въ концѣ Мая; пожитки отправятся съ половины Мая. Объ этомъ увѣдомлю.

CLXXXVI.

5 (17) Іюля 1844, Франкфуртъ на М(айнѣ).

Ровно пять твоихъ писемъ, доселѣ оставленныхъ мною безъ отвѣта, лежать передо мною, какъ пять смертныхъ грѣховъ. И грѣхъ мой былъ бы великъ передъ тобой, если бы я былъ ты, то есть когда бы у меня въ пальцахъ была твоя эпистолярная чесотка, весьма благотворная и для тебя самого, и для всѣхъ насъ. Но поелику сія чесотка ко мнѣ отъ тебя не пристала, то и не сердись на меня и не безпокойся моимъ молчаніемъ, и пиши ко мнѣ, какъ до сихъ поръ, въ надеждѣ на отвѣтъ, который въ добрый часъ и послѣдуетъ. Теперь этотъ добрый часъ насталъ, и я пишу, отвѣчая на всѣ главнѣйшіе пункты твоихъ пяти писемъ.

Не тревожься своею болью; она не можетъ вдругъ тебя покинуть и можетъ въ иныя минуты быть сильнѣе: владѣй своею болѣзнію, не предавайся ея чувству, не давай ей выходить наружу никакимъ оханьемъ и тѣлодвиженіемъ—этимъ во многомъ пересилишь ее. Бунтуй противъ нея сколько можешь, не признавая ея власти; бери ее съ христіанской стороны, борьбою, данною для опыта силъ и для возвышенія силъ; все это вѣрныя лѣкарства, если не исцѣляющія физически, то готовящія къ исцѣленію. А послѣ Киссингена Вильдбадъ будетъ спасеніемъ. Радуюсь тому, что теперешніе доктора твои всѣ согласны во мнѣніяхъ. Изъ Киссингена поѣзжай черезъ Франкфуртъ: увидишь Коппа; потомъ опять Хеліуса [1]) и потомъ ужъ прямо въ Вильдбадъ; если надобно будетъ въ Гастейнъ, то, само по себѣ разумѣется, можно и это.—У насъ отдохнешь послѣ Киссингена въ интервалѣ между имъ и Вильдбадомъ. Увѣдомь только дня за два, когда будешь. На возвратномъ же пути изъ Гастейна, конечно, будетъ крюкъ въ Парижъ на Франкфуртъ. Сдѣлай какъ удобнѣе; но у насъ во всякомъ случаѣ отдохнешь послѣ Киссингена; тогда и съ Коппомъ наговориться успѣешь.

Прочитавъ то, что́ братъ Николай и ты пишете о изданіи въ свѣтъ его мемуаровъ, я остаюсь при своемъ мнѣніи. Я скажу еще болѣе: онъ сдѣлаетъ *дурное* дѣло, если издастъ свои мемуары, ибо онъ тѣмъ повредитъ *тебѣ* непремѣнно, повредитъ и *мнѣ*, если меня назоветъ въ нихъ (чего я прошу его не дѣлать; за три года передъ этимъ я бы объ этомъ не сталъ много задумываться, но теперь у меня *есть кого беречь* [2]). Можетъ ли онъ положить на вѣсы съ одной стороны *мнимую необходимость протестовать* (послѣ 20 лѣтъ молча-

---

[1]) Максимиліанъ-Іосифъ Хеліусъ (Chelius), извѣстный Нѣмецкій хирургъ (р. 1794).

[2]) Мемуары Н. И. Тургенева напечатаны имъ были въ 1847 году, послѣ смерти А. И. Тургенева, на Французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Mémoires d'un proscrit“ и составляютъ первый томъ его сочиненія „La Russie et les Russes“.

нія и семейнаго покоя) противъ оказанной ему несправедливости, а съ другой вѣрный *вредъ* тебѣ? Если онъ дастъ перевѣсъ первому, то останется ли правъ въ собственныхъ глазахъ своихъ? И что̀ ему говорить о себѣ? Его оправданіе находится въ самомъ *Донесеніи Коммиссіи*; тамъ сказано, что онъ не явился и осужденъ заочно. Само по себѣ разумѣется, что осужденіе должно быть *безъ основанія*; если неявка оправдываетъ несправедливость и неосновательность осужденія, то она въ тоже время оправдываетъ и осужденнаго, который бы уничтожилъ все, въ чемъ обвиняли его, если бы явился, но который однако отнялъ у себя возможность оправданія своею неявкою. Входить въ эти разсужденія здѣсь не мѣсто. Одинъ вопросъ, хорошо ли сдѣлалъ братъ, что не явился? Я увѣренъ, что его явленіе, произвольное, съ довѣренностію къ правосудію Государя, произвело бы великое впечатлѣніе въ семъ послѣднемъ; онъ сдѣлался бы его адвокатомъ. Какія были бы однако слѣдствія? Какъ рѣшить? А послѣ двадцати лѣтъ его мирной семейственной жизни, при твердомъ его характерѣ, при спокойствіи его совѣсти, какъ имѣть духъ сказать, что онъ лучше бы сдѣлалъ, если бы явился? Промыслъ самъ все устроилъ. Если за многое человѣческое онъ послалъ ему скорбь изгнанничества, то за его нравственную высокость и чистоту далъ ему благо семейственнаго мира, давъ въ тоже время сладость найти въ своемъ братѣ друга, отца, покровителя и сострадальца; далъ наконецъ страданіе по силамъ, страданіе, изъ котораго душа его могла извлечь такія сокровища, которыхъ бы онъ, можетъ быть, не нашелъ на ровномъ и веселомъ пути жизни. Я читалъ письма Якушкина [3]) къ матери, женѣ и дѣтямъ изъ Ялуторовска, и читалъ ихъ съ умиленіемъ, и спрашивалъ себя: этотъ заблужденный Якушкинъ, который когда-то произвольно вызывался на убійство и который теперь такъ христіански побѣдилъ судьбу земную, дошелъ ли бы онъ до этого величія другою дорогою? Конечно, братъ Николай не Якушкинъ; онъ съ прямаго пути не сбивался; за то и опытъ ему данъ не столь тяжкій и строгій. Но на своей трудной дорогѣ онъ конечно встрѣтилъ много такого, чего бы не попалось ему на первой. Онъ созрѣлъ и окрѣпъ духомъ! Остается возвыситься до главнаго, единаго на потребу, до христіанскаго смиренія. И если посмотрѣть на его положеніе съ высокой христіанской точки зрѣнія, то что́ остается ему дѣлать? Что́! Заключить въ тайнѣ миръ душевный со всѣмъ, что̀ было врагомъ души его и, сказавъ передъ Богомъ: «и остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ», произнести радостно на всю жизнь: «да будетъ воля Твоя яко на небеси и на земли». Это похоже немножко на проповѣдь и на lieux communs [4]); но я уже давно убѣдился всѣмъ сердцемъ, что самое высокое, истинное и прекрасное заключается въ lieux communs, повторяемыхъ безпрестанно, внимаемыхъ съ презрѣніемъ привычки, но заключающихъ въ себѣ всю человѣческую мудрость. И въ этомъ-то смыслѣ совѣтовалъ я, чтобы братъ послалъ свои mémoires Императору (примирившись съ нимъ мысленно). А для чего бы послалъ? Ко-

---

[3]) Декабриста Ивана Дмитріевича Якушкина.

[4]) Т. е общія мѣста.

нечно не для того, чтобы потѣшить и занять нѣсколько часовъ его любопытство, не для того, чтобы потѣшить себя, поразивъ его нѣкоторыми жестокими, жестоко сказанными истинами. Нѣтъ, чтобы дѣйствительнѣйшимъ образомъ довести эти полезныя истины, довести до души того, кому наиболѣе онѣ нужны, кто одинъ можетъ, убѣдившись въ нихъ, обратить ихъ въ пользу практическую для народа, кто ихъ не приметъ, если онѣ захотятъ протѣсниться къ нему, оскорбивъ его самолюбіе; кто вооружится противъ нихъ, когда онѣ дойдутъ до него изъ толпы враждебнаго ему и намъ народа, обвинивъ его прежде передъ цѣлымъ свѣтомъ и составивъ одинъ хоръ съ клеветами и бранью Кюстина et comp. Чтобъ довести, говорю, эти истины, эти факты до души Императора, надлежитъ ихъ безкорыстно, безъ всякихъ заднихъ видовъ, съ прямымъ доброжелательствомъ удѣлить ему и удѣлить такъ, чтобы онъ повѣрилъ искренности доброжелательства и, тронутый имъ, принялъ во благо благое даяніе. А какъ ему будетъ не повѣрить Николаю? Онъ отъ него не зависитъ, онъ далеко, онъ имъ осужденъ, отъ него потерпѣлъ, и уже двадцать лѣтъ прошло для него въ спокойномъ перенесеніи судьбы своей. И вдругъ онъ является передъ нимъ, не для оправданія себя, не для вознагражденія себя за утраченное, а просто съ чистою правдою, которую даетъ ему произвольно, въ знакъ примиренія, для того только, чтобы дать и чтобъ своимъ даромъ сдѣлать добро своему бывшему отечеству. Вотъ какъ я разумѣю представленіе Императору мемуаровъ; оно должно произойти отъ лица къ лицу. И такая публикація ихъ будетъ несравненно достойнѣе ихъ автора, чѣмъ изданіе ихъ какимъ-нибудь Парижскимъ книгопродавцемъ, преданіе на пищу журналистовъ, клюющихъ Россію, какъ вороны мертвечину, со вредомъ неизбѣжнымъ для тебя и безъ всякой пользы для Россіи.

Если ты вообразилъ, что я, совѣтуя брату представить (но не представить, а послать) Императору мемуары свои, говорю какъ придворный, какъ тайный совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, то ошибся весьма непонятнымъ для меня образомъ; но я довольно, кажется, объяснилъ мысль свою. Заключу повтореніемъ одного, чтó впрочемъ не главное, но самое матеріальное и существенное: *публиковавъ Записки свои во Франціи* (какъ бы онѣ написаны ни были), *братъ твой непремѣнно повредитъ тебѣ въ Россіи*.

Я слишкомъ разговорился. На остальные пункты писемъ твоихъ отвѣчаю въ немногихъ словахъ. Письмо моего милаго короля прекрасно [5]; тутъ весь онъ.—Я и не тронулся пальцемъ отвѣчать за

---

[5]) Письмо Прусскаго короля Фридриха-Вильгельма IV къ А. И. Тургеневу отъ 11 Іюня н. с. 1844 года, напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 года, ст. 1525—1526. За поднесенный королю экземпляръ изданія „Historica Russiae monumenta“ Тургеневу былъ пожалованъ орденъ Краснаго Орла втораго класса. Отъ этого Тургеневъ отказался, и король Фридрихъ-Вильгельмъ IV назначилъ ему вмѣсто того въ подарокъ роскошное изданіе сочиненій Фридриха Великаго, въ 4-ю д. л., предназначавшееся только для высочайшихъ особъ, и изданныя Цаномъ Древности Помпеи. Тургеневъ былъ поставленъ въ неловкое положеніе своимъ отказомъ отъ ордена (см. переписку его съ Гумбольдтомъ и

тебя; ты пишешь лучше меня и съ Французскимъ языкомъ ладишь гораздо успѣшнѣе. Посылаю тебѣ копію съ письма ко мнѣ; она списана женою, которая тебя обнимаетъ. Также и дочь [6]).

Вотъ письмо отъ Свербеевой, привезенное Мельгуновымъ [7]); онъ говоритъ, что онъ ошибкою его распечаталъ, но не читалъ. Книги: Самарина, двѣ брошюры Шевырева и Погодина о Голицынѣ и маленькую книженочку стиховъ Хомякова [8]) получишь при посѣщеніи меня во Франкфуртѣ: и безъ нихъ прожить можешь.

Коппъ (а не Коппе) здѣсь.

Пришли или привези мнѣ брошюру Тютчева [9]); онъ бы ужъ не

Жуковскимъ, тамъ же, ст. 1516—1525 и 1528—1529). Посылая Жуковскому письмо короля, письмо Гумбольдта и свой отвѣтъ ему, Тургеневъ писалъ Жуковскому: „Не забудь, мой милый другъ, прислать мнѣ письмо къ тебѣ короля. Я не покажу никому; да нельзя ли и отвѣтъ твой, или первое письмо? Можетъ быть, оно послужило бы вдохновеніемъ для моего. Если бы по нѣмецки, то я не ударилъ бы лицомъ въ грязь, а по французски чувство не такъ сильно выражается“ (тамъ же, ст. 1527).

[6]) Александра Васильевна, нынѣ баронесса Вёрманъ, родившаяся 30 Октября (11 Ноября) 1842 года (см. письмо Жуковскаго къ Цесаревичу Александру Николаевичу въ „Русскомъ Архивѣ“ 1883 года, книга вторая, стр. LXXI).

[7]) Николаемъ Александровичемъ Мельгуновымъ († 1867), литераторомъ (о немъ см. въ Словарѣ Геннади, т. II, стр. 307).

[8]) Книги, о которыхъ идетъ рѣчь въ письмѣ, слѣдующія: магистерская диссертація Ю. Ѳ. Самарина „Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники“ (Москва, 1844); двѣ брошюры по поводу кончины Московскаго генералъ-губернатора князя Дмитрія Владимировича Голицына († 27 Марта 1844); М. П. Погодина „Некрологъ князя Д. В. Голицына“ (отдѣльный оттискъ изъ № 47 „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1844 годъ) и С. П. Шевырева „17, 18 и 19 Мая 1844 г. въ Москвѣ (Встрѣча и погребеніе князя Д. В. Голицына)“; „КД стихотвореній А. С. Хомякова“ (Москва. 1844).

[9]) Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ (р. 1803 † 1873), извѣстный поэтъ, написалъ въ 1844 году въ Мюнхенѣ и напечаталъ въ Германіи статью политическаго содержанія, въ подлинникѣ на Французскомъ языкѣ озаглавленную авторомъ „Lettre à m-r le d-r Gustave Kolb, rédacteur de la Gazette Universelle“ (т. е. письмо къ доктору Густаву Кольбу, редактору (Аугсбургской) Всеобщей Газеты). Статья эта въ подлинникѣ и Русскомъ переводѣ помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 года, тетрадь десятая, подъ заглавіемъ „Россія и Германія“. Опущенное здѣсь вступленіе въ эту статью напечатано И. С. Аксаковымъ въ составленномъ имъ біографическомъ очеркѣ Ѳ. И. Тютчева („Русскій Архивъ“ 1874, выпускъ десятый, ст. 147—148). Поводомъ къ статьѣ Тютчева послужили бѣшеныя нападки на Россію публицистовъ самой Германіи. Въ этой статьѣ Тютчевъ мимоходомъ, въ нѣсколькихъ строкахъ, касается книги Кюстина о Россіи. Въ 1837 году Тютчевъ былъ назначенъ старшимъ секретаремъ нашего посольства въ Туринѣ; исправлялъ въ 1839 году, за отсутствіемъ посланника, должность повѣреннаго въ дѣлахъ и, имѣя необходимость съѣздить на короткій срокъ въ Швейцарію, отлучился изъ Турина, не испросивъ себѣ формальнаго разрѣшенія. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Петербурга, Тютчеву повелѣно было оставить службу, при чемъ снято съ него и званіе камергера. Онъ послѣ того поселился въ Мюнхенѣ, лѣтомъ 1844 возвратился въ Россію и водворился въ

такъ написалъ противъ Кюстина. Гдѣ этотъ чудакъ? Нельзя ли его какъ натолкнуть на меня?

Гриммъ [10]) человѣкъ образованный, и всегда я зналъ его за благонамѣреннаго человѣка; онъ при В(еликомъ) К(нязѣ) Констант(инѣ) Ник(олаевичѣ). Былъ при мнѣ.

Кто у васъ умеръ и кого вы схоронили изъ Русскихъ? Ты не назвалъ по имени.

Смирнова была здѣсь нѣсколько дней и теперь въ Баденѣ на свиданіи съ Вьельгорскими; нынче должна быть назадъ; ея дожидаются дѣти, оставленныя ею въ Hôtel de Russie.

Бѣдный Викулинъ весьма въ плохомъ положеніи; можно бояться, чтобы не лишился ума [11]) (не говори объ этомъ). Разъѣзжаетъ одинъ, безъ камердинера. Теперь отправляется въ Дрезденъ, гдѣ встрѣтится съ родными. Я предувѣдомилъ объ немъ доктора Каруса. Жаль его душевно.

Не лѣнись присылать Петербургскія вѣсти.

Когда соберешься во Франкфуртъ, предувѣдомь дни за два; но прежде Франкфурта заѣзжай въ Ганау къ Коппу; это по дорогѣ, и потомъ пригласи его къ намъ во Франкфуртъ: вмѣстѣ поговоримъ о тебѣ. Жуковскій.

Уже совсѣмъ собрался печатать письмо, какъ вспомнилъ о весьма нужномъ—о деньгахъ. Мнѣ надобно будетъ непремѣнно внесть въ кассу моего Дюссельдорфскаго банкира въ Августѣ мѣсяцѣ 4000 талеровъ. Онъ ссудилъ меня нужными деньгами на дорогу, многое за меня заплатилъ въ Дюссельдорфѣ и заплатилъ уже послѣ моего отъѣзда; но онъ требовалъ, чтобы я деньги внесъ въ его кассу въ Августѣ, обѣщаясь опять туже сумму мнѣ дать тотчасъ по уплатѣ. Это, говоритъ онъ, нужно для его оборотовъ. Мнѣ не хотѣлось бы не сдержать слова; я бы весьма желалъ заплатить Шейеру въ назначенный срокъ, и я долженъ для этого найти 4000 талеровъ *на перехватъ*; но я лучше бы желалъ взять ихъ *на годъ*, тогда бы изъ своего годоваго

Петербургѣ, гдѣ вскорѣ ему были возвращены всѣ служебныя права и почетное званіе (см. біографич. очеркъ Ѳ. И. Тютчева, составленный И. С. Аксаковымъ, ст. 30—40). Вотъ что̀ писалъ Жуковскій о Тютчевѣ въ 1839 году изъ Италіи къ Надеждѣ Николаевнѣ Шереметевой: „Дней черезъ пять по полученіи письма вашего я увидѣлся въ Генуѣ съ нашимъ Тютчевымъ, съ которымъ уже прежде встрѣтился въ Комо. Я прежде зналъ его ребенкомъ, а теперь полюбилъ созрѣвшимъ человѣкомъ; онъ въ горѣ отъ потери жены своей. Судьба, кажется, и съ нимъ не очень ласкова. Онъ человѣкъ необыкновенно геніальный и весьма добродушный, мнѣ по сердцу“ (Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 502).

[10]) Августъ Ѳедоровичъ Гриммъ (р. 1806 † 1868), впослѣдствіи дѣйств. статскій совѣтникъ, былъ учителемъ Великихъ Князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей, а потомъ состоялъ при воспитаніи Цесаревича Николая Александровича. А. Ѳ. Гриммомъ было напечатано въ 1866 году въ Лейпцигѣ сочиненіе „Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland“.

[11]) Что̀, къ несчастію, и случилось.

*

дохода выплатилъ ихъ въ свое время безъ всякаго затрудненія. Не думай, чтобы я *задолжалъ* 4000 талеровъ; нѣтъ, это взятыя *впередъ* деньги по годовому моему бюджету, и я не могъ не занять ихъ, ибо моя треть не получена была мною à point nommé; получивъ же слѣдующую треть, я долженъ буду разомъ ее употребить на уплату долга; въ концѣ же года все сравняется, и приходъ сойдется съ расходомъ. Вотъ почему и было бы мнѣ пріятнѣе и удобнѣе взять нужные мнѣ 4000 талеровъ не на перехватъ, а на годъ, дабы не хлопотать и не переписываться съ Шейеромъ, а безъ всякихъ хлопотъ заплатить тебѣ, какъ скоро это будетъ удобно. Но для этого нужно, чтобы ты взялъ отъ меня бумагу, т. е. вексель, и чтобы взялъ отъ меня тѣже проценты, какіе дала бы тебѣ ссужаемая тобою сумма во все продолженіе ссуды. Если на это согласишься, то очень одолжишь меня, и я выведенъ буду изъ скучныхъ хлопотъ. Если же захочешь дать мнѣ деньги безъ процентовъ и безъ векселя, то этимъ лишишь и себя возможности пособить мнѣ, и меня введешь въ затрудненіе или доведешь до того, что я не устою въ словѣ. Итакъ одолжи меня *по моему* и отвѣчай немедленно на сей пунктъ. Надобно, чтобы я дѣло кончилъ къ 1 Августа. Если согласишься на мои условія, то приступи тотчасъ къ *исполненію* моей просьбы. Если же не примешь условій, то всетаки дай мнѣ деньги; я заплачу ихъ Шейеру, но тотчасъ снова займу у него и возвращу тебѣ и ты заставишь меня по пустому возиться (а отъ процентовъ не избавишь, и проценты банкиру конечно будутъ значительнѣе тѣхъ, кои ты съ своихъ денегъ получаешь). Отвѣчай тотчасъ на это.

CLXXXVII.

13 (25) Іюля 1844, Франкфуртъ на Майнѣ.

Твой братъ аккуратнѣе насъ съ тобою дѣла дѣлаетъ. Я уже получилъ кредитивъ на имя Абрахама Шейера и сегодня къ нему его отправляю; онъ вышлетъ мнѣ квитанцію въ полученіи отъ меня уплаты; а я спокойно останусь долженъ 4000 талеровъ тебѣ; но ты немедленно долженъ мнѣ назначить, сколько слѣдуетъ мнѣ заплатить годовыхъ процентовъ; иначе я снова обращусь къ тому же Шейеру и возьму у него снова деньги, и онѣ будутъ пересланы къ тебѣ, и я останусь только съ хлопотами. Если бы сумма была малая, дѣло другое; но 4000 талеровъ составляютъ почти 15000 рублей асс.: это капиталъ; у васъ семья, какъ у меня; вамъ должно считать деньги, какъ и мнѣ. Если бы ты взялъ у меня 4000 талеровъ изъ моего капитала, то я бы не только не отказался отъ процентовъ, но и самъ бы ихъ потребовалъ. Увѣдомь меня немедленно, иначе вмѣсто пособія введешь меня только въ затрудненіе. Теперь же ты мнѣ истинно помогъ, и я тебѣ душевно благодаренъ. Впрочемъ 5 процентовъ съ 4000 составляетъ 200, и если не будетъ увѣдомленія, доставлю эту сумму прямо къ тебѣ или брату.—Книги посылаю. Напиши, на чтȏ рѣшишься. Вчера я встрѣтилъ Радовица на полудорогѣ отъ Майнца сюда. А при началѣ дороги встрѣтился съ Нессельродомъ, который,

окруженный Убрилемъ [1]), сыномъ [2]), Кудрявскимъ [3]) и еще кѣмъ-то, отправился въ Эмсъ, а оттуда поѣдетъ въ Брайтонъ. Гоголь былъ здѣсь и уѣхалъ въ Остенду: бѣдный часто страдаетъ нервами, и страшно за него [4]). Скоро надѣюсь увидѣть графиню Вьельгорскую; она не замедлитъ проѣхать черезъ Франкфуртъ [5]) за сыномъ [6]) въ Баденъ; потомъ всѣхъ увижу во Франкфуртѣ на проѣздѣ ихъ въ Остенду. Радовицъ останется не болѣе 4—5 недѣль во Франкфуртѣ; здѣсь ты его найдешь, но можешь заѣхать къ нему изъ Вильдбада въ Карлсру, если опять не пошлютъ тебя въ Киссингенъ. Не такой онъ человѣкъ, чтобы самому безъ зова ѣхать въ Берлинъ; онъ всею душею любитъ короля, а о вліяніи на него и на дѣла не заботится: честолюбіе не тревожитъ его и во снѣ. Чтò дадутъ ему сдѣлать, сдѣлаетъ лучше другихъ; но напрашиваться на дѣятельность не въ его натурѣ и не въ его правилахъ.—Прости, другъ; обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ и еще разъ благодарю за пособіе. Ж.

Я въ большомъ затрудненіи: мнѣ надобно послать въ Парижъ твоему банкиру росписку въ полученіи его кредитива, а я не знаю, кто твой банкиръ и какъ адресовать. Пришли мнѣ его имя и форму адреса и письма; къ одному ли писать или къ Туръ et Comp? Вотъ факсимиле подписи письма. Пожалуйста поскорѣе отвѣчай на это.

Адресъ: A son excellence monsieur de Tourgueneff à Kissingen. Почтовый штемпель: Frankfurt. 26 Jul. 1844.

CLXXXVIII [1]).

(Въ Октябрѣ 1844, Франкфуртъ на Майнѣ).

Благодарствуй, другъ, за доброе письмо и за добрыя вѣсти о своемъ пути и прибытіи въ пристань [2]) Но ты давно опять не пишешь, и это насъ тревожитъ. Смотри, не испорти самъ начатаго добра; а можешь испортить двумя способами: *первый* твое *мычаніе*, которое не

---

1) Д. тайн. сов. Петръ Яковлевичъ Убри былъ посланникомъ во Франкфуртѣ.

2) Сынъ вице-канцлера, графъ Дмитрій Карловичъ, бывшій тогда старшимъ секретаремъ посольства въ Берлинѣ, впослѣдствіи оберъ-гофмейстеръ.

3) Вѣроятно, директоръ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ Емельянъ Аѳанасьевичъ Кудрявскій; въ это же время младшимъ совѣтникомъ министерства состоялъ Григорій Емельяновичъ Кудрявскій.

4) Въ письмѣ отъ 20 Іюля (1 Августа) 1844 года Жуковскій писалъ Н. В. Гоголю, что Віельгорскіе ѣдутъ въ Остенде, что „море полѣчитъ тѣло (Гоголя), а ихъ (т. е. Віельгорскихъ) добрыя души сохранятъ здоровье души“ (см. Письма Жуковскаго къ Гоголю, напеч. въ Приложеніяхъ къ Отчету Императ. Публичной Библіотеки за 1887 годъ стр. 33).

5) Графиня Л. К. Віельгорская пріѣхала во Франкфуртъ до 20 Іюля (См. тамъ же).

6) Графомъ Михаиломъ Михайловичемъ (р. 1822 † 1855).

*

1) Это письмо перепечатывается изъ Сочиненій Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 419—421, гдѣ оно напечатано П. А. Ефремовымъ по подлиннику, находившемуся въ его рукахъ.

2) Въ Парижъ.

иное что̀, какъ или произвольная покорность болѣзни или безсиліе съ нею бороться; и то, и другое дастъ ей надъ тобою власть. *Второе* нетерпѣливость, которая съ одной стороны, желая невозможнаго, то есть немедленнаго исцѣленія, раздражаетъ нервы и усиливаетъ самую болѣзнь, а съ другой понукаетъ тебя ловить всѣхъ докторовъ, встрѣчныхъ и поперечныхъ, и губитъ тебя ихъ лѣченіемъ. Держись строго того, что́ велѣли Хеліусъ и Коппъ; не выходя изъ ихъ предписаній ни на шагъ до будущей весны, а тамъ въ Карлсбадъ, и все кончится добромъ съ помощію Бога.—Въ твоемъ письмѣ много для меня трогательнаго. Мнѣ старику удалось въ своей семьѣ тебя на старости полелѣять, и въ поздніе наши годы, кажется мнѣ, что жива еще наша молодость: было теперь что-то, напомнившее тѣ горницы Московскаго университета, гдѣ мы сбирались около брата Андрея, который мнѣ живо памятенъ. Жена тебя сердечно полюбила, и ей было весело о тебѣ заботиться. Нѣкоторыя замѣчанія въ письмѣ твоемъ на счетъ моей роскошной, сибаритской, какъ ты называешь ее, жизни, справедливы, но не совсѣмъ. Я могъ бы иныя издержки и устранить, но ты совершенно ошибаешься на счетъ причины, побуждающей меня устроивать красно́ и чисто мои горницы: я это дѣлаю *не для другихъ*, а чисто для себя. Еслибъ у меня былъ домъ на необитаемомъ островѣ, и тотъ бы я устроилъ пріятнымъ для глазъ образомъ. Опрятность и comfort въ семейной жизни есть то, что̀ гармонія и чистота языка въ стихахъ. Но ты правъ, надобно болѣе простоты. Заграничная жизнь будетъ мнѣ добрымъ урокомъ; я надѣюсь, что не выйду изъ черты святой умѣренности. Мы вообще слишкомъ снисходительно смотримъ на излишества, которыя себѣ позволяемъ. Излишество есть почти преступленіе, когда мы можемъ знать, что рядомъ съ нами множество не имѣющихъ необходимаго. Жена ни къ какимъ излишествамъ не пріучена своимъ воспитаніемъ, я ихъ не люблю; но и я, и она любимъ опрятность и видъ смиреннаго довольства; нужно только не выходить за должную границу.—Это письмо отдастъ тебѣ Marbersteyg; въ немъ два, полученныя на твое имя. Не послалъ ихъ по почтѣ потому, что М. хотѣлъ ихъ взять и тебѣ доставить. Вотъ уже цѣлая недѣля, какъ состояніе жены моей для меня тревожно. Она дни четыре должна была лежать неподвижно, иначе бы могла быть худая развязка. Теперь опять ходитъ, но надобно весьма беречься. Седьмой мѣсяцъ беременности наступилъ [3]); онъ требуетъ, какъ увѣряютъ, большихъ осторожностей. Къ счастью, теперь Франкфуртъ успокоился. Проѣздъ Русскихъ кончился; Англичане еще колобродятъ, но главная волна, кажется, уже отхлынула къ Парижу; нѣсколько буруновъ бьетъ въ Лондонъ, и они скоро утихнутъ. Тогда въ моемъ Саксенгаузенскомъ закоулкѣ утвердится покой. Если Богъ сохранитъ все, что́ вокругъ меня, я надѣюсь кончить къ Апрѣлю всю Одиссею [4]). На верху у меня гнѣздится Гоголь: онъ обработываетъ свои Мертвыя Души. Еще

---

[3]) Павелъ Васильевичъ Жуковскій родился 1 Января 1845 года (см. „Русскій Архивъ" 1883 года, книга вторая, стр. CVIII).

[4]) См. выше, прим. 8-е къ письму CLXXXIII.

20

здѣсь кочуетъ графиня NN. Она была разъ у меня; жена не могла ее видѣть, лежала въ постелѣ; за то я просидѣлъ съ нею два часа съ половиною, и въ эти два часа успѣлъ только промычать нѣсколько моносиллабовъ—все говорила она и все сплетничала. Но признаться должно, что она говоритъ хорошо и имѣетъ свою пріятность, къ которой однако у меня въ душѣ нѣтъ никакой симпатіи.— Прости. Напиши скорѣе о себѣ. Мои всѣ тебя обнимаютъ. Я сообщилъ Рейтерну твое письмо, и ему было пріятно то, что ты объ немъ помнишь. Ж.

Брату дружескій поклонъ. Если бы ты отыскалъ переводъ Гомера *Рошфоровъ* (Rochefort) въ стихахъ, то очень бы одолжилъ меня. Это старая книга, и ее надобно искать у букинистовъ. Да нѣтъ ли у Бодри [5]) перевода Англійскаго Одиссеи Cooper, кажется? [6]) Новый, Пóповъ, есть у меня. Да чтó такое Homère polyglotte? Нельзя ли также отыскать изданія въ Греческомъ текстѣ, но крупнаго шрифта?— Моя Одиссейша Глинка [7]) доплыла до Петербурга, не попавъ ни къ Циклопамъ, ни къ Лестригонамъ. Я имѣю письмо отъ отца ея. Но чудакъ Шлёцеръ [8]) ничего не пишетъ мнѣ о томъ, чтó путешествіе ему стоило.

CLXXXIX.

Франкфуртъ, 8 (20) Ноября (1844).

Чтó же ты такъ давно молчишь, мой милый? Даже и на письмо мое нѣтъ отъ тебя отвѣта. Это насъ тревожитъ весьма. Чтó съ тобою дѣлается? Не хуже ли тебѣ? Во всякомъ случаѣ ты долженъ ко мнѣ писать и доброе, и худое, дабы я могъ сообщать Коппу; ибо мое твердое мнѣніе состоитъ въ томъ, что тебѣ должно теперь держаться Коппа, и одного Коппа, и слѣдовать его предписанію до тѣхъ поръ, пока зима не пройдетъ и весна не выпуститъ тебя изъ Парижа въ Карлсбадъ. Напиши же поскорѣе о себѣ. Твое молчаніе тѣмъ болѣе тревожно, что ты хотѣлъ написать къ рожденію Сашки моей [1]); на эти дѣла ты не забывчивъ, слѣдовательно есть особенная причина твоего молчанія. Дай Богъ, чтобы только не худая.

О себѣ мнѣ писать тебѣ совершенно нечего. Идетъ время, какъ заведенные часы. Живу между женою, дочерью и Гомеромъ. Прибавь къ нимъ Гоголя, который гнѣздится теперь въ томъ гнѣздѣ, въ которомъ ты гнѣздился. А чтó онъ пишетъ, еще не знаю; не читалъ ни-

---

[5]) Вѣроятно книгопродавецъ.

[6]) Имя переводчика Одиссеи написано Жуковскимъ невѣрно; слѣдуетъ читать Cowper. Его переводъ Одиссеи вышелъ въ 1843 году.

[7]) Кажется, это одна изъ дочерей С. Н. Глинки. П. Б.

[8]) Генеральный консулъ въ Любекѣ Карлъ Августовичъ Шлёцеръ.

*

[1]) А. В. Жуковской, нынѣ баронессы Вёрманъ.

чего, но пишетъ [2]). Я же подвигаюсь къ концу XI пѣсни [3]). Нашелъ здѣсь двухъ Русскихъ переписчиковъ; одинъ принадлежитъ къ департаменту нашего священника, живущаго теперь съ причетомъ въ Висбаденѣ; а другой замѣчательное лицо потому, что онъ свергнувшій съ себя цѣпи рабъ: бывшій мальчикъ Блока [4]), отъ него бѣжавшій и теперь безпріютный. Хочетъ учиться ремеслу; пока живетъ во Франкфуртѣ на порукѣ принца Виртембергскаго.—Изъ Русскихъ здѣсь теперь никого, кромѣ князя Суворова [5]), который здѣсь на зиму поселился съ женою, которая должна родить въ Генварѣ. Всѣ прочіе разъѣхались. И все семейство Убриля [6]), и самъ онъ въ Петербургѣ. Изъ Петербурга нѣтъ ко мнѣ писемъ. Нѣтъ ли тебѣ извѣстій объ Императрицѣ, о которой газеты разглашаютъ тревожныя вѣсти [7])? Спроси у Вьельгорскихъ; надѣюсь, что они тебя часто видятъ. Съ ними будетъ тебѣ отрадно. Состояніе моей жены, слава Богу, теперь хорошо; критическій седьмой мѣсяцъ миновался, но онъ было мнѣ надѣлалъ тревоги. Жена долго должна была наблюдать горизонтальное положеніе или въ постели, или на диванѣ. Теперь, кажется, все пришло въ порядокъ. Благослови Богъ рѣшительную минуту. Земное счастіе живетъ только въ семействѣ—это правда; но я часто вспоминаю Карамзина; онъ, счастливый мужъ и отецъ, никому не совѣтовалъ брать на себя крестъ семейной жизни. Въ минуты тревогъ, какихъ ни въ какомъ другомъ состояніи не бываетъ, я бываю готовъ съ нимъ согласиться. Но успокоиваю себя мыслію, что эти тревоги нужны душѣ, и нужнѣе, можетъ быть, самыхъ радостей. Отъ нихъ со всѣми муками родинъ рождается вѣра, умиряющая душу. Моя вѣра далека еще отъ этого мира, и дойдетъ ли она до него въ этой жизни, не знаю; я имѣю одно только убѣжденіе, что нѣтъ ничего выше вѣры, что мы здѣсь для вѣры и не для чего инаго, что она все и въ ней все. Но

---

[2]) Гоголь уѣхалъ изъ Франкфурта 31 Декабря 1844 года (см. письмо Жуковскаго къ Н. Н. Шереметевой, отъ 11 (23) Января 1845 года, въ Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 505).

[3]) XI пѣснь Одиссеи Жуковскій кончилъ 26 Ноября 1844 года.

[4]) Тайнаго совѣтника Александра Ивановича Блока († 1847), управлявшаго собственною Е. И. В. конторою и Аничковскимъ дворцомъ.

[5]) Князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ-Рымникскій (р. 1804 † 1882), впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, Эстляндскій, Лифляндскій и Курляндскій, а затѣмъ С. Петербургскій генералъ-губернаторъ и членъ Государственнаго Совѣта, былъ женатъ на Любови Васильевнѣ Ярцовой. 31 Декабря 1844 у нихъ родилась дочь (см. „Русск. Архивъ“ 1883, книга вторая, стр. CVIII), княжна Александра Александровна, вышедшая потомъ за мужъ за С. В. Козлова.

[6]) См. выше, прим. 1-е къ письму CLXXXVII.

[7]) Императрица Александра Өеодоровна уѣхала осенью 1844 года въ Италію.

*

20*

это только убѣжденіе; когда же оно обратится въ жизнь и размягчитъ камень сердца? Хорошо, кому данъ такой земной товарищъ, какого послалъ мнѣ Богъ въ моей женѣ. Но поздно я съ нимъ встрѣтился, и надолго ли онъ мнѣ достался?—Отвѣчай. Обнимаю тебя.—«Sel lib», говоритъ Сашка. Я спрашиваю: «Wen lieb?»—«Touguenep lib».

Записочки безъ числа.

CXC [1]).

Братъ, прошу тебя отдать эту шубу Блудову, которому скажи отъ меня, что я люблю его по прежнему. Благодарю его за доставленныя мнѣ книги. Скажи ему также, что я исправно плачу Томашевскому [2]) опредѣленные имъ сто рублей. О себѣ нечего сказать хорошаго: часъ отъ часу болѣе ссорюсь съ жизнію. Сообщаю тебѣ извѣстіе, которое для тебя также горестно будетъ, какъ и для меня: Катерины Михайловны нѣтъ на свѣтѣ [3]). Веселись, братъ; нашъ кругъ часъ отъ часу уменьшается. Многихъ ужъ нѣтъ; а тѣ, которые остались, живутъ розно и не радуются жизнію. По крайней мѣрѣ я давно разучился ею радоваться. Чтò изъ этого выйдетъ, не знаю; но смерть всего лучше.

CXCI.

Я здѣсь [1]). Пробуду и завтра. Когда намъ у васъ [2]) обѣдать? Нынче или завтра? Дай знать Блудову и увѣдомь Дашкова [3]). Ж.

---

[1]) Подъ №№ CXC—CXCVII помѣщены тѣ письма и записочки Жуковскаго къ Тургеневу, которыя не могли быть точно пріурочены къ опредѣленному времени. Настоящее письмо (№ CXC) писано почеркомъ Жуковскаго раннихъ лѣтъ.

[2]) Вѣроятно тотъ же Томашевскій, о которомъ упоминается въ письмахъ Жуковскаго къ Тургеневу 1807 года (см. выше, стр. 38 и 43).

[3]) Соковниной. О ней см. выше, примѣч. 4-е къ письму XVII. Къ сожалѣнію, годъ смерти Е. М. Соковниной мнѣ неизвѣстенъ.

*

[1]) Т. е. въ Петербургѣ. Вѣроятно, Жуковскій пріѣхалъ изъ Дерпта, или изъ Царскаго Села.

[2]) Т. е. у Александра и у Николая Ивановичей Тургеневыхъ. Н. И. Тургеневъ уѣхалъ за границу въ Апрѣлѣ 1824 года.

[3]) Записка могла быть писана между 1815 и 1824 годами.

*

CXCII.

Это очень хорошая идея; напиши къ Евгенію [1]). Я скажу объ этомъ В(еликой) Княгинѣ [2]). Посылаю письмо Журавля [3]). Отдай его самъ Козлову. У насъ идетъ хорошо. Былъ у меня длинной и весьма порядочной разговоръ.

CXCIII.

Нѣкоторыя выраженія о себѣ перемѣню по твоимъ совѣтамъ; но обо *всемъ*, кажется, надобно сказать: ибо Государь [1]) можетъ видѣть въ тебѣ вмѣсто того, чтò ты есть для меня, какого-то compère. Прости. Обнимаю тебя за твою записку. Иду къ В(еликой) К(нягинѣ) [2]) но еще не отдамъ ей ничего; ибо Государя теперь здѣсь нѣтъ [3]).

CXCIV.

Чтó же ты не присылаешь мнѣ деньги, моя радость? Чтó же ты не присылаешь мнѣ перевода моихъ стиховъ? Чтó же нѣтъ у меня Манфреда? Возьми его (если его отдалъ) у Козлова, также и Мазепу, и доставь [1]).—Обнимаю тебя за списокъ съ твоего письма обо мнѣ Вяземскому. Оно мнѣ подняло душу. Отъ времени до времени не худо зажигать такіе фонари на моей улицѣ. Глядя на нихъ, душа свѣтлѣетъ. Это поэзія! Тутъ и цѣль, и награда жизни! Мы вѣдь двадцать лѣтъ живемъ вмѣстѣ.

Отвѣчай и все доставь черезъ Перовскаго. Нельзя ли мнѣ прислать всего Байрона своего на время?

Адресъ: Тургеневу. Поскорѣе.

CXCV.

Не забудь о концертѣ. Пріѣзжай къ Яковлевой въ половинѣ седьмаго. Намъ надобно поранѣе пріѣхать въ концертъ, чтобы занять мѣсто. Возьми билеты. Ж.

---

1) Евгенію Болховитинову? Онъ съ 1816 по 1822 годъ былъ архіепископомъ Псковскимъ, а съ 1822 митрополитомъ Кіевскимъ и живалъ въ Петербургѣ.

2) Александрѣ Θеодоровнѣ. Слѣдовательно, письмо писано послѣ 1 Іюня 1817 года и до средины 1826 года, когда Тургеневъ уѣхалъ въ заграничное путешествіе.

3) Ф. Ф. Вигеля, носившаго въ „Арзамасѣ" прозвище „Ивиковъ Журавль".

*

1) Александръ Павловичъ.

2) Александрѣ Θеодоровнѣ.

3) И это письмо относится ко времени между 1 Іюля 1817 и серединою 1826 года.

*

1) Манфредъ и Мазепа—сочиненія Байрона.

*

CXCVI.

Приходи въ десять часовъ. Можемъ вмѣстѣ отобѣдать и потомъ чаю напиться у Козлова, отъ котораго я и поѣду обратно въ Петергофъ. Ж.

CXCVII [1]).

26 Марта (183.? г., Петербургъ).

Мои [2]) отправились вчера 25 числа въ одиннадцать часовъ утра съ дилижансомъ, коего хозяинъ *Салатниковъ* и проводникъ *Ротовъ*. Меня за нихъ страхъ беретъ, и до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не буду знать, что онѣ въ Москвѣ. Прошу тебя тотчасъ по полученіи этого письма отправиться въ контору сего дилижанса и велѣть тамъ, чтобы тебѣ дали знать немедленно о ихъ пріѣздѣ. Увѣдомь меня тотчасъ, какъ ихъ найдешь. Если уже дороги испортятся для дальнѣйшей поѣздки, удержи ихъ въ Москвѣ. Настой на этомъ моимъ именемъ. Меня мучитъ мысль, зачѣмъ я не удержалъ ихъ въ Петербургѣ, и до тѣхъ поръ не буду покоенъ, пока не получу хорошихъ вѣстей объ ихъ прибытіи на мѣсто. Прошу тебя, тотчасъ напиши. Жуковскій.

Адресъ: **Александру Ивановичу Тургеневу. Доставить немедленно.**

---

[1]) Это письмо писано на бумагѣ, выдѣланной на придворной писчебумажной фабрикѣ съ вытисненнымъ вензелемъ Императора Николая I. Слѣдовательно, письмо писано послѣ 1825 года. Быть можетъ, оно писано въ Мартѣ 1832 года, когда Тургеневъ былъ въ Москвѣ, а Жуковскій въ Петербургѣ. Къ 1826—1831 гг. оно относиться не можетъ, такъ какъ за эти годы не случалось, чтобы въ Мартѣ Жуковскій былъ въ Петербургѣ, а Тургеневъ въ Москвѣ.

[2]) Вѣроятно, Екатерина Аѳанасьевна Протасова съ внучками, дочерьми покойной А. А. Воейковой.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

ВЪ ПИСЬМАХЪ В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896 года.

„Русскій Архивъ“ въ 1896 году вступаетъ въ 34-й годъ изданія. Цѣлое поколѣніе народилось и выросло съ тѣхъ поръ какъ возникъ нашъ повременный историческій сборникъ, и людей, получавшихъ его въ 1863 году, насчитывается уже немного. Скромный трудъ нашъ не измѣнилъ своего направленія: разработывая и по возможности освѣщая протекшее, онъ въ тоже время посвященъ будущему, ибо сберегаетъ отъ забвенія и закрѣпляетъ печатью черты исторіи и быта Русскихъ людей, во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ.

„Русскій Архивъ“ въ 1896 г., будетъ издаваться **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1896 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Подписчики «Русскаго Архива» на 1896-й годъ благоволятъ означать, какую именно изъ книгъ «Архива Князя Воронцова» желаютъ они получить безплатнымъ приложеніемъ. Содержаніе этихъ книгъ напечатано на внутренней сторонѣ обертки сего выпуска.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 4 часовъ дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.